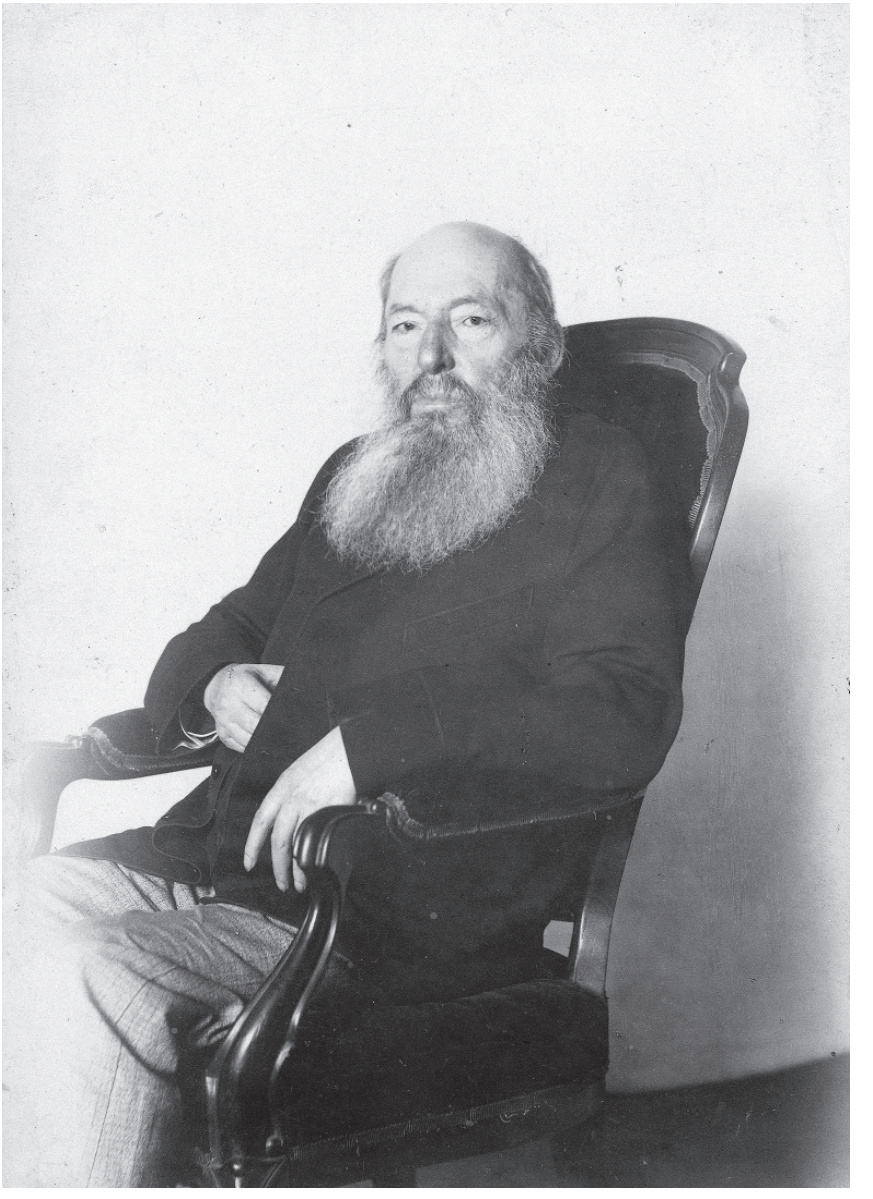


А. А. Фет.
Фотография Р. Ф. Бродовского. Москва, около 1891 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К 200-летию со дня рождения поэта
(1820—2020)

Росток

С.-Петербург
2021

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), не подлежит продаже
Издательский проект 20-112-00245

Редакционная коллегия:
Н. П. Генералова, И. А. Кузьмина, В. А. Лукина

Ответственные редакторы:
Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Рецензенты:
Т. М. Вахитова, В. И. Щербаков

А. А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820—2020). IV / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2021. — 672 с.

Приуроченный к 200-летнему юбилею А. Фета сборник «А. А. Фет: Материалы и исследования» содержит ряд статей, рассматривающих жанровые, текстологические, биографические проблемы как поэзии, так и прозы Фета. Составители сборника вводят в научный оборот большое количество многообразных документов — от неизвестных ранее писем Фета и его корреспондентов (И. П. Борисова, П. М. Третьякова, М. Н. Харузина, С. А. Петровского) до помет А. Блока на сохранившемся в его библиотеке переводе «Фауста» Гёте. На страницах коллективного труда Фет представлен как поэт, переводчик, публицист, редактор, мемуарист, фермер, в кругу родных и близких, в среде однополчан в годы армейской службы. Особую ценность представляет научное описание одной из рабочих тетрадей поэта. Сборник богато иллюстрирован и снабжен указателями. Сборник предназначен для историков русской литературы XIX в. и широкого круга читателей — учителей, студентов, преподавателей высшей школы и всех интересующихся русской культурой.

Compiled to commemorate A. Fet's bicentenary, the volume «A. A. Fet: Documents and Studies» includes a number of articles that focus on the problems of genre, textual studies and biography, pertaining both to Fet's poetic and prosaic works. The contributors introduce for scientific use a great deal of various documents — from previously unknown Fet's letters and those of his correspondents (including I. P. Borisov, P. M. Tretyakov, M. N. Kharuzin, and S. A. Petrovsky) to A. Block's marginalia on the pages of the first edition of Goethe's «Faust» in Fet's translation that is found in his library. The volume represents Fet as a poet, translator, publicist, editor, author of memoirs and a farmer, in his family circle and in the circle of his companions of arms during the years of his military service. Of great importance is the scientific description of one of the poet's remaining workbooks. The volume is richly illustrated and supplied with various indices. The book is intended for specialists in the XIXth century Russian literature as well as for a broad audience of secondary and high school teachers, students, researchers, and those interested in Russian culture.

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3

ISBN 978-5-94668-320-3

© Коллектив авторов, 2021
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2021
© ООО «Издательство „Росток“», 2021

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателю юбилейный Фетовский сборник, приуроченный к празднованию 200-летия со дня рождения великого русского лирика, имеет уже свою историю и может отметить собственную годовщину, поскольку исполнилось ровно десять лет с тех пор, как вышел в свет первый выпуск этого серийного издания.

Задуманный как сборник-спутник выходящего ныне Собрания сочинений и писем А. А. Фета в двадцати томах, он с первого номера был призван дополнить издание материалами, которые в той или иной мере оставались за пределами выходящих томов или включались в преамбулы и комментарии лишь частично. Вместе с тем, будучи накрепко привязанным к Собранию сочинений и писем, сборник со временем обретал не только новые материалы, но и новые рубрики, что диктовалось конкретными обстоятельствами. Так, помимо традиционных разделов «Статьи», «Сообщения», «Публикации», «Обзоры», с третьего выпуска появился раздел «Дополнения и уточнения к собранию сочинений и писем Фета в 20 томах», дающий возможность в процессе издания внести необходимые поправки и дополнения к уже опубликованным текстам.

Рубрика «Из истории отечественного фетоведения» призвана восстановить этапы освоения наследия поэта как в дореволюционный период, так и в советские годы. Отчасти к ней примыкает раздел «Pro memoria», в нем редколлегия отдает дань уважения ушедшим ученым, чей вклад в науку о Фете оказался весомым и не теряющим своего значения. В настоящем выпуске публикуется некролог главного редактора Собрания сочинений и писем Вячеслава Анатольевича Кошелева, чья преждевременная кончина внесла ноту глубокой скорби в юбилейные торжества.

Основная цель Фетовских сборников осталась, однако, постоянной и незыблемой. Прежде всего это обнародование новых материалов в разделе «Публикации», который заметно перевешивает другие разделы. Здесь на первом месте стоят значительные по объему и чрезвычайно важные по содержанию блоки переписки Фета с выдающимися деятелями русской культуры и лицами из ближайшего окружения поэта — А. Н. Майковым, В. С. Соловьевым, Д. В. Григоровичем, Н. П. Семеновым, А. А. Краевским и др. Письма Фета к невесте Марии Петровне Боткиной, впервые опубликованные в одном из выпусков сборника, существенно корректируют представления о подлинных чувствах поэта к женщине, которая стала верной спутницей его жизни до конца дней.

Важное значение в этом ряду имеет большой по объему блок писем к Фету его ближайшего друга и родственника Ивана Петровича Борисова, занимавшего особое место в жизни поэта с ранних лет. Тщательно подготовленный и всесторонне прокомментированный И. А. Кузьминой, этот

блок впервые напечатан полностью в четырех выпусках «Материалов и исследований». Не являясь литератором, И. П. Борисов был близким другом не только Фета, но и Тургенева, братьев Л. Н. и Н. Н. Толстых, а также многих других ключевых фигур эпохи. Все эти документы существенно расширяют историко-литературный контекст времени, в котором жил и творил Фет, уточняют многие факты его житейской и творческой биографии, создавая предпосылки для создания в будущем Летописи его жизни и творчества и полноценной научной биографии.

В предлагаемом сборнике продолжается описание так называемой первой рабочей тетради Фета, подготовленное В. А. Лукиной. Значение подобного рода исследований трудно переоценить, поскольку тщательное изучение рабочих тетрадей дает возможность скорректировать многие устоявшиеся представления, пересмотреть датировки, уточнить текстологические особенности входящих в их состав произведений.

Большая часть авторов сборника представляет коллектив многолетних участников выходящего Собрания сочинений и писем, их статьи и публикации затрагивают самые разнообразные темы — от проблем поэтики до уточнения отдельных деталей биографии, но в конечном счете все они обращены к изучению богатейшего наследия поэта, переводчика, публициста, наконец, яркого и оригинального мыслителя.

В настоящий выпуск вошли первые отклики на прошедшую 16 и 17 ноября 2020 года в Пушкинском Доме юбилейную конференцию, собравшую значительную аудиторию и вызвавшую широкий резонанс в соцсетях. Более полное представление об этом событии можно получить из сборника «Материалы Международной научной конференции „Стихи имеют свои права...“» (СПб., 2020). Значительный интерес вызвала подготовленная сотрудниками Пушкинского Дома юбилейная выставка, сделавшая доступной богатейшую коллекцию фетовских материалов, хранящихся в Литературном музее, Рукописном отделе и Библиотеке ИРЛИ РАН. Представляя краткую экскурсию по выставке, редколлегия намерена в ближайшем выпуске опубликовать полное описание экспонировавшихся на ней материалов.

Большое культурное значение имел состоявшийся в Пушкинском Доме юбилейный концерт, в котором впервые прозвучали новые романсы на стихи Фета петербургского композитора А. Захарова. Пять из них мы включили в настоящий сборник.

Нельзя не упомянуть о том, что к сборнику в определенном смысле примыкает специальный выпуск журнала «Русская словесность» (2020. № 2), подготовленный Группой по изданию Собрания сочинений и писем Фета, а на выходе стоит очередной (шестой) том этого издания — «Ранние годы моей жизни», открывающий трехтомные мемуары поэта, написанные в последние годы жизни. Текстологически выверенные, снабженные комментариями и указателями, они, без сомнения, откроют новые пути к постижению тайны великого поэта.

СТАТЬИ

В. А. Кошелев

«Я ПЛАЧУ СЛАДОСТНО...»: Об элегиях Фета

«Элегия есть поэтическое, большей частию описательное изображение различных чувствований, приятных вместе и неприятных, но всегда в существе своем тихих и умеренных».[1] Это «московское» истолкование лирического жанра элегии Фет уяснил еще в университетские времена — и остался верен ему в своей поэтической практике.

В начальную эпоху поэтического развития Фета элегия воспринималась двойственно. С одной стороны, она традиционно считалась ведущим жанром лирики: разделы под названием «Элегии» открывали образцовые стихотворные сборники К. Н. Батюшкова («Опыты в стихах», 1817) и А. С. Пушкина («Стихотворения», 1826). С другой стороны, в послепушкинскую эпоху элегия уже поднадоела. В 1850 году критик «Москвитянина» (Л. А. Мей?), разбирая сборник Фета, заметил: «Всякому известно, как нынче не любят элегий». В связи с этим «большой заслугой» автора названо то, что он умеет «писать такие элегии, которые бы читались от первой строчки до последней».[2]

В «Стихотворениях» Фета 1850 года раздел элегий — девятый по счету и расположен ближе к концу книги. Тургенев, «перекраивая» этот сборник для нового издания и предвкушая успех у «прекрасного пола», вынул раздел «Элегии» из середины и поместил его на первое место. А поскольку сборник 1856 года действительно имел большой читательский успех, то восприятие Фета для читателей 60-х годов началось с его элегий:

---

[1] *Мерзляков А. Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822 (на обложке: 1823). С. 170.

[2] Москвитянин. 1850. № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4: Критика и библиография. С. 45.

© В. А. Кошелев, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-5-16

О, долго буду я в молчаньи ночи тайной
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайной,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять, и снова призывать...[3]

И так далее.

М. Е. Салтыков-Щедрин, автор знаменитого «разноса», устроенного им Фету в 1863 году, начал рассуждение с того, что привел это, первое его стихотворение — и представил его как образец «лирического прекраснодушия»: «Видно, что душа поэта, несмотря на кажущуюся мятежность чувств, ее волнующих, все-таки безмятежна; видно, что поэта волнуют только подробности, вроде „коварного лепета“, но что жизнь, в общем ее строе, кажется ему созданною для наслаждения и что он действительно наслаждается ею».[4]

В данном случае Щедрин по-своему переосмысливал известные высказывания фетовских «хвалителей» из кружка «Современника» 1850-х годов — тех, которые приобрели славу критиков «чистого искусства», представителей «эстетической критики». А. В. Дружинин приводил эту же элегию целиком и отмечал, что «под стихотворением, которым начинается книжка», можно было бы поставить «имя Пушкина».[5] Ему вторил В. П. Боткин: в элегии «в сосредоточенных, ярких, определенных и вместе воздушных чертах выразилось одно из самых сложных и неуловимых сердечных ощущений <...>».[6] При этом, правда, и Дружинин, и Боткин не забыли указать и на оборотную сторону — мир элегий поэта скуден: в них «находит себе отзыв одна только любовь, и то большею частию в виде чувственного ощущения».[7]

Казалось бы, фетовские элегии давали к тому основание. Одиннадцать текстов, написанных «классическими размерами» (все, кроме одной, — или александрийский стих, или гекзаметр) и варьирующих не то что «одну тему» — один-единственный сюжет, связанный с любовным свиданием наивного юноши, боготворящего любимую и ищущего слов для этого «боготворения»... Между тем русская культура приближалась уже к временам, в которые признавалось «стыдным» воспевать подобные предметы:

Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря

[3] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 117.

[4] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. С. 59.

[5] *Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1987. С. 148—149.

[6] *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 218.

[7] Там же. С. 219.

И ласку милой воспевать...[8]
(Н. А. Некрасов. «Поэт и Гражданин», 1856)

Оно, может быть, и «стыдно» — да что делать? «Мелкое» — по меркам «эпохи реформ» — содержание фетовских стихотворений все равно предпочитало оставаться «мелким». И даже, подчас, гордилось этой «мелкостью»: немногочисленные художественные манифесты Фета демонстрируют его исключительную позицию, которая, кажется, резко отделяет его от поэтов всех времен. Эта позиция ориентирована не столько на противостояние традициям «скорбной» и «общественной» лирики второй половины XIX века (что было бы понятно в русле принятого в науке разделения «чистого искусства» и «гражданской поэзии»), сколько на собственную «бытийную» неповторимость и независимость от каких бы то ни было традиций.

Ярчайший из манифестов такого рода — Предисловие к третьему выпуску «Вечерних огней» (1888), в котором представленные post factum суждения ориентированы на все его поэтическое творчество. Уже первые фразы Предисловия — смущают:

«Появление от времени до времени за последние годы небольших сборников наших стихотворений, вроде находящегося перед глазами читателя, придает всей нашей стихотворной деятельности совершенно нежелательный для нас оттенок. Издали может показаться, что к подобным изданиям побуждает нас преувеличенное понятие о значительности наших стихотворений. Поневоле приходится подвести благосклонного читателя поближе к делу и дать ему возможность убедиться, что такой оттенок не только лишь издали кажущийся, но прямо противоположный действительному».[9]

Заявление кажется парадоксальным: поэт как будто недоволен тем, что его стихи, написанные на старости лет, еще кто-то читает, что к его художнической деятельности публика еще испытывает интерес. И как будто досадливо отмахивается: отстаньте от меня. И прямо предупреждает: полноте, не такой уж я «значительный» поэт... При этом Фет не рисуется и не «куражится» — он разъясняет характер и истоки собственной «домашней» поэзии. Далекий от модной «гражданской скорби» в лирике, он вовсе не является ее противником. Он, вместе с людьми своего времени, прекрасно ощущает и «неизбежную тягость будничной жизни», и те «периодические веяния нелепостей, которые действительно способны исполнить всякого практического деятеля гражданскою скорбью». Но «поэтически» представить эту «скорбь»

[8] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 8.
[9] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 193.

источником лирического вдохновения для себя — поэт решительно не способен («...эта скорбь никогда не могла вдохновить нас»).

Эта общая посылка, характерная не только для Фета, оказывается у него осложнена специфическими мотивами. «Чистый и свободный воздух поэзии» представляется поэту той особенной «возбудительной атмосферой», в которой «нельзя постоянно жить» — можно разве погружаться «по временам», да и то «на мгновение». А «навязчиво призывать в нее всех и каждого и неблагоразумно, и смешно». Здесь Фет подчеркивает, что сам он никогда и не заботился «о подобном призыве» и дорожил лишь мнением «знатоков дела».[10]

Наконец, он констатирует, что подобное положение поэта рождает устойчивый парадокс: «С легкой руки правительственных реформ, внезапно выступивших, подобно Минерве, во всеоружии, всё закипело духом оппозиции (чему?) и запоздалою гражданскою скорбию. Так как скорбели люди, не имевшие *никакого понятия о практической жизни*, то и самый скорбный недуг поневоле сосредоточился на языке. / Быть писателем, хотя бы и лирическим поэтом, по понятию этих людей, значило быть скорбным поэтом. Так как в сущности люди эти *ничего не понимали в деле поэзии*, то останавливались только на одной видимой стороне дела: именно на его непосредственной бесполезности. Понятно, до какой степени им казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбны отсутствием гражданской скорби».[11]

Заявленная Фетом антиномия — тоже, в сущности, парадокс. В отличие от идеологов «гражданской скорби», он кое-что понимает не только «в деле поэзии», но и в «практической жизни» — и именно *вследствие* этого «понимания» представляет откровенно «бесскорбную» поэтическую позицию. Более того: не ограничиваясь «видимой стороной дела», он не может довольствоваться и констатацией «бесполезности» поэзии. Напротив, ему, житейски опытному практику, кажется совершенно бесполезной, например, «скорбная муза» Некрасова, весь «скорбный недуг» которой «сосредоточился на языке» — не более того! Истинная же *польза* поэзии выступает как vice versa неприятия «гражданской скорби»: «Мы, если припомните, постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяких житейских скорбей, в том числе и гражданских. Откуда же могли мы взять этой скорби там, куда мы старались от нее уйти? Не все ли это равно, что обратиться к человеку, вынырнувшему из глубины реки, куда он бросился,

[10] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 193—194.

[11] Там же. С. 194. Курсив мой. — *В. К.*

чтобы потушить загоревшееся на нем платье, с требованием: „Давай огня!“».[12]

Именно «чистая поэзия» оказывается в представлении Фета самым *практическим* деянием. Она «спасительна» в самом точном и глубоком смысле этого слова: погружение в нее ограждает от красивой, но неумной «скорби», которая возникает как оппозиция неумным «реформам». В соответствии с этой изначальной установкой, не без гордости подчеркивает Фет, он и подвергся «комическому остракизму» со стороны тех людей, которые «не понимают дела»: «Слова ненависти, в течение стольких лет раздававшиеся вокруг наших стихов, и не снятый с них и поныне остракизм были бы понятны, если бы среди единогласного тенденциозного хора они, подобно стихам Тютчева и гр. Алексея Толстого, звучали порицанием господствующего направления; но ничего подобного в них не было, и они подверглись гонению, очевидно, *только за чистоту своего служения*».[13]

Это отграничение собственной художнической позиции от явных (и симпатичных Фету!) соратников тоже показательно. Среди традиционно выделяемой группы поэтов «чистого искусства» (в которую обыкновенно включаются еще, например, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Н. Ф. Щербина, Л. А. Мей, А. М. Жемчужников, К. К. Случевский и ряд других поэтов) Фет — единственный, кто не написал *ни одного* «тенденциозного» или собственно «гражданского» стихотворения. Единичные исключения в его наследии — интимные послания великим князьям или столь же интимный отклик на события 1 марта 1881 года — только подчеркивают «правило»: *в поэтическом творчестве Фет никогда не демонстрировал своей гражданской позиции*. Его «самоистолкование» — показатель обособленности фигуры Фета в истории русской поэзии, которая не представила другого столь же последовательно, принципиально и концептуально «чистого» поэта.

В лирике XVIII столетия подобная позиция «полезной бесполезности» была, по существу, немыслима: само осознание «бесполезности» лишало поэзию какого бы то ни было значения в культуре рационализма и просветительства. В творчестве поэтов пушкинской плеяды также нелегко отыскать поэта, видевшего особенную пользу от своего творчества в «чистоте своего служения» и принципиально следовавшего именно этой «чистоте». Эпоха 1860-х годов выдвинула то убеждение, о котором Фет в указанном выше Предисловии отозвался с насмешливым неприятием — и от которого отталкивался. Знаменитые писаревские рацеи вроде: «...кому охота вооружаться терпеньем и ми-

[12] Там же. С. 194—195.

[13] Там же. С. 195. Курсив мой. — *В. К.*

кроскопом, чтобы через несколько десятков стихотворений следить за тем, каким манером любит свою возлюбленную г. Фет <...>»[14] — вполне соответствовали культурологическим устремлениям эпохи.

Более того. Для того же Писарева, и не для него одного, оказывалась совершенно противоестественной именно «практическая изнанка» того «нежного поэта», который *одновременно* «поет тоненькою фистулою о душистых локонах» — и «жалуется печатно на работника Семена».[15] Если в представлении самого Фета «чистая поэзия» рождалась как следствие «практической жизни» — то Писареву, «реалистам» и другим его современникам такие представления могли казаться только абсурдом.

Заметим к слову, что и позднее подобная творческая позиция не повторилась, кажется, *ни в чьей поэтической практике*. Если рассматривать русскую поэзию на ее «классическом» уровне, то Фет предстает в ней абсолютным исключением...

Та «чистая» элегия, которая открывала сборник 1856 года, была впервые опубликована в журнале «Отечественные записки» (в последнем номере за 1844 год), где редакционную политику определял ведущий критик журнала В. Г. Белинский. Со школы известно то определение, которое Белинский дал лирическому жанру элегии (в статье «Разделение поэзии на роды и виды», 1841): «*песня грустного содержания*».[16] Это определение соотносило элегию с *песней* (ср. в той же статье Белинского: «...*элегия-песня* сделалась исключительным родом лирической поэзии <...>»[17]) и выделяло ее определяющую «содержательную» стихию — *грусть*. Современное определение элегии (данное М. Л. Гаспаровым) исходит из тех же посылок: «*Элегия* (греч. elegéia от élegos — жалобная песня), лирический жанр, стихотворение средней длины, медитативного или эмоционального содержания (обычно печального), чаще всего — от первого лица, без отчетливой композиции».[18]

Но «казовая» элегия Фета — нисколько не «песенная», а, напротив, «говорная», уже самим ритмом своим передающая суетливое волнение влюбленного юноши. И — совсем не «грустная»: элегическая стихия Фета — далека от грусти; сквозной темой ее и своеобразным знаком становится лозунг: «О друг! как счастлив я, как счастлив я вполне! / Как жить мне хочется до нового свиданья!».[19] И даже если лири-

[14] *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2001. Т. 3. С. 232.
[15] Там же. Т. 6. С. 311.
[16] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 50. Курсив мой. — *В. К.*
[17] Там же. С. 52. Курсив мой. — *В. К.*
[18] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 508.
[19] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 118.

ческий герой его медитативного раздумья плачет — то это особенный плач:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.[20]

Начало элегии прямо отсылает к ветхозаветной легенде о Моисее, законодателе иудаизма и политическом вожде еврейских племен во время «исхода» из Египта в Палестину. Сорок лет вел Моисей евреев по пустыне, одолел многие трудности на этом пути — и привел их до земли обетованной (то есть обещанной Господом для евреев). И будучи очень стар (120 лет от роду), перед смертью получил, наконец, милость от Господа, увидел ту землю, в которую ему не суждено войти: «Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень <...>» (Втор. 34: 4—5).

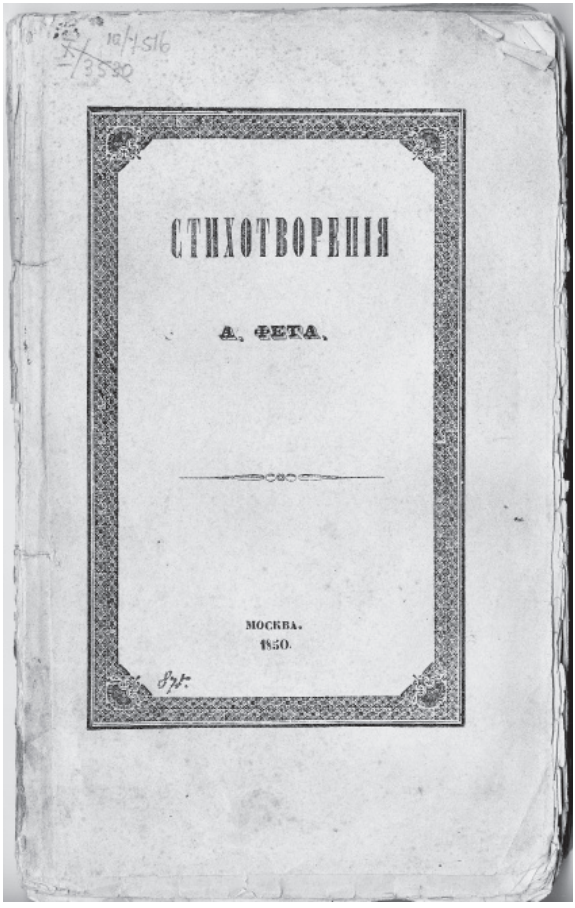
Нигде в Библии не сказано, что Моисей *плакал*. Фет просто представил ощущения «первого иудея» и вообразил этот — особенный — плач, который назвал «*сладостным*». Ибо этот плач означал достижение вековой мечты освободившегося народа — безразлично, преодолел ли сам вождь этот рубеж или скончался на его пороге. Моисей действительно если и «плакал», то только *от радости*...

И лирический герой Фета прежде всего радостен в своем воспоминании о первой любви, которая прошла и оставила чувство светлое и мажорное, до сих пор отдающееся в душе «серебряным и вечным эхом» (кстати сказать, Тургенев, «вычищая» стихи Фета, убрал это «серебряное эхо»). Нигде, ни в одном слове Фет не выражает традиционных «элегических» ощущений: тоски, меланхолии, скорбной задумчивости. Эти ощущения — не для его элегий, которые, напротив, становятся знаменем жизнетворящей любви и молодости.

Поэтому, когда пародисты из враждебного лагеря хотели высмеять «прекраснодушного» Фета, они в пародиях на его элегии попросту придумывали поводы для «элегической тоски» — и осмеивали эту выдуманную ими «тоску», самому Фету глубоко чуждую. Вот некий «Амос Шишкин» (А. П. Сниткин) придумывает свою пародическую элегию «Воспоминание» (1859):

Когда в ночной тиши я вспоминаю вдруг о ней,
Как с ней ложились мы вдвоем на это лоно, —
То плачу я тогда, как плакал иудей,
Влекомый в дальний плен от стен родных Сиона.

[20] Там же. С. 117.



Сборник «Стихотворений» Фета (М., 1850). Обложка

Не жаль мне капитал, который я убил
На шляпы, на цветы, на шелковые платья;
Не жаль мне ничего, что я ей подарил
За жаркий поцелуй, за страстные объятья...[21]
и т. д.

Частый в литературных пародиях прием «снижения» высоких мотивов, выраженных в пародируемом стихотворении, — здесь, что называется, «не работает». Настоящей пародии не получается именно потому, что того мотива *сожаления*, который осмеивает «Амос Шиш-

[21] Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С. 503.

кин», в исходном стихотворении Фета попросту нет. По всем литературным законам должен бы быть, — а нет! Нет и самого мотива элегического «плача», который стал предметом пародии Д. Д. Минаева из цикла «Лирические песни с гражданским отливом» (1863):

Когда меня журнальный асмодей
Преследовал как лирика салона,
Стал плакать я, как плакал иудей,
Лишенный стен родимого Сиона.[22]
и т. д.

Сталкиваясь с элегиями Фета, пародисты, в сущности, обнаруживали лишь собственную поэтическую глухоту — именно потому, что подходили к этим элегиям с традиционными мерками, применяемыми к «песне грустного содержания».

Называя свое произведение элегией, поэт вольно или невольно включается в традицию предшествующего литературного бытования этого жанра.[23] Жанр элегии отмечен поисками Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Боратынского и других поэтов, представивших образцы лирических медитаций о трагически неправедном устройстве человеческой жизни, об извечных пороках бытия и т. п. Переосмысливая эту традицию, Фет уже в сборнике 1850 года представил серию «светлых» элегий, в которых нет ни «унылой и бледной» луны, ни романтических «скал», ни «привидений», ни «тумана». А есть нечто совершенно новое, свежее, радостное — в прежних элегиях непредставимое:

Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж. Царица тайных нег,
Луна зеркальная, над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
<...>
Бегу!.. Там нежная и трепетная та
Несет на поцелуй дрожащие уста,
Чье имя, близ меня помянуто без цели,
Не даст мне до зари забыться на постели...[24]

Аполлон Григорьев, разбирая элегии Фета, откровенно теряется и колеблется в вопросе об определении *места* фетовских созданий:

[22] Там же. С. 509.

[23] См.: *Фризман Л. Г.* Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973; Русская элегия XVIII — начала XX века. Л., 1991.

[24] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 123.

«Разумеется, чувство любви, как мечтательной, так и чувственной, составляет главное содержание элегий г. Фета; в наше время нет ничего труднее, как говорить об этом чувстве, исчерпанном уже нашими современными поэтами во всех возможных и невозможных отношениях и доведенных до крайностей, довольно смешных. В ходу у нас сделалась особенно любовь несчастная, трагическая, с холодной иронией и горечью на устах; но только Лермонтову и Гейне удавалось иногда действительно придавать трагический колорит любви „с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной“. К удовольствию, мы не встречаем у г. Фета трагических исповедей затаенной и непризнанной страсти: одна только элегия посвящена воспоминанию, да и та как-то светла и объективна. В способности подмечать и передавать обыкновенные, но другим неуловимые оттенки чувства и страсти заключается вся сила дарования нашего молодого поэта, и по тому самому все его элегии так хороши, что нельзя указать даже на лучшие из них: каждая прекрасна, потому что каждая проста и истинна <...>».[25]

Последнее замечание критика очень показательно: все одиннадцать текстов из раздела «Элегии» в сборнике 1850 года оказываются внутренне объединены одной, совсем не «элегической» темой любовного свидания восторженного московского юноши. В первой элегии («О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...») представлены ощущения юноши, который еще «предчувствует» ту радость, которую любимая ему доставит, — и мучается этой сладостной мукой. Вторая («Когда мои мечты за гранью прошлых дней...») посвящена уже «прошедшим» свиданиям и отдаленной любви, звучащей в душе «серебряным и вечным эхом».

В третьей элегии («Когда мечтательно я предан тишине...») свидание свершается тут же: как все долго ожидавшееся и «прокрученное» в чувствах, оно выходит неуклюжим и «бессвязным»: «А я бессвязные связать стараюсь речи, / Дыханьем пламенным дыхание ловлю». Но от этой «бессвязности» свидание не перестает быть желанным и приносящим истинное счастье: «Как жить мне хочется до нового свиданья!».

В четвертой («Помедли... люди спят; медлительной царицей...») и пятой («Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...») элегиях дается внешний «антураж» любовных встреч: соответственно, романтический «камень вероломный» и «моря вал огромный» — и тихий домик в саду. Судя по всему, лирическому герою симпатичнее как раз «домашний» антураж.

В шестой элегии («Виноват ли я, что долго месяц...») свидание переносится в «сладостную» Италию и древнюю Грецию — и оказывает-

[25] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. Отд. 5. С. 67.

ся только «мечтательным» свиданием. В седьмой («Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...») возлюбленная представляется лирическому герою этакой Клеопатрой, страстной и беспощадной к влюбленному в нее рабу. В восьмой («Ее не знает свет — она еще ребенок...») — соответственно, девочкой, но уже готовой к истинной любви. Девятая элегия («Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег...») переносит нас в очаровательную, близкую сердцу поэта зимнюю Москву и таким образом намекает на некое «реальное» свидание. Десятая («Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...») — опять вносит аромат юга (Италии или Греции) и вновь вводит вполне «условное» место и время. Наконец, в последней, одиннадцатой элегии («Тебе в молчании я простираю руку...») герой, оставаясь молодым человеком («Мы оба молоды...»), оказывается исполнен любовного опыта и уже не похож на неопытного юношу, какой явился в первой элегии.

Показательно, что внутреннее единение и нечто похожее на сквозной «сюжет» не исчезло и после «переделок» данного раздела. В сборнике 1856 года Тургенев заменил две элегии на новые; в собрании 1863 года число текстов выросло до двадцати — но они только подчеркнули и дополнили то «элегическое» действие, которое было намечено в «Стихотворениях» 1850 года.

Особенную роль начинали играть здесь и «классические» стихотворные размеры. Два текста написаны русским вариантом древнегреческого гекзаметра (шестистопный дактиль с цезурой, рассекающей третью стопу). М. Л. Гаспаров назвал его «разговорным гекзаметром», приближенным к «стихотворной прозе». Чуть раньше Фета Жуковский представил его классические образцы («Ундина», «Наль и Дамаянти»). Фет просто явил себя достойным учеником Жуковского:

> Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
> Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
> Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
> Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.[26]

И александрийский стих (шестистопный ямб с цезурой), «как это ни неожиданно, становится не менее, а более употребителен в эту эпоху, чем в предыдущую».[27] Он становится признанным размером «антологических» стихов, описательной пейзажной лирики — и появляющихся иногда элегий. В эту поэтическую эпоху становится популярным романс — и элегии, писанные александрийским стихом, становятся

[26] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 124.

[27] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 164–166.

основой романсных ритмов. Такова позднейшая элегия Фета «Опять» («Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...», 1877), совершенно естественно превратившаяся в знаменитый романс.

Фет, собственно, в своих элегиях не представил ничего принципиально нового для стихосложения — именно потому, что для той «описательной» стихии, которую он культивировал в этом представлении серии любовных «свиданий», традиционные размеры и ритмы оказались вполне естественны и постоянно провоцировали критику на сопоставление с «образцами». В этом сопоставлении он не ударил лицом в грязь — и выдержал его, став в глазах современников признанным «по гамбургскому счету» поэтом.

В. В. Головин, О. Р. Николаев

КОЛЛИЗИИ ЛЮБОВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ В «КОЛЫБЕЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ»

История русской литературной колыбельной песни насчитывает почти два с половиной века. Четкая очерченность жанровых границ в сочетании с эмоциональной универсальностью и потенциалом поэтической свободы привели к созданию насыщенного и напряженного поля творческих поисков. Русская литературная традиция колыбельной песни в своих более чем 600 значимых примерах — от Шишкова до Бродского — показала уникальные возможности жанра: от дидактических колыбельных — до иронических, гражданских и эпатажных, от адресации ребенку, любимому, самому себе — до адресации усопшему. Но в «движении» жанра особое значение имеет его начало, первые опыты, которые задают особый творческий настрой, темп и векторы развития. Трудно определить, каким по счету в русской традиции колыбельной песни был опыт Афанасия Фета. Начнем по хронологии.

1. 1773 год — «Колыбельная песенка, которую поет Анюта, качая свою куклу» А. С. Шишкова. Подчеркиваемая «детскость» текста маскирует его дидактические установки, на самом деле усиливая их действенность: ребенок, способный воспроизвести, укачивая куклу, идеальный образец поведения, по мысли автора, уже несомненно ему следует. Устойчивый мотив фольклорной колыбельной «все спят и ты спи» получает своеобразное расширение. Однако колыбельная Шишкова — все-таки перевод из «Kleine Kinderbibliothek» И. Г. Кампе, хотя с интересной лексико-грамматической русификацией.

2. 1794 год — «Баюкальная песенка» П. И. Голенищева-Кутузова. В этом стихотворении внутри обрамляющей темы молитвы за ребенка выстроен ряд «классических» наставлений по поводу почитания родителей. В целом это назидательная колыбельная.

© В. В. Головин, О. Р. Николаев, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-17-25

3. 1813 год — «Песня матери над колыбелью сына» В. А. Жуковского. Колыбельная форма, обозначенная рефреном-маркером «Засни, дитя, спи, ангел мой!», оказывается обрамлением сентиментальной повести о несчастной любви и измене, изложенной стихами. Однако стихотворение Жуковского — перевод «Plaintes d'une femme abandonnée par son amant» популярнейшего Арно Беркена (Arnaud Berquin).

4. 1832 год — «Колыбельная песнь» А. И. Одоевского. Стихотворение построено на интонационно-ритмическом и образно-смысловом контрасте двух частей. В первой части, открывающейся маркером («Спи, мой младенец, / Милый мой Атий, / Сладко усни!») и организованной вокруг традиционного мотива призыва ангела-хранителя, легко узнается жанровая модель колыбельной. Во второй части формальные признаки колыбельной отсутствуют. Ангела-хранителя сменяет «другой хранитель, / Твой соименный в небесах!». Его назначение не навевать сон, а в будущем духовно преобразить «возъюневшего» Атия, наделив его своей героической и в то же время, по косвенным намекам, трагической судьбой. Прогностика колыбельной во второй части определяет будущее не просто человека, а гражданина Отечества. Стихотворение посвящено сыну декабриста А. Е. Розена Кондратию, родившемуся 5 сентября 1831 года. «Колыбельная песнь» Одоевского увидела свет только в 1880 году.

5. 1833 год — «Колыбельная песенка» А. В. Тимофеева. Насколько нам известно — единственный опыт колыбельной-баллады в русской традиции. Собственно говоря, традиционный мотив пугания в его функциональной модальности в стихотворении не выявляется, но вследствие того, что «страшная» балладная история перемежается колыбельным маркером-рефреном («Спи, малютка, / Спи, спокойно, / Баю-баиньки-баю!»), создается ощущение его присутствия. Стихотворение вызвало жесточайшую критику В. Г. Белинского: «Конечно, от этих стихов и взрослый заснет спокойно и крепко, тем более младенец; но скажите, бога ради, к какой стати петь над колыбелью невинного существа о таких отвратительных мерзостях?».[1]

6. 1835 год — «Баю-баюшки-баю» А. И. Полежаева. Изменение субъектной организации повествования (с первого лица на третье) ведет к отстранению субъекта колыбельной, что существенно изменяет модель жанра, расширяя его поэтическое пространство. В ситуацию убаюкивания впервые включена сказка. Сюжет стихотворения не завершается засыпанием младенца, за ним следует завуалированная эротическая сцена тайного свидания.

7. 1838 год — «Казачья колыбельная песня» М. Ю. Лермонтова (опубликована в 1840 году). Один из самых известных текстов в рус-

[1] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 79.

ской культуре, во многом определивший традицию жанра. Самый «хрестоматийный» текст русской литературы, породивший сотни переделок и подражаний. Около 40 раз положен на музыку. Источник — «Lullaby of an Infant Chief» В. Скотта.[2]

8. 1843 год — «Колыбельная песня» А. А. Фета; с 1856 года в новой редакции — под заглавием «Колыбельная песня сердцу».[3]

Если учесть, что из семи до-фетовских колыбельных два текста — переводные, а один опубликован значительно позже, получается, что стихотворение Фета — пятый опыт жанра в русской поэзии. Напомним, что первое издание фольклорных колыбельных произошло только в 1838 году — три песни появились в четвертой части «Песен русского народа» И. П. Сахарова.[4] Как видим, начало жанра было необыкновенно «плотным» и каждая колыбельная представляет собой творческий эксперимент в освоении знакомого всем жанра, в поиске литературных вариаций и расширении поэтических границ.

«Колыбельная песня сердцу» открывает одно из самых «экстравагантных» направлений развития жанра — это колыбельные, обращенные к самому себе, то есть к субъекту лирического переживания. В данном случае наблюдается наибольшее отдаление от жанрового архетипа именно в отношении функциональном. Петь колыбельную песню самому себе в реальности невозможно, даже в ситуации самоуспокоения. Здесь мы имеем феномен исключительно поэтического воображения. Как отмечено выше, изначально стихотворение было опубликовано как «Колыбельная песня» и с иной первой строкой «Сердце — незабудка!».[5] Именно с таким названием его оценивал Белинский, отметив в обзоре «Русская литература в 1844 году»: «Но, кроме двух вновь открытых стихотворений Лермонтова: „Пророк“ и „Свидание“ (напечатанных в первый раз во второй книжке „Отечественных записок“), выдалось из ряда других только стихотворение г. Фета „Колыбельная песня“ (1-я книжка „Отечественных записок“)».[6]

Для первого опыта литературной колыбельной, обращенной не к ребенку, понадобилось четкое обозначение адресата в названии стихотворения. Впоследствии традиция уже не нуждалась в такой нарочитой объективации (см., например, «Колыбельную Трескового мыса» И. Бродского). Так как изменение адресата совершалось впервые, то

---

[2] См.: *Головин В. В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку, 2000.

[3] В содержании *Сб1856* и *Сб1863* — «Колыбельная песнь сердцу».

[4] *Сахаров И. П.* Песни русского народа. СПб., 1838. Ч. 4. С. 393—406. Ценз. разрешение: 19 января 1839 г.

[5] См.: *ОЗ*. 1844. № 1. С. 1. В том же виде оно вошло в *Сб1850* (С. 129—130).

[6] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 485.

и связь с архетипом жанра в «Колыбельной песне сердцу» видна предельно ярко. Поэтика стихотворения строится на своеобразном парадоксе. Будучи по многим образно-мотивным признакам колыбельной, обращенной к ребенку, колыбельная при этом имеет другого адресата — сердце как ипостась субъекта переживания. Основной лирический сюжет стихотворения — жизнь сердца, но в тексте при этом ощущается некий бицентризм и создается впечатление «двоения» адресата, следовательно, и образно-смыслового строя стихотворения. Первый стих в редакции 1856 года утверждает метафорическое тождество «сердца» и «ребенка»: «Сердце — ты малютка!». В поэзии Фета «детские» поэтические наименования встречаются довольно часто. Так, во многих стихотворениях любимая, возлюбленная названа малюткой: «Знаю я, что ты, малютка, / Лунной ночью не робка...» (1842); «Нынче ты, моя малютка, / Снилась мне в короне звездной. / <...> Ты сама, моя малютка, / Что за светлое созданье!» («Ах, дитя, к тебе привязан...», 1843).[7] Метафора «сердце — малютка» в подтексте отсылает к образу возлюбленной, мотив ухода которой лежит в основе лирической коллизии этой колыбельной. Точнее будет сказать, что сердце может быть названо «малюткой» только в контексте любовной темы.[8]

Сердце — ты малютка!
Угомон возьми...
Хоть на миг рассудка
Голосу вонми.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, Господь с тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся к ране:
Станет подживать!
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придет,
Сядет молодая,
Песни запоет:

[7] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 53, 171—172.
[8] *Сб1863.* Ч. 1. С. 171—172; ср.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 157—158.

«Посмотри, родное,
На красу мою,
Да усни в покое...
Баюшки-баю!»

Что ж ты повернулось?
Прежней няни жаль!
Знать опять проснулась
Старая печаль?
Знать пуста скамейка,
Даром что пою:
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать,
Колыбельку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко
До скончанья дней.
Перестанешь биться
И навек в раю...
Только будет сниться:
Баюшки-баю!

Интересно, что во втором стихе акцент в смыслообразовании переходит на образ ребенка. Вводится мифологический персонаж фольклорных колыбельных, причем в составе традиционной колыбельной формулы: «Угомон возьми...».[9] Этот стих явно указывает на колыбель-

[9] Например: «Баю, баюшки, баю, / Баю, Сашеньку, баю! / Спи, усни, угомон / Тебя возьми. / Баю, баюшки, баю, / Баю, Сашеньку, баю!» (*Сахаров И. П.* Песни русского народа. Ч. 4. С. 395–396); «Спи, усни, угомон возьми. / Выспишься до света, / Вырастешь большой, / Будешь счастливой: / Будешь в золоте ходить, / Чисто серебро носить» (*Мартынова А. Н.* Детский поэтический фольклор: Антология. СПб., 1997. № 130); «Баю-баюшки-баю! / Баю милую дитю. / Ты спи-усни, / Угомон тебя возьми. / Уж сон да дрема / Ложись к (имя) в голова» (Там же. № 88); «Мой-ет Васенька уснет, / Угомон его возьмет, / Угомон его возьмет, / Глазки ангельски зажмет, / Еще сон-дрема / Навалися на тебя» (Там же. № 177); «Уж

ную, обращенную к ребенку, непосредственно взят из нее. «Сердце» здесь уходит на второй план, при этом приобретая характеристику «неугомонности».[10] Подобное чередование линий «сердца» и «ребенка», вернее их доминантных позиций в образовании поэтических смыслов, разворачивается на протяжении всего текста. В стихотворении есть строки, которые невозможно отнести к адресату-ребенку, они описывают именно и только «жизнь сердца»: «Хоть на миг рассудка / Голосу вонми»; «Не касайся к ране: / Станет подживать!»; «Знать опять проснулась / Старая печаль?»; «Перестанешь биться / И навек в раю...». Многие строки возникают в образно-смысловом поле убаюкивания-усыпления ребенка, при этом отдаленно-метафорически относятся и к сердцу, зачастую это традиционные формулы фольклорной колыбельной: «Угомон возьми...», «Спи, Господь с тобою», «Засыпай, малютка, / Баюшки-баю!». Следует заметить, что в тексте есть строки, которые в одинаковой степени могут быть отнесены как к сердцу, так и к ребенку, правда к первому — в метафорическом смысле, ко второму — в буквальном. При этом атрибутировать их тому или иному субъекту (ребенку или сердцу) можно с равной долей вероятности: «Не тоскуй по няне», «Что ж ты повернулось?», «Станешь подрастать».

Уникальность образно-смысловой структуры стихотворения Фета обусловлена наложением, а вернее синтезом двух жанровых полей: традиционной колыбельной и любовной лирики. Сохранение относительной самостоятельности каждого поля внутри текста (ярче всего проявленной в самостоятельности жанровых субъектов) при условии изысканной и сложной конфигурации их взаимодействия создает неповторимый эффект, которому нет каких-либо близких аналогов в традиции русских литературных колыбельных.

Первая строфа начинается с обращения лирического героя к собственному сердцу. Жанровая форма колыбельной позволяет субъекту лирического переживания совершенно особым образом объективировать свое сердце, дистанцироваться от него. На фоне романтической традиции объективации сердца и его ипостасей (ср., например, со строками К. Н. Батюшкова: «О, память сердца! Ты сильней / Рассудка памяти печальной»)[11] опыт Фета выглядит весьма эффектно, так как жанр колыбельной вследствие своей специфической ритуальности и закры-

---

ты, Ванюшка, спи, / Угомон тебя возьми, / С угомоновной, / С красной девицею. / И ты спи по ночам, / Ты расти по часам» (Там же. № 68).

[10] В редакции 1843 г. метафора «Сердце — незабудка» в большей степени подчеркивала «неугомонность» сердца, неспособного забыть.

[11] *Батюшков К. Н.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 192.

тости наделяет образ «сердца-малютки» экзистенциальностью особой силы.

В первой строфе сразу заявлены три субъектные линии стихотворения. Во-первых, это сердце, адресат стихотворения, наделенное атрибутикой младенчества и обретающее свою «историю», то есть образное воплощение: сердце переживает состояние болезни, его беспокойство и «неугомонность» — это и результат пережитого, и признак его «детскости». Во-вторых, это сам лирический герой, отделивший себя от своего сердца и пытающийся успокоить, «усыпить» его силами рассудка и души («Рад принять душою...»). В-третьих, это ребенок, который пока еще не является прямым адресатом и эксплицитно выраженным образом стихотворения. Тем не менее образ его намечен посредством номинации («малютка») и традиционных колыбельных формул. Кроме того, само обозначение жанра «колыбельная» неизбежно вызывает в представлении ситуацию убаюкивания и усыпления младенца, тем более что у фольклорных и литературных колыбельных до стихотворения Фета и не могло быть другого адресата.

Во второй строфе возникает образ ушедшей няни. Впервые в истории русской поэзии любовная коллизия раскрывается в образно-смысловой структуре колыбельной песни. Няня — необходимый персонаж сценария убаюкивания: она укачивает, убаюкивает, исполняет колыбельную песню. Без нее не могут быть реализованы функции колыбельной. У Фета образ «няни» — метафора возлюбленной. Сердце — это ипостась человека в мире любви. Если сердце — «малютка», то и любить человека — значит «нянчить», убаюкивать сердце. Не беремся утверждать, но, кажется, уподобление возлюбленной няне исключительно в русской поэтической традиции. Согласно установившейся в стихотворении метафорической логике мотив любовной разлуки закономерно воплощается в мотиве ушедшей няни. Лирический сюжет разворачивается в двойном свете: младенец беспокоится без няни («Не тоскуй по няне, / Что ушла гулять»), сердце страдает, утратив любовь («Не касайся к ране»). В контексте любовной коллизии слова «ушла гулять», явно сориентированные на язык общения взрослых с младенцем, скрывают достаточно широкий спектр метафорических значений: от измены, ухода до смерти возлюбленной. Интересно, что роль ушедшей «гулять» няни приходится играть самому лирическому герою — теперь ему предстоит успокаивать свое сердце.

С появлением образа няни все три субъектные линии стихотворения оказываются актуализированы. В одном и том же фрагменте текста (третья и четвертая строфы) одновременно разворачиваются три «биографии», три «истории»: лирического героя, его сердца, ребенка.

Коллизию можно представить в виде нескольких редуцированных «диалогов», соединенных посредством наложения. Первый — как бы с ребенком. Ему предлагают новую няню, а он беспокоится и не спит, жалея старую, которую не может забыть (ср. первоначальную редакцию: «Сердце — незабудка!»). Кстати, внутри этого диалога воспроизведен еще один — новой няни с младенцем. Второй диалог — с сердцем, которому обещают новую любовь. Сердце ее отвергает. Реакции и сердца, и ребенка совпадают в словесном выражении: «Что ж ты повернулось? / Прежней няни жаль!». Третий — диалог лирического героя с самим собой, в котором обнаруживается его опустошенность, невозможность как возврата возлюбленной, так и новой любви («Знать пуста скамейка, / Даром что пою»). В этих строках открывается еще одна мотивировка поэтического высказывания: оно обусловлено не только желанием самоуспокоения, здесь успокоения сердца, но и стремлением вернуть утраченную любовь. Жанр колыбельной как бы приобретает у Фета новую функцию — призывание возлюбленной. В свою очередь любовная лирика обретает новые образные возможности для воплощения мотива любовной утраты. Не достигшее цели призывание мотивирует появление контрастного мотива — мотива осуждения («Что ж она, злодейка?»).

В пятой и шестой строфах «истории» субъектов стихотворения завершаются. Опять один и тот же фрагмент текста порождает разные смыслы в разных субъектных полях. Традиционный для жанра колыбельной мотив будущего конкретен для адресата-ребенка: «Подожди, вот к лету / Станешь подрастать». Для сердца это означает его старение — уход весны, что, согласно традиционной для европейской культуры поэтической метафорике, указывает на потерю способности любить. Поэтическая логика фетовской колыбельной приводит нас к следующему выводу: сердце живет, пока оно может любить, а любить оно способно, только пока является младенцем. С потерей любви сердце теряет способность жить отдельной жизнью, собственно — жизнью сердца, оно сливается с лирическим героем («Я кровать большую / Дам тебе свою»). Оно теперь не живет, а «бьется» («Перестанешь биться») и спит («Спится сладко-сладко»). Не случайно в пятой и шестой строфах появляется символика смерти: «долгая кровать», «задувание свечи». В конце концов, функция успокоения реализуется в образе спокойного и долгого, но лишенного любви существования: «И долга кроватка, / И без няни в ней / Спится сладко-сладко / До скончанья дней». Эта жизнь, уподобленная сну, завершается смертью и переходом в «иной мир». В последних строках неожиданно возвращается мотив любви, воплощенный в образе сна, который будет сниться в раю: «Только будет сниться: / Баюшки-баю!». Символом

воспоминания о любви, которое способно сохраниться даже на том свете, становится традиционная колыбельная формула. Можно сказать, что в контексте данного стихотворения формула «баюшки-баю» оказывается символом вечности любви.

Финал парадоксален. Чаемый в любой колыбельной сон здесь является, по сути, смертью сердца. А настоящая смерть оборачивается сном, в котором снится убаюкивание, то есть пожелание сна. Можно предположить, что по логике данного стихотворения истинно гармоничное состояние — это не сон, а состояние младенца, когда его убаюкивают; в метафорическом плане — это и есть состояние любви.

В стихотворении 1862 года Фет вернется к колыбельному «ландшафту», снова в связи с любовной темой.

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!

Старые песни, знакомые звуки,
Сон безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Доброю няней прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное
И как дитя в колыбели уснет.[12]

В первой половине стихотворения звуки «старых песен» «с былым обаяньем / Счастья и юной любви!» возобновляют любовные страданья, погружают в «безотвязно больной» сон. Преодоление этого мучительного состояния происходит, когда включается топика колыбельной. «Старой песне» передаются функции «доброй няни», больное сердце уподобляется младенцу (как и в «Колыбельной песне сердцу»), и — закономерно! — больной сон преображается в безмятежный сон в колыбели.

[12] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 312.

Н. С. Алимова

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ ПРОПЕРЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ФЕТА

Поэтическое наследие Секста Проперция (около 45 — после 15 до н. э.),[1] поэта эпохи принципата Октавиана Августа, составляет четыре книги элегий, три из которых почти полностью посвящены гетере Цинтии (настоящее имя — Гостия), возлюбленной поэта.

Долгое время Фет оставался единственным, выполнившим перевод полного корпуса стихотворений древнеримского элегика, хотя отдельные его произведения вызывали у поэтов и переводчиков живой интерес. Первое издание «Элегий Секста Проперция» в переводе Фета вышло в свет в 1888 году, но сам перевод, очевидно, был готов раньше, так как в 1887 году поэт уже вел переписку с Л. Н. Майковым, редактором «Журнала Министерства народного просвещения», по вопросу его печати.[2] Работа над элегиями Проперция оказалась непростой, это отметил и сам Фет, признав, что перевод потребовал больших усилий: «Я полагал, что „Энеида“ представит для меня шуточную работу, и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция».[3] Действительно, собственный поэтический метод римского поэта исследователи его творчества признают сложным. Обилие архаизмов, грецизмов рядом с лексикой разговорной, игра слов, звукопись, синтаксис стиха с частыми анафорами, стыками, создание собственных слов, склонность к отказу от союзов внутри

[1] Годы жизни указаны по изданию: Элегии Секста Проперция / Пер. А. Фета. СПб., 1888. С. 11. Далее ссылки на это издание: *Фет. Проперций*, с указанием страницы. Переводы Фета из Проперция цитируются в тексте по этому изданию, с указанием номера книги, элегии и стиха.

[2] Подробнее об этом см.: Переписка Фета с Л. Н. Майковым (1887—1888) / Публ. А. Г. Гродецкой // *ФетСб(2)*. С. 521—551.

[3] Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887—1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 383.

© Н. С. Алимова, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-26-51

стихов — представляется, что все эти черты составляли серьезную задачу для переводчика. К тому же свой перевод Фет создал, как и Проперций, элегическим дистихом, который также ограничивал возможности переводчика строгими рамками определенных требований размера.

Высказывания Фета о Проперции свидетельствуют об исключительной симпатии к этому автору: в Предисловии Фет называет римского поэта одним из «оригинальнейших и художественно-правдивых»,[4] пишет, что «перед нами не простое отражение современных картин и обстоятельств, а самобытная творческая сила, придающая всему свой духовный отпечаток. Это не ассигнации, указывающие на известную ценность, а чистое золото, само представляющее эту цену».[5] Вероятно, Фету, который в период работы над переводами из Проперция (а также Тибулла и Катулла) создал большое количество собственных любовных стихотворений, оказались близки такие черты таланта римского поэта, как высокая степень экспрессии, страстность, граничащая с одержимостью, порывистость, противоречивость в изображении любовного чувства и удивительная пластичность создаваемых образов. Отмечая богатство элегий Проперция мотивами, Фет пишет: «Не умом придуманы эти мотивы, а возникли из живого созерцания, как это видно из того, что все они местны, личны, непосредственны и до того пластичны, что кажется, будто мы ощупываем руками выпуклые предметы».[6]

Тема любви составляет главное содержание элегий Проперция. Так, в первой книге, написанной не позже 28 года до н. э., из двадцати двух стихотворений восемь элегий обращены непосредственно к Цинтии (II, III, VIII, XI, XV, озаглавленные Фетом «К Цинтии»; XVII «К Цинтии по случаю морской бури», XVIII «Жалоба в уединении», XIX «К Цинтии»), пять элегий адресованы друзьям и соперникам Проперция, но главную их тему составляет любовь к Цинтии (I «К Туллу», IV «К Бассу», V «К Галлу, желавшему пригласить Цинтию», VI «К Туллу», XII «К другу»), остальные элегии, кроме последних двух,[7] так или иначе тоже поднимают тему любви.[8]

---

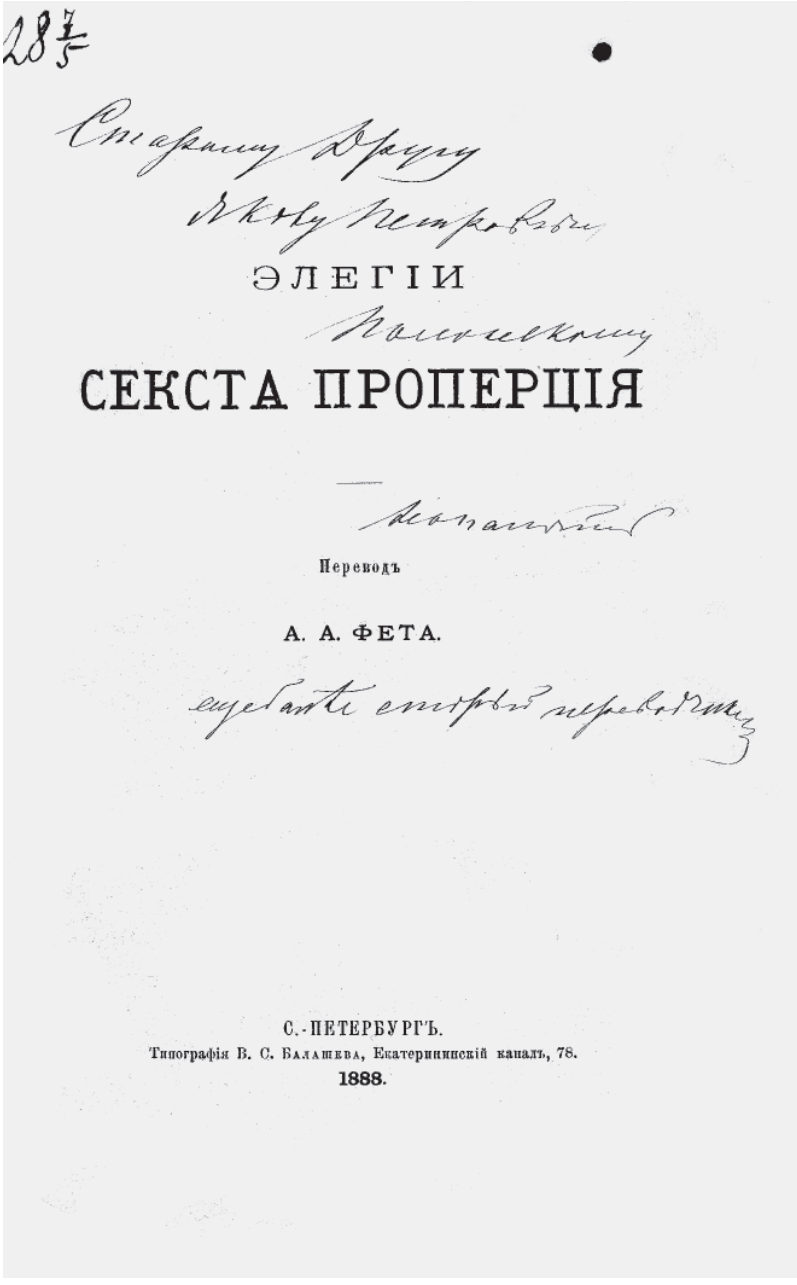
[4] *Фет. Проперций.* С. 3.

[5] Там же. С. 9.

[6] Там же. С. 9—10.

[7] Одна из них, XXI, озаглавленная Фетом «Галл говорит», по сути является эпитафией и описывает гибель на перузинской войне родственника Проперция, воевавшего против Августа за Антония. Вторая, XXII, в переводе Фета «Туллу о своей родине», является эпиграммой, в которой Проперций рассказывает приятелю о своей родине.

[8] VII элегия «К Понтику» и парная ей IX элегия «К Понтику» обращены к эпическому поэту и раскрывают литературную позицию самого Проперция как элеги-



ЭЛЕГІИ

СЕКСТА ПРОПЕРЦІЯ

Переводъ

А. А. ФЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 78.
1888.

«Элегии» Проперция в переводе Фета (СПб., 1888).
Обложка с дарственной надписью Я. П. Полонскому

Мир любовных элегий первой книги крайне субъективен и, видимо, тесно связан с реальной жизнью. Бедность событийного ряда компенсируется богатством и разнообразием описаний любовного чувства, которое изначально заявлено как непростое для поэта: гордая, суровая, непостоянная Цинтия то отвечает поэту взаимностью, вызывая бурный восторг (VIII, 31—46), то держит его на расстоянии, вынуждая мучиться в разлуке (XI, посвященная отъезду Цинтии на модный курорт в Байях), то дает повод подозревать себя в измене (XI, 7—18), то сама обвиняет поэта в неверности (III, 35—46). Влюбленный Проперций в элегиях первой книги восхищается естественной красотой Цинтии (II), клянется в вечной любви (XII), сравнивая любовное чувство по своей силе и интенсивности с горящим огнем (VI, IX), переживает из-за равнодушия любимой (XV), предпринимает попытку излечиться от любви к ней, уехав, видимо, в Афины, но понимает, что это невозможно (XVII).

Вторая книга, созданная между 28 и 25 годами до н. э., самая объемная, она состоит из тридцати четырех элегий, каждая из которых затрагивает тему любви: двадцать пять стихотворений прямо обращены к Цинтии или посвящены непосредственно ей,[9] остальные декларируют литературную программу Проперция, который противопоставляет свой элегический талант любовного поэта эпосу,[10] или посвящены общим рассуждениям о любви.[11] Во второй книге меняется характер

ческого поэта; в X элегии «К Галлу» Проперций поучает приятеля, как вести себя со своей возлюбленной на примере отношений с Цинтией, этой же теме посвящена и XIII «К Галлу»; XIV элегия «К Туллу» поднимает общую для элегических поэтов тему ничтожности богатств перед любовью; XVI «Жалобы двери» разрабатывает любимый поэтами мотив обращения влюбленного к двери, которая не пускает его к возлюбленной; XX элегия «К Галлу» также дидактическая: поэт предостерегает друга, чтобы тот берег своего любимого мальчика, приводя в качестве примера эпизод о Геркулесе и мальчике Гиле.

[9] II «Похвалы Цинтии», III «К самому себе» (впервые затрагивается новая для любовной элегии тема супружеской любви и верности, ст. 23—24), V «К Цинтии», VI «К Цинтии», VII «К Цинтии», VIII «К другу», IX «К подруге о сопернике», XI «К Цинтии», XIII «К Цинтии», XIV «Радость обладания подругой», XV «Поэт рассказывает о своем блаженстве», XVI «К Цинтии», XVII «Отверженный», XVIII «К Цинтии», XIX «К Цинтии», XX «К Цинтии», XXI «К Цинтии о Панте», XXIV «О Цинтии сопернику», XXV «К Цинтии», XXVI «К Цинтии о приснившемся кораблекрушении», XXVIII «К Зевесу о больной подруге», XXIX «К Цинтии», XXX «К той же», XXXII «К той же», XXXIII «К Цинтии».

[10] I «К Меценату», X «К музе» (предпринимает попытку обратиться к эпическим темам), XXXIV «К Линцею поэту».

[11] IV «К влюбленному» (поэт поучает влюбленного и предупреждает о превратностях любви), XXII «К Демофоонту» (поэт хвастается своей любвеобильностью), XXIII «О служении любви» (поэт заявляет, что теперь предпочитает про-

изображаемого любовного чувства: поэт прямо заявляет о неверности Цинтии и угрожает отомстить ей тем же (V, IX), говорит, что предпочтет продажную доступную любовь, нежели мучения, которым подвергается его чувство к Цинтии (XXIII). Все чаще в элегиях появляется мотив смерти, похорон лирического героя или его возлюбленной (XI, XIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII). Но элегии, мрачные по своему настроению, перемежаются другими, в которых поэт по-прежнему восхищается любимой женщиной, ее красотой, ученостью, талантами (II, III), приходит в восторг от ее благосклонности (XIV, XV), переживает о ней во время ее болезни (XXVIII) и заявляет о своей беспредельной любви (VII, IX, 41—46, XXI, 19—20), а в последней элегии второй книги и вовсе пишет о несомненной верности Цинтии, будто и не обвинял ее ранее в ветрености и изменах (XXXIV, 11—12). Так создается антиномичное, страстное чувство, которое бросает лирического героя из крайности в крайность.

Третья книга (около 22 года до н. э.) насчитывает двадцать пять элегий, содержание которых ощутимо отличается от первых двух книг: из двадцати пяти только девять посвящены непосредственно Цинтии (VI «К Лигдаму», VIII «К Цинтии», X «На день рождения подруги», XV «К Цинтии о Лицинне», XVI «О повелении возлюбленной», XX «К подруге», XXI «К Цинтии», XXIV «О гордыне Цинтии», XXV «К Цинтии»), а само имя героини упоминается Проперцием лишь трижды: в XXI, XXIV и XXV элегиях (в переводе Фета чаще — в заглавиях и комментариях). Первые пять элегий книги, составляющие небольшой цикл, раскрывают литературную программу Проперция, который вновь заявляет о себе как об элегическом поэте.[12]

дажную любовь), XXVII «О неизвестности смертного часа» (о могуществе любви даже перед лицом смерти), XXXI «К Цинтии» (несмотря на название и первые два стиха, в которых поэт обращается к возлюбленной, стихотворение, по сути, представляет собой описание недавно открывшегося портика Феба).

[12] I элегия, оставленная Фетом без названия, и II элегия («Одни стихи избегают смерти») перекликаются с «Памятником» Горация. Проперций заявляет: «Primus ego ingredior puro de fonte sacerdos / Itala per Graios orgia ferre choros» (I, 3—4. Здесь и далее латинский текст цит. по: Sexti Aurelii Propertii Carmina / Recensuit illustravit Christianus Theophilus Kuinoel. Lipsiae, 1805. T. 1—2) («Я вступаю первым жрецом от чистого ключа, / Чтобы привести греческий хор через италийские таинства». — Здесь и далее подстрочный перевод наш. — *Н. А.*), по поводу чего Фет замечает в комментарии: «Невзирая на то, что еще за 50 лет перед тем Катулл черпал непосредственно из греческих поэтических источников, каждому римскому поэту казалось, что он делает это первый» (*Фет. Проперций.* С. 126). А стихи 15—24 элегии II прямо отсылают к «Exegi monumentum». III элегия, в переводе Фета «Сон Проперция», также посвящена вопросу творческого самоопределения римского поэта: во сне боги запрещают поэту обращаться к эпическим темам и прика-

К программным стихотворениям примыкает также IX элегия («К Меценату»), где Проперций соглашается наконец последовать совету Мецената обратиться к описанию римской жизни, создавая «ученые элегии». Появляются элегии, где тема любви либо отсутствует вовсе,[13] либо служит рамкой для, например, философских рассуждений о корыстолюбии и женском бесстыдстве или иных предметах.[14] Встречаются и любовные элегии, основной темой которых является уже не любовь к Цинтии, а другие любовные сюжеты, или же Цинтия упоминается, но вскользь.[15] Поэт говорит о своем желании излечиться от мучительной любви (XII) и, в конце концов, заявляет об окончательном разрыве с Цинтией (XXIV, XXV). Проходящая лейтмотивом через первые две книги мысль о том, что поэт принадлежит своей возлюбленной и живой, и мертвый (см., например: 1-я кн., XII, 20; 2-я кн., XV, 36 и др.), прозвучавшая и в третьей книге (см. XV, 46 «Te solam et lignis funeris ustus amem» — «Тебя единственную и сожженный дровами погребения я буду любить»), завершается в XXI элегии

зывают посвятить себя элегическому искусству. Тезисы, изложенные в I—III элегиях, иллюстрируют элегии IV и V. В IV элегии, «Триумф Цезаря», стихи 1—14 посвящены политической теме, новому походу Августа, написаны патетическим тоном со множеством императивов. Начиная со стиха 15 лирический герой заявляет, что за триумфом он будет наблюдать, прижавшись к груди возлюбленной, и, прося Венеру оградить Августа, сам предпочитает оставаться в стороне от военных действий. Своеобразный миницикл замыкает V элегия, «К раздраженной подруге». Обращаясь, по-видимому, к Цинтии, хоть она до сих пор не была названа ни разу, поэт говорит, что не желает ни богатств, так как они бессмысленны, ни воинской славы, свои юные годы он желает посвятить поэзии и любви, а старость — наукам. По сути, в этой элегии Цинтия упоминается лишь во втором стихе (у Фета описательно еще и в заголовке), а само стихотворение представляет собой философское размышление.

[13] XVIII («Плач о смерти Марцелла», племянника Августа), XXII («К Туллу»), где восхваляется Рим.

[14] XI («Могущество женщин», рассуждения о поступках разных героинь, которые заканчиваются восхвалением Цезаря), XIII («О корыстолюбии дев», Проперций отвлеченно рассуждает об опасностях богатства и алчности), XIV («К Спарте о Лаконских играх», где сравниваются обычаи Спарты и Рима).

[15] VII («На смерть Пэта из-за корысти», плач о смерти друга во время морского похода, в последних двух стихах этой элегии поэт вновь заявляет, что лучше останется у дверей госпожи — Цинтии), XII («К Постуму о Галле», в ней появляется новая для античной любовной элегии тема супружеской верности и любви), XVII («К Вакху», поэт обращается к Вакху, чтобы тот помог избавиться ему от мучительной любви), XIX («О необузданности женщин», начинаясь с предположительного обращения к Цинтии, переходит в отвлеченное рассуждение о женском бесстыдстве), XXIII («Потерянные таблички», таблички для записей, в этой элегии описательно упоминается Цинтия, но снова косвенно).

заявлением, что если герой и погибнет, то причиной тому будет не «постыдная любовь» («non turpi <...> amore») (ст. 33).

В четвертой книге, состоящей из одиннадцати элегий, возрастает дистанция между художественным миром и действительным. Содержание стихотворений меняется: шесть элегий, входящих в эту книгу, так называемые этиологические,[16] описывают Рим, его историю, мифы, и лишь две элегии из всей книги посвящены Цинтии (в переводе Фета озаглавлены «О Цинтии»), обе ретроспективны и обращены к уже умершей возлюбленной. VII элегия, печальная по своему содержанию, пронизанная грустью, описывает сон героя, в котором ему является Цинтия. Она обвиняет поэта в черствости и клянется в своей верности. Следующая за ней VIII элегия — противоположность предыдущей по настроению, в дружеском шутливом тоне описывается сцена измены героя и ревности Цинтии. К любовным также относятся III, V и XI элегии. III элегия, озаглавленная в переводе Фета «Письмо Аретузы к Ликоте», является посланием жены своему мужу, который находится в военном походе. Таким образом, любовная тема в четвертой книге меняется: основная линия первых трех книг уступает место разработке новой для римской элегии темы супружеских отношений. Искусные уловки корыстных девушек, стремящихся очаровать очередного влюбленного, жестоко порицаются в V элегии («Сводне»). Свое развитие новое звучание любовной темы получает в заключительной, XI элегии, озаглавленной Фетом «Корнелия к Павлу». В ней описано реальное историческое событие — смерть Корнелии, жены консула Павла, элегия представляет собой речь умершей на загробном суде. Вместе с тем эта элегия имеет явную перекличку с VII элегией, в которой Проперций описывает смерть и погребение Цинтии.

Содержание четвертой книги свидетельствует о том, что Проперций, видимо, старался обратиться и к другим предметам, кроме любви, а сама любовная элегия изменилась и обогатилась новыми темами. В то же время границу между «римской» и любовной элегией следует проводить с осторожностью, так как «римская» элегия в четвертой книге порой обогащается любовной темой, пусть и имеющей своим объектом уже не Цинтию: например, IV элегия («Тарпея») рассказывает историю Тарпеи, которая предала Капитолий сабинскому царю Тацию из-за любви к нему, и поэт, порицая ее предательство, тем не менее будто оправдывает его влюбленностью героини.

Поэтика любовных элегий Проперция сложна и содержит как общие для любовных элегий места (порицание корысти, жажды наживы,

[16] I («О городе Риме»), II («Вертумн»), IV («Тарпея»), VI («Об акциумской морской битве»), IX («О Геркулесе и смерти Кака»), X («Юпитер Феретрий»).

мотив любовного рабства, надписи на коре дерева, жалобы влюбленного юноши под дверью возлюбленной, противопоставление военных подвигов и мирной жизни рядом с любимой и т. д.), так и собственные уникальные черты. Для элегий Проперция характерно описание возвышенных тем (например, темы смерти поэта или его любимой) через упоминание мелких бытовых деталей, поэт насыщает интимный мир любовных элегий множеством бытовых предметов, упоминаниями исторических фактов, реалий повседневной жизни римлянина августовской эпохи. Личное чувство к женщине поэт изобразил на мифологическом фоне, сравнивая свою возлюбленную с героинями мифов и реальными историческими персонажами. Мифологический текст, частое упоминание сюжетов эпоса, сравнения с троянской Еленой, особый стиль (обилие анжамбеманов, сложных прилагательных, архаизмов) позволяют говорить о наличии эпических черт в элегиях Проперция. Поэт словно заявляет, что любовные «сражения» столь же важны и значимы, как и настоящие, и что любовная тема столь же серьезна, как и эпическая.

Выполнив, согласно своей концепции, близкий к исходному тексту перевод, Фет внимательно отнесся к формальной стороне оригинала: распределение элегий по четырем книгам, а также сами границы элегий внутри книг были сохранены переводчиком соответственно тем редакциям латинского текста, которыми он пользовался.[17] Придерживаясь принципа эквилинеарности, Фет оставил без изменений расположение стихов в элегиях и их количество. Но верность размеру послужила причиной и ряда отступлений от стилистического рисунка оригинала: например, во многих случаях в переводе не удалось сохранить анафоры, стыки, лексические повторы, звукопись стиха. Так, в IV элегии второй книги, призывая влюбленного наслаждаться обществом юношей, а не девушек, Проперций заявляет: «**Alter** saepe uno mutat praecordia verbo: / **Altera** vix ipso sanguine mollis erit». В переводе эти стихи звучат так: «**Часто** сердце того одному покоряется слову; / **Эта** и кровью самой даже смягчится едва» (ст. 21—22).[18] Как видим, единоначалие стиха Проперция в переводе упущено. В VIII элегии второй книги ставшей крылатой фразу «Omnia vertuntur, certe vertun-

[17] Фет называет четыре источника латинского текста, которыми пользовался при переводе элегий Проперция: «Настоящий перевод по отношению к тексту составлен главным образом по четырем изданиям: ныне устаревшему Квинелю, в большинстве случаев исправлен по Лукиану Мюллеру, и затем в некоторых местах предпочтение отдано изданиям Палея и Беренса» (*Фет. Проперций.* С. 10. Подробнее об источниках латинского текста см.: Переписка Фета с Л. Н. Майковым (1887—1888). С. 527).

[18] Здесь и далее выделено нами. — *Н. А.*

tur amores. / **Vinceris, aut vincis**; haec in amore rota est» Фет перевел: «Все вертится кругом, и любовь, поверь мне, вертится: / **Иль победить, иль страдать**, в этом любви колесо» (ст. 7—8), тогда как у Проперция в стихе 8 «vinceris, aut vincis» («тебя побеждают или ты побеждаешь») — повтор одного и того же глагола в разных формах (vinceris — praes. ind. pass., vincis — praes. ind. act.).

Вместе с тем, где возможно, Фет сохранил стилистические приемы оригинального стиха, на необходимость чего сам указал в Предисловии: «Желая доставить и русским читателям-неспециалистам возможность полюбоваться этими пышными узорами, мы и на этот раз старались воздержаться от соблазнительного и столь легкого приема сглаживания своебытной речи поэта согласно требованиям современного гладкого стиха».[19] Например, при переводе XIII элегии первой книги («К Галлу») в несколько искаженном виде удалось сохранить анафору в стихах 14—15: «**Vidi ego**: me, quaeso, teste negare potes? / **Vidi ego** te toto vinctum languescere collo» — «**Сам я видел**; в глаза можешь ли мне отрицать? / **Видел я сам**, как ты млел, всю шею предавши объятьям». Или в XXIV элегии второй книги («О Цинтии сопернику»):

...heu, heu tu mihi *certus eras*.
Certus eras heu, heu, quamvis nec sanguine avito
Nobilis, et quamvis non ita dives eras.

Nil **ego** non patiar: nunquam me iniuria mutat,
Ferre **ego** formosam nullum onus esse puto.
Credo ego, non paucos ista periisse figura:
Credo ego, sed multos non habuisse fidem.

...*ты*-то вот *верен мне был*.
Ты был верен, увы! увы! хоть и не был по предкам
Ты благороден, хотя не был и так ты богат.

Все я готов претерпеть, меня не изменит обида,
Все от красавицы снесть бременем я не сочту.
Думаю, что красотой ее восторгались немало;
Думаю, что, между тем, верными были не все.
(ст. 36—42)

Как видим, в данном случае получилось перевести стык стихов 36—37, но не удалось сохранить рефрен «ego» в последующих четырех стихах. Вместо этого появляется дополнительная анафора «Все / Все».[20]

[19] *Фет. Проперций*. С. 10.

[20] В XXV элегии второй книги («К Цинтии») перевод стихов 41—44 тоже точно передает единоначалия: «**Vidistis** pleno teneram candore puellam: / **Vidistis** fusco: ducit uterque color. / **Vidistis** quandam Argiva prodire figura: / **Vidistis** nostras: utraque forma rapit» — «**Видели** нежную вы, белизною блестящую деву, / **Видели** смуг-

Иногда характерные стилю римского поэта приемы появляются в переводе, когда в стихе Проперция они не используются. Такие отступления, на наш взгляд, передают читателю общее представление о стиле римского поэта и не вносят существенных изменений в художественный мир элегий. Например, в XI элегии первой книги при характеристике курорта Байи «**Multis** ista dabunt litora dissidium. / **Litora**, quae fuerant castis inimica puellis» Фет перевел: «**Этот берег** уже многих к разлуке привел. / **Этот берег**, что так целомудренным девам враждебен» (ст. 28—29). Дополнительная анафора, которой нет у Проперция, усиливает экспрессию конкретного стиха; этой же функции служит и лексический повтор в следующей строке, отсутствующий в оригинале: «Ah! **pereant** Baiae **crimen** amoris aquae» («Ах, пусть погибнут воды Баи, преступление против любви») в переводе звучит: «Ах, да **погибнет** вода Баи, **погибель** любви» (ст. 30). В XII элегии третьей книги («К Постуму о Галле») Фету не удалось сохранить аллитерацию стихов Проперция, придающую повествовательную интонацию, однако размеренности тона поспособствовали анафоры на союз «и»:

Scylla***que***, et alternas sci***ss***a Charybdis aquas.
Lampeties Ithacis verubus mugi***ss***e iuvencos,
(Paverat hos Phoebo filia Lampetie)
Et thalamum Aeaeae flentis fugi***ss***e puellae,
Tot***que*** hiemis noctes, totque nata***ss***e dies.
Nigrantes***que*** domos animarum intra***ss***e silentum;
Sirenum surdo remige adi***ss***e lacus.

Сцилла, Харибда затем с розным теченьем воды.
Рев лампе́тииных тельцов на рожнах итакийских,
(Их Лампетия, дочь Феба, сама стерегла).
И из спальни побег от плачущей девы ээйской,
Плаванье стольких ночей зимних да столько и дней.
И нисхожденье во мрак обители душ молчаливых,
И с оглушенным гребцом близость ко взморью Сирен.

лую; цвет тот и другой вас влечет. / **Видели** ту, что была аргивской деве подобна, / **Видели** наших; и вид нравится тот и другой». В переводе IX элегии третьей книги («К Меценату») в стихах 17—18 сохранились анафоры: «**Est quibus** Eleae concurrit palma quadrigae: / **Est quibus** in celeres gloria nata pedes» — «**Есть, что** пальмы себе добывают элейской четверкой, / **Есть, что** славу себе в быстрых находят ногах». В I элегии четвертой книги, в которой Проперций воспевает Рим, но вновь заявляет о том, что он прежде всего поэт любви, при переводе стихов «Scandentisque arcis consurgit vertice **murus**, / **Murus** ab ingenio notior ille tuo» Фету удалось сохранить стык: «И на вершине высот встающих возносятся **стены**, / **Стены**, что песней твоей стали известней теперь» (ст. 125—126) и др.

Et veteres arcus leto renova***ss***e procorum,	***И*** что старый свой лук обновил женихов он убийством,
Erroris***que*** sui sic statui***ss***e modum.	***И*** блужданьям своим этим конец положил.
Nec frustra; quia casta domi persederat uxor.	***И*** не напрасно; в дому ждала непорочна супруга.
	(ст. 28—37)

В оригинале у Проперция также присутствуют единоначалия, но в ряде стихов они выражены не союзом «et» («и»), а частицей «-que», которая присоединяется к слову и также имеет значение «и». Отметим, что связующие слова в начале стиха вообще являются характерной чертой стиля Проперция.

Отражены в переводе и свойственные стиху Проперция сложные прилагательные. Так, «(Gorgonis) anguiferae» («anguifer» — «змееносный») переведено как «змеевласой (Горгоною)» (2-я кн., II, 8), «laurigero (vertice)» **(**«lauriger» — «украшенный (увенчанный) лавром»**)** — «лавроносный (Парнас)» (3-я кн., XIII, 53), «undisonos (deos)» («undisonus» — «оглашаемый шумом волн, морской») — «волнозвучных (богов)» (3-я кн., XXI, 18) и т. д. Сложные прилагательные используются Фетом при переводе и тех стихов, где их вовсе нет в оригинале: например, простое прилагательное «velocem (puellam)» («velox» — «быстрый, скорый, проворный, стремительный, быстро движущийся, быстротечный, мимолетный; легкий, живой») Фет перевел как «быстроногую (деву)» (1-я кн., I, 15), «aquosus» («изобилующий водой») — «дожденосный» (2-я кн., XVI, 51) и др. Иногда Фет использует сложные слова в большем количестве, нежели в оригинале, подчеркивая эпические черты создаваемого образа. Например, XVII элегия третьей книги («К Вакху», лирический герой старается забыть Цинтию и просит помощи у бога виноделия):

	Подстрочный перевод	*Фет*
Mollia Dircaeae pulsabunt **tympana** Thebae:	*Сладостно* забьют в тимпаны дирцейские Фивы:	*Сладострастно* забьют в **тимпаны** дирцейские Фивы,
Capripedes **calamo** Panes hiante canent.	*Козлоногие* Паны заиграют на возглашающем тростнике.	И *козлоногой* толпой Паны задуют в тростник.
Vertice *turrigero* iuxta dea magna Cybebe	Подле с головой, *украшенной башнями*, великая богиня Цибела	Подле Цибела, великая матерь, с челом *башненосным*,

Tundet ad Idaeos **cymbala** rauca **choros**.	Ударит в идейских хорах в гудящие кимвалы.	В **хоре** идейском своем в зычный ударит **кимвал**. (ст. 33—36)

При переводе этих стихов, описывающих торжество богов, Фет вместо простого прилагательного «mollia» («mollis» среди прочих имеет значения «приятный, сладостный, искусный, чувственный») использует «сладострастно» (заметим, что в этой же элегии в стихе 19 «tua cornua» («твои рога») переведено «рогоносный (Вакх)»).

В приведенных примерах из XVII элегии хорошо видна еще одна особенность стиля Проперция — частое использование грецизмов, дань александрийской школе. Фет сохранил грецизмы, где это было возможно. Кроме того, в переводе элегий часто встречаются имена греческих богов, тогда как у Проперция упоминаются в основном римские названия. Например, имя «Juppiter» Фет чаще заменяет на греческий вариант этого имени «Зевс» (см., например, 2-я кн.: XXXII, 60, XXXIV, 18; 3-я кн.: II, 18, III, 12, IX, 15; 4-я кн.: I, 54, IV, 2, X, 48). Точный перевод встречается в заглавиях, в самом же тексте элегий — очень редко (см.: 3-я кн., XI, 28; 4-я кн., X, заглавие, 15—16). Можно предположить, что данный вариант перевода был выбран не только из-за различного характера языковых единиц и, в частности, длины слов (ср. лат. род. падеж «Jovi» и русский — «Юпитера»), такие имена попутно выполняли и функцию внесения греческого колорита в латинскую элегию.

Изображение личного, интимного чувства на фоне мифологического текста как особенность поэтики любовных элегий Проперция Фет особо отметил в Предисловии: «...он (Проперций. — *Н. А.*) всюду успешно прибегает к ласкательствам. Таков строй его элегий, в которых он все ее (Цинтии. — *Н. А.*) недостатки и пороки украшает цветами поэзии, приравнивая ее ко всем богиням и героиням, прославившимся любовными похождениями, так как и они, стоя вне семьи, были в этом отношении гетерами».[21] Римский поэт часто использовал наряду с известными мифами малопопулярные мифологические сюжеты, щеголяя ученостью. Понимание таких мест в тексте элегий представляло уже определенную трудность для читателей — современников Фета, поэтому перевод всех мифологических сюжетов Фет сопроводил комментариями, где подробно объяснил смысл каждого описываемого мифа, тем самым реализуя и просветительскую цель. Пропуски и изменения при переводе мифологического текста встречаются редко и не являются существенными, так как не изменяют

[21] *Фет. Проперций.* С. 9.

смысл стиха, сохраняя основную функцию — представление частной истории любви на фоне общекультурного контекста.

Так, в I элегии третьей книги, в которой, «чувствуя сам силу своего вдохновения и мастерства в элегической форме, Проперций предвидит бессмертие своего имени»,[22] стихи «At mihi, quod vivo detraxerit invida turba, / Post obitum duplici foenore reddet Honos» («Но мне, чего бы при жизни ни лишила завистливая толпа, / После смерти двойную прибыль вернет Хонор») Фет перевел: «Но чего бы меня при жизни толпа ни лишила, / Почесть с прибытком двойным мне после смерти воздаст» (ст. 21—22), заменив имя римского бога чести словом «почесть» и тем самым больше акцентировав смысл стиха: отдаст должное поэту сама толпа, которая при жизни не оценила его достоинств, а не божество. В V элегии четвертой книги («Сводне»), которая начинается чередой проклятий в адрес сводни, Проперций в том числе заявляет, что она могла бы склонить к Венере даже Ипполита («Docta vel Hippolytum **Veneri** mollire negantem»). Фет переводит следующим образом: «Ты, что к **любви** преклонить Ипполита упрямца смогла бы» (ст. 5), вновь не сохранив имя собственное богини любви и заменив его на слово «любовь». Венера — богиня телесной любви, но этот смысл не теряется, так как очевиден из контекста данного стиха, отсылающего к известному мифу об Ипполите и его мачехе Федре, пытавшейся соблазнить своего пасынка. Иногда Фет, наоборот, использует имя бога тогда, когда Проперций выбирает перифразу: например, в XXVI элегии второй книги («К Цинтии о приснившемся кораблекрушении») «Hic deus et terras et maria alta domat» («этот бог и земли, и глубокие моря усмиряет») Фет перевел: «Ведь же Амур над землей и над морями царит» (ст. 52). Подобные изменения, вероятнее всего, вызваны, с одной стороны, желанием добиться большей прозрачности стиха для современного Фету читателя, с другой — необходимостью уместить перевод в рамки элегического дистиха и не несут дополнительной коннотации.

Упоминания различных бытовых деталей, реалий Рима эпохи Августа, исторических и политических событий, а также элементов духовной культуры (суеверий, обрядов, колдовства), которыми так богат мир элегий Проперция, также в большинстве переведены Фетом точно. Редко, однако встречаются стихи, где название предмета римского быта заменяется на аналогичное по смыслу, но русское.

Так, в I элегии четвертой книги («О городе Риме», где пророк указывает лирическому герою на его предназначение именно как любовного поэта) упоминается традиционный амулет «bulla» (носили на

[22] *Фет. Проперций*. С. 126.

груди дети полноправных граждан), который был призван оберегать от злых духов, а также демонстрировать определенный социальный статус мальчиков: «Mox, ubi bulla rudi dimissa est aurea collo, / Matris et ante deos libera sumta toga» («Как только золотая булла была снята с неопытной шеи, / и перед богами матери была надета вольная тога»). Фет перевел «bulla» уменьшительным «ладонка», означающим также амулет, изначально с ладаном, затем с любым талисманом в качестве оберега: «Как с неопытной шеи ты ладонку снял золотую / И пред богами родной вольную тогу надел» (ст. 131—132). Таким образом, смысл стиха не меняется, но в римской элегии появляется предмет русской национальной культуры. Однако чаще лексика, описывающая бытовые детали, переведена почти буквально: «Cur nardo flammae non oluere meae? / Hoc etiam grave erat? nulla mercede hyacinthos / Iniicere, et fracto busta piare cado» («почему не пах мой костер нардом? / даже это тяжело было? даром гиацинты / бросить и воздать почести погребальному костру разбитой урной») — «Нарда зачем не слыхать в пламени было моем? / Тяжко ль то было тебе? Ничего бы не стоило кинуть / Гиацинтов, или кружку разбить над костром» (4-я кн., VII, ст. 32—34).

Подобная насыщенность мелкими бытовыми подробностями стиха, затрагивающего серьезные темы (в данном случае погребение возлюбленной поэта — Цинтии), является одной из самобытных черт стиля Проперция. Противоречивость описания серьезных сюжетов через самые обыденные, бытовые детали наблюдается не только на образном уровне, но и на уровне лексики: богатство архаизмов элегий римского поэта соседствует с разговорной и иногда даже пренебрежительной лексикой. Эту особенность Фет почувствовал и передал в переводах, смешав лексику высокого и низкого стилей, причем часто даже в тех случаях, где сам Проперций использует нейтральный стиль.[23] Употребление лексики разных стилей в рамках одной элегии доводит контрастность в изображении чувств до крайности. Например, в переводе VI элегии первой книги, где Проперций рассуждает о том, что военные походы не для него, и позиционирует себя как элегического поэта, последовательно введена лексика высокого стиля, что соответствует теме элегии: «cognoscere» («познавать, узнавать, постигать, знакомиться») переведено «сведать» (*устар.*) (ст. 13), «cernere» («различать, разбирать, замечать, видеть, познавать, узнавать») — «узреть»

[23] См., например: «indociles <...> vias» («незнакомыми путями») — «неуказным путем» (*устар.*) (1-я кн., II, 12), при обращении к богиням «natae» («дочери») — «дщери» (*устар., высок. церк.-слав.*) (1-я кн., XVII, 25), «rudis» («неученый») — «неук» (*устар., прост.*) (1-я кн., IX, 8), «salebras» («неровности, кочки») — «колдобины» (*прост.*) (3-я кн., XVI, 15) и др.

(*устар.*) (ст. 14), «insanis (manibus)» (**«**разгневанными (руками)», «insanus» — «безрассудный, безумный, сумасшедший, исступлённый, бешеный»**)** — «ярой (рукой)» (*высок.*) (ст. 16), «durius» (срав. ст. от «durus» — «суровый, трудный, тягостный, тяжкий, строгий») — «лютей» (*книжн.*, *поэт.*) (ст. 18), и одновременно используется разговорная лексика — «Illa mihi totis argutat noctibus ignes» («Она мне целые ночи болтает об огнях»; «arguto» — «много говорить, болтать, пустословить, стрекотать») Фет перевел: «Целые ночи трещит она о любви мне горячей» (ст. 7), что придает шутливое настроение описываемому любовному эпизоду и в оригинале, и в переводе. В стихе 1 XVI элегии первой книги стилистически нейтральное «fueram <...> patefacta» («была открыта», «patefacio» — «широко раскрывать, распахивать») Фет переводит устаревшим поэтическим «отверста», в стихе 42 «oscula» («поцелуи») — «лобзания» (*устар.*, *поэт.*), а в стихе 46 той же элегии «obstrepit» («obstrepo» — «шуметь, гудеть, завывать, мешать, беспокоить, докучать, надоедать») переведено разговорным пренебрежительным «орет» (влюбленный юноша под дверью своей возлюбленной).

Использовав в переводе более выразительную лексику, чем в оригинале, Фет усилил экспрессию стиха. Например, во второй книге, где наблюдается появление мотивов ревности, измены, погребения и возрастает противоречивость в изображении любовного чувства, усиление негативного настроения проявляется в оригинале и на уровне лексики: увеличивается количество слов с негативной коннотацией («indigna merce», «immunda casa», «demens», «miser» и др.). В переводе Фета подобные слова иногда опускаются до бранных. Например, в XVI элегии («К Цинтии»), где описывается ревность поэта и связь его возлюбленной с неким претором, «indigna merce» («за недостойные вещи»), что подразумевает подарки, которыми претор одаривает алчную Цинтию, Фет перевел «за дрянь» (*разг.*) (ст. 16); в XXIII элегии, озаглавленной в переводе «О служении любви», «immunda latere casa» («засесть в мерзкой лачуге») переведено разговорно-сниженным «в мерзостной хате засесть» (попавшись сторожу) (ст. 10); в XXX элегии («К той же»), где поэт в числе прочего призывает Цинтию уединиться с ним и жить в горных пещерах, «furta Iovis» («тайные любовные связи Юпитера») переведено «шашни Зевесовы» (*прост.*, *неодобр.*) (ст. 28). И при этом в переводе Фета сохраняется большое количество устаревших слов и высокой лексики. Например, в упомянутой выше XVI элегии наряду с разговорной появляется и лексика высокого стиля: «cubaris» («cubo» — «лежать, покоиться») — «опочила» (*устар.*, *высок.*) (ст. 23), «carinis» («carina» — «корабль, судно, киль корабля») — «ветрила» (*устар.*) (ст. 39), «manu» («рукой») — «дланью» (*устар.*, *высок.*) (ст. 42).

Отметим, что широкое использование слов высокого стиля характерно и для перевода определенных тем. Так, возвышенная поэтическая лексика появляется тогда, когда речь идет об Августе и членах его семьи, о богах, когда Проперций рассуждает о своем предназначении как поэта, изображает картины идеальной по отношению к современности древности. Например, в упомянутом стихе 42 перевод «manus» («рука») как «длань» выполнен в строке, восхваляющей Августа, тот же перевод Фет использовал снова в стихе 18 X элегии второй книги («К Музе»), также посвященном подвигам Августа (**«**manus» («руки») — «длани»**)**.

Проперций — поэт сильной страсти, его элегии очень выразительны; всю силу экспрессии его стихотворений средствами иного языка передать очень сложно. Не получилось сохранить, например, такие особенности стиля, как отказ от союзов между двумя высказываниями внутри строки, что само по себе служит усилению динамики и выразительности стиха. Тем не менее Фету удалось создать перевод, отличающийся высокой экспрессией, за счет иных поэтических средств. Так, большей выразительности стиха послужило не только использование разностилевой лексики, но и распространение изображаемых образов дополнительными определениями, которых нет в оригинале: например, стих «cecidit spiritus ille tuus» («тот твой дух упал») в переводе звучит «с высоты дух твой надменный упал» (2-я кн., III, 2), «placidis <...> aequoribus» («тихими водами») — «тихой равниною вод» (1-я кн., VIII, 20), «exactis <...> equis» («точными конями»; «exactus» — «точный, тщательный, аккуратный») — «дивным изделье коней» (3-я кн., IX, 10) и пр.

Часто Фет изменяет стих Проперция, используя слова, обозначающие звук, цвет, положение в пространстве. Так, «sed iaceat tacita lapsa catena sera» («но цепь распростершаяся лежит с молчащим запором») переведено: «И с негремящим замком цепь распростерта лежит» (4-я кн., XI, 26). Фет вводит дополнительные оттенки, заставляет образ «звучать» при помощи отглагольного прилагательного «негремящим». В XII элегии третьей книги стих «Lampeties Ithacis verubus mugisse iuvencos» («мычание лампетийных бычков на итакийских рожнах») Фет перевел: «Рев лампе́тииных тельцов (*устар. — Н. А.*) на рожнах итакийских» (ст. 29), усиливая «звучание» образа — в переводе тельцы ревут, а не мычат.[24] В XVII элегии третьей книги стихи «Laevis odorato cervix manabit olivo, / Et feries nudos veste fluente pedes» («Бла-

[24] В комментарии к этому стиху Фет дает следующее пояснение: «Речь идет о быках Гелиоса, которых съели спутники Одиссея и которых мясо (Одис. XII, 395), уже снятое с вертелов, издавало рев» (*Фет. Проперций*. С. 132).

говонной душистой мазью будет полит изящный затылок / И будешь касаться ниспадающим платьем голых ног» — строки посвящены Вакху) Фет перевел: «Благоуханьем улит твой будет прекрасный затылок, / И затрепещут концы платья по голым ногам» (ст. 31—32), выбрав форму глагола «затрепещут» и тем самым усилив динамику стиха. Стоит отметить, что иногда встречаются стихи, где переводчик, наоборот, отказывается от оригинального эпитета, упрощая поэтический образ (например, «maria alta» («глубокие моря») Фет перевел «морями» (2-я кн., XXVI, 52) и др.) — вероятнее всего, эти изменения можно объяснить формальными требованиями к длине строки.

Таким образом, несмотря на бесспорную точность перевода, порой доходящую до дословности, тщательное сохранение описаний всех событий, деталей, скрупулезность в передаче психологических нюансов любовного чувства, которым одержим главный герой, художественный мир любовных элегий Проперция меняется. Изменения прослеживаются на протяжении переводов всех четырех книг, и речь идет не только о вышеперечисленных приемах. Поэт иного времени, иной национальности, иных эстетических принципов, Фет, вольно или невольно, преобразил оригинальный текст элегий античного автора. Эти изменения выразились, прежде всего, на лексическом уровне, когда для передачи смысла стиха Фет выбирает не нейтральную лексику, а ту, которая обладает определенной культурной коннотацией. Например, эпитет «cura» («возлюбленная, милая»), которым Проперций наделяет Цинтию, Фет переводит «зазноба» (1-я кн., I, 36; 2-я кн., XXXIV, 9), что вызывает ассоциации с русским фольклором. Это же слово Фет упоминает в комментарии к стиху 32 XVI элегии второй книги: «An *dolor* hic vitiis nescit abesse suis?» («Или моя боль не в состоянии держаться в стороне от своих пороков?»), в переводе Фета: «Иль от пороков твоих *скорбь моя* все не уйдет?». Уточняя не совсем ясный смысл выражения, Фет отметил: «*боль моя* — здесь стоит вместо особы, принимающей эту боль, вроде нашего зазноба, смысл: Или зазнобе моей бросить пороков нельзя?».[25] В стихе 24 XV элегии первой книги («К Цинтии»), обвиняя возлюбленную в обмане, поэт ей говорит, что ей не удастся быть «nobilis historia» («благородным предметом толков», «historia» здесь — «тема рассказа, предмет толков, сообщение, повествование»), Фет перевел «благородным преданьем», что также может вызывать ассоциации с фольклорным жанром — преданием, передающим рассказ из уст в уста. К народной традиции можно отнести и такие наименования Цинтии, как «девица» (*устар.*, *нар.*-

[25] *Фет. Проперций*. С. 88.

поэт., в оригинале «puella» — «девушка») (2-я кн., XIII, 11) или «дева-краса» (*поэт.*, *устар.*, в оригинале «formosa» — «стройная, изящная, красивая, прекрасная») (2-я кн., XXXIV, 4), что придает образу Цинтии черты фольклорной красавицы, «красной девицы». Также в духе народного по стилю разговора в некоторых элегиях Фет перевел обращения к друзьям поэта: например, «fratres» («братья») — «братцы» (2-я кн., XXIX, 19), «o socii» («о товарищи»; «socius» — «товарищ, спутник, союзник») — «Ну-те же, други» (3-я кн., XXI, 11), в той же элегии «amici» («друзья») — «друзья дорогие» (ст. 15).

Античный колорит любовных элегий Проперция изменяется и при появлении устойчивых выражений русского языка: например, латинский фразеологизм «ita sim felix» («клянусь своим счастьем») Фет перевел русским фразеологизмом «в час добрый сказать» (1-я кн., VII, 3), «vicimus» («мы победили») — «наша взяла» (1-я кн., VIII, 28), «nunquam» («никогда») — «не буду вовек» (2-я кн., XXII, 20), «Aut si es dura, nega: sin es non dura, venito» («Если ты злишься, откажи: если ты не злишься, приходи») — «Если в сердцах, откажи; когда не в сердцах, приходи же» (2-я кн., XXII, 43), «aequa, et iniqua» («правду и неправду») — «правду и кривду» (2-я кн., III, 50), «Ter quater <...> felix» («трижды, четырежды блаженный») — «блаженный стократ» (3-я кн., XII, 15), «furibunda decens» («украшенная бешенством») — «в сердцах хороша» (4-я кн., VIII, 52). При этом иногда Фет сохраняет и устойчивые латинские выражения. Так, в VIII элегии второй книги «omnia vertuntur» («всё вертится») (ст. 7) переведено дословно; в VII элегии третьей книги «terque quaterque» («трижды, четырежды») (ст. 6) также оставлено без изменений.

Черты иной, отличной от античной, культуры появляются в переводе и при использовании слов, связанных с церковной традицией. Например, фразу «memorator Homerus» («повествователь Гомер»; «memorator» — «повествователь, рассказчик») Фет перевел: «Гомер огласитель» (*церк.-слав.*) (3-я кн., I, 33), «veste» («одеждой»; «vestis» — «одежда, платье, одеяние, покров») — «ризой» (что означает в том числе и церковную одежду) (4-я кн., I, 118) и др.

Изменения в тексте, связанные с внесением в римскую элегию признаков русской церковной, христианской традиции, встречаются на протяжении всех четырех книг. Например, «sancte» («благоговейно, благочестиво, свято») Фет переводит «богомольно» (2-я кн., XXVI, 26), «sanctos» («благочестивых») — «богобоязных» (3-я кн., VII, 16), «deierat» («торжественно клянется») — «божится» (4-я кн., III, 42). В XI элегии четвертой книги, посвященной смерти жены консула Павла — Корнелии, Фет существенно меняет смысл заключи-

тельного стиха — «Cuius honoratis ossa vehantur avis» («Чтобы кости неслись к почтенным предкам») переведено: «Чтобы вознесся мой дух к предкам своим в торжестве» (ст. 102). Такое расхождение объясняется отличием религиозных взглядов Проперция-язычника и Фета-христианина. Поэтому в русском стихе и появляется даже не душа — «дух вознесся», это внесенный Фетом дополнительный христианский по содержанию смысл.

Большое количество изменений в переводе Фета связано с лексемой «душа»: это слово появляется во многих стихах, посвященных описанию любовного чувства. Так, стих «Ah pereat, si quis lentus amare potest» («О, пусть пропадает, если кто может ленивый любить») в переводе звучит: «О пропади, кто любить может с холодной душой» (1-я кн., VI, 12), «Crede mihi, quamvis contemnas murmura famae» («Верь мне, хотя ты презираешь говор молвы») — «Верь мне, хотя ты в душе и говор молвы презираешь» (2-я кн., V, 29), «Hic genus infidum nuptarum: hic nulla puella / Nec fida Evadne, nec pia Penelope» («Тут род неверный жен: тут ни одна девушка / И ни верная Эвадна, и ни бедная Пенелопа») — «Жены неверны у нас; ни одна тут из дев не сравнится / Ни с Эвадной в душе, ни с Пенелопой честной» (3-я кн., XIII, 23—24) и др.

Новые оттенки, появляющиеся в переводе некоторых стихов, обусловлены и романтическим характером метода Фета. Например, образ «lumina nigra puellae» («черные глаза девушки») переведен как «взор черноокой девы» (2-я кн., XII, 23), «Arabio bombyce» («арабским шелком») — «дымкой арабскою» (2-я кн., III, 15), «fracta carina» («разбитый корабль») — «остов челна» (2-я кн., XXV, 24), «Dulcis ad extremas fuerat mihi rixa lucernas» («Сладкая мне была ссора при меркнущих лампадах») — «Сладостен был мне раздор при последнем мерцаньи лампады» (3-я кн., VIII, 1) и др. В V элегии третьей книги («К раздраженной подруге»), где Проперций заявляет, что предпочитает «сражения» с Цинтией, нежели завоевания земель и богатства, стихи 21—22 «Me iuvat et multo mentem vincire Lyaeo, / Et caput in verna semper habere rosa» («Мне приятно и терять сознание в обилии Лиея, / И голову иметь всегда увенчанную весенними розами») Фет в духе русского романтизма переводит: «Мне отрадно терять сознанье в обильи Лиея, / Вечно увивши чело розовым вешним венком». Вариант «вешний», который выбран для перевода «verna» («весенний, вешний»), часто встречается и в лирике Фета;[26] слово «отрадно» (вместо «juvat»,

[26] См.: «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» (1847), «Соловей и роза» (1847), «В дымке невидимке...» (1873), «Прости — и все забудь в безоблачный ты час...» (1886), «Кукушка» (1886), «Сентябрьская роза» (1890), «Весь

от «juvo» — «помогать, поддерживать, радовать, веселить, доставлять удовольствие, нравиться») также характерно для языка русского поэта и появляется в его оригинальных стихотворениях не раз:

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.
<...> (1887)[27]

Фет очевидно отдает ему предпочтение и при создании переводов, слово «отрада» и его производные появляются в самых разных элегиях (причем не только в любовных) всех четырех книг. Так, в переводе элегий первой книги они используются девять раз, в семи элегиях из двадцати четырех, еще шесть раз во второй книге, два раза в третьей и один раз в четвертой.

Во II элегии первой книги суперлятивная форма «gratissima» («милейшая») при характеристике Цинтии переводится Фетом «отрада» (ст. 31); в IX элегии в стихах, где говорится о том, что высказать свои думы «in amore levat» («облегчает в любви»), Фет переводит «отрадно в любви» (ст. 34); перевод X элегии «К Галлу» начинается с восклицания «О, отрадная ночь», тогда как у Проперция здесь «O iucunda quies» («О, радующий покой»; «iucundus» — «приятный, милый, доставляющий удовольствие, радующий», «quies» — «покой, отдых, сон, сновидение, молчание, мир, успокоение, тишина, место отдыха»), и в этой же элегии в стихе 3 «iucunda voluptas» («радующее удовольствие»; «voluptas» — «удовольствие, наслаждение (в том числе чувственное), сладострастие, похоть, низменная страсть, *ласк.* радость») — «отрадное счастье». В XI элегии, обращенной к Цинтии, которая отдыхает на курорте в Байях, стих 24 «Omnia tu nostrae tempora laetitiae» («Ты все время нашей радости»; «laetitia» — «радость, веселость, веселье, ликование, привлекательность, очарование») переведен: «Всей и отрады моей время единое ты»; в XIV элегии, обращенной к Туллу, в стихе 1 «abiectus molliter» («легко раскинувшись»)

вешний день среди стремленья...» (1891), «Когда смущенный умолкаю...» (1892) и др.

[27] См. также: «Шумела полночная вьюга...» (1842), «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» (1847), поэма «Две липки» (1856), «В душе измученной годами...» (1867), «Прекрасная ночь» (из Гёте) (1878), «Боги Греции» (из Шиллера) (1878), «Вечный хмель мне не отрада...» (1887), «Все, все мое, что есть и прежде было...» (1887), «На качелях» (1890), «Опавший лист дрожит от нашего движенья...» (1891), «Давно в любви отрады мало...» (1891), «Не отнеси к холодному бесстрастью...» (1892), «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» (1892) и др.

переведено «в отрадной раскинувшись неге»; в XIX элегии при переводе «gaudia» («gaudium» — «предмет радости») вновь выбирается слово «отрада»: «Sed cupidus falsis attingere gaudia palmis» («А стремящийся коснуться неверными ладонями предмета радости») — «А чтоб отрады своей коснуться лишь призраком пальцев» (ст. 9); а в XX элегии прилагательное «отрадный» вводится Фетом при переводе образа «mollia <...> litora» («отлогие берега»; «mollis» — «отлогий, некрутой, спокойный, мягкий») — «берег отрадный» (ст. 21—22). В этой же элегии ниже, в стихе 34, описание берега в переводе вновь дополняется эпитетом «отрадный»: «grata domus <...> humida» («влажный, приятный дом»; «gratis» — «приятный, привлекательный, милый, благодарный») — «влажный, отрадный приют».

Во второй книге, как говорилось выше, Фет использует слово «отрада» шесть раз: в V элегии, где герой угрожает отомстить Цинтии за измены — «At tu, per dominae Iunonis dulcia iura» («Ты же, через владычицы Юноны приятную власть»; «dulcis» — «прелестный, очаровательный, сладостный, приятный») переведено «Ты ж, умоляю тебя Юноны отрадною властью» (ст. 17); в VI элегии «sub tacita <...> laetitia» («в молчащем очаровании») — «в отраде немой» (ст. 32); в стихе 3 X элегии («К Музе») «libet <...> memorare» («хочется прославлять») — «отрадно воспеть»; в стихе 17 XII элегии герой спрашивает Амура: «Quid tibi iucundum siccis habitare medullis?» («Что тебе за удовольствие проживать в сухих костях?»), Фет перевел: «Что за отрада тебе в костях проживать иссушенных?»; в стихе 44 XXII элегии вместо «iuvat» («приятно, нравится») — вновь «отрада», что семантически является дословным переводом, но не стилистически; то же самое и в стихе 59 XXXIV элегии: «iuvet» переведено «отрадно».

В третьей книге слово «отрадно» используется уже значительно реже: кроме упомянутой V элегии «me iuvat et multo mentem vincire Lyaeo» («мне приятно и терять сознание в обилии Лиея») — «Мне *отрадно* терять сознанье в обильи Лиея» (ст. 21), при переводе именно любовных элегий слово «отрада» и его производные более не встречаются. Еще раз Фет использует «отрадно» (вместо «dulcis») в переводе стиха 45 элегии, написанной Проперцием на смерть своего друга Пэта (VII «На смерть Пэта из-за корысти»). Возможно, снижение употребления этого слова в переводе продиктовано общим изменением тональности третьей книги.

В четвертой книге в любовной элегии «отрада» появляется лишь единожды: при переводе стиха 63 XI элегии: «Tu, Lepide, et tu, Paule, meum post fata levamen» («Ты, Лепид, и ты, Павел, мое после смерти облегчение») — «Ты, мой Лепид, и ты, Павл, моя и по смерти отрада», а также дважды в этиологических элегиях: в VI элегии («Об акциум-

ской морской битве») — «candida <...> convivia» («радостные пиры»; «candidus» — «радостный, счастливый, безоблачный, безмятежный») переведено «отрадные пиры» (ст. 71) и в X элегии («Юпитер Феретрий») вновь «non iuvat» — «мало отрады» (ст. 4). Таким образом, текст Проперция изменяет и лексика собственного поэтического языка Фета.

Предпочтение определенного слова при переводе отмечается и в других случаях. Так, при переводе стихов, описывающих море, последовательно во всех четырех книгах используется слово «зыбь», хотя Проперций выбирает разные лексемы. Например, стих «Aegaeo <...> **salo**» («эгейским морем»; «salum» — «море, морское волнение, качка») Фет перевел «через эгейскую зыбь» (1-я кн., VI, 2); «At non sic Ithaci digressu mota Calypso / Desertis olim fleverat **aequoribus**» («Но не так Калипсо, взволнованная уходом итакийца, / Некогда рыдала у безлюдного моря»; «aequor» — «водный простор, поверхность моря») — «Но Калипсо не так, итакийца волнуясь уходом, / Некогда слезы лила у опустевших зыбей» (1-я кн., XV, 9—10), «Ionio <...> **rore**» («в ионийской влаге») — «в ионийских зыбях» (2-я кн., XXVI, 2), «e rubro <...> **salo**» («из красного моря») — «из красных зыбей» (3-я кн., XIII, 6), «in toto <...> **Ionio**» («во всем Ионическом море») — «по ионийским зыбям» (3-я кн., XI, 72) и др. Последовательность в выборе определенного слова, имеющего к тому же древнерусское происхождение, для перевода разных лексем оригинала также привносит новые черты в художественный мир римской элегии.

Все перечисленные изменения оригинального текста, конечно, затрагивают и ключевую фигуру элегий Проперция — сам образ Цинтии. Сумев передать выразительную пластичность, осязаемость в изображении героини, свойственную в целом образам в элегиях Проперция, Фет наделил ее также иными чертами. Цинтия в элегиях Проперция — не абстрактный собирательный образ, а реальная женщина, составляющая самую суть подавляющего большинства любовных элегий. Говоря об особенностях любовной лирики римского поэта, Фет пишет, что «без Цинтии не было бы и самих элегий Проперция»,[28] поскольку тема любви к ней составила основу его элегий, их суть: «Развивая один за другим свитки элегий Проперция, мы с первых строк и до последних, исключая четвертой книги <...>, встречаемся лицом к лицу с женщиной, составляющей главное содержание, тогда как все другое является только вспомогательным средством».[29] Непостоянная, своенравная, ревнивая Цинтия, какой ее изобразил Проперций,

[28] *Фет. Проперций.* С. 8—9.

[29] Там же. С. 5—6.

в переводе Фета обрела бóльшую мягкость, духовность, а отношение к ней героя в некоторых элегиях даже более нежное, нежели в оригинале. Эти изменения прослеживаются уже при анализе перевода обращений лирического героя к своей возлюбленной.

В первой книге герой обращается к Цинтии в основном по имени и лишь дважды использует обращение «vita» («жизнь»). Фет переводит по-разному: во II элегии первой книги «vita» заменяет на «душа» (ст. 1), в VIII элегии — на «жизнь моя» (ст. 22). В обоих случаях появляются обращения, более свойственные русской культуре. Кроме того, эпитет «душа» и притяжательное местоимение «моя» вносят в изображаемые чувства и в сам образ героини, с одной стороны, больше духовности, с другой — больше интимности, субъективности.

Во второй книге характер обращения к героине и его перевод ощутимо меняются. С одной стороны, сохраняется обращение «vita» («жизнь»), которое Фет, как и в первой книге, переводит то «моя жизнь» (2-я кн.: XXIV, 29; XXX, 14), то «душа» (2-я кн., XIX, 27). В стихе 1 XXVI элегии лирический герой обращается к возлюбленной «mea vita» («жизнь моя»), Фет переводит дословно. Появляется и новое обращение — «mea lux» («мой свет»), которое Фет везде переводит дословно (см.: XIV, 29; XXVIII, 59; XXIX, 1). В XIII элегии, где поэт, изображая свою смерть, просит Цинтию не забывать его могилу, «cara» («милая») Фет также перевел точно (ст. 40). С другой стороны, во второй книге появляются новые эпитеты по отношению к возлюбленной: в IX элегии «perfida» («вероломная, неверная») Фет переводит дословно — «вероломная» (ст. 28), как и в XXX элегии «demens» («безумная») также остается адекватной оригиналу (ст. 1). В стихе 13 XVII элегии поэт обращается к любимой «impia» («злая, нечестивая, преступная, гнусная») — Фет переводит «злодейка», усиливая экспрессию стиха введением бранного разговорного слова; а в VIII элегии второй книги «improba» («негодная, дурная, нечестная») изменяет на «злая» (ст. 14). Это изменение характера обращений в элегиях Проперция, переданное Фетом в переводах, также отражает противоречивость любовного чувства, изображаемого во второй книге.

В третьей книге перевод обращений выполнен почти точно: «o cara mihi» («о моя дорогая, милая») — «дорогая моя» (X, 11), «mulier» — «женщина» (XXIV, 1), «puella» («девушка») — «дева» (XXI, 16; XX, 10); дважды герой обращается к Цинтии по имени (XXIV, XXV), Фет переводит дословно. При этом в третьем лице герой по-прежнему называет Цинтию «domina» («госпожа, хозяйка; повелительница, владычица»), такое обращение к любимой женщине, как и идея рабского служения в любви, является общим местом римской любовной элегии. При переводе Фет в большинстве случаев выбирает значение «го-

спожа», однако в начале XVI элегии («О повелении возлюбленной») «Nox media, et dominae mihi venit epistola nostrae: / Tibure me missa iussit adesse mora» («Середина ночи, и от нашей госпожи пришло мне письмо: / В Тибур мне приказала быть без промедления она») Фет перевел: «В полночь явилось ко мне письмо от владычицы девы, / Без замедленья она быть мне велела в Тибур» (ст. 1—2), выбрав вариант «владычица», что способствовало передаче торжественного тона стиха. Отметим, что обращение «владычица» традиционно для христианской церкви по отношению к Богородице (как и дева), поэтому выбор этого варианта позволяет говорить об обожествлении образа возлюбленной в переводе Фета. Эта черта свойственна и античным элегикам, само слово «domina» употребляется в том числе при воззвании к богиням. Интересно, что такого же варианта перевода — «владычица» вместо «госпожа» — Фет придерживается и в III элегии, но в отношении Венеры, переведя фразу «Veneris dominae» как «Венеры владычицы» (ст. 31).

Выбор определенного варианта значения слова просматривается и при переводе стихов, раскрывающих упомянутую выше идею служения любимой женщине. Слово «servitium» («рабство, неволя, служба») встречается у Проперция три раза в первой книге и по одному разу во второй и третьей. В первой книге Фет дважды выбирает вариант перевода «служба»: в стихе 4 IV элегии, а также в стихе 19 V элегии, когда герой еще счастливо переживает моменты взаимной любви. В этих случаях речь идет о приятной службе, хоть и называет ее поэт «grave servitium» («gravis» — здесь: «тяжелый»), в переводе Фета «тяжко служить» (1-я кн., V, 19), но лишь от своенравия красавицы, а не от ее безразличия. Такого же перевода Фет придерживается в XX элегии второй книги: «servitium (mite)» («mitis» — «легкий, приятный, кроткий, спокойный») вновь переведено как «(кроткая) служба» (ст. 20), герой клянется Цинтии в верности и любви. В XII же элегии первой книги, где речь идет о ссоре с возлюбленной и о том, что Цинтия охладела к герою, «servitium» переведено как «рабство» (ст. 18). Также и в XVII элегии третьей книги, где поэт пытается окончательно забыть Цинтию и свою любовь при помощи служения Вакху, «servitium» переведено как «рабство (гордыне)» (ст. 41), что дополнительно подчеркивает негативный характер чувства.

В четвертой книге уже отсутствуют такие обращения к Цинтии — элегий, посвященных непосредственно ей, всего две (обе «О Цинтии»), и обе отнесены к событиям, развернувшимся в прошлом. Однако и здесь можно проследить общую линию изменения образа Цинтии в переводе по сравнению с оригинальным текстом. Так, в VII элегии, где к спящему поэту во сне является недавно умершая Цинтия, стих 5

«Quum mihi somnus ab exsequiis penderet amaris» («Когда мне сон следовал после горького погребения») Фет перевел: «Как волновался мой сон за погребением милой», использовав дополнительный эпитет «милой» по отношению к Цинтии, что вносит ноту нежности в общий грустный тон стихотворения.

Выражение ласкового отношения героя к Цинтии, бóльшая нежность при ее изображении достигаются в переводе и использованием деминутивов.[30] Уменьшительные формы появляются при создании портрета героини, пейзажа, в интерьере, чтобы придать образу Цинтии больше теплоты, душевности, чем в оригинале: во II элегии первой книги, где герой восхищается естественной красотой любимой и сравнивает ее с природными красотами, Фет перевел «lympha» («чистая вода, влага») как «речка» (ст. 12), «volucres» («птицы») как «птички» (ст. 14); в XVI элегии первой книги, сохранив в стихе уменьшительные формы «vocula» («словечко») и «auricula» («ушко»), Фет добавил еще один деминутив: «О, когда бы мое словечко проникло сквозь **щелку** / И, к госпоже донесясь, прямо попало в ушко!» (ст. 27—28), тогда как у Проперция «O utinam traiecta cava mea vocula **rima** / Percussas dominae vertat in auriculas!». В VI элегии третьей книги («К Лигдаму»), которая построена в форме диалога лирического героя с рабом Цинтии Лигдамом, герой расспрашивает раба, не горюет ли Цинтия в разлуке после ссоры с Проперцием. Нежный, беззащитный образ тоскующей возлюбленной, который создает Проперций в первой части элегии, в переводе Фета усиливается появлением двух деминутивов: «локоткам» вместо «lacertis» («рукам», ст. 13) и «ларчик» вместо «scrinia» («ларцы», ст. 14). Во второй части в стихе 21 вновь появляется уменьшительное слово — «бедняжку» (у Проперция «miseram» — «несчастную»), что создает дополнительную перекличку между первой и второй частями элегии. При переводе послед-

[30] Конечно, это не единственная функция деминутивов в переводе Фета. Например, иногда уменьшительные формы служат усилению негативного тона стиха: в стихе 10 XXI элегии второй книги «maritus» («муж, супруг, искатель руки, жених») переведено как «муженек», что в контексте этого стихотворения усиливает презрительный тон стиха: «Dispeream, si quidquam aliud, quam gloria, de te / Quaeritur: has laudes ille maritus habet» («Пусть я сгину, если что-нибудь другое, чем слава, от тебя / Требуется: тот муж имеет такие заслуги») — «Пусть пропаду, если он иного чего, как хвалиться / Ищет тобой; вот чем хвастает тот муженек» (ст. 9—10). В некоторых элегиях Фет отказывается от деминутивов там, где они есть у Проперция, придавая большую серьезность и торжественность тексту. Так, стих 41 XXVI элегии второй книги («К Цинтии о приснившемся кораблекрушении»), где римский поэт заявляет, что готов на все, «Illa meis tantum non usquam desit ocellis» («Лишь бы она никогда не оставила мои глазки») Фет перевел: «Лишь бы она у меня никогда из очей не скрывалась», усиливая патетику текста.

него стиха XX элегии третьей книги («К подруге») Фет смягчил суровость последних строк Проперция, где он проклинает того, кто посмеет нарушить любовный союз: «Nec flenti *dominae* patefiant nocte *fenestrae*. / Semper amet, fructu semper amoris egens» («И пусть не откроются плачущему ночью окна госпожи. / Всегда пусть любит, плода любви всегда лишенный»). Некоторому снижению патетического тона поспособствовало использование деминутива и замена «dominae» («госпожи») на «милой»: «Пусть и на слезы его не раскроются *милой окошки*, / Вечно пусть любит, плодов вечно лишенный любви».[31]

Все отмеченные расхождения с оригиналом, допущенные Фетом, в итоге изменяют стих римского поэта. Так в античной элегии появляются элементы, ей не свойственные. Они дополняют сам образ героини новыми, отнюдь не римскими, чертами, делая ее ближе и понятнее русскому читателю, смягчая образ, поэтизируя, что достигается использованием фольклорной и церковно-христианской лексики при характеристике Цинтии, появлением в переводе исконно русских слов, устойчивых выражений. Все это вызывает в сознании читателя ассоциации с русской национальной культурой, а не с античной. Отразив все психологические нюансы сложного любовного чувства, рисуемого Проперцием, его эволюцию, Фет обогатил любовную тему и образами русской романтической поэзии.

Вместе с тем часть допущенных изменений объясняется трудностями передачи смысла латинского текста средствами русского языка, учитывая стремление Фета придерживаться размера оригинала и не нарушать объем элегий и порядок стихов. Некоторые отклонения (например, в передаче приемов поэтического синтаксиса) несущественно меняют характер оригинального стихотворения, так как в целом соответствуют поэтике любовных элегий Проперция и свидетельствуют о безусловном понимании Фетом ее специфики.

[31] Перевод «fenestrae» как «окошки», когда речь идет о Цинтии, наблюдается на протяжении всех четырех книг. См.: 1-я кн., III, 31; 2-я кн., XIX, 5; 3-я кн., XX, 29; 4-я кн., VII, 16.

Е. Н. Ашихмина

«ЧТО НИ АРШИН, ТО ШЕНШИН»
(Шеншины вокруг Фета)

В статье «Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний „Ранние годы моей жизни“» уже говорилось об окружении Фета на его родине.[1] Настоящая публикация призвана дополнить и уточнить уже известную информацию.

Родина Афанасия Фета — мценские Новоселки — оказала глубокое воздействие на становление его личности. Близкие и дальние родственники, друзья детства, соседи, окружавшие его, в основном происходили из старинных землевладельцев Верхнеокского порубежья, и это определяло строй их жизни, быта, интересов и моральных установок. Фет, пожалуй, в большей мере, чем кто-либо, доказал свою преданность традиционным ценностям, на которых он был воспитан. С детства Афанасий Шеншин принял для себя как единственно верный уклад бытия своих предков, для которых со стародавних времен смысл жизни состоял в служении Отечеству и в бесконечных трудах по хозяйству. Фет никогда не собирался покидать родину для длительной жизни за границей. Он хотел жить в деятельных трудах, как и его Шеншины, которыми он гордился: результатами и их забот, и их служения жила Россия. Службе Отечеству он отдал свой долг, и можно предположить, что не столько написание стихов (не писать которых он не мог), сколько практическая помещичья деятельность попрежнему представлялась ему самым уважаемым делом на земле. Именно поэтому он столько сил вкладывал в хозяйство Степановки и Воробьевки. Именно поэтому пятнадцать лет отдал нелегкой работе

[1] См.: *Ашихмина Е. Н.* Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // *ФетСб(2)*. С. 86—107.

© Е. Н. Ашихмина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-52-64

мировым судьей. И потому так добивался возврата родной ему фамилии, завещав похоронить себя в родовом имении в Клейменове.

Шеншины принадлежали к служилому сословию детей боярских, защитников южнорусских рубежей и земледельцев. Крестьян в те далекие века у них было мало, либо совсем не имелось. Землю, оплату их ратного труда, они возделывали сами. Жизнь в пограничье была опасной — набеги крымских татар прекратились лишь после Азовских походов Петра I и подписания им в 1700 году перемирия с Турцией, контролировавшей Крым.

Вероятно, Шеншины обитали в орловских краях еще до Смуты. Писцовая и межевая книга 1627 года называет двенадцать Шеншиных во всех станах Мценского уезда. Часть Шеншиных владела бывшими поместьями своих отцов — Михаила и Артемия Шеншиных.[2] Старинное поместье Богдана Шеншина к тому времени уже перешло к другим владельцам.[3]

Мценская отказная книга фиксирует следующих представителей фамилии тех времен: «мецнянин Данила Гридарев сын Шеншин» (май 1630), «мценские дети боярские» Сила и Василий Михайловичи Шеншины (октябрь 1636), Филимон и Григорий Леонтьевичи Шеншины (январь 1640).[4] В том январе 1640 года Филимон и Григорий Леонтьевичи просили перемерить их владения в Большом Городском стане на пустоши Дикого Поля «обапол Козинных лесков по левую сторону курской дороги и по обе стороны ливенской дороги и с верх Оптушки малой речки к аржаному полю» — то есть в их угодьях на берегах речек Оптухи и Оптушки.[5]

В конце 70-х годов XVII века, после отмены политики «заказных городов», на Верхней Оке вновь были открыты для заселения Орел, Мценск, Болхов, Кромы и Новосиль. Здешними землями стали активно интересоваться московские чиновники — дьяки, подьячие, окольничие, стольники, стряпчие. Многие хотели «застолбить» себе обширные в пограничье уделы и поместить на них своих «дворников». Как бы земля ни разорялась в приходы крымских татар, вотчина от этого не терялась. Тогда в числе прочих во Мценском уезде получили вотчины московские стольники Афанасий, Леонтий и Трофим Семеновичи

---

[2] «За Сотником Михайловым сыном Шеншиным отца его поместье жеребей деревни Зайцово селище»; «За Васильем Михайловым сыном Шеншиным отца его поместье жеребей деревни Зайцово селище» (*РГАДА*. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 93. Л. 10); «За Андреем Артемьевым сыном Шеншиным отца его поместье жеребей деревни Малининой, Алябьево тож» (Там же. Л. 10 об.).

[3] Там же. Л. 10.

[4] Мценская отказная книга. 1630—1691 гг. // Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. С. 178, 197, 200.

[5] Там же. С. 200.

Шеншины. Больших земельных дач в Московской округе у Семеновичей, скорее всего, не имелось, и, приняв земельные пожалования от царя, они пожелали на свой страх и риск обосноваться в приграничье, где уже, может быть, служили их сыновья. С большой долей осторожности так можно говорить о Леонтии.

В 1681 году братья-стольники Леонтий, Трофим и Афанасий Шеншины владели поместьями в Большом Городском стане в урочищах по реке Ядринке.[6] Кроме того, в 1694 году Леонтию Семеновичу (вместе с Максимом Артемьевичем Шишковым) было отмежевано поместье в урочищах на Долгом Колодезе,[7] стольнику Афанасию Семеновичу — в деревнях Волково и Скурикова (Толстиково),[8] Трофиму Семеновичу — в деревне Сурядной.[9] В последующих веках, в отличие от своих соседей Рогозиных, Мансуровых, князей Горчаковых, Борзенковых, Гриневых, Беленковых, Буниных[10] и прочих, Шеншины, при понятных неизбежных потерях, основных своих поместий не утратили. Подобных семейств, удержавших от продажи свои маетности, было не так уж много. В их числе назовем лишь Лутовиновых, чьи земли в большинстве своем перешли В. П. Тургеневой, и Торсуковых, чья недвижимость через Е. А. Торсукову стала собственностью Новосильцевых.

Владения Шеншиных раскинулись во Мценском, Орловском и Дешкинском[11] уездах, но именно во Мценске их было больше всего, и потому здесь сложилась поговорка «У нас что ни аршин, то Шеншин». Во всех них, даже тех, кто считался однофамильцами, Фет не без оснований предполагал родню: «В гостеприимном доме Семена Николаевича мне пришлось познакомиться со многими членами его довольно обширного родства, к которому, очевидно, принадлежал и наш дом, так как однажды Семен Николаевич, вздвигая рукава и показывая прекрасные коралловые запонки, сказал: „Это мне подарил дядюшка Василий Петрович“, то есть мой дед».[12]

---

[6] Писцовые книги Юго-Западного порубежья. М., 2013. С. 108.

[7] Там же. С. 113.

[8] Там же. С. 112.

[9] Там же. С. 114.

[10] Фамилия Буниных имела в документах и более неожиданное, но «говорящее» написание — Буйнины. Например: «Отхожего писцового леса земли, что на Благом верху <...> секретаря Федора Яковлева сына Буйнина с проч.» (Межевой отдел. Планы дач генерального и специального межевания. Орловская губерния. Мценский уезд // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 320. Ч. 1. Д. 992. Л. 34. Далее повторные ссылки на документы Межевого отдела в РГАДА даются сокращенно, с указанием названия уезда, номера части и листа).

[11] Земли бывшего Дешкинского уезда ныне входят в состав Мценского, Орловского и Урицкого районов Орловской области.

[12] *РГ*. С. 192.

Так и было. Взять хотя бы линию помещиков села Волкова, условно делимых на «ближних» и «дальних». Обе ветви происходили от Афанасия Семеновича Шеншина. Тот имел сына Алексея Афанасьевича, у которого, в свою очередь, были сыновья Матвей и Иван. Иван стал отцом обер-прокурора Николая Ивановича Шеншина из «ближней Волковой», Матвей — отцом бригадира Александра Матвеевича Шеншина. От Ивана пошли волковские «ближние». От Матвея — волковские «дальние». То есть как московский стольник Афанасий Семенович, сын тоже московского стольника Семена Степановича Шеншина, получил в 1694 году свою вотчину в Волкове, так семейство и не покинуло этих земель вплоть до Октябрьской революции 1917 года.[13] В «ближнем» Волкове в 1917 году были владения Дмитрия Николаевича Шеншина, в «дальнем» — мценского предводителя дворянства, вице-губернатора Тульской губернии Владимира Николаевича Шеншина,[14] скончавшегося в кубанской станице во время Ледового похода в 1918 году. Его сестра Ольга Николаевна Головина сумела эмигрировать.[15] Последний раз она была в Волкове осенью 1918 года.[16]

От того же Афанасия Семеновича Шеншина происходили и владельцы фетовских Новоселок: «волковский» Алексей Афанасьевич и Петр Афанасьевич (воевода, скакавший на лошадях, подкованных серебром) были родными братьями. От Петра пошли Неофит Петрович и Афанасий Неофитович Шеншины. Как видим, отчим Фета А. Н. Шеншин и волковские знакомцы Тургенева и Фета Н. Н. Шеншин и мценский дворянский предводитель В. А. Шеншин имели общих предков и состояли в родстве.

В феврале 1789 года старинные шеншинские земли родителей — поручика Петра Афанасьевича Шеншина и его жены Авдотьи Васильевны, а также дяди — майора Ивана Трофимовича Шеншина делили братья — поручик Неофит и коллежский асессор Василий Петровичи Шеншины,[17] уделяя часть сестрам.[18] Владения находились

---

[13] *Ашихмина Е. Н.* Историческая топонимика Мценского района Орловской области. Орел, 2014. С. 51.

[14] *Ашихмина Е. Н.* Дворяне села Волкова Мценского уезда — друзья Тургенева и Фета // Тургеневский ежегодник 2018—2019 года. Орел, 2019. С. 116—117.

[15] Воспоминания Ольги Николаевны Головиной / Публ. А. Д. Шепелева // Спасский вестник. Тула, 2017. Вып. 25. С. 198—211.

[16] Там же. С. 202.

[17] См. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Мценские родственники, друзья и соседи Фета... С. 88—92.

[18] Сестрами Н. П. и В. П. Шеншиных являлись поручицы Пелагея Петровна Кривцова, Анна Петровна Логвинова, капитанша Татьяна Петровна Трубникова, урожденные Шеншины. Свою долю получала и племянница, девица Ольга Матве-

«в деревнях Пеньковой и Верховья речки Ядринки Долгом Колодезе»,[19] в мценских селах Афанасьевском и Воскресенском, в деревнях Сурядной, Алешне и др. В XIX веке землями по реке Ядринке владели братья Афанасий и Петр Неофитовичи Шеншины, отчим и крестный отец Фета.[20]

В результате раздела Неофит Петрович как старший стал владельцем большой деревни Пеньковой и «стоящей усть реки Оптухи мельницы».[21] Деревня Пенькова была центром прилежавших к ней незначительных по размерам селений и пустошей, выходивших на берега рек Оптухи и Легощи. По данным Писцовой книги 1594/95 годов, подтвержденным сообщением в «Орловских губернских ведомостях» 1852 года, удалось установить, что в Пеньково входили деревни Нижняя и Вышняя Калиновка современного Орловского района.[22] На карте Шуберта под названием Пеньково обозначена лишь Калиновка Нижняя, но в начале XVIII века это был целый комплекс владений.[23]

Село Афанасьевское, которое уже имелось частично во владении Неофита Петровича и где обитали «недоросли Афанасий и Василий», полностью перешло под его контроль «в 776 году по купчей <...> от родственника его артиллерии капитана Александра Иванова сына Шеншина».[24]

Матери Неофитычей, поручице Авдотье Васильевне, помимо указанных выше селений принадлежали «сельцо Проскурино с пустошьми» Дешкинского уезда (1779),[25] по сути это тоже мценские земли, а также владение в деревне Скворчей Озерне Тульского наместничества Новосильской округи.[26] Впоследствии эти земли достались по разделу младшему брату Неофита Василию, получившему также мельницу и две десятины под ней на реке Легоще в деревне Калиновке, одной из частей Пенькова.[27]

ева — дочь поручика Василия Матвеева и еще одной, умершей сестры Шеншиных (*ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 3).

[19] Там же.

[20] *Ашихмина Е. Н.* Историческая топонимика Мценского района Орловской области. С. 51.

[21] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 4.

[22] *Орл губ вед*. 1852. 3 мая. № 18. С. 244.

[23] Генеральный геометрический план г. Мценска и его уезда, состоящего в Орловском наместничестве. Сочинен в Курской межевой конторе в 1785-м году.

[24] *ГАОО*. Ф. 760. Оп. 1. Д. 414. Л. 54.

[25] Межевой отдел. Планы дач генерального и специального межевания. Орловская губерния. Дешкинский уезд // *РГАДА*. Ф. 1354. Оп. 313. Ч. 1. Д. 977. Л. 27.

[26] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 3.

[27] Там же. Л. 5.

Интересно, что в собственности матери, Авдотьи Васильевны, числится Скородная пустошь Дешкинского уезда.[28] Это — ее наследное владение. И это — часть села Клейменова, которое тогда называлось деревней Клементьевой и принадлежало подпоручице Анне Гобатовой[29] и коллежскому советнику Николаю Цурикову[30] «с прочими». Под словом «прочие» в документах XVIII века подразумевались другие владельцы земли, и в их числе, по всей видимости, были Шеншины либо родные Авдотьи Васильевны, чью фамилию еще предстоит установить,[31] как и узнать, кто же именно привнес земли, считающиеся родовыми, в семью Шеншиных.

В документах Генерального межевания, происходившего во Мценском уезде в 1778—1780 годах, Василий и Неофит Шеншины, помимо указанных выше, имели следующую собственность по данным на 1778 год:

— «Евдокимовой деревни, что был жеребей села Подбелевца, называемой Евдокимовской, общего владения у гг. Шеншиных»;[32]

— «Козюлькиной деревни, Мартюхинской Удеревьи тож, общего владения поручика Неофита Шеншина с проч.»;[33]

— «Петиной деревни общего владения поручика Неофита Петрова сына Шеншина с проч.»;[34]

— «Верховья Ядренки пустоши с пустошьми общего владения поручика Неофита, гвардии сержанта Василия Петровых детей Шеншиных».[35]

Василий Петрович как младший в роду владел землей в Клейменове: «Согласно обычаю предоставлять меньшим членам семейства главную усадьбу, Клейменово, по смерти Петра Афанасьевича, перешло к меньшому его сыну Василию Петровичу, тогда как старшему Неофиту Петровичу досталась Добрая Вода <...>».[36]

Обер-прокурору Н. И. Шеншину помимо усадьбы в Волкове — «Волкова села, Троицкое тож, с сельцом того же имени, Скуриково тож,

---

[28] Дешкинский уезд. Ч. 1. Л. 32.

[29] Там же. Л. 14 об.

[30] Там же. Л. 15 об.

[31] Утверждение Н. М. Чернова о том, что Петра Афанасьевича Шеншина «второбрачную жену, прабабку Фета», звали Любовью, отчего в «дочернем потомстве повторялось это имя» (*Чернов Н.* Провинциальный Тургенев. М., 2003. С. 107), приходится признать неосновательным (см. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Мценские родственники, друзья и соседи Фета... С. 91).

[32] Мценский уезд. Ч. 1. Л. 15.

[33] Там же. Л. 21.

[34] Там же. Л. 41 об.

[35] Там же. Л. 6.

[36] *РГ.* С. 39.

с деревней Лубянцовою» (1780)[37] — и пустоши Соловьевского починка (1778)[38] принадлежало 328 десятин в деревне Сатыевке (1778),[39] которая еще в 30-х годах XX века называлась Сатыевка (Шеншино).[40] Были и другие владения.

В XVIII веке родственники Шеншиных состояли владельцами немалого количества мценских земель. Так, вдова лейб-гвардии майора Матвея Алексеевича Шеншина Надежда Алексеевна с детьми — лейб-гвардии поручиком Преображенского полка Александром и сержантом того же полка Федором — владела деревнями Сурядной,[41] Красниковой,[42] Ребикиной,[43] сельцом Ивановским,[44] Борзой пустошью «с разными починками, что под Водяным лесом»,[45] пустошами Маденковой[46] и Синюковой,[47] а также частью села Афанасьевского, доставшегося ей по наследству от Ивана Трофимовича Шеншина.[48]

В Дешкинском уезде у коллежского асессора Степана Шеншина имелась земля в деревне Онсиной, Мартемьянова тож.[49] Один из его сыновей —прапорщик Михаил Степанович Шеншин был собственником земли в сельце Крыцине (Крицине) и деревне Гомаюновой,[50] а также в сельце Тимохине («жеребий» Подбелевца).[51]

Сельцом Азаровым[52] владел поручик Николай Абрамович Шеншин, генерал-майор Алексей Семенович Шеншин — землей, отрезанной из дачи деревни Ретановой,[53] Александр Иванович Шеншин — сельцом Никуличи, деревней Покровой, Новопоселенной слободкой и пустошью «усть речки Нажимки»,[54] майор Авраам Алекссевич Шеншин — частью деревни Лубенцовой, сельца Коншино тож,[55] и пусто-

[37] Мценский уезд. Ч. 1. Л. 6 об.
[38] Там же. Л. 45.
[39] Там же. Л. 45 об.
[40] Список населенных мест Орловской губернии / Изд. Орловского губстатотдела. Орел, 1927. Вып. 4: Орловский уезд. С. 84.
[41] Мценский уезд. Ч. 1. Л. 46 об.
[42] Там же. Л. 21.
[43] Там же. Л. 43 об.
[44] Там же. Л. 19 об.
[45] Там же. Л. 4 об.
[46] Там же. Л. 27 об.
[47] Там же. Л. 47.
[48] *ГАОО*. Ф. 760. Оп. 1. Д. 414. Л. 62.
[49] Дешкинский уезд. Ч. 1. Л. 21.
[50] Мценский уезд. Ч. 1. Л. 21 об.
[51] Там же. Л. 49 об.
[52] Там же. Л. 1.
[53] Там же. Л. 23 об.
[54] Там же. Л. 30.
[55] Там же. Л. 25 об.

шью Меркуловой, Рубцово тож.[56] Озерецкая пустошь была в собственности капитанши Анны Степановны Шеншиной,[57] часть сельца Фарафонова — у майорши Афимьи Ивановны Шеншиной.[58] Сельцо Верхние Прилепы, что «прежде было пустошь Мишурова с пустошьми», находилось в общем владении «майора Герасима, подпоручика Захара Гавриловых детей, девицы Александры Васильевой, дочери Шеншиных».[59]

Значительным количеством мценских земель обладала вдова секунд-майора Ивана Трофимовича Шеншина Прасковья Максимовна, урожденная Щербачева. Сама она проживала в Москве, поручая присматривать за мценскими землями своим управляющим. Прасковье Шеншиной принадлежало село Воскресенское, Ломовое тож, с деревней Поддубровной,[60] часть родового шеншинского села Афанасьевского, часть деревни Подгорелец (Подбелевец),[61] пустошь Борисовская.[62] Эти земли после смерти майорши в 1782 году унаследовал ее брат, обер-прокурор Сената действительный статский советник Петр Максимович Щербачев.

И это далеко не все владения Шеншиных. Как уже упоминалось, межевание XVIII века фиксировало лишь одного владельца участка земли. Остальные обозначались словом «прочие». Каждый населенный пункт или пустошь имели нескольких хозяев. В межевании XIX века они будут записаны полностью.

В XVIII веке в соседстве с Шеншиными живут Зыбины,[63] Протасовы,[64] Голицыны,[65] Рагозины,[66] Лутовиновы[67] и многие другие знакомые литературоведам лица.

Спустя век на тех же землях появляются шеншинские потомки. Сельцом Афанасьевским с деревней Сурядной теперь владеет Иван

---

[56] Там же. Л. 27.

[57] Там же. Л. 32 об.

[58] Там же. Л. 51 об.

[59] Там же. Л. 6.

[60] Там же. Л. 7.

[61] *ГАОО*. Ф. 760. Оп. 1. Д. 414. Л. 62.

[62] Мценский уезд. Ч. 1. Л. 4.

[63] «Успенского, Ядрина тож, села общего владения подполковницы Марьи Зыбиной с проч.» (Там же. Л. 50 об.).

[64] «Катушищева сельца владения генерал-поручика Якова Яковлевича Протасова» (Там же. Л. 21).

[65] «Думчиной большой деревни владения капитанши княгини Анны Александровой дочери Голицыной» (Там же. Л. 11).

[66] Село Казанское, Подберезово Болото тож — владение Алексея Степановича Рагозина (Там же. Л. 21 об.).

[67] Там же. Л. 8 об., 10, 45, 46 и др.

Неофитович Шеншин (1846).[68] Его брат Афанасий обосновался в Новоселках, в бывшем Козюлькине, Мартюхинское Удеревье тож. Он также владел землей в части деревни Демениной (1846),[69] в пустоши Есеновой (1854)[70] (это в селе Сергиевском), а также «от Ашихменных пустоши 1-й части, что в Писцовых урочищах».[71] Ашихминской пустошью А. Н. Шеншин владел совместно с коллежской асессоршей Варварой Герасимовной Каврайской и генерал-лейтенантшей Анной Федоровной Павлищевой, невесткой сестры А. С. Пушкина Ольги Сергеевны Павлищевой.

У Афанасия Неофитовича в собственности была также Дюкина пустошь вблизи Подбелевца,[72] интересная нам по воспоминаниям Фета: «Помню, что мы с Тимофеем берегом Зуши незаметно добрались до самого Подбелевца <...> соблазн проскользнуть верхом мимо многочисленной и пестрой толпы заставил меня забыть запрещение матери. <...> прошмыгнув по краю ярмарки, мы тотчас пронесемся через бугор и проселок и скатимся в Дюков лесной верх, где до самого дома будем скрыты от нескромных взоров».[73]

Усадьба П. Н. Шеншина находилась в дедовском Ядрине: «В праздничные дни для меня большим наслаждением было ездить к дяде Петру Неофитовичу на его Ядрино, в котором он в небольшом, но удобном доме проживал зажиточным холостяком, ружейным и псовым охотником. <...> Дядя обычно был ко мне внимателен и любил слушать мое восторженное чтение стихов».[74] К Петру Неофитовичу, как писал Фет, также перешло «от дяди Василия Петровича Долгое, близ реки Неручи, славившейся в то время своими болотами».[75] Наконец, как младший в роду этот Шеншин после дяди Василия Петровича получил Клейменово, которым потом владел Василий Афанасьевич Шеншин.

Титулярный советник Иван Неофитович Шеншин[76] жил в усадьбе в Доброй Воде и, кроме села Афанасьевского и деревни Сурядной, имел в собственности сельцо Раковое,[77] часть деревни Казначеевой,

[68] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 2.
[69] Дешкинский уезд. Ч. 2. Л. 16.
[70] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 30 об.
[71] Там же. Л. 69 об.
[72] Там же. Л. 24.
[73] *РГ*. С. 72—73.
[74] Там же. С. 64—65.
[75] Там же. С. 190.
[76] Чин И. Н. Шеншина приведен по данным на 1855 г.
[77] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 80 об.

Студеная Слободка тож,[78] часть пустоши Озерок,[79] части Дикого Поля[80] и «Доброй Воды верха пустоши»,[81] которую делил с генерал-адъютантом Владимиром Александровичем Меншиковым.

Сыну своему, тайному советнику Владимиру Шеншину, обер-прокурор Николай Иванович оставил значительные владения — сельцо Подгорелец Подбелевец тож, с деревнею Глебовой,[82] сельцо Савенково, Юшково тож,[83] и Сотникову пустошь.[84] В Подгорельце-Подбелевце также было имение гвардии капитана Дмитрия Михайловича Мансурова. О нем и его отце — «почтенном старике Михайле Николаевиче», о брате Александре, о сестрах Анне и Варваре Мансуровых, меньшая из которых была дружна с матерью поэта, вспоминает Фет.[85]

Сыну Николаю обер-прокурором было оставлено Волково, где потом обитали его внуки — Николай Никитич Шеншин с сестрами.

Еще один сын Н. И. Шеншина — гвардии поручик Семен Николаевич владел имением Желябуг. С. Н. Шеншин жил во Мценске, в доме, где не раз бывал Фет: «...и по сей день для меня осталось необъяснимым, почему Семен Николаевич Шеншин, так радушно принимавший меня в Москве на Никитской, покинув Москву, переселился во Мценск. Было бы понятно, если бы он переселился в свое прекрасное, благоустроенное имение Желябуху; но почему он избрал Мценск и притом не только для зимнего, но и летнего пребывания, объяснить не умею. Он занимал лучший во всем городе двухэтажный дом с жестяными львами на воротах. Львы эти и по сей день разевают на проходящих свои пасти, выставляя красные жестяные языки».[86]

В 1849 году Желябуг, «часть сельца с деревнею, хутором и с присоединенною частию дачи пустоши первой Вышней Слободки, что под Желябужским лесом»,[87] уже числится во владении вдовы С. Н. Шеншина — поручицы Анны Дмитриевны и ее сына штаб-ротмистра Дмитрия Семеновича Шеншина. Этим Шеншиным принадлежала и часть села Подмаслова (1851).[88]

В Гаврильце Верхнем сельце «с присоединенными к нему части пустоши Смородиновой и части пустоши Под Дятковым лесом» имели

---

[78] Там же. Л. 40.
[79] Там же. Л. 70.
[80] Там же. Л. 23.
[81] Там же. Л. 27.
[82] Там же. Л. 73 об.
[83] Дешкинский уезд. Ч. 2. Л. 48.
[84] Там же. Л. 48 об.
[85] *РГ*. С. 23.
[86] Там же. С. 191.
[87] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 32.
[88] Там же. Л. 69 об.

земли дочери Семена Шеншина — девицы Елизавета и Анастасия (1858).[89]

Многие, но не слишком доходные, земли обер-прокурора Н. И. Шеншина перешли к его дочери — из дворян девице Марье Николаевне. В ее собственности имелись «Лутовиновский хутор деревня»,[90] Соловецкий починок[91] (бывший Соловьевский) и пустоши — Воловьего верха,[92] Игуменцева,[93] под Карауловой горой, Переверзево тож,[94] и часть пустоши «Сбочь Круглой Поляны»[95] (межевание 1848—1852 годов).

Внуку обер-прокурора подпоручику Николаю Никитичу Шеншину достались, помимо Волкова, те владения, где по первому межеванию Н. И. Шеншин был обозначен в числе прочих: деревня Красникова, Руднева тож,[96] две части деревни Думчиной Большой, одна из них — с пустошью Меркуловой, Рябцово тож.[97]

К его брату, поручику Александру Никитичу Шеншину, перешла часть сельца Ивановского, Масаловка тож,[98] где он и проживал и рядом с которым потом оказалась фетовская Степановка. У А. Н. Шеншина имелись также часть сельца Никулич[99] (другая принадлежала Николаю Сергеевичу Тургеневу), Павловская пустошь,[100] пустошь «усть речки Нажимки», земля из дачи деревни Новопоселенной слободки возле устья все той же Нажимки, где отдельной частью владела его супруга, поручица Любовь Афанасьевна Шеншина (1854).[101] Она же была собственницей деревни Покровской,[102] которую получила от отца (1854). Сын этой пары, Владимир Николаевич Шеншин, в 1881 году имел собственность в деревне Евдокимовой,[103] принадлежавшей «господам Шеншиным» еще в XVIII веке.

Владимир Александрович Шеншин также был наследником своих предков. Сам он проживал в усадьбе Волково, купленной в 1789 году

---

[89] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 21.
[90] Там же. Л. 51.
[91] Там же. Л. 83.
[92] Там же. Л. 17.
[93] Там же. Л. 37.
[94] Там же. Л. 74.
[95] Там же. Л. 35.
[96] Там же. Л. 41.
[97] Там же. Л. 24 об.
[98] Там же. Л. 37.
[99] Там же. Л. 96.
[100] Там же. Л. 55 об.
[101] Там же. Л. 62 об.
[102] Там же. Л. 74 об.
[103] Там же. Л. 31.

его отцом, бригадиром Александром Матвеевичем Шеншиным.[104] Но в его собственности были и старые шеншинские земли: село Рождественское, «что прежде была деревня Оптуха»,[105] часть деревни Думчиной Малой,[106] «Въезжего Мокрого леса пустоши» часть[107] (межевание 1845—1858 годов).

Как родственники, оба волковских помещика Н. Н. Шеншин и В. А. Шеншин владели частями одних и тех же земель. Так, они имели собственность в деревне Думчино и в даче Кокоревой пустоши,[108] а В. А. Шеншин и А. Н. Шеншин — в сельце Ивановском, Масаловка тож.[109]

Были у Шеншиных и другие имения — сельцо Завалишино[110] у поручицы Варвары Федоровны Шеншиной, которая вместе с Ипполитом Петровичем Шеншиным владела Верхними Прилепами с пустошью Сенюковой.[111] Было и много других.

Документы Генерального межевания называют место обитания Анны Неофитовны Семенкович, родной сестры Афанасия Неофитовича Шеншина. Фет пишет: «Сестры отца моего, Любовь и Анна, были замужем. Первая за богатым болховским помещиком Шеншиным, а вторая за небогатым офицером из поляков — Семенковичем и проживала *в своем наследственном имении под Орлом, на реке Оптухе*. У Шеншиной был сын Капитон, а у Семенкович было двое сыновей: Николай и Александр. Вот эти-то двоюродные братцы с двух сторон присылали чистописания такой красоты, которой подражать нечего было и думать».[112] От Оптухи до Новоселок не так далеко, и потому к приезду дедушки «в дом съезжались ближайшие родные: два его племянника Петр и Иван Неофитовичи и родная племянница Анна Неофитовна. Любовь Неофитовна, по отдаленности места жительства, приезжала только крестить моих братьев и сестер вместе с дядею Петром Неофитовичем».[113]

Так где же жила Анна Неофитовна? Казалось бы, простой вопрос, но он никак не мог разрешиться, ибо ответ на него всегда имелся один: «На Оптухе». Думается, теперь мы можем на него ответить. Как говорилось выше, Неофит Петрович Шеншин являлся владельцем боль-

[104] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2772. Л. 1 об.
[105] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 79 об.
[106] Там же. Л. 23 об.
[107] Там же. Л. 17 об.
[108] Там же. Л. 23 об., 24 об., 42 об.
[109] Там же. Л. 37.
[110] Там же. Л. 55 об.
[111] Там же. Л. 18.
[112] *РГ*. С. 33. Курсив мой. — *Е. А.*
[113] Там же. С. 47.

шой деревни Пеньковой, в которую входили деревни Вышняя и Нижняя Калиновки, а также «стоящая усть реки Оптухи мельница».[114] К Пеньковой, выходившей на берега рек Оптухи и Легощи, примыкали пустоши. В одной из усадеб на этой территории и проживали Семенковичи: «Саньковой пустоши часть, что была деревня, штабс-капитанши Анны Неофитовой Семенковичевой»,[115] говорит документ Генерального межевания, проведенного 28 июля 1847 года. Первое межевание поводилось тут в 1772 году.

Бок о бок с Саньковой пустошью находилась деревня Снецкая Лука. Она стоит на Оптухе при слиянии ее с Окой, в том самом устье, где еще у Петра Афанасьевича Шеншина имелась мельница. В XIX веке часть Саньковой пустоши арендовали крестьяне этой самой Снецкой Луки.

Но когда же Санькова пустошь была деревней? Ответ находим в Писцовой книге Орловского уезда 1594/1595 годов: «За Мелехом за Федоровым сыном Санкова в дер. в *Санкове* на *Рогу*, под *Тайчуковым* лесом <...>. За Гришею за Семеновым сыном Санкова в той же дер. в *Санкове* на *Рогу*, под *Тайчуковым* лесом <...>».[116] Записи владений детей боярских в Писцовой книге производились по мере продвижения государевых людей по территории уезда. Описав владения Саньковых («ь» в переписи отсутствует), Дементий Яковлев и подъячий Леонтий Сафонов переместились затем в соседнюю Снецкую Луку: «За Третьяком за Фоминым сыном Чурилова <...> в дер. в *Снецкой луке*, на р. на *Оптухе*, под *Тайчуковым* лесом на *Рогу* <...>».[117] На карте Шуберта XIX века деревня Санькова стоит на левом берегу Оки. Но это не та Санькова. Скорее всего, старая деревня Саньковых, как и многие другие ей подобные в том краю, погибла в Смуту и стала пустошью, а затем уже как пустошь вошла в крупную вотчину Шеншиных и была передана от отца в наследное владение Анне Неофитовне. Там и находилась ее усадьба. Как было Фету обозначить ее? Поэт нашел единственно правильный вариант: его тетка «проживала в своем наследственном имении под Орлом, на реке Оптухе».

В одной статье невозможно дать исчерпывающие сведения о многих родственных Фету семействах и соседях, окружавших его на родине. Но в том, что их образ жизни, их надежды и сословная принадлежность, их владения, их мораль формировали личность поэта, нет никакого сомнения.

---

[114] *ГАОО*. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2823. Л. 4.

[115] Мценский уезд. Ч. 2. Л. 82.

[116] Писцовые книги Московского государства / Изд. имп. Русского географического общества под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1877. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отд. 2. Т. 10: Писцовая книга Орловского уезда 1594/95 гг. Л. 1050.

[117] Там же.

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА
(Забытые слова в воспоминаниях Фета «Ранние годы моей жизни»)

Любовно и подробно описывая в своих мемуарах пору первоначального детства, Фет не только воспроизводил мельчайшие детали окружавшего его усадебного быта, но и употреблял слова и выражения, ныне вышедшие из обихода. А подчас и вовсе выпавшие из словарей. Выяснить значение этих слов и выражений еще предстоит языковедам. Одно можно сказать наверняка: Фету можно верить. Если по части хронологии он мог иногда ошибиться, в чем сам чистосердечно признавался, то в отношении словарного запаса такие ошибки могут встретиться лишь в виде исключения. Приведем некоторые примеры.

Кто шнырял «на дворню»

Описывая устройство барского дома, жизнь дворовых людей, свое пристрастие слушать сказки, которые рассказывали горничные сидя за прялкой, Фет употребляет известное слово «дворня» в казалось бы непривычном контексте: «По вечерам, когда мама́ уходила в спальню рядом с нашей детскою, горничные, которым нельзя уже было через запертые сени нижнего этажа шнырять то на кухню за утюгом и кушаньем кормилице, то на дворню, то к приказчице за яблоками, охотно присаживались за гребни возобновить свою болтовню шепотом».[1]

Все словари на слово «дворня» дают однозначный ответ: имя существительное, женского рода, собирательное, означающее 1) «крепост-

[1] *РГ*. С. 11.

© Н. П. Генералова, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-65-88

ных крестьян, оторванных от земли и взятых на барский, господский двор»; 2) «домашнюю прислугу в помещичьем доме» (Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой); «при крепостном праве домашнюю прислугу в помещичьем доме» (Толковый словарь Д. Н. Ушакова); «дворовых людей, всю прислугу в барском дворе и доме» (В. И. Даль) и т. д. Лишь в Викисловаре находим второе, историческое, значение этого слова: «помещения в помещичьей усадьбе, где жила такая прислуга», с пометой: «Отсутствует пример употребления».[2] Итак, в добавление к названной статье можем указать на первую главу воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни», где слово «дворня» употреблено в *историческом* значении.

«…Деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки»

Эту загадочную фразу произносит в «Ранних годах моей жизни» отец (или тот, кого Фет считал своим отцом) многочисленного семейства Афанасий Неофитович Шеншин:

«Отец не был против игр и даже беготни детей, но неприветливо смотрел на игрушки, даримые посторонними. „Не раздражайте желаний, — говорил он, — их и без того появится много; деревянные кирпичики, колчушки — самые лучшие игрушки“».[3]

Что такое «деревянные кирпичики» — еще можно вообразить: это могли быть обрезки струганых досок, которые допустимо было отдать детям для игры. А вот что такое «колчушки» — оказалось не так просто разгадать.

В контексте высказывания очевидно, что имелись в виду какие-то простые игрушки, которые не должны были стоить дорого и не вызывали у ребенка ненужной тяги к роскоши. Поясняя смысл отцовской поговорки, Фет пишет: «Справедливость этого я испытывал сам. Хотя у меня и была картонная лошадь, но в воскресенье и праздничные дни, когда девичьи скамейки были свободны, с гораздо большим наслаждением запрягал их и отправлялся в далекие и трудные путешествия, не двигаясь с места. Благодетельная фантазия сильнее работает при меньшей правдоподобности, а потому и более восторгает».[4] Итак, *колчушка* — это что-то очень простое, но в то же время удобное для детских игр. Опуская более или менее современные значения, обратим

[2] См.: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8F (дата обращения: 24.03.2021).

[3] *РГ*. С. 12.

[4] Там же.

внимание, что слово отсутствует в известных толковых словарях (Даль, Ушаков, Ефремова), однако присутствует в словарях русских народных говоров. Так, в значении «головня, головешка» это слово употребляется в Калужской, Тульской, Курской, Рязанской, Самарской областях. Но такие игрушки детям, разумеется, не подходят. А вот во втором значении: «обрубок дерева», «деревяшка» слово *колчушка* употребляется в тех же областях, а также в Чернском районе, что уж совсем недалеко от Орловской губернии и находящегося в ее пределах Мценского уезда.

В Рязанской и Воронежской областях *колчушкой* называют «кривой, сучковатый обрубок дерева», этим же словом называют пеньки.[5] Итак, благодаря Фету, в указанный список можно добавить Орловскую область или Мценский район, что подтверждается свидетельством современного исследователя: «Колчушки (другими словами, то, что было расколото на мелкие части, бесформенные кусочки дерева) — общеупотребимое слово в Орловском регионе вообще, во Мценском районе тоже. Отсюда, кстати, слово „колчи“ на дороге».[6] Трудно сказать, была ли зафиксированная Фетом поговорка изобретением А. Н. Шеншина или имела хождение на Орловщине, но она может быть учтена в статье о *колчушке*.

Что значит «получать на подметки»?

Говоря о том, что семья Шеншиных жила в довольно стесненных обстоятельствах, Фет описал, какие усилия прикладывала его мать, чтобы сводить концы с концами: «Бедная мать напрягала все усилия, чтобы избегать денежных трат, обходясь по возможности домашними произведениями, что при тогдашнем образе жизни ей удавалось почти вполне. За исключением свечей и говядины, да небольшого количества бакалейных товаров, все, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян».[7] При этом он добавляет следующую деталь: «Жалованье прислуге и дворне выдавал сам отец, но в каких это было размерах, можно судить по тому, что горничные, получавшие обувь, белье и домашнюю пестрядь на платья, получали кроме того, как говорилось „на подметки“, в год по полтинному».[8]

---

[5] См.: http://forum.lingvolive.com/thread/l137434/ (дата обращения: 24.03.2021).

[6] Из письма Е. Н. Ашихминой от 21 марта 2020 г. к автору статьи.

[7] *РГ*. С. 14.

[8] Там же. В тексте, очевидно, опечатка: «но в каких это было **в** размерах».

Судя по контексту, слово *подметки* употреблено в переносном смысле, однако в известных нам словарях выражение «на подметки» отсутствует. Само слово *подметка* означает вторую подошву, обычно в половину ступни до каблука или на полную ступню, подшиваемую или прибиваемую снаружи на износившуюся основную подошву обуви для более долгого ношения. Здесь, без сомнения, речь идет о том, что горничные получали по полтинному сверх положенного, что должно свидетельствовать о щедрости хозяина. Учитывая, что полтинным (более распространенные формы: *полтинник*, *полтина*) называли серебряную монету в 50 копеек, остается решить, много или мало получали девушки сверх того, что им полагалось. Не приходится сомневаться, что 50 копеек, разделенных на 365 дней в году, не представляли значительной прибавки к жалованью. Но само по себе выражение, по-видимому, ушло из языка, хотя Фет упоминает о том, что оно было употребительным во времена его детства.

«Золотой на зубок» и платье «на ризки»

По-видимому, в детские годы Фет был очень наблюдательным ребенком и чутко ощущал недостаток средств в семье. Особенно он жалел мать, которая, страдая от нехватки денег, вынуждена была уделять много времени домашнему хозяйству и не имела возможности одеваться соответственно положению в мценском обществе. Описывая шелковые наряды соседок, навещавших мать по торжественным случаям, Фет делает следующее замечание: «У матери нашей, вероятно, не было бы ни одного шелкового платья, если бы дядя Петр Неофитович не был нашим общим восприемником и не считал долгом класть куме золотой на зубок и дарить шелковое платье на ризки».[9]

Родной брат А. Н. Шеншина Петр Неофитович (1780—1844), упомянутый Фетом, был действительно крестным отцом (или восприемником) и будущего поэта, и его матери, принявшей в 1822 году православие. Участник войн с Наполеоном, он в 1809 году вышел в отставку в чине капитана и проживал холостяком в собственном имении Ядрино, прикупив потом дом во Мценске. Очевидно, он сочувствовал положению, в котором оказались брат и его жена, а маленького Фета выделял среди остальных племянников и предполагал сделать своим наследником, однако не успел вовремя составить завещание. В своих мемуарах Фет вспоминал о нем с благодарностью. Но каким образом он помогал семье брата? Упомянутое выражение *класть на зубок* связано с обычаем одаривать роженицу по случаю первого зубка младен-

[9] *РГ*. С. 14.

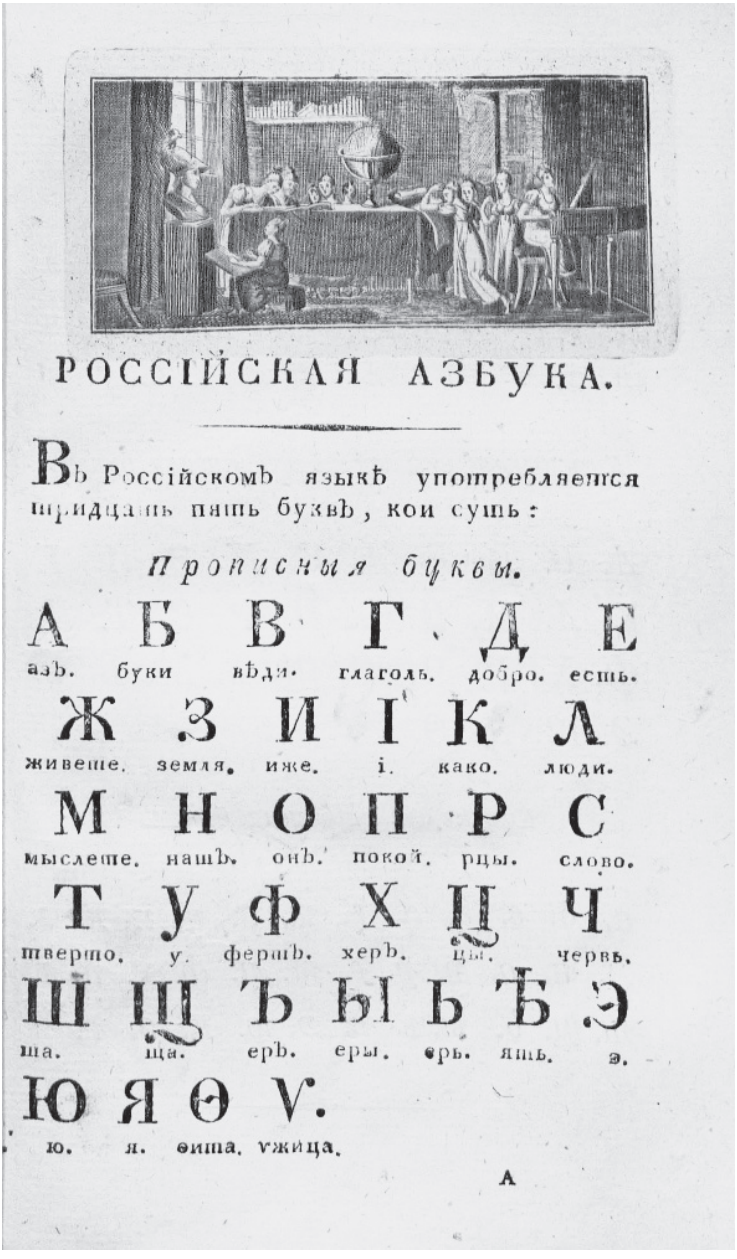
ца. *Золотым* называли пяти- или десятирублевую золотую монету. Это была существенная сумма в помощь хозяйству. *Ризками* называли ткань, в которую при обряде крещения заворачивали младенца после купели, этим словом обозначали и крестильные принадлежности: крестильную рубашечку, чепчик и т. д., но такие подарки обычно делала крестная мать (кума). А крестный отец (кум) дарил матери крестик или деньги на крестик (ср. у Даля: «Кум дарит крест, кума ризки»). Однако допускалось, что кум может выбрать подарок по своему усмотрению. Вот Петр Неофитович и старался помочь как мог своей родне.

«Палки и оники»

Из воспоминаний Фета о детских годах мы узнаем, что благодаря матери-немке и няне Елизавете Николаевне, тоже немке, он сначала выучился читать по-немецки, а затем уже по-русски. Очевидно, в его случае мы имеем дело с двуязычием. Вот как он писал об этом в «Ранних годах моей жизни»: «Положим, сама мать при помощи Елизаветы Николаевны выучила меня по складам читать по-немецки; но мама, сама понемногу выучившаяся говорить и писать по-русски, хотя в правописании и твердости почерка впоследствии и превосходила большинство своих соседок, тем не менее не доверяла себе в деле обучения русской грамоте».[10] Первым учителем русской грамоты для будущего поэта стал повар Афанасий. «Вероятно, привыкнув к механизму сочетания немецких букв, — вспоминал Фет, — я не затруднялся и над русскими: аз, буки, веди; и вскорости, двигая деревянною рогулькою по стрелкам, не без труда пропускал сквозь зубы: взбры, вздры и т. п.».[11]

Из этого описания видно, что Фет учился грамоте по так называемой буквослагательной методике, утратившей свои позиции к середине XIX века. Согласно ей, после выучивания всех букв алфавита начиналось заучивание слогов — от простых двухбуквенных (*ба*, *бе*, *би*) к сложным пятибуквенным (*взбры*, *вздры*). Однако метода эта была трудна для усвоения в особенности потому, что буквы старославянской азбуки имели смысловое значение и назывались не по звучанию, как это было принято позже, а по словам. Так, первые три буквы: *аз буки веди* означают: я знаю буквы. Схожие воспоминания есть у А. М. Достоевского: «Первоначальным обучением всех нас так называемой грамоте, то есть азбуке, занималась наша маменька. Азбуку

[10] Там же. С. 15.
[11] Там же. С. 16.



РОССІЙСКАЯ АЗБУКА.

Въ Россійскомъ языкѣ употребляется придцать пять буквъ, кои сушь:

прописныя буквы.

А Б В Г Д Е

азъ. буки вѣди. глаголь. добро. есть.

Ж З И І К Л

живете. земля. иже. і. како. люди.

М Н О П Р С

мыслете. нашъ. онъ. покой. рцы. слово.

Т У Ф Х Ц Ч

тверто. у. ферть. херъ. цы. червь.

Ш Щ Ъ Ы Ь Ѣ Э

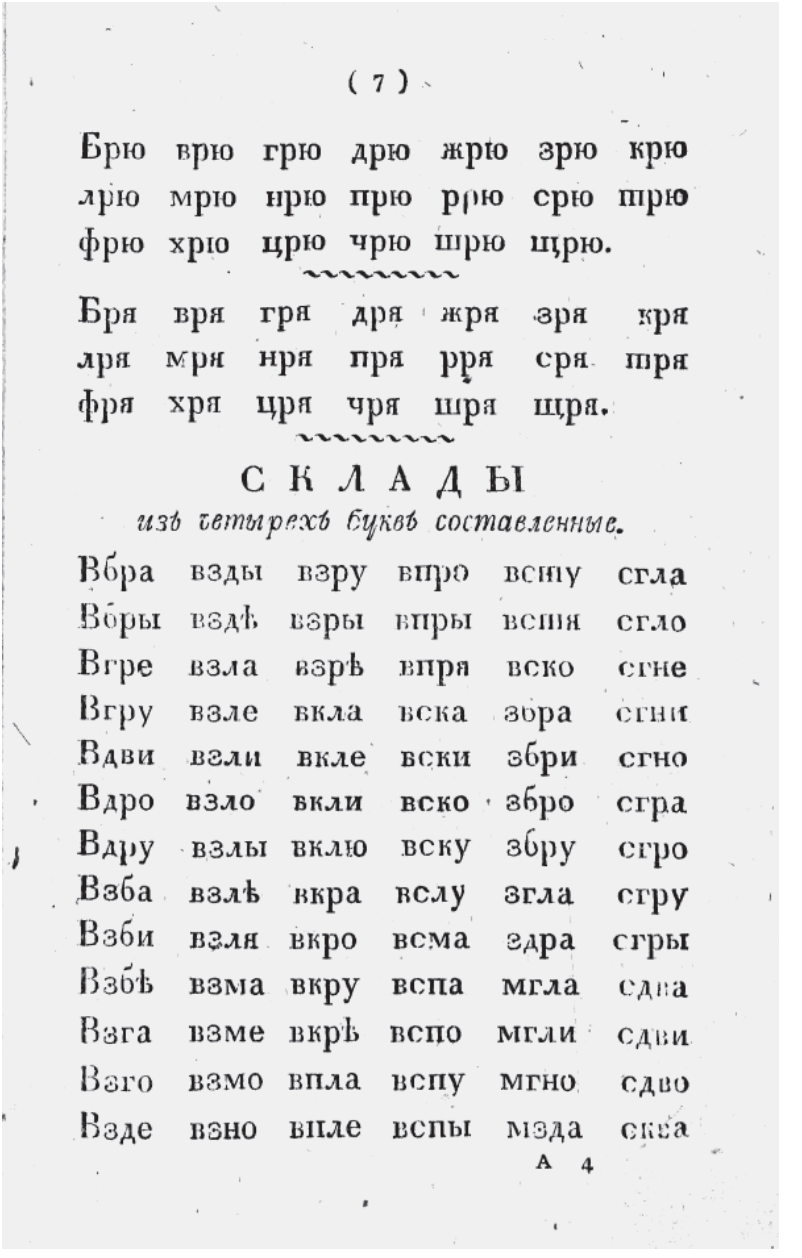
ша. ща. ерь. еры. ерь. ять. э.

Ю Я Ѳ V.

ю. я. ѳита. vжица.

А

Российская азбука. Страница из книги П. А. Вавилова «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука...» (М., 1818)



(7)

Брю врю грю дрю жрю зрю крю
лрю мрю нрю прю ррю срю трю
фрю хрю црю чрю шрю щрю.

Бря вря гря дря жря зря кря
ля мря нря пря рря сря тря
фря хря ця чря шря щря.

СКЛАДЫ

изъ четырехъ буквъ составленные.

Вбра взды взру впро всну сгла
Вбры вздѣ взры впры всня сгло
Вгре взла взрѣ впря вско сгне
Вгру взле вкла вска збра сгни
Вдви взли вкле вски збри сгно
Вдро взло вкли вско збро сгра
Вдру взлы вклю вску збру сгро
Взба взлѣ вкра вслу згла сгру
Взби взля вкро всма здра сгры
Взбѣ взма вкру вспа мгла сдва
Взга взме вкрѣ вспо мгли сдви
Взго взмо впла вспу мгно сдво
Взде взно выле вспы мзда скза

А 4

Четырехбуквенные склады. Страница из книги П. А. Вавилова «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука...» (М., 1818)

учили не по-нынешнему, выговаривая буквы *а*, *б*, *в*, *г* и т. д., а выговаривали по-старинному, то есть: *аз*, *буки*, *веди*, *глаголь* и т. д. <...>. После букв следовали склады двойные, тройные, четверные и чуть ли не пятерные, вроде: *бвгра*, *вздра* и т. п., которые часто и выговаривать было трудно. Когда премудрость эта уже постигалась, тогда приступали к постепенному чтению».[12] Разумеется, подобный способ заучивания слогов нередко приводил к тому, что ученики так и не научались бегло читать, а тем более писать. Недаром такой способ обучения Фет назвал в своих мемуарах «детоубийственным».[13]

Можно предположить, что первым учебным пособием, по которому учился Фет, был изданный в Петербурге в 1816 году учебник П. Н. Шарапова, носивший витиеватое заглавие: «Драгоценный детям подарок, или Новейшая российская азбука с XXXII искусно выгравированными и раскрашенными картинками, изображающими взятые из натуральной истории, разные замечательные для детей предметы, по которым они весьма легким и приятным способом могут научиться чтению. С приобщением молитв, священной истории, басен и повестей, а также понятия о грамматике, арифметике и описания фигур».[14] Как отмечают современные исследователи, в Западной Европе «отказ от буквослагательного метода начался уже в середине XVII века, к началу XIX он практически вышел из употребления, а в 1872 году был официально запрещен в Пруссии».[15]

В тех же мемуарах Фет признавался: «До сих пор не могу себе объяснить, почему мне так трудно давался механизм чтения. В то время

---

[12] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 79. Столь же памятными оказались пятибуквенные слоги и для Н. А. Добролюбова, отметившего в «Современном обозрении. О народном воспитании, по поводу статьи г. Аппельрота. Воспоминания г. Кошелева о путешествии по славянским австрийским землям» (1858), посвященном злободневному в то время вопросу о народной грамотности: «...школьное учение книжников все одно и то же у нас со времен училищ, основанных Ярославом. Иноземцы, являющиеся к нам из Западной Европы, вовсе не виноваты в том, что у нас буквы называются *аз*, *буки*, *веди*, что мальчишек заставляют выдалбливать наизусть их названия, потом таким же манером выдалбливать склады — *веди*, *земля*, *добро*, *рцы*, *еры* — *вздры*» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 206).

[13] *РГ*. С. 32.

[14] Имелись и другие издания, среди которых, например, «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей» П. А. Вавилова (М., 1816, 1818) и т. п.

[15] *Старцева Н. М.* Буквослагательный, слоговой и звуковой аналитический методы обучения чтению и письму в российских азбуках и букварях XIX века // Историко-педагогический журнал. 2017. № 3. С. 113, примеч. 2.

мне было лет девять от роду, но, обучаясь впоследствии разным наукам, я продолжал читать весьма неудовлетворительно. Вообще трудно себе представить приемы обучения более отталкивающие, чем те, которым подвергали мою далеко не блестящую память. Наемные учителя были равнодушны к моим успехам, и сама мать, напрягавшая все силы для моего развития, не умела за это взяться».[16]

И все же к шести годам Фет по-русски уже читал «по верхам», то есть полными словами, хотя и признавал, что по-немецки знал лучше: «В ту пору я мог быть по седьмому году от роду, и хотя давно уже читал по верхам: аз-араб, буки-беседка, веди-ведро, тем не менее немецкая моя грамотность далеко опередила русскую <...>».[17] В то же время писать ребенок еще не умел и вот по какой причине: «Писать я тогда не умел, так как отец весьма серьезно смотрел на искусство чистописания и требовал, чтобы к нему прибегали хотя и поздно, но по всем правилам под руководством мастера выписывать палки и оники».[18]

Если с «ониками» все ясно (так в старину уменьшительно называли букву «о»), то что такое «палки»? По-видимому, то же, что и «палочки», то есть письменные значки в виде вертикальной или косой линии; выписывание этих значков применялось при обучении чистописанию. Фет не рассказал, как он учился чистописанию, но детские воспоминания о мучениях, связанных с прописями, остались на всю жизнь и отразились в автобиографической повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855). Одно можно сказать твердо: почерк его — один из труднейших для прочтения. Выходит, не очень прилежно поэт занимался чистописанием в детстве.

Головашки высокие и низкие

«Так как отец большею частию спал на кушетке в своем рабочем кабинете или был в разъездах по имениям, — пишет Фет в «Ранних годах моей жизни», — то я знал, что мама́ не только одна в спальне на своей широкой постели, но что за высокими головашками последней под образами постоянно горит ночник».[19] Так описывает Фет свои ночные визиты к матери, когда ему хотелось поделиться с нею сделанными только что переводами с немецкого.

Простая логика подсказывает, что *головашками* Фет называет нечто, служившее спинкой в изголовье кровати. По-видимому, потому

[16] *РГ*. С. 22.
[17] Там же. С. 16.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 17.

они и были высокими, в отличие от тех, что были в ногах, где спинка обычно ниже. Однако известные словари вовсе не дают этого слова. Лишь в словаре русских народных говоров отмечено, что в ряде областей, в том числе Орловской, выражение *в головашках* употребляется в значении «в изголовье». Единственным источником становится, как обычно, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, правда, здесь слово дается в несколько ином звучании: «***Головяшки*** ж. мн. передок в санях, за́головки, гнутая часть полоза. ‖ Изголовье, головище, го́ловы» и приводится два примера: «Головяшка треснула» и «Положи одежу у меня в головяшках». Интересно, что в воспоминаниях Фета слово встречается в обоих значениях и, что характерно, не единожды.

Так, пересказывая одно из семейных преданий о деде Неофите Петровиче, Фет снова употребляет слово «головашки», но уже по отношению к зимним саням: «...однажды, когда дедушка, по привычке лежа в зимней кибитке на пуховиках и под медвежьими одеялами раздетый, проснувшись, громко крикнул: „Малый!“ — в то время как кучер и слуга для облегчения лошадей и чтобы самим размяться на морозе, шли в гору за кибиткой; как лошади испугались этого внезапного крика, и вся тройка подхватила, даром что дело было в гору. К счастию, вожжи лежали на головашках, и дедушка, поднявшись в одной сорочке, остановил лошадей, успевших проскакать с четверть версты».[20]

В том же значении употреблено слово «головашки» в главе V при описании гуляний на Масленой неделе: «...ловкие столяры взвозили на гору новосельской усадьбы не салазки, а большие сани и, насажав на них десятки разряженных баб, неслись несколько сот сажен с возрастающей быстротой, мы неизменно были на головашках в числе хохочущих седоков».[21]

«Усердные люди» и «оброчники»

Казалось бы, ничего странного в употреблении эпитета «усердный» по отношению к определенного рода людям нет. Хорошо известно, что усердным называют того, кто проявляет «старанье к делу, рвение, ревность; доброжелательство и заботливость, добросовестное исполненье, сильное прилежанье» (Даль). Усердный ученик или служитель, по Далю, это «рачительный, старательный, ретивый, прилежный, заботливый, берущийся за дело всем сердцем». Встречаются среди однокоренных слов и отрицательные коннотации. Так, *усердни-*

[20] *РГ*. С. 20—21.

[21] Там же. С. 50.

чать — означает «быть усердным некстати, не у места, напоказ, выскочкой». Однако в «Ранних годах...» встречается необычное употребление слова «усердный», не зафиксированное в известных словарях.

Описывая пасхальные дни в родовом имении Новоселки, Фет вспоминал: «Усердные люди (оброчники), все без шапок, приносили образа, в видах неприкосновенности святыни, на полотенцах».[22] Если бы не пояснение в скобках («оброчники»), можно было бы и не обратить внимания на эпитет «усердные». Разумеется, носить иконы, да еще и на полотенцах, было непростым делом, оно требовало тщательности, аккуратности и усердия. А вот слово «оброчник» в данном контексте заставляет задуматься. Ведь общеизвестное значение («крестьянин, выплачивающий оброк помещику») при таком словоупотреблении выглядит явно неуместным. Но среди значений слова у Даля находим то, что, несомненно, имеет отношение к нашему случаю: «Обрекший себя на что, обещаник; напр. *оброчники* носят иконы на крестных ходах». Таким образом, мы можем определить и не учтенное в словарях значение словосочетания «усердные люди».

Только ли у Фета встречаем мы употребление словосочетания *усердные люди* в этом значении? Оказывается, нет. Так, В. В. Стасов, представляя в одной из своих статей картину известного немецкого художника А. Менцеля «Церковная процессия в Гастейне» (1880), писал: «Медленно двигается его „Церковная процессия“, усердные люди несут хоругви, стараясь поскорей протискать их сквозь низенькую дверь церкви, священник с официальным почтением несет св. дары, молоденькие церковные прислужники в белых кружевных шемизетках рассеянно хлопочут со своим делом около него, благочестивые крестьяне с потухшими от работы глазами плетутся потихоньку за процессией <...>».[23]

Объяснение смысла употребленных Фетом слов тем более важно, что в его поэтическом наследии есть стихотворение, в котором слово «оброчник» является ключевым. Оно так и называется «Оброчник»:

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пускай на пенье мне ответят воем звери,

[22] Там же. С. 36.

[23] *Стасов В. В.* Избр. соч.: В 6 ч. М., 2017. Ч. 6: Живопись, скульптура, музыка. С. 255.

С святыней над челом и песней на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери.[24]

Стихотворение это открывает последний прижизненный сборник поэта «Вечерние огни» (1891) и имеет точную дату и место написания: «17 сентября 1889. Москва». Оно было сразу воспринято как программное, «выражающее настроение и смысл его поэтического служения» (В. П. Буренин).[25] Современная исследовательница справедливо отмечает как непривычный для лирики Фета аллегорический строй стихотворения, так и вполне конкретные события, которых поэт не раз был свидетелем и участником. «Сюжетная канва фетовского стихотворения воссоздает крестный ход; лирический герой поднимает и несет „хоругвь священную“ <...> Фет был свидетелем крестного хода в Коренной пустыни, о чем поведал в книге „Мои воспоминания“».[26] Следует, может быть, добавить к сказанному, что в «Ранних годах моей жизни», над которыми в это время работал Фет («Мои воспоминания» к концу 1889 года находились уже в печати), поэт не только передает свои впечатления от носящих иконы «усердных людей» в праздник Пасхи, но и произносит слово «оброчник», запомнившееся ему с детства. Но наиболее глубокое прочтение этого стихотворения Фета принадлежит, пожалуй, великому Сергею Рахманинову, положившему его на музыку (ор. 34) в 1912 году.

«Разо́реные» или «разорённые»

Когда мы, публикуя тексты XIX века, пишем в преамбулах, что они печатаются по нормам современного русского языка, с сохранением некоторых индивидуальных особенностей, то это вовсе не означает,

[24] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 8.

[25] Новое время. 1890. 7 декабря. № 5308. С. 2. Насколько превратно можно истолковать образный строй стихотворения, см.: *Пильд Леа.* Table-Talk Полонского и юбилей Фета // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р. Г. Лейбова: https://ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения: 24.03.2021), где даже безусловно положительные оценки лирики Фета, например Я. П. Полонским, служат «доказательством» «слабости» и безмерного тщеславия Фета. Не вызывает удивления и совершенно абсурдное толкование стихотворения как своего рода «благодарности» Александру III за полученное поэтом в 1889 г. звание камергера по случаю 50-летия его литературной деятельности. Убедительную критику этой статьи см.: *Черемисинова Л. И.* Религиозные образы в стихотворении А. А. Фета «Оброчник» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 80—84.

[26] Там же. С. 82—83.

что перед текстологами не встают вопросы, которые далеко не всегда поддаются простым решениям. Сказанное касается не только устаревшего написания тех или иных слов (например, наречий, которые по современным нормам пишутся слитно, а раньше писались раздельно: *к стати*, *в скорости*, *в пору*, *в конец* и т. д.), но и знаков препинания, прежнее употребление которых существенно отличалось от современного. Это общее правило, выработанное академической наукой, правда, стало в последнее время оспариваться новыми поколениями текстологов, которым подчас кажется, что они, воспроизводя устаревшее написание или пунктуацию (не говоря уже о воспроизведении ушедших из языка *ятей*, *еров* и т. д.), приближают читателя к аутентичному пониманию текста.

На самом деле подобные эксперименты приводят скорее к противоположному результату: современный читатель либо думает, что перед ним опечатка, либо начинает вкладывать в прочитанное какой-то новый смысл, изначально отсутствующий в тексте, либо, что совсем худо, начинает сомневаться, а хорошо ли он учился в школе и выучил то или иное правило.

Однако и при упорядоченных правилах публикации встречаются случаи, требующие особого внимания. Так, например, в современном русском языке вводное слово «видимо» в значении «кажется, возможно, должно быть» выделяется запятыми, а в устаревшем наречном значении — «заметно, явно» — не выделяется. И далеко не всегда ясно, в каком значении употреблено слово. Приведем пример. В «Ранних годах моей жизни» Фет дает портрет матери и пишет: «Стройная, небольшого роста, темно-русая, с карими глазами и правильным носиком, мать **видимо** старалась угодить отцу. Но никогда я не видал ни малейшей к ней ласки со стороны отца».[27] В данном случае следующее предложение помогает уяснить смысл первого, поскольку построено на противопоставлении, но если бы за первым предложением произошла смена темы, то текстолог оказался бы в сложном положении. Поставим мысленно выделенное слово в запятые и тотчас увидим, что смысл поменялся едва ли не на противоположный.

Приведем еще один пример, не столь трудный, однако примечательный тем, что речь идет о слове, вышедшем из употребления в современном русском языке. Рассказывая об одной из проделок Петра Яковлевича Борисова, гораздого на жестокие шутки, Фет воспроизводит его речь перед попавшимся на его уловку дьячком: «Украли кобылу, так мои Разореные тебя духом сомчат» и поясняет: «Разорены́ми

[27] *РГ*. С. 4. Выделено мною. — *Н. Г.*

Петр Яковлевич называл шестерик бурых лошадей, на тройке которых он всюду скакал по соседям».[28]

Первое, что приходит в голову при виде столь странного прозвища лошадей, — что мы имеем дело с опечаткой, поскольку прилагательное «разоренные» пишется с двумя «н». Однако слово повторяется в том же написании еще дважды. Следовательно, речь идет не об опечатке, а о каком-то другом значении. Современные словари ответа на вопрос не дают, и вновь выручает словарь Даля. В статье «Разорять, разорить» словарь указывает на слово «разо́р» именно с таким ударением. И далее: «*разо́ровать*, *разорничать*» — «бушевать, буянить, озоровать, озорить, бить, ломать, губить и портить от злобы; промышлять грабежом». Итак, *Разо́реными* хозяин называл своих лошадей, по-видимому, за буйный нрав, которым отличался и сам. Чтобы у читателя не возникало сомнения в правильности написания этого слова, вносим в текст в качестве конъектуры ударение и отмечаем в комментариях значение слова.

«Копёр», или нечто о парикмахерском искусстве дядюшки Ивана Неофитовича

Надо признать, что на страницах мемуаров Фета о ранних годах его жизни находится немало выразительных портретов людей, с которыми ему довелось встретиться на жизненном пути. Причем это не обязательно родные и близкие, которым, естественно, уделяется особое внимание. Нередко двумя-тремя характерными штрихами поэт воссоздает образы представителей самых разных сословий. Чего стоит, например, трогательный образ горничной Аннушки, воспроизведенный не только в «Ранних годах моей жизни», но и в повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855). Образ изящной, ловкой, обаятельной девушки навсегда врезался в память впечатлительного мальчика, едва начавшего постигать окружающий мир и вникать в сложные жизненные коллизии. «Это была прелестная, стройная блондинка с светло-серыми глазами, и хотя и она прошла через затрапезное платье, но мать наша всегда находила возможность подарить ей свое ситцевое или холстинковое и какую-нибудь ленту на пояс. Из этого Аннушка при своем мастерстве и врожденной грации умела в праздник быть изящно нарядной. Припоминая ее образ, я в настоящее время не сумел бы вернее воспроизвести его, чем словами Пушкина:

[28] *РГ*. С. 26.

Коса змеей на гребне роговом,
Из-за ушей змеями кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы...

Никто не мог выпрясть более тонких талек (мотков) на полотно, не уступающее батисту. Вышитые Аннушкой в пяльцах воротнички приводили в восхищение соседних барынь. / Случалось, что мама́ перед приездом гостей заставляла свою горничную в спальне переменить мне чулки; и когда, бывало, Аннушка, завязавши подвязку бантом спереди, ловко пришлепнет рукою по этому банту, мне казалось, что она присадила туда астру: так хороши выходили у нее банты. Надо было видеть Аннушку разряженною на Святой неделе. Однажды, видя, как я неловко царапаю перочинным ножом красное яйцо, чтобы сделать его похожим на некоторые писаные, Аннушка взяла из рук моих яйцо со словами: „Позвольте, я его распишу“. Усевшись у окна, она стала скрести ножичком яйцо, от времени до времени, вероятно для ясности рисунка, слизывая соскобленное. Желая видеть возникавшие под ножичком рисунки и цветы, я до того близко наклонялся к ней, что меня обдавало тончайшим и сладостным ароматом ее дыхания. К этому упоению не примешивалось никакого плотского чувства, так как в то время я еще твердо верил, что проживающая у нас по временам акушерка приносит мне братцев и сестриц из колодца. Если бы меня теперь спросили, чем благоухало дыхание Аннушки, я бы не затруднился ответить прелестной эпиграммой Марциала — кн. III, 65 <...>».[29] При этом Фет цитирует в собственном переводе текст эпиграммы «Мальчику Диадумену», из которой приведем лишь первые два стиха:

Чем от нежной кусающей яблоко девушки дышит,
Чем ветерок, набежав на корицийский шафран...

Но далеко не всегда воспоминания воссоздают поэтические страницы жизни будущего поэта, благодарная память которого бережно хранила мельчайшие детали облика ушедших навсегда людей. Нередко под его пером возникают образы комические или вовсе неприглядные. А подчас мемуарист будто не знает, как относиться к тому или иному персонажу. Так, посвятив пару страниц младшему брату отца, Фет пишет: «О дяде Петре Неофитовиче я уже говорил, но необходимо вспомнить и дядю Ивана Неофитовича, личность которого могла бы в руках искусного психолога явиться драгоценным образцом».[30]

[29] Там же. С. 18—19.
[30] Там же. С. 39.

Причуды Ивана Неофитыча состояли не только в том, что он до старости читал «Journal des Débats», с зеленым зонтиком (козырьком) на глазах, не в том, что он был одним из лучших танцоров на балах Московского Благородного собрания, и даже не в том, что он имел привычку немедленно засыпать, как только оказывался в гостях и усаживался на диван. Странной была его привычка требовать тетрадку белой бумаги, разрывать ее на осьмушки и на этих осьмушках писать буквами «необыкновенной величины» бесконечные приказы старосте.

Самым загадочным в облике дяди Ивана Неофитовича была для маленького Фета татуировка на левой руке, наведенная пороховой смесью и представлявшая собой имя «Варвара». Имея привычку пачкать руки в чернилах, выписывая бесконечные приказы старосте, дядя по нескольку раз мыл руки с мылом, для чего требовал таз с рукомойником. Тут-то и обнажалась на его руке таинственная надпись. Мальчик так и не решился спросить об этом ни у дяди, ни у кого другого. Однако позднее узнал, что имя Варвара принадлежало одной даме, дочери которой было дано «полуимя Шеншиной: Шинская». Судя по тому, что этой Шинской дядюшка помогал до ее замужества, девочка была его незаконнорожденной дочерью. Но нас заинтересовала еще одна из привычек уже немолодого щеголя.

«Входя в дом, — вспоминает Фет, — он непременно останавливался у первого зеркала и, доставая гребенку из кармана, расчесывал свои жидкие бакенбарды и копром подымал с затылка волосы».[31] По контексту можно понять, что дядюшка подымал вверх волосы с затылка, очевидно, для придания своей прическе большей пышности или для того, чтобы скрыть проплешины на макушке. Однако хотелось бы знать точнее, что скрывается за редким словом. В современных словарях слово «копёр» идет со значением: «устройство для вбивания свай в твердый грунт или на большую глубину» или «сооружение над шахтой для установления подъемника». Даже почти безотказно выручающий словарь Даля прежде всего дает: «козлы, для бойки свай», поясняя принцип работы механизма. Однако в примечании со ссылкой «твр», то есть тверской говор, читаем: «копна, куча, ворох». По-видимому, с этим значением слово проникло и в орловский говор.

Стоит упомянуть, что не один Иван Неофитович носил подобную прическу. Рассказывая в главе VI о встрече в доме Зыбиных со знаменитым мценским силачом Василием Семеновичем Протасовым, Фет отметил, что «седые подстриженные волосы торчали копром на его громадной голове».[32]

[31] *РГ*. С. 39.

[32] Там же. С. 62.

Из чего была сплетена бастовая шляпка новой тетушки Фета

Перечисляя оригинальные привычки своего дядюшки Ивана Неофитовича Шеншина, Фет не забыл описать и знакомство с его молодой женой Варварой Ивановной. Имея двух тетушек — сестер отца — Анну Неофитовну Семенкович и Любовь Неофитовну Шеншину, мемуарист поведал, почему он так не любил общаться с ними и неохотно пошел на встречу с новой тетенькой: «Боявшийся старых тетенек Любви и Анны Неофитовен, постоянно мучивших меня экзаменными вопросами, я неохотно шел и к новой тетеньке».[33] Но эта встреча скорее обрадовала, чем огорчила его. «Новая тетенька» оказалась молодой, привлекательной и тоже не без странностей: она расцеловала племянника и тут же нарекла его Альфонсом, причем до конца жизни называла его только этим именем. Запомнились маленькому Фету ее «свежий цвет лица под белою бастовою шляпкой» и «сильный и сладкий запах духов».[34] Что же это за бастовая шляпка была на Варваре Ивановне Шеншиной?

Слово «баст» давно ушло из лексикона современного русского языка, напрасно мы будем его искать даже в большом академическом словаре. Однако тем, кто занимается литературой прошлых веков, оно может понадобиться, как понадобилось комментаторам мемуаров Фета. Вот какое определение этого слова дает В. И. Даль: «заморское лыко с разных дерев; лычные изделия (шляпки, ленты, украшения, плетенки), заменяет солому, а самое лыко в изделиях этих иногда заменяется кореньями и древесными стружками». Правда, представить себе лыко мы можем легко — мало кто не видел плетенные из лыка лапти или туеса. Но представить себе изящную женскую шляпку из этого материала трудновато. Выходит, это лыко было каким-то другим. Встает сразу вопрос: а что такое лыко? «Лыко», отвечают нам словари, это луб молодой липы или других лиственных деревьев. И снова вопрос: что же такое луб? Луб — это подкорье, исподняя кора дерева, обладающая особой прочностью и гибкостью при обработке. Вот почему луб зрелых лип шел на кровли, а молодых на лыко. Но при чем здесь шляпки? Дело в том, что лубом называли волокна не только молодой липы, но и льна, конопли и крапивы, вот из них можно было не только сплести циновку, но и выделать довольно тонкую и прочную пряжу. Недаром Даль говорит «заморское лыко с разных дерев». Само слово «баст» происходит от немецкого Bast и указывает на то, что именно за границей впервые научились из луба определенных видов

[33] Там же. С. 40.

[34] Там же.

деревьев выделывать материал для дамских шляпок. И не только шляпок — лент, различных украшений, плетенок. Так что не простая белая шляпка была надета на голове новой тетеньки Фета, была она, видно, красива, как и сама тетенька Варвара Ивановна, иначе бы не запомнилась мальчику.

«Заячьи почки… лежат в поле»

Будучи заядлым охотником, как и многие его современники (Тургенев, Толстой, Некрасов, Борисов и др.), Фет в воспоминаниях нередко описывает охотничьи экскурсии, употребляя специфические термины, мало говорящие современному читателю. Между тем этот слой лексики безусловно принадлежит к определенной культуре, ныне почти утраченной и сохранившейся лишь в узком кругу охотников. Им, конечно, не надо объяснять разницу между зайцем-русаком и зайцем-беляком, растолковывать, что такое ястребиная охота, почему перепел вавакает, а перепелка трюкает и т. д. и т. д. А вот для обычного читателя все это представляет определенные трудности, ему придется порыться в словарях, если комментатор не предоставит ему более или менее внятного объяснения.

Есть в главе VIII «Ранних годов моей жизни» одно место, которое кажется на первый взгляд довольно странным. В день именин матери Фета в Новоселках ожидали приезда любимого дяди Петра Неофитовича. Наконец он появился «в новой коляске на четверке бурых с форейтором».[35] Однако речь его, обращенная к брату, оказалась загадочной: «Кстати я привез заячьи почки <...> прикажи их достать из коляски, а другие лежат в поле. Я подозрил русака недалече от дороги, как раз против зыбинского лесного оврага. Пошли за ним Павлушку с ружьем».[36] Если слово *подозрил* (от *подозрить*, то есть увидеть, заметить зверя на лежке, там, где он лежит, скрывается) можно отыскать в словарях, а зыбинский овраг означал, что речь шла об имении добрых соседей Зыбиных, то заячьи почки, лежащие в коляске, привезенные *кстати*, да еще и какие-то другие, которые остались в поле, любого читателя могут поставить в тупик. Не только читатель удивится подобному обороту, даже сведущий в охоте Афанасий Неофитович Шеншин поначалу не понял брата. И тут нам на помощь приходит рассказ Фета «Первый заяц» (1871), в котором почти буквально была воссоздана история первой охотничьей удачи подростка Фета, вошед-

[35] *РГ*. С. 74.

[36] Там же.

шая впоследствии в мемуарное повествование «Ранних годов моей жизни». Здесь Петр Неофитович, поздравив именинницу, говорит брату: «И тебя, брат, поздравляю. Одни заячьи почки привез в коляске, а другие лежат в поле. Пока нет гостей, пошли сейчас Павлушку взять их». На что брат отвечает: «Какие там почки? обронили вы что ли?». «Просто заяц лежит, — смеясь, отвечал дяденька. — Дорогой я его подозрел».[37]

Итак, в поле остался заяц на лежке, то есть живой и невредимый, но примеченный дядюшкой. В коляске же у него лежал, надо полагать, другой заяц, подстреленный по дороге. В дальнейшем братья решают поехать сами и подстрелить спрятавшегося русака, причем один стреляет в зайца «на лежке», а другой «в бег». Однако на этот раз оба промахиваются. Лишь мальчику, которого они взяли с собой, удается впервые в жизни попасть в цель и заслужить похвалы взрослых. «Радость моя в ту минуту была так велика, — писал Фет, — что ее хватило на всю жизнь».[38]

А нам остается понять, почему дядюшка, говоря о подбитом и оставшемся в поле зайцах, воспользовался именно такой метонимией — назвав не уши, не хвост, не тушку, не печень, а *заячьи почки*. Дело в том, что именно почки заячьи верченые (то есть зажаренные на вертеле) считались деликатесом, их подавали даже к царскому столу (они значатся, например, в меню Ивана Грозного, которое хранится в музее-заповеднике «Александровская слобода»). Неудивительно, что в пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1936) они попали на царский стол, а оттуда в фильм Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973). Так что шутка Петра Неофитовича имела вполне реальное основание и была понятна окружающим.

Новия Цемлия, или Об одном географическом открытии Йозефа Мортимера

Подробно освещая быт пансиона Крюммера, где ему пришлось проучиться целых три года (при поступлении он был зачислен в третий класс), Фет не без юмора описывает некоторые занятия и учителей, преподававших разные предметы. При этом его воспоминания вполне могли бы послужить достоверным источником для истории этого учебного заведения, настолько подробно мемуарист воссоздает распорядок дня учащихся, уроки и даже их ежедневное меню. При

[37] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 118.

[38] Там же. С. 120.

всем уважении к директору Г. Крюммеру и другим учителям, к самим строгим порядкам пансиона, готовившего своих учеников для поступления в Дерптский университет, Фет нередко позволяет себе весьма иронические реплики. Так, рассказывая об уроках истории, которые он называет «истинным бедствием», бывший пансионер вспоминал: «Вместо общего знакомства с главнейшими периодами и событиями, учитель третьего класса расплывался в неистощимых подробностях о Пипине Коротком, Карле Великом и Генрихе Птицелове, так что я наконец не умел различить этих скучных людей одного от другого. К этому я должен для краткости присовокупить, что быть может весьма ученый преподаватель истории во втором классе, где я пробыл два года, буквально из году в год, стоя перед нами и пошатываясь за спинкою стула, вдохновенно повторял рассказы о рыжих германцах, которые на своих пирах старались отпивать ступеньки лестницы, поставленной в бочку с пивом. Но так как проверок по этому предмету было очень мало и многоречивый учитель охотнее спрашивал наиболее внимательных и способных учеников, то в начале следующего года я учительской конференцией с директором во главе был переведен, ввиду успехов моих в математике и в чтении Цезаря, во второй класс».[39] Не забыл Фет и постоянное чувство голода, которое он испытывал во время учебы в пансионе, где кормили простой пищей, к тому же не досыта, как дома.

Однако встречаются в его повествовании не очень понятные места. Так, описывая один из уроков географии, который вел «многоученый» педагог Йозеф Мортимер, Фет пишет: «В третьем классе Мортимер давал нам уроки географии перед немыми картами издания самого Крюммера. Когда, по указанию прутика на один из островов Ледовитого океана, никто не умел назвать острова, Мортимер пояснил, что это *Новия Цемлия*».[40]

Что же это за загадочный остров в Северном Ледовитом океане, которого вовсе нет на современных картах? Попробуем «перевести» название в латинский шрифт и получим... *Novija Zemlia*. Выходит, «многоученый» немец произносил русское название *Новая Земля* на немецкий лад, и речь шла об одном из двух больших островов этого архипелага, расположенного между Баренцевым и Карским морями. Два больших острова — Северный и Южный, как и множество мелких островов, — разделены узким проливом Маточкин Шар. Предположительно архипелаг Новая Земля был открыт еще в XII—XIII веках новгородскими купцами, во всяком случае русское название архипелага

[39] *РГ*. С. 89. В пансионе Крюммера классы нумеровались по нисходящей.

[40] Там же. С. 88.

не подлежит сомнению. А вот на какой из островов — Северный или Южный — указывал прутиком «многоученый» Мортимер, мы теперь никогда не узнаем. Ведь карта была «немая», то есть контурная, без географических названий.

Кому принадлежал «картуз Жукова»

Есть в воспоминаниях Фета об учебе в пансионе Крюммера загадочная фраза: «В комнате Гульча я из только что начатого фунтового картуза Жукова набил предварительно вычищенную мною трубку и, вырубив огня, раскурил ее самым лакомым образом».[41]

Из предыдущего повествования читатель узнает об учителе математики Фердинанде Гульче, который, как признается Фет, оказал существенное влияние на формирование его личности. «Обрисовать в своем воспоминании почтенную личность Гульча значит не только воспроизвести весь второй класс, но указать отчасти и на те нравственные складки, которые сложились в душе моей под руками этого незабвенного наставника».[42] Что же так привлекало юношу Фета в личности «почтенного наставника»?

Противопоставляя его педагогическую методу своим «деревянным учителям-семинаристам», которых немало сменилось во время домашнего обучения, Фет подчеркивает умение учителя продвигаться «плечо в плечо с учеником» на пути постижения предмета. «При ответах ученика его не столько раздражало незнание, сколько небрежность, мешавшая логически поискать темносознаваемого ответа», — вспоминал Фет. Во всем Гульч требовал «систематической и логической отчетливости». Даже немыслимая строгость (Гульч, к примеру, требовал от учеников для закрепления темы решить 50 задач нового вида, и стоило ошибиться хотя бы в одной, ученик получал новую порцию) не отвращала учащихся от учителя, отличавшегося в остальном добродушным и незлобивым характером. Судя по тому, с какой любовью описывает Фет шутки самого Гульча и проказы над ним озорных мальчишек, этот учитель остался в его памяти как один из самых достойных. Недаром и сам юноша стремился отличиться, попробовав однажды решить неразрешимую задачу «трисекции угла» с помощью циркуля и линейки. Шутил ли учитель, когда поначалу признал его решение правильным, или в самом деле поверил в необыкновенные способности ученика, сказать трудно, но закончился этот математиче-

[41] Там же. С. 92.
[42] Там же. С. 90.

ский опыт тем, что Гульч обнаружил в доказательствах ошибку и громко расхохотался. Бедный мальчик, поначалу онемевший от восторга, должен был признать свой промах. Из рассказа о Гульче мы узнаем также, что Фет, «умевший несколько рисовать», однажды изобразил на доске черноморскую лошадь настолько похоже, что вызвал восторженный смех учителя. Воспользовавшись добрым отношением Гульча, Фет предложил ему как-то раз сбегать к нему в комнату и набить для него трубку. Вот тут-то и появилась в рассказе фраза, приведенная в начале.

Что же за *фунтовый картуз Жукова* нашел в комнате учителя Фет? Из контекста ясно, что речь идет о табаке, которым ученик набил предварительно вычищенную фарфоровую трубку, однако продолжение фразы добавляет новых загадок, поскольку после этого он, «вырубив огня, раскурил ее самым лакомым образом». Что значит «вырубив огня» и почему раскуривание трубки было произведено «самым лакомым образом»? Оказывается, *вырубить огонь* означает то же, что высечь его из кремня, просто выражение это устарело, а вот смысл определения «лакомый» по отношению к раскуриванию трубки раскрывается далее: «Возвращаясь через двор с пылающей трубкой, я с таким усердием затягивался благовонным дымом Жукова, что чуть среди двора не упал от головокружения. Тем не менее трубка была доставлена по принадлежности <...>».[43]

А что же все-таки означал *фунтовый картуз Жукова*? Разумеется, не головной убор какого-то неведомого Жукова, а бумажный пакет или мешочек, набитый табаком. В. И. Даль среди прочего дает следующие значения: «бумажный мешочек; *артил.* шерстяной мешок с зарядом пороха, для пушки, мортиры. <...> *Картуз табаку*». Отсюда и значение прилагательного «картузный»: «*Картузная бумага*, толстая, простая, в больших листах; большая оберточная». Итак, нам остается узнать, сколько же весил початый «фунтовый картуз» табаку. Эта не употребляемая ныне мера веса равнялась 410 граммам. А вот имя Жукова, заменившее в приведенной фразе слово «табак», достойно того, чтобы рассказать о нем подробнее.

Несмотря на всероссийскую славу, вполне достоверных сведений о ранней биографии купца 1-й гильдии Василия Григорьевича Жукова почти не сохранилось. Даже точная дата его рождения оспаривается исследователями. Принято считать, что В. Г. Жуков родился в 1796 году в г. Порхов Псковской губернии в небогатой, если не сказать бедной мещанской семье. В детстве ему приходилось пасти скот, плести лапти и даже собирать милостыню. Приехав в Петербург обучаться

[43] *РГ*. С. 92.

столярному делу, юноша подрабатывал маляром, дворником, наконец, плотником и рабочим сцены в Большом театре. По случаю устроился подмастерьем у резчика табака на небольшой табачной фабрике, а через некоторое время решил открыть собственное табачное дело, в чем и преуспел. Жуковский табак стал настолько популярным, что накопленных средств хватило на открытие фабрики на левом берегу Фонтанки. Сообразительный подмастерье сумел наладить работу фабрики, применяя прогрессивные методы управления. При фабрике было построено жилье для рабочих, больница, открыта сберегательная касса. Словом, к 30-м годам XIX века Жуков стал не только богатейшим, но и одним из самых знаменитых людей России. Достаточно сказать, что на известной картине Г. Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге» среди 232 изображенных есть и портрет В. Г. Жукова (под № 201). Картина создавалась по личному указанию Николая I (который, по преданию, сам высоко ценил табак Жукова) в 1832—1837 годах, как раз в то время, когда Фет учился в пансионе Крюммера. Однако слава и богатство не остановили предприимчивого коммерсанта. Он продолжал развивать новые проекты. Так, уже в 1840-е годы им были построены бани на Екатерининском и Обуховском проспектах, открыты бумажная, масляная и полотняная фабрики, а также мыловаренный завод в родном Порхове. Попутно Жуков приобретал чины и звания: он стал надворным советником, почетным гражданином, входил в городское управление Петербурга, был членом многих попечительских советов. Редкий случай: фантастическое богатство (у Жукова было несколько домов в Петербурге) не помешало ему приобрести славу щедрого благотворителя. Вот такая неординарная личность стояла за весьма прозаическим понятием «картуз Жукова», «затянуться Жуковым». Умер В. Г. Жуков в 1882 году и был с почестями похоронен на Митрофаньевском кладбище в Петербурге.

Нам остается сказать, что на страницах «Ранних годов моей жизни» «картуз Жукова» появляется еще раз, во время ночевки Фета в заброшенном доме одного приятеля дяди Петра Неофитовича. Отправившись в те места на охоту во время вакаций, уже студент-Фет перед сном читает надпись «на табачном картузе»: «лучший американский табак Василия Жукова; можно получать на Фонтанке, в собственном доме <...>».[44] Встречается Жуков и в повести «Дядюшка и двоюродный братец» (1855), где учитель-семинарист время от времени уходил из классной в соседнюю комнату «потянуть перед топящейся печкой жукова», а после прятал «запрещенные орудия удоволь-

[44] Там же. С. 187—188.

ствия» под подушку.[45] Пристрастившись с юности к табаку, Фет оставался заядлым курильщиком до 1888 года, когда под влиянием развивающейся астмы все же бросил многолетнюю привычку. Свою же проделку с любимым учителем Гульчем юный любитель табака повторял еще не раз. «...Черноморка на классной доске, — признавался Фет, — неоднократно доставляла мне удовольствие затянуться Жуковым».[46]

[45] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 22.
[46] *РГ.* С. 92.

А. Г. Гродецкая

МЕМУАРНЫЕ АККОРДЫ (Из наблюдений над текстом «Ранних годов моей жизни»)

Последние творческие годы Фет посвятил мемуарам: двухтомные «Мои воспоминания» (1890) он успел увидеть изданными, «Ранние годы моей жизни» (1893) вышли после его смерти. В Предисловии к «Моим воспоминаниям» мемуарист счел необходимым пояснить свою авторскую задачу. Пересказав исторический анекдот о фотографии, на которой император Николай Павлович заметил в своих «поразительно дисциплинированных и обученных войсках» крайне незначительный, «случайный и как бы механический беспорядок», Фет заключил: «Не вправе ли мы сказать, что подробности, которые легко ускользают в живом калейдоскопе жизни, ярче бросаются в глаза, перейдя в минувшее, в виде неизменного снимка с действительности».[1] Речь здесь идет не только об избирательности памяти, но и об избирательности авторского художественного зрения, к «случайным» подробностям не менее, а подчас и более внимательного, чем к предметам ожидаемым и очевидным. В многочисленных моментальных «снимках» с действительности в «Ранних годах моей жизни» эта авторская особенность видения жизни и способа ее воссоздания выступает, пожалуй, более отчетливо, чем в первой мемуарной книге. Здесь мощнее, как заметила Л. И. Черемисинова, и лирическая струя.[2]

---

[1] *МВ*. Ч. 1. С. III—IV.

[2] *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 344. Ср.: «Несмотря на стремление к достоверному изображению свершившегося, к сохранению объективного тона повествования, книга „Ранние годы моей жизни“ субъективнее, личностнее, нежели двухтомник „Мои воспоминания“» (Там же).

© А. Г. Гродецкая, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-89-102

Лирику и прозу Фета, и прежде всего прозу автобиографическую, не может не связывать органическая поэтологическая близость.[3] Обращение к прошлому составляет постоянный мотив его поэзии, «мощные переходы во времени»[4] сообщают ей особую лирико-философскую глубину. Для Фета-лирика характерно внимание к мигу, к ускользающему мгновению или потоку мгновений, а вместе с тем и к конкретной детали («Культ момента — принципиальная творческая установка Фета <...>»[5]), для Фета-мемуариста — внимание к эпизоду, к единичному случаю, миг в его мемуарах «обретает длительность».[6] Способность к мгновенной чувственно-духовной реакции на происходящее (схватывание «на лету», прозрение) и к столь же стремительному ее словесному отображению сам поэт расценивал как свойство подлинной поэзии: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах».[7] Особое значение «мгновения» в поэзии Фета неоднократно отмечали и его современники. Н. Н. Страхов в 1889 году в статье «Юбилей поэзии Фета» назвал его певцом и выразителем неразложимых, как аккорд, «быстрых мгновений»: «...он улавливает только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем, в том быстром мгновении, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая песня Фета относится к одной точке бытия, к одному биению

---

[3] См., например: *Ауэр А. П.* Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А. А. Фета // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX — начала XX века. М., 1991. С. 50—58; *Михайлова С. Ю.* А. А. Фет: Стихи и проза — единый план (деревенские очерки, критические статьи, воспоминания, переводы, рассказы, лирика) // А. А. Фет и русская литература: Материалы Всерос. науч. конф. «XV Фетовские чтения». Курск; Орел, 2000. С. 37—45; *Орлицкий Ю. Б.* Стиховое начало в прозе А. Фета // Там же. С. 145—152. Фетовский стиль, по замечанию В. А. Кошелева, «конструировался прежде всего на основе фетовской лирики», вследствие чего и его очерки «не должны были „выделяться“ из этого стиля» (*Кошелев В. А.* Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 163).

[4] *Чичерин А. В.* Движение мысли в лирике Фета // Чичерин А. В. Сила поэтического слова: Статьи, воспоминания. М., 1985. С. 9.

[5] *Мышьякова Н. М.* Проблемы поэтики А. А. Фета: учеб. пособие. Оренбург, 2004. С. 69; ранее: *Мышьякова Н. М.* К вопросу о творческом методе А. Фета // А. А. Фет: Проблемы творческого метода, традиции. Курск, 1989. С. 18.

[6] *Коковина Н. З.* Поэтика воспоминаний в художественном мире А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества: Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 21.

[7] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 203 («Как беден наш язык! — Хочу и не могу...», 1887). Ср.: «Как трудно повторять живую красоту / Твоих воздушных очертаний; / Где силы у меня схватить их на лету / Средь непрестанных колебаний?» (1888) (Там же. Кн. 2. С. 33).

сердца и потому неразложима; это — аккорд <...>».[8] И далее следовало наблюдение, которое в равной степени можно отнести и к фетовской лирике, и к его мемуарной прозе: «...он не выбирает предметов, а ловит каждый, часто самый простой случай жизни; он не составляет сложных картин и не развертывает целого ряда мыслей, а останавливается на одной фигуре, на одном повороте чувства».[9] Вторя Страхову, о мгновенных фетовских «аккордах» «живой жизни» писал и редактор его первого Полного собрания стихотворений Б. В. Никольский, видевший в элементах поэтики отражение жизненной философии поэта, его убежденности в мгновенности и преходящести жизненных событий и явлений.[10]

Поэтика фетовских мемуаров, надо признать, едва ли в достаточной степени изучена, они не имеют и авторитетного научного комментария, в настоящее время он готовится и будет представлен в очередных томах 20-томного Собрания сочинений. Многообразные исторические, социально-культурные, бытовые реалии и подробности мемуарного текста объективно нуждаются в комментарии: предметно-бытовой мир в «Ранних годах моей жизни» исключительно богат, чрезвычайно плотно населен и мир персонажный. Последняя книга воспоминаний Фета объединила обильный разнопредметный и разнохарактерный материал, включив описание детства автора в родовом имении Новоселки, учебы в пансионе Крюммера в Верро и в пансионе М. П. Погодина в Москве, шести студенческих лет в Московском университете и жизни в семье Аполлона Григорьева, наконец восьмилетней службы по окончании университета в Кирасирском Военного Ордена полку.

Мемуарное повествование, столь содержательно и событийно неоднородное, казалось бы, должно быть и структурно неоднородным, не раз, в частности, отмечалась его фрагментарность, мозаичность.[11] Однако мозаичная мемуарная картина, созданная в едином, интенсивном и недолгом по времени творческом акте,[12] обладает несомненной внутренней целостностью, которую определяет не только повествовательно-интонационное единство текста — «тон целого», высоко ценив-

---

[8] *Страхов Н. Н.* Литературная критика. СПб., 2000. С. 424.

[9] Там же. С. 425.

[10] *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета // *ПССт1901.* Т. 1. С. LXXIX. Среди прочих цитировалось при этом стихотворение «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» (1879): «Нет, Ты могуч и мне непостижим / Тем, что я сам, бессильный и мгновенный, / Ношу в груди, как оный Серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» (Там же. С. LXXXVII—LXXXVIII).

[11] См.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. С. 343 и др.

[12] Об истории создания «Ранних годов...» см.: Там же. С. 336—350.

шийся Фетом,[13] но и ряд структурных особенностей, последовательно выдержанных на всем протяжении текста. Среди них и отмеченные выше дробность, беглость, эскизность описаний, составляющие важнейший художественный принцип мемуариста, организующий как строение текста, так и его неявные, имплицитные, открыто не декларируемые смыслы и реализующий не только эстетическую задачу автора, но и задачу жизнепознания и жизнеутверждения. Спаивающим «цементом» в мозаичной мемуарной прозе Фета служит, если вспомнить хрестоматийное определение Льва Толстого, «единство самобытного нравственного отношения автора к предмету».[14]

Созданные как итоговый жизненный документ мемуары, помимо изложения историко-биографического материала, не могли не содержать и необходимых автору сверхсмыслов. В уже цитированном Предисловии к «Моим воспоминаниям», размышляя о «сокровенных путях» судьбы, предопределивших, по его мысли, и жизненные лишения, и воздаяния, Фет эту свою повествовательную сверхзадачу провозгласил открыто: «Мысль о подчиненности нашей воли другой, высшей, до того мне дорога, что я не знаю духовного наслаждения превыше созерцания ее на жизненном потоке».[15] К той же мысли он возвращается и еще раз, рассуждая о жизни, которая «причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали».[16] В дискретности фетовских воспоминаний, в их распадении на отдельные эпизоды современный исследователь видит выражение его представлений о проявлении *воли-жизни-судьбы*, «самого духа причинности, проникающего любую случайность», «в глубине своей разумного, но при этом целиком непостижимого».[17] Другой автор определяет философско-мировоззренческую основу поэзии Фета, соприродную философии высоко им ценимого Шопенгауэра, как «соотношение мира явлений, каузальных и ограниченных в своей преходящей индивидуальной данности, и трансцендентной бездонной воли,

---

[13] О своем переводе II-й части «Фауста» Фет писал С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 г.: «...главное <...> это тон целого и Фет в него попал <...>. А что есть недорисовки — это я сам знаю <...>» (*Фет. СПП*. С. 388).

[14] *Толстой*. Т. 30. С. 18—19 («...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое <...> есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»).

[15] *МВ*. Ч. 1. С. VI.

[16] Там же. Ч. 2. С. 329.

[17] *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета // Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы: На пути к середине XIX века. Воронеж, 1998. С. 106. Ср.: *Фаустов А. А.* «Я» и «Ты» в лирике А. А. Фета // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 207.

не знающей никаких разделений», делая акцент на том, что поэт на собственной судьбе «силится отследить поток безличной мировой воли, распознать ее направление».[18] Вечный вопрос о соотношении случайного и необходимого, непредсказуемого и предопределенного составляет в мемуарах Фета, как и в его лирике, предмет скрытой авторской рефлексии. О неявных авторских смыслах у Фета Б. В. Никольский писал: «Его замысел нужно иногда высматривать, как папоротник в Иванову ночь <...>».[19] В мемуарной прозе, добавим, сверхзамысел автора в значительной степени освещен «эпическим доверием к стихии жизни», в целом свойственным русской реалистической прозе второй половины XIX века.[20]

Дискретность, «аккордность» повествования характерна для всего текста «Ранних годов моей жизни», однако в разных его частях имеются очевидные различия. Рассказ о шести годах, прожитых Фетом в мезонине григорьевского дома на Малой Полянке (главы XVIII—XXVII), в семье «добродушного и шутливого по природе» Александра Ивановича Григорьева, отца Аполлона, «человека совершенно беспечного»,[21] рассказ о жизни также вполне беспечной в бытовом и человеческом плане и исключительно творчески и интеллектуально насыщенной, богаче живыми подробностями, нежели повествование о восьмилетней службе в кирасирском полку. В «григорьевской» части мемуаров открыто присутствует авторское «я», которое в «кирасирской» части будет заметно приглушено, минимизировано, здесь звучат важнейшие, не раз цитированные исповедальные признания Фета: «...дом Григорьевых был истинною колыбелью моего умственного *я* <...>», здесь состоялось «полное мое перерождение из бессознательного в более сознательное существо» (С. 149). «Я» повествователя открыто звучит и в финале университетской части мемуаров: «...связь моя с обычным прошлым расторгнута, <...> сходя по ступеням крыльца, я от известного иду к неизвестному» (С. 237). В «обычном прошлом» остались увлечение поэзией, творческий взлет — «чуть не ежедневные стихотворения» (С. 204), издание «Лирического Пантеона» (1840) и журнальные публикации, широчайшие философско-литературные интересы (Гегель, Байрон, Шиллер, Гёте, Лермонтов,

---

[18] *Вайскопф М.* «Цветочные спирали»: недовоплощенность как конструктивный принцип в поэзии Афанасия Фета // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 2. С. 53, 55.

[19] *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета. С. LXIV.

[20] См.: *Тамарченко Н. Д.* Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 95.

[21] *РГ*. С. 149. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страницы.

Гейне, Жорж Санд) и горячие споры в студенческом кружке, в который, помимо Фета и Григорьева, входили Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский и другие, знакомство с Боткиным, Герценом, Грановским, посещение литературных салонов и «так называемых интеллигентных домов» (Корши, Глинки, Павловы, Аксаковы, Новосильцовы), московские опера, балет и драма (Щепкин, Мочалов, Ленский, Садовский), университетская профессура, знакомая с поэзией Фета и благоволившая ему (С. П. Шевырев, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Д. Л. Крюков, Н. И. Крылов). «Добрейший» Шевырев провожал Фета шампанским «и поздравлял со вступлением в новую жизнь» (С. 237).

В апреле 1845 года выпускник словесного отделения Московского университета, действительный студент Фет, рассчитывавший, как известно, с получением первого офицерского чина приобрести (и вернуть) потомственное дворянство, пересекает рубеж, отчетливо обозначенный в мемуарах: «обычное» сменяется «неизвестным», герой мемуаров вступает в «неведомый мир» (С. 263), в мир случайных, стихийных, непредугадываемых явлений. Поэт попадает в глубокую провинциальную глушь Херсонской губернии, в жесткую и грубую реальность службы в резервной армейской кавалерии. Зачисленный в Кирасирский Военного Ордена полк «вольноопределяющимся действительным студентом из иностранцев», он начинает службу в нижнем унтерофицерском чине, «лишенный даже возможности передвижения с места на место» (С. 329—330), и первый обер-офицерский чин (в кавалерии — корнет), позволивший ему покидать расположение полка, получает через полгода по вступлении в него. И здесь «жизнь причудливо уводит» кирасирского корнета с тех путей, которые он «усердно прокладывал и расчищал»: по Высочайшему указу от июня 1845 года права потомственного дворянства могли быть предоставлены только по получении первого штаб-офицерского чина, чина майора. Исчерпывающую характеристику «новой жизни» вчерашнего московского студента находим у Г. П. Блока, биографа поэта: «Фет вступает в офицерскую среду, умственно мертвую и нравственно распущенную, резко отличную по своим интересам и обычаям от того передового высокоинтеллигентного круга, в котором Фет вращался в Москве. Офицеры подсмеиваются над мешковатостью Фета, над его недостаточно высоким для кирасира ростом и над его поэзией. Про него сочиняют стишки: Ах ты, Фет, / Не поэт, / А в мешке мякина... / Резко изменяется и сам Фет: из разгульного лентяя-студента он быстро преображается в подтянутого служаку-фронтовика».[22]

[22] *Летопись (1985)*. С. 147—148.

Фет в форме корнета Кирасирского Военного Ордена полка.
С акварели А. В. Сливицкой. Александрия, 1846 г.

Очевидно, что в «кирасирской» части мемуаров, как и в главах, повествующих об учебе в пансионе в Верро, больше умолчаний и недосказанностей, чем в «московской» части. Непросто на основании нескольких беглых мемуарных эпизодов представить во всей полноте, насколько психологически тяжелой была жизнь Фета в пансионе Крюммера, где ему пришлось в разных формах испытать то, что он сдержанно назвал «приставанием к слабому» (С. 99), вскользь упомянув в другой части текста и о «пытке», «выстраданной» в Верро (С. 151). О «тайнописи» Фета-мемуариста Б. Я. Бухштаб писал: «В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями. / Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем, поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь

внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются».[23]

Несложно допустить, что в тяжелых, ранящих душу воспоминаниях утаенного и недосказанного много больше, чем в рассказах о событиях относительно благополучных. Кроме того, в очерковой и мемуарной литературе XIX века существовали всем известные подцензурные зоны и темы, связанные прежде всего с государственной и военной службой и с деятельностью учебных заведений, освещать которые следовало с большой долей осмотрительности и осторожности. Все, что осталось недосказанным о взаимоотношениях подростков внутри закрытого учебного заведения в Верро, передает авторская сентенция в начале главы XII: «Стоя на вершине многолетия, справедливее относишься и к себе, и к другим, видя ясно, что люди в большей или меньшей степени держатся убеждения дикаря <...>» (С. 99). Это, стоит отметить, единственное жесткое обобщающее суждение в тексте «Ранних годов...», оно вполне может быть отнесено и к многочисленным обитателям того армейского «зверинца»,[24] который предстал выпускнику Московского университета при его знакомстве с внутренней жизнью кирасирского полка. В мемуарных главах нет той безысходной горечи, которой полны исповедальные письма Фета к И. П. Борисову начальной поры его службы, где речь шла об окружавших его «гоголевских Виях».[25] В связи с этим заслуживает напоминания свидетельство Н. Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние годы: «Самые горькие и тяжелые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания».[26]

В целом же обобщения, отступления, отвлеченные умозаключения, подобные приведенному выше, в мемуарах Фета крайне редки, можно сказать, единичны. Однако среди последних присутствует ряд суждений, служащих ключом и к фетовской «тайнописи», и к «внешней правильности» его описаний как осознанным принципам мемуарного повествования. Так, признаваясь в своем студенческом увлечении поэзией Гейне, он отмечает в качестве его главного достоинства «манеру говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине» (С. 209). Фет-мемуарист сознательно отказывается от аналитики, прежде всего психологической, не стремясь объяснить

[23] *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Бухштаб Б. Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000. С. 191.

[24] Имеется в виду стихотворение Фета «В зверинец мой раскрыты двери...» (С. 295—297), в котором, по словам автора, содержалась «шуточная характеристика всех младших офицеров, так как касаться старших было бы бестактно» (С. 295).

[25] *Письма к Борисову*. С. 85.

[26] *Страхов Н. Н.* Литературная критика. С. 426.

ни характеры встреченных им людей, ни мотивы и логику их поступков. В Предисловии ко II-й части «Фауста», обращаясь к читателям и указывая на необходимость заменять «аналитический прием синтетическим», Фет призывал читателя «идти навстречу нашей мысли, на которую мы только можем намекнуть».[27]

В тексте «Ранних годов...» звучит и еще одно чрезвычайно важное и в целом не характерное для мемуариста признание, определяющее его изобразительные принципы. Речь идет об «оригинальном человеке» Иване Неофитовиче Шеншине, дяде Фета, который «под рукою романиста-психолога мог бы явиться одним из замечательнейших типов». «Что касается до меня, — свидетельствует повествователь, — то я могу рассказать о нем только внешнюю правду, отказываясь рассказать внутреннюю» (С. 229). Этому принципу Фет в персонажных эскизах-очерках следует неизменно, его мемуарное повествование «часто выстраивается метонимически».[28] Создания типов как носителей определенных социально-исторических и национальных тенденций мемуарист последовательно избегает,[29] его герои всегда конкретно-индивидуальны. Однако принципы индивидуализации у Фета также своеобразны — он с равным интересом повествует и о лицах, выделяющихся из общего ряда, и о тех, кто совсем, казалось бы, малоинтересен. Повествователь в мемуарах как будто постоянно заботится о сохранении характерологического баланса, уделяя равное внимание и первым, и последним, избегая резких штрихов и психологических крайностей. Вместе с тем возникает и эффект непрозрачности, или недовоплощенности, авторского «я»,[30] опять же сближающий мемуарную прозу и лирику Фета. Формы репрезентации личностного начала составляют актуальную проблему в исследованиях лирики Фета, изобилующей безличными формами,[31] отмечалось, в частности, стремле-

---

[27] *Фет А. А.* Предисловие и комментарий ко II-й части «Фауста» Гёте / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 72.

[28] *Klenin E.* The Poetics of Afanasy Fet. Köln; Weimar; Wien, 2002. P. 22.

[29] Эту черту отметил еще Ап. Григорьев, писавший в статье «Русская изящная литература в 1852 году» об «отсутствии типичности и преобладании особности и случайности» в ранней лирике Фета (*Григорьев Ап.* Литературная критика. М., 1967. С. 98).

[30] См.: *Klenin E.* The Poetics of Afanasy Fet. P. 22; *Вайскопф М.* «Цветочные спирали»: недовоплощенность как конструктивный принцип в поэзии Афанасия Фета. С. 51—61.

[31] См., например: *Чичерин А. В.* Фет // Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977. С. 427—428; *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. С. 101; и др.

ние поэта «опредмечивать <...> сами лирические переживания, охраняя личность от объективации».[32] Проблема защиты авторской личности от объективации имеет все основания быть поставленной и при анализе автобиографической прозы поэта. В этом ракурсе и «отдельность» каждого эпизода сообщает повествовательному потоку оттенок безличности, выявляя, с одной стороны, «стихийность происходящего, его самопроизвольность», с другой — его «непреложность», «совершение судьбы».[33]

Отметим еще ряд особенностей дробно-мозаичной структуры мемуарного текста. В частях, повествующих о детстве и юности поэта, отдельные эпизоды глав, как правило, объединены «тесным» родственно-домашним и бытовым сюжетом, это общий принцип построения всех глав, начиная с I-й по VIII-ю. Так, глава VII состоит из следующих эпизодов: «Мои поездки на Ядрино к дяде Петру Неофитовичу. — Его птичник. — Именины дяди. — У дяди Ивана Неофитовича. — Смоленские дворяне. — Тетенька Семенкович. — Тетенька Любовь Неофитовна. — Ее сын» (С. 64). В той или иной степени сюжетно связанными остаются и эпизоды глав, посвященных учебе Фета в пансионе Крюммера и Московском университете. Но в начале «кирасирской» части мемуаров, начиная с главы XXXII, структура и содержание глав резко меняются, являя в буквальном смысле «живой калейдоскоп жизни», хаос новых армейских фигур и лиц. Они представлены повествователем эскизно, бегло, случайностный и произвольный характер «жизненного потока» здесь заявляет о себе со всей очевидностью. И только с развитием армейского сюжета из калейдоскопа фигур и лиц выдвигаются индивидуальности, которые останутся вписанными не только в армейскую биографию Фета, но и в его жизненную судьбу. Среди них в первую очередь следует назвать полкового адъютанта Н. И. Небольсина, ротмистра А. А. Деконора (в тексте: Оконор), в 1842—1850 годах командовавшего 3-м эскадроном, в котором служил Фет, и в особенности полковника К. Ф. Бюлера, в 1848—1853 годах командира Орденского полка, при котором Фет с февраля 1849-го и до окончания службы в полку в мае 1853 года состоял в должности адъютанта. Бюлер, с которым Фета связали, по его признанию, сыновно-отеческие отношения, упоминается в рассказах «Каленик» (1854), «Семейство Гольц» (1870), «Не те» (1874), он также стал главным героем неоконченного рассказа «<Полковник Бергер>» (1860-е).

---

[32] См.: *Ермилова Е. В.* Некрасов и Фет // Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1871. М., 1971. С. 293.

[33] *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. С. 101.

Барон К. Ф. Бюлер, командир Кирасирского Военного Ордена полка в 1848—1853 гг.

Мысль о соотношении хаоса и упорядоченности, концептуально важная для мемуариста, в «кирасирской» части текста так или иначе постоянно присутствует. Показательно, например, рассуждение повествователя в главе XL: «Человеку, незнакомому с построениями боевых масс на маневрах, <...> все эти движения ломаными частями, исполняемые в кавалерии, большею частию в карьер, неизбежно покажутся чем-то вроде кружения, о котором Пушкин так живописно говорит в своих „Бесах“. / „Будто листья в ноябре...“ / Мчишься в туче пыли, нередко одними коленями да стременами чувствуя соседей и догадываясь по ритмическому сотрясению тела, что, должно быть,

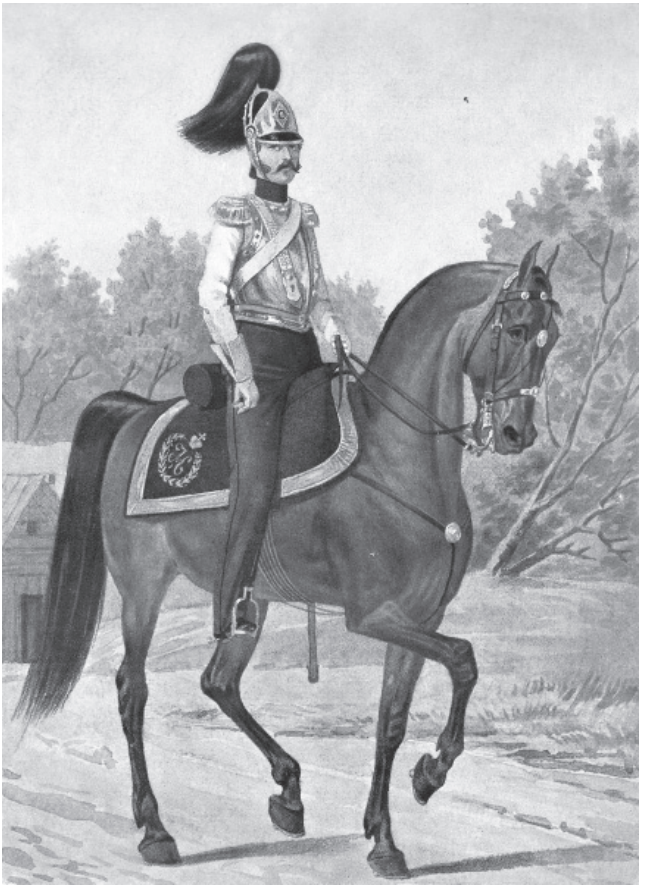
давно уже куда-то несешься, так как среди Божьего дня не только не видишь переднего всадника, но даже головы собственного коня. <...> Но даже в той тесной сфере наблюдения, которая выпадает на долю всякого солдатика в задней шеренге, невозможно не изумляться чудесам дисциплины, посредством которых она готовит массы людей к геройству и самоотвержению» (С. 333). «Великое дело воинская красота <...>» (С. 330), — заметит мемуарист в другом месте.

В своей армейской судьбе Фет, получивший в 1849 году чин поручика, в 1851 — штабс-ротмистра и заслуживший репутацию «усердного и исполнительного» офицера (С. 281), добросовестного «служаки» (С. 324, 350), видел очевидные знаки участия «высшей воли». Завершая «кирасирскую» часть воспоминаний, он признавался: «Когда я сличаю свою нравственную распущенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного Ордена полк был для меня возбудительною школой» (С. 548).

Если героические элементы были «почти безусловно чужды поэзии Фета», по свидетельству ее горячего поклонника Б. В. Никольского, то сам он был «героическим примером мужественной и верующей стойкости».[34]

Совершенно особенное значение имеют в «кирасирской» части эпизоды (как правило, это фрагменты глав), связанные с усадебным миром Александрийского уезда Херсонской губернии. Это мир, который отчетливо контрастирует с регламентированной военной жизнью, и повествование последовательно выстраивается на контрастах служебной и внеслужебной реальности. Привычный с детства и дорогой Фету усадебный мир, оттеняя эту реальность, открывается кирасиру-поэту широко и свободно, как, вероятно, мало кому другому. Нет смысла напоминать, что значили для Фета Федоровка, имение Петковичей, где он познакомился с Марией Лазич, и Березовка, имение Бржеских. Лирическая составляющая в изображении усадебного мира исключительно сильна в «Ранних годах моей жизни», «усадебный текст» здесь присутствует как своего рода «лирическое хозяйство». Характерно при этом для всех описаний усадебного быта внимание рассказчика как к его природной, так и к хозяйственной стороне, к подробностям его рациональной организации и благоустройства. Кругозор повествователя, молодого кирасирского офицера, включает, таким образом, и опыт состоявшегося успешного фермера, усадебного владельца.

[34] *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета. С. LXIX, LXXIII.



Штаб-офицер Кирасирского Военного Ордена полка. 1845 г.

«Жизненный поток» в мемуарном повествовании Фета предстает в равновесии линейного и циклического движения. Повествование подчинено временной хронологии — поступательному, линейному движению времени и развитию событий, и Фет, можно сказать, педантически последователен в их изложении, у него практически нет временных смещений, крайне редко он забегает вперед или отступает в прошлое. «Ранние годы...» создавались как единый текст, и автор зачастую отсылает читателя к вышеизложенному в тех случаях, когда встречает, намеренно или же случайно, людей из прошлого — как во время поездки в Москву в конце 1849 года для подготовки к изданию сборника стихотворений или при встрече весной 1850 года с ротмис-

тром Альфонсом Перейрой, своим однокашником по Верро. Цикличность также достаточно отчетлива в структуре повествования. Не забудем, что кирасирский полк был дислоцирован в деревнях и селах Херсонской губернии, и жизнь полка, как и крестьянская жизнь, подчинена годичному сезонному циклу. Осенне-зимние циклы в фетовских описаниях неотчетливы, почти неразличимы, в центр зимних событий, как правило, попадают бытовые служебные заботы и балы в городских дворянских собраниях (судя по многочисленным эпизодам контрдансов, мазурок и вальсов, Фет был нерядовым танцором). И напротив, весенне-летние сезонные циклы отмечены событийной оживленностью. С приходом весны на травяное содержание переводят лошадей — кавалерия уже этим вписана в природный ритм, весной начинаются полковые, дивизионные и корпусные кампаменты, ежегодное описание которых последовательно включается в повествование. Весной приходит и время охоты, а это одно из ярких и ожидаемых событий в «жизненном потоке» мемуариста, не уступающее другим в ряду жизненных ценностей, охотам в мемуарах уделено значительное повествовательное пространство.

Последовательный хронометраж событий в «Ранних годах моей жизни» подчинен общей авторской сверхзадаче — созерцания проявлений «высшей воли», слагающей и организующей «жизненный поток» в жизненный текст.

Е. П. Дерябина

БАЛТИЙСКАЯ КАМПАНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ГВАРДЕЙСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ ФЕТА

В Предисловии к первому тому «Моих воспоминаний», рассуждая об особенностях человеческой памяти, Фет образно сравнивает свои мемуары с фотографическими снимками, «картинами в прошедшем», отображающими подробности, которые «легко ускользают в живом калейдоскопе жизни».[1] Мельчайшие фрагменты прошедшего, хранимые в памяти и собираемые в единое целое, по его мнению, могут выразить «сокровенные пути», из которых складывается жизнь отдельного человека. При этом Фет-мемуарист не выносит прямых оценок описываемым явлениям жизни, а скорее придерживается позиции беспристрастного «третейского судьи»: «...всякий живой предмет представляет для наблюдателя множество разнородных сторон».[2] В то же время, анализируя ход событий, определивших его судьбу, Фет решает философский вопрос, о постановке которого заявляет в том же Предисловии. Это вопрос о высшей воле, которую он противопоставляет собственной: «Мысль о подчиненности нашей воли другой, высшей, до того мне дорога, что я не знаю духовного наслаждения превыше созерцания ее на жизненном потоке».[3] Таким образом, причиной, по которой поэт обратился к воспоминаниям, было желание самому разгадать смысл собственной, далеко не безмятежной жизни.

После трехлетнего обучения в частном пансионе Крюммера в городе Верро (1835—1837) Фет, казалось бы, навсегда покинул лифляндский край, однако спустя почти двадцатилетие развернувшаяся Бал-

[1] *МВ*. Ч. 1. С. IV.
[2] Там же. С. III.
[3] Там же. С. VI.

© Е. П. Дерябина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-103-116

тийская кампания Крымской войны способствовала новой встрече со знакомыми по детству местами. В 1853 году Фет перевелся в лейб-гвардии Уланский полк, расквартированный в Новгородской губернии. В это сложное для России время произошел разрыв дипломатических отношений с Англией и Францией (февраль 1854 года) и последующее объявление войны (март 1854 года). 28 марта, после очищения моря ото льда, английская и французская эскадры под командованием вице-адмирала Чарльза Нейпира направились на Балтику (объединенный флот насчитывал 88 различных кораблей). Главные интересы союзников были сосредоточены вокруг Кронштадта и Петербурга, непосредственными военными задачами была организация блокады Финского залива, ограничение выхода российских судов в Северное море, препятствование морской торговле.

К началу военных действий на Балтике летом 1854 года русский Балтийский флот базировался в Кронштадте и Свеаборге. Историки отмечают его техническую отсталость — в частности, отсутствие современных линейных кораблей (в основном флот состоял из парусных судов[4]). Сложное положение русских войск на Балтике усугублялось значительным превосходством числа орудий противника. Как пишет современный исследователь Т.-А. Таннберг, по сравнению с обороной Петербурга и Финляндии, остезейские губернии были защищены гораздо меньше: общее количество войск, там размещенных, не давало возможности русским войскам противостоять десанту союзников.[5] По этим причинам командованием России был разработан оборонительный план военных действий, заключавшийся в переброске сухопутных войск и организации на береговой линии наблюдательных постов.

Части гвардейских войск, в которых служил Фет, получили известие о предстоящем походе в день св. Мартиниана, 13 февраля 1854 года (день полкового праздника). Поход занял около месяца — 20 марта полк достиг Ревеля.[6] Эскадрон улан был расквартирован в районе

---

[4] *Таннберг Т.-А.* Остзейские губернии в период Крымской войны // Россия и Балтия. М., 2008. Вып. 5: Войны, революции и общество. С. 48—80.

[5] Всего, по сведениям Т.-А. Таннберга, в обороне остзейских губерний в Эстляндии к лету 1854 г. было задействовано 20 000 человек; к концу года это количество возросло до 37 500, однако к весне 1855 г. вновь было сокращено до 20 000. По приводимым историком документам (письмам к Ф. В. Р. фон Бергу, главнокомандующему войсками, дислоцированными в Эстляндской губернии, и военному губернатору Ревеля) становится ясно, что правительство России ожидало масштабного десанта войск союзников и захвата как городов (Ревель, Рига), так и островов (Эзель (совр. Сааремаа) и Даго (совр. Хийумаа)).

[6] *Крестовский В. В.* История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1876. С. 263, 265. Далее сокращенно: *Крестовский*, с указанием страницы.

Балтийского Порта (современный город Палдиски в Эстонии) у местного дворянства.

Наблюдения за устройством быта эстляндских дворянских хозяйств позволили мемуаристу не только сосредоточиться на их культурных особенностях, но и взглянуть со стороны на особенности российской действительности. Так, Фет пишет о некоторой сумятице как общей черте, проявляющейся в организации быта расквартированных русских войск. В рамках этих же рассуждений прочитываются рассыпанные по воспоминаниям неодобрительные замечания о неразумности и непоследовательности некоторых приказов высшего российского военного руководства (например, неожиданный приказ начальника дивизии потопить стоявшее у берегов Балтийского Порта финское торговое судно), а также общая оценка недальновидности привлечения кавалерийских войск для обороны береговой линии: «Строго подчиняясь распоряжениям свыше, я был обстоятельствами вынужден критически отнестись к своему положению. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь, а я никак не мог понять, почему в охрану береговой линии от десанта, — очевидно пехоты, вооруженной дальнострельными ружьями, — выставлена кавалерия, вооруженная пиками и саблями, так как наши карабины можно только было считать лишней обузой, но никак не вооружением. Не очевидно ли, что небольшой десант никак не отважится на далекое наступление, а будет держаться поблизости шлюпок и стрелять издали по всякому вооруженному, не рискуя ни малейшим отпором».[7]

Фет не раз высказывался о том, что в поэтическом творчестве доверяет не разуму, а вдохновению («бессознательному инстинкту»), а в практической жизни требует «разумных оснований, подкрепляемых опытом».[8] Его житейская логика протестует против перебрасывания гвардейских эскадронов в жестокий мороз, так как это неразумно для сбережения лошадей и экономии людских сил.[9] Критикует он и канцелярские неурядицы, из-за которых продвижение полка постоянно осложнялось и зачастую носило «лихорадочный» характер.

В воспоминаниях Фет описывает несколько лифляндских дворянских семей (Раммы, Берги, Энгельгардты), неизменно восхваляет их гостеприимство и любезность по отношению к русским офицерам.

Первая эстляндская фамилия, возникающая в гвардейских воспоминаниях — фон Рамм. После прибытия в Эстляндию эскадрон Фета (в шестом эскадроне он являлся командиром третьего взвода[10]) был

[7] *МВ*. Ч. 1. С. 56.

[8] Там же. С. 40.

[9] Там же. С. 41, 45.

[10] Там же. С. 53.

размещен на фольварках мызы Лец (Леец; Leetse) близ Балтийского Порта. С большой симпатией он описывает хозяина мызы — «холостого стройного блондина лет сорока»[11] и его сестру; упоминает, что Рамм закончил курс в Дерптском университете, подчеркивает его такт и скромность, образованность, ненавязчивую гостеприимность и простоту нравов. Речь идет об уездном депутате Якобе Иоганне фон Рамме (Jakob Johann von Ramm; 1811—1870), жившем на мызе Лец со своими сестрами-вдовами Марией фон Паткуль (1805—1878) и Юлией Унгерн-Штернберг (1809—1872).

В Эстляндии Фет познакомился и с семьей однофамильца Якоба Рамма — Эдуарда Отто Карла фон Рамма (Eduard Otto Karl von Ramm; 1814—1884), владельца мызы Падизе (Padise). В мемуарах он описывает его как блондина «лет тридцати пяти», упоминает и его красавицу жену с ее «непринужденною приветливостью и любезностью».[12] Несколько раз Фет посещает мызу Падизе (Padis-Kloster, Padis), расположенную рядом с развалинами мужского цистерцианского монастыря XIII века Падизе Клоостри.

Фет описывает обед в хозяйском доме Раммов и галерею фамильных портретов, среди которых находился портрет «мужчины средних лет в петровском полукафтанье. Наверху золотой рамы этого портрета кидалась в глаза большая камышовая трость. Когда я спросил хозяина дома о значении этой трости, он засмеялся и сказал: „Не вы одни спрашиваете, что значит это странное украшение, и мне не раз приходилось рассказывать его историю. — Во время проезда Петра Великого по нашему побережью прадед мой, вот этот самый краснощекий мужчина в мундире, был нашим дворянским предводителем, и, когда Петр, приехавши в Балтийский Порт, потребовал от моего прадеда почтовых лошадей, тот отвечал, что почтовых нет. — „Как? для меня нет?“ — воскликнул Петр, и его трость уже познакомилась со спиною моего прадеда, докончившего фразу: „Я приготовил собственных лошадей“. — „Ну прости великодушно! — воскликнул в свою очередь Петр. — Проси у меня, чего хочешь“. — „Подарите мне эту трость на память“, — сказал мой прадед. — И вот почему вы видите ее наверху его портрета».[13]

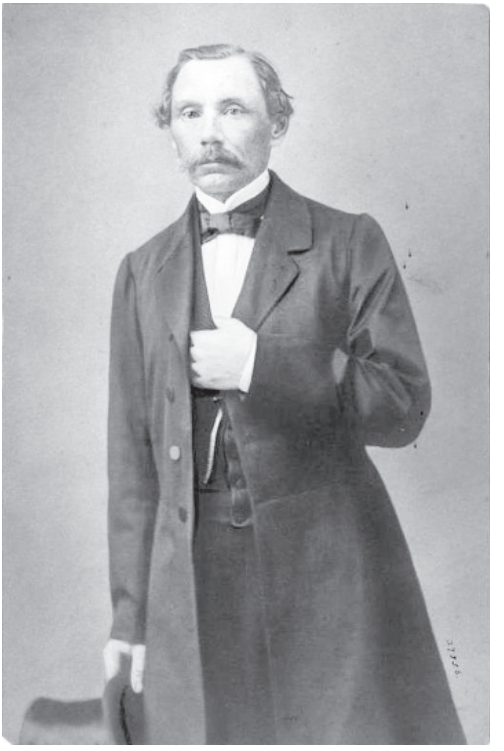
В этом эпизоде Фет воспроизводит известную в разных вариантах легенду о пребывании Петра I в Ревеле, связанную с предком Раммов Рейнгольдом фон Раммом (1665—1755). Варианты ее можно найти в книге «Властители Российской империи на эстонской земле» С. Г. Исакова и Т. К. Шор. Согласно одному из них, Рамм отказался

[11] *МВ*. Ч. 1. С. 52.
[12] Там же. С. 66.
[13] Там же. С. 66—67.

Мыза Лец. Задний фасад. 1910 г.

Мыза Лец. Современная фотография

выполнить приказание царя о продаже строителям Рогервика провианта и за это был побит, а затем вышел из положения, заявив, что намеревался безвозмездно поделиться провизией. По другой версии, Рамм отказался угощать монарха обедом: «Царь разгневался, наказал своей тяжелой дубинкой ослушника, все-таки остался у него обедать



Эдуард Отто Карл фон Рамм

Мыза Падизе. Фотография. Около 1890 г.

Рейнгольд фон Рамм

и за столом, сменив гнев на милость, так обворожил хозяина, что тот стал просить у царя прощения. В свою очередь отходчивый Петр спросил Рамма, что тот хотел бы получить от царя в подарок, и Рамм попросил у него на память дубинку».[14]

Память мемуариста удерживает множество подробностей дворянского быта. Так, например, его приятно удивляет то, что молодые дворянки во время трапезы сами ухаживают за гостями: «Дочери богатого графа, обносящие вокруг стола кушанья, ясно указывают на то, что дворяне полагают унижение своего достоинства не в этом акте и ему подобных, а в чем-то другом, хотя преисполнены чувством собственного достоинства никак не менее наших <...>».[15] Еще одно яркое впе-

[14] *Исаков С. Г., Шор Т. К.* Властители Российской империи на эстонской земле. Таллинн, 2009. С. 63. Об этой же легенде упоминает эстонский писатель Яан Кросс в романе «Окна в плитняковой стене».

[15] *МВ*. Ч. 1. С. 51.

чатление произвела на Фета встреча с дочерью одного из местных помещиков, которая в общем разговоре свободно рассуждала о Шиллере и жизненных идеалах. Фет потом поделится ощущением от этого знакомства с Тургеневым и зафиксирует в мемуарах его слова: «...сколько веков культуры должны были наслояться один на другой, чтобы такое явление стало возможным».[16]

Намеренно отказываясь выносить политические оценки, мемуарист живописует и непосредственные бытовые впечатления, и культурные наблюдения. Отбирая для фиксации моменты прошлого, Фет зачастую руководствуется логикой помещика, имеющего большой опыт организации фермерского хозяйства. Он отмечает благоустроенные, несмотря на бедность местной почвы, поля, прекрасные дороги, целесообразное расходование лесных и водных богатств, прочно сложенные из полевых камней усадьбы и дома. Возможность разумной организации жизненного пространства, умеренность и достаток — вот что становится темой размышлений мемуариста.

В 1856—1857 годах в «Современнике» печатались очерки «Из-за границы», в которых в жанре путевого дневника Фет описывал свои впечатления от длительной поездки по Германии и Франции, предпринятой для лечения перед выходом в отставку. В них Фет фиксировал не только частные подробности заграничной жизни, но и культурное сознание того или иного народа. По наблюдению И. С. Абрамовской, именно в путевых очерках «начала формироваться повествовательная манера, получившая развитие в мемуарах» — манера «вглядываться в чужую жизнь, „чужое пространство“, которое не ощущается как „свое“».[17] Так, к национальному идеалу немцев он отнес «порядок и благосостояние»,[18] а лейтмотивом парижских впечатлений стали суетливые хлопоты. Здесь же, в гвардейских воспоминаниях, доминантой обозначения чужеродной среды становится благоразумность, порядок, рациональность устройства жизни. Обобщая балтийские наблюдения, Фет находит художественный образ, метафорически воплощающий жизненный уклад местного дворянства: «...весь жизненный строй напоминает растение, расцвет которого не мешает ему глубоко пускать корни в почву, запасаясь все новыми силами».[19]

Наибольший интерес среди упоминаемых на страницах мемуаров остзейских дворян вызывает фигура градоначальника Балтийского Порта Карла Калка. Фет вспоминает, что в доме Рамма познакомился

[16] *МВ*. Ч. 1. С. 119.

[17] *Абрамовская И. С.* Странствующий домосед, или Фет-путешественник // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 65.

[18] Там же. С. 61.

[19] *МВ*. Ч. 1. С. 51.

с оригинальной четой из Балтийского Порта, сетует, что не помнит фамилии, и называет их Мейерами. Вероятно, он ошибочно удерживает в памяти фамилию ревельского бургомистра Карла Аугуста Майера. Выяснить настоящую фамилию нового знакомого Фета помогает перечисление его разнообразных заслуг: в мемуарах указывается, что Мейер «был градоначальником, органистом и проповедником в домовой лютеранской церкви <...> судьею в возникавших на кораблях несогласиях и смутах».[20]

Карл Фридрих Калк (Carl Friedrich Kalk; 1804—1885), судебный инспектор и градоначальник Балтийского Порта, оставил большой след в истории города. После изучения теологии в Дерптском университете, некоторое время он работал домашним учителем, затем нотариусом и около тридцати лет — судебным инспектором. Человек удивительно разносторонний, он увлекался метеорологией, являлся корреспондентом Петербургской главной физической обсерватории, в течение полувека беспрерывно вел наблюдения за замерзанием и вскрытием залива (1835—1885).[21]

После расквартирования русских войск близ Балтийского Порта именно Калку поручили решать все хозяйственные вопросы. Газета «Tallinna Sõber», в которой после смерти Калка появился обширный некролог,[22] подчеркивает, что ему удавалось также минимизировать вред, который причиняли порой местным крестьянам слишком бравые солдаты (Фет приводит один такой эпизод с воровством клеверного сена).

С личностью Калка связан наиболее яркий эпизод гвардейских воспоминаний Фета об Эстляндии — инцидент с появлением английских кораблей на рейде в Балтийском Порте в июне 1854 года. Этот эпизод балтийской кампании, хоть и бескровный, но оказавшийся самым острым у эстляндских берегов, нашел отражение во многих источниках: в дерптской еженедельной газете «Das Inland»,[23] в составленной писателем Вс. Крестовским истории лейб-гвардии Уланского полка (1876), а также в историческом очерке о Балтийском Порте штабс-капитана по адмиралтейству Н. В. Тарасова.[24] Интересно, что во всех этих источниках он описывается по-разному.

---

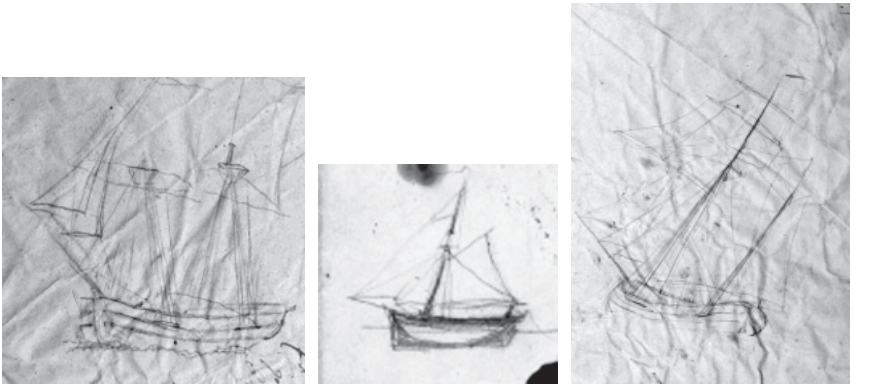
[20] Там же. С. 55.

[21] В современной эстонской периодике недавно вышла статья о К. Ф. Калке; см.: *Tarand K.* Karl Friedrich Kalk — vähetähtsa linna väga tähtis mees // Eesti Päevaleht. 2004. 11 september.

[22] Karl Friedrich Kalk // Tallinna Sõber. 1886. 17 detsember. № 3. L. 1—2.

[23] Das Inland. 1854. 5. Juli. № 27. S. 447.

[24] *Тарасов Н. В.* Балтийский порт: Исторический очерк. СПб., 1914.



Английские корабли. Рисунки К. Ф. Калка

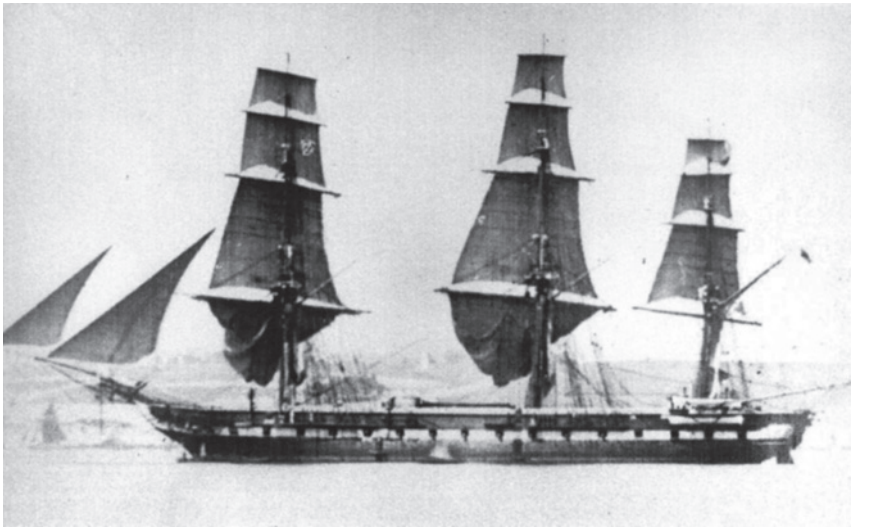
Тарасов приводит выдержку из донесения городского главы Карла Калка гражданскому эстляндскому губернатору, из которой мы узнаем фактическую сторону дела: 24 июня английский винтовой фрегат «Euryalus» («Юриалус», 51 орудие и экипаж 530 человек), которым командовал капитан Георг Рамзай, и паровое судно «Albou» (3 орудия) приблизились к острову малый Рого (Вяйке-Пакри) и остановились в версте от берега, дав выстрел в море. Затем была спущена шлюпка с белым парламентерским флагом, в которой, тем не менее, находились зажигательные снаряды и холодное оружие.[25] Отметим, что «Юриалус» считался передовым кораблем того времени: построенный в 1853 году, он являлся винтовым пароходофрегатом — имел и парусное оборудование, и паровой двигатель, и гребной винт.[26] Лейтенант фрегата потребовал выдачи торговых судов, стоящих в порту, угрожая в случае отказа разрушить и сжечь город. Русские войска были подняты по тревоге и стянуты к береговой линии. Затем в доме Калка прошли переговоры; стороны договорились о мирном разрешении конфликта: английским судам было разрешено стоять на рейде, капитан одного из судов осмотрел черту берега, после чего оба корабля ушли в море.[27]

Из донесения Калка становится ясно, что ситуация в какой-то момент была достаточно опасной: англичане намеревались разрушить город, однако все же не решились на этот шаг, так как, вероятно, посчитали порт хорошо укрепленным.

[25] *Тарасов Н. В.* Балтийский порт: Исторический очерк. С. 25—27.

[26] History of the Second Euryalus. См.: https://www.lancs-fusiliers.co.uk/feature/HMS%20Euryalus/HMS%20Euryalus.htm (дата обращения: 24.03.2021).

[27] *Тарасов Н. В.* Балтийский порт: Исторический очерк. С. 27.



Английский фрегат «Euryalus» (1853)

В. В. Крестовский в составленной им истории лейб-гвардии Уланского полка подчеркивает, в какой сложной ситуации оказался командир шестого эскадрона ротмистр Матвеев: не уступая торговые суда англичанам, он рисковал жизнями горожан.[28] Крестовский отдает должное роли Калка в разрешении ситуации: благодаря его посредничеству, дипломатии и знанию английского языка (в то время в Эстляндии это было редкостью), конфликт был улажен, угроза не приведена в исполнение, орудия не были применены.

В июльском номере газеты «Das Inland» за 1854 год этот инцидент представлен достаточно драматично: мы узнаем, что 22 июня английские корабли выпустили несколько залпов по одной из находившихся в море лодок, о чудом спасшихся из нее моряках, о предъявленном 23 июня требовании англичан выдать им три торговых судна и угрозах в противном случае одним залпом сжечь городок, население которого составляло триста десять жителей.[29]

Фет, занимая должность командира третьего взвода, принимал непосредственное участие в событиях. Их описание в мемуарах подчинено особой авторской логике. Фиксируя инцидент, Фет почти опускает фактическую сторону произошедшего и не сгущает краски, а, напротив, представляет случившиеся события курьезно: даже воз-

[28] *Крестовский*. С. 267.

[29] Das Inland. 1854. 5. Juli. № 27. S. 447.

Das Inland.

Eine Wochenschrift
für
Liv-, Ehst- und Kurland's Geschichte,
Geographie, Statistik und Literatur.

Neunzehnter Jahrgang.

1854.

Herausgegeben
von
Pastor K. Neinthal.

Dorpat.
Druck von Heinrich Laakmann.

447

andere Fregatte, welche sich aber bald zurückzog. Ein Kanonenboot, das auf die Sandbank gerieth, machte sich bald wieder flott.

Ehstland.

Reval, 25. Juni. Am 22. d. M. fügte die feindliche Flotte ihren bisherigen Heldenthaten unter unseren Augen eine neue hinzu: 2 Schiffe attaquirten mit scharfen Kanonenschüssen ein unschuldiges Holzboot, dem Besitzer des von hier ganz nahe am Strande belegenen Gutes „Wiems" gehörig, welches Brennholz hierher bringen wollte, was es schon oft ungefährdet gethan hatte. Das Boot strengte zwar alle Kräfte an, um das Ufer zu erreichen, da es aber fortwährend beschossen wurde, ohne indessen getroffen zu werden, wohl aber bald eingeholt werden konnte, so warfen sich die wenigen Bootsleute in die kleine Jolle, welche sie bei sich führten, und retteten sich an's Ufer. Das eine feindliche Schiff setzte darauf ein Boot aus und steckte das Holzboot sammt der Ladung in Brand. Als unsere Kosaken sich näherten, eilte Alles wieder an Bord der Schiffe, die sich auch sofort entfernten. — Am 23. früh kamen mehrere feindliche Schiffe vor Baltischport zur Blokade des dortigen Hafens an und setzten unter Parlamentairflagge einen Offizier mit Begleitung an's Land, der vom dortigen Gerichtsvogte die Herausgabe der dort liegenden Schiffe verlangte. Auf die ihm ertheilte Antwort, „daß sich dort nur 5 Kauffahrer befänden und dieselben versenkt seien," erwiederte der Officier; „auch diese könnten sie brauchen und sie würden bald wieder kommen, um dieselben zu heben, aber beim ersten Schuß auf sie, würden sie das Städtchen — das im Ganzen 310 Einwohner hat — in Brand stecken." Auf die darüber sofort hierher gegebene Nachricht wurden noch in der Nacht die nächsten Truppen nebst Artillerie dorthin dirigirt, um bei seinem angemeldeten Besuch den Feind zu begrüßen, der aber bis jetzt, Mittags 12 Uhr, noch nicht erschienen ist.

Reval, am 26. Juni. Die feindlichen Schiffe halten fortwährend Wache am Eingang unserer Rhede, u. neulich sind einige sogar näher gekommen, um das Fahrwasser wie es scheint zu sondiren und die Ufer-Batterieen zu recognosciren. Von Surup aus wurde am 12. Juni telegraphirt, daß 15 feindliche Linienschiffe und 11 Schraubendampfer einzeln fahrend in Sicht seien. Von Pakerort aus sah man am 14. Juni die feindliche Flotte nach Ost gehend, ein feindlicher Schooner und Dampfer kreuzten, sondirten und stellten Bögen über Untiefen aus.

Дерптская газета «Das Inland». Обложка и заметка об инциденте с английскими кораблями в Балтийском Порте в № 27 от 5 июля 1854 г.

никшая поначалу растерянность и паника русских войск описаны с юмором. Его внимание привлекает психологическое состояние вышедшего на берег парламентера — английского лейтенанта, с которым, по воле случая оказавшись рядом, он вступает в характерный диалог. За обменом дежурными репликами о здоровье монархов и вопросами о ловле рыбы следует попытка выяснить национальность прибывших в лодке матросов:

> Дюжие моряки показались мне почему-то шотландцами, но спросить об этом я моего собеседника не умел. Однако, указывая на них пальцем и глядя в глаза лейтенанту, я вопросительно произнес:
>
> — Вальтер-Скотт?
>
> И мой собеседник догадался.
>
> — Ес, ес, — закивал он головою, — ту паи, ту Вальтер-Скотт.
>
> Считая себя в качестве поручика императорской гвардии старшим против королевского лейтенанта, я разрешил себе закурить папироску,

причем счел за безвредную любезность предложить такую же моему собеседнику.[30]

Не испытывая к англичанину неприязни, Фет предлагает ему выкурить папиросу — своеобразную «трубку мира». Затем он пишет о неожиданных последствиях этого дружественного поступка: «Между тем моя невинная папироска, предложенная англичанину, чуть не наделала мне беды. Из Петербурга последовал вопрос вследствие берлинской журнальной статьи о Bruderschaft's Pfeifchen (дружественной трубочке), выкуренной гвардейскими офицерами с англичанами. Какая, подумаешь, забота о безупречной чистоте нашего патриотического чувства!».[31]

В воспоминаниях Фет с равной долей внимания описывает как военные инциденты, так и мирные занятия — дерптские встречи с немецким ученым астрономом Иоганном Генрихом фон Медлером (1794—1874), сцены охоты и трапез, моменты общения с полковыми друзьями. Так, например, подробное описание охоты с пойнтером Непиром сменяется зарисовкой празднования флотом союзников дня рождения адмирала Непира, — это событие всполошило русские войска. Заведенной во время похода собаке Фет дает имя английского адмирала, таким образом «военное» и «мирское» уравниваются.

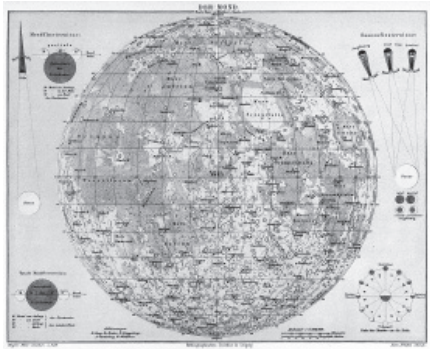
После июньского инцидента 1854 года союзники не решились предпринимать серьезных действий на южном берегу Балтики, так как полагали, что города хорошо укреплены. Учения проходили нечасто, поэтому времени у офицеров полка было много: они проводили его за чтением, игрой в карты, а также охотой.

Фет часто бывал в Петербурге — воспоминания о военном походе перемежаются с описаниями петербургских литературных встреч, знакомств и споров. Пребывание в Эстляндии совпало с очень важным, определившим последующую литературную судьбу периодом в жизни поэта: сближение в Петербурге с кругом «Современника», повлекшее за собой знакомство с многими литераторами, сотрудничество с ведущими журналами, подготовку к печати нового поэтического сборника.

Вынужденная праздность из-за отсутствия активных боевых действий способствовала появлению так называемых «приморских стихотворений», публиковавшихся в «Современнике», а затем вошедших в сборники 1856 и 1863 года (в последнем Фет включил их в цикл под названием «Море»). Это стихотворения «Ночь весенней негой ды-

[30] *МВ*. Ч. 1. С. 75.

[31] Там же. С. 76—77.



Иоганн Генрих фон Медлер.
Карта Луны В. Бера и И. Медлера

шит...», «Жди ясного на завтра дня...», «Морской залив», «Вечер у взморья». «Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно»,[32] — писал Фет в воспоминаниях.

Фет отмечает, что если в юношеские годы, проводя время в Верро, лишь накапливал впечатления, воспринимая их непосредственно, то, оказавшись в тех же краях в зрелом возрасте, уже «сводил» их итоги. Изображение в мемуарах Балтийского похода лишено политической предвзятости и тенденциозности и тем особенно интересно. Фрагментарный характер воспоминаний не создает цельной картины жизни: поэт часто увлекается подробностями быта, характеров, судеб, воссоздает курьезные моменты, культурные впечатления, отдает должное местным легендам. Тем не менее, по убеждению Фета, именно такой «калейдоскоп жизни» помогает уяснить «неразрывную цепь причинности, коей каждое отдельное звено в данную минуту кажется нам безразлично случайным, но которым тем не менее строго обусловлено все нисходящее до последнего звена».[33]

[32] *МВ*. Ч. 1. С. 59.
[33] Там же. С. 144.

Н. Ю. Грякалова

ФЕТОВСКИЙ ПЕРЕВОД «ФАУСТА» С ПРЕДИСЛОВИЕМ И КОММЕНТАРИЯМИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ А. А. БЛОКА *

1

В библиотеке А. А. Блока трагедия И. В. Гёте «Фауст» представлена несколькими изданиями: в составе десятитомного «Собрания сочинений Гёте в переводах русских писателей, изданных под редакциею Ник. Вас. Гербеля» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878—1880), где «Фауст» (1878. Т. 2) впервые вышел к русскому читателю в переводе Н. А. Холодковского и которое, по всей видимости, восходит к семейной библиотеке Бекетовых; конволютом с владельческой надписью на форзаце «А. Блок», объединившим первое издание первой части поэмы в переводе А. А. Фета (М.: Тип. А. Гатцука, 1882) и второе издание второй части в его же переводе, с предисловием и комментариями ко второй части (2-е изд., испр. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1889); двухтомным изданием в переводе Н. А. Холодковского, с комментариями и примечаниями к обеим частям поэмы, выделенными в отдельный том (Пг.: Изд. А. Ф. Девриена, 1914), — труд, удостоенный Пушкинской премии Российской академии наук (присуждена переводчику 19 октября 1917 года).

---

* В данной статье продолжено исследование «фетовского фонда» мемориальной библиотеки А. А. Блока, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, начатое нами ранее, см.: *Грякалова Н. Ю.* Пометы и маргиналии А. А. Блока на книгах Фета: периодизация и творческий контекст // *ФетСб(3)*. С. 135—165.

© Н. Ю. Грякалова, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-117-145

Указанные издания буквально испещрены блоковскими пометами,[1] однако до сих пор этот важнейший источниковедческий ресурс остается не разработанным исследователями темы «Блок и Гёте», что явно сужает ракурс ее рассмотрения.[2]

Обращался Блок и к оригинальному источнику: в библиотеке сохранилось издание трагедии на немецком языке (Berlin, 1888) — экземпляр с дарственной надписью А. А. Кублицкой-Пиоттух, адресованной отцу, А. Н. Бекетову;[3] оно также имеет ряд блоковских помет (см.: *Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 68).

Кроме того, согласно «Азбучному указателю» книг, составленному Блоком,[4] в его библиотеке было отдельное издание комментария к «Фаусту» популяризаторского характера, принадлежащего перу норвежско-американского писателя и литературного критика Х. Бойесена (Г. Бойезена), в сопровождении компилятивного историко-литературного очерка, прослеживающего генезис легенды о докторе Фаусте и ее дальнейшую судьбу.[5] К сожалению, книга не разыскана (см.: *Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 212), однако вовлечение подобного рода издания в сферу внимания Блока лишний раз свидетельствует о его устойчивом интересе не только к литературному памятнику как таковому, но и к метанарративу XIX века, созданному усилиями комментаторов и интерпретаторов «фаустовского сюжета» в процессе его толкования и переосмысления.[6]

---

[1] См.: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 1. С. 226—232. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/библиотека-а-а-блока-описание (дата обращения: 24.03.2021). Далее ссылки на это издание даются в тексте в сокращении: *Библиотека Блока*, с указанием номера книги и страницы.

[2] Именно по этой причине содержательная и отчасти первопроходческая статья литературоведа-германиста А. В. Ерохина содержит в корне неверное утверждение: «...Блок проходит мимо зрелой прозы Гёте <...>» (*Ерохин А. В.* Александр Блок и Гёте // Гёте в русской культуре XX века / Под ред. Г. В. Якушевой. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 77), в то время как в круг блоковского чтения входили и «Путешествие в Италию», и «Поэзия и правда», и «Избирательное сродство», о чем свидетельствуют многочисленные пометы в соответствующих томах десятитомного собрания сочинений писателя.

[3] Инскрипт на втором титульном листе: «Драгоценному диде от Али. 30 ноября 1894 года». Пользуемся случаем, чтобы обратить внимание на неверное прочтение слова в *Библиотеке Блока*: «дяде» вместо «диде» (Кн. 3. С. 68). *Дидя* — обращение к А. Н. Бекетову в семейном кругу, пришедшее из детской речи внука.

[4] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. № 388.

[5] *Бойезен Г.* «Фауст» Гёте. Комментарий к поэме / Пер. Н. В. Арского. СПб., 1899.

[6] Тот факт, что многочисленными блоковскими пометами отмечены сопроводительные материалы (вступительные статьи, примечания, прилагаемые переводы

Г. Брандес, авторитетный литературный критик того времени, рассуждая об образных персонификациях, созданных культурными эпохами (античный атлет, средневековый рыцарь и монах, придворный XVII века), проницательно заметил: «...XIX век узнает себя в Фаусте».[7] Герой Гёте превратился в фигуру, олицетворившую основную драматическую коллизию духовных исканий эпохи — осознание неразрешимого противоречия между безграничным стремлением духа и пределами, поставленными ему на путях познания. Современник «железного» века, определяя с помощью приема антитезы свое время, «с его страстною, неутомимою пытливостью в области мысли — и горьким сознанием поставленных ей действительностью границ, с его стремлениями к универсальному, безграничному пониманию — и тщетными поисками главной путеводной нити по лабиринту современной мысли, с его широким развитием индивидуализма — и тяготением к всемирному сочувствию и симпатии, с его титаническими, безмерными требованиями — и пароксизмами отчаяния в осуществлении своих грандиозных замыслов и идеалов»,[8] — указал тем самым на характерологические особенности человека «фаустовского» типа, ставшего предметом философской и художественной рефлексии на протяжении последующего XX века.

Значительное место в этой герменевтической традиции принадлежит Фету. В течение 1880—1883 годов поэт осуществил колоссальный труд — полный перевод трагедии в двух ее частях, с особым вниманием ко второй части, которая ранее оставалась на периферии читательских интересов и вызывала споры и непонимание даже в среде интеллектуальной элиты.[9] Преодолев, по его собственному признанию, «чувство неудовлетворенного изумления» перед второй частью гениального творения Гёте,[10] Фет предпринял опыт критического (в гегелевском понимании) осмысления поистине символического произведения, предпослав второй части Предисловие, а по сути — философско-эстетический трактат, и завершив свой труд комментарием ко всем пяти

статей зарубежных авторов) буквально во всех сохранившихся в библиотеке изданиях трагедии Гёте, и они заметным образом превалируют над пометами в самом тексте, говорит сам за себя.

[7] Цит. по: <*Арский Н. В.*> Предисловие // Бойезен Г. «Фауст» Гёте. Комментарий к поэме. С. I.

[8] Там же.

[9] См.: *Генералова Н. П.* Оправдание Человека: К трактовке финала «Фауста» Гёте (И. С. Тургенев и А. А. Фет) // *РЛ*. 1999. № 3. С. 42—49.

[10] См. посвящение графине С. А. Толстой, предпосланное переводу второй части «Фауста»: *Гёте И.-В.* Фауст. М., 1883. Ч. 2 / Пер., предисл. и примеч. А. Фета. С. III.

действиям, который получил заглавие «Объяснение второй части». В процессе работы, открывая философские смыслы литературного памятника как «органического целого», поэт и переводчик признал: «„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте <...>».[11] Как справедливо отмечено Н. П. Генераловой, вернувшей фетовские штудии «фаустовского сюжета» в историю русской литературы,[12] «размышления Фета над „Фаустом“ перерастают <...> в разработку собственных эстетических принципов» и «вносят много нового и в интерпретацию великой трагедии Гёте».[13] Свою лепту в традицию «перечитывания» эпохального произведения уже в контексте социальных и культурных трансформаций первых десятилетий XX века внес и Александр Блок, включив в круг творческого освоения фетовскую «фаустиану».

О том, что Блок обращался к переводу Фета и ко всему комплексу сопроводительных материалов в разные периоды творчества, свидетельствуют несколько слоев помет на описанном выше конволюте. Если в самом тексте трагедии, как и в комментариях, пометы встречаются достаточно редко, то в Предисловии они сквозные, в основном это отчеркивания на полях фрагментов текста, а также ряда инкорпорированных в него цитат, подчеркивания отдельных строк, фраз, лексических единиц. Сделаны они графитовым, красным и синим карандашами, текстовые маргиналии отсутствуют.

Пометы графитовым карандашом можно отнести к самому раннему этапу обращения к тексту. Они носят ознакомительный характер: это разметка Предисловия по действиям согласно изложению с соответствующим обозначением римскими цифрами (I—V), подчеркивание ключевых фраз в пересказе основных сюжетных линий каждого действия, отмечен этимон имени Фауст («Faustus — счастливый»);[14] отчеркиванием на полях выделены некоторые замечания, показавшиеся Блоку важными в процессе уяснения общего хода аргументации (например, суждения о Белинском, о гегелевской диалектике, о литературных типах (С. IX—X)), а также отдельные цитаты, приводимые автором Предисловия для иллюстрации своих философско-эстетических рассуждений (например, ссылки на труды А. Шопенгауэра,

[11] Письмо к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г.: *Фет. СПП.* С. 388—389.

[12] См.: *Фет А. А.* Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гёте / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 50—151.

[13] *Генералова Н. П.* Оправдание Человека. С. 49.

[14] *Гёте И.-В.* Фауст / Пер. А. Фета. М., 1889. Ч. 2. С. XXXVI (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 2/113). Далее при описании помет ссылки на данный экземпляр даются в тексте с указанием страницы.

с. VIII и XX). Цветными карандашами с характерным нажимом Блок пользовался при чтении в более позднее время — эти пометы поддаются точной хронологической атрибуции. Так обстоит дело с пометами, которые синхронны заметкам в записной книжке № 56 за январь — февраль и апрель 1918 года, связанным с работой над поэмой «Двенадцать» и с реакцией на статью Иванова-Разумника (Р. В. Иванова) «Испытание в грозе и буре».[15] Может быть выделен также слой помет, коррелирующих с текстами выступлений Блока этого периода — докладом «Крушение гуманизма» (март — начало апреля 1919), речью «О романтизме» (сентябрь 1919), а также с отзывом для издательства «Всемирная литература» о переводе Н. А. Холодковского (апрель 1920). В настоящей статье будут рассмотрены и проанализированы наиболее репрезентативные примеры, концептуально значимые в контексте творческой биографии Блока.

2

В разные периоды жизни «Фауст» становился для Блока поистине настольной книгой — особенно в ранней юности и в пореволюционные годы. «Влияние» Гёте, отмеченное поэтом в «Краткой автобиографии» 1907 года,[16] было органично воспринято через традицию чтения и литературные пристрастия бекетовской семьи. Семейные предания запечатлели образ А. Н. Карелиной, прабабушки Блока, перечитывавшей «осенью <...> всего Гёте, а весной — Шиллера»,[17] как и А. Н. Бекетова, который «в старости зачитывался <...> второй частью Гётева Фауста».[18] То же произведение названо и в ряду литературных предпочтений матери будущего поэта.[19] Аналогичные влияния шли и со стороны отца: письма Александра Львовича к сыну насыщены многочисленными цитатами из трагедии Гёте, которые он приводил исклю-

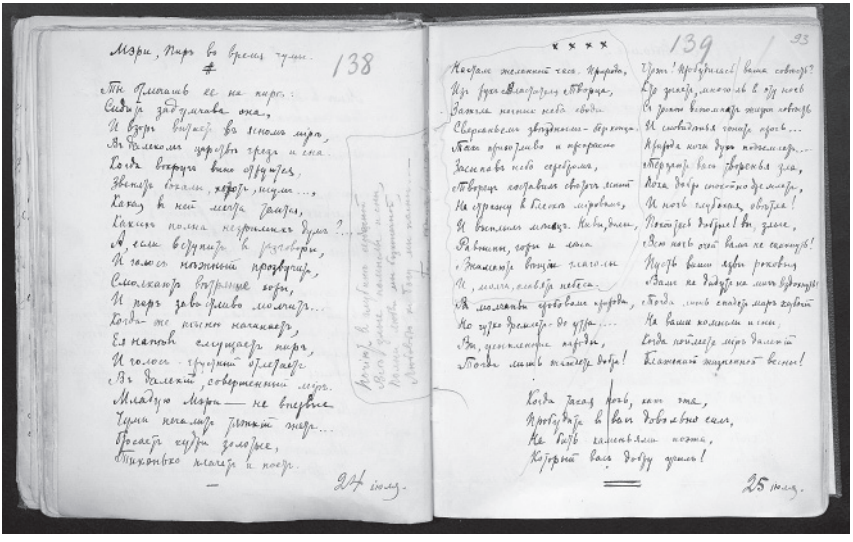
[15] Результаты предварительных наблюдений были представлены нами в докладе «„Я понял Faust'a...“: В творческой орбите „Двенадцати“ (по материалам библиотеки А. А. Блока)» (ноябрь 2018 г.), см. резюме: *Лощинская Н. В.* Научный семинар с международным участием «„Сегодня я — гений“. К 100-летию создания поэмы Александра Блока „Двенадцать“» // *РЛ*. 2019. № 1. С. 246—247.

[16] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 432. Далее ссылки на данное издание даются сокращенно: *Блок*, с указанием тома и страницы.

[17] *Соловьев С. М.* Воспоминания. М., 2003. С. 46.

[18] *Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 23. Напротив, жена А. Н. Бекетова, Е. Г. Бекетова (урожд. Карелина), «вторую часть „Фауста“ <...> совершенно не признавала и говорила, что „тайный советник Гёте написал его для того, чтобы подурачить немцев“» (Там же. С. 378).

[19] Там же. С. 280.



Стихотворение А. А. Блока «Настал желанный час. Природа...»
с эпиграфом из фетовского перевода «Фауста».
Автограф из Рабочей тетради Блока № 1

чительно на языке оригинала, ссылаясь на несовершенство русских переводов.[20]

С фетовским переводом Блок познакомился достаточно рано. 25 июля 1899 года датировано стихотворение «Настал желанный час. Природа...», которому предпослан эпиграф из «Фауста» в переводе Фета, причем данный факт акцентирован введением имени переводчика в структуру паратекста:

Почиют в глубине сердечной
Все злые помыслы и сны,
Полны любви мы бесконечной,
Любовью к Богу мы полны...
Гёте. Фауст (перев. Фета).[21]

Слова из монолога Фауста (ч. I, сцена «Кабинет») процитированы Блоком, скорее всего, по памяти, поскольку в источнике читаем: «Полны любви мы человечной»,[22] что соответствует оригинальному тексту (у Гёте «Menschenliebe»). Автограф стихотворения записан

[20] *ЛН*. 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 255—274.

[21] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.; СПб., 1999. Т. 4. С. 89.

[22] *Гёте И.-В.* Фауст / Пер. А. Фета. М., 1882. Ч. 1. С. 80.

в Рабочей тетради № 1, эпиграф вписан позже (синхронно с правкой текста) поперек предыдущего листа и отнесен графической пометой к стихотворному тексту; в Хронологическом указателе к тетради полустертая помета: «не для печати» (стихотворение при жизни Блока не публиковалось), а также позднейшая помета: «важно (намеки на „человеческое“)»,[23] которую можно рассматривать как эхо подлинной фетовской цитаты.

Стихотворение Блока построено как полемический агон, состязание с заявленной в эпиграфе темой. Первая часть стихотворения является развитием и далее — прямым парафразом строк из монолога Фауста, предшествующих процитированным в эпиграфе:

Настал желанный час. Природа,
Из рук властителя Творца,
Зажгла ночные неба своды
Сверканьем звездным — без конца.
Так прихотливо и прекрасно
Засыпав небо серебром,
Творец поставил светоч ясный
На стражу в блеске мировом,
И выплыл месяц. Нивы, долы,
Равнины, горы и леса
Внимают вещие глаголы
И, молча, славят небеса.[24]

Лирический сюжет развивается драматически. Первой части контрастно противопоставлена вторая: гармония божественного мироздания вступает в диссонанс с несовершенством человеческой природы. И если, согласно фетовскому переводу, «любовь к Богу» утишает «злые помыслы», то для Блока, поэта кризисной, рубежной эпохи, мир предстает в гностическом дуализме: «добро спокойно дремлет», в то время как «творенья зла» торжествуют. Далее, следуя за Фетом текстуально, Блок решает романтическую антитезу «поэта» и «толпы» в характерном для его юношеской лирики ключе: поэт наделен гуманистической миссией, он — носитель знания о «блаженной весне» и проповедник добра, что и подчеркнуто заключительной строфой стихотворения — его кодой:

Тогда лишь снидет мир глубокий
На ваши помыслы и сны,

[23] См.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 471.

[24] Там же. С. 89. Ср. начало монолога Фауста в переводе Фета: «Покинул я поля и долы, / Глубокой ночью мир объят, / Ея священные глаголы / С душой в нас лучшей говорят» (*Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 1. С. 80).

Когда поймете мир далекий
Блаженной жизненной весны!

Когда такая ночь, как эта,
Пробудит в вас довольно сил
Не бить каменьями поэта,
Который вас добру учил![25]

Современный исследователь отмечает в переводе Фета «ряд знаменательных расхождений с оригиналом»: «В тексте Гёте нет „глубины сердечной“, вместо „злых помыслов и снов“ — засыпающие „буйные порывы“ („wilde Triebe“), вызываемые безостановочной деятельностью („Mit jedem ungestümmen Tun“)», вследствие подобного лексического выбора возникают «этические акценты» там, «где Гёте воздерживается от прямых моральных суждений».[26] Естественно их присутствие и в блоковском экзерсисе на заданную эпиграфом тему.

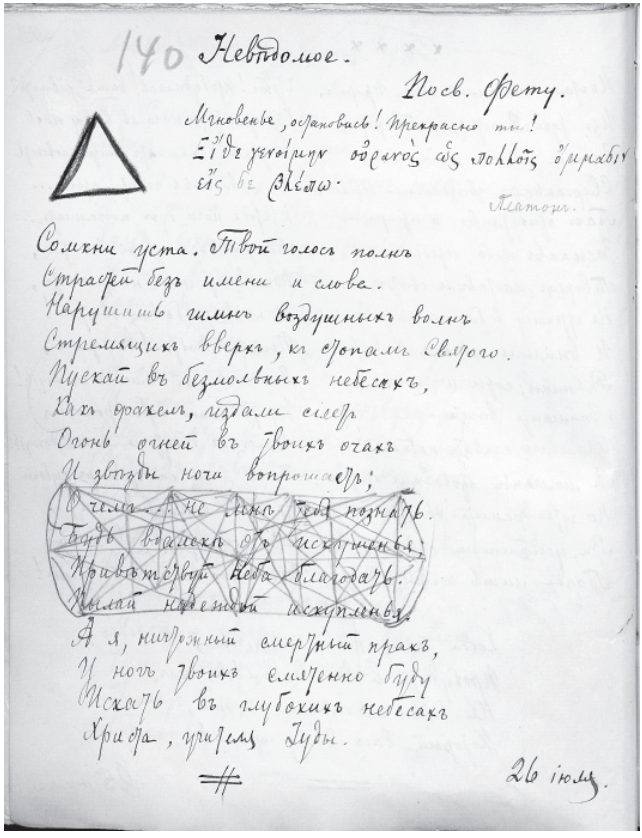
На следующий день, 26 июля 1899 года, Блок пишет еще одно стихотворение — «Сомкни уста. Твой голос полн...». В автографе той же Рабочей тетради № 1 оно было озаглавлено «Неведомое» и, помимо эпиграфа из Платона («О, если бы я был небом, чтобы смотреть на тебя многими очами!»), имело и другой эпиграф: «Мгновенье, остановись! Прекрасно ты!» — усеченную цитату, восходящую к фетовскому переводу.[27] Сопровождавшее стихотворный текст посвящение («Посв<ящается> Фету») эксплицировало имя переводчика, но также объясняло и само заглавие — «Неведомое» — прямой интертекстуальной перекличкой со стихотворением Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» (ср.: «Упиться вдруг неведомым, родным...») и отсылкой к основополагающему принципу фетовской поэтики — «без слова сказаться душой».

Можно с уверенностью заключить, что в рассматриваемом диптихе для Блока важен скорее Фет, чем Гёте, однако заданная парадигма соотнесения этих имен весьма показательна как актуализация традиций немецкой натурфилософии в ее русифицированном варианте. Характерно, что впоследствии, включив стихотворение «Сомкни уста. Твой голос полн...» в издание 1911 года (это была единственная прижизненная публикация текста), Блок отказался от очевидных фетовско-гётевских интертекстуальных маркеров, оставив из достаточно сложно-

[25] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 90.

[26] *Ерохин А. В.* Александр Блок и Гёте. С. 66—67.

[27] Ср.: «Когда воскликну я мгновенью: / Остановись! Прекрасно ты!» (*Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 1. С. 108). См.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 472—473.



140 Невѣдомое.

Посв. Фету.

Мгновенье, остановись! Прекрасно ты!
Ξίθε γενοίμην οὐρανὸς ὡς πολλοῖς ὄμμασιν
εἰς δὲ βλέπω.

Платонъ.

Сомкни уста. Твой голосъ полнъ
Страстей безъ имени и слова.
Нарушишь гимнъ воздушныхъ волнъ
Стремящихъ вверхъ, къ стопамъ Святого.
Пускай въ безмолвныхъ небесахъ,
Какъ факелъ, издали сіяетъ
Огонь огней въ твоихъ очахъ
И звѣзды ночи вопрошаетъ;
~~О чемъ... не мнѣ тебя познать.~~
~~Будь вдалекѣ отъ искушенья,~~
~~Привѣтствуй Неба благодать.~~
~~Пылай надеждой искупленья.~~
А я, ничтожный смертный прахъ,
У ногъ твоихъ смятенно буду
Искать въ глубокихъ небесахъ
Христа, учителя Іуды.

26 іюля.

Стихотворение А. А. Блока «Неведомое»
(«Сомкни уста. Твой голос полн...»), с посвящением Фету.
Автограф из Рабочей тетради Блока № 1

го заголовочного комплекса только эпиграф (в собственном переводе), имеющий источником платоновскую эпиграмму «Астеру».

Следующий этап осмысления литературного памятника относится к 1901—1902 годам. Он проходил под знаком лирики и философии неоплатонизма В. С. Соловьева с усиленным акцентом на метафизике «Вечной Женственности».[28] Соловьев, страстный поклонник фетовского перевода, познакомился с его автором именно в период работы Фета над «Фаустом» и в разной форме споспешествовал ему в этом

[28] Ср.: «Здесь, в связи с острыми мистическими и романическими переживаниями, всем существом моим овладела поэзия Владимира Соловьева» (*Блок.* Т. 7. С. 13).

труде.[29] Блок был осведомлен о творческих контактах философа и поэта (им были прочитаны письма Соловьева к Фету, опубликованные в первом выпуске символистского альманаха «Северные цветы»[30]), что позволяло ему обозначить их духовную общность: он называет философа «великим духовным другом» Фета и объединяет оба имени в признании «громадности» их философии и в проникновенном понимании «таинственности» любви.

Здесь же, в «<Наброске статьи о русской поэзии>» (декабрь 1901 — январь 1902; далее — *Набросок*), Блок представил историю русской лирики как цепь образных воплощений «глубинных» интуиций о «Вечно-женственном». Особую роль в этом процессе Блок отводил Фету, считая, что у него «идея Вечной Женственности» «так прочно философски установлена»,[31] что приобретает характер всеобъемлющего символа и, главное, философское обоснование. Характерно, что для иллюстрации выдвинутого тезиса Блок обращается уже не только к лирике старшего поэта, но и к Предисловию и комментариям, сопровождавшим его перевод второй части трагедии Гёте.

В предложенной автором Предисловия интерпретации идей немецкого классика Блок усматривает собственно фетовскую «философию „Фауста“». Для поэта-соловьевца это в первую очередь откровение «вечно-женственного» как трансцендентного начала, его концептуализация и распространение на область творчества. Но не только. Вторую часть трагедии, как известно, венчает «мистическая апофеоза». Богоматерь, защитницу и хранительницу неуничтожимого начала — вечной любви, славит Chorus mysticus:

Все преходящее —
Только сравненье;
Сном лишь парящее,
Здесь исполненье;
Здесь все безбрежное
В явной поре;

[29] См. письмо Фета от 25 января 1881 г. к П. И. Борисову, «любезному племяннику», адресату стихотворного посвящения, предпосланного переводу первой части «Фауста». Фет, говоря о «громадном впечатлении», производимом переводом, ссылается на мнение Соловьева, приводя слова философа: «Я всю ночь не мог оторваться от перевода и знаю его теперь наизусть», — и заключает: «„Фауст“ удался мне вполне. Знатоки говорят, что вполне впечатление немецкого. Лучшей похвалы не желаю» (цит. по: Переписка Фета и М. Н. Харузина (1881—1883) / Публ. С. А. Ипатовой, примеч. 1 к письму 18, с. 430 наст. изд.). См. также письмо Фета к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г.: *Фет. СПП*. С. 387—390.

[30] См. об этом в нашей статье: *ФетСб(3)*. С. 141.

[31] *Блок*. Т. 7. С. 35.

Женственно-нежное
Взносит горе.[32]

Заключительную сцену Фет трактовал следующим образом: «Chorus mysticus, как подобает хору, в кратких и общих словах выражает основы отношений вещественного мира явлений к трансцендентному. Где нет явлений, не может быть и сравнений; где все временно, не может быть окончательного исполнения; что по безбрежности явлений недосягаемо, перестает быть таким там, где нет пространства. Остается одна суть: мужественная воля и влекущая сила женственности».[33] Примечательно, что в *Наброске* Блок вместе с финальным четверостишием цитирует и эту, итоговую, фразу комментария как квинтэссенцию «философии „Фауста“», постулат, который он пропускает сквозь собственную лирику и метафизику: мистический эротизм «Das Ewige Weiblichkeit» дополняется метафорикой мужского, фаустовского начала (воля). Не здесь ли ключ к разгадке опорных концептов («коррелатов») — мужского и женского «Я» — в «„эгоистическом“ исследовании», абрис которого был намечен Блоком в дневниковой записи от 26 июня 1902 года?[34]

Применительно к «Фаусту» соотношение мужского и женского — персонажей, вечных образов, мифологем — интересует Блока не столько в сюжетно-драматургическом смысле, сколько в философском. Соглашаясь с фетовским определением Фауста, культурно-исторического типа «нового человека» (то есть человека Нового времени), как «*мужа желаний*» (подчеркнуто графитовым карандашом, с. XXXIX; ср. приводимую далее помету на с. L), Блок не мог не обратить внимания, во-первых, на акцентирование Фетом образа Гретхен и ее роли в становлении личности Фауста (ее любовь «пробудила важнейшие струны человеческой души» и «на время спасла его от него самого, от его бесплодных поисков», с. LVII) и, во-вторых, на тот трансцендентный смысл, который придавал этому образу переводчик и комментатор.

---

[32] *Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. 437. У Гёте Богоматерь получает четвертую, божественную ипостась, что избегали подчеркивать русские переводчики — действовал механизм внутренней духовной цензуры, софиология же будет зиждиться именно на данном постулате. Гёте называет Богоматерь Богиней — в молитве Doctor'a Marianus'a Ее номинации представлены целым рядом феминитивов: «Jungfrau, Mutter, Koenigin, / Göttin, bleibe gnädig!» (*Goethe J. W.* Faust: Eine Tragödie / Hrsg. von M. Ehrlich. Mit Holzschnitten nach Zeichnungen von A. Zick. Berlin: G. Grote, 1888. S. 499). Здесь и далее цитаты на языке оригинала приводятся по изданию, которым пользовался Блок (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 8/220).

[33] *Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. CVIII.

[34] См.: *Блок.* Т. 7. С. 48. См. об этом: *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 101—102.

«Личный Фауст хоть на минуту познал *женственно нежное* и упал к ногам его. Конечно, слово *женственный* не должно здесь быть понимаемо в его ограниченном значении одного пола человеческого рода. Женственное стоит тут в смысле pulchritudo, красота, которая недаром женского рода. Привлекательная женственность красоты представляет вечный сознательный или бессознательный мотив всякого творчества <...>».[35]

Во всех перипетиях жизненного пути «личный Фауст остался *мужем желания*» **(**ср. отчеркнутый Блоком фрагмент: «Сам Фауст, по коренной основе типа, не муж науки, политики или искусства, а муж *желаний*, попеременно ищущих удовлетворения то в той, то в другой сфере. Все человечество в совокупности лишь тот же муж желаний» (С. L)**)**.[36] Однако, по мысли Фета, цель Гёте — показать общечеловеческую драму, прозреваемую им в народной легенде, выявить мистериальное содержание стремления как такового, то есть показать *выведение на свет* из мрака. Превращение *человека желания* во *всецелую личность* раскрывается как процесс *религиозный*. Соответствующие фрагменты текста, акцентирующие мистериальное содержание драмы о Фаусте, отмечены у Блока красным (отчеркивание на полях, подчеркивание на с. LVIII) и синим (подчеркивание на с. LV) карандашом, что было сделано уже позже, когда интерес к истории театра и его мистериальным истокам получил новые импульсы в связи с решением финала «Двенадцати».[37]

> «Нравственное чувство и простой смысл драмы требовал конца. Этим концом является мистическая апофеоза, в которой перед зрителями исполняется обещанный вывод высокого, хотя и заблудшего духа окончательно на свет блестящий.
>
> Художественный образ Фауста не потому только велик, что является носителем всех высоких человеческих стремлений, а главное пото-

[35] *Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. LVII—LVIII.

[36] Прибегая к данной метафоре, Фет отталкивается от Шопенгауэра, согласно которому человеческая жизнь представляет собой «каторжную работу желания». Соответствующая цитата приведена несколькими страницами ранее и также отчеркнута Блоком вместе с последующим фрагментом (С. XX). По Шопенгауэру, человеческая жизнь есть цепь мучительных страданий. Он сравнивает их с муками Тантала или с огненным колесом Иксиона. Человеческая жизнь, говорит Шопенгауэр, вечно вращается вокруг *оси желаний*, за которыми приходит насыщение, приносящее лишь временное наслаждение. Затем опять наступает скука, и человек вновь приходит в движение — на этот раз чтобы избежать ее мучений.

[37] См. подробнее: *Ірякалова Н. Ю.* Поэма-мистерия «Двенадцать» и жанр «городских видений» в творчестве Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. С. 13—20.

му, что запросы человеческого духа, в высшей его потенции, не вмещаются без остатка ни в какие земные задачи» (С. LV).

«Для личности самое дорогое личность. А мы видели, что на всех жизненных путях: желать, искать, стремиться значит ущерблять личность.

Одно мистически-религиозное чувство представляет исключение. Только на этом пути всецелая личность отдается всецелому стремлению.

Вот причина его постоянного верховенства в развитии человеческого духа; вот причина завершения Фауста средневековой мистерией. Как в первой части Гретхен вызывает лучшую часть личного Фауста, так она, как представительница женственно-нежного, возносит за собой бессмертное человечество. Драма окончена. Фауст из мрака выведен *на свет блестящий*» (С. LVIII—LIX).

Стремиться (streben) и наслаждаться (genießen) — эта оппозиция проходит через всю трагедию, организуя семантическую пару конечное / бесконечное. Тому, кто предается наслаждению (в том числе и «тщете буржуазных отношений к прекрасному полу», как пишет Фет, с. XLVII), довольствуясь лишь «малым светом», по мысли Гёте, грозит утрата себя, выпадение из бесконечности и из самого процесса *восхождения* (Steigerung). Стремление Фауста к бесконечному — причина его оправдания и спасения его души. Финальные сцены трагедии создают иллюзию иерархически организованного ландшафта: горные ущелья, леса, скалы, пустыни. Он ступенчато возвышается, как бы раскрывая «историю своего сотворения».[38] По замечанию Т. Адорно, автора текста, являющегося одним из основополагающих для понимания рецепции «фаустовского сюжета» во второй половине XX столетия, «бытие ландшафта содержит в себе символ становления. Это в нем самом скрытое становление как творение уподобляется любви, чья деятельность прославляется возвышением фаустовской бессмертной сущности».[39]

Поиск истинной полноты и целостности жизни «всевопрошающим духом», обретение себя в стремлении и становлении, приятие нового, утверждающего себя на руинах старого мира, — все эти концепты и родственный им ход мысли обнаруживаются как свойства фаустов-

[38] Ср. у Фета: «...Гёте, вместо того, чтобы удовольствоваться слабыми намеками на процесс духовного вознесения за *женственно нежным*, как бы сосредоточивает все лучи своего гения на этом моменте, давая возможность зрителю, так сказать, присутствовать при органической постепенности вечного прогресса» (*Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. LVI—LVII).

[39] *Адорно Т.* К заключительной сцене «Фауста» / Пер. Е. Лейбель; предисл. А. Аствацатурова // Коллегиум. 2004. № 1—2. С. 187.

ского типа личности, столь близкие Блоку. Не случайно он отметил следующее замечание Фета по поводу потенциальной креативности образа «всеобъемлющего Фауста» второй части: «...как живой организм, он может служить поводом и источником всевозможных соображений и даже учений» (С. LIX). Справедливость данного тезиса подтверждена всей последующей траекторией развития «мысли о Фаусте» — от плеяды русских религиозных философов и О. Шпенглера, зафиксировавшего кризис «фаустовской» культуры, до Г. Лукача и Т. Адорно.

В этой связи пунктирно обозначим еще один важный интеллектуальный ход в трактовке фаустовской темы, коррелирующий на этот раз с блоковской концепцией поэмы «Возмездие» (начало работы — 1910, не окончена). Мы имеем в виду исследование о «Фаусте» Г. Лукача, где венгерский философ-неомарксист интерпретирует сочинение Гёте как «драму человеческого рода».[40] Для Лукача идейные и литературные коллизии «Фауста» связаны прежде всего с тем, как в отдельном индивидууме возникают и развиваются силы рода, с какими препятствиями они сталкиваются. Философ ставит проблему «жизненности» литературного типа в таком художественном универсуме, в котором предпринята попытка отобразить процесс мировой истории в целом. В Предисловии к поэме (1919) Блок стремится представить эпоху через ряд субъективно воспринятых исторических эпизодов, а основную тему произведения эксплицировать с отчетливой проекцией на миф о пути «фаустовского человека». «Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д. <...>».[41] Примечательно, что в первоначальных своих контурах поэма мыслилась Блоком как «патрология», в центре которой — генерирующая развитие сюжета фигура Отца, «человека XIX века», с его диаметрально противоречивыми устремлениями и качествами, включая «демонизм» и «вампиризм» (иссякание витальности), а в окончательной версии этот образ ушедшего от мира ученого-схоласта, представленный в мрачном «фаустовском» интерьере, уже напрямую соотнесен с одним из своих литературных «прототипов»: «Так, с жизнью счет сводя печальный, / Презревши молодости пыл, / Сей Фауст, когда-то

[40] *Lukács G.* Faust und Faustus: Vom Drama der Menschengattung zur Tragödie der modernen Kunst. Hamburg, 1968.

[41] *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 49.

радикальный, / „Правел“, слабел... и *всё* забыл».[42] Род, индивид и история («мировой водоворот») в их сложной диалектике, жизнь человека, перипетии его личного и социального бытия, религиозный опыт и ткань истории, прогресс и его оборотная сторона, — все это материал блоковской поэмы, к сожалению, оставшейся незавершенной. Можно объяснить эту «великолепную неудачу» различным образом: безуспешностью попыток сочетать стихию субъективно-лирического начала с формой панорамного эпического полотна,[43] чувством финальности — доминирующим психологическим фоном в мироощущении поэта,[44] но также исчерпанностью творческого потенциала самой «фаустовской» культуры — «крушением гуманизма», по слову Блока, утверждением «безрелигиозной цивилизации»[45] и выходом на авансцену истории новых действующих субъектов — уже не индивидуума, а «народных масс», то есть концом исканий человека нового времени, символом которых был герой трагедии Гёте.

3

Эпоху революционных потрясений Блок встречает тотальным приятием развертывающейся на его глазах истории. Период работы над поэмой «Двенадцать» (январь — февраль 1918) отмечен обращением к трагедии Гёте, но уже под знаком новых художественных интуиций. Символический параллелизм между природными катаклизмами, результатом действия выходящих на поверхность скрытых, «стихийных» сил, и историческими событиями, трактуемыми иератически, — излюбленный метафорический ход Блока. Сравнения и метафоры данного семантического ряда («Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран...», «...проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях...», «...жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь...») орнаментируют неоромантический

---

[42] Там же. С. 57—58.

[43] *Аллен Л.* Столкновение жанров в поэме Блока «Возмездие» // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 189—197.

[44] См.: *Матич О.* Поздний Толстой и Блок — попутчики по вырождению. М., 2006.

[45] Ср.: «Фаустовская душа с ее бесконечными стремлениями, с раскрывающейся перед ней далью, есть душа христианского периода истории. <...> После явления христианства в мире раскрывается бесконечность. Христианство сделало возможным фаустовскую математику, математику бесконечного» (*Бердяев Н. А.* Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы / Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. М., 1922. С. 62).

нарратив его пореволюционной публицистики, репрезентируя «новое чувство природы и истории».[46] В аналогичном образно-смысловом регистре выдержаны замечания Блока о генезисе поэмы «Двенадцать», написанной «в согласии со стихией»: «...во время и после окончания „Двенадцати“ я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)».[47] Эти, на грани визионерства, физические ощущения интуитивно воспринимались как подземные толчки «стихии». В записной книжке, наряду с подробными фиксациями атмосферных и погодных явлений (**«**ураган (неизменный спутник переворотов)», циклон, туман, оттепель, ветер**)**, 9 января 1918 года отмечено: «Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слушал гул, гул: думал, что началось землетрясение».[48] Автоинтерпретацию слухового образа, сопровождавшего появление поэмы, с прямой отсылкой к Духу земли (ч. 1, сцена «Ночь»), Блок дал в письме к Андрею Белому от 9 апреля 1918 года в ответ на его предостережение об оккультной опасности заигрывания со «стихиями»: «Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил. Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. Для себя назвал это Erdgeist'ом (Духом земли. — *Н. Г.*). Потом <...> наступил упадок сил, и только вот теперь становится как будто легче. А то — было очень трудно: растерянность, при которой всякий может уловить».[49]

О внимании к данной сцене свидетельствуют два слоя помет (простым и красным карандашом) при чтении следующего фрагмента Предисловия Фета:

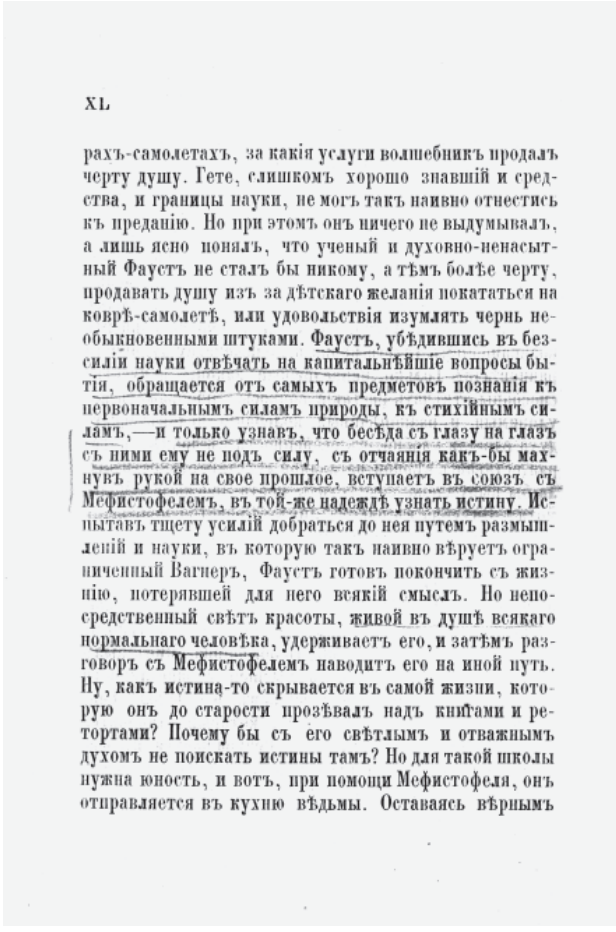
> «Фауст, убедившись в бессилии науки отвечать на капитальнейшие вопросы бытия, обращается от самых предметов познания к первоначальным силам природы, к стихийным силам, — и только узнав, что беседа с глазу на глаз с ними ему не под силу, с отчаяния как бы махнув

[46] О блоковской концепции романтизма и ее литературных источниках см. недавнее исследование: *Блюмбаум А.* Musica mundana и русская общественность. Цикл статей о творчестве Александра Блока. М., 2017. С. 199—231 («Спасение природы»). См. также: *Ерохин А. В.* Александр Блок и Гёте. С. 73—77.

[47] Цит. по: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 346.

[48] *Блок А.* Записные книжки: 1901—1920. М., 1965. С. 383. О топосе землетрясения см. далее.

[49] Андрей Белый и Александр Блок. Переписка: 1903—1919. М., 2001. С. 514. Ср. в письме А. Белого от 16—17 марта 1918 г.: «По-моему, Ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не „*простят*“ „*никогда*“... <...> Помни: Ты всем нам нужен в... *еще более* трудном будущем нашем... Будь мудр: соединяй с отвагой и осторожность» (Там же. С. 513).



XL

рахъ-самолетахъ, за какія услуги волшебникъ продалъ черту душу. Гете, слишкомъ хорошо знавшій и средства, и границы науки, не могъ такъ наивно отнестись къ преданію. Но при этомъ онъ ничего не выдумывалъ, а лишь ясно понялъ, что ученый и духовно-ненасытный Фаустъ не сталъ бы никому, а тѣмъ болѣе черту, продавать душу изъ за дѣтскаго желанія покататься на коврѣ-самолетѣ, или удовольствія изумлять чернь необыкновенными штуками. Фаустъ, убѣдившись въ безсиліи науки отвѣчать на капитальнѣйшіе вопросы бытія, обращается отъ самыхъ предметовъ познанія къ первоначальнымъ силамъ природы, къ стихійнымъ силамъ,—и только узнавъ, что бесѣда съ глазу на глазъ съ ними ему не подъ силу, съ отчаянія какъ-бы махнувъ рукой на свое прошлое, вступаетъ въ союзъ съ Мефистофелемъ, въ той-же надеждѣ узнать истину. Испытавъ тщету усилій добраться до нея путемъ размышленій и науки, въ которую такъ наивно вѣруетъ ограниченный Вагнеръ, Фаустъ готовъ покончить съ жизнію, потерявшей для него всякій смыслъ. Но непосредственный свѣтъ красоты, живой въ душѣ всякаго нормальнаго человѣка, удерживаетъ его, и затѣмъ разговоръ съ Мефистофелемъ наводитъ его на иной путь. Ну, какъ истина-то скрывается въ самой жизни, которую онъ до старости прозѣвалъ надъ книгами и ретортами? Почему бы съ его свѣтлымъ и отважнымъ духомъ не поискать истины тамъ? Но для такой школы нужна юность, и вотъ, при помощи Мефистофеля, онъ отправляется въ кухню вѣдьмы. Оставаясь вѣрнымъ

Предисловие Фета ко второй части перевода «Фауста» Гёте. Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XL)

рукой на свое прошлое, вступает в союз с Мефистофелем, в той же надежде узнать истину» (С. XL).[50]

Безусловно, замечание о «стихийных силах» не могло не восприниматься Блоком, апологетом «стихии» еще со времен лирических

[50] Страницы комментария Н. А. Холодковского, относящиеся к Духу земли, также отмечены Блоком. См.: *Гёте*. Фауст. Пг., 1914. Т. 2: Комментарий и примечания к обеим частям поэмы / Сост. Н. А. Холодковский. С. 66—70 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/112).

статей второй половины 1900-х годов, как глубинно близкое его мироощущению теперь уже в контексте его размышлений о «подлинном романтизме». В речи «О романтизме», иллюстрируя тезис о «жадном стремлении к жизни», свойственном «бурным гениям», Блок обращается к преисполненной энергией действия фигуре Фауста, вызывающего заклинанием Духа земли. Вторая часть фразы, кроме построчного подчеркивания, еще и отчеркнута на полях, что можно расценить как «реплику» в эпистолярном диалоге с товарищем по литературному цеху, чье гётеанство вырастало на почве антропософии как духовной науки.

29 января 1918 года, в день окончания поэмы и начала работы над «Скифами», Блок вновь зафиксировал духовные вибрации, сопроводив запись цитатой из первой части трагедии: «Я понял Faust'a. „Knurre nicht, Pudel".[51] <...> Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. <...> *Сегодня я — гений*».[52] Блоком процитированы слова Фауста, обращенные к пуделю, под личиной которого в его кабинет проник Мефистофель (ч. 1, сцена «Кабинет»).[53] Фауст трудится над переводом Евангелия от Иоанна, подвергая сомнению канонический текст. Ворчание пуделя предвещает появление Мефистофеля, на этот раз принимающего образ странствующего схоласта. Фауст находится в состоянии духовной экзальтации и готов вступить в договор с духом зла во имя поиска истины, путь к которой лежит для него вне морали и религии. «Демоническая амбивалентность фигуры Фауста примеряется Блоком к собственной поэтической биографии», — замечает современный исследователь, имея в виду ранний, «соловьевский», период творчества поэта.[54] Однако данное замечание справедливо и относительно пройденного Блоком «фаустовского пути» в целом.

15 апреля — новая авторефлексивная запись, парафрастичная по форме: «„Огонь" революции (?) сушит во мне „воду" гётевских сирен („Ohne Wasser ist kein Heil")».[55] Накануне ночью Блок ознакомился с только что вышедшей статьей Иванова-Разумника «Испытание в гро-

---

[51] «Не ворчи, пудель» (*нем.*). Эти слова Фауст произносит как раз перед явлением Мефистофеля. Обратим внимание, что Блок сопровождает свои выписки и парафразы из Гёте цитатами на языке оригинала.

[52] *Блок А.* Записные книжки. С. 387.

[53] В комментариях Холодковского Блок отчеркнул на полях: «На этот раз <...> являющийся дух совсем иного рода: это Мефистофель, в образе пса. Вагнер, совершенно чуждый настроению Фауста, не видит в этом псе ничего особенного, убеждает своего патрона, что это простая собака, и, приманив пуделя, оба отправляются домой» (*Гёте*. Фауст. Т. 2. С. 75).

[54] *Ерохин А. В.* Александр Блок и Гёте. С. 77.

[55] *Блок А.* Записные книжки. С. 400. «Без воды нет здоровья» (*нем.*). Строка подчеркнута в указанном издании «Фауста» на немецком языке (S. 320).

зе и буре», сопровождавшей публикацию «Двенадцати» и «Скифов» в литературно-политическом журнале революционного социализма «Наш путь» (1918. № 1). Первая половина 1918 года — период наиболее интенсивного общения Блока с Ивановым-Разумником, критиком левоэсеровской ориентации, повлиявшим на послеоктябрьское самоопределение Блока самым радикальным образом, выступив, в фигуральном смысле, своего рода духом-искусителем.[56] Почвой идейного сближения стали общие для обоих (нео)народнические симпатии и «духовный максимализм» с его пафосом неприятия «старой» (то есть буржуазной) культуры и ее носителя — «всесветного мещанина», утверждением «вечной революционности» и верой в духовное преображение личности в огне «мирового пожара». Работа над статьей шла в постоянном контакте с Блоком и при его одобрении, однако отдельные метафоры и риторические приемы автора вызвали у поэта принципиальные возражения, что было отмечено им в принадлежавшем ему экземпляре журнала (*Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 183—185).[57] Скорее всего, данная реплика — свидетельство разговора с Ивановым-Разумником, состоявшегося в этот день в редакции журнала, или же им инспирированная. Критик трактовал сцену «На верхнем Пенее» однозначно-аллегорически: «Для мировых мещан („Сирен“ второй части „Фауста“) — ужасно и безумно мировое землетрясенье: „каждый благоразумный — торопись прочь от него!“»,[58] что вызвало возражение Блока, всегда предпочитавшего многозначность символических толкований. По воспоминаниям Иванова-Разумника, поэт заметил, что «в связи с некоторыми местами статьи перечитал вторую часть „Фауста“, и прибавил: „а вот Сирен вы совсем неверно взяли“...».[59] Символика огня и влаги была хорошо известна лирике Блока, и потому поэт не мог не уловить те новые обертоны, которые она получала, будучи включенной в риторическую стратегию критика-максималиста.

Для осмысления подобных семантических трансформаций Блок обращается к историко-литературным аллюзиям, которые отнюдь не очевидны, однако могут быть реконструированы благодаря тем фраг-

---

[56] Подробнее см.: *Иванова Евг.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 91—114.

[57] Блоковские маргиналии были частично использованы в примечаниях к статье Иванова-Разумника, см.: Александр Блок: Pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / Сост., вступит. ст., примеч. Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2004. С. 664—668.

[58] *Иванов-Разумник.* Испытание в грозе и буре // Там же. С. 286.

[59] *Иванов-Разумник.* Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1923. С. 243.

ментам, которые привлекли внимание поэта. Это спор *вулканистов* и *нептунистов*. И, соответственно, действие 2-е второй части, сцена под названием «Классическая Вальпургиева ночь» **(**картина «На верхнем Пенее (как прежде)»**)**. Сирены, близкие по рождению и обитанию водной стихии, со страхом ждут землетрясения, восклицая: «Нет блаженства без воды!». В собрании сочинений Гёте данная строка подчеркнута Блоком, далее отчеркнуты следующие стихи:

> Всё там — жизнь и наслажденье,
> Здесь же — гул землетрясенья.
> Кто умен — беги отсюда:
> Всех погубит это чудо.
>
> (Пер. Н. Холодковского)[60]

Аналогичные фрагменты отмечены и в переводе Фета:

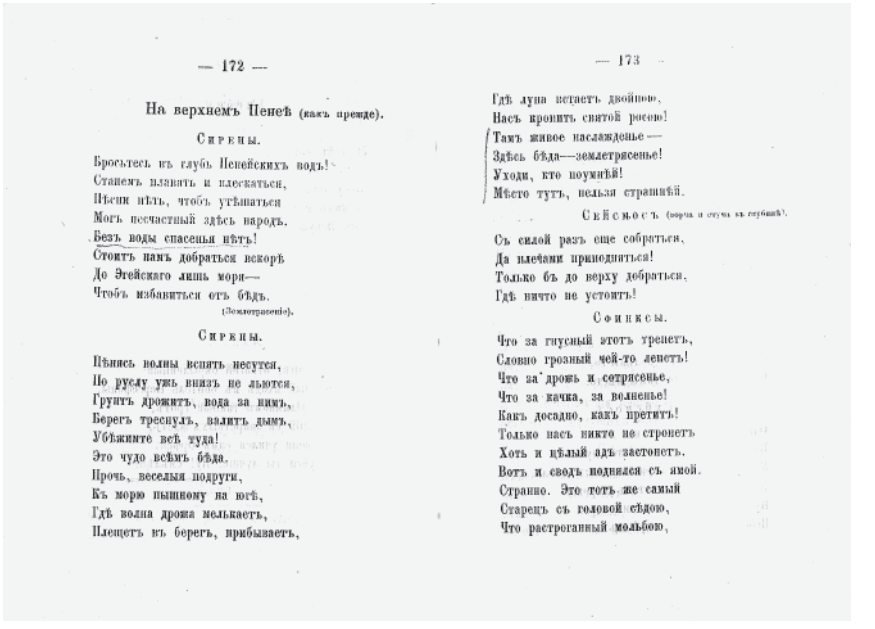
> Без воды спасенья нет!
> <...>
> Там живое наслажденье —
> Здесь беда — землетрясенье!
> Уходи, кто поумней!
> Место тут, нельзя страшней.[61]

Образность «Классической Вальпургиевой ночи» непосредственно связана с натурфилософскими, космологическими, геологическими взглядами ее создателя. В споре Фалеса и Анаксагора, например, представлена упомянутая выше полемика между нептунистами и вулканистами (плутонистами). Гёте со всей очевидностью принадлежал к первым. Он не принимал идею мировых катаклизмов, и отрицательное отношение геолога Гёте к вулканизму нельзя отделить от социальных проекций — неприятия переворотов и революционных изменений в обществе и истории. Согласно современной Гёте науке, оба принципа обнаруживают себя в природе,[62] однако социально-фило-

[60] *Гёте И.-В.* Собр. соч. в переводах русских писателей, изданных под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1878. Т. 2: Фауст. С. 261, 262. Соответствующие строки подчеркнуты и в немецком издании (S. 321).

[61] *Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. 172, 173.

[62] Ср. мнение на этот счет В. И. Вернадского: «Мы видим теперь, что и тот спор о нептунизме и плутонизме, который всю жизнь горячо охватывал Гёте (нептунистический центр был недалеко от него во Фрейбурге <...>), который занимал десятилетия мысли геологов, особенно немецких, и казался современникам важным, но в действительности им не был, — эти оба представления или сводили всю структуру изучаемых геологами явлений к влиянию поверхностных сил, царящих по современной терминологии в биосфере — *нептунисты* (преобладающая роль



— 172 —

На верхнемъ Пенеѣ (какъ прежде).

Сирены.

Бросьтесь въ глубь Пенейскихъ водъ!
Станемъ плавать и плескаться,
Пѣсни нѣтъ, чтобъ утѣшаться
Могъ несчастный здѣсь народъ.
Безъ воды спасенья нѣтъ!
Стоитъ намъ добраться вскорѣ
До Эгейскаго лишь моря—
Чтобъ избавиться отъ бѣдъ.
(Землетрясеніе).

Сирены.

Пѣнясь волны вспять несутся,
По руслу ужь внизъ не льются,
Грунтъ дрожитъ, вода за нимъ,
Берегъ треснулъ, валитъ дымъ,
Убѣжимте всѣ туда!
Это чудо всѣмъ бѣда.
Прочь, веселыя подруги,
Къ морю пышному на югѣ,
Гдѣ волна дрожа мелькаетъ,
Плещетъ въ берегъ, прибываетъ,

— 173 —

Гдѣ луна встаетъ двойною,
Насъ кропитъ святой росою!
Тамъ живое наслажденье—
Здѣсь бѣда—землетрясенье!
Уходи, кто поумнѣй!
Мѣсто тутъ, нельзя страшнѣй.

Сейсмосъ (вверхъ и снуча въ глубинѣ).

Съ силой разъ еще собраться,
Да плечами приподняться!
Только бъ до верху добраться,
Гдѣ ничто не устоитъ!

Сфинксы.

Что за гнусный этотъ трепетъ,
Словно грозный чей-то лепетъ!
Что за дрожь и сотрясенье,
Что за качка, за волненье!
Какъ досадно, какъ претитъ!
Только насъ никто не стронетъ
Хоть и цѣлый адъ застонетъ.
Вотъ и сводъ поднялся съ ямой.
Странно. Это тотъ же самый
Старецъ съ головой сѣдою,
Что растроганный мольбою,

Страницы с пометами А. А. Блока из второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета (М., 1889. 2-е изд. С. 172—173)

софский параллелизм очевиден: вулканисты признают благотворность резких скачков и революционных сдвигов, нептунисты — сторонники эволюционного движении к более высоким формам. Мефистофель как раз принадлежит к вулканистам. В 4-м действии, где читатель сталкивается с феноменами власти и войны (см. пометы Блока в Предисловии, с. LII), Мефистофель говорит о вулканизме как о дьявольском принципе уничтожения.

Диалог Сирен и Сфинксов, а также Сейсмоса — исполина, олицетворяющего вулканические подземные силы, то есть землетрясения,

воды — Нептуна), или допускали преобладающее влияние глубоких частей планеты, ярким проявлением которых являлись вулканы — *плутонисты*. Высокая температура вулканов объяснялась нептунистами связанными с поверхностью планеты химическими явлениями (подземные пожары и т. п.), а вулканистами в эпоху Гёте она относилась к той теплоте, которая наблюдается в каждой точке планеты при углублении с поверхности земли в ее глубь, как к факту наблюдения, или связывалась с космогоническими гипотезами» (*Вернадский В. И.* Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988. С. 244). Отметим, кстати, что А. Н. Бекетов был автором статьи «Гёте-естествоиспытатель» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (1893. Т. 8-а).

является гётевской сатирой на *вулканизм* — слово подчеркнуто Блоком в комментариях Н. А. Холодковского во фрагменте разъяснительного характера, а часть фразы после двоеточия отмечена отчеркиванием на полях: «...т. е. на то направление в геологии, которое отводит главную роль в сложении земной поверхности вулканическим силам. Гёте, весьма интересовавшийся минералогиею и геологиею, был решительным противником этого направления: как в политике он был врагом насильственных переворотов, так и в истории земного шара он не хотел признавать крупных катастроф как созидательного элемента».[63] В следующем фрагменте Блоком отмечено подчеркиванием слово «нептуниста»: «...Гёте был горячим сторонником Вернера как нептуниста, признававшего, что слои земной коры образовались преимущественно медленным осаждением веществ на дне первозданного моря».[64]

Еще более внушительный фрагмент отчеркнут красным карандашом и отмечен Блоком восклицательным знаком в примечаниях Фета, где, в частности, говорится: «Гёте был жарким противником учения вулканистов, производящих образование земной поверхности от насильственных переворотов, происходящих от подземного огня. <...> он придерживается мнений нептунистов, приписывающих образование земной поверхности в общем постепенному развитию, при котором позднейшие перевороты могли иметь лишь частное значение. В спокойном развитии пребывающей природе поэта равно противны были как почвенные, так и государственные перевороты. Он везде ожидал успеха лишь от тихого развития» (С. XLI).

Блок занимает в этом извлекаемом им из истории и обретающем для него актуальность споре (в том числе и в плане политического самоопределения) позицию, явно противоположную гётевской. И не случайно им отчеркнуты следующие строки в реплике Мефистофеля на слова уже ослепшего Фауста, тщетно надеющегося отвоевать сушу у наступающего моря путем строительства плотины (ч. 1, д. 5):

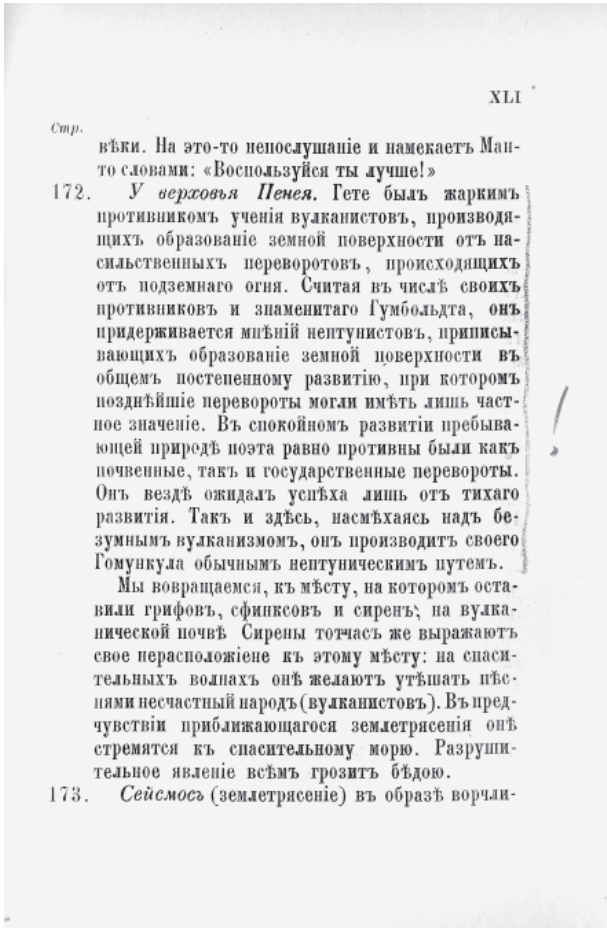
> Как ни трудись, — плоды плохие!
> Ведь с нами заодно стихии;
> Уничтоженья ждет весь мир![65]

Как видим, Блок обращался к разным изданиям трагедии Гёте, имевшимся в его библиотеке. Он практиковал прием параллельного

[63] *Гёте*. Фауст. Т. 2. С. 168—169.

[64] Там же. С. 169. Абраам Готлоб *Вернер* (1749—1817), немецкий геолог и минералог, родоначальник школы нептунистов.

[65] *Гёте*. Фауст. Т. 1: Текст (обе части поэмы) / В пер. Н. Холодковского. С. 417.



XLI

Стр.

вѣки. На это-то непослушаніе и намекаетъ Манто словами: «Воспользуйся ты лучше!»

172. *У верховья Пенея.* Гете былъ жаркимъ противникомъ ученія вулканистовъ, производящихъ образованіе земной поверхности отъ насильственныхъ переворотовъ, происходящихъ отъ подземнаго огня. Считая въ числѣ своихъ противниковъ и знаменитаго Гумбольдта, онъ придерживается мнѣній нептунистовъ, приписывающихъ образованіе земной поверхности въ общемъ постепенному развитію, при которомъ позднѣйшіе перевороты могли имѣть лишь частное значеніе. Въ спокойномъ развитіи пребывающей природѣ поэта равно противны были какъ почвенные, такъ и государственные перевороты. Онъ вездѣ ожидалъ успѣха лишь отъ тихаго развитія. Такъ и здѣсь, насмѣхаясь надъ безумнымъ вулканизмомъ, онъ производитъ своего Гомункула обычнымъ нептуническимъ путемъ.

Мы возвращаемся, къ мѣсту, на которомъ оставили грифовъ, сфинксовъ и сиренъ; на вулканической почвѣ Сирены тотчасъ же выражаютъ свое нерасположеніе къ этому мѣсту: на спасительныхъ волнахъ онѣ желаютъ утѣшать пѣснями несчастный народъ (вулканистовъ). Въ предчувствіи приближающагося землетрясенія онѣ стремятся къ спасительному морю. Разрушительное явленіе всѣмъ грозитъ бѣдою.

173. *Сейсмосъ* (землетрясеніе) въ образѣ ворчли-

«Объяснения» Фета ко второй части «Фауста» Гёте.
Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XLI)

чтения, сравнивая различные версии перевода отдельных интересовавших его эпизодов. Так, в частности, обстояло дело с образом Эвфориона (в Предисловии имя подчеркнуто красным карандашом, с. XLIX), сына Фауста и Елены, «нового Икара», ставшего символом безудержного стремления к запредельному, символом романтического порыва, преодолевающего грани возможного. Документально подтверждено, что прототипом для Гёте послужил образ Байрона, погибшего в 1825 году в рядах греческих инсургентов. Об этом свидетельствует записанное Эккерманом важнейшее высказывание Гёте об английском поэте

в связи с действием 3-м второй части трагедии: «Байрон был единственным, кого я по праву мог назвать представителем новейших поэтических времен, — сказал Гёте, — ибо он, бесспорно, величайший талант нашего столетия. Вдобавок он не склоняется ни к античности, ни к романтизму, он — воплощение нынешнего времени. Такой поэт и был мне необходим, к тому же для моего замысла как нельзя лучше подошла вечная неудовлетворенность его натуры и воинственный нрав, который и довел его до гибели в Миссолонги. Писать трактат о Байроне несподручно, и я бы никому не посоветовал это делать, но при случае воздавать ему хвалу и указывать на многоразличные его заслуги я не премину и в дальнейшем».[66]

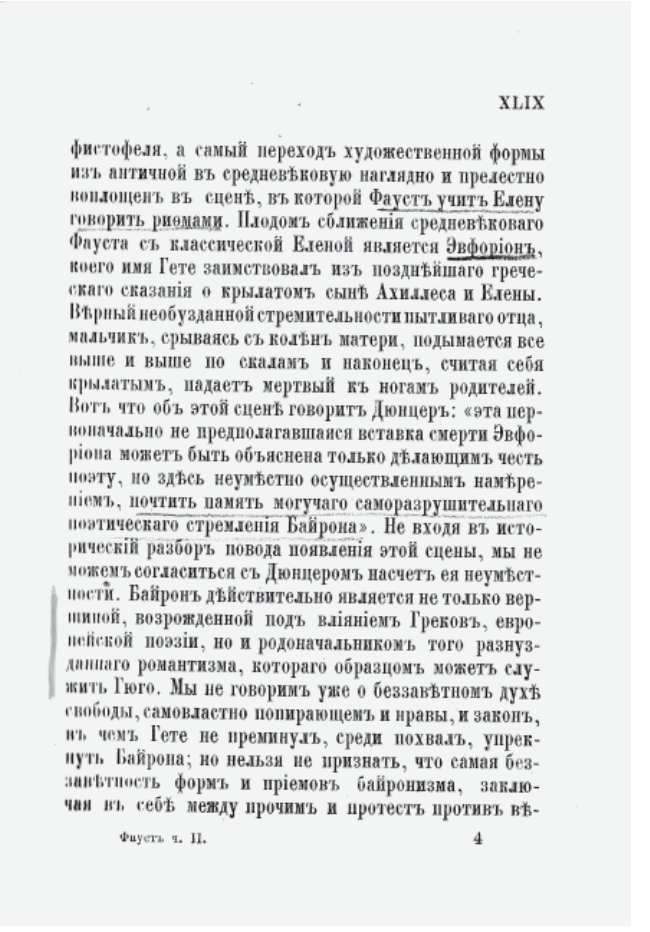
Трактовка образа, предложенная Фетом, неоднозначна. С одной стороны, он критичен к мнению цитируемого им немецкого филолога И. Г. И. Дюнцера[67] по поводу неуместности сцены гибели Эвфориона в общей архитектонике произведения, с другой — солидарен с его скептической оценкой «саморазрушительных» устремлений Байрона-романтика. Блок, напротив, с явным сочувствием отнесся к замечанию (подчеркнуто графитовым карандашом), согласно которому целью Гёте было намерение «почтить память могучего саморазрушительного поэтического стремления Байрона» (С. XLIX). Для Фета Байрон — пример «разнузданного романтизма», ценность которого он подвергает сомнению в пользу искусства высокой классики (в данном контексте — античного). Блок отчеркнул красным карандашом на полях следующее рассуждение Фета, безусловно спорное с его точки зрения: «Байрон действительно является не только вершиной, возрожденной под влиянием греков, европейской поэзии, но и родоначальником того разнузданного романтизма, которого образцом может служить Гюго» (С. XLIX). Далее, развивая мысль о пагубности и самоубийственности байронизма в его протесте «против вековечных законов греческого искусства», Фет в конце концов делает вывод: «На новейшем поэтическом горизонте только те звезды сверкают чистой поэзией, которые ближе к Елене, чем к романтическому Эвфориону» (С. L). Данную сентенцию Блок отметил знаком вопроса по полям, что в системе его идеографических знаков означало крайнюю степень недоумения.

На этом блоковские «страсти по Эвфориону» не закончились. Импульсом к продолжению штудий послужила упомянутая статья

---

[66] *Эккерман И. П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986. С. 235.

[67] С просьбой прислать первую часть издания трагедии, осуществленного Дюнцером, автором наиболее содержательного для того времени комментария к «Фаусту» (2-е изд. 1857), Фет обращался к М. Н. Харузину в письме от 27 мая 1882 г. (см. с. 431 наст. изд.).



XLIX

фистофеля, а самый переходъ художественной формы изъ античной въ средневѣковую наглядно и прелестно воплощенъ въ сценѣ, въ которой Фаустъ учитъ Елену говорить риѳмами. Плодомъ сближенія средневѣковаго Фауста съ классической Еленой является Эвфоріонъ, коего имя Гете заимствовалъ изъ позднѣйшаго греческаго сказанія о крылатомъ сынѣ Ахиллеса и Елены. Вѣрный необузданной стремительности пытливаго отца, мальчикъ, срываясь съ колѣнъ матери, подымается все выше и выше по скаламъ и наконецъ, считая себя крылатымъ, падаетъ мертвый къ ногамъ родителей. Вотъ что объ этой сценѣ говоритъ Дюнцеръ: «эта первоначально не предполагавшаяся вставка смерти Эвфоріона можетъ быть объяснена только дѣлающимъ честь поэту, но здѣсь неумѣстно осуществленнымъ намѣреніемъ, почтить память могучаго саморазрушительнаго поэтическаго стремленія Байрона». Не входя въ историческій разборъ повода появленія этой сцены, мы не можемъ согласиться съ Дюнцеромъ насчетъ ея неумѣстности. Байронъ дѣйствительно является не только вершиной, возрожденной подъ вліяніемъ Грековъ, европейской поэзіи, но и родоначальникомъ того разнузданнаго романтизма, котораго образцомъ можетъ служить Гюго. Мы не говоримъ уже о беззавѣтномъ духѣ свободы, самовластно попирающемъ и нравы, и законъ, въ чемъ Гете не преминулъ, среди похвалъ, упрекнуть Байрона; но нельзя не признать, что самая безцѣнность формъ и пріемовъ байронизма, заключая въ себѣ между прочимъ и протестъ противъ вѣ-

Фаустъ ч. II. 4

Предисловие Фета ко второй части перевода «Фауста» Гёте. Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XLIX)

Иванова-Разумника. Именно на ее страницах поэт столкнулся с переводческим парадоксом. В известных ему переводах Хор выступал с однозначно осуждающей оценкой безрассудного порыва Эвфориона, приведшего его к гибели. Здесь же автор предлагал принципиально иное прочтение ключевого для него образа и эпизода. «Испытания в грозе и буре» окрыляют юного Эвфориона, «провозвестника мира нового»: «И пусть как новый Икар разобьется он в своем полете — что до того! „Jammer genug!“ Да, поистине — „довольно стенаний!“». Блок подчеркнул немецкоязычную цитату и оставил на полях характерное

замечание: «Поразительная вещь случилась с Фетом и Холодковским!» (*Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 185).

Блоковскую маргиналию уточняет и дополняет зафиксированный Ивановым-Разумником разговор с Блоком: «...много говорил об Эвфорионе <...>, о гибели его, о гибели нашей революции, которая во взлете своем разобьется о камни старого мира. Пусть разобьется: Ikarus! Ikarus! Jammer genug! — Довольно стенаний! „И, знаете, — прибавил А. А., — замечательно: в переводе Холодковского, хорошем переводе, это место переведено совершенно наоборот, — Икар, Икар, горе тебе! Неправда ли характерно? То же и у нас о революции, о России: где надо бы «довольно стенаний!», там стенают — горе тебе!“».[68] Блок обратил внимание на герменевтический казус, возникший в результате разнонаправленных интенций переводчиков, которые одновременно выступали истолкователями (интерпретаторами) иноязычного текста, то есть репрезентировали инстанцию смысла. Ведь еще Шлейермахер определял герменевтику как «понимание чужой речи».[69] Для разрешения сложившейся герменевтической ситуации поэт, со свойственной ему педантичностью, и обратился к сравнению разных версий переводов.

Перевод Холодковского:

Э в ф о р и о н:

<...> На крылах своих
Ринусь туда!
Рвусь в боевой пожар,
Рвусь я к борьбе!

Х о р:

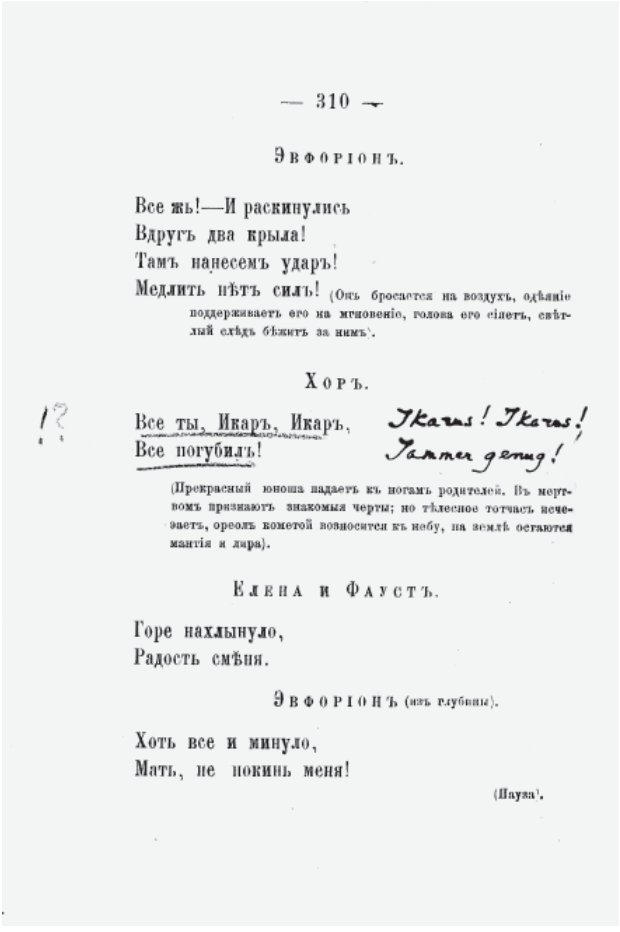
Горе! Икар! Икар!
Горе тебе!

Последняя строка подчеркнута синим карандашом; слова Хора отмечены на полях двумя восклицательными знаками и вписан текст на немецком языке:

Ikarus! Ikarus!
Jammer genug!

[68] *Иванов-Разумник*. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. С. 243.

[69] Цит. по: *Озеки-Депре И.* О соотношении между герменевтикой и переводом // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 52.



— 310 —

Эвфоріонъ.

Все жь!—И раскинулись
Вдругъ два крыла!
Тамъ нанесемъ ударъ!
Медлить нѣтъ силъ! (Онъ бросается на воздухъ, одѣяніе поддерживаетъ его на мгновеніе, голова его сіяетъ, свѣтлый слѣдъ бѣжитъ за нимъ).

Хоръ.

Все ты, Икаръ, Икаръ, Ikarus! Ikarus!
Все погубилъ! Jammer genug!

(Прекрасный юноша падаетъ къ ногамъ родителей. Въ мертвомъ признаютъ знакомыя черты; но тѣлесное тотчасъ исчезаетъ, ореолъ кометой возносится къ небу, на землѣ остаются мантія и лира).

Елена и Фаустъ.

Горе нахлынуло,
Радость смѣня.

Эвфоріонъ (изъ глубины).

Хоть все и минуло,
Мать, не покинь меня!

(Пауза).

Страница с пометами А. А. Блока из второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета (М., 1889. 2-е изд. С. 310)

Там же им вписан перевод: «Довольно стенаний».[70]

Перевод Фета:

Х о р:

Все ты, Икар, Икар,
Все погубил!

[70] *Гёте И.-В.* Собр. соч. в переводах русских писателей, изданных под ред. Н. В. Гербеля. Т. 2: Фауст. С. 337—338. В немецком издании также подчеркнуто (красным карандашом): «Ikarus! Ikarus! / Jammer genug!» (S. 410).

Синим карандашом подчеркнуты обе строки и на полях поставлен восклицательный знак, затем добавлен знак вопроса (красным карандашом). На полях также записан (черными чернилами) текст на языке оригинала:

Ikarus! Ikarus!
Jammer genug![71]

Блок, обладавший собственным переводческим опытом, пусть не всегда удачным, и плодотворно работавший в издательстве «Всемирная литература», редактируя, тщательно и ответственно, как все, что он делал, переводы немецкой литературы, не был теоретиком перевода, однако свое видение перевода как герменевтической практики имел. Если оставаться в избранном предметном поле, то в заключение следует отметить блоковский отзыв о переводе Холодковского («„Фауст“ Холодковского», апрель 1920) для его переиздания в проекте «Всемирной литературы». Блок признавал, что «в таком бесконечно ответственном деле, как перевод „Фауста“, много погрешностей будет у всякого»,[72] но этот перевод, ставший классическим, он, с некоторыми оговорками мировоззренческого свойства, явно предпочитал фетовскому, ориентированному, при всей его лексической точности, на архаизирующий одический стиль. Интересно, что здесь Блок вновь обращается к одному из «темных мест» второй части трагедии — к гибельному полету Эвфориона и словам Хора, раскрывающим смысл его поступка, считая, что это единственный случай, требующий корректировки.

«Единственное серьезное возражение, которое может возникнуть, заключается в том, что Н. А. Холодковский, как натуралист и семидесятник, склонен несколько слишком разоблачать мистику Фауста; но это, во-первых, касается преимущественно комментария; во-вторых, комментарий Холодковского в целом, по-моему, есть тоже блестящая и необыкновенно почтенная работа, написанная на том русском языке, на каком теперь уже писать несколько разучились.

Мой вывод — надо брать перевод Холодковского, *не редактируя* его, только местами чуть-чуть тронуть. Эту последнюю оговорку заставляет меня сделать одно из самых темных мест второй части. Когда Эвфорион летит со скалы, хор поет:

Ikarus! Ikarus!
Jammer genug!

[71] *Гёте И.-В.* Фауст. Ч. 2. С. 310.
[72] *Блок.* Т. 6. С. 469.

То есть

Икар! Икар!
Довольно стенаний!

Фет переводит:

Все ты, Икар, Икар,
Все погубил!

Холодковский:

Горе! Икар! Икар!
Горе тебе!

(как в издании Гербеля 1878 года, так и в издании Девриена 1914 года).

Таким образом, у нас искони держатся одного только толкования этого места, то есть в восклицании хора видят только заключительную страдательную ноту. Кажется, его можно толковать и по-другому — то есть в голосе хора не одно страдание, но и крик освобождения, крик радости, хотя и болезненный. Во всяком случае, этому месту надо дать ту же *двойственность*, которая свойственна всем великим произведениям искусства. „Предел стенаний“ имеет, по существу, великий, а следовательно, и двойственный, символический смысл».[73]

Блок, в результате методичной проработки литературных источников и собственного понимания многозначности текста, фактически отвергает существующие версии перевода, в том числе и «чтение» Иванова-Разумника как идеологически ангажированное. Герменевтический горизонт ему открывается в символической *двойственности*, которая и является для поэта-символиста инстанцией смысла.

[73] Там же. С. 467—468.

С. А. Ипатова

Б. А. САДОВСКОЙ О ФЕТЕ, ИЛИ КАК НЕ СОСТОЯЛАСЬ КНИГА «А. А. ФЕТ. ЖИЗНЬ И ТВОРЕНИЯ» (1913)

Борис Александрович Садовской (наст. фамилия Садовский; 1881—1952), известный литературный деятель Серебряного века — поэт, прозаик, драматург, критик символистов и историк литературы.[1] Приверженность к Золотому веку определила направление литературных занятий Садовского — он стал одним из первых исследователей биографии и творчества Фета, которого боготворил наравне с Пушкиным, был страстным коллекционером книг, писем и автографов поэта. В мемуарах современников личность Садовского прочно увязывалась с именем благоговейно любимого им Фета. Так, Андрей Белый вспоминал: «Часто являлся в „Весы“ к нам поджарый, преострый студентик <...> Борис Садовской, мальчик с нравом, с талантами, с толком, „спец“ в технике ранних поэтов и боготворитель поэзии Фета <...>».[2]

В воспоминаниях С. Н. Дурылина, близко знавшего поэта по Обществу свободной эстетики, Садовской предстает «в сюртуке, в лако-

[1] *Шумихин С. В.* Садовской Борис Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 445—450. См. также: *Крейд В.* Библиография Бориса Александровича Садовского (1881—1952) // Russian Language Journal. 1990. Vol. 44. N 147/149. P. 313—335; «От сердца я излил благое слово...» (К 130-летию со дня рождения Бориса Александровича Садовского): Биобиблиографический указатель / Сост. Л. В. Губина. Нижний Новгород, 2011.

[2] *Белый А.* Собр. соч. Начало века. Воспоминания / Общ. ред., послесл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2017. С. 368—369. Садовской, приглашенный в «Весы» В. Я. Брюсовым, активно сотрудничал в журнале (1904—1909), помещая здесь прозу, рецензии и др. (см.: *Соболев А. Л.* Весы. Ежемесячник литературы и искусства: Аннотированный указатель содержания. М., 2003).

© С. А. Ипатова, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-146-185

Б. А. Садовской.
Фотография Д. Здобнова. Петербург, 1913 г.

вых штиблетах, тонкий, изящный, обритый наголо — и немножко персонаж с бала из „Горя от ума“ или с того бала, на котором Онегин увидел Татьяну».[3] «Его богом был Пушкин, — отмечает Дурылин, —

[3] *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 2006. С. 785. Ф. А. Степун схожим образом вспоминал о Садовском: «Очень изящный, лет на 80 опоздавший рождением человек, — с бритым лицом, безволосым черепом и старомодно-торжественным сюртуком, живо напоминавший Чаадаева» (*Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 212).

его полубогом был Фет. Их он почитал беззаветно и преданно. / Какая жалость, что он так и не написал книгу о Фете, которого знал превосходно». В стихотворном посвящении Садовскому, повествуя о своих визитах к нему, он отметил его глубокий и постоянный интерес к биографии поэта: «А там — за стол подсядут Фет / И Александр Сергеич Пушкин. <...> // Иль занят с Фетом вместе он / Кавалерийскою разведкой, / А враг, Некрасов, поражен / У Воробьевки пулей меткой».[4] Фет для Садовского на протяжении всей жизни оставался «первым после Пушкина русским поэтом», равного которому «по необъятной мощи гения», не считая Лермонтова, «в нашей лирике не было и нет».[5] Себя Садовской ощущал наследником Пушкина и Фета.

Ходасевич, друг и многолетний корреспондент Садовского, писал в рецензии на его сборники «Позднее утро» (М., 1909) и «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913): «В стихах Бориса Садовского для читателя внятно биение крови многих поколений русских поэтов, от Державина до Валерия Брюсова», но порой «кажется, что для него русская поэзия кончается даже не Брюсовым, а только Фетом».[6] Литературный портрет Садовского 1910-х годов оставил К. И. Чуковский, также отметивший культ Фета в жизни поэта: «Большой любитель и знаток старины, он усердно стилизовал себя под человека послепушкинской эпохи <...> На него надвигались две мировые войны и величайшая в мире революция, а он пытался отгородиться от этого неотвратимого будущего идиллическим своим „Самоваром“ (сборник стихов, поэтизирующих тему патриархальных посиделок у самовара. — *С. И.*), стихами своего боготворимого Фета, бисерными кошельками, старинными оборотами стилизованной речи. Конечно, здесь была и литературная поза, но было и подлинное — сознание своей обреченности».[7]

---

[4] Цит. по: *Дурылин С.* Борис Садовской. Шесть стихотворений / Публ. и коммент. М. Ю. Гоголина и А. И. Резниченко // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. А. И. Резниченко. М., 2014. С. 388, 389.

[5] *Садовской Б.* Русская Камена. Статьи. М., 1910. С. 141.

[6] *Ходасевич В. Ф.* Русская поэзия. Обзор (1914) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2: Критика и публицистика 1905—1927. С. 138. На основании ложного известия о смерти друга Ходасевич писал в некрологе, опубликованном в парижских «Последних новостях» 3 мая 1925 г. (№ 1541): «Наиболее ценными мне представляются его работы над неизученными черновиками Фета»; важной «причиной его неладов с литераторами были политические тяготения Садовского. <...> любил он подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность», вероятно, тут «им руководило скорее эстетическое любование старой, великодержавной Россией, даже влюбленность в нее», нежели «серьезно обдуманное политическое мировоззрение» (*Ходасевич В.* Памяти Б. А. Садовского // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1981. Vol. 5—6. С. 491—493).

[7] *Чуковский К. И.* Современники: Портреты и этюды. М., 1962. С. 668.

Литератор К. Г. Локс вспоминал: «В „Весах“ он печатал бойко написанные, главным образом ругательные, рецензии и собирал материалы к биографии Фета. Под биографией он понимал собрание интимных мелочей из жизни поэта и, наткнувшись на какой-нибудь, по его мнению, загадочный факт, не мог успокоиться, пока не добирался до какой-нибудь легенды». По словам Локса, «не будучи символистом и в глубине души считая Белого сумасшедшим», Садовской между тем «все-таки состоял при символистах. Этому помог все тот же Фет. „Вечерние огни“, по мнению Садовского, были подлинно символическими стихами. Но все это были пустяки по сравнению с его концепцией современной России. Все шло к гибели <...> после освобождения крестьян». Вспоминал мемуарист и о том, что «одновременно с материалами к биографии (Фета. — *С. И.*) собирал анекдоты о Николае Павловиче. Это был его кумир». Собственные стихи Садовского, по его мнению, «были сделаны довольно искусно, но слишком выдавали свое происхождение, от того же Фета».[8]

В 1910 году Садовской, «вечный» студент Московского университета,[9] но уже известный в литературных кругах поэт и критик «Весов», становится сотрудником московского символистского издательства «Мусагет». «...Туда пригласил меня Андрей Белый, — вспоминал он свое первое посещение. — Редакционный кружок состоял главным образом из теософов, поклонников Штейнера. <...> На стенах портреты Гёте, Шиллера, Канта, Толстого, Соловьева и прочих русских и немецких писателей».[10] Вероятно, планомерное и основательное изуче-

[8] *Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. 1994. № 15. С. 57—58.

[9] В Московском университете на отделении словесности Садовской учился с 1902 по 1911 гг., но курс так и не окончил. «Я по природе романтик. В университетские стены, — вспоминал он, — влекло меня не настоящее, а прошлое. Я чувствовал себя современником Фета и Аполлона Григорьева» (*Садовской Б.* Записки (1881—1816) / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 147. Далее сокращенно: *Записки*, с указанием страницы). Публикатор отметил в предисловии, что «Записки» Садовского — «в значительной степени литературное произведение, ориентированное на особый „мемуарный“ жанр»; по своему характеру они «более всего напоминают воспоминания боготворимого автором А. А. Фета» (С. 106). См. также: Ровесник «Серебряного века» («Записки» Б. А. Садовского) / Публ. С. В. Шумихина // Встречи с прошлым: Сб. материалов ЦГАЛИ. М., 1988. Вып. 6. С. 116—131.

[10] *Записки*. С. 164. «Я по совести, — признавался поэт, — никак не могу считать себя символистом: я — классик пушкинской школы, затесавшийся случайно в декадентскую компанию...» (цит. по: *Садовской Б. А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. № 13. С. 8). Дружеская атмосфера «Мусагета» показана Садовским в стихотворении <«Гнездо „Мусагета“»>, написанном размером элегического дистиха:

ние Фета началось в 1905—1906 годах,[11] а уже в 1910 году Садовской читает курс по поэзии Фета на семинарах в издательстве «Мусагет», основанном годом ранее Эмилием Метнером.

Вскоре в издательстве вышел первый сборник историко-литературных статей Садовского «Русская Камена» (М., 1910), составленный из восьми очерков о поэтах XVIII—XIX веков. Один из лучших очерков, завершающих книгу, был посвящен Фету и начинался с громкого обвинения, брошенного автором критике и обществу: «Вот поэт, о котором русская художественная критика и не умела, и не хотела ничего сказать. Сам по себе тот факт, что Россия целиком прозевала Фета, — страшен: он заставляет усумниться в праве нашем на национальное бытие. Не говорим уже о вопиющей черной неблагодарности общества к великому поэту: творения его не только не были приняты с должным благоговением, — они оплевывались гражданствующими журналистами до самых последних дней».[12] В этом очерке, заложившем начало научного осмысления творческого наследия поэта, Садовской сформулирует важнейшие свойства фетовской поэзии, их органическое родство с пушкинской. Сополагая два равновеликих для себя имени, он открыто декларирует: Фет силой духа «преодолевает и смерть, и время, и самую вечность; он никогда не жалуется и не боится. До него такой ясной примиренностью с жизнью, такого умения владеть ею достигал в русской поэзии только Пушкин».[13]

Эстетическая составляющая личности Фета, его творчества и мироощущения, имевших исключительное значение в становлении Садовского как литератора, в его литературной и публицистической презентации носила разносторонний и устойчивый характер: осмысление многочисленных явных и неявных рецепций и перепевов в стихах,

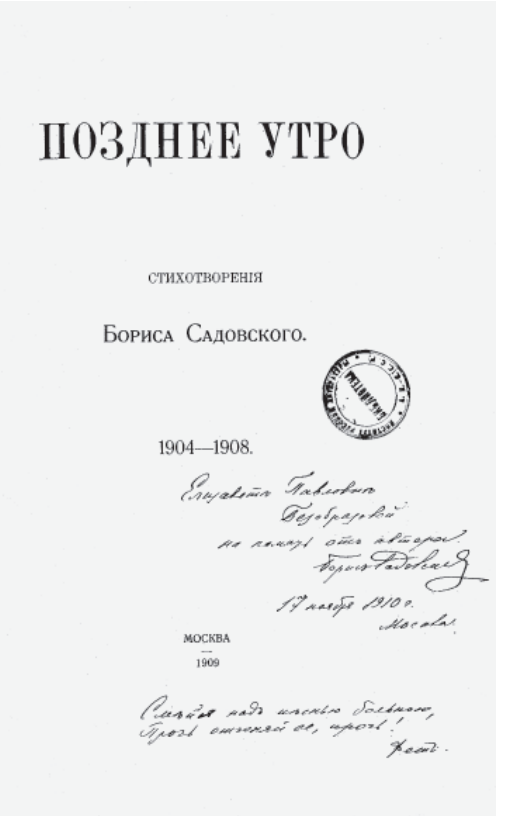
---

«В корчах скончались „Весы“, истомленные злою чахоткой <...> / Новою жизнью кипит им на смену гнездо „Мусагета“ <...> / С Метнером Белый грядет: други, за дело пора» (*Записки*. С. 181—182).

[11] Весной 1921 г. Садовской в письме к начинающему фетоведу Г. П. Блоку (неизв.) признавался, что «влюблен» в Фета «уже 15 лет» (см.: Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921—1922) / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие. М., 2007. № 83/84. С. 92; продолжение см.: Там же. 2008. № 85. Далее сокращенно: *Письма Блока к Садовскому*, с указанием номера выпуска и страницы).

[12] *Садовской Б.* Русская Камена. С. 141. Хлесткая фраза вошла в литературный обиход русской эмиграции и вызвала полемический ответ П. Б. Струве, приуроченный к сорокалетию со дня смерти поэта: «О Фете — прозевала ли Россия Фета?» (*Струве П. Б.* Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе. Paris, 1981. С. 224—231). Некоторым эта оценка Садовского показалась экстатической.

[13] *Садовской Б.* Русская Камена. С. 150.



ПОЗДНЕЕ УТРО

СТИХОТВОРЕНІЯ

БОРИСА САДОВСКОГО.

1904—1908.

МОСКВА
1909

Сборник Б. Садовского «Позднее утро» (М., 1909).
Титульный лист с дарственной надписью Е. П. Безобразовой

стилизованных под любимого поэта, могло бы стать предметом отдельного исследования. В предисловии к первому сборнику стихов «Позднее утро» (М., 1909) Садовской, причисляя себя к поэтам пушкинской школы, признавался: «Основные черты моего творчества были бы намечены не с должной ясностью, если бы я забыл упомянуть имя Фета» (С. 3). Не случайно к одному из разделов этого сборника («1906»), полностью построенного на эпиграфах из Пушкина, предпослан эпиграф из Фета: «Как мошки зарею...»: «С любимой мечтою / Не хочется сердцу расстаться».[14] Посредством эпиграфов Садовской выстраивает, как обоснованно считает исследователь, «нео-пушкинское направление поэзии — от Пушкина через Фета к Брюсову», кото-

[14] См.: *Садовской Б.* Позднее утро. Стихотворения 1904—1908. М., 1909. С. 31.

рое оказалось вписано и «растворено в художественной ткани» его собственных стихов.[15]

Сборник стихотворений «Пятьдесят лебедей. Стихотворения. 1909—1911» оказался целиком навеян Фетом. В самом названии использовано стихотворение поэта, посвященное юбилею А. Н. Майкова («Пятьдесят лебедей пронесли / С юга вешние крики в полесье...», 1888). Даже структурно каждое стихотворение сборника корреспондирует с одним из стихотворений Фета, а именно — в книге 50 стихотворений, расположенных в оглавлении по алфавиту, а в тексте по хронологии; эпиграфы к разделам (по годам), вкупе с эпиграфом ко всей книге, образуют целиком фетовское стихотворение «Если захочешь ты душу мою разгадать...» («Е. Д. Д<ункер>ъ», 1888): «1909: Можно ли трезвой то высказать силой ума...» (С. 5); «1910: Я назову лишь цветок, что срывает рука...» (С. 35); «1911: Я расскажу, что тебя беспредельно люблю...» (С. 69). Эта смысловая игра эпиграфами нуждается в исследовании и разгадке.[16] У Садовского было особое отношение к эпиграфам, частое использование им фетовских эпиграфов и их неоднозначная функция отмечались и ранее.[17]

Много рецензируя в изданиях «Весы», «Труды и Дни», «Золотое Руно», Садовской не упускал возможности с восторгом поговорить о Фете и его поэзии или защитить его от прошлых и настоящих нападок критики. Так, в рецензии на «Отклики» Н. К. Михайловского (СПб., 1904. Т. 1—2) Садовской писал: «Полемические приемы Михайловского несложны. Кроме дешевого и грубоватого зубоскальства — прямого наследия журналистики шестидесятых годов <...> — у него заметна склонность к ядовитым и не совсем скромным намекам <...>». Так, он «с нескрываемым презрением и ненавистью писал

---

[15] См.: *Гуменная Г. Л.* Пушкинские эпиграфы в сборнике Б. А. Садовского «Позднее утро» // Болдинские чтения 2016. Нижний Новгород, 2016. С. 228—229.

[16] См.: *Садовской Б.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. М., 2010. С. 91 (сер.: Серебряный век. Паралипоменон). См. также: Маргиналии собирателя: Борис Садовской. № 1—8 — https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241395.html; № 9—15: https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241536.html; дата обращения: 24.03.2021. *Боткина* Елизавета Дмитриевна (в перв. браке Дункер, во втор. Щукина; 1859—1938), племянница жены Фета Марии Петровны, дочь ее брата Дмитрия Петровича Боткина. В январе 1888 г. Фет подарил ей третий выпуск «Вечерних огней» с надписью в виде стихотворения «Если захочешь ты душу мою разгадать...» (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Асланової // *ФетСб(1)*. С. 291—330).

[17] Об эпиграфе к сборнику «Русская Камена» см.: *Сорочан А. Ю.* Фет и Садовской: *Загадка одного эпиграфа* // Афанасий Фет и русская литература: XX Фетовские чтения / Под ред. Н. З. Коковиной, М. В. Строганова. Курск, 2006. С. 127—132.

о *стихах помещика* Фета», «брался судить таких гениальных поэтов, как Фет, с точки зрения „общественной пользы“», в результате «великий поэт был „разделан“ с беспощадною <...> свирепостью, и не столько за стихи, сколько за „отсталость“ своих политических и литературных взглядов». Фет — «o sancta simplicitas (о святая простота — *лат. С. И.*), — оказывается, потому только писал об „исцелении от муки“, что у него не было другой более подходящей рифмы к слову „звуки“».[18]

В другой статье, приводя «неисчислимые» грехи старой публицистической критики, Садовской отмечал, что она «в личности Фета учила видеть чуть ли не Собакевича».[19] Значительная часть рецензии на книгу А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасов» (СПб., 1905) оказалась посвящена Фету и его воспоминаниям: «О Фете у нас укоренилось мнение, как о диком крепостнике-помещике старого закала, кулаке-хозяине, который преследовал мужиков, а сам копил между тем втихомолку деньги, сочиняя звучные, но бессодержательные стихи. Очень немногим из нашей публики известно даже то, что Фету принадлежит замечательная книга, подобной которой кроме „Писем Пушкина“ нет в русской литературе, — это его „Воспоминания“. Здесь целиком является сам Фет на фоне своей эпохи: во весь рост вырисовывается этот исключительный характер, сильный, благородный, в высшей степени оригинальный, никогда не боявшийся ничьих суждений и подчинявшийся во всем лишь собственной воле. „Воспоминания“ написаны удивительно: одним и тем же языком, эпически-спокойно <...>. Ничего литераторского, сочиненного; как будто перед нами рассказывает свою жизнь человек, отроду не бравший пера в руки».[20]

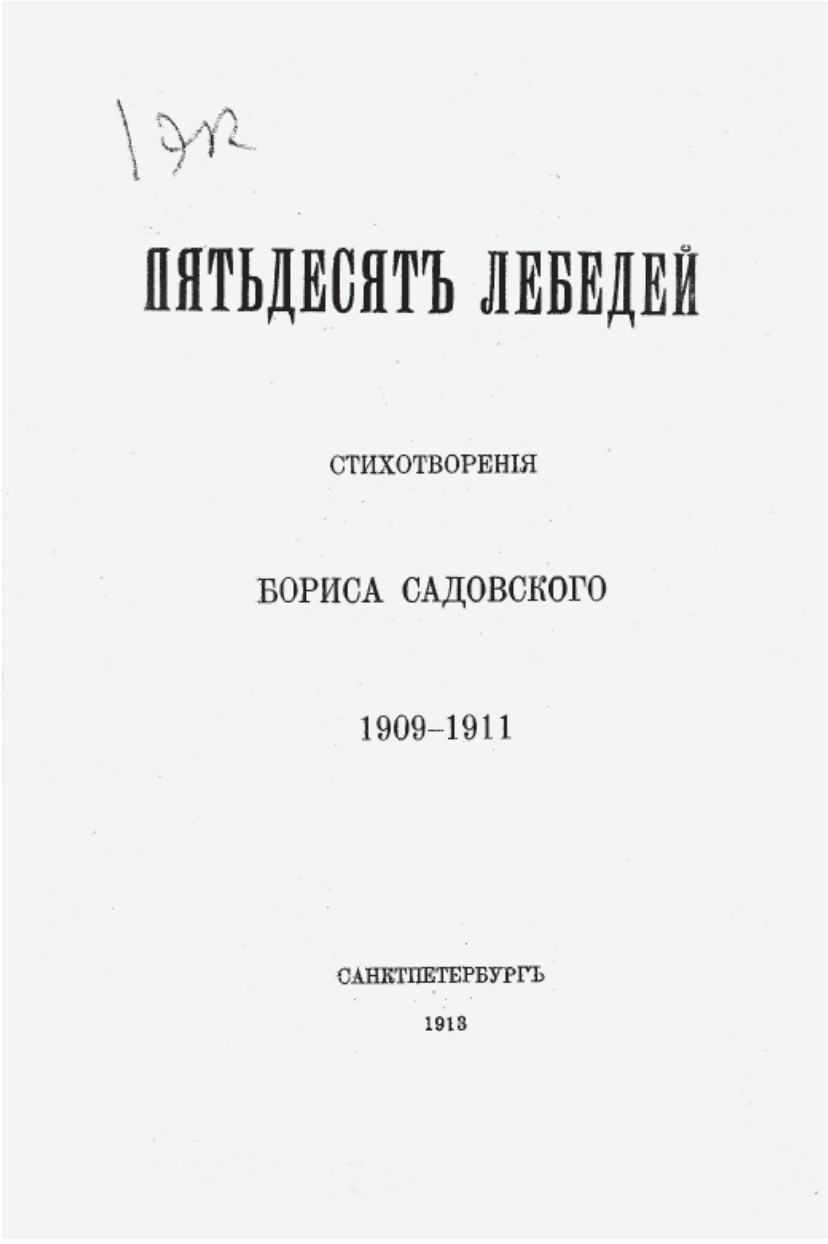
Даже в оценках современной поэзии Садовской-критик не упускал случая поговорить о Фете и вписать ее в фетовскую шкалу ценностей. Так, в рецензии на сборник Сергея Городецкого «Цветущий посох» он отметил, что замысел автора дать «вереницу восьмистиший» отзывается «надуманностью»: «Восьмистишие вообще — труднейшая форма: это миниатюра, в которую приходится уписать целую картину на клочке. Такой мастер слова, как Фет, лишь в самые последние годы жизни прибегал к восьмистишию <...> Но у Фета эти восьмистишия вырывались неожиданно, по вдохновению, и оттого они так прекрасны».[21] Анализируя в 1915 году современных «народных поэтов», Садовской утверждал, что «будущее поэзии русской», действительный

[18] См.: Критика русского символизма: В 2 т. / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Н. А. Богомолова. М., 2002. Т. 1 . С. 370—371.

[19] *Садовской Б.* О старой и новой критике // Там же. С. 374.

[20] Весы. 1905. № 4. С. 56.

[21] Северные записки. 1914. Май. С. 175. Цит. по: *Андреева И. П.* «Чукоккала» и около // De Visu. 1994. № 1—2 (14). С. 61.



ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛЕБЕДЕЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

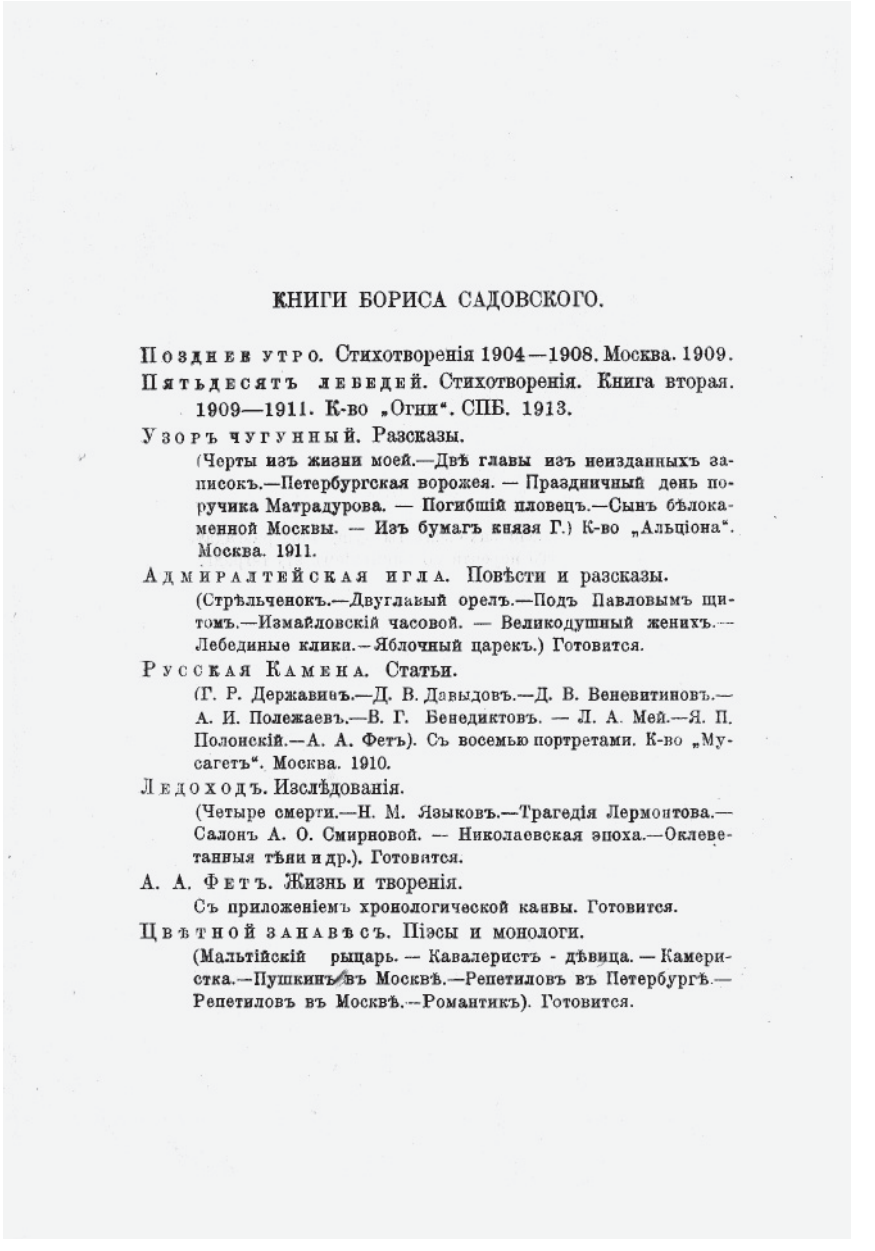
БОРИСА САДОВСКОГО

1909–1911

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1913

Сборник Б. Садовского «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913). Обложка



КНИГИ БОРИСА САДОВСКОГО.

Поздневутро. Стихотворенія 1904—1908. Москва. 1909.

Пятьдесятъ лебедей. Стихотворенія. Книга вторая. 1909—1911. К-во „Огни". СПБ. 1913.

Узоръ чугунный. Разсказы.
(Черты изъ жизни моей.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея. — Праздничный день поручика Матрадурова. — Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокаменной Москвы. — Изъ бумагъ князя Г.) К-во „Альціона". Москва. 1911.

Адмиралтейская игла. Повѣсти и разсказы.
(Стрѣльченокъ.—Двуглавый орелъ.—Подъ Павловымъ щитомъ.—Измайловскій часовой. — Великодушный женихъ.—Лебединые клики.—Яблочный царекъ.) Готовится.

Русская Камена. Статьи.
(Г. Р. Державинъ.—Д. В. Давыдовъ.—Д. В. Веневитиновъ.—А. И. Полежаевъ.—В. Г. Бенедиктовъ. — Л. А. Мей.—Я. П. Полонскій.—А. А. Фетъ). Съ восемью портретами. К-во „Мусагетъ". Москва. 1910.

Ледоходъ. Изслѣдованія.
(Четыре смерти.—Н. М. Языковъ.—Трагедія Лермонтова.—Салонъ А. О. Смирновой. — Николаевская эпоха.—Оклеветанныя тѣни и др.). Готовится.

А. А. Фетъ. Жизнь и творенія.
Съ приложеніемъ хронологической канвы. Готовится.

Цвѣтной занавѣсъ. Піэсы и монологи.
(Мальтійскій рыцарь. — Кавалеристъ - дѣвица. — Камеристка.—Пушкинъ въ Москвѣ.—Репетиловъ въ Петербургѣ.—Репетиловъ въ Москвѣ.—Романтикъ). Готовится.

Анонс книг Б. Садовского, помещенный на обороте титульного листа сборника «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913)

«шаг вперед» возможны только «в союзе с наследниками Пушкина и Фета».[22] Настойчиво защищал Садовской Фета и от возможных обвинений в самоубийстве: «Наш поэт не был самоубийцей, хотя, как видно из предсмертной записки, имел твердое намерение покончить с собой из-за невыносимых страданий. В этом намерении ему помешала сама смерть».[23]

Вероятно, первая научная публикация по Фету — «„Легенда“ и „Ива“ (История двух стихотворений Фета. Из материалов к его биографии)» — вышла в 1910 году и позже была включена автором в сборник «Ледоход».[24] Творчеству и биографии поэта посвящено несколько собранных в этой книге статей (бóльшая часть сборника), изданной иждивением автора. Однако малоизвестен и малоизучен тот факт, что к концу 1913 года исследователь в полном объеме подготовил рукопись еще одной книги — фактически Летописи жизни и творчества поэта, предназначенной для издательства «Мусагет».[25] Сведения о ней мы находим в анонсе на обороте титула сборника «Русская Камена» (1910): «Книги Бориса Садовского: <...> А. А. Фет. Жизнь и творения. С приложением хронологической канвы (Готовится)», в начале сборника рассказов «Узор чугунный» (М., 1911. С. <IV>), сборников «Пятьдесят лебедей» (1913), «Полдень. Собрание стихов. 1905—1914» (Пг., 1915) и «Озимь: Статьи о русской поэзии...» (Пг., 1915), а также на задней обложке «Ледохода» (Пг., 1916), где указано, что книга «печатается». Однако проект по ее изданию так и не был реализован, между тем устойчивые упоминания и слухи о якобы вышедшей в свет книге привели к курьезу: в известном словаре Е. Ф. Никитиной эта составленная Садовским фактически первая Летопись жизни и творчества поэта указана как вышедшая в 1917 году под названием «Русская Камена. Фет. Жизнь и творения. Хронологическая канва».[26]

История несостоявшегося в «Мусагете» издания реконструируется по письмам Садовского. 2 июля 1912 года, сообщая Е. А. Ляцкому,

---

[22] См.: *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 144. Далее сокращенно: *Ледоход*, с указанием страницы.

[23] *Садовской Б.* Кончина А. А. Фета (21 ноября 1892 г. По неизданным источникам) // *ИВ*. 1915. Т. 140. № 4. С. 153; см. также вариант этой статьи: *Ледоход*. С. 81.

[24] См.: *Ледоход*. С. 57—62 (впервые: Речь. 1910. 22 ноября).

[25] Воспоминания Садовского об издательстве «Мусагет» см.: *Записки*. С. 181—182.

[26] См.: *Никитина Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий / Предисл. Н. К. Пиксанова. М., 1926. С. 386. Как о вышедшей книге о ней сообщается: *Владиславлев И. В.* Русские писатели: Опыт библиографического пособия по новейшей русской литературе XIX—XX ст. 4-е, перераб. и знач. доп. изд. М.; Л., 1924. С. 99.

редактору петербургского журнала «Современник», о просмотренной корректуре статьи «Проза Фета», он просит поторопиться со сдачей в издательство «Огни» книги «Пятьдесят лебедей» и добавляет: «Осенью у меня, оказывается, будет столько работы (по изданию рассказов и подготовке монографии о Фете для из<дательст>ва „Мусагет“), что с книжкой стихов очень хотелось бы разделаться теперь же».[27] Не исключено, что «монография» о Фете (скорее всего, это была та самая книга «А. А. Фет. Жизнь и творения»), если и не была заказана, то, вероятно, обсуждалась в связи с планами издательства, в том числе финансовыми. Уже 1 октября 1912 года Садовской отчитывается перед главой издательского дома Э. К. Метнером: «Моя книга о Фете подвигается понемногу. Весной думаю представить рукопись ее на Ваше усмотрение, — быть может, „Мусагет“ найдет возможным издать ее».[28]

Известно, что к концу 1913 года книга была окончательно составлена. 16 сентября того же года Садовской писал секретарю издательства, библиофилу Н. П. Киселеву: «Книга о Фете почти готова. Могу представить ее „Мусагету“ в декабре, с тем чтобы немедленно начать печатать. Надеюсь, вы не забыли представительствовать за нее перед Эмилием Карловичем (Метнером. — *С. И.*). Жду от Вас подробного сообщения о судьбе книги. Я приготовить могу ее и раньше, если понадобится. Выйдет, похоже, неплохо».[29] На следующий день Киселев сообщил Метнеру содержание этого письма.[30] 7 октября Метнер ответил Садовскому: «Дорогой Борис Александрович! Вы знаете, как мне хочется видеть Вашу работу о Фете напечатанной у нас. Но „Мусагет“ как раз теперь обременен — не по средствам <...> предстоят близкие платежи за уже напечатанное. Конечно, Ваша книга *должна* быть напечатана. Если Вы никого не имеете в виду, кто мог бы это сделать, то в конце концов это сделает „Мусагет“. Но спешить с этой книгой мы пока не можем. Выпустить ее (в случае благоприятных денежных обстоятельств) мы могли бы только 1914 осенью. Вопрос о гонораре нас в данный момент очень смущает. Сообщите свои минимальные ожидания. Сделаю все, что смогу. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь в ис-

[27] См.: *ИРЛИ*. Ф. 163. Оп. 2. № 445. Л. 3 об.

[28] Цит. по: *Кондратьев А. А.* Письма к Б. А. Садовскому / Публ. и примеч. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // De Visu. 1994. № 1—2 (14). С. 37. Далее сокращенно: *Кондратьев*, с указанием страницы. Историю деятельности издательства, его программу и полный список изданий см.: *Толстых Г. А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 112—133.

[29] Цит. по: Книгоиздательство «Мусагет». С. 391 (*РГБ*. Ф. 167. К. 14. № 18. Л. 43).

[30] См.: https://lucas-v-leyden.livejournal.com/241395.html; дата обращения: 24.03.2021.

кренности моего желания издать Вашу книгу в „Мусагете“».[31] Получив ответ Метнера, 11 октября Садовской обратился к нему напрямую: «Я и не предполагал особенно спешить с книгой и согласен отложить ее печатанье до осени. Мне важно, чтобы издал ее именно „Мусагет“, и, чтобы Вы не сомневались, как мало значит для меня материальная сторона дела в данном случае, я готов удовольствоваться каким угодно гонораром. В крайнем случае, откажусь совершенно от денег, только бы книга была издана прилично, изящно и хорошо. Я достал много новых материалов, много неизвестных стихов Фета и смею надеяться на получение за нее академической премии».[32] Ответ Метнера неизвестен.

Безусловно, события Первой мировой войны повлияли на издательские приоритеты, в которых не нашлось места Летописи Фета. Возможно, издание не состоялось по нескольким причинам: этому препятствовали и финансовые трудности Метнера, и издательский кризис «Мусагета», и само направление издательства, специализировавшегося преимущественно на поэзии символистов и мистической литературе, наконец, прекращение руководством и окончательный отъезд Метнера в Германию (1914). «Мусагет» просуществовал до 1917 года, и в дальнейших планах издательства книга Садовского уже не числилась. Несомненно одно: готовая книга существовала, продолжала пополняться и, возможно, была известна друзьям и знакомым. Так, 24 марта 1915 года поэт А. А. Кондратьев, на правах друга, посвященного в работу Садовского, интересовался: «Как подвигается Ваша книга о Фете? Она должна будет произвести впечатление. Можно поручиться, что <А. А.> Измайлов напишет о ней доброжелательный отзыв».[33] А еще через полтора года, 13 октября 1916 года, уверенный в существовании изданной летописи, просит Садовского подарить ему «экземпляр книги о Фете».[34]

Имеются свидетельства, что поэт «не прекращал работать» над книгой «по крайней мере до конца 1920-х гг.».[35] Между тем в сохранившихся документах из его личного архива (*РГАЛИ*. Ф. 464; *РГБ*. Ф. 669)

---

[31] См.: *РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. № 92. Л. 3.

[32] *Кондратьев*. С. 37. См. также: *Садовской Б. А.* «Весы» (Воспоминания сотрудника). С. 10. Поддавшись устойчивому анонсированию книги, о несуществующем фактически издании как необходимом ему руководстве в работе над биографией поэта писал Садовскому 20 января 1921 г. молодой исследователь Г. П. Блок (*Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 89; см. об этом далее).

[33] *Кондратьев*. С. 23.

[34] Там же. С. 24. По мнению публикатора, речь идет «все о той же неизданной» книге «А. А. Фет. Жизнь и творения» (С. 38).

[35] См. коммент. к статье: *Дурылин С.* Борис Садовской. С. 391.

рукопись книги отсутствует, местонахождение ее остается неизвестным. Вероятно, потеряв надежду издать ее целиком, Садовской начал публиковать из нее отдельные сюжеты, при этом настаивая на документальном, а стало быть, научном характере своих разысканий. В статье «Кончина А. А. Фета (По неизданным источникам)», пристроенной в «Исторический вестник», он отмечал: «...мы даем более обширные сведения, впервые собранные нами устно от современников и осведомленных лиц».[36] Понятно, что только незначительная часть материала из подготовленной книги — ряд биографических заметок, документов и писем, а главное, ценнейшее описание рукописей Фета по рабочим тетрадям поэта — вошла в сборник «Ледоход», не утративший (как и сборник «Русская Камена») своей источниковедческой и научной ценности по сей день.[37]

Одной из причин невыхода в свет объявленной книги могла стать болезнь — паралич и потеря подвижности в 35 лет: с 1916 года и до конца жизни Садовской был прикован к инвалидному креслу. Вплоть до 1929 года, лишенный возможности передвигаться, он был вынужден жить в доме родителей в Нижнем Новгороде, вдали от общения, поездок, столичных библиотек и архивов, что, конечно, не способствовало дальнейшей работе над пополнением Летописи. Вероятно, были и другие причины, связанные с активной вовлеченностью в фетовскую биографику и его творчество новых, молодых исследователей.

---

[36] См.: *ИВ*. 1915. Т. 140. № 4. С. 148. См. также: Неизвестная статья Бориса Садовского «Четыре смерти» / Вступит. ст. и публ. текста И. П. Андреевой // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета / Под ред. Г. А. Космолинской. М., 1997. С. 191—193. 21 марта 1914 г. на заседании московского Общества поэтов Садовской выступил с чтением доклада «Кончина А. А. Фета (по неизданным источникам)» (см.: *Пяст Вл.* Встречи / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 346 (сер.: Россия в мемуарах)).

[37] Основные статьи раздела «Foethiana» в этой книге: «А. А. Фет в Верро», «Тургенев о Фете», «Пасквильные акростихи», «Эпиграммы на А. А. Фета», «Описание рукописей А. А. Фета» (в примечании к этой статье Садовской поблагодарил Б. В. Никольского, в чьем распоряжении находились черновые рукописи Фета, «за дозволение воспользоваться ими» (*Ледоход*. С. 187)), «Юбилей А. А. Фета» и др. В разделе «Статьи»: «Любовь в жизни и поэзии Фета», «Фет — прозаик» (впервые под названием «Проза Фета. Очерк»: Современник. 1912. Кн. 7. С. 351—358), «Кончина А. А. Фета» и др. Частью Летописи была, вероятно, и статья Садовского «Фет в портретах» (1915—1921), посланная Г. П. Блоку и увидевшая свет лишь в 2008 г. в журнале «Наше наследие» (№ 85). См. также: Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859). Научное описание. Ч. 1 / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(3)*. С. 625—627; *Вайдман П. Е., Генералова Н. П.* Неожиданная находка (Тетрадь стихотворений Фета в Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину) // *ФетСб(2)*. С. 710—711.

В литературных кругах многие знали Садовского не только как специалиста по Фету, но и как собирателя рукописей поэта[38] и архивных документов о нем.[39] Серьезный интерес к изучению Фета высказал молодой критик и историк литературы Юрий Александрович Никольский (1893—1922),[40] через М. О. Гершензона обратившийся к Садовскому за помощью «в работе над Фетом». «Я специалист-тургеневист, — писал он в апреле 1918 года, — <...> но сейчас многое меня толкает к Фету, которым предполагаю заняться». Узнав о подготовке Садовским книги о Фете «с хронологической канвой», он просит разрешения «воспользоваться» ею, поскольку хотел бы написать «книжку о Фете, небольшую, но содержательную»: «...если мы по пяти раз будем открывать открытое (из-за того, что нет библиографии, не опубликованы архивы), если не будем помогать друг другу, то, право, история литературы не сдвинется с места».[41] В том же письме Ю. А. Никольский сообщал Садовскому свои планы в отношении Фета, а также о том, чем «обладает», в «смысле матерьялов, а Вы рассудите — чем я должен обладать.

---

[38] Например, один из фетовских автографов — лист, содержащий тексты стихотворений «Ивы и березы» и «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну...»), подаренный Садовским Г. П. Блоку, находится в архиве последнего, хранящемся в Пушкинском Доме (Ф. 645).

[39] Едва ли возможна полная реконструкция источников, которыми пользовался Садовской для сбора биографической информации о поэте и пополнения своего фетовского рукописного собрания, но пути поиска прослеживаются по письмам друзей. Так, Кондратьев писал поэту 19 апреля 1912 г., приглашая его на литературный вечер: «...в числе гостей будет некий <В. Б.> Бертенсон, у которого большая коллекция автографов. По всей вероятности, у него есть и Фет. Примите это к сведению» (*Кондратьев*. С. 6. В материалах Бертенсона в РНБ автографы Фета не числятся; см.: Там же. С. 29). Он же в письме от 28 декабря 1913 г. сообщал поэту, что в Отделе рукописей Публичной библиотеки «имеются письма Фета, отчасти уже использованные в „Дне“» Т. М. Глаголевой (Там же. С. 12). Речь идет о публикации пяти писем Фета к Д. И. Нагуевскому в приложении к газете «День», в составе статьи Глаголевой «Из неизданных писем А. А. Фета»: Литература, искусство и наука. 1913. 14 октября, приложение № 2. С. 1; 28 октября, приложение № 4. *Глаголева* Татьяна Матвеевна (в замуж. Берхен; 1885—1962), литератор, преподаватель Высших женских курсов (Бестужевских), автор статьи «Раб, эллин и жрец. Бенедиктов, Щербина, Фет» (Русская мысль. 1917. № 2).

[40] См.: *Шумихин С. В., Тименчик Р. Д.* Никольский Юрий Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 324—327. Далее сокращенно: *Шумихин, Тименчик*, с указанием страницы.

[41] Цит. по: Судьба Юрия Никольского: Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917—1921 / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. № 19. С. 160—161. Далее сокращенно: *Ю. Никольский/Садовской*, с указанием страницы.

I. Библиография Федины.

II. Источники моей статьи *Фет и Полонский*. NB. Архивы Полонской.

III. Остроухов.

IV. Остроухов обещает устроить с фетовским архивом (у Боткиных), которым занимался Черногубов.

V. Историч<еский> Музей (неважная переписка с гр. Ал. Толстым и мелочи).

VI. Собираюсь в Румянц<евский> Музей и Университет».[42]

И тут же интересуется, где находится архив Майкова, есть ли что-нибудь в архиве В. П. Боткина и где он, какие еще архивы необходимы для его монографии; просит перечислить лиц, «около которых может быть что-либо (хотя бы уже напечатанное, напр. Вл. Соловьев) о Фете», и добавляет: «...если бы Вы знали, как *объективно* мне хочется написать работу о Фете».[43]

---

[42] Там же. С. 160. См. также: *Никольский Ю. А.* История одной дружбы: Фет и Полонский // Русская мысль. 1917. Кн. 5–6. *Остроухов* Илья Семенович (1858–1929), коллекционер, хранитель Третьяковской галереи, родственник Фета (муж племянницы Марии Петровны Надежды Петровны Боткиной). Владел экземпляром издания «Стихотворения» Фета (М., 1850) с правкой Тургенева (хранится в ГТГ), на основании которого в конце 1918 г. Ю. А. Никольский написал работу, опубликованную лишь в эмиграции: Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. (Русская мысль. София, 1921. № 8–9, 10–12). *Черногубов* Николай Николаевич (1874–1941), коллекционер, искусствовед, с 1902 г. помощник главного хранителя Третьяковской галереи, с 1913 главный хранитель; многие годы собирал фетовские материалы. В 1894–1895 гг. вывез архив Фета из его имения Воробьевка, рукописи и бумаги которого составили основу его собственной коллекции; после революции, бросив фетовский архив в своем доме на Девичьем поле (остатки коллекции позже были переданы в Румянцевский музей, ныне НИОР РГБ), уехал в Киев, где в 1941 г. в оккупированном фашистами городе был назначен смотрителем Киево-Печерской лавры; расстрелян при невыясненных обстоятельствах (см.: *Асланова Г. Д.* Роковое «фетианство» // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59). См. также: *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 94; *Григорьев О.* Тайна Киево-Печерской Лавры. Гибель Успенского собора // Русская мысль. Париж, 1948. 28 октября. № 184 (см.: https://zalizyaka.livejournal.com/288861.html; дата обращения: 24.03.2021). Согласно новейшему исследованию, Черногубов был расстрелян 21 октября 1941 г. «неизвестными лицами в немецких мундирах». Версия, что это сделали «переодетые подпольщики за то, что он передал немцам сведения о минировании Успенского собора и подготовке теракта против нацистского руководства», не выдерживает критики: «Недавно обнаруженные документы позволяют сказать, что Черногубова убили нацисты за противодействие изъятию ценностей из лавры» (см.: *Осокина Е.* Небесная голубизна ангельских одежд: Судьба произведений древнерусской живописи. 1920–1930-е годы. М., 2018. С. 1096–1097).

[43] *Ю. Никольский/Садовской*. С. 160–161.

Ответ Садовского неизвестен, но, учитывая завязавшуюся переписку, длившуюся более трех лет и переросшую в дружбу, он консультировал и помогал Ю. А. Никольскому. 22 мая 1919 года Никольский писал: «Фета издавать хочу. И забыл Вам про это! *Непременно*. Хоть в Комиссариате Нар<одного> Пр<освещения>. Ну их к лешему. Вообще Ф<ет> и Тургенев *страшно на очереди, и я рвусь к работе* <...>».[44] Между ними, вероятно, происходил интенсивный обмен фетовскими материалами. Не имея возможности передвигаться и работать в архивах, Садовской, похоже, возложил эти поиски на Никольского.[45]

Через Черногубова со схожей просьбой о помощи к Садовскому обратился другой увлеченный Фетом начинающий исследователь из Пушкинского Дома, двоюродный брат известного поэта Георгий Петрович Блок (1888—1962). Прикованный к постели и находившийся в это время в Нижнем Новгороде Садовской встретил его обращение с заинтересованностью и дружеским пониманием. Не будучи знаком с Садовским, Блок 20 января 1921 года просил прислать ему книгу

---

[44] *Ю. Никольский/Садовской*. С. 170.

[45] Летом 1919 г. Ю. А. Никольский читал лекции в Нижегородском университете, здесь он лично познакомился и подружился с Садовским. 22 (9) июля 1919 г. Никольский писал Садовскому: «Хорошо бы нам взять в обычай (точно, будто мы Ф<ет> и П<олонский>) поправлять за-слово — всякий наш труд» (Там же. С. 174). Позже, видимо выполняя просьбу Садовского, он напишет 2 сентября 1919 г.: «Передо мной переписанная статья Фета о Тютч<еве> <...>» (Там же. С. 177). В октябре 1919 г. он сообщает о найденных фетовских материалах: «В архиве М<осковского> У<ниверситета> с большим трудом найдены дела Фета и Тургенева (огромная выпись из геральдич<еской> книги о его роде; подписка, что он не будет принадлежать и не принадлежит к масонам). Сегодня сверю с черногуб<овской> статьей — всё ли выбрал» (Там же. С. 184). В 1919 г. Никольский вел переговоры с издательством «Огни» о подготовке к изданию переписки Фета с Полонским со своими комментариями; замысел не был осуществлен (см.: *Шумихин, Тименчик*. С. 326).

4 (17) февраля 1920 г., незадолго до эмиграции (из Крыма в Константинополь, затем через Болгарию в Белград), Никольский вновь пишет Садовскому: «Фет едет со мною. Письма Борисову, Энгельгардт. Мне списали „Вне моды“ — ты был дурачок, что не оценил! Там, что ни строка — важность огромная. Посылаю французский текст стихотворения Ольги N-Энгельгардт. Узнаешь? О какой статье про статую Ты еще говорил? Остались в Публичной не списанными письма к Нагуевскому об „Энеиде“ и 3—4 Шевыреву, которых Бычков не мог достать сразу, а после я уж не мог — при −4° — там. / Любовь к Фету не растопила мороза, и опухшие пальцы отказывались служить. Быть может, за гр<аницей>, если попаду туда, — издам кое-что по Фету» (*Ю. Никольский/Садовской*. С. 189). В эмиграции одними из последних работ Никольского о Фете стали: статья «Признания Фета» (Русская мысль. 1922. № 6—7) и обширный очерк «Фет», опубликованный в берлинской русскоязычной газете «Руль» (1921. 8 сентября (26 августа) № 246. С. 2—3; в конце проставлены дата и место: «Ноябрь, 1920, Константинополь»).

«А. А. Фет. Жизнь и творения», полагая, что та была издана: «Занимаясь в настоящее время Фетом, я постоянно прибегаю к Вашей книге о нем, как к ценнейшему и единственному руководству. К сожалению, своевременно я ее не купил, теперь купить негде, в библиотеках — в некоторых <...> ее нет, в других она нарасхват, и я бедствую. Я был бы бесконечно Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным прислать мне один экземпляр <...> Цель моих занятий — составление подробной биографии Фета <...> Вы понимаете, как важна Ваша книга».[46] Садовской выслал ему сборник «Ледоход», решив, что именно о нем идет речь.[47]

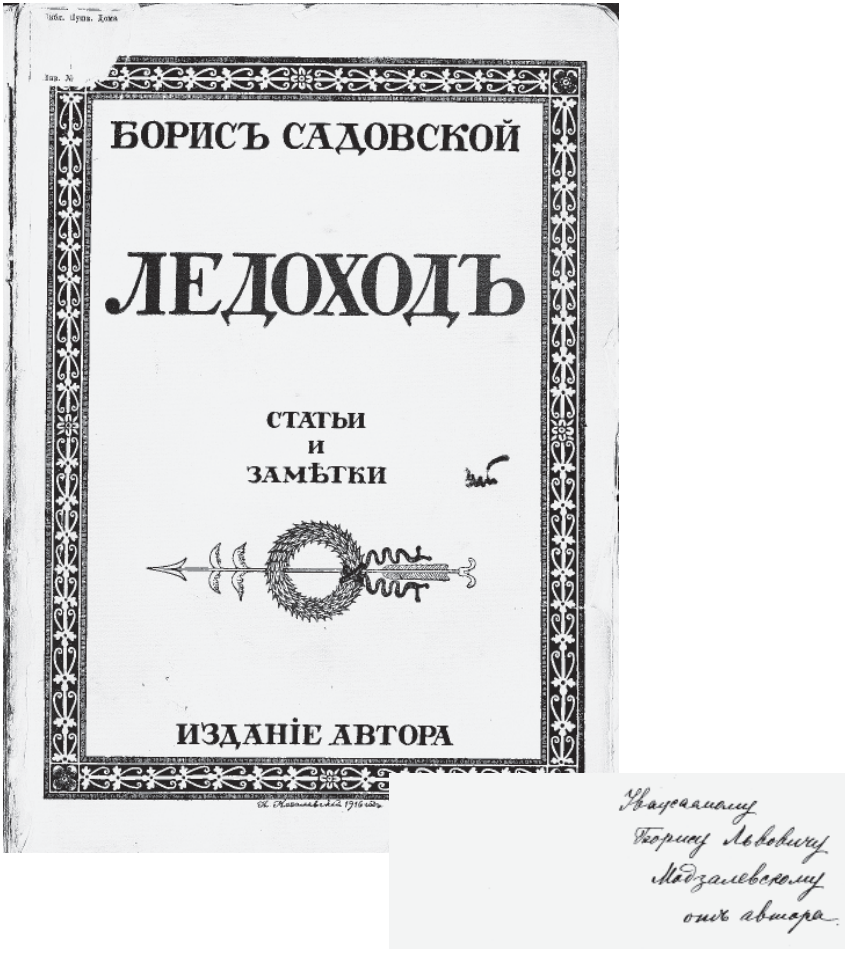
Впоследствии выяснилось, что многократно анонсировавшаяся книга Садовского о Фете не вышла. 6 августа 1921 года Блок писал: «Я давно хотел к Вам обратиться, п<отому> ч<то> мне в Петрограде говорили, что Ваша Фетовская хронологическая канва вышла уже и что ее даже видали. В первый раз я именно о ней Вам и писал, а не о „Ледоходе“, а потом, дурак, постеснялся в этом сознаться».[48] Завязалась активная переписка и доверительная дружба двух «фетианцев» (к сожалению, ответные письма Садовского неизвестны), в ходе которой Садовской сообщал Блоку всевозможные сведения и материалы, не вошедшие в «Ледоход».

Из обширных писем Блока, полных вопросов, просьб, гипотез, сомнений, полемических высказываний, становится очевидно, что в не менее обширных письмах Садовского содержались многочисленные сведения, справки, уточнения, советы, что, безусловно, направляло и корректировало работу Блока, за что тот регулярно благодарил своего наставника. Так, 7 апреля 1921 года Блок отвечал на неизвестное письмо Садовского: «Спасибо Вам и за все сообщенное и за готовность делиться со мной и дальше Вашими Фетовскими богатствами. Вы говорите, что уже 15 лет „влюблены“ в него, и я понимаю <...>. Я тоже именно влюблен. Влюбленность (у каждого своя особенная)

[46] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 89. С этого письма началось заочное знакомство Г. П. Блока и Садовского. Личная встреча произошла осенью 1922 г., вероятно, в Петрограде (возможно, в Нижнем Новгороде).

[47] Посланный экземпляр «Ледохода» имел дарственную надпись Блоку (неизв.), о чем упоминается в его письме к Садовскому от 2 мая 1921 г.: «А тем временем пришел Ваш пасхальный подарок — „Ледоход“ с незаслуженно лестной, смутившей меня надписью. Спасибо Вам за память и внимание. Ваша книга мне крайне необходима, и необходимо иметь ее постоянно под руками. Получив ее от Вас, я очень повеселел» (*Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 98). В библиотеке ИРЛИ хранится экземпляр, подаренный Садовским Б. Л. Модзалевскому, вероятно, в это же время: «Уважаемому Борису Львовичу Модзалевскому от автора» (шифр 104 4/49).

[48] *Письма Блока к Садовскому*. № 85. С. 77.



Сборник Б. Садовского «Ледоход» (Пг., 1916). Обложка и фрагмент шмуцтитула с дарственной надписью Б. Л. Модзалевскому

и у Черногубова, и у обоих Никольских, и у Федины, и у нескольких других. <...> То, что Вы сообщаете о составе Черногубовской коллекции me fait venir l'eau à la bouche (от этого у меня слюнки текут — *франц.*)». Тут же сообщает, что «добыл» в подлинниках и «достал» все, что «осталось от Фетовского архива после „разборки" его Черногубовым», на которого «нацеливался уже давно, благо его „влюбленность" заведомо прошла».[49]

[49] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 92.

Содержание вопросов Блока о биографии Фета, адресованных Садовскому, на которые, судя по многочисленным благодарностям, он получал ответы, позволяет сделать вывод о совместном характере работы. 4 марта 1921 года Блок «горячо» благодарит адресата «за предложение поделиться <...> сведениями о Фете» и сообщает, что поставил перед собой две задачи: «биография и комментированное издание».[50] «Скажите, пожалуйста, — спрашивает Блок 6 августа 1921 года, — ведь Фета отвезли в Верро в январе 1835? И когда, как Вы думаете, было первое знакомство с Еленой Б. По словам Фета — на Рождество 1838. Мне кажется, не рано ли? Неужели „Лир<ический> Пантеон“ был задуман еще летом 39?».[51]

О ценности сообщенных Садовским сведений можно судить по письму Блока к Б. Л. Модзалевскому от 13 апреля 1921 года, из которого выясняется, что помощь от авторитетного фетоведа он получал и она была существенная: «...накопилось много вопросов <...>. Порождены они письмом Б. А. Садовского, наполненным самыми соблазнительными сведениями о разных фетовских сокровищах».[52] 9 апреля 1921 года Блок писал Садовскому: «...позвольте повторить мою благодарность за все Ваши драгоценные сообщения и за желание помогать мне и в будущем. Если бы Вы знали, как мне это дорого и как это подбодряет. <...> А Ваши Фетовские письма — это ключи лесные, к которым жадно припадаю и, отрываясь, чувствую себя свежее и крепче. Еще раз спасибо Вам и не оставляйте меня, пожалуйста, и вперед».[53] 14 апреля 1921 года Блок известил И. С. Остроухова о том, что «получил длинное и очень содержательное письмо от Садовского»: «...он просит считать его моей справочной книжкой по Фету. По всем заданным мною вопросам он дал пространные, интересные, но несколько догматические объяснения. Я написал ему вторично, прося более „гробокопательских“ сведений, и теперь с интересом жду ответа. Скверно только, что письмо идет до Нижнего месяц».[54]

В приписке к письму от 2 мая 1921 года, помеченной 4 мая, Блок благодарил Садовского за «длинное» письмо и добавлял, отвечая на замечание, не являются ли книги, присланные от Блока, платой за сведения: «Только зачем Вы пишете про взятку. <...> Неужели же Вы считаете меня способным так дешево расценивать Ваши сообщения. Неужели можно думать о купле таких сообщений. Хорош бы я был!

---

[50] Там же. С. 89.

[51] Там же. № 85. С. 78.

[52] Цит. по: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме // *ФетСб(1)*. С. 480.

[53] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 95.

[54] Цит. по: Там же. С. 92, примеч. 12 к письму 2.

Очевидно, нужно (не Вам и не мне), чтобы мы поделились тем, что имеем, чтобы сделали дело вместе», — и далее: «...о ссылках на Вас что же говорить. Конечно, они будут. Лишь бы дал Бог „вместе придти“». Блок подробно отчитывается о своих фетовских разысканиях, следуя, вероятно, заданиям Садовского: «Досекина в Москве нет», в «Дармштадт я уже протянул нити», о «Верро надо подумать»; благодарит «за указания» относительно разных лиц, которых надо «разыскать», обещает «проникнуть в дом на Плющихе». «Факел наш, который Вы называете трепетным, все ярче и ярче озаряет мне трудную и далекую еще дорогу, и в каждом Вашем письме бездна нового и важного. <...> а за намерение прислать мне кое-какие изображения не знаю, как и благодарить Вас».[55] В письме от 5 июня 1921 года Блок пишет: «Ваш совет относительно плана моих работ мне очень по душе. И сам я помаленьку к этому прихожу: материалы голые и к ним литературные комментарии. <...> Большую монолитную работу дать очень уж трудно — ведь на это надо много лет уложить и целиком». Здесь же выражал желание сделать «такую Фетовскую летопись», как изданные Н. П. Барсуковым 22 тома книги «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910).[56]

В результате такой работы «по переписке» выкристаллизовалась та самая фетовская летопись, опубликованная Б. Я. Бухштабом лишь в 1985 году, которой до сих пор пользуются все фетоведы.[57]

В дальнейшем Садовского как источник своих сведений Блок будет педантично оговаривать.[58] Вскоре начали печататься статьи самого Блока о Фете, и первая из двух, вышедших в 1922 году, имела посвящение Садовскому.[59] Следом увидела свет книга «Рождение поэта.

---

[55] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 98—99.

[56] Там же. С. 103.

[57] См.: *Летопись (1985)*. Повторно эта публикация напечатана: А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1992. С. 273—333; здесь же: *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком. С. 334—346.

[58] Приведем как пример таких отсылок примеч. к главе 3 в книге «Рождение поэта»: «Б. А. Садовской со слов современников Фета сообщил мне, что в 1856 г. в Москве Фет отправился делать визит барону Шеппингу. Тот его не принял. Фет послал вызов. Шеппинг отказался от дуэли, сказав, что дерется только с дворянами» (Л., 1924. С. 95).

[59] См.: *Блок Г. П.* 1) Фет и Бржеская (Посвящается Б. А. Садовскому) // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106—123; 2) Граф Лев Толстой. Письмо к Фету // Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 247—259. В первой статье имеются ссылки на две работы Садовского из сборника «Ледоход», и нет никаких ссылок на многочисленные справки, полученные в письмах. Так, 8 мая 1921 г. Блок сообщил Садовскому о начале работы над этой темой: «Заранее, еще не приступив, посвящаю ее Вам. Примите этот дар

Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам» (Л., 1924), в которой были описаны детство и юность Фета, его раннее творчество до появления «Лирического Пантеона» (1840).[60]

Содружество двух фетоведов, по мнению исследователя, не было бесплодным: Садовской «щедро делился с Блоком своими сведениями по обоим сюжетам, сделал ему царский подарок — переслал с надежной оказией несколько подлинных писем Фета из своего собрания автографов. Блок, в ответ, присылал ему фотографии эпохи Александра III <...> выпустил в издательстве „Время“ книгу „рассказов в стихах и прозе“ Садовского „Морозные узоры“ и даже выступал в роли свата. Садовской прислал Блоку свою статью „Фет в портретах“, собирался посвятить ему роман „Шестой час“»[61] и новеллу «Амалия», которая не вышла в издательстве «Время», как планировалось.[62]

33-хлетнего младенца, трепетно вступающего на страшное, неизведанное поприще, примите и помогите этому младенцу, подбодрите его. Просьба о помощи вполне конкретная. Не можете ли снабдить меня кое-какими биографическими сведениями о супругах Бржесских». Далее следовал, по выражению Блока, «целый ворох вопросов», причем он уверял, что в случае если Садовской «пожелает» ответить на них, то «ответы эти будут использованы мной добросовестно, со ссылками на Вас» (*Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 101).

[60] Остальные материалы Блок собирался использовать в «Летописи жизни А. А. Фета», подготовленной в качестве приложения к изданию полного собрания стихотворений Фета, предпринятого Б. Я. Бухштабом в 1937 г. (сер.: Б-ка поэта), но публикация не состоялась. Лишь в 1985 г., уже после смерти составителя, «Летопись» Блока увидела свет, опубликованная Бухштабом «в том виде, в каком она вышла из-под пера Г. П. Блока», то есть без архивных и библиографических ссылок (см. выше примеч. 57). Как свидетельствуют архивные разыскания, «Летопись» Блока имела подготовительные материалы: многочисленные выписки из произведений, писем и воспоминаний Фета, а также из критической и мемуарной литературы о нем (см.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 492).

[61] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 86. Г. П. Блок был редактором и пайщиком частного издательства «Время». О романе «Шестой час» (1921), опубликованном (без посвящения) лишь в 1997 г. (Волшебная гора. 1997. № 6. С. 12—41), и его антибольшевистском пафосе см.: *Изумрудов Ю. А.* Большевизм и интеллигенция в интерпретации Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 335—340.

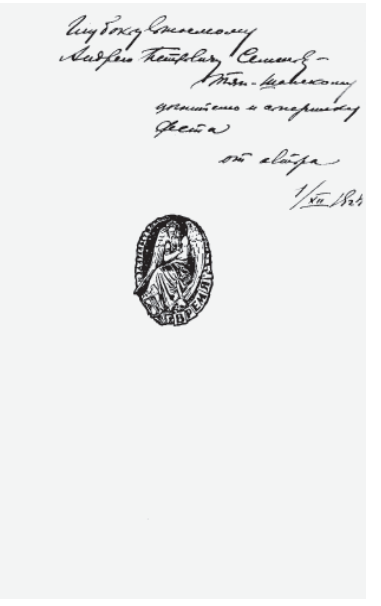
[62] См.: «От сердца я излил благое слово...». С. 11. Впервые «Амалия» была опубликована: *Садовской Б.* Лебединые клики. М., 1990. С. 75—105. В 1986 г. впервые был опубликован обнаруженный в архиве Садовского очерк Блока «Из петербургских воспоминаний» (1922), посланный им в Нижний для какого-то журнала, который не состоялся (см.: *Блок Г. П.* Из петербургских воспоминаний / Публ. Ю. М. Гельперина // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1986. С. 157—163; см. также: *Тименчик Р., Тоддес Е., Чудакова М.* <Послесловие> // Там же. С. 166).

Сборник Б. Садовского «Морозные узоры» (Пб., 1922).
Обложка и заставка работы А. П. Остроумовой-Лебедевой

В конце сентября 1922 года Садовской, вероятно, приезжал в Петроград для лечения в больнице, по выходе из которой, возможно, останавливался у Блоков.[63] Известно, что в этот период между друзьями «по переписке» произошел какой-то конфликт и отношения двух фетоведов резко прекратились.[64] Последнее письмо Блока, вполне дружелюбное, помечено 24 сентября 1922 года.

[63] См.: *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 87.

[64] О болезненном характере Садовского вспоминали многие современники. Так, поэт Дмитрий Усов, навестивший Садовского летом 1922 г., писал поэту и переводчику М. А. Зенкевичу 6 сентября 1922 г.: «В Нижнем видел Бориса Садов-



Книга Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л., 1924). Обложка и шмуцтитул с дарственной надписью А. П. Семенову-Тян-Шанскому

Существует мнение, высказанное авторитетным специалистом по Садовскому С. В. Шумихиным, что причиной этого разрыва могло стать неприятие поэтом масштабов, «в которых Блок воспользовался сообщенными ему сведениями о Фете»,[65] что Садовскому «показалось некорректным использование его труда в изысканиях Г. П. Блока».[66] Прямых доказательств тому нет, но следует иметь в виду и косвенные.

ского. Он 6 лет не выходит из комнаты, прикованный к креслу тяжелым недугом. Он стал язвительным, горько умудренным старым остряком» (*Усов Д. С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. М., 2011. Т. 2: Письма / Сост., вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т. Ф. Нешумовой. С. 103; см. также с. 176).

[65] *Шумихин С. В.* Фет, Блок, Гумилев (из писем Георгия Блока Борису Садовскому 1921 г.) // Независимая газета. 1996. 3 сентября. С. 5. Однако, по мнению Е. М. Аксененко, «материалы фонда Г. П. Блока не дают повода усомниться в самостоятельности его работы над „Летописью жизни А. А. Фета“» (см.: *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 492).

[66] *Шумихин С. В.* Садовской Борис Александрович. С. 449.

Знакомый Садовского А. Розенталь писал ему 3 марта 1924 года: «Ваше столкновение с Блоком, кажется, совсем в духе нашего времени и современных литературных нравов. Удивляться слишком не приходится. Кстати: на следующий день после Вашего письма (неизвестно. — *С. И.*) в витрине книжного магазина увидел новинку: Г. П. Блок. Рождение поэта (Повесть о молодом Фете) (Так! — *С. И.*). Очевидно, кое-что в этой работе и от Ваших трудов».[67]

Как полагает Шумихин, работавший с архивами Садовского в РГАЛИ, РГБ и Нижнем Новгороде, тайну неожиданного разрыва, «которого ничто не предвещало, столь духовно сблизившихся за полтора года переписки людей» могло бы разъяснить «письмо Садовского к неизвестному нам А. Розенталю», но оно, «по-видимому, не сохранилось. Загадкой остается и то, что в бумагах Садовского <...> не обнаружено никаких следов его многолетней работы над книгой о Фете, ни подготовительных материалов, ни черновых рукописей. А ведь это должен был быть многолетний и капитальный труд...».[68] Отсутствие писем Садовского к Блоку вполне объяснимо арестом последнего весной 1925 года по «делу лицеистов» (с конфискацией квартиры и архива ученого) и дальнейшей ссылкой на Урал (до осени 1928 года). Новый арест последовал в 1935 году, из ссылки (Казахстан, Саратов) Блок вернулся вначале в Москву (1945), а затем в Ленинград (1948); последние годы служил в архиве Академии наук.[69] Этими биографическими обстоятельствами объясняется, по-видимому, неполнота фетовских материалов в архиве ученого, а также отсутствие ответных писем Садовского. В 1964 году вдова Блока передала в Пушкинский Дом его архив, в котором этих писем, вероятно, уже не имелось. По мнению современной исследовательницы, «завершение обработки архива Г. П. Блока прольет свет на этот вопрос».[70] «Не были ли они, — полагает Шумихин, — ранее изъяты агентами с Гороховой и не всплывут ли еще когда-нибудь? Архивы имеют свою судьбу, нередко неожиданную и парадоксальную».[71]

Не исключено, что участие Садовского в «Летописи» Блока было не столь значительным, как могло показаться не очень здоровому и мнительному человеку, оказавшемуся на обочине литературной жизни, но вполне возможно, что ссылки Блока действительно не от-

---

[67] Цит. по: *Кондратьев*. С. 38; указано С. В. Шумихиным.

[68] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 87.

[69] См.: *Беленкова А. И.* Чтобы свеча не погасла (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицеистов») // Пушкинский музеум: альманах. СПб., 2014. Вып. 6 / Под ред. С. М. Некрасова, Р. В. Иезуитовой. С. 185.

[70] *Аксененко Е. М.* Материалы А. А. Фета в Пушкинском Доме. С. 478.

[71] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 87.

ражали в достаточной мере коллективный характер авторства ни сданной в печать статьи Блока «Фет и Бржеская», ни готовившейся ученым книги «Рождение поэта», ни составлявшейся им фетовской «Летописи».[72] Между тем письма начинающего фетоведа Блока к маститому фетоведу Садовскому, а также реконструируемые ответы последнего не позволяют усомниться в его значительном участии в пополнении готовившейся Блоком «Летописи». Однако в печатном труде, вышедшем под именем Блока (посмертно), ни о чьем участии не только не упоминается, но даже настаивается на его единоличной составительской работе. Так, в предисловии Б. Я. Бухштаба к первой публикации «Летописи жизни А. А. Фета» говорится: «Попытки написать биографию Фета к тому времени (1920 год. — *С. И.*) не сделал еще никто, кроме самого Фета, оставившего трехтомные мемуары, в которых он слишком многого в своей жизни не коснулся, многое позабыл, перепутал, утаил, исказил бессознательно или сознательно. <...> Г. П. Блок взялся за работу с необычайным размахом и тщательностью. Он учел всю литературу <...> обследовал огромную переписку поэта, сохранившуюся в государственных архивах и в частных собраниях, учитывал упоминания в мемуарах, дневниках, переписке писателей и других деятелей, которые могли соприкасаться с Фетом, устно и письменно интервьюировал людей, лично знавших Фета или сохранивших семейные воспоминания о нем». Отметил Бухштаб и то, что Блок в дальнейшем, вплоть до начала 1930-х годов, «следил за публикациями Фета, собирал материалы о нем», что дало ему возможность создать летопись жизни поэта.[73] Отсутствие упоминаний об участии Садовского в опубликованной им рукописи было связано, очевидно, с необходимостью произвести сокращения (до «трех листов»)

[72] Г. П. Блок никак не упомянет в своей автобиографии (1958) о роли Садовского (умершего в 1952 г.) в своем научном становлении фетоведа: «Мне посчастливилось найти и приобрести для Пушкинского Дома архив Фета, содержавший много писем Льва Толстого, Тургенева, Полонского и др. Работа над этим архивом положила начало моим литературоведческим занятиям. Моими первыми исследовательскими шагами руководил с величайшей заботливостью и доброжелательностью Б. Л. Модзалевский. Плодом его забот и дружеских обсуждений явились мои первые статейки, посвященные Фету и Льву Толстому, а затем и моя книга о первых годах поэтической деятельности Фета. Она вышла в 1924 г. под названием „Рождение поэта“». См.: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BLOK_Georgiy_Petrovich/_Blok_G.P.html; дата обращения: 24.03.2021. Впрочем, неупоминание имени Бориса Садовского могло быть связано с опасениями неоднократно репрессированного исследователя, страшившегося быть вновь обвиненным в связях с человеком, чьи монархические и антибольшевистские взгляды не были ни для кого секретом.

[73] См.: *Бухштаб Б. Я.* <Предисловие> // *Летопись (1985)*. С. 130, 132.

и «отказаться от библиографических и археографических ссылок» при подготовке текста для публикации в «Библиотеке поэта» (1937).[74] Полным экземпляром труда Блока со ссылочным аппаратом мы не располагаем. Шумихин, занимавшийся поисками «Летописи» Садовского, констатировал, что переизданная в 1992 году «Летопись» Блока «никак не может быть соотнесена с анонсированным трудом Садовского: она слишком скромна для издания отдельной книгой».[75]

Существенным источником для реконструкции подходов Садовского в изучении биографии поэта являются его ценные «Записки», охватывающие период 1881—1916 годов, которые писались в первой половине 1920-х годов и которые он тщетно пытался издать.[76] Самые ранние[77] упоминания относятся к 1900 году: «В конце октября 1900 года Нижний посетил великий князь Константин Константинович. Я решил поднести ему свои стихи. Тогда я начинал уже понемногу влюбляться в Фета и знал, что К. Р. носит его благословение».[78]

Период эмпирического изучения Фета начался рано. 1906—1907 годы: «Постепенно начал я заниматься Фетом и весной ходил к вдове М. Н. Каткова. С. П. Каткова, урожденная княжна Шаликова, оказалась маленькой, сухой старушкой, очень живой и бодрой. Писем поэта к ее мужу у нее не было. Стихи свои Фет сам передавал Каткову, а переписки между ними никогда не велось. — „Придет, выпьет чаю, оставит рукопись и уйдет“».[79] Далее, стенографически фиксируя свой нарастающий интерес к поэту, Садовской продолжает: «Любовь моя к Фету стала болезненной страстью. Я жил вдвойне: за Фета и за себя.

---

[74] *Бухштаб Б. Я.* <Предисловие> // *Летопись (1985)*. С. 132.

[75] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 89.

[76] В 1931 г. Садовской обратился в ленинградское издательство писателей, участие в судьбе рукописи приняли В. А. Мануйлов и Б. М. Эйхенбаум, который собирался написать предисловие к «Запискам», однако рукопись была отклонена (см. письмо Эйхенбаума к Садовскому от 27 апреля 1932 г.: *Записки*. С. 108). Помимо «Записок» Садовской вел дневник и заметки (см.: *Садовской Б. А.* Заметки. Дневник (1931—1934) / Публ. И. Андреевой // Знамя. 1992. № 7. С. 172—194).

[77] Вероятно, первое детское знакомство с поэтом состоялось в 1891 г.: «О, как взволнован я „Сентябрьской розой“ Фета! / Волшебные стихи читает мама вслух. / Лампадка, тишина, смесь сумрака и света, / За голубым стеклом алмазный вьется пух» («Тридцатое число. Ноябрь уж исчезает...», 1942). Речь шла о стихотворении Фета «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза...», 1890). Позже Садовской отметил: «На 1891 г. отец выписал для меня московский журнал „Царь-Колокол“. Там было стихотворение Фета „Сентябрьская роза“» (*Записки*. С. 125).

[78] Там же. С. 143. Публикацию тетради, поднесенной К. Р., см.: *Садовской Б.* I. Стихотворения. II. Автобиография / Публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 133—147.

[79] *Записки*. С. 154.

Иногда я почти видел его, слышал его голос. День и ночь читал „Воспоминания Фета“, ездил в полночь на Плющиху к его дому, повторял постоянно его стихи. Обдумывал план отправиться на могилу Фета, вскрыть гроб и насмотреться на кости. Кошмары эти были приятны. / В Нижнем на святках я целыми ночами просиживал над Фетом. Засыпал к утру <...> и много думал о смерти».[80] Летом 1908 года в Пятигорске часто «ходил на кладбище, тщетно отыскивая могилу П. Н. Шеншина, дяди и крестного отца Фета».[81]

Вскоре интерес к бытовым реалиям биографии поэта и эмоциональное его восприятие переросли в интеллектуальное — поиск и научное осмысление рукописей поэта, его писем и документов, а также воспоминаний современников. В конце 1911 — начале 1912 года Садовской познакомился с главным хранителем Третьяковской галереи, коллекционером и фетоведом Николаем Николаевичем Черногубовым (1874—1941), собравшим значительную коллекцию материалов.[82] О встречах с ним поэт вспоминал: «Черногубов кончил Костромскую гимназию, был филологом Московского университета вместе с Брюсовым и вышел с третьего курса. Говорил с явственным костромским акцентом. Родом он был из дворян и жил в Москве одиноко с матерью <...>». Квартира Черногубова, по воспоминаниям Садовского, состояла «из трех комнат; в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж. А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро»; в «столах и шкапах рукописи Фета, портфели и судебные дела его в синих казенных обложках». При «обширном уме», как отмечал мемуарист, «Черногубов духовно был очень беден и, конечно, страдал от этого. Фетом, вещами и картинами пытался он заполнить роковую пустоту. В душе ничему не верил и ничего не любил. Культ Фета некогда пылал в Черногубове ярким пламенем. Еще юношей объехал он все фетовские места, жил там, долго бредил Фетом как полоумный. На любви к Фету мы с ним и сошлись; этой веревочкой — Фетом — воистину связал нас сам черт».[83] К Черногубову обращено стихотворение поэта «Самовар в Москве» (сб. «Самовар», 1914; в поздней редакции — «Н. Н. Черногубову»), ему же посвящено стихотворение «Моей луковице» (сб. «Пятьдесят лебедей»).

---

[80] Там же. С. 158.

[81] Там же. С. 160.

[82] В 1894—1895 гг. Черногубов вывез хранившийся в Воробьевке архив поэта, из которого составилась его коллекция, из нее он опубликовал: К хронологии стихов Фета // Северные цветы за 1902 год. М., 1902. С. 215—225; кроме того, статью «Происхождение Фета» (Русский архив. 1903. № 8. С. 523—536).

[83] *Записки*. С. 168—169.

Б. В. Никольский.
Фотография ателье В. Лалаяна и К°. Петербург, 1912—1913 г.

В конце января 1912 года началось общение Садовского с петербургским профессором римского права, ученым, пушкинистом, поэтом, критиком и политическим деятелем Борисом Владимировичем Никольским (1870—1919),[84] глубоким и авторитетным исследователем творчества Фета, составившим наиболее полное издание стихотворе-

[84] См.: *Иванова Е. В., Шумихин С. В.* Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 321—323.

ний поэта по имевшимся у него рукописям.[85] Их знакомство, вызванное общим увлечением творчеством Фета, состоялось через литератора А. А. Кондратьева.[86] Садовской подробно описал свой первый визит к ученому: «Никольский владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими. В библиотеке (в Петербурге на Офицерской ул. — *С. И.*) он поставил для меня особый столик, приготовил бумагу, карандаши и выдал все фетовские тетради. Ходил я заниматься недели две. В кабинете рядом сидел хозяин за грудой бумаг».[87] 31 января того же года Садовской писал отцу из Москвы: «Вчера я вернулся из Петербурга <...>. Был у знаменитого Бориса Никольского — по поводу Фета — и он обещал мне полное содействие; в сравнении с его коллекцией фетовских рукописей — черногубовская гроша не стоит. У Никольского огромная квартира, на столе портреты великих князей с подписями <...> Подарил мне свои издания — есть очень любопытные».[88] Судьба ученого сложилась трагически: после Февральской революции он лишился своих кафедр, пытался получить место за границей; не счел нужным скрывать своих монархических убеждений, в 1919 году без суда и следствия был расстрелян Петроградским ЧК по обвинению в подготовке контрреволюционного заговора.[89]

Через Б. В. Никольского Садовской познакомился с поэтом и литератором Владимиром Степановичем Ильяшенко (1887—1970; псевд.

---

[85] См.: *ПССт1901*. В предисловии «От редактора» Никольский приводит любопытный факт: поблагодарив Черногубова за многочисленные «ценные указания», он глухо упоминул, что тот собирался или уже писал биографию Фета. От Черногубова, по его мнению, «наша литература вправе ожидать образцовой биографии Фета, беспримерной по богатству материалов, их тщательному и полному изучению и совершенно исключительной любви составителя к поставленной себе задаче» (Т. 1. С. VI—VII). Местонахождение биографии Фета, составленной Черногубовым (в каком бы то ни было виде), неизвестно.

[86] Кондратьев писал Садовскому о Никольском 26 января 1912 г.: «Я сообщил ему о Ваших занятиях Фетом и желании с ним познакомиться. <...> Быть может, он также Вам посоветует, где можно напечатать письма Фета» (см.: *Кондратьев*. С. 5—6). Речь идет о том, что Садовской несколько лет пытался опубликовать десять писем Фета, автографы которых были у него на руках. Советы Никольского неизвестны. Позже, в октябре 1913 г., Садовской предложил П. Н. Сакулину, издателю журнала «Голос минувшего», напечатать их непременно с буквальной точностью и со своим предисловием и комментариями, но редакция отклонила это предложение, отказавшись печатать письма в соответствии с подлинниками (см.: Там же. С. 29).

[87] *Записки*. С. 174.

[88] Цит. по: *Кондратьев*. С. 28—29.

[89] Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913—1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 340—342.

В. С. Федúна), автором первой биографической книги о поэте «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике» (Пг., 1915). О предстоящей встрече с ним упоминается в письме Кондратьева к Садовскому от 19 октября 1915 года: «Этот Ильяшенко занимается Фетом (вернее, библиографией о нем и анатомией его произведений). По мнению Бориса Владимировича, Вы могли бы быть весьма полезны друг другу, т. к., по-видимому, В. С. Ильяшенко принадлежит к числу знатоков. <...> Ильяшенко принадлежит к числу крупных екатеринославских (если не ошибаюсь) землевладельцев и занимается Фетом из любви к искусству».[90] Сведениями о характере их общения мы не располагаем, но на выход книги Федины Садовской откликнулся благожелательной рецензией.[91]

Садовской использовал любую возможность расспросить людей, знавших Фета, и пополнить свои материалы новыми подробностями его биографии. С В. П. Бурениным Садовского познакомил В. Я. Брюсов: «Фета Буренин лично не знал, но поэт писал ему три раза, благодаря за благосклонные отзывы о „Вечерних огнях“».[92] В 1913 году при посредстве барона П. П. Унгерн-Штернберга Садовскому удалось письменно запросить юрьевского профессора Г. Эттингена, учившегося в пансионе Крюммера в Верро одновременно с Фетом. Ответ жены Эттингена он опубликовал в сборнике «Ледоход». Летом 1914 года поэт собирался посетить фетовские места в Орловской губернии, где, по свидетельству его приятеля и корреспондента, одиозного литератора А. И. Тинякова, проводившего время на родине в селе Богородском, недалеко от фетовской Степановки, местный протоиерей А. Н. Ивановский «отлично знал и очень живо помнит А. А. Фета, с которым ему приходилось иметь много дела»,[93] но поездка не состоялась.

За «дозволение обнародовать» письма Фета, помещенные в сборнике «Ледоход», Садовской счел своей обязанностью поблагодарить Б. В. Никольского, Э. П. Юргенсона, В. П. Каратеева, С. М. Соловьева.[94] Некоторые рукописи и письма Фета были получены из архивов А. Н. Пыпина, П. В. Анненкова, Ф. Ф. Фидлера, М. В. Шевлякова и др., о чем автор скрупулезно сообщает в примечаниях к своим статьям

[90] *Кондратьев*. С. 23.

[91] См.: Книга о Фете // Биржевые ведомости. 1916. 5 января. № 15306. Утр. вып. Не исключено, что названная так же благожелательная рецензия Ходасевича, друга Садовского, была написана по его просьбе (см.: *Ходасевич В. Ф.* Книга о Фете (1916) // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 201—206). Отрицательно отозвался о книге Федины Ю. А. Никольский (см.: Русская мысль. 1916. № 3. С. 2; 2-я паг.).

[92] *Записки*. С. 175.

[93] *Кондратьев*. С. 34.

[94] См.: *Ледоход*. С. 170.

и публикациям в сборнике «Ледоход». Еще долго Садовской будет продолжать опрашивать людей, знавших Фета, собирая любые сведения и воспоминания о нем. 26 сентября 1929 года, встретив на Новодевичьем кладбище у могилы В. Я. Брюсова своего давнего знакомого философа и переводчика Г. А. Рачинского, в свое время общавшегося с Фетом, зафиксировал его свидетельство: «Какое впечатление произвел на Вас Фет при первом знакомстве? — „Мне казалось, что я вижу мудрого, спокойного талмудиста. И в то же время чувствовался старый барин. Никогда никуда не спешил, разговаривал медленно и спокойно. Дряхлости не было, но чувствовалась усталость. Читая стихи, преображался, современность порицал. Был недоволен порядком. Большой был хлебосол“».[95] К. И. Чуковский спрашивал И. Е. Репина 29 апреля 1927 года: «Любопытно узнать, как относился к Вашему творчеству Фет? Что сказал он о своем портрете Вашей работы? Как восприняла Ваш портрет Марья Петровна (его жена)? Спрашиваю я не из пустого любопытства. Борис Садовской, заканчивая биографию Фета, просит меня передать Вам эти вопросы и умоляет Вас ответить на них возможно подробнее».[96]

Революция 1917 года и Гражданская война были восприняты Садовским, убежденным монархистом (в соответствии с политическими взглядами боготворимого им Фета), как апокалипсис и крушение всех творческих и житейских планов и надежд. Эти всемирно-исторические события совпали с его личной трагедией — параличом и пожизненной инвалидностью, и виделись ему расплатой за грехи, постигшей, по выражению исследователя, «как страну, так и его лично», и воплощенной «в жесткую конкретность Божьей кары».[97] Сборник «Обитель смерти. Стихи» (М., на титуле: Нижний Новгород, 1917) — последняя книга стихов с размышлениями о крушении прежней России: «Россия мертвая в покрове белом! / Над телом кружится железный ворон, / И черви жадные кишат в гробу. // Все умерло и стихло навсегда. / Предания, заветы, честь и слава / Искажены усмешкою двуличной, / Завыл отходную гудок фабричный. / Спешит червей неистовая лава, / И празднуют поминки города. // В родных усадьбах плачутся сычи...».[98]

---

[95] Заметки с кладбища. Из дневника Бориса Садовского — см.: http://www.sadovskoi.ru/article/zametki-s-kladbishcha.html; дата обращения: 24.03.2021.

[96] Цит. по: *Андреева И.* «Чукоккала» и около. С. 57. «Ответы Репина он передавал Садовскому и задавал следующую серию вопросов» (Там же).

[97] См.: Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому. С. 345.

[98] Цит. по: *Садовской Б.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. С. В. Шумихина. СПб., 2001. С. 103 (сер.: Новая Б-ка поэта; малая серия). Стихотворение «Черви». Сохранилось издание этого

Испытывая мучительный душевный кризис, Садовской дважды пытался покончить с собой, нашел опору в Библии и творениях Святых Отцов — в мае 1921 года нижегородский епископ Варнава (Беляев; «юродивый епископ») исповедовал его и помог воцерковиться.[99] С этого события начался период искупления грехов, «внутренней эмиграции» Садовского. В конце 1928 года ему удалось перебраться в Москву, где, благодаря участию А. Н. Толстого, писатель вместе с женой получает приют — жилое помещение в подвале одной из церквей Новодевичьего монастыря, превратившегося в филиал Исторического музея, это помещение станет его жильем до конца жизни,[100] себя он теперь будет называть «добровольным монахом эпохи перед Антихристом». Новая реальность не очень жаловала некогда знаменитого поэта и критика: получая крохотную пенсию и находясь в нужде, весной 1932 года он начал распродавать архив и библиотеку. В списке продаваемых книг значились «Вечерние огни» Фета (с автографами); позже автографы (Пушкина, Гоголя и Фета) были проданы в Гослитмузей за 1500 рублей.[101] Садовской поддерживал отношения с давним товарищем по Нижегородскому дворянскому институту М. А. Цявловским, который привлек его к участию в подготовке тома деловых «нетворческих» записей и заметок Пушкина («Рукою Пушкина», 1935).[102]

сборника с дарственной надписью Б. В. Никольскому на титуле: «Борису Владимировичу Никольскому с неизменным уважением, преданностию и любовью. Автор» (см.: https://www.litfund.ru/auction/279/168/; дата обращения: 24.03.2021).

[99] См.: *Проценко П. Г.* Биография епископа Варнавы (Беляева) // В небесный Иерусалим: История одного побега. Нижний Новгород, 1999. С. 274. См. также: *Письма Блока к Садовскому*. № 85. С. 87. 30 марта 1921 г. Садовской писал О. Г. Шереметевой (урожд. Чубарова) из Нижнего Новгорода: «Живу я в тихой кабинетной обстановке. Пишу, читаю, думаю. Время для меня остановилось на 1916 году <...> Вам как другу скажу, что весь я без остатка растворился в православии и им одним жив. Вера спасла меня и примирила с моим вывихом. Горячо советую Вам прочесть книгу Флоренского „Столп и утверждение истины“ — она мне очень помогла» (цит. по: *Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 456. Приложение. Из переписки Б. А. Садовского с О. Г. Шереметевой).

[100] См.: *Шумихин С.* Писатель из Новодевичьего монастыря // Садовской Б. Лебединые клики. М., 1990. С. 460—463.

[101] См. письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Садовскому, запросившему «неимоверную» сумму за эти автографы, с предложением продать их значительно дешевле; Садовской вынужден был согласиться (см.: *Шумихин С.* Практика пушкинизма (1887—1999) // Новое литературное обозрение. 2000. № 1 (41). С. 200, см. также с. 166—169).

[102] См.: Там же. С. 151. Фамилия Садовского несколько раз встречается в книге (см. указ.). В 2016 г. аукционный дом «Литфонд» продал за 44 000 рублей сборник Садовского «Позднее утро. Стихотворения. 1904—1908» (М., 1909) с дарственной надписью автора: «Старинному приятелю-о<дноклacc>нику в воспоминание да-

В советский период Садовской написал множество произведений,[103] большая часть их оказалась затеряна или вовсе утрачена по разным издательствам и ходатаям в безуспешных попытках автора опубликоваться, среди них: неизвестные романы «Современник» (о некрасовском журнале и 1860-х годах), «Первое марта», «Охота», «Евгений Ардашев», пьеса «Федор Кузьмич», поэма «Последняя любовь», воспоминания об издательствах «Золотое руно» и «Мусагет» и др.; несколько повестей и романов увидели свет лишь после смерти автора.

Итак, в имеющемся фетоведческом активе Садовского, помимо многочисленных скрытых и явных упоминаний о поэте в письмах, записках, дневнике, статьях, рецензиях, стихах и прозе, мы имеем: очерк «Фет» в сборнике «Русская Камена» (1910); фетовскую часть в книге «Ледоход», а также статью «Фет в портретах»;[104] наконец, к этому списку следует добавить утраченную рукопись книги — «А. А. Фет. Жизнь и творения», в полном объеме подготовленную исследовате-

---

леких детских дней, объединивших нас около священного пушкинского жертвенника, Мстиславу Александровичу Цявловскому. Борис Садовс<кой>. 4 апреля 1909. Москва» (см.: https://www.litfund.ru/auction/15/184/; дата обращения: 24.03.2021).

[103] См.: *Шумихин С. В.* Садовской Борис Александрович. С. 448—449. В сборнике «Лебединые клики» (1990), изданном Шумихиным, опубликованы лишь четыре из восьми очерков книги «Русская Камена» и небольшая часть статей из «Ледохода». По справедливому мнению современного исследователя, «особенно огорчительно, что из последнего так и остаются не перепечатанными интересные работы о Фете (за исключением второй части этюда „Легенда“ и „Ива“, помещенной нами в „Болдинских чтениях“ в 2016 году)» (см.: *Изумрудов Ю. А.* К вопросу об издании литературного наследия Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 182. См. также: *Садовской Б.* «Легенда» и «Ива» (фрагмент) / Публ. Ю. А. Изумрудова // Болдинские чтения 2016 / Сб. трудов конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 282—284).

[104] Возможно, имелась еще одна статья, посвященная Фету (1926), о которой упоминается в письме Садовского к Цявловскому из Нижнего Новгорода от 23 июня 1926 г. «...„Записки“ мои, по-видимому, напечатаны не будут <...>. Еще справься, пожалуйста, у Гроссмана, пойдет ли моя статья о Фете. Ежели нет, возьми ее у него и пришли вместе с записками» (см.: *Шумихин С.* Практика пушкинизма. С. 161); заглавие и местонахождение статьи неизвестны. В письме речь идет о прозаике, поэте, литературоведе, пушкинисте Л. П. Гроссмане. Удалось найти сведения об этой статье: 8 февраля 1926 г. Гроссман упоминает о ней в письме к Садовскому: «Статья о Фете представляется мне подходящей к напечатанию (я ее еще не получил и сужу по заглавию) — думаю, что ее удастся устроить» (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 1. № 47. Л. 3). Незадолго до этого, 19 ноября 1925 г., Гроссман предлагал Садовскому собрать статьи о Фете в отдельную книгу: «Мне представляется <...> если б Вы выделили статьи о Фете из „Ледохода“, прибавили к ним бы что-либо новое (неизданную статью, материалы и проч.), такую книгу можно было бы устроить» (Там же. Л. 1 об.).

лем для издательства «Мусагет» в 1913 году, которой не суждено было выйти в свет. Ее местонахождение по сей день остается неизвестным.

Отвечая в январе 1941 года на поздравление К. И. Чуковского с 40-летием литературной деятельности, Садовской сообщал, что закончил роман о М. Ю. Лермонтове,[105] что последние 25 лет провел «„наедине с собой“, не покидая кресла, и приобрел зато такие внутренние сокровища, о каких мечтать не смел. Былые мои интересы <...> перед нынешним то же, что горошина перед солнцем: форма одна, но в содержании и размере есть разница».[106]

Отдельная большая тема, выходящая за пределы данной статьи, — Садовской как выдающийся мистификатор. Обладая незаурядным талантом стилизатора, он блестяще имитировал чужие приемы и создавал идеальные мистификации, вошедшие в научный оборот (стихи и «Солдатская сказка» А. Блока, стихи Некрасова, С. М. Кравчинского, Есенина, письмо А. П. Чехова и др.), некоторые подделки были раскрыты только недавно.[107] Трудно согласиться с мнением исследователя, что эти мистификации можно рассматривать с двух сторон: «как своеобразную месть редакциям и всему официальному литературному миру, для которых Садовской словно перестал существовать», или «как жест утопающего в водах Леты», чтобы «хоть таким сомнительным способом напомнить будущим поколениям о себе».[108] Возможно, в какой-то мере эту склонность объясняет наблюдение А. Блока, занесенное им в дневник: «...не принята во внимание злоба Садовского, в которой есть творческое» (запись от 27 декабря 1911 года). Хочется думать, что мистификации были «пробой пера» Садовского на заданную самому себе тему, «игрой в бисер», а возможно, игрой в пародии; честолюбие, деньги, месть оказались побочным и едва ли запланированным результатом.

---

[105] Речь шла о романе «Пшеница и плевелы», который увидел свет лишь в 1993 г.

[106] Цит. по: *Записки*. С. 106. Сблизились они в конце 1913 — начале 1914 гг. Садовской часто жил на даче Чуковского в Куоккале. Об их отношениях см.: *Андреева И.* «Чукоккала» и около. С. 49—61.

[107] О разоблаченных мистификациях Садовского см.: *Шумихин С.* Мнимый Блок? // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 736—751; см. также: *Садовской Б. А.* Встреча с Есениным / Публ. и коммент. С. Шумихина // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 335—433; *Эльзон М. Д.* О «Воспоминаниях» Н. И. Попова и их авторе // *РЛ*. 1982. № 3. С. 205—206; *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 95; *Изумрудов Ю. А.* «Блоковская» мистификация Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 199—204; *Сухих И.* Об одном письме и одном поэте: Еще одна мистификация Бориса Садовского? // Текст и традиция. СПб., 2014. Вып. 2. С. 26—36; Единожды солгавши: к вопросу о корпусе мистификаций Б. А. Садовского: https://mitrius.livejournal.com/834235.html; дата обращения: 24.03.2021.

[108] *Шумихин С.* Писатель из Новодевичьего монастыря. С. 459.

Следует заметить, что Фет никогда не становился объектом мистификации Садовского, между тем современники отмечали стилизацию и устойчивую зависимость его поэзии от фетовской. Фет становится персонажем внутренней жизни поэта и исследователя. Приведем некоторые из его снов (1942 год), которым Садовской придавал большое значение и скрупулезно фиксировал: «У Фета на Плющихе. / Выходит он в коричневой паре, здоровый, коренастый; дышит тяжело. / Молодой человек, половиной лица похожий на Цявловского, представил меня. / Бросаюсь поцеловать Фету руку. / — Уж больно ты порывисто целуешь; скромнее надо, — качает головой Полуцявловский. / — Скромно целуют только у высочайших особ. / Фет смеется, берет мою руку и крепко, с одышкой жмет. / Один миг — и мы в Воробьевке. Вдруг я превращаюсь в Фета, но он исчез не совсем и порой появляется; при нем я опять становлюсь собой».[109] Фет часто возникал в снах Садовского. «[Дверь на почту то и дело хлопает. Мне уже известно, что скрывается за ней. / Так и есть: на деревянной скамейке задыхается маленький, дряхлый, как лунь седой Фет в черном суконном картузике. / Сию минуту он умрет / 1939]».[110] Героя третьей (неопубликованной) части повести Садовского «Побеги жизни» (1913), студента университета Петю Борисова (alter ego автора), посещает ночное видение: «Незаметно очутился Петя на Плющихе. Там, подле аптеки, белел небольшой двухэтажный дом; потертый герб еле виднелся на фронтоне. <...> из парадной двери вышел торопливо старик в тяжелой шубе и шапке. Белая широкая борода и карие глаза в покрасневших веках показались странно знакомы Пете. <...> сделав несколько легких, подпрыгивающих шагов, призрак поднялся и полетел в занявшемся вьюжном ветре <...>».[111]

К концу 1920-х годов постоянные физические мучения и вынужденная неподвижность изменили мировоззрение Садовского. Преодоление «светской» культуры, судя по дневнику, давалось ему не легко. По наблюдению Шумихина, «мировоззренческий кризис переживался Садовским с 1929-го по 1933 год и закончился полным отрицанием „внешнего мира“, в котором ему все явственней слышалась поступь князя мира сего. „Я перехожу окончательно и бесповоротно на церковную почву и ухожу от жизни. Я монах... Православный монах эпохи «Перед Антихристом»“».[112] Фет стал последним звеном в череде отказов от прежних кумиров и привязанностей — «Прочь, ветхий че-

[109] *Садовской Б.* Лебединые клики. С. 449.

[110] Там же. С. 446.

[111] *Письма Блока к Садовскому*. № 83/84. С. 104.

[112] *Шумихин С. В.* Узоры Бориса Садовского // Садовской Б. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 16—17.

ловек!»: «И какая в сущности разница между Фетом и Некрасовым. Да никакой! Это безбожная литература».[113] Запись в дневнике от 26 июля 1933 года: «И то уж мне скучно становится читать даже Пушкина и Фета».[114] К этому времени относится продажа пушкинских и фетовских автографов в Гослитмузей.

* * *

Подводя итоги и оценивая свой долгий и трудный путь, Садовской назвал его «мой путь — От Фета к Филарету».[115] Над рабочим столом в подвале Новодевичьего монастыря висела фотография поэта,[116] который, несмотря на отказ от прошлых увлечений, остался его привязанностью до конца жизни.[117] Приведем отрывок из поэмы Садовского «Любовь» (1910) с посвящением: «Благоговейно любимой тени А. А. Фета» и эпиграфом из поэта: «Близкой души предо мной все ясны изгибы: / Видишь, как были, — и видишь, как быть бы могли бы!»; в поэме дается портретная зарисовка Фета. А также приведем два стихотворения, озаглавленных «Фет» — 1917 и 1929 годов, между которыми прошел мировоззренческий путь Садовского «от Фета к Филарету».

---

[113] *Садовской Б. А.* Заметки. Дневник (1931—1934). С. 183, 184. См. также: *Садовской Б.* Морозные узоры. С. 101.

[114] *Садовской Б. А.* Заметки. Дневник (1931—1934). С. 185.

[115] Выражение из дневниковых записей Садовского 1932 г. (см.: Там же. С. 184). Речь идет о митрополите Московском Филарете (Дроздове), собрание проповедей которого («полного Филарета») Садовской получил в подарок от священника Сергия (Лебедева); наставлениями Филарета Садовской руководствовался каждодневно (см.: *Анчугова Т. В.* Из Серебряного века в «Обитель смерти» // *Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 474—501).

[116] Вероятно, речь идет о фотографии из собрания Садовского, о которой он пишет: «Сильное впечатление оставляет предсмертный снимок неизвестного фотографа, не имеющий печатных копий. На портрете изображен дряхлый старик, измученный одышкой, с воспаленными слезящимися глазами» (*Садовской Б.* Фет в портретах // Наше наследие. 2008. № 85. С. 114). В стихотворении «Самовар в Москве» описывается тот же портрет Фета: «Мерещится тогда дыханье старины, / И оживает все, чем комнаты полны. / В картинах, в грудах книг шевелятся их души. // Вот маска Гоголя насторожила уши, / Вот ожил на стене Кипренского портрет, / Нахмурился Толстой, и улыбнулся Фет, / И сладостно ловить над пылью кабинетной / Былого тайный вздох и отзвук незаметный» (*Садовской Б. А.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 90).

[117] В 1929 г. в Предисловии к книге Д. Кузнецова Садовской писал: «В творчестве, как и в жизни, бывают явления самобытные, т. е. возникающие органически», к ним «относятся средневековые рыцари, Москва, поэзия Фета» (см.: *Кузнецов Д.* Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей. М., 1929. С. 4).

Могила Б. А. Садовского на Новодевичьем кладбище в Москве.
Современная фотография

ЛЮБОВЬ

<...>
Дневной рубин давно блеснул алмазом
И, задымясь, исчезла тень кустов.
Хозяин на балконе. Нынче разом
Он перевел четыреста стихов;
С одышкой, щурясь воспаленным глазом,
Сложил словарь, собрал тетрадь листов,
И, утомясь от пристальных занятий,
Встал в парусиновом своем халате.

Гримасой морща ястребиный нос
И бороду белеющую гладя,

В большой бинокль он смотрит на покос,
Бормочет про себя и слышит, глядя,
И сена дух, и сладкий запах роз.
<...>
Старик обломком был времен суровых,
Той невозвратно схлынувшей волны
Понятий здравых и людей здоровых,
Что, воспитавшись в нравах старины,
Обычаев не жаловали новых.
Среди глубокой сельской тишины,
Поклонник верный музы и природы,
Он думал, жил и чувствовал — вне моды.
<...>
И вновь склонился он над Марциалом.
Меж тем багряный опустился круг.
«Клубятся тучи, млея в блеске алом».
Гул табуна вдали пронесся вдруг.
Восходит ночь с росистым покрывалом.
Но девственные пальцы белых рук
Все по бумаге бегают проворно
И при свечах огромен профиль черный <...>

1910[118]

ФЕТ

В моих мечтах не поздним старцем
Ты грустно смотришь на зарю,
А скачешь юным ординарцем
К великодушному царю.

Как часто всадник вдохновенный
Припоминал на склоне лет
Тот миг, когда в игре военной
Монарху предстоял поэт.

В степи сошлись владыки мира,
И вот, без гимнов и литавр,

[118] *Садовской Б.* Морозные узоры. С. 26—27; впервые: *Садовской Б.* Косые лучи. Пять поэм. М., 1914. С. 38—39. Эпиграф, приведенный Садовским по памяти с неточностями, взят из стихотворения Фета «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...», 1851.

С державой сочеталась лира
И с нежной розой строгий лавр.

1917[119]

ФЕТ

Ко мне ползли стихи твои,
И я следил их переливы,
Узоры пестрой чешуи
И прихотливые извивы.

Но, от небесного огня
Взорвавшись в сердце без ответа,
Как пепел, пали на меня
Стихи спаленного поэта.

Обуглен вдохновенный лик.
Лишь на стене со мною рядом
Угрюмо хмурится старик
С безжизненным, потухшим взглядом.

1929[120]

[119] *Садовской Б. А.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 109. В стихотворении воспроизводится эпизод из воспоминаний Фета о службе в Кирасирском Военного Ордена полку и эпизоде царского смотра перед Николаем I в 1852 г. (см.: *РГ*. С. 533—536; см. также рассказ Фета «Не те»: *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 121—126). В альбом Садовского был вклеен портрет Фета в офицерской форме как эталон «военной красоты»; вероятно, это один из портретов 1850-х гг., о которых Садовской упоминает в своей статье об иконографии Фета: «...в первой половине пятидесятых годов появляется несколько фотографических снимков в гвардейской уланской форме. К той же поре относится портрет в николаевской шинели, работы глухонемого Гампельна. По этим изображениям можно видеть, что Фет был в молодости очень красив собой» (*Садовской Б.* Фет в портретах. С. 113). Оригинал портрета кисти К. К. Гампельна (1857—1858) утрачен. Фотография его сохранилась в Литературном музее ИРЛИ (см.: *ФетСб(3)*, фронтиспис).

[120] *Садовской Б. А.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы. С. 147—148.

СООБЩЕНИЯ

И. А. Кузьмина

О ПРЕБЫВАНИИ В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ СЕСТЕР ФЕТА АННЫ И НАДЕЖДЫ ШЕНШИНЫХ

В книге воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни» содержится рассказ о его юношеском романе с Еленой Григорьевной Б. (имя девушки, вероятно, вымышленное), служившей в Новоселках гувернанткой младших дочерей Афанасия Неофитовича Шеншина. Летом 1839 года молодые люди тайно обручились, а после отъезда Фета в Москву некоторое время общались посредством переписки. Дальнейший ход событий мемуарист описывает так: «Пламенная переписка между Еленой Григорьевной и мною продолжалась до начала октября; но вдруг совершенно неожиданно явился Илья Афанасьевич с известием, что „папаша прибыли в Москву и остановились с сестрицами Анной и Надеждой Афанасьевными у Харитония в Огородниках, в доме П. П. Новосильцова и просили пожаловать к ним“. На дворе Новосильцова стояла наша желтая четвероместная карета, в которой отец, в сопровождении няньки Афимьи, привез моих сестренок, чтобы везти их в Смольный монастырь. <...> После обеда <...> отец, оставшись со мною наедине, неожиданно вдруг сказал: „Беспутную Елену Григорьевну я расчел, а девочек везу в институт. Матку-правду сказать, некрасивую глупость ты там затеял. <...>“. На другой день отец уехал в Петербург, а недели через две тем же путем проследовал в Новоселки».[1]

Приведенный выше фрагмент интересен не только в связи с историей едва ли не первого серьезного увлечения поэта, но и тем, что здесь в последний раз упоминается его сестра Анна. Известно, что у А. Н. Шеншина было две дочери с таким именем. О первой из них,

[1] *РГ*. С. 172—173.

© И. А. Кузьмина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-186-212

умершей в раннем детстве, мы знаем только из воспоминаний Фета.[2] Вторая Анна в январе 1835 года была занесена в шестую часть дворянской родословной книги вместе с другими детьми Афанасия Неофитовича; о том, что с ней стало после определения в Смольный институт, Фет, довольно подробно рассказавший о других своих сестрах, Любови и Надежде, умалчивает. Не проясняют вопрос и публиковавшиеся списки выпускниц Смольного: Анна Шеншина, в отличие от Надежды Шеншиной, в них не значится.[3]

Императорское Воспитательное общество благородных девиц — таково было официальное название Смольного института — являлось старейшим женским учебным заведением в России и за свою долгую историю претерпело ряд существенных изменений. Скажем несколько слов о том, что представлял собой Смольный институт к сороковым годам XIX века. Прежде всего, надо пояснить, что на территории Воскресенского Новодевичьего монастыря, построенного в XVIII веке на месте Смольного двора, сосуществовали, по сути, два учреждения: аристократическое Воспитательное общество и состоявшее при нем Мещанское училище, постепенно превратившееся в учебное заведение для дочерей низшего дворянства и чиновничества. Оба учреждения размещались в специально возведенных для них к югу и северу от монастырского комплекса зданиях, соединенных длинным коридором, отчего институт было принято делить на две половины: «благородную» и «мещанскую». После того как в 1842 году Мещанское училище было переименовано в Санкт-Петербургское Александровское, «мещанская» половина стала называться Александровской,[4] а «благородная» — Николаевской. Говоря о Воспитательном обществе (Смольном институте), мы будем иметь в виду только «благородную» его половину.

Смольный институт был задуман как благотворительное учебное заведение, большинство воспитанниц зачислялось по результатам баллотировки и содержалось на государственный счет. Кроме того, в институте были пансионерки членов императорской фамилии и так

---

[2] *РГ*. С. 4, 7.

[3] См.: *Черепнин Н. П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1764—1914: В 3 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 550—555. Далее ссылки на это издание: *Черепнин*, с указанием тома и страницы.

[4] Окончательное отделение Александровского училища произошло в 1865 г., когда ему был присвоен статус Александровского института благородных девиц 2-й категории. В Александровском училище в 1850-х — начале 1860-х гг. воспитывалась писательница Е. Н. Водовозова (урожд. Цевловская; 1844—1923), известная своими воспоминаниями «На заре жизни», в которых, в частности, рассказывается о ее пребывании в училище.

Собор Смольного монастыря.
Петербург, около 1840-х гг. Гравюра на стали

называемые своекоштные воспитанницы, за которых платили их родственники.[5]

По правилам, изданным еще в 1805 году вдовствующей императрицей Марией Федоровной и продолжавшим действовать после ее смерти вплоть до реформы К. Д. Ушинского, в Воспитательное общество принимали «девиц природного дворянского происхождения, засвидетельствованного предводителями дворянства», и «дочерей чиновников, имеющих чины по воинской службе не ниже полковника, а по статской не ниже статского советника».[6] Под природными дворянами подразумевались исключительно дворяне, записанные в пятую и шестую части родословной книги, то есть титулованные и столбовые. Это правило соблюдалось строго[7] и касалось как штатных воспитанниц, поступавших на казенные вакансии, так и своекоштных. А. Н. Шеншин недаром добивался причисления себя и своего потом-

[5] *Черепнин*. Т. 1. С. 422.

[6] Там же. С. 409.

[7] Н. П. Черепнин приводит следующий пример: петербургский митрополит Антоний ходатайствовал о принятии в Общество двух его внучек; ему, согласно воле императрицы, было, однако, отказано ввиду того, что они были записаны не в шестую, а в третью часть дворянской родословной книги (Там же. Т. 2. С. 137).

Здание Императорского Воспитательного общества благородных девиц. Гравюра. Около 1864 г.

ства к древнему дворянству уже после того, как в 1830 году без хлопот оформил потомственное дворянство по своему чину ротмистра.[8]

Императрица Мария Федоровна смягчила крайности екатерининского устава, сократив максимальный срок пребывания в институте с двенадцати до девяти лет и увеличив до восьми лет минимальный возраст поступления. При этом Смольный остался закрытым учебным заведением, воспитанницы могли покидать его стены только в исключительных случаях и только с разрешения начальства, время посещения родственников было ограничено. Смолянки делились по возрастам на три класса, именуемые по цвету форменных платьев кофейным, голубым и белым (старший класс получил свое название по цвету бального наряда выпускниц, обычная форма была темно-зеленой). Срок обучения в каждом классе составлял три года, соответственно каждые три года происходил выпуск и новый набор воспитанниц на казенные вакансии.

Личное дело сестер Шеншиных хранится в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, в составе фонда Воспитательного общества благородных девиц. Открывает дело комплекс документов, поступивший в Совет Воспи-

[8] См. об этом подробнее: *Кузьмина И. А.* Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ*. 2003. № 1. С. 141.

тательного общества 25 февраля 1840 года с пометой: «получено от Его Прев<осходительст>ва Н. П. Новосильцова».[9]

1

В учрежденный при Воспитательном обществе благородных девиц
Совет
ротмистра Афанасья Неофитова сына Шеншина
Прошение

Желая доставить дочерям моим, Анне 9-ти и Надежде 7-ми лет, приличное званию их воспитание, покорнейше прошу оный Совет исходатайствовать Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение на принятие их в младший благородный возраст пансионерками на моем иждивении. При сем честь имею представить свидетельства о происхождении, рождении, здоровье и учении помянутых дочерей моих вместе с надлежащим обязательством в исправном платеже пансионных денег.

<*Рукой Шеншина*:>

К сему прошению ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин руку приложил.

Февраля дня,
1840-го года.[10]

2

1840-го года февраля дня, я, нижеподписавшийся ротмистр Афанасий Шеншин, во исполнение Высочайше утвержденных в ноябре месяце 1834-го года правил, дал сию подписку Воспитательному обществу благородных девиц в том, что если последует Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение на принятие дочерей моих Анны и Надежды в Общество благородных девиц пансионерками на соб-

[9] *Новосильцов* Николай Петрович (1789—1856) — тайный советник, сенатор, член Комиссии прошений, в 1832—1842 гг. член Совета Воспитательного общества благородных девиц. В качестве орловского помещика был знаком с А. Н. Шеншиным, посещал Новоселки и даже обращался к Шеншину за помощью в управлении имениями (*РГ*. С. 75); в 1835 г. содействовал помещению Любы Шеншиной в Екатерининский институт. Фет вспоминает, как перед отъездом в Верро отец возил его в дом Н. П. Новосильцова на Миллионной улице (Там же. С. 80).

[10] *ЦГИА СПб*. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 2. Анна Шеншина родилась 7 ноября 1830 г., Надежда Шеншина — 11 сентября 1832 г. (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 497—497 об.).

ственное мое иждивение, то следующие за них во все время воспитания пансионные деньги, составляющие на серебро по 700 рублей ежегодно, обязуюсь платить за каждые полгода вперед без всяких недоимок, не требуя сих денег обратно и тогда, когда бы помянутые дочери мои по каким-либо обстоятельствам взяты были из сего Заведения и прежде срока, по который внесены за них деньги. В обеспечение сего предъявляю недвижимое мое имение, состоящее Воронежской губернии Землянского уезда, в деревне Васильевке 250 душ.

<*Рукой Шеншина*:>

Ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин.[11]

3

1840-го года февраля дня, мы, нижеподписавшиеся, ручаемся в исправном платеже означенных пансионных денег с тем, что если оные по прошествии 3-х месяцев после срока не будут внесены, то мы обязуемся при первом востребовании немедленно заплатить все что следует, не доводя Общество ни до какой дальнейшей переписки, хотя бы и было известно, что за отцом или родственниками сих девиц есть имение.

<*Подписи*:>

Статс-секретарь, сенатор, тайный советник и кавалер Николай Новосильцов. Недвижимое мое имение, в 1200 душах заключающееся, находится Орловской губернии в Болховском уезде.

Во всем вышеписанном за девиц Шеншиных ручаюсь. Тайный советник Семен Маврин.[12]

4

Свидетельство № 15

Дано сие по определению Орловского дворянского депутатского собрания, настоящего 1835 года генваря 22 дня состоявшемуся, г. ротмистра Афанасья Неофитовича Шеншина дочери Анне, имеющей от роду

[11] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 3.

[12] Там же. Л. 4. *Маврин* Семен Филиппович (1772—1850) — тайный советник, сенатор, с 30 декабря 1840 г. действительный тайный советник. Маврин был давним приятелем Петра Неофитовича Шеншина, крестного отца Фета. В 1833 г. он купил в Болховском уезде Орловской губернии несколько имений, в том числе Мымрино и Ильинское. Летом 1840 г. Фет приезжал для охоты в Ильинское, ночевал в пустующем барском доме (*РГ*. С. 186—188; см. также: *Ашихмина Е. Н.* Ильинское: хозяева и гости // Орловский вестник. 2008. № 29). Позднее Фет случайно познакомился с зятем С. Ф. Маврина, Борисом Григорьевичем Глинкой-Мавриным (ок. 1810—1895) (см.: *РГ*. С. 189—190).

четыре года, в том, что она действительно происходит из дворян, и вышеозначенный родитель ее, по представленным на дворянство доказательствам, внесен в шестую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

Генваря 28 дня 1835 года.

<*Подписи*:>

Приявший должность губернского, орловский уездный предводитель дворянства подполковник и кавалер Павел Глебов.

Секретарь дворянства Козаков.

Столоначальник Петровский.[13]

5

Свидетельство

Сим свидетельствую, что мценского помещика ротмистра Афанасья Неофитова Шеншина дочь Анна по моему осмотру имеет прививную предохранительную оспу и никакими не одержима болезнями, могущими препятствовать к принятию ее в какое-либо казенное учебное заведение. Февраля 3 дня 1840 года.

Орловской Врачебной управы инспектор Деппиш.[14]

6

1840-го года февраля дня дано сие свидетельство в том, что девицы Анна и Надежда Шеншины, дочери ротмистра Афанасья Шеншина, обучены чтению и письму на российском, немецком и французском языках.

<*Подписи*:>

Действительный статский советник и кавалер Петр Васильев сын Милорадович.

Сенатский регистратор Егор Андреев сын Козьмин.[15]

---

[13] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 5. Аналогичное свидетельство № 16, выданное Надежде Шеншиной: Там же. Л. 6.

[14] Там же. Л. 7. Аналогичное свидетельство, выданное Надежде Шеншиной: Там же. Л. 8. Михаил Балтазарович *Деппиш*, по данным адрес-календаря на 1839 г., был инспектором во Врачебной управе Орловской губернии.

[15] Там же. Л. 9. *Милорадович* Петр Васильевич (1782—1861) — орловский губернский предводитель дворянства (1821—1832), с 1839 г. действительный статский советник. Владел благоприобретенным имением при селе Упорой Дмитровского уезда Орловской губернии. *Козмин* (возможно прочтение «Казмин») Егор Андреевич — лицо неустановленное. Милорадович и Козмин в 1840 г., видимо, не

29 февраля 1840 года Совет Воспитательного общества благородных девиц, рассмотрев прошение Шеншина и представленные им документы, положил, «согласно с мнением г. начальницы, испросить всеподданнейшим докладом Высочайшее Ее Императорского Величества соизволение принять ныне же в кофейный класс Общества девиц Анну и Надежду Шеншиных пансионерками на иждивении отца».[16] В деле имеется копия с представленного императрице Александре Федоровне доклада, который был утвержден ею 7 марта 1840 года (на подлинном — резолюция императрицы: «Согласна. Александра»).[17]

Завершив свои дела, Шеншин 7 или 8 марта покинул Петербург, причем выехал он в направлении не Москвы, а Дерпта.[18] Рядом с Дерптом находился небольшой городок Верро с пансионом Генриха Крюммера, где в свое время воспитывался Фет, а позднее его брат Василий. В январе следующего года, когда Шеншин приезжал в Петербург за старшей своей дочерью Любовью, выпущенной из Екатерининского института, его путь также пролегал через Дерпт. Очевидно, обе поездки были как-то связаны с определением Василия в пансион.[19]

состояли на государственной службе, но этого и не требовалось. В «Правилах на определение в С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины девиц пансионерками на иждивение их родителей», где дается описание необходимых документов (тех самых, что предоставил А. Н. Шеншин), сказано, что свидетельство об учении должно быть «за подписанием каких-либо достоверных особ» (*ЦГИА СПб.* Ф. 3. Оп. 1. № 164. Л. 150 об.). Правила для определения в Смольный были аналогичными.

[16] Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 10—10 об.

[17] Там же. Л. 11.

[18] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1840. 10 марта. № 56. Л. 552. Далее ссылки на эту газету: *Прибавления*, с указанием года, номера и страницы.

[19] Поскольку год поступления Василия в пансион неизвестен, рассмотрим этот вопрос подробнее. Судя по газетным сообщениям, Шеншин побывал в Дерпте в марте 1840 и в январе 1841 г. Воспоминания Фета противоречивы: поэт утверждает, что, приехав в Новоселки на летние каникулы после неудачных экзаменов (по политической экономии он получил единицу), обнаружил дома семилетнего Петрушу, при котором был учитель-семинарист, а другого брата, Васю, отец «еще зимою» отвез «кратчайшим путем в Верро в институт Крюммера» (*РГ*. С. 181—182). Экзамен у профессора Чивилева Фет провалил весной 1840 г. (*Летопись (1885)*. С. 143). С другой стороны, брату Петру исполнилось семь лет 15 февраля 1841 г., сомнительно, что годом раньше у него уже был учитель. Представляется важным и замечание Фета о кратчайшем пути. Обычный путь в Дерпт пролегал через Москву и Петербург, таков был маршрут Шеншина в феврале — марте 1840 г. Маршрут 1841 г. был, видимо, построен иначе: Шеншин, прибывший в Петербург из Дерпта 24—26 января, выехал оттуда 9 или 10 марта в направлении не Москвы, а сразу Мценска (*Прибавления*. 1841. 28 января. № 22. С. 216; 12 марта. № 57. С. 634). Все это склоняет к предположению, что Шеншин отдал Василия

Смольный институт. Прием родителей

Смольный институт. Урок танцев. Менуэт.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.

Но вернемся к младшим дочерям А. Н. Шеншина. 7 марта они были приняты в Смольный институт, фактически же поступили туда несколько позже, для чего Шеншину пришлось еще раз посетить столицу. По сообщениям газет, Шеншин, прибыв в Петербург 28—30 июня 1840 года, выехал обратно в Москву 11 или 12 июля.[20] А 10 июля он отвез дочерей в Смольный, о чем свидетельствуют следующие документы:

1

1840-го года, июля 10-го дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в Канцелярии Совета Воспитательного общества благородных девиц в том, что обязуюсь представленных мною ныне в младший благородный возраст дочерей моих, *Анну* и *Надежду Шеншиных*, пансионерками на моем иждивении, по окончании узаконенного для воспитания срока принять обратно вовсе на мое попечение; вероисповедания они православного, в чем собственноручно подписуюсь.

<*Рукой А. Н. Шеншина*:>
Ротмистр Афанасий Шеншин.
Жительство имею Орловской губернии во Мценском уезде.[21]

2
<Копия квитанции>
№ 420

1840-го года, июля 10-го дня, получено в сумму Воспитательного общества благородных девиц от ротмистра Афанасья Шеншина за воспитывающихся в оном Обществе пенсионерками (Так! — *И. К.*) на его иждивении дочерей его, Анну и Надежду Шеншиных, пенсионных денег, считая сего года, июля с 10-го числа впредь на один <год>, то есть по 10-е число июля месяца будущего 1841-го года, серебром *семьсот* рублей, в чем и дана сия квитанция, с приложением оного Общества печати.
Кассир.

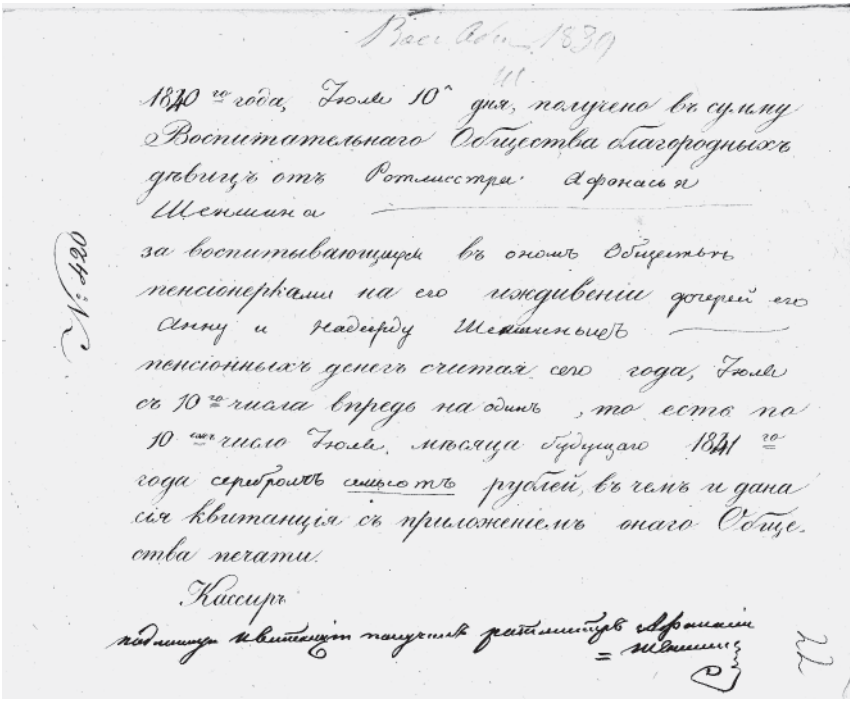
<*Рукой А. Н. Шеншина*:>
Подлинную квитанцию получил ротмистр Афанасий Шеншин.[22]

в пансион в январе 1841 г. — уже после того, как в 1840 г. устроил дочерей в Смольный институт.

[20] *Прибавления*. 1840. 2 июля. № 146. С. 1533; 14 июля. № 157. С. 1618.

[21] *ЦГИА СПб*. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 12.

[22] Там же. Л. 22.



Вас. Абр. 1839

1840 го года, Іюля 10 дня, получено въ сумму Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ отъ Ротмистра Афонасья Шеншина за воспитывающихся въ ономъ Обществѣ пенсіонерками на его иждивеніи дочерей его Анну и Надежду Шеншиныхъ пенсіонныхъ денегъ считая сего года, Іюля съ 10 го числа впредь на одинъ, то есть по 10 ое число Іюля мѣсяца будущаго 1841 го года серебромъ семьсотъ рублей, въ чемъ и дана сія квитанція съ приложеніемъ онаго Общества печати.

Кассиръ

подлинную квитанцію получилъ ротмистръ Афонасій Шеншинъ

№ 420

Квитанция об оплате обучения за 1840/1841 г. в Смольном институте Анны и Надежды Шеншиных, выданная А. Н. Шеншину 10 июля 1840 г.

Как видим, Шеншин возил дочерей в Петербург дважды, в феврале и июле 1840 года, причем оба раза — через Москву. Фет в своих воспоминаниях мог описать только зимний приезд отчима, поскольку июнь—июль он провел в Новоселках.[23] Следовательно, датировка интересующего нас эпизода находится в интервале между 3 февраля (такова дата на справках о здоровье девочек, выданных в Орле) и 25 февраля 1840 года, когда прошение Шеншина поступило в Совет Воспитательного общества. Скорее всего, Фет виделся с проезжающими через Москву отчимом и сестрами и узнал об увольнении «мадмуазель Б.» в середине февраля 1840 года.

Воспитанниц, поступивших на казенные вакансии, привозили в институт к 1 августа, когда начинался учебный год. Для «своекоштных» правила были другие. Они «зачислялись во всякое время, независимо от общего приема, с соизволения Их Величеств, но должны были подвергнуться экзамену в объеме пройденного в соответствую-

[23] *Летопись (1985)*. С. 143.

щем классе».[24] Неизвестно, экзаменовали ли сестер Шеншиных, но с разрешения императрицы они были определены в класс младшего возраста, общий прием в который состоялся в 1839 году. Трудно сказать с определенностью, почему Шеншин не оставил детей в институте сразу после их зачисления, предпочтя четыре месяца спустя повторить тысячеверстный путь до Петербурга. Естественное предположение, что первый раз он ездил один или с сыном Василием, а дочерей благодаря ходатайству Н. П. Новосильцова устроил в институт заочно, по документам, вступает в противоречие с воспоминаниями Фета.

Теперь перейдем к документам, проливающим свет на судьбу Анны Шеншиной.

Из рапорта начальницы Воспитательного общества М. П. Леонтьевой статс-секретарю А. Л. Гофману от 8 февраля 1844 года:

> С сердечным прискорбием нужным считаю уведомить Ваше Превосходительство, что воспитывавшаяся в среднем возрасте Общества благородных девиц девица Анна Шеншина, пансионеркою отца своего, вчерашнего числа в ночи после 2-хдневного пребывания в лазарете от последствий внезапной жестокой боли в желудке и судорог скончалась. В предположении, что это мог быть летаргический сон, все средства употреблены были для приведения ее в себя; но все старание врачей было тщетно.[25]

Из рапорта инспектора по медицинской части учреждений императрицы Марии И. Ф. Рюля статс-секретарю А. Л. Гофману от 10 февраля 1844 года:

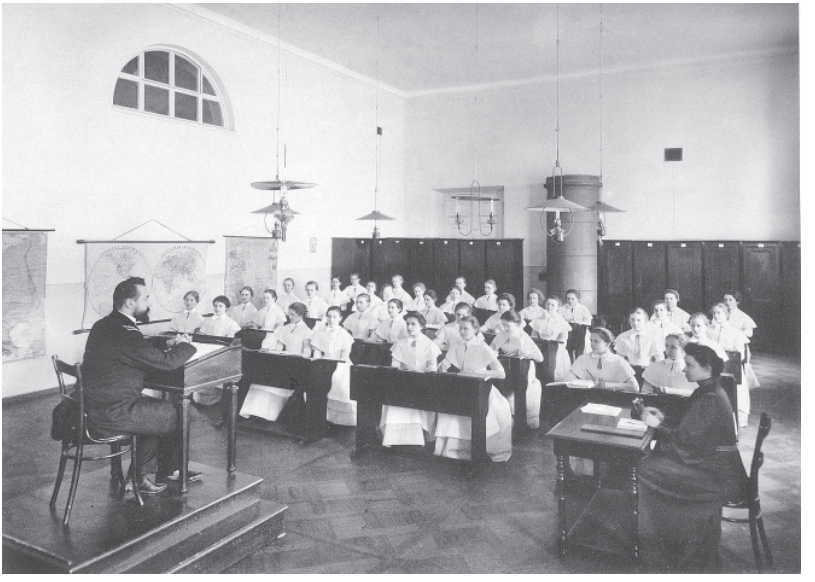
> Вследствие скоропостижной смерти, приключившейся в ночь от 7-го на 8-ое число сего февраля, в 4 часа, с воспитанницею Общества благородных девиц 2-го класса Анною Шеншиною, долгом поставляю донести Вашему Превосходительству, что на 3-ий день после кончины помянутой девицы произведено было вскрытие тела ее, и что́ чрез сие найдено, имею честь в приложенном при сем описании представить Вашему Превосходительству для всеподданнейшего донесения Государю Императору <...>.[26]

---

[24] *Черепнин*. Т. 2. С. 139.

[25] *РГИА*. Ф. 759. Оп. 4. № 219. Л. 74. *Леонтьева* Мария Павловна (урожд. Шипова; 1792—1874), воспитанница Смольного института (1800—1809), выпущена с шифром. С 1838 г. помощница начальницы, с 1839 г. и до конца жизни — начальница Смольного. *Гофман* Андрей Логгинович (1798—1863), статс-секретарь по делам управления учреждениями императрицы Марии (1842—1861).

[26] Там же. Л. 71.



Смольный институт.
Урок истории в I классе городского (первого) отделения

Смольный институт.
Урок французского языка в III классе невского (второго) отделения.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.

Смольный институт. Дортуар

Смольный институт. Столовая.
Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг».
Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг.

<Акт о вскрытии тела Анны Шеншиной>

1844 года, февраля 5-го числа, прибыла в лазарет Общества благородных девиц воспитанница среднего класса оного Общества девица Анна Шеншина, у которой при осмотре врачей нашли признаки незначительной желудочной лихорадки; почему прописано было соответственно положению ее лекарство. В продолжение двух суток до 4-го часу пополуночи 7-го числа сего же месяца больная провела довольно спокойно, когда вдруг в означенном 4-м часу, проснувшись, почувствовала сильную боль под ложечкою, сделалась рвота, вслед за сим судороги, при коих в короткое время и скончалась.

При вскрытии тела на третьи сутки, в присутствии господина инспектора, лейб-медика Рюля, гг. профессоров Буяльского и Пирогова, также врачей сего заведения, нашли следующее:

<...> Из состояния органов, найденного при вскрытии, очевидно, что больная, находившаяся в летах развития, страдала уже прежде болезнию, известною под именем девичьей немочи (chlorosis), в которой, как известно, кровь имеет водянистое свойство с уменьшенным количеством багряности и волокнины (fibrin); в последние дни жизни, от неизвестной причины, образовалось скопление серозно-кровяной влаги в обеих полостях груди (правой и левой) околосердечной сумки и в ткани самого легкого, чрез просачивание, без всяких признаков воспаления и было непосредственною или ближайшею причиною смерти от онемения сердца и легких.

<*Подписи*:>

Старший доктор Общества благородных девиц Корнелиус.

Профессор доктор Пирогов.

Заслуженный профессор Буяльский.

Инспектор, лейб-медик Иван Рюль.[27]

Внезапная кончина Анны Шеншиной не была в то время событием исключительным: слабое развитие медицины отзывалось высокой детской смертностью. Как отмечает Н. П. Черепнин, воспитанницы Смольного умирали почти ежегодно: «Донося императрице о минув-

[27] *РГИА*. Ф. 759. Оп. 4. № 219. Л. 72—73. Дубликат этого документа хранится в личном деле сестер Шеншиных (*ЦГИА СПб*. Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 16—16 об., 31). *Корнелиус* Федор Иванович (ум. 1848) — доктор медицины, служил в Воспитательном обществе с 1837 г. *Пирогов* Николай Иванович (1810—1881) — основоположник русской военно-полевой хирургии; в 1844 г. профессор кафедры хирургии Медико-хирургической академии. *Буяльский* Илья Васильевич (1789—1866) — заслуженный профессор кафедры анатомии Медико-хирургической академии, академик (с 1842 г.); способствовал развитию отечественной судебной медицины. *Рюль* Иван Федорович (Johann Georg von Ruehl; 1768—1846) — лейб-медик, действительный тайный советник, инспектор медицинской части Учреждений императрицы Марии, доктор медицины и хирургии.

шем 1845 „счастливом“ годе, когда не было ни одного смертного случая среди воспитанниц, М. П. Леонтьева добавляет с тревогой: „...Cependent je ne jouis de cette joie qu'avec crainte et tremblement dans l'idée que l'année actuelle prendra peut-être sa revanche sur la précédente... (...Тем не менее я наслаждаюсь этой радостью лишь со страхом и трепетом от мысли, что нынешний год, возможно, возьмет реванш за предыдущий. — *франц.*)“».[28] Характерно, что врачи, подписавшие акт о вскрытии тела Шеншиной, среди которых были такие выдающиеся специалисты, как хирург Н. И. Пирогов и анатом И. В. Буяльский, не смогли установить настоящую причину смерти.

Вскрытие показало, что Анна страдала так называемой «девичьей немочью», то есть малокровием, обычной для смолянок болезнью, развивавшейся в значительной степени из-за скудного и лишенного некоторых необходимых элементов питания. «Надо сказать, что нас очень плохо кормили, мы всегда были голодные, — вспоминает одноклассница сестер Шеншиных М. С. Угличанинова. — Не говорю уже, из какой провизии и как были приготовлены кушанья, с этим, пожалуй, мы бы и примирились, если бы хотя порции были побольше или давали достаточно черного хлеба, но все это было так аккуратно размерено, что из-за стола мы выходили всегда голодные, а мы ведь росли и постоянно были в движении».[29]

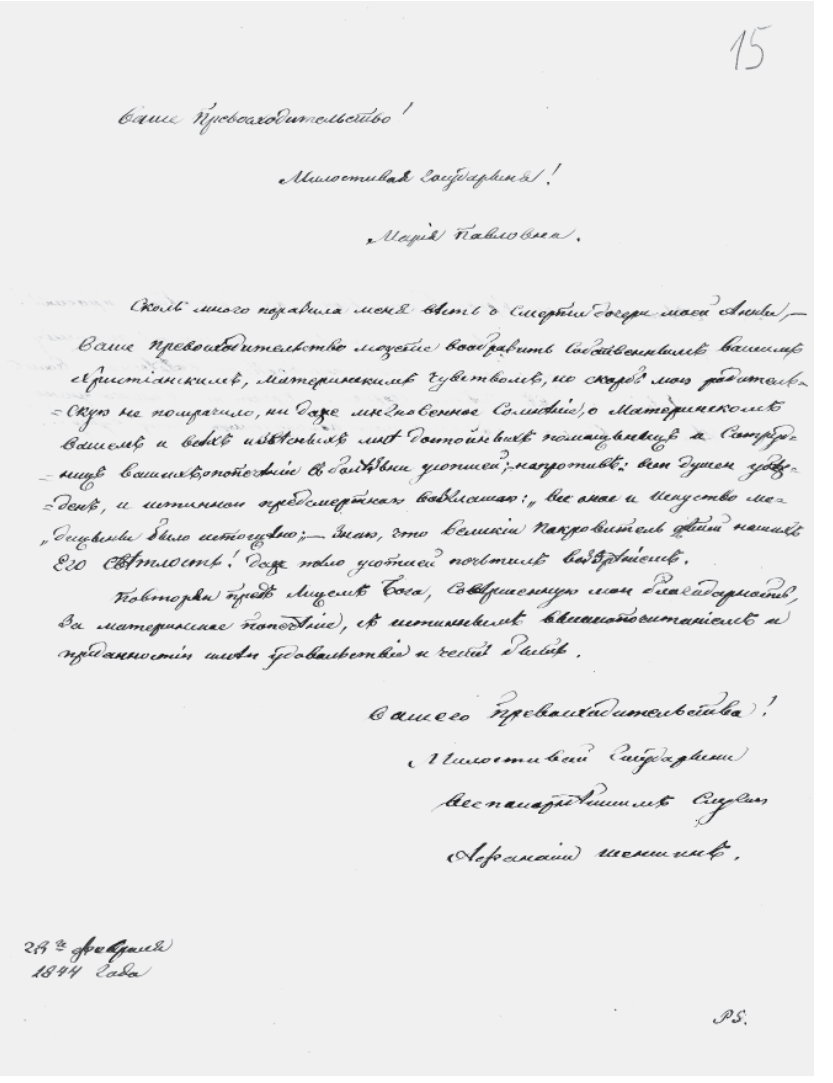
Никаких сведений о том, где была похоронена сестра Фета, в документах фонда Воспитательного общества найти не удалось. О реакции родных Анны можно судить по письму ее отца, А. Н. Шеншина, обращенному к начальнице Воспитательного общества М. П. Леонтьевой, которое публикуем ниже, сохраняя некоторые особенности авторской пунктуации.

Ваше Превосходительство!
Милостивая Государыня!
Мария Павловна.

Сколь много поразила меня весть о смерти дочери моей Анны, — Ваше Превосходительство можете вообразить собственным Вашим христианским, материнским чувством, но скорбь мою родительскую не помрачило ни даже мгновенное сомнение о материнском Вашем и всех

[28] *Черепнин*. Т. 2. С. 128.

[29] *Угличанинова М. С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М., 1901. С. 24—25. Далее ссылки на это издание: *Угличанинова*, с указанием страницы. Дочь небогатых провинциальных дворян, Мария Сергеевна Угличанинова (урожд. Воронова) поступила в Смольный институт в 1839 г. и была выпущена одновременно с Надей Шеншиной.



15

Ваше Превосходительство!

Милостивая Государыня!

Марія Павловна.

Сколь много поразила меня вѣсть о смерти дочери моей Анны, — Ваше Превосходительство можете вообразить собственнымъ вашимъ христіанскимъ, материнскимъ чувствомъ, но скорбь мою родительскую не помрачило, ни даже мгновенное сомнѣніе, о Материнскомъ вашемъ и всѣхъ извѣстныхъ мнѣ достойныхъ помощницъ и сотрудницъ вашихъ, о попеченіи въ болѣзни усопшей; — напротивъ: всю душею убежденъ, и истинною предсмертною возглашаю: „все оное и искусство медицины было истощено; — Знаю, что великій Покровитель дѣтей нашихъ Его Свѣтлость! даже тѣло усопшей почтилъ воззрѣніемъ.

Повторяю предъ лицемъ Бога, совершенную мою благодарность, за материнское попеченіе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю удовольствіе и честь быть.

Вашего Превосходительства!

Милостивой Государыни

Всепокорнѣйшимъ Слугою

Афанасій Шеншинъ.

28го февраля
1844 года

P.S.

Письмо А. Н. Шеншина к М. П. Леонтьевой от 28 февраля 1844 г.
Первая страница

известных мне достойных помощниц и сотрудниц Ваших, о попечении в болезни усопшей; — напротив: всею душою убежден и истинной предсмертною возглашаю: «все оное и искусство медицины было истощено». — Знаю, что великий покровитель детей наших Его Светлость! даже тело усопшей почтил воззрением.

Повторяя пред лицом Бога совершенную мою благодарность за материнское попечение, с истинным высокопочитанием и преданностию имею удовольствие и честь быть

Вашего Превосходительства!
Милостивой Государыни
всепокорнейшим слугою
Афанасий Шеншин.

28-го февраля
1844 года.

P. S.
Решился, Ваше Превосходительство, всепокорнейшее просить! приказать, по получении этого письма, — отслужить панихиду по усопшей, ежели это не противно порядку вверенного Вам заведения, или в соседней церкви. — Простите великодушно дерзость отца, — понимающего возвышенную Вашу душу!!![30]

Из рассмотренных документов явствует, что Анна Шеншина скончалась от неустановленной болезни в лазарете Смольного института 7 февраля 1844 года в возрасте 13 лет. Ее сестра Надя осталась в институте до конца положенного срока, вплоть до начала марта 1848 года. В «Списке девиц, выпущенных в 1848 году из Общества благородных девиц» есть следующая запись за номером 71:

Надежда Неофитовна Шеншина, аттестат за № 387 и книгу Нового Завета получила. <*Подпись*:> Надежда Шеншина.

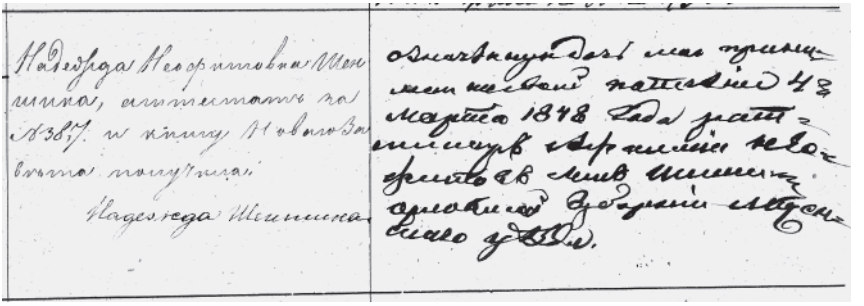
И справа, рукой А. Н. Шеншина:

Означенную дочь мою принимаю на свое попечение 4-го марта 1848 года. Ротмистр Афанасий Неофитов сын Шеншин Орловской губернии Мценского уезда.[31]

Нельзя не отметить курьезный факт: во всех документах Воспитательного общества, начиная с обложки личного дела, сестры Шеншин-

[30] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 15—15 об. «Великий покровитель детей наших Его Светлость» — принц Петр Георгиевич Ольденбургский (1812—1881), выдающийся деятель в сфере просвещения и благотворительности; член совета Воспитательного общества (1839—1853), впоследствии (с 1845 г.) председатель Главного совета женских учебных заведений. Угличанинова вспоминает, что принц Петр Ольденбургский был главным начальником надо всеми в Смольном, куда приезжал каждую неделю (*Угличанинова*. С. 20). Вероятно, подробности, касающиеся смерти его дочери, Шеншин узнал из письма Н. П. Новосильцова.

[31] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 183.



Запись о выпуске Н. А. Шеншиной из Смольного института в 1848 г.

ны записаны как Неофитовны. Ошибка была обнаружена только в марте, за считанные дни до выпуска, скорее всего, на нее указал прибывший за дочерью Шеншин.[32]

В воспоминаниях Фета Надя предстает интеллигентной, любознательной девушкой. Например, описывая совместное с сестрой путешествие по Италии, поэт отмечает: «Она сумела до известной степени сообщить мне свое живое сочувствие к произведениям искусств, которым исполнена была сама. Обладая прекрасною историческою памятью, она сумела заинтересовать и меня своими любимыми дорафаэлевскими живописцами <...>».[33] Тем не менее в институте Надю определили во второе отделение, вместе со сравнительно слабыми ученицами. Возможно, причина заключалась в ее хрупком здоровье. Предметы, изучавшиеся во втором отделении, были те же, что и в первом, но преподавались в меньшем объеме. «Общий рапорт по классной части об успехах воспитанниц Общества и Александровского училища», составленный в 1848 году инспектором классов М. М. Тимаевым, содержит отметки («отлично», «очень хорошо», «довольно хорошо», «хорошо» и «посредственно»), которые были проставлены в аттестаты выпускниц. Многие ученицы второго отделения по ряду предметов

[32] Аналогичная история произошла с племянницей Фета Олей Шеншиной, осиротевшей во младенчестве, до девяти лет жившей у тетки, а потом помещенной опекуном И. П. Борисовым в московский пансион Эвениус. В письме к Фету от 17 августа 1868 г. Борисов, рассказывая о свидании с Олей, сообщает: «Девочка выросла, и действительно ей хорошо. Но каково было общее изумление, когда вследствие спора ее с Петей (сыном Борисова. — *И. К.*) узнаем, что она *не знала*, как звали ее отца. До сих пор она была *Афанасьевна*, и Петя только ей открыл — Васильевну. Вот что <значит> индейское воспитание» (*Письма Борисова (3)*. С. 535).

[33] *МВ*. Ч. 1. С. 164. Фет пишет также о характерном для Нади стремлении «к идеальному миру» (Там же. С. 8) и о том, что она «едва ли не одна из целого семейства» Шеншиных знала о его стихотворстве (Там же. С. 2).

оказались неаттестованными (вместо отметки — прочерк). Дело в том, что в Смольном все воспитанницы переходили из класса в класс одновременно, независимо от успеваемости. На второй год никого не оставляли, да это было и затруднительно при трехгодичных классах. Однако аттестат честно отражал уровень знаний его обладательницы. Так, последняя в списке по второму отделению, Елизавета Челеева, была аттестована только по закону божию, российской словесности, чистописанию, танцеванию и рукоделию.[34]

В аттестат Надежды Шеншиной, кончившей курс в своем отделении третьей, вошли следующие отметки: нравственность, закон божий, словесность российская, словесность французская и словесность немецкая, арифметика, естественная история, физика, география, история — «очень хорошо»; «искусства»: рисование — «довольно хорошо», чистописание — «посредственно», пение — «хорошо», музыка — «очень хорошо», танцевание — «очень хорошо». И, наконец, рукоделие — «хорошо».[35] В числе двенадцати лучших воспитанниц второго отделения Надя Шеншина была награждена при выпуске книгой с надписью «за благонравие и успехи».[36]

Единственное «посредственно» — по чистописанию — роднит Надю с ее братом Афанасием, обладавшим, по мнению его корреспондентов, да и его собственному, неразборчивым почерком. Естественная история — это, вероятно, общее название для ботаники, минералогии и зоологии. По свидетельству М. С. Угличаниновой, данные предметы, как и физику, преподавали в белом классе на французском языке в сжатом виде.[37] Уроки музыки А. Н. Шеншин оплачивал дополнительно, о чем свидетельствуют сохранившиеся в личном деле сестер Шеншиных квитанции.[38] Надо отдать должное Афанасию Неофитовичу, при всей недостаточности своих средств, он не скупился, когда дело касалось образования его детей.

Повествуя в своих мемуарах о студенческих годах и о службе в кирасирском полку, то есть о том периоде, когда Надя находилась в ин-

---

[34] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 159 об.—160. «...В нашем классе были две воспитанницы, — вспоминала Угличанинова, — которые при выпуске едва умели написать свои фамилии, их учители уже и не вызывали к ответу уроков, а только ставили в книге нули <...>» (*Угличанинова.* С. 19).

[35] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 5197. Л. 157 об.—158. В журнале Тимаева отчество Нади «Неофитовна» зачеркнуто, выше вписано «Афанасьевна».

[36] В «Списке отличнейших воспитанниц», утвержденном императрицей 1 марта 1848 г., значится по второму отделению Надежда Неофитовна Шеншина (*РГИА.* Ф. 759. Оп. 4. № 234. Л. 9 об.).

[37] *Угличанинова.* С. 20.

[38] *ЦГИА СПб.* Ф. 2. Оп. 1. № 4121. Л. 13, 17, 21.

М. М. Тимаев, инспектор классов в Смольном институте
в 1839—1858 гг.

ституте, Фет ни словом не обмолвился о посещении Смольного. Сюжет этот всплыл скорее случайно при описании более поздних событий. Во время совместного с Надей пребывания в Риме (1856 год) Фет пытался развеселить сестру, пережившую серьезную душевную травму. «Я заставлял иногда сестру от души смеяться, напоминая ей, как в приезд мой в сороковых годах в Петербург кирасирским адъютантом, я представлялся ее начальнице, а та к вечернему чаю устроила для меня балет, в котором корифейкой предстала сестра. Не менее смеялась она, когда я вспоминал о нервной, полувоздушной дочери этой директрисы, сердечно любившей мою Надю и вышедшей замуж

за старика сенатора. Не набрасывая никакой тени на эти действительно достойные всякого уважения личности, я только дозволял себе выгибать спину, как выгибал ее почтенный сенатор, напоминая венгерца, несущего за спиною свою аптеку с эликсирами; да представлять с платком в руке добрейшую его супругу Marie, как она потопляет нос свой в одеколоне».[39]

Хотя мемуарист не называет никаких фамилий, идентификация упомянутых им лиц не вызывает затруднений. «Начальница», которой представлялся Фет, — это Наталия Карловна Бельгард, урожденная Свенсон (Швенсон; 1789—1862), вдова генерал-майора, служившая в Смольном инспектрисой в 1823—1848 годах. Бельгард вела как раз тот класс, в котором воспитывалась сестра Фета, о чем вспоминает М. С. Угличанинова: «При каждом классе было по одной инспектрисе. В то время, как я поступила <...> в нашем, то есть кофейном, инспектрисой была Бельгард, мать кавказских героев, Карла и Валериана Александровичей, и я помню, как Государь, приехавший к нам и которому начальница ее представила, хвалил их, назвав молодцами».[40] Круг обязанностей инспектрис объясняет, почему в памяти Фета Бельгард осталась в качестве «директрисы» (такой должности в Смольном не было вовсе) и «начальницы». «Ближайшими сотрудницами начальницы в деле воспитания являлись инспектрисы. Деятельность их при М. П. Леонтьевой сводилась к тому, что каждая из них являлась в своем „возрасте“ как бы помощницей начальницы. Они следили как за нравственным и физическим воспитанием детей, так и за общим порядком, чистотой, одеждой, бельем, едой и проч. <...> Инспектрисы руководили деятельностью классных дам, получали от них подробные ежедневные отчеты обо всем случившемся за день и в свою очередь подавали начальнице отчеты каждая о своем возрасте».[41]

Согласно информации, выложенной на содержательном сайте потомков Н. К. Бельгард,[42] муж ее, французский дворянин-роялист Александр Александрович Бельгард (Jean-Alexandre-Louis Cassier de Bellegarde; 1770—1816), эмигрировал в Россию в 1792 году. «Дав присягу на верноподданство России, он перенес любовь к Франции и преданность королям в свое новое отечество», — пишет его сын Валериан в своих «Автобиографических воспоминаниях».[43] В составе русской

[39] *МВ*. Ч. 1. С. 173.

[40] *Угличанинова*. С. 20.

[41] *Черепнин*. Т. 2. С. 112—113.

[42] Наша родословная. Генеалогические исследования А. Новожилова и Н. Белозеровой. http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.2 (дата обращения: 24.03.2021).

[43] *Бельгард В. А.* Автобиографические воспоминания // Русская старина. 1899. № 1. С. 161.

М. П. Леонтьева.
С акварели Э. П. Гау. 1840-е гг.

армии А. А. Бельгард участвовал в польской (1794) и шведской (1808) кампаниях, за взятие штурмом крепости Свартхольм был награжден орденом св. Георгия 4-го класса; в 1813 году он заболел психическим расстройством, однако после лечения вернулся на службу, последняя его должность — командир артиллерии российских войск в Великом княжестве Финляндском. Семья Бельгарда проживала в Выборге, после его смерти осталось пятеро детей: Александр (1804—1855), Карл (1807—1868), Наталия (1808—1897), Валериан (1810—1897) и Мария. Н. К. Бельгард пришлось искать дополнительные средства к существованию. «...Она получила пенсию в 1800 р. ассигнациями, и так как на эти деньги трудно было жить и воспитывать детей даже и в скром-

ном Выборге, то она хлопотала о месте, и в 1823 г. была назначена инспектрисою Смольного монастыря. Двое ее сыновей уже учились в Петербурге, а полученное место дало еще возможность воспитывать в Смольном и двух дочерей».[44]

Старшая дочь, Наталия, в 1828 году стала женой барона Засса и уехала в его имение в Восточной Пруссии.[45] Дата замужества Марии, как и год ее рождения не установлены. Известно лишь, что не позже 1845 года она обвенчалась с пожилым вдовцом Иваном Максимовичем Ореусом (1787—1863), который был старше ее «лет на 27»[46] и имел от первого брака троих детей.[47] Если сведения о разнице в возрасте между Марией и ее мужем верны, то получается, что родилась она около 1814 года, что кажется вполне правдоподобным. Детей у Марии Ореус не было. Сын выборгского губернатора, И. М. Ореус, и сам занимал высокие посты, в 1845—1849 годах был товарищем министра финансов. Для нас же более интересен тот факт, что 25 января 1846 года ему было высочайше повелено присутствовать в Правительствующем Сенате, там он служил до конца жизни и в 1860 году был пожалован в действительные тайные советники.

Возможно, Мария Ореус подружилась с Надей Шеншиной еще до своего замужества, когда вместе с матерью проживала в служебной квартире при Смольном. Свою привязанность к Наде молодая женщина сохранила и после того, как ее подопечная вышла из института, продолжая следить за ее жизнью и принимая в ней участие.

Для Нади М. А. Ореус, по возрасту годившаяся ей в матери, была не только другом, но и несомненным авторитетом. Характерно ее письмо 1850 года, где нервная, неуверенная в себе девушка жалуется брату Василию на то, что ее попытки самообразования не имеют успеха и она остается, «как и была, невеждой во всех отношениях»: «Если бы появился кто-то, кто руководил бы мною, кто показал бы мне путь, по которому идти. Будучи уже некоторое время в таком состоянии,

---

[44] *Бельгард В. А.* Автобиографические воспоминания. С. 162.

[45] http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.4 (дата обращения: 24.03.2021).

[46] http://novbelgen.net/index.php/bg#bg.8 (дата обращения: 24.03.2021).

[47] В формулярном списке о службе Ореуса, составленном в 1845 г., значится: «Женат вторым браком», но имя жены не указано (*РГИА*. Ф. 560. Оп. 8. № 660. Л. 9). Формуляр 1858 г. дает более точные сведения: «Женат вторым браком на дочери генерал-майора Бельгарда Марии Александровне, имеет сыновей: Николая, родившегося 2 апреля 1827 г., надворный советник в ведомстве Министерства императорского двора; Ивана, родившегося 11 декабря 1830 г., капитан в Гвардейском Генеральном штабе; и дочь — Софию, родившуюся 13 июня 1825 г., вдову поручика Бибикова. Жена вероисповедания католического, дети — православного» (Там же. Ф. 1349. Оп. 3. № 1622. Л. 78).

я имела глупость поверить обещаниям г-жи Ореус, я ждала ее как своего ангела-хранителя, я верила, что она займется мной и просветит меня, насколько это возможно по отношению к человеку в моем положении, увы! она даже не собирается в наши края».[48] Видимо, дочь инспектрисы Бельгард была неплохо образованна, если Надя связывала с ней надежды подобного рода.

Другое письмо с упоминанием Ореус, от 20 мая 1855 года, принадлежит старшей сестре Нади, Любови Афанасьевне Шеншиной, которая писала Фету из Орловской губернии: «Ты верно захочешь иметь также последнее известие об Наденьке, она, как ты уже знаешь, зиму была в Москве, все лечилась, но тамошние господа доктора, начиная с Овера и Иноземцева, ей нисколько не помогли. Наконец, мы было решились отправить <ее> за границу для минеральных вод, а между тем она писала Mme Ореус об этом (к своему другу), которая ее убедительно просила приехать в Петербург и попробовать ихних докторов, так мы и сделали».[49] Как следует из продолжения письма Шеншиной, совет Ореус принес Наде пользу: в Петербурге нашелся гомеопат, сумевший поправить ее здоровье.

В начале 1870-х годов М. А. Ореус еще проживала в Петербурге,[50] затем ее следы затерялись. Из ее писем сохранилось только одно, написанное вскоре после того, как у Нади родился сын. Обращаясь к ее мужу, И. П. Борисову, Ореус писала:

> Не стану вам изъяснять, почтеннейший Иван Петрович, с каким чувством узнали мы о счастливом разрешении Наденьки из письма вашего, за которое муж мой и я вас душевно благодарим. Видно, что вы знали, сколько мы ценим и любим супругу вашу, и потому вы можете себе представить, с каким тревожным чувством мы ожидали этого события, никогда небезопасного. Дай Бог, чтобы малютка рос вам обоим на радость и чтобы вы наслаждались им все более и более, как образом матери его.
>
> Намек на то, что вы все будете в Петербурге, поразил нас самым радостным образом, хотя и не совсем неожиданно, ибо Афанасий Афанасьевич Фет был у нас и сказал нам, что вы предполагаете побывать в Москве и Петербурге. Когда это сбудется, не знаю, но надежда познакомиться с вами лично, увидеть Наденьку и ее ребенка и семейный быт уже радует нас.

---

[48] *Письма Борисова (1)*. С. 211. Подлинник по-франц.: Там же. С. 209. Пользуемся случаем, чтобы внести поправку: вместо напечатанного нами *m-me Ozéus (Озеюс)* должно быть *m-me Oréus (Ореус)*. См. также: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 6 об.

[49] *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 70. Л. 4 об.

[50] http://novbelgen.net/bg#bg.8я (дата обращения: 24.03.2021).

Передайте Наденьке мое поздравление и желание ей скорого выздоровления и примите уверение в искренном моем уважении и преданности.

3 декабря 58. М. Ореус.[51]

Мария Ореус упоминает в своем письме о посещении Фета. Действительно, поэт был в Петербурге 13—21 ноября 1858 года, вел там переговоры о публикации своих произведений с редакторами журналов, встречался со знакомыми,[52] к числу которых теперь можно добавить и супругов Ореус. Что же касается планов Борисовых приехать в Петербург, то им не суждено было сбыться: помешал недостаток средств, а потом и вернувшаяся болезнь Нади.

Остается ответить на вопрос, когда именно Фет побывал в Смольном и познакомился с инспектрисой Бельгард, ее дочерью и зятем. Сам мемуарист утверждает, что это произошло в бытность его кирасирским адъютантом. Известно, что с марта 1846 по апрель 1848 года Фет был прикомандирован к корпусному штабу и за этот период выезжал за пределы Новороссийского края лишь на время отпуска, в котором находился с 27 сентября 1847 по 26 января 1848 года; отпуск он провел в Новоселках и в Москве, где готовил к печати сборник своих стихотворений,[53] о поездке в Петербург сведений нет, из чего, конечно, не следует, что такой поездки не было.

Но вполне вероятно, что Фет либо ошибся, связывая свой визит в Смольный с «адъютантским» периодом, либо бывал там и раньше, до поступления на военную службу. В его воспоминаниях есть подробный рассказ о поездке в Дармштадт, на родину матери, которую он совершил в 1844 году, вскоре после окончания университета. Описывая свое первое заграничное путешествие, Фет сообщает, что, добравшись до Петербурга, он «не медля взял место на отходившем в Штетин пароходе „Николай“»[54] и сразу отбыл в Кронштадт, чтобы сесть на корабль. Осенью, пробыв в Германии несколько недель, вернулся в Россию тем же путем, то есть опять-таки через Петербург, в сопровождении старшей сестры Лины, принявшей брачное предложение врача А. П. Матвеева. В Петербурге поэта встретил его друг И. П. Бори-

[51] *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 7. Л. 1—1 об. «Как образом матери его»: родившийся 14 ноября 1858 г. сын Борисовых Петя поражал сходством со своей матерью, о чем, видимо, сообщил Борисов в письме к М. А. Ореус.

[52] Письма Фета к жене от 13, 14—15 и 16 ноября 1858 г.: Там же. К. 2. № 23. Л. 3—8 об.

[53] *Летопись (1985)*. С. 148—150.

[54] *РГ*. С. 239.

сов, который принес дурную весть о смерти дяди Петра Неофитовича,[55] других подробностей о своем пребывании в столице мемуарист не сообщает. Воспользовался ли Фет случаем, чтобы навестить Надю? Если вдуматься в ситуацию, то становится понятно, что поступить иначе, независимо от собственного желания, он не мог. Прошло лишь несколько месяцев со дня внезапной смерти старшей из смолянок. Трудно представить, чтобы ее родители, зная, что Афанасий будет в Петербурге, не поручили ему непременно повидать оставшуюся дочь или чтобы Фет не понимал, с каким нетерпением тяжело больная мать ждет его рассказа о Наде. (Напомним, что Е. П. Шеншина страдала от онкологического заболевания и скончалась вскоре после возвращения сына в Новоселки, 14 ноября 1844 года.)

Итак, есть основания предполагать, что Фет побывал в Смольном осенью 1844 года, когда его сестре было около двенадцати лет. В институте ему был оказан радушный прием и, возможно, не только потому, что он был братом Нади Шеншиной. Вполне вероятно, что Мария Ореус уже знала его по журнальным публикациям как поэта.

[55] *РГ*. С. 258.

Н. П. Генералова

ФЕТ В КРУГУ БОТКИНЫХ

Названная тема вполне достойна большой книги. В самом деле, еще на заре своего поэтического пути, в 1842 году, через год с небольшим после выхода в свет первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», подписанного криптонимом «А. Ф.», Фет встретился в Василием Петровичем Боткиным, известным уже к тому времени критиком, другом Белинского, активным сотрудником популярного журнала «Отечественные записки». Именно благодаря Василию Петровичу никому не известный поэт начинает печататься в этом журнале. Исследователи не случайно называют Боткина «вторым крестным отцом таланта Фета».[1] В доме Василия Петровича Фет знакомится с блестящей плеядой московских литераторов: Герценом, Грановским и другими. А в январе 1857 года появляется программная статья Боткина «Стихотворения А. А. Фета», которую уже современники назвали «поэтическим катехизисом поэзии» (Л. Толстой).[2] Хотя статья выходила далеко за пределы рядовой рецензии на очередной поэтический сборник и действительно носила общеэстетический характер, не следует забывать, что имя Фета в ней было поставлено в один ряд с именами величайших поэтов — Пушкина и Лермонтова.[3]

---

[1] *Фет/Боткин*. С. 156. Первым «крестным отцом» Фета Ю. П. Благоволина не без основания называет Ап. А. Григорьева, хотя с не меньшим основанием можно было бы назвать и имя профессора С. П. Шевырева, с чрезвычайным вниманием отнесшегося к первым стихотворным опытам своего студента и способствовавшего продвижению их в печать. Об этом сам Фет с благодарностью вспоминал позднее в своих мемуарах (см.: *РГ*. С. 209—210).

[2] См. письмо Л. Н. Толстого к В. П. Боткину от 20 января 1857 г.: *Толстой*. Т. 60. С. 217.

[3] «Со времени Пушкина и Лермонтова мы не знаем между русскими стихотворцами таланта более поэтического, как талант г. Фета. Скажем более, по лиризму

© Н. П. Генералова, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-213-240

Сохранившаяся переписка Фета с В. П. Боткиным, сравнительно недавно полностью опубликованная в «Литературном наследстве», свидетельствует о подлинной дружбе, которая связывала двух литераторов.[4] Следует ли удивляться, что на смерть друга поэт отозвался стихотворением:

ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА
16-го октября 1869 года

Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?
Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной,
Чему всю жизнь не изменил?
Ужель сказал: за вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещих муз.
Нет! Покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал.[5]

Включая впоследствии в качестве заключительного это стихотворение в третий выпуск «Вечерних огней» (1888), последние строки Фет счел нужным снабдить примечанием: «Завещал капитал университету, консерватории и школе живописи». Боткин действительно завещал часть своего капитала Московской и Петербургской консерваториям, филологическому факультету Московского университета (в котором была учреждена стипендия его имени), нескольким художественным музеям и Художественному обществу. Значительные суммы он оставил своим родным, в том числе сестре Марии и Фету.

Судьбе было угодно сделать В. П. Боткина не только близким другом и единомышленником Фета, но и его ближайшим родственником.

чувства его можно поставить наряду с первоклассными поэтами» (*Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 212).

[4] См.: *Фет/Боткин.*

[5] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 250.

В. П. Боткин. Портрет работы К. А. Горбунова
(акварель, карандаш, белила). 1840-е гг.

В 1857 году поэт знакомится с младшей сестрой братьев Боткиных Марией и влюбляется в нее. Хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома альбом Марии Петровны Боткиной содержит драгоценный автограф Фета — стихотворение «Победа! Безоружна злоба...». Дата под ним: 8 апреля 1857 года. Это был первый день Святой недели после Пасхи, именно тогда, будучи приглашенным в дом Боткиных, Фет вписал в альбом Марии Петровны это признание в любви.

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встает из гроба, —

Чело огнем озарено. —
Все что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к Вам лечу,
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.[6]

Фет так и не решился включить это стихотворение ни в один из своих поэтических сборников, оно вышло лишь после смерти обоих супругов в первом посмертном издании сочинений, подготовленном Н. Н. Страховым и великим князем Константином Константиновичем (1894), под заглавием «В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое Воскресенье»[7] (в рабочей тетради оно имеет более точное заглавие: «В альбом. В первый день Пасхи», поскольку в 1857 году Пасха приходилась на 7 апреля). Та же судьба выпала на долю стихотворения «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»), помеченного 15 мая 1857 года, которое тоже было обращено к М. П. Боткиной.[8] Еще одно стихотворение — сохранившееся в виде дарственной надписи на переплетенных трех первых выпусках «Вечерних огней» — было обращено к жене и при жизни Фета не публиковалось. Надпись говорит о многом:

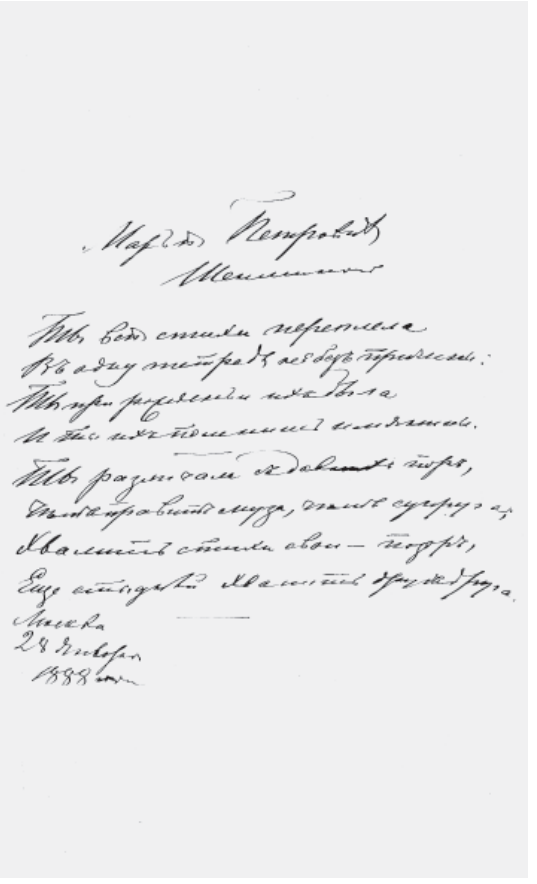
МАРЬЕ ПЕТРОВНЕ
ШЕНШИНОЙ

Ты все стихи переплела
В одну тетрадь не без причины:
Ты при рожденьи их была
И ты их помнишь именины.

[6] Цит. по: *ИРЛИ*. № 24535$_1$. Л. 64 об.; воспроизведение автографа см.: *ФетСб(3)*. С. 343. Ср.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 364. В рабочей тетради Фета сохранился еще один автограф этого стихотворения с заголовком «В альбом. В первый день Пасхи» (*ИРЛИ*. № 14166. Л. 67); см. воспроизведение автографа в наст. томе на вклейке.

[7] *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 239.

[8] Это стихотворение не вошло даже в первое посмертное собрание стихотворений 1894 г., которое готовилось при участии вдовы поэта, она было опубликовано лишь в 1901 г. в издании Б. В. Никольского (Т. 1. С. 301). См.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 365—366; Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; вступит. ст. И. А. Кузьминой // *ФетСб(3)*. С. 374, здесь же на с. 375 — воспроизведение автографа.



Дарственная надпись Фета жене «Ты все стихи переплела...»
на конволюте, содержащем три первых выпуска «Вечерних огней»

Ты различала с давних пор,
Чем правит муза, чем супруга;
Хвалить стихи свои — позор,
Еще стыдней хвалить друг друга.

Москва
28 января
1888 года.[9]

[9] Впервые стихотворение было опубликовано: *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 287. См. также: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 144. Здесь стихотворение опубликовано по автографу, цифровая копия которого любезно предоставлена Е. А. Пономаревой. Поначалу Фет, очевидно, собирался включить это посвящение в Полное собрание стихотво-

Уцелевший конволют с дарственной надписью ныне находится в Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина, в составе библиотеки И. Н. Розанова. Однако между первым и последним стихотворениями, обращенными к Марии Петровне, было немало других. Они могли бы составить целый цикл, если бы у кого-то появилось желание выделить в него стихотворения, посвященные невесте, а затем жене Фета.[10]

Фет и Мария Петровна не были юными, когда встретились и полюбили друг друга (ему было 36 лет, ей — 29), у обоих за плечами были непростые жизненные коллизии, но искренность чувств, завладевших поэтом и его будущей женой при встрече, не подлежит никакому сомнению. Сохранившиеся письма Фета к невесте, стихи, к ней обращенные, свидетельствуют о том, что в жизни обоих произошел коренной перелом. Накануне свадьбы Фет пишет В. П. Боткину: «Я так счастлив, что готов дома ломать, в груди 16 лет и каждый день стихотворение. Если б жизнь могла длиться при таких условиях, я молил бы у неба бессмертия».[11] В то же время Василий Петрович описывал брату состояние Марии Петровны: «На Машу письма Фета производят действие электричества, а сегодня от депеши она едва могла расписаться о получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова».[12] Счастливая супружеская жизнь оправдала сделанный когда-то выбор. Перед свадьбой Фет пишет стихотворение, которое посылает Марии Петровне:

Я был опять в саду твоем
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея.

рений, которое готовил перед смертью, однако затем передумал. См.: *Лукина В. А.* К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) // *ФетСб(2)*. С. 761.

[10] Впервые вопрос о цикле стихотворений, посвященных М. П. Боткиной, был поставлен Г. Д. Аслановой, опубликовавшей подборку писем Фета к невесте: 1) «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 207; 2) «От тебя одной зависит мое полное счастие...»: Письма А. А. Фета к невесте // Наше наследие. 1999. № 49. С. 42—43, примеч. 9. Вслед за Г. Д. Аслановой о «боткинском» цикле стихотворений Фета говорит и Ю. П. Благоволина: *Фет/Боткин*. С. 158—159. Посвятившая этой теме статью И. А. Кузьмина насчитала 21 стихотворение только за период весны — лета 1857 г. (см.: *Кузьмина И. А.* О «боткинском» периоде в творчестве Фета (весна — лето 1857 года) // *ФетСб(3)*. С. 166—172).

[11] *Фет/Боткин*. С. 192. Письмо от 18 (30) мая 1857 г.

[12] Цит. по: *Асланова Г. Д.* «От тебя одной зависит мое полное счастие...». С. 52, примеч. 3. Письмо к Д. П. Боткину от 7 августа 1857 г.

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени,
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна
И трав сильней благоуханье,
Зато какая тишина!
Какое томное молчанье!

Но отчего у той скамьи,
Где ты в последний раз сидела,
Все силы дрогнули мои,
И птичка сладостно запела.[13]

Шаферами на свадьбе, состоявшейся в Париже 16 августа н. ст. 1857 года, со стороны невесты были Иван Сергеевич Тургенев и ее брат Василий Петрович Боткин, со стороны жениха — Юлий Масс и брат невесты Николай Петрович Боткин.[14] Новобрачные были счастливы. Спустя несколько месяцев после свадьбы в одном из писем к брату Василию Мария Петровна писала: «Я так, Basil, привыкла к своей тихой и мирной жизни, день у нас идет порядком, помогаю Фету насколько могу, читаю, играю и работаю и, верите ли, считаю себя самой счастливейшей и богатой женщиной, и дома мне никогда не бывает скучно, если даже остаюсь одна. Я даже боюсь за свое счастье».[15]

С давних пор закрепилось расхожее мнение, что Фет женился не по любви, а по расчету, да и Марии Петровне, мол, деваться было некуда. Даже в книге известного литературоведа Б. Ф. Егорова, специально посвященной Боткиным, где Марии Петровне уделено полторы страницы, приходится читать все те же досужие сплетни, что еще при жизни преследовали поэта и его жену.[16] Можно поверить, что исследо-

[13] Приводим раннюю редакцию стихотворения по автографу из письма Фета к М. П. Боткиной от 8 (20) июня 1857 г. (см.: Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года). С. 389). В поздней редакции последняя строфа звучит иначе: «Один зарею соловей, / Таясь во мраке, робко свищет, / И под навесами ветвей / Напрасно взор кого-то ищет» (*Фет. ССиП*. Т. 1. С. 303).

[14] Сведения взяты из записи в парижской метрической книге в графе «Кто были поручители» (воспроизведение этой страницы, копию которой любезно предоставила Г. Д. Асланова, см.: *ФетСб(3)*. С. 362—363). Никаких сведений о том, что на свадьбе присутствовал Д. П. Боткин, как утверждает Б. Ф. Егоров (*Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 231), нет. К слову сказать, в подписи под групповой фотографией Боткиных, помещенной на вклейке, Дмитрий Петрович назван Владимиром, а Владимир — Дмитрием. В этой подписи мы насчитали шесть ошибок.

[15] Цит. по: *Асланова Г. Д.* «Навстречу сердцем к Вам лечу». С. 208.

[16] *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 230—231. Непонятно, на каком основании Б. Ф. Егоров решил, что Фет «прельстился» большим приданым Марии Петровны, называя

ватель не читал писем Фета к Марии Петровне, хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (хотя в своей книге он нередко ссылается на архивные материалы), но он просто обязан был ознакомиться с публикациями Г. Д. Аслановой в «Новом мире» и в «Нашем наследии», если уж взялся судить об отношениях поэта и его невесты, а потом и жены. К слову сказать, в своем исследовании истории знаменитого семейства Егоров как будто нарочито обходит Фета. А напрасно. Иначе он бы не допустил перепечатки стихотворения «Сегодня пир отрадный мы венчаем...», написанного Фетом ко дню серебряной свадьбы Дмитрия Петровича и Софьи Сергеевны Боткиных, как, «кажется, не известного исследователям творчества поэта».[17] Между тем это стихотворение вошло не только в трехтомник Б. В. Никольского 1901 года,[18] но и в основные издания «Большой серии» «Библиотеки поэта» 1937 и 1959 годов.[19]

Фет не просто женился на одной из сестер Боткиных. Он вошел в эту семью и стал в ней своим человеком. Со многими из братьев и сестер Боткиных, а потом и с их детьми у него завязались близкие отношения. Большое число стихотворений, посвященных членам семьи Боткиных, свидетельствуют о том, что весь быт этого семейства, их интересы, их многообразная деятельность привлекали Фета, всегда стоявшего за прочные семейные отношения, за воспитание трудолюбия, за бережное отношение к искусству, которыми так славились многие представители Боткиных. Фет посвящал стихи и Боткиным,

---

цифру 100 000, будто бы данную за Марией братьями Боткиными (Там же). Из надежных источников известно, что приданое М. П. Боткиной составляло 35 000 рублей серебром, таково же было состояние Фета, о чем он писал и В. П. Боткину (см. об этом: *Асланова Г. Д.* «От тебя одной зависит мое полное счастие...». С. 41; Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года). С. 348—349), и позднее в своих воспоминаниях, где упомянул, что «покойный П. К. Боткин по принципу выдавал своим дочерям самое незначительное приданое» (*МВ*. Ч. 1. С. 191). По-видимому, называя цифру 100 000, исследователь забыл упомянуть, что имел в виду сумму в ассигнациях, а это примерно и соответствовало 35 000 рублей серебром, которые никак нельзя считать большим приданым. Не случайно В. П. Боткин писал брату Дмитрию из Парижа 5 сентября н. ст. 1857 г.: «Свадьбу отпраздновали мы как следует, и через несколько дней они сбираются выехать и, вероятно, 12 сентября будут уже в Москве... Чем более думаю я об этом, тем более радуюсь за Машу. Иметь мужем такого добрейшего и хорошего человека, который взял ее не из денег, а по свободному влечению своего сердца — счастие редкое» (*ИРЛИ*. № 9029. Л. 96—96 об.).

[17] *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 127—128.

[18] *ПССт1901*. Т. 2. С. 287—288.

[19] *ПССт1937*. С. 432—433; *ПССт1959*. С. 529—530.

Семья Боткиных.
Фотография К. Бергнера. Москва, конец 1850-х гг.

В первом ряду (*сидят слева направо*): Петр, Н. К. Боткина, Сергей, Анна, Михаил. *Во втором ряду* (*слева направо*): Владимир, Павел, Дмитрий, С. П. Постников

и породнившимся с ними Щукиным, и родным Боткиных Постниковым. Одно их перечисление заняло бы немало времени. Остановимся лишь на некоторых.

Самой близкой из Боткиных, помимо Василия Петровича, оказалась для Фета семья Дмитрия Петровича, известного коллекционера западноевропейской живописи, председателя Московского общества любителей художеств. Сохранившаяся переписка говорит о глубоком

М. П. Боткина.
Портрет из альбома М. П. Боткиной. 1848 г.

взаимопонимании, о внимательном отношении друг к другу и готовности всегда прийти на помощь. Иногда письма принимали вид стихотворного послания, как, например, это, написанное новым хозяином Воробьевки вскоре после переезда:

Я с девятнадцатого — дома.
Жена вернулась в тот же день —
В восторге от ее приема.
Его описывать мне лень.

Хоть отдохнув в своей кровати,
На свет бодрее я гляжу,
Но все минувшей благодати
В здоровьи я не нахожу.

И бледно-розовые пятна,
Как возмутительный грешок,
Напоминают неопрятно
О прижиганиях кишок.

Вчера, подосланный лукаво,
Молчанов-fils у нас гостил
И я ему обдумав здраво —
В кредит пшеницу отпустил.

Ее и всей-то оказалось
Не больше тысячи и ста,
Так чтоб на месте подымалась
И забиралась без хвоста,

За четверть с 10 целковых,
Четвертачок я уступил.
В задаток тысячу всё новых
Кредитками я получил.

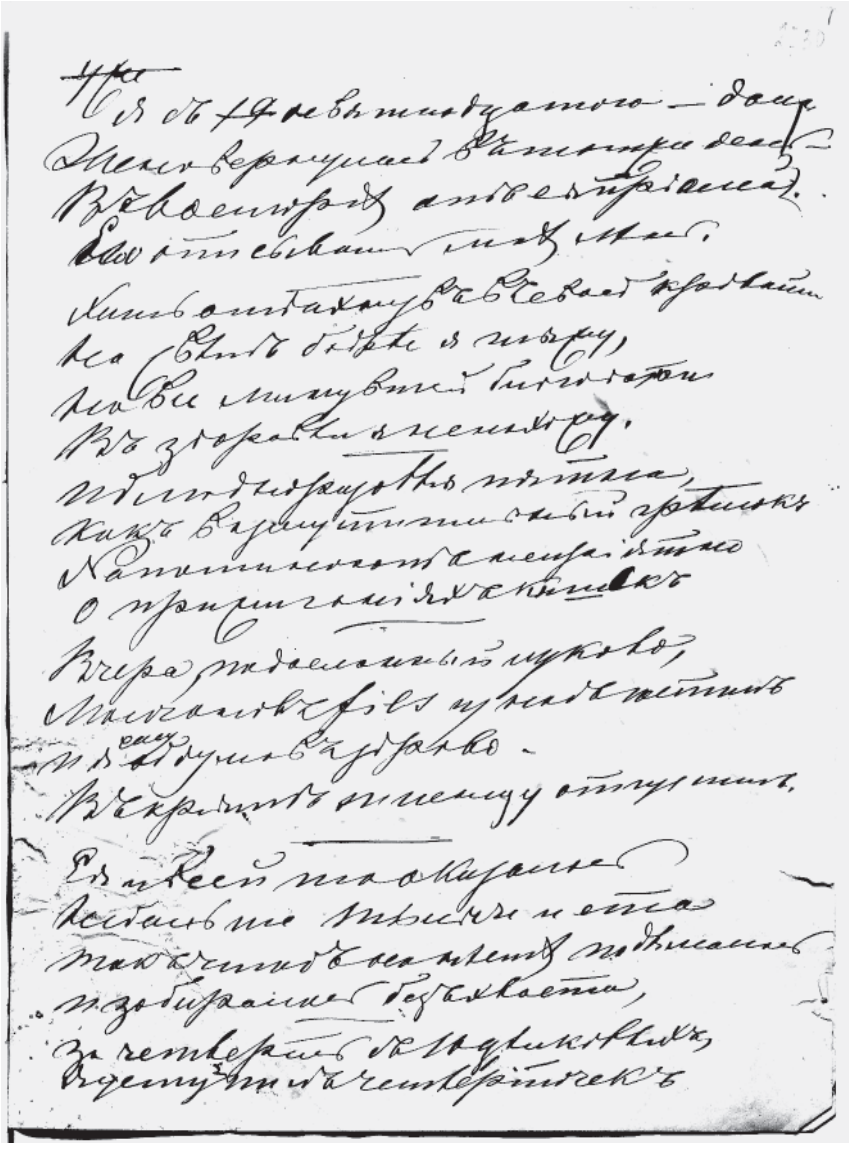
Затем сиди и жди: когда-то
Увидишь светлую зарю:
В двадцатом ноября уплата
2-х тысяч, трех же к январю.

А там опять он скажет: warte.
И уж последних тысяч пять
Двадцатого уплатит в марте.
На месте трудно продавать.

Как цену наперед узнаешь?
Пойдет ли в гору иль в отвал?
Найдешь барыш иль прогадаешь?
Подумал — да и подписал.

Вы как здоровьем? Хоть бы вновь я
Не услыхал о серых днях.
Что детки? Всё ли так же Софья
Сергевна в вечных попыхах.

Признаться, самому до смерти
Мне надоели попыхи,



Стихотворение Фета «Я с девятнадцатого — дома...».
Черновой автограф. Первая страница

Бр 567/32

Дмитрію Петровичу

и

Софьѣ Сергѣевнѣ

БОТКИНЫМЪ.

Въ день двадцатипятилѣтія ихъ свадьбы

16 Января 1884 года.

Сегодня пиръ отрадный мы вѣнчаемъ,
Мы брачныя подъемлемъ чаши вновь,
Сегодня дружбѣ мы вѣнецъ сплетаемъ
И празднуемъ счастливую любовь.

Красавицы, не преклоняйте вѣжды,
Къ чему скрывать румяный пылъ сердецъ,
Когда въ груди у всѣхъ однѣ надежды,
Когда въ душѣ у всѣхъ одинъ вѣнецъ?

Ни красоты, ни почестей, ни злата
Въ дыму мечты ты раемъ не зови,
Нашъ рай не тамъ, межъ Тигра и Эвфрата,
А рай вотъ тутъ у дружбы и любви.

Какъ сѣнь его лелѣетъ человѣка!
Какъ божескимъ дыханьемъ онъ объятъ!
Въ своей листвѣ хранитъ онъ четверть вѣка
Плоды любви и дружбы ароматъ.

И, умилясь сердцами, мы встрѣчаемъ
Сей вертоградъ, подъемля чаши вновь,
Сегодня дружбѣ мы вѣнецъ сплетаемъ
И празднуемъ счастливую любовь.

А. Фетъ.

Дозволено цензурой. Тип. М. Щепкина.

Стихотворение Фета «Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года» («Сегодня пир отрадный мы венчаем...»). Первая публикация на отдельном листке

Куда тебя ни сунут черти,
Весь свет исполнен чепухи.

Изволь расхлебывать. — Вот мельник
Пришел с расчетами за рожь,
А не подумает бездельник —
Как дорог мой и рубль и грош.

Ну чем я хуже Соломона
Степаныча, какой мудрец!
Примите наших два поклона
И с тем посланию конец.

И за ночлеги и грибочки
Перед хозяйкой спину гну,
Уж родились ж вы в сорочке,
Такую отыскав жену.

<21 августа 1878>[20]

Каких только сведений не извлечет внимательный читатель из этого шутливого послания! И об обстановке в боткинском доме на Покровке, где подолгу гостили Фет с женой, пока не обзавелись собственным домом на Плющихе, и о его гостеприимной хозяйке Софье Сергеевне (урожд. Мазуриной), и о ценах на хлеб, и о ближайших соседях, и даже о недавней операции, перенесенной Фетом (по поводу геморроя, которым он страдал всю жизнь). Конечно, подобного рода стихотворения не были предназначены для широкой публики, но многие другие, написанные по случаю каких-то событий в доме друзей, попадали в печать.

Так, уже упомянутое стихотворение, написанное на серебряную свадьбу Д. П. и С. С. Боткиных, было напечатано на отдельным листке и раздавалось гостям в день праздника. А стихотворение памяти Софьи Сергеевны («Ужель на вопль и зов молебный...») было включено не только в четвертый выпуск «Вечерних огней» (1891), но и в списки полного собрания стихотворений.[21] То же относится к стихотворению, написанному на смерть сына Д. П. и С. С. Боткиных.[22] Умершему от дифтерита в девятилетнем возрасте мальчику Фет посвятил два стихотворения. В четвертый выпуск «Вечерних огней» вошло стихотворение «На смерть М. Б—а»:

[20] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 83—84.
[21] *Лукина В. А.* Указ. соч. С. 759, 787.
[22] Там же.

Тебя любили мы за резвость молодую,
За нежность милых слов...
Друг Митя! ты унес нежданно в жизнь иную
Надежды стариков.

Уже слетел недуг, навеян злобным роком,
Твой пышный цвет сорвать;
Дитя! ты нам предстал тогда живым уроком,
Как жить и умирать.

Когда, теряясь, все удерживали слезы
Над мальчиком больным,
Блаженные свои и золотые грезы
Передавал ты им.

И перед смертию, живой исполнен ласки,
Ты взор обвел кругом
И тихо сам закрыл младенческие глазки,
Уснув последним сном...

15 декабря 1886.
Москва[23]

Как писал Вл. Соловьев, «стихотворения на случай» могут иметь «чисто поэтическое достоинство, если только данный случай связывается поэтом с каким-нибудь мотивом общего значения», и в качестве образчика прекрасного, истинно поэтического стихотворения, вызванного частным случаем, — смертью близкого поэту мальчика», привел стихотворение на смерть Мити Боткина.[24]

Другое стихотворение, посвященное Мите Боткину — шутливое, не было напечатано при жизни поэта. Очевидно, оно было послано в письме к родителям:

Митя крошка,
Понемножку
Поджидай,
Да с Покровки
К Воробьевке
Подъезжай.

Не упрямой
Сядешь с мамой
Ты в вагон,

[23] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 18.

[24] *Соловьев В.* О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Русское обозрение. 1890. № 12. С. 650.

А проснешься,
К нам взберешься
На балкон.

Будут розы,
Будут козы
Митю ждать,
Будет в гроте
Митю тетя
Целовать.

<Лето 1882 — лето 1886.
Воробьевка>[25]

Родители ненадолго пережили сына. Они ушли из жизни один за другим в 1889 году. На смерть Софьи Сергеевны Фет откликнулся стихотворением «Памяти С. С. Б—ой»:

Ужель на вопль и зов молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
Семьи опять не озаришь?

Забыв и радости земные,
И милосердия дела,
Ты, покидая нас впервые,
За сыном отроком ушла.

Разлуки нет. Твой образ милый
Чрез жизнь мы в сердце пронесем,
И там за рубежом могилы
Навек обнять тебя придем.

7 марта 1889.
Москва[26]

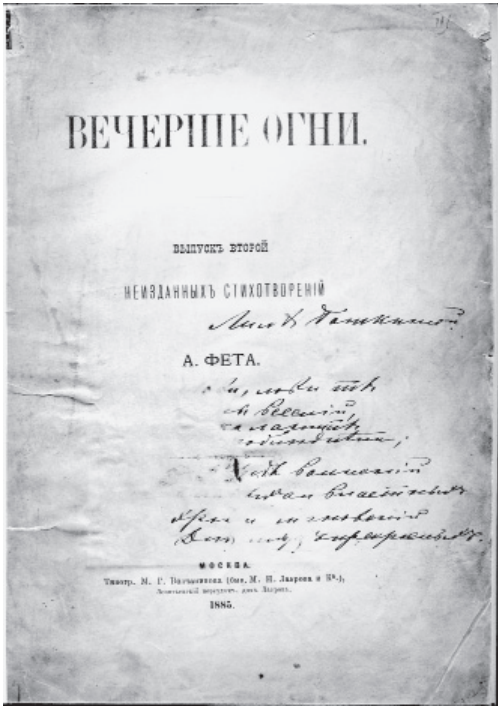
В апреле 1889 года Фет с женой приехали на свадьбу дочери Д. П. и С. С. Боткиных Елизаветы (Лили, как звали ее в семье) и инженера К. Г. Дункера в их имение Ново-Таволжанка Белгородского уезда Курской губернии. Это была не рядовая поездка. Фет с женой принимали живейшее участие в судьбе Елизаветы Дмитриевны, отличавшейся незаурядной красотой и образованностью.[27]

[25] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 136.

[26] Там же. С. 19.

[27] Об отношениях Фета с Е. Д. Боткиной см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—298.

Елизавете Дмитриевне поэт посвятил несколько стихотворений. Вот какую полушутливую-полусерьезную надпись сделал он пятнадцатилетней девушке на втором выпуске «Вечерних огней» (1885):


ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. ФЕТА.

МОСКВА.

1885.

Сборник Фета «Вечерние огни» (М., 1885. Вып. 2).
Обложка с дарственной надписью Е. Д. Боткиной (Дункер)

ЛИЛЕ БОТКИНОЙ

Лови, лови ты,
Часы веселий,
Пока ланиты
Не побледнели;

Но средь волнений
Живых и властных
Храни мгновений
Для муз прекрасных.

<Конец 1884 — начало 1885>[28]

[28] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 120.

А такую трогательную надпись он сделал на третьем выпуске подаренных ей «Вечерних огней», включив впоследствии это стихотворение в четвертый выпуск:

Е. Д. Д—ъ

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука,
Муза раскроет и сердце, и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю,
Муза поведает, что я за муки терплю.

17 января 1888.
Москва[29]

На свадьбе любимой Лили поэту пришлось выступать и в роли тамады. Сохранилось поздравительное стихотворение на бракосочетание Е. Д. Дункер, которое поэт счел достойным включить в четвертый выпуск «Вечерних огней»:

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговея,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвеченный кажет путь
И жениху, и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастьи молодым
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименея.

30 апреля 1889.
Село Таволжанка[30]

[29] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 23.
[30] Там же. С. 30.

Е. Д. Дункер (Боткина).
Портрет работы И. Е. Репина. 1882 г.

Еще одно стихотворение, обращенное к Е. Д. Дункер, уже замужней даме:

ЕЛИЗАВЕТЕ ДМИТРИЕВНЕ ДУНКЕР
В день ее Ангела
22 октября 1891

Их вместе видя и к тому же
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?

Союз по правде идеальный,
И чудо ангел совершил:
Воды мытищенской кристальной
Струю в вино он превратил.[31]

После смерти обоих родителей Лили Фет с женой продолжали поддерживать отношения с семьей Дункеров. Вот что написал Фет на закате жизни своей любимой племяннице:

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это всё цветы, букашки и каменья,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.

29 мая 1891.
Воробьевка[32]

Предваряя стихотворение, поэт признавался в письме от 24 июня 1891 года: «Мне отрадно верить Вашему к нам доброму расположению, объясняя его привычкою видеть наши лица с первого Вашего пробуждения в колыбели. Вы оба с дорогим Константином Густавовичем имели время заметить, что я считал Ваших родителей самыми близкими мне людьми <...> Как некоторое уяснение питаемого мною к Вам чувства прилагаю написанное на днях стихотворение».[33]

Нельзя с уверенностью сказать, что все стихотворения, посвященные членам многочисленной семьи Боткиных, обнаружены. Дальнейшие исследования и публикации могут выявить неизвестные тексты, как, например, стихотворение на серебряную свадьбу П. И. и Н. А. Постниковых в альбоме Ивана Петровича Постникова в Государственном музее А. С. Пушкина.[34] Но и среди невыявленных адресатов известных стихотворений может оказаться кто-то из Боткиных. Приведем еще несколько стихотворений, посвященных членам семьи

[31] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 189.

[32] Там же. С. 178.

[33] Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой. С. 311.

[34] См.: *Фрумкина А.* Неизвестное стихотворение А. А. Фета // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 127—128. Включено: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 374.

Боткиных, с которыми Фет к тому же состоял в постоянной переписке.

Одно из них обращено к Павлу Петровичу Боткину (1827—1885), брату М. П. Шеншиной. Выпускник юридического факультета Московского университета, Павел Петрович служил в Петербурге в Министерстве внутренних дел, после смерти отца вышел в отставку и какое-то время был петербургским представителем фирмы «Петра Боткина сыновья».

П. И. Щукин вспоминал о нем: «Павел Петрович, старый холостяк, был страстный любитель балета и оперы и поклонник прекрасного пола. Неуклюжий, ленивый, с бритым обрюзглым лицом, он напоминал католического священника. Однажды где-то в Испании его не пустили на бал, приняв за патера. Несмотря на свои ограниченные средства, Павел Петрович много тратил на подарки актрисам, что не мешало им водить его за нос. О своих неудачах с красивыми дамами он откровенно и наивно рассказывал. Например, попросит его какая-нибудь из них сопровождать ее на бал; Павел Петрович закажет букет, наймет карету и вместе с дамой поедет на бал. Но едва взойдут они в залу, как подбежит гвардейский офицер и уведет ее <...>».[35] По свидетельствам современников, Павел Петрович не любил давать взаймы, называя себя нищим, обедал поочередно у родных, внося им за это плату.[36] Сохранилось 16 писем П. П. Боткина к Фету и 2 письма Фета к нему (*ИРЛИ*).

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ БОТКИНУ
31-го марта 1879 г<ода>

Христос Воскресе! клик весенний.
Кому ж послать его в стихах,
Как не тому кто в дождь осенний
И в январе с цветком в руках?

Твои букеты вести мая,
Дань поклоненья красоте.
Ты их несешь, не забывая
О тяжком жизненном кресте.

Но ныне праздник искупленья,
Дни обновительных чудес,

[35] *Щукин П. И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 12.

[36] См.: Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету / Публ. Н. М. Мендельсона // Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Сб. 2. С. 80.

Так будь здоров для поздравленья,
Твердя: Воистину Воскрес.[37]

Отвечая на присланное поздравление, Боткин писал Фету 6 апреля 1879 года: «Простите, что вместо Ваших звучных стихов отвечаю Вам, полный благодарности, голою прозою. Благодарю от всей души за постоянно доброе и милое Ваше внимание ко мне, за поздравление и добрые желания. Боюсь только, чтобы от частых приношений роз и камелий карман мой не истощился и не пришлось бы подносить красоте крапиву или иную зелень. Впрочем, два века не проживешь. Послужил красоте на свой пай и благодаря добрым людям, питающим меня, не умер с голоду. Жизненный крест все так же несу один, до сих пор не встречая Симона Киринейского, который бы помог понести его».[38]

Несколько стихотворений посвятил Фет членам известной семьи Щукиных, породнившейся с Боткиными.

В ДЕНЬ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ
Е<катерине> П<етровне> Щ<укиной>

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный!
День торжества и праздничных одежд!
Тебе тот путь не страшен неизвестный,
Где столько меркнет радостных надежд.

Все взоры к ней, когда стыдом пылая
Под дымкою, в цветах и под венком,
Стоит она, невеста молодая,
Пред алтарем с избранным женихом.

Стоит она и радостна и сира —
Но он клялся, — он сердцем увлечен —
Поймет ли мир все скрытое от мира,
Весь подвиг долга и любви? А он? —

Он понял все, чем сердце человека
Гордится втайне. — Дайте мне фиал!
Воочию промчалась четверть века
И свадьбы день серебряной настал.

И близкий здесь — и тот перед родною,
Кого судьба умчала далеко;

[37] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 88.

[38] *ИРЛИ.* № 20276. Л. 22—22 об. Недаром в одном из сохранившихся писем к Павлу П. Боткину Фет желает ему «доброго здоровья, букетов и балерин, легких на подъем» (Там же. Ф. 365. Оп. 1. № 69. Л. 2 об.).

Е. П. Боткина (Щукина).
Портрет из альбома М. П. Боткиной. 1840 г. (?)

У всех в глазах признательной слезою
Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой?
Дай Бог с четой серебряною нашей
Нам праздновать день свадьбы золотой.

<Конец января 1874>[39]

[39] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 74.

Екатерина Петровна Щукина (урожд. Боткина; 1824—1904), к которой обращено стихотворение, старшая сестра М. П. Шеншиной, была замужем за купцом 1-й гильдии Иваном Васильевичем Щукиным (1817—1890), известным коллекционером и меценатом, членом Московского коммерческого суда, а также одним из учредителей Московского учетного банка. С нею Мария Петровна была особенно дружна и сопровождала ее за границу на лечение, еще будучи невестой. Присутствовала Екатерина Петровна и на свадьбе Фетов в Париже. А в судьбе дочери Щукиных Ольги Фет сыграл даже решающую роль, уговорив родителей отдать ее замуж на своего управляющего Александра Ивановича Иоста.[40] Самой Ольге Фет посвятил несколько стихотворений.

ОЛЬГЕ ИВАНОВНЕ ЩУКИНОЙ

Спасибо Вам, мы вспоминаем
Ваш резвый смех, с умом живым.
Без Вас и май бы не был маем
И старый парк бы был иным.

И не перила лишь пещрили
Вы разноцветной чередой,
А всю весну для нас увили
Вы лентой нежно-голубой.

Не только мы, я чай, Колдунья
Не раз вздохнет под седоком,
Зачем на мне не та летунья,
А этот неподъемный ком?

Adieu! Счастливо оставаться.
Июльский зной у нас настал
И хоть и лень за дело взяться,
Но Gartenlaube к Вам послал.

15 мая 1880.
Воробьевка[41]

Вот еще одно шутливое стихотворение, обращенное к тому же адресату:

1881 года 11 июля

Желаю Оле
Здоровья боле,

[40] См. об этом: *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131—144.

[41] *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 101.

Чтоб жить ей доле,
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в холе.[42]

К ней же, ставшей уже замужней дамой:

О. И. ИОСТ
при получении вышитых туфель

Опять меня балуешь ты
И под искусною рукою
Опять узоры и цветы
Под быстрой расцвели иглою.

Как странно нисхожу во гроб,
Как я горжусь в конце дороги!
Чем старость злей мне бреет лоб,
Тем ты пышней мне красишь ноги.

<23 февраля 1888>[43]

Сохранилось два шутливых стихотворения, обращенных к племяннице Марии Петровны Фет Анне Петровне Боткиной, дочери ее брата Петра.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ АНАНАСА
Анне Петровне Боткиной невесте

Хотя любовь препобедила
И торжества подводит час,
Она и к нам свой взор склонила
И не забыла Анна нас.

Там где царит метель и вьюга,
Где жизнь полна тоски и зла,
Твой ананас Эмблема юга,
Благоуханья и тепла.

Когда наступит день ненастный,
На сердце мрак и грусть падет,
Мы вспомним жребий твой прекрасный
И Анна нас тогда спасет.

<5 февраля 1880>[44]

[42] Там же. С. 105.
[43] Там же. С. 145.
[44] Там же. С. 96.

А<ННЕ> П<ЕТРОВНЕ> Б<ОТКИНОЙ>
при получении апельсинов

Вот спасибо, мой дружок.
Не забыла ветерана,
Будь сама как королек
И сладка ты и румяна.

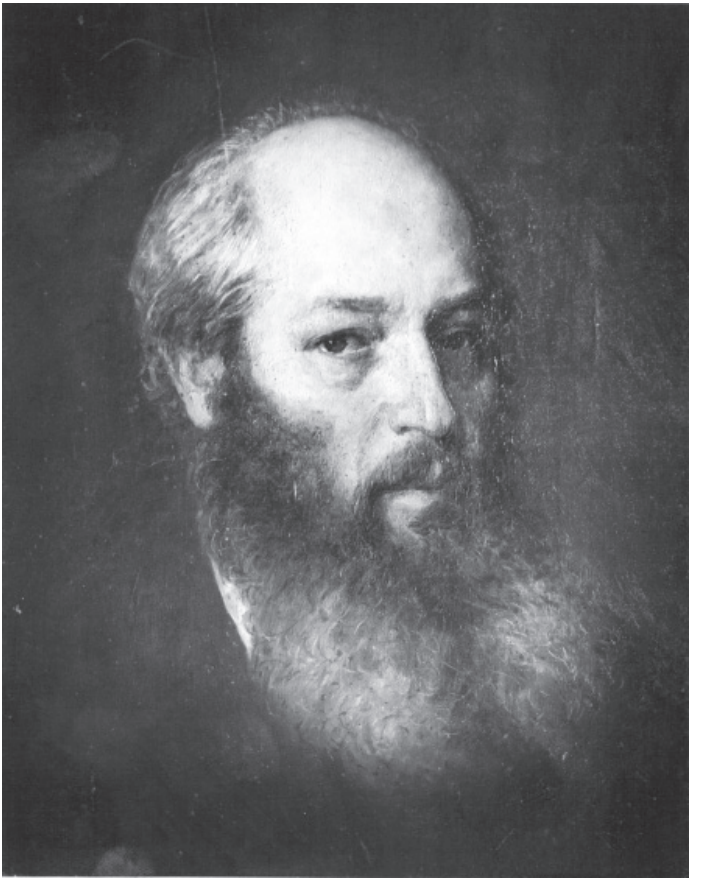
Свей гнездо хоть где-нибудь
За Невой, Москвой иль Вислой,
Только замужем не будь
Апельсин ты желтый, кислой.

<Между 5 и 11 февраля 1880>[45]

Приведенные стихотворения относятся по преимуществу к тому роду стихотворений, которые принято называть «стихотворениями на случай». Среди них встречаются шутливые и торжественные, трагические и лирические. Нередко они показывают Фета с неожиданной стороны, как известного каламбуриста и остроумца, но все они искренние, фетовские. И в этом качестве они вписывают Боткиных не только в историю русского купечества, меценатства, коллекционерства, но и в историю русской поэзии. Нельзя не признать и другое: в многочисленной боткинской семье Фет встретил и гостеприимство, и понимание, и поддержку.

Когда-то, сделав предложение Марии Петровне Боткиной, Фет просил ее брата Василия Петровича как самого старшего в семье после смерти отца дать согласие на этот брак (таково было и желание невесты). Василий Петрович с радостью одобрил решение двух дорогих ему людей соединить свои судьбы. Его письмо к сестре от 10 июля н. ст. 1857 года сохранило нам выразительный портрет Фета: «Скажу откровенно: я считаю Фета очень добрым, прямодушным и во всех отношениях хорошим человеком; а вдобавок к этому он еще человек очень благоразумный <...>. На вид он неуклюжий — только, — но, в сущности, он человек с очень тонким чувством и верным умом. При всем этом Фет истинно благороден. <...> Правда, что Фет — человек не блестящий, но, всмотревшись в душу этого человека, увидишь там драгоценные свойства. Он умен, но по-своему, оригинально, можно сказать, самобытно умен, без фразы и без прикрас, без малейшей натянутости и лживости. Он прямодушен, деликатен и честен, — и на дне души его чисто и светло. Вот каким я знаю Фета, таким знают его и все литературные друзья его. После всего этого ты поймешь, как ра-

[45] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 96.



А. А. Фет.
Портрет работы М. П. Боткина (масло). Степановка, 1872 г.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка»

достно подействовало на меня известие о его предложении. <...> Поверь, день вашей свадьбы будет для меня самым радостным днем моей жизни».[46]

Не случайно именно члену семьи Боткиных — Михаилу Петровичу Боткину принадлежит лучший из всех доныне известных портретов Фета. Портрет этот занимал почетное место, очевидно сначала в степановской, а потом (это подтверждается документально) и в воробьевской гостиной. Даже в черно-белой фотографической копии (сам

[46] Цит. по: *Асланова Г. Д.* «От тебя одной зависит мое полное счастие...». С. 42.

портрет, кажется, бесследно исчез) видно, как тонко и глубоко проник художник в суть творческой личности поэта: проницательный взгляд уже далеко не молодого человека (Фету было немногим за 50, когда был написан портрет) не может скрыть трагического выражения лица и горькой складки губ, а высокий лоб выдает незаурядный ум и напряженную сосредоточенность мысли.

Когда-то Борис Садовской, известный своим «фетианством», написал статью «Фет в портретах», долго хранившуюся в архиве и лишь сравнительно недавно опубликованную С. В. Шумихиным в журнале «Наше наследие». Об этом портрете Садовской писал: «Около 1873 года, ко времени получения Фетом отцовской фамилии (Шеншин. — *Н. Г.*), М. П. Боткин написал масляными красками портрет зятя. Здесь, можно сказать, изображен полустарый Фет, не утративший еще особенностей зрелого возраста и не успевший превратиться в старика».[47] Точную дату создания портрета мы узнаем из письма Марии Петровны к С. А. Толстой от 18 сентября 1872 года из Степановки: «На днях брат Миша, проездом из Ливадии, прожил у нас 3 дня и написал отлично похожий портрет Фета».[48] И хотя Михаила Петровича Боткина нередко упрекали как художника в излишнем академизме, ничего похожего мы не видим в портрете Фета: свободный мазок, тонкий психологизм существенно отличают эту работу от гораздо менее интересного и гораздо более известного портрета Фета, написанного рукой такого мастера, как И. Е. Репин. Надо было не только знать, но и по-настоящему любить свою натуру, чтобы создать такой портрет, какой мы видим на фотографическом снимке, сделанном еще одним представителем младшего поколения Боткиных — сыном Дмитрия Петровича Сергеем Дмитриевичем, благодаря которому и сохранилось изображение этой мало известной работы академика М. П. Боткина.

[47] *Садовской Б.* Фет в портретах / Публ. С. В. Шумихина // Наше наследие. 2008. № 85. С. 113. В статье Садовской не указывает местонахождение портрета, но очевидно, что он видел его, возможно, в собрании Н. Н. Черногубова.

[48] Цит. по: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1, фронтиспис.

Е. Н. Ашихмина

ФЕТ И ВЕРЕТЕНО

Эпизод с «веретеном» живо описан Фетом в письмах «Из деревни» (1863). В главе «Еще молотилка. Есть ли какой контроль над бесцеремонностью в отношении к чужой собственности?»[1] Фет рассказывает о тяжелых затруднениях, преследовавших владельцев поместий пореформенных лет в делах доставки, наладки и ремонта сельскохозяйственной техники.

Поломка молотилки, случившаяся в самый разгар страды, была крайне неприятной, но, увы, типичной историей для хозяйственников того времени. Поломка грозила обернуться крупными потерями зерна. Фет описывает знакомые многим мытарства с «мастерами», приступавшими к сборке машины и ее ремонту. Длительные, но безрезультатные усилия непрофессиональных механиков привели лишь к тому, что веретено молотилки и подшипники истерли друг друга.

Подготовка технического персонала такого рода в России еще не была налажена, обученные механики шли буквально на счет, и потому владельцы сельскохозяйственных машин принуждены были, как правило, иметь дело либо с самоучками, либо с самозванцами. Фет столкнулся с обоими вариантами. Один из «мастеров», читаем, «в прошлом году забрал вещи и деньги да уехал в Елец», другой — «закапризничал и запил», и только третий, с «адским озлоблением» разобравший молотилку («все разобрано, повыдергано»), вынул веретено и определил, что из-за некачественной сборки оно и подшипники истерлись, неправильно подогнанные друг к другу. Этот механик был безусловным самоучкой: «Он мужик, но еще отец его был машинистом, делал тележку-самокат».[2]

---

[1] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 221—229.

[2] Там же. С. 224.

© Е. Н. Ашихмина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-241-248

Молотьба встала, и Фету пришлось срочно ехать в Орел, чтобы обварить веретено на стертом месте и обточить его затем на заводском станке. Поездку надо было совершать в самое рабочее время: «Проездом по деревням только и слышна была лихорадочная стукотня цепов. Как не молотить до упаду в такую погоду!».[3] Совершенно понятно волнение и нетерпение Фета, лично поехавшего на орловский завод. Владельцу ржи в Степановке было ясно, что без его присутствия дело не сдвинется с места, либо все пойдет наперекосяк.

Невозможно не отметить замечательные характеристики, которыми поэт награждает своих визави. Вот мужик «с физиономией коростеля»,[4] а вот и мастер, разобравший молотилку: «Привезли мужика, которому и живописец, и скульптор дорого бы дали за позволение взять его в модель сатира».[5]

В Орле Фет направился на литейный завод Перелыгиных, у ворот которого оказался во вторник вечером. Главного механика дома не оказалось, Фет прождал его два часа и на усталых лошадях отправился в почтовую гостиницу, оставив веретено у помощника механика.

«Чугуноплавильный завод братьев Перелыгиных» был самым значительным литейным заведением Орла. В 1854 году братья Перелыгины — Алексей и Петр Николаевичи открыли мастерскую, которая стала производить чугунное литье, молотилки, конные приводы, мялки, ограды, церковные кресты, весы, гири и другие товары. Завод был построен вблизи обширного Сергиевского кладбища.

Предприятие оказалось неподалеку от будущего вокзала. Впоследствии отсюда было удобней возить на «железку» тяжелые изделия. С 1901 года завод принадлежал М. М. Хрущеву. В советское время, при расширении площади для новых цехов, Сергиевское кладбище было полностью уничтожено. Сначала снесли ту часть, где был построен механосборочный цех, затем и все кладбище в целом. Данные о том, когда именно была разрушена церковь во имя Сергия Радонежского, в которой служил дед писателя М. А. Булгакова о. Иоанн Булгаков, а также когда были уничтожены дом священников и богадельня, расходятся. Известно, однако, что в конце 1950-х годов среди цехов кое-где еще можно было увидеть чудом сохранившиеся могилы, но потом и они исчезли. До середины 1929 года завод носил имя председателя Совнаркома А. И. Рыкова, затем имел номер — 9, потом получил название «Текмаш» — завод текстильного машиностроения. От довоенных времен здесь остался бывший клуб, архитектурный памятник конструктивизма (ул. Московская, 155).

[3] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 223.

[4] Там же. С. 132.

[5] Там же. С. 224.

Почтово-телеграфная контора на ул. Садовой в Орле, во дворе которой находилась почтовая гостиница, где останавливался Фет. Фотография начала XX в.

Во второй половине XIX века это был загород. Шоссейная дорога на Москву в этом месте еще не называлась улицей Московской. С вокзала до «города» пассажиров довозили извозчики. Фет приехал «на своих» на нынешнюю улицу Московскую и, разочарованный потерей летнего дня, отбыл, как упоминалось выше, в почтовую гостиницу, оставив веретено на заводе.

Почтовый двор, где в 1829 году в Орле останавливался А. С. Пушкин, находился на современной площади Ленина, в районе здания областной администрации. Площади в то время здесь не имелось. Почтовая контора включалась в ряд зданий присутственных мест, но находилась на своей старой усадьбе. В ее комплекс входили довольно обширный садик, небольшая кирпичная гостиница, конюшни и службы. Железная дорога придет в Орел лишь в 1868 году, и лошади были важной составной частью почтовой жизни. Место это было тихое и спокойное, недорогое. Улица, на которую выходила Почтовая контора, называлась Садовой.

Рано утром Фет послал узнать о судьбе веретена. Оказалось, взяться за него смогут лишь в следующий понедельник, то есть через пять

летних дней, когда важен каждый час. Что же делают на заводе такого сверхсрочного? Отливают блоки для домашнего театра. И будут их отливать, пока полностью не отольют.

Заводских можно было понять. Они взялись сделать работу в срок, о чем и сказали Фету. Владелец театра, судя по всему, был из видных дворян, ему дали слово: спешили, возможно, к чьим-то именинам.

Фет берет извозчика и мчится на завод. Диалог между ним и главным механиком показывает, что оба хорошо знают друг друга. Но механик не может остановить производство заказа.

«Для знакомства, — просит Фет. — Войдите в мое положение. Рабочие гуляют. Вам это трехчасовая работа, а я должен ехать домой с пустыми руками и в понедельник гнать нарочного семьдесят верст. Только в среду дай Бог уладить машину. Ведь это две недели лучшего времени пропало!».[6]

Безрезультатно.

Фет возвращается в гостиницу, где ходит из угла в угол, раздумывая, что же предпринять.

В почтовой гостинице нередко останавливались те, кто приезжал в губернский центр по делам — для сделок купли-продажи, подачи прошений в присутственные места, для решения судебных неувязок. И потому тут всегда находились личности, готовые сориентировать приезжих в городе, что-то посоветовать, подсказать, где находятся интересующие их места и люди, выполнить какие-то поручения. Вот такого «фактора», как его называет гостиничный служитель, принесший в номер кофе, Фет и призывает к себе. Фактор, рябой мещанин, обещает привезти совершенно уникального кузнеца-слесаря, «каких в России на редкость». От безысходности Фет соглашается; он просит только заехать на завод за веретеном.

Поэт ярко описывает внешность представшего пред ним кузнеца: «Кто изобразит все внушительное величие синей сибирки, красного носа и чувства собственного достоинства?».[7] Слесарь представляет свои достижения: сам он — подлинный мастер, покойному царю Александру Павловичу чинил экипажи, имеет «медаль на анненской ленте»; при его заведении есть собственный станок; «вещь» будет готова в четыре часа пополудни. Фет отдает мастеру веретено, фактору — на водку. Он не очень верит в аттестации, в которых присутствует имя императора, но ему некуда деваться.

Почти сразу выясняется, что слесарь-кузнец вовсе не имеет токарного станка и вообще — личность довольно темная.

---

[6] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 224—225.

[7] Там же. С. 225.

«Да вы плюньте ему в рожу» — эмоционально отреагировал хозяин «заведения садовых и земледельческих орудий», куда поэт заглянул тем же утром. — «Какой у него токарный станок? У нас в целом городе один только и есть на литейном заводе».[8]

Пока неизвестно, о каком заведении *садовых и земледельческих* орудий идет речь. Это не могло быть предприятие Э. Кале, чье механическое заведение дало потом начало машиностроительному заводу имени Медведева. Фет пишет об истории 1862 года, а предприятие Кале было основано в 1868 году, хотя не исключено, что какое-то, пусть небольшое производство тогда уже существовало. Но Фет пишет, что из этого места он *поехал* к слесарю. Кузницы в Орле в то время находились ровно через дорогу от заведения Кале, поэтому поэт имел в виду какое-то другое предприятие. Возможно, это был завод Л. П. Мещерина.

Орловские кузницы в начале 1860-х располагались на краю города, у Московских ворот.[9] Кузнечный двор выходил к ручью Ленивец.[10] За мостом через поток находилась Покровская слобода, владение государственных крестьян.

Фет описывает длинный грязный двор, жилой дом, сараи с хламом, стоявшую в глубине невзрачную кузницу и нигде не находит «живой души». Сопровождаемый лаем цепного пса, он входит в кузницу и видит свое веретено, «сунутое в тлеющие угольки горна».[11] Вызванный мастер нетрезв, но кое-как начинает работу. Три часа Фет простоял над «мало-помалу отрезвляющимся вулканом». За это время двор наполнился посетителями, самыми почетными из которых оказались солдаты пожарной команды, рассказывавшие о пожаре за Полесской площадью.

Кое-как починенное веретено («Ведь ты плохо проварил, любезный!») нужно было обточить:

«— Где же точить-то?

— Да вот. У нас через улицу станок. <...> Да мы у того же П—на (Перелыгина. — *Е. А.*) в полчаса обточим. Он не смеет нам отказать, мы ему сами не отказываем».

«Тут я увидал, что обманут самым мошенническим образом. Но делать было нечего», — сокрушается Фет.[12]

Далее он пишет о чудовищном непрофессионализме кузнеца, который чудом не убил присутствовавших, положив точильный крюк на

[8] Там же.

[9] Московские ворота были снесены в 1929 г.

[10] Ныне ручей Ленивец, на карте XVIII в. — исток Непрец, заключен в трубу.

[11] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 225.

[12] Там же. С. 226—227.

железо, в то время как лошадь уже тронула привод, о скепсисе и нежелании вмешиваться в ситуацию заводского механика, лишь по слезной просьбе Фета разрешившего воспользоваться токарным станком, и о том, как поэту пришлось ехать к Перелыгину: «...я бросил самозванца на заводе и поехал к главному хозяину заведения с просьбой уладить дело. Сейчас же поскакал нарочный с приказанием сдать дело своему рабочему, а я поехал в гостиницу обедать».[13]

Мы не знаем в точности, с кем именно беседовал Фет о своем веретене — с Алексеем или Петром Перелыгиными. Скорее всего, это был Алексей Николаевич. Именно он был главным хозяином литейного завода. И мы можем предположить, в каком орловском доме побывал Фет.

Возможно, это известный всему Орлу дом, который находится по адресу ул. Московская, 29. Он был заложен 9 июня 1856 года почетным гражданином Алексеем Николаевичем Перелыгиным. До этого место принадлежало Александре Ивановне Кательниковой.[14] Дом А. Н. Перелыгина, стоявший на видном месте на улице Московской, несомненно, видели И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой в свои приезды в Орел, а Фет, может быть, даже побывал в нем. Есть и другие адреса Перелыгина, зафиксированные в 1877 году — возле Гостиного ряда: дома наследников умершего Петра Николаевича и дом Алексея Николаевича. Однако в 1860-х годах Алексей Николаевич проживал в доме на Московской.

История здания была подробно исследована орловским архитектором К. А. Седойкиной. Двухэтажный каменный дом со службами был построен по проекту архитектора Н. Т. Ефимова при губернском архитекторе И. П. Лутохине и городовом архитекторе академике архитектуры И. Ф. Тибо-Бриниоле.

Дом имел внутренний двор. По красной линии улицы шли фасады одноэтажных трехпролетных лавок. Между лавками и домом находились въездные парадные ворота. Сам дом был смещен вглубь, чтобы оставить место для палисадника. Чугунное литье, украшавшее дом, было, судя по всему, сделано на заводе хозяина.

В 1877 году по проекту Тибо-Бриниоля была сделана пристройка к флигелю с использованием в деталях ажурного чугунного литья, произведенного на том же заводе. «В начале 1880-х гг. дом принадлежал Общественному банку, после разорения которого в 1887 г. дом был куплен на торгах инженером-капитаном В. С. Шиловским, в скором будущем — инженером-полковником, начальником Службы движения

[13] *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 227.

[14] *ГАОО.* Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 392.

Дом Перелыгиных на ул. Московской в Орле.
Современные фотографии

станции Орел Орловско-Витебской железной дороги. Постепенно он благоустроил всю усадьбу, уплотнил застройку, — пишет Седойкина. — В 1896 г. дом перешел в собственность Городской управы, и в нем разместился Штаб 51-го драгунского (позднее — 17-го гусарского) Черниговского полка. В доме хранилось полковое знамя, военные реликвии. Командиром полка до 1901 г. был его основатель — полковник

А. А. Цуриков, позднее — пять его преемников. Шефство над полком держали великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Михаил Александрович. С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. 17 гусарский Черниговский полк ушел из Орла. С 1915 г. в доме размещался госпиталь, после Гражданской войны — жилье для рабочих. После Великой Отечественной войны дом был восстановлен; в нем поместился Орловский пединститут и его мастерские (в подвале). Теперь здесь банк».[15] До банка, то есть до начала 90-х годов XX века, здание было жилым. Автору статьи приходилось бывать в нем в это время. Огромные потолки, широкие лестницы и переходы напоминали о прошлых временах.

Перед домом ныне находится бюст Михаила Романова. К сожалению, в 2000-х годах к дому была сделана пристройка, позволившая затем открыть в здании магазин «Пятерочка».

История с веретеном закончилась печально: оно лопнуло по сваренному самозванцем шву. Описывая ее, Фет не открывал перед своими читателями, ждущими его записок из деревни, ничего нового. Наоборот. Подобные «истории» через раз случались с каждым хозяином сельскохозяйственной техники тех лет. Фет, безусловно, хотел, чтобы те, кто читал его статьи, те, от кого зависело принятие решений, обратили внимание на набор и подготовку механиков сельскохозяйственных машин. Это было требование нового, пореформенного времени. Но выполнено оно было не так быстро, как хотелось бы людям, хозяйничавшим по-новому.

[15] *Седойкина К. А.* И. Ф. Тибо-Бриниоль. Расцвет архитектуры Орла XIX века. Орел, 2016. С. 187.

Афиша выставки к 200-летию А. А. Фета в Пушкинском Доме.
Дизайн афиши и оформление выставки
Д. А. Матвеевой

Общий вид

Общий вид на торцовую стену

Бюст императора Николая I работы А. К. Тимуса (?). 1900 г.
Императорский фарфоровый завод. Бисквит

Общий вид. Левая стена и центральные витрины

Модули «Я русской...», «Москва» и «Свадьба»
на левой стене и в правом простенке

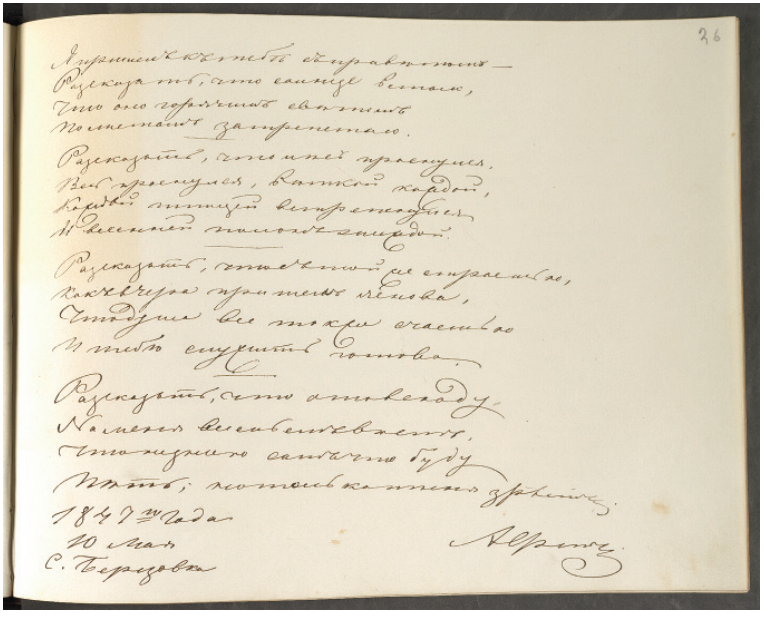
Модули «Фет — переводчик», «Фет — хозяйственник и публицист»
и «Вечерние огни» на правой стене

Герб рода Шеншиных.
Бумага, акварель, серебряная краска,
тушь, перо

Фрагмент левой стены.
Вид на первую малую витрину

Первая малая витрина.
Общий вид

Альбом А. Л. Бржеской с записями пяти стихотворений А. Фета, сделанными в мае — сентябре 1847 г. Лицевая крышка



Я пришелъ къ тебѣ съ приветомъ —
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
Полнетамъ затрепетало.

Разсказать, что мѣсяцъ проснулся,
Весь проснулся, ваткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой.

Разсказать, что этой же строкою,
Какъ вчера пришелъ ясно,
Что душа все тоже счастью
И тебѣ служить готова.

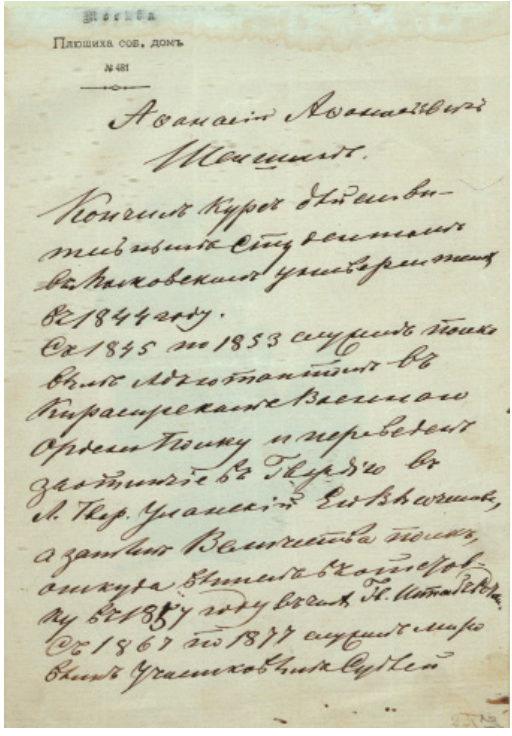
Разсказать, что отъ всегда
Намеренъ всемъ вѣрить,
Что незнаю самъ что буду
Пѣть; но только пѣнья зрѣлъ.

1847го года
10 Мая
С. Березовка

А. Фетъ

Стихотворение А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...». Березовка, 10 мая 1847 г. Из альбома А. Л. Бржеской

А. Фет в форме корнета
КирасирскогоВоенного
Ордена полка.
С утраченной акварели
А. В. Сливицкой.
Александрия, 1846 г.



Москва
Плющиха соб. домъ
№ 481

Аѳанасій Аѳанасьевичъ
Шеншинъ.

Кончилъ курсъ дѣйстви-
тельнымъ студентомъ
въ Московскомъ университетѣ
въ 1844 году.
Съ 1845 по 1853 служилъ полко-
вымъ адъютантомъ въ
Кирасирскомъ Военного
Ордена полку и переведенъ
за отличіе въ Гвардію въ
Л. Твер. Уланскій Ея Высочества,
а затѣмъ Величества полкъ,
откуда вышелъ въ отставку
въ 1857 году въ чинѣ Гв. Штабсъ-Ротм.
Съ 1867 по 1877 служилъ мировымъ
Участковымъ Судьей

Автобиография А. Фета 1877 г.
Из альбома М. П. Боткиной
(Шеншиной)

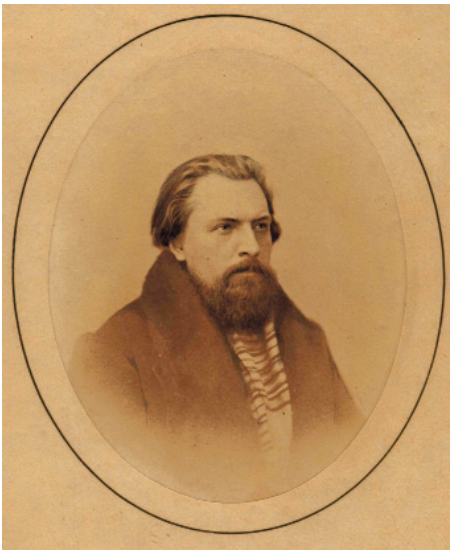
Нижний чин Кирасирского Военного Ордена полка.
1831—1834 гг.

Штаб-офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка
(в парадной форме).
1855 г. С акварели К. К. Пиратского

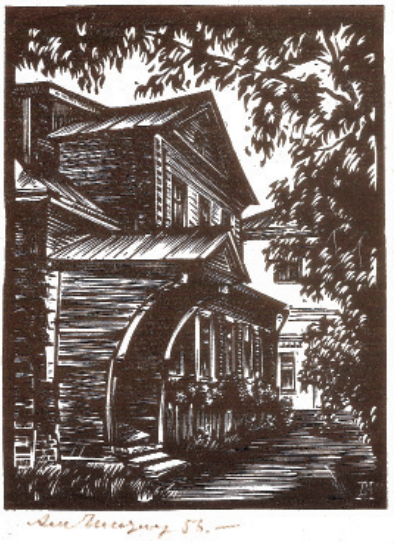
А. Фет в форме л.-гв. Уланского Его Величества полка.
Портрет работы К. К. Гампельна.
Август 1857 — январь 1858 г.

Офицерская
и солдатская каски
Кирасирского Военного
Ордена полка,
установленные
2 февраля 1846 г.

Офицер Кирасирского Военного
Ордена полка. 1847 г.
Из альбома А. Л. Бржеской

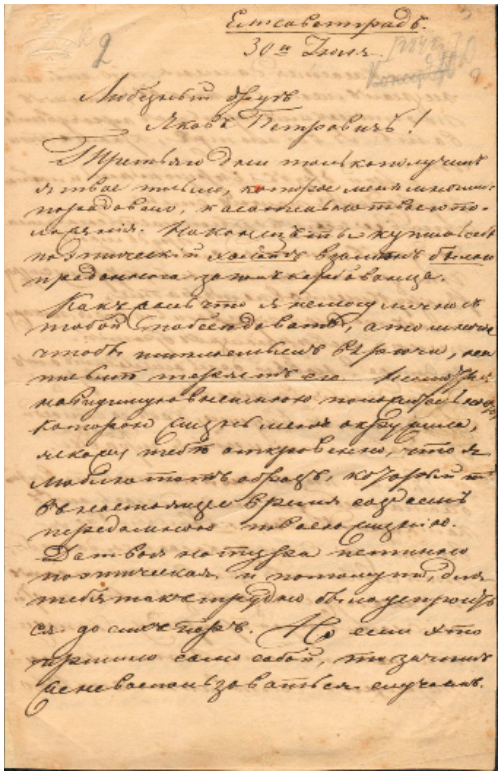


Ап. А. Григорьев.
Фотография ателье Оже и К°.
Петербург, конец 1850-х гг.



Москва. Дом Григорьевых
на Малой Полянке.
Гравюра А. И. Мищенко. 1950-е гг.

Вторая малая витрина.
Общий вид



Письмо А. Фета
к Я. П. Полонскому
от 30 июля 1846 г.
из Елисаветграда

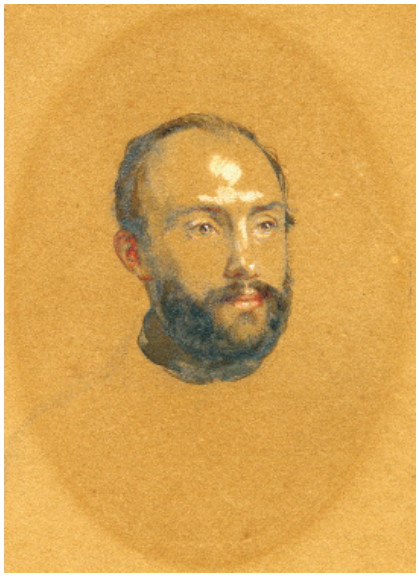
Я. П. Полонский.
Фотография 1859 г.

Фрагмент левой стены.
Виды домов в Москве, связанных с жизнью А. Фета

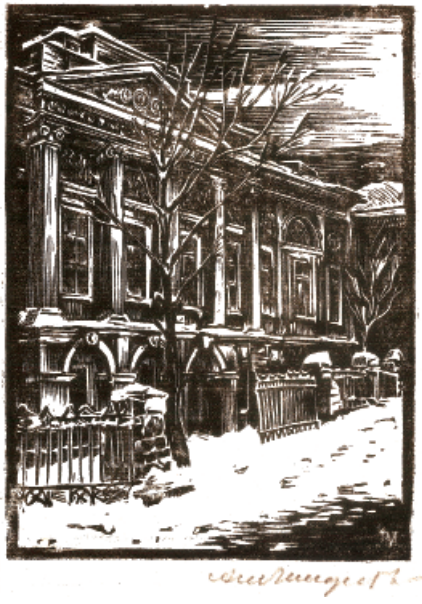
Вид на левый простенок и первую большую витрину

Общий вид на правый простенок

Первая большая витрина. Общий вид



В. П. Боткин. Акварель К. А. Горбунова. 1843 г.
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной)



Москва. Дом братьев Боткиных
в Петроверигском переулке.
Гравюра А. И. Мищенко. 1950-е гг.

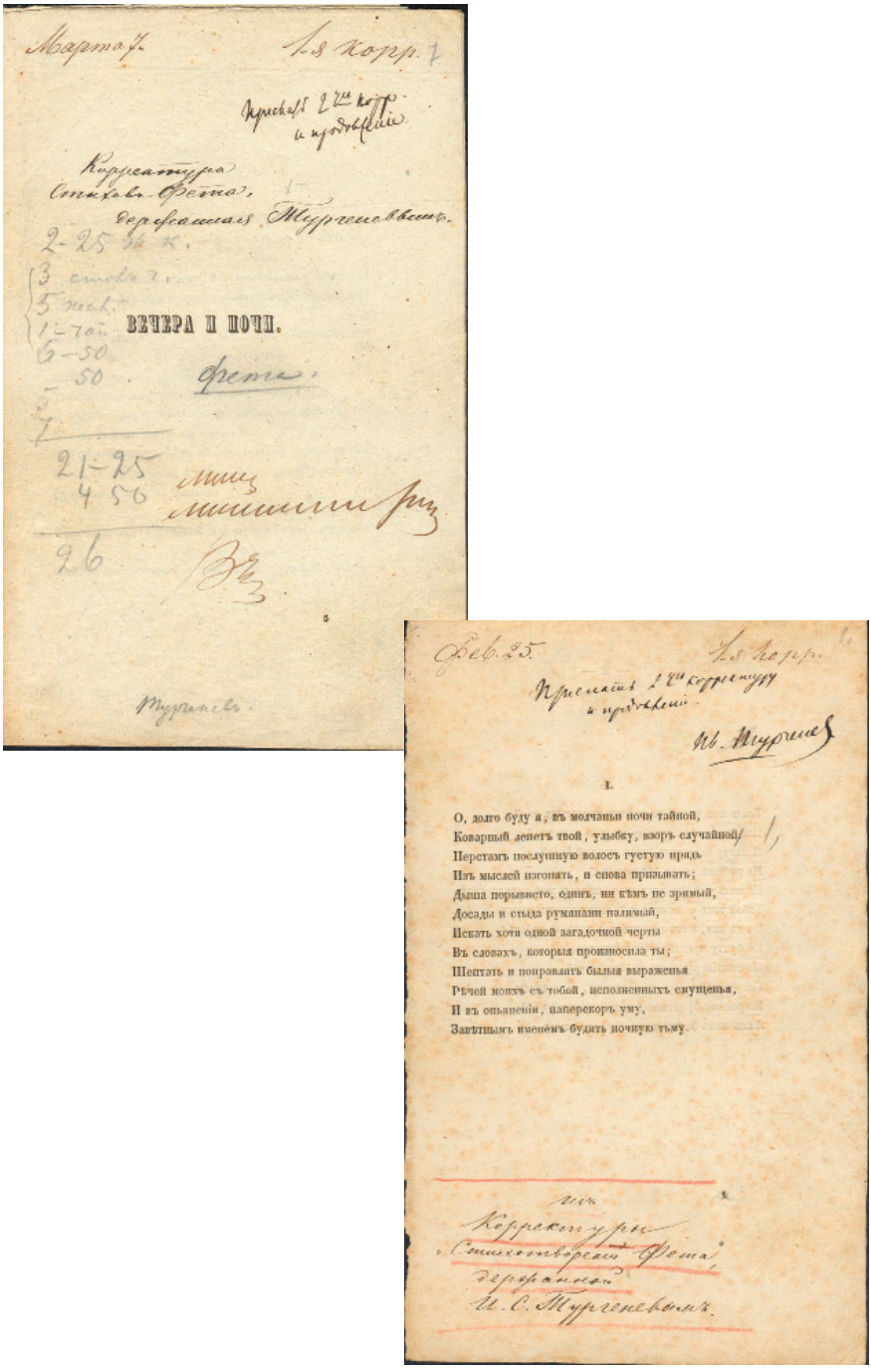
А. П. Пикулина (урожд. Боткина).
Портрет работы А. П. Попова.
1 февраля 1854 г.
Карандаш, уголь, акварель.
Из альбома М. П. Боткиной
(Шеншиной)

Альбом М. П. Боткиной (Шеншиной). Лицевая крышка.
Содержит автографы русских поэтов, среди которых А. Фет, И. Тургенев,
Н. Некрасов, Ф. Тютчев, В. Соловьев, а также рисунки К. Рабуса,
Д. Гагена, П. Соколова и др.

Засушенные цветы из свадебного букета М. П. Боткиной.
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной).
Венчание состоялось 16 августа н. ст. 1857 г.
в русской посольской церкви в Париже

И. С. Тургенев.
Фотография К. А. Бергнера. Москва, 1856 г.

«Фет, преследующий ум».
Рисунок из письма И. С. Тургенева к А. Фету от 5 (17) марта 1862 г.

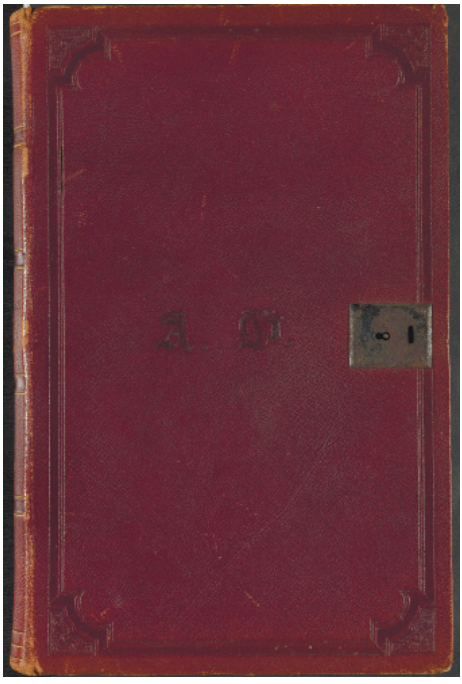


ВЕЧЕРА И НОЧИ.

I.

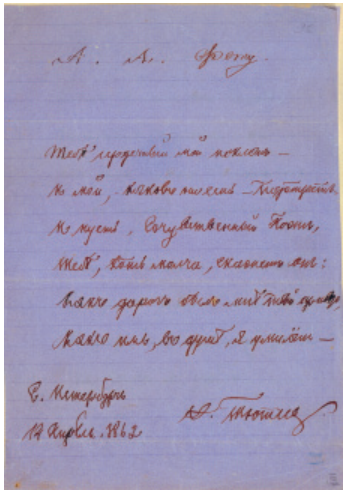
О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Пять мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хоть одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтныхъ именемъ будить ночную тьму.

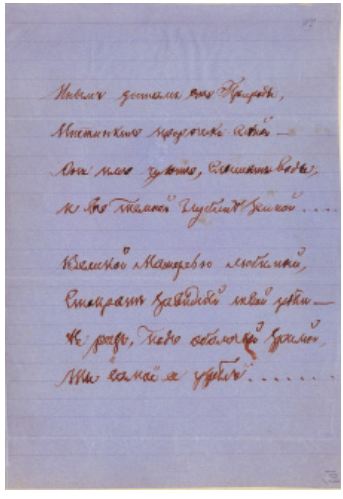
Части корректуры сборника «Стихотворений» А. Фета 1856 г.
с правкой и пометами И. С. Тургенева



Первая рабочая тетрадь А. Фета
(из двух сохранившихся)
со стихотворениями 1854—1859 гг.
Лицевая крышка

Ф. И. Тютчев.
Фотография ателье Левицкого.
После 1864 г.



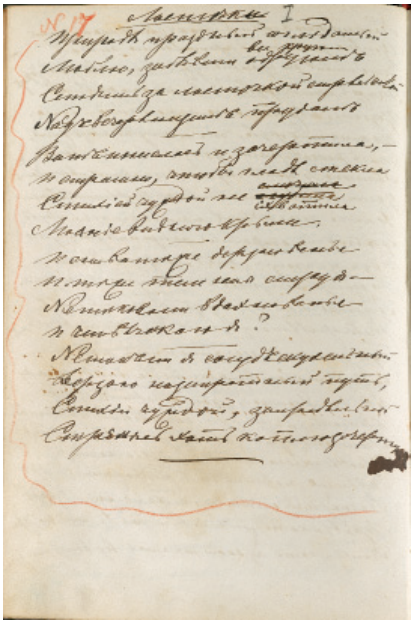


Стихотворения Ф. И. Тютчева, адресованные А. Фету
«Тебе сердечный мой поклон...» и «Иным достался от природы...». 1862 г.
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной)

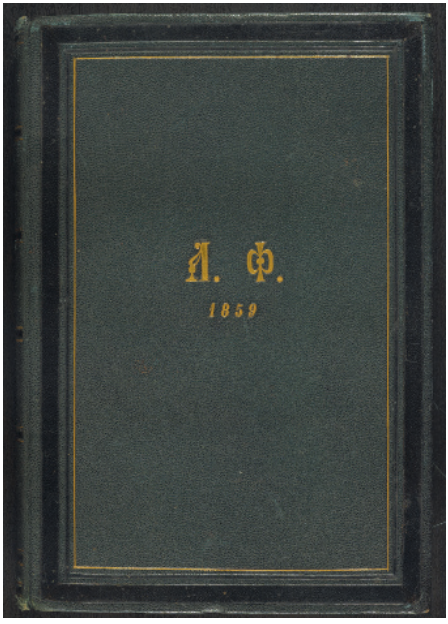
Фрагмент правой стены

Воробьевка. Лошади конного завода А. Фета. Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. Из альбома «Воробьевка»

Лев Толстой-пахарь. Скульптурная группа работы К. К. Клодта. 1888—1889 г. Бронза



Стихотворение А. Фета «Ласточки» («Природы праздный соглядатай...»). 1884 г. Автограф из 2-й рабочей тетради



Вторая рабочая (из двух сохранившихся) тетрадь А. Фета со стихотворениями 1859—1885 гг. Лицевая крышка

Вторая большая витрина. Общий вид

Вид на фрагмент правой стены и вторую большую витрину

А. Фет. Скульптурный портрет работы Ж. А. Полонской. 1890 г.
Воск, дерево. Этюды голов А. Фета и Я. П. Полонского. 1890 г. Воск.
К неосуществленному триптиху «Фет, Полонский и Майков»

Фрагмент второй большой витрины

Цветущий кактус в Воробьевке.
Рисунок Я. П. Полонского,
на котором он изобразил цветение
«героя» одноименного рассказа
А. Фета

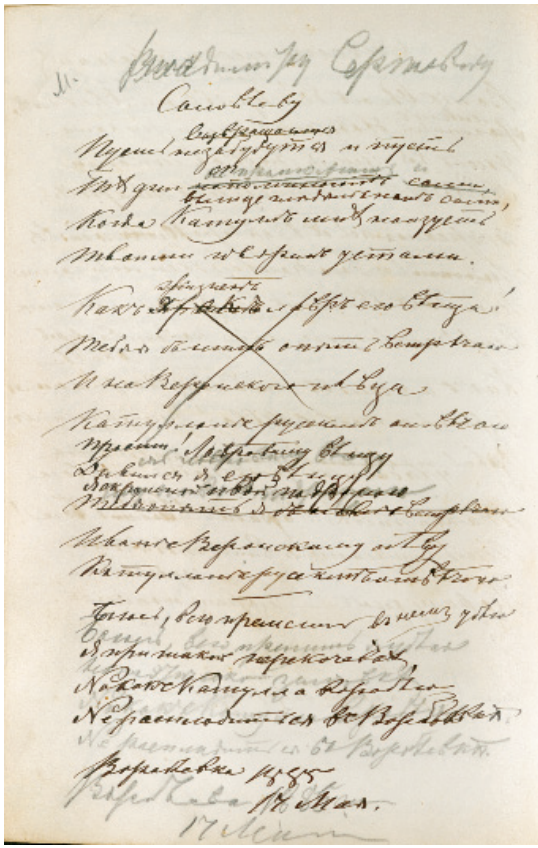
А. Фет в тележке, запряженной осликом.
Фотография С. Д. Боткина. Воробьевка, 1890 г.

Супруги Я. П. и Ж. А. Полонские с детьми в Воробьевке.
Сидят слева направо: М. П. Шеншина, Наталья Полонская, А. Фет.
Стоят слева направо: Борис Полонский, Я. П. Полонский, А. И. Иост (управляющий Фета), Александр Полонский, Ж. А. Полонская.
Фотография С. Д. Боткина. Воробьевка, 1890 г.

Торцовая стена. Общий вид

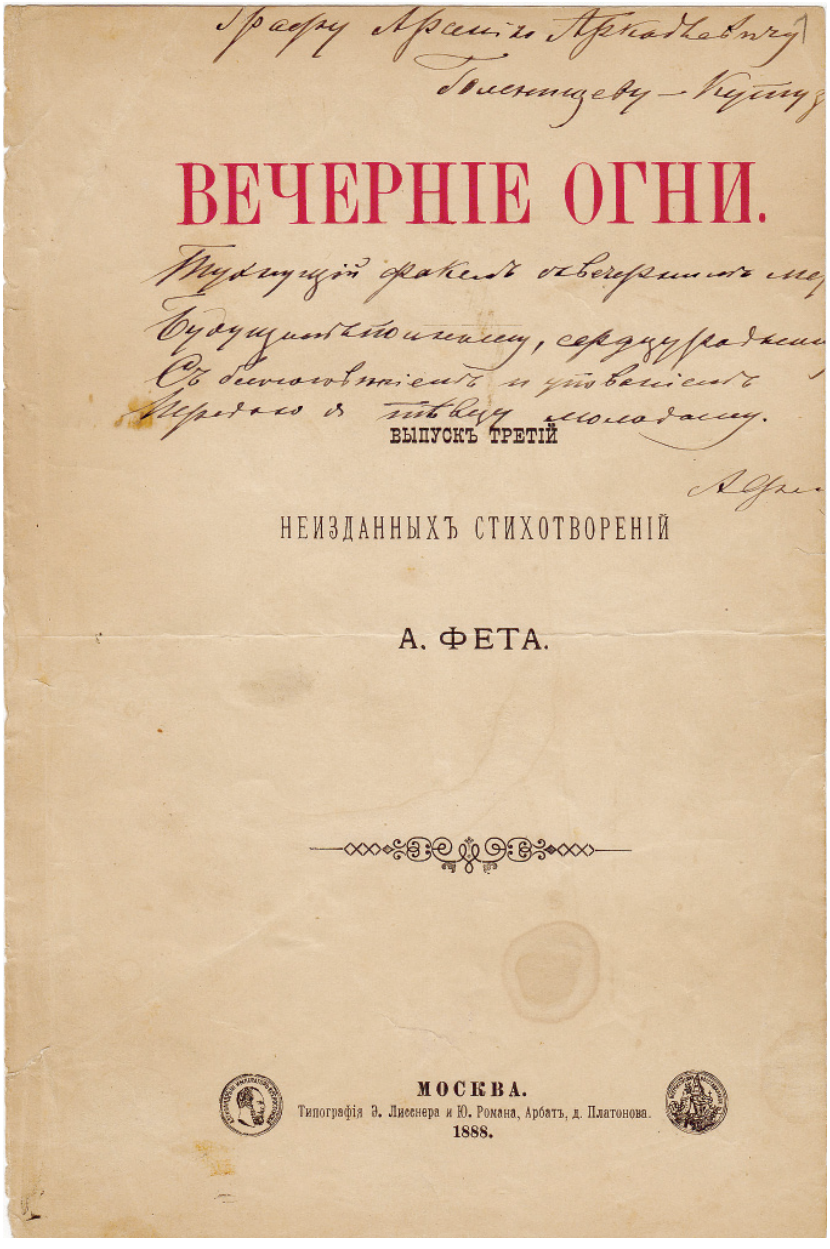
А. Н. Захаров и участники юбилейного концерта
к 200-летию А. Фета «Я был опять в саду твоем».
Слева направо: Л. Иванищенко, М. Алексеев, А. Захаров, А. Гонца,
Е. Шуткевич

Воробьевка. Аллея в парке.
Этюд Я. П. Полонского. 1890 г. Картон, масло



Стихотворное посвящение А. Фета «Владимиру Сергеевичу Соловьеву»
(«Пусть не забудутся и пусть...»). 1885 г.
Черновой автограф из 2-й рабочей тетради

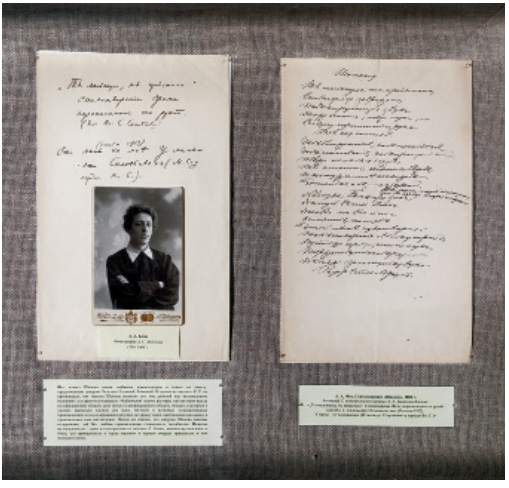
Третья малая витрина. Общий вид


Графу Аркадію Аркадьевичу
Голенищеву-Кутузову
ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ.
Тухнущій факелъ вечернимъ мер
Будущимъ полному, сердцу родном
Съ благоговѣніемъ и упованіемъ
Передаю я пѣвцу молодому.
ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ
НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
А. ФЕТА.
МОСКВА.
Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.
1888.

Обложка третьего выпуска «Вечерних огней» А. Фета (М., 1888)
с дарственной надписью графу А. А. Голенищеву-Кутузову:

Тухнущий факел с вечерним мерцанием
Будущим полному, сердцу родному
С благоговением и упованием
Передаю я певцу молодому.

Иллюстрация Л. М. Эндауровой
к стихотворению А. Фета
«Полно спать: тебе две розы...».
Эскиз почтовой открытки. 1904 г.
Бумага, акварель, белила



Четвертая малая
(блоковская) витрина.
Фрагмент

Четвертая малая витрина. Общий вид

В. А. Лукина и Л. В. Герашко
на фоне цветочной композиции,
выполненной Т. В. Стерненко к 200-летию А. Фета

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ФЕТА В 20 ТОМАХ

В. И. Симанков

«ЕДВА ЛИ НАПИСАНО ФЕТОМ…»: Несколько соображений к вопросу о подлинности трех стихотворений Фета в публикациях К. Льдова

В 1900 году на страницах двухнедельного вестника «Новый мир» было опубликовано три новонайденных стихотворения А. А. Фета: «<Александре Львовне Бржеской>» («Хоть строчкой, бедная подруга...»), «Из Лонгфелло» («В час вечерний лишь стихает...») и «The Echoes» («Та же звездочка на небе...»). Публикатором трех фетовских стихотворений выступил малоизвестный поэт и переводчик К. Льдов.[1] По его словам, последнее стихотворение, а именно «The Echoes», было получено им от А. Л. Бржеской. Каким образом Льдов вошел в контакт с нею — неизвестно. Неизвестен и автограф Фета. Неизвестна и дата написания «The Echoes». Неизвестно, наконец, и то, почему Фет сообщил своему стихотворению английское название. Как бы то ни было, публикации К. Льдова не прошли незамеченными, хотя и вызвали умеренный скепсис среди ученого сообщества. Так, Б. В. Никольский, редактор первого «Полного собрания стихотворений А. А. Фета» (1901), писал: «В последнее время появилось в печати несколько приписываемых Фету стихотворений. Некоторые не допускают сомнений в их достоверности, хотя собственноручных списков и не было в распоряжении редактора; но, например, стихотворение „The echoes“ <...> едва ли написано Фетом даже в самую раннюю пору его

[1] *Льдов К. <Розенблюм В.-К. Н.>* 1) Друг Фета Алексей Федорович Бржесский и его стихотворения 1842—1850 // Новый мир. 1900. № 28. С. 84—86; 2) К неизданному стихотворению А. А. Фета «The Echoes» // Там же. № 30. С. 131—132. Подробнее о К. Льдове (1862—1937) см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 432—433 (автор статьи — Е. В. Иванова).

© В. И. Симанков, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-249-257

деятельности».[2] Любопытно, что вопреки собственному скепсису Никольский все же включил «The Echoes» в *ПССт1901* (Т. 2. С. 576—577), а впоследствии и в *ПССт1912* (Т. 2. С. 127).

В середине 1930-х годов молодому советскому библиографу Б. Я. Бухштабу было поручено подготовить новое «Полное собрание стихотворений» Фета. Соответственно вновь встал вопрос о подлинности фетовских стихотворений, впервые напечатанных в «Новом мире». По мнению Бухштаба, «стихотворение „The echoes“ было опубликовано К. Н. Льдовым по списку, полученному от близкого друга Фета — А. Л. Бржесской. Основания, по которым Никольский сомневался в его подлинности, неизвестны».[3] Свой вердикт касательно «The Echoes» Бухштаб сохранил неизменным до конца жизни, о чем свидетельствуют его однотипные примечания к указанному стихотворению в *ПССт1937* и *ПССт1959*, а также в *СиП 1986*, последнем издании Фета, подготовленном Бухштабом незадолго до смерти. Следует заметить, что если Б. В. Никольский высказал сомнение в подлинности стихотворения «The Echoes» исключительно мимоходом, не входя в детальную аргументацию своего скептицизма, то Б. Я. Бухштаб поступил ровно наоборот: он объявил публикации К. Льдова достоверными и аутентичными, не предоставив при этом никаких доказательств.

Чтобы разобраться в том, кто же оказался прав в этой полемике — Никольский или Бухштаб, необходимо еще раз обратиться к стихотворению «The Echoes», напечатанному Льдовым, и проанализировать его происхождение. Можно предположить, что загадочное название стихотворения объясняется тем, что перед нами прямой перевод с английского. Если это так, тогда кто же автор английского оригинала? На этот вопрос в свое время пытался найти ответ М. Д. Эльзон, по мнению которого «вероятным источником» фетовского переложения является стихотворение Томаса Мура «Echo» («How sweet the answer Echo makes...»).[4] Приведя английский текст этого стихотворения (вкупе с подстрочным переводом И. И. Ханенко), Эльзон предоставил читателю «возможность самому удостовериться в буквальности или вольности»[5] фетовского переложения. Однако всякий непредубежденный читатель, ознакомившийся со стихотворением Т. Мура, и даже тот, кто позволил себе на мгновение ослепиться

[2] *ПССт1901*. Т. 1. С. VII.

[3] *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН*. 1935. Т. 22—24. С. 587.

[4] *Эльзон М. Д.* Об источнике стихотворения А. А. Фета «The Echoes» // *РЛ*. 2000. № 2. С. 199—201.

[5] Там же. С. 200.

параллелизмом в названиях, легко мог бы заметить, что «Echo» ирландского поэта-романтика не имеет ничего общего с «The Echoes» из публикации Льдова. Более того, по словам Н. П. Генераловой, стихотворения Фета и Мура «отличаются по содержанию и ритму, что совершенно противоречило переводческим принципам Фета».[6]

Версия, предложенная М. Д. Эльзоном в 2000 году, должна быть признана недостоверной и полностью отброшена. Подлинным автором английского оригинала, к которому восходит русское переложение «The Echoes», является, на наш взгляд, не Томас Мур, а Аделаида Анна Проктер (Procter; 1825—1864), одаренная английская поэтесса, почти совсем неизвестная в России.[7] Сравним:

ECHOES	**THE ECHOES**
Still the angel stars are shining, Still the rippling waters flow, But the angel-voice is silent That I heard so long ago. Hark! the echoes murmur low, Long ago!	Та же звездочка на небе, Та ж внизу течет река — Смолк давно лишь голос милый, Радость сердца далека! Эхо вторит мне уныло: Далека!
Still the wood is dim and lonely, Still the plashing fountains play, But the past and all its beauty, Whither has it fled away? Hark! the mournful echoes say, Fled away!	Тот же в роще молчаливой Бьет веселый, светлый ключ; Но отрадный лик былого Не проглянет из-за туч! Грустно шепчет эхо снова: Из-за туч.
Still the bird of night complaineth, (Now, indeed, her song is pain,) Visions of my happy hours, Do I call and call in vain?	Та же птичка, что певала, Ночью песнь свою поет; Но та песнь грустнее стала, Радость на сердце нейдет!

[6] *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 637.

[7] Сведения о том, что фетовское стихотворение «The Echoes» представляет собой перевод из Аделаиды Анны Проктер, впервые обнародованы мною в интернете в 2007 г. Е. В. Витковский, готовивший об эту пору антологию английской поэзии в трех томах, узнал о моих разысканиях и счел уместным включить данное переложение в подборку русских переводов из А. А. Проктер. См.: Семь веков английской поэзии: В 3 кн. М., 2007. Кн. 2. С. 843 («The Echoes» А. А. Фета в подборке переводов из А. А. Проктер); Кн. 3. С. 905—906 («Пользуемся случаем принести благодарность поэту-переводчику Виталию Симанкову, указавшему на перевод из Проктер, выполненный А. А. Фетом: до недавнего времени стихотворение считалось оригинальным произведением русского поэта»).

Hark! the echoes cry again,
All in vain!

Cease, oh echoes, mournful echoes!
Once I loved your voices well;
Now my heart is sick and weary —
Days of old, a long farewell!
Hark! the echoes sad and dreary
Cry farewell, farewell![8]

Эхо тихо простонало:
Да, нейдет!

Голос прошлого родного,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидений,
Что умчались навсегда;
Снова эхо в отдаленьи
Вторит: навсегда![9]

Впервые стихотворение А. А. Проктер «Echoes» было анонимно напечатано в лондонском еженедельнике «Household Words» (1853), выходившем под редакцией Чарльза Диккенса.[10] Следует заметить, что в 1853—1859 годах в упомянутом диккенсовском журнале появилось свыше семидесяти стихотворений Проктер — и все они были опубликованы анонимно. Молодая поэтесса, отправлявшая в редакцию журнала свои стихи под псевдонимом Мисс Беруик (Miss Berwick),[11] публично раскрыла свое авторство только в 1858 году, когда в свет вышел дебютный сборник ее стихотворений «Legends and Lyrics: A Book of Verses», включавший, в частности, и «Echoes».

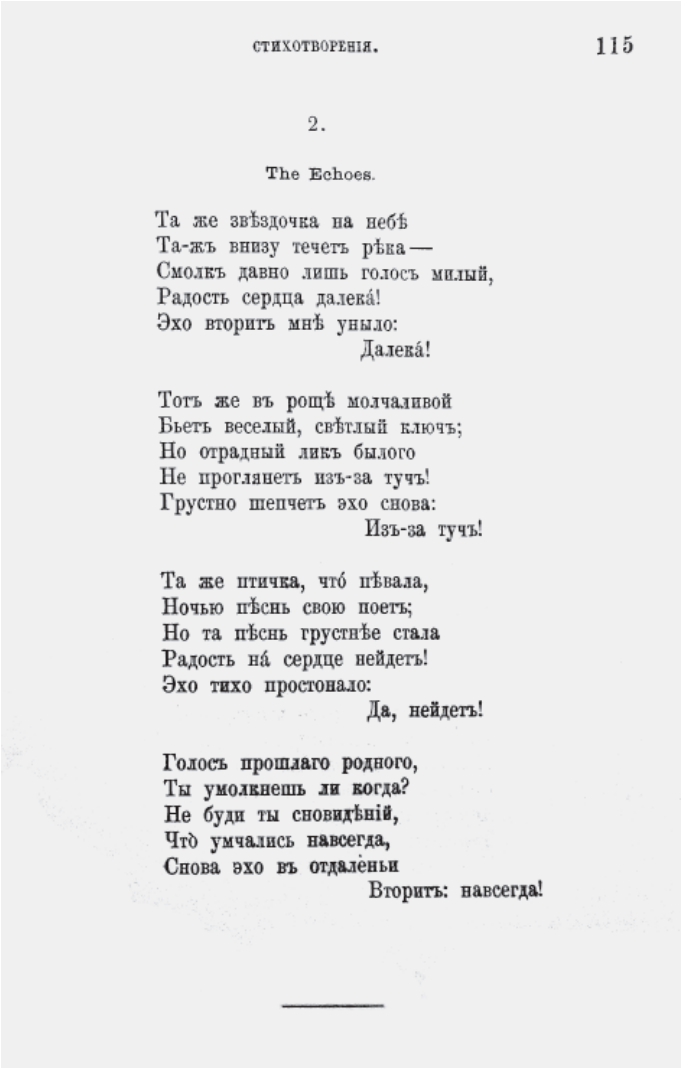
Во второй половине XIX века стихотворения Проктер имели в Англии чрезвычайно большой успех и многократно переиздавались —

[8] Цит. по: *Procter A. A.* Legends and Lyrics: A Book of Verses. London, 1858. <Vol. 1.> P. 19—20.

[9] Цит. по: Новый мир. 1900. № 30. С. 131.

[10] Household Words. A Weekly Journal. Conducted by Charles Dickens. 1853. Vol. 8. 3 September. № 180. P. 13. В журнале стихотворение появилось с небольшими разночтениями по сравнению с отдельным изданием 1858 г., по которому текст приведен выше. Сведения о том, что анонимное стихотворение «Echoes», а также множество других анонимных стихотворений, напечатанных в лондонском еженедельнике «Household Words» в 1853—1859 гг., принадлежат Аделаиде Анне Проктер, впервые введены в оборот американской исследовательницей Э. Лорли в книге: Household Words: A Weekly Journal. 1850—1859. Conducted by Charles Dickens. Table of Contents, List of Contributors and Their Contributions <...> / Compiled by Anne Lohrli. Toronto, 1973. P. 404—406.

[11] Отцом Аделаиды Проктер был Брайан Уоллер Проктер (1787—1874), известный английский поэт, близкий друг Диккенса, писавший под псевдонимом Барри Корнуолл, также печатавшийся в «Household Words». Отправляя свои стихотворные опыты Чарльзу Диккенсу, молодая поэтесса хотела, чтобы ее стихи были восприняты такими, какими они есть, вне зависимости от того, чья она дочь, и потому решила прибегнуть к псевдонимному маскараду. Примечательно, что Диккенс два года находился в совершенном неведении относительно «Мисс Беруик» и, возможно, находился бы в неведении и далее, если бы не один случай, о котором он подробно рассказал в предисловии к посмертно изданному сборнику стихотворений А. А. Проктер.



СТИХОТВОРЕНІЯ. 115

2.

The Echoes.

Та же звѣздочка на небѣ
Та-жъ внизу течетъ рѣка —
Смолкъ давно лишь голосъ милый,
Радость сердца далека!
Эхо вторитъ мнѣ уныло:
Далека!

Тотъ же въ рощѣ молчаливой
Бьетъ веселый, свѣтлый ключъ;
Но отрадный ликъ былого
Не проглянетъ изъ-за тучъ!
Грустно шепчетъ эхо снова:
Изъ-за тучъ!

Та же птичка, что́ пѣвала,
Ночью пѣснь свою поетъ;
Но та пѣснь грустнѣе стала
Радость на́ сердце нейдетъ!
Эхо тихо простонало:
Да, нейдетъ!

Голосъ прошлаго роднаго,
Ты умолкнешь ли когда?
Не буди ты сновидѣній,
Что̀ умчались навсегда,
Снова эхо въ отдаленьи
Вторитъ: навсегда!

Первая публикация перевода стихотворения А. Проктер «The Echoes», выполненного А. Д. Баратынской (Вестник Европы. 1877. № 5)

потому-то и невозможно в точности сказать, каким изданием пользовался автор русского перевода «Echoes». Впрочем, в данный момент это и не имеет особого значения. Теперь, когда нам известно, что стихотворение «The Echoes», опубликованное К. Льдовым в 1900 году как сочинение Фета, представляет собой прямой перевод из А. Про-

ктер, настала пора задаться совсем иным и более существенным вопросом: а верно ли, что это перевод Фета? что если стихотворение «The Echoes» приписано Фету по ошибке? существуют ли надежные данные, которые помогли бы установить личность подлинного переводчика?

Если реструктурировать направление нашего поиска, то можно обнаружить, что стихотворение «The Echoes», представленное Константином Льдовым как новонайденное сочинение Фета, на самом деле ранее уже являлось в печати. Впервые оно было опубликовано в майском номере журнала «Вестник Европы» за 1877 год, и самое примечательное, что переводчиком здесь указан вовсе не Афанасий Фет. Переводы «из миссис (Так! — *В. С.*) Проктер» были подписаны криптонимом «А. Б.» с указанием локации «Баден-Баден».[12] Следует заметить, что в «Вестнике Европы» за 1874—1877 годы можно отыскать и иные стихотворные переводы, подписанные криптонимом «А. Б.», а именно переводы из Томаса Мура,[13] Эмануэля Гейбеля[14] и Генриха

[12] I. Из Лонгфелло <1. Footsteps of Angels («В час вечерний лишь стихает...»); 2. Psalm of life («Не говори, что жизнь мечта...»)>; II. Из миссис Проктер <1. Judge not («Не осуждай *его*! Быть может...»); 2. The Echoes («Та же звездочка на небе...»); 3. Strik (Strive. — *В. С.*), wait, pray («Трудись! хотя б стремленье...»)> / <Пер. с англ.> А. Б. // *ВЕ.* 1877. № 5. С. 111—116. Вместе с еще четырьмя переводами из Проктер стихотворение «The Echoes» вошло также в сборник А. Д. Баратынской «Переводы немецких, английских и французских стихотворений» (Баден-Баден, 1876—1877), где оно напечатано на с. 47—48 с разночтениями в нескольких стихах, а также под двумя заглавиями — английским и одновременно русским «Отголоски»; под стихотворением подпись: «Мис <Так!> Проктер».

[13] Ирландские мелодии. Из Томаса Мура («Арфа мощного Тары, чьи звуки далеко...») / <Пер. с англ.> А. Б. // *ВЕ.* 1874. № 11. С. 351 (с указанием места и даты написания: «Баден-Баден, 1874»). Перевод перепечатан: Английские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н. В. Гербель. СПб., 1875. С. 250. См. также: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 822 (примеч. 433). Ср. также критические голоса в адрес «поэтессы-аристократки»: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 250 («Следовало бы дать порцию вомитива доброго и здешней госпоже Баратынской, которая наворотила дюжину ужаснейших стихов из Т. Мура, напечатанных в нояб<рьской> книжке „Вес<тника> Европы“»). Впрочем, П. В. Анненков, длительное время проживавший в Баден-Бадене в 1870-е гг., оставил и другие суждения о переводах Баратынской. См.: Там же. Кн. 2. С. 46 («Посылаю Вам английский перевод „Кро́кет в Виндзоре“, сделанный Баратынской, и кажется недурно, и теперь, вероятно, известный уже и в Британии»). Подробнее о последнем переводе см.: *Žekulin N. G.* Turgenev's *Króket v Vindzore* («Croquet at Windsor») // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 85—103.

[14] Из Гейбеля («В душе людей меня едва ль...») / <Пер. с нем.> А. Б. // *ВЕ.* 1874. № 12. С. 671 (с указанием места и даты написания: «Баден-Баден, 1874»). Перевод

Гейне.[15] Если переводы «из миссис Проктер» прошли полностью незамеченными среди историков литературы, то переводы из Т. Мура и Г. Гейне, напротив, неоднократно попадали в поле зрения специалистов, однако долгое время никто не мог ответить на вопрос, кому же принадлежит загадочный криптоним «А. Б.». Найти ключ к разгадке удалось московской исследовательнице В. Н. Стефанович.[16] Согласно ее разысканиям, криптоним «А. Б.» принадлежит Анне Давыдовне Баратынской (1814—1889), проживавшей в Баден-Бадене в 1870-е годы.[17]

Каким образом перевод А. Д. Баратынской «из миссис Проктер», впервые напечатанный в майском номере журнала «Вестник Европы» за 1877 год, оказался в бумагах А. Л. Бржеской — неизвестно, поскольку К. Льдов не оставил на этот счет никаких указаний. Зато сохранились сведения об обстоятельствах находки другого стихотворения Фета, опубликованного Льдовым под названием «Из Лонгфелло» («В час вечерний лишь стихает...»). «Автограф» этого перевода (точнее «наброска перевода», ибо перевод сохранился не полностью) был получен Льдовым от Александра Васильевича Безродного. Последний был близко знаком с Бржеской, от которой и получил не только «набросок перевода А. А. Фета из Лонгфелло»,[18] но и четверостишие «Хоть строчкой бедная подруга...», вырезанное из письма Фета к Бржеской.[19] Версия К. Льдова автоматически вызывает ряд вопросов, ответы на которые еще предстоит отыскать. Во-первых, непонятно, отчего А. В. Безродный, археограф со стажем и некогда начальник Сенатского архива, сам не опубликовал материалы из бумаг Бржеской, а передоверил это Льдову, человеку, далекому от архивных дел? Во-вторых, не вполне понятно, какой «автограф» перевода из Лонгфелло напечатал Льдов? Если это действительно рука Фета, тогда как объяснить тот факт, что перевод «из Лонгфелло», будто бы принадлежащий Фету, полностью совпадает с переводом Баратынской, ранее напечатан-

---

перепечатан: Немецкие поэты в биографиях и образцах / Под ред. Н. В. Гербеля. СПб., 1877. С. 603.

[15] 1) Из Гейне <I. «Больной лежал в постели...»; II. «Иконе чудотворной...»; III. «В ту ночь к одру больного...»> / <Пер. с нем.> А. Б. // *ВЕ*. 1875. № 1. С. 250—252; 2) Из Гейне <1. «Красавицу Лилею...»; 2. «Зачем поблекли розы...»; 3. «Я голову долго над жизнью ломал...»; 4. «Порой взгрустнется поневоле...»; 5. «Лишь я засну — передо мной...»> / <Пер. с нем.> А. Б. // Там же. 1877. № 12. С. 648—650.

[16] *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // *РЛ*. 1963. № 4. С. 142—151.

[17] Об А. Д. Баратынской см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 157—158 (автор статьи — Н. И. Осьмакова).

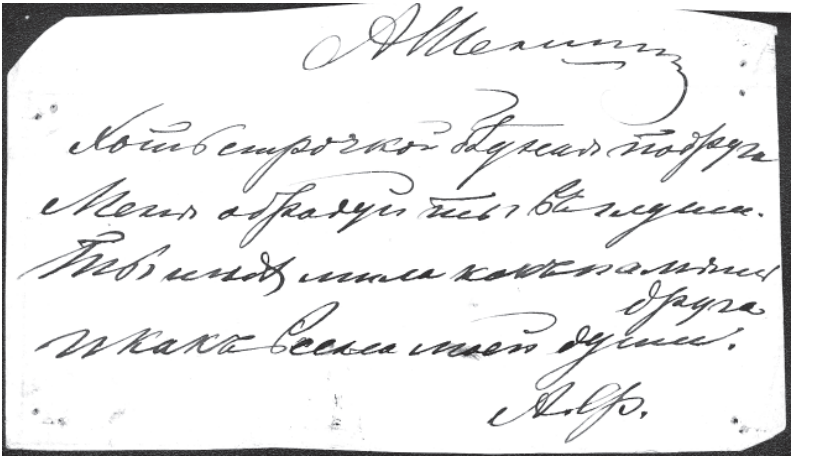
[18] *Льдов К.* Друг Фета Алексей Федорович Бржесский и его стихотворения 1842—1850. С. 85.

[19] Подробнее см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 638—639.

А. Д. Баратынская.
Портрет работы А. У. Орлова (масло). После 1856 г.

ным в майском номере журнала «Вестник Европы» за 1877 год (в том самом номере, где были помещены и переводы «из миссис Проктер»!)?[20] И, наконец, как вообще объяснить наличие списков с пере-

[20] Мимоходом заметим, что перевод «Из Лонгфелло», опубликованный К. Льдовым как переводческая работа Фета, по-видимому, не вызвал особого доверия у Б. В. Никольского — во всяком случае, тот не включил его в *ПССт1901*. В многочисленных собраниях стихотворений Фета, изданных в XX в., перевод из Лонгфелло был напечатан только однажды — в *ПССт1912* (Т. 2. С. 179). Во все издания стихотворений Фета, подготовленные Б. Я. Бухштабом, этот перевод также почему-то не вошел — и это притом, что Бухштаб всегда включал «The Echoes» в корпус фетовских стихотворений.



Стихотворение Фета «Хоть строчкой, бедная подруга...». Фрагмент, предположительно вырезанный из письма Фета к А. Л. Бржеской

водов А. Д. Баратынской, опубликованных в «Вестнике Европы», в бумагах А. Л. Бржеской? Может быть, она собственноручно выписала из журнала понравившиеся ей стихи? И если так, тогда почему в «автографе» есть следы «авторской» правки (**«**Окончат. вариант (*чистый*) вписан поверх *светлый*»**)**?[21] А может быть, Баратынская сама прислала Бржеской свои переводы? Тогда кому принадлежит «автограф» перевода из Лонгфелло: Баратынской? Бржеской? Фету? или четвертому лицу? Словом, вопросы подобного рода можно множить без конца — ответа на них сейчас не найти...

Наличие двух псевдофетовских сочинений в публикациях Льдова («Из Лонгфелло» и «The Echoes») могло бы набросить тень сомнения и на третье стихотворение, опубликованное в «Новом мире», а именно на четверостишие «Хоть строчкой, бедная подруга...», однако сомнения эти оказались бы напрасными. Дело в том, что две строки из этого четверостишия цитируются самой Бржеской в письме к Фету от 3 июня 1881 года.[22] Сохранился и автограф четверостишия, предположительно вырезанный из письма Фета к Бржеской.[23] Следовательно, К. Льдов не был мистификатором и все материалы, опубликованные им, действительно так или иначе восходят к бумагам А. Л. Бржеской (что, впрочем, не отменяет вопросов, уже затронутых нами выше).

[21] *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 638.
[22] *ПССт1937*. С. 748.
[23] *ИРЛИ*. Ф. 39. № 1205.

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка Фета

ПИСЬМА И. П. БОРИСОВА и П. И. БОРИСОВА к ФЕТУ и М. П. ФЕТ

Часть IV*
1869—1871

Публикация И. А. Кузьминой

120
Борисов — Фету
4 января 1869 г. Из Москвы в Степановку

4[a] янв. 69. Москва. Газетн<ый>, д. Хлудова, у Пейше.[1]

Ну дружище, милая, добрая моя Фетушка, все у нас еще на том же положении, как ты нас оставил[2] — *нового ничего нет*. Попка[3] еще в постели, кашель еще не проходит. Сегодня доктор назначил микстурку, но все-все, говорит, идет как следует. Когда головой не понимаешь наконец, куда что сунуть, а между тем — все-таки «Совайся, Нечипоре, совайся!»,[4] становится как-то уж все равно — и форто пьяно. Вот мы с тобой в этом часто бываем — как родные братья схожи. — Ты уехал, а я и не спросил, что Тетя, осталась ли здесь[5] — и вчера послал ей по городской почте справки. О ней, о тебе.

Сегодня Н. В. Калачев[6] был у меня — возвратившись *вчера* из-*за Саратова*. В шесть дней обернуться — это быстрота, ну он молодец — даже и тебя самого молодцеватей. Там зима тоже почти бесснежная, и боязно вымороз<ок>.

---

* Окончание. Первую, вторую и третью части публикации, в которую вошли письма за 1850—1861 гг., 1862—1865 гг. и 1866—1868 гг. соответственно, см.: *ФетСб(1)*. С. 116—211; *ФетСб(2)*. С. 223—334; *ФетСб(3)*. С. 457—550.

[a] *Далее зачеркнуто*: дек. 68.

© И. А. Кузьмина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-258-353

Н. В. Калачов

От Ив<ана> Федорова получил известие, что орловск<ий> нотариус и в 5-й раз ничего не покончил с продажей Калачеву[7] — просто караул. Но не знаю, когда могу урваться отсюда, когда пустит меня Петя.[8] — Увидим. — Так и напишу. — Но уже не ранее 15-го янв<аря>.

Обнимаю крепко тебя, милая добрая моя — будь здоров.

Твой И. Борисов.

Здесь –25°! Но комнаты — теплота, и за это Пейшам уру! Зато уж из кухни подают баранину, гусей, и если не голод, то голодание — пойду в твой участок, помоги![9]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 165—166.

[1] По этому адресу Борисов проживал с конца октября 1868 г. См. письмо 116: наст. публ. Ч. 3. С. 541.

[2] С начала декабря 1868 г. Феты гостили в Москве у Д. П. и С. С. Боткиных. Известно, что 15 декабря Фет предполагал выехать в Орел, чтобы оформить купчую на приобретенное М. П. Фет имение Марьино (см. письмо Фета к В. П. Боткину от 14 декабря 1868 г.: *Фет/Боткин.* С. 532—533), а затем отправиться в Степановку, где его ждали обязанности мирового судьи.

[3] Имеется в виду сын Борисова, Петя (1858—1888), который в августе 1868 г. поступил в 1-й класс московского Лицея цесаревича Николая. См. письмо 110: наст. публ. Ч. 3. С. 531—533.

[4] «Со́вайся, Нечипоре, со́вайся!» (Пошевеливайся, Никифоре, пошевеливайся! — *укр.*) — выражение, которое восходит, по-видимому, к семинаристскому фольклору; встречается в составе шутливых (как правило, хоровых) песен, в пародийной форме обыгрывающих церковные службы и песнопения. Куплет одной из подобных песен с указанной фразой, которую подхватывает хор, в «Ранних годах моей жизни» приводит Фет, описывая совместное проживание с И. П. Борисовым в Новогеоргиевске в начале своей службы в кирасирском полку (см.: *РГ.* С. 276—277; указано В. И. Симанковым). Наравне с укороченным вариантом «Совайся, Ничипоре», а также «Совайся, Ничипоре, по гарячій сковороді» зафиксировано в словаре: Українські приказки, прислівья и таке инше. Збирники О. В. Марковича и других. Спорудив М. Номис. СПб., 1864. С. 214.

[5] См. письмо 121.

[6] *Калачов* (Калачев) Николай Васильевич (1819—1885), археограф, академик, сенатор; в 1865—1885 гг. управляющий Московским архивом Министерства юстиции, председатель Общества любителей российской словесности (1866—1869); близкий сосед Борисова по Фатьянову.

[7] *Федоров* Иван, давний слуга Борисова, управляющий Фатьяновым. Сведений о продаже Борисовым части своего имения Калачову не имеется.

[8] См. примеч. 3 к наст. письму.

[9] Борисов имеет в виду помощь, оказанную Фетом крестьянам своего участка в неурожайный 1868 г. См. об этом подробнее: *Кузьмина И. А.* О благотворительном вечере, устроенном Фетом в пользу голодающих (март 1868 года) // *ФетСб(3).* С. 59—80.

121
Борисов — Фету
21 января 1869 г. Из Новоселок в Степановку

Вторник 21 янв. 69. *Новоселки.*

О милая, здравствуй. Сегодня в 7-м *ровно* утром был уже дома и самоварил. — Тетю в воскр<есенье> видел — здорова и 29 наде<ется> выехать, *но* если что, то уже 3 ф<евраля>,[1] потому, сама знаешь, понедельники и прочие ваши баловства. — *Брата-повара*[2] привезет с собой, и ты пока молчи — понимаешь, и не ворчи, мой кот мурлыка.[3]

Ехал я сюда с Лонгиновым.[4] Много проговорили и мало спали — только от Тулы уже пошла настоящая ночь, и тебя вспоминали, и Ивана С<ергеевича>, вот он и легок на помине. Сегодня получил от него и к тебе особое.[5] Но, милая моя, не вверяю его моему конверту на Змиевку,[6] а на той неделе привезу сам, это верней. — Весной обещает к нам и в Степанов<ку> к тебе.[7]

Попку оставил здоровым и с запретом выглядывать на воздух. — Катков и Леонтьев свидетельствуют Афанасию Афанасьевичу уважение.

«*Несчастная*», повесть И. Тургенева, уже печатается в «Р<усском> вестн<ике>».[8] Лев Николаевич обманул и уехал в воскресенье,[9] обещав с нами в понедельник. — V том Бартенев[10] к тебе пришлет в Змиевку, как только выйдет, а выйдет ли, неизвестно.[11] 14 листов напечатано, осталось *два или три*. Это будет не последний «Войны и мира», и Л<ев> Н<иколаевич> надеется еще на пять, а можно так и далее. К тебе он просил меня непременно *написать*, прежде чем тебя увижу, как ты *дяденька* ему дорог и как ему хочется тебя увидать — обещал непременно навестить М<арью> Петр<овну>, но не появился и из дому исчез *вдруг*. Да он уже сам говорит, что так все это время дома мучил всех своих, что жалко даже и ему, и им только и было спасение как за пером, тут уже достается «Войне и миру». Написалось много-много, но все это не к V-му, а вперед. Подарил мне сетеренка, и надо выждать его в Никольское,[12] так и пошлю за ним. Тогда посмотрим, или Бубульку[13] или сетеренка отдам тебе. А в Москве щенят у знакомых не было, а *ученую* я и не искал, отдать деньги большие — можно задурма.[14] — На этой неделе никак не приспею, голубчик. Много, м<н>ого делов, ну, Господь с тобой, будь здоров.

Твой И. Борисов.

Александру Никитичу[15] поклонись. Володя[16] здоров, я не видал его перед выездом, боясь развозить кори по заведениям, а знаю от Сергея Владимиров<ича>.[17]

Только на случай, если ты в Москву, в Елец или в Одесту[18] соберешься, то черкни мне, чтобы не сунулся в пустую степь. Да, Влад<имир> Петр<ович> поручил тебе сказать, что дело все идет как по маслу и если замедляется окончанием, то *ты ничего не теряешь*.[19]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 21—22 об.

[1] К 3 февраля 1869 г. М. П. Фет была уже в Степановке (см. письмо 122), поэтому можно предположить, что она выехала из Москвы 29 января. Та же дата ее отъез-

да, 29 января, была названа в ее несохранившемся письме к мужу от 20 января 1869 г. В ответном письме от 26 января Фет обещал выслать утром 30-го числа лошадей на станцию Змеевка, однако прибавил: «Но ты этим не стесняйся, а пришли 29 письмо, в котором напиши, когда высылать лошадей, если будешь знать день своего выезда» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 11—11 об.).

[2] Речь идет о брате работника Матвея, служившего у Фетов уже несколько лет. В декабре 1868 г. М. П. Фет уволила свою горничную Марьюшку и ее мужа, повара Михайлу. Новый повар, нанятый в Москве, прибыл в Степановку 6 января 1869 г., и первые дни Фет был доволен его кулинарным искусством (см. письмо Фета к М. П. Фет от 8 января 1869 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 23). Однако уже 16 января 1869 г. он писал жене: «С грустью должен сказать, что жалею, что мы не последовали первому решению взять брата Матвея, повара. Этот рекомендованный оказывается плох <...>. Когда он заживет забранные деньги и если не исправится — то возьмем другого. Это все сделаю при тебе» (Там же. № 27. Л. 9). Несколько дней спустя Фет вновь изменил свое мнение и в письме к М. П. Фет от 26 января 1869 г. просил ее ничего не предпринимать касательно повара, поскольку он стал лучше готовить (Там же. Л. 10). Чем в итоге кончилось дело, неизвестно. В это же время на службу к Фетам поступил еще один брат Матвея, Александр, который, вероятно, получил место сторожа в приобретенном осенью предыдущего года имении Марьино (см. упоминаемое выше письмо Фета к жене от 8 января 1869 г., а также его письмо к ней же от 15 ноября 1871 г.: Там же. № 26. Л. 31 об.).

[3] «Не ворчи, мой кот мурлыка...» — одно из ранних стихотворений Фета (см.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 146—147; коммент.: с. 450).

[4] *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875), в 1867—1871 гг. орловский губернатор. См. о нем примеч. 13 к письму 117: наст. публ. Ч. 3. С. 545.

[5] Имеются в виду письма И. С. Тургенева: к Борисову от 12 (24) января и к Фету от 13 (25) января 1869 г. (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 9. С. 128, 132—133).

[6] *Змеевка* (Змиевка), в то время ближайшая к Степановке станция Московско-Курской железной дороги. См. подробнее примеч. 2 к письму 95: наст. публ. Ч. 3. С. 495.

[7] Касаясь своего приезда в Россию, Тургенев писал Фету: «Вам непременно надо написать свои мемуары и записки как судьи. <...> И когда я приеду весной в деревню — в Степановку, — Вы должны уже мне прочесть несколько отрывков» (*Тургенев. Письма*. Т. 9. С. 133).

[8] Об этом Тургенев сообщил в письмах Борисову и Фету (*Тургенев. Письма*. Т. 9. С. 128, 133). Повесть была напечатана в январской книжке «Русского вестника» за 1869 г. См. также письмо 124 и примеч. 17 к нему.

[9] Воскресенье пришлось на 19 января 1869 г. Л. Н. Толстой находился в Москве с 17 января, куда прибыл по делам печатания «Войны и мира» и для совета с близкими ему людьми (С. С. Урусовым, С. А. Юрьевым, Ю. Ф. Самариным) о философско-исторических воззрениях, развиваемых в романе (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 358—359).

[10] *Бартенев* Петр Иванович, издатель «Русского архива», редактор и ответственный корректор первого издания романа «Война и мир». См. о нем подробнее примеч. 3 к письму 105: наст. публ. Ч. 3. С. 520.

[11] Содержание пятого тома романа «Война и мир» охватывает события, происшедшие после Бородинского сражения, до отступления Наполеона из Москвы на Смоленскую дорогу. 28 февраля 1869 г. «Московские ведомости» поместили объ-

явление книжного магазина И. Г. Соловьева о том, что пятый том «Войны и мира» вышел и раздается подписчикам (№ 47. С. 1); 4 марта та же газета опубликовала объявление самого Толстого, извещавшее, что пятый том его романа бесплатно раздается имеющим первые четыре по предъявлении билетов (№ 48. С. 1).

[12] *Никольское-Вяземское* — имение Л. Н. Толстого в Чернском уезде Тульской губернии, ближайшее к Новоселкам Борисова.

[13] *Бубулька* — собака Борисова.

[14] То есть дуриком.

[15] Имеется в виду Александр Никитич *Шеншин* (1819 — ок. 1872), зять и близкий сосед Фета, проживавший с женой Любовью Афанасьевной Шеншиной (1824—1880) в своем имении Ивановское. См. примеч. 1 к письму 1: наст. публ. Ч. 1. С. 123.

[16] *Шеншин* Владимир Александрович (р. 1855), сын А. Н. и Л. А. Шеншиных, племянник Фета. Воспитывался в Москве, в немецком Петропавловском училище.

[17] *Шеншин* Сергей Владимирович (1828—1897), двоюродный брат А. Н. Шеншина. Проживал в Москве, где служил в Контрольной палате, затем был почетным мировым судьей 1-го округа Столичного мирового съезда (Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год. Ч. 1. С. 57). Его жена Полина Романовна (урожд. баронесса Штакельберг) упоминается в письмах Фета к И. П. Борисову и М. П. Фет. Одна из сестер С. В. Шеншина, Александра (1824—1873), была замужем за близким соседом Борисова К. И. фон Дрейлингом.

[18] *Одеста* — простонародное название Одессы.

[19] О чем здесь идет речь — установить не удалось.

122
Борисов — Фетам
3 февраля 1869 г. Из Новоселок в Степановку

3 фев. 69. *Новоселки*.

Милый друг, не успел и ответить вовремя, да ты все еще время рассчитываешь по *Каллиграфу*, а не то что по Телемаху[1] — это беда. Тебя и Тетю обнимаю крепко, а приеду к вам по своей, т. е. по божьей чугунке.[2] Во Мценске исковеркало мост и ездят на Стрельцов[3] (вона!). На Змеевку боюсь — слишком много перекладываний, да ночлег у Богатырей[4] страшит.

Но самое главное, еще не могу и тронуться, деньги собираю за хлеб, проданный в Орле, во Мценске, у Войта[5] и Боже, Боже, как боюсь, чтоб *не украли*. Хандрить же ты не смей, Афоня, до моего приезда, подожди, голубчик, уж мы вместе затянем: «Ах ты, хандра ты моя, моя хандра...», а Тетю попросим аккомпанировать. Что делать, видно так уж *предназначено было*.[6] Это ты сочинил.

Будьте же здоровы, милые, часика не потеряю, а как только могу, то и пред вами в Степановке ЮРК.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 167—167 об.

[1] *Телемах* — в древнегреческой мифологии сын Одиссея, царя Итаки. В данном случае имеется в виду Петя Борисов, который был центром жизни своего отца. Ср. с тем, что писал И. П. Борисов в письме 110: «Туфли и калоши *куплены*, <...> остается только высадить Телемака и самому скорей возвращаться в Итаку» (наст. публ. Ч. 3. С. 531).

[2] Как видно из текста письма, Борисов не собирался садиться на поезд в Мценске. Вероятно, под «своей» чугункой он подразумевал лошадей.

[3] Возможно, имеется в виду казенная слобода Стрелецкая, расположенная на реке Зуше, по левую сторону большой Новосильской дороги, в 17 верстах от Мценска (*ОГ*. С. 165).

[4] Братья *Богатыревы* — владельцы постоялого двора во Мценске.

[5] *Войт* Николай Карлович (1805—1885), действительный статский советник, помещик сельца Петровка (Пожогина) Новосильского уезда Тульской губернии. Петровка была расположена на реке Зуше, в этих местах в начале XIX в. находилась вторая по размерам (после Мценской) мельница. Возможно, она существовала и в 1860-е гг.

[6] Цитата из ранней редакции стихотворения Фета «Ночью как-то вольнее дышать мне...»: «Знать, уж так должно, знать, предназначено было» (*Фет. ССиП*. Т. 1. С. 85—86).

123
Борисов — Фетам
16 февраля 1869 г. Из Новоселок в Степановку

16 февр. 69. *Новоселки*.

Государь Афанасий Афанасьевич,

Доношу Вашей чести, что вчера благополучно дрянные Ваши дрожки перевезли сюда и расписку в получении *всех* денег получили, ну все как следует, теперь отправлю по кантапу[1] далее в степь, только хочу денек-другой подождать, не выпадет ли снежок, а то просто ведь гадко-гладко. Мне же надо посылать к Рагозину[2] за пшеницей — я и хочу при сей верной оказии твои беговые препроводить. Иван кучер говорит, что они совсем плохи — дерево очень ветхо — ну зато будут легки, только приищи сделать *ободья* пошире и будут знаменитые.

Милая Тетя, целую Ваши ручки. — Отцу Димитрию[3] передал и книжки и наряды. Очень, очень он предоволен. Между прочим узнал от него, что всего он денег получил чрез Михайлу 15 р. на церковные и записал их в книгу — 5 р. ему, священнику, на поминанье и 3 р. дьячку. Вот все, что ему передано было.

До поездки в Москву остается немного времени и к вам никак не удастся слетать — во-1-х, жду м<ирового> посредника, и во-2-х, охот-

ников на карету, и в-3-х, отчеты еще не кончил, и в-4-х, староста Тит ногу, говорят, свихнул, надо к нему спешить и я спеши, спеши, спешу.

И. Борисов.

Из Москвы вам напишу.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 23—23 об.

[1] *Кантап* — вероятно, простонародный вариант слова *этап*.

[2] *Рагозин* (Рогозин) Петр Владимирович, помещик сельца Хряпина Болота Богородицкой волости; сосед Фета. Закончил Харьковский университет со степенью кандидата. В 1867 г. избран мировым судьей 2-го участка, но до конца срока не дослужил: указом Правительствующего Сената от 2 июня 1870 г. уволен от должности согласно его прошению (*Орл губ вед*. 1870. 13 июня. № 24. С. 231).

[3] Имеется в виду священник Успенской церкви села Ядрина Дмитрий *Руденский*. См. подробнее примеч. 9 к письму 33: наст. публ. Ч. 1. С. 207.

124
Борисов — Фету
23 февраля 1869 г. Из Москвы в Степановку

Воскресенье[1] вечер. 22 февр. Москва, Хлудова, Пейшес.

Милый дружище, боюсь сказать тебе даже здравствуй — лучше притаиться и ни гу-гу. Перед отъездом из Новоселок, как водится, *укладывался*, и раз десять ощупывал, и все ближе и ближе перемещал часы твои к сумке, и своими руками уложил в сумку и, как помню, в отделение с бумагами. — Приехав благополучно и напившись чаю, помнил, что для выигрыша времени с часов надо начинать походы, ну каково же было удивление, что начиная с сумки, которую чуть не вывернул наизнанку, обшарил все карманы от верхнего платья до нижнего и нигде часов нет — в отчаянии пошел к Пете — с лестницы возвратился: мне казалось, что еще где-то надо поискать, и нет, и нет, и нет. Тут только *ясно* вспомнил, где именно я их дома забыл, и это уже меня успокоило, что *не украли* и не пропали, и только ты, моя милая, посердишься да и простишь мою оплошность, но все-таки скверно. Петю, слава Богу, нашел здоровым и готовым на новоселье в отделенье *мелкой птицы*,[2] к г. Павлову тут же, в том же доме — всего их 5 человек туда. Статью Тимирязева[3] в тот же день погнали в набор — а твою я чрез Новосильского пустил к Леонтьеву[4] — и она будет в «Современн<ой> летописи» через недельку, потому что «Летопись» у них уже неделей вперед *отпечатана*[5] и этим гордится Павел Михайлович. — Был у Дмитр<ия> Петр<овича>[6] и *не застал его дома*, по этому

можешь судить, что здоровье его лучше, он ходит уже на работу. У них все здоровы. Только к вечеру возвратился я домой и первое, что попалось на столе — уверточка твоих часов — ну... ну... ну... что ты после этого скажешь!!! До такой степени доходил ли ты, ведь уж это из рук вон что такое. Такого украда и с тобой еще не бывало. Вчера утром снес к Улькану[7] и к четвергу обещал их сконовалить, и я тебе их привезу. Привезу и V том «Войны и мира», который в среду Бартенев обещал мне вручить, уже *сшивают*. В Ясную не заезжал, но, может, здесь увижусь с Л<ьвом> Н<иколаевичем>. Ждут всякой день.[8] — Сегодня Марья Никол<аевна>[9] и Дьякова[10] должны были отправляться в *город Рим*, а я уже считал их во Мценске улетевши<ми>. Но для чего они оттуда на Москву и Питер, Бог их знает. — Получил ли *дрожки твои*. О, довезут ли мою пшеницу от Рагозина.[11] Видел ли и берет ли мою карету Хрущов,[12] все это вопросы неизвестные в Москве. Но в понедельник я на перв<ой> неделе[13] в вагон и домой, домой — не нужно мне блины и кофе и сахарные сухари — черт их дери, домой, домой. Тут — 8-го у меня посредник мировой о Новоселках и по Фатьяновой разверстание с Калачовым,[14] и *авось* с тобой, Сокол Ясный, молодец прекрасный,[15] мы вместе к Марье Петровной вдарим в Степановку — ты будешь дорогу показывать — а может, перед тем сбегаем ко Л<ьву> Ник<олаевичу> из Мценска[16] — потому что заезжать к нему по пути никогда не удастся, по чугунке это мудрено. Вот и всё пока. Да, да, да, ведь я прочел «Несчастную», получил еще в Новоселках, перед самым выездом, и все хорошо и отлично — но поразительное холодное, равнодушное отношение *автора к героине*. И отчего это? Разумеется потому, что ведь это шло все очень давно и... и... и... а рассказ прелесть — особенно хорошо описана свалка и рыжая борода в жилистом кулаке, мне даже за обедней сегодня привиделись. Но ты суть злостный крытик к Ив<ану> С<ергеевичу>, на тебя не угодишь.[17]

Поцелуй же, не забудь, за меня и Попку тетины ручки и будь здорова, моя мила, як кисынька чернобрива. Крепко тебя обнимаю.

И. Борисов.

Приписка на левом поле первой страницы письма:

У Пирогова[18] узнал, что квит<анция> на коляску давно отправлена в Змиевку, а дубликат *на всякой* случай взял у него.

Приписка на левом поле второй страницы письма:

Сегодня был у Каткова, *оба редакторы*[a] тебе почтение свидетельств<уют>. Москва готовится выбирать нов<ого> *голову*, Щербатов[19] отказался. Хотят *Черкасского*,[20] который уже опять на ногах.

[a] *В подлиннике*: *оба редакцы*

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 25—26 об.

[1] Датируется по воскресенью, которое пришлось на 23 февраля 1869 г. Борисов мог ошибиться в числе, но не в дне недели, поскольку в понедельник его сын Петя должен был отправиться в Лицей.

[2] Цитата из шуточного стихотворения Фета «В зверинец мой раскрыты двери...» (1845), где описаны его сослуживцы по кирасирскому полку, причем Борисову посвящена следующая строфа: «Вот отделенье мелкой птицы: / Борисов, чтобы не забыть; / Он к нам приехал из столицы / „Мое почтенье“ говорить» (цит. по: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 342).

[3] *Тимирязев* Александр Аркадьевич (1818 — после 1892), предводитель дворянства Мценского уезда (1868—1877), владелец имения при сельце Алешня (Прилепы) (см. подробнее примеч. 4 к письму 42: наст. публ. Ч. 2. С. 246). Текст подписанной его именем публикации следующий: «Не состоя никогда подписчиком „Вести“, я был изумлен высылкой мне с 1-го января нынешнего года экземпляра этой газеты. Вслед за тем издатель оной г. Скарятин письмом уведомил меня о желании своем ознакомить меня с издаваемою им газетой, так как большинство русских читателей знакомы с нею лишь по критическим о ней отзывам, и что на этом основании он высылает ее мне бесплатно. / Лично знакомый с содержанием газеты „Весть“, я отправил полученные №№ обратно, уведомив редакцию, что получать „Весть“ я не желаю ни за деньги, ни бесплатно. / Мценский предводитель дворянства Александр Тимирязев» (*МВед*. 1869. 22 февраля. № 42. С. 3). Рядом с заявлением Тимирязева помещено перепечатанное из газеты «Голос» заявление аналогичного содержания, сделанное С. Козляниновым, предводителем дворянства Мещовского уезда Калужской губернии.

Заявления Тимирязева и Козлянинова снабжены пояснением, в котором сказано: «В №№ 30, 37 и 42 „Московских ведомостей“ был уже напечатан ряд заявлений нескольких предводителей дворянства, коим редакция „Вести“ рассылала свою газету даром, в надежде, что они — любезность за любезность — „будут содействовать распространению“ этого издания „в кругу своих знакомых“ — просьба, с которою помянутая редакция в продолжение нескольких лет обращалась не только к предводителям, но и вообще ко всем своим даровым и недаровым подписчикам. Так как „Весть“ ведет агитацию в интересах известной, не имеющей ничего общего с русским дворянством партии и в то же время самозванно выдает себя за орган русского дворянства, то заявления предводителей дворянства имеют в данном случае значение не одного только выражения их личного желания или нежелания читать газеты г. Скарятина: это одобрение или неодобрение известной политической программы, выражаемое представителями первенствующего русского сословия».

«Весть» — политическая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1863—1870 гг., причем с 1869 г. — ежедневно; изд.-ред. — В. Д. Скарятин. «Весть» критически оценивала реформы 1860-х гг., в частности, защищала принцип сословности, выступала за передачу административной власти в деревне в руки дворянства. «Московские ведомости» вели ожесточенную кампанию против «Вести», в особенности по польскому и остзейскому вопросу, обвиняя газету в том, что она сословные интересы ставит выше национальных и государственных.

[4] *Леонтьев* Павел Михайлович (1822—1875), филолог-классик, профессор римской словесности Московского университета; ближайший соратник М. Н. Кат-

кова по изданию «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Основатель (совместно с Катковым) и директор (1870—1875) Лицея цесаревича Николая.

[5] «Современная летопись» — газета, издававшаяся еженедельно в Москве; в 1863—1871 гг. выходила в виде воскресного приложения к «Московским ведомостям». Борисов приехал в Москву в пятницу утром, 21 февраля 1869 г., и в тот же день побывал в редакции «Московских ведомостей», вследствие чего заявление А. А. Тимирязева успело попасть в номер от 22 февраля. Сообщая об отпечатанной «неделей вперед» «Летописи», он, вероятно, имел в виду № 8, вышедший в свет в воскресенье 23 февраля. В таком случае статья Фета должна была появиться на страницах № 9 от 9 марта (2 марта газета не вышла в связи с празднованием Масленицы). Но ни в № 9, ни в ближайших к нему номерах публикации, о которой можно было бы с уверенностью сказать, что ее автор Фет, не обнаружено. Вместе с тем в номере от 9 марта помещена небольшая заметка под заглавием «Письмо к издателям», подписанная одной буквой — «Ф.». Заметим, что, как установила Л. И. Черемисинова, ровно месяц назад, 9 февраля 1869 г., Фет напечатал в том же издании и под тем же криптонимом очерк «Смоленский Скапен» (см.: *Черемисинова Л. И.* Неизвестная статья А. А. Фета. Приложение: Смоленский Скапен (Из Мценска) / Публ. Н. П. Генераловой // *РЛ*. 2011. № 4. С. 143—150). Рассмотрим содержание «Письма к издателям». Оно имеет указание на дату и место написания «Воронеж. 4-го февраля» и посвящено печальным результатам почтовой реформы: «В прежнее время, когда почтовая пересылка еще не была переделана на европейский манер, мы, воронежцы, пользовались столичными изданиями, доходившими к нам, в большей части случаев, исправно. Теперь же, увы! не то. Некоторые счастливцы получают, правда, „Московские“ и „Петербургские ведомости“, но далеко не все подписавшиеся на них. Мы слышали, что „Московские“ и „Петербургские ведомости“ получаются в нашей почтовой конторе в полном количестве экземпляров, но без означения, кому их следует выдавать. И лежат они в почтовой конторе для чтения и назидания служащих в ней лиц! Некоторые из подписчиков, похрабрее, зашли в контору и, представив доказательства и надежное поручительство в том, что они действительно подписались, вытребовали себе газеты. Что касается других, то мы получили *первые* нумера „Судебного вестника“, *первый* нумер „Всемирной иллюстрации“; *первый* нумер „Вестника Европы“ *еще не получен*, хотя он и вышел месяц тому назад, а на днях вышла и вторая книжка этого журнала. И все это — в Воронеже, соединенном с Москвой и Петербургом железною дорогой, — в Воронеже, отстоящем от Москвы в 24, а от Петербурга в 48 часах езды! <...> Может быть, мы провинциалы и отстали, но мы жалеем о старом времени, о старом порядке, который осмеливаемся предпочитать новому... беспорядку» (Современная летопись. 1869. 9 марта. № 9. С. 16).

Итак, а пользу авторства Фета свидетельствует как криптоним «Ф.», так и то обстоятельство, что статья была опубликована именно в том номере, на который указывал Борисов. Содержание заметки (непродуманные реформы не улучшают жизнь, а осложняют ее) характерно для публицистики Фета. С другой стороны, Фет никогда не жил в Воронеже. Рискнем предположить, что «Письмо к издателям» было написано со слов и по просьбе кого-то из окружения поэта. Связи с Воронежской губернией у Фета были, в частности там, в имении Грайворонка Землянского уезда, проживал его брат, П. А. Шеншин, который, в свою очередь, мог иметь знакомых среди жителей Воронежа.

[6] Имеется в виду Дмитрий Петрович Боткин.

[7] *Улькан* — владелец часовой мастерской в Москве в 1850—1860-е гг. (указано В. И. Симанковым); ср.: «Московские часовые мастера занимались не только починкой, но и производством часов. Поэтому не случайно из 17 опрошенных в 1851 г. владельцев часовых мастерских семь (Толстой, Носов, Четунов, Волков, Гаевская, Терповец и Улькан) высказались за повышение тарифа на ввозимые иностранные часы» (Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии. М., 1968. С. 58).

[8] Л. Н. Толстой выехал в Москву из Ясной Поляны 20 февраля 1869 г. (*Толстой*. Т. 61. С. 213, примеч. 3 к письму 278). С Борисовым Толстой в Москве не встречался (см. письмо 125).

[9] Речь идет о сестре Толстого, графине М. Н. Толстой (1830—1912). Вернулась из-за границы в декабре 1869 г. (*Толстой*. Т. 61. С. 218, примеч. 4 к письму 286).

[10] Вероятно, имеется в виду Мария Дмитриевна Дьякова (1850—1905), дочь друга Л. Н. Толстого, Д. А. Дьякова.

[11] См. примеч. 2 к письму 123.

[12] Имеется в виду Михаил Михайлович *Хрущов* (1835—1895), помещик, близкий сосед Фета, владевший имением при селе Долгое.

[13] То есть на первой неделе Великого поста, первый понедельник которого в 1869 г. выпадал на 3 марта (см. также письмо 125).

[14] См. примеч. 6 к письму 120.

[15] Очевидно, цитата из песни Н. Г. Цыганова «Я посею, молоденька...»: «Залетел мой сокол ясный, / Молодец прекрасный, / Запропал в тоске-кручине / Без вести в чужбине!» (Песни русских поэтов: В 2 т. М., 1988. Т. 1).

[16] 12 марта Фет должен был присутствовать на заседании мирового съезда, который собирался в Мценске ежемесячно.

[17] Новая повесть Тургенева (*РВ*. 1869. № 1; см. письмо 121 и примеч. 8 к нему) обсуждалась в переписке Фета и С. В. Энгельгардт. Так, 5 февраля 1869 г. Энгельгардт писала: «Вы уже получили и прочли „Несчастную“. Нравится ли она вам? Я вам скажу по секрету, что она мне вовсе не нравится. Я читала всю ночь, надеясь добраться до страницы, достойной Тургенева, и закрыла книжку с горем, не добившись того душевного наслаждения, с которым нас ознакомил автор. Мне кажется, что героиня неестественна. Она принимает с отвращением деньги своего отца; — понятно; но непонятно то, что она ими не воспользовалась, чтоб бежать от немца. Пенсия, назначенная ей, достается немцу, — а Сусанна молчит и живет у него. Она так глупа и недогадлива, что ее даже не жаль. Я бы на ее месте пошла бы в портнихи скорей, чем остаться в чужой и ненавистной семье» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету / Публ. Н. П. Генераловой: Ч. 1: 1858—1873 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 131). В ответном (несохранившемся) письме Фет, видимо, высказал нелестное мнение о «Несчастной», распространив его на все творчество Тургенева, что вызвало возражения со стороны его корреспондентки: «Мой милый Фет, не говорите, пожалуйста, *сочинения* Тургенева. Если последняя повесть доказывает упадок таланта, все-таки мы должны помнить, что еще недавно его прелестные рассказы и повести приводили нас в восторг. Было время, когда и он писал *сердцем*» (**«**...Я так давно привык к вашим дружеским письмам...» (34 письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету) / Публ. Н. П. Генераловой // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 207. Письмо от 3 марта 1869 г.**)**. Упоминаемый Борисовым эпизод с дракой в трактире во время «поминального пира», где описана «свалка и рыжая борода

в жилистом кулаке», содержится в главке XXVII «Несчастной» (*Тургенев. Соч.* Т. 8. С. 135).

[18] *Пирогов* — московский каретник, давний знакомый Фета и Борисова.

[19] *Щербатов* Александр Алексеевич (1829—1902), князь, московский городской голова с 10 апреля 1863 по 18 февраля 1869 г.; сослуживец Фета по Кирасирскому Военного Ордена полку.

[20] *Черкасский* Владимир Александрович (1824—1878), князь. Был избран московским городским головой 29 марта 1869 г. Вынужденно сложил полномочия в ноябре 1870 г. вследствие возвращения из Петербурга адреса Московской городской думы, обращенного к императору Александру II (см. об этом примеч. 11 к письму 149). Видный деятель славянофильского движения, получивший широкую известность во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; один из разработчиков Тырновской конституции Болгарии.

125
Борисов — Фету
2 марта 1869 г. Из Москвы в Степановку

Воскресенье. Москва. 1869, 2 мар.

Милый друг мой, — хотя я завтра отсюда всенепременней<ше> выкувыркаюсь, но пишу тебе еще отсюда. — Вот уже несколько дней, как ходят разные толки и твое имя звучит по Москве. Дело казусное. Во 2-й книжке журнала «*Заря*» напечатано стихотворение с буквой А. Ф., и стихотворение это оказалось злостный *акростих* на «Зарю».[1] Мне некогда было разыскивать этого стихотвор<ения>, его уже перепечат<али> в «*Соврем<енных> известиях*»,[2] может, и доставлю этот № для тебя. Но не худо бы тебе сделать от себя заявление.

Говорят, будто бы это стихотворение попало в «*Зарю*» *с письмом от тебя*, потому и напечатано.[3]

5 том «В<ойны> и мира» привезу, отправлять на почту отсюда каторга. Лев Николаев<ич> был здесь,[4] но мне не удалось свидеться — некогда было. Петя, слава Богу, здоров. Дмитр<ий> Петрович[5] и все его вам кланяются. — Спрашивал у Пирогова,[6] что могут стоить б<еговые> дрожки — *85 р.*

Ну что еще, еще то разве, что Лицей суть водевиль, а прочее всё гиль.[7]

А еще! а еще!

Тетины ручки поцелуй, да приезжай за мной к 12-му, я надеюсь уже в Новоселках поотделаться.

А вы, милые, милые друзья, будьте здоровы и не забывайте вашего

И. Борисов<а>.

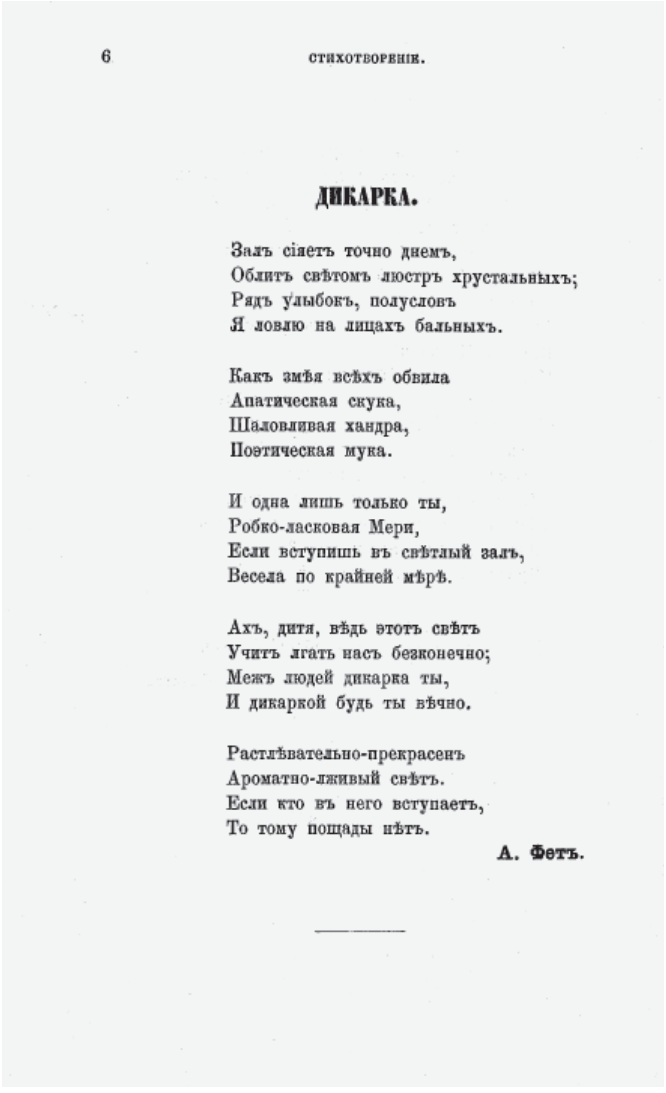
О...о...о V томе лучше и не говори.
Математика
История
Политика
Философия и
Герменевтика
т. е. УСЁ.

Публикуется по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 27—28.

[1] «Заря» — ежемесячный литературный и политический журнал славянофильского направления, издававшийся в Петербурге с января 1869 по февраль 1872 г. Василием Владимировичем Кашпиревым (1835—1875). За недолгий срок своего существования «Заря» опубликовала капитальное сочинение Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», статьи Н. Н. Страхова о «Войне и мире», в которых впервые была провозглашена мысль о мировом значении романа; произведения Л. Н. Толстого («Кавказский пленник»), Ф. М. Достоевского («Вечный муж»), А. Ф. Писемского, Ф. И. Тютчева, Я. П. Полонского, К. Н. Леонтьева, Вс. В. Крестовского и др. С конца 1870 г. с журналом сотрудничал и Фет, предоставивший для напечатания в «Заре» свой очерк «Из деревни» и семь стихотворений. Однако впервые имя Фета появилось на страницах журнала Кашпирева в 1869 г., когда в февральской книжке «Зари» было напечатано стихотворение «Дикарка» за подписью «А. Фет» (С. 6). Эта публикация не прошла незамеченной, быстро обретя скандальную известность. Второй номер «Зари», согласно объявлениям, помещенным в разных изданиях, вышел 14 февраля 1869 г., а уже 18 февраля «Санкт-Петербургские ведомости» с грубыми опечатками воспроизвели текст «Дикарки», снабдив его следующим комментарием: «Стихи эти, конечно, плохи, но замечательно то направление, которое приняла муза г. Фета: она подсказывает ему акростихи и, как муза вещая, акростихи, может быть, пророческие. Если читатель потрудится прочесть первые буквы каждого стиха сверху вниз, то получится следующая фраза: „Зоря Кашпирева умирает“» (*СПбВед*. 1869. 18 февраля. № 49. С. 2). «Биржевые ведомости», вскоре перепечатавшие вышеупомянутую заметку, в отличие от редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» в авторстве Фета усомнились: «...кто это шутил? Г-н Фет?.. Трудно верится. Так кто же? Это шалость вовсе не невинная. Если это не г. Фет (чему не хочется верить), то в таком случае здесь есть непростительное злоупотребление чужим именем, выставленным под таким, и поразительно плохим, и непростительно злостным сочинением, которого, вероятно, ни один порядочный литератор не пожелает себе присвоить. Мы полагаем, что на г. Фете лежит некоторая неотразимая обязанность разъяснить этот во всяком случае неприятный для нового издания казус» (Биржевые ведомости. 1869. 20 февраля. № 50. С. 1).

[2] Из московских газет сюжет о «Дикарке» поддержали «Современные известия». В заметке под названием «Шутка, недостойная печати», газета Н. П. Гиляров-Платонова, со ссылкой на петербургские издания, воспроизвела то, что они писали по поводу акростиха, и присоединилась к мнению «Биржевых ведомостей», осудивших проделку неизвестного автора: «Подобные шутки можно встречать в Ножевой линии в Москве между мальчишками. <...> Любопытно, кто виновник этого обмана» (Современные известия. 1869. 23 февраля. № 52. С. 3).

[3] См. примеч. 6 к письму 126.



6 СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДИКАРКА.

Залъ сіяетъ точно днемъ,
Облитъ свѣтомъ люстръ хрустальныхъ;
Рядъ улыбокъ, полусловъ
Я ловлю на лицахъ бальныхъ.

Какъ змѣя всѣхъ обвила
Апатическая скука,
Шаловливая хандра,
Поэтическая мука.

И одна лишь только ты,
Робко-ласковая Мери,
Если вступишь въ свѣтлый залъ,
Весела по крайней мѣрѣ.

Ахъ, дитя, вѣдь этотъ свѣтъ
Учитъ лгать насъ безконечно;
Межъ людей дикарка ты,
И дикаркой будь ты вѣчно.

Растлѣвательно-прекрасенъ
Ароматно-лживый свѣтъ.
Если кто въ него вступаетъ,
То тому пощады нѣтъ.

А. Фетъ.

Стихотворение «Дикарка», опубликованное в журнале «Заря» за подписью «А. Фет» (1869. № 2)

[4] См. примеч. 8 к письму 124.

[5] Д. П. Боткин.

[6] См. примеч. 18 к письму 124.

[7] Отсылка к словам Репетилова из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль» (действие IV, явление 6).

126
Борисов — Фетам
4 марта 1869 г. Из Новоселок в Степановку

4 марта 69. *Новоселки.*

Посылаю летучку до Бернадота[1] с «Войной и миром» и с *моим почтением* к Вам, которое Вы, злостный человек, некогда так остишничали.[2] Но вот, голубчик Афоня, перед самым выездом мне удалось у Черенина из читальни[3] выкупить *№ «С<овременных> изв<естий>»*,[4] в котором уже мог сам прочесть и ты узришь, в чем дело, акростих проклятой, и что тебе предприять. Одни кричат, что не может быть, чтобы это ты, а другие не узнают фальшивки и меняют ее на чистые денежки.[5] Так ли — сяк ли, а надо тебе разъясниться — хоть стихами же, даже АКРО-стихами.[6]

Из Москвы привез и часы, но боюсь посылать с курьером, это не то что «Война и мир», а чистое золото. Ну V-й том, помучилась моя душа и поскорбела,[7] а ты наверно будешь — с присвистом бровями хлопать — как одного поля ягодка. Ужасно, до чего.

Привез себе из Москвы такой насморк, кашель и глазную слепоту, что письма этого уже не прочту. Как бы и мне не пришлось за егоровской водой[8] посылать.

Как я буду рад тебя если не увидать, то хоть ощупать да и услышать глас твой об охотах в Красном Роге.[9] И на тягу,[10] право, не худо бы ко Льву Н<иколаевичу> отправиться, у него валь<д>шнепы должны и тянуть и вразброс *юркать* (твое словцо таки юркнуло).[11] Только надо списаться прежде и все это до Святой.

От Мценска мы, новосельцы, еще не отрезаны *сегодня*, а завтра Бог весть, а там от вас опять моста нет, и я спасался домой вплавь с барки на барку.[12]

Сегодня поехало одно мое письмо к тебе по почте,[13] посмотрим, которое дойдет скорей.

За Попку и Папку обоих вас обнимаю и тетины ручки целую. Будьте здравы. Посылаю, да ответа, не знаю даже, ждать ли? — и как? Мой, вероятно, только до Тимирязева,[14] котор<ого> и прошу дослать до Федота.[15] Работников еще мало и беда.

Двора Вашего наипослушней<ший> слуга И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 29—30 об.

[1] *Бернадот* Жан-Батист Жюль (1763—1844), маршал императорской армии Наполеона (1804—1810), впоследствии король Швеции и Норвегии, основатель династии Бернадотов. Кого Борисов называет Бернадотом, установить не удалось (ср.

письма 68, 74: наст. публ. Ч. 2. С. 304, 318). Не исключено, что речь идет о ямщике Федоте (см. примеч. 15 к наст. письму).

[2] См. примеч. 2 к письму 124.

[3] Имеется в виду библиотека на Рождественке, в доме Торлецкого, основанная в 1862 г. книгопродавцем и издателем библиографического журнала «Книжник» Анатолием Федоровичем *Черениным* (1826—1892). Библиотека и размещавшийся в том же доме книжный магазин Черенина были центром радикальной студенческой молодежи. Читателями библиотеки являлись двоюродные братья Н. А. Ишутин и Д. В. Каракозов, первый из которых, вольнослушатель Московского университета, организовал ряд студенческих радикальных кружков под общим названием «Ад». Под этим же названием ими была организована артель, переплетавшая книги Черенина, и коммуна наборщиц, набиравших его издания, в том числе и журнал «Книжник». После выстрела Каракозова (4 апреля 1866 г.) Черенин *«по прикосновении его к делу о студенческом кружке»* был арестован и отправлен в ссылку, книжную лавку и библиотеку он передал своему двоюродному брату М. М. Черенину.

[4] См. примеч. 2 к письму 125.

[5] В числе тех, кто поверил в авторство Фета, был И. С. Тургенев, который писал Я. П. Полонскому 20 февраля (4 марта) 1869 г. из Карлсруэ: «Что это за чепуху выкинул Фет с акростихом в „Заре“! Как можно позволять себе такие мальчишества?!» (*Тургенев. Письма.* Т. 9. С. 159).

[6] Фет не стал публично опровергать свое авторство, ограничившись частным письмом к редактору «Зари». В «Заявлении от редакции», помещенном в следующем, мартовском номере журнала, сказано: «В некоторых экземплярах „Зари“ № 2 на стр. 6-й напечатано стихотворение „Дикарка“ за подписью А. Фета. Считаем долгом объявить читателям, что мы были обмануты, что это стихотворение не принадлежит г. Фету (в чем мы теперь удостоверены и письмом нашего почтенного поэта); кем написано стихотворение, нам неизвестно, но оно было прислано нам при письме, подписанном „А. Фет“ и оказавшемся фальшивым» (Заря. 1869. № 3. С. 201). Сохранился ответ Кашпирева на письмо Фета, датированный 27 февраля 1869 г., в котором публикация акростиха объясняется следующим образом: «29 января нынешнего года я получил письмо с орловским штемпелем на конверте, подписанное: А. Фет, с приложением стихотворения „Дикарка“. Разбирать стихотворение, подписанное таким именем, как Ваше, согласитесь, не стала бы ни одна редакция, тем более редакция нового журнала, дорожащая Вашим участием. Мысль же о наглом подлоге была от нас далека. Запомнить Ваш почерк, видевши его один раз только мельком, я не мог. Поэтому я тотчас отдал рукопись в типографию, стихотворение к стыду нашему появилось в февральской книжке <...>» (*РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 65. Л. 1). В постскриптуме того же письма Кашпирев приводит любопытные сведения о принятых редакцией мерах: разошлось около ста экземпляров с «роковым стихотворением», все остальные были перепечатаны и вышли с замененной страницей. В частности, в провинцию рассылались только переделанные журналы (Там же).

После выхода «Заявления от редакции» инцидент с «Дикаркой» был формально исчерпан. Слухи приписывали пасквильный акростих В. П. Буренину и Н. С. Лескову (у последнего как раз перед скандальной публикацией произошел конфликт с Кашпиревым). На самом деле, как установила С. А. Ипатова, «Дикарку» сочинил Д. Д. Минаев, ненавидевший Фета по идейным соображениям и набивший руку на пародировании его стихов. См.: *Ипатова С. А.* Кто же был автором акростиха «Ди-

карка», подписанного «А. Фет»? (мистификация как пародия) // Жанры в историко-литературном процессе: Сб. науч. статей. СПб., 2015. Вып. 6. С. 26—42.

[7] Пятый том романа «Война и мир» при первом чтении не понравился Борисову из-за пространных отступлений философского характера.

[8] Егоровская (егорьевская) вода (роса) — роса или иней, собранные до зари на Егория Великого (23 апреля ст. ст.), народное врачебное средство.

[9] *Красный Рог* — имение графа А. К. Толстого Черниговской губернии Мглинского уезда (близ Брянска). Фет познакомился с Толстым и его женой в августе 1864 г., затем навещал супругов во время своих нечастых наездов в Петербург. В конце 1868 г. поэты случайно встретились в орловской гостинице (*МВ*. Ч. 2. С. 180—181), между ними завязалась переписка, из которой сохранились только письма Толстого (*РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 33). 19 февраля 1869 г. Толстой написал Фету, что везет жену на неделю в Одессу, но в начале марта будет ждать его к себе в Красный Рог. «До того я или Вас увижу, или к Вам напишу», — обещал Толстой в том же письме (*МВ*. Ч. 2. С. 182), однако ни того, ни другого, видимо, не случилось. В следующем письме, от 18 марта, Толстой извинился, что до сих пор не ответил Фету, который кроме письма прислал ему свою фотографию, и вновь пригласил поэта в Красный Рог: «А здесь весною очень, очень хорошо, и глухарей будет довольно, и вальдшнепов» (Там же). В первой половине июля 1869 г. Фет побывал в Красном Роге вместе с Борисовым. См.: Там же. С. 185—187.

[10] *Тяга* в данном случае — весенний полет вальдшнепов рано утром и по вечерам. См. примеч. 3 к письму 11: наст. публ. Ч. 1. С. 152.

[11] Данное слово встречается и в воспоминаниях Фета (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 125; *РГ*. С. 330), а также в ряде произведений, в том числе в стихотворении «Рыбка» (*Фет. ССиП*. Т. 1. С. 299), поэме «Сон» (Там же. С. 381, октава XVI), повести «Семейство Гольц» (гл. II) и др.

[12] Короткий, в семь верст, путь от Новоселок до Мценска весной был сопряжен с трудностями, так как нужно было преодолеть речку Ядринку и реку Зушу. Кроме того, тракт, проходивший рядом с Новоселками и Степановкой, пересекал несколько рек и при весеннем разливе становился непроезжим.

[13] Это письмо Борисова неизвестно.

[14] А. А. Тимирязев (см. примеч. 3 к письму 124) проживал в своем имении при деревне Алешня (Прилепы), в 39 верстах к югу от Мценска.

[15] *Федот* — вольный ямщик, содержатель постоялого двора, находившегося в середине пути из Мценска в Степановку (*МВ*. Ч. 2. С. 72).

127
Борисов — Фетам
29 марта 1869 г. Из Новоселок в Степановку

29 марта 69. Новоселки.

Сию минуту получил твое от 28,[1] и все, что Вы, Царь Максимилиан,[2] повелеваете и какие указы предписываете, неделя уже как *исполнено*, т. е. печкодел *Семион* должен к Вам прибыть на днях (а может, уже был) для предварительного обозрения; работать же после Святой[3] или как сам назначишь. Но что касается до кладки печи из *кирпича*, то

и слушать не моги, если бы он даже адское тепло обещал — кафли тут незаменимы. *Поливенная*[4] или *неполивенная* все равно. Теперь, душа ты моя Фетушка, вонми глас умоления[a] моего[5] и пойми, что я 11-го апр<еля>, в пятницу, должен к 9 часам вечера быть на мценской станции, чтобы утекать в Москву. Это позднейший мой день, что могу от работ оторваться, и для Москвы это подходяще — в суб<боту> и Попку заберу.[6] К тому же мой друг А. М. Сухот<ин>[7] и еще джентльмен, которого ты тоже знаешь, Свербеев,[8] обещали к этой точке прибыть. Вот если бы милая Тетя могла быть на поезде, то мы бы все конвоировали до Москвы и до самого дворца Дмитр<ия> Петровича.[9] Да позвольте, Афанасий Афанасьевич, кажется и Вам самим надо *11-го вечером*, а не 12-го,[10] как Вы изволили *намарать* в Вашем письме, (Тетю прошу засадить тебя часа на три за каллиграфию) так ты начал опять шататься по бумаге, что *я даже* не разберу.

Ну-ка покажи, что ты понасеял до 1-го апр<еля>? Я, друг мой, пропал совсем. Мужики с 1-го на оброке, и тут изволь вдруг набрать рабочиков, да как знаешь и отсевайся — то есть совайся, Ничипоре, совайся![11] А яровой посев огромный, и до Святой необходимо кончить и совайся!

Привез Ив<ан> Федор<ов>[12] вопреки запрещения отчеты по Фатьяновой. Каково!! *же*: 4722 р<убля> 90 к<опеек> валового дохода, да четверт<ей> 150 ржи и 130 овса еще можно продать. Этакого года уж не дождемся до века веков!

Не забудь приказать, на случай твоего отъезда, насчет моей Стрелки и твоего Колдуна,[13] может на Святой приведут. — Боюсь, что поглощенный судом и хозяйством ты не заглянул в 11 № «Совр<еменной> лет<описи>», а там есть статья «*Воспитание и школа*»,[14] которую прочтешь с досадой, что не сам ее написал. Это не чета твоему Шопенгауру,[a, 15] а то вы, господа сочинители, умеете только, как тетерева, бормотать всякую темь, а в чем суть-то, из бурьяна и не видно, а тут, чистое дело марш,[16] каждое слово жемчужина. За эту статью стоит Леонтьеву и Андрея и Льва и Солнце.[17] Только что было я хотел тебе написать, как я рад, что могу свободно предаваться работе, никто и не заглядывает — как... «Ах Боже мой, И<ван> П<етрович>! Как я рад Вас видеть... пожалуйте 10 р<ублей>» — ну Бог бы с ним, нет, четыре часа еще пожуировал дорогой гость Пав<ел> Алекс<андрович> Ладыженский[18] — знаменитый гитарист.

Милый друг Марья Петровна, и к Вам хоть два словечка хочется молвить: собирайтесь в Москву, пора уже, до Мценска Вас бы Афоня

[a] *Так в подлиннике.*

проводил, а во Мценске целый конвой 11-го соберется, и я буду у Вас на посылках до тех пор, пока на звонок отворятся двери Дмитрия Петровича. Афоня и без Вас прикувыркается к нам в Москву.[19] Пожалейте меня, я просто изнемог в полях — надо добирать *последние* дни временнообязанные[20] и начин с вольнонаемными, а правая моя рука, Тит Яковлевич,[21] прежде только хромал головой, теперь же ковыляет одной ногой. Лошади брыкают в сохах, боронах и даже в тарантасе. О-ох! Как плохо. Целую Ваши ручки и обнимаю дражайшего Вашего супруга, будьте здравы оба и напишите, как и что решите насчет отъезда.

Душой Ваш И. Борисов.

На конверте: На Орловско-Курскую железную дорогу,
на станцию *Змеевку*.
Его Высо<ко>родию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 31 мар<та> 1869; на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 169—170 об.; конверт — л. 171.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Сохранился драматический отрывок Фета на тему народной драмы «Царь Максимилиан», впервые опубликованный в 1937 г. Б. Я. Бухштабом (*ПССт1937*. С. 452—454). Время написания этой пьесы не установлено; по предположению Т. Г. Фирсовой, в несохранившемся письме к Борисову от 28 марта речь шла о работе Фета над «Царем Максимилианом». См.: *Фирсова Т. Г.* Народная драма «Царь Максимилиан» в обработке Фета // *ФетСб(2)*. С. 195; то же: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 645.

[3] В 1869 г. пасхальное воскресенье пришлось на 20 апреля.

[4] *Полива* — то же, что *глазурь*, особый стекловидный сплав, которым покрывают керамические изделия; поливенный — покрытий поливой, зд. речь идет о глазурованном кафеле.

[5] Отсылка к устойчивой формуле из Псалтири «вонми гласу моления моего» (см., например, Пс. 140: 1).

[6] Борисов собирался в Москву, чтобы провести вместе с сыном Петей, воспитанником Лицея цесаревича Николая, пасхальные каникулы.

[7] *Сухотин* Александр Михайлович (1827—1905), брат С. М. Сухотина (см. примеч. 4 к письму 128), помещик села Кочеты Новосильского уезда Тульской губернии. См. о нем подробнее примеч. 15 к письму 34: наст. публ. Ч. 2. С. 226.

[8] Неустановленное лицо.

[9] В Москве М. П. Фет обычно останавливалась у своего брата Д. П. Боткина, проживавшего в собственном доме у Покровских ворот.

[10] Фет должен был приехать в Новоселки вечером 11 апреля, чтобы на следующий день быть в Мценске на заседании мирового суда, которое обычно происходило 12-го числа каждого месяца.

[11] См. примеч. 4 к письму 120.

[12] См. примеч. 7 к письму 120.

[13] *Колдун* — жеребец, подаренный Фету Петром П. Боткиным в 1867 г. (*Фет/Боткин*. С. 477). 4 марта 1867 г. Фет писал о нем В. П. Боткину: «*Жеребец* красавец и высочайших кровей. Лет 5 тому назад Сергей Толстой искал жеребца в завод и давал за него 2000 р., да он не продавался. Теперь он для города стар, хотя еще бежит недурно — но для завода находка» (Там же. С. 479). В письме к Борисову от 19 мая 1869 г. Фет сообщал о случке Колдуна и кобылы *Стелки* (а не Стрелки) (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 30. Л. 52. См. также: *Письма к Борисову*. С. 144).

[14] «Современная летопись» — воскресное прибавление к газете «Московские ведомости». Вышедшая в № 11 от 23 марта 1869 г. статья «Воспитание и школа» является переводом отрывка из книги знаменитого английского педагога Эдварда Тринга (1821—1887) «Education and School».

[15] Философией Артура Шопенгауэра (1788—1860) Фет увлекался с 1860-х гг.

[16] *Чистое дело марш* — присказка дяди Наташи Ростовой, персонажа романа «Война и мир».

[17] Имеются в виду орден Андрея Первозванного и персидский орден Льва и Солнца.

[18] *Ладыженский* П. А., тульский помещик; гитарист-семиструнник и композитор, наибольшей известностью пользовался в середине 1820-х — конце 1830-х гг. См. также письмо 69 и примеч. 9 к нему: наст. публ. Ч. 2. С. 308, 309.

[19] В связи с пасхальными праздниками дни с 17 по 27 апреля 1869 г. были неприсутственными, поэтому Фет мог себе позволить уехать из Степановки. О нахождении Фета в тот период в Москве свидетельствует письмо к нему князя С. С. Урусова от 20 апреля <1869 г.> с упоминанием С. В. Энгельгардт (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 11. Л. 3), а также не датированное автором, но относящееся к тому же времени письмо к Энгельгардт самого Фета, в котором поэт сообщает, что несмотря на зубную боль в субботу обязательно сядет на чугунку, поскольку он в Москве «тайком — без отпуска» (*РГАЛИ*. Ф. 574. Оп. 1. № 65. Л. 1). Последняя суббота Светлой недели пришлась на 26 апреля; видимо, это дата отъезда Фета из Москвы.

[20] Временнообязанными назывались бывшие крепостные крестьяне, не заключившие еще с помещиком соглашения о выкупе своих наделов. Борисов перешел к вольнонаемному труду, вероятно, весной 1870 г. Согласно газетному объявлению, крестьяне сельца Новоселки «в числе 83 душ» выкупили у жены майора Н. А. Борисовой 117 десятин состоящих в их пользовании полевых и усадебных угодий за 5533 р. (*Орл губ вед*. 1870. 11 апреля. № 15. С. 150).

[21] Деревенский староста, см. также письмо 123.

128
Борисов — Фетам
1 июня 1869 г. Из Новоселок в Степановку

1-го июня 69. *Воскресенье.*

Только сегодня получил от Ивана Сергеевича — с ним был легкой удар — отнялась было левая рука. — Позвал доктора и нашли, что по-

дагрическое ожирение в сердце. — Ни ходить, ни есть, ни пить, ни сердиться, ни волноваться не велят. — Просит уведомить тебя об этом.[1]

Лечат его йодом — растирают, но это все равно. Главное то, что сиди, сиди и без вылазок. Тебе уже 50, и не разговаривай много. Подагру имеете, ну... Кондратий, напомните этому г-ну, чтобы он был поспокойнее, — вот как мне представляется гадкая суть. — А! Вы еще поперек толще себя — Кондратий!! Недаром я с самого вашего отъезда, милые, нарушал мою заповедь: покой. Точно просочило мою плотину. Полольщицы — не допололи, работники расхворались, бык стал реветь свирепей. Каток сломался. На Самсулье<вом> <?> лугу однодворцы траву заездили. В «Московск<их> вед<омостях>» прочел статьи о Остдрейлингах.[2] От Пети еще письмо, что всё бьют друзья.[3]

Тут это письмо из Бадена. — Вот С<ергей> М<ихайлович> с сыном[4] приехали и проехали уже в Москву. Я даже забыл кое-какие поручения навьючить на него, но, может, это все и не надо будет, обойдется.

Как-то вы, друзья мои, добрались до гнезда своего. Главное, здоровы ли — об этом уже я помышлял, как скрылись с глаз. Дай-то Бог, чтобы все было хорошо.

Обнимаю вас

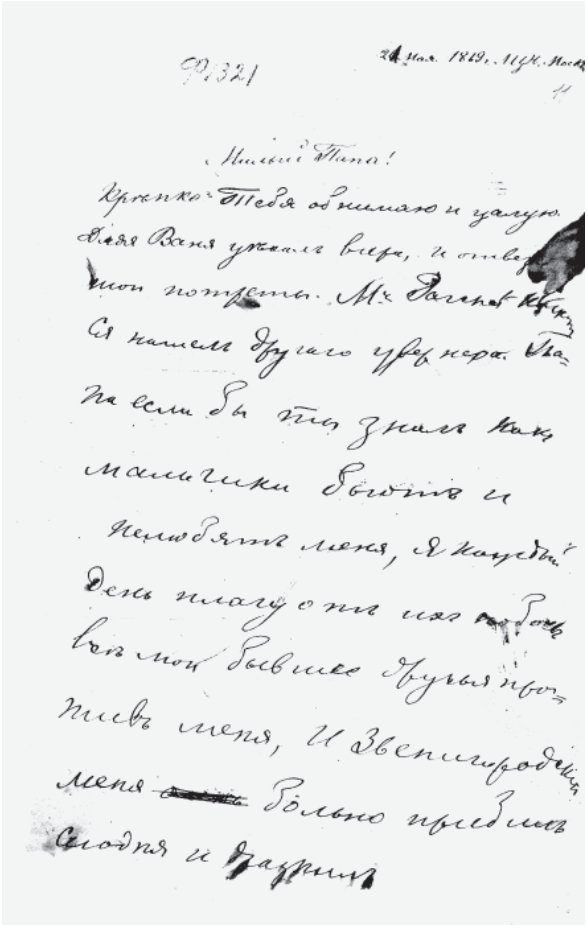
И. Борисов.

На конверте: На Курско-Орловской жел<езной> дороге,
на станцию *Змеевку.*
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 2 июн<я> 1869; на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 172—173; конверт — л. 174.

[1] Борисов пересказывает письмо от 24 мая (5 июня) 1869 г., в котором И. С. Тургенев писал из Баден-Бадена: «...дней пять тому назад я, лежа в постели и читая книжку, почувствовал внезапный толчок, вследствие которого у меня левая рука минут на пять совершенно отнялась; и хотя после усиленного растирания правой рукою она пришла в чувство — но сердце заныло, и боль в нем не прекращается до сих пор. Я решился призвать доктора, который, осмотрев меня тщательно, объявил мне, что у меня сердце не в порядке — какая-то в нем появилась подагрическая припухлость — и результатом этого невеселого открытия то, что я должен натирать грудь йодом, принимать внутрь *digitalis*, не есть мяса, не пить вина, не знаться с прекрасным полом, ходить очень мало и никаких сильных ощущений себе не позволять. Когда же я заикнулся о путешествии, то доктор мне объявил, что раньше 6 недель об этом и думать нечего. <...> Хотя я втайне сохраняю еще надежду побывать в России — но, чтобы не обманывать самого себя, решился — пока — махнуть рукою — а так поступать, как будто этой поездке не сбыться. Всё это так неприятно,



Письмо Пети Борисова к отцу от 21 мая 1869 г.
Первая страница

что и говорить об этом не хочется. Сообщите это известие Фету» (*Тургенев. Письма*. Т. 9. С. 225).

[2] *Фон-Дрейлинг* К. И. — сосед Борисова. Вероятно, имеются в виду статьи по остзейскому вопросу. Передовая статья на эту тему помещена в «Московских ведомостях» от 31 мая 1869 г. (№ 117. С. 1—2).

[3] В письме от 21 мая 1869 г. Петя просил отца приехать к нему и жаловался на одноклассников, которые его обижали: «Папа, если бы ты знал, как мальчики бьют и не любят меня, я каждый день плачу от их побоев, все мои бывшие друзья против меня, и Звенигородский меня [очень] больно прибил сегодня и дразнил. Ты мне говорил не плакать, но я не могу, один мальчик сегодня ударил меня так, что я почти заплакал, его посадили. Все другие начали бить меня и называть фискалом, когда

я и не говорил на него, а я, чтобы они оставили меня, попросил, чтобы и меня посадили около него, но меня все-таки били и дразнили. <...> И это каждый день!» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 2. Л. 11—12).

[4] *Сухотин* Сергей Михайлович (1818—1886), друг Борисова; служил в Московской дворцовой конторе (см. подробнее примеч. 6 к письму 12: наст. публ. Ч. 1. С. 154). У него было два сына: Михаил (1850—1914) и Сергей (1858—1895), которого из них имел в виду Борисов, неизвестно. Петя Борисов писал отцу 21 мая 1869 г.: «Серг<ей> Мих<айлович> и его сын были у меня сегодня <...> до обеда» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 2. Л. 11 об.—12).

129
Борисов — Фетам
20 августа 1869 г. Из Москвы в Степановку

20 ав. 69. *Москва*.

Здравствуйте, милые друзья Дядя и Тетя. Все слава Богу. — Дмитрий Петр<ович> только третьего дни возвратился с ярмарки.[1] — Все у них здоровы. Моего героя уже 16 сдал в Лицей — плакал *немного*. Мастика розовая есть и кислота тоже. Сегодня возвращаюсь на родину. Мой усерднейший поклон Анне Петровне,[2] и вас обнимаю.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 31.

[1] В августе ежегодно проходила знаменитая Нижегородская ярмарка, которую Боткины непременно посещали.

[2] Речь идет об А. П. Пикулиной (1833—1900), сестре М. П. Фет, гостившей в Степановке. См. о ней примеч. 2 к письму 7: наст. публ. Ч. 1. С. 141.

130
Борисов — Фету
Около 3 февраля 1870 г. Из Новоселок в Степановку

6 янв.[1] 70. Новоселки.

Получил твою милую писульку,[2] милая моя друга, давно, а прочесть ее *мог* только сегодня. — Зрение было потерял от головной боли — вообще перенес муки страшные. — Теперь осталось от всего только слабость старца и совершенное отсутствие на питье и еду — хочь бы и не было их.

Был ли Лев Ник<олаевич> у тебя,[3] насладился ли ты с ним или и эта утешительная надежда разрешилась ветрами, как многое в жизни и к чему уж конечно не привыкать — старому хитродумному Лаертову сыну.[4]

Но что ты приписал в конце о Тете, ничего и сам не разберешь своими глазами мочеными и сверленными. Ничего даже не понимаю, т. е. выдумать не могу по разным кочкам переправиться к смыслу какому-нибудь. Но, веришь ли, вот это-то и есть для меня теперь драгоценность; читать я положительно еще <не> могу — что делать? и загляну на твои каракули, помня их изусть — вот и занятие. Но Тетя-то приехала к тебе наконец или до Масленицы.[5] Если *правда,* что ты не мучил ее в Москве не воплями из Степановки, а так, легкими ох-хо-хо-хо, то ты молодчик, даже Зосим[6] примет тебя за селадончика,[7] я же за честного человека и умницу.

Очень, очень бы мне хотелось быть с тобой; как только начал оправляться, так и захотелось. — Но едва ли скоро можно будет выглянуть. — Я и в комнате хожу постоянно с ладонью на щеке, как будто готовлюсь опять запеть <?>. Но ты, милый, ради Бога, прямо ко мне, если *нелегкая* занесет во Мценск. Не бойся уже, что останешься без кофея — новый мешок уж выварен, да и старые нашлись — и целая банка свеженьк<ого> смолота *удачно* хорошо. Не бойся и ледяных полов — ковров натаскали, а может, и я за то пострадал, что уединился.

От Пети письмо с поцелуями тебе.[8] Зовет меня на воскресенья и на Масленицу — только не придется никак побаловать... себя.

Поцелуй ручки Тете за меня. Обнимаю и тебя крепко. Будь здоров, милый, да навещай твоего

И. Борисов<а>.

Ни от Петруши,[9] ни от И<вана> С<ергеевича>,[10] ниоткуда не получаю ни-ни-ни.

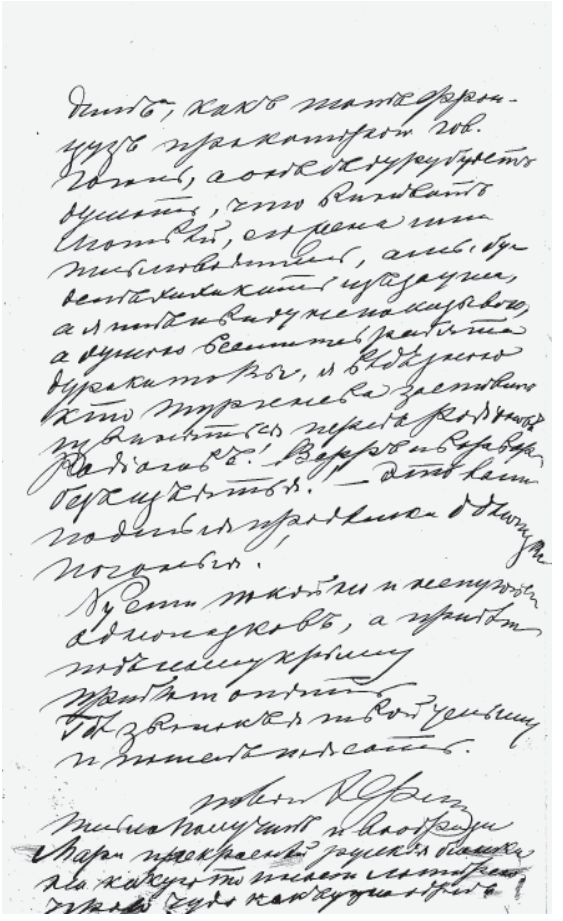
Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 175—176 об.

[1] Датировка Борисова, как видно из содержания письма, неверна. Данное письмо Фет получил 4 февраля и ответил на него 5 февраля 1870 г. (см.: *Письма к Борисову*. С. 144—145).

[2] Имеется в виду письмо Фета от 25 января 1870 г. (см. *Приложение*).

[3] Фет ожидал к себе Толстого 1 февраля 1870 г. (см. *Приложение*), но Толстой тогда приехать не смог (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 399). 5 февраля Фет писал Борисову: «Л. Толстого, разумеется, нет. Приглашаю его проехать со мной утром 14 в Степановку — и не знаю. Вероятно, не будет» (*Письма к Борисову*. С. 144).

[4] *Лаэрт* — персонаж древнегреческой мифологии, царь Итаки, отец Одиссея, прозванного «хитроумным».



Письмо Фета к И. П. Борисову от 25 января 1870 г.
Четвертая страница

[5] В ответном письме Фет писал: «Мари приехала 1 февраля в 8 часов вечера <...>» (*Письма к Борисову*. С. 144).

[6] Кого Борисов называет *Зосимом* — установить не удалось.

[7] *Селадон* (франц. Céladon) — герой французского пасторального романа XVII в. «Астрея», пастух, изнывающий от любви. В русской культуре имя Селадон стало нарицательным; селадоном сначала называли томящегося влюбленного, потом — дамского угодника, волокиту (обычно пожилого).

[8] Это письмо неизвестно.

[9] *Петруша* — брат Фета Петр Афанасьевич Шеншин (1834 — после 1879), проживавший в своем имении Грайворонка (Васильевское) Землянского уезда Воронежской губернии.

[10] Имеется в виду И. С. Тургенев.

131
Борисов — Фетам
15 февраля 1870 г. Из Новоселок в Степановку

15 февр. 70. Новоселки.

Спасибо, голубчик милый, тебе за твои милости, сладости и воскресение моего духа и тела, право, Афоня, не преувеличиваю, а так оно вот и есть... И Вам, Тетя, тоже за пожертвованный денек *не в счет судейского* абонемента.[1] Только бы скорей узнать, что добрался благополучно до Степановки. Забытую спичечницу привезу собственноручно — оглядел ее тогда, когда поздно было пересылать во Мценск.

Паводок столько подбавил мне каверзы, что караул! За рекой сидит рожь на мельнице, надо за ней посылать на Мценск. Лошадей ковать — а в Пожогину к Войту[2] тоже нет проезда... Привод к молотилке кряк! Гречиху молотить крицынск<ую> проезду нет... Лошадей и крав[3] *невозможно* гонять на водопой — такая гололедица, что ходу нет. Ожеребившийся Жеребчик кувыркается... Словом, всё благополучно. — Успокоиваюсь только тем, что все это непременно пройдет. Но все это вздор, а постоянная моя мука — это Петя и страх за него.

Что же Лев Николаевич, был ли в Степановке — я бы вдвойне порадовался — это значит, что и над Ясной Пол<яной> прояснилось.[4]

Мало-помалу я поправляюсь, так что надеюсь после 23 приехать с поздравлением,[5] но уже и теперь поздравляю вас обоих. Главное, будьте здравы. Душевно ваш

И. Борисов.

На конверте: На Орловско-Курской жел<езной> дор<оге>,
на станцию *Змеевку*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 15 фев<раля> 1870; почт<овый вагон> № 15—16, <16 февраля?> 1870 (частично утрачен); на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 177—178; конверт — л. 179.

[1] Феты по случаю мирового съезда побывали у Борисова и, видимо, задержались у него дольше обычного на один день.

[2] См. примеч. 5 к письму 122.

[3] *Крав* — то есть коров (*устар.*).

[4] Обитатели Ясной Поляны были больны, о чем Толстой сообщил Фету в письме от 4 февраля 1870 г. (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 399). Толстой побывал в Степановке 18—20 февраля.

[5] 23 февраля Фет отмечал свои именины.

132
Борисов — Фету
24, 26 февраля 1870 г. Из Новоселок в Степановку

24 февр. 70. Новоселки.

Милый друг Афоня, рассчитывал на этих днях к вам, но Бог знает, что со мной делается — правая сторона головы опять заболевает, но хуже этого — на днях получил письмо от Лоренца.[1] Оно меня чуть с ума не свело, и не понимаю, к чему он подобное пишет. Ужасное состояние — знать, что не в силах ничего сделать для спасения от страданий другого. А тут как бы заставляют тебя: смотри, слушай. Этого не постигают разве только такие психиатры, как Лоренц. Два раза уже посылал во Мценск, от него письма нет. Или он удовольствовал<ся> и успокоился своей припиской... так прошла целая неделя!

А между тем опять с молотилкой остановка, привод разладился. Послал за машинистом — узнаю, что он за кражу леса у мирового... Посылаю за другим — этот на Масленице свихнул или сломал ногу — (как Беляк наш),[2] а молотьбы еще недели на две... и только пока морозы, а то будет навоз. Это письмо подожду отправлять — может, что узнаю определ<енного> из Мценска с этой почтой... А теперь это написал только ради того, что как будто для облегчения.

До сегодня, т. е. 26, от Лоренца нет *ничего еще*... Бог знает, чего ждать, но лучше, чтобы ты понял, что тут такое, посылаю его письмо.[3] Прочтя, изорви его, уничтожь ради бога — *непременно*.

Тетю, тебя Попка целует в каждом письме. За меня ее ручки расцелуй и дай Господи вам обоим всего хорошего. Твой И. Борисов.

На конверте: На Курско-Орловск<ой> железн<ой> дороге,
на станцию *Змеевку*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 27 фев<раля> 1870; почтовый вагон № 15—16, 28 фев<раля> 1870; на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 180—180 об.; конверт — л. 181.

Впервые опубликовано: *Черемисинова Л. И.* О смерти Н. А. Борисовой (Шеншиной) (4 письма И. П. Борисова к А. А. Фету) // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 4—5.

[1] *Лоренц* Василий Иванович (в адрес-календарях — Михаил Вильгельмович) (1808 или 1809—1888), старший врач петербургской больницы для душевнобольных Всех Скорбящих, где с 1864 г. находилась жена Борисова Надежда Афанасьевна (см. о Лоренце подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Лица в окружении Фета: Ратынский, Лоренц, Лизандер // *ФетСб(3)*. С. 216—222).

[2] *Беляк* (Беляков, Белый) Иван, крестьянин из Новоселок, служивший в Москве у Фетов поваром до покупки ими Степановки.

[3] Это письмо неизвестно.

133
Борисов — Фету
5 марта 1870 г. Из Петербурга в Степановку

Милый друг Афоня!

Когда я ее увидал, то вся молитва была только об ее покое — и я бы не тронул ее из этой часовни.[1] Вот что узнал от Лоренца.[2] — После его письма она совершенно выздоровела, физически только, т. е. никаких уже болезненных жалоб, так до 1-го марта, утром во время чаю прилегла и уснула навеки.

Все выражение лица было беспредельная доброта. Портрет тут невозможен,[3] это убийство.

Твое письмо[4] пришло уже поздно, чтобы все кувыркать. Все приготовления к погребению были окончены, кладбище св. Митрофания[5] у Нарвской[a] заставы, ее могилу покрою досткой гранита с ее именем...

Раз только мы говорили с ней о могиле ее. — Она только не хотела лежать ни в *Новоселках,* ни в *Фатьяновой*, и если бы конец в Новоселках — то в Клеменовой у матери.[6] Но если где вдали — *то не таскать* — буквальные слова. 7-го я отсюда уеду. К 12 постараюсь быть дома, будь умница.

Я не могу писать более, Тетю, тебя обнимаю.

Поскорей бы к вам отсюда, но Петю увидать прежде. Не знаю, скажу ли ему.

И. Борисов.

На конверте:

На Орловско-Курской
железной дороге,
на станцию Змеевку.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьев<ичу>
ФЕТУ.

[a] *Далее зачеркнуто*: сельской

Почтовые штемпели: С.-Петербург, 1 эксп<едиция>, 6 мар<та> 1870; Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 7 мар<та> 1870; на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 182—183; конверт — л. 184.
Впервые опубликовано: *Черемисинова Л. И.* О смерти Н. А. Борисовой (Шеншиной) (4 письма И. П. Борисова к А. А. Фету) // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 5—6.

[1] 2 марта 1870 г. Борисов получил телеграмму, извещавшую о смерти Н. А. Борисовой, и 5 марта прибыл в Петербург. См. письмо 135.

[2] См. примеч. 1 к письму 132.

[3] В письме к Борисову от 3 марта 1870 г. Фет, в частности, писал: «Если будет не слишком тяжелое впечатление, сними фотограф» (*Письма к Борисову*. С. 146).

[4] Имеется в виду письмо Фета от 3 марта, посланное в Петербург в ответ на телеграмму Борисова с сообщением о смерти Надежды Афанасьевны. Фет просил не менять планы хоронить Н. А. Борисову в Клейменове и обещал все подготовить для ее погребения (*Письма к Борисову*. С. 146).

[5] Митрофаньевское кладбище находилось на южной окраине Петербурга, уничтожено в конце 1920-х гг. Могила Н. А. Борисовой не сохранилась.

[6] В Клейменове, родовом имении Шеншиных, были похоронены родители Н. А. Борисовой.

134
Борисов — Фету
9 марта 1870 г. Из Новоселок в Степановку

9-го марта 70. Новоселки.

Сегодня, друг мой — возвратился домой и, если бы не крайне мучительная усталость, проехал бы прямо к тебе, но право, не было сил, да и лучше поеду с тобой отсюда. 11 вышлю за тобой на станц<ию> и буду ждать. Пете я *не говорил*.[1] На минуту заезжал к Д<митрию> П<етровичу>,[2] все здоровы и кланяются. Ванечка тебе напишет сам.[3] Поцелуй ручки Тети и не горюйте. Жалею, что ты помучился по моей вине.[4] Твой Иван Борисов.

На конверте:
На Орловско-Курской
железн<ой> дор<оге>, станц<ия> *Змеевка*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: почтовый вагон № 15—16, 11 мар<та> 1870; на лицевой стороне конверта вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 185; конверт — л. 189.
Впервые опубликовано: *Черемисинова Л. И.* О смерти Н. А. Борисовой (Шеншиной) (4 письма И. П. Борисова к А. А. Фету) // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 7.

[1] Из Петербурга Борисов отправился в Москву, к сыну Пете, и обещал ему вскоре приехать опять. В письме от 15 марта 1870 г. Петя выражал недовольство, что отец отложил свой приезд до 21 марта: «Признаться сказать, ты меня не очень обрадовал твоим письмом, где ты пишешь, что приедешь в будущую субботу. Если ты не мог приехать, то зачем говорил ты мне, что приедешь через 6 дней? А я тебя ждал вчера» (*РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 2. Л. 21).

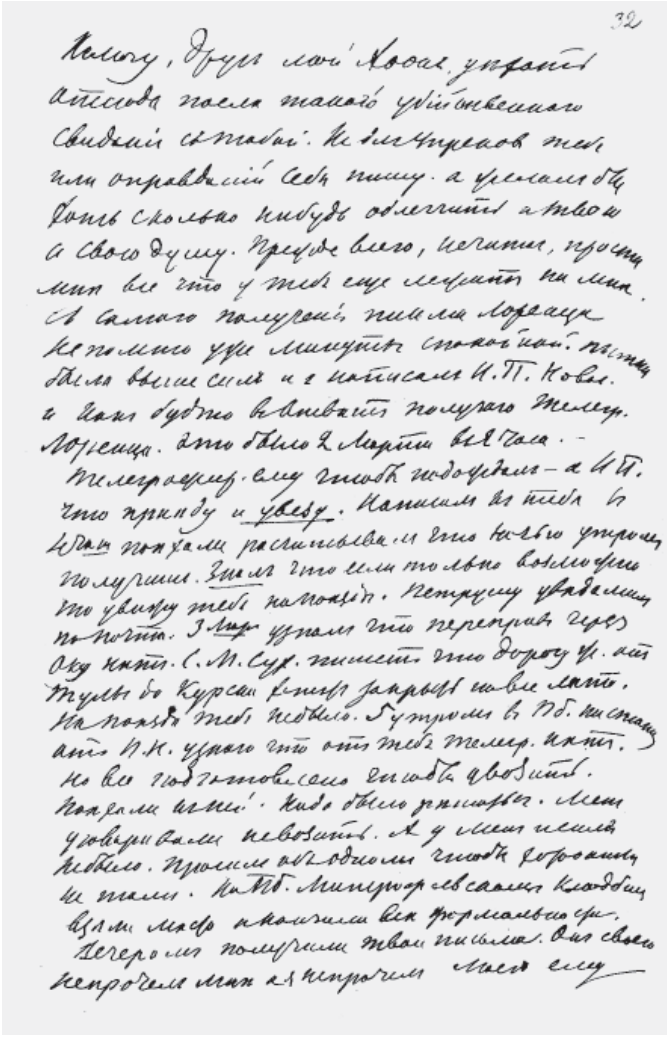
[2] Имеется в виду Д. П. Боткин.

[3] *Ванечка* — давний друг Борисова Иван Петрович Новосильцов (1827—1890), статский советник (с 1864), шталмейстер высочайшего двора (с 1868), чиновник особых поручений при государственном канцлере (см. подробнее примеч. 6 к письму 44: наст. публ. Ч. 2. С. 250—251). В 1869 г. Новосильцов унаследовал отцовское имение при селе Воин Мценского уезда. Письма Новосильцова к Фету 1870 г. неизвестны.

[4] Фет полагал, что Борисов привезет тело жены для погребения в Клейменове, и взял на себя все хлопоты по организации похорон.

135
Борисов — Фету
17 марта 1870 г. Из Новоселок в Степановку

Не могу, друг мой Афоня, уехать отсюда после такого убийственного свидания с тобой.[1] Не для упреков тебе или оправданий себе пишу, а желал бы хоть сколько-нибудь облегчить и твою и свою душу. Прежде всего, не читая, прости мне все, что у тебя еще лежит на мне. С самого получения письма Лоренца[2] не помню уже минуты спокойной. Пытка была выше сил, и я написал И. П. Новос<ильцову>[3] и как будто в ответ получаю телегр<амму> Лоренца. Это было 2 марта в 2 часа. — Телеграфир<овал> ему, чтобы подождал — а И<вану> П<етровичу>, что приеду и *увезу*. Написал к тебе, в 4 часа поехали, рассчитывал, что ночью-утром получишь. *Знал*, что если только возможно, то увижу тебя на поезде. Петрушу[4] уведомил по почте. 3 мар<та> узнал, что переправ через Оку нет. С. М. Сух<отин>[5] пишет, что дорогу ж<елезную> от Тулы до Курска хотят закрыть на все лето. На поезде тебя не было. 5 утром в П<етер>б<урге> на станц<ии> от И<вана> П<етровича> узнаю, что от тебя телегр<аммы> нет. Но все подготовлено, чтобы увозить. Поехали к ней. Надо было решиться. Меня уговаривали не возить. А у меня и сил не было. Просил об одном, чтобы хоронили не там.[6] На п<етер>б<ургском> Митрофеевском кладбищ<е> взяли место и кончили все формальности. Вечером получили твои письма.[7] Он сво-



Письмо И. П. Борисова к Фету от 17 марта 1870 г.
Первая страница

его не прочел мне, и я не прочел моего ему, для дела оно уже не помогало — даже не знал, куда в ту минуту к тебе телеграфировать, обед на *шесть*[8] остановил бы меня и на пути туда. Но, повторяю, письмо получено поздней. Чтобы остановить уже ненужные беспокойства — послал депешу в Степановку — до этого времени я надеялся, что увижу тебя у ее гроба. Отвечал и в Орел.

9-го возвратился домой, 10 послал тебе письмо,[9] а 11 узнал то, о чем никогда не буду и вспоминать. Прошу и тебя о том же.

Как мог ты хоть на миг смутиться чьими бы то ни было упреками в том, что во всю несчастную жизнь ее для нее делал. Не забывай, что для нее, пока не погасли в ней последние искры сознания, ты, один ты из всех оставался другом, братом. Душа страдалицы за тебя молит — не могу же я за нее не благодарить и молить о тебе, пока ее не забуду.

Поцелуй за нас твою добрую душу Марью Петровну и дай вам Бог сил переживать.

Оставаться здесь не могу. Не могу и придумать, куда деваться.[10] Хоть изредка вспоминайте душой вас любящего И. Борисов<а>.

На конверте: На Орловско-Курской железн<ой> дороге,
на станцию *Змеевку*.
Его Высокоблагор<одию>
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 18 мар<та> 1870; почтовый вагон № 15—16, 19 мар<та> 1870; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 32—32 об.; конверт— л. II. Впервые опубликовано: *Черемисинова Л. И.* О смерти Н. А. Борисовой (Шеншиной) (4 письма И. П. Борисова к А. А. Фету) // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 7—9.

[1] Борисов имеет в виду встречу с Фетом, которая, как видно из данного письма, произошла 11 марта, когда Фет, как обычно, прибыл в Новоселки накануне мирового съезда. Речь вновь зашла о месте захоронения Н. А. Борисовой. От имени всех родных покойной: П. А. Шеншина, Л. А. Шеншиной и своего собственного, Фет предложил перевезти ее тело в Клейменово, что вызвало гневную вспышку со стороны Борисова. См.: *МВ*. Ч. 2. С. 197—198. Фет в своих воспоминаниях дает несколько иную версию случившегося, утверждая, что специально отправился в Новоселки по поручению брата и сестры какое-то время спустя после возвращения Борисова из Петербурга. Примирение друзей произошло в Москве (Там же. С. 206), вероятно, в апреле того же года, во время пасхальных каникул, когда Фет был свободен от обязанностей мирового судьи и мог оставить Степановку.

[2] См. письмо 132 и примеч. 1 к нему.

[3] См. примеч. 3 к письму 134. Письмо Борисова к И. П. Новосильцову, как и упоминаемая далее его переписка с Лоренцем, П. А. Шеншиным и Сухотиным неизвестны.

[4] См. примеч. 9 к письму 130.

[5] См. примеч. 4 к письму 128.

[6] Борисов не желал, чтобы его жену похоронили на территории психиатрической больницы.

[7] Речь идет о письмах Фета к И. П. Новосильцову (не сохранилось) и Борисову (см.: *Письма к Борисову*. С. 146).

[8] В письме к Борисову от 3 марта 1870 г. Фет, перечисляя действия, необходимые для организации погребения, в частности сообщил, что пошлет в Клейменово своего повара готовить обед, и при этом добавил: «Напиши мне сейчас, могу ли я взять у тебя посуды и серебра, а то свое привезу. Думаю и понимаю, что кроме нас 6-х никого не будет на похоронах» (*Письма к Борисову*. С. 146). Для Фета кончина сестры означала прекращение ее мучений. В своих воспоминаниях он сравнивает ее смерть со смертью матери, невыносимо страдавшей от рака: «Я никогда не забуду минуты, когда, только что кончивший курс 23-хлетний юноша, я готов был, уступая мольбам болезненно умирающий матери, отказаться от всей карьеры и, зарядив пистолет, одним верным ударом покончить ее страдания. Можно представить, с каким радостным умилением я смотрел на ее дорогое и просветленное лицо, когда она лежала в гробу. Не странно ли, что впоследствии я не встретил ни одной смерти близких мне людей без внутреннего примирения, чтобы не сказать — без радости. Так было и с бедною Надей» (*МВ*. Ч. 2. С. 193—194). Борисов, в отличие от Фета, воспринял известие о смерти жены трагически, как будто и не было долгих лет, проведенных больной вдали от дома без всякого проблеска сознания. Деловой тон письма Фета покоробил его. К тому же на похоронах и поминках неизбежно должна была присутствовать сестра Н. А. Борисовой Л. А. Шеншина, общества которой Борисов не выносил.

[9] См. письмо 134.

[10] Борисов поехал в Москву, где воспитывался его сын. См. примеч. 1 к письму 134.

136
Борисов — Фетам
6 июня 1870 г. Из Новоселок в Степановку

6 июня 70. Новоселки.

Надеюсь, друг мой, что ты давно получил от Ивана Сергеевича весть о его появлении в Спасском.[1] — Я его записку[2] и опустил в ящик мц<енской> станции проездом из Спасского на Воин.[3] — Разом съехались все из чужих и из наших краев. Он молодцом, даже и подагры не боится. — Жаждет тебя увидать и на *тихий* спор готов.

Сегодня ко мне не доехал, встретил своего гостя англичанина Ральстона[4] и возвратился в Спасское. — Завтра ожидаю их обоих.

Иван Ив<анович>, управля<ющий> Льва Николаевича,[5] просит направить к тебе сего посланца, что и будет исполнено.

10-го я отправляюсь за Петей, которого отпустят только 13-го. Если что нужно будет в Москве, адресуй в «Англию» на Петровке.

Целую ручки, милая Марья Петровна, и прошу поклониться Вашим гостям.[6] Надеюсь, что все здоровы, желаю только теплых дней —

с ними только и начнется деревенск<ая> жизнь. — Не соберетесь ли в нашу сторону погостить в Новоселках — взглянуть на Спасское. — Вы и не узнаете старого дома, он блестит чистотой; Кишинский[7] снял с него 50 лет — заплатив за это 1500 р.

Желаю вам всего лучш<его>.

Преданн<ый> вам
И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 190—191.

[1] Тургенев находился в Спасском 2—26 июня 1870 г. 1 июня он прибыл в Мценск, где его встретил Борисов, затем оба направились в Спасское.

[2] Эта записка Тургенева неизвестна.

[3] Прогостив в Спасском какое-то время, Борисов отправился к своему другу И. П. Новосильцову, прибывшему из Петербурга в свое имение Воин (у железнодорожной станции Отрада).

[4] *Рольстон* (Ральстон; Ralston) Вильям Рольстон Шедден (1828—1889), с 1853 по 1875 г. библиотекарь Британского музея. Специалист по русской литературе, переводчик на английский язык произведений русских писателей, член-корреспондент Российской академии наук. Главные труды: перевод басен Крылова (Krilof and his Fables. London, 1869; вышел в свет в конце 1868 г.), выдержавший при жизни Рольстона четыре издания (1869, 1871, 1883); два сборника русского песенного и сказочного творчества: «The Songs of the Russian People» («Песни русского народа») и «Russian Folk-Tales» («Русские народные сказки»), вышедшие в Лондоне в 1872 и 1873 гг. соответственно, а также курс лекций по древней русской истории (Early Russian History. London, 1874). Рольстон четыре раза был в России.

[5] *Орлов* Иван Иванович, в 1863—1890 гг. управляющий имением Толстого Никольское-Вяземское.

[6] В Степановке в это время гостил кто-то из московских родственников М. П. Фет (см. письмо 138).

[7] *Кишинский* Никита Алексеевич (ум. 1888), управляющий Спасским с 1867 г.

137
Борисов — Фету
8 июня 1870 г. Из Мценска в Степановку

8 июня 70. Мценск<ая> почтовая контора. 4 *часа дня*.

Лошадей из Спасского 9-го вечером, т. е. во вторник,[a] вышлют за тобой. Твое письмо только сию минуту получил Ив<ан> Сер<геевич> — а из Новоселок сегодня отправил уже прошение и приглаше-

[a] т. е. во вторник — *вписано над строкой*.

ние на 14 в Спасское на *пир народный*.[1] Я, как уже писал тебе, 10-го отправлюсь в Москву и *14-го* — если можно, прямо из Москвы к нему на пир, и увидимся.[2]

Будьте здоровы. И. Борисов.

На конверте: <На> Орловско-Курской ж<елезной> дороге,
<на ста>нцию *Змеевка*.
Его Высокогородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.
На хутор Степановку.

Почтовые штемпели: почтовый вагон № 15—16, 9 июн<я> 1870; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой и частью адреса.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 192; конверт — л. 194.

[1] Получив записку Тургенева (см. письмо 136), Фет известил его о своем приезде 9 июня (письмо неизвестно). Очевидно, Фет хотел посетить Спасское до мирового съезда, на котором он должен был присутствовать 12 июня. Однако 8 июня Тургенев направил Фету приглашение прибыть в Спасское 14 июня на народный праздник (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 201). В результате Фет отложил свою поездку в Спасское, а Тургенева впервые увидел на мировом съезде, куда писатель прибыл вместе с В. Рольстоном. См.: *МВ*. Ч. 2. С. 216.

[2] Фет вспоминает, что «приехал в Спасское, когда праздник давно прошел, и даже Иван Петрович с Петей уехали в Новоселки». О самом празднике он слышал, что «толпа ревела и требовала водки, что Тургенев посылал за нею еще раз во Мценск и что при раздаче бабам лент он сам с изумленным Ральстоном едва спасся на балконе» (*МВ*. Ч. 2. С. 217). Далее Фет описал неприятную размолвку с Тургеневым: «...когда по возвращении с мельницы мы вошли в гостиную, а Тургенев пошел, не затворяя за собою дверей в соседнюю спальню, помыть руки, Ральстон, вероятно в связи с предшествующим разговором, спросил меня, — строга ли наша цензура? / Всякий грамотный теперь знает, каковы были тогдашние строгости цензуры и какие прекрасные плоды принесла нам эта цензура. Что же я мог отвечать на вопрос иностранца? Конечно, я отвечал, что цензура наша существует только по имени и дозволяется печатать все, что придет в голову. Не помню, куда в свою очередь скрылся и Ральстон, а Тургенев, вытирая пальцы мохнатым полотенцем, вышел из спальни и, подошедши ко мне, стоявшему у окна, сказал: „Я слышал, что вы говорили Ральстону. Зачем вы ему это говорили? Какое право имеете вы говорить ему это в моем доме?“» (Там же. С. 217—218).

Недоволен свиданием в Спасском был не только Фет, но и Тургенев, который писал Я. П. Полонскому 16 июня: «Живется мне здесь ничего, хорошо — и, кроме рассуждений Фета, я еще никаких безобразий не встречал. Он страшно обрюзг, всё еще пишет стихи, а главное — врет чушь несуразную, не столь часто забавную, как прежде» (*Письма Тургенева*. Т. 10. С. 205).

138
Борисов — М. П. Фет
9 июня 1870 г. Из Новоселок в Степановку

9 июля[a] 70. *Новоселки*.

Милая Марья Петровна,

Так как *сей* нарочный Афони не застанет в Степановке,[1] то ответ о благополучном доставлении лошади в Никольское[2] перешлю Афоне во Мценск, а этому нарочному *все*, что следовало по уговору, уже заплатил Ив. Ив. Орлов, управляющий Толстого.

Я завтра в Москву за Петей и в субботу или в воскресенье надеюсь возвратиться. Если моя сестра[3] не приедет, то мы с Попкой навестим и Вас еще до 29.[4] Но обещает непременно — авось не обманет мои ожидания. Будьте здоровы, целую Ваши ручки и кланяюсь гостям московским.

Душой Вам предан<ный>

И. Борисов.

Попка Вас в каждом письме целует. Новосильцовы[5] меня было напугали, заметив хрипоту горла, но он пишет, что здоров, только поскорей бы домой.[6]

На конверте: Ее Высокородию
Марье Петровне
ФЕТ.
От И. Борисов<а>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20308. Л. 21—22; конверт — л. 23.
Датируется по содержанию и сопоставлению с письмом 139.

[1] Борисов полагал, что Фет выехал в Спасское (см. письмо 139).

[2] *Никольское-Вяземское* — имение Л. Н. Толстого (см. примеч. 12 к письму 121). Толстой купил у брата Фета, П. А. Шеншина, владевшего хорошим конским заводом, лошадь, которую вели из Воронежской губернии в Ясную Поляну через Степановку и Никольское (см. письма Толстого к Фету от 11 мая и 13—14 июня 1870 г.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 403—404).

[3] *Казначеева* Анна Петровна (урожд. Борисова; 1829—1878), проживала с мужем Федором Федоровичем Казначеевым (1827—1878) в г. Михайлове Рязанской губернии.

[4] 29 июня, в день Петра и Павла, Борисов отмечал именины Пети.

[a] *Так в подлиннике, описка И. П. Борисова.*

[5] *Новосильцовы* — семья крестного отца Пети П. П. Новосильцова (1797—1869): его вдова Меропа Александровна Новосильцова (урожд. Тимашева-Беринг; ум. 1880), сын Иван (см. примеч. 3 к письму 134) и дочь от второго брака Софья (р. 1846). Очевидно, Новосильцовы навестили Петю Борисова, будучи в Москве проездом из Петербурга. Борисов побывал в имении Новосильцовых при селе Воин в начале июня (см. письмо 136).

[6] Это письмо Пети Борисова неизвестно.

139
Борисов — Фету
9 июня 1870 г. Из Новоселок во Мценск

9 июня 70. Новоселки.

Вчера вечером от тебя привели лошадь благополучно, с тем же поводырем за 1 р. отправил ее в Никольское.[1] Сожалею, что не знал ранее, что ты 9-го будешь в Спасском.[2] У меня все настроено так, что не могу откладывать моего выезда. Из Москвы, если будет возможно, то возвращусь в суб<боту> домой. Или в воскрес<енье>, прямо в Спасское на пир.[3] Поручения твои исполню. Спасибо за Попку. Я о нем сильно беспокоился, Новосильцовы[4] заметили хрипоту горла, а после Тифонов[5] боюсь всего. Будь здоров, авось-то увижусь в суб<боту> или в воскресенье.

Ив. Ив. Орлову[6] написал, чего стоил провод тебе и мне. Сегодня жду ответа, благополучно ли сдали, и если получу уплаты, то получишь с этим же письмом.

До свидания.

Твой И. Борисов.

Вот тебе и ответ о лошади, все благополучно благодаря твоей *родительской* опытности.

Деньги 1-75 к. и 1 р. нарочному твоему уплочены, и мне мой кровный рубль, бывш<ий> в оборотах, возвращен сполна Орловым.

Чуть не изорвал твоего конверта вместо моего, то-то суета — сует.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 34—35.

[1] См. примеч. 2 к письму 138.
[2] 9 июня Фет не ездил в Спасское. См. примеч. 1 к письму 137.
[3] См. письмо 137 и примеч. 2 к нему.
[4] См. примеч. 5 к письму 138.
[5] Петя Борисов недавно перенес тиф.
[6] См. примеч. 5 к письму 136.

140
Борисов — Фетам
21 июня 1870 г. Из Новоселок в Степановку

21 июня 70. Новоселки.

Сама судьба на возвратном пути от вас[1] наткнула меня на Ан<атолия> Вас<ильевича> Мацнева.[2] Вот тебе спутник на охоту, какого только *для охоты* и треба. Он с радостью с тобой и обещал на днях тебя навестить — твое дело уже насаживать. Шереметева еще нет.[3] К Розанову[4] о маршруте и пр. написал.

Ты ли, Тетя ли если соберетесь на 29 к нам,[5] то уведомь хоть за день, когда *выслать* на станцию. Главное же *не на ночном* поезде. Ибо головы ломать опасно.

Попка все покашливает по ночам и жалуется на горло, во вторник мы в Спасское,[6] — дома работ тьма. Нанял солдатиков, и пашут, и городят, и копают, и косить начнем завтра. Но дорого. К ужасу провалился опять кладезь за кухней и проезду нет — громадную яму аршин в 10 два дня уже всей силой заваливаем...

До свидания, будьте здоровы, оба Б. вас целуем.

И. Борисов.

На конверте: На Орловско-Курской ж<елезной> дороге,
на станцию *Змеевку*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 23 июн<я> 1870; почтовый вагон № 15—16, 23 июн<я> 1870; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 195—195 об.; конверт — л. 197.

[1] 18—19 июня 1870 г. И. С. Тургенев и Борисов с сыном провели в Степановке. На следующий день, 20 июня, Тургенев так описывал свои впечатления Я. П. Полонскому: «Я вчера вернулся от Фета, который живет отсюда в 70 верстах в степной местности, плоской, как блин. Сам он толст, лыс, бородаст — и в белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное. Дела его очень хороши — но стихи он пишет плохие» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 206).

[2] *Мацнев* Анатолий Васильевич (ум. 1899), орловский помещик; проживал в Малоархангельском уезде, в селе Моховом, а во Мценском уезде владел имением Дорогое. По данным на 1869 г., гласный и почетный мировой судья Малоархангельского уезда. Писательница Н. Д. Полонская-Василенко (1884—1973), чье детство прошло в Орловской губернии, вспоминала: «В 3-х верстах (от имения Критово. — *И. К.*) было роскошное село Моховое, Анатолия Васильевича Мацнева. Большой,

грузный, он был вдовец, любил веселую, разгульную жизнь. В его прекрасном доме не прекращались пиры, пиры, и в конце 90-х годов Моховое было продано за долги» (цит. по: http://klub-mastera.narod.ru/index/0-335; дата обращения: 24.03.2021).

[3] *Шереметев* Александр Васильевич (1830—1890), близкий сосед Борисова по имению Глазуново, крупный помещик, в 1866—1873 гг. орловский губернский предводитель дворянства.

[4] *Розанов* — лицо неустановленное, возможно, управляющий имениями Шереметева.

[5] 29 июня Борисов ждал гостей по случаю именин Пети (см. письмо 141).

[6] Состоялась ли эта поездка — неизвестно (вторник пришелся на 23 июня). Борисовы уже были в Спасском 15 июня, о чем Тургенев сообщил в письме к Клоди Виардо: «С утра здесь мой друг Борисов со своим сыном — прелестным существом 11 лет — вот чью головку ты бы с удовольствием набросала: глаза у него необычайно большие, сияющие и выразительные. А кроме того, очень приятно видеть, до какой степени отец обожает его; это создает между нами какую-то родственную или товарищескую атмосферу <...>» (*Тургенев. Письма.* Т. 10. С. 336. Подлинник по-франц.).

141
Борисовы — Фетам
3 июля 1870 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

3 июля.

Милый друг Афоня,

Попка в *кабинете чтения* нашел и выдрал местечко, не твой ли соседушка попался на аукцион[1] — узнай-ка!

Как мне досадно было, как все разъехались и хвать — тебя нет. — А поговорить хотелось еще — ведь я тебя почти не видал, слышал только — твой голос и слезы — смеха вокруг тебя, а некогда было самому приостановиться. Беда хозяину на пирах, единственное спасенье — бегство из угла в угол, только этим и станет тебе полегче. Сначала думаешь: нет, не приедут... еще не скоро, и действительно не едут. — Вдруг приехал, о ком и во сне не снилось, и еще более уверяешься, что не приедут — думается уже: успею, схожу посмотрю на сено... Потом прилечь бы почитать — не приедут. — Вдруг едут, едут и скорей закуску — обед, обед, обед, беда, вероятно и повар *думал*, что не приедут... Не дают обедать, уже *все* тут. 5 часов — не дают, беда!! Тут услыхать вдруг ха-ха-ха и хи... Отрадно оживаешь. — Ты в этого Петра и Павла[2] превзошел себя, даже зажег огонь у других. Заметил ли, что почти все уже порывались на то же, словом, шумели!!! Чего же еще желать. Жаль, что Тети не было.

Ванечка[3] сегодня уехал, но на случай, если не возвратится, то 16 приказал выехать за тобой, впрочем мы с тобой до того еще свидимся. Сегодня от сестры[4] получил, что вот-вот она приедет, и г-н *Венсан*,[5] из Лицея надзиратель, явится к нам, что мне необходимо для меня, а не Попки. Он дня четыре хворал крапивной лихор<адкой>, но теперь поправ<ился>. От Ив<ана> Сергее<вича> из Москвы, что он 29 в Питере уже обедает у Анненкова.[6]

Целуй ручки Тети, будьте оба здравы.

Ваш И. Борисов.

Рукой П. И. Борисова:

Июля 70 г. Новоселки.

Милые Дядя и Тетя!

Крепко целую вас и обнимаю. Как ваше здоровье, и как вы поживаете. Поцелуйте за меня Дядю Алекс<андра> Никит<ича>, Тетю Любу и Володю.[7] Поклонитесь Федору Федоровичу.[8] Я прилагаю при этом письме объявление, которое я нашел в газетах 1-го июля нынешнего года. Еще раз целую Дядю и ручки Тети.

Остаюсь любящий вас племянник.

П. Борисов.

P. S. Насчет объявления, Папа говорит, что оно важно для Дяди.

П. Борисов.

На конверте: На Орловско-Курской жел<езной> дор<оге>,
на станцию Змеевку.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: почтовый вагон № 15—16, 4 июл<я>; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 198—199; конверт — л. 201; к письму приложен вырванный из газеты фрагмент — л. 200.

[1] В публикации, которую вырвал Петя, говорится следующее: «Московская Сохранная казна сим объявляет, что в присутствии ее будет продаваться с аукционного торга заложенное и просроченное имение губернского секретаря Ивана Павловича Афанасьева, состоящее Орловской губернии, Мценского уезда, в деревне

Хряпине Болоте и пустоши, именуемой Большой Верх. Имение это будет продаваться со всею принадлежащею к нему землею и всяким на оной строением и с переводом долга Сохранной казне. О сроке же торга будет публиковано в свое время» (*МВед.* 1870. 1 июля. № 140. С. 5). И. П. Афанасьев был действительно близким соседом Фета, его земля граничила со Степановкой. Объявления о продаже с аукциона имения Афанасьева, заложенного в 1860 г., публиковались и раньше; но каждый раз владелец вносил в Сохранную казну необходимый платеж и продажа отменялась.

[2] Фет был 29 июня 1870 г. в Новоселках, где отмечались именины Пети Борисова.

[3] См. примеч. 3 к письму 134.

[4] Речь идет об А. П. Казначеевой (см. примеч. 3 к письму 138).

[5] *Венсан* Евгений Иванович, младший надзиратель Лицея цесаревича Николая с августа 1869 г. по 1 мая 1871 г.

[6] Это письмо Тургенева к Борисову неизвестно. В письме к П. В. Анненкову от 15 июня 1870 г. из Спасского Тургенев обещал обедать у него 29-го числа, сразу по приезде в Петербург (*Тургенев. Письма.* Т. 10. С. 204).

[7] Имеется в виду семья тетки и крестной матери Пети — Л. А. Шеншиной (см. примеч. 15 и 16 к письму 121).

[8] Имеется в виду Ф. Ф. Кауфман (р. 1837), в прошлом — гувернер Пети, в 1872—1874 гг. гувернер старших сыновей Л. Н. Толстого.

142
Борисовы — Фетам
22 июля 1870 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

22 июля 70. Новоселки.

Поздравляю Вас, милая Марья Петровна![1] и желаю еще с большим жаром, чем у нас сегодня на солнце, всего Вам лучшего. И тебя, Афоня, вкупе с Тетей. Если у вас так же тепло сегодня, как и у нас, что, впрочем, несомненно, то... то... то... дай Бог вам сил на торжество. Беда! Только я возвратился с Воина,[2] Афоня, и напился чаю, как телеграф зазвонил, что назавтра ждал бы к нам мою сестру Анюту.[3] Послал курьера за Попкой и на другой день утром съездил во Мценск и действительно встретил и привез в Новоселки Анюту. Она вам обоим поклоняется. Приехала сама не знает насколько — а как поживется — дома у ней, как видно, столько же дела ей, как и не дома. Хотела бы к вам, и мы порешили ехать 25. *НО* не пугайтесь. Пообдумав все, во-первых, что вас предупр<едить> не успели по почте. 2) Она еще *наверное* и дня не может определить, чтобы ехать (заболею, жарко и 1000 причин). Имея все это в виду, да видя, что лучше и мне от дома не отлучаться, иначе с хозяй-

ством пропадем, я и делаю отступление ненавидимо от плана нашего — так с ней и не поедем — а уже видно подождем, когда она уедет, слетаем одни к вам. Вы же, я думаю, еще и от 22 долго не отдохнете. Вообще, когда уборка в разгаре, всякая гостья пчела: сосет мед и жалит. Злостное это сравнение неприменимо только к Тете, когда она к нам приедет и приезжает, это, впрочем, и она сама знает, как и мы все. Поэтому, если бы Тетя освободилась прежде, как мы толковали, то к нам, к нам.

От Ив<ана> С<ергеевича>[4] ни ни ни словечка!

С рожью уже справился, вся в копнах — сырых, правда, но все уже легче продувать и сушить. Горошек вчера посолил. Но есть еще и в поле возов с 30.

Дал место Попке расписаться. Обнимаю вас крепко. Душой ваш И. Борисов.

Приписка на левом поле первой страницы письма:

Вчера налетели на дом пчелы, и сегодня развели мы огнь во всех печах. Окна заперты, кусают больно.

Рукой П. И. Борисова:

Милая, дорогая Тетя!

Поздравляю тебя и Дядю и крепко обнимаю. Как вы поживаете. У нас живет Тетя Анюта с Попочкой.[5] Я надеюсь, что вы, по обыкновению, будете добры приехать к нам провести последние дни.[6] Еще раз обнимаю и целую вас крепко и поздравляю с торжеством. Остаюсь любящий вас племянник.

П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

Прибавление

Не успели отвезти своего, как получили твое,[7] дружище, и составили экстренное заседание, единогласно принято:

Отправиться на мценскую[a] станцию жел<езной> дор<оги> *28-го июля, вторник*.[b, 8] Следоват<ельно>, 28 вышлите за нами кипаж,[9] чтобы

---

[a] *Далее зачеркнуто:* почтов<ую>

[b] вторник — *вписано над строкой.*

поднять сам-четверть.[10] — Багажа у нас не будет. 29 мы пров<е>дем с вами, а 30 вы нас высадите опять в Змиевку. И я бы с удовольствием каким коленцем кувырк, да не смогу, поясника.

И. Борисов.

Печатается по подлинникам: письма Борисовых — *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 36—37 об.; прибавление — *ИРЛИ*. № 20272. Л. 92.

[1] 22 июля М. П. Фет отмечала свои именины.

[2] *Воин* — имение И. П. Новосильцова Мценского уезда, было расположено рядом с железнодорожной станцией Отрада.

[3] Имеется в виду А. П. Казначеева (см. примеч. 3 к письму 138).

[4] Подразумевается И. С. Тургенев.

[5] *Попочка* — возможно, попугай.

[6] Вероятно, Петя имеет в виду последние дни своих каникул.

[7] Это письмо Фета неизвестно. Очевидно, в нем содержалось приглашение приехать в Степановку.

[8] В тот же день, 28 июля, в Степановке гостил Л. Н. Толстой; писатель присутствовал на заседании мирового суда, которое вел Фет, и даже расписался в протоколе за одного из участников тяжбы, неграмотного крестьянина Сильвестра Исаева (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 374).

[9] Экипаж.

[10] *Сам-четверть* — на четыре человека. Возможно, четвертым гостем был Е. И. Венсан (см. примеч. 5 к письму 141).

143
Борисов — Фету
19 августа 1870 г. Из Новоселок в Степановку

Середа, 19 ав. 70. Новоселки.

Сегодня, друг мой, возвратился я из Москвы и твое писанье[1] получил. Дмитрий Петр<ович> кланяется вам, а Анна Петровна[2] уже в Ярославле. Попку сдал, и он уже бодро молодцом прощался — беспокоит меня только кашель *его*, а доктора их я три дня тщетно искал. Хотел и о себе побеседовать — что мне уж слишком скверно, кашель замучил — лихорадочно и бóки болят оба. Куды ехать теперь, душа моя, есть и дома дел много, хоть бы отсидеться. Катковы[3] возвратились только в день моего выезда, а с Леонтьевым[4] виделся, какой он добрый к детям и как их понимает. Попке, пока были у него, *захотелось* ревнуть. — Стыдно с горя-то, вот он и придумал себе *страх*, что его будут экзаменовать из английск<ого>, а он не повторял. Но П<авла> Мих<айловича> не проведешь, и он утешил его товарищеским сове-

том — отвечать учителю, что перед выездом ему, Попке, ничего не приказывали.

От Дмитр<ия> Ал<ексеевича> Дьякова[5] узнал, что Л. Н. Т<олстой> проехал в Никольское — вот, может, и увижу его. Но как я болен! Даже глаза плохо видят, что пишу.

Ив<ан> Сер<геевич> Т<ургенев> корреспо<н>денств<ует> в «П<етер>б<ургских> ведомостях», сочувствуя пруссакам,[6] и хвалит их до [illegible] так что и за это на него гроза у нас, а Урусов[7] написал такую статью, что Леонтьев не поместил, очень уж ругательна. — Немцы в Москве — беда! — Убьют за Бисмарка, на Каткова клокочет кровь.[8] — А Данило Д<анилович>![9] Он вам кланяется, и Визар[10] тоже. Юлия Богдановна[11] еще на даче. Вообще французу много сострада<ния> и участья — жалко, дескать.

В Лицее *всё* наладилось. Детей навезли — девать некуда.

Милая Марья Петровна, целую Ваши ручки, и, милый старикашка, обнимаю тебя крепко, будьте здоровы.

И. Борисов.

Алексей без меня открыл два огромн<ых> стада куропаток. А! А! А!

На конверте: На Орловско-Курской
жел<езной> дороге, на станц<ию> *Змеевку.*
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовый штемпель: почтовый вагон № 15—16, 21 авг<уста> 1870.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 38—39 об.; конверт — л. III.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Д. П. Боткин и А. П. Пикулина, брат и сестра М. П. Фет.

[3] М. Н. Катков и, вероятно, его жена С. П. Каткова (урожд. княгиня Шаликова).

[4] О директоре Лицея П. М. Леонтьеве см. примеч. 4 к письму 124.

[5] *Дьяков* Д. А. (1823—1891), помещик Новосильского уезда Тульской губернии, друг Толстого. См. о нем подробнее примеч. 4 к письму 37: наст. публ. Ч. 2. С. 232.

[6] 7 (19) июля 1870 г. Франция объявила Пруссии войну, формальным поводом к которой послужили претензии родственника прусского короля Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол. В начале войны Тургенев был уверен в успехе французского оружия и опасался вторжения неприятеля в Баден-Баден. Кроме того, он сочувствовал Пруссии по идейным соображениям, считая Наполеона III оплотом реакции в Европе. 28 августа (9 сентября) 1870 г., уже после Седанской катастрофы, Тургенев писал Л. Пичу: «Что касается меня — то я <...> совсем немец уже потому, что победа Франции была бы гибелью свободы <...> истинное счастье,

«Немец (городовому). — Как ты смеешь вмешиваться в мою драку с французом? Разве ты не знаешь, что Россия нейтральное государство?». Карикатура из журнала «Будильник» (1870. 25 сентября. № 37)

что привелось быть свидетелем тому, как низвергнулся в клоаку этот жалкий негодяй <Наполеон III> со своей кликой» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 340. Подлинник по-нем.). См. подробнее: *Рабинович М. Б.* И. С. Тургенев и франко-прусская война 1870—1871 гг. // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 99—108.

Тургенев был автором пяти «Корреспонденций о франко-прусской войне», которые вышли в «Санкт-Петербургских ведомостях» за подписью «И. Т.» в период с 8 (20) августа по 26 сентября (8 октября) 1870 г. (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867—1870) / Сост. Н. Н. Мостовская. С. 184—186).

[7] *Урусов* Сергей Семенович, князь (1827—1897), участник Крымской войны, герой обороны Севастополя, генерал-майор в отставке. Выдающийся шахматист, автор трудов по математике и военной истории, публицист славянофильского направления. Друг Л. Н. Толстого, знакомый Фета и Борисова. Во время франко-прусской войны симпатизировал французской стороне. В двух «Письмах к издателям» (*МВед*. 1870. 2 августа. № 166. С. 3; Там же. 4 августа. № 167. С. 3) предлагал разработанные им планы военных действий, обеспечивавшие, как ему казалось, победу Франции.

[8] «Московские ведомости» в течение всей войны выступали в качестве проводника антипрусских настроений. Катков справедливо полагал, что усиление Пруссии и объединение Германии невыгодно и опасно для России.

[9] *Шумахер* Данила Данилович (1819—1908), действительный статский советник, управляющий Московской сохранной казной и ссудной казной. Был женат на Юлии Богдановне Мюльгаузен, давней приятельнице М. П. Фет. Близкий знакомый Борисова.

[10] *Визар* Владимир Яковлевич, чиновник Опекунского совета, директор Сохранной казны. Давний знакомый Боткиных. См. о нем подробнее примеч. 11 к письму 92: наст. публ. Ч. 3. С. 490.

[11] Жена Д. Д. Шумахера (см. примеч. 9 к наст. письму).

144
Борисов — Фетам
2 сентября 1870 г. Из Новоселок в Степановку

2 сент. 70. *Новоселки.*

Милый друг Афоня и Тетя,

Очень, очень сожалею, что и вы не в здоровых...[1] А мне как будто стало получше — лихорадка как будто отстала и кашель угомоняется, но мало-помалу. 10-го, друг Афоня, буду ждать тебя[2] с утра на горизонте и ухом ощупывать звуки твоего колокольчика.

От Пети получаю исправно письма, то хвалю, то браню его, как будто мы опять под одной крышей. Пишет, что *дела* его идут хорошо и кашель почти *совершенно* прошел.

Сегодня был у мирового в *Алисове*,[3] дай Бог ему здоровье, на 16 р. пристудил окаянного работника. Еще есть к тебе о другом каторжничке, как раз по тем же путям удрал, и его готовлю на пропятие[4] к твоей же милости, только отсылай нас не к алисовско<му> мировому, а мценскому, т. е. IV участка,[5] все-таки это поближе.

Сегодня получил из Парижа от Сонечки и Меропы[6] длиннейшие послания, но это надо вам прочесть, так не расскажешь — *от 21 августа*.[7] Меропа пишет, что пусть только немцы придут поближе к Парижу, ни одного не вернется домой... что король Вильгельм сошел с ума...

что на целый год запасов в Париже, что все *телеграммы* выдумки — нет, это надо прочесть. — А все-таки несчастн<ым> французам плохо!! Но дай им немножечко бы смыслу, и были б спасены. Я до сих пор войной *доволен*. Все-таки шло хорошо. И Иван Сергеевич тоже,[8] но, Господи, неужели же так-таки и конец этим. И не взволдырится вдруг от какой-нибудь чумы-заразы, тут *ОДИН* день иногда всему перелом. Ну, Иоанна д'Арк, выходи, пора. Хоть бы *Сен* какой слез с колокольни в Страсбурге[9] и крикнул бы. — Неужели же так мне и выиграть бутылочку со Льва Николаевича.[10] Об нем ни слуху, ни вести.

Но Господь с ними...

Сегодня свезли последнюю копну с поля, а завтра отсеемся! Это стоит *Седана*. А *Дар*, если бы я был ты, то он бы был уже у Снобки.[11] Бешен, а не горяч — если можешь и сколько-нибудь надееш<ься> на своего, то привози. Бубулька[12] проклятая опять в таком положен<ии>, а куропатки есть.

Милый друг Марья Петро<вна>, пожалуйста и не спрашивайте меня насчет *всех* и *всех* и всех всяческих тряпицах и пр. пр.,[13] действуйте с полной диктаторской и императорской свободой и все будет отлично превосходно. Недавно ко мне из Мценска заезжал рыжий жид; помните, который так на Ваши жемчуга зарился. — Я его к Вам направил, кстати, говорит, к мировому есть просьба.

Если б Вы знали, милая Марья Петровна, как я проболел, особенно день переезда из Москвы, да и первые дни здесь — совсем было плохо. — Кашель чахоточный и лихорадка, и желудок отказался от службы. — Теперь все это угомоняется.

Не знаю, удастся ли к Вам с Афоней приехать — дорога мне смерть, а дома, невзирая на «Моск<овские> вед<омости>», бывает до тошноты.

Целую Ваши ручки, обнимаю Афоню и желаю всем нам лучшего.

И. Борисов.

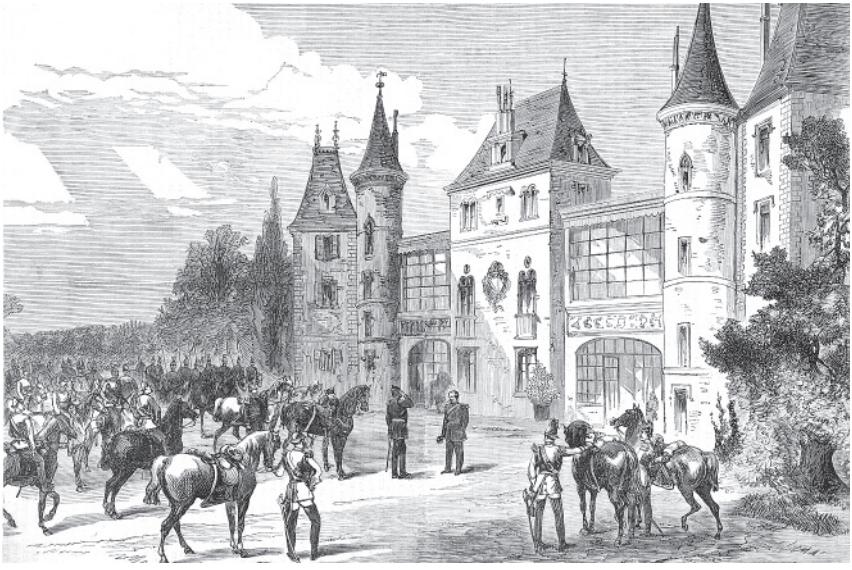
Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 202—203 об.

[1] Борисов отвечает на письмо от 27 августа 1870 г., в котором Фет сообщал о своем и жены нездоровье: «...у меня мучительно зубы болят <...> Тетя сама лежит больная <...>» (*Письма к Борисову*. С. 147).

[2] Фет писал 27 августа: «Буду в Новоселки (дома ты или нет) 10 вечером, а 12 утром во Мценск на съезд» (Там же). Вместе с тем в письме Борисова к сыну от 14 сентября 1870 г. говорится: «Дядю Афоню жду сегодня» (*ИРЛИ*. № 20324. Л. 8). Возможно, заседание мирового съезда было перенесено на более поздний срок.

[3] На хуторе Алисово было местопребывание мирового судьи 1-го участка Николая Федоровича Кутлера (1828—1888).

[4] *Пропятие* — то же, что *распятие*.



Война. Встреча короля Вильгельма с императором Наполеоном
в замке Бельвю близ Седана 21 августа (2 сентября) 1870 г.
Гравюра Э. Даммюллера (Всемирная иллюстрация. 1870. 3 октября. № 92)

[5] 4-й участок охватывал г. Мценск. Мценский мировой судья Степан Степанович Соллогуб (ум. 1905) подал в отставку, не дослужив до конца срока, и был уволен от должности указом Правительствующего Сената от 29 мая 1870 г. (*Орл губ вед*. 1870. 13 июня. № 24. С. 231). Кто исполнял обязанности мирового судьи после отставки Соллогуба — неизвестно.

[6] Речь идет о вдове П. П. Новосильцова Меропе Александровне и их дочери Софье (см. примеч. 5 к письму 138).

[7] 20 августа (1 сентября) 1870 г. произошла битва при Седане, в результате которой французская армия под командованием Мак-Магона капитулировала, Наполеон III и Мак-Магон оказались в плену. 23 августа (4 сентября) в Париже была провозглашена республика.

[8] По всей видимости, имеется в виду содержание письма И. С. Тургенева к Борисову от 12 (24) августа 1870 г.: «С свой стороны я „не мудрствуя лукаво“, радуюсь поражению Франции — ибо вместе с нею поражается насмерть наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 229).

[9] Во время бомбардировки Страсбурга в течение 46-дневной осады города пострадали крыша и шпиль знаменитого собора. *Сен* — вероятно, от *saint*, святой (*франц.*). Возможно, Борисов имел в виду скульптуры Страсбургского собора. В цитированном выше (см. примеч. 8) письме к Борисову Тургенев писал: «По ночам здесь ясно слышно бомбардирование Страсбурга, который уже до половины выжжен. Даже лежа в постели при закрытых окнах все еще ухо улавливает глухие

рокотанья и сотрясенья. Поневоле предаешься философическо-историческо-социальным размышлениям весьма невеселого свойства. Железный век еще не прошел — и мы все еще варвары! И, вероятно, останемся таковыми до конца дней» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 229).

[10] Борисов заключил с Толстым пари об исходе франко-прусской войны.

[11] *Дар, Снобка* — охотничьи собаки. Сеттер Сноб (Снопс) был приобретен Фетом еще до покупки Степановки (*МВ*. Ч. 1. С. 286—287).

[12] *Бубулька* — охотничья собака Борисова.

[13] В письме от 27 августа 1870 г. Фет передает мнение жены о цене, которую можно было назначить за вещи Н. А. Борисовой: «Если разрешишь продажу вышесказанного — будет исполнено» (*Письма к Борисову*. С. 147).

145
Борисов — Фетам
25 сентября 1870 г. Из Новоселок в Степановку

25 сент. 70. Новоселки.

Во-1-х, поздравляю тебя, друг Афоня, мировым.[1] — Я узнал об этом от Угрюмова,[2] заехавшим[a] ко мне из Мценска. Теперь дай Бог тебе только здоровья да сил, а дело твое судейское, верно, пойдет как по маслу. — И Тетю милую поздравляю хоть ради того, что будущее ваше имеет *определенность*, следовательно, и какое успокоение, а это ведь не худо.

Вот о себе не знаю даже что сказать. Здоровье так мне изменило, что никак не лажу. — Угомонится кашель — приходит лихорадка. — Только что избавился от нее, стал выходить из комнат, опять душит кашель.

На днях И. П. Новос<ильцов>[3] возвратился от Петруши с Гравронки, нашел его здравым и веселым, словом, *хорошо*. Разумеется, дом отделывает,[4] а *пока* живет в какой-то дыре. Жду теперь от него письма по почте, т. е. все то же, то же, то же. Если <бы> мог, сию же минуту покинул Новоселки — но и этого не могу. Все-таки скорей здесь узнаю, что то то поломали, то другое, и не допускаю хоть самих-то чинить в окончательно мелкую дребезгу. — Я уже тебе говорил, Афоня, что у меня теперь два здесь начальства, военное и гражданское.[5] Не приведи Боже иметь с ними даже свидания, но все-таки необходимо по вечерам взглянуть на них. Соседство города *беда* у них у обоих. Там свое, ну и понятно, сбегать хочется.

От Пети, слава Богу, получаю письма успокоительные.

[a] *Так в подлиннике*.

В «Р<усском> вестн<ике>» — Ольга N, новую повесть «На родине» прочел — тебя в ней нет.[6] Все шалтай-болтай.

Милый друг Марья Петровна, если Вы будете в Москве в половине октября,[7] значит, я не попаду в одно время с Вами, — но если Попку увидите, то обещайте ему, что *скоро* буду — он все меня подзывает и поджидает. Про мои нездоровья, пожалуйста, ему не говорите. — Если в Москве Вы останетесь до ноября, то я Вас еще, может, там увижу. Желаю, чтобы благополучно с удовольствием прокатились и с здоровьем возвращались в мирную Степановку.

Пошлю во Мценске разведать, когда ваш съезд, и если тебе нельзя будет ко мне — то хоть на минуту приеду с тобой повидаться, друг Афоня. Будь здоров. Твой

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 42—43 об.

[1] Выборы мировых судей второго созыва, согласно формулярному списку Фета, состоялись 22 сентября 1870 г. (*РГИА*. Ф. 733. Оп. 121. № 775. Л. 7 об.—8). Вместе с тем Борисов писал сыну 24 сентября: «У нас вчера были выборы миров<ых> судей, но я там не был и не знаю еще, кого выбрали, а Дядя не заезжал» (*ИРЛИ*. № 20324. Л. 12).

[2] *Угрюмов* Алексей Александрович, кандидат университета, в сентябре 1870 г. был вторично избран почетным мировым судьей.

[3] См. примеч. 3 к письму 134.

[4] П. Аф. Шеншин (см. примеч. 9 к письму 130) был в то время серьезно увлечен младшей дочерью помещика Ливенского уезда Ольгой Константиновной Карцовой (ок. 1852—1943), считал себе ее женихом и готовился к семейной жизни. Дело кончилось тем, что неожиданно для Шеншина девушка вышла замуж. Та же история случилась с Шеншиным в начале 1860-х гг., когда он собирался жениться на старшей дочери Карцовых (*МВ*. Ч. 2. С. 244).

[5] Борисов нанял нового управляющего, о чем сообщил в письме к Пете от 14 сентября 1870 г. (*ИРЛИ*. № 20324. Л. 7 об). Кроме того, в Новоселках вместо прежнего Тита Яковлевича появился новый староста. Управляющий был из отставных солдат, поэтому Борисов называет его военным начальством, а старосту — гражданским. См. письмо 147.

[6] Ольга N — псевдоним писательницы С. В. Энгельгардт (урожд. Новосильцева; 1828—1894), давней знакомой Фета, с которой поэт много лет состоял в переписке. В ее повести «Не одного поля ягоды» (*РВ*. 1868. № 8) Фет выведен в качестве одного из персонажей. Новая повесть Энгельгардт «На родине» вышла в августовском номере «Русского вестника» за 1870 г.

[7] М. П. Фет собиралась в Москву на годовщину смерти В. П. Боткина, которая отмечалась 10 октября 1870 г.

146
Борисов — Фетам
4 октября 1870 г. Из Новоселок в Степановку

4 сент.[a] 70. Новоселки.

Только что получил от тебя от 2-го сент<ября>.[1] Так и ответствую: куда же мне деваться, 11-го — непременно буду тебя ждать или на пороге дома, или на станции, или на пароме, словом, смотря как позволят пруссаки.[2]

Ах ты! Милая моя, как мне надоело хворать и хворать — и с каким бы молодечеством я с тобой скакнул и в Ясную и в Москву[3] — но к этому времени не успею изготовиться, да и, признаюсь, был бы не в силах ночью через засеку. Тут-то, как солнце на закате, самые и лихорадки ходят.

Подходит и пруссаку трудное время; если они его выдержат, то сам Леонтьев поставит им .[4] Можно ли было ждать, что так дело затянется.[5] Париж-то возьмут или сожгут, но с кем *писать* мир — а оставаться гарнизонными крысами у француза опасно. Вот может даже что случится, что N<apoléon> III-Седанский и сдерет с них дорого за руку приложить, и немцы преспокойно займут те новые границы, какие желают для обеспечения, может, и не покинут парижских казарм. Ужасно!! Желал бы об этом поговорить теперь со Львом Николаев<ичем>. С тобой же, душа моя, я махнул уже рукой — это то же для тебя, что мне финансы.

До сих пор еще не узнал наверное, кому достался я в удел: Ярополку, Мстиславу Удалому или Дмитр<ию> Шемяке (это ты)![6] Вот когда наконец удельный период-то пришел — а ты истории отвергаешь. Впрочем, я *Шемяки* не боюсь, он сродственник и не могит. А ведь до сих пор с *12 июня* не порешат меня с рабочиками! И ты еще имеешь бесстыдство удерживать мои воздаяния судьям, отнимая единственное у меня утешение — попариться, когда все вы наподдаете пару!!

Кажется, все-таки выборы изрядны![7] Не знаю Кудрявцева,[8] а Тиньков[9] все же лучше Мастодонта,[10] да и юристы — нигилисты.

Прощай, милый, будь здоров, ручки Тети целуй за меня. — Так вытаки поживете в Московии. От Попки я сегодня получил, пишет, что здоров,[11] и Ив<ан> П<етрович> Новос<ильцов>[12] на днях его видел и заметил все еще хрипоту — это меня оч<ень> беспокоит. Буду ждать тебя нетерпеливо.

Твой И. Борисов.

[a] *Так в подлиннике, описка И. П. Борисова.*

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 40—41 об.

[1] Это письмо Фета, которое, вероятно, было датировано 2 октября, неизвестно.

[2] 12 октября Фет должен был присутствовать на мировом съезде во Мценске. Упоминаемые пруссаки — намек на успехи прусских войск в войне с Францией (см. примеч. 7 к письму 144).

[3] В начале октября 1870 г. М. П. Фет собралась в Москву по случаю приближавшейся годовщины смерти ее брата В. П. Боткина. Фет планировал последовать за женой после мирового съезда, заехав по пути в Ясную Поляну. О своем намерении он сообщил Л. Н. Толстому и 2 октября получил ответ. Толстой писал: «Вы *аккуратный человек*, но всегда перепутаете. Теперь пишете: *13 сентября* я буду в Ясенках, а на письме 24. Ну, да это ничего. <...> Ради бога, не передумывайте. 13-го я вас жду в Ясенках» (*Толстой*. Т. 61. С. 238). В тот же день, 2 октября, Фет написал Борисову, видимо предложив ему вместе навестить Толстого. 16 октября, после свидания с Фетом в Новоселках, Борисов заметил в письме к сыну: «Как я рад, что Тетя Маша тебя навестила, вот и дядя Афоня будет у тебя <...>» (*ИРЛИ*. № 20324. Л. 19).

Пребывание Фета в Москве было недолгим, уже к 22 октября он успел вернуться в Степановку (см. письмо 147), причем в письме от 25 октября сообщил Борисову, что провел в Ясной Поляне «2 прекраснейших дня», не уточнив, впрочем, когда заезжал к Толстым, по дороге в Москву или обратно (*Письма к Борисову*. С. 148).

[4] То есть 12 с крестами. 12-балльная система оценки знаний, принятая до 1846 г. во всех военно-учебных заведениях России, была привычна Борисову, который воспитывался в кадетском корпусе. В Лицее цесаревича Николая практиковалась пятибалльная система.

[5] После низложения Наполеона III власть перешла к Правительству национальной обороны под председательством генерала Л. Ж. Трошю, которое предложило неприятелю мир. Однако ввиду чрезмерных требований со стороны Германии соглашение не состоялось, и военные действия были продолжены.

[6] Ярополк Святославович, Мстислав Мстиславович Удалой, Дмитрий Юрьевич Шемяка — русские князья X—XV вв., участники междоусобных войн. Борисов имеет в виду границы мировых участков, которые время от времени менялись. Его имения Новоселки и Фатьяново относились то к 1-му, то ко 2-му мировому участку.

[7] Речь идет о выборах мировых судей второго созыва.

[8] *Кудрявцев* Михаил Дмитриевич, в сентябре 1870 г. был избран мировым судьей 4-го участка (в г. Мценске).

[9] *Тиньков* Афанасий Николаевич (1836—1892), помещик села Башкатова Мценского уезда, в сентябре 1870 г. избранный мировым судьей 2-го участка.

[10] «Мастодонтом» Борисов, вероятно, называет соперника Тинькова на выборах. Кто еще претендовал на должность мирового судьи 2-го участка — неизвестно. Предшественник Тинькова, П. В. Рагозин, подал в отставку и был уволен за несколько месяцев до конца срока.

[11] Это письмо Пети Борисова неизвестно.

[12] См. примеч. 3 к письму 134.

147
Борисов — Фетам
22 октября 1870 г. Из Новоселок в Степановку

22 окт. 70. *Новоселки.*

В Москву опоздал уже писать к тебе, друг Афоня, и опоздал-то из-за тебя же — хотелось прежде прочесть Гольца[1] — наконец, привезли с почты и прочел с большим удовольствием, потому уже что никакого нет тут шопенгаурства. Вспомнилась милая Вохляндия. Федор Ф<едорович> прелесть! — *Ожеребился*![2] Но признаюсь тебе, к Гольцу у меня ничего нет — он несчастный пьяница. И ты именно так его набросал, что — *личность* его ничто, а *всё* — оно, спиртовка. А мне помнится, что в нем ты рисовал эгоиста.[3] Еще тебе скажу, что все строки твои, проходившие по жизни действительно<й>, *один табак* вкусный; а где литературил — другой табак. — Может быть, на меня это действовало так потому, что сам вохляндец, а может и потому, что я перед этим только что отчитывал «*Войну и мир*» и остался раздражительно чутким на всякую папироску. Конечно, в 1000 раз еще с большим наслаждением перечел всё и с совершеннейшим спокойствием перечитывал те исторические, военные, философские и матема<тические> рассеянные повсюду рассудительства. Вот почему: Лев Никол<аевич> с своей *задачей* романа мне представляется как бы игрок в шахматы, уселся на партию и посадил к себе на колени любимейшего своего ребенка — ну просто свою Таню. — Партия идет превосходно — так что он никогда еще подобной не игрывал. — Он это сам чувствует всеми жилками. Вдруг и Таня двинула его пешку — «а что за шашку, то и за место».[4] Так тому и быть, и все это отлично, еще веселей, задорней стала игра и вот так-то шла вся партия до конца романа. — Победа была его *полная*. И ходы Тани не помешали. Вот почему я с полнейшим наслаждением все перечел. Думается, что же будет от него, когда он снимет ребенка и сыграет партию без его помощи. Но у меня о Толстом так определ<ено>.

Теперь: об Ив<ане> Серг<еевиче>, которого так ты любишь — ненавидя. Тут вся беда не история, филос<офия> и мат<ематика>, а литература. — Вы же сами объявили его ген<ералом> от литературы. И это справедливо. Ты говоришь — надо бросить ему писать. — А он еще жив и хочет жить — следовательно, и *писать*, как все равно точно так же и ты сам *по гроб жизни* останешься лириком. За что же постоянно швырять в него каменья и за пазухой про него носить запас. Требовать и ждать от него того, чего он уже не *в силах*: *что он сознает*. Лев Николаевич, давно, прежде тебя еще, почуял что у Тург<енева> новые его вещи выходят как подогретое жаркое, нет уже свежести. Что *нико-*

му оно и не нужно и не смей он подавать, добавляешь ты. Мне кажется, что ваша сторона к нему и ваши требования несправедливы. Его же к вам другие совсем. Он говорит: снимите ребенка с ваших коленей, ваша игра будет еще интересней. А ты, друг мой Афоня, без них[a] никогда, даже и на коне сидел с младенцем, одним словом, всегда был ФИЗИК.[5] Гегель, Гейне, Гёте, *Ан. Григ<орьев>*, Гораций, Турген<ев>, Шопенгаур[b] и Л<ев> Н<иколаевич> — они не двигали твоими шашками потому только, что не успевали за тобой — взволдырилась и закурила!! Льва Нико<лаевича> Толстого я прочел у тебя на стр. *287* снизу, начиная с «Я люблю отца»[6] и т. д. Это как будто его почерк, а не твой. То же бывает и с Тургеневым. Но у него еще есть особенность: это из своего же прежнего милого, прелестн<ого> показать опять — но уже вялым, без запаха... Эх-ма! Как мало людей встречаешь в жизни *по душе*. Неужели кроме их уж и грызть некого.

Гадал я выехать к вам хоть на минуту во Мценск повидать. Но гадко и на дворе и в животе. Спасибо за Попочку. Он пишет, что и Дядя был.[7] Я туда отправляюсь *29 в четверг.*

Дома все уладилось хорошо, т. е. *начальства не будет*. Провозглашу решпублику.[8] Авось хоть пруссаков переморозим в доме зимой — топить не будут, а я вчера видел улана, так проскакал, что не успел его задавить. Можешь представить, фейе<р>веркер[9] мой, нежданно подаваясь на носки, объявил, что увольте — чувствую свою несродность к хозяйскому положению. Вот я его и уволил. А староста (из извозчи<ков>) стал по вечерам еще злобней смотреть на меня, как будто его только что прогнали сквозь строй и еще идти под виселицу. Мировых я уже не браню — и даже говорил скотнице и конюху, которых *три мес<яца>* — волочат то к становому, то в полицию в горо<д>, то к следователю — а теперь ходили *в Башкатову*[10] к судье — *как свидетели* по воровству, ни вора ни покраденного нет, и теперь судья сказал им — *не нужно*, а я вас позову в другое время, вероятно, в ноябре, тогда в Жуковой брод будет лучше. Конюха жаль, а за скотницу спасибо ему — она стерва. Хоть этим ее проберет. Согласись, что все-таки это тоже «*процесс чтения*», хоть ничего тут не поймешь. Зачем. «Ты Рассея, ты Рассея! ты кабацкая земля а-а-а»,[11] — орут мужики на обратном из Мценска — припуская под гору к мосту, с которого опять ободрали перила.

Ну довольно я поплакался с тобой, а еще Тете милой ни словечка не сказал.[12] Целую Ваши ручки, Марья Петровна, за себя, за Попку, которого Вы ОЧЕНЬ порадовали в Москве. Надеюсь, что мы зимой свидимся и праздники проведем вместе, а там весной за границу. Дядя ве-

[a] без них — *вписано над строкой.*

[b] *Так в подлиннике.*

лит мне в Карлсбаде лечиться. Надо что-нибудь попробовать, а то уж становится тошно так и жить.

Дай Господи вам теперь здоровья *главное,* а остальное все будет хорошо. Если от *Петруши** или *об* Петруше что, напишите. Всей душой ваш

И. Борисов.

На конверте: На Орловско-Курской жел<езной> дороге,
на станцию *Змеевку*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Мценск, 23 окт<ября> 1870; почтовый вагон № 15—16, 24 окт<ября>; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 205—207 об.; конверт — л. 204.

[1] Повесть Фета «Семейство Гольц» была опубликована в «Русском вестнике» (1870. № 9). Фет писал о ней Борисову 5 февраля 1870 г.: «Я в настоящее время кончаю рассказ листа в 2 печатных из новороссийск<ой> былой жизни» (*Письма к Борисову*. С. 145). Действие повести происходит в г. Новогеоргиевске (Крылове), где находился штаб Кирасирского Военного Ордена полка, в котором в 1840-е гг. служили Фет и Борисов.

[2] В «Семействе Гольц» описан комический случай, произошедший с дивизионным командиром Ф. Ф. Вернером (в рассказе он выведен под фамилией Гертнер). См.: *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 101.

[3] «Ты находишь, что Гольц несчастный пьяница, — писал Фет 25 октября в ответном письме. — Ну что ж, я очень рад. Лишь бы он был настоящий человек, а что он такое, это ты лучше меня знаешь» (*Письма к Борисову*. С. 148).

[4] За шашку, так и за место, тронута — сыграна. Поговорка, включенная в словарь Даля.

[5] Физик — одно из характерных слов сослуживца Фета и Борисова по кирасирскому полку Э. И. Гайли. «Неизвестно, почему плохой кавалерист был в глазах Эдуарда Ивановича физик. Это презрительное название давал Эдуард Иванович всякому неловкому и неуклюжему человеку» (*РГ*. С. 288).

[6] Борисов отсылает к эпизоду, где описана мучительная бессонная ночь Луизы после разговора с отцом: «Мысли ее бродили в каком-то безвыходном лабиринте. „Я люблю отца, — думала она, — и мешаю ему жить. Чувствую, что я всех люблю и желаю всем добра, а выходит, что все меня любят, а я только всем мешаю. Все это какая-то ложь. Отец, может быть, и прав, и мое беспричинное нерасположение к Гольцу, может быть, тоже ложь. Одно ясно и несомненно, если я не довольно люблю отца, если я, как он говорит, люблю только себя, то мне нельзя оставаться в этом доме. Кто знает, может быть, судьба действительно посылает Гольца спасти меня? <...> Вот оно, я чувствую, сердце мое разрывается“» (*Фет. ССиП*. Т. 3. С. 84).

[7] Это письмо Пети Борисова неизвестно.

---

* *Об Гравронском.*[13] — *Примеч. Борисова.*

[8] Намек на события во Франции, где 23 августа (4 сентября) 1870 г., вследствие поражения французских войск под Седаном, был низложен Наполеон III и объявлена республика.

[9] *Фейерверкер* — унтер-офицерский чин в артиллерийских частях русской армии. Такой чин имел управляющий Борисова, отставной солдат (см. примеч. 5 к письму 145). Откликаясь на эти строки, Фет писал 25 октября 1870 г. о своем управляющем: «Что касается до республики, то я сам на краю гибели — и вот-вот хочу произвести государственный переворот, ибо мой главный министр Дрябчук никак не хочет быть ответственным и играет роль министра без портфеля, что мне очень прискорбно» (*Письма к Борисову*. С. 148).

[10] Село *Башкатова* — местонахождение мирового судьи 2-го участка (см. примеч. 9 к письму 146).

[11] Перефразированная казачья песня «Ой, Рассея, ты Рассея, мать Российская земля...». В ответ Фет писал: «Хохотал над твоим милым письмом — в одиночку — это много! Кроме Мольера этого никто надо мной не доказывает, а я хохотал, воображая, как в понедельник православие разгоняет лошадей под кручу и орет: „Ты Расея, ты Расея! ты кабацкая земля!“, не подозревая даже, до какой степени объективна эта бессознательная песнь. Вот истинная поэзия» (*Письма к Борисову*. С. 148).

[12] Борисов полагал, что М. П. Фет вернулась домой с мужем, тогда как на самом деле она выехала из Москвы позже. В письме от 25 октября Фет сообщил: «М<арию> Петр<овну> еще захватишь, она выезжает 1-го ноября» (*Письма к Борисову*. С. 149).

[13] Имеется в виду П. Аф. Шеншин (см. примеч. 9 к письму 130).

148
Борисов — Фету
5 ноября 1870 г. Из Москвы в Степановку

5 ноябр. 70. Москва. Гост<иница> «Англия», № 10.

Если б я, друг мой, был таким нетерпеливкой, как ты, то, разумеется, не смог бы до сегодня вытерпеть, чтоб не писать к тебе. — Так вот твое милейшее письмо[1] меня и закурило!

Но, вот что позадержало — как только приехал и напился чайку с *твоим* письмом, так и понесло меня по всем мытарствам. Болен я и знаю уже это, *но*, надо чтобы и доктор это знал и, постукав, послушав, сказал бы мне — все это исполнили; хуже от этого не будет — как и лучше от микстур его, надеюсь, тоже не последует, *но* все-таки пью... На первых порах надо бы поскорей повидать многих, а то бы разъехались — Ванечка Н.[2] в Петерб<ург>, Тетя в Степановку, и Попку взял на суб<боту> и воскресенье. — Ну Генерал[3] назначил свидание генералье, для меня он суть эхо Москвы. И действительно, глядя на него, как-то я вижу Кремль, Терема, Правительст<вующий> Сенат, Синод

с Леонидом[4] — потом это новое земство московское, тут он всегда прихмурится: «У! сколько умов и трудов-трудов, у-у!». О Франции глубоко вздохнули. Ну да что толковать о вздоре — ты не любишь, а я в одиночку наслаждаться не желаю. — С Урусовым[5] виделся. — Он очень жалел, что не видал тебя в Москве. — Зимует он здесь, стало быть, успеете еще вместе спеть «Взвейся выше, понесися!»[6] или что-нибудь. — Я сам нетерпеливо жду его тоже, разумеется, по части военно-политической, а прочее — отнюдь![7] Каткова не видал еще. — Он изнемогает над немцами.[8] Мне его жаль, и я непременно ему скажу, что напрасно он убивается — *кто ж* этого не видит — а нельзя забывать, что коварный друг, *но* сердцу милый[9] есть такая любовница, от которой никакой корень, ни заговор не отворожат. Леонтьева[10] видаю часто, *но* он теперь *весь суть Лицей*. Там и живет. Что это за *необыкновеннейший* человек. Лицей я нашел за это время много изменившимся, т. е. непонятно даже, когда это он успел понатаскать камней в фундамент и выше поднять, и все это так смотрит прочно и стройно — *добыл* людей еще новых — и все они, как и он, работают как в муравейнике целый день. — Жизнь кипит, кипит.

Извини, душа, тут, я думаю, и твоя деятельность спасовала бы. — Как, и минуты нет полежать животу на диване! Веришь ли, что мне после Новоселок просто не под силу в Москве, как было пришлось в первые дни. — Изнемог, и грудь разболелась опять страшно.

Ив<ан> Серг<еевич> перебрался в Лондон, не высидел и в Бадене один;[11] куда ж бы ему в Понырах или в Удереве![12] Как, помнишь, налаживали на пари — на 1 мил<лион>. Можно с ним. В январе будет в Москве и деревне.[13] Твой злостный, но справедливый приговор об «Лире» читал и хохотал. — Дьячок-то с паникадилом умора; но зачем ты видишь тут ходули в Шекспиры. Этого, друг мой, нет, и даже тени таких претензий.[14] Так мне не показалось, *слушая* его,[15] а прочесть самому еще не удалось.

Попка начал греческие уроки. Здоровье его меня не беспокоит, хотя и не вижу еще его таким, как бы желалось. *Но*. Ах, Дядя и Тетя, как его *рисованье* вопреки заброшенности и редким урывкам растет и растет — у меня последний его рисунок *вид* такой, что ахнешь и задумаешься, не это ли его *дело*. Конечно, если это так, то пробьется струя, сама собой, как вот до сих пор.[16]

Что ж ты у *Орбека*-то, купил ли? Куклеотборник[17] и сортировку. Какая прелесть — чудо! да, ты хотел зерносушилку — ну этого-то слона, брат, я и позабыл посмотреть, да, впрочем, не виноват — я болен, болен и болен, а погода гадость, беспрерывный дождь — сырость ядовитая. Как тут и быть здоровым. Воображаю, как тебя-то бесит эта погодка. Ну что Дрибчук![18] Вспомни N<apoléon> III, он погиб от перемены ми-

нистров. Ведь тебе опасно достать себе и Бисмарка самого, продаст во Египет.[19]

Целуй за меня ручки Тети, надеюсь, она благополучно добралась[20] и по железн<одорожному> и водяному сообщению. Крепко тебя обнимаю.

Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 208—209 об.

[1] Имеется в виду письмо от 25 октября 1870 г., которое Фет, из опасения не застать Борисова в Новоселках, адресовал в Москву, в гостиницу «Англия» (в публикации ошибочное прочтение «Аннино»: *Письма к Борисову*. С. 148—149; ср.: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 30. Л. 64).

[2] И. П. Новосильцов (см. примеч. 3 к письму 134).

[3] *Генерал* — прозвище С. М. Сухотина (см. примеч. 7 к письму 81: наст. публ. Ч. 3. С. 460).

[4] *Леонид* (Лев Васильевич Краснопевков; 1817—1876), в 1859—1876 гг. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии.

[5] См. примеч. 7 к письму 143.

[6] Цитата из песни: «Взвейся выше, понесися, / Белогрудый голубок! / На том месте опустися, / Где мой миленький дружок» (1793) (Песни и романсы русских поэтов / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. 2-е изд. М.; Л., 1965. С. 198 (Б-ка поэта. Большая серия)).

[7] Борисов не разделял славянофильские взгляды С. С. Урусова.

[8] М. Н. Катков был озабочен катастрофическим для Франции ходом франко-прусской войны.

[9] «Коварный друг, но сердцу милый» — романс М. А. Офросимова (1797—1868).

[10] См. примеч. 4 к письму 124.

[11] Борисов пересказывает содержание письма И. С. Тургенева от 16 (28) октября 1870 г., в котором писатель сообщал о своих планах: «Через неделю я переезжаю в Лондон, где уже находится всё семейство Виардо. Война разорила и г-жу Виардо: она принуждена для необходимого пополнения доходов зарабатывать деньги даванием уроков и пением в концертах; а деньги в теперешнее время можно добывать только в Англии. <...> Зима в Лондоне — невеселое дело — но всё же лучше совершенного баденского одиночества» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 252—253).

[12] *Поныры* — село Курской губернии Фатежского уезда, расположенное на границе с Орловской губерний, при ручье Поныре и реке Снове; в 1868 г. рядом была открыта одноименная станция Московско-Курской железной дороги. *Удерев* (Удерева) — деревня в восьми вестах от Малоархангельска.

[13] «С начала января я в Петербурге, а в конце января в деревне, — писал Тургенев Борисову 16 (28) октября 1870 г. — С Вами я, вероятно, повидаюсь в Москве. Так как Вы мне пишете, что около 20-го окт<ября> отправляетесь в Москву — то и это письмо я уже отправляю туда на имя моего брата» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 253).

Рисунок Пети Борисова. 1868 г.

[14] Речь идет о новой повести И. С. Тургенева «Степной король Лир» (*ВЕ*. 1870. № 10), по поводу которой Фет писал 25 октября 1870 г.: «Что касается до „Короля Лира“, то увы! все тут хорошо и верно, только нет соку — поэзии нет. <...> Точно философско-эстетическая критика на „Лира“ Шекспира, дескать, вот это что значит — вы поймите, дураки! / На это я свирепеть не стану. Я раздираюсь, когда Ив<ан> Сер<геевич> норовит из-под кадыка кагадыкать. <...> А тут он просто рассказал — но не вышло, хотя и здесь он нарядился в *ноги* стропил, шелевку и конек крыши и заставил дьячка раздувать *паникадило*, простое кадило ему в Бадене показалось малым» (*Письма к Борисову*. С. 148). Иронию Фета вызвала фраза из «Степного короля Лира», где Тургенев перепутал *кадило* (ручную курильницу) с *паникадилом* (большой светильник со множеством свечей, свисающий из купола в центральной части храма): «Священник облачился в старую, еле живую ризу; еле живой дьячок вышел из кухни, с трудом раздувая ладан в старом медном паникадиле» (*Тургенев. Соч.* Т. 8. С. 185).

[15] Тургенев переработал «Степного короля Лира» в начале июня 1870 г. в Спасском, о чем сообщил в письме к П. Виардо от 8 июня (*Тургенев. Письма.* Т. 10. С. 334). В тот же день, 8 июня, он побывал у Борисова в Новоселках, а 15 и, вероятно, 23 июня Борисов сам навестил писателя в Спасском. Видимо, в один из этих дней Тургенев прочел Борисову свою новую повесть.

[16] В немногих сохранившихся письмах к сыну Борисов всячески побуждает Петю развивать свой дар. Так, 19 сентября 1870 г. после вопроса, нет ли в программе 3-го класса черчения или рисования, он пишет: «А твоего *вольного* рисования, не-

обязательного, не покидай, голубчик, чтобы всегда у тебя был карандаш № 1. — Купи хоть на мой счет и бумаги тоже, и рисуй, что вздумается. Не давай погаснуть той искорке, которая с самого детства твоего у тебя виднеется. — Только берегись завитушек и выдумок французск<их>, и Адам **(**вероятно, Альбрехт Адам (1786—1862), немецкий художник. — *И. К.***)**, и Доре не образцы. *Правда* **(**в подлиннике подчеркнуто двумя чертами. — *И. К.*), видно, во всем единственная непогрешимая школа» (*ИРЛИ*. № 20324. Л. 8 об.). В письме от 19 сентября 1870 г. он вновь напоминает Пете о рисунках, о том же пишет и 29 сентября: «Вот, друг мой Петя, когда бы ты почаще брался за карандаш, то не знал бы слова скука, и рисованье доставляло бы тебе много удовольствия и мне бы это еще прибавило — смотрел бы на твои произведения» (Там же. Л. 14—14 об.).

[17] *Орбек* Николай (р. ок. 1831 г.), французский подданный, купец 2-й гильдии (Справочная книга о лицах, получивших на 1871 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1871. С. 215). Фирма «Орбек и К°» торговала сельскохозяйственной техникой, в том числе куклеотборными машинами, отделяющими «куколь и всякие круглые зерна, песок и прочее, примешанное к пшенице, овсу и другим зерновым хлебам», на углу Газетного переулка и Большой Дмитровки, а также на Остоженке (*МВед*. 1870. 25 ноября. № 253. С. 4). *Куколь* — травянистое сорное растение семейства гвоздичных с ядовитыми семенами.

[18] Дрибчук (Дрябчук) — управляющий Фета (см. примеч. 8 к письму 147).

[19] Намек на Иосифа, сына библейского праотца Иакова, проданного в Египет своими братьями.

[20] См. примеч. 11 к письму 147.

149
Борисов — Фету
6 декабря 1870 г. Из Москвы в Степановку

6 дек. 70. Москва, Тверск<ая>, д. Гудовича, №№ Руднева.

Только что проводил Попку в Лицей, так и засаживаюсь с тобой толковать, милый старый дружище — часто мне думается, ну как-то у вас в Степановке прошли вот эти дни. Что Тетя, что ты. Вам все это после будет памятно долго.[1] Дня три уже здесь Л. Н. Т<олстой>,[2] я видаю его так, на лету, на минутки. «Как только я узнал, что у них, то хотел ехать в Степановку. — Я понимал, каково должно было быть Фету», — вот его слова о тебе.[3] — Да и ты должен был перегорать с Тетей. Здесь Лев Ник<олаевич> едва ли помог делу — т. е. вразумил свою сестру.[4] Он привез Захарьина,[5] который нашел, что молодой невесте не на одну, а *на две* зимы в теплые края, а иначе — чахотка. Теперь, вероятно, произойдет то, чего ни один доктор не советов<ал>, т. е. больную девушку отдадут *поскорей* замуж, и пусть как знают с мужем греются — потому что тому и помышлять о теплых зимах не на что.[6] — Что, разумеется, и без Захарьина было известно.

Дочь графини М. Н. Толстой Е. В. Толстая.
Фотография конца 1860-х гг.

То ли дело вот я, например, — до тонкости ведь докашлялся, а уверен твердо, что или опять мало-помалу отдыхаю, или умру *без* докторов. То-то жизнь и опытность, а у меня есть и свидетель, ты, что — год почти я лечился и у Оверова[7] и ни черта, а Симон[8] спас, и я без рассуждений — глотаю крупинки. Пусть кому смешно — смейся, а ведь лихорадка-то слабеет, я это замечаю дня три, может и отобьюсь от нее — а это главный враг. Но довольно об этом.

Я не успел, кажется, тебе написать, что есть объявления о «Беседе», так называется журнал Юрьева.[9] Его программа меня немного удивила: что-то славянофильское, аксаковщина — а ты и Толстой сотрудники.[10] Подождем. Благодаря *думск<ого> адреса*[11] цензура уже зашипела и вот из 12-ой книж<ки> бартен<евского> «Архива» почти все не про-

пустили, а в П<етер>б<урге> № дек<абрьского> «Вестн<ика> Европы» заарестовали.[12] Ну там, положим, не надо было очень придираться — если коммунизм у нас не узаконен.

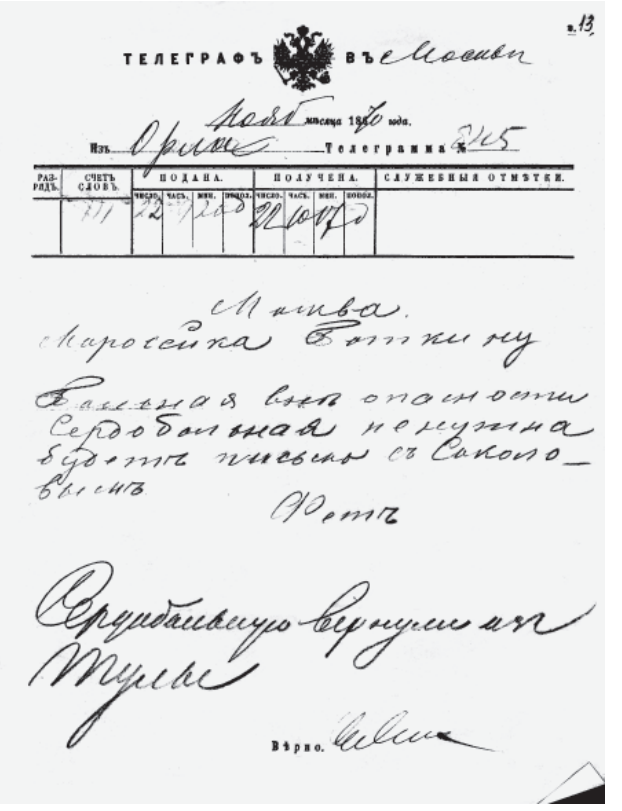
Попка мой опять закашлял, и доктор назначил лекарство. Ночью мы с ним точно кузнецы ковали взапуски: ках-ках; ках-ках, кахи-кахи-ках! — Но опасного, по словам доктора, в его груди нет. — Ну! кажется, вся Орловск<ая> г<уберния> сюда переехала. — *Даже* Нат<алию> Никитич<ну> видел.[13] Сейчас заходил ко мне родствен<ник> одного мальчика из Лицея. — И узнаю, что между некоторыми *родителями* лицейских детей идут толки благодарить Катк<ова> и Леонтьева за то, что в эти два-три года сделали для заведения, что они честно исполняют то, что обещали этим заведением для наших детей, что мы видим и вполне сознаем, какие одолели трудности и сколько еще впереди ожидает. Желаем, чтобы это заведение они довели до его полной самосостоятел<ьной> жизни, а как наши желания выразил<ись> бы и существенной помощью, то приносим посильную лепту на *устройство* или *покупку* дома.

Вот тут-то вся и пойдет действительная по<д>мога, на постройку дома надо тысяч 200, а у Лицея их всех, кажется, 20 или 30. — Надеются собрать тысяч 80.[14] Если это удастся, то Ура! закричу. Не можешь себе представить, как болезнь Леонтьева *всех* пугнула — а я думал, что только я струсил.

Теперь хотят собирать только с *родителей*, а может, когда узнают, что мы свидетельствуем об этом заведении, быть может, *единственном*, *в котором удержится университетс<кое> образование*, потому что в университетах, гимназиях опять пошла революция против ученья. Может, и общество поддержит и поможет с своей стороны скорей обеспечить *существование*.

Самое главное тут важно то, что сознание о ПОЛЬЗЕ Лицея и весь этот план поднимается такими людьми, которые далеко не поклонники Леонтьева или Каткова, а подействовали на них, как я узнал из расспросов, — отзывы о заведении директоров москов<ских> гимназий и вообще педагогов, которые уже многое позаимствовали себе. Конечно, если благополучно все состоится, то Павлу Михайло<вичу> это будет выше Андрея Первозванного с алмазами — он и стоит. Рассчитываю, что письмо недолго <будет> мерзнуть в Змеевке — Шмаров[15] говорил, что снегу навалило на ½ аршина у нас. От Павла Петр<овича>[16] узнал, что здесь *все* живы и здравы. Обнимаю обоих вас за нас обоих. Выздоравливайте оба.

И. Борисов.



ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ Москвѣ

Ноябрь мѣсяца 1870 года.

Изъ Орла Телеграмма № 245

РАЗРЯДЪ.	СЧЕТЪ СЛОВЪ.	ПОДАНА.				ПОЛУЧЕНА.				СЛУЖЕБНЫЯ ОТМѢТКИ.
		ЧИСЛО.	ЧАСЪ.	МИН.	ПОДОЛ.	ЧИСЛО.	ЧАСЪ.	МИН.	ПОДОЛ.	
	111	22	7	20	д	22	10	07	д	

Москва.
Марсейка Боткину
Больная внѣ опасности
Сердобольная ненужна
будетъ письмо съ Соколо-
вымъ
Фетъ

Сердобольную вернули изъ
Тулы

Вѣрно.

Телеграмма Фета на имя Петра П. Боткина от 22 ноября 1870 г.

На конверте: <На Орло>вско-Курской <жел. дороге,>
на станцию *Змеевку*.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 8 дек<абря> 1870; Моск<овское> централ<ьное> отделен<ие>, 1870, 8 дек<абря>; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой и частью адреса.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 210—211 об.; конверт — л. 212.

[1] Борисов имеет в виду тяжелую болезнь М. П. Фет, которая едва не свела ее в могилу. 10 октября 1870 г. Боткины поминали брата Василия Петровича; жена Фета была по такому случаю в Москве и там простудилась, вследствие чего у нее развился плеврит. Болезнь проявила себя не сразу. В начале ноября Марья Пет-

ровна благополучно вернулась в Степановку и некоторое время чувствовала себя хорошо, а затем внезапно слегла. Местные врачи оказались бессильны, лишь спешно привезенный Фетом московский медик назначил лечение, которое ее спасло. Острая фаза болезни длилась около недели: Фет вспоминал, что обнаружил жену в постели после возвращения с мирового съезда, то есть 13 ноября (*МВ*. Ч. 2. С. 220), а 22 ноября телеграмма, поданная от его имени из Орла, известила Боткиных, что больная вне опасности (*ОПИ ГИМ*. Ф. 122. № 305. Л. 13).

Не называя имени московского доктора, Фет сообщает, что тот служил в клиниках на Рождественке и проживал на 1-й Мещанской (*МВ*. Ч. 2. С. 221). Это указывает на Николая Федоровича Гагмана (1840—1913), который тогда только начинал свою карьеру. Окончив медицинский факультет Московского университета в 1862 г., он имел звание лекаря и был внештатным ординатором в детском отделении факультетской клиники (Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год. М., 1869. Ч. 1. С. 174). Н. Ф. Гагман считается одним из основоположников отечественной ортопедии; кроме того, он известен как врач, лечивший семью А. Н. Островского.

[2] Л. Н. Толстой был в Москве с 3 декабря, вернулся в Ясную Поляну 7 декабря 1870 г. (*Толстой. Летопись (1828—1890)*. С. 376).

[3] 25 ноября 1870 г. Толстой писал князю С. С. Урусову: «Фет приезжал в Москву за доктором: у него умирала жена. Не слыхали, что с ней? Я ужасно жалею его, это было бы для него большое несчастие» (*Толстой*. Т. 61. С. 242). Узнав на следующий день из письма Фета об улучшении состояния больной, Толстой тут же откликнулся следующими строками: «Сейчас получил ваше и печальное, но более радостное для нас письмо. Мы от Кузминского знали о болезни Марьи Петровны, и оба с женою беспрестанно ахали и мучились беспокойством о вас. Получив ваше письмо, я сейчас же решил ехать к вам и теперь бы сбирался на желез<ную> дор<огу>, если бы не Урусов, которого я вызвал к себе для поездки в Оптину пустынь и который может приехать завтра. Если он не приедет или после нашей поездки я непременно приеду к вам. Благодарю вас, что вы мне так написали. Я всё понял, что вы мне писали, и много того, что вы не писали. Я знаю вас и Марью Петровну и потому понимаю, что такое для вас угроза разлуки с нею» (Там же. С. 243).

[4] См. примеч. 10 к письму 124.

[5] *Захарьин* Григорий Антонович (1829—1897), знаменитый врач-терапевт, основатель московской клинической школы. С 1862 г. профессор по кафедре диагностики Московского университета, затем директор факультетской терапевтической клиники.

[6] Толстой приезжал по просьбе своей племянницы, Елизаветы Валерьяновны Толстой (1852—1935), помолвленной с князем Леонидом Дмитриевичем Оболенским (1844—1888). Жених предлагал венчаться в январе 1871 г., на что не соглашалась мать невесты. М. Н. Толстая считала, что из-за слабого здоровья дочери необходимо провести зиму за границей; она показала девушку известному врачу Черинову, и тот заявил, что ей замуж выходить нельзя, так как рождение ребенка грозит ей смертью (*Оболенская Е. В.* Моя мать и Лев Николаевич // Л. Н. Толстой / Гос. лит. музей. М., 1938. <Т. 1>. С. 282 (Летописи Государственного литературного музея; Кн. 12)). Расстроенный жених уехал из Москвы, а невеста написала Толстому, умоляя его вмешаться. По приезде Толстого было решено показать Лизу еще и Захарьину и окончательно остановиться на том, что он скажет. Заключение Захарьина, судя по воспоминаниям Оболенской, вовсе не было столь категорич-

С. А. Юрьев

ным, как об этом пишет Борисов (Там же). Дело кончилось тем, что за границу Лиза Толстая не поехала, у жениха не было на это средств. Свадьба произошла 18 января 1871 г. в Москве.

[7] Имеется в виду *Овер* Александр Иванович (1804—1864), врач, заслуженный профессор терапевтической клиники и директор терапевтического отделения факультетской клиники Московского университета.

[8] *Симон* Александр Андреевич (ум. 1863), провизор Мценской вольной аптеки, лечил гомеопатическими средствами.

[9] «Беседа» — журнал ученый, литературный и политический, орган славянофильского направления. Выходил в Москве в 1871—1872 гг. ежемесячно под редакцией С. А. Юрьева и при финансовой поддержке А. И. Кошелева. *Юрьев* Сергей Андреевич (1821—1888), переводчик, с 1878 г. председатель Общества любителей российской словесности, с 1880 г. редактор журнала «Русская мысль».

[10] История неудавшегося сотрудничества Фета с «Беседой» сводится к следующему. С будущим редактором-издателем этого журнала, С. А. Юрьевым, Фет познакомился во время пребывания в Ясной Поляне в октябре 1870 г., о чем впоследствии сообщил Борисову: «В Ясной провел 2 прекраснейших дня в обществе Толстого, его жены, Урусова Сер<гея> Сем<еновича> и одного Юрьева, которому обещал рассказ о зайце» (*Письма к Борисову*. С. 148). Сохранившееся письмо Фета к Юрьеву содержит некоторые подробности, касающиеся дальнейшей судьбы «Зайца». Фет писал: «С удовольствием получил объявления о „Беседе“ и уже заручился некоторыми подписчиками. У Толстого я наполовину сократил „Зайца“ и потому полагаю за него 50 рублей. / Буду до 1 января ждать Вашего согласия на его напечатанье в Вашей „Беседе“, а затем сочту себя вправе распорядиться рассказом, как для Вас неподходящим» (*РГАЛИ*. Ф. 636. Оп. 1. № 505. Л. 1—1 об.). Письмо не датировано. Когда именно Фет сократил «Зайца», во время октябрьского пребывания в Ясной Поляне или позже, в декабре, неизвестно. Рассказ Фета вышел в детском журнале «Семейные вечера» (1871. № 8) под заглавием «Первый заяц» и с посвящением «Маленькому приятелю графу С. Л. Толстому». Можно предположить, что, получив отказ Юрьева, Фет обратился в «Зарю», где его охотно печатали, а издатель «Зари», В. В. Кашпирев, отдал рассказ в «Семейные вечера», которые редактировала его жена, София Сергеевна Кашпирева.

[11] 3 ноября 1870 г. была обнародована декларация А. М. Горчакова о расторжении 14-й статьи Парижского трактата 1856 г., ограничивавшей права России на Черном море. В связи с этим событием Московская городская дума составила на имя Александра II адрес, который, приветствуя декларацию, содержал пожелание, чтобы правительство довершило свои «благие начинания», даровав «простор мнению и печатному слову», «свободу церковную» и свободу совести. 18 ноября адрес был отправлен в Петербург, но не был принят, так как в нем были усмотрены «стремления конституционные и революционные» (*Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1929. Вып. 2. С. 207—219).

[12] Ср. с записью А. В. Никитенко от 3 декабря 1871 г.: «Три журнала задержаны цензурою: „Вестник Европы“, „Русский архив“ и „Отечественные записки“» (*Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Л., 1956. Т. 3. С. 189—190).

[13] Имеется в виду Наталия Никитична Шеншина, сестра зятя Фета А. Н. Шеншина.

[14] Этот план не был осуществлен, родители лицеистов ограничились благодарственным письмом в адрес Каткова и Леонтьева (см. письмо 152). Новое здание, спроектированное специально для Лицея, было построено на Остоженке в 1874—1875 гг. на средства, выделенные из казны.

[15] О братьях Шмаровых, содержавших постоялые дворы в Мценске и в Москве, Фет рассказал в статье «Из деревни» (1863). См. примеч. 8 к письму 52: наст. публ. Ч. 2. С. 270. Мценский брат, Иван Степанович Шмаров, умер в 1865 г., имя оставшегося брата неизвестно.

[16] Имеется в виду Павел Петрович Боткин (1827—1885), брат М. П. Фет, проживавший попеременно в обеих столицах. Был известен как страстный любитель оперы и балета.

150
Борисов — Фетам
20 декабря 1870 г. Из Москвы в Степановку

20 дек. 70. *Москва*, Тверск<ая>, д. *Голяшкина*,
в меблир<ованных> №№. *111* №.

Пишу еще из дома Гудовича и завтра уже переношусь в вышеписанный дом Голяшкина, это два шага и того же хозяина. Дело в том, друг мой, что я два месяца тому поселился в этой коридорной комнатке в надежде через день-два перейти в другой №, занятый М. Н. Толстой, в чем она сама меня уверила. — Но вот до сих пор эта особа не поднялась и дочерей своих, ради которых будто всем жертвует, держит здесь — тогда как одной из них, по совету Захарьина, надо теплых *две* зимы;[1] но что об этом толковать — только желчи возмущение. — Как часто Господь творит благо детям, переселяя заранее в рай их родителей. — Но она туда не хочет. А с Попкой здесь мне невозможно, негде повернуться и постель поставить — диван же такой, что даже я никак не приладился — только бы на Дарку[2] годился. Все почти уложено, и завтра пойдем с лестницы на лестницу — вот казнь-то!!!

Только вздохнув на этой страничке, уже бью челом оземь за твое размилейшее письмо[3] — так оно меня чуть не на десяток лет омолодило. Да, да, милый, спасибо, в особенности за вести о Тете. Но кто же Вам это позволил, во-1-х, подниматься с постели и даже прохаживаться, а главное, это куриная котлета. — Ох, Тетя, не спешите, голубочка, *не просите* ничего, что воспрещено, у Афони — ведь Вы его знаете! Вот если б я с Вами был, то повоевал бы, и как назначено доктором, то свято по присяге! Ты так вкусно описал, Афоня, что мне вот вечером, читая, как будто захотелось куриной и порто,[4] а ведь все это только мираж, наваждение. Захарьина мне не нужно, тоже и Погожева,[5] потому что уже всё ЗНАЕМ, ЗНАЕМ! А ведь мне как будто и получше становится — должно быть, поворот-то на козерога подходит, т. е. к теплу ближе. Я потому так в нынешнем году оплош<ал>, что у меня ведь не было *отдыха* в прошлый год. Весна, лето, осень шли одна другой хуже. Что ж делать, надеюсь, на этот год не будет таких передряг, какими прошлый меня застукивал. Болезни у меня ведь нет, кроме 46 лет и застарелых *каттар* во всем. Грудь *цела*; но надо быть осторожным и жить по струнке, пока опять *ТЕПЛОМ да воздухом* не укреплюсь. — Даже печень, всегдашний мой лазарет, — в отличном здравии. Теперь я отдыхаю и от крупинок. Советовали хоть по 10 шагов — всяк<ий> день ходить на воздухе. Но только не простудись! Курсель значит — дотоле доколе. Но довольно о болезнях, ведь до света наслушались те-

перь. Скажи мне, пожалуйс<та>, Афоня, ты не шутя мне написал о греческих чтениях Л. Н. Толст<ого>,[6] т. е. на греческом языке значит? — Если он на нем, то и знаков удивле<ния> нет. Не понимаю. — А что он умница, об этом уж все дураки знают, жаль только, что на солнце бывают такие затмен<ия>, что собаки лают и петухи кричат не вовремя, да и мы, разумные люди, приходим как бы в тупик.

Шопенгаура[a] вашего я совсем не знаю, лишь что ты мне об нем толковал понимаю, но больше мой слабый желудок не варит. Милый! первый и третий куплеты в «После бури» прелесть, но второй не оставля<й> таким.[7] Нельзя. Может, я тебе это потому говорю, что на днях, сидя в Лицее и поджидая Петю, вижу по лестнице поднимается несколько поднятая назад седая голова[b] — и что-то ищет перед собой. — Человек весь некрупный, на узенькой сюртучок наброш<ен> плед. — Как будто что знакомое, это Федор Ив<анович> Тютчев[8] — которому я столько лет уже желал поклониться. Он очень стар. Приезжал в Москву схоронить своего брата, умершего в стенах Англий<ского> клуба.[9] — Второе стихотворение мне по душе все,[10] ну а третье-то не уленись.[11] Ты совершенно справедливо уразумел о «Русск<ом> вестн<ике>». — Когда и заниматься им, доволен ли последними статья<ми> «Моск<овских> вед<омостей>». А Катков все спит, т. е. и на ногах. — Вот удивительно, Юпитер спит, а гром так и гремит. Прочти, прочти передо<вые> статьи. — Что-то еще уродит съезд сельских хозяев. — Сегодня громадный обед. — Наеха<ло> пропасть — Москва шумит. Все землев<л>адель<цы> со всей России.[12] А хороша наша Мценская почтовая контора — туда пришло на мое имя письмо для *передачи Алексею Агапову*. Они надписывают *буквально* верно: в Москву, на Тверской, в меблированных нумерах, в доме *бывшего* графа Гудовича. СМЕХ и только, да посылай опять туда. Любопытны<й> в № 11 «Р<усского> в<естника>» разбор двух сочинений о Византии и Риме. Вот так сочинители Иконников, а другой Мухортый,[13] кажется. Будьте здоровы, милые. Пора нам поправляться.

Ваш И. Борисов.

Приписка на левом поле первой страницы письма:

Пожалуй, пора поздравлять вас с праздником. — Эх, не могу вам пропеть, как волки[14] со звездой путешеств<уют>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 44—45 об.

[a] *Так в подлиннике*.

[b] *В подлиннике описка*: говола

[1] См. примеч. 6 к письму 149. М. Н. Толстая имела двух дочерей, Елизавету и Варвару (1850—1921).

[2] *Дарка* (Дар) — охотничья собака Борисова.

[3] Это письмо Фета неизвестно.

[4] *Порто* — портвейн из Португалии (по названию города Порто).

[5] *Погожев* Павел Иванович (р. 1835), доктор медицины, известный московский врач.

[6] 9 декабря 1870 г. С. А. Толстая записала в своем дневнике: «В настоящую минуту Л. сидит с семинаристом в гостиной и берет первый урок греческого языка. Ему вдруг пришла мысль учиться по-гречески» (Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1890 / Ред. С. Л. Толстого. М., 1928. С. 33). Фет мог узнать об этом увлечении от самого Толстого: в середине декабря, после мирового съезда, он собирался побывать в Ясной Поляне (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 407) и, вероятно, осуществил свое намерение.

[7] Ранняя редакция стихотворения «После бури» («Пронеслась гроза седая...») была послана Фетом Толстому (письмо не сохранилось). В ответном письме, от 1 декабря 1870 г., Толстой писал: «...последняя строфа, прекрасная по мысли, не готова. *Утлый челн* и *паруса* несогласно. Я уверен, что вы уже перелили эту строфу» (*Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 407). Под влиянием отзыва Толстого Фет действительно переработал стихотворение, не только изменив отмеченную им строку, но и поменяв местами вторую и третью строфы. В таком виде стихотворение было опубликовано в журнале «Заря» (1871. № 2; см.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 24, 334—337). Редакция, отправленная Борисову, неизвестна. Как установила Н. П. Генералова, стихотворение связано с событиями, пережитыми Фетом во второй половине ноября, когда его жена едва не умерла от плеврита (Там же. С. 336). Перелом в течении болезни М. П. Фет произошел 21 ноября (см. примеч. 1 к письму 149), что позволяет датировать стихотворение периодом между 21 ноября и 1 декабря 1870 г.

[8] В письме от 8 октября 1870 г. Ф. И. Тютчев ходатайствовал перед Леонтьевым о принятии в Лицей сына покойного друга, которому нужно хорошее образование, «а где же в целой России — могу я надеяться, дадут ему таковое, как не в вашем замечательном заведении?» (*Перевалова Е. В.* Лицей цесаревича Николая (1868—1917) — образцовое учебное заведение нового типа // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер.: История и политология. 2014. № 2. С. 60, 67).

[9] *Тютчев* Николай Иванович (1801—1870), отставной полковник Генерального штаба, скончался 8 декабря 1870 г. в Москве. На его смерть Ф. И. Тютчев откликнулся стихотворением «Брат, столько лет сопутствующий мне...», написанным 11 декабря по пути из Москвы, куда поэт ездил на похороны.

[10] В 1871 г. в журнале «Заря» были напечатаны три стихотворения Фета: в январской книжке — «Горячий ключ» («Помнишь тот горячий ключ...»), в февральской — «После бури» и в мартовской — «Бесцельно, бесполезно и напрасно...». Автографы этих стихотворений находятся в так называемой *Тетради 2* (*ИРЛИ*), причем записаны они в следующем порядке: «После бури» (Л. 76), «Бесцельно, бесполезно и напрасно...» (Л. 77), «Горячий ключ» (Л. 78—78 об.) (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 335, 293, 379). Судя по положению в тетради, вторым по времени написания было стихотворение «Бесцельно, бесполезно и напрасно...» (в окончательной редакции, опубликованной в 1883 г. в первом выпуске «Вечерних огней» — «Томительно-призывно и напрасно...»). По всей вероятности, именно это стихотворение Фет послал Борисову в данном письме вместе с более ранним «После бури».

Безцѣльно, безполезно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ.
Восторгъ любви будилъ онъ самовластно,
Но полночи мірской не одолѣлъ.

—

Пускай клянутъ, смущаясь и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной.
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Разутою, не тонущей ногой.

—

Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную,
Его огонь со мною не умретъ,
И кто любилъ, хоть искру золотую
Въ моемъ гробу остынувшемъ найдетъ.

А. ФЕТЪ.

Ранняя редакция стихотворения Фета
«Томительно-призывно и напрасно...»
(Заря. 1871. № 3)

[11] Смысл этих слов Борисова не совсем ясен. Возможно, это напоминание Фету о его обещании прислать в следующий раз третье стихотворение, каким мог быть «Горячий ключ», а возможно, — всего лишь пожелание, чтобы Фет это третье стихотворение написал.

[12] 20 декабря 1870 г. в Москве проходило празднование 50-летнего юбилея Императорского Московского общества сельского хозяйства. В зале Благородного собрания состоялось торжественное заседание Общества под председательством И. Н. Шатилова. На следующий день, 21 декабря, открылся Съезд сельских хозяев (*МВед*. 1870. 22 декабря. № 276. С. 2—3).

[13] В обзоре В. Н. Вильбасова «Рим и Византия в трудах двух киевских историков» (*РВ*. 1870. № 11. С. 273—308) разбираются сочинения В. Иконникова и М. Драгоманова.

[14] Имеются в виду волхвы.

151
Борисовы — Фетам
25—26 декабря 1870 г. Из Москвы в Степановку

Рукой П. И. Борисова:

25 декабря 70 г. Москва.

Милые Дядя и Тетя!

Крепко обнимаю и целую вас и поздравляю и с Рождеством, и с Новым годом, и с выздоровлением милой Тетечки.[1] Как вы поживаете, а я уже два дня дома. С 1-го ноября я начал греческий язык и прошел до числительных, а с 7-го января начну геометрию и историю. Арифметику почти что кончил. У меня пред Рождеством было три экзамена. Еще раз целую и обнимаю вас крепко и желаю Тетечке поскорей выздоравливать.

Любящий вас племянник.

П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

26 дек. 70.

Попкино писанье уже сутки пролежало в ожидании меня, а я, друг мой Афоня, вчерашний день с утра попал в самое страдательное, потому что ночь с 12 часов под Рождество пришло<сь> не спать. — В 12 часов разбудил меня кучер Ив<ана> П<етровича> Новосильц<ова>[2] проездом из П<етер>бурга в деревню, чтобы вручить *письмо*. А ночь без сна мне гибель, только сон и есть моя настоящая пища. — А к обедне все-таки сходили, потом к нам кое-кто заходили, и до вечера прошло в тарабара. Несколько дней перед этим заходил ко мне Урусов. — Он, бедный, уже с неделю захандрил и теперь уехал в деревню к Троице.[3] За греческий язык Толстого он ручается! и говорит: Пусть, пусть Фет выдел<ывает> уже пергамент[4] — скажите ему, что жена (Урусова)[5] в один год выучилась и читает уже по-гречески, а на Толст<ого> он может более положиться.

Звали нас на 1-й день к Петру Петр<овичу> в Лоно,[6] но куда! И Попка-то кашляет как козел всю ночь, и я мокротелью как верблюд блюю. Тьфу. Праздникам праздник меня отодвинет назад, я это чувствую впредь — Попка киснет. Слава Богу, хоть из деревни и от Осмолов<ского>[7] получил *толково-успокоител<ьное>*, а не «все благополучно».

А знаешь ли, что я дочитался наконец над двумя твоими стихотворени<ями> до уразумения — только так их выпускать — *нельзя*. Они прелесть, а *тьма*.[8]

Тетю, тебя обнимаю. Говорят, у Шевалдышева[9] появилась г-жа Масоловская из ваших сторон. Я рад, что я-то в стороне.

И. Борисов.

На конверте: Афанасию Афанасьевичу
ФЕТУ.
<Пр>и сем сода прилагается.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 55—56 об.; конверт — л. V (небольшой фрагмент конверта с текстом утрачен).

[1] О болезни М. П. Фет см. примеч. 1 к письму 149.

[2] См. примеч. 3 к письму 134.

[3] Имение С. С. Урусова (см. примеч. 7 к письму 143) находилось при селе Спас-Торбеево близ Троице-Сергиевой лавры.

[4] Речь идет о шуточном обещании Фета, о котором упоминается в письме Л. Н. Толстого, написанном, видимо, в конце декабря (авторская дата отсутствует, Фет при публикации датировал его декабрем 1870 г. (*МВ*. Ч. 2. С. 225), С. А. Розанова — 1—6 января 1871 г.). Толстой писал: «...с утра до ночи учусь по-гречески. <...> И, судя по сведеньям, дошедшим до меня от Борисова, ваша кожа, отдаваемая на пергамент для моего диплома греческого, — находится в опасности. Невероятно и ни на что не похоже, но я прочел Ксенофонта и теперь à livre ouvert (без словаря — *франц.*) читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 408).

[5] Князь С. С. Урусов был женат на Татьяне Афанасьевне Нестеровой (1829—1881).

[6] Лоно — родовое гнездо Боткиных, усадьба в Петроверигском переулке (близ Маросейки). В 1863 г. перешла в единоличное владение Петра П. Боткина.

[7] *Осмоловский* — управляющий Клейменовым, имением подопечной Борисова, малолетней Оли Шеншиной. После увольнения «фейерверкера» (см. письмо 147) Борисов, видимо, поручил Осмоловскому в свое отсутствие управлять и Новоселками.

[8] См. примеч. 7 и 10 к письму 150.

[9] Известная гостиница на Тверской.

152
Борисов — Фету
8 января 1871 г. Из Москвы в Степановку

Пятница, 8 янв. 71. Москва. Тверск<ая>, д. Голяшкина, № 111.

Тринадцать лет сегодня, как была наша свадьба.[1] Помнишь ли этот день? Что и спрашивать, впрочем, тебя, друг мой, просто не верится, как все это пережилось, и не во сне ли все видел. — Ну а как вы-то, милые, поживаете. Что Тетя, как справляется, и как ты, голубчик — главное, здоровы ли? Я поправляюсь заметно. — Кашляю, но это уже не изнурительный, как был. Я нападаю на мясо не хуже *Снобки*.[2] И мало-помалу надеюсь, что опять закреплюсь, чтобы заскрипеть постарому. На днях Павел Петр<ович>[3] укатил в Питер, заходил перед отъездом ко мне и поручил вам поклоны братские. — Какой он добряк — добрый. Все праздники[a] просидели мы с Попкой безвыходн<о> дома, у него такой по ночам был кашель, что страх — наконец, доктор явился, слушал, смотрел и пустил в горло спринцовку ляписную. — Грудь здорова, а все в горле — и на послед<ний> день могли поездить немного.

Я тебе, кажется, писал, Афоня, что некоторые родители лицеистов задумали было собирать сумму для дома, *но* дело это из суммы перевернулось в более легкое, именно сочинили письмо *основателям*, но собственно против всяких злостных толков про Лицей. — Теперь это письмо ездит по Москве и покрывается подписями родных и родственни<ков> детей, потом подадим его, вероятно, не торжественно и напечата<ем>. Следовательно, ты его прочтешь и, если найдешь все справедливым, надеюсь, что как и у тебя племянник, а главное, и для самого Лицея, то подашь и свой голос.[4] — Сейчас ко мне заходил Урусов — только что возвратившийся из Троицы.[5] Жаль его. — Ты знаешь, какой он честно-хороший человек, *но* его мучает какой-то *винт*. Тут даже *мудрое* объяснение Льва Ник<олаевича> различными этажами не уясняет ничего. Передать в письме невозможно, в чем именно он свинчен. То, от чего он вчера был в восторге, сегодня омерзение — воспитание кадетск<их> корпус<ов> нашего времени ставит образцовым! Словом, сегодня мне не счастливилось с ним, во всем мы были (сей рисунок изображает двух баранов, ничего более не умеющих, как бушки[6] лбами). Из Лондона *Иван* вам обоим привет шлет[7] и уверен, что судьба сохранит тебе Марью Петровну. К 20 январю непремен<но> обещает быть в П<етер>бурге, а потом в февр<але> в Москву, и если

[a] праздники — *вписано над строкой.*

удастся, то привезет с собой *двойник* Николая Толстого,[8] говорит, что поразительное сходст<во> наружное, уши, нос, глаза, голос, движен<ия>. Словом, весь живым он будет перед нами. *Но* как этот двойник есть какой-то голодающий ПОЛЯЧОК в Лондоне,[9] то я заклинаю уж лучше его там и остави<ть>. Как бы не вышло беды хуже Родионовск<ой>,[10] для какого дьявола нужны в России подоб<ные> двойники. Из этого только одно видно, что Иван Сергеевич все тот же. Третий день как я стал более прохаживаться — и на этой неделе, может, проберусь к Дм<итрию> Петровичу и Петру Петрови<чу> в Лоно.[11] Александр Никитич[12] верно уже тебе сказал про меня, что видал, он ко мне разик заглянул, и Володю[13] видаю и *браню* его за безмерные театры и балы, не может не завертеться голова и от этого, как от лишней бутылочки. Не мешало бы Алекс<андру> Ник<итичу> чрез Леша[14] принять в этом решительные меры, а то будет поздно. Мне это все урок для Пети — беда с ними! Но вот еще штука, набесившая меня до досады. — Я тебе, кажется, уже писал, что твои стихотворе<ния> два в письме твоем читал Урусову, еще кое-кому, кого это интересует, и между другими и Дьякову.[15] — Ему они очень понрави<лись>, хотя некоторые места оставались темны, он пожелал списать их для дочери своей. Этого, разумеется, я не мог, объяснив ему всю причину почему, а дал ему самое письмо, чтобы он ей прочел да и возвратил бы мне. Письмо-то он возвратил, но что же я узнаю, что он возил с собой в Ясную Поляну и читал Л<ьву> Н<иколаевичу>, да не одни стихи, а и о греческих работах. — Для Толстого там *ничего* нет обидного, но как возможно подобное обращение с чужой собственно<стью>. Меня это возмущает. Что узнаю от Урусова о «Беседе», когда она явится, напишу. Урусов от меня пошел к Юрьеву,[16] вот шагает-то с Остоженки на 4 *Мещ<анскую>*! Ты в шубе и за миллион, а я вот теперь и за миллиярд не дошли бы, впрочем, он таки здоровяк. Обнимаю вас обоих за нас обоих крепко. Друг и брат

И. Борисов.

Приписка на левом поле последней страницы письма:

3 янв<аря> Петю обокрали! *Плакал горько*: 200 000 *не получил* при тираже на свой билет. Вот что значит — лотереи![17]

Приписка на левом поле первой страницы письма:

Смотри в XII «Р<усского> в<естника>» «*Наша армия*»[18] и «Учение как оно у нас[b] есть и как должно быть».[19]

[b] у нас — *вписано под строкой*.

На конверте: На Московско-Курскую жел<езную> дор<огу>,
на станцию Змеевку.
Его Высокородию
Афанасию Афанасьеви<чу>
ФЕТУ.

Почтовые штемпели: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 9 янв<аря> 1871; Моск<овское> централ<ьное> отделен<ие>, 1871, 9 янв<аря>; на лицевой стороне вырезан вместе с маркой.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 46—47 об.; конверт — л. IV.

[1] Имеется в виду свадьба Борисова и Н. А. Шеншиной. См.: *МВ*. Ч. 1. С. 221—222.

[2] См. примеч. 11 к письму 144.

[3] П. П. Боткин (см. примеч. 16 к письму 149).

[4] См. примеч. 22 к письму 153.

[5] См. примеч. 7 к письму 143 и примеч. 3 к письму 151.

[6] *Бушка* — о животном, любящем брыкаться, бодаться. Бушка баран, не ходи по горам (поговорка) (Словарь русских народных говоров. Л., 1968. Вып. 3. С. 332).

[7] Это письмо И. С. Тургенева неизвестно.

[8] Имеется в виду умерший от чахотки в Гиере брат Л. Н. Толстого Николай (1823—1860), который был дружен как с Фетом, так и с Борисовым.

[9] Имеется в виду Александр Осипович *Либан*, старший из братьев Либанов, с которыми Тургенев познакомился в Лондоне в конце 1870 г. и в чьей судьбе принимал деятельное участие, о чем писал также П. В. Анненкову 19 (31) декабря 1870 г.: «Я познакомился здесь с двумя умирающими от голода галицийскими полячками <...>. Они прибыли в Лондон в надежде получить здесь натурализацию; но это возможно только после 3-хлетнего пребывания. Они мне кажутся хорошими и честными ребятами; притом старший напоминает мне лицом одного из людей, которых я искренно любил — покойного графа Николая Толстого, брата Льва Николаевича» (*Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 275).

[10] См. примеч. 15 к письму Фета к Борисову от 25 января 1870 г. (*Приложение*).

[11] См. примеч. 6 к письму 151.

[12] См. примеч. 15 к письму 121.

[13] См. примеч. 16 к письму 121.

[14] *Леш* Рудольф Васильевич, директор немецкого мужского Петропавловского училища, в котором воспитывался сын А. Н. Шеншина Володя.

[15] Это письмо Борисова неизвестно. О стихотворениях Фета см. примеч. 7 и 10 к письму 150. О Д. А. Дьякове см. примеч. 5 к письму 143.

[16] См. примеч. 9 к письму 149.

[17] По поводу этих строк Фет писал Борисову 25 января 1871 г.: «Поцелуй Петю и растолкуй ему, что о лотереях не плачут» (*Письма к Борисову*. С. 151). У Пети был билет 1-го внутреннего займа, 12-й тираж которого состоялся 2 января 1871 г. 3 января «Московские ведомости» сообщили номера «счастливых» билетов, главный выигрыш составлял 200 000 рублей.

[18] Речь идет о статье: *Волоцкой Н. В.* Наша армия. Формы и дух // *РВ*. 1870. № 12. С. 812—834.

[19] Имеется в виду статья педагога А. Н. Робера (1819—1880) «Учение как оно у нас есть и как должно быть» (*РВ*. 1870. № 12. С. 745—788).

153
Борисов — Фетам
17 января 1871 г. Из Москвы в Степановку

17 янв. 71. Москва, Тверск<ая>, д. Голяшкина, № 111.

Не так споро, как хотелось — получив твое, строчить свое. — Кахетия[1] моя много мешает, заставляя меня подолгу лежать в горизонтальном, самом успокоительном против всех недугов. Вообще мое здоровье поправляется. Но Петя меня мучает, такой заливающийся кашель... Сегодня утром ездил с ним к доктору, спринцевали глотку, всё там, говорит — ну и поработал он там хорошо, а все кахетия! На днях зашла ко мне Наталия Никитична[2] с Володей, объявляя, что отец все права свои вручил матери, а мать у *Леша*[3] оставлять не хочет *ни на минуту*, а желает в Лицей поместить его,[4] только через несколько недель — а не теперь, когда *НАЧИНАЕТСЯ* полугодичный курс. — Ничего не понимая, кроме что бессмысленно хотят мальчика свернуть, я не отказался просить о его помещении, только немедля, а не через недели, и так как на это согласия не было, то, слава Богу, и я устранился от этого дела, в котором ничего не вижу хорошего. С Володей я не видался после и не мог узнать, что за причина. Может, и есть какие причины, но *ничем* нельзя оправдать безумного обращения матери с Лешем и с сыном — впрочем, это уже иначе и быть не могло, оно натурально. Теперь, как я слышал, Володю повезут в деревню подготовлять в Лицей... стало быть, ты сам это ближе и лучше узнаешь.

Когда это писанье придет в Степан<овку>, то верно с французами все будет покончено. — Телегр<аммы> извещают о перемирии *во Франции* всей и капит<уляции> Парижа.[5] Дьяков[6] — встретивший тебя во Мценске, заезжал ко Л<ьву> Ник<олаевичу>, и тот ему читал с *греческого* Ксеноф<онта> по-русски. — Конечно, это еще далеко до твоей кожи[7] — надо, чтоб музыкант послушал настоящий, а все-таки Толстой — и в этом необыкновенный, как во всем. Посмотрим, как он далеко себя поведет на пути эллинистов — другим доставало этого на всю жизнь наслаждения. Если это *ЕГО*, то так и будет с ним, а если это ему вроде хозяйства, конного завода, словом, прихоть, как охота, то скоро бросит. Журнала вашей «Беседы» до сих пор и ни-ни-ни.

Верно, и у вас толки о смерти Скарятина. Первая телегр<амма> ложь.[8] Потом следствие открыло: что он убит *Ферзеном*, *старавшимся СКРЫТЬ* этот несчастн<ый> случай.[9] Какие люди окружают ближе всех Государя! Возмутительная истина. Только люди простые — рогатники вывели на чистую воду — и присягой уличили лгунов.

Сегодня утром уехала от меня моя сестра Анюта,[10] кланяется тебе и Марье Петровне — она пробыла два дни. Боюсь я за нее и за ее мужа, прогремят — все он меняет свои широкие предприятия, в которых, как мне кажется, он столько же смыслит, как я в *греческом* языке и хоре<о>графии, иерографии и вообще, в «взвейся выше, понесися»!!![11] Но пособить тут уж и Богу трудно. О *ФРИЗАХ* ты напрасно с пренебрежением. — Стук, стук, стук![12] публика читает, и многие премного довольными остаются — чего еще. — Надо только при *новом* издании такие вещи поместить в первые годы, и они будут на месте. Я тебе писал о его сожалении о грозившей тебе беде и *уверенности,* что судьба помилует.[13] К 20 янв<аря> он в П<етер>б<урге>, а потом в февр<але> в Москве.

Беда иметь бестолкового и безграмо<тного> и неизбежного корресп<ондента>, как у меня Осмоловский[14] — хоть бы на ¼ долю было смысла в его писании, сколько на *деле*, то я бы помирился — а то боюсь, что вынудит меня приехать в *Амчен*.[15] Бестолковость его письменная мучительна. Хуже Ивана Федорова[16] и иных ховралей,[17] видишь ли.

Как я расплясался по листкам, как только учуял свободную минутку. Свез Петю и, возвратившись, заболтал с тобой — удержа нет.

Милая добрая Тетя! Как-то Вы сберегаетесь. К Погожеву[18] я до сих пор еще не собрался, боюсь-таки и того, чтобы не прибавить и его к тем докторам, которые уже меня лечат, а их много: во-1-х, *Я* — (скромно в этом сознаюсь, признавая в себе тоже гомеопата). Во-2-х, *ОН*, т. е. Ваш муж, я и в него верю, когда мы с ним, отвергнув всех, сходимся в убеждении. Потом 3-е) Ельцинский[19] — выслушивает и рассказывает мне все, какие подслушает беспорядки внутрен<него> грудного и брюшного хозяйства, и никогда не *навязывает* леченья, тем что прямо говорит: может и поможет, а может и нет. 4. Лев Никол<аевич>. Умные дал советы для соображения. — Теперь Дьяков какого-то *Беркута* советует, что уж он в желудках всю подноготную видит и вылечит, ну а грудь-то! Вот тут я уже в трусливые минуты и подумываю о Сергее Петровиче[20] — только придется ли к нему, не знаю. Вообще мне думается, что в моем положении более надо придерживаться средств домашних, земляниками, млеками, а не мадерами. Поэтому я усмиряюсь, и если сносно только, то так и надо скрипеть. — Попка Ваши ручки целует и очень боится за Ваше здоровье. На днях Люб<овь> Аф<анасьевна>[21] почему-то вздумала его навестить — вызвали из класса, чтоб объявить, что Володю помеща<ют> в Лицей, и это его теперь очень занимает. Почему, для чего, отчего и зачем!

Будьте же *осторожны*, милая Марья Петровна, берегите здоровье, т. е. простуды, главное. Берите пример хоть с меня, я почти не выхожу из дому, хоть и велят воздуха вкушать понемногу. Но вижу, что это вку-

шение озлобляет кашель, и я отсиживаюсь — жду тепла, что ж делать! Обнимаю и тебя, друг мой Афоня, будь молодкой, ведь ты только что начинаешь жить! Сегодня *наш* адрес Каткову и Леонтьеву — отдали им, говорят, очень довольны. Если увидишь его напечатанн<ым>, то, как Дядя Пети, присоедин<ись> к нам.[22] Твой И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 48—50.

[1] То есть кашель.

[2] Н. Н. Шеншина (см. примеч. 13 к письму 149).

[3] См. примеч. 14 к письму 152.

[4] Володя Шеншин поступил в Лицей 2 сентября 1871 г., закончил там шестой класс, из седьмого класса выбыл и больше нигде не учился.

[5] 14 (26) января 1871 г. гарнизон Парижа капитулировал и разоружился. 16 (28) января был заключен договор о перемирии на тяжелых для Франции условиях: германским войскам передавалось большинство французских фортов, оружие и боеприпасы.

[6] См. примеч. 5 к письму 143.

[7] См. примеч. 4 к письму 151.

[8] Первоначально сообщалось, что Владимир Яковлевич *Скарятин* (1812—1870) погиб от выстрела собственного ружья (*МВед*. 1871. 1 января. № 1. С. 3).

[9] *Ферзен* Павел Карлович (1800—1884), граф, обер-егермейстер императорского двора (с 1862). 29 декабря 1870 г. во время царской охоты случайно убил егермейстера В. Я. Скарятина, но долго в этом не признавался, более того, запугивал свидетеля, своего подчиненного. Для расследования дела была назначена комиссия, которая установила вину Ферзена как в убийстве по неосторожности, так и в недостойном поведении. 25 января 1871 г. Александр II, ознакомившись с донесением следственной комиссии, наложил следующую резолюцию: «Усматривая из дела, что смерть егермейстера Скарятина произошла от случайного выстрела гр. Ферзена, и признавая последнего виновным в позднем сознании, я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение его от службы. Засим считать дело конченным» (*МВед*. 1871. 29 января. № 23. С. 1). См. также: *Баженов М. Н.* Убийство егермейстера В. Я. Скарятина // *ИВ*. 1884. № 4. С. 143—153; *Панчулидзев С.* Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. С. 347—349.

[10] Анюта — см. примеч. 3 к письму 138.

[11] См. примеч. 6 к письму 148.

[12] «Стук... стук... стук!..» — рассказ И. С. Тургенева. Впервые опубликован: *ВЕ*. 1871. № 1, с подзаголовком «Студия» и подписью: Ив. Тургенев.

[13] Речь идет о Тургеневе (см. письмо 152).

[14] См. примеч. 7 к письму 151.

[15] *Амчен* — простонародное название Мценска.

[16] См. примеч. 7 к письму 120.

[17] *Ховрали* — свиньи. Ср. «ховрали» в том же значении: «Тут, мол, не до вас, ховралей, — нужно заработать!» (Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом. Тула, 1960. С. 76).

[18] См. примеч. 5 к письму 150.

[19] *Ельцинский* Василий Иванович (1832—1895), ординатор при терапевтическом отделении госпитальной клиники Московского университета, лицейский врач. Впоследствии доктор медицины (1872), ординарный профессор.

[20] Имеется в виду брат М. П. Фет, врач С. П. Боткин.

[21] Л. А. Шеншина (см. примеч. 15 к письму 121).

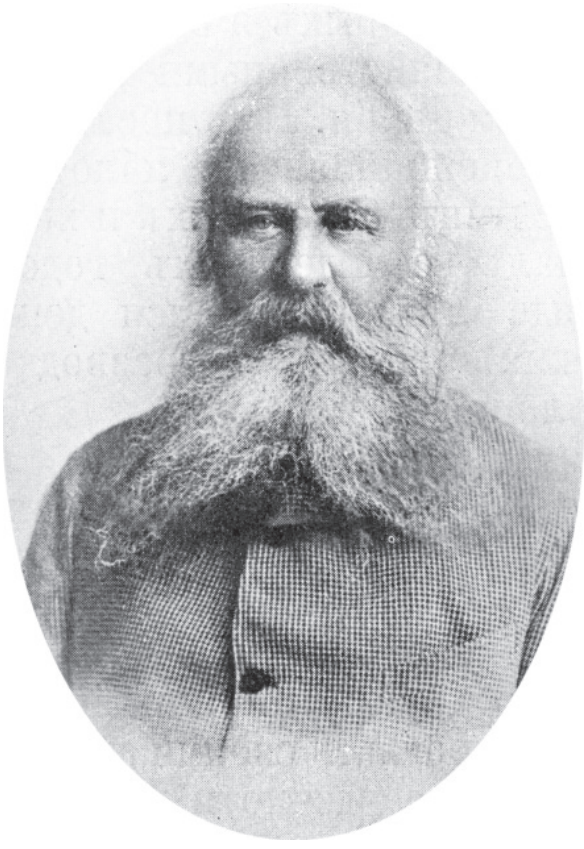
[22] См. письмо 152. Текст благодарственного адреса основателям и руководителям Лицея цесаревича Николая М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву был занесен в журнал заседания Совета Лицея от 12 марта и 12 апреля, во время годичного акта, оглашен в присутствии всех воспитанников. Опубликован в «Московских ведомостях» (1871. 15 апреля. № 79. С. 2), а также в «Календаре Лицея цесаревича Николая на 1871—1872 учебный год» (М., 1871. С. 67—69). Борисов значится в списке подписавших адрес родителей, подписи Фета нет.

154
Борисов — Фетам
15 февраля 1871 г. Из Москвы в Степановку

15 февр. 71. Москва, Тверск<ая>, д. Голяшкина, в № 111.

Эх, милый друг Афоня, когда б ты знал, с какой тяготой уж дня с четыре не могу начать писать, а по ночам долго с тобой грызусь за всех вас, писак, вместе. Желчь было поднялась у меня до ушей от чтения «Беседы» Юрьева, вашего представителя — но авось и до тебя дойдет эта 1-я книжка. — Вот ты сам прочтешь да, быть может, воспляшешь от статьи самого редактора[1] или Урусова — эта последняя меня уже так пробрала, что только христианским смирением отрезвляюсь.[2] — Вот до чего может дойти человек, когда сам заподозрит себя в гениях и друзья — помогут ему, «взвейся выше, понесися».[3] — Голубчик наш! Наша армия до сих пор была частию из ОХОТНИКОВ![4] Наши офицеря люди *образованные* (воскресни Пава!). Так что лучше всех европейских взятых вместе, и такое их множество, что сколько пожелаешь, тут и есть, а *ученых* с гениальными планами в портфелях, кажется, еще более. Людей в профессоры хватит сию минуту еще на 50 универси<тетов>.[5] Это все должно тебя обрадовать. Но есть и отрадные строки *Педагога*,[6] просто и справедливо — только не понимаю одного, отчего с самого начала не объяснит, почему не *явилось*, не завелось народных школ. — Мне кажется, более всего потому, что они народу не были *нужны*, а почему это так, это вопрос иной, на него очень легко и просто ответить, зри *историю нашего* народа.

Все равно, вопреки нашим славянофильским гордостям, почему из нашего народа в Москве, в центре русской жизни, хоть обегай всю Москву, а нужно ли сапог сшить, рубашку, виноградного выпить, съесть



Князь С. С. Урусов.
Фотография конца 1880-х гг.

кусок без приправы тараканов, булку даже, и то немец тебе продаст или француз хлеб. — Все это народу *не нужно*, а вот *калачи — Филиппов*,[7] и уж тут немец ничего не поделает. Все равно как француз повар ни борща, ни щей не сварит, науксусит до ядовитости, вот и иди. Эх, писаки, писаки, сколько бы теперь вам открывалось доброй работы. Романы и повести надо попрятать за 25 лет назад, теперь не до них. Разве Л<ев> Н<иколаевич> разрешится чем новеньким — а всем остальным я бы не иначе дозво<лил>, как с внесением большого выкупа.

Вот бы кстати «Русск<ому> вестн<ику>» в *знак дружбы* разменяться не статьями, а хоть заглавиями, взять у *Достоевского* его «Бесы»[8] и надписать над статьею Юрьева в «Беседе» «В чем наша зада-

ча», — а это бы тому надписать, и клички были б более по шерсти кунделей.[9] Но лучше и не говорить. — Молчу.

Вчера видел Павла П<етровича>,[10] возвратившег<ося> из Питера. Он здрав и, как всегда, добр. Что это делается с моск<овской> публикой. — Билеты в конц<ерт> Патти перекупались за 250 р.[11] Скажи-ка Тете эту цифирку.

Я, друг мой, сил набрал больше, но и отдышка стала сильней, а кашель все то же — меня он не очень беспокоит — так еще бы жить мож<но>. Но животик так подлец! подлец! Пьява, ей-Богу! Разманит, взголодает, а дам ему ну малость сущую, и он хоть с ¼ опять выбросит. Но болей нет. Попка вот меня беспокоит. *Он все еще кашляет*. Милая Тетя, целую за нас обоих — не думаю, чтобы и Вы храбро здравствовали, поберегитесь — это наше главное спасенье, а там уже подойдет тепло и согреет наши дыхания. Только ведь это и нужно. Будьте же оба здравы. Господь с вами.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 213—214 об.

[1] «В чем наша задача?» — программная статья С. А. Юрьева, в которой объявлялось о славянофильском направлении «Беседы» (1871. № 1. С. 81—128).

[2] Статья князя С. С. Урусова «Мысли о военной реформе. Письмо к С. А. Юрьеву» была опубликована в связи с дискуссией, развернувшейся в русском обществе после того, как 4 ноября 1870 г. последовало высочайшее повеление императора Александра II «о распространении прямого участия в военной повинности, при соблюдении некоторых особых условий, на все вообще сословия в государстве». Урусов выступил в «Беседе» как сторонник американской системы комплектования армии, в основу которой был положен принцип добровольности. Систему всеобщей воинской повинности, принятую в Пруссии, Урусов считал не только чрезмерно тяжелой для населения, но и бесполезной, объясняя успехи германской армии в ходе франко-прусской войны исключительно просчетами и нерешительностью французских военачальников.

[3] См. примеч. 6 к письму 148.

[4] В начале статьи Урусов писал: «Я думаю, что сословность должна быть уничтожаема не иначе, как распространением привилегий <...> высших сословий на низшие; нельзя, например, всех сделать рабами, но можно и должно всех сделать свободными. Применяя это рассуждение к реформе, о которой идет речь, можно думать, что Высочайшее повеление 4-го ноября есть первый шаг к совершенному упразднению рекрутчины. Некоторое время постоянная армия останется в нынешнем ее составе; через несколько лет невольные солдаты заменятся волонтерами; на случай же нашествия на нас иноземцев, все граждане, способные носить оружие, призовутся на защиту. Эта разумная военная система существует, например, в Соединенных Штатах. Перейти от нашей военной системы к американской весьма легко, потому что почти вся наша армия состоит и теперь из *охотников*. Петру нужно идти в солдаты, но он желает остаться дома; в таком случае он обращается

к какому-нибудь Павлу с просьбой заменить его, и почти всегда Павел этот идет *охотой*, иногда за деньги, иногда даром. Таких волонтеров весьма много у нас во всех сословиях» (Беседа. 1871. № 1. С. 237—238).

[5] Негодование Борисова вызвал следующий фрагмент из статьи Урусова: «В знаниях нашим офицерам отказать никак нельзя; кадетские корпуса, военные школы и академии доставили нашей армии такое множество военных ученых и даже замечательных полководцев <...>, что даже во всех европейских армиях вместе взятых, столько не найдется. <...> Как несносно читать и слышать жалобы на недостаток у нас в профессорах и преподавателях! Сколько между известными нам учеными — людей гениальных, имеющих в своих портфелях важнейшие научные открытия, которые сделали бы честь любой академии! И эти люди либо без мест, либо служат в палатах, вовсе не нуждающихся в их открытиях и познаниях; этим людям пути на кафедры закрыты, потому что маневрировать для поступления в университетские профессора не всякий согласится. Я думаю, что если бы у нас открылось еще 50 университетов, но на правах германских, то и тогда оказался бы в преподавателях излишек, а не недостаток» (Там же. С. 248—249).

[6] *Педагог* — подпись под опубликованной в «Беседе» статьей «Народное образование в России»; предположительно псевдоним Дмитрия Дмитриевича *Дашкова* (1836—1901), гласного рязанского земства (1868—1877), позднее председателя уфимской губернской земской управы, автора многих работ о народном образовании, в том числе в «Журнале Министерства народного просвещения», «Учителе», «Современной летописи», «Голосе», «Беседе» (С. А. Юрьева), «Вестнике Европы» и др. (указано В. И. Симанковым).

[7] *Филиппов* Иван Максимович (1824—1878), сын основателя знаменитой династии, поставщик императорского двора (с 1855 г.). В булочных Филиппова продавались бублики, пироги, сушки, пирожные, сайки и калачи.

[8] К этому времени было опубликовано только начало романа «Бесы» (*РВ*. 1871. № 1—2). Фет в ответном письме от 27 февраля возразил Борисову: «„Беседы“ я не видал — а „Бесов“ читал — не без удовольствия. Ново — и очень метко» (*Письма к Борисову*. С. 153). Однако продолжение романа, видимо, разочаровало Фета, и он полностью прочитал его только по рекомендации В. С. Соловьева в 1885 г. В письме С. В. Энгельгардт от 11 сентября 1885 г. приводятся слова из несохранившегося письма Фета: «я пролез через терновый куст романа Достоевского „Бесы“» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 3: 1884—1891 / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 119). См. также письмо В. С. Соловьева к Фету от 21 августа 1885 г. (*Фет/Соловьев*. С. 396).

[9] *Кундель* — большая косматая собака (Словарь русских народных говоров. М., 1980. Вып. 16: Куделя — Лесной. С. 91).

[10] См. примеч. 16 к письму 149.

[11] *Патти* Аделина (1843—1919), итальянская певица (колоратурное сопрано). Одна из наиболее значительных и популярных певиц своего времени. В 1869—1877 гг. неоднократно гастролировала в России. В начале 1871 г., выступая в Москве на сцене Большого театра с петербургской итальянской труппой, дала четыре концерта (15, 17, 19 и 21 февраля), сбор с последнего концерта пошел на благотворительные цели. После первого концерта «Московские ведомости» писали: «Неподражаемая артистка, конечно, была принята с тем фурором, который уже зара-

Аделина Патти.
Фотография ателье «Везенберг и К°». Петербург, 1880 г.

нее можно было предсказать по лихорадочному нетерпению, с каким ожидали ее москвичи. Публика, слушавшая ее сегодня, а равно и та, которая будет слушать ее в среду и в пятницу, почти вся состояла и будет состоять из бывших абонентов оперы, имевших преимущественное право на приобретение билетов; таким образом, несмотря на полный театр, огромная часть московских меломанов, по-видимому, лишена возможности услышать знаменитую певицу <...>. Громадные размеры нашего Большого театра становятся тесными ввиду тех масс, которые стремятся услышать царицу пения» (1871. 16 февраля. № 35. С. 4).

155
Борисовы — М. П. Фет
26—27 февраля 1871 г. Из Москвы в Степановку

Рукой П. И. Борисова:

Москва. 1871 г. 26 февр.

Милая, дорогая Тетечка!

Крепко целую и обнимаю тебя, как твое здоровье, надеюсь, что оно поправляется. Ах, милая Тетечка, перед Рождеством мы с Папой думали было к вам отправиться на праздники, но Папино здоровье не позволило этого. Бедный Папочка всю зиму всё не поправляется, и мы почти не выходили из комнаты. Впрочем, теперь он, кажется, слава Богу, начинает[a] поправляться. Поцелуй за меня Дядю и скажи ему, что я из греческого уже прошел до глагола, а из латинского перевожу Корнелия Непота, летом будет из чего меня экзаменовать.

Милая Тетя, как странно кажется, что в феврале тебя нет в Москве, точно что-то не в порядке, а такие беды не повторятся более над нами.

Милая Тетечка, если увидишь Володю,[1] пожалуйста, поцелуй его за меня и скажи, что я крепко целую его Папá и Мамá. У нас в Москве оттепель, морозу почти совсем нет, по улицам начинают течь ручейки, и весна наступает, а там и лето, и мы, Бог даст, скоро свидимся в Степановке. Еще раз крепко целую и обнимаю тебя и Дядю и остаюсь твой

П. Борисов.

Рукой И. П. Борисова:

Милый друг Марья Петровна,

К Попкину письму мне бы на этот раз и прибавить нечего, но хоть словечко хочется сказать, хоть пожелать здоровья, здоровья и здоровья и Вам, да и нам, — право, становится уже как-то и тяжеловато от этой продолжительной хвори. Как я ни прижился к этой жизни, а хотелось бы перемены, вот хоть бы в Новоселки перебраться на свой диван. Но и на нем не хотел бы надолго устраиваться — совершен<ное> *одиночество* мне теперь не под силу еще — а только кое-как бы нала-

[a] начинает — *вписано над строкой. Было*: поправляется

дить хозяйство и к Вам *на диван* хоть на целый месяц в Степановку. Но все это что Бог даст. Вас нечего и думать на праздники увидать, переезд в эту пору более *чем риск*, и храни Вас Боже, не искушайте себя.

Об Ваших знакомых слышу, что все, слава Богу, здравы. Я теперь пью пиво с млеком, *говорят*, что для меня это наилучшее, но не знаю *еще*, насколько мой отвратительный желудок позволит мне и этим пользоваться.

Будьте здравы, милая Тетя. Дядю целую, все жду его письма, давно что-то нет уже, а напишу к нему, вероятно, вслед за этим. Хочется уже известить его, что *Фриз* здесь, вот и жду. Тургенев меня из Пет<ер>бурга спрашивал, нет ли здесь А. Ф.[2] — в деревню, разумеется, он теперь не поедет.[3] Какие же теперь могут быть дела и толки с арендаторами.[4]

Целую Ваши милые ручки, будьте же здравы, не забывайте Вашего

И. Борисова.

27. От Дьякова узнал, что опасность положения Софии Андреевной миновала, ей гораздо лучше. Беда грозила великая их семье.[5] Лев Никол<аевич> тоже был болен серьозно.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 5. Л. 5—6 об.

[1] См. примеч. 16 к письму 121.

[2] И. С. Тургенев приехал в Петербург 13 февраля 1871 г.; его письмо к Борисову неизвестно.

[3] Сам Тургенев считал иначе, 4 марта 1871 г он писал своему управляющему Н. А. Кишинскому, что 11 марта («в четверг») выезжает из Москвы в Спасское (*Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 44). Но Борисов оказался прав, поездка в Спасское не состоялась.

[4] Тургенев предполагал сдать Спасское арендаторам. «Мой управляющий сообщает, — писал он 19 февраля (3 марта) 1871 г. П. Виардо, — что общее собрание желающих взять мое имение в аренду назначено — на 5 марта по нашему стилю; это поневоле напоминает мне стаю ворон, которые, разинув клювы, ожидают добычи. Я постараюсь оставить им как можно меньше *мяса*, как выразился бы Мюллер» (*Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 314. Подлинник по-франц.).

[5] 12 февраля 1871 г. С. А. Толстая родила вторую дочь, Марию, после чего у нее началась горячка. «Смерть С<офьи> Андр<еевны> была бы для меня жестоким ударом, — писал в ответном письме от 27 февраля Фет, — подумай, что она для Толстого и что он с детьми без нее» (*Письма к Борисову*. С. 152).

156
Борисов — Фету
28 февраля 1871 г. Из Москвы в Степановку

Воскр. 28 мар.[a, 1] 71. Москва, д. Голяшкина,
№ 111, на Тверской.

Вот оно как, только что получ<ил>,[2] прочел — слов *семи* еще не разоб<рал>, а уж отвечаю, чтоб не опоздать к субботе.[3] По правде-то *ответ*-то этот ты бы сам мог написать в Степано<вке>. Не перевелись еще на Руси одноглазки, Гольтековы,[4] да вот ты еще, Елисейка! Ну стоит ли такую старь, как Ментон,[5] чинить и оправля<ть>, ему надо забить железные пробки в гузны, да и повесить в Архив иностранных орудий. Не хочешь *с задним боем* — хорошо. Купи *по выбору* себе новое, ведь они теперь нипочем, а это переделыв<ание> будет стоить вдвое дороже. Знакомые мне оружей<ники> — *Ланской* в Англ<ийском> маг<азине>, да Шенбрунер — немец — плут шустрый,[6] но еще есть один на Арбате, русск<ий>, котор<ого> мне очень хвалили, но тоже цена!!! Так сомнения в том быть не может, что возьмутся исправить, но обгольтековят, пожалуй. Если бы не состоялось с маст<ером>, я бы эти ружья привез дом<ой>, и, наконец, ты захватишь, но необходимы *здесь на месте для уговоров*, понимаешь. Завтра же, т. е. 1 марта, попрошу моего знакомого прислать ко мне русс<кого> оружей<ника> хоть *поговорить*.

Во всяком случае сомневаюсь, чтобы в такой *короткий* срок кто взялся перед праздниками за эту работу, чтобы поспела. Время, время, друг мой, рассчит<ывай> не двойным, а квадратным аршином против твоего желан<ия>. Тогда все у тебя будет ладней. Вот хоть бы с лошадью...[7] Еще об ней ничего и в газетах не было. *Стало быть*, еще и доктор Швейцер[8] еще с обсерватории не заприметил, а он, как и всем известно, самый глазаст<ый> из москвичей.

Получила ли Тетя Попки и мое письмо?[9] Ну, дай Боже благополучно ей добраться до теплого гнезда.[10] Видно ей, бедной, сильно тянется, что ж делать. — Да, милые, да, 100 000 да, страшная беда была над Ясной.[11] — Вчера ночью почти ко мне заходил Дьяков,[12] чтоб обрадовать добрыми вестями — туча прошла. Он только что оттуда вернулся. Ну прощай же пока, поздно уже 10 час<ов> вече<ра>. — А *Ивана*[13] в Москве всё нет, и я с ним сегодня не беседовал.

Обнимаю тебя крепко, твой дружище, но не сыночек б... как говаривала тебе бабушка.[14]

И. Борисов.

[a] *Так в подлиннике, описка Борисова.*

Д. А. Дьяков.
Фотография 1870-х гг.

(Старик) Александр Ив<анович> Угрюмов[15] тебе кланяется и просил сказать, что в прошлом году купил себе за 55 ружье стар<ой> формы 1-й сорт.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 215—216 об.

[1] Ниже Борисов пишет: «Завтра же, т. е. 1 марта <...>».

[2] Имеется в виду письмо Фета от 27 февраля 1871 г., которое является ответом сразу на два письма Борисова, от 15 февраля и от 26—27 февраля. См.: *Письма к Борисову*. С. 152—153.

[3] Фет поручил Борисову узнать у оружейных мастеров, можно ли починить его старые ружья. В случае положительного ответа Фет собирался прислать ружья с Марьей Петровной, выезжавшей в Москву в субботу, то есть 6 марта.

[4] *Гольтяков* Николай Иванович (1815—1910), оружейный мастер и конструктор, владелец небольшой фабрики в Туле, занимавшейся производством охотничьего и боевого оружия, а также самоваров, «наиболее видный оружейник Тулы». У Гольтякова было двое сыновей, пошедших по стопам отца — Николай и Павел (*Шокарев Ю. В.* Русское охотничье оружие: Мастера и фирмы. М., 2005. С. 164—165).

[5] *Ментон* Джозеф (1766—1835), английский оружейник.

[6] Возможно, имеются в виду Александр Адрианович *Ланской* (ок. 1830—1915), содержатель магазина оружия и дорожных вещей «Bazar du Voyage» в Москве, и Иван Иванович *Шенбрунер* (1834—1911).

[7] Фет писал 27 февраля 1871 г.: «Послал в Москву к Петру Петр<овичу> жеребца — и прошло много лет (неделя), а Ивана все нет» (*Письма к Борисову*. С. 153).

[8] *Швейцер* Богдан Яковлевич (нем. Kaspar Gottfried Schweizer; 1816—1873), ученый-астроном, астрометрист, географ, ординарный профессор Московского университета.

[9] Имеется в виду письмо 155.

[10] Речь идет о поездке М. П. Фет в Москву.

[11] См. примеч. 5 к письму 155.

[12] См. примеч. 5 к письму 143.

[13] И. С. Тургенев.

[14] Бабка Борисова по отцовской линии Вера Александровна *Борисова* (*РГ*. С. 24—25).

[15] А. И. Угрюмов, отец Алексея Александровича Угрюмова (см. примеч. 2 к письму 145); коллежский секретарь, значится в списке избирателей, имевших право непосредственного голоса на избирательном съезде землевладельцев Мценского уезда (*Орл губ вед*. 1869. 29 марта. № 13. С. 100).

157
Борисов — Фету
8—9 марта 1871 г. Из Москвы в Степановку

8 марта 71. Москва. Тверск<ая>,
дом Голяшкина, № 111.

Вчера еще получил твое письмо,[1] друг мой Афоня. Что Тетя, должно быть уже здесь в Москве; но рискнуть ехать туда к ней еще не могу. Желудок мой не в порядке. Жду от нее ружья твоего и немедля сдам его в работу.[2] Надеюсь, что *обещанный* мне мастер *все* сварганит.

Иван Сергеевич сегодня прибыл — шлет тебе поклон.[3] — Он и сам не знает, долго ли останется здесь, все будет зависеть от холеры — она его и из П<етер>бурга выпугнула.[4] Говорил, что вдруг посыпала: Ольденбургские, Ламберт[5] — это из высшего — и человека три всего знакомых — да мигом! И он будет начеку бежать опять в Лондон. Завтра он с утра забирается ко мне, и займемся *делами* — т. е. *что делать*?[6] Ты уже из этого можешь понять, что сделать что-нибудь существенное невозможно. Да оно почти все равно.

9 марта, утр<о>. Сейчас от меня ушел оружейник Андреев, которого мне рекомендовали, а ружья-то налицо не было. Уговорился, *когда его застать дома*, и как получу ружье, то свезу к нему. Кажется, сойдемся, смотрит хорошим глазом.

Главное, будь здоров, а уж как я тебя буду поджидать.[7]

Вот как. Ай, пучи, пучи, пучи!

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 51—52.

[1] Борисов отвечает на письмо Фета от 6 марта 1871 г. (*Письма к Борисову*. С. 153, 155).

[2] См. письмо 156. В письме от 6 марта Фет сообщил Борисову, что послал с женой только одно старое ружье.

[3] И. С. Тургенев находился в Москве с 8 по 21 марта; в первый же день он писал П. Виардо: «...в каком печальном состоянии бедный Борисов, которого я поспешил навестить тотчас по приезде! Худоба его ужасающа... выражение лица почти такое, какое бывает у умирающих; боюсь, что ему не дотянуть и до лета — его отнимет у меня весна, этот страшный убийца чахоточных! Для меня это будет большая утрата, и я буду ощущать ее долго...» (*Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 325. Подлинник по-франц.).

[4] Весной 1871 г. в Петербурге была вспышка холеры, пик которой пришелся на март. 8 марта А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Две враждебные силы атакуют Петербург: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Последняя както вдруг поднялась и выросла. Первою жертвою ее был сын принца Ольденбургского, а там пошла она косить. Да какая свирепая — в три, в четыре часа кончает дело смерти, точно пруссак, в шесть месяцев разгромивший Францию» (*Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. С. 200). Принц Георгий Петрович Ольденбургский умер от холеры 5 марта 1871 г. в возрасте 22 лет.

[5] Имеется в виду граф Иосиф Карлович *Ламберт* (1809—1879), муж близкой знакомой И. С. Тургенева Е. Е. Ламберт; он был болен холерой, но выздоровел.

[6] Тургенев хотел получить у Борисова совет, как ему поступить со своим имением.

[7] «Около 21-го сбираюсь к тебе болтать <...>», — обещал Фет в письме от 6 марта (*Письма к Борисову*. С. 155) и действительно провел в Москве пасхальные каникулы (по случаю праздника дни с 25 марта по 4 апреля были неприсутственными). Впоследствии Фет вспоминал: «Приехав, как всегда, в Москву на самое короткое время, я застал бедного Борисова в гостинице „Дрезден“ в самом плачевном состоянии. Всегда худощавый, он исхудал до неузнаваемости и беспрестанно откашливался. Не было никакого сомнения, что смерть, в виде злой чахотки, приближается к нему быстрыми шагами. Как все чахоточные, он не падал духом и был уверен, что весенний, деревенский воздух его поправит» (*МВ*. Ч. 2. С. 226). В гостинице «Дрезден» Борисов жил с 21 марта, см. письмо И. С. Тургенева к Н. С. Тургеневу от 9 апреля 1871 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 11. С. 78).

158
Борисов — Фетам
Конец апреля 1871 г. Из Новоселок в Степановку

Друг Афоня, за Тетю не знаю, как тебя благодарить, она за мной ходила, как[a] за тобой.[1] Днем ранее *не* проехал бы. Паром только что смащивали, когда переправлял<ся>, но доехал отлично. Менее устал, чем из «Дрездена» до «Франции»[2] в Москве. Милая Марья Петровна, и ручки и земно бьюсь за дружеские попечения. — Что Вы, друг мой, как добрались, не спутались ли временем — а главное, здоровье. Я никакой перемены не замечаю и, хотя не выходил на воздух, все пасмурно, но я крепче теперь.[3] Страшусь только желудка, он как будто стал хмуриться.

Обнимаю вас обоих.

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 53—53 об.

[1] М. П. Фет, гостившая у брата с начала марта, выехала из Москвы вместе с Борисовым. Фет вспоминал: «Когда жена моя в конце апреля вернулась в Степановку, то рассказала, с какими усилиями ей довелось довезти Ивана Петровича в закрытом отделении вагона, и что она во Мценске на платформе сдала его выехавшим к нему навстречу людям» (*МВ*. Ч. 2. С. 226—227).

[2] «Дрезден», «Франция» — гостиницы на Тверской улице, где останавливался Борисов.

[3] Борисов умер от чахотки, наследственной болезни, сгубившей всех его братьев и сестер, за исключением Анны Казначеевой, в мае 1871 г. Свидетельств, позволяющих уточнить день его смерти, немного. 31 мая 1871 г. С. М. Сухотин записал в своем дневнике: «На прошлой неделе я получил известие о кончине моего большого друга, Ивана Петровича Борисова. Жаль мне этого доброго, честного

[a] как — *вписано над строкой*.

и скромного человека, и в особенности жаль его мальчика, оставшегося круглым сиротой и для которого отец был необходим, как руководитель нравственный. Я редко встречал человека с таким самоотвержением и с полным почти отсутствием эгоизма» (Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 583).

Фет в своих мемуарах подробно описал обстоятельства, связанные с печальным событием. Однажды ночью, когда «вся Степановка спала непробудным сном», он услыхал стук в окно своей спальни. Оказалось, что знакомый Фету ямщик привез записку от П. А. Шеншина. «Зажегши свечку, я на клочке бумаги, свернутом клинышком, прочел: „Ивану Петровичу плохо; сейчас приезжай в Новоселки. Брат твой Петр“. / — Вот тебе три рубля и постарайся, — сказал я Касьяну, — на свежей лошади дать знать в Новоселки, что я приеду с первым поездом во Мценск» (*МВ*. Ч. 2. С. 229). На другой день старый слуга Борисова Иван Федоров встретил Фета на мценской станции с коляской. «Давно уже колеса гремели по городскому шоссе, а я все еще не имел духу спросить про больного. Наконец, упрекнув себя в малодушии, я спросил вполголоса: „А что Иван Петрович?“ — Сегодня в 4 часа утра кончились, — отвечал Иван Федоров» (Там же).

Записка П. А. Шеншина, которую, вероятно по памяти, воспроизвел Фет, не сохранилась. Однако сохранилось предшествовавшее ей письмо Шеншина от 23 мая 1871 г. Шеншин писал: «Любезный друг Афоня. Вчера приехал к Ивану Петровичу и застал его в том же виде, как и ты. Из Москвы еще нет ответа, сегодня ждем вестей по телеграфу. Не дурно бы тебе приехать в Новоселки и поскорее, тем более, что этого желает Иван Петрович. В ожидании видеть тебя завтра, прошу передать мой нижайший поклон многоуважаемой Марье Петровне. Твой брат П. Шеншин» (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 62. Л. 1—1 об.).

Сколько времени прошло между письмом Шеншина и его запиской, посланной с нарочным, неизвестно. Не исключено, что состояние Борисова резко ухудшилось уже 23 мая, и Фет получил призыв брата приехать немедленно даже раньше, чем письмо, то есть в ночь с 23 на 24 мая. Вместе с тем есть документы, которые можно истолковать как доказательство пребывания поэта 25 и 26 мая в Степановке. Еще 23 мая Фет, мировой судья третьего участка, принял две жалобы и назначил их рассмотрение на ближайшие дни. 25 мая состоялось заседание мирового суда по первой жалобе, были заслушаны показания одного из обвиняемых, изложившего свою версию конфликта и назвавшего имена свидетелей. Заседание кончилось тем, что всем причастным, включая вновь установленных свидетелей, было предписано явиться на следующее разбирательство 30 мая к 9 часам утра (*РГБ*. Ф. 315. К. 45. № 37. Л. 2—3 об.). На другой день, 26 мая, должна была рассматриваться вторая жалоба (несложное дело о потраве). Истец, ответчик и свидетель оказались налицо, однако заседание не состоялось: собравшимся без объяснения причин было объявлено о переносе разбирательства опять-таки на 30 мая (Там же. К. 45 а. № 1. Л. 2—2 об.). Несмотря на подписи Фета под протоколами, трудно отделаться от подозрения, что в Степановке его уже не было, а судейскими делами занимался, как мог, его письмоводитель А. К. Бологов (см. о нем примеч. 3 к письму Фета от 25 января 1870 г. в *Приложении*). Что же касается подписей, то Фет мог поставить их и позднее, задним числом. Более того, нет уверенности, что подписи эти подлинные. Когда Фет был полковым адъютантом, при нем был писарь Беликов, имевший разрешение в определенных случаях расписываться не только за Фета, но и за командира полка Бюлера; делал это Беликов столь искусно, что никто не мог отличить подлинную подпись от поддельной (*РГ*. С. 486). Возможно,

Бологов, бывший ближайшим помощником Фета в годы его судейства, обладал тем же талантом. Если же перейти от предположений к установленным фактам, то следует отметить, что Фет успел вернуться в Степановку к 30 мая: этим числом датированы вынесенные им решения по обеим жалобам. В Новоселках он провел никак не менее трех дней: по его воспоминаниям, погребение покойного было назначено на третий день, кроме того, «надо было отпустить повара, слугу, кучера, продать лошадей и запереть дом» (*МВ*. Ч. 2. С. 230). Суммируя все вышесказанное, приходим к выводу, что похороны Борисова произошли не позднее 29 мая, а Фет выехал в Новоселки не позднее 27-го. Это дает приблизительную дату смерти И. П. Борисова: 24—27 мая 1871 г.

159
Борисов — Фету
1868—1870 гг.

Новоселки.

Милый друг мой. Сейчас приехал Федор Федорович Казначеев[1] и очень тебя желал бы повидать, и Угрюмов[2] тоже, а про *себя* самого что толков<ать>. Приезжай же.[3]

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 187.

[1] См. примеч. 3 к письму 138.

[2] Вероятно, Угрюмов-младший (см. примеч. 2 к письму 145).

[3] Возможно, эта записка была отправлена с нарочным в Мценск, где Фет присутствовал на заседании мирового съезда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ФЕТА к И. П. БОРИСОВУ
25 января 1870 г. Степановка

25 января.

Хорошо ты делаешь, моя милая, что боишься проклятых одноглазков![1] Никуда, видно, от них не спрячешься, и во всякой форме они, как немецкие гномы, вырастают из-под земли. Ну, скажи, пожалуйста. Человек старый приехал от тебя домой[2] молодцом и проводил письмоводителя[3] в Москву. Иван рассыльный заболел — топивший дом со-

ломой. Тогда было тепло. Остался Матвей, топивший дровами.[4] Сделался, братец, холод в доме, дошедший однажды до 9 град<усов>, при этом пол, особливо в судейской, где одному без письмоводителя пришлось сидеть целые дни — *лед*. От этого прилив к груди и горлу — и — и заря — заря,[5] т. е. лихорадочно-горячечное удовольствие. К счастью, Иван поднялся, а с ним и термометр в доме, и я еще с болью в горле начинаю приходить в себя. Чем все это объяснишь кроме одноглазков. Не они ли вместо искомых 5 дней держат письмоводителя 11 дней в Москве. Одноглазки! А меня просители рвут. Справки, говорят, подавай. Это в чужих-то бумагах я ройся! А? Это почище финансов — это уже несомненные одноглазки! Про Марью Петр<овну> не знаю и не спрашиваю.[6] Скажут — ты скучаешь, как же мне не ехать в Степановку. — Так нет же, веселюсь — один. Полькирую, вальсирую, пируэтирую, балансирую, шассирую,[7] делаю баттеманы,[8] па де пижоны,[9] антраша, глиссады,[10] — словом, ликую. Ты собираешься в Степановку. А — долги — и за! — Сегодня получил положительную весть о сборе ко мне Толстого, и говорит: назначь день.[11] Я ему назначил: 1-е фев<р>ал<я>,[12] <в> 2 часа дня моя тройка ждет его на Змеевке. Его дело быть или не быть. Говорят, Петруша[13] сбирается к нам, но это один из хитрых миражей, которыми людям отводят глаза — одноглазки! Я, брат, теперь узнал всю суть жизни — и меня не надуют эти поганые твари. Они думают — мы подгадим, как тот француз, про которого гов<орит> Гоголь,[14] а он сдуру будет думать, что виноват Матвей, его жена или письмоводитель, а мы будем хихикать из-за угла, а я им и виду не показываю, а думаю: веселитесь, ребята, дураки-то вы, я ведь знаю, кто Тургенева заставил извиняться перед «Родионов, Родионов! Варр и варвар без изъятья!»[15] — Это ваши подлые проделки, одноглазки поганые!

Ну, спи покойно и не пугайся одноглазков, а

Прибеги под нашу крышу
Прибеги опять
Где звонок я твой услышу
И пошел плясать.

Твой А. Фет.

Письмо получил и вообрази Мари прекрасней русские бланки на какую-то иност<ранную> лотерею, право, чудо, как узна<ли> адрес.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 27. Л. 34—35 об.

[1] *Одноглазки* — зловредные мифические существа, упоминаемые в письмах Борисова.

[2] Фет заехал к Борисову около 11 января (12 января он был обязан присутствовать на мировом съезде) по дороге из Москвы в Степановку.

[3] Письмоводителем Фета был Александр Квинтилианович *Бологов* (р. 1843), сын орловского мелкопоместного дворянина, штабс-капитана в отставке Квинтилиана Павловича Бологова *(РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 4924. Л. 47). А. К. Бологов поступил на службу к Фету не позднее осени 1869 г. и оставался в Степановке вплоть до сентября 1877 г. Фет с детских лет знал также двоюродного деда Бологова, Ивана Алексеевича (р. 1792), заседателя Мценского уездного суда (*РГ*. С. 42), впоследствии — пристава 1-го стана.

[4] Дрова давали больше тепла, чем солома. «Все время холода стоят такие, что я вынужден был топить дровами, — ибо от соломы не достаточно тепло» (ср. письмо Фета к М. П. Фет от 8 января 1869 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 24. Л. 23 об.). О Матвее см. примеч. 2 к письму 121. Фет был невысокого мнения о его способностях, в письме к жене от 5 января 1868 г. он писал: «Посылаю тебе вместо Матвея Прокофия (Прокофий Кротков, приказчик А. Н. Шеншина. — *И. К.*), который гораздо смышленей и умней» (Там же. № 27. Л. 20).

[5] Фет иронически цитирует собственное знаменитое стихотворение «Шепот, робкое дыханье...».

[6] М. П. Фет гостила у брата Д. П. Боткина в Москве, откуда вернулась 1 февраля.

[7] От франц. *chassé* (па в балете).

[8] От франц. *battement* (в балетной терминологии отведение и приведение ноги).

[9] От франц. *pas de pigeon* (шаг голубя) — танцевальное движение.

[10] От франц. *glissade* (скольжение).

[11] Это письмо Л. Н. Толстого неизвестно, но сохранилось более раннее, от 14 января 1870 г., в котором писатель сетовал на то, что Фет не заехал к нему по дороге из Москвы, и выражал желание встретиться: «Мне так много надо говорить с вами, что писать ничего не хочется. Если вы дома и оба здоровы, то есть можете принять меня, то напишите мне, когда вы хотите, чтобы я приехал, и тогда я приеду» (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 399).

[12] Толстой не смог приехать в Степановку в день, назначенный Фетом. В ответном письме, от 4 февраля 1870 г., он сообщил, что получил приглашение слишком поздно, как раз 1 февраля, а главное, не может уехать из дома, так как все члены его семьи больны лихорадкой и сам он тоже второй день болен (*Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 399). После этого приятели еще раз обменялись письмами и, наконец, встретились в Степановке, где Толстой провел три дня, с 18 по 20 февраля (Там же. С. 401, примеч. 2 к письму 251).

[13] Брат Фета Петр Аф. Шеншин.

[14] Имеются в виду слова почтмейстера из «Ревизора»: «Это все француз гадит» (действие I, явление II).

[15] *Родионов* Иван Родионович, знакомый Тургенева, неимущий студент, которому писатель помогал пристраивать его стихи в печать, а также деньгами. Летом 1861 г. Тургенев привез Родионова в Спасское, собираясь сделать сельским учителем и переписчиком своих произведений, однако молодой человек пренебрегал своими обязанностями и через несколько месяцев был уволен. Перед отъездом из Спасского Родионов одолжил у дяди писателя, управлявшего тогда имением, шубу и не вернул ее. Фет в своих воспоминаниях вывел Родионова под именем Рабионова (*МВ*. Ч. 1. С. 271—273). Упрекая Тургенева в том, что он извинился перед

«родионовыми», Фет имел в виду статью «По поводу „Отцов и детей“», вышедшую в конце ноября 1869 г. в составе цикла очерков «Литературные воспоминания» (*Тургенев И. С.* Соч. (1844—1868). М.: изд. братьев Салаевых, 1869. Ч. 1; впоследствии «Литературные и житейские воспоминания»). Попытка писателя разъяснить свои намерения при создании романа «Отцы и дети» вызвала, за редким исключением, отрицательные отклики, не встретив понимания ни в консервативных, ни в либеральных кругах. О реакции левого крыла русского общества можно судить по ироническому отзыву антагониста Фета Д. Д. Минаева, помещенному в декабрьском номере журнала «Дело»: «При всей неловкости оправданий г-на Тургенева, его объяснение по поводу „Отцов и детей“ все же имеет характер некоторого раскаяния; всё же мы должны понимать, что наш маститый романист просит прощения у молодого поколения» (цит. по: *Тургенев. Соч.* Т. 11. С. 375. Коммент. А. И. Батюто. См. подробнее: Там же. С. 372—375).

«Родионов, Родионов! Варр и варвар без изъятья!» — цитата из шуточного стихотворения, содержащегося в письме И. С. Тургенева к Фету от 5 марта 1862 г.: «Родионов! Родионов! / Вар и Варвар без изъятья / Redde meas legiones! / Возврати чужое платье!» (*Тургенев. Письма*. Т. 5. С. 30). В том же письме дан и другой вариант: «Родионов, Родионов! / Вар новейшего столетья! / Redde meas legiones! / Возврати чужую шубу!» (Там же). При публикации этого письма Фет исключил стихи о Родионове (*МВ*. Ч. 1. С. 393), однако напечатал оба варианта (с искажением текста, в частности, имя Вар везде заменил на «вор») в том эпизоде своих мемуаров, где речь идет о Родионове (Там же. С. 273).

Вар — римский военачальник Публий Квинтилий Вар, живший в период правления императора Октавиана Августа. Будучи пропретором Германии, проводил жестокую политику подавления и устрашения, чем спровоцировал германцев на восстание; во время битвы в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) его легионы были уничтожены, а сам он покончил с собой, бросившись на меч. Описывая впечатление, произведенное этим событием на императора, римский историк Светоний сообщает следующее: «...говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: „Квинтилий Вар, верни легионы!“ <...>» (*лат.*: «Quintili Vare, legiones redde!») (*Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, Э. М. Штаерман. М., 1966. С. 43 (сер.: Лит. памятники)).

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и П. М. ТРЕТЬЯКОВА (1869—1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Особенностью русского просвещенного купечества 1850—1890-х годов были искренняя религиозность, любовь к отечеству, верноподданническое настроение и стремление укрепить национальные приоритеты во всех видах деятельности. Этой торгово-промышленной среде, как писал историк московского купечества П. А. Бурышкин, были свойственны широкая благотворительность и «поддержка всякого рода культурных начинаний», в том числе вложение значительных средств в составление художественных коллекций, вследствие чего образовались Третьяковская галерея, Щукинский и Морозовский музеи современной французской живописи, Бахрушинский театральный музей, собрание русского фарфора А. В. Морозова, собрание икон С. П. Рябушинского, собрание картин В. О. Гиршмана, Е. И. Лосевой и М. П. Рябушинского, частная опера С. И. Мамонтова, а также театры, издательства, библиотеки, гимназии, училища, больницы, странноприимные дома и приюты. Невозможно «припомнить» и перечислить все «памятники жертвенности представителей „темного царства“», — пишет П. А. Бурышкин.[1] Вклад московского купечества в общественную и культурную жизнь России, а главное, в благотворение отмечен фамилиями Щукиных, Боткиных, Морозовых, Солдатенковых, Солодовниковых, Хлудовых, Мазуриных, Найденовых, Алексеевых, Прохоровых и мн. др., среди которых едва ли не самым известным стало имя Павла Михайловича Третьякова (1832—1898), выходца из состоятельной купеческой семьи, разбогатевшей на торговле сукном, предприни-

[1] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 116—117. См. также: *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989 (сер.: Страницы истории нашей Родины).

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-354-383

мателя, мецената, коллекционера, владельца и основателя галереи, в 1892 году подаренной им Москве и получившей название Третьяковской.

Свою первую картину Третьяков приобрел в 1856 году, заказав русскому художнику-жанристу Н. Г. Шильдеру полотно «Искушение»; позже этот год будет признан самим коллекционером годом основания Третьяковской галереи.[2]

Замысел создать портретную галерею выдающихся деятелей русской культуры возник у Третьякова в конце 1860-х годов. «До этого, — вспоминала его дочь, — портреты приобретались по большей части как произведения интересовавших его больших художников. Теперь Павел Михайлович подбирает и заказывает портреты интересующих его людей».[3] Новая стратегия отразилась на новом качестве формирования коллекции. Критерием отбора стала мировоззренческая позиция коллекционера — создать портретную галерею замечательных деятелей, являющих собой лицо нации; то есть доминирующим условием отбора стал этический принцип.

Предпочтение Третьякова, по справедливому наблюдению исследователя, было отдано литераторам, «определявшим в процессе возрастания нации в ее культурном пространстве нравственные ориентиры», при этом «первые лица нации» могли «находиться в противоположных лагерях и стоять на совершенно разных мировоззренческих позициях», объединяла их духовная составляющая как принцип подбора лиц для национальной портретной галереи современников.[4] Любопытно, что среди имен, с пристрастием отобранных коллекционером, значилось имя М. Н. Каткова (по совету Достоевского и Ап. Майкова, «как первого ума России»[5]), которого никто из художников не хотел

---

[2] См.: *Мудрогель Н. А.* Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее: Воспоминания. Л., 1966. С. 13. На основании имеющихся сведений, первой русской картиной, приобретенной начинающим коллекционером 22 мая 1856 г., стала «Стычка с финляндскими контрабандистами» академика живописи В. Г. Худякова (первая расписка о покупке), именно этот день стал считаться официальным днем рождения Третьяковской галереи (см: *Трегулова З., Юденкова Т.* Третьяковская галерея: Вчера, сегодня и завтра // Третьяковская галерея. 2017. № 3 (56). С. 14).

[3] *Боткина А. П.* Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. 4-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 107. Далее сокращенно: *Боткина*, с указанием страницы.

[4] См.: *Юденкова Т. В.* Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея: «...иду со своими взглядами и советами» // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2015. Вып. 16. С. 112, 119; о приверженности братьев Третьяковых идеям славянофильства см. ее же: П. М. и С. М. Третьяковы: Участие в развитии идей славянского единства // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2016. Т. 11. С. 333—342.

[5] Письма художников к Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879. М., 1968. С. 78. Письмо В. Г. Перова к П. М. Третьякову от 10 мая 1872 г.

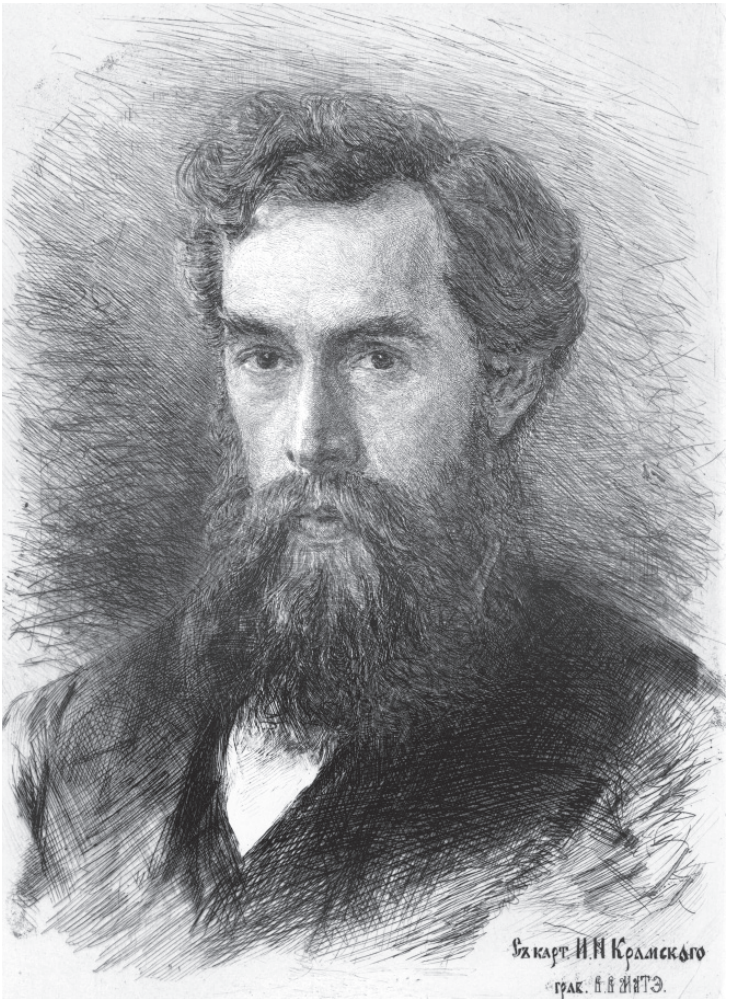
писать.[6] По наблюдению Т. В. Юденковой, «ни разу в письмах Третьякова не упоминаются имена представителей радикального крыла русской мысли, например, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова».[7] По заказу Третьякова художником В. Г. Перовым были исполнены портреты: пианиста и дирижера Н. Г. Рубинштейна (1870; ГТГ), драматурга А. Н. Островского (1871; ГТГ), а в 1872 году к коллекционеру поступила целая серия портретов: И. С. Тургенева (1872; ныне в ГРМ),[8] Ф. М. Достоевского (1872; ГТГ), А. Н. Майкова (1872; ГТГ), историка М. П. Погодина (1872; ГТГ), В. И. Даля (1872; ГТГ). У И. Е. Репина Третьяков приобрел портреты: А. К. Толстого (1874; ГЛМ), историка И. Е. Забелина (1877; ГТГ), А. Ф. Писемского (1880; ГТГ), хирурга Н. И. Пирогова (1881; ГТГ), М. П. Мусоргского (1881; ГТГ) и др., а также Фета (1882; ГТГ). И. Н. Крамской по заказу Третьякова исполнил портреты: художников Ф. А. Васильева (1871; ГТГ), М. К. Клодта (1871; ГТГ); скульптора М. М. Антокольского (1871; Гос. Художественный музей Белоруссии, Минск), И. А. Гончарова (1872; ГТГ); с акварели П. А. Каратыгина художником был написан портрет А. С. Грибоедова (1873; ГТГ), а также Я. П. Полонского (1875; ГТГ), Н. А. Некрасова (1877; ГТГ), М. Е. Салтыкова-Щедрина (1879, ГТГ), Л. Н. Толстого (1873; ГТГ) и др. Воплощенная Третьяковым концеп-

---

[6] На предложение Третьякова написать портрет Каткова Репин ответил категорическим отказом: «Ваше намерение заказать портрет *Каткова* и поставить его в Вашей галерее не дает мне покоя, и я не могу не написать Вам, что этим портретом Вы нанесете неприятную тень на Вашу прекрасную и светлую деятельность собирания столь драгоценного музея. Портреты, находящиеся у Вас теперь, <...> не составляют систематической коллекции русских деятелей; но, за немногими исключениями, представляют лиц, дорогих нации, ее лучших сынов, принесших положительную пользу своей бескорыстной деятельностью на пользу и процветание родной земли, веривших в ее лучшее будущее и боровшихся за эту идею... Какой же смысл поместить тут же портрет ретрограда, столь долго и с таким неукоснительным постоянством и наглой откровенностью набрасывавшегося на всякую светлую мысль, клеймившего позором всякое свободное слово» (Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.; Л., 1946. С. 48; см. также: *Чурак Г. С.* О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 97).

[7] См.: *Юденкова Т. В.* Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея. С. 112, 111.

[8] Портрет Тургенева работы Перова не удовлетворил Третьякова, и он заказал портрет И. Е. Репину (1874), однако и эту работу коллекционер не нашел вполне удовлетворительной. Портреты писателя исполнили также И. Н. Крамской и А. А. Харламов (1875; ГРМ). Подробную историю портретов Тургенева, заказанных Третьяковым, см.: *Чурак Г. С.* Портреты И. С. Тургенева в собрании П. М. Третьякова // Тургеневские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 237—250.



П. М. Третьяков.
Офорт В. В. Матэ с портрета работы И. Н. Крамского. 1900-е гг.

ция галереи была по достоинству оценена современниками. Так, П. Д. Боборыкин отмечал в 1881 году, что собранные вместе портреты коллекции, «развешенные по мастерам» в хронологическом порядке, демонстрируют галерею лучших представителей нации.[9]

[9] *П. Б. <Боборыкин П. Д.>* Письма о Москве. Письмо третье. Хроника // *ВЕ.* 1881. Кн. 6. Июль. С. 377—378.

Третьяков состоял в дружеских отношениях со многими художниками, литераторами и учеными, опубликованная переписка с некоторыми из них насчитывает тома.[10] С Фетом Павел Михайлович познакомился, скорее всего, в конце 1850-х — начале 1860-х годов через Дмитрия Петровича Боткина (1829—1889), брата Марии Петровны Фет. Совладелец чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья» был в то же время человеком, близким к искусству, недаром он более десяти лет возглавлял московское Общество любителей художеств. Купеческие семьи тесно общались и зачастую роднились между собой. Знакомство поэта с кланом Третьяковых состоялось, вероятно, после того, как семейства Третьяковых и Боткиных породнились, а именно Сергей Михайлович Третьяков и Дмитрий Петрович Боткин вошли в родство через жен, внучек московского городского головы, дочерей владельца Реутовской мануфактуры С. А. Мазурина: Елизавета Сергеевна Мазурина (1837—1860) стала женой Сергея Михайловича в 1852 году, а Софья Сергеевна (1840—1889) — женой Боткина в 1859 году.[11] В 1857 году состоялось бракосочетание Фета и Марии Петровны Боткиной, родной сестры Дмитрия Петровича.

Дом Д. П. и С. С. Боткиных отличался особым радушием и гостеприимством, здесь часто бывали многочисленные гости, нередко в их доме на Покровке подолгу гостили и Феты.[12] В. Н. Харузина вспоминала: «Дом Боткиных, несомненно, войдет в историю просвещенной Москвы того времени, и, наверное, нашлись люди, отметившие в своих воспоминаниях то, что они видели и встречали в этом интересном и изящном доме, где все носило отпечаток благородства чувств и стремления к внешней и внутренней красоте». Тетя мемуаристки, Александра Ивановна Харузина, рассказывала, как она наслаждалась беседами об искусстве К. Т. Солдатенкова, М. П. Боткина, «умными речами» С. П. Боткина, беседой Фета, рассказами Григоровича. В доме Д. П. Боткина бывал А. Г. Рубинштейн и итальянские певцы, а его картинная галерея «была довольно значительна».[13]

Боткин был страстный любитель западноевропейской живописи, главным образом художников XIX века, которую он начал собирать

[10] См.: Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887: <В 2 т.> М., 1953; Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. М.; Л., 1946; И. Н. Крамской: Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи / Изд. В. В. Стасова. СПб., 1888.

[11] В 1879 г. И. Н. Крамской написал ее портрет маслом.

[12] См.: *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 126—127 (сер.: Преданья русского семейства). См. также: *Боткина*. С. 227.

[13] См.: *Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой, О. Б. Наумовой. М., 1999. С. 169 (сер.: Россия в мемуарах).

Д. П. Боткин.
Фотография. 1880-е гг.

с 1858 года,[14] и уже к 1875, согласно первому печатному каталогу, его галерея, располагавшаяся в трех комнатах собственного дома на Покровке (ныне Покровка, 27), насчитывала более ста картин,[15] гобелены, бронзу, фарфор и как московская достопримечательность была отмечена в 1880-е годы во всех городских путеводителях, включая

[14] См.: *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. № 12. С. 598—599.

[15] См.: Каталог картинам, составляющим собрание Д. П. Боткина в Москве. СПб., 1875.

путеводитель Карла Бедекера; в определенные часы и с разрешения хозяина галерею мог бесплатно осмотреть любой желающий.[16]

Описывая время первоначального знакомства с семьей Боткиных, Фет упоминал о Дмитрии Петровиче как о «самом пылком из молодых братьев, оставшемся навсегда энтузиастом изящного».[17] Позже, после долгих лет дружбы, в некрологе о коллекции Д. П. Боткина говорилось: «Его изящная коллекция в Москве, на Покровке, известна всему эстетическому миру. Не честолюбие было поводом к богатому собранию, а от природы нежное настроение души, которое находило себе ближайший исход в прелестных произведениях искусства, среди которых так отрадно дышалось покойному Дмитрию Петровичу».[18] О близости между поэтом и Дмитрием Петровичем свидетельствует посвящение Фета на сборнике «Вечерние огни»: «Дорогому другу и бесценному брату».[19]

Говоря об общих художественных интересах и связях между семействами Боткиных и Третьяковых, следует упомянуть и Михаила Петровича Боткина (1839—1914), художника, академика живописи, крупного финансиста, коллекционера (в основном итальянских мастеров), знакомого П. М. Третьякова. Позже страстным коллекционером и признанным знатоком искусства станет и врач Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910), племянник М. П. Фет, старший сын ее брата, знаменитого доктора Сергея Петровича Боткина (1832—1889).

Итак, знакомство Фета и П. М. Третьякова, сразу же переросшее в дружеские родственные отношения, состоялось благодаря Д. П. Боткину и продолжалось вплоть до конца жизни поэта, то есть более тридцати лет, что подтверждается немногочисленными сохранившимися письмами. Из них становится очевидным, что в действительности писем было больше. Однако подлинная близость между Фетом

---

[16] См.: *Семенова Н.* Барбизон на Покровке: Дмитрий Боткин. История собрания и гибели коллекции Дмитрия Боткина // Артхроника. 2010. № 3. С. 96—103.

[17] *МВ*. Ч. 1. С. 190.

[18] *Фет А.* Дмитрий Петрович Боткин. Некролог // *МВед*. 1889. 3 июня. № 151. С. 4. После смерти Боткина коллекция по наследству была разделена между детьми. «Часть доставшихся мне вещей, — вспоминал в эмиграции сын Д. П. Боткина Сергей, — между прочим семейные портреты, остались в Покровском доме, выкупленном моим братом, а часть находилась в моей петербургской квартире. Эти две части погибли при большевиках. Остальное проделало со мной мои дипломатические посты: во время войны 1914—1918 гг. было в складе в Копенгагене и, наконец, через Берлин водворилось в Париж. Но для России все это навсегда пропало. Не имея никаких денег за границей и бежав из России ни с чем, я принужден был мало-помалу продавать все эти картины и предметы искусства, дабы быть в состоянии обеспечить скромное существование» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 296).

[19] Там же. С. 301.

и Третьяковым наступила лишь в начале 1880-х годов. Дочь П. М. Третьякова вспоминала: «Поэзию Фета Павел Михайлович очень ценил. Не говоря о мелких стихотворениях, которые он вспоминал и цитировал, я помню его нередко с толстым томом стихотворных переводов Овидия в руках».[20] По ее словам, поэт «был москвич, Третьяковы с ним встречались уже давно у Дмитрия Петровича Боткина, на сестре которого, Марии Петровне, Шеншин был женат. Сблизились они более в 1882 году, когда Репин, по желанию Павла Михайловича, писал Афанасия Афанасьевича. Я хорошо помню этого поэта».[21] В своем дневнике за 1882—1883 годы жена П. М. Третьякова Вера Николаевна оставила запись: «Не могу не упомянуть, что к весне задумал ближе ко мне стать *Фет — поэт*, который желал слышать мои мнения о благотворительности, о которой будто бы муж мой и я имеем особое мнение (по рекомендации Льва Николаевича Толстого). Ив<ан> Сер<геевич> Тургенев немало заставил меня краснеть, рекомендуя меня Фету как самую умную женщину. Бог мой! что мне стоила эта рекомендация!!!».[22] В феврале 1883 года Вера Николаевна писала мужу: «В четверг была у Фета, который подарил мне свои неизданные стихотворения „Вечерние огни“, был любезен, читал критику на „Чем люди живы“ Толстого, с которой я согласилась, и подобные замечания делал и ты, чувствуя неправильность в некоторых фактах. <...> Кроме того, только что через сближение с Фетом очень возможно будет знакомство с Вл. Соловьевым, который нас интересует с тобой своими статьями».[23]

Портрет Фета для своей галереи Третьяков заказал в 1880 году Репину, который выполнил его позже, к февралю 1882 года (работал со второй половины декабря 1881 до начала января 1882).[24] Сохранились

---

[20] *Боткина*. С. 228. Имеется в виду: Публия Овидия Назона XV книг Превращений / В пер. и с объяснениями А. Фета. М., 1887.

[21] *Боткина*. С. 227.

[22] Там же.

[23] Там же. Речь идет о первом выпуске лирических стихотворений Фета «Вечерние огни» (М., 1883). Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. Упомянутая критика на рассказ Л. Н. Толстого «Чем люди живы» содержится в Предисловии к переводу второй части «Фауста» Гёте, которая вышла из печати в феврале 1883 г. (Фауст. Трагедия Гёте. Часть вторая / Пер., предисл. и примеч. А. Фета. М., 1883).

[24] См.: *Чурак Г. С.* О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 96—107. Репину этот заказ был, вероятно, не по душе. 20 мая 1881 г. он писал Стасову: «В начале июня съезжу в Курск, в окрестностях крестный ход будет знаменитый, — посмотрю и сделаю заметки для своей картины. / Хотел, было, кстати, там же, около Курска, сделать портрет Фета (поэта), да раздумье берет, говорят, он ретроград большой» (см.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка: В 3 т. М.; Л., 1949. Т. 2: 1877—1894. С. 65).

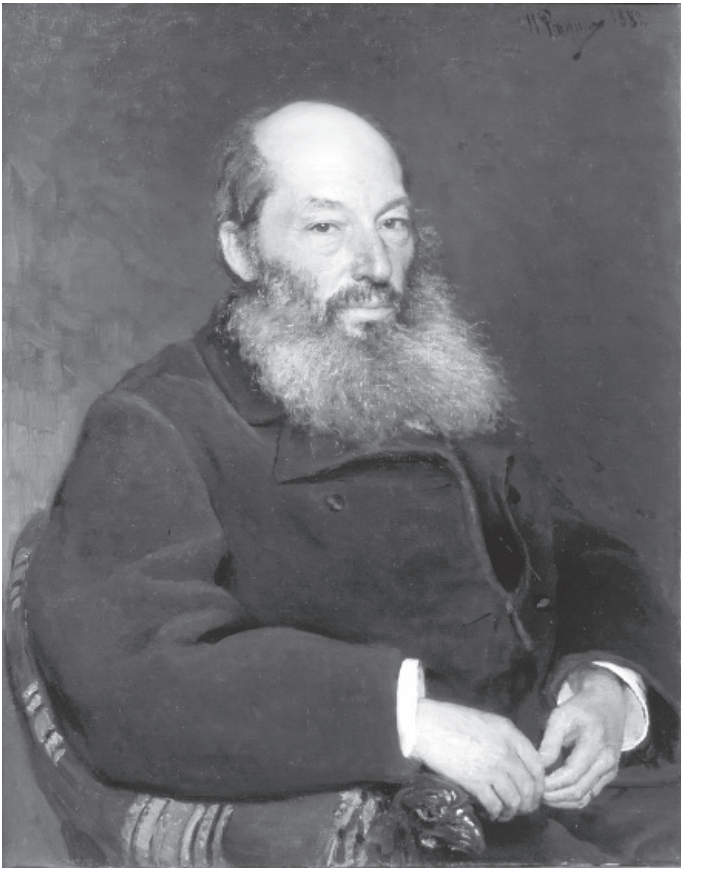
воспоминания художника, ранее не знакомого с Фетом и приглашенного им на обед: «На Плющиху, в квартиру поэта, собралось очень породистое общество: все это были большей частью обитатели Сивцева Вражка, потомки знаменитых фамилий. И я очутился вдруг точно в обществе парижских друзей Тургенева. Все: апартаменты, меблировка, небольшая столовая, в которую надо пройти через целую анфиладу комнат, французский язык, — все это вдруг перенесло меня в Париж, к французам, еще не выветрившимся из моей головы. / Я сидел смирно, слушал только Фета и смотрел только на него; он приковывал меня своей некрасивостью и правдой и был неотразимо внушителен своей грубоватой простотой. Басистый сиповатый голос и даже тяжелый кашель очень шли к нему. Но ни в словах, ни в фигуре его не было ничего поэтического. Это была сугубая проза хозяина, помещика, дельца, многоопытного и очень умного. И странное дело — я ни на одну минуту не заскучал и даже с большим неудовольствием отрывался от своего предмета наблюдения, когда кто-нибудь из гостей обращался ко мне <...> Фет <...> все говорил о сене, о телятах да о пахоте!».[25] Портрет, вероятно, сразу же удовлетворил Третьякова, уже в феврале 1882 года он заказал раму для картины, а в марте она была выставлена на 10-й выставке Товарищества передвижников (сначала в Петербурге, затем в Москве и далее в течение года на провинциальных выставках: Харьков, Одесса, Киев и др.).

Вероятно, Третьяков дорожил портретом. 4 октября 1882 года в письме к Репину он спрашивал: «Скажите, где портрет Фета? Неизвестно ли Вам наверно, путешествует ли он? П. А. Ивачев (художник, сопровождавший выставку по провинции. — *С. И.*) обещал мне по закрытии выставки в Москве немедленно прислать его и маленький пейзажик Боголюбова, также нужный мне <...>».[26] Репин откликнулся 5 октября 1882 года: «Спешу уведомить Вас: портрет Фета действительно путешествует. Ивачев прислал нам несколько газет из Харькова, где этот портрет одобряют очень, хотя Писемского считают лучше. Значит, он там».[27] «Из числа мужских портретов, — говорилось в газете «Голос» 3 апреля 1882 года, — особенно бросается в глаза портрет г. Фета, поразительный по своему рельефу и по превосходно схваченному характеру». Были, однако, и другие отзывы. Так, в «Пе-

[25] *Репин И. Е.* Далекое близкое. Л., 1986. С. 350. Переулок Сивцев Вражек, расположенный рядом с Арбатом, получил свое название в XVII в. от небольшого ручья Сивец (Сивка), протекающего к Пречистенскому бульвару по овражку; сам ручей назывался сивым (серым) по цвету воды; аристократический район старой Москвы.

[26] Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. С. 57.

[27] Там же. С. 58.



А. А. Фет.
Портрет работы И. Е. Репина. 1882 г.

тербургской газете» 18 марта того же года был помещен экспромт: «Как тут не выпить из буфета / И как не взвыть в восторге: Репин! / Хоть твой портрет великолепен, / Но в нем нет даже тени Фета!».[28] В январе 1883 года портрет был наконец выставлен в Третьяковской галерее.

Весной 1927 года К. И. Чуковский по просьбе Б. А. Садовского, одного из первых биографов Фета, спрашивал Репина: «Любопытно узнать — как относился к Вашему творчеству Фет? О чем Вы говорили с ним во время сеансов? Что сказал он о своем портрете Вашей ра-

[28] Цит. по: *Чурак Г. С.* О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 100.

боты? Как восприняла Ваш портрет Марья Петровна (его жена)?».[29] 29 апреля 1927 года Репин ответил: «Мария Петровна (жена его из рода Боткиных) по чисто русской традиции — женщин, держала себя под спудом от всех высоких вопросов, и своего мнения по случаю портрета мужа не проронила. А сам Афанасий Афанасиевич говорил громким басом, и как серьезный помещик, привык повелевать и приказывать». Далее, повествуя о своей работе над портретом племянницы М. П. Фет Елизаветы Дмитриевны Боткиной (в перв. браке Дункер, во втор. Щукина; 1859—1938), дочери Д. П. и С. С. Боткиных, Репин не без иронии отмечал непосредственное участие в работе Фета: «Приезжал он к нам, почти на каждый сеанс (Воскресенье — Бараши, церковь, против которой жил Дмитрий Петрович Боткин, в собственном доме, где даже была картинная галерея, был Мейсонье и Фортуни, между другими chef d'œuvr'ами...). А<фанасий> Аф<анасьевич> садился близко, у меня за плечами и громко-наставительно-авторитетно говорил мне: „Я вам советую“ — правую руку отвести правее — иначе, смотрите: ведь у вас получается ракурс — что вы с ним делать будете?!».[30]

Садовской, тонко чувствовавший Фета, писал о репинском портрете: «В остроумии Фет не уступал другому гениальному лирику Тютчеву. К сожалению, слова его, как и тютчевские, не записанные вовремя, пропали бесследно. Только выражение фетовской иронии осталось навсегда на известном полотне работы Репина. Именно такое лицо, по словам его знавших, бывало у Фета, когда приходилось ему выслушивать неумного собеседника».[31] Сохранилась копия с репинского портрета, выполненная ученицей художника, дочерью Л. Н. Толстого Татьяной Львовной. По убедительному предположению исследователя, копия была сделана, вероятно, в 1890-е годы для устраивавшегося Толстовского музея. Возможно, друг семьи Толстых М. А. Стахович обратился с этой просьбой к Репину, который «предлагал такого рода

[29] *Репин И. Е., Чуковский К. И.* Переписка. 1906—1929 / Подгот. текста и публ. Е. Ц. Чуковской, Г. С. Чурак. М., 2006. С. 298. Отношение самого Чуковского к Репину и его фетовскому портрету было неоднозначным: в одной из ранних статей, озаглавленной «И. Е. Репин» (1907), он писал о Фете: «Он был самый лирический, самый женственный, самый капризный, и колдующий, и тревожный поэт. / И вот его лицо — этого Фета. Работы Репина 1881 г. Но нет, это невозможно, у Фета не могло быть такое лицо. Окоченевшая какая-то брезгливость, низменное выражение, заплывшие глазки, склизкий нос, — нет, этот Фет не мог смотреть из времени в вечность, это не Фет. Мы не хотим, мы не допустим, чтобы у нежнейшего из поэтов было такое лицо» (Там же. Приложение I. С. 298).

[30] Там же. С. 264.

[31] *Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 79—80. Статья Садовского «Фет в портретах» (1915—1921) была опубликована лишь сравнительно недавно: Наше наследие. 2008. № 85. С. 114. Публ. С. В. Шумихина.

копийные работы своим ученикам». В Толстовском музее Пушкинского Дома копия портрета Фета находилась до 1931 года, вплоть до его закрытия и перемещения в Москву, после чего поступила в Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в настоящее время находится в экспозиции (см. также примеч. 8 к письму 3).[32]

Дочь Третьякова вспоминала о трудностях, с которыми сталкивался собиратель, формируя свою коллекцию: «Заказы портретов были часто связаны для Павла Михайловича с большими волнениями: или портреты не удавались, или оригиналы не соглашались позировать, или еще хуже — люди болели и умирали».[33] Давней мечтой Третьякова было иметь в своей коллекции портрет Л. Н. Толстого, отношение к которому, особенно к его философии, у него было неоднозначным. «Как художника, — писал он В. В. Стасову 1 декабря 1877 года, — я его ужасно люблю и уважаю, но как человека я вовсе не знаю, т. е. не знаю в нем того, за что человека любят».[34]

В долгую и непростую историю уговоров Толстого позировать для портрета, а также в работу Крамского над ним неожиданно оказался вовлечен Фет, через которого Третьяков в 1869 году дважды обращался к Толстому с просьбой позволить написать его портрет, на что тот отвечал категорическим отказом. 10 мая 1869 года Толстой на переданную Фетом просьбу позировать Крамскому ответил: «О Третьякове — не знаю, никого не хочется».[35] Вскоре Фет, по просьбе Третьякова, возобновил свои уговоры (письмо не сохранилось). Толстой ответил из Ясной Поляны 21 октября 1869 года: «Насчет портрета я прямо говорил и говорю: нет. Если это вам неприятно, то прошу прощенья. Есть какое-то чувство сильнее рассуждения, которое мне говорит, что это не годится».[36] А. П. Боткина вспоминала: «Негладко шло также с портретом Л. Н. Толстого. В 1869 году Павел Михайлович просил А. А. Фета походатайствовать, чтобы Толстой согласился позировать. Ответ сначала был сомнительный и нерешительный, и в июне Фет от него ответа не добился. 25 же октября Афанасий Афанасьевич известил Павла Михайловича, что Толстой положительно и определенно отказывается от этой мысли» (см. письма 1, 2).[37]

---

[32] См.: *Чурак Г. С.* О портрете А. А. Фета работы И. Е. Репина. С. 105—106.

[33] *Боткина*. С. 114.

[34] Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897 / Подгот. и примеч. Н. Г. Галкиной, М. Н. Григорьевой. М.; Л., 1949. С. 31. См. также: *Юденкова Т. В.* Выбор П. М. Третьякова и его портретная галерея. С. 113.

[35] *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 390; см. также: *Толстой*. Т. 61. С. 216.

[36] *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 392; см. также: *Толстой*. Т. 61. С. 220.

[37] *Боткина*. С. 114—115, 222; см. также: *Зилоти В. П.* В доме Третьякова / Вступит. ст. М. Л. Гавлина. М., 1998. С. 119—120.

Лишь в 1873 году Крамскому удалось уговорить писателя, который сообщал Страхову в августе того же года: «Уж давно Павел Михайлович подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит: „Все равно ваш портрет будет, но скверный“. Это бы еще меня не убедило, но убедила жена сделать не копию, а другой портрет».[38] Крамской писал Третьякову 5 сентября 1873 года: «Граф Лев Николаевич Толстой приехал, я с ним видался и завтра начну портрет. Описывать Вам мое с ним свиданье я не стану, слишком долго, — разговор мой продолжался с лишком 2 часа, 4 раза я возвращался к портрету и все безуспешно; никакие просьбы и аргументы на него не действовали. <...> Одним из последних аргументов с моей стороны был следующий: я слишком уважаю причины, по которым Ваше сиятельство отказываете в сеансах, чтобы дальше настаивать, и, разумеется, должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет, но ведь портрет Ваш должен быть и будет в галерее. „Как так?“ Очень просто, я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через 30, 40, 50 он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно». Наконец, Толстой согласился с тем, что, если портрет «ему не понравится, будет уничтожен».[39] Кроме того, писатель пожелал иметь второй портрет для своих детей, художник выполнил одновременно два портрета.[40] 15 сентября 1873 года Крамской отчитывался Третьякову, что после третьего сеанса граф и жена его «были довольны портретом; на следующий раз я привожу другой холст и начинаю новый, больший, а тому даю время сохнуть. Когда и этот портрет был поставлен на ноги, графиня говорит мне: „Лучше этого, второго, сделать нельзя!“ То же говорит граф <...>».[41] 23 сентября 1873 года Толстой писал Фету: «У меня каждый день, вот уже с неделю, живописец Крамской делает мой портрет в Третьяковскую галерею, и я сижу и болтаю с ним и из петербургской стараюсь обращать его в крещеную веру».[42] 2 ноября 1873 года Третьяков писал Крамскому, что с нетерпением ждет времени, когда окажется в Петербурге и увидит портрет Толстого.[43]

---

[38] *Толстой*. Т. 62. С. 50.

[39] Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. <Т. 1>. С. 66.

[40] Первый находится в ГТГ, второй вариант в Ясной Поляне.

[41] Цит. по: *Боткина*. С. 115. Сеансы проходили ежедневно с 6 сентября по 3 октября 1873 г.

[42] *Толстой*. *Переписка*. Т. 1. С. 426.

[43] *Боткина*. С. 115—116. «Портрет, конечно, понравился Павлу Михайловичу, сомневаться в этом невозможно», — вспоминала дочь Третьякова (Там же. С. 116).

По выходе романа Толстого «Анна Каренина» многие современники отметили, что художник Михайлов в романе похож на Крамского, это своего рода его литературный портрет.[44]

В феврале 1884 года Третьяков хотел заказать посмертный портрет А. К. Толстого, вдова которого, по всей видимости, предлагала сделать копию с раннего портрета, выполненного К. П. Брюлловым в 1836 году, и участие Фета в этом начинании оказалось не менее событийным. «В интересах исторических» поэт предложил сделать копию с более поздней увеличенной фотографии Толстого периода его литературной деятельности, рекомендовав в качестве копииста молодую художницу Ольгу Михайловну Соловьеву, обладавшую, по словам Фета, техникой, «истинным вздохом и вкусом» (см. письмо 3). Третьяков поблагодарил Фета за участие в своем «предприятии» и, напомнив, что портрет графа по фотографии уже существует, решил отказаться от этого замысла.

Фет был знаком не только с Павлом Михайловичем и его семьей, но и с семьей его брата Сергея Михайловича (1834—1892), городского головы и коллекционера. Знакомство с младшим Третьяковым, о котором упоминается в публикуемой переписке, состоялось также в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Хотя завязавшиеся отношения не были столь близкими, как с Павлом Михайловичем, в сочувственном письме по поводу смерти Сергея Михайловича Фет пишет о своих «тридцатилетних неизменно приязненных отношениях к покойному» (см. письмо 5).

Жизнь и деятельность С. М. Третьякова, собирателя современной западноевропейской живописи, в основном французской, изучались меньше, чем деятельность брата. С начала 1860-х годов он активно участвовал в общественной жизни Москвы, занимая последовательно должности гласного Московской городской думы (1863), старшины московского купечества (1864—1866), члена состава директоров Русского музыкального общества (1868), члена Славянского благотворительного комитета (1869—1870). В 1877 и 1881 годах С. М. Третьяков избирался городским головой. По мнению современного исследователя, решающее влияние на формирование коллекции младшего Третьякова и на его любовь к барбизонской пейзажной школе оказали И. С. Тургенев и А. П. Боголюбов.[45] Позже, в 1882 году, Тургенев, нуждаясь в деньгах, продал Сергею Михайловичу принадлежавшую ему

[44] См. письмо И. Е. Репина к В. В. Стасову от 12 апреля 1878 г.: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка. Т. 2. С. 29.

[45] См.: *Юденкова Т. В.* С. М. Третьяков и А. П. Боголюбов: К истории формирования коллекции С. М. Третьякова // Третьяковские чтения 2010—2011. М., 2012. С. 449—462.

С. М. Третьяков.
Фотография ателье Левицкого. Петербург, 1870-е гг.

картину Теодора Руссо «В лесу Фонтенбло» (ныне хранится в Государственном музее изобразительных искусства им. А. С. Пушкина).[46] Собрание младшего брата Третьякова находилось в его особняке на

[46] См.: *Юденкова Т. В.* «Ярый собиратель» европейской и русской школ: Художественно-благотворительная деятельность С. М. Третьякова (К 175-летию со дня рождения) // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2010. Вып. 13. С. 229; см. также: *Юденкова Т. В.* 1) С. М. Третьяков: просто любитель или коллекционер? // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2012. Т. 8. С. 217—234; 2) Они «не захотят продавать ни по какой цене»: К вопросу о коллекционировании Д. П. Боткина и С. М. Третьякова // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы. М., 2013. Вып. 15. С. 178—195.

Пречистенском бульваре и было открыто для знакомых или же по рекомендации. В коллекцию входили полотна К. Коро, Ж. Ф. Милле, М. Фортуни, Ш. Ф. Добиньи, а также картины русских художников: Ф. А. Васильева, А. И. Куинджи, Крамского и др. По завещанию, богатая коллекция С. М. Третьякова, насчитывавшая 75 картин, рисунки, гобелены, скульптурные работы (включая скульптуру «Иван Грозный» М. М. Антокольского), влилась после его смерти в состав собрания П. М. Третьякова.[47] Общий размер пожертвования, включая недвижимость и капитал, завещанный для галереи, достигал двух миллионов рублей.

Павел Михайлович тяжело переживал скоропостижный уход брата (см. письмо 6). Вскоре он обратился к Репину с просьбой написать его портрет по фотографии (в настоящее время находится в ГТГ). На смерть Сергея Михайловича Фет откликнулся проникновенным сочувственным письмом к старшему Третьякову (см. письмо 5). Слияние коллекций обоих братьев ускорило переход общего собрания в собственность города Москвы. В конце августа 1892 года заявление о его передаче в дар Москве было направлено в городскую думу, а уже в сентябре был получен положительный ответ. При передаче коллекция включала 1276 картин, 471 рисунок и 9 скульптур русских мастеров и была оценена в полтора миллиона рублей.[48] В августе 1893 года состоялось открытие музея, именуемого Московская городская галерея имени братьев Павла и Сергея Третьяковых. На столь значительном для отечества событии присутствовал император Александр III. П. А. Бурышкин вспоминал: «Передачу галереи городу П<авел> М<ихайлович> хотел произвести возможно более тихо, без всякого шума, не желая быть в центре общего внимания и объектом благодарности. Ему это не удалось, и он очень был недоволен».[49]

---

[47] Подробнее о С. М. Третьякове и его коллекции см.: *Приймак Н. Л.* Сергей Михайлович Третьяков — меценат, коллекционер, общественный деятель // Третьяковская галерея. 2004. № 3. С. 62—73; *Ненарокомова И. С.* «Рьяный любитель художества»: Сергей Михайлович Третьяков // Русское искусство. 2008. № 1. С. 48—55; *Юденкова Т. В.* «Стремление быть полезным обществу...»: К 175-летию Сергея Михайловича Третьякова // Третьяковская галерея. 2009. № 1 (22). С. 4—17. В завещании, помимо отчислений близким, крупная сумма была выделена на общественные нужды: 120 000 рублей Московской городской управе, на проценты от них (почти 10 000 рублей в год) должны были выдаваться стипендии в ряде московских училищ, Университете, Консерватории, Школе живописи, ваяния и зодчества (см.: *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. С. 68—69).

[48] См.: Опись художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. М., 1896.

[49] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. С. 143.

В 1898 году А. С. Суворин откликнулся на смерть Павла Михайловича проникновенным некрологом: «Истратив большие деньги на картины и на устройство здания, в котором помещается его галерея, он отдал все это городу, значит, всем, и вам, и мне, и нашим потомкам самым отдаленным. Это поистине патриотическое дело»; в «прошлом году я вошел в Третьяковскую галерею, в те комнаты второго этажа», где «русские известные лица в портретах, где русская жизнь современная и прошлая, представленная ярко, талантливо, во всем своем разнообразии вызывающая сложные и крепкие чувства национальности и художественного удовольствия, — посмотрел я на всю эту прелесть и заплакал от радости, что все это у нас есть», что «золотые руки, писавшие все *это*, — русские руки», и «что все это собрано трудом и усилиями одного человека, русского купца».[50]

Письма публикуются по подлинникам: четыре письма Фета к П. М. Третьякову (1869—1892) — *ГТГ*. Ф. 1 (П. М. Третьяков). № 3966—3968, 3970; два письма П. М. Третьякова к Фету (1884, 1892) — *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 2.

В *Приложении* публикуются: 1) телеграмма Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, П. М. и С. М. Третьяковых к 25-летию свадьбы Фетов (1882); 2) телеграмма Боткиных, Дункеров, Третьяковых, Постникова ко дню именин М. П. Шеншиной (1889); 3) адресованное М. П. Шеншиной приглашение П. М. и В. Н. Третьяковых на венчание А. П. Третьяковой и С. С. Боткина (1890).

Письма печатаются по подлинникам, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений.

1
Фет — Третьякову
28 июня 1869 г. Степановка

28 июня.
Степановка.

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Чувствую, что Вы не могли составить себе высокого мнения о моей аккуратности,[1] но вина не моя. Я писал ко Л. Н. Толстому о Вашем предложении.[2] На это он отвечал сомнительно и нерешительно,[3] а когда я его просил сказать положительно *да* или *нет*,[4] то по сие время не получал ответа, о чем на словах просил Вам передать Ивана Василье-

[50] См.: *НВр*. 1898. 11 декабря. № 8187. С. 2 (Маленькие письма. CCCXVIII).

вича Щукина, бывшего на днях у нас в деревне.[5] Когда увижу Толстого, добьюсь ответа и тотчас же передам его Вам.[6]

Прошу принять уверение в совершенном почтен<ии>, с каким имею честь быть

Ваш
покорнейш<ий> слуга
А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ГТГ*. Ф. 1. № 3966. Л. 1—1 об. На л. 1 в левом верхнем углу вензель «А. Ф.».

[1] Письмо Третьякова, на которое отвечает Фет, неизвестно.

[2] В письме к Толстому, вероятно от начала мая 1869 г. (неизв.), Фет передал просьбу П. М. Третьякова (его письмо также неизв.) разрешить И. Н. Крамскому написать портрет Толстого, предназначенный для галереи известных русских писателей (см. во вступит. статье).

[3] Толстой ответил 10 мая 1869 г. отказом (см. во вступит. статье).

[4] Письмо Фета к Толстому с повторной просьбой от Третьякова, вероятно от конца мая — середины июня 1869 г., до нас не дошло.

[5] Речь идет об И. В. Щукине (1818—1890), купце, известном в Москве фабриканте-старообрядце, владевшем торговым домом «И. В. Щукин с сыновьями», занимавшимся продажей мануфактуры (учрежден в 1878 г.). Удачная женитьба на Екатерине Петровне Боткиной, старшей дочери владельца торгового дома по продаже чая и сахара П. К. Боткина, укрепила его позиции в торговом мире. В 1866—1877 гг. Щукин состоял депутатом Московской городской думы. По словам П. А. Бурышкина, семья Щукиных причислялась к «цвету» московского купечества (см.: *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. С. 142). Сын Щукина Сергей Иванович (1854—1936) был известным коллекционером французской живописи и благотворителем, его собрание положило начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже и ГМИИ им. А. С. Пушкина. Сыновья Дмитрий, Иван и Петр Щукины, купцы, также были коллекционерами предметов изобразительного искусства. Фет через жену состоял в родственных отношениях с семьей Щукиных.

[6] Л. Н. Толстой дал согласие Крамскому лишь в 1873 г. (см. во вступит. статье).

2
Фет — Третьякову
25 октября 1869 г. Степановка

25 октября.
Хутор Степановка.

Милостивый государь
Павел Михайлович!

Как мы хорошо сделали, что до получения положительного ответа от Толстого ничего не предприняли по предмету снятия портрета.[1]

В полученном сегодня письме он положительно отказывается от этой мысли,[2] о чем спеша сообщить Вам, прошу принять уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть, милостивый государь,

Ваш
покорней<ший> слуга
А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ГТГ*. Ф. 1. № 3967. Л. 1—1 об.

[1] См. примеч. 2 к письму 1.

[2] Имеется в виду письмо Толстого к Фету от 21 октября 1869 г. (см. во вступит. статье).

3
Фет — Третьякову
3 февраля 1884 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ
№ 481

3 февраля.

Душевноуважаемый
Павел Михайлович!

Если бы не продолжающееся стеснение в груди, то я давно бы застал Вас за завтраком, что и надеюсь исполнить при первой возможности.[1]

Сию минуту была у меня знакомая Вам графиня Софья Андреевна Толстая,[2] Малая Дмитровка, Пименовский переулок, в доме Мансуровой[3] — и просила Вам передать следующе<е>, к чему я решаюсь присовокупить и мое соображение.

Вам, по словам Толстой, желательно было иметь в Вашей портретной галерее и портрет так<ого> заметного деятеля, каким был Алексей Толстой,[4] и хотя у графини есть прекрасный и, по мнению моему, поразительно сходный, увеличенный до натурального роста поясной фотограф[a] Толстого,[5] тем не менее она не предлагала Вам заказать масляной с него копии, совершенно справедливо полагая, что с фотографии невозможно попасть в тон волос, бровей и глаз, столь существенный в масляном портрете. В настоящее же время Толстая получила живописный портрет совершенно юного Толстого, писанный Брюлловым.[6] И поэтому она просит Вас заехать к ней около 2 часов дня, когда

[a] *Так в подлиннике.*

Вы ее несомненно застанете.[7] Теперь решаюсь высказать и мои соображения. На Вашем месте, в интересах исторических, я бы предпочел иметь портрет писателя в пору его литературной деятельности, т. е. таким, каким его изображает большая фотография, а не брюлловский портрет, который только может придать верность и живость копии. — Если Вы решите дело в пользу простой копии с Брюллова, то конечно я умолкаю. Такую копию может делать и знаменитый, и безвестный живописец. Но чтобы сделать то, о чем я говорю, нужно сверх техники обладать еще вздохом, которого у заурядного копировальщика нет. Вот почему я бы предложил поручить это дело Соловьевой,[8] которая и мастерица по технике, и с истинным вздохом и вкусом, а возьмет она весьма и весьма недорого, т. е. не свыше чего-либо за сто рублей. Между тем это и хорошее и доброе дело, так как всякая работа ей находка. Конечно, всему сказанному судья только Вы. Примите и передайте многоуважаемой Вере Николаевне[9] мое усердное приветствие. Ваш покорный <слуга>

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ГТГ*. Ф. 1. № 3968. Л. 1—2 об.

[1] Неизвестно, состоялась ли эта встреча.

[2] Графиня С. А. Толстая (урожд. Бахметева, в перв. браке Миллер; 1825—1892), жена А. К. Толстого, тетка известного философа и поэта Д. Н. Цертелева; была очень образованна, знала четырнадцать иностранных языков, следила за отечественной литературой, поддерживала дружеские отношения со многими литераторами: Тургеневым, Достоевским, Фетом, Вл. Соловьевым. Не обладая внешней красотой, стала музой А. К. Толстого, после знакомства посвятившего ей свои стихи «Средь шумного бала случайно...». Положенные на музыку П. И. Чайковским, они стали знаменитым романсом. Сохранился черновик письма Фета к С. А. Толстой (см.: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 28).

[3] Адрес, по которому проживала С. А. Толстая в Москве — Малая Дмитровка, Пименовский переулок, в доме Мансуровой — установлен по ее письмам (см.: *Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 133—149). *Хитрово* Софья Петровна (урожд. Бахметева; 1848—1910), племянница С. А. Толстой (по другим сведениям, внебрачная дочь), жена дипломата и поэта М. А. Хитрово (1837—1896), муза Вл. Соловьева.

[4] Граф А. К. Толстой (1817—1875), егермейстер, поэт, прозаик, драматург, переводчик; воспитывался братом матери А. А. Перовским, в московском доме которого был написан упомянутый далее портрет; к этому времени Толстой окончил университет и начал службу в московском архиве иностранных дел. Получил известность как автор многочисленных баллад, исторического романа «Князь Серебряный» (1863), драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870), а также авантюрных романов «Семья вурдалака» (1839), «Упырь» (1841) и др.; в начале 1850-х гг. совместно с братьями Жемчужниковыми создал пародийный образ Козьмы Пруткo-

ва. В 1852 г., имея высокую должность церемониймейстера при дворе, заступился за опального И. С. Тургенева, сосланного в связи с некрологом Гоголя в свое имение Спасское (см.: *Роднянская И. Б.* Толстой Алексей Константинович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 238—249).

Фет познакомился с Толстым и его женой через В. П. Боткина 24 августа 1864 г., когда по приглашению Толстого посетил их имение Пустынька под Петербургом, позже состоял с ним в переписке и посвятил ему стихотворение «В твоей Пустыньке подгородней...» («Гр. А. К. Т—у в деревне Пустыньке») (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 77). Летом 1869 г. Фет вместе с И. П. Борисовым по приглашению Толстого охотились в его имении Красный Рог Брянского уезда Орловской губернии. Позже Фет с неизменной симпатией вспоминал об этих посещениях: «...меня граф и графиня, несказанной приветливостью и истинно высокой простотою, сумели с первого свидания поставить в самые дружеские к себе отношения». О самом Толстом поэт вспоминал: «...с первого дня знакомства я исполнился глубокого уважения к этому безукоризненному человеку» (*МВ.* Ч. 2. С. 25, 26). Встретившись случайно в орловской гостинице несколько лет спустя, Фет и Толстой признались друг другу, что, «невзирая на различие путей жизни, мы ни на минуту не переставали носить в груди самые живейшие взаимные симпатии, которые должны были загораться от первого благосклонного соприкосновения» (Там же. С. 181). Толстой писал Фету 12 мая 1869 г.: «...мы все Ваши самые искренние почитатели. Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы ценил Вас, как я и жена. Мы намедни считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено Ваше имя, мы в один голос закричали: „Останется! Останется *навсегда*!“» (*Толстой А. К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2018. Т. 5. С. 351).

К вдове Толстого обращено стихотворение Фета «Где средь иного поколенья...» («Графине С. А. Толстой (Алексей)»), с датой: «24 декабря 1889. Москва» (*Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 35).

[5] Вероятно, речь идет об увеличенной поясной фотографии А. К. Толстого, выполненной в Риме.

[6] Имеется в виду живописный портрет юного Толстого за охотой работы К. П. Брюллова (ГРМ; 1836; холст, масло, 134×104). В музей портрет поступил в 1918 г. от М. Е. Мухановой. До этого находился в собрании С. П. Хитрово, а ранее у С. А. Толстой.

[7] Неизвестно, состоялась ли эта встреча П. М. Третьякова с С. А. Толстой.

[8] Очевидно, речь идет об Ольге Михайловне *Соловьевой* (урожд. Коваленская; 1855—1903), жене младшего брата Вл. С. Соловьева Михаила, которая приходилась двоюродной сестрой матери А. А. Блока. О. М. Соловьева была переводчицей и художницей, ученицей В. Д. Поленова. В 1884 г. она сделала копию с репинского портрета Фета (не сохранилась) и подарила ее поэту, которую поэт нашел более удачной, чем оригинал. 9 октября 1884 г. он писал Соловьевой: «Так как судить мне о себе неудобно, и я не имел времени у Третьякова сличить оригинала с копией, то остается довольствоваться впечатлением, которое очень приятно и в пользу Вашего прекрасного труда» (*Садовской Б.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 102). Копия репинского портрета, подаренная Соловьевой, была немедленно повешена на стену в доме на Плющихе. Кроме того, художнице принадлежит иллюстрация к стихотворению Фета «В дымке невидимке...», за которую поэт благодарил ее в том же письме (Там же). О. М. Соловьевой Фет посвятил стихотворение

«Рассеянной, неверною рукою...», датированное 29 октября 1884 г., где назвал ее «поклонницей и жрицей красоты» (см.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 2. С. 116, 470—471. Установлено и сообщено Н. П. Генераловой).

[9] Жена П. М. Третьякова Вера Николаевна (урожд. Мамонтова; 1844—1899) была дочерью богатого купца Н. Ф. Мамонтова (1807—1860), двоюродной сестрой известного мецената Саввы Ивановича Мамонтова (1841—1918). Венчание Павла Михайловича и Веры Николаевны состоялось 22 августа 1865 г.

4
Третьяков — Фету
4 февраля 1884 г. Москва

4 февраля 1884.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич,

Портрет графа Алексея Константиновича я давно уже имею (в скором времени после того когда я обращался за содействием к графине Софии Андреевне), писал его Репин, с фотографии, полученной от Л. М. Жемчужникова;[1] я им не особенно доволен (да и трудно быть довольным работою не с натуры, я решил более и не заказывать с фотографий), повесил его повыше, почему Вы его, вероятно, и не заметили; многие находят его очень похожим, иные же не находят сходства. Не моя вина, что не осталось портрета графа А. Толстого с натуры; я обращался при жизни графа к двум художникам с предложением написать; оба собирались и прособирались.[2]

Портрет раб<оты> К. Брюлова я знаю, видел его у В. М. Жемчужникова.[3] Граф там очень молод, почти юноша; работа не особенная.

Сердечно благодарен Вам за участие в моем предприятии.

Жена[4] кланяется Вам и Марии Петровне и от меня прошу принять нижайший поклон.

Ваш преданный
П. Третьяков.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Плющиха с. д. № 481.

Почтовый штемпель: Москва, 5 февраль 1884.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 2. Л. 3—3 об.; конверт — л. II. На обороте конверта, в правой части карандашная помета рукой Фета: «П. Третьяков».

А. К. Толстой.
Гравюра на стали по фотографии 1860-х гг.

[1] *Жемчужников* Лев Михайлович (1828—1912), живописец, график, мемуарист, выступал как художественный критик; брат Алексея, Александра и Владимира Жемчужниковых. О какой полученной от Жемчужникова фотографии А. К. Толстого идет речь — установить не удалось.

[2] 23 февраля 1874 г. И. Н. Крамской сообщал Репину: «...сегодня был у меня П. М. Третьяков и просил у меня ваш адрес. Он хочет просить вас написать ему портрет графа Алексея Толстого, который теперь живет где-то на юге Франции» (см.: Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи. 1837—1887 / Изд. А. С. Суворин. СПб., 1888. С. 207). В марте 1874 г. Третьяков сам обратился к Репину с предложением написать портрет А. К. Толсто-

го (см.: Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873—1898. С. 25). 22 марта (3 апреля) 1874 г. Репин ответил: «Очень жалею, что и этого Вашего предложения осуществить не могу. Иван Сергеевич Тургенев сообщил мне адрес *А. К. Толстого*, но ему известно, что он очень нездоров, и следовательно, поездка моя туда была бы неуместна, да это было бы и невыгодно для меня: отрываться от картин надолго, с экстренными расходами в незнакомых городах, все это не окупилось бы 500-ми рублями» (Письма художников к Павлу Михайловичу Третьякову. 1870—1879. С. 154). Уже после смерти А. К. Толстого в 1875 г. Третьяков, вероятно, обратился с тем же предложением к И. Н. Крамскому. В апреле 1876 г. Крамской отвечал ему из Рима: М. П. Боткин «интересовался узнать, заказали ли Вы мне портрет А. Толстого и буду ли я его делать. Я сказал, что теперь отказался, а за будущее не поручусь. Вероятно, рассчитывает сделать на Вас нападение» (Там же. С. 236—237). Очевидно, М. П. Боткин собирался писать портрет А. К. Толстого сам, но это намерение, судя по всему, не было исполнено (см.: Переписка И. Н. Крамского: И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869—1887. <Т. 1>. С. 138. Письмо Третьякова к Крамскому от 5 мая 1876 г.). В марте 1877 г. Третьяков и Крамской вновь вернулись в переписке к обсуждению заказа на портрет А. К. Толстого (Там же. С. 186, 382). Картина Репина «Портрет Алексея Константиновича Толстого» (ГЛМ; холст, масло, 84,5×69) была написана в 1879 г.

[3] *Жемчужников* Владимир Михайлович (1830—1884), русский поэт и государственный служащий, брат Алексея, Александра и Льва Жемчужниковых, один из создателей литературной маски Козьма Прутков.

[4] Жена П. М. Третьякова — Вера Николаевна. См. о ней примеч. 9 к письму 3.

5
Фет — Третьякову
8 августа 1892 г. Москва

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
СТ. КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

18 $\frac{8}{\text{VIII}}$ 92.

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Пораженные внезапным оглашением смерти Сергея Михайловича,[1] мы с женою тотчас же намерены были послать Вам сочувственную телеграмму. Но тридцатилетние неизменно приязненные отношения к покойному и Ваше личное ко мне внимание, которым я так дорожу, воздержали меня от порыва дать искреннему чувству моему безразлично исчезнуть во множестве формальных телеграмм, падающих, подобно осенним листьям, на могилу дорогого человека.

Вам, как ближайшему другу покойного, лучше других известно, что усопший кроме сердечной теплоты, привлекавшей к нему сердца, был в то же время мужем совета. Понятно, что чем более судьба посы-

лает нам лет жизни, тем чаще теряем мы дорогих нам людей. Это естественно, но естественна и наша собственная смерть, которая тем не менее болезненно мучительна. Пользуясь посещением милых Дункеров,[2] прошу Вас, дорогой Павел Михайлович, принять настоящие выражения сочувствия с той же беззаветной простотой, с которою они высказаны.

Глубоко уважающий Вас

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику (написано рукой секретаря Е. В. Федоровой, последняя фраза и подпись — рукой Фета): *ГТГ*. Ф. 1. № 3970. Л. 1—2.
Черновик письма (с незначительными расхождениями с подлинником), по-видимому рукой М. П. Шеншиной, см.: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 41. Л. 1—1 об.

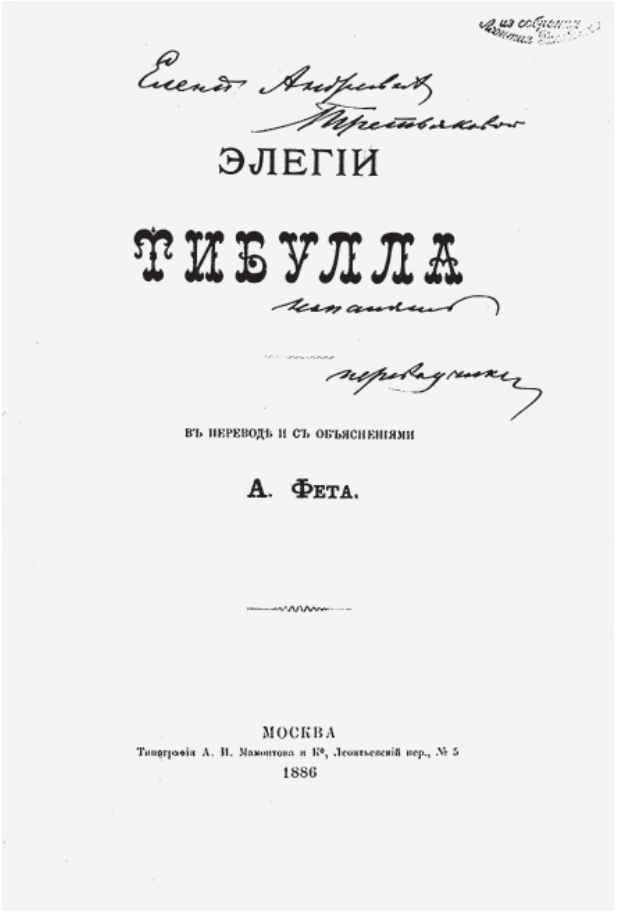
[1] С. М. Третьяков умер 25 июля 1892 г. в Петергофе, похоронен в Москве на Даниловском кладбище, позже здесь же был похоронен и Павел Михайлович; в 1948 г. прах братьев был перенесен на Новодевичье кладбище. Об отношениях Фета с С. М. Третьяковым см. во вступит. статье, его второй жене Елене Андреевне Третьяковой (урожд. Матвеева) Фет подарил свой перевод элегий Тибулла (М., 1886) со следующей дарственной надписью на обложке: «Елене Андреевне Третьяковой на память переводчик» (см.: https://www.litfund.ru/news/1207/; дата обращения: 24.03.2021). Она позировала И. Н. Крамскому для картины «Лунная ночь». После смерти мужа передала Николаю II коллекцию картин, документов и трофеев, составившую основу собрания музея Первой мировой войны в Ратной палате.

[2] Речь идет о К. Г. и Е. Д. Дункер, с которыми Фет и Марья Петровна поддерживали теплые отношения. Очевидно, настоящее письмо было передано Третьякову четой Дункер. Их особняк находился на Поварской и сохранился до наших дней (см.: *ФетСб(1)*. С. 322). Супруги Фет были там нередкими гостями. Дочь Д. П. и С. С. Боткиных, племянница М. П. Фет Елизавета Дмитриевна (Лиля) была особенно дорога супругам. Фет посвятил ей и ее мужу несколько стихотворений, состоял с нею в переписке (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—330).

6
Третьяков — Фету
25 августа 1892 г. Москва

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич,

Сердечно благодарю Вас за Ваше дорогое мне письмо;[1] оно дорого для меня и тем чувством, с каким Вы относитесь к покойному, самому дорогому мне человеку, которого я ежедневно оплакиваю,[2] и тем, что я из него чувствую Ваше расположение лично ко мне, а это мне дорого


Елены Андреевны
Третьяковой
ЭЛЕГІИ
ТИБУЛЛА
читанныя
переводчикомъ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ
А. ФЕТА.
МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1886

«Элегии» Тибулла в переводе и с объяснениями Фета (М., 1886). Обложка с дарственной надписью Е. А. Третьяковой

потому, что я Вас очень люблю, и как человека и как поэта-художника. Дай Бог Вам долго, долго жить и служить Вашему любимому делу.

Прошу Вас передать мой глубочайший поклон Марье Петровне.

Не мог написать Вам ранее, болели глаза.

Будьте здоровы!

Ваш преданнейший
П. Третьяков.

25 августа 1892.
Москва.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 25 августа 1892; 2) Москва, 26.VIII.1892; 3) Коренная Пустынь, 27 авг. 1892.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 2. Л. 1—1об.; конверт — л. I.

[1] Третьяков отвечает на письмо Фета от 8 августа 1892 г. (см. письмо 5).
[2] Речь идет о С. М. Третьякове, умершем 25 июля 1892 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИГЛАШЕНИЕ, АДРЕСОВАННЫЕ А. А. и М. П. ШЕНШИНЫМ (1882—1890)

1
Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, П. М. и С. М. Третьяковы — Шеншиным
29 июня 1882 г. Москва

К. ж. д. Коренная пустынь.[1] Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

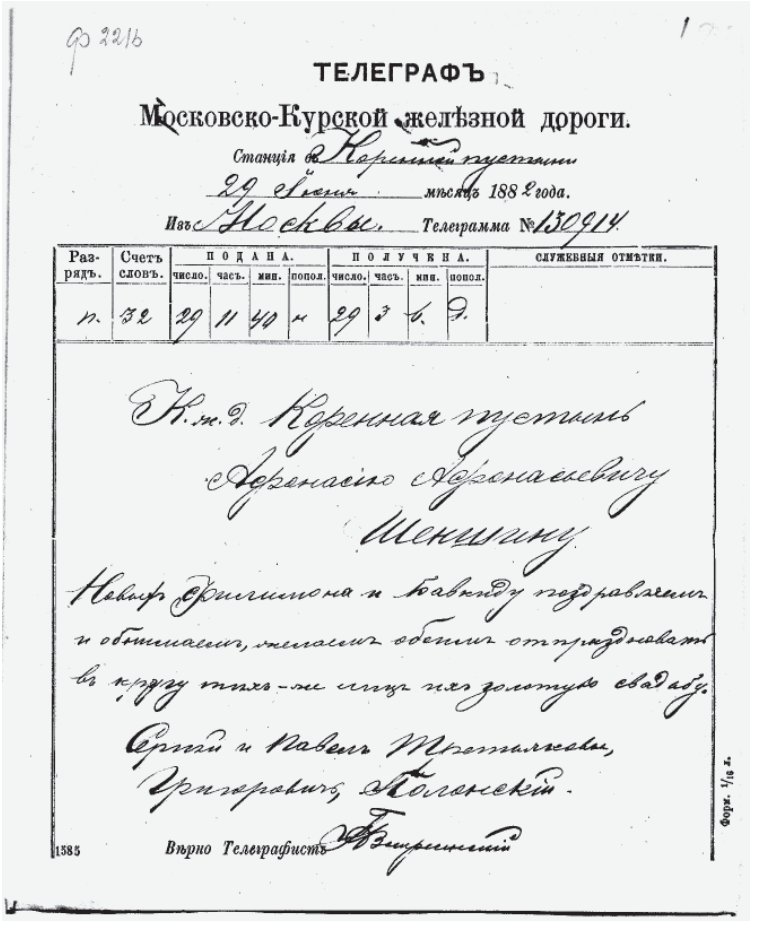
Новых Филимона и Бавкиду[2] поздравляем и обнимаем, желаем обоим отпраздновать в кругу тех же лиц их золотую свадьбу.

Сергей и Павел Третьяковы, Григорович, Полонский.

На бланке: ТЕЛЕГРАФ
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
Станция в *Коренной пустыни*.
29 июня месяц 1882 года.
Из *Москвы*. Телеграмма № *130914*.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 31. Л. 1. На бланке курсивом отмечены слова, вписанные телеграфистом П. Воскресенским. Телеграмма подана 29 июня 1882 г. в 11.40 и получена в тот же день в 15.06.

[1] Станция получила название Коренная Пустынь, поскольку находилась недалеко от мужского монастыря Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Коренная пустынь), от станции до Воробьевки было около 8 км.



ТЕЛЕГРАФЪ
Московско-Курской желѣзной дороги.
Станція въ Коренной пустыни
29 Іюня мѣсяцъ 1882 года.
Изъ Москвы. Телеграмма № 130914.

Разрядъ.	Счетъ словъ.	Подана. число.	часъ.	мин.	попол.	Получена. число.	часъ.	мин.	попол.	Служебныя отмѣтки.
п.	32	29	11	40	н	29	3	6.	д.	

К. ж. д. Коренная пустынь
Афанасію Афанасьевичу
Шеншину
Новыхъ Филимона и Бавкиду поздравляемъ
и обнимаемъ, желаемъ обоимъ отпраздновать
въ кругу тѣхъ-же лицъ ихъ золотую свадьбу.
Сергій и Павелъ Третьяковы,
Григоровичъ, Полонскій.

1385 Вѣрно Телеграфистъ [illegible]

Форм. 1/16 л.

Телеграмма к 25-летию свадьбы А. А. и М. П. Шеншиных
от Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, П. М. и С. М. Третьяковых

[2] Впервые историю героев античного мифа, чьи имена стали нарицательными как образец нерушимого семейного союза, описал Овидий в поэме «Метаморфозы», стихотворный перевод которой был осуществлен Фетом в середине 1880-х гг. Стихотворение «Филемон и Бавкида» было переведено раньше и включено в первый выпуск «Вечерних огней» (1883) (см.: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 113—115, а также с. 496—499). Еще раньше, в 1882 г., Фетом был переведен сюжет о Филемоне и Бавкиде, входивший во вторую часть «Фауста» Гёте (полностью вторая часть «Фауста» с посвящением графине С. А. Толстой, предисловием и обширными комментариями вышла в переводе Фета в феврале 1883 г.). По какой причине празднование 25-летия свадьбы Фетов было назначено на 29 июня, установить не удалось. В действительности свадьба состоялась в Париже 4 (16) августа 1857 г.

2
Боткины, Дункеры, Третьяковы, Постников — М. П. Шеншиной
22 июля 1889 г. Тихий Хутор

22 июля 1889 г. Московско-Курск<ая> ж. д. Станция Коренная пустынь. Марии Петровне Шеншиной.

Знакомый Тихий хутор[1] с сильно поредевшими рядами вновь обитаем молодым поколением, поздравляет дорогую именинницу и шлет ей радушный привет. Константин, Елизавета Дункер;[2] Петр, Сергей Боткины;[3] Николай, Александра Третьяковы и дети Третьяковых,[4] Постников.[5]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 32. Л. 1.

[1] *Тихий Хутор* — имение Д. П. Боткина в Волчанском уезде Харьковской губернии, в котором он скончался 26 мая 1889 г.

[2] Константин — К. Г. Дункер, муж Е. Д. Дункер. О ней см. примеч. 2 к письму 5.

[3] Сергей и Петр Боткины — братья Е. Д. Дункер, сыновья Д. П. и С. С. Боткиных.

[4] *Третьяков* Николай Сергеевич (1957—1896), сын С. М. Третьякова от первого брака с Е. С. Мазуриной (1837—1860); художник, был женат на сестре К. Г. Дункера Александре Густавовне Дункер (1855—1926). На картине «Утро на даче» (*ГТГ*; 1888) Н. С. Третьяков изобразил свою жену и детей Александру Николаевну и Сергея Николаевича (1882—1944), которые, по всей видимости, и упомянуты в телеграмме как «дети Третьяковых» (см.: *Боткина*. С. 261, 344).

[5] О каком из родственников семьи Боткиных по материнской линии идет речь — установить не удалось.

3
П. М. и В. Н. Третьяковы — М. П. Шеншиной
19 сентября 1890 г. Москва

23 сентября 1890 года

Павел Михайлович и *Вера Николаевна Третьяковы* покорнейше просят Вас пожаловать на бракосочетание дочери их *Александры Павловны*[1] с *Сергеем Сергеевичем Боткиным*[2] 23 сентября, в 2 часа, в церкви Чудотворца Николая в Толмачах.

МОСКВА.

На конверте:

Ее Превосходительству
Марии Петровне
Шеншиной.
По Московско-Курской ж. д.,
ст. Коренная Пустынь,
имение Воробьевка.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон, 19 сен. 1890; 2) Коренная Пустынь, 20 сен. 1890.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 3. Л. 1—2 (печатный текст на карточке в формате открытки); конверт — л. 3. В верхней части оборота конверта карандашная помета (рукой секретаря?): «Третьяковы».

[1] *Третьякова* Александра Павловна (в замуж. Боткина; 1868—1959), вторая по старшинству дочь П. М. и В. Н. Третьяковых. Об их бракосочетании Фет упоминает в письме к Я. П. Полонскому от 10 октября 1890 г. (см.: *Фет/Полонский*. С. 839). После смерти отца стала членом правления Третьяковской галереи вместе с В. А. Серовым и И. С. Остроуховым. Боткина является автором книги об отце «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве», первое издание которой вышло в Москве в 1956 г., лучшей книги о выдающемся собирателе.

[2] *Боткин* Сергей Сергеевич (1859—1910), русский врач и коллекционер; племянник М. П. Фет, старший сын ее родного брата, знаменитого врача С. П. Боткина. Жена Боткина вспоминала: «Муж мой, Сергей Сергеевич Боткин, любил все искусства, но особенно страстно собирал рисунки и акварели русских художников. Несмотря на то, что он был сильно занят профессорской и врачебной деятельностью, он часто посещал театры, концерты и выставки. Не проходило ни одного беляевского симфонического концерта, чтобы не встретиться там с Репиным и Стасовым. <...> Особенно усердно он искал произведения старых художников <...>» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 249). После смерти Боткина его коллекция поступила в Русский музей. А. Н. Бенуа писал в некрологе: «Сергей Сергеевич был подлинный фанатик. Он не мог равнодушно видеть какого бы то ни было проявления красоты. Наглядно выразилась эта любовь в чудесных собраниях составленных им русских рисунков, фарфора, всякого прикладного художества, картин современных мастеров и т. д.: и еще в том, что он отстроил свой дом (в Петербурге, ул. Потемкинская, д. 9. — *С. И.*) в любимом им „петровском стиле“ <...>» (цит. по: Там же. С. 250).

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и М. Н. ХАРУЗИНА (1881—1883)

Публикация С. А. Ипатовой

Корреспондент и знакомый Фета — Михаил Николаевич Харузин (1859—1888), правовед, фольклорист, этнограф, антрополог, родился в Москве в купеческой семье. Его отец — Николай Иванович Харузин (1830—1880), купец I гильдии (суконная торговля), выходец из Сибири — состоял в дружеских и деловых отношениях с московскими купеческими семействами Боткиных, Третьяковых, Прохоровых, Щукиных, Алексеевых, Милютиных, что создавало определенное окружение и уровень нравственной и культурной атмосферы в доме. В семье было шестеро детей, четверо из которых, включая Михаила, стали впоследствии известными учеными.

Учился Михаил в Поливановской гимназии, но по настоянию отца в 1871 году продолжил обучение в немецкой гимназии города Ревеля (ныне Таллин) в Эстляндской губернии.[1] Смерть отца в марте 1880 года стала для Михаила, старшего из братьев, тяжелым испытанием. Сестра Вера вспоминала: «Мише приходилось в это время решить дальнейшую свою судьбу: продолжать ли прекрасно поставленное „дело“ папы или, прикончив его, поступить в университет и отдаться умственному труду. Он выбрал последнее».[2] Решено было продать отцовское дело купцам Щукиным, а полученные деньги обратить в процентные

[1] По воспоминаниям сестры, «из ученья Миши в Поливановской гимназии ничего не выходило. Папе посоветовали отдать его в немецкую гимназию в Ревеле» (*Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. М., 1999. С. 44. Далее сокращенно: *Харузина*, с указанием страницы).

[2] См.: Там же. С. 382.

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-384-448

бумаги. Михаилу, которому шел двадцать первый год, пришлось взять на себя заботы о младших братьях и сестрах. Именно он оказал влияние на их дальнейший выбор профессии — впоследствии два брата и сестра стали этнографами, антропологами и внесли ценный вклад в развитие этнологии: Алексей (1864—1932),[3] Николай (1865—1900)[4] и сестра Вера (1866—1931).[5] После смерти отца, вспоминала В. Н. Ха-

[3] См.: *Керимова М. М.*, *Наумова О. Б.* 1) Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 1 / Сост. Д. Д. Тумаркин. С. 164—198; 2) Архив А. Н. Харузина в библиотеке МГУ // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 159—160; *Керимова М. М.* А. Н. Харузин (Политический портрет) // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 30—44. См. также: *Харузин А. Н.* Библиографический указатель книг и статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. М., 1891; *Харузин А. Н.*, *Харузин Н. Н.* Материалы для изучения древностей Эстляндской губернии. М., 1896. 18 с.

[4] См.: *Миллер В. Ф.* Николай Николаевич Харузин <Некролог> // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 45. № 2. С. 1—12; Письма В. В. Кандинского к Н. Н. Харузину / Публ., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. М. М. Керимовой // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. 3. С. 481—496. См. также: *Харузин Н. Н.* 1) Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М., 1889; 2) Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. 472 с.; 3) Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. 99 с.; 4) Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. М., 1899. 72 с. и др. В 1887 г. Вера Харузина сопровождала брата Николая в экспедиции на Кольский полуостров. Результаты экспедиции были приведены в книге «Русские лопари», удостоенной Золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Умер Николай, не дожив до 35 лет. Написанный им учебник по русской этнографии (первый в России) после его смерти был подготовлен к печати сестрой Верой и средним братом Алексеем.

[5] В. Н. Харузина в 1882 г. поступила в классическую гимназию С. Н. Фишер сразу в четвертый класс, окончила ее в 1886 г. с золотой медалью; с 1884 по 1891 г. слушала публичные лекции в России (В. И. Герье), а также в Париже (1892—1893); до революции — первая женщина-профессор этнографии на Высших женских курсах, в Археологическом институте, после революции — в Московском университете; автор многочисленных трудов по этнографии (см.: *Керимова М. М.* Этнограф Вера Николаевна Харузина // Гласник этнографского Института САНУ. Београд, 2008. № 1. С. 19—36; *Некрылова А. Ф.* Вера Николаевна Харузина и этнография ее времени (1866—1931) // Харузина В. Н. Этнография. Лекции. СПб., 2007). См. также: *Харузина В. Н.* 1) На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890. 236 с., подпись: «В. Х.»; 2) Сказки русских инородцев (С краткими бытовыми очерками и иллюстрациями) / С предисл. В. М. Михайловского. М., 1898; 3) Вотяки. М., 1898. 48 с. и др.

Кроме Веры в семье были еще две сестры: Елена (в замуж. Арандоренко; 1860—1924) и Ольга (умерла в четыре года от кори). Подробнее о семье Харузиных и их переписке с выдающимися учеными и деятелями культуры см.: *Керимова М. М.* 1) Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 90—106; 2) Жизнь, отданная науке: Семья этнографов Ха-

М. Н. Харузин.
Фотогравюра ателье Шерер, Набгольц и К°. Москва, 1880-е гг.

рузина, Миша «твердо решил, что будет маме опорой и помощью в ее житейских затруднениях и заботах о младших его братьях и сестрах».[6]

В 1881 году Михаил поступил на юридический факультет Московского университета. Из общения с И. С. Аксаковым, знаменитые пятницы которого он регулярно посещал, Харузин вынес славянофиль-

рузиных. Из истории российской этнографии (1880—1930-е годы). М., 2011. С. 26—74 (Глава I: Михаил Николаевич Харузин: недолгое счастье творчества (1859—1888)).

[6] *Харузина.* С. 381.

Н. Н. Харузин.
Фотография П. Павлова. Москва, после 1891 г.

ские убеждения. Окончив курс, провел несколько месяцев в Берлинском и Гейдельбергском университетах, где завершил свое образование. В студенческие годы под влиянием профессора М. М. Ковалевского он занялся изучением обычного права и религии народов России, эта тема стала одной из основных в его научном творчестве. Кроме того, с благословения своего учителя В. Ф. Миллера, Харузин заинтересовался фольклором русских и других народностей Севера.

Считая сбор полевой информации важным видом научной деятельности, в летние месяцы 1881 года молодой ученый отправился в экспе-

дицию на Север. Вера Харузина вспоминала, что это «был год первой этнографической поездки Миши. Он приступал к ней как к священнодействию» и «ехал на Русский Север не с целью собирания этнографических сведений, как ездил в следующий год к вотякам, а лето спустя — в Область Войска Донского. Он хотел познакомиться воочию с жизнью народа, которую он знал только по книгам и которой глубоко интересовался и горячо любил. Ему только минуло в это лето 22 года, и он был весь восторженно настроен. <...> На нашем Севере он надеялся встретиться с сохранившейся издавна самобытностью русского народа».[7]

Мы не располагаем точными данными, что послужило поводом к знакомству молодого студента с известным поэтом, хотя известно, что оно состоялось в Воробьевке 18 февраля 1881 года. Разница в возрасте не помешала быстрому сближению, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Потерявший в 1880 году отца, Михаил Харузин нашел в Фете отеческую поддержку, интерес к своим научным разысканиям и, в свою очередь, почувствовал масштаб личности поэта и мыслителя, к тому же одержимого желанием неустанно трудиться. Недаром в одном из писем Харузин признавался: «...я не только сочувствую Вам от всего сердца, но и стараюсь всегда брать Вас себе за образец при занятиях, ибо не видал человека, который бы столь добросовестно и успешно умел трудиться, как Вы, несмотря на Ваши преклонные лета и на Ваше положение» (см. письмо 31).

Молодой человек произвел на Фета самое благоприятное впечатление. 23 февраля 1881 года поэт писал Д. П. Боткину: «Молодой Харузин оставил Алек<сандру> Ивановичу 25 рублей для задатку на квартиру в случае согласия матери. Скажу Вам откровенно, что этот юноша, своим тоном, образом мыслей и всей манерой, произвел на меня самое отрадное впечатление. Он еще мальчик; но если бы на Руси побольше завелось подобных мальчиков, дело ее было бы в шляпе. Толковый и хороший мальчик!».[8]

Фет не ошибся: Михаил Харузин действительно оправдал эту характеристику. К сожалению, его блестяще начавшаяся научная карьера была трагически оборвана внезапной болезнью: в сентябре 1888 года он скончался в Ревеле от тифа.

21 августа 1881 года Харузин подробно описал Фету свою первую этнографическую экспедицию (см. письмо 6), а уже после второй экспедиции по Вятской губернии, предпринятой летом 1882 года, молодой ученый, еще не окончивший университетского курса, был избран секретарем Этнографического отдела императорского Общества лю-

[7] См.: *Харузина*. С. 431.

[8] *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 5 об.—6. Сообщено И. А. Кузьминой.

Лопарь в национальном костюме.
Фотография. 1887 г.

бителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).[9]

Вскоре Харузин серьезно занялся проблемой эволюции «вольного казачества» на Дону и совершил четыре поездки в Область Войска Донского (1881, 1882, 1883 и 1885); результаты этих экспедиций вошли в его первую монографию, посвященную «неутомимому борцу за русское народное самосознание И. С. Аксакову».[10] Возможно, именно

[9] См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1903. Т. 37. С. 91. См. также: *Керимова М. М.* Этнографические изыскания М. Н. Харузина (К 150-летию со дня рождения) // Славяноведение. 2010. № 6. С. 18—26.

[10] См.: *Харузин М. Н.* Сведения о казацких общинах на Дону: Материалы для обычного права. М., 1885. Вып. 1; рец. см.: Юридический вестник. 1885. № 8 (А. Филиппов). Об этом обширном труде молодого ученого М. М. Ковалевский позже

учение И. С. Аксакова и общение с ним побудили Харузина обратиться к проблеме казачьей «самости». По мнению Веры Харузиной, Аксаков тоже ценил Харузина: «Он подарил ему одно из своих сочинений с дорогой для Миши надписью: „Последнему славянофилу, М. Н. Харузину“. И он был, пожалуй, прав: благородное, идеалистическое направление в славянофильствующей мысли тогда угасало. Такой идеалист, как Миша, с молодым горячим сердцем, с любовью к родине и всему славянскому миру должен был нравиться старику Аксакову».[11] Вскоре труд молодого ученого «Программа для собирания народных юридических обычаев» (1887) был принят в качестве кандидатской диссертации по кафедре государственного права при Московском университете.

Известен вклад Харузина в создание журнала «Этнографическое обозрение». Идея журнала, по мнению М. М. Керимовой, принадлежала В. Ф. Миллеру и была поддержана товарищами председателя Этнографического отдела императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии М. М. Ковалевским, В. М. Михайловским и секретарем М. Н. Харузиным, «а позднее Н. Н. Харузиным, занявшим место секретаря после ранней смерти брата».[12]

В июле 1887 года Харузин оставил должность секретаря и переехал в Ревель, где поступил на должность старшего чиновника особых поручений при эстляндском губернаторе С. В. Шаховском. Здесь ученый начал заниматься «балтийским» вопросом: изучать историю края, бытовые условия разных народностей губернии, собирать архивные документы, публиковать их в «Эстляндских губернских ведомостях», еженедельнике, редактором неофициальной части которого он вскоре стал; кроме того, в «Московских ведомостях» (1887—1888) он успел поместить несколько «Писем с Балтийской окраины» (под псевдонимом «Николай Безымянный»).[13] В этот период деятельность Харузина-чи-

---

вспоминал: «...не стало Харузина, кандидатская диссертация которого об обычном праве донских казаков была напечатана толстым томом и служит теперь настольной книгой для всякого, кто желает познакомиться с особенностями быта этой обширной области нашего отечества» (см.: *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 234).

[11] *Харузина*. С. 467.

[12] См.: *Керимова М.* О создании журнала «Этнографическое обозрение» (1889—1916) (по архивным материалам В. В. Богданова) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 398.

[13] В рассмотрении остзейской проблемы с позиций славянофильства Харузин, вероятно, следовал за Ю. Ф. Самариным, взгляды которого были изложены в книге «Окраины России. Русское Балтийское поморье» (В 5 ч. Берлин, 1868—1876), запрещенной в России. За 1888 г. Харузиным в Ревеле были изданы следующие труды: «Указатель хронологический и систематический законов для Прибалтий-

новника и ученого была направлена прежде всего на распространение и укрепление влияния России в Эстляндском крае, на возрождение коренной эстонской народности. Стремясь оправдать русификацию как уравнение прав всех народов Прибалтики, он с сочувствием писал об эстонцах; как публицист выступал против насильственной германизации местного населения.[14]

24 февраля 1881 года Фет ответил Харузину на его письмо от 18—23 февраля (неизв.), посланное через А. И. Иоста, вероятно, сразу после знакомства: «...я радуюсь только обстоятельствам, доставившим мне случай с Вами познакомиться» (см. письмо 1). Завязалась переписка. Вскоре молодой человек стал бывать в только что приобретенном доме поэта и его жены на Плющихе (дом Харузиных находился по соседству, на Собачьей площадке). По этому поводу он писал Фету 9 сентября 1881 года: «Прочитав Ваше письмо, я чрезвычайно обрадовался, поистине пришел в восторг: бывать у Вас — для меня составит высокое наслаждение, и я горячо благодарю Вас за Ваше любезное позволение; но теперь оно еще приятнее, потому что я столь близко буду жить от Вас, так как с Собачьей Площади до Плющихи лишь несколько шагов» (см. письмо 8).

В письмах Фета к Харузину содержатся поздравления с праздниками, приглашения в Воробьевку, просьбы о приобретении книг, сообщения о своих переводах из Горация и «Фауста» Гёте, советы читать философов, а также благодарность за помощь в немецких переводах. «Миша был хорошо принят у А. А. Фета, — вспоминала В. Н. Харузина. — Он бывал у старика поэта в его доме на Плющихе, где царила своим сердечным гостеприимством Мария Петровна Шеншина, жена Афанасия Афанасьевича, чрезвычайно добрая и внимательная хозяйка. Здесь Миша встречал Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и др. Фет неоднократно приглашал Мишу к себе в Воробьевку, и Миша гостил там».[15] Сохранились также поздравления с днем рождения от Михаила Харузина к Марии Петровне (см. *Приложение*).

В Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ находится 13 писем Харузина к Фету за 1881—1883 годы, в которых молодой ученый и студент пишет о студенческой жизни, экзаменах, отношениях между студентами и преподавателями, а также описывает свои впе-

---

ских губерний с 1704 по 1888 г.», «Православие на островах Даго и Вормс», «Пюхтица — святое место, бытовой очерк из Балтийской действительности», «Эстляндская святыня. Пюхтица, 15 августа 1888 года», а также «Балтийская конституция. Историко-юридический очерк» (М., 1888); см. также: Богородицкая гора в Эстляндии (Древний памятник православия на Балтийском поморье). М., 1889.

[14] См.: *Керимова М. М.* «Лютеране... насилуют эту совесть»: Балтийский вопрос в публицистике М. Н. Харузина // Родина. 2011. № 12. С. 128—130.

[15] *Харузина*. С. 467—468.

чатления от экспедиций на Север, предпринятых им в 1881 и 1882 годах. 2 сентября 1882 года в письме к Фету Харузин приводит живописные этнографические зарисовки о вотяках (удмуртах) и других народностях Сарапульского уезда Вятской губернии, сообщает свои впечатления о поездке на Ижевский оружейный завод, описывает быт вотяков, башкир и татар, их праздники. Картина быта и культуры вотяков представлена в письмах Харузина к Фету профессиональным этнографом и фольклористом, однако нередко замечается стремление к художественному воспроизведению собственных впечатлений (см., например, письмо 22).

Позже некоторые бытовые зарисовки из жизни народностей Вятской губернии будут опубликованы молодым ученым в специальном журнале.[16] Оценивая эту первую научную работу Харузина, В. Ф. Миллер писал об авторе: «Он смотрит на народ с любовью этнографа, наблюдая самые разнообразные проявления народного духа, религиозные верования, обряды, обычаи и т. п., и, сосредоточивая главное внимание на юридических понятиях, старается, однако, по возможности нарисовать полную картину всего склада народной жизни».[17]

В письме к Фету от 24 апреля 1881 года Харузин дал подробное описание неспокойной обстановки в Московском университете после убийства 1 марта 1881 года Александра II, полагая, что радикализация студентов будет продолжаться, «доколе вместо специального занятия, напр<имер> юридическими науками, станут с кафедры входить в *пространные* обсуждения женского вопроса и т. п. и явно давать понимать слушателям свое недовольство существующим порядком в нашей стране, вместо чтения лекций в рамках исключительно научных, доколе будет проводиться известная тенденция» (см. письмо 3). С разрешения Харузина, копию большей части этого письма Фет послал М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях», сопроводив своим комментарием: «Я счел не лишним представить Вам в копии выписку из письма ко мне студента Моск<овского> унив<ерситета>; на что испросил его согласие с условием не выставлять ни моего, ни его имени».[18] И далее привел это письмо с некоторыми сти-

[16] *Харузин М. Н.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губ. // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257—291; отд. изд.: М., 1883. 36 с. См.: *Керимова М. М.* Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие. С. 90—106.

[17] См.: Михаил Николаевич Харузин † <Сб. некрологов>. Скончался в Ревеле 25 сентября 1888 г. Ревель, 1888. С. 57—58.

[18] 30 апреля 1881 г. Харузин, отвечая на неизвестное письмо Фета, дал согласие на пересылку своего письма Каткову и просил, во избежание возможных неприятностей для студентов, не называть упомянутых имен (см. письмо 4).

листическими расхождениями от оригинала. В конце выписки Фет прибавил: «Приятно читать подобное письмо юного адепта науки! Вы бы были благодетелем юношей, если бы <поспособствовали? помогли?> тому очищению, о котором он вздыхает».[19]

Обнаружить публикацию этого письма в «Московских ведомостях» за 1881 год (начиная с конца апреля) не удалось. 22 мая 1882 года Харузин жаловался Фету на диктат профессоров при экзаменационных испытаниях (см. письмо 18). Возможно, Катков заказал Харузину статью об этом и опубликовал ее в августе 1882 года. Обширная статья, помещенная в «Московских ведомостях» под названием «К вопросу об университетских экзаменах» за подписью «Студент» (об устаревшем учебном процессе на юридическом факультете, произволе профессоров и необходимости реформы), по всей видимости, принадлежит Харузину, хотя неоспоримых доказательств тому пока нет.[20] В редакционной статье от 10 августа 1882 года Катков, справедливо считавший, что правильная организация преподавания и экзаменационных испытаний является краеугольным камнем университетской реформы, писал, ссылаясь на «фотографически верную» картину, нарисованную «студентом»: «В каком ныне состоянии находится обучение тысячей молодых людей, правительством порученных произволу автономных профессорских корпораций, можно видеть из помещенной ниже статьи „К вопросу об университетских экзаменах“, писанной студентом под живым впечатлением им лично испытанного».[21] Позже, как уже упоминалось, Харузин будет сотрудничать в «Московских ведомостях».

О резко отрицательном отношении к студенческим волнениям Фет говорил и писал неоднократно, полагая, как и Катков, что университеты с их автономией от государства являются рассадниками радикализма. Так, в письме к С. В. Энгельгардт от 27 марта 1881 года, критикуя меры по предотвращению покушений, Фет задавался вопросами: «Возможно ли забавляться такими детскими игрушками, как караулы застав, обыски, там, где каждая редакция, каждая школа, каж-

---

[19] *РГБ*. Ф. 120. Папка 24. Л. 42 об.—43 об. См. также: Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. В. Н. Абросимовой // Philologica: Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии. М., 1996. Т. 3. № 5/7. С. 302 (здесь, с незначительными расхождениями, приведена копия этого письма Фета, сохранившаяся в фонде Каткова; публикатору письма имя автора, Харузина, осталось неизвестно). Начало данного письма Харузина также приведено в кн.: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 208.

[20] См.: *Студент <Харузин М. Н.?>*. К вопросу об университетских экзаменах // *МВед*. 1882. 10 августа. № 220. С. 4, а также письмо 18, примеч. 3.

[21] *<Катков М. Н.>* Москва, 9 августа // Там же. С. 2.

дый чиновник — гнездо и сосуд коммунизма? <...> Где же им бороться с иноземной революцией, снабженной миллионами, когда они не могут управиться у себя под носом с конторой журнала или неумытой и нечесаной толпой нищих студентов. <...> Неужели целую огромную империю могут запугать и разрушить несколько негодяев?».[22] Или, например, в письме Фета к Е. Д. Дункер от 26 ноября 1887 года читаем: «Вчера <...> даже Соловьев не пришел, — догадываюсь, по причине студенческой истории, зная мое воззрение на такие подвиги».[23]

Таким образом, Фета связывала с его корреспондентом не только заинтересованность в судьбе талантливого молодого человека, увлеченного наукой, но и общность политических убеждений, неприятие либеральных тенденций в обществе и особенно в студенческой среде. Переписка Фета с Михаилом Харузиным, по мнению современного исследователя, дает возможность понять, «что же связывало в то время молодого двадцатилетнего человека и шестидесятилетнего поэта. Во-первых, они оба выпускники Московского университета, и, видимо, поэтому Афанасий Афанасьевич интересовался новыми порядками и течениями студенческой жизни», а также любовь к немецкой философии и литературе.[24] Не мог остаться равнодушным Фет и к тяге молодого человека к философии, искусству и к своему творчеству. 24 апреля 1881 года Харузин, считавший Фета своим наставником, писал, что учиться нужно «у того поколения людей, которое в 60-тых годах было названо „отцами“, а теперь — в 80-тых уже стали дедами, у которых не ум один, а развито и сердце, у которых есть вера, а не повальное подавляющее и бесконечное отрицание и отрицание, которые поклонники прекрасного, служители и проповедники эстетики. Вот — лучшие люди» (см. письмо 3). «С Вашей помощью я стану на верную дорогу», — откровенно признавался он в письме от 9 сентября 1881 года (см. письмо 8).

С готовностью и радостью исполнял Харузин разные поручения поэта, стараясь оказать посильную помощь. В эти годы, вспоминала его сестра Вера, Фет «был занят переводом первой части „Фауста“ и печатал сборник своих стихотворений „Вечерние огни“. В корректуре ему помогал Миша, и мы, младшие, очень гордились этим».[25] Поз-

---

[22] <Письмо А. А. Фета к С. В. Энгельгардт от 27 марта 1881> / Публ. Н. П. Генераловой // Автограф. СПб., 1998. № 4. С. 10—12.

[23] См.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 301.

[24] *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Материалы докладов к XII Фетовским чтениям. Курск, 1997. С. 16.

[25] См.: *Харузина*. С. 468. Первый выпуск «Вечерних огней» (М., 1883) вышел в феврале 1883 г. (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

же, когда вышел перевод «Фауста», Вера вспоминала, как друг семьи Харузиных Г. А. Рачинский,[26] впоследствии известный философ и переводчик, принес к ним «по этому поводу» все «имевшиеся в то время переводы „Фауста“ и подверг их сличению и критическому разбору».[27]

Богатейшая семейная библиотека Харузиных, содержащая 7449 единиц, хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета, выпускниками которого были все братья Харузины.[28] В собрании есть две книги Фета, подаренные поэтом Михаилу Харузину с дарственными надписями — на сборнике «Вечерние огни» (М., 1883): «Любезнейшему сотруднику Михаилу Николаевичу. Автор» и на фетовском переводе «Фауста» Гёте, где на с. 193—224 имеются пометы переводчика, а на с. 224 запись рукой Фета: «Исправить и прислать с первой корректурой». В библиотеке Харузиных сохранились и другие книги Фета: «Стихотворения» (В 2 т. М., 1863) и переводы: «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра (СПб., 1881), «К. Гораций Флакк» (М., 1883), «Стихотворения Катулла» (М., 1886), «Элегии Тибулла» (М., 1886).[29]

Судя по всему, до нас дошла лишь часть переписки, а именно до весны 1883 года, но, скорее всего, она продолжалась и позднее. Вместе с тем очевидно, что большая часть общения проходила изустно. Так или иначе, в сентябре 1888 года это общение прекратилось со смертью молодого ученого. Из Ревеля семья перевезла тело в Москву, где он был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.[30] В статье

---

[26] *Рачинский* Григорий Алексеевич (1859—1839), философ, переводчик, религиозный публицист, впоследствии постоянный председатель религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева; двоюродный брат С. А. Рачинского, профессора ботаники, ставшего сельским учителем. В РГАЛИ сохранилось письмо М. Н. Харузина к Г. А. Рачинскому (Ф. 427. Оп. 1. № 2942; б. д.).

[27] *Харузина*. С. 472.

[28] См.: *Керимова М. М., Наумова О. Б.* Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог. С. 164. Вероятно, часть библиотеки сгорела в 1922 г. при пожаре дома Харузиных на углу Кречетниковского и Борисоглебского переулков (Там же. С. 195).

[29] См.: *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета. С. 14. См. также: *Лебедева <Ивашкина> С. Е.* Харузины — семья этнологов // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фонда Отдела редких книг и рукописей. М., 2004. С. 312—322.

[30] Некрологи см.: Рижские епархиальные ведомости. 1888. № 18; Рижские вести. 1888. № 213—215; Курляндские губернские ведомости. 1888. № 78; Эстляндские губернские ведомости. 1888. № 38—40; *СПбВед.* 1888. 28 сентября. № 269; Новости. 1888. № 276 (автор некролога Г. А. Исаев); *МВед.* 1888. 29 сентября. № 270. С. 5 (статья А. Третьякова); *ИВ*. 1888. № 12 (автор некролога А. А. Половцов) и др. См. также сборник, составленный из памятных речей и выдержек из некрологов: Михаил Николаевич Харузин †. Некролог в виде развернутой статьи см.: *Мил-*

«Похороны М. Н. Харузина», опубликованной в «Московских ведомостях», говорилось: «По окончании отпевания в храме св. Иоанна Предтечи, что в Кречетниках на Новинском бульваре, гроб был донесен на руках до Собачьей Площадки», где перед домом родителей «был поставлен на колесницу и печальное шествие проследовало по Смоленскому рынку, Плющихе и Девичьему полю до Новодевичьего монастыря».[31] Неизвестно, приезжал ли Фет на похороны своего молодого друга, в тот год он вернулся из Воробьевки в Москву лишь в начале октября, однако гроб с телом Харузина был провезен мимо окон дома на Плющихе, где он часто бывал.

По воспоминаниям В. Н. Харузиной, брат Михаил «никогда не скрывал своих убеждений — славянофильских, монархических, националистических, хотя в то время они и вызывали у иных насмешливые улыбки и гримасы. Но, может быть, это смелое исповедание своих убеждений наиболее импонировало кружку молодежи — его товарищам по университету».[32] Позже, уже потеряв старшего брата и наставника, она сформулировала в дневнике общий для себя и своих братьев девиз: «Служение России, служение народу, изучение России — вот наш символ, за который мы будем биться».[33]

Сохранившаяся переписка Фета и Михаила Харузина, охватывающая два года (1881—1883), представляет несомненный историко-культурный и литературный интерес и позволяет не только конкретизировать их взгляды и убеждения, но также ввести в научный оборот малоизвестные или новые факты творческих и житейских биографий обоих корреспондентов и определить круг общих знакомых, среди которых философ Вл. С. Соловьев, духовный писатель М. И. Хитров, семья Д. П. Боткина, профессор В. И. Герье, управляющий имениями Фета А. И. Иост и многие другие. Разумеется, нередко речь заходит о членах замечательной семьи Харузиных.

После смерти Фета мать Михаила Харузина Мария Михайловна 22 ноября 1892 года отправила сочувственную телеграмму Марии Петровне Шеншиной: «Глубоко сожалею искренно сочувствую вашему горю. Мария Харузина».[34]

Сохранилось 19 писем и записок, а также одна телеграмма Фета к М. Н. Харузину (см.: Отдел письменных источников Государствен-

лер В. Ф. Памяти М. Н. Харузина // Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). М., 1889. Т. 61. Кн. 9. Вып. 1 (с портретом).

[31] См.: *МВед.* 1888. 2 октября. № 273. С. 2.

[32] *Харузина.* С. 468.

[33] Цит. по: *Керимова М. М.* Жизнь, отданная науке. С. 6.

[34] *РГБ.* Ф. 315. К. 12. № 23. Л. 1.

ного исторического музея (*ОПИ ГИМ*). Ф. 81. № 99**)** и 12 писем Харузина к Фету, а также одно письмо Харузина к М. П. Шеншиной (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22, № 21). Копии писем Фета к Харузину, сделанные рукой Н. Н. Черногубова, хранятся в РГБ (Ф. 315. К. 4. № 44. Л. 1—26).

Письма Фета и М. Н. Харузина печатаются по подлинникам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных авторских особенностей, сохраненных в публикации без изменений. Приношу искреннюю признательность И. А. Кузьминой, оказавшей в чтении сложного фетовского почерка бесценную помощь.

1
Фет — Харузину
24 февраля 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА[1] 24 февраля.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Перед самым отъездом в воронежскую деревню[2] Александр Иванович[3] получил сегодня Ваше любезное письмо[4] и потому отвечаю Вам я сам.

Очень жаль, что Вы проведете лето не в нашей стороне, и я радуюсь только обстоятельствам, доставившим мне случай с Вами познакомиться.[5] Марья Петровна, передавая Вам, матушке и тетеньке Вашей[6] поклоны, просит сообщить Вам, что оставленные Вами для задатка 25 рублей она просит Софью Сергеевну Боткину[7] передать при личном свидании кому-либо из Вашего семейства.[8]

Будьте здоровы и примите наилучшие пожелания всегда готового к услуг<ам>

Вашим
А. Шеншин<а>.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 19—19 об. На почтовом бланке с адресом.

[1] *Будановка* — железнодорожная станция Московско-Курской железной дороги, ближайшая к имению Фетов Воробьевка. Была открыта в 1868 г., после 1879 г.

получила название Коренная Пустынь, поскольку находилась недалеко от мужского монастыря Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Коренная пустынь), от станции до Воробьевки было около 8 км.

[2] Речь идет о поездке в Грайворонку, имение в Землянском уезде Воронежской губернии, приобретенное Фетом у брата П. А. Шеншина в декабре 1874 г.

[3] «Завтра Александр Иванович, присоединив всем Вашим свои усердные поклоны, уже едет на свою Граворонку, а я пристану к реставрации флигеля <...>», — сообщал Фет Д. П. Боткину 23 февраля 1881 г. (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 6). А. И. Иост (Ост, Йост), агроном, управляющий имениями Фета и его опытный помощник; с 1872 г. управлял имениями Пети Борисова и Оли Шеншиной, состоявших под опекой Фета. Управляющим имениями Фета Иост стал не позже 1873 г. По воспоминаниям поэта, он был для него «ближайшим помощником во всех экономических делах» (*МВ*. Ч. 2. С. 241). В июле 1883 г. Иост, уже к тому времени женатый на племяннице Фетов Ольге Ивановне Щукиной, перешел на службу к Д. П. Боткину и переехал на его сахарный завод в Ново-Таволжанке Белгородской губернии (см.: *Летопись (1985)*. С. 178). С супругами Иост Феты поддерживали дружеские отношения. Сохранились письма Фета к Иостам (1871—1890) и письма Иоста к Фету (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 15—19; К. 8. № 6—8).

[4] Письмо Харузина (неизв.), на которое отвечает Фет, было адресовано на имя А. И. Иоста.

[5] Знакомство Фета с Харузиным состоялось 18 февраля 1881 г. в Воробьевке. 17 февраля 1881 г. Фет извещал Д. П. и С. С. Боткиных: «Завтра у нас блины с московскими Харузиными, которых я не знаю» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 3 об.). По-видимому, М. Н. Харузин намеревался провести лето по соседству с Фетами и даже вручил им задаток в размере 25 рублей серебром для передачи, однако по какой-то причине изменил решение. Еще 27 января 1881 г. Фет писал жене: «Сегодня неделя как мы из Москвы, а право времени не видишь — и в доме еще ни за что не принимались. Сегодня Алек<сандр> Иванович (Иост. — *С. И.*) писал Репину и Анне Петров<не> (Пикулиной. — *С. И.*), что он лично осматривал квартиры, и просил меня поручить тебе передать Харузиной, что квартиры есть прекрасные, со всеми принадлежностями за 200 руб. в лето 6 больших комнат, как в Воробьевке. Каменный бельэтаж. Чего же лучше. Но надо, чтобы она решилась и вручила тебе задаток для совершения письменного условия, с задатком. Ибо квартиру могут взять, так как дачников много — даже из Петербурга. Комнат оказывается 7 с мебелью и кроватями деревянными. — Если бы это был Дмитрий Петрович, то я бы молча дал задаток, но за г-жу Харузину, основываясь на ее лишь словах, я не имею капиталов давать задатки» (Там же. К. 2. № 26. Л. 11—11 об.). Скорее всего, визит Харузина в Воробьевку с кем-то из членов его семьи был связан с этим обстоятельством. В письме от 23 февраля 1881 г. к Д. П. Боткину Фет сообщал: «Молодой Харузин оставил Алек<сандру> Ивановичу (Иосту. — *С. И.*) 25 рублей для задатку на квартиру в случае согласия матери» (Там же. К. 3. № 4. Л. 5 об.).

[6] Речь идет о Марии Михайловне Харузиной (урожд. Милютина), матери М. Н. Харузина, и его тетке Александре Ивановне Харузиной, родной сестре отца Михаила Н. И. Харузина (см. о ней: *Харузина*. С. 23—27, а также примеч. 8 к письму 2).

[7] С. С. Боткина (урожд. Мазурина; 1840—1889), жена Д. П. Боткина, брата Марьи Петровны. С семьей Д. П. Боткина Фета связывали наиболее близкие отношения. См. примеч. 7 к письму 2.

[8] Речь идет о задатке за аренду дачи для Харузиных по соседству с Фетами, однако аренда не состоялась. По поводу возвращенного задатка Харузин писал 24 апреля 1881 г.: «25 руб. сер. я получил и премного благодарен» (см. письмо 3).

2
Фет — Харузину
18 апреля 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

18 апреля.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Вместе с Марьей Петровной приносим Вам нашу искреннюю признательность за любезную память и поздравление с праздниками,[1] на которое не отвечал раньше, так как только что вернулся из земского собрания по невозможной дороге.[2] Вы, конечно, не знаете наших деревенских порядков. На наших станциях ж<елезной> д<ороги> телеграммы, т. е. доставка их, необязательны. И потому я даже просил на станции отправлять мне с нарочным только деловые телеграммы, а остальные оставлять до востребования. Ваша тоже пришла в разлив реки[3] только на третий день, и нарочный истребовал за нее 2 рубля.[4] Пишу Вам это, чтобы доказать на ничтожных примерах, до какой степени у нас теория расходится с практикой, и то, что кажется нашим кабинетным людям хорошим и удобным, нередко выходит совершенно неприложимым.[5] Радуюсь тому очищению, которому отчасти подвергся Ваш университет.[6] Ведь право стыдно, чтобы молодежь, собирающаяся стать во главе интеллигенции, опускалась до уровня уличных наклейщиков. Жаль, что Вы не написали, получили ли Вы 25 рублей задаточных, которые Марья Петровна просила Софью Сергеевну[7] передать Алек<сан>дре Ивановне,[8] которую просим поздравить от нас с праздниками.[9] К этому Марья Петровна присовокупляет свой усердный поклон матушке Вашей.[10]

Нам остается сожалеть, что судьба лишает нас на лето приятного Вашего соседства,[11] и пожелать Вам от души здоровья и всяческих успехов.

Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 20—21 об. На почтовом бланке с адресом.

[1] Речь идет о праздновании Пасхи, которая пришлась в 1881 г. на 12 апреля.

[2] Земское собрание — уездный и губернский представительный орган земских учреждений в России в 1864—1917 гг. Земские собрания проводили выборы земских управ, осуществляли контроль за работой, утверждали земский бюджет, собрание созывалось один раз в году, однако созывались также чрезвычайные и экстренные собрания.

[3] Река Тускарь Курской губернии, на берегу которой располагалось имение Фета Воробьевка, приток реки Сейм.

[4] Местонахождение поздравительной телеграммы Харузина, на получение которой откликается Фет, неизвестно.

[5] Часто повторяемая Фетом мысль. Так, в письме к П. В. Шейну от 24 апреля 1888 г. он писал, что «пришел к убеждению, что я совершенно прав, считая, что кабинетные люди мало соприкасаются с действительностью и, привыкши смотреть на отвлеченно возможное, но не действительное, могут являться для людей поверхностных совершенно непонятными» **(**см.: *ФетСб(3)*. С. 613**)**.

[6] В связи с убийством Александра II 1 марта 1881 г. в Московском университете начались студенческие волнения и многолюдные сходки, в результате чего прошли жандармские обыски, аресты и исключение из университета более 300 человек. Проректор профессор С. А. Муромцев был вынужден выйти в отставку (см.: *Дергачева Л. Д.* Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 2008. № 6. С. 7—8). См. также письмо 3, примеч. 3. 7 марта 1881 г. Фет писал Д. П. Боткину: «Не стану описывать того ужаса, в который повергла нас изустная молва 2-го марта *Царь убит*. — Дай Бог новому более сил побороть все разрастающееся зло. Мы сами всему виной и винить некого. С фразами далеко не уедешь» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 7).

[7] Речь идет о С. С. Боткиной, жене Д. П. Боткина, одного из самых близких Фету людей в семействе Боткиных. Предприниматель, совладелец чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», председатель московского Общества любителей художеств (1877—1889), он был известным коллекционером и благотворителем. Дом Боткиных отличался гостеприимством, здесь проходили балы для молодежи из купеческих семей (см.: *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 53). До приобретения собственного дома на Плющихе Феты нередко по месяцам гостили у Боткиных в зимнее время. 27 марта 1881 г. Фет писал Д. П. и С. С. Боткиным: «Вы у меня теперь одни самые близкие мне люди, люди, переступая за порог которых, я никогда не чувствую стеснения, которое всегда чувствуешь вне собственного угла. — Хорошо у чужих гостить день, два, но невозможно гостить у чужих людей по м<еся>цам, как мы это делаем у Вас. Но даже совершенно независимо от нашего у Вас пребывания, я просто чувствую к Вам ту близость по душе, которой, увы, не чувствую ни по отношению ни к кому» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 9). О возврате и получении задатка см. примеч. 5 к письму 1.

[8] Об А. И. Харузиной см. примеч. 6 к письму 1. «Большое место в умственном и эстетическом развитии детей Харузиных занимала любимая тетя Александра Ивановна. <...> от нее получали они первые сведения о великих деятелях России, о многих исторических и культурных памятниках Москвы и Подмосковья» (*Керимова М. М.* Жизнь, отданная науке. С. 31).

[9] Речь идет о празднике Пасхи (см. примеч. 1 к наст. письму).
[10] М. М. Харузина (см. примеч. 6 к письму 1).
[11] См. примеч. 5 и 8 к письму 1.

3
Харузин — Фету
24 апреля 1881 г. Москва

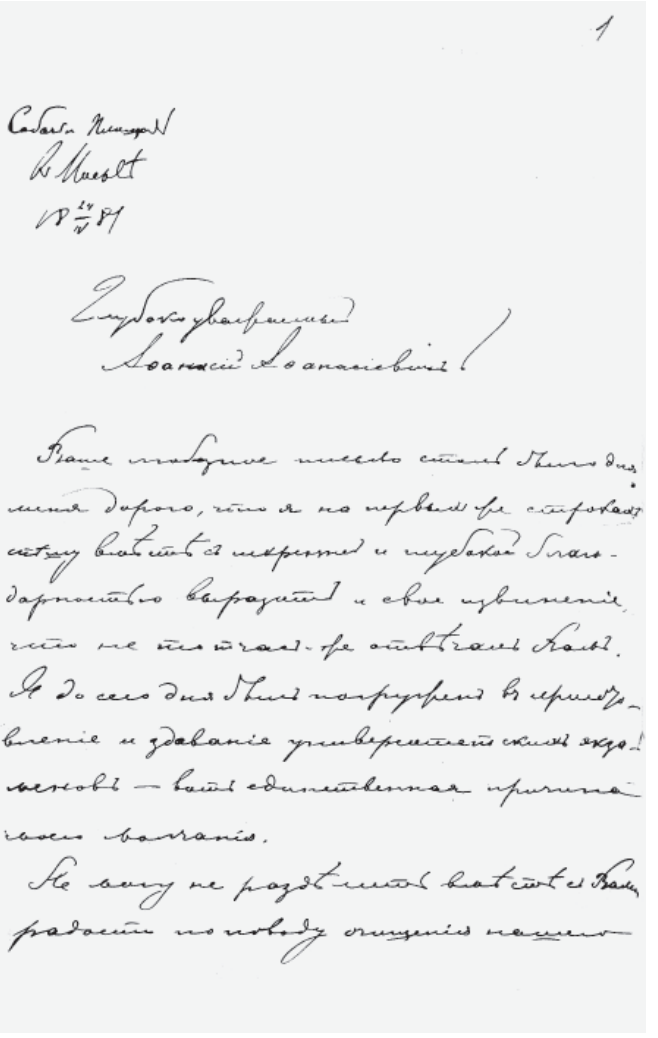
Собачья Площадь[1]
в Москве.
$18\frac{24}{IV}81$.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич!

Ваше любезное письмо[2] столь было для меня дорого, что я на первых же строках спешу вместе с искренней и глубокой благодарностью выразить и свое извинение, что не тотчас же отвечал Вам. Я до сего дня был погружен в приготовление и сдавание университетских экзаменов — вот единственная причина моего молчания.

Не могу не разделить вместе с Вами радость по поводу очищения нашего университета, хотя должен прибавить, что это очищение, на мой взгляд, не вполне было произведено.[3] Многое хотелось бы мне сказать по сему поводу, но, опасаясь Вас утомить излишними рассуждениями, скажу в немногих словах. — Разумеется, я не хочу не только защищать, но даже сколько-нибудь оправдывать своих бывших товарищей и тех из настоящих, которые пожелали бы следовать их примеру: их — по мне — осудил сам народ. Примером послужит случившееся в Москве недавно более чем грустное происшествие: один извозчик ударил топором в голову другого потому лишь, что этот в сердцах его назвал — студентом. Это наш-то народ, столь мало — как известно — привыкший к изысканным во время брани выражениям, — совершает уголовное преступление, когда обзывают его — студентом: — грустная иллюстрация в[a] истории последнего десятилетия! — Итак, не защищать хочу я, а засвидетельствовать лишь то, что возможность повторения бестактных и нелепых поступков Московского университета студентов будет — как мне кажется — существовать, доколе руководить ими будут учители, подобно некоторым из теперешних: доколе вместо специального занятия, напр<имер> юридическими науками, станут с кафедры входить в *пространные* обсуждения женского вопроса

[a] *Далее зачеркнуто*: будущей



Письмо М. Н. Харузина к Фету от 24 апреля 1881 г.
Первая страница

и т. п. и явно давать понимать слушателям свое недовольство существующим порядком в нашей стране, вместо чтения лекций в рамках исключительно научных, доколе будет проводиться известная тенденция и т. д. и т. д. — Вот с этого-то конца следует начать очищение, ибо эти люди с теми «одного поля ягоды» — как выразился один московский лавочник, показывая кулак профессору Герье,[4] когда последний

ему заявил, что принадлежит к профессорам, а не студентам, которых лавочник в это время бранил. Нет, не этим учителям суждено наставить нас, учащихся, на истинный путь. Теперь, мне кажется, учиться нам нужно не у них, а у того поколения людей, которое в 60-тых годах было названо «отцами»,[5] а теперь — в 80-тых уже стали дедами, у которых не ум один, а развито и сердце, у которых есть вера, а не повальное подавляющее и бесконечное отрицание и отрицание, которые поклонники прекрасного, служители и проповедники эстетики. Вот — лучшие люди. Вот почему подобает *мне* ис<к>ренне сожалеть, «что судьба лишила меня столь приятного соседства»,[6] ибо я провел лишь сутки в Воробьевке, а между тем вынес столь много хорошего и полезного, «habe so vielfache Anregungen empfangen»[b] — как выражаются немцы — что век не забуду это милое место.

Многоуважаемой Марии Петровне прошу передать как от меня, так и от мамы и тети Александры Ивановны[7] низкий поклон.

25 руб. сер. я получил и премного благодарен.[8]

С искренним пожеланием Вам всех благ остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

Приписка: Прошу засвидетельствовать мое почтение и Александру Ивановичу.[9]

М. Х.

На конверте:

Московско-Курская ж. д.,
ст<анция> *Будановка.*
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 25 апр<еля> 1881; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 25 апр<еля> 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 1—3 об.; конверт — л. I. На обороте конверта, в правой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

Фрагмент письма напечатан: Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву. С. 302.

[1] Дом Харузиных (архитектор О. И. Бове) находился на углу Борисоглебского и Кречетниковского переулков (Борисоглебский пер., д. 3); он был куплен отцом

[b] «вынес так много идей» (*нем.*).

в 1876 г. «Тогда же говорили, — вспоминала В. Н. Харузина, — что дом стоит на Собачьей площадке, и письма доходили по такому адресу <...>» (*Харузина*. С. 188). Собачья площадка — небольшая площадь, находившаяся в районе Арбата и Большой Молчановки; известна с XVII в., по преданию, образовалась на месте Собачьего двора для царской охоты; уничтожена в начале 1960-х гг. Дом Харузиных находился приблизительно на месте нынешнего дома № 40 по ул. Новый Арбат (см.: Там же. С. 503).

[2] Харузин отвечает на письмо Фета от 18 апреля 1881 г. (№ 2).

[3] В университете составилась большая группа либерально настроенных профессоров, которая задавала тон в наставничестве студентов, в нее входили В. И. Герье, А. Ю. Давидов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, С. А. Усов и др. Через несколько дней после убийства народовольцами Александра II (1 марта 1881 г.) в Московском университете среди студентов был открыт сбор денег на венок царю-мученику, однако не все студенты разделяли эту подписку. Начались сходки. На одной из них проректор С. А. Муромцев, стараясь удержать протестующих от резких действий, призывал отправить венок, но был освистан радикально настроенными студентами. Последовали аресты, волнения и многолюдные сходки (12 и 31 марта), в результате которых были произведены новые аресты, обыски и исключения из университета. Более трехсот студентов были исключены — на год, на два года или без права восстановления (см.: *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века // *ВЕ*. 1910. № 5. С. 220). Катков как редактор «Московских ведомостей» придавал большое значение университетской теме в связи с убийством императора, считая, что именно университет и шире — либеральная интеллигенция, в том числе университетская профессура, — являются виновными в организации смуты среди молодежи (см.: *Дергачева Л. Д.* Московский университет и газета «Московские ведомости» в 1880-х гг. С. 7—8). См. также письмо 4, примеч. 2. «25 лет мы либеральничали на все тоны и лады и наконец довели либерализм до последней гадости. Что будет теперь Бог весть. Будем ждать хорошего, но до сих пор большинство наших школ были вертепы революции», — писал Фет Д. П. и С. С. Боткиным 11 апреля 1881 г. (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 17).

[4] *Герье* Владимир Иванович (1838—1919), историк и политический деятель; профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904), автор исследований по истории Древнего Рима, а также Великой французской революции. По инициативе Герье в 1872 г. были открыты Московские высшие женские курсы (курсы Герье), директором которых он был до 1888 г.

[5] Намек на роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862), вызвавший бурную полемику в обществе.

[6] В кавычки взяты слова Фета из его письма от 18 апреля 1881 г. (№ 2).

[7] А. И. Харузина, сестра Н. И. Харузина, тетя М. Н. Харузина. См. о ней примеч. 8 к письму 2.

[8] О возврате и получении задатка см. примеч. 5 и 8 к письму 1.

[9] Имеется в виду А. И. Иост. См. примеч. 3 к письму 1.

4

Харузин — Фету

30 апреля 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{30}{IV}81$.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич!

Премного Вам благодарен за Ваше письмо.[1] Разумеется, я ничего не могу возразить на высказанное Вами желание. Если Вы находите возможным переслать мое письмо г. Каткову — то мне это более чем приятно, потому что я уважаю взгляды именно Михаила Никифоровича, высказанные им по поводу последних «историй» в Университете.[2] — Одного лишь опасаюсь я: не повлекло бы подобное заявление за собой какой-либо неприятности со стороны профессоров для всех вообще студентов. — Если Ваше намерение Вы приведете в исполнение, то со своей стороны мне остается лишь попросить Вас сделать это в той именно форме, о какой Вы мне писали, а также не выставлять всего имени профессора Герье.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, навряд ли мне бы удалось выразить, насколько для меня приятно Ваше столь любезное приглашение в Воробьевку: позвольте поэтому лишь искренно и от души поблагодарить Вас. — Вы пишете, что мое посещение для Вас удобнее бы было в 20-тых числах мая. Это меня заставило позадуматься. Прежде всего, мои экзамены окончатся лишь к 26-му мая — следовательно, уже к самому *концу* месяца. Затем я обещал своему знакомому отправиться вместе с ним в Соловецкий монастырь,[3] а оттуда посетить — если это будет возможно — Кольский полуостров и Мурман.[4] Так как по наведенным им справкам, на Белом море и в Лапландии уже рано начинается ненастье, то мы решились поспешить, чтобы вовремя и благополучно объехать этот интересный край. — Ввиду этого я решаюсь просить Вас: не позволили бы Вы мне прибыть к Вам в августе, сентябре или октябре — как для Вас будет удобнее? Если же поступить таким образом нельзя, то позвольте мне в мае приехать на один денек. — Еще раз выражая искреннюю благодарность и от души желая Вам и многоуважаемой Марии Петровне — как от себя, так и от имени нашей семьи всего лучшего, остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте: *Московско-Курская* ж. д.,
ст<анция> *Будановка.*
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 1 мая 1881; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 2 мая 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 4—5; конверт — л. II. На обороте конверта, в левой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «М. Харузин».

[1] Письмо Фета, на которое отвечает Харузин, неизвестно.

[2] Речь идет о серии передовых статей «Московских ведомостей», принадлежавших в основном перу М. Н. Каткова, посвященных университетской теме. Так, в редакционной статье «Москва, 22 апреля» Катков писал: «Нельзя не порадоваться тому, что профессорские коллегии наконец занялись восстановлением законного порядка среди студентов», который водворится, «когда университетские власти будут бдительно смотреть за собою или, вернее, когда правительство будет бдительно смотреть за ними»; государственная власть «как бы упразднила себя в деле столь важном для государства, как высшее образование отборного юношества страны» (*МВед*. 1881. 23 апреля. № 111. С. 3). См. также письмо 3, примеч. 3. Копию большей части письма Харузина от 24 апреля 1881 г. Фет послал М. Н. Каткову для публикации, сопроводив эту выписку своим комментарием, которая, скорее всего, не была опубликована. Подробнее см. во вступит. статье.

[3] Вероятно, речь идет о М. М. Панове, гимназическом друге по Ревелю, сыне таможенника, с которым Харузин отправился в свою первую экспедицию на Север. «Он поехал, — вспоминала Вера Харузина, — прихватив с собой Михаила Михайловича Панова. С дороги оба приятеля писали нам письма <...> Особенно сильное впечатление произвел на Мишу Соловецкий монастырь. Он описал полученное им там и глубоко пережитое им впечатление в длинном восторженном письме к маме <...>» (*Харузина*. С. 431; см. также с. 245—248).

[4] В. Н. Харузина вспоминала: «Его поездка сложилась по следующему маршруту: из Петербурга по рекам Неве и Свири и озерам Ладожскому и Онежскому в Заонежье, оттуда — в Архангельск и Соловки, на Новую Землю, вокруг Кольского полуострова и всей Норвегии домой» (Там же. С. 431).

5
Харузин — Фету
1 июня 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{1}{VI}81.$

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Благополучно окончив обычные в мае экзамены, я приступаю к исполнению задуманного плана — поездки на север. — Сначала я намереваюсь объехать Олонецкую губ. чрез озеро Ладожское, Повенец,[1] Онежское оз<еро>, Вытегру,[2] Кивач.[3] Затем чрез Шенкурский уезд направлюсь на Архангельск, а отсюда в Соловецкий монастырь.[4] Затем я проеду по Кемьскому берегу Белого моря вплоть до Кандалакши,[5] откуда и начну свое странствование частью пешком, частью на лодке в разных направлениях по Лапландии.[6] Наконец из г. Колы,[7] объехав становища и колонии Мурманского берега Ледовитого океана — я возвращусь — если настолько достанет времени — вокруг Норвегии и Швеции домой.[8]

Перед отъездом считаю долгом засвидетельствовать Вам и многоуважаемой Марии Петровне свое почтение и от души пожелать всего самого лучшего.

Итак, до приятного — хотя к сожалению не скорого — свиданья!

Остаюсь глубокоуважающий Вас

Михаил Харузин.

P. S. Многоуважаемому Александру Ивановичу прошу передать мой поклон.[9]

На конверте: *Московско-Курская* ж. д.,
ст. *Будановка*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 2 июн<я> 1881; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 3 июн<я> 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 6–6 об.; конверт – л. III. На лицевой стороне конверта, в правом нижнем углу, неизвестной рукой надпись карандашом: «Мих. Харузин?».

[1] *Повенец* — уездный город на северном берегу Повенецкого залива Онежского озера.

[2] *Вытегра* — уездный город на севере Вологодского уезда.

[3] *Кивач* — водопад на реке Суна.

[4] См. письмо 4 и примеч. 3 к нему.

[5] *Кандалакша* — уездный город в составе Архангельского уезда.

[6] *Лапландия* — историческая провинция на севере Финляндии.

[7] *Кола* — город в России, исторический центр Кольского полуострова.

[8] См. примеч. 4 к письму 4.

[9] Речь идет об А. И. Иосте.

6
Харузин — Фету
21 августа 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{21}{\text{VIII}}81$ г.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

После двухмесячного отсутствия на днях я снова вернулся в Москву.[1] В эти два месяца моего путешествия мне удалось объехать большое пространство и побывать далеко за полярным кругом: я доехал до 73° с<еверной> широты. Таким образом я увидел часть полярного севера и познакомился — хотя бегло — с нашими отдаленными окраинами. За это время мне пришлось многое увидеть и узнать, и вот теперь у меня столько накопилось впечатлений, что в сию минуту я не был бы в состоянии передать их в стройном порядке; теперь могу я лишь одно сказать, что почти все мною виденное было для меня ново и неожиданно: столь своеобразен посещенный мною край! — Все, начиная с величавого в своем безмолвии северного леса и идиллической прелести озер, живописно разливших свои зеркальные воды среди этих зеленеющих дебрей, и — кончая безграничным простором Ледовитого океана, который то бурен и сердит, то ласков и нежен, подобно доброму старцу; то холоден и невозмутимо спокоен, то сангвинически страстен — все это вместе со своеобразным бытом северного крестьянина — живущего чуть ли еще не в XI-ом столетии под свежим воспоминанием «о ласковом князе о Владимире Стольнокиевском» — составляет целый ряд эффектных и поражающих своею оригинальностью картин, которые могли бы привести в восторг любого, даже самого избалованного туриста.

Совершенно неожиданным образом мне пришлось значительно расширить первоначальный план путешествия поездкой на Новую Землю. Приехав в Архангельск, я узнал, что в начале июля губернатор желает посетить Новую Землю.[2] Вместе с некоторыми другими лицами — изъявил и я желание участвовать в этой поездке, и вот уже 12-го июля мы были на этом пустынном острове в глуши Ледовитого океана. Эта поездка на Новую Землю благодаря случайным обстоятельствам сделалась особенно интересной, так как нам пришлось совершить, так сказать, полярную экспедицию в миниатюре: мы попали в океанские льды, блуждавшие невзирая на средину лета по безбрежным водам, охотились на моржей, беспрестанно встречали китов и наконец выдержали сильный «шторм» в открытом океане.

Снова вернувшись к материку, я направился сначала на северо-запад до Нордкапа,[3] а отсюда постепенно стал спускаться к югу вдоль берегов северной Норвегии. Посетив затем несколько любопытных местностей и в южной Норвегии и Швеции, я — отказавшись от прежнего намерения проехать в Данию — поспешил вернуться в Москву. Причиной этому — совестно сознаться — была ужасная тоска по родине, тем сильнее меня охватившая, чем более до меня доходило[a] разных тревожных слухов о пожарах в Москве, о холере в Петербурге, о новых «покушениях»[4] и т. п. Обо всем этом мне приходилось узнавать доро́гой, и между тем я не имел возможности за незнанием языка поверить рассказы по газетам.

Я боюсь, что слишком злоупотребил Вашим вниманием, но ввиду того сочувствия,[b] которое Вы высказывали еще весной по поводу моего путешествия, я позволил себе более подробно сообщить Вам о нем. Простите мне, многоуважаемый Афанасий Афанасиевич, если я утомил Вас своим рассказом.

Желая Вам всего хорошего, а более всего здоровья, и с просьбою передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне, — остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

P. S. Также и Александру Ивановичу шлю низкий поклон.[5]

На конверте:

Московско-Курская ж. д.,
ст. Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

[a] *Далее зачеркнуто*: слухов (?)
[b] *Далее зачеркнуто*: того

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 22 авг<уста> 1881; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 23 авг<уста> 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 8—10 об.; конверт — л. IV.

[1] См. письма 4 и 5.

[2] *Новая Земля* — российский архипелаг в Северном Ледовитом океане между Баренцевым и Карским морями.

[3] Речь идет о мысе Нордкап на севере Норвегии.

[4] Слухи были ложными, так как никаких сведений о значительных пожарах в Москве, эпидемии холеры в Петербурге и новых «покушениях» обнаружить в газетах не удалось.

[5] Речь идет об А. И. Иосте.

7
Фет — Харузину
3 сентября 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

3 сентября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Только что вернувшись из Москвы, нашел Ваше любезное и вполне интересное письмо.[1] Я видел у Боткиных Вашего брата[2] и узнал от него о Вашем возвращении,[3] но ничего не в силах был за хлопотами сделать, чтобы увидаться с Вами. Но ver<s>choben ist nicht aufgehoben,[a] говорят немцы, и 1 ноября, если будем живы, мы явимся в собст<венный> дом на Плющихе[4] на всю зиму, и там я буду по праздникам ждать Вас, не опасаясь помешать Ваши<м> занятиям. Надеюсь, при Вашем пытливом настроении Вы не станете праздно терять золотые дни юности. — Читайте философов, но старайтесь не бегать глазами, а действительно понимать. Без знакомства с философией — никакой науки нет, а есть пустоболтание и чужие умные слова.

Жена благодарит за приветствия. Будьте здоровы.

Душевно уважающий

Вас
А. Шеншин.

[a] отложено, не значит отменено (*нем. пословица*).

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 24—25. На почтовом бланке с адресом.

[1] Вероятно, речь идет о письме Харузина от 21 августа 1881 г., посвященном описанию экспедиции на Север (№ 6).

[2] По-видимому, имеется в виду брат Михаила Харузина Алексей, которому в это время было 17 лет. В. Н. Харузина вспоминала, как детей — ее, Колю и Алексея — повезли к Боткиным: «В этот вечер у Боткиных был А. А. Фет. Он обратил внимание на Алешу и начал его экзаменовать по латыни. Что Алеша учился плохо, это не было для нас тайной, и потому с первого вопроса Фета у меня сердце сжалось ожиданием плохого. Алеша отвечал, но, было ясно, все невпопад. Фет, по моему мнению, издевался над ним, продолжал расспросы, когда, казалось, ясно было, что и спрашивать нечего — он мучил Алешу, и я чувствовала к этому старику болезненно-тяжелое озлобление мучимого слабого существа» (*Харузина*. С. 48).

[3] Речь идет о возвращении Харузина из первой экспедиции на Север, предпринятой молодым ученым летом 1881 г. См. во вступит. статье.

[4] Фет имеет в виду собственный дом, который он решил приобрести на Плющихе. Это был дом Карауловых (см.: *Летопись (1985)*. С. 177). Здесь Фет с женой проводили часть осени (как правило, до 1 октября) и зиму, 1 марта они обычно переезжали в Воробьевку. Подробности приобретения дома на Плющихе находим в письме Фета к племяннику Пете Борисову от 12 июня 1881 г.: «Я вечером ни прясть ни ткать, ни початочки мотать, и потому мне ноябрь — февраль в деревне стал тягостен, а в городе гостинство настолько же. Это подало мне мысль искать, если можно, в Москве дома доходного не дорогого, так, чтобы он давал те же 5 %, давая мне даровую квартиру. В бытность с тетей на свадьбе Нади Щукиной (Н. И. Щукина. — *С. И.*) с тульским помещиком Мясново (А. А. Мясново. — *С. И.*) я сыскал требуемый х, насколько возможно такое дело в 2 дня. И знаю, что ничего даже похожего на мою находку и в 2 года сыскать нельзя. Словом, я купил дом на Плющихе в 2 шагах от Зубов<ских> ворот и Лицея за 35 ты<сяч>, и теперь мы моск<овские> жители на 4 зимних м<еся>ца, а когда ты будешь служить в Москве, то можешь иметь амур квартиру-особняк у нас около конки и даром стол. Я очень рад этому приобретению, избавляющему меня от fastidium'а (скуки — *лат. С. И.*) в течение тяжелой зимы. — Там у меня будет московск<ая> Воробьевка и при помощи Божией и свой круг» (*РГБ*. Ф. 315. К. 2. № 41. Л. 19 об.—20).

8
Харузин — Фету
9 сентября 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{9}{IX}81.$

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Простите мне, что не тотчас же отвечал Вам на Ваше письмо:[1] на днях я был в Троицкой лавре...[2]

Прочитав Ваше письмо, я чрезвычайно обрадовался, поистине пришел в восторг: бывать у Вас — для меня составит высокое наслаждение, и я горячо благодарю Вас за Ваше любезное позволение;[3] но теперь оно еще приятнее, потому что я столь близко буду жить от Вас, так как с Собачьей Площади до Плющихи лишь несколько шагов.

Искренне благодарю Вас и за Ваш совет читать философов. Я, разумеется, вполне с Вами согласен, что никакой науки нет без[a] знакомства с философией, но, к сожалению, до сих пор я лишь очень мало знаком с этой областью знаний. Не знаю, приписывать ли это «духу времени», влияющему на молодых, а следовательно и на меня в их числе, или же тем исключительным условиям, в которые я был поставлен после поступления своего в ревельскую гимназию,[4] совершенно почти не умея выражаться по-немецки и с подготовкой по латинскому и греческому языкам, далеко не соответствовавшей требованиям ревельских преподавателей, так что мне долгое время приходилось обращать свое внимание в эту сторону — так или иначе, но я очень мало интересовался философами и даже, признаюсь, к моему стыду, бывали времена, когда вся философия мне казалась не более как ряд неудачных и ошибочных умствований отдельных лиц, опровергнутых фантазиями других, которые в свою очередь должны были уступить место новым и т. д. Впоследствии конечно я убедился в ошибочности и односторонности такого взгляда, как убедился в ложности многого множества из своих прежних воззрений на разные вещи, в том числе, напр<имер>, и на литературу.

Одно время мне казалось (и это было сочувственно подтверждено несколькими из товарищей), что так называемая изящная[b] литература есть нечто совершенно излишнее и что читать поэтические произведения — только напрасно терять время. И вот я бросил «беллетристику» и начал читать только сочинения «научные», не позволяя себе прочесть ни одного романа. Вследствие неразвитости ума шестнадцатилетнего мальчика чтение шло медленно, прочитывалось мало. Таким образом, я уже сильно поотстал в этом отношении к тому времени, когда вполне понял ошибку. Восполнить недоимки я впоследствии мог лишь отчасти, будучи всегда отвлекаем уроками по гимназии. Поступив наконец в университет, я поставил себе первой задачей исправить недостатки в этом смысле. Я теперь занимаюсь, по мере возможности и не запуская университетские предметы, литературой.

Пишу все это откровенно и каюсь в своих прежних грехах именно Вам как служителю поэзии и всего прекрасного. С Вашей помощью я стану на верную дорогу.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: философии

[b] изящная — *вписано над строкой*.

Брат мой[5] сообщил, что видел Вас и что Вы здоровы: — я искренне радуюсь этому. Многоуважаемую Марию Петровну много раз благодарю за поклон и прошу Вас передать ей мое глубокое почтение.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

На конверте: *Московско-Курская* ж. д.,
ст. Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 10 сен<тября> 1881; *почтовый штамп*: ДОПЛАТИТЬ 14 к.; *об.*: Почтовый вагон № 15, 10 сен<тября> 1881; Курск, 11 сен<тября> 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 12–14 об.; конверт — л. V. На обороте конверта, в правом нижнем углу, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

[1] Харузин отвечает на письмо Фета от 3 сентября 1881 г. (№ 7).

[2] *Троице-Сергиева Лавра* (Свято-Троицкая Сергиева лавра) — крупнейший православный мужской монастырь с многовековой историей, расположен в центре Сергиева Посада Московской области. В Свято-Троицком соборе Лавры находятся мощи основателя монастыря преподобного Сергия Радонежского. Датой основания Свято-Троицкой пустыни принято считать поселение преподобного Сергия Радонежского на холме Маковец в 1337 г.

[3] Фет приглашал Харузина 3 сентября 1881 г. бывать у него в недавно приобретенном доме на Плющихе (см. письмо 7).

[4] Харузин учился в гимназии г. Ревеля Эстляндской губернии (ныне г. Таллин).

[5] О каком брате Михаила идет речь, Николае или Алексее, сказать затруднительно.

9
Фет — Харузину
16 сентября 1881 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
БУДАНОВКА

16 сентября.

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Спасибо за любезное письмо, доставившее мне много удовольствия перспективой видеть Вас у нас в Москве,[1] где мы займемся на досуге

разговорами о философии, так как я вижу в Вас желание знать доступную человеку долю истины.

Но об этом в свое время. Ничего не надо предрешать голословно. — Надо испробовать, а там и отвергать, коли на то пошло.

Останавливаясь на настоящем, сообщу Вам следующую правдивую повесть из обыденной жизни. Почта не передает не вполне оплаченных писем иначе как с уплатой двойного тарифа, т. е. 14 копеек вместо 7. Но это бы еще не беда. А беда в том, что почтовый вагон увозит подлежащее штрафу письмо мимо ст<анции> жел<езной> дор<оги> в губер<нскую> почт<овую> контору, которая в свою очередь высылает печатное объяв<ление> о получении штрафного письма. Но в рабочую, горячую пору мы посылаем в город только по праздникам, когда заседания почтамта только до 12 часов, и ergo надо послать с общей станции в город не по желе<зной> дороге, приходящей ровно в 12 часов, а с извозчиком за 50 копеек. По получении объявления о штрафованном письме нельзя знать, как *срочно* оштрафованное письмо. И вот вместо простой уплаты 7 копеек надо от Понтию к Пилату[2] уплатить за письмо 64[a] коп. Смысл басни короток. Сделайте, как я. Купите у Осберга лотные вески-безмен[3] за 1 р. 20 копеек и в сомнительном случае прикиньте Ваш пакет на весках, что я всегда делаю. А модная толстая бумага, весящая в 2-х полулистах более лота, только подтверждет истину, что не все модное удобно. Не сердитесь за благодушный совет, который избавит Ваших корреспондентов от излишних хлопот, и не забывайте обещания бывать на Плющихе.

Жена благодарит Вас за любезное приветствие, и я жму Вашу руку, оставаясь с полным уважением

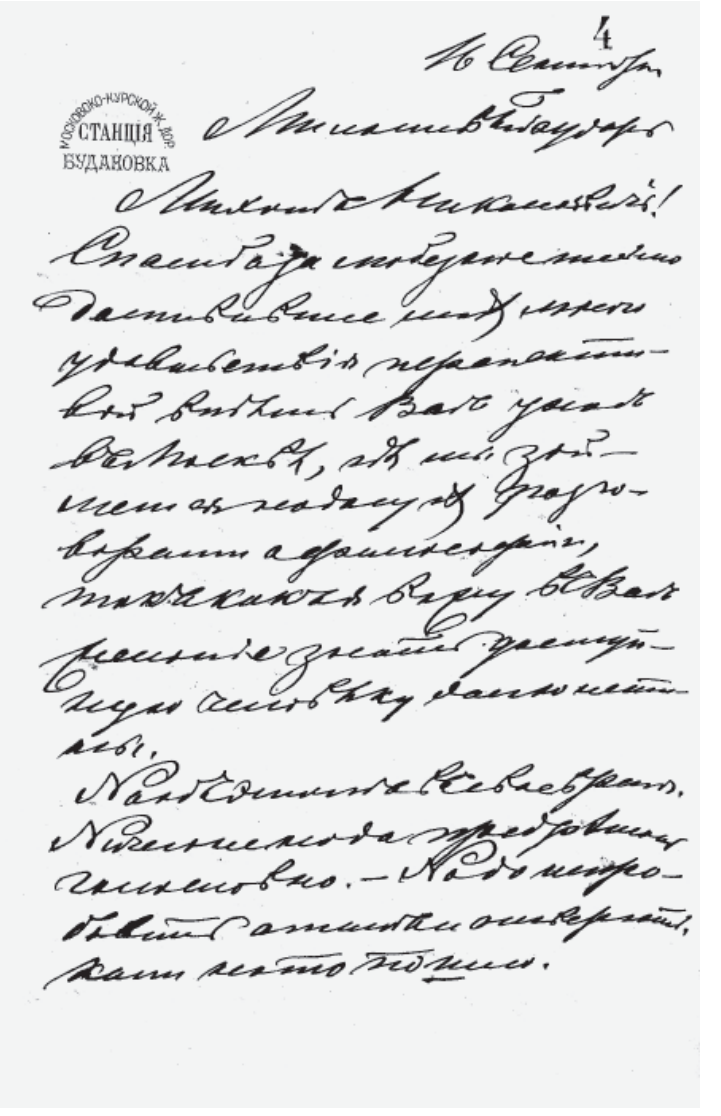
Ваш
покорнейший слуга
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 4—5 об. На почтовом бланке с адресом.

[1] Фет отвечает на письмо Харузина от 9 сентября 1881 г. (№ 8), на конверте которого действительно стоит почтовый штамп, указывающий на необходимость доплаты в 14 копеек.

[2] Крылатое выражение, означающее волокиту, бессмысленную отсылку от одного к другому, вместо того чтобы разом решить вопрос. Произошло от имени римского наместника Понтия Пилата, который, не желая брать на себя решение судьбы Иисуса Христа, отослал его к царю Ироду, а тот послал Иисуса обратно к Пилату (Лука, 21: 1—12).

[a] *Исправлено*, *было*: 65



Письмо Фета к М. Н. Харузину от 16 сентября 1881 г.
Первая страница

[3] Лотные вески-безмен — старинный безмен для мелочной торговли, лот — мера веса, равная 12,8 г, употреблялась до введения метрической системы мер (1899), вески — небольшие весы (*устар.*). Осберг и К° — сеть магазинов в Москве и Петербурге.

10
Харузин — Фету
27 сентября 1881 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{27}{IX}81.$

Многоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Чрезвычайно для меня прискорбно, что я уже второй раз причиняю Вам неприятное и служу поводом Вам брать на себя труд то́ выяснять, что должно бы быть известным.[1] Но если в первом случае мною руководило одно лишь доброе и искреннее намерение, то и теперь столь большие хлопоты причинены Вам моим письмом не вследствие моего «предрешения»,[2] а благодаря неграмотности и неисполнительности посланного мною в почтамт слуги. Дело в том, что оба письма, которые я писал к Вам осенью,[3] были отосланы в одно время с письмами к моему брату в Ревель,[4] и вот в первый раз слуга, не осведомясь о весе конвертов, наклеил по одной марке на конверты, так что и в Ревель пришло письмо недостаточно оплаченным, — а во второй раз тот же слуга без всякой нужды наклеил *две* марки на письмо к брату, а одновременно с ним посланный конверт к Вам оставил не оплаченным достаточно. Получив Ваше последнее письмо,[5] я тотчас же сделал запрос к брату, чтобы получить объяснение случившегося (это, между прочим, и есть единственная причина того, что я не тотчас же отвечал Вам).

Все это я пишу не в извинение свое и оправдание, а только для разъяснения дела.

Искренне жалею о случившемся и с покорнейшею просьбою об великодушном извинении меня остаюсь всегда готовый к услугам

Михаил Харузин.

Прошу Вас передать мое глубокое почтение многоуважаемой Марии Петровне.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
станция *Будановка*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 27 сен<тября> 1881; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 28 сен<тября> 1881.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 16—17; конверт — л. VI.

[1] За предыдущее письмо Харузина (поздравительную телеграмму) Фету также пришлось заплатить 2 рубля (см. письма 2 и 9).

[2] Харузин обыгрывает слово из письма Фета (№ 9), в котором говорилось: «Ничего не надо предрешать голословно. — Надо испробовать, а там и отвергать, коли на то пошло».

[3] Известно только одно письмо Харузина к Фету, написанное осенью — от 9 сентября 1881 г. (№ 8).

[4] Имеется в виду Алексей Николаевич Харузин, младший брат Михаила.

[5] Вероятно, имеется в виду письмо Фета от 16 сентября 1881 г. (№ 9).

11
Фет — Харузину
8 ноября 1881 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

8 ноября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Мы оба с Марьей Петровной просим Вас принять лично и передать матушке Вашей наши усердные поздравления и наилучшие пожелания ко дню Вашего Ангела.[1]

Искренно уважающий Вас

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 6. На почтовом бланке с адресом.

[1] Фет отвечает на письмо Харузина от 27 сентября 1881 г. (№ 10). 8 ноября по ст. ст. — церковный праздник Собор святого архистратига Михаила.

12
Фет — Харузину
12 декабря 1881 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

12 декабря.
Суббота.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Завтра я обедаю один. Не найдете ли возможным прийти к 4 или 5 часам, как можете, ко мне обедать? Пожалуйста, не стесняйтесь, а делайте, как Вам удобно.[1]

Преда<нный> Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 8. На почтовом бланке с адресом.

[1] Неизвестно, состоялся ли этот визит.

13
Фет — Харузину
16 января 1882 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА
СОБСТ. ДОМ
481.

16 января.

Дорогой
Михаил Николаевич!

Завтра я обедаю дома. Собирался ко мне Хитров.[1] Не придете ли и Вы?[2] Буду сердечно рад.

Пред<анный> Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 9. На почтовом бланке с адресом.

[1] Речь идет о Михаиле Ивановиче *Хитрове* (1851—1899), духовном писателе, переводчике, публицисте «Московских ведомостей», преподавателе русского язы-

ка и литературы в московских гимназиях; давал частные уроки детям Д. П. Боткина и С. М. Соловьева; знакомый и корреспондент Фета, их встреча и знакомство состоялись в конце января 1881 г. в доме Д. П. Боткина (см.: Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 94). Хитров рекомендовал Фету в качестве помощника в переводах Горация своего товарища по службе, преподавателя греческого и латинского языков М. Г. Киндлера. «Когда я ему изложил Ваше предложение, — писал Хитров Фету 26 апреля 1883 г., — он с радостью согласился и сказал, что он сам готов был бы заплатить, лишь бы познакомиться с Вами» (*РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 25. Л. 4—4 об.). Общение с Хитровым доставляло Фету интеллектуальное удовольствие. 26 июня 1882 г. Хитров писал поэту: «Я утешаю себя надеждой, что Вы разрешите мне, как и в прошедшем году, посещать Вас в Москве при всякой возможности» (Там же. Л. 1 об.). В письме от 14 марта 1888 г. Хитров отмечал: «Нет нужды говорить Вам, как много расходимся мы с Вами в так называемых высших вопросах, но вот преимущество честного, благородного и умного человека: его уважаешь и любишь и притом гораздо больше иногда, чем людей, с которыми, по-видимому, во всем соглашаешься» (Там же. Л. 13). О литературной деятельности Хитрова как церковного публициста см.: *Дубинин А., прот.* Хитров Михаил Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 520—522. Д. П. Боткин по завещанию оставил часть наследства М. И. Хитрову (*РГАЛИ*. Ф. 54. Оп. 1. № 52).

[2] Сведениями о визите Харузина к Фету 17 января 1882 г. не располагаем.

14
Харузин — Фету
28 февраля 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{28}{II}82$.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Меня продолжает преследовать злая судьба. В ночь с пятницы на субботу болезнь моя возобновилась с новой силой: очевидно, я слишком рано стал выезжать на воздух. В настоящую минуту мое лицо и глаза сильно опухли, и я, по предписанию приглашенного мною известного в Москве доктора Мансурова,[1] вновь принужден сидеть дома. Поистине чувствую себя несчастным, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением.[2]

Однако я постараюсь сделать все возможное, чтобы еще раз проститься с Вами перед Вашим отъездом из Москвы.[3]

Многоуважаемой Марии Петровне прошу передать мое глубокое почтение.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.
Плющиха, собств. дом.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 18—18 об.; конверт (без почтовых штемпелей) — л. VII.

[1] Имеется в виду известный московский врач Николай Порфирьевич *Мансуров* (1834—1892), дерматолог и венеролог, профессор Московского университета.

[2] Письмо Фета с приглашением посетить его неизвестно.

[3] Очевидно, речь идет о переезде Фетов в Воробьевку.

15
Харузин — Фету
28 марта 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{28}{III}82$.

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, со Светлым праздником[1] и от души желаю, чтобы Вы провели как его, так и наступающую весну в полном здоровье и весело.

Мама и сестра[2] шлют Вам также свой самый искренний привет и поздравление. — Прошу Вас передать наш глубокий поклон и многоуважаемой Марии Петровне.

В этом году я с особенным нетерпением жду весны, ибо надеюсь только с наступлением теплых дней получить и окончательное исцеление от своих болезней, которые, несмотря на все медицинские средства, никак, по-видимому, не хотят меня оставить. Головные боли, катаральное состояние желудка и простуда заставляют меня безвыходно оставаться в душных комнатах, не позволяя и помыслить показаться на чистый воздух. Время же это для хворанья самое неудобное: не за горами и экзамены...

Однако я надеюсь благополучно перенести все напасти и отдохнуть вполне во время предстоящих каникул.

Как-то поживаете Вы в мирной Воробьевке? Весна у Вас, вероятно, уже вполне наступила. — Думаю, и перевод Ваш «Фауста» второй части значительно уже подвинулся вперед...[3]

От всей души желая Вам и многоуважаемой Марии Петровне всего наилучшего, остаюсь

глубоко уважающий Вас
Михаил Харузин.

На конверте:

Курская ж. дорога,
станция Будановка.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 30 мар<та> 1882; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 31 мар<та> 1882.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 20—21; конверт — л. VIII. К данному письму приложено письмо Харузина к А. И. Иосту, помеченное тем же числом (см. ниже).

[1] Праздник Пасхи в 1882 г. выпал на 28 марта.

[2] Имеются в виду мать М. Н. Харузина Мария Михайловна и его сестра Вера. См. примеч. 6 к письму 1.

[3] В ответном письме от 3 апреля 1882 г. (№ 16) Фет сообщал, что продолжает работу над переводом третьего акта «Фауста», «а 5, 1 и 2 кончены».

Харузин — А. И. Иосту
28 марта 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{28}{III}82.$

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, многоуважаемый Александр Иванович, с праздником Воскресения Христова и желаю Вам всего лучшего...

Надеюсь, что Вы в добром здоровье и не скучаете в Воробьевке. Вероятно,[a] и погода у Вас прекрасная, не то, что в Москве: «цвет садовый дышит яблоней, черешней / Так и льнет, целует тайно и нескромно»...[1] в то время как у нас все кутаются еще в зимние шубы.

[a] *Было начато*: Дол<жно быть>

Для меня на сей раз праздник вышел не радостен. После Вашего отъезда я не переставал хворать по сю пору. — В немецком языке существует весьма меткое выражение, которым вполне определяется мое положение в данную минуту, это — слово «kränkeln».[b] Мне кажется, лучше сильная болезнь, чем такое состояние хворости, когда человек, с одной[c] стороны, не настолько нездоров, чтобы лежать в постели, а с другой, чувствует упадок энергии и вялость.

Впрочем, теперь дело идет к весне и невольно тешишь себя самыми радужными мечтами.

Желаю Вам всего хорошего. Прошу передать мой поклон многоуважаемой Терезе Ивановне.[2]

Простите.

Остаюсь уважающий Вас

Михаил Харузин.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 30—31.

[1] Харузин неточно цитирует стихотворение Фета «В дымке невидимке...» (1873):

В дымке невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?
<...> (*Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 1. С. 40).

[2] Мать А. И. Иоста. См. о ней примеч. 1 к письму 16.

16
Фет — Харузину
3 апреля 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

3 апреля.

Христос Воскресе!
Дорогой Михаил Николаевич!

Марья Петровна и Тереза Ивановна[1] просят меня присовокупить их сердечные поздравления с праздниками Вашей матушке и милей-

[b] kränkeln — прихварывать (*нем.*).

[c] *Было*: хворает

шей сестрице[2] и Ва<м>, что исполняю с величайшим удовольствием и признательностью.

Ставя по-своему правилу впереди всего неприятные иногда заботы о делах, зависящих от рук человека, прошу при случае, не теперь, когда Вас томят экзамены, уведомить меня о получении Вашего *Гербеля*, которого я велел отнести к Вам в день отъезда.[3]

Теперь поговорим о делах, от людей не зависящих. Здесь на первом плане является Ваша хвороба, которая не только Вам, но и мне ужасно досадна по сто и одной причине, из коих первая стоит всех, что такому молодцу, как Вы, хворать не полагается, не говоря о том, что болезнь тут более чем некстати. Тем не менее я уверен, что она не помешает Вам готовиться к экзамену, и все, Бог даст, обойдется благополучно. — Если, невзирая на совершенно по мне приходящуюся воробьевскую сферу, я тем не менее хвораю и принимаю хину, то это неудивительно в 61 год после моей жизни, видавшей всякие виды.

Что касается до «Фауста», то он помаленьку идет, а когда дойдет до конца — не знаю. Работаю над 3 актом, а 5, 1 и 2 кончены. — Но я напишу целую книгу примечаний и объяснений на всего «Фауста».[4] Вы, я думаю, заметили, что я *не люблю* никого стеснять ни своей личностью, ни своими желаниями, и потому только могу сказать как факт, что нам всем и мне в особенности будет приятно, если летом, поправившись с экзаменами и здоровьем, соберетесь в Воробьевку. Если же Бог пошлет Вам по сердцу эту мысль, то не делайте этого, не предварив меня письменно,[5] иначе, как на грех, можете не застать меня дома, что, конечно, было бы для нас обоих неприятно.

Весна наша до сих пор все только сбирается слететь, но пока слетает лишь в виде снежинок и ночных морозов. Но я как старый охотник жду вальдшнепов к 8 апреля.[6] Они лучше людей знают настоящую весну. Будьте наконец совершенно здоровы и не забывайте

искренно предан<ного> Вам
А. Шеншин<а>.[7]

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 28—29. На почтовом бланке с адресом. К данному письму приложено письмо А. И. Иоста к Харузину, помеченное тем же числом (см. ниже).

[1] Речь идет о Терезе Ивановне *Иост*, матери А. И. Иоста, управляющего имениями Фета; по настоянию Фетов она поселилась в Воробьевке и стала близким человеком в их семье, помогая не только по хозяйству, но и в работе поэта над переводом «Фауста», написании писем (Фет стал терять зрение) и т. д. «Оглядываясь на свои тихие кабинетные труды, — вспоминал Фет о ней, — не могу без благодарности вспоминать доброй старушки, сделавшейся безотлучной гостьей моего

кабинета. <...> иногда давал Терезе Ивановне в руки гётевского „Фауста“, прося сосчитывать стихи отдельных действующих лиц» (*МВ*. Ч. 2. С. 369—370).

[2] Мать Харузина — Мария Михайловна (урожд. Милютина), сестра — Вера Николаевна Харузина, впоследствии известный этнограф, мемуаристка. Подробнее о ней см. во вступит. статье.

[3] Речь идет о томе с «Фаустом» (СПб., 1878) из «Собрания сочинений Гёте в переводах русских писателей», изданного поэтом, издателем и переводчиком Н. В. Гербелем (1827—1883). Этот перевод был выполнен Н. А. Холодковским.

[4] Полный перевод «Фауста» Гёте был осуществлен Фетом в 1880—1883 гг. О значении этого масштабного труда в своей переводческой биографии Фет писал С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 г.: «„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте, и Вы убедились бы, вчитавшись в него — как я, благодаря только труду перевода, в него вчитался, — что там йоты нет лишней: и что прежде, при поверхностном, хотя и многократном чтении, мне казалось излишним, несущественным — теперь явилось органическим целым» (*Фет. СПП*. С. 389). Фет в это время переводил вторую часть «Фауста» Гёте. 17 мая 1882 г. перевод был завершен, и поэт приступил к написанию Предисловия и комментариев (см. письмо 17 и примеч. 7 к нему).

[5] О письме Харузина и его визите в Воробьевку летом 1882 г. сведениями не располагаем.

[6] *Вальдшнеп* — вид перелетных птиц семейства бекасовых, ведет ночной образ жизни; основная среда обитания — старые влажные лиственные или смешанные леса с пустошами и перелесками. Объект спортивной охоты. Русское название имеет немецкое происхождение и аналогично слову Waldschnepfe (*букв.*: «лесной кулик»).

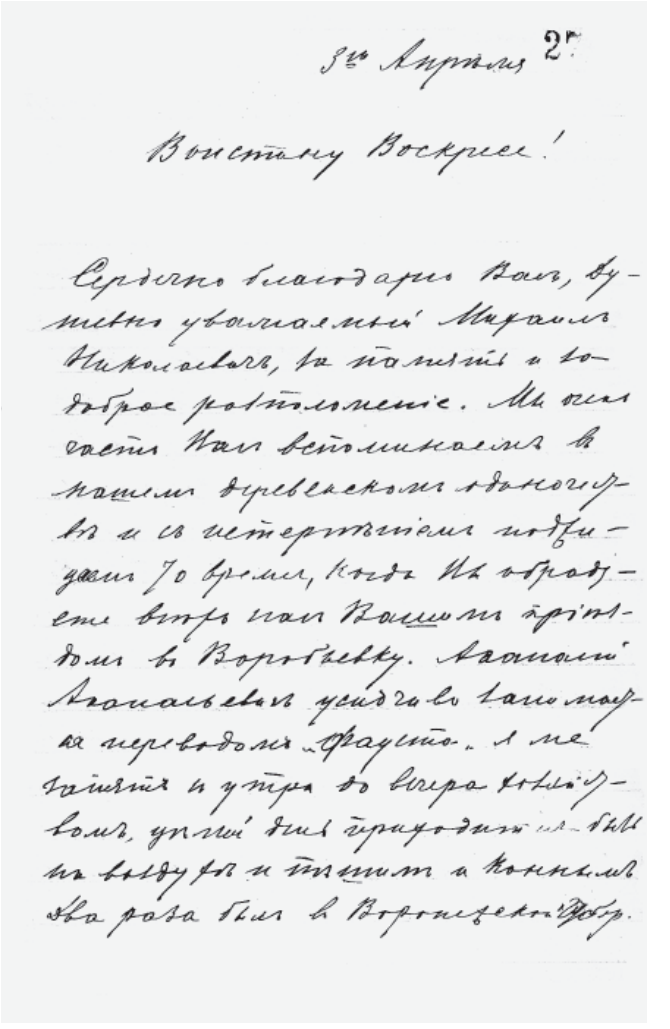
[7] Фет отвечает на письмо Харузина от 28 марта 1882 г. (№ 15).

А. И. Иост — Харузину
3 апреля 1882 г. Воробьевка

3-го апреля.

Воистину воскресе!

Сердечно благодарю Вас, душевно уважаемый Михаил Николаевич, за память и доброе расположение. Мы очень часто Вас вспоминаем в нашем деревенском одиночестве и с нетерпением поджидаем то время, когда Вы обрадуете всех нас Вашим приездом в Воробьевку. Афанасий Афанасьевич усидчиво занимается переводом «Фауста».[1] Я же занят с утра до вечера хозяйством, целый день приходится быть на воздухе и пешим и конным. Два раза был в Воронежской губер<нии>,[2] вообще жизнь веду самую деятельную и чувствую себя очень хорошо. Афан<асий> Афан<асьевич>, приехавши из Москвы,[3] как-то все не так здоров, то лихорадка — голова и глаза, кажется, всё это еще сидит московская грязь, так как в деревне он никуда не выходит и простудиться нигде не мог. Как же это Вам не грех так упорно хворать, Вы бы сурьозно занялись собою, а то нехорошо хандрить. Кончайте Ваши экзамены и приез-



Письмо А. И. Иоста к М. Н. Харузину от 3 апреля 1882 г.
Первая страница

жайте к нам в Воробьевку, мы общими силами вытрясем и исцелим Вас. У нас очень хорошо, солнышко ясно светит, жаворонки громко заливаются в высоте, воздух такой теплый, ласкающий — успокаивающий нервы. Хотя еще ни яблоня, ни черешня не цветут, но начинается уже показываться кое-где зелень.

Вчера приехали к нам *Марковы*, автор «Курских порубежников» и «Лихолетья» в «Историч<еском> вестнике» — со всей семьей — ночуют.[4] Афанасий

Афанасьевич целый вечер проговорил и был очень расположен. Будьте так добры, поздравьте от меня и поцелуйте ручки у мамы и у милой сестрицы.

Итак, надеемся, что весною еще увидимся с Вами, а до того времени, пожелав Вам быть здоровым, остаюсь искренно

преданным Вам
А. Иост.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 27—28.

[1] В указанное время поэт работал над второй частью трагедии (см. письмо Фета того же дня к Харузину).

[2] В качестве управляющего А. И. Иост постоянно ездил в Грайворонку. Так, 20 марта 1882 г. Фет сообщал Д. П. Боткину, что Иост «завтра едет в свою Граворонку» (*ИРЛИ*. № 20268. Л. 25 об.).

[3] Речь идет о переезде Фетов в Воробьевку. См. письмо 14 и примеч. 3 к нему.

[4] *Марков* Владислав Львович (1831—после 1905), прозаик, брат публициста, критика и писателя Е. Л. Маркова; уроженец Щигровского уезда Курской губернии. В конце 1870-х — первой половине 1880-х гг. был мировым судьей в г. Щигры, в связи с чем, вероятно, и состоялось его знакомство с Фетом. В 1873 г. опубликовал в «Русском вестнике» (№ 5—7) исторический роман «Курские порубежники», повествующий о времени «смуты» (отд. изд.: М., 1895; СПб., 1898). Исторический роман «Лихолетье (Смутное время)» (*ИВ*. 1882. № 1—12; отд. изд.: СПб., 1897) стал продолжением «Курских порубежников» и пользовался читательским успехом. Убежденный монархист и государственник, Марков оказался близок взглядам Фета.

17
Фет — Харузину
20 мая 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

20 мая.

Дорогой
Михаил Николаевич!

Приятнее всего было мне узнать из письма Вашего от 15 мая, вчера полученного,[1] что здоровье Ваше восстановилось, и потому я нисколько не сомневаюсь, что и экзамен Ваш будет в свое время введен в благополучную пристань. Я давно потерял нить университетских порядков, но казалось бы, что неподготовка по одному или двум предметам не мешала бы сбывать экзамены по другим. — Дорожа в человеке тем винтом, которым он способен буравить известное избранное место и который я склонен назвать усидчивостью, хотя это слово далеко не

говорит того, на что я указываю, я вполне уверен, что Вы обладаете этим винтом и пробуравите-таки себе на земле определенную точку. Я еще не откажу себе в удовольствии написать Вам, сообразив разные вещи; но представлю теперь приблизительное расписание нашего времени на это лето.

В самом конце мая мы едем, должно быть до 10 июня, в воронеж<скую> деревню.[2] — А около 20-го ждем Дмитрия Боткина с семейством,[3] а 29-го мы празднуем 25-летие нашей свадьбы.[4] Поэтому, если Вы безразлично располагаете Вашим временем, то всего лучше было бы Вам приехать от 10-го до 29-го включительно. Обо всем этом я Вам напишу положительно тотчас же по прибытии из Ворон<ежской> губернии.[5]

Что сказать Вам про нас? или про себя? У нас полнейший и неисправимый неурожай, грозящий всей черноземной полосе голодом. Не верьте в этом никакому газетному вранью.[6] Дождя за всю весну у нас, например, за исключением одного дня — в несколько капель — не было. Что будет делать народ? Известно Богу. Меня это мучает.

2 часть «Фауста» 3 дня <как> кончил и примусь за предисловие и комментарий.[7]

Александр Иванович в настоящее время в вор<онежском> имении,[8] и кажется, и там тоже бездождие и те же надежды, т. е. безнадежность.

Марья Петровна благодарит Вашу мамашу и сестрицу за любезную память и просит передать ее приветствия.

Будьте здоровы и не забывайте Вашими любезными строками

преданного Вам
А. Шеншина.[9]

Пишите на адресе

(*Ст<анция> Будановка*) Корен<ная> Пустынь. — Наше административное чудо глупости и противуречия.[10]

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 22—23 об. На почтовом бланке с адресом.

[1] Местонахождение письма Харузина к Фету от 15 мая 1882 г. неизвестно.

[2] 15 мая 1882 г. Фет сообщал Д. П. Боткину, что собирается около 1 июня «пробежать на Граворонку» (*РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 44 об.).

[3] С Д. П. Боткиным и его семьей Фета и Марию Петровну связывали особо близкие отношения. См. об этом в статье Н. П. Генераловой «Фет в кругу Боткиных» в наст. томе. После смерти супругов в 1889 г. Феты поддерживали теплые отношения с их дочерью Елизаветой (Лилей) и ее мужем К. Г. Дункером (см.: Письма А. А. Фета к Е. Д. Боткиной (Дункер) (1887—1892) / Публ. Г. Д. Аслановой // *ФетСб(1)*. С. 291—298).

[4] Почему эта дата была назначена на 29 июня, сказать затруднительно. Бракосочетание Фета с Марией Петровной Боткиной, дочерью купца Петра Кононовича Боткина, состоялось 16 (28) августа 1857 г. в Париже.

[5] См. ниже примеч. 8.

[6] Публикации о предстоящем неурожае стали появляться в газетах позже, в июле. Так, в статье о положении в Зарайском уезде говорилось: «Начало весны было крайне неблагоприятно для всходов ярового и озимого хлеба: начиная с первых чисел апреля и кончая двадцатыми числами мая господствовала полная засуха; жары, довольно значительные в апреле, в мае доходили до 30° Р., — все это приводило в уныние нас, сельских хозяев; думали, что совсем останемся без хлеба. Но благодаря дождям, начавшим выпадать довольно часто в последних числах мая, хлеба поправились настолько, что мы рассчитываем на удовлетворительный урожай ржи и овса» (*Востоков И.* Из Зарайского уезда // *МВед*. 1882. 10 июля. № 189. С. 3). О майской засухе, «столь повредившей озимым хлебам», и июньских дождях см.: *Хлебный торговец.* Из Ельца // Там же. 18 июля. № 197. С. 4.

[7] Данное сообщение Фета позволяет установить точную дату окончания перевода второй части «Фауста» Гёте — 17 мая 1882 г. Эта часть была снабжена обширным предисловием, представлявшим собой имеющий самостоятельное значение философско-эстетический трактат, и подробными комментариями, над которыми Фет работал до конца года (см.: *Фет А. А.* Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гёте / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 50—151). В феврале 1883 г. вторая часть «Фауста» в переводе Фета поступила в продажу в книжном магазине товарищества «М. О. Вольф» (*МВед.* 1883. 23 февраля. № 54. С. 1). Там же сообщалось, что в наличии имеется и первая часть.

[8] Имеется в виду имение Грайворонка (Граворонка) Землянского уезда Воронежской губернии, с конским заводом, проданное Фету в конце 1874 г. братом П. А. Шеншиным за полцены (*Летопись (1985)*. С. 172). Туда Фет отправился вместе с Вл. С. Соловьевым 1 июня 1882 г., где они провели около десяти дней (см. письмо Фета к Д. П. и С. С. Боткиным от 30 мая 1882 г.: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 4. Л. 46 об.).

[9] Ответное письмо Харузина последовало 22 мая 1882 г. (№ 18).

[10] О станции Будановка см. примеч. 1 к письму 1. После 1879 г. станция получила название Коренная Пустынь, что внесло немало путаницы при почтовых отправлениях.

18
Харузин — Фету
22 мая 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{22}{V}82.$

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Прежде всего искренно и от всей души приветствую Вас с окончанием перевода второй части «Фауста».[1]

Истинно подвиг совершили Вы. Это заслуга перед нашей литературой, драгоценный подарок русскому народу. Пусть только пройдет то тревожное настроение, которое переживает теперь наше общество, пускай минует это время, в которое занимаются всем на свете, кроме изящной литературы — и «Фауст» в Вашем переводе будет у каждого образованного русского настольной книгой.

С нетерпением я ожидаю появления в печати и второй части и комментариев.

С грустью прочел я другую новость — о предстоящем неурожае. Неужели же снова должен настать голод и народное бедствие в одной из плодороднейших в свете местностей?![2]

Что касается до университетских экзаменов, то существующий ныне закон предписывает держать *все* назначенные советом профессоров экзамены одновременно и раздробления ни в каком случае не допускают.[3] Таким образом, студент, захворавший в мае в средине экзаменов, обязан в августе снова подвергаться испытанию и по тем предметам, по которым он уже получил раз удовлетворительные отметки в мае.

Многоуважаемый Афанасий Афанасиевич, я нахожусь в нерешимости, как поступить ввиду сложившихся обстоятельств. Дело в том, что я намеревался один свободный у меня месяц употребить на экскурсию в Вятскую губ<ернию> и таким образом выполнить хотя одну часть предполагавшегося летнего путешествия[4] и расстроившегося теперь ввиду предстоящих экзаменов. Я предполагал выехать в путь около июня 10-го, чтобы иметь возможность заблаговременно вернуться в Москву. Вопрос этот был бы для меня решен, если бы Вы позволили мне приехать в Воробьевку осенью, после экзаменов.[5] Но это может быть неудобно для Вас? Во всяком случае я буду ожидать обещанной Вами мне весточки.[6]

Прошу Вас передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне.

Мама и сестра также шлют Вам свой привет.

Остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

Прошу Вас поклониться от меня и Александру Ивановичу.

На конверте:

Московско-Курской ж. д.,
станция *Будановка*.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 22—23 об.

[1] Перевод обеих частей трагедии Гёте «Фауст» был опубликован в Москве в 1882—1883 гг. Первое упоминание о работе Фета над «Фаустом» относится к октябрю 1880 г., а уже в декабре один из списков перевода находился в Петербурге у Н. Н. Страхова. Тем временем автор продолжал вносить в текст поправки; конец декабря — январь (до 20-х чисел) он провел в Петербурге и в Москве, где читал «Фауста» знакомым. «Что касается до перевода „Фауста“, — писал Фет племяннику П. И. Борисову 25 января 1881 г., — то он производит громадное впечатление, о чем можешь судить по Владимиру Соловьеву (вот память!). Я прочел ему в 2 вечера свой перевод и просил просмотреть для сделанья замечаний. Он прочел его в одну ночь, и, когда зашла речь о петербургском списке у Страхова, в котор<ом> нет позднейших поправок, то Соловьев сказал: „Не беспокойтесь, я их восстановлю по памяти. Я всю ночь не мог оторваться от перевода и знаю его теперь наизусть“. <...> „Фауст“ удался мне вполне. Знатоки говорят, что вполне впечатление немецкого. Лучшей похвалы не желаю» (*РГБ*. Ф. 315. Оп. 2. К. 2. № 41. Л. 1—1 об.). См. также письмо Фета к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г. (*Фет. СПП*. С. 387—390). Одобрение аудитории укрепило автора в намерении издать перевод как можно скорее; книга вышла из печати в конце февраля 1882 г. (Фауст. Трагедия Гёте. Ч. 1 / Пер. А. Фета. М., 1882; ценз. разрешение: 21 декабря 1881 г.). Объявление о продаже см.: *МВед*. 1882. 28 февраля. № 59. С. 2. Вторая часть «Фауста» в переводе Фета поступила в продажу через год, в феврале 1883 г. Объявление о продаже см.: *МВед*. 1883. 23 февраля. № 54. С. 1. Вторую часть поэт посвятил вдове А. К. Толстого С. А. Толстой (см. *Кузьмина И. А*. С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: к истории отношений // *РЛ*. 2005. № 1. С. 133).

[2] Во второй половине мая 1882 г. в ряде газет публиковались статьи о предстоящем неурожае и возможном голоде, вызванных засухой. См. письмо 17, примеч. 6.

[3] Не исключено, что обширная статья о произволе профессоров и сложной системе сдачи экзаменов на юридическом факультете Московского университета, подписанная «Студент», была написана Харузиным и отредактирована Катковым, сославшимся на нее в своей редакционной статье (см.: *Студент*. К вопросу об университетских экзаменах // *МВед*. 1882. 10 августа. № 220. С. 4); подробнее об этом см. во вступит. статье.

[4] Первую экспедицию в Вятскую губернию Харузин предпринял в 1881 г., будучи студентом; во вторую, уже этнографическую, молодой ученый отправился летом 1882 г. В этой поездке его сопровождал младший брат Алексей. Подробнее см. во вступит. статье.

[5] Сведениями о приезде Харузина в Воробьевку осенью 1882 г. не располагаем.

[6] Фет ответил Харузину 27 мая 1882 г. См. письмо 19.

19
Фет — Харузину
27 мая 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

27 мая.

Дорогой Михаил Николаевич!

Марья Петровна просит передать мамаше и сестрице Вашей ее признательность за память и поклоны. Вы всегда найдете во мне полное сочувствие ко всем Вашим начинаниям, так как я постоянно вижу в них одно хорошее.[1] Если по окончании Ваших экзаменов, с вольной душой сберетесь в Воробьевку, то все мы будем Вам очень рады,[2] лишь бы это не было какой-то совершенно между нами ненужной формой любезности. Я и так чувствую, что беседа моя старческая имеет для Вас нравственное значение, и лично для меня совершенно все равно видеть ли Вас в Москве или Месопотамии. Говорю Вам это раз навсегда. — Итак, до приятного и вполне удобного для Вас свидания.

В настоящее время гостит в Воробьевке известный Вам и всей грамот<ной> России Владимир Сергеевич Соловьев, этот по голове и сердцу идеальный человек.[3] Около 20 июня будет Страхов проездом в Крым.[4] На днях уезжаем с Соловьевым в нашу воронежск<ую> деревню.[5]

Теперь к Вам просьба. Поезжайте к книгопродавцу *Куну*, что на Кузнецк<ом> мосту,[6] и скажите ему, чтобы он под бандеролью выслал Московско-Кур<ской> жел<езной> дороги станцию *Будановку* (проклятое почтовое ведомство по сих пор не знает, что она уже Корен<ная> Пустынь) Шеншину «Goethes Faust *erster Theil* erläutert v. Heinrich Düntzer».[7] Я взял у него (Куна) вторую часть, но для связи мне нужна теперь и первая. А делать это через неинтеллигентные руки опасно, а Куну высылать деньги по почте, не знаю сколько и надо посылать в Курск. Это не свыше 2 рублей. Заплатите ему свои, которые при первом свидании возвращу Вам с великим усердием. Вы меня этим премного одолжите.

Крепко жму Вашу руку

преда<нный> Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 2–3. На почтовом бланке с адресом.

[1] Фет отвечает на письмо Харузина от 22 мая 1882 г., в котором тот сообщал, что не может приехать в Воробьевку, поскольку собрался в экспедицию (см. письмо 18). *Мамаша* и *сестрица* — М. М. и В. Н. Харузины.

[2] В своем письме Харузин жаловался на то, что ему придется заново сдавать уже выдержанные экзамены, которые не засчитывались, если студент пропустил хотя бы один по какой-то причине (см. письмо 18).

[3] С поэтом, философом и публицистом Вл. С. Соловьевым (1853—1900), сыном своего университетского товарища, известного историка С. М. Соловьева, Фет познакомился в 1881 г. и состоял с ним в дружеских отношениях и переписке (см.: *ФетСб(2)*. С. 359—427). Соловьев помогал Фету в переводах «Фауста» Гёте и римских поэтов, а также в составлении первого выпуска сборника стихотворений «Вечерние огни» (1883). В летние месяцы он несколько раз гостил в Воробьевке. В этом году он приехал 20 мая, о чем сообщил телеграммой из Киева (Там же. С. 379), и гостил у Фетов до начала июня.

[4] 13 мая 1882 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету, что выедет из Петербурга 15 июня и, вероятно, дней через пять будет «в истинно-великолепной Воробьевке» (см.: *Фет/Страхов*. С. 344).

[5] О том же писал Фет Д. П. Боткину (см. примеч. 8 к письму 17).

[6] Речь идет о московском книгопродавце Эдуарде (Эдмунде) *Кундте*, книжная лавка которого находилась на Кузнецком мосту. В письме к А. В. Олсуфьеву от 28 января 1887 г. Фет писал: «Кундту я давал на комиссию несколько экземпляров первой части своего „Фауста“, и он, кажется, не продал ни одного» (Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 232).

[7] Имеются в виду основательные комментарии к «Фаусту» немецкого филолога и историка литературы Иоганна Генриха Иосифа *Дюнцера* (1813—1901): *Düntzer H.* Goethe's Faust: Erster und zweiter Theil. Zum erstenmal vollständig erläutert (Bd. 1. Leipzig, 1850; Bd. 2. Leipzig, 1851; 2 Aufl. 1857). Издание Дюнцера, впоследствии неоднократно переиздававшееся, понадобилось Фету для составления комментариев ко второй части «Фауста» и вступит. статьи (см. письмо 17 и примеч. 7 к нему).

20
Фет — Харузину
7 июня 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

7 июня.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Если на своем экзаменационном Рубиконе[1] Вы не забыли любезного обещания пожить с нами, то очень будем рады встретить Вас в Воробьевке.[2] Если Вы выедете 12-го июня в 3 часа дня с почт<овым> по-

ездом, то, вероятно, мы прибудем из Мценска, где я буду 12-го на съезде судей, в том же поезде.[3] На Будановке (ныне Коренн<ая> Пустынь), кроме того, всегда за 1 рубль коляска доставит Вас в Воробьевку, где мы безвыездно пробудем все лето.

Берите необходимые книги и можете по грамматикам беспрепятственно, правильно читать, писать и говорить.

Всем Вашим передайте наши общие с женой усердные приветствия и будьте здоровы.

Преданный Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 18—18 об. На почтовом бланке с адресом.

[1] *Рубикон* — небольшая река в Римини (Италия), символ условной или реальной границы, перейти которую — значит принять бесповоротное решение.

[2] В 1878—1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в своем курском имении Воробьевка.

[3] 12 июня 1882 г. Фет был на съезде мировых судей во Мценске.

21
Харузин — Фету
7 сентября 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{7}{IX}82$.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Прежде всего позвольте мне попросить у Вас извинения, что до сих пор не писал Вам. Тотчас же после моего возвращения в Москву я усиленно стал готовиться к экзаменам. Так продолжалось до сего дня. Теперь я снова свободен и спешу, не медля ни минуты, написать к Вам. Здоровы ли Вы и многоуважаемая Мария Петровна? Все это время я никуда не выезжал, а потому и не мог ничего узнать. — Отправляясь в глушь Вятского края, я поручил содержателю гостиницы в у<ездном> гор<оде> Сарапуле отослать к Вам по телеграфу мое поздравление на 29-ое июня.[1] Не знаю, исполнил ли он мое поручение. В противном случае, прошу Вас принять мое хотя и запоздалое, но тем не менее искреннее поздравление.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о моем путешествии. Оно и на сей раз было для меня во многом интересно. Первая его половина — поездка по Волге и Каме, вплоть до Сарапула — была довольно однообразна и бесцветна.[2] Совершенно в другом роде оказалась его вторая половина. Лишь только я оставил скучный Сарапул, как для меня начался целый ряд сюрпризов. На сравнительно небольшом пространстве земли, занимаемом Сарапульским уездом, скучились различные племена. Русские, тептяри,[3] черемисы, башкиры, татары и опять русские съехались сюда словно на выставку. Едва успел отдохнуть от массы новых впечатлений, бурной волной нахлынувших, как снова приходится изумляться, наблюдать и обдумывать.

Близость таких важных путей, как Волга и Кама, соседство заводов и постоянные торговые сношения наложили свой отпечаток на здешних крестьян: они отчасти поддаются влиянию заводской цивилизации. Старые песни поют лишь старики, а молодежь уважает больше «городские» песни, кот<орые> не что иное, как варианты на[a] разные фабричные темы. На свадьбах Вы не увидите русской пляски: здесь в моде последняя фигура кадрили с вариациями на русский лад, вроде отбивания ногами, скачков и вскрикиваний. — О наших казенных заводах, рассеянных по всей древней Биармии,[4] я имел весьма смутное представление. Не трудно представить себе поэтому мое удивление, когда я после длинной и живописной дороги по лесу внезапно с вершины холма, на котором мы ехали, увидел вместо воображаемой фабрики с длинной трубой и двух-трех домиков целый город. Первое, что мне встретилось при въезде в Ижевский оружейный завод, было «Питейное заведение, продажа распивочно и на вынос», затем «Питейный дом Ведерникова», потом опять «Продажа вин и водок» и тут же, лишь по другую сторону улицы, «Ренсковый погреб»[5] и т. д. в том же стиле. У всех этих увеселительных заведений кучами толпился народ (было воскресенье), отчаянно выла «гармония», слышалась залихватская песня и сыпался целый фейерверк разных отвергнутых нашим литературным языком выражений... Проходя по площади, я увидел высокий обелиск, а вокруг него небольшой парк, обнесенный решеткой.[6]

— По какому случаю поставлена эта колонна? — спросил я шедшего рядом станового пристава.

— Да не умею Вам сказать. Впрочем, там надпись есть; Вы можете прочесть.

— А Вы давно здесь живете? — поинтересовался я узнать.

— Да вот уж третий год пошел.

---

[a] *Было*: 1 нрзб другой лад романсов

Этот «интеллигент» в два года не поинтересовался узнать, почему стоит среди города колонна! — Нужно мне было отослать письмо. Я часа два искал почтового ящика, наконец указали мне почтовую контору — на высокой горе и притом на самом конце города. Здесь выставлен ящик для приема писем иногородней и *городской* корреспонденции. Видя, что более неудобного места нарочно не найдешь, я решился спросить.

— Неужели во всем городе нет другого ящика?

— Никак нет-с.

— Да ведь так всякая охота пройдет писать, если каждый раз на такую высь взбираться приходится.

— Так точно. Да у нас и пишут-то весьма мало. Все больше друг к другу сами ходят. Оно и лучше: чайку можно попить да побеседовать, а то и по рюмочке пропустить можно.

Вот каков рассадник местной цивилизации, вот какова местная интеллигенция!..

Но вперед, вперед! поближе к матери-природе! Какие чудные места иной раз встречались по дороге. Местность повсюду холмистая, в некоторых местах открываются прекрасные виды на окрестности. В другой раз дорога свертывает в лес. Тут белые березы перемешиваются со стройными елями, с задумчивыми пихтами; есть здесь[b] и лиственница и сосна, а местами попадается даже дуб. Все это придает весьма веселый вид лесу, и нет здесь того угрюмого однообразия северных лесов Олонецкой и Архангельской губ. Так и тянет в эту свежую и душистую глубь: лишь только перестает уныло стонать почтовый колокольчик, оттуда слышится, как тоскует кукушка, как молодецкою песнью заливается соловей... — Но вот уже я далеко от этих мест. Потянулась однообразная печальная равнина. Местами встречаются хлеба, побитые градом, местами торчат одиноко ели и пихты, последние могиканы бывших дремучих лесов, теперь красноречивые обличители людской злобы и близорукости, уничтожившей и здесь несметные богатства лесные. Вон вдали показалась деревушка. Здесь живут вотяки.[7] Избы обращены окнами на двор, так что на улицу выходит одна задняя их сторона. Словно сказочные «избушки на курьих ножках», стоят они в беспорядке. Не скоро мы нашли пристанище. Вотяки крайне негостеприимны. Они не хотели впускать нас к себе, отговариваясь, что клопов или детей много, или что избу не мыли.[c] — Мои хозяева глядели на меня со страхом и с подозрительностью. В ожидании самовара я вышел на улицу. У задворка играли ре-

[b] здесь — *вписано над строкой*.

[c] *Было*: что изба не мыта

бята и не замечали меня. Подошед к ним, я крикнул: «Здравствуйте». Ребятишки, увидав меня, затряслись от страха и побледнели, а когда опомнились, пустились бежать. Встретив наконец взрослого вотяка, я остановил его и стал разговаривать, но он на все мои вопросы отвечал лаконически «не знаю» и наконец отошел в сторону.[8] Я был в отчаянье. Счастье, однако, меня не покинуло. Когда я угостил хозяина «кумышкой» (водка),[9] он стал разговорчивее, и спустя некоторое время я уже записывал всевозможные сведения.

Я упомянул о кумышке. Вотяки приготовляют ее сами и пьют в большом количестве. К Петрову дню,[10] кот<орый> особенно почитается у вотяков, все добрые хозяева заготовляют этот напиток для пирушек. Из боязни пожаров они заставляют своих жен и дочерей курить кумышку на берегу реки. Мне хотелось посмотреть, как приготовляют кумышку. Хозяйский сын вызвался проводить меня к реке. Совсем стемнело на дворе, когда мы вышли из избы. Полный месяц сиял восхитительно. Он обливал[d] своим мягким светом всю печальную равнину, скользил по крышам изб и серебрил верхушки елей соседней рощи. Мы вышли за деревню и уже начали спускаться к речке, как вдруг я остановился как вкопанный. До моего слуха долетели какие-то странные звуки неведомого мне инструмента. «Это у нас называется гуслями»,[11] — пояснил мне мой проводник. Не успел я прислушаться к своеобразной игре, как оттуда же из лощины долетели звуки женского голоса. Как передать Вам характер этой песни? Она была печальна, как природа вотской страны, она была дика, как дик язычник-вотяк, она была поразительно оригинальна и вместе с тем приятна для слуха. Я не хотел помешать певице своим появлением, я не хотел оторваться от этих не слыханных еще мною звуков гуслей и вотской песни... Наконец мы спустились в лощину. Тут на берегу речки под деревянным навесом разложен был костер, и в котле кипела чародейная кумышка. Вокруг огня сидели три женщины и парень с гуслями. Поздоровавшись, я спросил, о чем пелась песня, и услыхал поэтическую повесть о несчастной любви. — Я[e] просил еще[f] спеть что-нибудь и долго сидел у костра, прислушиваясь к звукам гуслей и к печальной вотской песне. В котле кипела кумышка, любимый напиток стариков. Под обаянием[g] ее чар они будут скоро веселиться, станут чествовать своих древних богов, будут бражничать с утра до ночи в продолжение всей недели... А месяц по-прежнему сиял на темном своде

[d] *Было*: *а) зачеркнуто*: Местами *б)* Он освещал

[e] *Далее зачеркнуто*: еще

[f] еще — *вписано над строкой*.

[g] *Было*: влиянием

небес, ласкал холодную струю реки и лил свой яркий блеск на весь бледный и пустынный ландшафт...

Много, много интересного узнал я от вотяков. Но всего пересказать в письме невозможно.[12] — Я очень боюсь, не слишком лишь злоупотребил Вашим любезным позволением писать к Вам. Простите меня, если я против воли утомил Вас своим письмом. Я всеми силами старался рассказывать короче, но воспоминания нахлынули вдруг такой массой, что трудно стало разобраться в них.

Прошу Вас передать мой глубокий поклон многоуважаемой Марии Петровне.

Остаюсь глубоко уважающий Вас

Михаил Харузин.

P. S. Прошу Вас передать мой[h] искренний привет и Александру Ивановичу.[13]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 24—27. Сохранился оборот конверта без почтовых штемпелей, в центре которого неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин». Возможно, конверт не от этого письма.

[1] Местонахождение этой поздравительной телеграммы Харузина, адресованной Фету, неизвестно. 29 июня Феты отмечали 25-летие своей свадьбы, см. письмо Фета от 20 мая 1882 г. (№ 17).

[2] *Сарапул* — уездный город Сарапульского уезда Вятской губернии. Харузин был одним из первых исследователей этого края; свои наблюдения ученый вскоре опубликовал в «Юридическом вестнике» (1883. № 2; см. также во вступит. статье). Летом 1887 г. исследование было продолжено П. М. Богаевским, посвятившим свой очерк Н. Н. Харузину, брату Михаила (см.: *Богаевский П. М.* Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии при Дашковском музее. М., 1888. Вып. 3. С. 14—15; отд. изд.: М., 1888. 64 с.). Незадолго до Харузина исследованием вотяков занимались фольклористы и этнографы, работы которых, возможно, были известны Харузину: *Кошурников В.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии: Этнографический очерк. Казань, 1880; *Гаврилов Б. Г.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1880 и др.

[3] В XIX в. *тептяри* — малочисленный этнос, поглощенный башкирами. К началу XX в., согласно Брокгаузу и Эфрону, «тепте(я)ри — это народность, образовавшаяся из различных беглых элементов из среды приволжских финнов и чуваш, с течением времени совершенно отатарившаяся. Исповедуют мусульманство; живут среди башкир, в количестве 300000 чел., в губ. Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской» (см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1901. Т. 32а. С. 941—942).

[h] *Было*: мое

[4] *Биармия* (*норв.* Bjarmeland) — известная по сагам и летописям историческая область, которая, согласно средневековым картам Скандинавии, предположительно располагалась между Онежским озером и Онежской губой Белого моря.

[5] *Ренсковый* (от *рейнских* вин) *погреб* — магазин, торгующий алкогольными напитками, в том числе иностранными, навынос, в количестве не более трех ведер (около 37 литров) для крепких напитков. Виноградные вина отпускались без ограничений.

[6] Вероятно, речь идет о стеле (Михайловский столп), возведенной в Ижевске в честь великого князя Михаила Романова, который возглавлял артиллерийское ведомство и был высшим начальником ижевского оружейного завода; столп был уничтожен в советский период и восстановлен в 2007 г.

[7] *Вотяки*, или удмурты, населяют центр Сарапульского уезда Вятской губернии.

[8] В одном из этнографических описаний этой народности говорилось: «В характере вотяка мы встречаем такие черты, которые общи всему финскому племени, к пермской группе которого он принадлежит. Упрямство, скрытость и подозрительность — качества, свойственные каждому вотяку. Впрочем, все эти качества проявляются только в его отношениях к посторонним. В кругу своей семьи он постоянно бывает откровенен, весел и доволен» (*Богаевский П. М.* Очерк быта Сарапульских вотяков. С. 14—15).

[9] *Кумышка* — водка у вотяков, местный самогон. В Удмуртии до сих пор хранят древнюю традицию приготовления и потребления кумышки. Так называется местный самогон, который варят (курят), как правило, женщины. Название произошло от тюркского слова «кумыс», который готовился таким же способом из кобыльего молока. Технология приготовления проста: на огонь ставят котел с забродившей пшеницей или картофелем, над котлом помещается деревянная бочка с холодной водой, а через нее проходит медная трубка, через которую капает готовая кумышка. На каждого пьющего мужика приходилось до «пяти ведер кумышки в год» (см.: *Орлов В. Д.* «Кумышка» — водка вотяков. СПб., 1891).

[10] Петров день — день святых апостолов Петра и Павла в народном календаре славян приходится на 29 июня (12 июля) — день прощания с весной, когда совершалась первая прополка, подготовка к сенокосу, с этого дня начинались летние свадьбы.

[11] Гусли имели широкое распространение в быту всех поволжских народов. У удмуртов гусли имели струны из конского волоса, которые крепились с помощью узла на фигурном бруске; при игре исполнитель держал инструмент на коленях вертикально, большим и указательным пальцами правой руки играл мелодию, защипывая одновременно по две струны. Игра на гуслях была неотъемлемым атрибутом молений, ритуальных действий жрецов (при жертвоприношениях), а также компонентом обряда первой борозды (аграрная магия), свадебного обряда (*Карпов А. М.* Древние музыкальные инструменты // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск, 1989. С. 17—19).

[12] Свои полевые наблюдения над бытом вотяков Харузин изложил в статье «Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии» (см. примеч. 2 к наст. письму).

[13] Имеется в виду А. И. Иост.

22
Фет — Харузину
20 сентября 1882 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. ДОР.
СТАНЦИЯ
КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

20 сентября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Интересное письмо Ваше имел удовольствие получить из Воробьевки,[1] где мы снова со вчерашнего дня все вкупе, в Москве, где на скорую руку отпраздновали бракосочетание Алек<сандра> Иванович а с племянницей жены моей, гостившей у нас Ольгой Ивановной Щукиной.[2]

Так как там за исключением шафера Соловьева никого не было сторонних, то мы и извещаем Вас о свадьбе, которая затормошила меня старика. При свидании все объясню, а думаем хором вернуться на Плющиху в конце октября, а до тех пор просим принять и передать наши общие приветствия Вашей матушке и сестрице. Будьте здоровы и не забывайте

искренно любящего Вас
А. Шеншина.[3]

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 15—16. На почтовом бланке с адресом.

[1] Вероятно, речь идет о письме Харузина от 7 сентября 1882 г. (№ 21).

[2] Бракосочетание управляющего имениями Фета А. И. Иоста с племянницей Марьи Петровны Ольгой Ивановной Щукиной (1863—1930) состоялось летом 1882 г., вероятно в июле (см. письмо 23). Ввиду особых обстоятельств, оно прошло в узком семейном кругу. О. И. Щукиной Фет посвятил стихотворения: «Ольге Ивановне Щукиной» («Спасибо Вам, мы вспоминаем...», 1880); <Ольге Ивановне Щукиной> («Желаю Оле здоровья боле...», 1881); <Ольге Ивановне Иост при получении вышитых туфель> («Опять меня балуешь ты...», 1888) и др. (см.: *Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 2. С. 101, 105, 145, 442—446, 453, 520). Поэт много способствовал этому браку. История любви Александра Ивановича и Ольги нашла свое отражение в рассказе Фета «Кактус» (см.: *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131—143).

[3] Харузин ответил Фету 28 сентября 1882 г. (см. письмо 23).

23

Харузин — Фету

28 сентября 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{28}{IX}82.$

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасиевич!

Вернувшись третьего дня из Троицко-Сергеевой Лавры,[1] я получил Ваше дорогое мне письмо, письмо, которое я с таким нетерпением ожидал.[2]

Я до последнего времени не знал, что Вы были в Москве, а о свадьбе Александра Ивановича[3] узнал, к сожалению, слишком поздно, вследствие чего и не успел принести ему свое поздравление.

Правда, проезжая как-то еще, кажется, в конце июля месяца по Плющихе в Новодевичий монастырь, я заметил, что занавески на окнах Вашего дома были подняты, и у меня мелькнула, было, мысль, не приехали ли Вы из деревни. Но я тотчас же усумнился в этом предположении, ввиду того что в это время года у Вас бывает много хлопот в имении.

Обычные лекции на нашем факультете уже начались. Я провожу время в посещении университета и в занятиях дома. С нетерпением ожидаю того времени, когда Вы снова переедете на Плющиху и когда у меня будет возможность увидать Вас лично.

Мама и сестра[4] шлют Вам и многоуважаемой Марии Петровне самые искренние приветствия. Прошу Вас и от меня передать глубокий поклон Марии Петровне, а также и Ольге Ивановне и Александру Ивановичу.[5]

Желая Вам от всей души всего самого лучшего, остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте: *Московско-Курской* ж. д.
<с>т. *Коренная пустынь* (Будановка).
<Его> Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Моск<овское> почт<овое> центр<альное> отдел<ение>, 28 сен<тября> 1882; *об.*: Москва, Южн<ая> ж<елезная> д<орога>, 29 сен<тября> 1882; Почтовый вагон 15, 30 сен<тября> 1882.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 28—29 об.; конверт — л. Х.

[1] См. примеч. 2 к письму 8.

[2] См. письмо Фета к Харузину от 20 сентября 1882 г. (№ 22).

[3] Речь идет о свадьбе А. И. Иоста и О. И. Щукиной (см. примеч. 2 к письму 22).

[4] Мать — М. М. Харузина, сестра — В. Н. Харузина (подробнее о ней см. во вступит. статье).

[5] Речь идет о семье Иостов.

24
Фет — Харузину
2 ноября 1882 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ
№ 481.

2 ноября.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Сегодня мы, стыдно сказать, едем смотреть каких-то говорящих кукол в Нем<е>цк<ом> клубе.[1] Приходите, если можете, обедать завтра и захватите, если есть под руками, Горация с комментариями,[2] а нет, так просто текст подлинный. Это наверное у Вас есть.

Мне для ars poetica.[3]

Ваш А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 17. На почтовом бланке с адресом.

Год устанавливается на основании упоминания о трактате Горация «О поэтическом искусстве», включенного в первый выпуск «Вечерних огней», который в это время готовился к печати. Если бы речь шла о полном Горации, вышедшем в конце следующего, 1883 г., Фету не понадобился бы ни том Горация на латинском языке, ни комментарии к нему, поскольку во время работы над Горацием он располагал несколькими изданиями (см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 562—563).

[1] Московский немецкий клуб с октября 1860 г. располагался в доме бывшего владельца А. Л. Торлецкого, по проекту, приписываемому архитектору К. А. Тону (ныне здание Центрального дома работников искусств; Пушечная, 9). С 1870-х гг. в Клубе начинают устраиваться литературные чтения, вечера поэзии, концерты, спектакли и другие культурные мероприятия. О каком кукольном спектакле идет речь, установить не удалось.

[2] Фет на протяжении жизни неоднократно обращался к творчеству римского поэта Квинта Горация Флакка. Первые переводы были сделаны им еще в студенческие годы. В 1883 г. он завершил и выпустил в свет перевод всего Горация, за что в 1884 г. был удостоен Академией наук полной Пушкинской премии (см. об этом: *Фет. ССиП.* Т. 5. Кн. 1. С. 560—561).

[3] Речь идет о переводе эстетического трактата Горация «О поэтическом искусстве. К Пизонам» (De arte poetica) («Если бы вдруг живописец связал с головой человечьей...»), который был сделан Фетом, по его собственному признанию, еще в 1860-е гг. (см.: *МВ*. Ч. 2. С. 387). Попытки напечатать его в «Русском вестнике» не увенчались успехом (см.: *Фет/Боткин*. С. 404—405). Готовя полный перевод Горация отдельным изданием, Фет включил в него послание «К Пизонам», однако счел необходимым поместить этот перевод и в первый выпуск «Вечерних огней» (1883), вышедший ранее: Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типография А. Гатцука, 1883. С. 164—213. Объявление о поступлении в продажу: *МВед*. 1883. 11 февраля. № 42. С. 1.

25
Фет — Харузину
8 ноября 1882 г. Москва
Телеграмма

Любезного именинника и его семейство поздравляют
Шеншины.

На обороте: Собач<ья> пл<ощадь>, С<обственный> д<ом>.
Михаилу Николаевичу Харузину.[1]

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 26—26 об. Телеграмма № 17513, текст записан графитовым карандашом.

[1] Поздравление с именинами, см. письмо 11 и примеч. 1 к нему.

26
Фет — Харузину
11 ноября 1882 г. Москва

11 ноября.

Дорогой
Михаил Николаевич,

Текст верен, не найдете ли ошибок, просмотрите, если успеете, при нарочном и возвратите, если же нет Вас дома, пришлите сегодня для отправки в типографию.[1]

Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 7.
Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом 27, где упоминается типография А. Гатцука, в которой печатался перевод «Фауста».

[1] Очевидно, речь идет о корректуре второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета, в вычитке которой помогал Харузин, что и позволяет уточнить год написания записки. О пометах Харузина и Фета на фетовском переводе «Фауста» см. во вступит. статье, а также: *Ивашкина С. Е.* М. Н. Харузин — новое лицо в окружении А. А. Фета. С. 14.

27
Фет — Харузину
17 ноября 1882 г. Москва

Дорогой Михаил Николаевич

Текст верен.[1] Просмотрите и отметьте ошибки, и, если нет важных, завезите по дороге в универ<ситет> к Га<т>цуку.[2] Я, чтобы не задерживать, надписал: печатать. Если успеете, отдайте моему нарочному, или перешлите ко мне, хотя от Вас расстояние и до Никитск<ого> бульвара и до меня то же.

Ваш
А. Шеншин.

17 ноя<бря>.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 12.
Год устанавливается по содержанию и по связи с письмом 26, см. также примеч. 1 к письму 26.

[1] Речь идет о корректуре второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета. См. примеч. 1. к письму 26.

[2] В типографии А. Гатцука, расположенной в собственном доме на Никитском бульваре, недалеко от университета на Моховой, печатались первая и вторая части фетовского перевода «Фауста» Гёте.

28
Фет — Харузину
18 ноября 1882 г. Москва

Текст верен, но нужно еще раз мне проверить с исправленным экземпляром.[1] Просмотрите и пришлите ко мне, я до 8 вечера дома.

Ваш пред<анный>
А. Шеншин.

18 ноября.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 13.
Год устанавливается по содержанию и по связи с письмами 26 и 27.

[1] См. примеч. 1. к письму 26.

29
Фет — Харузину
Вторая половина ноября 1882 г. Москва

Вы вполне правы!
Много благодарный
Вам А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 10.
Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с предыдущими записками (26—28). Очевидно, содержание этой, как и предыдущих записок, связано с участием Харузина в вычитке корректуры перевода «Фауста» Гёте, выполненного Фетом. В таком случае записку можно датировать второй половиной ноября 1882 г. Вторая часть «Фауста» в переводе Фета вышла в самом конце 1882-го или в начале 1883 г.: Фауст. Трагедия Гёте. Часть вторая / Пер., предисл., и примеч. А. Фета. М.: В типографии А. Гатцука, 1883 (ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.).

30
Фет — Харузину
27 декабря 1882 г. Москва

МОСКВА
ПЛЮЩИХА СОБ. ДОМ
№ 481.

27 декабря.

Любезнейший
Михаил Николаевич!

Сегодня собирались мы с Марьей Петровной поздравить матушку Вашу и любезную сестрицу с праздниками,[1] но так как вчера, во избежание всяких комментариев, я вынужден был обедать вне дома, то плачу сегодня за эту экскурсию головной болью, глотанием хины и усиленным постом. Все это не помешает нам лично засвидетельст<во>вать всем вам наше уважение, очнувшись немного от той безурядицы, которую называют праздниками.

Будьте здоровы.

Искренне уважающий
Вас
А. Шеншин.

Соловьев в Питере.[2] Надеюсь, что в воскресенье 2 января будет обедать у нас с Михаи<лом> Иванов<ичем>.[3] Не придете ли?

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 14—14 об. На почтовом бланке с адресом.
Год устанавливается по штампу с московским адресом Фета, который в 1881 г. был иным.

[1] То есть с наступающими Новым годом и Рождеством.

[2] Имеется в виду Вл. С. Соловьев.

[3] Очевидно, М. И. Хитров (см. письмо 13, примеч. 1). О восторженном отношении Хитрова к Вл. С. Соловьеву см.: *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. М., 1990. Кн. 1—3 (по указ.). Сведениями о том, навестил ли Харузин Фета, а также были ли на обеде у Фетов 2 января 1883 г. Вл. С. Соловьев и М. И. Хитров, не располагаем.

31
Харузин — Фету
25 апреля 1883 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{25}{IV}83.$

Христос воскрес!

Примите, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, мое, хотя запоздалое, но тем не менее искреннее поздравление со Светлым весенним праздником.[1]

Все эти дни я не был в состоянии написать Вам, так как все время я хворал. Весна какое-то странное имеет на меня действие: непременно простудишься и захвораешь. Так и на сей раз я слег в постель, и что всего хуже — лишился возможности продолжать экзамены, несмотря на то что большинство из них я уже сдал с полным успехом, т. е. получил балл — 5.

Как поживаете Вы, многоуважаемый Афанасий Афанасиевич? — Петя Боткин сообщил мне, что Вы весьма много трудитесь, рано встаете и весь день проводите в литературных занятиях.[a, 2]

Мне это известие доставило, конечно, много радости, так как я не только сочувствую Вам от всего сердца, но и стараюсь всегда брать Вас себе за образец при занятиях, ибо не видал человека, который бы

[a] *Далее с абзаца зачеркнуто*: Вероятно

столь добросовестно и успешно умел трудиться, как Вы, несмотря на Ваши преклонные лета и на Ваше положение.

Итак, от всего сердца желаю Вам, глубокоуважаемый Афанасий Афанасиевич, здоровья, а вместе и успехов в Ваших литературных занятиях.

Прошу Вас передать глубокоуважаемой Марии Петровне, Ольге Ивановне и Александру Ивановичу[3] мое глубокое почтение.

Мама и сестра[4] шлют Вам свой сердечный привет.

Остаюсь глубоко Вас уважающий

Михаил Харузин.

На конверте: *Курская* ж. д.,
станция Будановка — Коренная Пустынь.
Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасиевичу
Господину Шеншину.

Почтовые штемпели: Москва, 26 апр<еля> 1883; *об.*: Москва, 26 апр<еля> 1883.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 22. Л. 32—33; конверт — л. XI. На обороте конверта, в правой части, неизвестной рукой надпись карандашом: «Харузин».

[1] Пасха в 1883 г. пришлась на 17 апреля.

[2] В это время Фет трудился над завершением перевода Горация, которого намеревался издать целиком зимой. 14 апреля 1883 г. он писал Вл. С. Соловьеву: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся эпод — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной» **(**см.: *ФетСб(2)*. С. 382. Публ. Г. В. Петровой**)**. *Петя Боткин* — племянник Фетов, сын Д. П. Боткина.

[3] О. И. и А. И. Иосты.

[4] М. М. и В. Н. Харузины.

32
Фет — Харузину
2 ноября 1881—1886 г. (?). Москва

Не желая задерживать посланного,[1] Марья Петровна искренно благодарит за портрет[2] и просит Вас обедать в пятницу, и я тоже.

Пре<данный> Вам
А. Шеншин.

2 ноя<бря>.

Печатается по подлиннику: *ОПИ ГИМ*. Ф. 81. № 99. Л. 11.

Датируется условно периодом между датой знакомства Фета с Харузиным и временем отъезда последнего в июле 1887 г. в Ревель по новому месту службы (см. во вступит. статье).

[1] Вероятно, записка передана с нарочным в тот же день.

[2] Скорее всего, речь идет о фотографическом портрете самого Харузина, местонахождение которого неизвестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Харузин — М. П. Шеншиной
21 февраля 1882 г. Москва

Собачья Площадь
в Москве.
$18\frac{21}{II}82$.

Многоуважаемая Мария Петровна!

Прошу Вас и от меня принять поздравление со днем Вашего рождения[1] и искреннее пожелание Вам всего наилучшего на новый год Вашей жизни. Долгом своим счел бы я поздравить Вас лично, если бы моя болезнь не была тому помехой. — Сыпь на лице усилилась и, — хотя оба приглашенные мною врача специалисты нашли болезнь неопасной, объяснив ее происхождение простудой на охоте, — я принужден, согласно их предписанию, сидеть безвыходно в комнате уже вторую неделю.

Прошу Вас передать мое приветствие и поклон глубокоуважаемому Афанасию Афанасиевичу.

До скорого свидания имею честь остаться с искренним почитанием уважающий Вас

Михаил Харузин.

Приписка. — Так как Александра Ивановича[2] увидеть до его отъезда в деревню мне, вероятно, не удастся, то прошу Вас передать ему мой сердечный поклон.

М. Х.

На конверте: Ее Высокоблагородию
Марии Петровне
Госпоже Шеншиной.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 12. № 21. Л. 1—1 об.; конверт (без почтовых штемпелей) — л. 2.

[1] Харузин ошибся, Мария Петровна родилась 18 июля 1828 г., а именины отмечала 22 июля (см.: *ФетСб(3)*. С. 344). 22 февраля ст. ст. праздновались именины Фета.

[2] Речь идет об А. И. Иосте.

ФЕТ В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» ПОСЛЕ КАТКОВА: Письма С. А. Петровского к Фету (1887—1892)

Публикация С. А. Ипатовой

Одним из самых длительных и непрерывных сотрудничеств Фета в повременных изданиях оказалось его почти четвертьвековое участие в большой правительственной газете «Московские ведомости» (1868—1892), в результате которого составился целый корпус опубликованных здесь его хозяйственно-юридических статей. Большую часть этого времени на посту редактора-издателя газеты находился Михаил Никифорович Катков (1863—1887), сделавший из своего издания солидную политическую газету, близкую к властям.[1] Известно, что газета была постоянным чтением как императора Александра II, так и Александра III. Незадолго до смерти всесильного редактора, хорошо известного в журналистских и литературных кругах своими консервативными монархическими убеждениями и жесткими идеологическими установками, а также деспотическим характером и нежеланием находить компромиссы,[2] обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев писал о нем императору как о единственном журналисте, «умном и чутком к истинно русским интересам и к твердым охрани-

[1] См.: *Любимов Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга: По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. См. также: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. Далее: *Твардовская*, с указанием страницы.

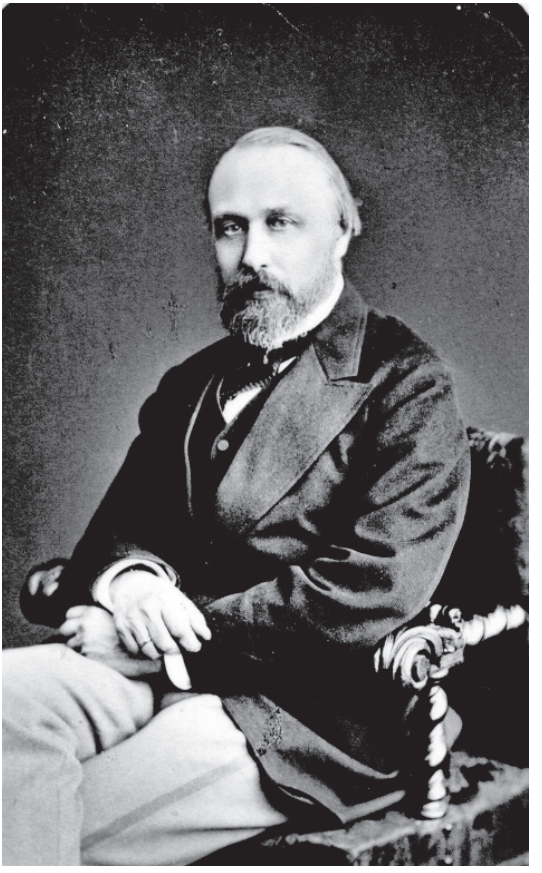
[2] См.: *Любимов Н. А.* Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. С. 16. См. также: *Феоктистов Е. М.* Воспоминания: За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Ред. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., 1929. С. 252. Далее: *Феоктистов*, с указанием страницы.

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-449-477

К. П. Победоносцев.
Фотография ателье Левицкого. 1880-е гг.

тельным началам»; остальная «охранительная» печать, по его мнению, была «мелочью, или дрянью или торговой лавочкой». Победоносцев со страхом предвидел, что после смерти Каткова «решительно некем будет заменить его».[3] Охранительная позиция влиятельного редакто-

[3] Цит. по: *Твардовская*. С. 4. См. также ценную по насыщенности архивными и другими малоизвестными материалами о закулисной борьбе за место нового редактора статью: *Юшко А. Г.* За кулисами публицистики (Власти и «Московские ведомости» в 1887 г. по смерти М. Н. Каткова) // Н. П. Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии: К 125-летию со дня кончины Н. П. Гилярова-Платонова / Ред. А. П. Дмитриев. СПб., 2013. С. 153—182. Далее: *Юшко*, с указанием страницы.



М. Н. Катков.
Фотография ателье Левицкого

ра находила свое упорное и настойчивое выражение в передовицах «Московских ведомостей», а также в статьях политического отдела «Русского вестника» и снискала ему специфическое положение «министра без портфеля».[4] Выступления Каткова 1870—1880-х годов, по наблюдению исследователя, были посвящены критике «земской и судебной реформ», «национального сепаратизма, особенно польского», который трактовался им в этот период «как широкий „заговор против

[4] См.: *Кругликова О. С.* Газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» (1863—1887 годы): К вопросу об истоках и характере политического влияния // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. № 3: Михаил Никифорович Катков. С. 71—88.

России“ нигилистов, социалистов, националистов» и некоторых «высших сановников», а также «критике радикальной интеллигенции, „оторванной от народа“, живущей идеями революции, конституции, демократии», которым Катков противопоставлял твердую «самодержавно-монархическую власть в стране». Ни один значимый вопрос социально-политической и культурной жизни России «не оставался без внимания Каткова, оказывавшего подчас существенное влияние на ход событий».[5]

Обращение Фета к публицистике в пореформенные годы было непосредственно связано с началом ведения усадебного хозяйства и земледельчества. Летом 1860 года поэт приобрел на юге Мценского уезда хутор Степановку, а осенью 1877 года купил живописное в Щигровском уезде Курской губернии имение Воробьевку. С обретением хозяйственного опыта приходило не только разочарование, но и желание формулировать деятельные принципы правильного ведения хозяйства, а также делиться опытом и таким образом исправлять многочисленные препятствия к «земледельческому идеалу» и народному благосостоянию. Завершая свои заметки 1862 года, публиковавшиеся в «Русском вестнике» Каткова, Фет задавался вопросом: «Отчего в моих заметках выступает преимущественно темная сторона нашей земледельческой жизни? / Ответ прост. Я ничего не сочинял, а старался добросовестно передать лично пережитое, указать на те, часто непобедимые препятствия, с которыми приходится бороться при осуществлении самого скромного земледельческого идеала. Затруднений и препятствий много — но где средства устранить их и сровнять дорогу всему земледельческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народного благосостояния?».[6] Не удивительно, что печатными органами своих публицистических выступлений Фет избрал издания Каткова, редактора и политика, близкого ему по своим взглядам и убеждениям.

По мнению В. Н. Абросимовой, анализирующей «идеологическое „правение“» Фета (опустим лексическую тенденциозность), он «с годами все больше тяготел к тем кругам охранителей российского самодержавия, мнение которых выражали издания М. Н. Каткова. В „Русском вестнике“ печатались рассказы, заметки и статьи, подписанные именем Фета и псевдонимом Деревенский Житель».[7] Такое постоян-

[5] *Ширинянц А. А.* Еще раз о М. Н. Каткове // Катковский вестник. Религиозно-философские чтения. К 190-летию со дня рождения М. Н. Каткова. М., 2008. С. 110, 112.

[6] *Фет А.* Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде // *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 177—178.

[7] См.: Письма А. А. Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. В. Н. Абросимовой // Philologica: Двуязыч-

ство вызывало иронию друзей. Так, когда Фет поддержал позицию Каткова в отношении школьной реформы, выступив в защиту классической системы образования, Тургенев писал ему 26 сентября (8 октября) 1871 года: «Друг мой, обожание „Московских ведомостей“ должно быть, однако, соединено с некоторой долей самостоятельности — а то ведь как раз можно заговорить „аллилуйским“ языком».[8]

Активное участие Фета в «Московских ведомостях» продолжилось и после смерти известного редактора, последовавшей 20 июля 1887 года. Узнав о его кончине, Фет откликнулся на нее 24 июля 1887 года в письме к своей хорошей знакомой и корреспондентке, писательнице С. В. Энгельгардт, образно сравнивая свою работу по усадебному хозяйству с журналистской деятельностью Каткова: «Мое положение можно сравнить с задыхающейся нянькой, обязанною день и ночь смотреть за самыми глупыми и несамостоятельными детьми, которым надо сто раз повторять, что кашу едят в рот, а они все-таки суют в уши. Впрочем, от мала до велика, разве не такою же несчастною нянькой был во всю журнальную деятельность и Катков? Вряд ли найдется много людей, которые оценят несомненные его заслуги, зато сколько таких, которых обрадует его смерть <...> Как бы бедный Катков не оказался русским Сизифом и камень нигилизма, вырвавшись из его рук, не раздавил бы еще с удвоенной силой нашей несчастной страны».[9] «Не стало Каткова, — писала Фету С. В. Энгельгардт 26 июля 1887 года, — и никто его не заменит, как никто не заменит Аксакова и Скобелева. Горячий патриотизм Каткова развил его талант, и нет сомнения, что он был необходим России. <...> Никакой публицист не играл такой роли, как Михаил Никифорович».[10] «Что бы ни говорили, — продолжал эту тему Фет в письме к А. В. Олсуфьеву от 4 августа 1887 года, — смерть Каткова есть капитальнейшая утрата для консервативной России, на которую, того гляди, вновь набросятся голодные нигилисты, от законодательства и административных порядков которых наш брат и теперь не знает, куда укрыться».[11] Нигилистами же Фет считал тех, кто не способствовал благу России, независимо от социальной принадлежности, будь то законодатели из

ный журнал по русской и теоретической филологии. М., 1996. Т. 3. № 5/7. С. 289. Далее: *Абросимова*, с указанием страницы.

[8] *Тургенев. Письма.* Т. 11. С. 140—141.

[9] Цит. по: Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Ч. 3 (1884—1891) / Публ. Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 131, примеч. 8 к письму 100.

[10] Там же.

[11] См.: Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 235.

Е. М. Феоктистов.
Фотография ателье Левицкого. 1880-е гг.

высших правительственных кругов или «голодные» воинствующие прогрессисты; авторитету Каткова и его изданиям отводилась сдерживающая, спасительная роль.

По воспоминаниям начальника Главного управления по делам печати (главного цензора России) Е. М. Феоктистова, при Каткове Александр III ежедневно получал через его управление так называемые «царские обозрения» — статьи «Московских ведомостей» «по разным вопросам вызывали постоянно одобрение государя, но кроме того Катков нередко представлял государю подробные записки о положении дел, и все они были принимаемы в высшей степени благосклонно».[12] Поэтому при назначении нового редактора кандидатуре на этот пост было уделено особое правительственное внимание.

Александр III ставил обязательным условием, чтобы «характер газеты по возможности не изменялся».[13] Феоктистов вспоминал: «Такие

[12] См.: *Феоктистов.* С. 252; *Юшко.* С. 165—166.
[13] См.: *Феоктистов.* С. 267.

публицисты, как Михаил Никифорович, родятся веками, было бы совершенно бесплодно мечтать о сколько-нибудь достойной замене его, но, по крайней мере, следовало озаботиться, чтобы газета сохранила усвоенное ею направление и чтобы новые руководители могли с твердостью и посильным уменьем служить государственным интересам. Но где же было найти их?».[14]

В непростой закулисной борьбе за освободившееся место редактора правительственной газеты участвовали несколько соискателей, представлявших силы различных высокопоставленных группировок. Наиболее значимыми, помимо вдовы С. П. Катковой, были: парижский корреспондент газеты И. Ф. Цион, издатель «Современных известий» Н. П. Гиляров-Платонов, отставной генерал-лейтенант М. Г. Черняев, историк Д. И. Иловайский, поэт А. А. Голенищев-Кутузов и др.[15] Обеспокоенные возможной сменой направления газеты редакционные сотрудники через месяц с небольшим после смерти Каткова выступили печатно с заявлением, адресуясь к читателям, что если и «погас светильник», то «отражения его остались», то есть те, с кем Катков «в течение многих лет, до последних дней своих, ежедневно беседовал, разъясняя им свои взгляды, убеждения и намерения», те, «кто до конца были орудиями его мыслей и целей»; именно они, сотрудники газеты, «получили от своего почившего руководителя драгоценный завет, который они обязаны свято хранить, дружно защищая то знамя, вокруг которого их собрал покойный, и продолжая по мере сил своих» службу его «на страже православия, самодержавия, единства, целости, достоинства, могущества и просвещения России».[16]

С августа 1887 года (с № 239) новым редактором официально был назначен помощник Каткова, с 1882 года его второй редактор, Сергей Александрович Петровский (1846—1917). В придворных и консервативных кругах это назначение было встречено «очень не сочувственно»,[17] что потребовало от нового редактора «напряженных усилий и продуманных дипломатических шагов на этом посту».[18] Покровительствовал Петровскому Феоктистов, который, как сообщал Д. И. Иловайский в письме к П. И. Бартеневу, «лично являлся в редак-

[14] Там же. С. 266.

[15] Подробнее см.: *Юшко*. С. 155—178. См. также: *Кругликова О. С.* «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: Конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 252—264.

[16] См.: *МВед*. 1887. 29 июля. № 206. С. 1. См. также: *Юшко*. С. 157—158.

[17] См.: *Феоктистов*. С. 289.

[18] *Новиков Л. А.* Петровский Сергей Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 590.

С. А. Петровский.
Фотография, не позднее 1891 г.

цию „Нового времени“ для того, чтобы благодарить ее за сочувственные статьи о Каткове и вместе (главное) просить щадить Петровского. Поэтому „Новое время“ и не смеет выступать слишком решительно против, тем более что оно имеет уже два предостережения».[19] О своем ставленнике Петровском Феоктистов вспоминал в 1896 году: он «был человек весьма уживчивый, спокойный, обладавший большим тактом; следовало безошибочно ожидать, что он сумеет сохранить при себе

[19] Цит. по: *Юшко*. С. 180. Позже (22 октября 1891 г.) «Новое время» довольно решительно выступило против статьи Фета «О помощи крестьянам неурожайных местностей» («Вечерние страхи А. А. Фета»). На это оскорбительное по тону анонимное выступление Фет ответил обширной отповедью: *Фет А.* Ответ «Новому времени» // *МВед*. 1891. 1 ноября. № 302. С. 6. Подробнее см. ниже.

весь прежний редакционный персонал. <...> Никому из правительственных лиц не пришлось раскаяться в выборе такого рода».[20]

Из редакционных сотрудников, для которых авторитет, идеологические установки и заветы Каткова были непререкаемы, Петровский, не обладавший самостоятельной политической позицией, по своим профессиональным и личным качествам более других подходил на пост редактора правительственной газеты, в том числе и по своим биографическим данным: окончил юридический факультет Московского университета, служил в архиве министерства юстиции, читал лекции по русскому праву в университете (1873—1878), имел степень магистра государственного права (1875). Выступал Петровский и как публицист: по приглашению Каткова он начал сотрудничать в «Московских ведомостях» с 1877 года.

Программа нового редактора была изложена им в объявлении «Об издании „Московских ведомостей“ в 1888 году», напечатанном в номере от 21 ноября 1887 года: обещая следовать по стопам Каткова и оправдать «высокое правительственное доверие», Петровский вместе с тем отмечал, что новая редакция не связана ни с какими кружками и «партиями». Признавая, что, по «стечению многих обстоятельств, интерес „Московских ведомостей“ при М. Н. Каткове сосредоточивался главным образом в отделе передовых статей», и «всячески заботясь о поддержании этого отдела на желательной высоте», Петровский считал необходимым обратить также особое внимание «на усиление интереса и прочих отделов, как желал того и покойный издатель».[21] Александр III на поднесенном ему И. Д. Деляновым экземпляре программы написал: «Надеюсь, что он сдержит свое слово до конца».[22] Объявление издателя, безусловно, было прочитано Фетом. Не исключено, что Петровский, вступив в должность, письменно обратился к авторам и корреспондентам, сотрудничавшим при Каткове.

Войдя в должность, новый редактор привлек в штат газеты таких сотрудников, как Ю. Н. Говоруха-Отрок (литературный и театральный обозреватель), раскаявшийся террорист Л. А. Тихомиров (политический обозреватель), В. А. Грингмут и др. Внештатными сотрудниками издания, помимо Победоносцева, С. Ю. Витте, Феоктистова, стали В. В. Розанов, Фет и др.

Знакомство Фета с Петровским состоялось, вероятно, с начала сотрудничества последнего в «Московских ведомостях», то есть в 1877 году. 3 апреля 1882 года, посылая Каткову свою статью «Где

[20] См.: *Феоктистов*. С. 268, 271.

[21] См.: *МВед*. 1887. 21 ноября. № 321. С. 1. См. также: *Юшко*. С. 179.

[22] Цит. по: *Юшко*. С. 179.

первоначальный источник нашего нигилизма?», Фет обратился к Петровскому как второму редактору: «Милостивый государь, Сергей Александрович! / Вместе с сим посылая статью: „*Iде первоначальный источник нашего нигилизма?*“, о чем пишу к Михаилу Никифоровичу (местонахождение письма неизвестно. — *С. И.*), а как он может о ней забыть, то не откажите почтить меня уведомлением о судьбе статьи, которая может и не попасть в печать по своей бесцеремонности. Самый экземпляр статьи мне не нужен. Но я, когда дело разъяснится, только желаю знать ее судьбу».[23] Ответные письма Каткова, как и Петровского, по поводу статьи остаются неизвестными. Сама статья так и не была опубликована при жизни Фета.[24]

Итак, 2 декабря 1887 года Фет обратился к Петровскому с письмом, в котором высказал намерение продолжить сотрудничать с «Московскими ведомостями», мотивируя это высоким авторитетом газеты и своей глубоко осознанной позицией, отвечающей духу этого издания: «Независимо от политического значения передовых статей покойного Михаила Никифоровича в „Московск<их> ведом<остях>“, журнал этот исполнен был для нас, провинциалов, высокого интереса по своей отзывчивости на наши сельские нужды. По ширине своего кругозора покойный Катков хорошо понимал, что все, на вид иногда мелкие, правительственные мероприятия составляют для нашего брата, деревенского жителя, самый жгучий и интересный вопрос, перерезая во многих случаях самый дыхательный снаряд. Поэтому „Москов<ские> ведом<ости>“ были единственным прибежищем всякого рода провинциальным откликам на существующие или возникающие в этой области вопросы». Предлагая свое участие как опытного хозяйственника, Фет пишет, что иногда «нескольких слов человека, близко стоящего к делу, достаточно для того, чтобы осветить всю несостоятельность мер, принимаемых людьми, знакомыми с делом только на бумаге. <...> / Стоя у самого сельского дела, я, независимо от всяких личных интересов, был бы очень рад в данную минуту с своей стороны налечь на весло, чтобы хотя на шаг уклонить наш общественный корабль от случайного или неслучайного опасного пути. При этом я наперед знаю, что мое мировоззрение о несомненном и преемственном самодержавном главе, которому история вручила громадную страну со стомиллионным населением, — мировоззрение, с колыбели разделяемое девятью десятыми этого народа, не найдет доступа ни в одном

[23] Цит. по: *Фет А. А.* Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г. Д. Аслановой; коммент. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова. СПб., 2013. С. 441 (на письме дата: «3 апреля», год установлен Г. Д. Аслановой). Далее: *Публицистика*, с указанием страницы.

[24] Впервые полностью статья напечатана: Там же. С. 221—229.

из наших журналов, выдающих себя за народовольцев. Вот причина, по которой я желал бы узнать, сочтет ли новая редакция „Москов<ских> вед<омостей>“ подходящими по духу к этому изданию статьи, которые могли бы при случае вырваться из-под моего пера».[25]

Петровский с благодарностью принял предложение Фета, о чем высказался 4 декабря 1887 года: «Ваше опытное слово с пользою для дела должно быть выслушано обществом и теми, кому об этих нуждах ведать надлежит» (см. письмо 1). Через несколько дней в газете была опубликована большая статья Фета «Деревенские заметки. Письмо к редактору», посвященная пересмотру действующих «Правил об охране полей и лугов от потравы».[26] Через месяц с небольшим последовала заметка «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», посвященная мерам к улучшению сословного крестьянского суда.[27] Дальнейшее участие поэта в «Московских ведомостях» вылилось в целый ряд статей и заметок, освещающих несостоятельность тех или иных бюрократических мер, принимаемых чиновниками в сфере сельского хозяйства и юриспруденции.

Общение Петровского и Фета происходило не только эпистолярным образом, но и при личных встречах. Позже, в письме к новому редактору от 11 октября 1888 года, Фет, подтверждая свою давнюю преданность направлению издания, сообщал: «Ввиду драгоценного для современной России направления Вашей газеты, я чувствую потребность не только переговорить с Вами о некоторых интересных для нас вопросах, но и лично воспользоваться беседою Вашей».[28] 31 октября 1890 года он отправил Петровскому какую-то статью, посвященную защите своего литературного достоинства, сопроводив рукопись оговоркой: «...я не желал бы нарочно сердить социалистических собак. Если Вы найдете нужным поместить у себя прилагаемую статейку Деревенского жителя, то я очень буду этому рад, как радуюсь удовольствию, с которым в высших петербургских сферах прочтена была статья г. Говорухи-Отрока, о котором я здесь вспоминаю. Во всяком случае прошу Вас не выставлять меня бесполезно на заушение прокаженных, которых бы я конечно не побоялся как публицист, если бы за мной не тащился мой чисто литературный хвост. В виде личного одолжения я просил бы Вас о возвращении единственного экземпляра препровождаемой Вам рукописи, в случае непригодности ее к печати».[29]

---

[25] Цит. по: *Абросимова*. С. 291—292.

[26] См.: *МВед*. 1887. 10 декабря. № 340. С. 5. Более подробные сведения о статьях Фета, опубликованных в «Московских ведомостях» после смерти М. Н. Каткова, см. в *Приложении* к наст. публикации.

[27] См.: *МВед*. 1888. 14 января. № 14. С. 3—4.

[28] Цит. по: *Абросимова*. С. 292.

[29] Там же. С. 293.

Эта статья по какой-то причине не была опубликована и остается неизвестной по сей день. Вероятно, помимо ответа на некие оскорбления по адресу Фета-публициста или мемуариста, в ней содержалась ссылка на отзыв Говорухи-Отрока о воспоминаниях поэта.[30]

Уважение к позиции Каткова и к общему направлению возглавляемой им газеты Фет перенес и на нового редактора. По мнению исследователя, он «всецело доверял опыту Петровского, его политическому чутью и даже позволял ему свободно править свой текст».[31] 9 августа 1891 года Фет, отправляя редактору «Московских ведомостей» свою статью «Гром не грянет, мужик не перекрестится», писал, не без основания сомневаясь, что Петровский безоговорочно примет ее и осмелится напечатать: «Многоуважаемый Сергей Александрович! Вам хорошо известны и мои постоянные отношения к направлению Вашей газеты и к собственным моим статьям, выступающим за пределы безотносительного искусства. Поэтому, прилагая при сем под бандеролью мою статью, отдаю ее в полное Ваше распоряжение, т. е. Вы можете ее печатать или нет, целиком или с вырезками, с примечаниями от редакции или без оных. <...> / Как бы Вы ни поступили, это нимало не изменит глубокой симпатии» к Вам.[32] Действительно, Петровский, не вполне разделяя высказанное в статье мнение Фета, сопроводил статью редакторской заметкой.

Статья «Гром не грянет, мужик не перекрестится», в которой обосновывалась мысль о том, что сохранение крестьянской общины является причиной обнищания деревни, была опубликована 21 августа 1891 года, а 25 августа Фет написал о своих предшествовавших этой публикации опасениях великому князю Константину Константиновичу (К. Р.): «Вчера вечером, при получении „Московских ведомостей“, я был крайне обрадован появлением в № 230 моей статьи, за которую сильно боялся, что ее не решатся напечатать. Когда-то основные ее мысли под заглавием „Наши корни“ были прочтены благополучно царствующим Государем, соблаговолившим сказать: „Много правды“. Настоящая статья представляет в сжатом виде развитие Монаршей воли в виде учреждения земских начальников». И с горечью добавил: «Но такова особенность, сложившаяся у нас в жизни: противоборствующие в печати предначертаниям Самодержца делают это с полной

---

[30] См.: *Николаев Ю. <Говоруха-Отрок Ю. Н.>* Несколько замечаний о Тургеневе и Толстом: По поводу книги А. А. Фета «Мои воспоминания». Два тома. М., 1890 // *МВед.* 1890. 13 октября. № 283. № 311. С. 3—4 (установлено: *Абросимова.* С. 303).

[31] См.: *Абросимова*. С. 290.

[32] Там же. С. 293. Статья была опубликована: *МВед.* 1891. 21 августа. № 230. С. 3—4.

развязностью, а говорящие в пользу Монарших учреждений страшатся за судьбу своих слов».[33] О статье Фет написал также А. В. Олсуфьеву: «Я так рад, что в „Моск<овских> вед<омостях>“ № 230 помещена моя статья на эту тему, так как я боялся, что ее не осмелятся напечатать за ее излишнюю откровенность».[34]

28 августа 1891 года Фет откликнулся на полученную им в подарок от Петровского книгу с автографом: «...сердечно ценя внимание, оказанное Вами мне присылкой собственноручно надписанного сборника „Финляндская окраина России“,[35] пользуюсь случаем еще раз высказать Вам глубочайшую симпатию как главе журнала, в исключительной целости хранящего духовные предания, которыми покойный Михаил Никифорович создал себе нерукотворный памятник и заслужил бронзовый». Благодаря редактора «за ширину рамок, в которых Вам угодно было поставить Ваше возражение против моей статьи», Фет высказывал убеждение, «что, если России не суждено сгнить в нравственном и материальном отношении, — она силою вещей должна будет повернуть на дорогу свободного труда, охраненного беспристрастным законом, на который, мне кажется, мы оба с Вами старательно указываем».[36] Говоря о возражениях против статьи «Гром не грянет, мужик не перекрестится», Фет имел в виду редакторское примечание, в котором Петровский с осторожностью отстранился от его позиции: «В печатаемой нами ниже статье А. А. Фета затрагивается вопрос обширный и сложный, требующий для правильного разрешения, прежде всего, тщательного *исторического* изучения. Быть или не быть крестьянской общине — так ставит дело А. А. Фет и решает его на основании своих личных наблюдений над деревенскою жизнью <...> наши нигилисты, „партия *Современника*“, видели в общине как бы осуществление социалистической идеи и потому поддерживали это учреждение. Славянофилы, напротив, видели в той же общине оригинальное проявление русского народного духа <...> и славянофильское мнение, быть может, должно будет уступить напору фактов, но фактов строго проверенных, возведенных в систему, обследованных со всех сторон,

---

[33] *Фет/К. Р.* С. 911.

[34] Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 2004. Вып. 52. С. 118; см. также: *Публицистика*. С. 466.

[35] Имеется в виду сборник, составленный Петровским, в который вошли статьи Каткова и самого составителя по данному вопросу: Финляндская окраина России: Сб. статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса» / Изд. С. Петровский. М., 1891. Вып. 1. Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно. Следующие два выпуска вышли в 1894 и 1897 гг.

[36] Цит. по: *Абросимова*. С. 294.

а не фактов, которые являются лишь результатом личных наблюдений».[37]

О доверии к Петровскому как редактору свидетельствует письмо Фета к старому другу Я. П. Полонскому, которому 11 октября 1891 года он писал: «Третьего дня, когда, отдавая визит Петровскому вместе со статейкою в „Моск<овские> ведомости“ («О помощи крестьянам неурожайных местностей». — *С. И.*), я разрешал ему полное владычество над жизнью и смертью моего детища, он воскликнул, что я известен своею терпимостью ко всяким замечаниям о моих произведениях».[38]

Что касается упоминания в письме к Петровскому о необходимости сооружения памятника Каткову, то, скорее всего, мысль эта, высказанная Фетом еще в 1870 году, была навеяна ему статьей А. А. Шевелева, опубликованной незадолго до того в «Московских ведомостях» (20 июля 1891 года) и вышедшей отдельным оттиском. Здесь публично был поднят вопрос об установлении по подписке на Страстном бульваре, рядом с редакцией газеты, памятника Каткову в виде колонны с бюстом, у подножия которой лежала бы поверженная обезглавленная змея с надписью на теле «измена». Памятник, как подчеркивал автор, «должен быть двоякий»: сам монумент, а также издание его статей — «политический катехизис русского человека».[39] В этой же статье было приведено высказывание К. Н. Леонтьева, еще в 1885 году предлагавшего открыть подписку на памятник и «*заживо политически канонизировать Каткова*».[40] Фет, прочитав статью Шевелева и припомнив собственную мысль, уже через два дня, 22 июля 1891 года, написал Леонтьеву: «...эти строки <...> внушены горячим желанием симпатически пожать Вам руку, под влиянием только что прочитанной в „Московских ведомостях“ статьи о памятнике Каткову, где приводятся Ваши благородные, бойкие и блестящие слова по поводу змеиного шипения мнимых либералов».[41]

Мысль об установлении памятника Каткову на Страстном бульваре упорно приписывается К. Н. Леонтьеву, однако задолго до него об этом упоминал Фет в не дошедшем до нас письме к И. С. Тургеневу,

---

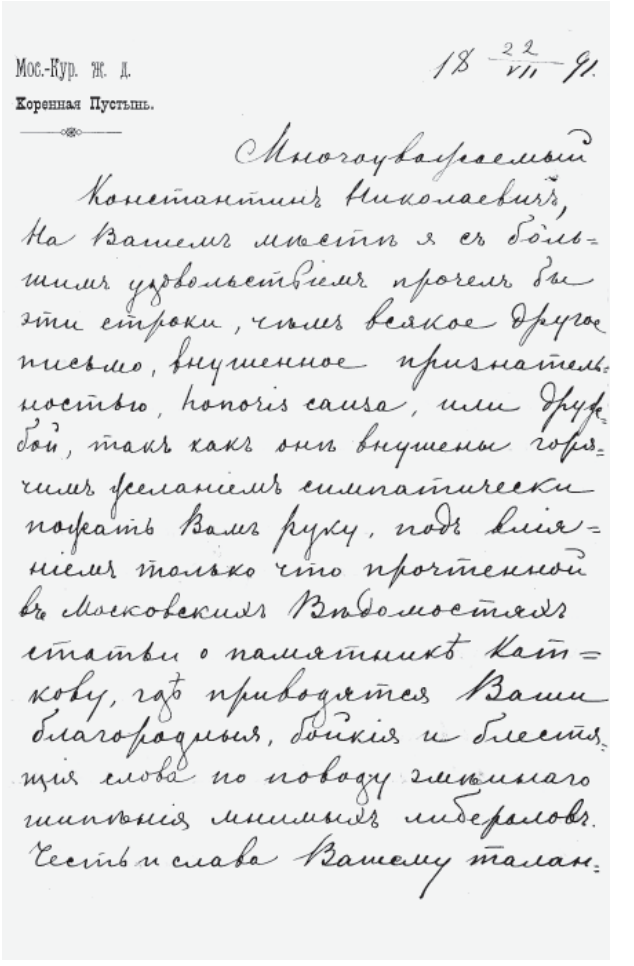
[37] *МВед.* 1891. 21 августа. № 230. С. 3.

[38] *Фет/Полонский.* С. 924. «Твоя статья <...> всеми замечена, — отвечал Полонский 15 октября 1891 г., — и возбуждает споры» (Там же. С. 927).

[39] См.: *Шевелев А.* М. Н. Катков. † 20 июля 1887 года. М., 1891. С. 10; то же: *МВед.* 1891. 20 июля. № 198. С. 3—4.

[40] *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. 2. С. 152.

[41] Цит. по: *Абросимова.* С. 296. Ответное письмо Леонтьева от 28 июля 1891 г. см.: Письма К. Н. Леонтьева к А. А. Фету (1883—1891) / Публ. О. Л. Фетисенко // *ФетСб(1).* С. 284—289.


Мос.-Кур. ж. д.
Коренная Пустынь.

18 22/VII 91.

Многоуважаемый
Константинъ Николаевичъ,
На Вашемъ мѣстѣ я съ боль-
шимъ удовольствіемъ прочелъ бы
эти строки, чѣмъ всякое другое
письмо, внушенное признатель-
ностью, honoris causa, или друж-
бой, такъ какъ они внушены горя-
чимъ желаніемъ симпатически
пожать Вамъ руку, подъ влія-
ніемъ только что прочтенной
въ Московскихъ Вѣдомостяхъ
статьи о памятникѣ Кат-
кову, гдѣ приводятся Ваши
благородныя, бойкія и блестя-
щія слова по поводу гнуснаго
гимна мнимыхъ либераловъ.
Честь и слава Вашему талан-

Письмо Фета к К. Н. Леонтьеву от 22 июля 1891 г.
Первая страница

который в ответном письме от 21 марта (2 апреля) 1870 года писал: «Я <...> вынес два убеждения, два факта изо всей пены и хлюпанья Ваших речей <...> Что в Ваших глазах М. Н. Катков заслуживает бронзовой статуи. „Ну и пущай!“ — как говорит один герой Островского».[42]

В 1891 году В. В. Розанов послал в «Московские ведомости» статью о необходимости сооружения памятника прежнему редактору, однако

[42] См.: *Тургенев. Письма*. Т. 10. С. 161.

рукопись была возвращена от имени редакции Ю. Н. Говорухой-Отроком, сообщившим, что «из агитации, направленной на сооружение памятника Каткову, кроме скандала, ничего не выйдет» (письмо от 13 октября 1891 года). Через десять лет после смерти Каткова, в 1897 году, к этой теме Розанов вернется вновь в статье «О постановке памятника М. Н. Каткову», опубликованной в газете «Мировые отклики» (1897. 25 июля): «В печати заговорили о постановке памятника Каткову. В добрый час!.. Катков давно стал знаменем, символом известных стремлений <...> он есть символ всего центростремительного в нашей земле <...> в противовес иным центробежным силам, также обильно развитым в нашей земле <...> стремящимся разорвать целость нашего сознания, целость истории нашей, наконец, целость нашей территории».[43] Памятник Каткову, как известно, установлен не был.

26 сентября 1891 года, вернувшись из Воробьевки, Фет отправил Петровскому свою заметку «Письмо к издателю», в которой высказал негативную реакцию на правительственную телеграмму, опубликованную в тот же день в «Московских ведомостях», в ней говорилось об обязательном прекращении работ и торговли в воскресные и праздничные дни. Заметка Фета об излишестве праздничных дней, ведущих к продолжительному пьянству в народе, к тому же в голодный год, сразу же была отправлена редактором в набор.[44] 14 октября 1891 года Фет, отправляя Петровскому статью «Голос коннозаводчика», сопроводил ее просьбой: «Если сочувствуете нашему отмахиванию от угрожающего бедствия, то дайте место в почтенной газете Вашей голосу коннозаводчика Шеншина».[45] В статье Фет утверждал, что планируемая отмена ремонтеров и покупка лошадей особой комиссией приведут к упадку конных верховых заводов. Петровский, получив эту статью, тут же отправил ее в набор.[46]

Всякий раз, посылая очередную статью Петровскому, Фет высказывал опасения, что его излишняя прямолинейность и откровенность

---

[43] Цит. по: *Николюкин А. Н.* В. В. Розанов о Каткове // Катковский вестник. Религиозно-философские чтения. С. 38.

[44] *МВед.* 1891. 28 сентября. № 268. С. 5. См. также: *Абросимова*. С. 303–305.

[45] См.: *Абросимова*. С. 295.

[46] *МВед.* 1891. 16 октября. № 286. С. 5. В. С. Федина высказал сомнение в принадлежности этой заметки Фету, поскольку она – «единственная, подписанная – *А. Шеншин*, могла принадлежать какому-нибудь однофамильцу Фета, хотя Д. Д. Языков и приписывает ее ему» (см.: *Федина В. С.* А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 28). Приведенное письмо Фета к Петровскому подтвердило правоту известного библиографа (см.: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. СПб., 1912. Вып. 12. С. 224).

станут препятствием к ее напечатанию, между тем за пять лет сотрудничества в «Московских ведомостях» после Каткова более двух десятков его статей были приняты к публикации, несколько статей (возможно, три) были отвергнуты Петровским, и их местонахождение неизвестно.

22 октября 1891 года в газете А. С. Суворина «Новое время» была опубликована оскорбительная по тону анонимная заметка, озаглавленная «Вечерние страхи А. А. Фета», автор которой (В. П. Буренин?) усомнился в сведениях, сообщенных Фетом ранее в статье «О помощи крестьянам неурожайных местностей», где речь шла о вредности даровой и бесконтрольной раздачи хлеба, способствующей разгулу и пьянству.[47] В статье «Нового времени» говорилось: «Поэт „Вечерних огней“ <...> недавно напечатал в „Московских ведомостях“ письмо, в котором говорил, что голодный народ не хочет работать. <...>. Нежный, чувствительный, сохранивший в своем сердце память тонких и мимолетных видений любви, Фет явился на этот раз решительным и суровым реалистом. <...> мы будем питать надежду, что, успокоившись, он снова начнет вспоминать шалости и грезы юности, облекая их в обворожительный стих, и оставит в покое тех, у которых единственная греза прокормить себя, свою семью и свой жалкий скот».[48]

30 октября 1891 года оскорбленный Фет, посылая Петровскому статью «Ответ „Новому времени“», оговаривал: «Вполне уверенный, что, если Вы почему-либо найдете невозможным помещение прилагаемой статьи в Вашей газете, Вы не откажете возвратить мне прилагаемую при сем рукопись».[49] Двумя днями позже убедительная отповедь Фета автору «Нового времени» безоговорочно и без изъятий была опубликована Петровским. В статье Фет отводил обвинения в свой адрес в незнании народа и его проблем в связи с неурожаем, и хотя как публицист допускал, что его «стихотворения крайне слабы и плохи», настаивал на возражениях по существу: «Покуда „Новое время“ советует нам молчать, со всех сторон раздаются голоса, буквально заявляющие о деморализующем зле, порождаемом бесконтрольною раздачей

---

[47] *МВед*. 1891. 10 октября. № 280. С. 5. Ссылаясь на свидетельство своего управляющего о нежелании крестьян работать на строительстве железной дороги, предпочитающих получать благотворительную помощь, что, по его мнению, развращает народ и способствует разгулу и пьянству, Фет предлагал организовать на благотворительные деньги общественные работы и таким образом дать возможность крестьянам заработать на содержание семьи (см.: *Фет/Полонский*. С. 927, 928).

[48] *НВр*. 1891. 22 октября (3 ноября). № 5621. С. 1. См. также: *Абросимова*. С. 306–308.

[49] См.: *Абросимова*. С. 295.

помощи нуждающимся».[50] Той же теме Фет посвятил еще две статьи, опубликованные в «Московских ведомостях» 27 ноября и 30 ноября 1891 года.[51] Возможно, статьи эти были замечены в правительстве. 26 ноября под покровительством наследника-цесаревича был учрежден «Комитет для помощи нуждающимся в неурожайных местностях», что, как писал Фет в этот же день великому князю Константину Константиновичу, «внушило бодрость и надежду в сердца».[52]

Хотя сохранилось только четыре письма Петровского, по готовности редактора публиковать практически все, что посылал Фет, можно утверждать, что поэт с его гражданским темпераментом был одним из ценимых и востребованных авторов издания, несмотря на то, что его участие в газете едва ли было удобным для сановников, курирующих правительственную газету.

25 февраля 1890 года министр народного просвещения И. Д. Делянов в своем докладе государю, характеризуя работу новой редакции «Московских ведомостей» и лично Петровского, отмечал: «От нынешней редакции нельзя, конечно, требовать такого могучего слова и такой силы суждения, какими отличался Катков. Такой талант, как Катков, есть явление совершенно исключительное и редко появляющееся. Но обязанности журналиста по отношению к правительству, оказавшему ему доверие, нынешним издателем „Московских ведомостей“ (Петровским. — *С. И.*) исполняются в высшей степени добросовестно. Все важные правительственные мероприятия последнего времени находили в „Моск<овских> вед<омостях>“ верное и вполне благонамеренное истолкование; русские государственные интересы постоянно защищались. Были при защите этих интересов и преувеличения и ошибки, обличавшие недостаток такта, но они нередко бывали и при огромном таланте прежнего редактора <...>. В религиозно-нравственном отношении газета безупречна, ибо всегда относится с подобающим благоговением к церкви и с уважением к ее представителям и твердо поддерживает мысль, что потрясение религиозного чувства в народе может вести к потрясению основ правительства и государства».[53]

Одним из наиболее ценных фактов переписки Фета и Петровского является обсуждение последней, предсмертной большой статьи Фета «Как выйти из беды», местонахождение которой в настоящее время

[50] *МВед.* 1891. 1 ноября. № 302. С. 6. См. также: *Фет/Полонский.* С. 932—933.

[51] См.: *Фет А.* 1) По поводу письма земского начальника Землянского уезда // *МВед.* 1891. 27 ноября. № 328. С. 6 (дата: 21 ноября 1891 г.); 2) Два слова о запасных магазинах // Там же. 30 ноября. № 331. С. 5 (дата: 29 ноября 1891).

[52] *Фет/К. Р.* С. 925.

[53] Цит. по: *Феоктистов.* С. 290. См. также: *Юшко.* С. 176—177.

неизвестно. Изложение фрагментов содержания позволяет в какой-то мере реконструировать тему, относящуюся к промахам реформ 1860-х годов, а также обозначить общий смысл дискуссии: как исправить последствия и упорядочить «нашу деревню» ликвидацией крестьянских общин — мера, способная превратить просто землевладельцев «в действительных землевладельцев».[54] 26 апреля 1892 года Фет писал Петровскому: «Надеюсь, что Вы успели прочитать первую половину доставленной Вам статьи моей. Вчера наконец я выручил и вторую половину из нелепой редакции „Землевладельцев“. Видя пока с немногими единственное спасение нашей страны в обращении земледельцев в действительных землевладельцев, я желаю, чтобы статья моя была более чем словом, а так сказать началом дела. Я уже говорил Вам, что постараюсь передать ее в руки Державного Хозяина (Александра III. — *С. И.*), так как, по моему мнению, в этой статье намечены как губительные промахи реформы 60 года, так и указания на желаемые их исправления».[55]

Высказывая, по просьбе Фета, свое мнение о первой половине статьи, Петровский отвечал 12 мая 1892 года: «Пока картинно, ясно, убедительно показано хаотическое состояние умов периода реформы, но интересно было бы знать и меры к упорядочению хаоса; без этого цель статьи не достигается: надо, чтоб все почувствовали *практичность* предлагаемых к исправлению мер. Поэтому окончательное мнение о статье позвольте отложить до полного ознакомления со статьей» (письмо 4).

Откликаясь на поднятую тему освобождения прибалтийских крестьян без земли, что было одобрительно воспринято Фетом, Петровский откровенно высказал свои опасения, что подобное мнение «послужит в ущерб доброму впечатлению от статьи и даст орудие в руки врагам упорядочения нашей деревни. Я говорю про то место статьи, где Вы одобрительно относитесь к освобождению крестьян Прибалтийского края *без земли*», прибавив, что враги, то есть либералы, «будут тыкать в одно это место и кричать караул» (письмо 4). Редактор предложил Фету потолковать об этом при личном свидании, которое, скорее всего, не состоялось. 4 сентября 1892 года Фет изложил свои планы в отношении этой статьи великому князю Константину Константиновичу: «По приезде 1 октября в Москву напечатаю в „Московских ведомостях“ небольшую статейку в ограждение благотворных

[54] См.: *Абросимова*. С. 295—296.

[55] См.: Там же. Речь идет о новой газете «Голос земледельцев», которая начала издаваться в Петербурге (1892—1893) и выходила два раза в месяц; редактор-издатель киевский журналист Александр Петрович Величковский. Вышло всего 26 номеров. Статей Фета в газете не обнаружено.

реформ нынешнего царствования от искажения».[56] Публикация статьи в «Московских ведомостях» была отложена с взаимного согласия автора и редактора на октябрь 1892 года, но и после смерти Фета, последовавшей в ноябре 1892 года, статья в газете не появилась.

Повторим: местонахождение двух частей статьи Фета под заглавием «Как выйти из беды» неизвестно; первая часть в рукописном виде была прислана Петровскому, вероятно, незадолго до его письма от 26 апреля 1892 года. Что касается второй части, то ее копия может оказаться в архиве редакции петербургской газеты «Голос землевладельцев», в которой она должна была быть напечатана. По мнению В. Н. Абросимовой, текст статьи, «по-видимому, затерялся. По возвращении из имения в Москву Фет в начале октября заболел, а 21.XI 1892 скончался. Состоялась ли его встреча с Петровским, неизвестно. Скорее всего, и в этой статье Фета речь также шла о необходимости скорейшей ликвидации крестьянских общин: только она, по мнению Фета, была способна превратить „земледельцев в действительных землевладельцев“».[57]

Итак, с декабря 1887 года и до кончины в ноябре 1892 года Фетом в «Московских ведомостях» было опубликовано более двух десятков публицистических статей (см. *Приложение*). Из переписки следует, что еще три статьи были Фетом написаны, но в печать не попали. В настоящее время их следует считать утраченными. Такую активность Фета-публициста в газете Каткова уже после его смерти следует, вероятно, отнести к желанию поэта принять посильное участие в обсуждении насущных экономических проблем, вставших перед Россией спустя несколько десятилетий после проведенных реформ.[58] Готовность Петровского печатать статьи Фета побуждала его к интенсивной работе.

Тем не менее постепенно авторитет и значение газеты под руководством Петровского как интеллектуального центра консервативных сил утрачивали свое политическое значение. Позиция Петровского, по мнению исследователя, «в сущности, свелась к имитации „катковского курса“, что способствовало ослаблению престижа газеты как консервативного органа».[59] К тому же новая редакция для привлече-

[56] *Фет/К. Р.* С. 968.

[57] *Абросимова*. С. 308—309.

[58] О том, что Фет постоянно размышлял на эти темы, свидетельствует, например, его переписка с видным деятелем реформы Н. П. Семеновым. См.: Переписка Фета с Н. П. Семеновым (1884—1892) / Публ. Н. П. Генераловой // *ФетСб(2)*. С. 558—690. См. также: *Генералова Н. П.* 25 лет спустя: Итоги крестьянской реформы 1861 года в переписке А. А. Фета с Н. П. Семеновым // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 81—88.

[59] *Новиков Л. А.* Петровский Сергей Александрович. С. 590.

ния читателей «постепенно смещала акцент с общественно-политических материалов на информационно-развлекательные», и вскоре газета «стала одним из многочисленных московских информационных изданий».[60] Петровский, по воспоминаниям В. А. Гиляровского, очень дружил «с супругами Витте и, кажется, больше интересовался биржей, падением и повышением бумаг, чем газетой и политикой».[61] По мнению А. Г. Юшко, расплатой «за поддержку со стороны властей и созданные ими для газеты тепличные условия стала фактическая утрата „Московскими ведомостями“ прежней самостоятельности»; первые годы Петровский «и его сотрудники будут действовать с ежечасной оглядкой на своих высокопоставленных покровителей».[62]

Публикатору девяти писем Фета к С. А. Петровскому, воспроизведенных в 1996 году с краткими комментариями,[63] остались неизвестны четыре ответных письма Петровского к Фету, также хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, что значительно обеднило эту авторитетную публикацию, лишив долгую и непростую историю сотрудничества Фета в «Московских ведомостях» в период после смерти Каткова важных подробностей, включая сведения о неизвестных ранее статьях, и прежде всего большой статьи «Как выйти из беды». Настоящая публикация призвана заполнить образовавшийся пробел. Скорее всего, писем Петровского было больше, что видно из сохранившихся писем Фета. Письма Фета к Петровскому (9) сверены по подлинникам (*РГБ*. Ф. 224. Оп. 1. К. 2. № 64. Л. 1—20 об.).

Письма печатаются по подлинникам: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 27, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных грамматических и синтаксических особенностей авторского написания, сохраненных в публикации без изменений.

[60] *Кругликова О. С.* «Московские ведомости» после смерти М. Н. Каткова: Конкуренция за право издания газеты. С. 260. См. также: *Юшко*. С. 153—181.

[61] См.: *Гиляровский В. А.* Соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 7; см. также с. 252

[62] См.: *Юшко*. С. 181.

[63] См.: *Абросимова*. С. 291—296, 300—309.

1

4 декабря 1887 г. Москва

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич,

С полной благодарностью принимаю Ваше предложение писать в «*Москов<ские> вед<омости>*» о сельских нуждах.[1] Ваше опытное слово с пользою для дела должно быть выслушано и обществом и теми, кому об этих нуждах ведать надлежит. Позвольте не ставить рамок Вашему слову.[2]

Искренно уважающий

Ваш покорный слуга
С. Петровский.

4 декабря
1887 г.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 27. Л. 1; конверт (без почтовых штемпелей) — л. I.

[1] Петровский отвечает на письмо Фета от 2 декабря 1887 г. (см.: *Абросимова*. С. 291—292).

[2] Фет писал: «Если бы я получил со стороны редакции благоприятный ответ, то можно бы было избрать несколько минут для летучего очерка границ, в которых редакция допускает возможные замечания, так как в мои лета тратить время на изложение мыслей, обреченных оставаться мертворожденными, — тяжело» (цит. по: *Абросимова*. С. 292).

2

3 февраля 1889 г. Москва

3 февр. 1889 г.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич!

Сердечно благодарю за присылку Ваших стихотворений.[1] Надпись на дорогом для меня подарке навсегда сохраню в глубине сердца.[2] Она будет подкреплять и ободрять меня в тяжелые минуты, которых немало на избранном мною пути.

Хотел заехать и лично поблагодарить, но отъезд в Петербург лишил меня этого удовольствия.

Всею душой уважающий и искренно

преданный Вам
С. Петровский.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 27. Л. 3.

[1] Петровский отвечает на неизвестное письмо Фета, приложенное к «Вечерним огням». Вероятно, речь идет о третьем выпуске, который вышел из печати, по-видимому, 16 января 1888 г. (*Фет. ССиП*. Т. 5. Кн. 1. С. 597; ценз. разрешение: 18 ноября 1887 г.). Петровский, безусловно, знал об издании, поскольку объявление о выходе сборника публиковалось в «Московских ведомостях» (см.: *МВед*. 1888. 17 января. № 17. С. 1).

[2] Местонахождение дарственного экземпляра неизвестно.

3

10 июля 1889 г. Москва
Телеграмма

Коренная пустынь.[1]

Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Позвольте подписать Вашу фамилию, статья произведет более сильное впечатление.[2]

Петровский.

На бланке: МОСКОВСКО-КУРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
Телеграф в *Коренной июля* месяца *10* дня 188*9* года
Коренная из *Москвы* Телеграмма № *63006*.
Ответ уплочен.

На конверте: Кор<енная> пуст<ынь>.
Афанасию Афанасьевичу
г. Шеншину.
Июля 10 1889 года.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 27. Л. 4; конверт — л. III. На бланке курсивом отмечены слова, вписанные телеграфистом. Телеграмма подана 10 июля 1889 г. в 14.16 и получена в тот же день в 16.55.

[1] Станция на Московско-Курской железной дороге недалеко от мужского монастыря Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Коренная пустынь).

[2] Скорее всего, речь идет о статье Фета «Ложный принцип земского страхования (Письмо к издателю)», опубликованной тремя днями позже и подписанной псевдонимом «Деревенский житель». Вероятно, также телеграммой (неизв.) Фет по какой-то причине отказался подписать эту статью своей фамилией (см.: *МВед.* 1889. 13 июля. № 191. С. 2).

4

12 мая 1892 г. Москва

12 мая 1892 г.

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич,[1]

Прочел первую часть Вашей статьи «Как выйти из беды»[2] и с нетерпением буду ждать второй части.[3] Пока картинно, ясно, убедительно показано хаотическое состояние умов периода реформы, но интересно было бы знать и меры к упорядочению хаоса; без этого цель статьи не достигается: надо, чтоб все почувствовали *практичность* предлагаемых к исправлению мер. Поэтому окончательное мнение о статье позвольте отложить до полного ознакомления со статьей. Но в ожидании присылки второй части позвольте откровенно указать на одно место в первой части статьи, которое, по моему мнению, послужит в ущерб доброму впечатлению от статьи и даст оружие в руки врагам упорядочения нашей деревни. Я говорю про то место статьи, где Вы одобрительно относитесь к освобождению крестьян Прибалтийского края *без земли*.[4] К чему это место? Практического значения — никакого, — а между тем все, оставя статью в покое, будут тыкать в одно это место и кричать караул. Не говоря о справедливости или несправедливости этого освобождения балтийских крестьян, мы если бы и хотели, то ведь уже не можем переделать сделанного. Впрочем, об этом еще потолкуем при личном свидании.[5]

Совершенно согласен с Вами о необходимости и пользе дать ход статье не раньше октября. Теперь мертвый сезон.

Глубокий поклон многоуважаемой Марье Петровне и искреннее пожелание Вам набраться сил и здоровья.

Искренно уважающий Вас
С. Петровский.

На конверте: Его Превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, свой дом.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 10. № 27. Л. 5—5 об.; конверт (без почтовых штемпелей) — л. II. На лицевой стороне конверта неизвестной рукой надпись карандашом: «С. Петровский».
Фрагмент письма впервые опубликован: *Фет/К. Р.* С. 968.

[1] Петровский отвечает на письмо Фета от 26 апреля 1892 г., в котором поэт сообщал о том, что забрал вторую половину статьи из «нелепой редакции „Землевладельцев“». См. об этом во вступит. статье. Поначалу Фет возлагал большие надежды на сотрудничество в «Голосе землевладельцев». 28 октября 1891 г. он сообщал великому князю Константину Константиновичу: «В Петербурге открывается давно для меня желанная газета землевладельцев, обещающая принимать у себя всякие статьи о нашем сельском быте. <...> и если только можно будет свободно высказывать свое мнение, то прямо стану озлобленно писать против общины, — этого главного источника всех бед. Я уже писал редактору Величковскому (письмо неизвестно. — *С. И.*), что если бы недуг не задерживал меня дома, то я приехал бы разъяснить план своих будущих статей и услыхать его на этот счет мнение» (*Фет/К. Р.* С. 920). 4 ноября 1891 г. Фет писал К. Р., что «на днях» ожидает «редактора газеты землевладельцев Величковского, у которого намерен проводить мысли Государя Императора, если мое чутье меня не обманывает» (Там же. С. 922). См. также сочувственное мнение Фета о газете в его письме к А. В. Олсуфьеву от 6 мая 1892 г. (Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву. Вып. 52. С. 127).

[2] Местонахождение статьи неизвестно.

[3] Неизвестно, отправил ли Фет вторую часть статьи Петровскому, поскольку к началу октября редактор находился за границей «по поводу внезапного ослабления зрения, угрожающего его красивой и милой жене слепотою» (см.: *Фет/К. Р.* С. 971).

[4] Петровский был автором книги: Финляндская окраина России: Сб. статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса», первый выпуск которой (М., 1891) подарил Фету (см. об этом во вступит. статье).

[5] Встреча, вероятно, не состоялась.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи Фета в «Московских ведомостях» после М. Н. Каткова (1887—1891)[1]

1. Деревенские заметки. Письмо к редактору // *МВед*. 1887. 10 декабря. № 340. С. 5. Подп.: Деревенский житель.

   Отклик на заметку: Пересмотр действующих правил об охране полей и лугов от потравы // *МВед*. 1887. 7 декабря. № 337. С. 5.

   Перепеч.: *Публицистика*. С. 315—318.

[1] Звездочкой (*) отмечены статьи, принадлежность которых Фету устанавливается предположительно.

2. По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений // *МВед*. 1888. 14 января. № 14. С. 3—4. Подп.: Деревенский житель; дата: 5 января 1888.

   О мерах к улучшению сословного крестьянского суда.
   Перепеч.: *Публицистика*. С. 319—327.

3. * <Заметка: Г-н Модестов, рассматривая в «Новостях»...> // *МВед*. 1888. 29 января. № 29. С. 4.

   Отклик на статью В. И. Модестова «Г. Фет и г. Нагуевский» о фетовском переводе «Энеиды» (Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2).
   Перепеч.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887—1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 375 —376. Здесь же приведена аргументация в пользу возможной атрибуции этой статьи Фету. В *Публицистике* не учтено. См. также № 4.

4. Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // *МВед*. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6. Подп.: А. Фет; дата: 4 февраля 1888.

   Перепеч.: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887—1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 375. В *Публицистике* не учтено. См. также № 3.

5. Старая песня // *МВед*. 1889. 12 января. № 12. С. 2. Подп.: А. Ф.

   О проекте земской реформы.
   Перепеч.: *Публицистика*. С. 328—330.

6. <Благодарственное письмо Фета всем, кто почтил его вниманием в день юбилея: Несказанно осчастливленный самыми дорогими и задушевными...> // *МВед*. 1889. 30 января. № 30. С. 3. Подп.: А. Фет.

   В завершение статьи «Юбилей А. А. Фета», с редакторским вводным примечанием: «А. А. Фет просит нас напечатать следующее <...>» и далее текст письма.
   В *Публицистике* не учтено.

7. «Нет ничего труднее, чем возвратить общественное мнение с ложного пути на настоящий» // *МВед*. 1889. 26 февраля. № 56. С. 5. Подп.: Деревенский житель; дата: 21 февраля 1889.

О настоящем и ложном пути к порядку, правосудию и законному ограждению личности.

Перепеч.: *Публицистика*. С. 331—335.

8. Дмитрий Петрович Боткин. Некролог // *МВед*. 1889. 3 июня. № 151. С. 3—4. Подп.: А. Фет; дата: Белгород. 30 мая 1889 года.

О смерти брата М. П. Шеншиной, который скончался 26 мая 1889 г. в Тихом Хуторе, своем имении в Харьковской губернии.

В *Публицистике* не учтено.

9. Ложный принцип земского страхования (Письмо к издателю) // *МВед*. 1889. 13 июля. № 191. С. 2. Подп.: Деревенский житель.

О злоупотреблениях в земском страховании.

Перепеч.: *Публицистика*. С. 336—337.

10. Рабочие книжки (Письмо к издателю) // *МВед*. 1889. 28 июля. № 206. С. 2. Подп.: Деревенский житель.

О формальности закона о рабочих книжках, принятого против самовольных уходов рабочих.

Перепеч.: *Публицистика*. С. 338—339.

11. По поводу статьи «Семейные участки» // *МВед*. 1889. 17 октября. № 287. С. 3. Подп.: А. Фет.

Включено: Сельскохозяйственные очерки. М., 1889. С. 3—10, вместе со статьями Фета «Ответ на заметку „Вестника Европы“» (см. № 12) и Д. А. Столыпина «Несколько слов о бытовом и экономическом устройстве крестьян по поводу статьи А. А. Фета» (ценз. разрешение: 10 ноября 1889 г.).

О статье К. П. Победоносцева «Семейные участки» (*РВ*. 1889. № 9. С. 56—70). Иронический отклик на статью Фета см.: Экскурсия г. Фета в область публицистики // *ВЕ*. 1889. № 11. С. 462; объявление о выходе *ВЕ* с упоминанием статьи, посвященной Фету: *НВр*. 1889. 1 ноября. № 4913. На заметку в «Вестнике Европы» Фет откликнулся статьей (см. № 12).

Перепеч.: *Публицистика*. С. 340—344.

12. Ответ на заметку «Вестника Европы» // *МВед*. 1889. 12 ноября. № 313. С. 5—6. Подп.: А. Фет.

Включено: Сельскохозяйственные очерки. М., 1889. С. 33—40, вместе со статьями Фета «По поводу статьи „Семейные участки“» (см. № 11) и Д. А. Столыпина (ценз. разрешение: 10 ноября 1889 г.).

Перепеч. (по отд. публикации): *Публицистика*. С. 345—349.

13. К вопросу о нашем образовании // *МВед*. 1890. 28 февраля. № 58. С. 2. Подп.: А. Фет.

    О необходимости доступного образования.
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 353—355.

14. Гром не грянет, мужик не перекрестится // *МВед*. 1891. 21 августа. № 230. С. 3—4. Подп.: А. Фет.

    О различии общинных и хуторских хозяйств; сохранение крестьянской общины является причиной обнищания деревни.
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 356—363.

15. Письмо к издателю // *МВед*. 1891. 28 сентября. № 268. С. 5. Подп.: А. Фет.

    Об излишестве планируемого введения обязательного прекращения работ и торговли по выходным и праздничным дням, ведущего к продолжительному пьянству.
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 364.

16. О помощи крестьянам неурожайных местностей // *МВед*. 1891. 10 октября. № 280. С. 5. Подп.: А. Фет; дата: Москва, 8 октября 1891 года.

    О вредности даровой раздачи хлеба, которая способствует разгулу и пьянству. Отклики на статью см.: *НВр*. 1891. 12 октября. № 5611. С. 1; 22 октября. № 5621. С. 1.
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 365—366.

17. Голос коннозаводчика // *МВед*. 1891. 16 октября. № 286. С. 5. Подп.: А. Шеншин; дата: Москва, 14 октября 1891.

    Об отмене ремонтеров и покупке верховых лошадей особой комиссией.
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 367—368.

18. Ответ «Новому времени» // *МВед*. 1891. 1 ноября. № 302. С. 6. Подп.: А. Фет; дата: Москва, 1891 г. октября 30.

    Ответ на обвинения, высказанные Фету в анонимной статье (В. П. Буренина?) «Вечерние страхи А. А. Фета» (*НВр*. 1891. 22 октября. № 5621. С. 1); автор усомнился в сведениях, сообщенных Фетом в статье «О помощи крестьянам неурожайных местностей» (см. № 16).
    Перепеч.: *Публицистика*. С. 356—363.

19. Письмо к издателю // *МВед*. 1891. 15 ноября. № 316. С. 4. Подп.: А. Фет.

О наказании за поджоги.

Перепеч.: *Публицистика*. С. 373.

20. По поводу письма земского начальника Землянского уезда // *МВед*. 1891. 27 ноября. № 328. С. 6. Подп.: А. Фет; дата: 21 ноября 1891 г.

Отклик на письмо земского начальника Землянского уезда Л. Офросимова (Гражданин. 1891. № 318) с возражением на «Письмо к издателю» Фета (см. № 19).

Перепеч.: *Публицистика*. С. 375—376.

21. Два слова о запасных магазинах // *МВед*. 1891. 30 ноября. № 331. С. 5. Подп.: А. Фет; дата: 29 ноября 1891.

О постройке хлебных магазинов. Ср.: *МВед*. 1892. 11 марта. № 70. С. 3—4; статья А. Морокина.

Перепеч.: *Публицистика*. С. 374.

Рабочие тетради Фета

ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ФЕТА (1854—1859) Научное описание

Часть II[1]
(Л. 47—70)

Публикация В. А. Лукиной

К вопросу о расшифровке помет поэта в первой рабочей тетради (Фет и «Современник»)

Как уже отмечалось, практически на каждом листе в первой рабочей тетради (далее *Т 1*) имеются различные пометы Фета карандашом и чернилами, не имеющие отношения непосредственно к тексту записанного на нем стихотворения.[2] Среди прочих, в частности, регулярно встречаются записи, сделанные карандашом или чернилами, которые указывают на название журнала — например, «С.», «Сов.», «Совр.» («Современник»), «От. З.», «О. З.» («Отечественные записки»), «Б.», «Биб.», «Библ.», «Библиотека» («Библиотека для чтения»), «Р. В.», «Русск. Вест.», «Русс. Вест», «Р. Вест.» («Русский вестник»), «Рус. Слово», «Русск. Слово» («Русское слово») и т. п. В ряде случаев названию журнала предшествует или последует цифра (арабская, реже римская), которая может сопровождаться также значком «№», или же уточняющая помета — например, «выписано для», «не получ<ено>»,

[1] Первую часть публикации см.: *ФетСб(3)*. С. 624—810. Во второй части сохраняются принятые ранее принципы издания (см.: Там же. С. 637—641).

[2] Там же. С. 639. Здесь же предложена расшифровка большей части помет.

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-478-540

«еще не», «отда<но> в» или «от<дано> в» и т. п. Нередко указание на место публикации дублируется (в исключительных случаях повторяется трижды или корректируется) — например, в нижней и верхней части листа или в верхней части листа, где записано начало стихотворения, и на обороте, где оно завершается, причем очевидно, что повторные указания вносились в иное время, при этом имеют самостоятельное значение и также носят систематический характер.

Ранее мы высказали предположение о том, что подобными записями Фет фиксировал, в каком периодическом издании было впервые напечатано то или иное стихотворение, а приводимая рядом с названием цифра обозначает соответствующий номер книжки или тома. Дублирующие записи, как представлялось, были внесены в ходе фронтального просмотра *Т 1* при подготовке сборника 1863 года и связаны со списком стихотворений из *ТетрРГБ*.[3] Предположение это, однако, нуждается в некоторых уточнениях.

Прежде всего, следует отметить, что указания на место публикации делались Фетом для учета — при этом они вносились ретроспективно, то есть *после* передачи стихотворения в редакцию того или иного журнала, но как правило — что немаловажно — *до* его фактического выхода в свет. Последнее обстоятельство объясняет несовпадение содержания некоторых помет и итогового места публикации.

Так, например, стихотворения «О нет не стану звать утраченную радость...», «Только станет смеркаться немножко...» и «Шиллеру» первоначально (в разное время) были отосланы в «Современник», а потому снабжены соответствующими пометами: «2 С<овременник>», «2 в 3 р. С<овременник>» и «№ 3 С<овременник>» (предположительную расшифровку их значения см. ниже), но не были приняты редакцией и появились лишь в майской книжке «Библиотеки для чтения» за 1857 год. По убедительному наблюдению Ю. П. Благоволиной, все три стихотворения были, по всей видимости, переданы Фетом А. В. Дружинину в середине апреля того же года — очевидно, в Москве, куда редактор «Библиотеки для чтения» заезжал перед тем, как отправиться за границу.[4] Возможно, на решение отдать их в «Библиотеку для чтения» повлияло письмо Дружинина к В. П. Боткину от 5 апреля 1857 года: «Кланяйтесь Фету и скажите ему, что он *ядрило* (его любимое слово). Если б он издавал журнал <...>, я бы не поспал

[3] См.: Список стихотворений, не вошедших в сборник 1856 года // Там же. С. 642—645.

[4] *Фет/Боткин.* С. 194, примеч. 11 к письму 2. Встреча с Дружининым произошла, по всей видимости, между 11 и 14 апреля 1857 г. (см.: Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) / Вступит. ст. И. А. Кузьминой // *ФетСб(3)*. С. 346).

ночь, а дал бы ему статью, — а он все свои стихи и статьи валил в „Современник“! Я мог нуждаться в материале, могло случиться на первую пору решительное отсутствие статей, — хорошо он сделал мне поддержку!».[5]

Как бы то ни было, если на странице с текстом первого стихотворения «О нет не стану звать утраченную радость...» (Л. 50) Фет зачеркнул указание на «Современник» и внес корректирующую запись об изменении места публикации, дополнив ее сведениями о гонораре: «Библиотека предл<ожила?> —15 р.», то на страницах со стихотворениями «Только станет смеркаться немножко...» (Л. 51) и «Шиллеру» (Л. 52) мы подобных поправок не находим.[6]

Самую первую запись, фиксирующую место публикации, мы встречаем на странице, где записано стихотворение «Золотой век» (Л. 31). Здесь над текстом чернилами Фет сделал сокращенную отметку «С.», то есть «Современник», что позволяет прийти сразу к нескольким заключениям. Во-первых, становится очевидным, что данная помета внесена спустя некоторое время после того, как стихотворение было записано в *Т 1*, поскольку хорошо известно, что первоначально (в мае 1856 года) Фет договаривался с А. В. Дружининым о помещении «Золотого века» в «Библиотеке для чтения» (см. примеч. к № 28). Во-вторых, можно предположить приблизительное время, когда Фет начал использовать подобные пометы — это произошло, несомненно, после его отъезда за границу, состоявшегося летом 1856 года, когда возникла необходимость в подсчете переданных в редакции различных журналов стихотворений и причитающегося за них гонорара.

Если просмотреть всю первую рабочую тетрадь на предмет выявления помет, относящихся к журналу «Современник», то можно обнаружить несколько групп однотипных записей, каждая из которых поддается довольно четкой хронологической локализации и имеет определенное назначение.

Прежде всего, помимо «Золотого века», идентичной пометой «С<овременник>», указывающей на предполагаемое место публикации, в *Т 1* снабжены еще четыре стихотворения:

«Золотой век» — л. 31 (см. № 28),
«Ответ Тургеневу» — л. 37 (см. № 35),
«Телемак у Калипсы» — л. 38 (см. № 36),

[5] Письма А. В. Дружинина к В. П. Боткину / Вступит. ст., публ. и коммент. О. А. Голиненко, Б. М. Шумовой // Октябрь. 2000. № 9. С. 163.

[6] Не исключено, однако, что помета, внесенная над текстом стихотворения «О нет не стану звать утраченную радость...», относится и к двум другим стихотворениям, записанным в *Т 1* на последующих листах (Л. 51 и 52).

«Последнее слово» — л. 40 (см. № 39),
«Ивы и березы» — л. 43 (см. № 41).

Условно обозначим эту группу помет «первой серией». Все входящие в нее стихотворения датируются весной — летом 1856 года и были переданы поэтом в редакцию «Современника» перед отъездом за границу, состоявшимся 23 июня того же года. По-видимому, тогда же или несколько ранее в «Современник» было передано и стихотворение «Вечер у взморья», написанное еще в 1854 году (см. примеч. к № 21). Косвенным подтверждением тому, что стихотворения «первой серии» были переданы Некрасову единовременно, служат сохранившиеся наборные рукописи двух из них — «Последнее слово» и «Ивы и березы», где стихотворения помечены Фетом номерами «IV» и «V» (см. также примеч. к № 36).

На л. 46, где записано стихотворение «Горное ущелье», впервые указание на «Современник» как предполагаемое место публикации встречается в несколько модифицированном виде: «4 С». Сразу заметим, что номер перед названием журнала не имеет отношения к номеру «Современника», в котором было впервые напечатано стихотворение. Схожим образом (с указанием порядкового номера и названия журнала) в *Т 1* помечены шесть стихотворений (условно обозначим подобные пометы «второй серией»):

«Под небом Франции среди столицы света...» — «1 Совр» (см. № 48),
«О нет не стану звать утраченную радость...» — «[2 С]» (см. № 51),
«Шиллеру» — «№ 3 С.» (см. № 53),
«Горное ущелье» — «4 С» (см. № 45),
«Венера Милосская» — «№ 5 С» (см. № 46),
«Туманное утро» — «№ 6. С.» (см. № 54),

причем, судя по цвету чернил, все пометы были внесены единовременно, хотя указанные стихотворения расположены в тетради не последовательно, а на л. 48, 50, 52, 46, 47, 53 соответственно, и были написаны во время заграничного путешествия 1856 года, а именно в период пребывания в Париже и Риме.

Несомненно, что подобным образом Фет вел учет стихотворениям — в данном случае написанным за границей и отосланным им для помещения в «Современнике». Отметим, что лишь четыре из шести стихотворений «второй серии» действительно появились в 1857 году в этом журнале: «Под небом Франции среди столицы света...», «Горное ущелье» (№ 1), «Туманное утро» (№ 3) и «Венера Милосская» (№ 10); два оставшихся («О нет не стану звать утраченную радость...» и «Шиллеру») были в итоге напечатаны в том же году в «Библиотеке

для чтения» (№ 5). Последнее объясняет, в частности, зачеркивание пометы «2 С» на странице со стихотворением «О нет не стану звать утраченную радость...» и появление новой записи, свидетельствующей о передаче его А. В. Дружинину; помета перед стихотворением «Шиллеру» осталась незачеркнутой.

Сложно с полной определенностью сказать, были ли все шесть стихотворений переданы в «Современник» одновременно или же они посылались поэтом в несколько этапов и числа перед названием журнала определяют порядок их отсылки. Если предположить, что Фет отправил в журнал все шесть стихотворений разом, то уже к 5 декабря 1856 года они должны были находиться в распоряжении редакции, как следует из письма Н. Г. Чернышевского, извещавшего Н. А. Некрасова о составе январской книжки «Современника» на 1857 год: «В первой книжке будут три стихотворения Фета <...>»,[7] под которыми подразумевались «Под небом Франции, среди столицы света...», «Горное ущелье» (то есть № 1 и 4 из списка), а также «Золотой век», переданный в журнал ранее.

Косвенно в пользу данной гипотезы свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, итоговая помета, внесенная Фетом под текстом стихотворения «Под небом Франции среди столицы света...»: «+ кроме 6-ти V («галочка», то есть переданы или отправлены. — *В. Л.*) Сов<ременник>», которой поэт обозначил другие шесть стихотворений, переданных им в редакцию ранее, а именно пять стихотворений с пометами «первой серии» и «Вечер у взморья».

Таким образом, итоговой пометой под текстом стихотворения «Под небом Франции среди столицы света...» Фет учел стихотворения, переданные им в «Современник» до отъезда, а пометой над текстом (с указанием порядкового номера: «1 Совр») начал отсчет следующей порции стихотворений, предназначенных для этого журнала. Несомненно также, что пометы «второй серии» были внесены до фактического выхода соответствующих книжек журнала.

Во-вторых, укажем на наличие «третьей серии» аналогичных помет, которые сопровождают автографы восьми стихотворений, отправленных в «Современник» после «второй серии»:

«Сон» — «1 в 3 р. С» (см. № 32),[8]
«Только станет смеркаться немножко...» — «2 в 3 р. С.» (см. № 52),

[7] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 331. Письмо от 5 декабря 1856 г.

[8] Отметим, что расшифровку этой пометы, предложенную нами ранее: «1 в 3 <номе>р С<овременника>» (*ФетСб(3)*. С. 703), следует считать ошибочной; слова «в 3 р.», возможно, следует расшифровать как отправленные или переданные «в 3 р<аз>».

«Прибой» — «III в 3 р. в С.» (см. № 55),
«Певице» — «[IV в 3 р. в С.]» (см. № 59),
«Даки» — «V в 3 р. в С.» (см. № 56),
«Не напевай тоскливой муки...» — «VI в 3 р. в Сов.» (см. № 58),
«У камина» — «VII в 3 р. в Сов.» (см. № 57),
«Неотразимый образ» — «VIII в 3 р. в Совр.» (см. № 61).

И вновь, судя по цвету чернил, все пометы были внесены единовременно — скорее всего, во время пребывания за границей или в скором времени после возвращения. Лишь четыре из восьми стихотворений были действительно напечатаны в «Современнике» в 1857 году: «Даки», «У камина» (№ 2), «Сон» и «Не напевай тоскливой муки...» (№ 3). «Только станет смеркаться немножко...» впервые появилось в «Библиотеке для чтения» (1857. № 5), «Певице» (как видно уже из зачеркнутой пометы) — в «Русском вестнике» (1857. № 10. Кн. 2), «Прибой» увидел свет лишь в составе сборника «Стихотворений» 1863 года, «Неотразимый образ» при жизни Фета не печатался.

С описанными выше «сериями» помет тесно переплетается еще одна группа однотипных записей, сделанных, судя по цвету чернил, приблизительно в одно время. Помета представляет собой латинскую «V» («vidi» или «галочку»), которой отмечены 12 стихотворений, 11 из них входят в состав «серий», имеющих отношение к журналу «Современник» (причем среди отмеченных присутствуют стихотворения из всех трех групп), и лишь стихотворение «На корабле», на первый взгляд, «выпадает» из общего ряда. В двух случаях стихотворения помечены одиночной галочкой, в остальных десяти за нею следует сокращенное указания на название журнала — «Современник» для девяти стихотворений и «Библиотека для чтения» для одного («На корабле»). Приведем общий перечень с воспроизведением помет и ссылкой на лист, где они располагаются (курсивом отмечены стихотворения, напечатанные не в «Современнике»).

1. «Золотой век» — «V Совр» (Л. 31, см. № 28),
2. «Сон» — «V С» (Л. 35, см. № 32),
3. «Телемак у Калипсы» — «V С» (Л. 38, см. № 36),
4. «Последнее слово» — «V С» (Л. 40, см. № 39),
5. «Ивы и березы» — «V С» (Л. 43, см. № 41),
6. «*На корабле*» — «V Биб<иотека>» (Л. 45, см. № 43),
7. «Горное ущелье» — «V С» (Л. 46, см. № 45),
8. «Под небом Франции среди столицы света...» — «V Сов» (Л. 48, см. № 48),
9. «*О нет не стану звать утраченную радость...*» — «V» (Л. 50, см. № 51),

10. «Туманное утро» — «V» (Л. 53, см. № 54),
11. «Даки» — «V Совр» (Л. 56 об., см. № 56),
12. «У камина» — «V Совр» (Л. 57, см. № 57).

Если рассматривать отдельно стихотворения, опубликованные в «Современнике», то сразу бросается в глаза, что отмечены те из них, что были переданы в редакцию либо непосредственно до отъезда, либо во время пребывания Фета за границей и напечатаны либо осенью 1856-го (№ 9, 10), либо в первых трех книжках за 1857 год (№ 1—3).[9] Два оставшихся стихотворения — «На корабле» и «О нет не стану звать утраченную радость...» — были напечатаны в апрельской и майской книжках «Библиотеки для чтения» соответственно. Если в отношении первого стихотворения мы не располагаем данными о том, когда оно было передано А. В. Дружинину, то «О нет не стану звать утраченную радость...», изначально предназначавшееся в «Современник», было отдано ему, по всей видимости, в середине апреля 1857 года (см. примеч. к № 51). Отсутствие аналогичной пометы на листе, где записано стихотворение «Венера Милосская», которое появилось лишь в октябрьской книжке «Современника» за 1857 год, может говорить о том, что все пометы были внесены Фетом до повторного отъезда за границу — либо по получении подтверждения о принятии стихотворений к печати, либо после выхода соответствующей книжки.

По всей видимости, к трем «сериям» помет, связанных с «Современником», имеет отношение и итоговая запись, сделанная Фетом карандашом на обороте последнего листа, в верхней его части (Л. 108 об.):

С прежними дано в Соврем<енник> 12 ст<ихотворений> и не плачено <?>
К ним еще 8

Итого: 20

Рискнем предположить, что она была внесена в *Т 1* в скором времени после передачи в «Современник» стихотворений из «третьей серии», в таком случае становится понятным, о каких именно 20 стихотворениях идет речь. Возможно также, что и в письме Н. А. Некрасова к Фету, предположительно датированном началом октября 1857 года, речь идет вовсе не о справках, которые Некрасов, по просьбе поэта, должен был навести в отношении продаж сборника «Стихотворений» 1856 года: «Письмо Ваше я получил и принял к сведению, расчет

[9] Отметим, что без аналогичной пометы осталось стихотворение «Не напевай тоскливой муки...», также напечатанное в мартовской книжке «Современника» за 1857 г.

и расплату с Вами учиню в конце года. <...> О стихах Ваших на днях напишу. Еще не навел справок».[10] Последняя фраза позволяет предположить, что Фет просил сообщить, какие из переданных ранее стихотворений были приняты редакцией к печати, и произвести за них расчет. Подтверждает это и следующее письмо Некрасова от 18 декабря 1857 года: «...посылаю Вам записку, по коей Вы получите деньги, след<уемые> за Ваши вещи *напечатанные*».[11]

[10] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 96, см. также примеч. 3 на с. 230.

[11] Там же. С. 100.

ПОЛИСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ[1]

Л. 47 **Венера Милосская [Милосская Киприда]** («И целомудренно и смело...»), беловой, с правкой карандашом в ст. 3 (для первой публикации) (№ 46).

Л. 47 об. <**Эпиграмма на И. С. Тургенева**> «Поэт пророк орловский знатный барин...», беловой (№ 47).

Л. 48 **«Под небом Франции среди столицы света…»**, беловой, с исправлением в ст. 4, с правкой в ст. 12; чернилами косой чертой слева направо зачеркнута четвертая строфа (№ 48).

Л. 48 об. <**Перечень стихотворений для публикации в «Русском вестнике»**> (№ 49).

Л. 49 **«Все вокруг и пестро так и шумно…»**, беловой (№ 50).

Л. 49 об. <**«О нет не стану звать утраченную радость…»**>, окончат. вариант карандашом и чернилами ст. 17, чернилами ст. 19 (№ 51).

Л. 50 **«О нет не стану звать утраченную радость…»**, беловой (ст. 1—20), с правкой карандашом и чернилами в ст. 10, 17, 19 (№ 51).

Л. 50 об. **«О нет не стану звать утраченную радость…»**, беловой, окончание (ст. 21—24) (№ 51).

Л. 51 **«Только станет смеркаться немножко…»**, беловой, с правкой карандашом и чернилами в ст. 11, 13, 15; в нижней части листа карандашом записан вариант 2-й строфы для *Сб1863*, с правкой в ст. 8 (№ 52).

Л. 51 об. Чистый.

Л. 52 **Шиллеру** («Орел могучих светлых песен!..»), беловой, с правкой в ст. 17 (№ 53).

Л. 52 об. Чистый.

Л. 53 **Туманное утро** («Как первый золотистый луч...»), беловой, с исправлением в ст. 11, с правкой в ст. 16 (№ 54).

Л. 53 об. **Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»), беловой, окончат. вариант поздней редакции (для *Сб1863*) ст. 27—38, с правкой в ст. 28, 31 (№ 56).

Л. 54 **Прибой** («Утесы. Зной и сон в пустыне...»), беловой, с правкой карандашом и чернилами в ст. 1, 6 (№ 55).

[1] В скобках, после краткого описания каждой записи на странице, дается отсылка на номер, под которым она далее воспроизведена. Особо оговариваются только случаи, когда автограф или правка записаны карандашом (а не чернилами). Указатель стихотворений и переводов Фета к *Т 1* см. в конце наст. тома, воспроизведение листов — на вклейке.

Л. 54 об. <**Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»)>, ранняя редакция, вариант ст. 2, окончат. вариант ст. 6, карандашом варианты к ст. 9, 17—18 (возможно, для *Сб1863*) (№ 56).

Л. 55 **Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»), беловой, ранняя редакция (ст. 1—22), с правкой чернилами и карандашом в ст. 2, 4, 6, 9—10, 16, 18 (№ 56).

Л. 55 об. **Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»), беловой, ранняя редакция, продолжение (ст. 23—39), с исправлением в ст. 23, с правкой карандашом и чернилами в ст. 29, 33 (№ 56).

Л. 56 **Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»), беловой, ранняя редакция, окончание (ст. 40—42), с правкой карандашом и чернилами в ст. 41, 42; под основным текстом карандашом записаны: 1) 2-я поздняя редакция (для *Сб1863*) ст. 27—28; 2) 1-я поздняя редакция (для *Сб1863*) ст. 27—34, с правкой в ст. 29—30, 33—34 (№ 56).

Л. 56 об. <**Даки** («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»)>, карандашом: 1) ранняя редакция, варианты ст. 29—30 (возможно, для *Сб1863*); 2) 2-я поздняя редакция (для *Сб1863*), варианты ст. 31—32, ст. 27—30 (№ 56).

Л. 57 **У камина** («Тускнеют угли. В полумраке...»), беловой, с правкой карандашом и чернилами в ст. 9, 12; в нижней части листа карандашом и чернилами записан окончат. вариант ст. 12 (№ 57).

Л. 57 об. Чистый.

Л. 58 **«Не напевай тоскливой муки…»**, беловой, с исправлением в ст. 4, 18, с правкой карандашом и чернилами в ст. 12, 16, 18—20 (№ 58).

Л. 58 об. Чистый.

Л. 59 **Певице** («Уноси мое сердце в звенящую даль...»), беловой, с правкой карандашом и чернилами в ст. 5, 7, 15—16; под текстом карандашом записан окончат. вариант ст. 15 (№ 59).

Л. 59 об. Чистый.

Л. 60 **Anruf an die Geliebte Бетховена** («Пойми хоть раз тоскливое признанье...»), беловой, с правкой в ст. 7 (№ 60).

Л. 60 об. Чистый.

Л. 61 **Неотразимый образ** («В уединении забудусь ли порою...»), беловой (№ 61).

Л. 61 об. Чистый.

Л. 62 **«Когда у райских врат изгнанник…»**, беловой, с исправлениями в ст. 1, 2 (№ 62).

Л. 62 об. <**Смерти** («Когда измучен жаждой счастья...»)>, карандашом вариант ст. 3—5 (зачеркнут вертикальной чертой чернилами), карандашом и чернилами окончат. вариант ст. 14, чернилами окончат. вариант ст. 22 (№ 63).

Л. 63 **Смерти** («Когда измучен жаждой счастья...»), беловой, с правкой карандашом и чернилами в ст. 14, 22—23, 25; под текстом стихотворения карандашом записан вариант ст. 3, 5 (№ 63).

Л. 63 об. Чистый.

Л. 64 **«В леса безлюдной стороны…»**, беловой, с правкой в ст. 4, 5, 14, 15 (№ 64).

Л. 64 об. <**Аполлон Бельведерской** («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...»)>, 2-я поздняя редакция ст. 5—12, с правкой в ст. 5, с исправлением в ст. 9 (№ 65).

Л. 65 **Аполлон Бельведерской** («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...»), ранняя редакция, беловой, с правкой в ст. 2 (поздней), карандашом и чернилами в ст. 12; в нижней части листа записана 1-я поздняя редакция ст. 5—8, 10, 12, с правкой в ст. 8 (№ 65).

Л. 65 об. Чистый.

Л. 66 **«Синеет понт в дали туманной…» = «Морская даль во мгле туманной…»**, беловой, с правкой в ст. 1; в нижней части листа записан окончат. вариант ст. 1—2, с правкой в ст. 2 (№ 66).

Л. 66 об. <**«Когда на дороге случайно…»**> <Из Гейне>, 6-я строфа (ст. 21—24), беловой, с правкой в ст. 21 (№ 67).

Л. 67 **В Альбом. В первый день Пасхи** («Победа! Безоружна злоба...»), беловой, с исправлением в ст. 10 (№ 68).

Л. 67 об. **Сонет** <(«Угрюм и празден часто я брожу...»)>, вариант ст. 3 (№ 42, 42а).

Л. 68 **Морской берег** («Как хорош чуть мерцающим утром...»), беловой, с пунктуационной правкой в ст. 2 для *БдЧ* (№ 69).

Л. 68 об. Чистый.

Л. 69 **«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня…»**, беловой (ст. 1—16), с правкой в ст. 15—16 (№ 70).

Л. 69 об. **«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня…»**, беловой, окончание (ст. 17—20) (№ 70).

Л. 70 1) **«Они любили друг друга…»** <Из Гейне>, беловой, с правкой в ст. 3, 7—8 (№ 71).
2) **«Когда я про горе свое вам роптал…»** <Из Гейне>, ранняя редакция, беловой, с правкой в ст. 4 (№ 72).
3) **«Лилеею, розой, голубкой, денницей…»** <Из Гейне>, беловой (№ 73).

46*

Л. 47

Венера Милосская
[Милосская Киприда]

И целомудренно и смело
До чресл сияя наготой
Цветет божественное тело
Неувядающей красой

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос,
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось

Так вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

<Вторая половина сентября — первая половина октября 1856 г.>

Варианты:

Окончат. вариант заглавия (*Венера Милосская*), судя по цвету чернил, вписан над первоначальным *[Милосская Киприда]* позднее, возможно при отправке стихотворения в «Современник».

Ст. 3: Цветет **смеющееся** тело

Вариант *Совр* (*смеющееся*), введенный предположительно по цензурным соображениям (см.: *ПССт1937*. С. 709), вписан карандашом над незачеркнутым *божественное*.

Пометы: 1) чернилами — слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «N<е> б<ыло>» (напечатано в *Сб1856*); в правом верхнем углу (более светлыми чернилами): «№ 5 С<овременник>» (место первой публикации, см. во вступит. статье); 2) карандашом — слева от заглавия: «16» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), справа от заглавия: «II».

Датируется: предположительно второй половиной сентября — первой половиной октября 1856 г. (временем пребывания в Париже), по положению в *Т 1* и содержанию (ср. обоснование датировки № 45, где проставленная в первой публикации дата имеет, по-видимому, условный характер и нуждается в уточнении, так как относится к октябрю н. ст. 1856 г.).

По справедливому предположению, впервые высказанному Б. Я. Бухштабом (см.: *ПССт1937*. С. 709), написано под впечатлением от статуи Венеры Милосской в Лувре, которую Фет видел во время заграничного путешествия, предпринятого им летом 1856 — зимой 1857 г. для поправки здоровья. Точное время пребывания поэта в Париже не установлено: предположительно он прибыл туда в августе и пробыл до конца октября н. ст. 1856 г. На близость стихотворения с описанием статуи, данным Фетом во втором письме «Из-за границы» (*Совр*. 1857. № 2; ср.: *Фет. ССиП*. Т. 4. С. 72—73), впервые указано: *Фет. Соч*. Т. 1. С. 516.

Изменение в ст. 3 введено, по всей видимости, по цензурным соображениям при подготовке стихотворения к публикации в «Современнике», на что В. П. Боткин откликнулся в письме от 26 ноября (8 декабря) 1857 г.: «Твоя Милосская Венера огорчила нас (Боткина и И. С. Тургенева. — *В. Л.*) своим эпитетом „смеющееся тело“. Нет, это никогда не заменит собою „божественное тело“. И при издании стихотворений надобно непременно настоять на „божественном“» (*Фет/Боткин*. С. 232). В *Сб1863* Фет восстановил первоначальный эпитет.

Впервые: *Совр*. 1857. № 10. С. 310 (ц. р.: 30 сентября 1857 г.), под заглавием «Венера Милосская», «подпись: «А. Фет»; с изменением в ст. 2 (см. выше) и с пунктуационными изменениями.

Ст. 3: Цветет **смеющееся** тело

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 136: в разделе «Антологические стихотворения», под номером «XIX»; как в первой публикации, с восстановлением ст. 3 и пунктуационным изменением в ст. 2 (как в *Т 1*).

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Антологические стихотворения».

47

Л. 47 об.

<Эпиграмма на И. С. Тургенева>

Поэт пророк орловский знатный барин
Твой тонкий ум и нежный слух любя
О как уверю я тебя
Что я не Гр<еч> и не Фад<дей> Булг<арин>

<Вторая половина сентября — первая половина октября 1856 г.>

Датируется: предположительно второй половиной сентября — первой половиной октября 1856 г. (временем пребывания в Париже), по положению

в *Т 1* (в том числе на основании соседства с другим стихотворением, по-видимому обращенным к И. С. Тургеневу, см. № 48), цвету чернил и перу — идентичным тем, которыми записаны стихотворения на близлежащих листах (л. 47 и 48; см. № 46 и 48), а также по содержанию. Обоснование датировки см.: *Генералова Н. П.* Поэтические послания Тургенева и Фета как предмет текстологии // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 203—206.

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901*. Т. 2. С. 352, в разделе «Стихотворения на случай. X. Эпиграммы», с изменением в графике и с пунктуационными изменениями.

На то, что стихотворение обращено к И. С. Тургеневу, впервые указано Б. Я. Бухштабом: *ПССт1937*. С. 745.

48*

Л. 48

Под небом Франции среди столицы света
Где так изменчива народная волна
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо
Под шум ей грезится иной далекий край
Так древле дикий Скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О Боже! перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд

Твоим наитием пронесся голос ныне
Как бы из-за моря встающая заря
В двойном сиянии и в тройственной святыне
Всех, всех на родину зовущего царя.

<Вторая половина сентября — первая половина октября 1856 г.>

Варианты:
Ст. 4: И тайной скорбию <*начато*> д<уша? его полна>

Ст. 12: Изгнанья мрачного по капле **черный** яд
Окончат. вариант (*жгучий*) вписан чуть более темными чернилами под *[черный]*.

Пометы: 1) чернилами — над текстом (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «*не было*» (напечатано в *Сб1856*); в правом верхнем углу: «1 Совр<еменник>» (место первой публикации); под текстом (более светлыми чернилами): «+ кроме 6-ти V <«галочка»> Совр<еменник>» (расшифровку двух последних помет см. во вступит. статье); 4-я строфа перечеркнута жирной вертикальной чертой слева направо (очевидно, при подготовке к первой публикации); 2) карандашом — над текстом: «8.» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); в правом верхнем углу: «I».

Датируется: предположительно второй половиной сентября — первой половиной октября 1856 г. (временем пребывания в Париже), по положению в *Т 1* и содержанию. О датировке см. также: *Генералова Н. П.* Поэтические послания Тургенева и Фета как предмет текстологии // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2011. Вып. 2. С. 204—206. Здесь же высказано убедительное предположение о том, что стихотворение представляет собой послание к И. С. Тургеневу.

Впервые: *Совр.* 1857. № 1. С. 6 (ц. р.: 31 декабря 1856 г.), вместе со стихотворением «Золотой век» («Я посещал тот край обетованный...»), подпись (общая): «А. Фет»; в составе трех строф (без 4-й строфы); с пунктуационными изменениями. В этой же книжке опубликовано стихотворение «Горное ущелье» («За лесом лес, и за горами горы...»).

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 15: в разделе «Элегии», под номером «XII», в составе трех строф (без 4-й строфы); с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 3, 7 как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Элегии и думы».

49

Л. 48 об.

<Перечень стихотворений для публикации в «Русском вестнике»>

Вестник

1. Все вокруг и пест<ро>
2. Певице

3. Anruf
4. Смерти
5. Целый заставила день
6. Еще майская ночь
7. Цветы
8. Был чудный майский
9. Весенний дождь
10. На стоге сена
11. Лесом мы шли

<Не ранее 21 октября 1857 г.>

Перечень включает следующие стихотворения, отобранные и переданные Фетом на протяжении 1857 г. для помещения в журнале «Русский вестник»:

1. «Все вокруг и пестро так и шумно...» — л. 49 (*РВ*. 1857. № 8. Кн. 1),
2. «Певице» («Уноси мое сердце в звенящую даль...») — л. 59 (*РВ*. 1857. № 10. Кн. 2),
3. «Anruf an die Geliebte Бетховена» («Пойми хоть раз тоскливое признанье...») — л. 60 (*РВ*. 1857. № 7. Кн. 1),
4. «Смерти» («Когда измучен жаждой счастья...») — л. 63 (*РВ*. 1857. № 6. Кн. 2),
5. «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» — л. 69 (*РВ*. 1857. № 10. Кн. 2),
6. «Еще майская ночь» («Какая ночь! На всем какая нега...») — л. 73 (*РВ*. 1857. № 11. Кн. 2),
7. «Цветы» («С полей несется голос стада...») — л. 74 (*РВ*. 1858. № 4. Кн. 2),
8. «Был чудный майский день в Москве...» — л. 75 (*РВ*. 1857. № 8. Кн. 2),
9. «Весенний дождь» («Еще светло перед окном...») — л. 82,
10. «На стоге сена ночью южной...» — л. 85 об. (*РВ*. 1857. № 11. Кн. 2),
11. «Лесом мы шли по тропинке единственной...» — л. 87 (*РВ*. 1858. № 1. Кн. 2).

Датируется: условно не ранее 21 октября 1857 г., на следующих основаниях. Во-первых, запись внесена на обороте, соседнем с автографом «Все вокруг и пестро так и шумно...» — первого стихотворения (в порядке следования их в *Т 1*), предназначенного для печати в журнале «Русский вестник». Во-вторых, она сделана после того, как автографы всех указанных одиннадцати стихотворений были записаны в *Т 1*, о чем свидетельствует тот факт, что они внесены в перечень последовательно (по мере того, как Фет просматривал тетрадь), и может датироваться по сопоставлению с ними.

В-третьих, Фет передавал стихотворения в «Русский вестник» в несколько этапов. О первом из них известно из письма к М. П. Боткиной от 20 мая 1857 г.: «Вчера я обедал у Каткова и передал ему 10 новых стихотворений <...>» (Письма Фета к М. П. Боткиной (май — апрель 1857 года) // *ФетСб(3)*.

С. 381**)**. Еще об одном поэт известил В. П. Боткина 21 октября 1857 г.: «4 стихотворения: „К певице“, „Бал“ и еще два отдал на днях Каткову» (*Фет/Боткин*. С. 214). Судя по пометам в *Т 1*, одним из неназванных стихотворений являлось, скорее всего, «Лесом мы шли по тропинке единственной...» (см. примеч. к № 95). Не исключено, что вторым было стихотворение «Весенний дождь», впервые опубликованное только в 1859 г. в «Русском слове». Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие в перечне из *Т 1* стихотворения «Бал», переданного Каткову одновременно со стихотворением «Певице». В таком случае нельзя исключать и того, что «Весенний дождь» мог попасть в данный перечень по ошибке.

50

Л. 49

Все вокруг и пестро так и шумно
Но напрасно толпа весела
Без тебя я тоскую безумно
Ты улыбку мою унесла
Только изредка поздней порою
После скучного тяжкого дня
Нежный лик твой встает предо мною
И ему улыбаюся я.

<Вторая половина сентября — первая половина октября 1856 г.>

Пометы: 1) чернилами — над текстом: «33.» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); под текстом: «Р<усский> Вест<ник> 10» (место первой публикации и порядковый номер; цвет чернил близок к записи на л. 48 об., см. № 49); 2) карандашом — над текстом справа: «Р<усский> В<естник>» (зачеркнуто двумя горизонтальными чертами), слева от этой записи: «Взял Вест<ник>»; в правом верхнем углу: «I».

Датируется: предположительно второй половиной сентября — первой половиной октября 1856 г. (временем пребывания в Париже), по положению в *Т 1* (в составе «парижских» стихотворений 1856 г.) и помете «Париж» в первой публикации.

В *Фет. ССиП* предпринята попытка передатировать стихотворение, ранее неизменно относившееся к «авг. — окт. 1856» (*ПССт1937*. С. 700; ср.: *СиП 1986*. С. 651), и высказано предположение, что «по содержанию и по местоположению в *Сб1863*, после ст-ний, обращенных к М. П. Боткиной, более вероятным следует считать время написания концом июля — началом авг. 1857, когда поэт прибыл в Париж, не нашел там невесты и отправился за нею в Дьепп» (Т. 1. С. 472). Однако данная датировка является ошибочной. Прежде всего, извест-

но, что Фет покинул Россию на пароходе «Нева» 31 июля 1857 г., 6 августа вечером прибыл в Париж, а уже 7 августа — в Дьепп (см. вступит. статью И. А. Кузьминой к публикации: Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) // *ФетСб(3)*. С. 359). Учитывая дату цензурного разрешения первой книжки августовского номера «Русского вестника» (15 августа 1857 г.), где впервые было напечатано «Все вокруг и пестро так и шумно...», маловероятно, что поэт успел бы в столь короткий срок не только написать стихотворение, не застав невесту в Париже, но и отправить его для публикации в журнале. Следует признать также, что изначальный замысел стихотворения не связан с М. П. Боткиной. Очевидно, договоренность о его публикации в «Русском вестнике» была достигнута до отъезда Фета за границу. Не исключено, что поэту не сразу удалось договориться об этом, что объяснило бы зачеркивание первоначальной карандашной пометы «Р. В.» и корректирующую ее более позднюю запись: «Взял Вест<ник>», т. е. «Русский вестник».

Впервые: *РВ*. 1857. Т. 10. № 8. Кн. 1. С. 581 (ц. р.: 15 августа 1857 г.), с местом написания: «Париж», подпись: «А. Фет»; с делением на две строфы; с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 76: в разделе «Мелодии», под номером «XXIV»; без деления на строфы, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 7 как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии».

51

Л. 50

О нет не стану звать утраченную радость
Напрасно горячить скудеющую кровь
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ея безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти
Молитву затвердя горячую — одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомлённой
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь.

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером жужжа к улью летит пчела

[Быть может... О везде я раб мечты непрочной]
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми [как м<еся>ц полуночной]
С душою чуткою, как песни вещих муз

Л. 50 об.

Там наконец я все, чего душа алкала
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

<Вторая половина сентября — первая половина ноября 1856 г.>

Л. 49 об.

<Окончат. вариант ст. 17:>

Быть может! —
Вечно вдаль с надеждой
смотрят очи

<Окончат. вариант ст. 19:>

как месяц полуночи

Варианты:

Ст. 10: Без грохота спадет **тревожной** жизни цепь

Окончат. вариант (*тоскливой*) вписан над *[тревожной]* сначала карандашом, затем обведен чернилами более темного оттенка.

Ст. 17: Быть может! — Вечно вдаль с надеждой смотрят очи

Окончат. вариант записан на л. 49 об., против ст. 17, сначала карандашом, затем продублирован чернилами более темного оттенка.

Ст. 19: <С сердцами чистыми> как месяц полуночи

Окончат. вариант записан на л. 49 об., против ст. 19, чернилами более темного оттенка.

Пометы: I) на л. 50 — 1) чернилами — над текстом: «2 С<овременник>» (зачеркнуто горизонтальной чертой; предполагаемое место первой публикации, см. во вступит. статье); «Библиотека <для чтения> предл<ожила?> —

15 р.» (место первой публикации и стоимость, за которую стихотворение было отдано в журнал); 2) карандашом — в правом верхнем углу: «I»; II) на л. 50 об. — чернилами, под текстом (более светлыми чернилами): «V <«галочка», т. е. передано или отправлено в> С<овременник>» (где первоначально Фет намеревался опубликовать стихотворение).

Датируется: предположительно второй половиной сентября — первой половиной ноября 1856 г., по положению в *Т 1* — между «парижскими» и «римскими» стихотворениями 1856 г. (ср. датировку № 50, имеющего в первой публикации помету «Париж», и № 52, имеющего в первой публикации помету «Рим»). Предложенная в *Фет. ССиП* датировка «февраль — март 1857 г.» (Т. 1. С. 470) нуждается в корректировке.

Правка в тексте, а также на л. 49 об. (карандашом и более темными чернилами) внесена, по всей видимости, перед публикацией стихотворения в «Библиотеке для чтения», куда оно вместе с еще двумя — «Только станет смеркаться немножко...» (см. № 52) и «Шиллеру» (см. № 53) — было передано предположительно в середине апреля 1857 г., перед отъездом А. В. Дружинина за границу (см. во вступит. статье). Отсутствие в рукописи правки в ст. 5, 7, 14, напечатанных в журнале с разночтениями в тексте, а также последующий возврат в *Сб1863* к вариантам данных стихов, зафиксированным в *Т 1*, может свидетельствовать о том, что изменения при публикации в «Библиотеке для чтения» были внесены без ведома Фета.

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 5. С. 4—5 (ц. р.: 2 мая 1857 г.), вместе со стихотворениями «Только станет смеркаться немножко...», «Шиллеру» («Орел могучих светлых песен!..»), подпись: «А. Фет»; с изменениями в тексте в ст. 5, 7, 14 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 5: Без ропота **пой**ду навстречу вечной власти,
Ст. 7: Пусть тот осенний ветр мои по**тушит** страсти,
Ст. 14: Где тучка чуть ползет воздушна и **легка**,

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 27—28: в разделе «Элегии», под номером «XX»; с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Элегии и думы».

52*

Л. 51

Только станет смеркаться немножко
Буду ждать не дрогнет ли звонок
Приходи моя милая крошка
Приходи посидеть вечерок

Потушу перед зеркалом свечи
Я камин растоплю добела
Стану слушать веселые речи,
Без которых мне жизнь не мила

Стану слушать те детские грёзы
Для которых все блеск впереди
При которых отрадные слезы
У меня закипают в груди

За полночь осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу
И вдоль стен, убеленных луною
Я тебя до ворот провожу.

<Вторая половина сентября — первая половина ноября 1856 г.>

<Вариант 2-й строфы для Сб1863, карандашом:>

Потушу перед зеркалом свечи
От камина светло и тепло
Стану слушать веселые речи
Чтобы вновь от души отлегло.

Варианты:

Ст. 11: **Каждый раз благодатные** слезы

Окончат. вариант (*Каждый раз благодатные*) вписан над незачеркнутым *При которых отрадные*. По-видимому, окончат. вариант записан теми же чернилами (практически одновременно или в скором времени после записи стихотворения в *Т 1*).

Ст. 13: **До зари** осторожной рукою

Окончат. вариант (*До зари*) записан над незачеркнутым *За полночь* сначала карандашом, затем чернилами.

Ст. 15: И вдоль стен, **освещенных** луною

Вариант (*освещенных*) вписан карандашом над незачеркнутым *убеленных*.

Вариант 2-й строфы для Сб1863:

Ст. 8: Что**б опять** от души отлегло.

Окончат. вариант (*<Чтоб>ы вновь*) вписан над незачеркнутым *Чтоб опять*.

Пометы: 1) чернилами (другим пером) — над текстом в правом верхнем углу: «2 в 3 р. С<овременник>» (предполагаемое место первой публикации, см. во вступит. статье); 2) карандашом — над текстом: «48» (номер в списке

стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «I»; слева от 2-й строфы проставлена фигурная скобка, отсылающая к новому варианту для *Сб1863*, записанному карандашом в нижней части страницы.

Автографы: *ИРЛИ*. № 24535$_1$ (Альбом М. П. Боткиной). Л. 85, беловой чернилами, с датой записи в альбом: «8-го мая 1857-го года», подпись: «А. Фет» (см. илл. на вклейке); ст. 6, 8 в первоначальной редакции; с пунктуационными изменениями. Стихотворение записано в альбом, по-видимому, после передачи его в «Библиотеку для чтения» (ср. дату цензурного разрешения).

Ст. 11: **Каждый раз благодатные** слёзы
Ст. 13: **До зари** осторожной рукою
Ст. 15: И вдоль стен, **освещенных** луною

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 51). Вариант 2-й строфы в нижней части листа, по-видимому, записан при подготовке *Сб1863*, хотя не исключено, что Фет мог записать его одновременно с правкой для первой публикации и вернуться к нему позднее.

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 5. С. 4 (ц. р.: 2 мая 1857 г.), вместе со стихотворениями «О нет не стану звать утраченную радость...», «Шиллеру» («Орел могучих светлых песен!..»); подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Ст. 11: **Каждый раз благодатные** слёзы
Ст. 13: **До зари**, осторожной рукою
Ст. 15: И вдоль стен **освещенных** луною

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 229: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LVIII»; с изменениями в тексте в ст. 6, 8, 15 и с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 3, 9, 11—13 как в альбоме Боткиной).

Ст. 6: **От** камина **светло и тепло**;
Ст. 8: **Чтобы вновь на душе отлегло**.
Ст. 15: И вдоль стен **озаренных** луною

ПСС1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

53

Л. 52

Шиллеру

Орел могучих светлых песен!
С зарей открыл твой вещий взор,

Как бледен, как тоскливо тесен
Земного ока кругозор.

Впервой ширяясь, мир ты мерил
Отважным взмахом юных крыл
Никто так гордо в свет не верил,
Никто так страстно не любил.

И веселясь над темной бездной,
Сокрывшей светлый идеал,
Никто земной в предел надзвездный
Парить так смело не дерзал

Один ты океан эфира
Крылом надежным облетел
И в сердце огненное мира
Очами светлыми глядел.

С тех пор у моря света вечно
Твой голос все к себе зовет,
Что в человеке человечно
И что в бессмертном не умрет.

<Вторая половина сентября — первая половина ноября 1856 г.>

Варианты:
Ст. 17: *а.* **Теперь** у моря света вечно
б. **И там** у моря света вечно
Вариант 17б (*И там*) вписан под незачеркнутым вариантом 17а (*Теперь*); окончат. вариант (*С тех пор*) вписан над вариантом 17а.

Пометы: более светлыми чернилами, другим пером в правом верхнем углу: «№ 3 С<овременник>» (предполагаемое место первой публикации, см. во вступит. статье).

Датируется: предположительно, по аналогии с двумя предыдущими (см. примеч. к № 51).

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 5. С. 5—6 (ц. р.: 2 мая 1857 г.), вместе со стихотворениями «Только станет смеркаться немножко...», «О нет не стану звать утраченную радость...»; подпись: «А. Фет»; с изменением огласовки в ст. 11, с пунктуационными изменениями.
Ст. 11: Никто земной в предел надзвездн**о**й

При жизни Фета не перепечатывалось.
В *ПССт1892* не включено.

54

Л. 53

Туманное утро

Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах полных мглой
Туман недвижим голубой
Пусть твой восторг во мглу сердец,
Такой кидает свет певец!

И как у розы молодой
Рожденной раннею зарей, —
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл,
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землей, —
Росинка катится с листа —
Пусть будет песнь твоя чиста.

<Конец октября — ноябрь (до 20-х) 1856 г.>

Варианты:

Ст. 11: Когда еще <*начато*:> горя<щих?>

Окончат. вариант вписан в строку.

Ст. 16: **Да** будет песнь твоя чиста.

Вариант (*Да*) вписан под *Пусть* другими (более темными) чернилами.

Пометы: 1) чернилами — над заглавием слева (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «не бы<ло напечатано в *Сб1856*>»; в правом верхнем углу (более светлыми чернилами): «№ 6. С<овременник>» (место первой публикации, см. во вступит. статье); под текстом (более светлыми чернилами): «V» (или «галочка»); 2) карандашом — над заглавием: «14» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу: «I».

Датируется: предположительно концом октября — ноябрем (до 20-х) 1856 г., по положению в *Т 1*, помете «Рим» в первой публикации и сопоставлению с датировкой стихотворения «У камина» (см. примеч. к № 57). Нижняя граница устанавливается условно, по предполагаемой дате приезда в Рим, куда Фет прибыл после 17 (29) октября 1856 г. Ср. письмо Н. А. Некрасова

к И. С. Тургеневу от 9 (21) — 17 (29) октября 1856 г.: «Я поджидаю Фета; сегодня уж 29 октября <...>, а его что-то нет» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 38).

Впервые: *Совр.* 1857. № 3. С. 56 (ц. р.: 28 февраля 1857 г.), вместе со стихотворением «Не напевай тоскливой муки...»; с пометой: «Рим», подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями. В этой же книжке опубликованы стихотворения «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою...»), «Сон» («Снился берег мне скалистый...»).

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 72: в разделе «Мелодии», под номером «XX», без деления на строфы; с изменением в тексте в ст. 3, с пунктуационными изменениями как в первой публикации кроме некоторых стихов (в том числе ст. 2, 5, 8, 16 как в *Т 1*).

Ст. 3: Скользит уступами **с** вершин

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии».

55

Л. 54

Прибой

Утесы. Зной и сон в пустыне.
Песок, да звонкий хрящ кругом
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал.

И забывая век свой бурный
По пестрой отмели бежит
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда — он кипит,

Жемчужной пеною украшен
Встает на битву со скалой
И умирающий все страшен
Всей перейденной глубиной

<Конец октября — ноябрь (до 20-х) 1856 г.>

Варианты:
Ст. 1: *а*. **Скалы. Безмолвно** как в пустыне!
б. Скалы. **Безлюдно** как в пустыне!
Вариант 1б (*Безлюдно*) вписан другими (более темными) чернилами поверх *Безмолвно*; окончат. вариант (*Утесы. Зной и сон*) вписан над вариантами 1а и 1б сначала карандашом, затем теми же (более темными) чернилами.
Ст. 6: Не докатясь до **гордых** скал**,**
Окончат. вариант (*красных*) вписан над незачеркнутым *гордых* сначала карандашом, затем более темными чернилами.

Пометы: 1) чернилами — в левом верхнем углу (другими чернилами): «III в 3 р в С<овременник>» (предполагаемое место первой публикации, см. во вступит. статье); под текстом (более светлыми чернилами): «?» (вопросительный знак; по-видимому, помета относится ко времени подготовки *Сб1863*); 2) карандашом — над заглавием: «43» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), в правом верхнем углу: «II». Заглавие вписано и подчеркнуто другими (красно-коричневыми) чернилами позднее.

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 54).

Впервые: *Сб1863*. Ч. 1. С. 147: в разделе «Море», под номером «VII»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

56*

Л. 55
<*Первая редакция*:>

Даки

Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Хорош в лучах зари воздушный очерк Рима
И светел Апеннин белеющих туман,
Близ сонного Петра почиет Ватикан.
Там боги и цари толпою обнажённой
\+ [Из-под руки стальным резцом вооруженной]
Готовы на пиры, на негу иль на брань:
Из цезарских палат, из храмов и из бань
Стеклись безмолвные, торжественные лики
На древния ступя, как прежде, мозаики,
В которых на конях Нептуновых, Тритон
Чернеет ликами Химеры окружен...

Там я в одной из зал, на мраморах, у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их не узнать:
Все та же на челе безмолвия печать
И брови грозные, сокрытых сил примета
И на устах вопрос и нет ему — ответа.
То Даки пленные. Их странная судьба
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный вниманья
Я в сердце повторял родимыя названья
Л. 55 об. И мрамору шептал: Суровый Славянин
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?
Поверь ни женщина, ни раб, ни Император
Не пощадят того, кто пал как гладиатор.
Зачем развратников с коварною душой
Злодеев ты почтил иль дружбой иль враждой
Рукоплескать твоим усилиям и мукам
Они передадут как дар законный внукам
+[1] Когда потомок твой весь в ранах и в крови
Протянет руки к ним могучие свои
И у спасенного попросит рукожатья
Опять со всех сторон подымутся проклятья
И с подлым хохотом Гетера закричит:
«Кончай, кончай его — он дышит, он хрипит;
Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у нас рукоплесканий,
(Как эти варвары умеют умирать!)
Л. 56 Пойдемте. Кончено. Придется долго ждать
Борьбы таких борцов, иль сильной львиной драки.
Пойдемте, что смотреть как умирают Даки.

<Не позднее ноября (до 20-х) — 1 декабря 1856 г.>

<2-я поздняя редакция ст. 27—28 по счету окончат. редакции, карандашом:>

Для этих суетных безжалостных гуляк

[1] *Помета «×» внесена предположительно на этапе подготовки Сб1863 — сначала карандашом, затем продублирована чернилами «+» и, по-видимому, отсылает к вставке новых строф, первый вариант которых записан на л. 56 карандашом, окончательный — на л. 53 об. Не исключено, что карандашная помета может говорить о необходимости переработки ст. 27–30 (см. новые варианты на л. 56 об.) или их исключении.*

Ты все не человек, а только дикий Дак

<1-я поздняя редакция ст. 27—34 (или ст. 31—38, после ст. 27—30 ранней редакции), в окончат. редакцию вошли ст. 27—30 как ст. 31—34, карандашом:>

Когда в развалинах умолкнет Колизей
Чрез длинный ряд веков в глазах иных судей
Куда бы в бой его ни бросила судьбина
Безмолвно умирать вот доля Славянина
Напрасно в простоте младенческой своей
Спасать он двинется народы иль царей
Предстанет новый зверь и новая арена
Но всюду ждет бойца жестокая измена

Л. 54 об.
<***Ранняя редакция***:>

<Вариант ст. 2:>

Смягчен в лучах зари

<Окончат. вариант ст. 6:>

Создания руки резцом вооруженной,

<Варианты к ст. 9, 17—18, карандашом:>[2]

насупленные
силой
и на устах вопрос
лукавый
глупый

Л. 56 об.
<***Ранняя редакция***:>

<Варианты ст. 29—30 для Сб1863, карандашом:>[3]

ания
[Они] рукоплескать твоим тяжелым мукам

[2] *Возможно, данные варианты относятся к этапу подготовки Сб1863.*

[3] *Предполагаемое прочтение ст. 29—30 см. ниже, в разделе «Варианты» (ранняя редакция).*

Они
[Векам] передадут и завещают внукам
как дар конный

*<**2-я поздняя редакция**:>*

<Вариант ст. 31—32, карандашом:>

Когда в развалинах замолкнет Колизей
Как гробовая тень, — в глазах иных судей

<Вариант ст. 27—30, карандашом:>

По мнению суетных безжалостных гуляк
В потешные бойцы лишь годен дикий Дак
И чуждые для них поддерживая троны
Славяне составлять лишь годны легионы

Л. 53 об.
<Окончат. вариант поздней редакции ст. 27—38:>

По мненью суетных, безжалостных гуляк
Бойцом потешным быть родится дикий Дак
И чуждые для них поддерживая троны
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей
Чрез длинный ряд веков в глазах иных судей
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать вот доля Славянина
Когда потомок твой весь в ранах и в крови
К тому, кого он спас, — могучие свои
Протянет руки вновь, — прося рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся проклятья.

<1862 — не позднее середины января 1863 г.>

Варианты:
1) *Ранняя редакция*:
Ст. 2: *а*. **Смягчен** <*начато*:> л<учом>
б. **Смягчен** в лучах зари <воздушный очерк Рима>

Вариант 2б (*Смягчен в лучах зари*) записан на л. 54 об. (по всей видимости, при подготовке к печати в *Совр*), напротив ст. 2 основного текста, где подчеркнут вариант *Хорош* как нуждающийся в замене.

Ст. 4: **У** сонного Петра почиет Ватикан.

Окончат. вариант (*У*) вписан карандашом поверх незачеркнутого *Близ* (очевидно, при подготовке к печати в *Совр*).

Ст. 6: Создания руки резцом вооруженной,

Окончат. вариант выписан на л. 54 об., напротив ст. 6 основного текста, зачеркнутого горизонтальной чертой (очевидно, при подготовке к печати в *Совр*). Помета «+», проставленный слева от ст. 6 на л. 55, отсылает к окончат. варианту на л. 54 об.

Ст. 9—10: Стеклись безмолвные, **но трепетные** лики
На древние ступ**ать**, как прежде, мозаики,

В ст. 9 окончат. вариант (*торжественные*) вписан над *[но трепетные]*; в ст. 10 окончат. вариант (*<ступ>я*) вписан над *ступ[ать]* сначала карандашом, затем чернилами.

Ст. 16: Все та же на челе безмолв**ная** печать

Окончат. вариант (*<безмолв>ия*) вписан поверх *<безмолв>ная*.

Ст. 18: И на устах вопрос **лукавый без** ответа.

Окончат. вариант (*и нет ему —*) вписан под *[лукавый без]* сначала карандашом, затем обведен чернилами.

Ст. 23: И мрамору шептал: **с**уровый Славянин

Суровый исправлено на *с<уровый>* в тексте (очевидно, при подготовке к печати в *Совр*).

Ст. 29: **Восторг рукоплескать твоим тяжелым** мукам

Вариант (*Восторг рукоплескать твоим тяжелым*) вписан карандашом над и под строкой; первоначальный вариант оставлен незачеркнутым.

Ст. 29—30 (на л. 56 об., карандашом):

а. **Они** рукоплескать твоим **тяжелым** мукам
Векам передадут **и завещают** внукам

б. Рукоплеск**ания** твоим тяжелым мукам
Они передадут **как дар** за**конный** внукам

Вариант 29б (*<Рукоплеск>ания*) записан над *[Они] рукоплеск<ать>*; варианты 30б записаны: *Они* над *[Векам]*; *как дар* — в строку перед *за<вещают>*, исправленного на *<за>конный*. По всей видимости, относятся ко времени подготовки *Сб1863*.

Ст. 33: *а*. **У побежденного прося** руко**по**жатья

б. У **победителя** прося рукопожатья

Вариант 33а (*У побежденного прося*) записан над *[И у спасенного] попросит* карандашом, поверх него вписан чернилами окончат. вариант 33б (*У победителя прося*); *рукожатья* исправлено в тексте на *<руко>по<жатья>* карандашом.

Ст. 41: Борьбы таких бо**й**цов, иль **ярой** львиной драки.

Вариант (*борцов*) исправлен на окончат. (*<бо>й<цов>*) карандашом в тексте; окончат. вариант (*ярой*) вписан над *[сильной]* сначала карандашом, затем обведен чернилами.

Ст. 42: Пойдемте**!** что смотреть как **цепенеют** Даки.

Окончат. вариант (*цепенеют*) записан над *[умирают]*; восклицательный знак проставлен над запятой.

2) *1-я поздняя редакция* (л. 56, карандашом):

Ст. 29: *а.* **Какая б ни ждала высокая** судьбина

б. Какая б **гордая их не ждала** судьбина

Вариант 33б (*гордая их не ждала*) вписан над незачеркнутым *ни ждала высокая*; окончат. вариант (*Куда бы в бой его ни бросила*) вписан над строкой.

Ст. 30: Безмолвно умирать вот **участь** Славянина

Окончат. вариант (*доля*) вписан под *[участь]*.

Ст. 33—34: **Мечи изменятся, изменится** арена

Но **вечно** ждет бойца **жестокость и** измена

Ст. 33—34 объединены фигурной скобкой слева, которая отсылает к промежуточному варианту, записанному ниже (*Предстанет новый зверь и новая арена / Но всюду ждет бойца жестокая измена*).

3) *Окончат. вариант поздней редакции* (л. 53 об.):

Ст. 28: **В бойцы потешные** родится дикий Дак

Окончат. вариант (*Бойцом потешным быть*) вписан над незачеркнутым *В бойцы потешные*.

Ст. 31: *а.* **Когда** в развалинах умолкнет Колизей

б. **Хотя б** в развалинах умолкнет Колизей

Вариант 31б (*Хотя б*) вписан над *[Когда]*; окончат. вариант (*Пускай*) вписан другими чернилами между вариантами 31а и 31б.

Ст. 34: *Начато*: Нрзб.

Пометы: I) на л. 55 — 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; в правом верхнем углу: «V в 3. р. в С<овременник>»; слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами): «не б<ыло напечатано в *Сб1856*>»; 2) карандашом — над заглавием: «10» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); в правом верхнем углу: «II»; II) на л. 55 об. — карандашом над текстом: «II»; III) на л. 56 — карандашом в правом верхнем углу: «II»; IV) на л. 56 об. — 1) чернилами перед вариантом ст. 27—30: «V <«галочка», т. е. передано или отправлено в> Совр<еменник>» (место первой публикации); 2) карандашом: в верхней части листа: «II».

Датируется:

1) ранняя редакция предположительно была вчерне завершена и записана в *Т 1* не позднее 20-х чисел ноября 1856 г. (по аналогии с двумя предыдущими стихотворениями, см. примеч. к № 54 и 57). Однако в дальнейшем Фет продолжил править текст, не удовлетворенный, в частности, ст. 27—30, которые в *Т 1* остались незачеркнутыми; несколько слоев правки в этих стихах на л. 55 об. могут свидетельствовать, что решение исключить их из основного текста было принято не сразу, возможно при перебеливании рукописи. Дату, проставленную в первой публикации (1 декабря 1856 г.), следует, по-видимому, отнести к окончанию редактирования и отправке стихотворения в редакцию «Современника»;

2) окончат. вариант поздней редакции, записанный на л. 53 об., — условно 1862 г. — не позднее середины января 1863 г., по времени работы над подготовкой *Сб1863* (ц. р.: 19 января 1863 г.). Первоначально Фет, по-видимому,

рассматривал возможность восстановить ст. 27—30 ранней редакции, исключенные при публикации в «Современнике». Об этом свидетельствуют, в частности, варианты ст. 29—30 (по счету ранней редакции в *Т 1*), внесенные карандашом на л. 56 об., которые не могли быть записаны ранее 1-й редакции нового варианта ст. 27—34 (по счету окончат. редакции) для *Сб1863*, набросанных вчерне на л. 56, сразу под текстом ранней редакции. Переход на л. 56 об. для записи вариантов стихов, которые относятся к ранней редакции, зафиксированной только в *Т 1*, говорит о том, что к этому моменту на л. 56 уже не оставалось свободного места, а значит правка на л. 56 об. была внесена не в 1856 г., а позднее — в ходе подготовки *Сб1863*. При этом на данном этапе не представляется возможным с точностью определить, предполагалось ли на каком-то этапе включение нового фрагмента, записанного карандашом на л. 56, *после* ст. 27—30 ранней редакции или он изначально должен был заменить их.

Следует отметить также, что вариант ст. 2 в *Т 1* не совпадает с окончат. редакцией, опубликованной в *Сб1863*.

Впервые: *Совр*. 1857. № 2. С. 233—234 (ц. р.: 31 января 1857 г.), с датой и местом написания: «Рим. 1 декабря, 1856», подпись: «А. Фет»; ранняя редакция (в составе 38 стихов, с выпуском ст. 27—30), ст. 2, 6, 23, 33 (29 по нумерации *Совр*), 41—42 (37—38) в окончат. редакции; с изменениями в ст. 8, 25, 34 (30) и с пунктуационными изменениями. В этой же книжке напечатано стихотворение «У камина» («Тускнеют угли. В полумраке...»).

Ст. 8: Из це**с**арских палат, из храмов и из бань
Ст. 25: Поверь — ни женщин**ы**, ни раб, ни император,
Ст. 34 (30): Опять со всех сторон под**ни**мутся проклятья

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 132—133: в разделе «Антологические стихотворения», под номером «XVII»; поздняя редакция (в составе 46 стихов); ст. 1—26 как в первой публикации, с изменениями в тексте в ст. 2, 8 (как в *Т 1*), 23 (как ранний вариант в *Т 1*), 25 (как в *Т 1*); с введением нового варианта ст. 27—34 (по окончат. слою в *Т 1* на л. 53 об.); ст. 35—38 (27—30 по нумерации *Совр*) по окончат. слою в *Т 1* (на л. 53 об.); ст. 45—46 (37—38) как в первой публикации; с пунктуационными изменениями (в том числе с возвращением к вариантам *Т 1* по сравнению с первой публикацией).

Ст. 2: **Воздушен на заре вечерней** очерк Рима

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Антологические стихотворения».

57

Л. 57

У камина

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек,

Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встают ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль
И лжет душа, что ей не нужно
\+ [Всех тех, кого так больно жаль.]

<Окончат. вариант ст. 12, карандашом:>

Всего чего глубоко жаль

<Окончат. вариант ст. 12:>

\+ Всего, чего глубоко жаль.

<Ноябрь (до 25) 1856 г.>

Варианты:

Ст. 8: Из пепла серого глядят

Точка на конце стиха проставлена карандашом при подготовке к первой публикации.

Ст. 9: Вста**ет уклончиво** и дружно

Окончат. варианты (*<вста>ю<т>* и *ласкательно*) вписаны над строкой карандашом, затем *ласкательно* обведено чернилами другого оттенка; теми же чернилами подчеркнут ранний вариант (*уклончиво*).

Ст. 12: **Всех тех, кого так больно** жаль.

Окончат. вариант (*Всего чего глубоко жаль*) записан под *[Всех тех, кого так больно жаль.]* сначала карандашом без знаков препинания, затем слева от раннего варианта ст. 12 чернилами проставлен знак «+», отсылающий к окончат. варианту ст. 12, записанному чернилами в нижней части листа.

Пометы: 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «N<е было напечатано в *Сб1856*>»; в правом верхнем углу: «VII в 3. р в Сов<ременник>» (место первой публикации, см. во вступит. статье); под текстом (более светлыми чернилами): «V <«галочка», т. е. передано или отправлено в> Совр<еменник>»; 2) карандашом — слева от заглавия: «11» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); в правом верхнем углу: «I».

Автографы: *ИРЛИ*. № 24535$_1$ (Альбом М. П. Боткиной). Л. 68, беловой чернилами, подпись: «А. Фет» (см. илл. на вклейке); ст. 12 в окончат. редакции; с пунктуационными изменениями. Записан в альбом предположительно в апреле — мае 1857 г.

Датируется: предположительно ноябрем (до 25) 1856 г., по положению в *Т 1*, помете «Рим» в первой публикации и письму Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. из Рима: «На закуску вот тебе прелестнейшее стихотворение Фета, какими и он не часто обмолвливается <...>» и далее приводится текст стихотворения, совпадающий с последним вариантом в *Т 1* (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 40). 5 (17) декабря 1856 г. Тургенев переписал и отправил текст стихотворения А. В. Дружинину (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 159).

Впервые: *Совр*. 1857. № 2. С. 312 (ц. р.: 31 января 1857 г.), с местом написания: «Рим», подпись: «А. Фет»; ст. 12 в окончат. редакции; с пунктуационными изменениями. В этой же книжке напечатано стихотворение «Даки» («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»).

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 220: в разделе «Разные стихотворения», под номером «L»; с изменением в ст. 9 (как ранний вариант в *Т 1*; предположительно пропущен по недосмотру при подготовке *Сб1863*, когда осуществлялась фронтальная сверка по *Т 1*; ср.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 482); с пунктуационными изменениями.

Ст. 9: Встае**т** ласкательно и дружно

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

58

Л. 58

Не напевай тоскливой муки
И слезный трепет утиши
Воздушный голос! — Эти звуки
Смущают кроткий мир души

Вокруг светло. На праздник Рима
Взглянули ярко небеса —
И высоко — неизмерима
Их светло-синяя краса.

Толпа ликует как ребенок
На перекрестках шум и гул

В кистях пунцовых, бодр и звонок,
По мостовой ступает мул.

В дыханьи[1] чары мимолетной
Уже ласкались вкруг меня
И радость жизни беззаботной
И свет безоблачного дня

Но ты запел — и злые звуки
Смущают кроткий мир души.
О! не зови тоскливой муки
И слезный трепет утиши!

<Ноябрь — декабрь 1856 г.>

Варианты:

Ст. 4: Смущают кроткий м**і**р души

Исправлено на *<м>и<р>* в тексте.

Ст. 12: По мостовой **шагает** мул

Окончат. вариант (*ступает*) вписан поверх *шагает*.

Ст. 16: И **лоск** безоблачного дня

Окончат. вариант (*свет*) записан над *[лоск]* сначала карандашом, затем обведен чернилами красно-коричневого оттенка.

Ст. 18—20: Смущают кроткий м**і**р души
О не зови тоскливой муки
И слезный трепет утиши**.**

В ст. 18 *мір* исправлено на *<м>и<р>* в тексте; пунктуационные варианты в ст. 18 (точка на конце стиха), 19—20 (восклицательные знаки) внесены чернилами другого оттенка, очевидно при подготовке к первой публикации.

Пометы: 1) чернилами — над текстом (красновато-коричневыми чернилами, другим пером): «Ne бы<ло напечатано в *Сб1856*>»; в правом верхнем углу: «VI в 3 р в Сов<ременник>» (место первой публикации, см. во вступит. статье); 2) карандашом — по центру в верхней части листа: «15» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); в правом верхнем углу: «I».

Датируется: предположительно ноябрем — декабрем 1856 г., по положению в *Т 1* и помете «Рим» в первой публикации. Предположение о том, что стихотворение написано «под впечатлением римского карнавала» (см.: *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 472), по-видимому, не соответствует действительности, так как карнавал в Риме приходился на февраль 1857 г., а Фет с Н. А. Шеншиной покинули Рим 7 (19) января 1857 г., как следует из письма Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу от 6 (18) января 1857 г. (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.

[1] *В автографе*: духаньи — *по-видимому, описка, которая осталась неисправленной*.

и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 52). По-видимому, речь идет о другом празднике — например, рождественских торжествах, о которых Некрасов упоминает в письме к В. П. Боткину (Там же. С. 50—51), или каких-то иных.

Впервые: *Совр.* 1857. № 3. С. 55 (ц. р.: 28 февраля 1857 г.), вместе со стихотворением «Туманное утро» («Как первый золотистый луч...»); с пометой: «Рим», подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями. В этой же книжке опубликованы стихотворения «Телемак у Калипсы» («Солнце низко. Легкой мглою...»), «Сон» («Снился берег мне скалистый...»).

Ст. 7: И высоко-неизмерима

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 73: в разделе «Мелодии», под номером «XXI», под заглавием «Римский праздник»; с пунктуационными изменениями.

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии», под заглавием «Римский праздник».

59

Л. 59

Певице

Уноси мое сердце в звенящую даль
Где как месяц за рощей печаль
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей
Выше, выше плыву серебристым путем
Будто шаткая тень за крылом

Вдалеке замирает твой голос, горя
Словно за морем ночью заря
И откуда-то вдруг, я понять не могу
Грянет звонкий прилив жемчугу

Уноси ж мое сердце в звенящую даль
Где кротка как улыбка печаль
И все выше помчусь серебристым путем
Я как шаткая тень за крылом.

<Ноябрь — декабрь 1856 г.>

<Окончат. вариант ст. 15, карандашом:>

помчусь серебрис<тым>

Варианты:

Ст. 5: О дитя как легко средь незримых зыбей

Восклицательный знак проставлен позднее.

Ст. 7: Выше, выше плыву **я звончатым** путем

Окончат. вариант (*серебристым*) вписан над *[я звончатым]* сначала карандашом, затем обведен чернилами (красновато-коричневого оттенка).

Ст. 15—16: И все выше **и выше звончатым путем**
Уплыву я как тень за крылом.

Первоначально над зачеркнутым вариантом ст. 15 *[и выше звончатым]* сделана карандашная отметка, отсылающая к новому варианту стиха, записанному карандашом под текстом. Окончат. вариант ст. 15 (*помчусь серебристым*) вписан над *[и выше звончатым]*; окончат. вариант ст. 16 (*шаткая*) вписан над строкой, *я* исправлено на *Я* в тексте. Все исправления внесены чернилами красновато-коричневого оттенка.

Пометы: 1) чернилами — подчеркнуто заглавие; в правом верхнем углу: «IV в 3 р. в С<овременник>» (зачеркнуто горизонтальной чертой; предполагаемое место первой публикации, см. во вступит. статье), «36» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); под текстом (более светлыми чернилами): «выписано для Ру<сского> Вес<тника> 9-е»; 2) карандашом — по центру в верхней части листа: «I»; в левом верхнем углу: «36» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*).

Датируется: предположительно ноябрем — декабрем 1856 г., по положению в *Т 1* и сопоставлению с датировкой стихотворения «Смерти» («Когда измучен жаждой счастья...») (см. примеч. к № 63).

Впервые: *РВ*. 1857. № 10. Кн. 2. С. 916 (ц. р.: 31 октября 1857 г.), подпись: «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 77: в разделе «Мелодии», под номером «XXV»; с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 13 как в *Т 1*).

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии».

60

Л. 60

Anruf an die Geliebte
Бетховена

Пойми хоть раз тоскливое признанье
Хоть раз услышь души молящей стон
Я пред тобой прекрасное созданье
Безвестных сил дыханьем окрылен

Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я полон им и млею и дрожу.
И без тебя, — томясь предсмертной мукой
Своей тоской как счастьем дорожу

Ее пою, во прах упасть готовый
Ты предо мной стоишь как божество
И я блажен — я в каждой муке новой
Твоей красы провижу торжество.

<Ноябрь — декабрь 1856 г.>

Варианты:
Ст. 7: И **я блажен**, — томясь предсмертной мукой
Окончат. вариант (*без тебя*) вписан над *[я блажен]*.

Пометы: 1) чернилами — над заглавием (более светлыми): «Р<усский> В<естник> 8-е» («8-е» зачеркнуто карандашом); 2) карандашом — в правом верхнем углу: «Р<усский> В<естник> 1», поверх этой записи: «42» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), ниже: «I».

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 59). Предположение, что «ст-ние, очевидно, обращено к М. П. Боткиной, которая 16 (28) мая 1857 г. уехала со своей сестрой за границу, ответив согласием на предложение Фета» (*Фет. ССиП*. Т. 1. С. 473), следует, по-видимому, признать ошибочным. Впервые оно было высказано Г. Д. Аслановой: «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // Новый мир. 1997. № 5. С. 207; «От тебя одной зависит мое полное счастие...»: Письма А. А. Фета к невесте // Наше наследие. 1999. № 49. С. 42. Впоследствии поддержано также Ю. П. Благоволиной, считавшей, что оно написано 14 или 15 мая, перед отъездом М. П. Боткиной (см.: *Фет/Боткин*. С. 158, 183, примеч. 24). Сомнение в том, что это так, высказано в специальной статье, посвященной «боткинскому» циклу, И. А. Кузьминой,

справедливо указывающей на то, что в тетради стихотворение «Anruf an die Geliebte Бетховена» помещено «среди текстов, созданных в Риме» **(***Кузьмина И. А.* О «боткинском» периоде в творчестве Фета // *ФетСб(3)*. С. 171**)**.

Отсутствие правки в ст. 6, а также возвращение в *Сб1863* к варианту этого стиха, зафиксированному в *Т 1*, может говорить о том, что изменения в первой публикации были введены без ведома Фета.

Впервые: *РВ*. 1857. № 7. Кн. 1. С. 174 (ц. р.: 14 июля 1857 г.), под заглавием «„Anruf an die Geliebte“ Бетговена», подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 6 и с пунктуационными изменениями.

Ст. 6: Я, полон им, **немею** и дрожу,

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 79: в разделе «Мелодии», под номером «XXVII», под заглавием «Anruf an die Geliebte (Бетховена)»; ст. 6 восстановлен как в *Т 1*; с пунктуационными изменениями.

Ст. 6: Я полон им и млею и дрожу, —

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Мелодии», под заглавием «Anruf an die Geliebte (Бетховена)».

61

Л. 61

Неотразимый образ

В уединении забудусь ли порою,
Ресницы ли мечта смежает мне как сон,
Ты, ты опять вдали стоишь передо мною
Моих весенних дней сияньем окружен.

Все, что разрушено, но в бедном сердце живо
Что бездной между нас зияющей легло
Не в силах удержать души моей порыва
И снова я с тобой и у тебя светло.

Не для тебя кумир изменчивый и бренной
В сердечной слепоте из праха создаю,
Мне эта даль мила, в ней призрак неизменной
Опять чиста, светла я пред тобой стою.

Ни детских слез моих, ни мук души безгрешной
Ни женской слабости винить я не могу,

К святыне их стремлюсь с тоскою безутешной
И в ужасе стыда твой образ берегу

<Ноябрь — декабрь 1856 г.>

Пометы: 1) чернилами — слева от заглавия: фиолетовыми чернилами «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано; в правом верхнем углу: «VIII в 3 р в Совр<еменник>» (предполагаемое место первой публикации); 2) карандашом — под текстом: «Переделать».

Датируется: предположительно, по аналогии с двумя предыдущими стихотворениями (см. примеч. к № 59). В *СиП 1986* высказано предположение, что стихотворение «связано с воспоминанием о М. К. Лазич» (С. 695).

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901.* Т. 2. С. 191, в разделе «Сердце. II», с изменением огласовки в ст. 9, 11; с пунктуационными изменениями.

Ст. 9: Не для тебя кумир изменчивый и бренн**ы**й
Ст. 11: Мне эта даль мила: в ней — призрак неизменн**ы**й —

62

Л. 62

Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.

Но падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал

Когда мы бьемся из-за хлеба
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа,

Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены

И силой крыльев бестелесных
Еговы дети не равны

Твой Ангел — перьев лебединых
Не распускает за спиной
Он на крылах летит орлиных
Поникнув грустно головой

В руке пророческая лира,
В другой горящий божий гром,
Так на твоем — в пустыне мира
Он камне станет гробовом

<Ноябрь — декабрь 1856 г.>

Варианты:
Ст. 1 (*начато*): Когда у врат
Исправлено в тексте.
Ст. 2 (*начато*): Стоял [задумчив]
Окончат. вариант стиха записан в строку.

Пометы: над текстом фиолетовыми чернилами «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано.

Датируется: предположительно, по аналогии с тремя предыдущими стихотворениями (см. примеч. к № 59).

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901*. Т. 1. С. 85—86, в разделе «Вечерние огни. VI»; с изменением в ст. 8, 17, 22; с перестановкой стихов в 3-й строфе; с пунктуационными изменениями.
Ст. 8: Адама внукам **О**н послал.
Ст. 9—12: Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа,
Когда мы бьемся из-за хлеба,
В кровавом поте, чуть дыша.
Ст. 17: Твой **а**нгел — перьев лебединых
Ст. 22: В другой — горящий **Б**ожий гром;

63*

Л. 63

Смерти

Когда измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен
Со взором полным сладострастья
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен,

Не верь суровый Ангел Бога
Тушить свой факел погоди
О как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора, пора иная:
Повеет жизни благодать
И будет тот, кто изнывая
+ [В тебе посланницу нам рая,]
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно

Кто дышит с равным напряженьем,
К тому безмолвно подойди,
Повеяв полным примиреньем
Ему предстань за сновиденьем
И тихо очи заведи.

*<Ноябрь — декабрь 1856 г. —
не позднее 7 (19) января 1857 г.>*

*<Вариант ст. 3, 5,
карандашом:>*

Порывом бурного ненастья
увлечен

Л. 62 об.
<Вариант ст. 3—5, карандашом:>

Мятежной силою ненастья
В тебе последнего участья
Искать страдалец увлечен

<Окончат. вариант ст. 14, карандашом и чернилами:>

\+ В тебе встречал предтечу рая

<Окончат. вариант ст. 22, чернилами:>

Того безмолвна, посети

Варианты:
Ст. 3—5: *а.* **Порывом бурного ненастья**
<В тебе последнего участья
Искать страдалец> **увлечен**
б. **Мятежной силою** ненастья
В тебе последнего участья
Искать страдалец увлечен

Вариант 3—5а (частично реконструированный) записан карандашом в нижней части листа; вариант 3—5б записан карандашом на л. 62 об., напротив ст. 3—5 основного текста, и затем зачеркнут вертикальной чертой (справа налево) теми же чернилами, которыми внесена правка в основной текст на л. 63.

Ст. 14: В тебе **встречал предтечу** рая

Над *посланницу* карандашом записано слово *предтечу*; текст стиха зачеркнут красновато-коричневыми чернилами горизонтальной чертой, слева от стиха проставлен знак «+», отсылающий к окончат. варианту (*В тебе встречал предтечу рая*), записанному на л. 62 об. сначала карандашом, затем чернилами. Запись сделана напротив ст. 14 основного текста и также снабжена пометой «+».

Ст. 22: **Того** безмолвна по**сети**,

Окончат. варианты записаны — (*Того*) поверх *[тому]* сначала карандашом, затем чернилами; *<по>сети* чернилами над *по[дойди]*. Текст стиха зачеркнут горизонтальной чертой, слева проставлен знак «+», отсылающий к окончат. варианту, продублированному на л. 62 об. напротив ст. 22 основного текста (*Того безмолвна, посети*). Правка внесена чернилами красновато-коричневого оттенка.

Ст. 23: Пове**я** полным примиреньем

Повея[в] исправлено на окончат. вариант (*Повея*) в тексте (зачеркнуто карандашом двумя чертами).

Ст. 25: И тихо **вежды опусти**.

Окончат. вариант (*вежды опусти*) записан над *[очи заведи]*.

Пометы: на л. 63 — 1) чернилами — слева от заглавия (красновато-коричневыми чернилами): «32.» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); справа от заглавия (более светлыми чернилами): «Р<усский> В<естник> 7.» (место первой публикации, см. во вступит. статье); 2) карандашом — в правом верхнем углу: «Р<усский> В<естник> 2», «I»; на л. 62 об. — вариант ст. 3—5 перечеркнут чернилами справа налево.

Датируется: предположительно ноябрем — декабрем 1856 г. — не позднее 7 (19) января 1857 г., по положению в *Т 1* и помете «Рим» в первой публикации. Правая граница устанавливается условно, по дате отъезда Фета с Н. А. Шеншиной из Рима (см. примеч. к № 58). Отсутствие правки в ст. 3, а также возвращение в *Сб1863* к варианту этого стиха, зафиксированному в *Т 1*, может говорить о том, что изменения в первой публикации были введены без ведома Фета.

Впервые: *РВ*. 1857. № 6. Кн. 2. С. 601 (ц. р.: 14 июня 1857 г.), с местом написания: «Рим», подпись: «А. Фет»; ст. 14, 22—23, 25 в окончат. редакции, с изменением в тексте в ст. 3, с изменением в ст. 6, а также с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2—3 как в *Т 1*).

Ст. 3: С **улыбкой**, полн**ой** сладострастья,
Ст. 6: Не верь, суровый **а**нгел Бога!

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 16—17: в разделе «Элегии», под номером «XIII», ст. 14, 22—23, 25 в окончат. редакции, ст. 3 восстановлен как в *Т 1*; с пунктуационными изменениями.

ПСС т1892. Ч. 1: в разделе «Элегии».

64*

Л. 64

В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою отшельницкую келью.

Полна сердечной простоты
Цветок дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени

[Светла! и все равно когда
Блаженства луч тебя отметит,

Так полуночная звезда
Незамечаемая светит.]

Вечерний воздух влажно чист
Ты разордевшись жмешь мне руки
И сонных лип тревожа лист
Порхают гаснущие звуки.

<Ноябрь — декабрь 1856 г. —
не позднее 7 (19) января 1857 г.>

Варианты:

Ст. 4: *а*. В твою **хорошенькую** келью.
б. В твою **приветливую** келью.

Вариант 4а (*хорошенькую*) вписан над *[отшельницкую]*, окончат. вариант (*приветливую*) — под *[отшельницкую]*.

Ст. 5: **В благоуханьи** простоты

Окончат. вариант (*В благоуханьи*) вписан под *[Полна сердечной]*.

Ст. 14: **Вся покраснев ты** жмешь мне руки

Окончат. вариант (*Вся покраснев ты*) вписан над *[Ты разордевшись]*.

Ст. 15 (*начато*): И [лип]

Пометы: карандашом — 1) над текстом, в правом верхнем углу: «44» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «I»; 2) под текстом: «можно»; чернилами — под текстом (более темными чернилами): «в Русск<ий> Ве<стник> послед<ний>»; 3) 3-я строфа перечеркнута двумя косыми линиями слева направо (более светлыми чернилами) и затем еще раз тремя косыми линиями справа налево.

Датируется: предположительно ноябрем — декабрем 1856 г. — не позднее 7 (19) января 1857 г., по положению в *Т 1* и сопоставлению с датировками предыдущего и последующего стихотворений (см. примеч. к № 63 и 65).

По всей видимости, правка в *Т 1* была внесена перед отправкой стихотворения для помещения в «Библиотеке для чтения». 13 ноября 1857 г. Фет писал А. В. Дружинину: «Посылаю Вам 4 стихотворения по 25 р., как теперь беру со всех. Если они или какое из них не пригодно, передайте Некрасову или Краевскому, а меня уведомьте» (Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948. С. 337). Среди посланных были также «Расстались мы; ты странствуешь далече...», «Нельзя» («Заря. Сияет край Востока...») и «Нет, не жди ты песни страстной...» (последние два напечатаны в мартовской книжке за 1858 г.).

Впервые: *БдЧ*. 1858. № 1. С. 145 (ц. р.: 4 января 1858 г.), под номером «I», вместе со стихотворением «Расстались мы; ты странствуешь далече...»; подпись (общая): «Ѳет» (в оглавлении фамилия напечатана верно); в составе трех строф, с выпуском ст. 9—12; ст. 4, 5, 10 (14 по счету редакции в *Т 1*) в окончат. редакции; с пунктуационными изменениями.

По поводу вкравшейся в публикацию опечатки Фет замечал в письме к Дружинину 28 января 1858 г.: «Видел я у знакомых первый № „Библиотеки“ и с удивлением увидал, что мои стихотворения подписаны Θет. Сначала я думал, уж не новое ли имя в литературе? Но это опечатка» (Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948. С. 338).

Напечатано: *РВ*. 1859. № 2. Кн. 2. С. 738, под номером «II», вместе со стихотворением «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», подпись: «А. Фет»; как в первой публикации, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2 как в *Т 1*).

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 227: в разделе «Разные стихотворения», под номером «LVI»; с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 2, 15 как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Разные стихотворения».

65*

Л. 65
<Ранняя редакция:>

Аполлон Бельведерской

Упрямый лук, с прицела чуть склонен,
Еще звенит за тетивою шаткой
И не успел закинутый хитон
Пошевелить нетронутою складкой

Уже томим язвительной стрелой
Крылатый враг в крови изнемогает
И черный хвост сверкая чешуей
Свивается и тихо замирает.

Твой юный лик торжествен и могуч.
Он весь в огне живительном и резком,
Так солнца диск раздвинув сумрак туч
Блестит в глаза невыносимым блеском

<Ноябрь — декабрь 1856 г. —
не позднее 7 (19) января 1857 г.>

<1-я поздняя редакция ст. 5—8:>

Стреле вослед еще наклонено
Амврозией воспитанное тело

Оно сквозит и светится — оно
Веселием победным просветлело

<1-я поздняя редакция ст. 10, 12:>

Победою усилено дыханье

Еще бойчей глядит на мирозданье

Л. 64 об.
<2-я поздняя редакция ст. 5—12:>

Стреле вослед легко наклонено
Омытое в струях Кастальских тело
Оно сквозит и светится — оно
Веселием триумфа просветлело

Твой юный лик отважен и могуч
Победою усилено дыханье
Так солнца диск прорезав сумрак туч
Еще бойчей глядит на мирозданье

<Октябрь (до 20) 1857 г.>

Варианты:

Ст. 2: Еще **дрожит** за тетивою шаткой

Окончат. вариант (*дрожит*) вписан над незачеркнутым *звенит* более светлыми чернилами; предположительно во время переработки стихотворения в октябре 1857 г.

Ст. 12: *а.* **Смущает взор** невыносимым блеском
б. **Встречает** взор невыносимым блеском

Вариант 12а внесен теми же чернилами под незачеркнутым *Блестит в глаза*, по всей видимости одновременно или в скором времени после записи стихотворения в *Т 1*; вариант 12б (*Встречает*) записан карандашом под вариантом 12а (*Смущает*), затем оба слова зачеркнуты карандашом четырьмя вертикальными линиями.

1-я поздняя редакция ст. 5—8, 10, 12 (л. 65):

Ст. 8: *а.* Веселием **триумфа** просветлело
б. Начато: [Еще]

Вариант 8а (*триумфа*) вписан над незачеркнутым *победным*. Над *Веселием* вписано и зачеркнуто слово *Еще* (возможно, это слово не имеет отношения к ст. 8, а относится к другому стиху).

Ст. 10: Победою усилено дыханье

Ст. 12: Еще бойчей глядит на мирозданье

1-я поздняя редакция записана другими (более светлыми) чернилами в нижней части л. 65.

2-я поздняя редакция ст. 5—8 (л. 64 об.):

Ст. 5: Стреле вослед **еще** наклонено

Окончат. вариант (*легко*) вписан над *[еще]*.

Ст. 9: Твой юный лик торж<ествен>

Окончат. вариант. (*отважен и могуч*) записан под начатым *[торж<ествен>]*.

Пометы: 1) чернилами — слева от заглавия: фиолетовыми чернилами «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано; 2) карандашом — справа от заглавия: «Р<усский> В<естник> 3» (зачеркнуто двумя горизонтальными чертами; предполагаемое место первой публикации); под текстом ранней редакции стихотворения: «×» («крестик»), по-видимому означающий, что стихотворение еще не было в печати (ср. такие же пометы к № 66, 69).

Автографы: *РГБ*. Ф. 258. Карт. 1. № 66. Л. 18 об., беловой чернилами, в п. к В. П. Боткину от 21 октября 1857 г., вторая поздняя редакция (см. илл. на вклейке); без заглавия, в составе трех строф, ст. 2 в окончат. редакции, с вариантом ст. 12; с пунктуационными изменениями.

Ст. 1—2: Упрямый лук с прицела чуть склонен
Еще дрожит за тетивою шаткой

Ст. 6: Омытое в струях Кастальских тело —

Ст. 10: Победою усилено дыханье,

Ст. 12: Еще **смелей?** глядит на мирозданье

Вариант ст. 12 (*смелей?*) вписан с вопросительным знаком под *бойчей*.

Датируется:

1) ранняя редакция — предположительно ноябрем — декабрем 1856 г. **(**не позднее 7 (19) января 1857 г., даты отъезда Фета из Рима**)**, по положению в *Т 1* (вслед за стихотворениями, написанными в Риме в 1856 г., см. примеч. к № 63, 64) и содержанию — написано под впечатлением от статуи Аполлона Бельведерского, которую поэт видел в Ватикане во время пребывания в Риме;

2) 1-я и 2-я поздние редакции — предположительно октябрем (до 20) 1857 г. (т. е. после возвращения из-за границы в Москву, куда Феты прибыли 21 сентября), по письму к В. П. Боткину от 21 октября 1857 г. из Москвы: «Новых стихов пока ни строки — да и не может быть в этой суматохе и безурядице. Исправил некоторые, в том числе Бельведерского» (*Фет/Боткин*. С. 213) В завершение письма поэт переписал стихотворение в окончательной редакции, которая совпадает с последним слоем второй поздней редакции в *Т 1* (Там же. С. 213—214). Через Боткина Фет отправил письмо к И. С. Тургеневу, в котором, по-видимому, также содержалось переписанное стихотворение «Аполлон Бельведерский» (отзыв Тургенева см. ниже). В. П. Боткину в Париж Фет отправил стихотворение по его просьбе, переданной через брата Дмитрия в письме от 4 (16) октября 1857 г.: «Я сегодня сходил в Лувр и с полчаса смотрел на Милосскую Венеру — и все не насмотришься на нее и каждый раз подходишь к ней с благодарным трепетом сердца. Стихи Фета к ней удивительны: их надобно читать при ней, и только смотря на нее раскрывается

вся их поэтическая верность и глубина созерцания. Со мной был Тургенев, и я читал их ему. Скажи Фету, чтоб он непременно прислал мне свое стихотворение к Аполлону Бельведерскому, и немедленно» (цит. по: *Фет/Боткин*. С. 216, примеч. 23 к письму 14).

Ю. П. Благоволина предложила датировать раннюю редакцию весной — летом 1857 г., на том основании, что Фет читал ее В. П. Боткину в Париже в августе того же года, как следует из ответного письма Боткина, откликнувшегося 5 (17) — 7 (19) ноября 1857 г. на присылку стихотворения в обновленной редакции: «Стихотвор<ение> к Бельведер<скому> Аполлону, которое ты читал мне в Париже, мне нравилось более, нежели то, которое ты прислал теперь. Я не помню и не знаю, что ты исправил в нем, но на меня в прежнем своем виде оно сделало впечатление, — а это не сделало» (Там же. С. 224; обоснование датировки ранней редакции см.: Там же. С. 216, примеч. 24 к письму 14). По словам Благоволиной, «текст этого „парижского“ варианта неизвестен. В *Тетради 1* текст имеет 4 строфы (в автографе данного письма (т. е. письма Фета к Боткину от 21 октября 1857 г. с текстом поздней редакции «Аполлона Бельведерского». — *В. Л.*) отсутствует строфа 2 окончательного текста)» (Там же). Если в отношении датировки стихотворения теоретически (поскольку чтение Фетом стихотворения Боткину в августе не исключает того обстоятельства, что оно могло быть написано в конце 1856 г.) можно допустить, что оно было написано после отъезда из Рима или даже по возвращении в Россию, но до 8 апреля 1857 г. — установленной даты написания стихотворения «В альбом. В первый день Пасхи» («Победа! Безоружна злоба...»), внесенного в *Т 1* на л. 67 (см. примеч. к № 68), то два последних утверждения нуждаются в уточнении.

Прежде всего, следует отметить, что состав стихотворения как в ранней, так и в обеих поздних редакциях остался неизменным — три (а не четыре) строфы, о чем свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, характер правки в автографе, из которой видно, что в октябре 1857 г. первоначально Фет на л. 65, несколько отступив от заключительной (третьей) строфы ранней редакции, записал новый вариант двух последних (2-й и 3-й) строф, при этом для третьей строфы зафиксированы только варианты ст. 10, 12, так как ст. 9 и 11 остались без изменений (условно обозначим этот вариант первой поздней редакцией). Однако, неудовлетворенный новым звучанием второй строфы, поэт записал на обороте соседнего листа (Л. 64 об.), в нижней части, т. е. напротив двух заключительных строф первой поздней редакции, еще один вариант двух указанных строф — на этот раз все восемь стихов целиком (условно обозначим этот вариант второй поздней или окончательной редакцией). Именно последний вариант был отослан Фетом в Рим в упомянутом выше письме к В. П. Боткину от 21 октября 1857 г., «парижской» же редакцией, прочитанной ему в августе, — была ранняя редакция, зафиксированная в *Т 1*. При этом как первая, так и вторая поздние редакции записаны другими (более светлыми) чернилами, по сравнению с ранней редакцией; теми же более светлыми чернилами внесена правка в ст. 2, что позволяет предположительно отнести ее к октябрю 1857 г. (не исключено, что она была вызвана совпадением с текстом первого стиха эпиграммы А. С. Пушкина «Лук звенит, стрела трепе-

щет, / И клубясь издох Пифон; / И твой лик победой блещет, / Бельведерский Аполлон!»). Во-вторых, в пользу того, что стихотворение на всех этапах редактирования состояло из трех строф, говорит и текст, отправленный В. П. Боткину 21 октября, который также насчитывает 12 стихов, но не потому что в нем «отсутствует строфа 2 окончательного текста», а поскольку она в нем не предполагалась. Впервые в составе четырех строф стихотворение было опубликовано Б. В. Никольским в *ПССт1901* (см. ниже) и с тех пор перепечатывалось в неизменном виде: *ПССт1937*. С. 380—381; *ПССт1959*. С. 474; *СиП 1986*. С. 443; *Фет. ССиП*. Т. 1. С. 366—367. Корректировке следует подвергнуть и утверждение в *Фет. ССиП* о том, что «в ранней редакции 4-я строфа располагалась перед 3-й» (Т. 1. С. 500).

Отрицательная оценка Боткина, а также И. С. Тургенева, который откликнулся 7 (19) ноября 1857 г.: «Стихотворение Ваше „Аполлон“ — мне не очень нравится. Слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает. Ему так же далеко до стихотворения „Милосская Венера“, как самому Аполлону (я говорю о статуе) — до Луврской богини» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 271), — по-видимому, стали причиной, по которой стихотворение при жизни Фета так и не было напечатано.

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ПССт1901*. Т. 1. С. 199, в разделе «Античный мир. II», под заглавием «Аполлон Бельведерский», в составе четырех строф (с включением ранней редакции 2-й строфы в состав основного текста); с пунктуационными изменениями.

66*

Л. 66

Синеет понт в дали туманной
И парус прячется в дыму
А волны в злобе постоянной
Бегут к прибрежью моему

Из них одной избранной мною
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу

К ней чайка плавная спустилась
Не дрогнет острое крыло

№ 5 С. II

№ 16

Венера Милосская

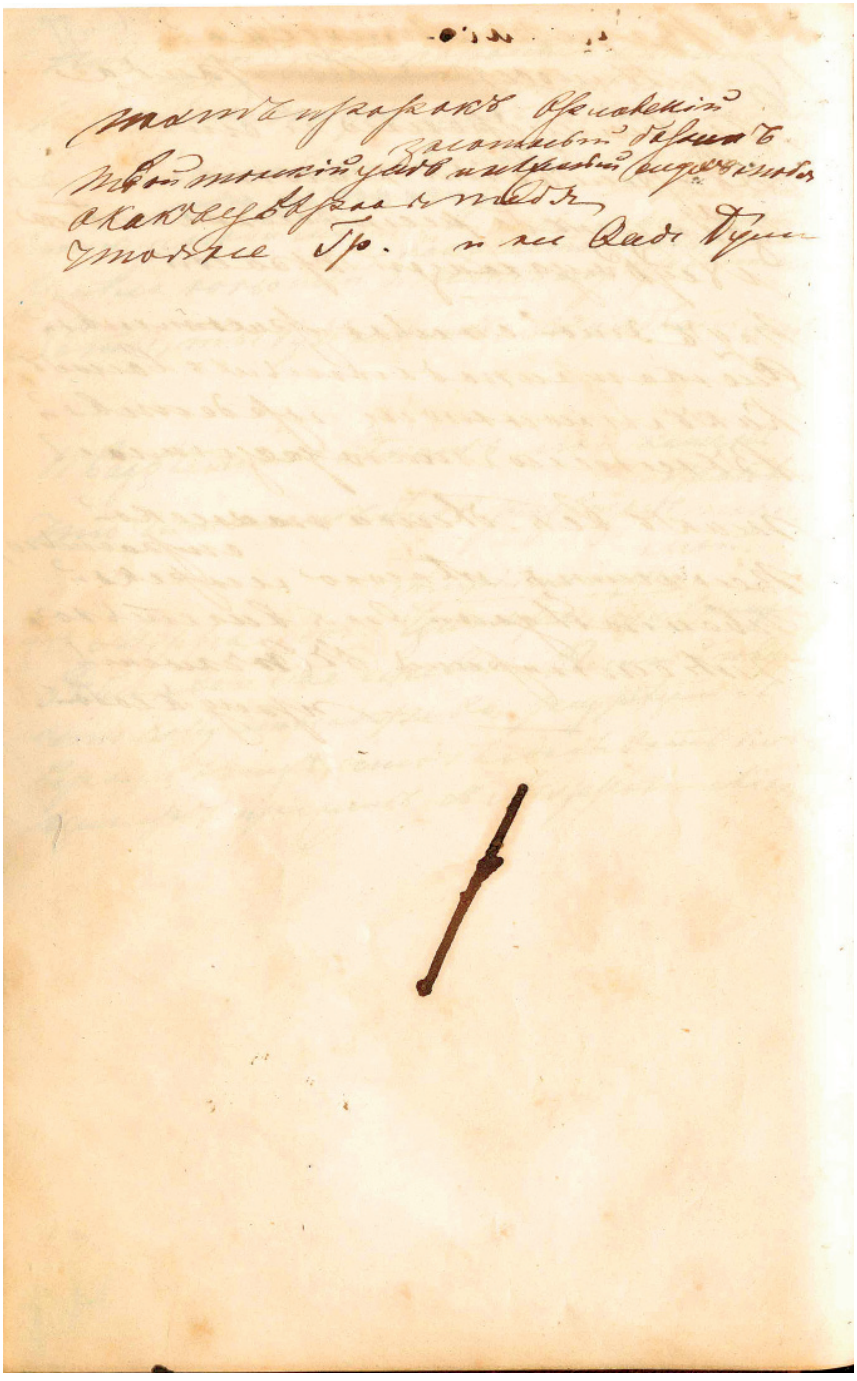
Аттоссе[redacted]рида

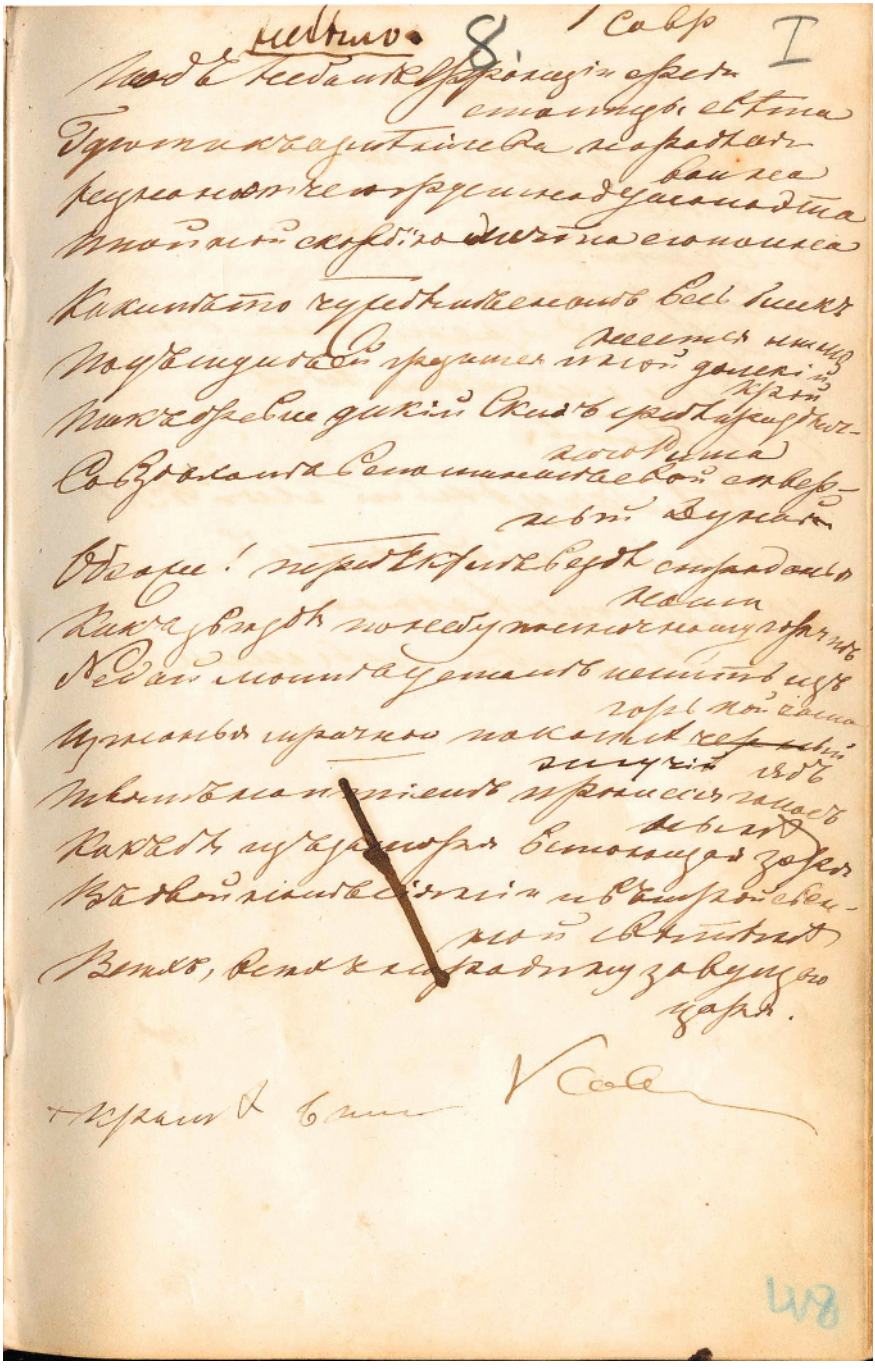
Пусть мудренно и стѣло
Да чрезъ всѣ ея наготой
Цвѣтитъ да [illegible] тѣло
Неубѣлуемой красой

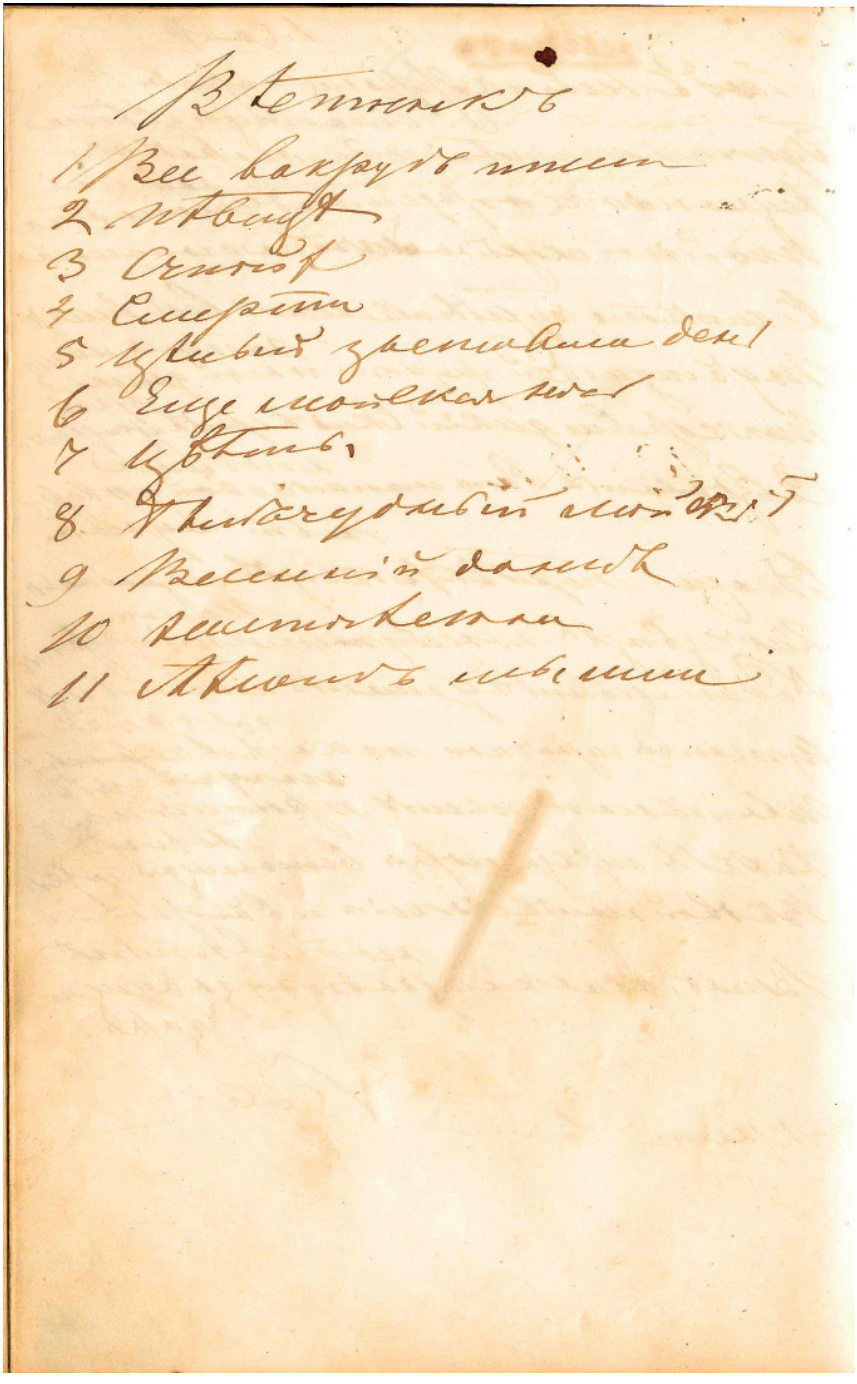
Подъ этой сѣнью прихотливой
Слегка приподнятыхъ волосъ,
Какъ многолѣтнимъ гордостью
Въ небесно мило разлилась

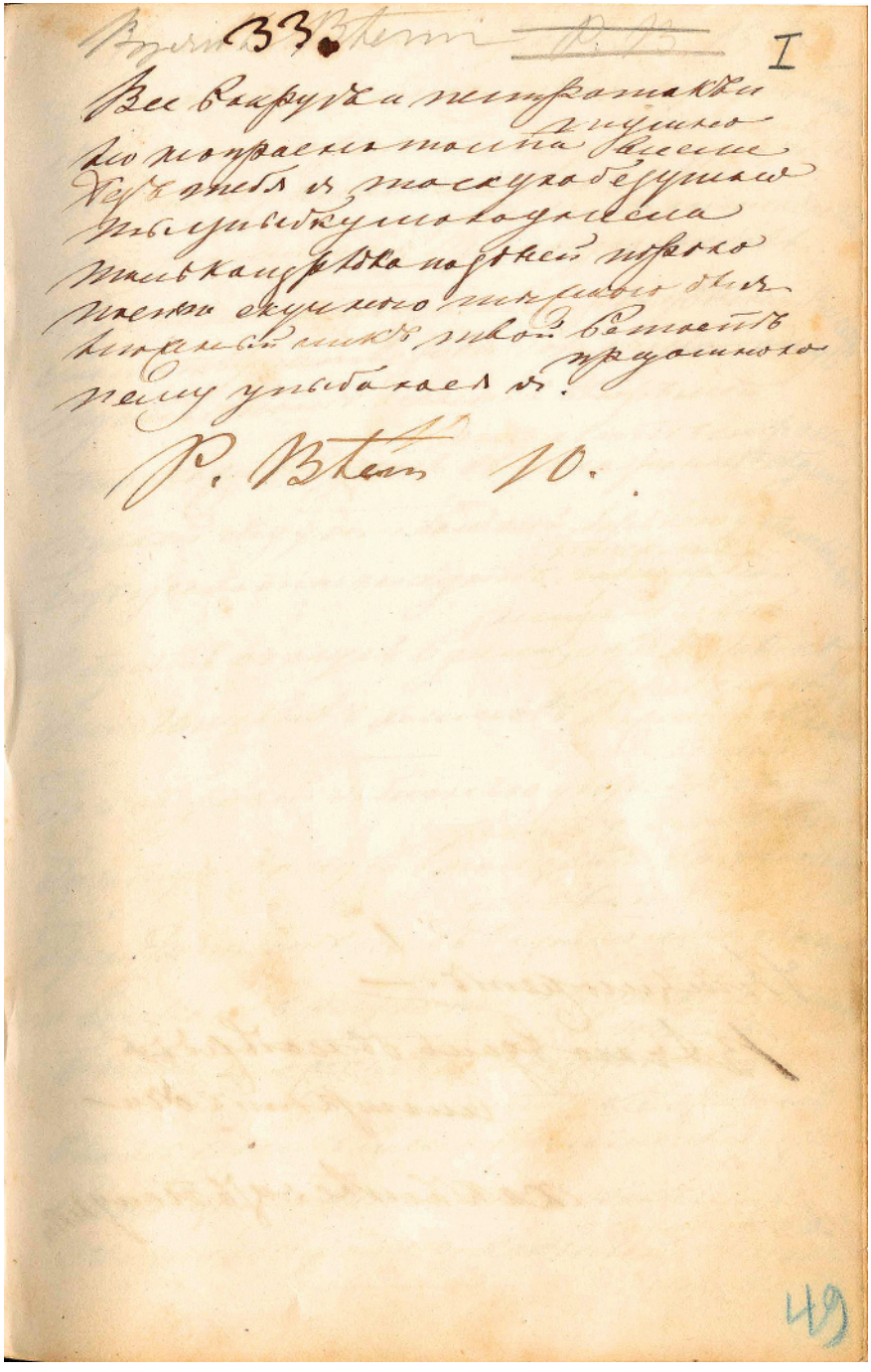
Такъ вся дѣва похоской
Весь мнѣ тѣнью морской страстью,
Цвѣтобѣдной вся властью,
Тѣ смотрѣть въ вѣчность
предъ собой.

Т 1. Л. 47 об.

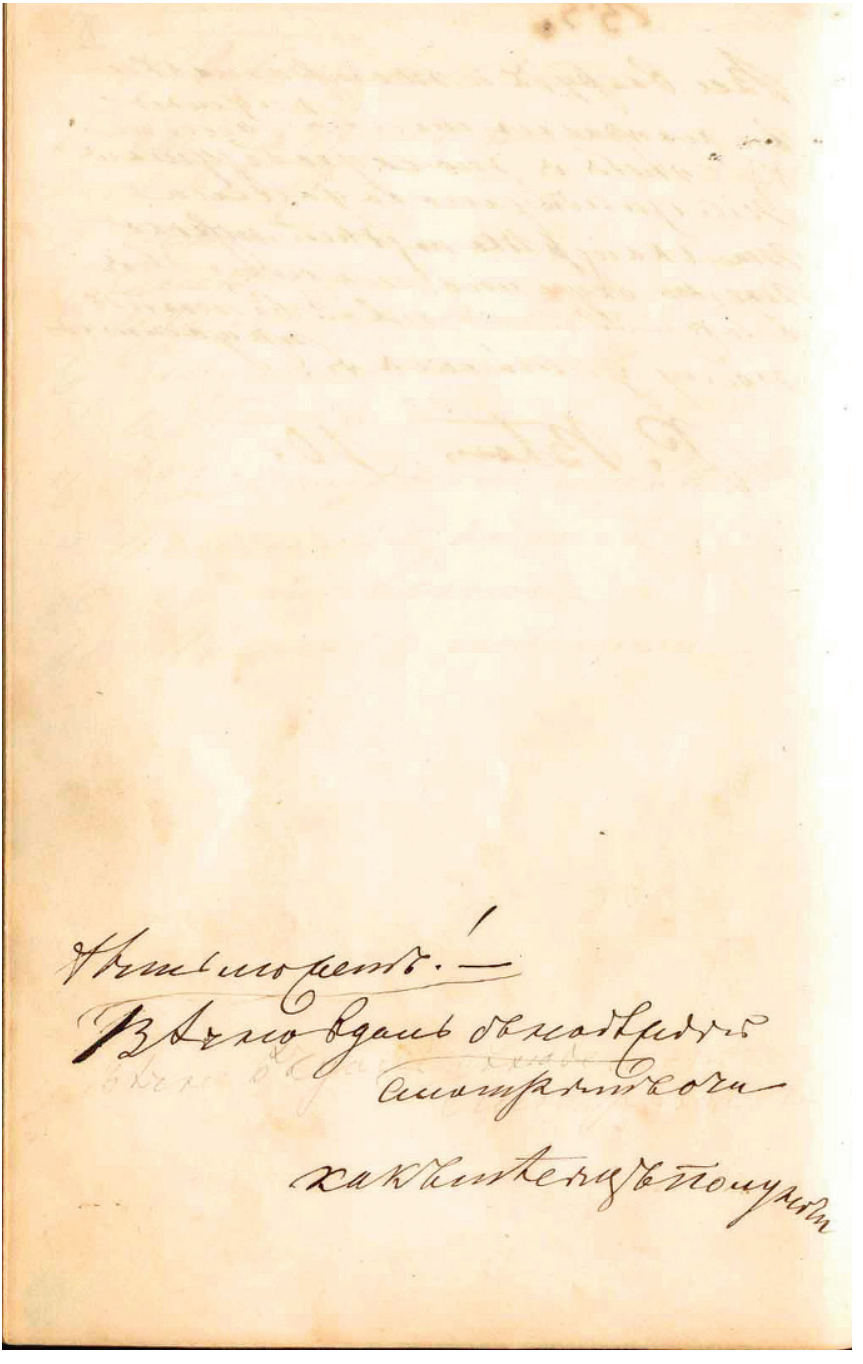


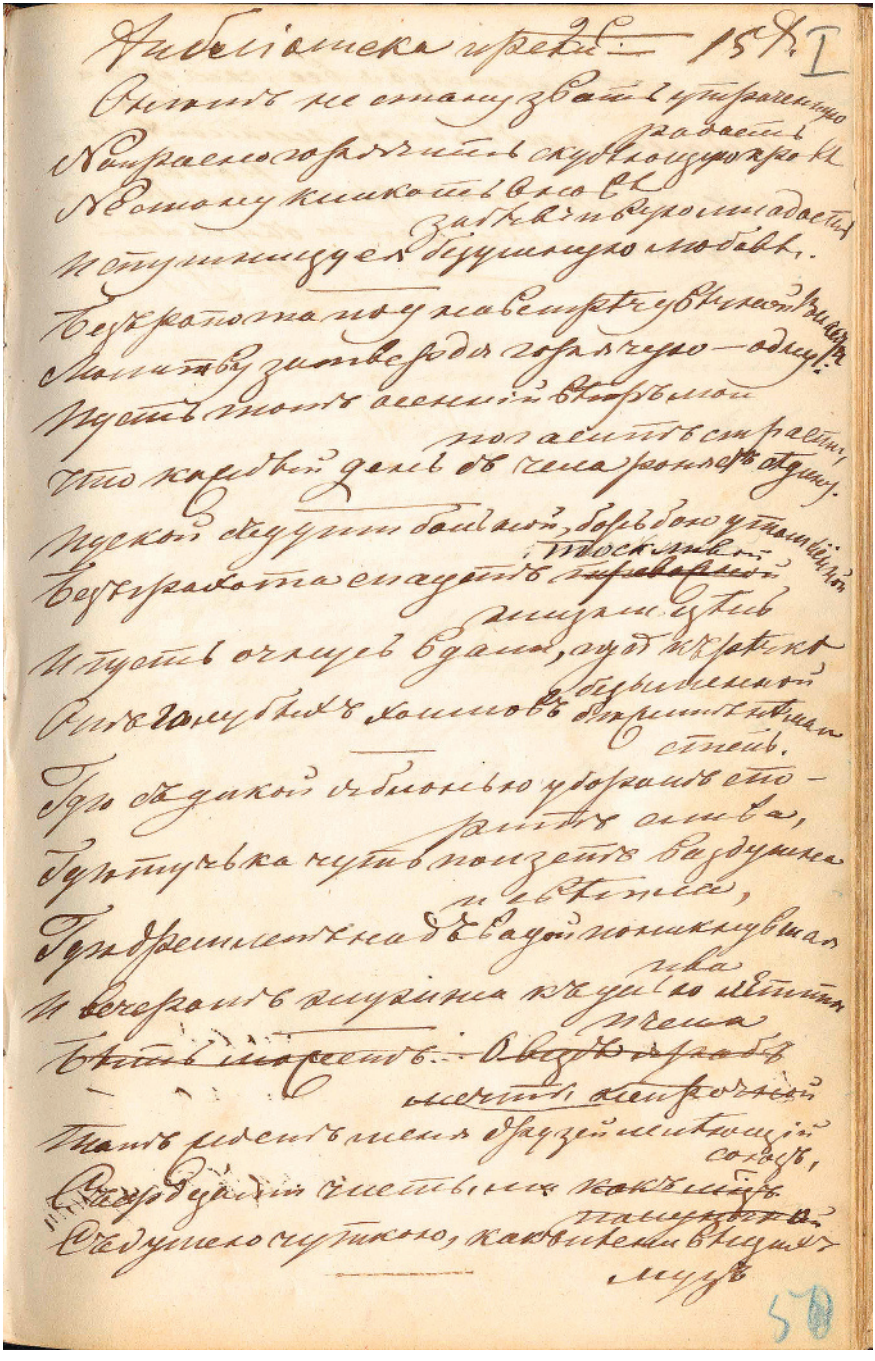




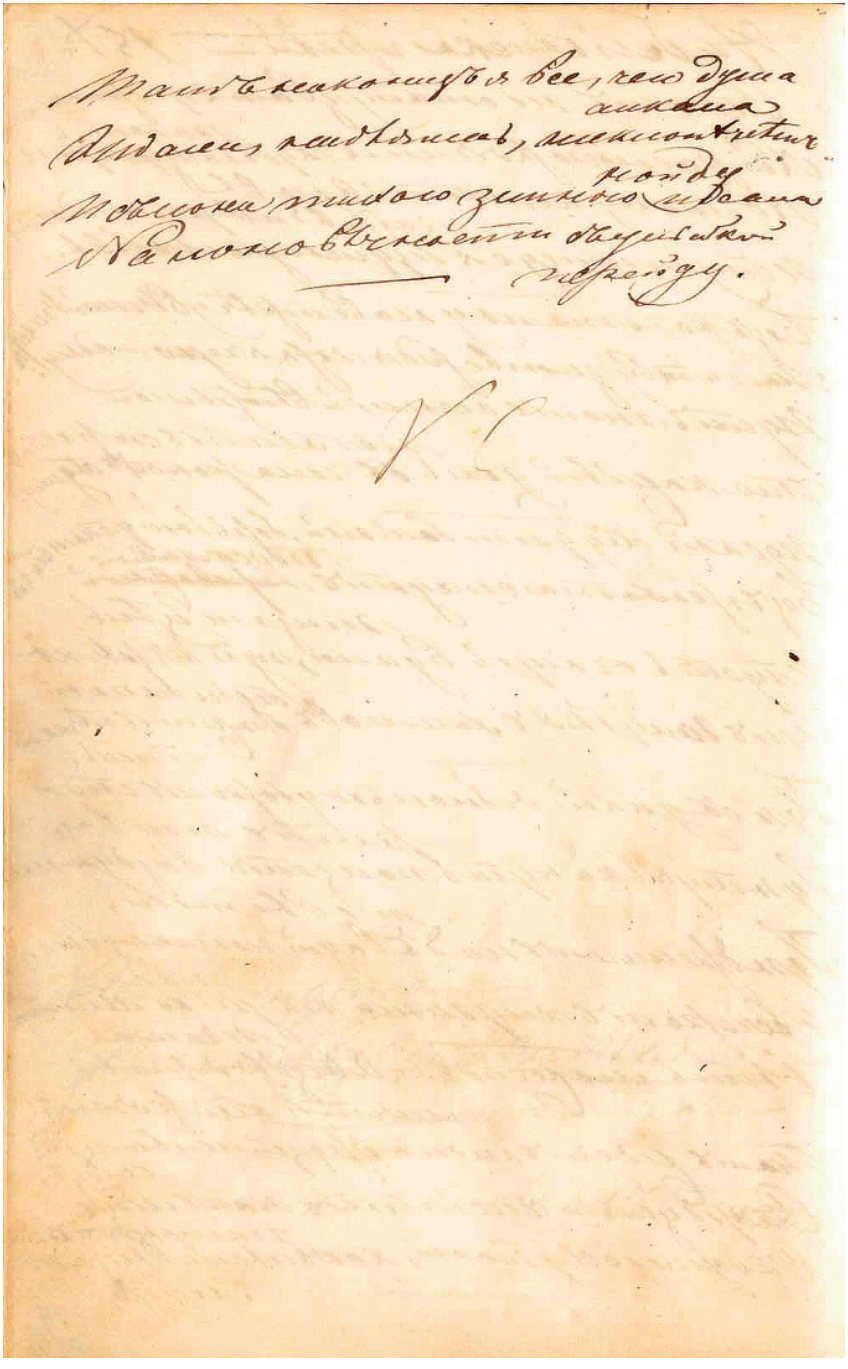


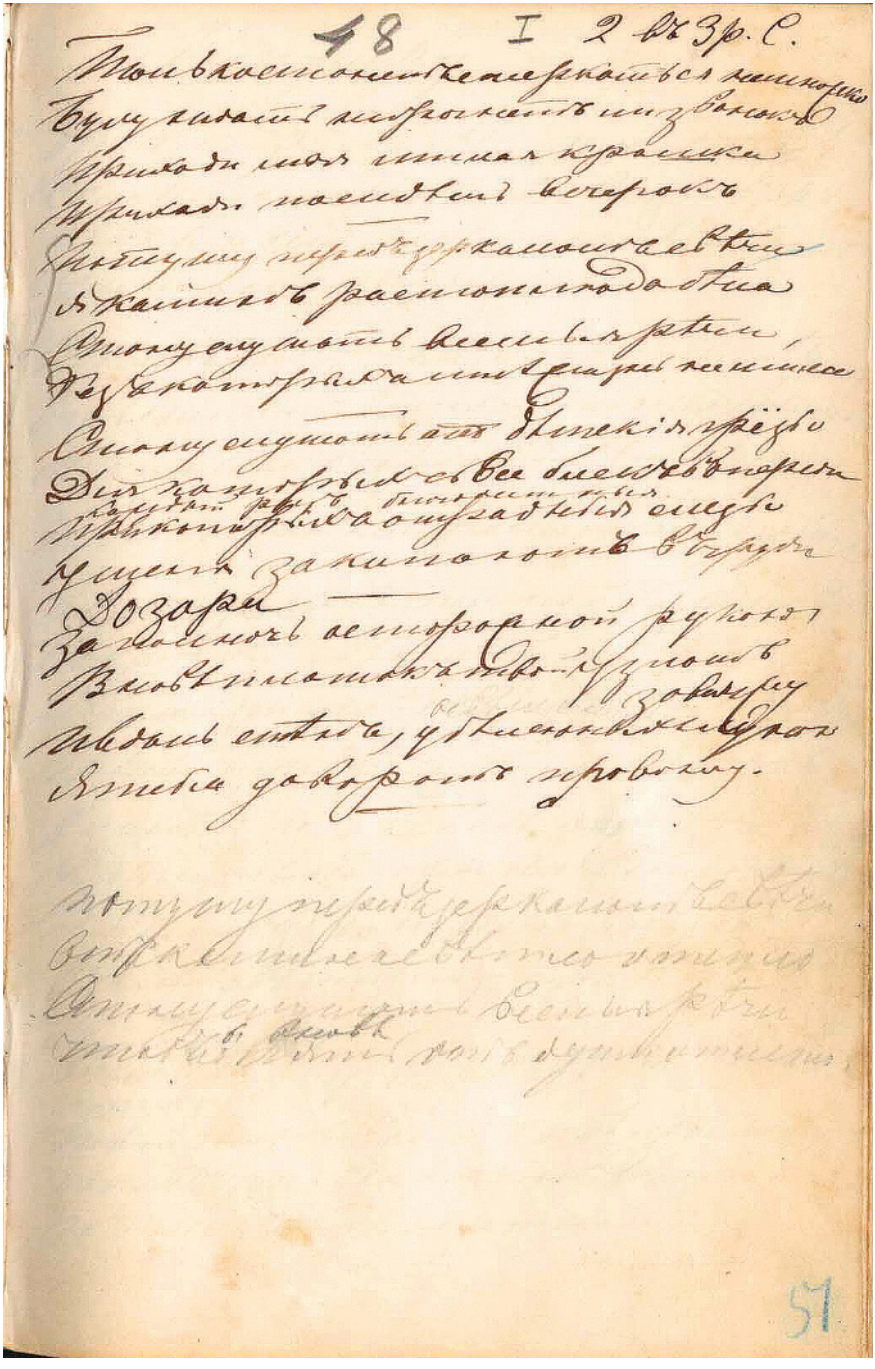
Т 1. Л. 49 об.





Т 1. Л. 50 об.





Шиллеру.

№ 3 С.

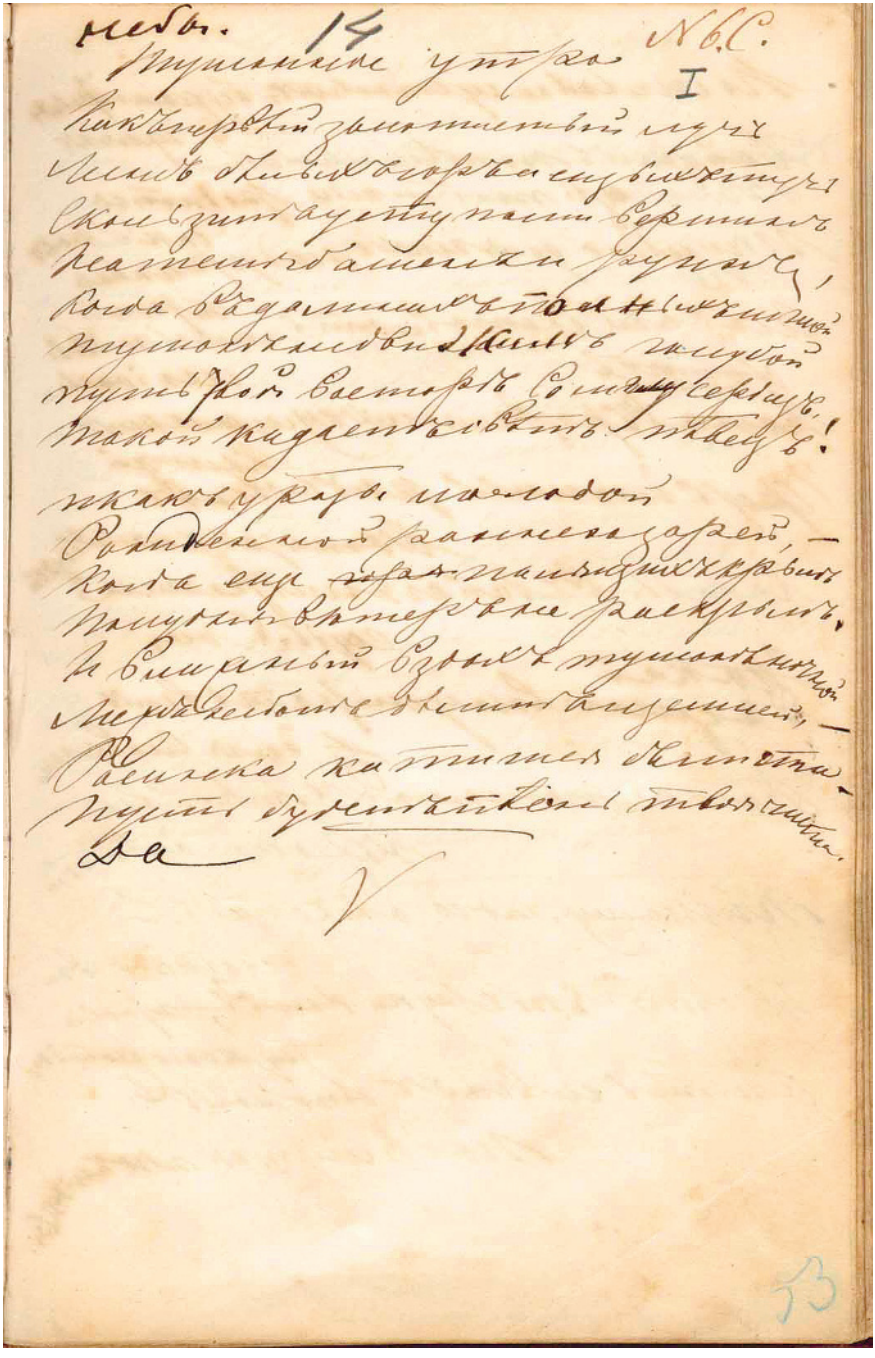
О рѣдкомъ случаѣ свѣтлыхъ тѣсенъ!
Съ зарей открылъ твой вѣщій взоръ,
Какъ блѣденъ, какъ таскливо тѣсенъ
Земного ока кругозоръ.

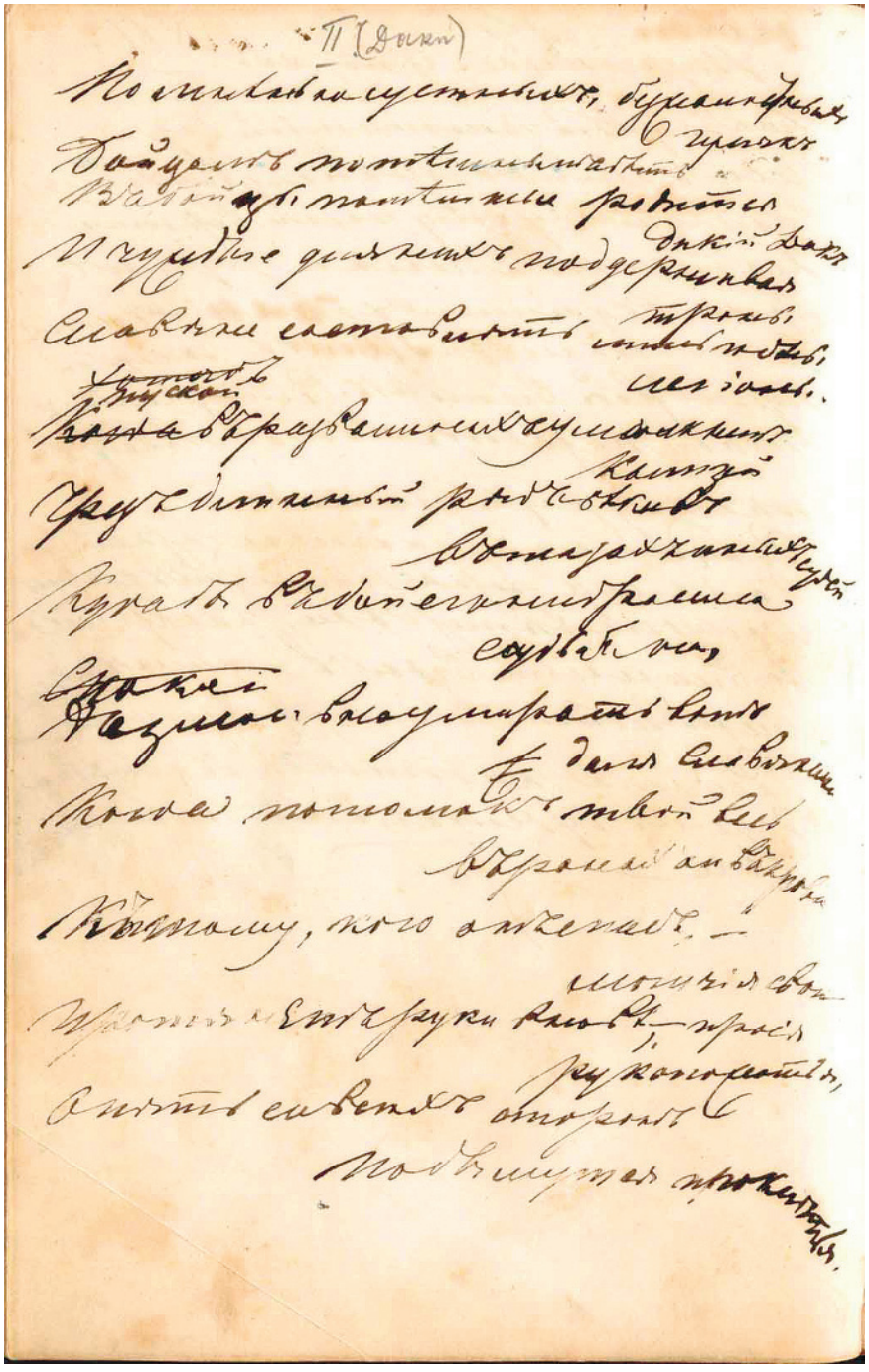
Въ первой мѣрѣ, міръ ты мѣришь
Отъ нынѣшнихъ въ сказанныхъ крылъ
Никто такъ гордо въ свѣтѣ не
вѣришь,
Никто такъ страстно не любилъ.

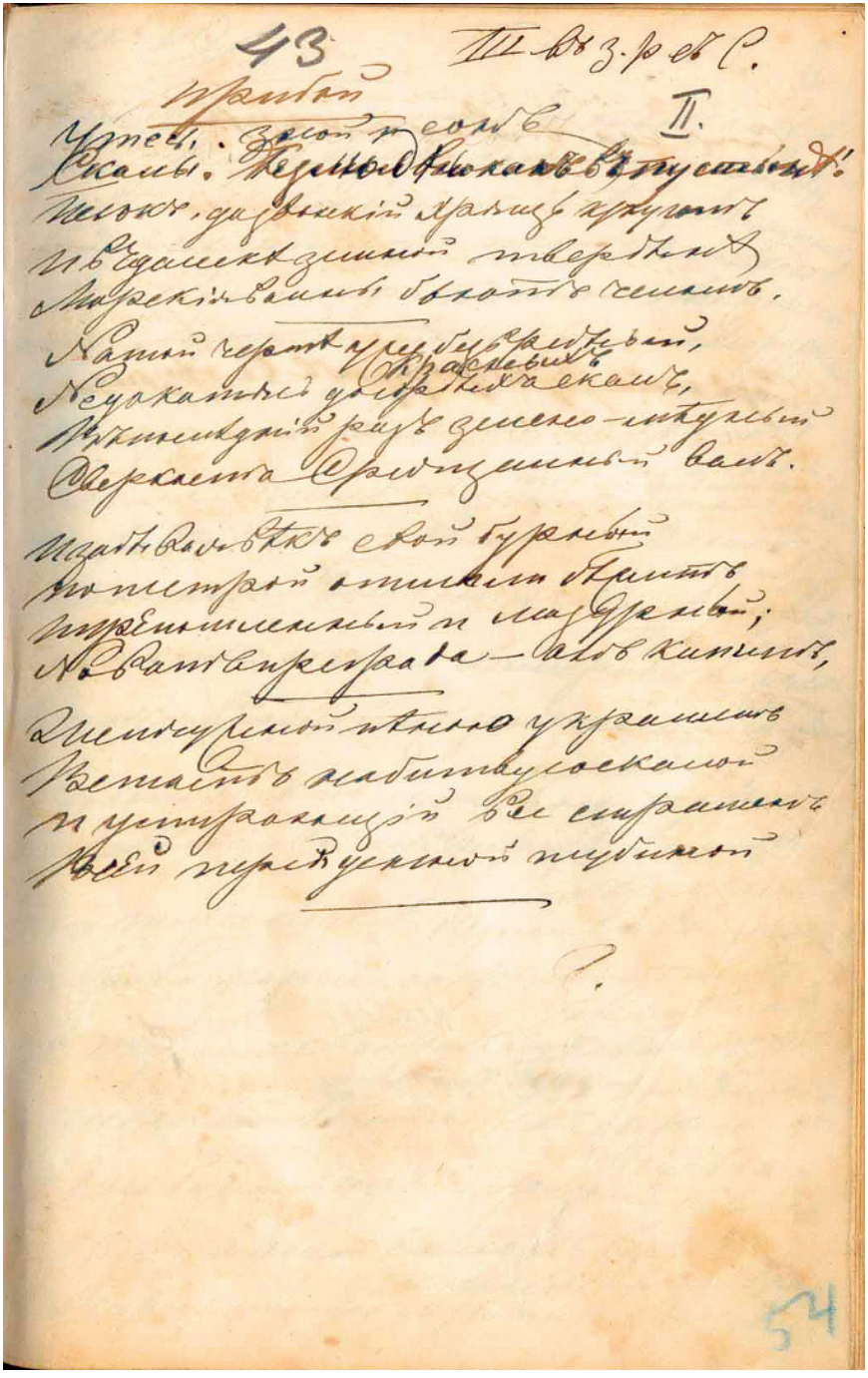
И веселясь подъ темной бездной,
Сокрывшей свѣтлый идеалъ,
Никто земной въ прадѣдъ подзвѣздный
Порвать такъ смѣло не дерзалъ

Одинъ ты океанъ эфира
Крылатъ надежнымъ обнѣтелъ
И въ сердце огненное міра
Очами свѣтлыми тянулъ.

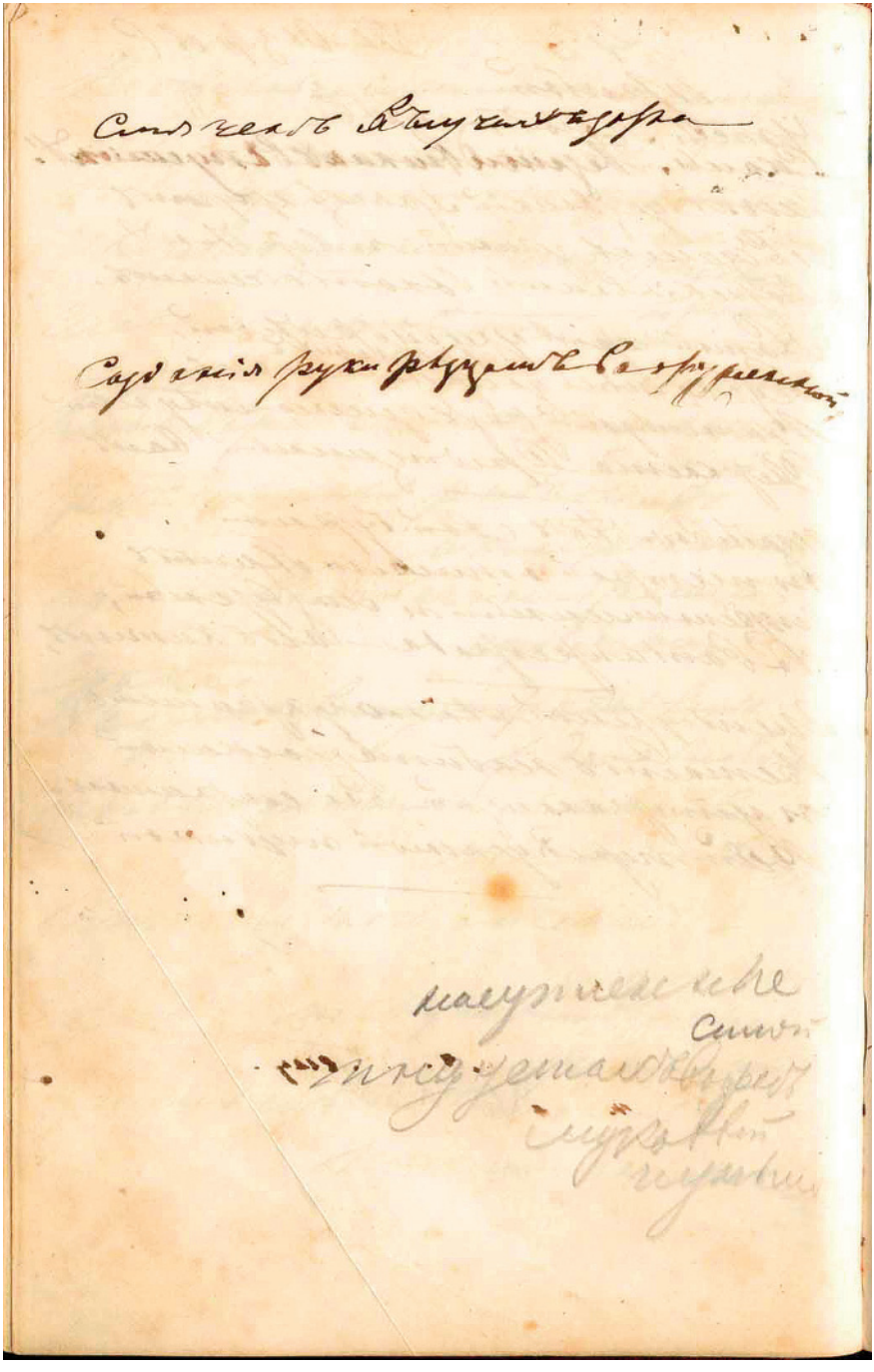
Съ тѣхъ поръ
теперь
и тамъ у моря свѣта вѣчно
Твой голосъ все къ себѣ зоветъ,
Что въ человѣкѣ человѣчно
И что въ бездемертномъ не
умретъ.

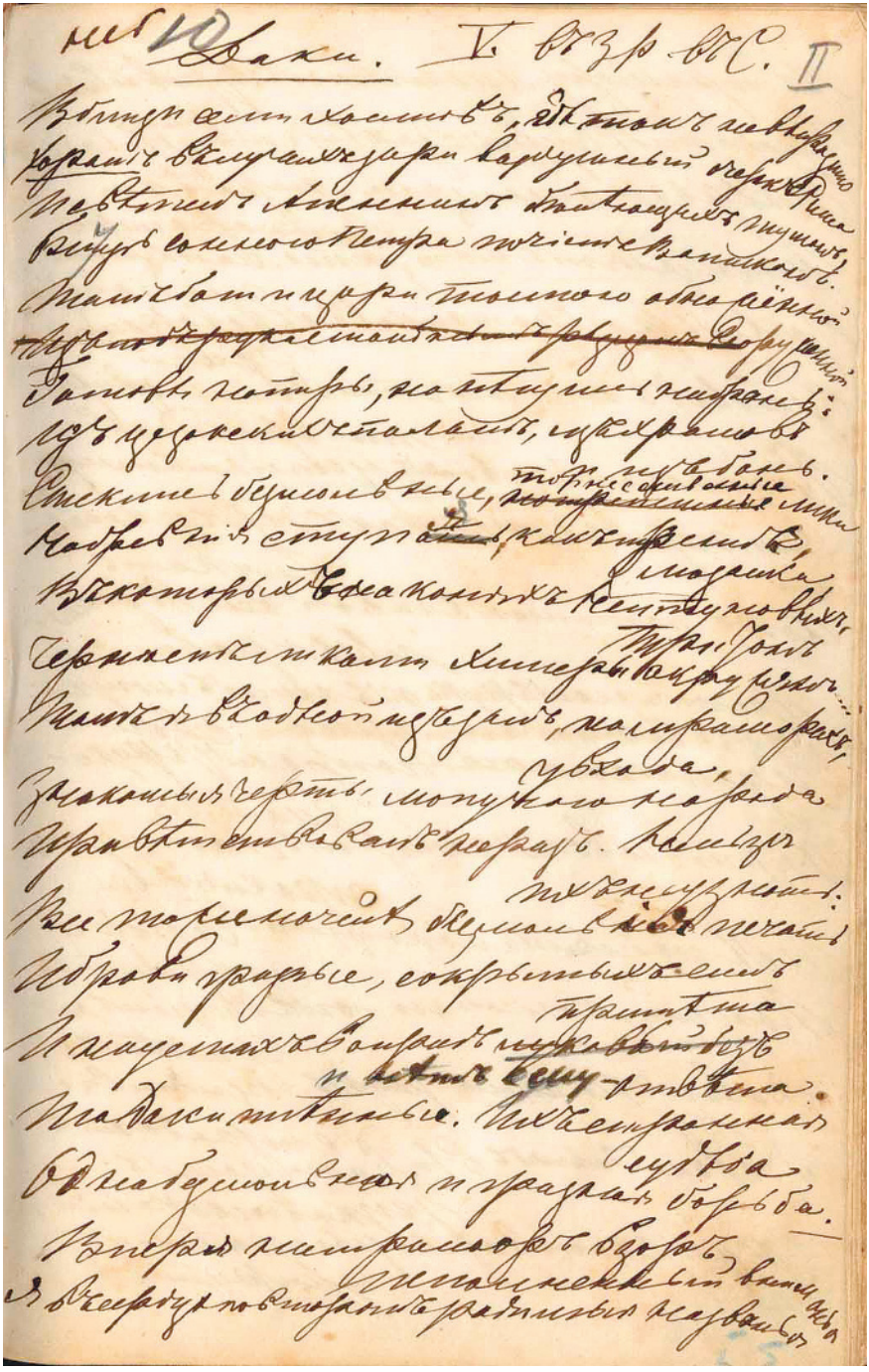


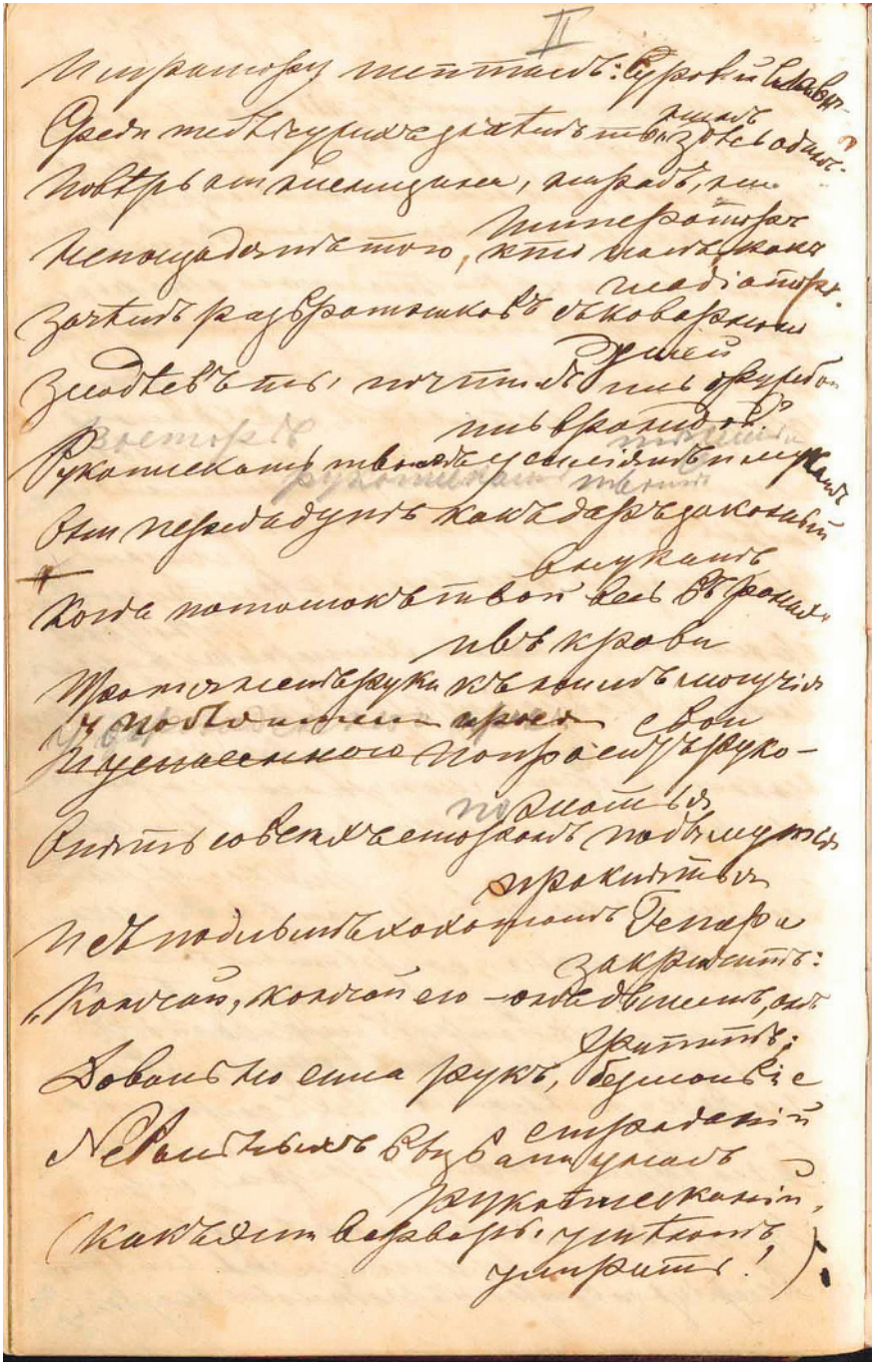


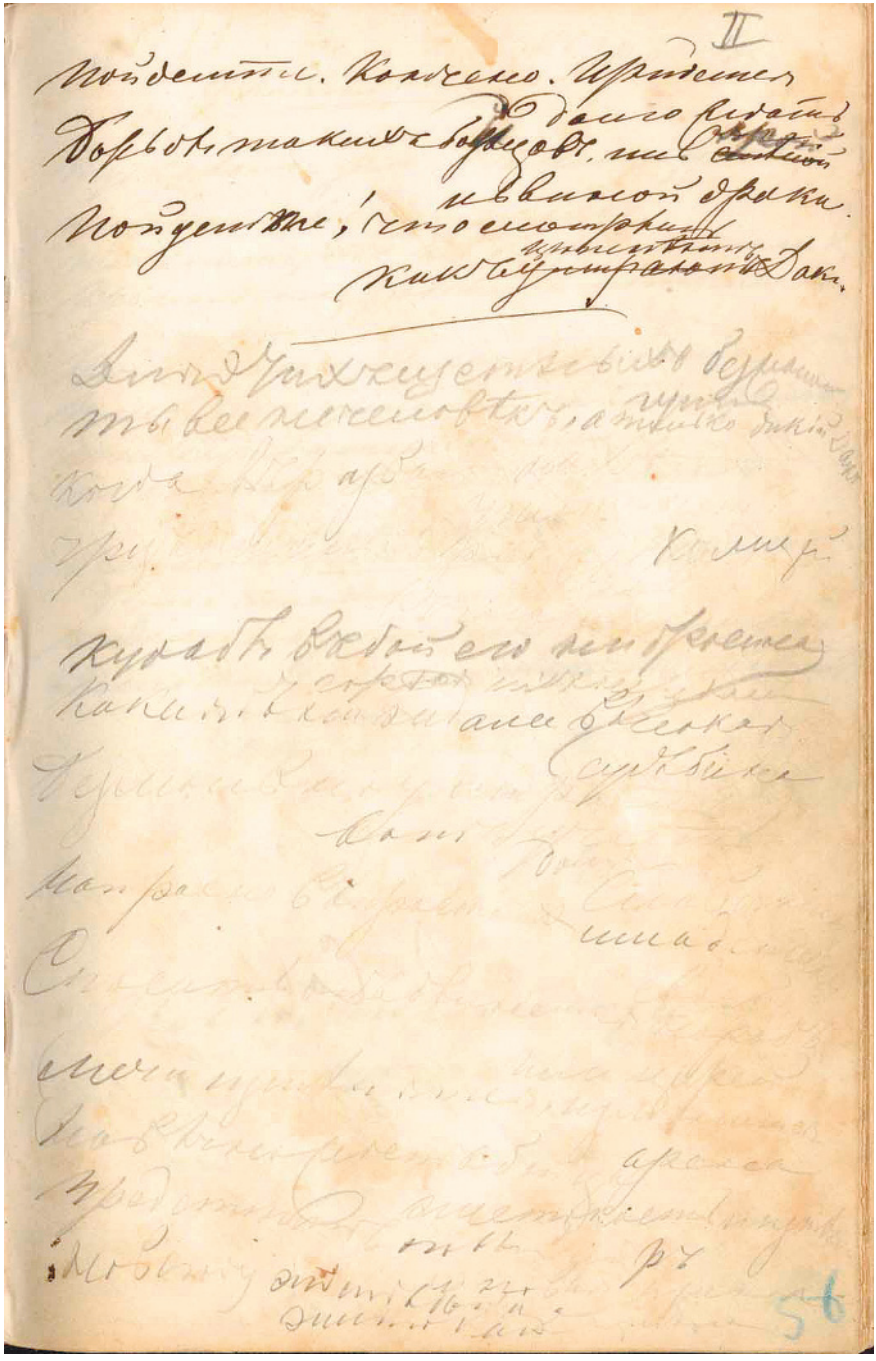


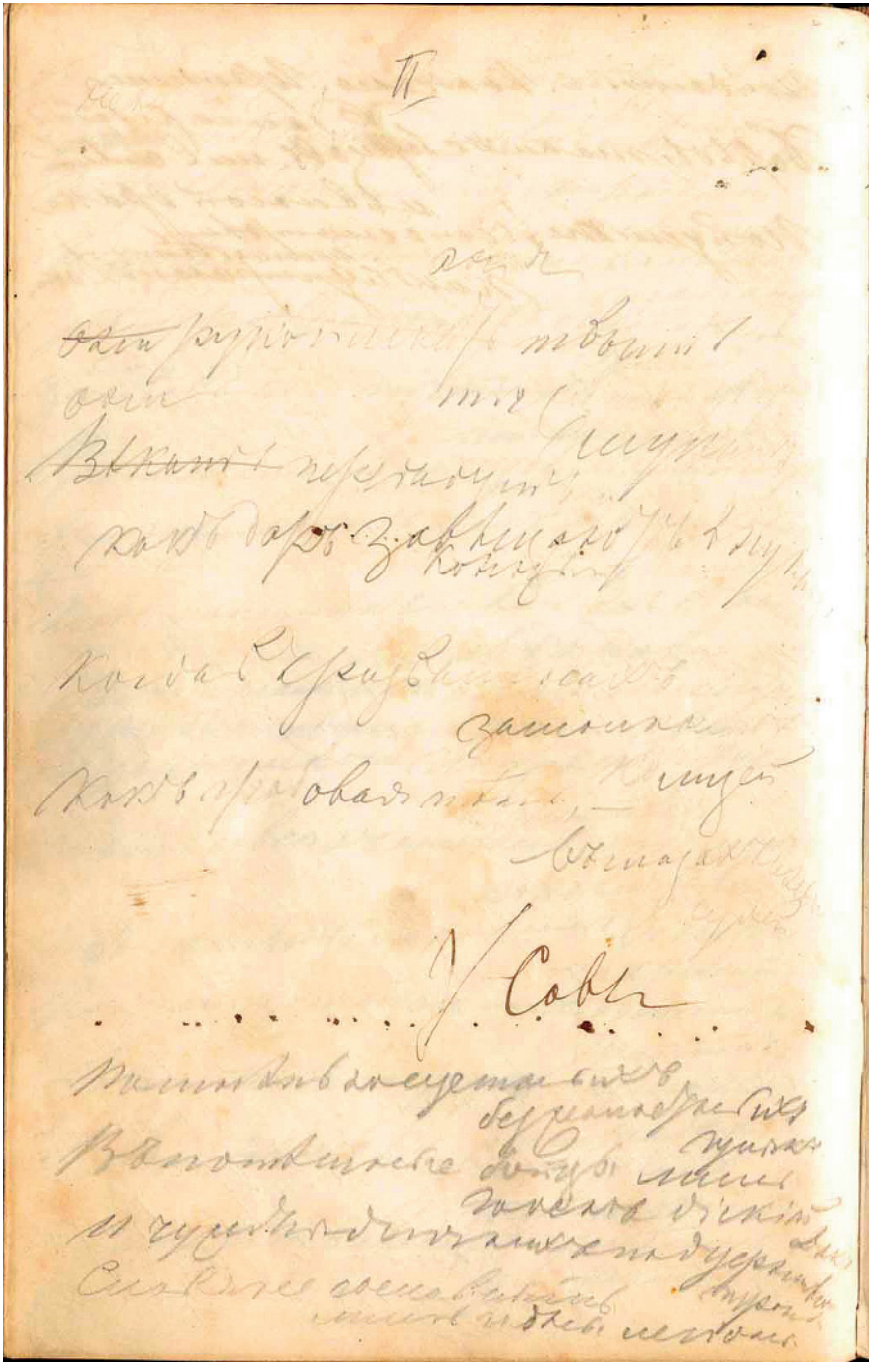
Т 1. Л. 54 об.











№ 11 VII въ 3 р. въ Сов.

Указатель

I.

Тускнѣютъ уже. Въ полумракѣ
прозрачный вьется огонекъ,
такъ плещетъ на багряномъ маякѣ
Крымомъ ладурасымъ мотылекъ

Видѣній пестрыхъ вереница
Влечетъ, усталый тѣла взглядъ
Инородованныя лица
Изъ пепла строго тѣдятъ.

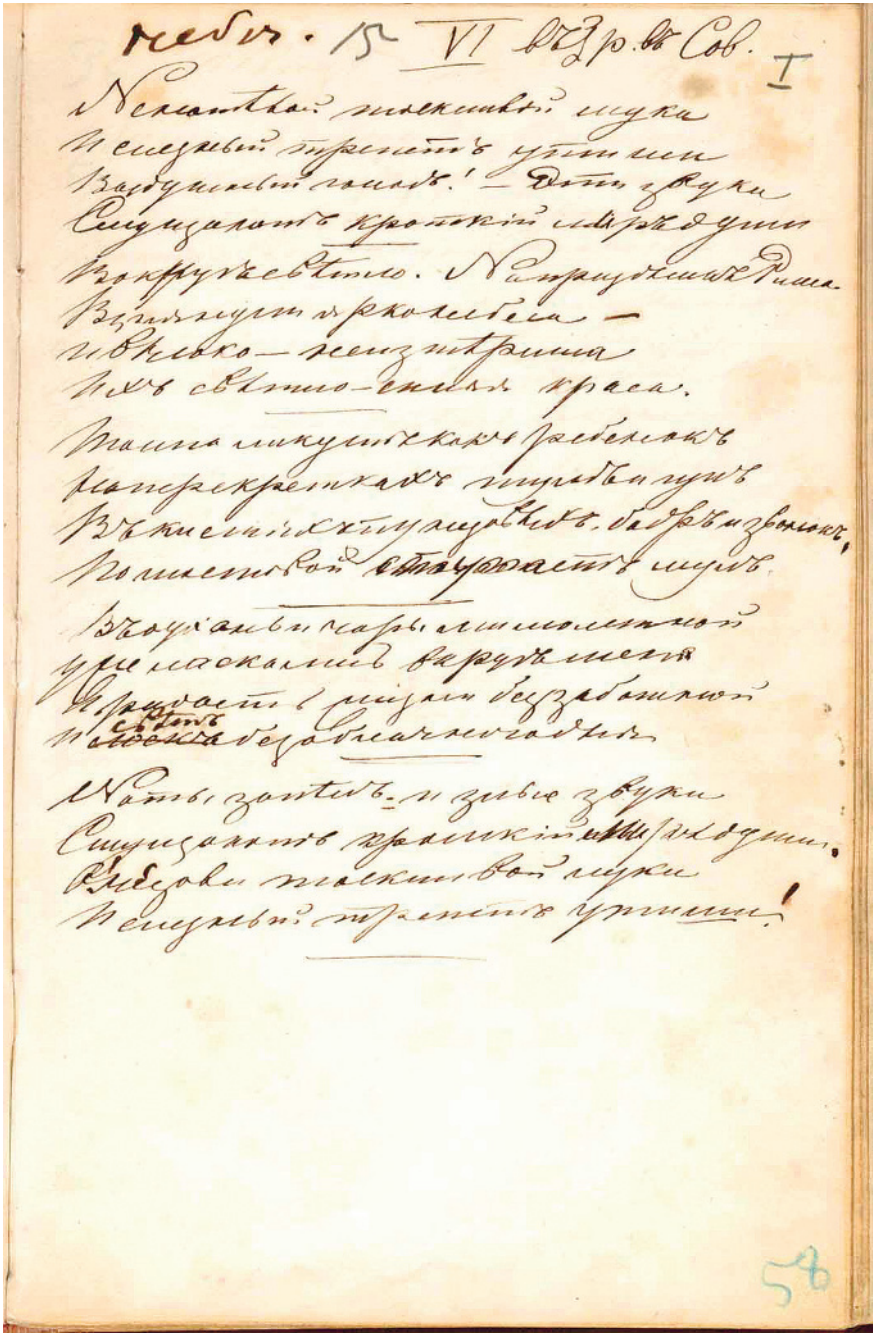
Встаетъ ласкательно уклончиво и дружно
Былое счастье и печаль
Тяжелѣй дума, что ей не нужно
~~+ Всѣхъ тѣхъ, кого такъ бы ложно~~.

~~Всего чего глубоко жаль~~

V Сов/р.

+ Всего, чего глубоко жаль.

57



Небес. 15 VI въ 3 р. въ Сов. I

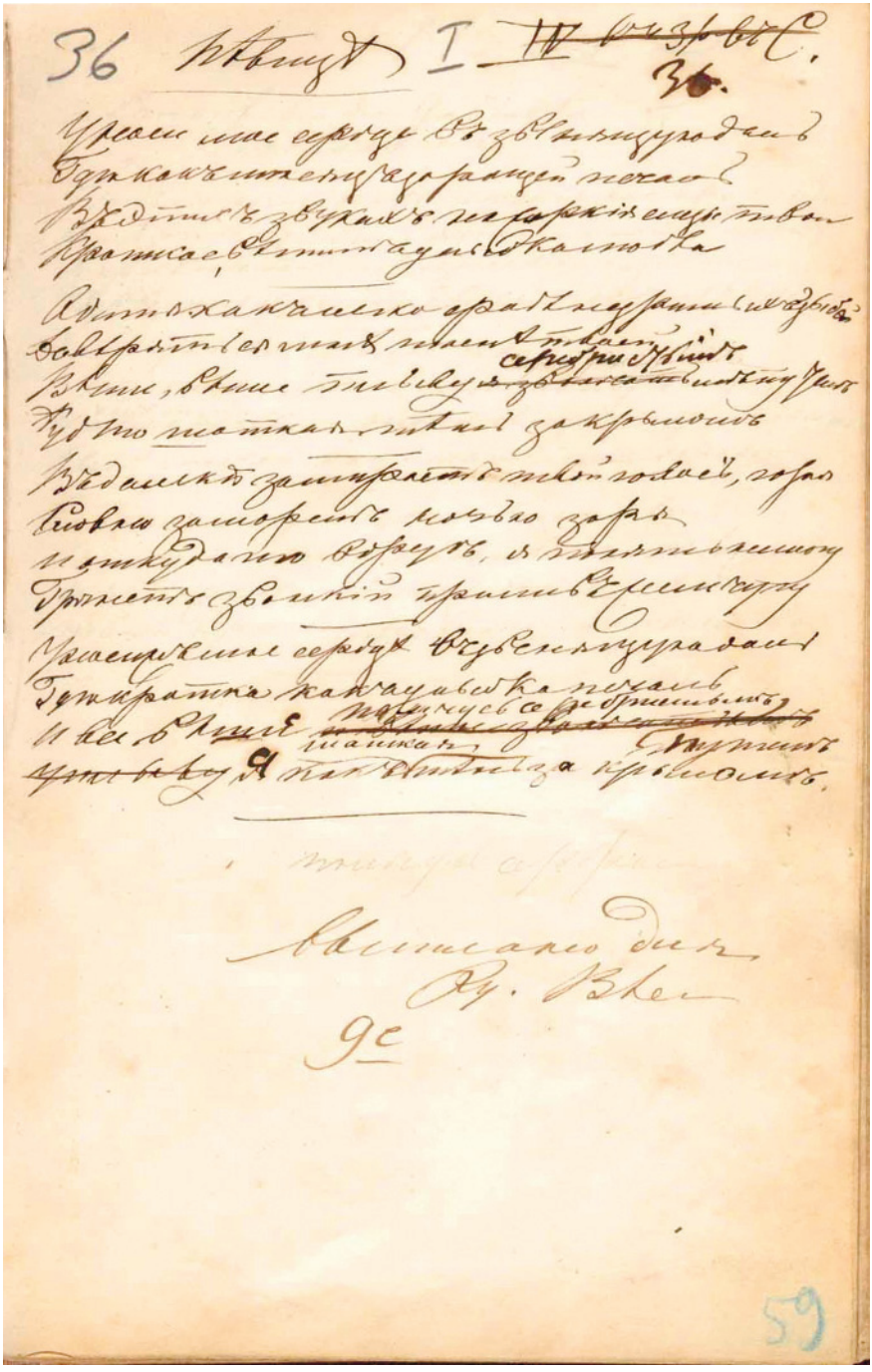
Не нашѣвой тоскливой муки
И слезный трепетъ утиши
Воздушный голодъ! — Дети звуки
Смущаютъ кроткій мѣръ души
Вокругъ свѣтло. Напраздникъ Рима
Взглянули яркое небеса —
И вѣчно — неизмѣрима
И ихъ свѣтло-синяя краса.

Толпа ликуетъ какъ ребенокъ
На перекресткахъ шумъ и гулъ
Въ кисеяхъ пунцовыхъ бодръ и звонокъ,
По мостовой стучаетъ мулъ.

Въ духанѣ чары мимолетной
Уже ласкались вкругъ меня
И радость жизни беззаботной
И ~~лоскъ~~ свѣтъ безоблачнаго дня

Ноты запѣлъ — и злые звуки
Смущаютъ кроткій мѣръ души.
О! Нѣсколько тоскливой муки
И слезный трепетъ утиши!

58



Р В. ~~8.~~ 42

Отчуждение от дня Дальнейшего
Достоевска

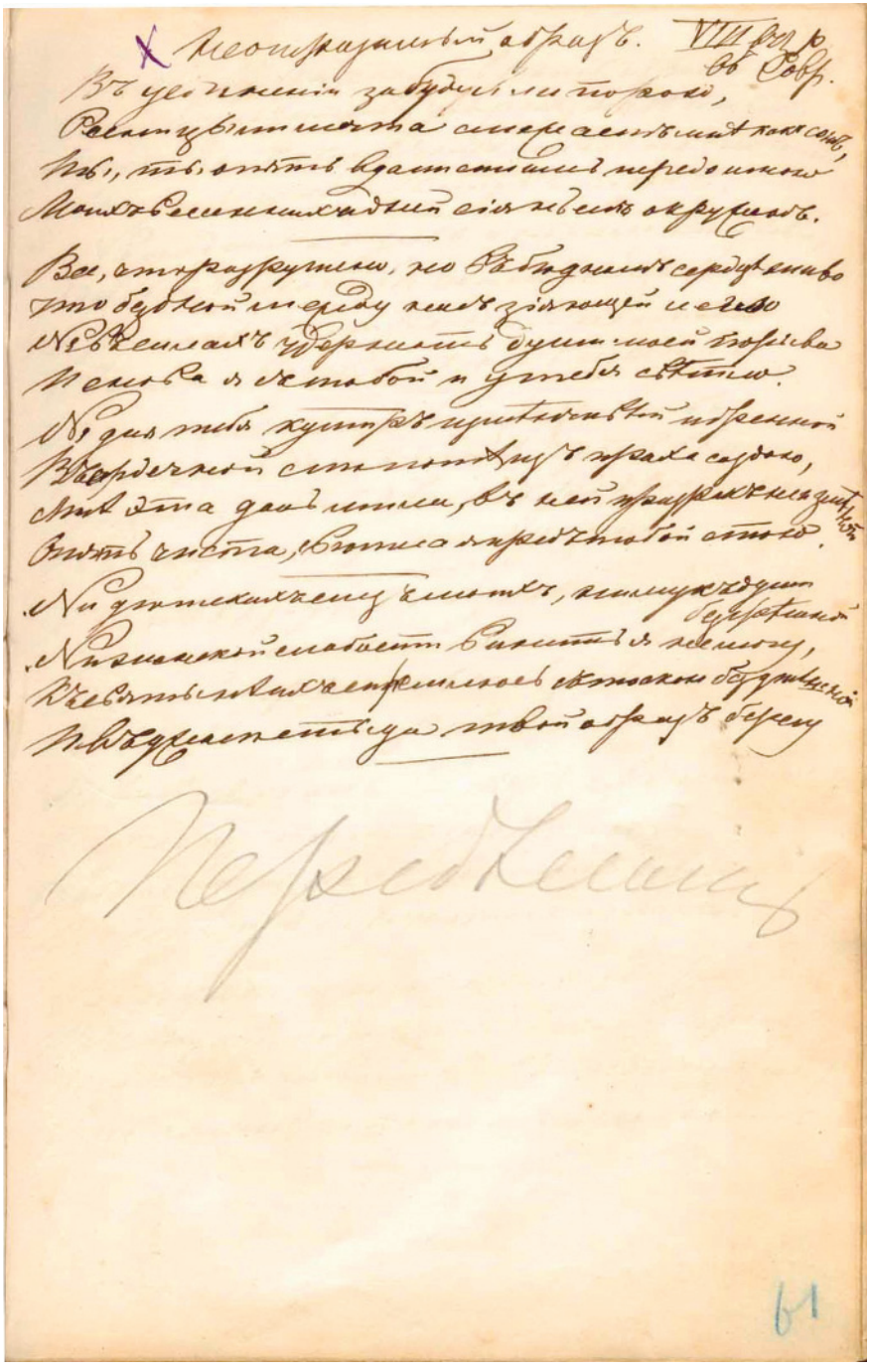
I.

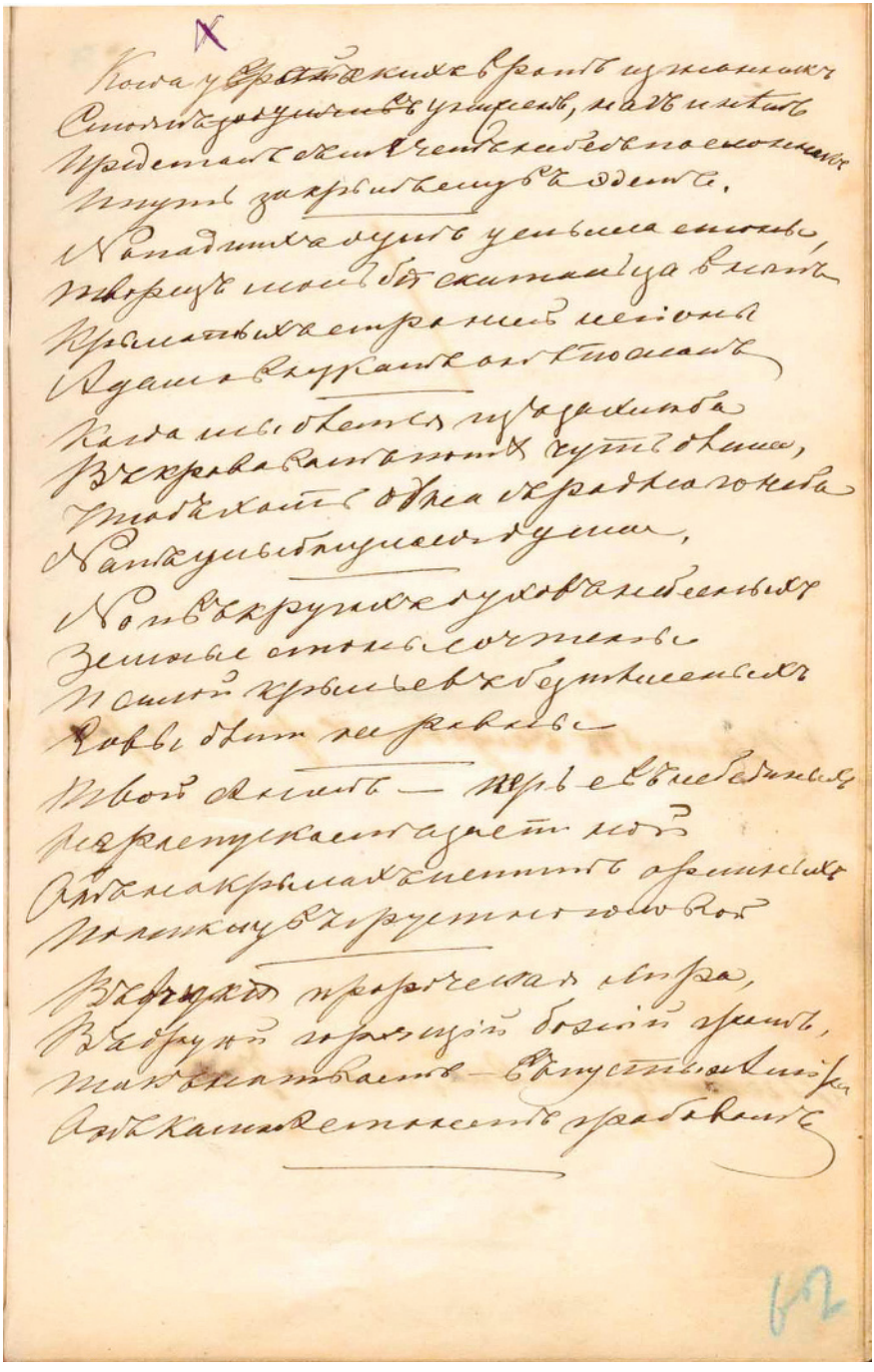
Пойми хоть разъ тоскливое признанье
Хоть разъ услышь души молящей стонъ
Я предъ тобой прекрасное созданье
Безвѣстныхъ слезъ дыханьемъ окрыленъ

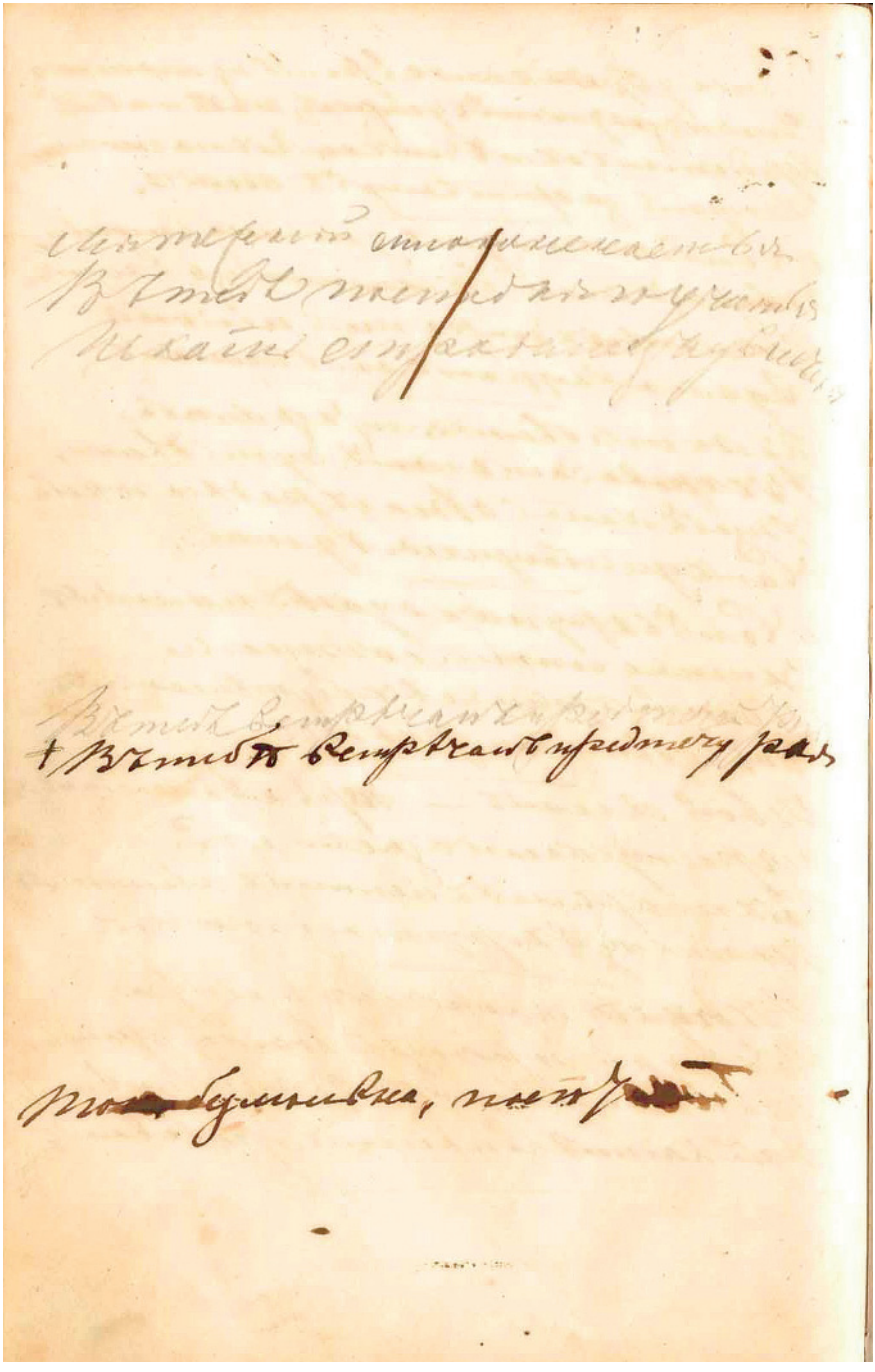
Я образъ твой ловлю предъ разлукой,
Я полонъ, гибъ и мнѣ по дрожу.
И ~~блаженъ~~ безъ тебя, — томясь предсмертной мукой
Своей тоской какъ счастьемъ дорожу

Если, вопреки упасти готовой
Ты предо мной стоишь какъ божество
И я блаженъ — я въ каждой мукѣ новой
Твоей красы, правиму торжество.

60







32. Смерть

Когда измученъ жаждой счастья
И громомъ бѣдствій оглушенъ
Со взоромъ полнымъ сладострастья
Въ стихахъ послѣднихъ участья
Искать страдалецъ обреченъ
Не вѣрь суровый Ангелъ бога
Тушить свой факелъ погоди
О какъ я все страдалъ и вынесъ много!
Постой! безумная тревога
Утихнетъ въ измученной груди.

Придетъ пора, пора иная:
Блеснетъ зари благодать
И будетъ свѣтелъ, кто узнавалъ
+ ~~[illegible]~~ [illegible]
Передъ тобою трепетать.

Но кто не молитъ и не проситъ,
Кому страданье не дано,
Кто ризы злобы не носитъ,
Тотъ юноша, созрѣвая, носитъ
Твое могучее зерно

Кто дышитъ въ праведной природѣ
+ ~~Твоей [illegible]~~ строгимъ [illegible]
Ко всѣмъ спокойнымъ презрѣньемъ
Ему предстанетъ злымъ видѣньемъ
И тихо ~~надъ водой~~ вошедъ отпустить.

63

44 I

Выше безмолвной мгроны
Пусть шумному веселью
Мечты порой уноситься
Воспоминанья
Вытвою отшедшую минувшего.
~~Волны сердечной~~ прости
~~Вдохновенье~~
~~И вспыхнувшая~~ душевной сны
Отнять не смертным
Мимо нас
Свети! и вечно
~~Блаженства~~ лучи тебя отметят
~~Такъ полуночная звезда~~
~~Незамѣченная свѣтитъ.~~

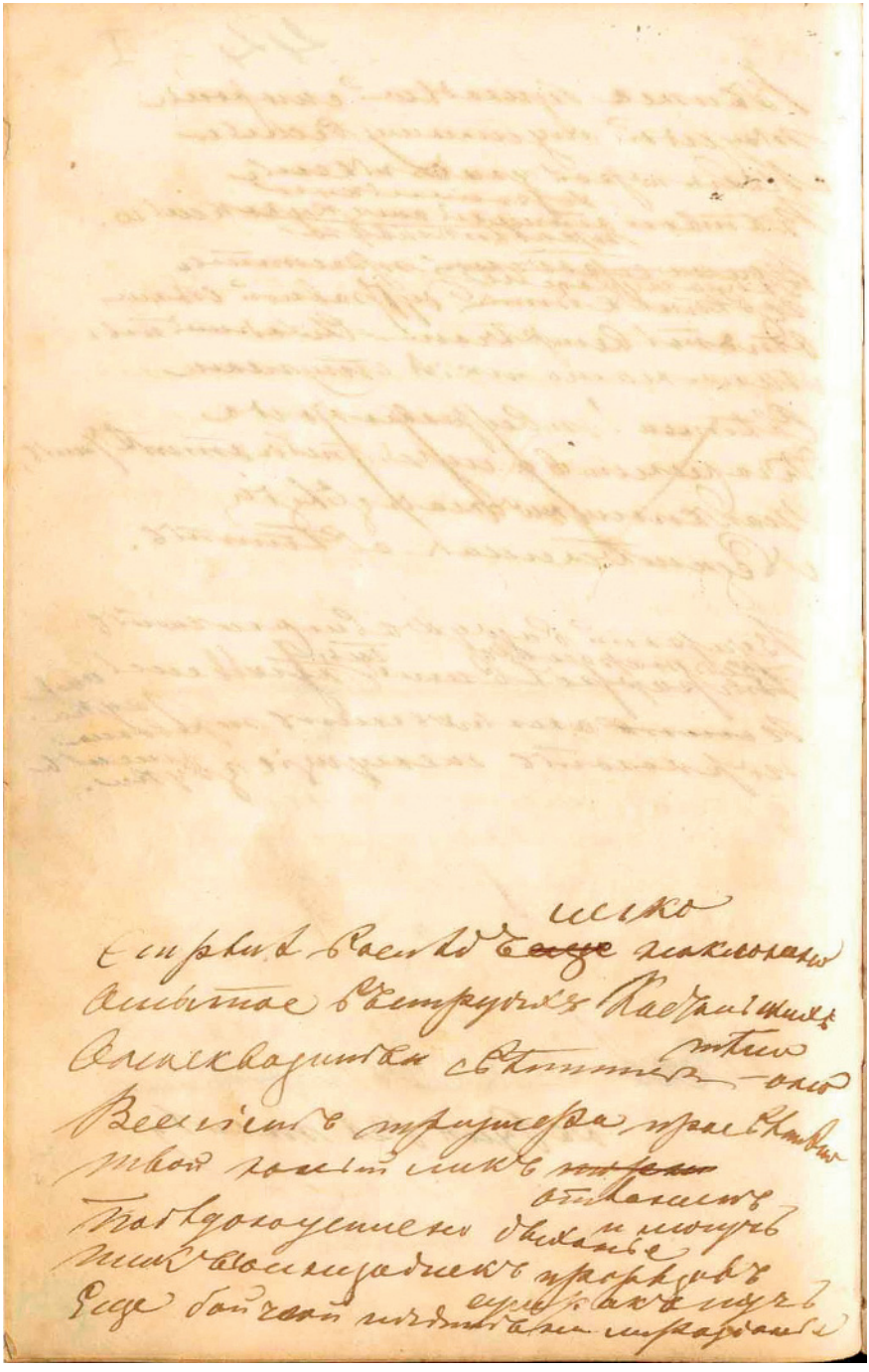
Вечерний воздухъ
~~Пѣ~~ прохладенъ
~~Пѣ~~ прорвется
~~И~~ ~~мнѣ~~ анныхъ
Порхаютъ гаснущіе звуки.

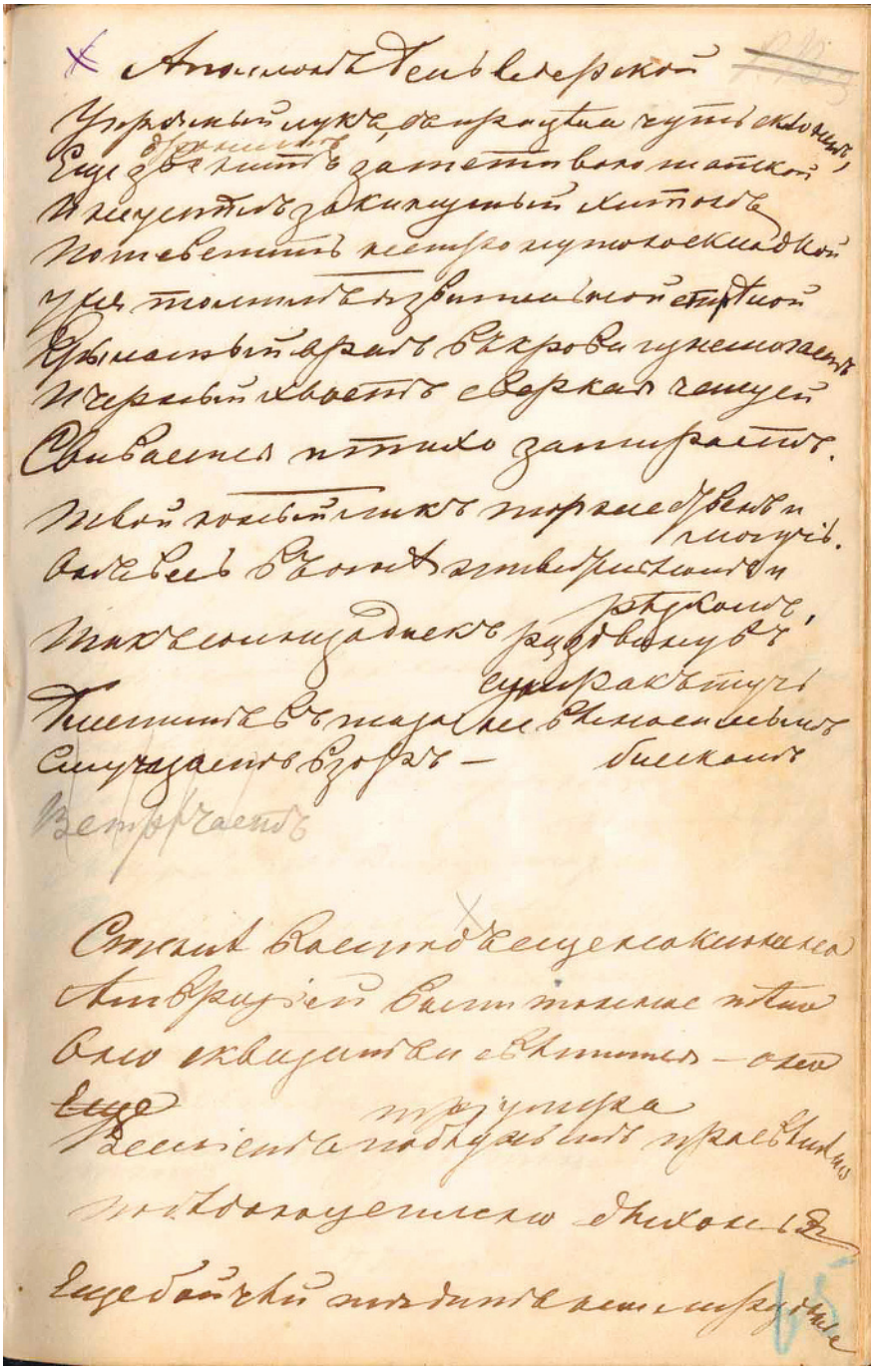
Мотыка

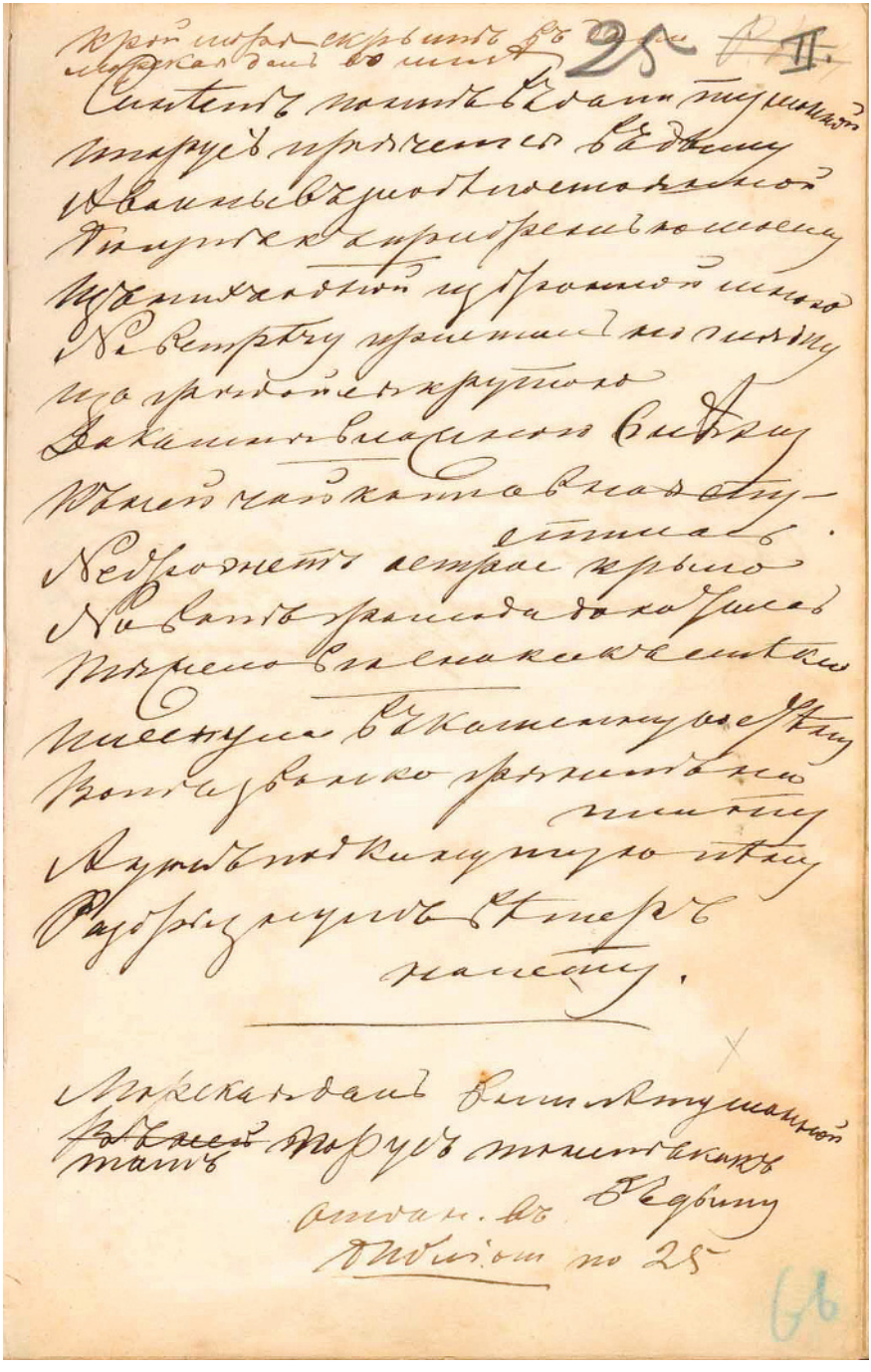
въ Русск. Вѣст. посвящ

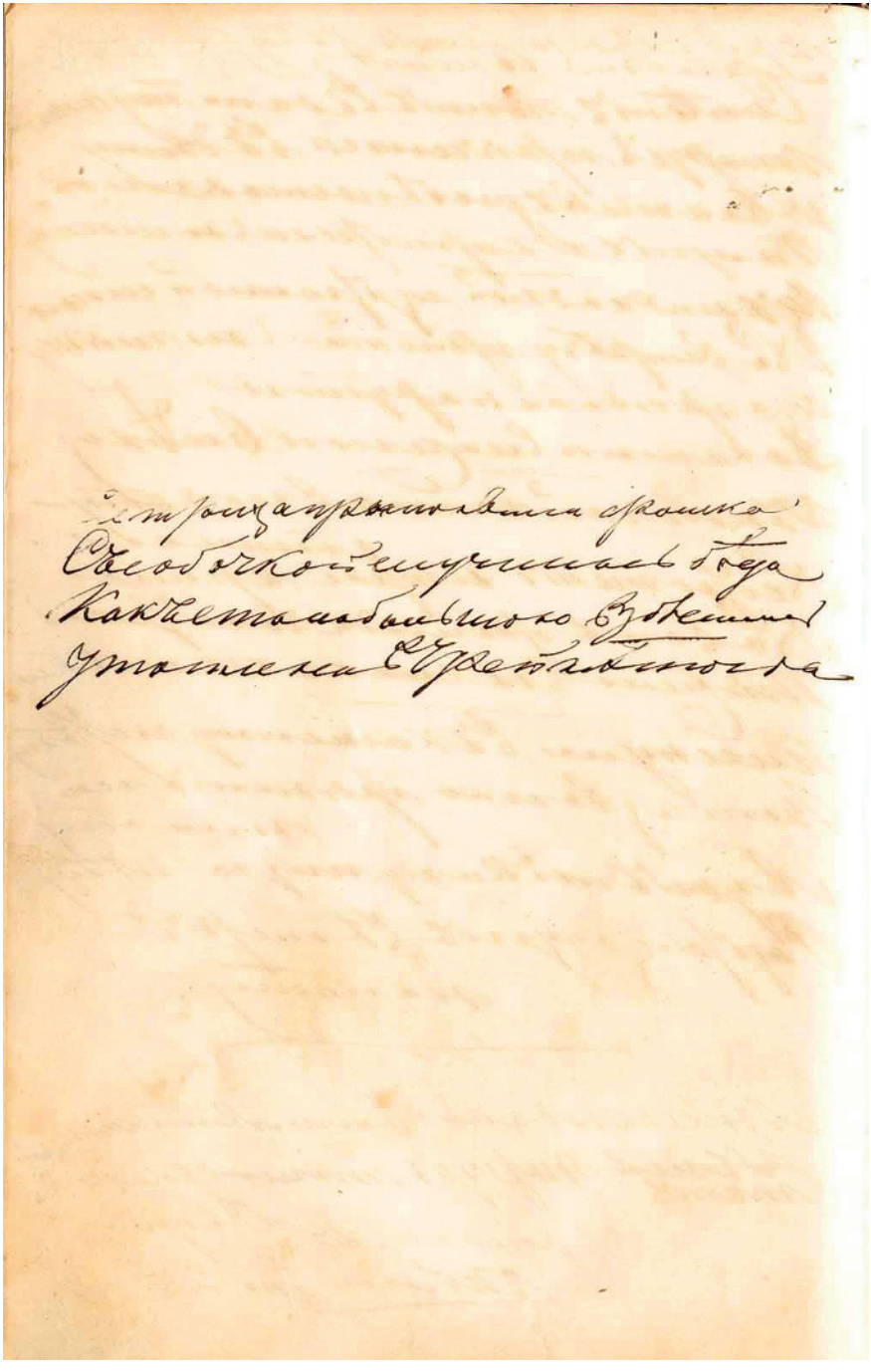
64

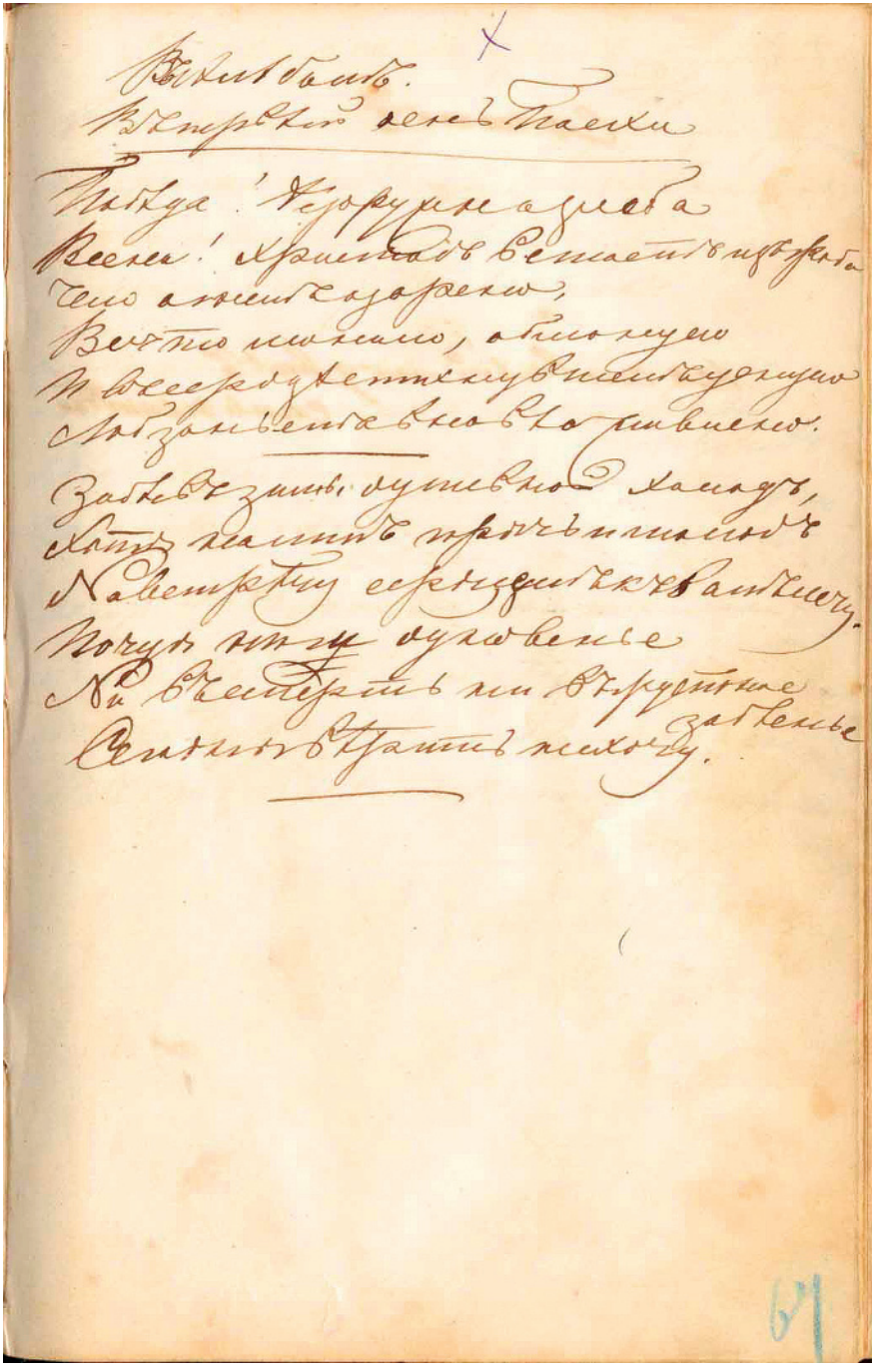
Т 1. Л. 64 об.

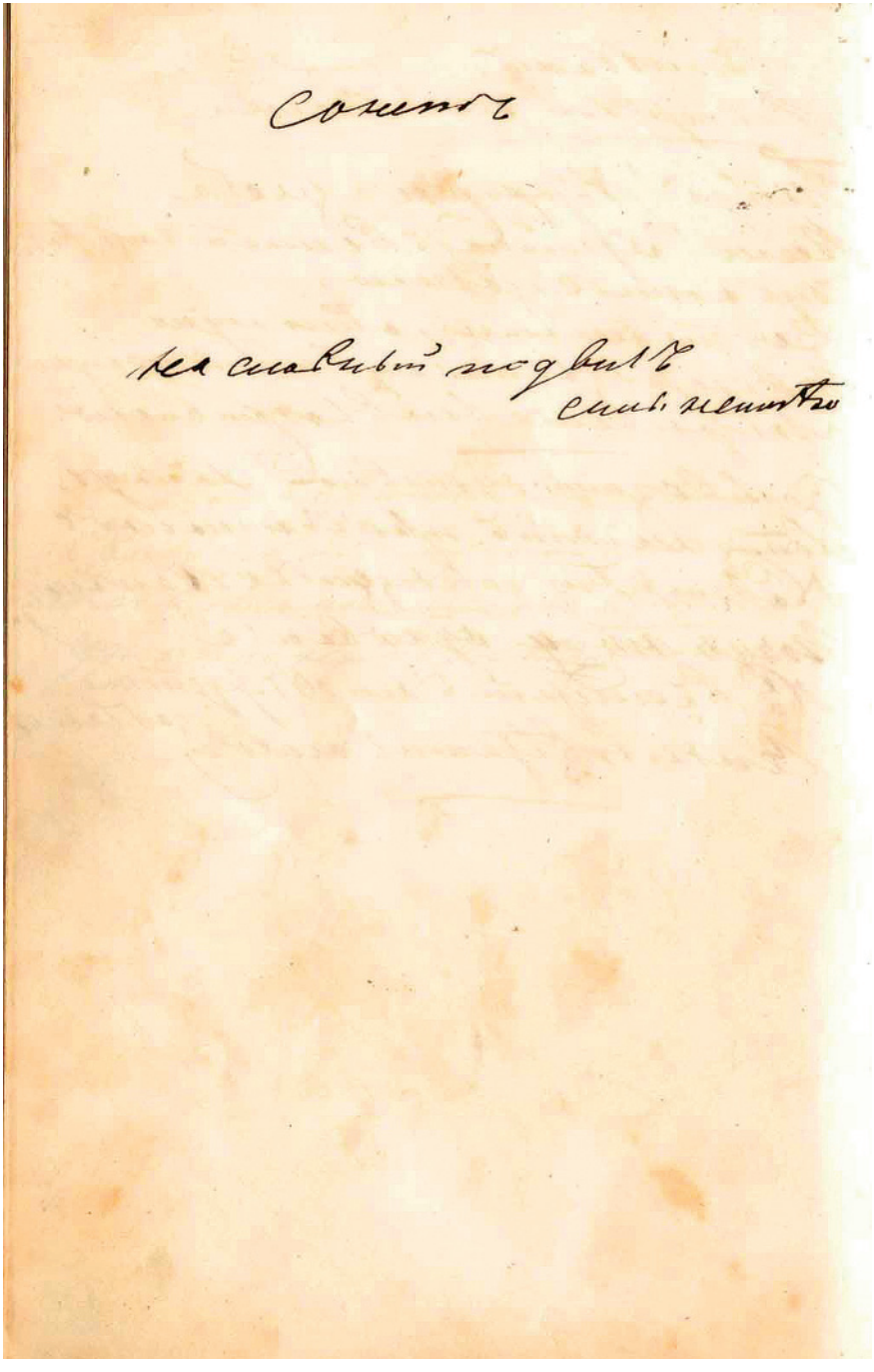


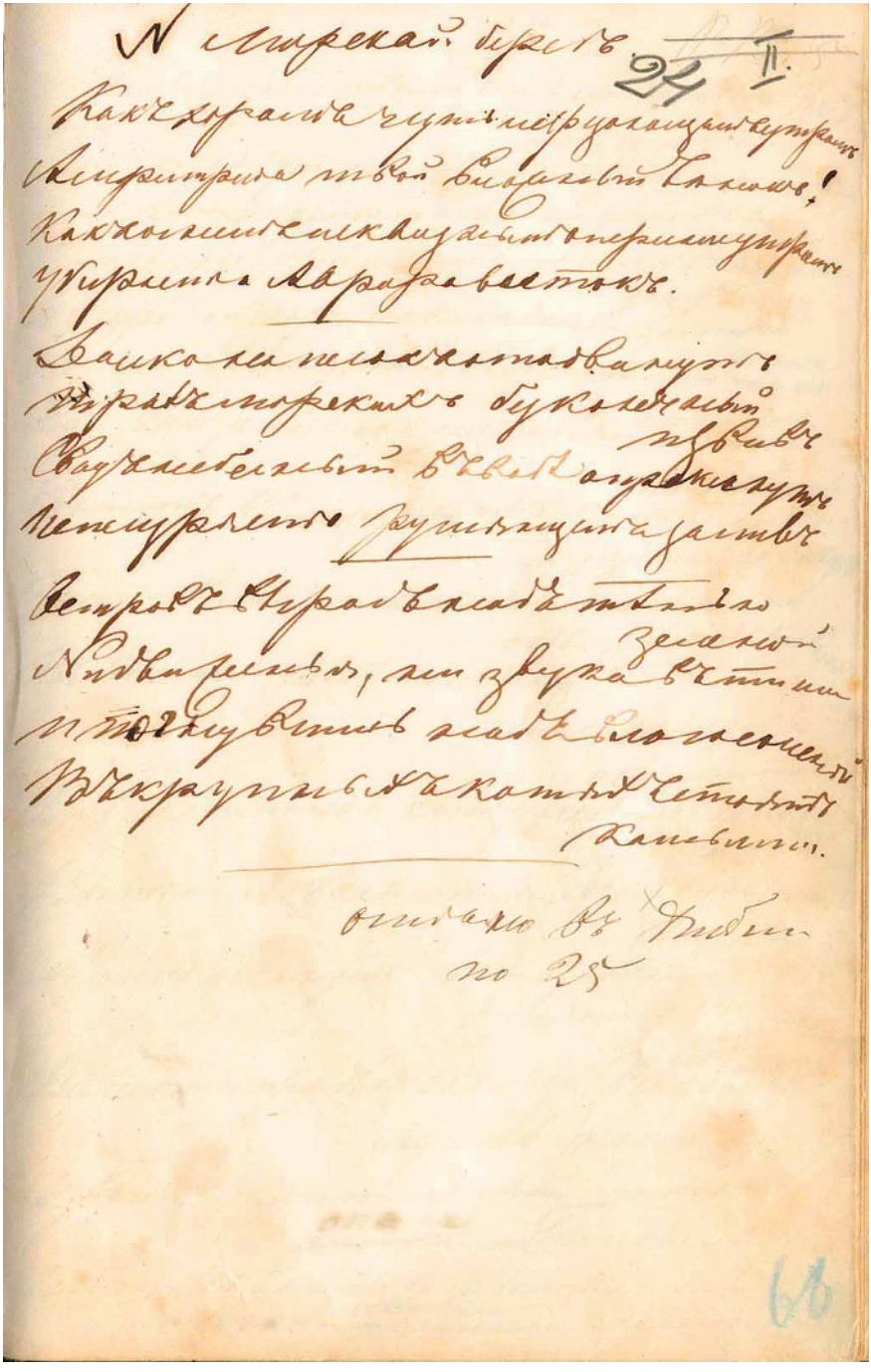


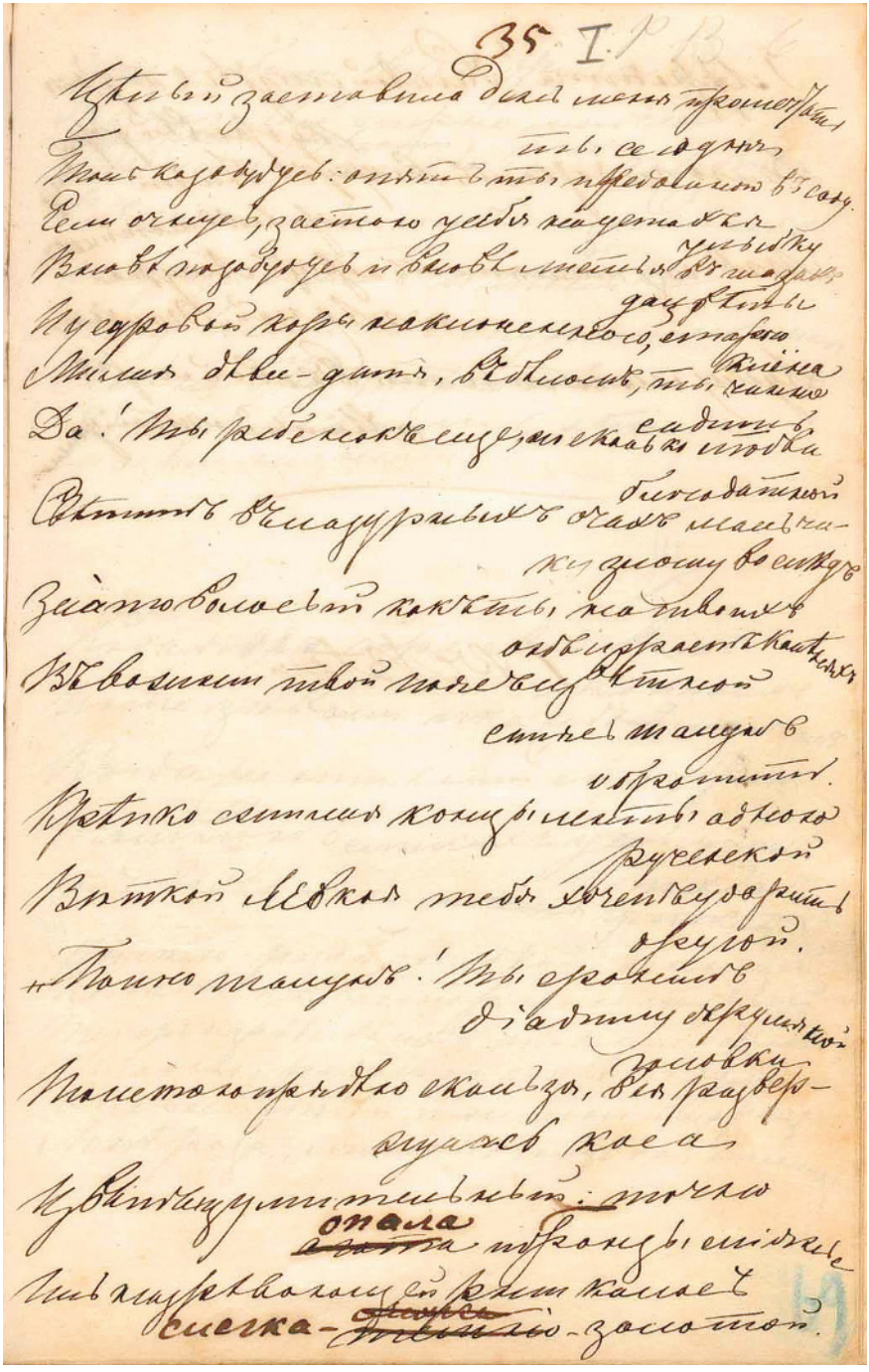


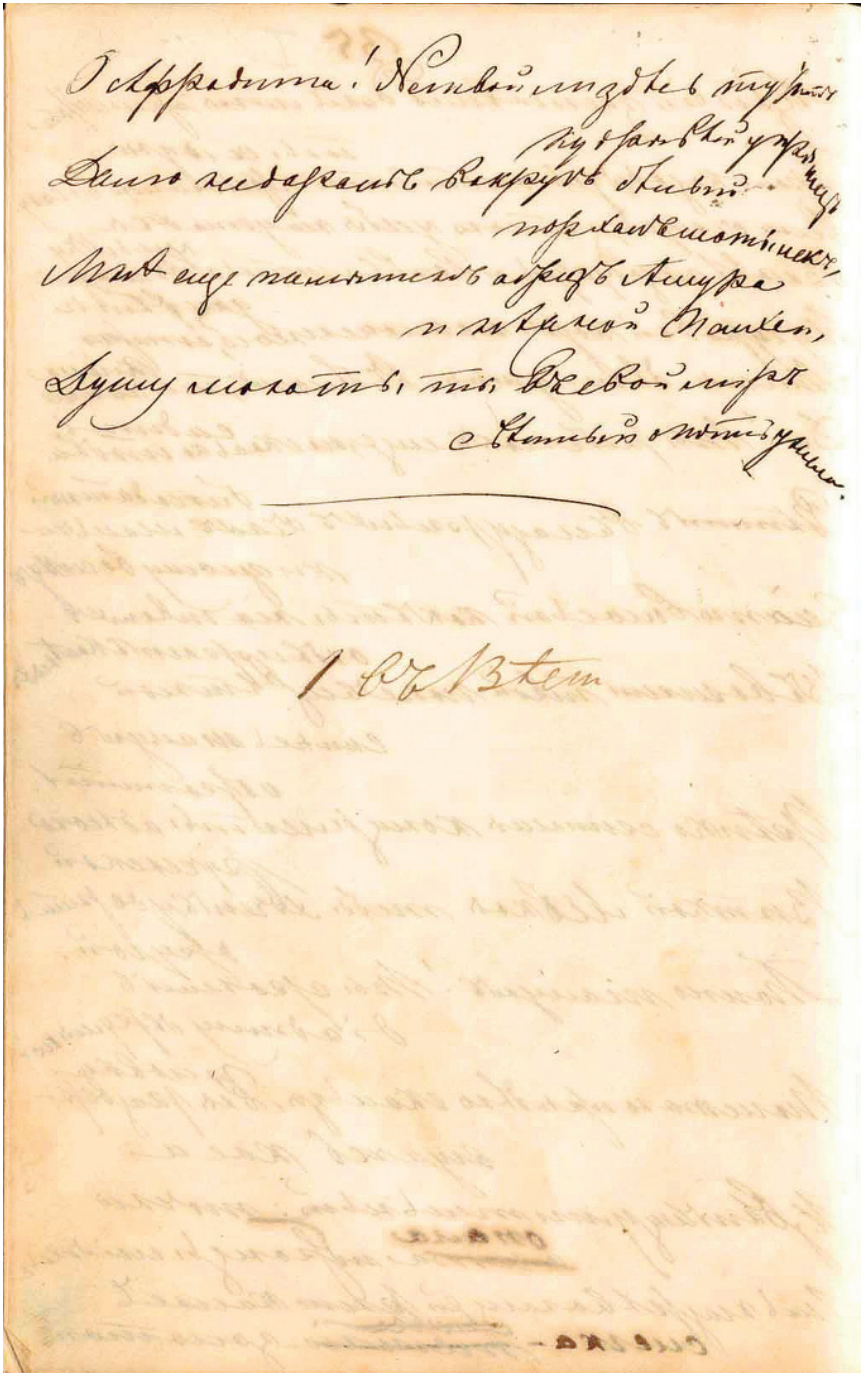


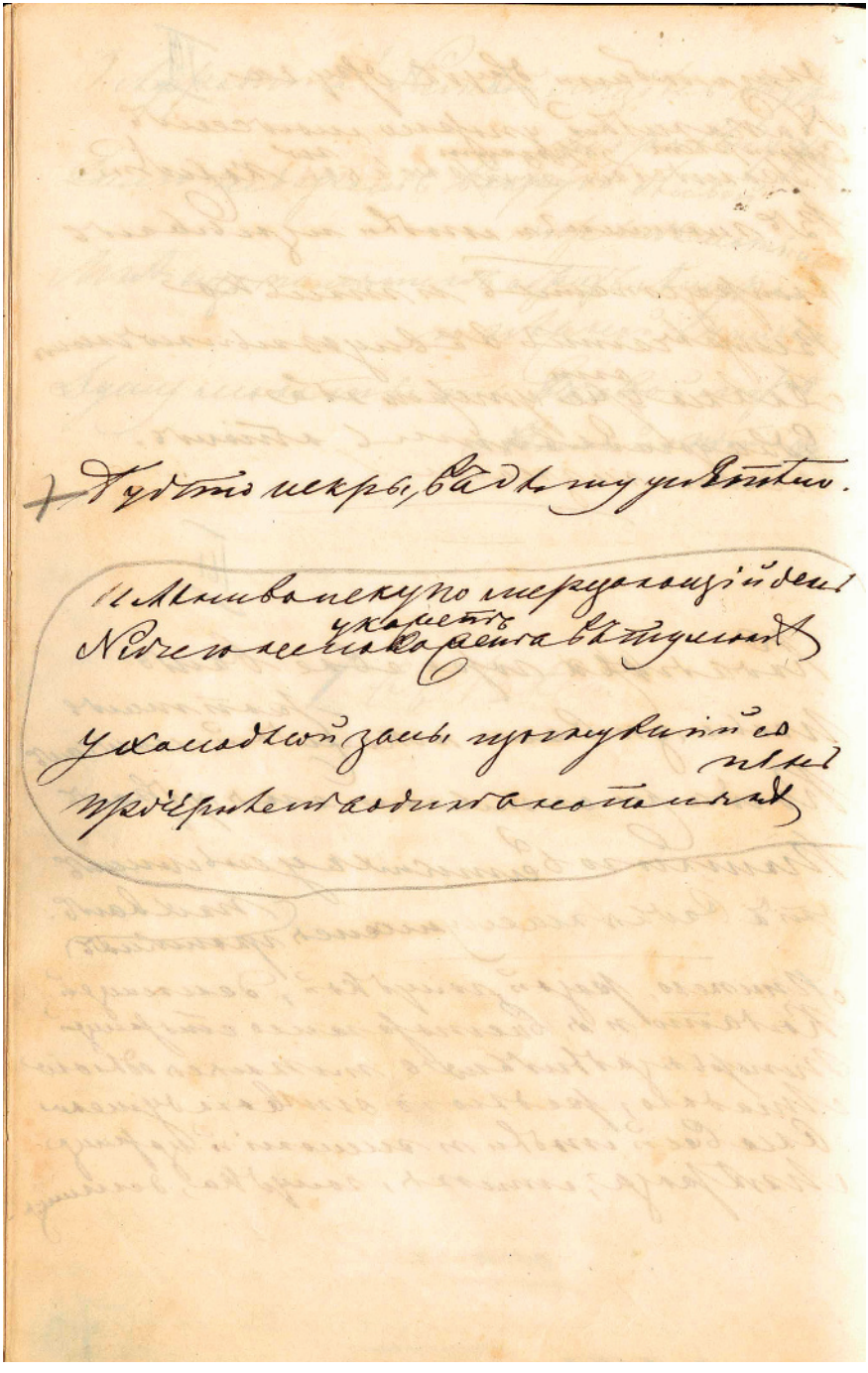


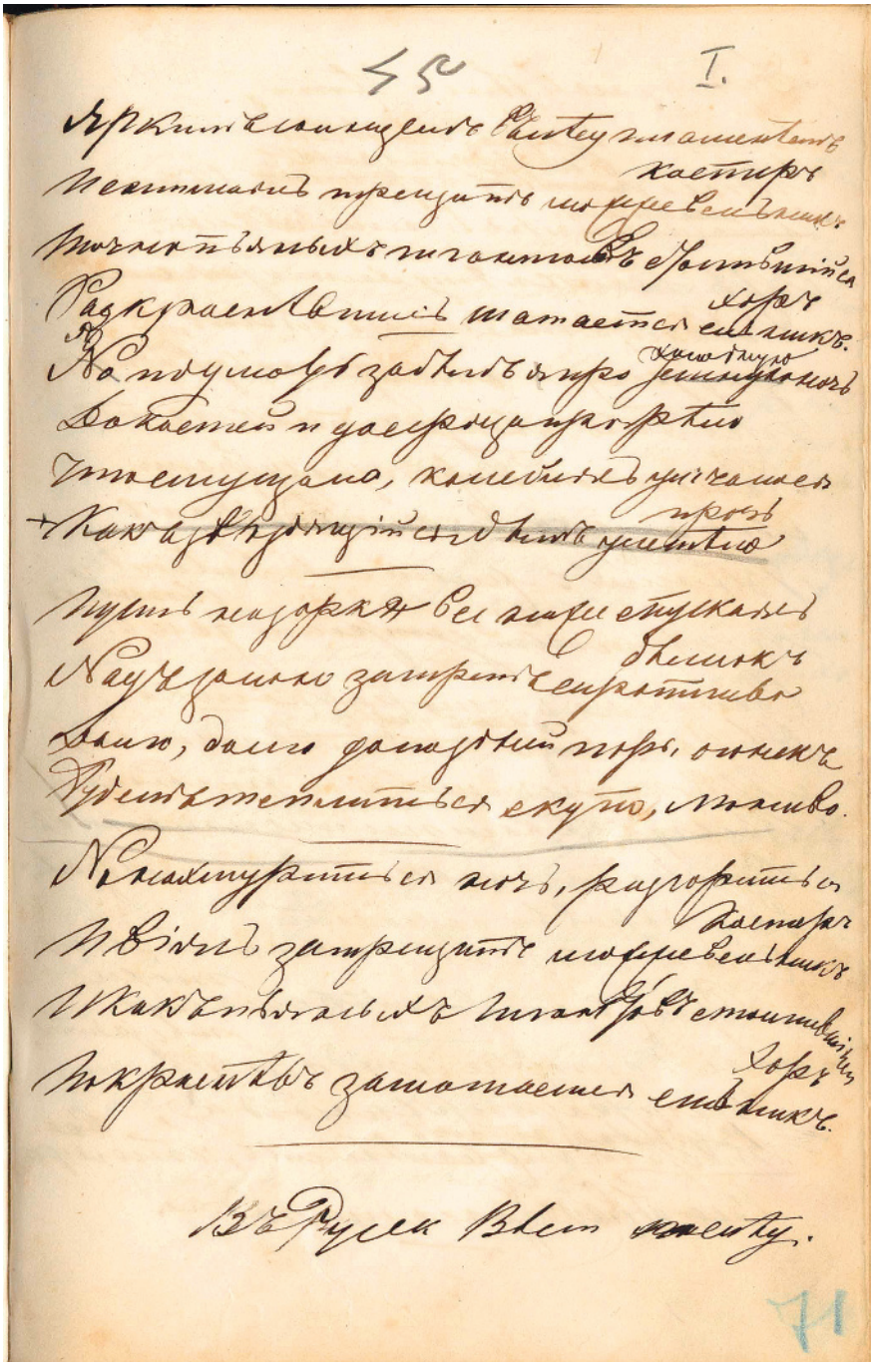






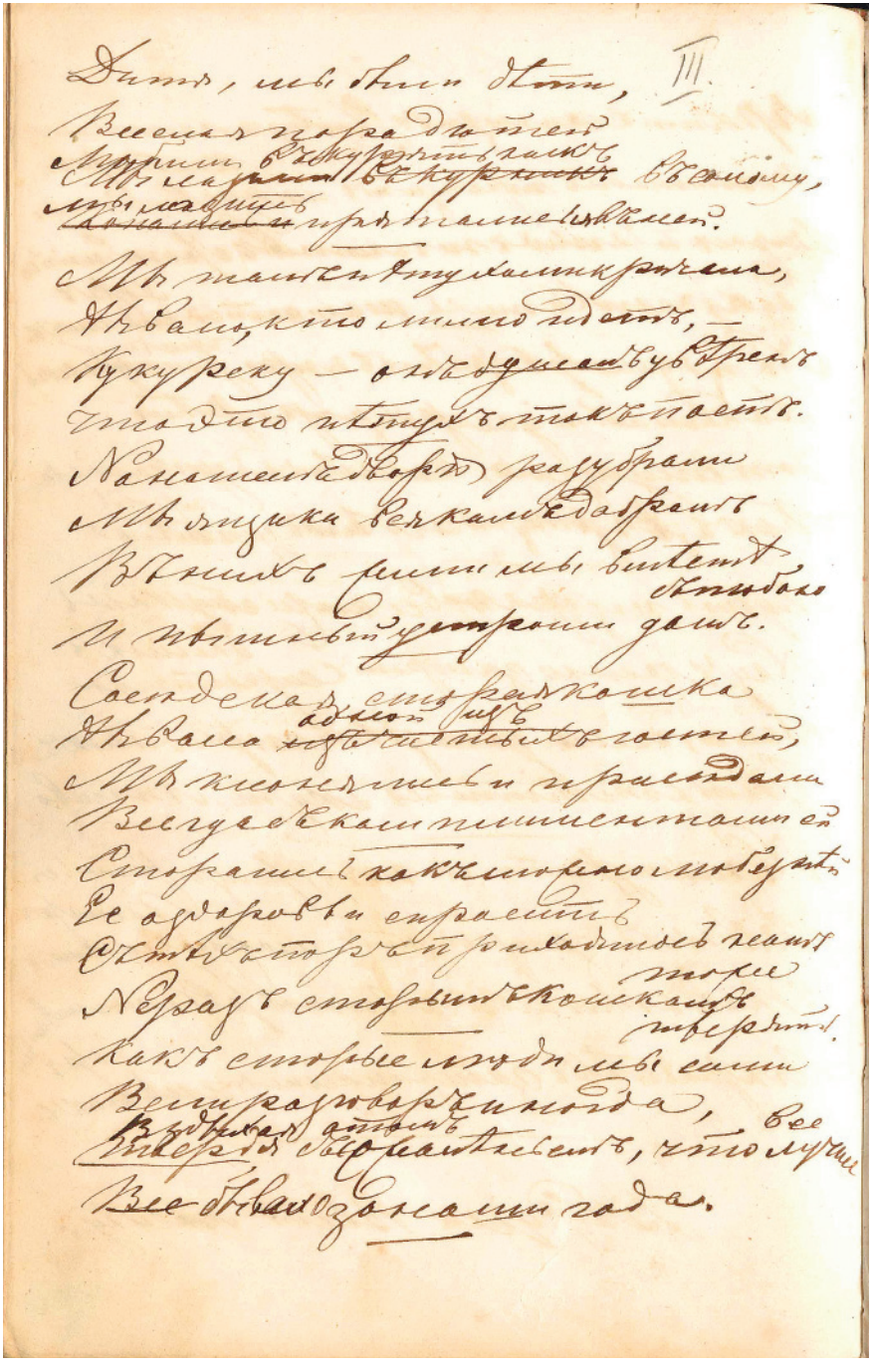






Т 1. Л. 71 об.

III



Дитя, мы были дѣти,
Веселая пора дѣтей
Мы лазили въ курятникъ въ самому,
Мы лазили прятались въ ней.

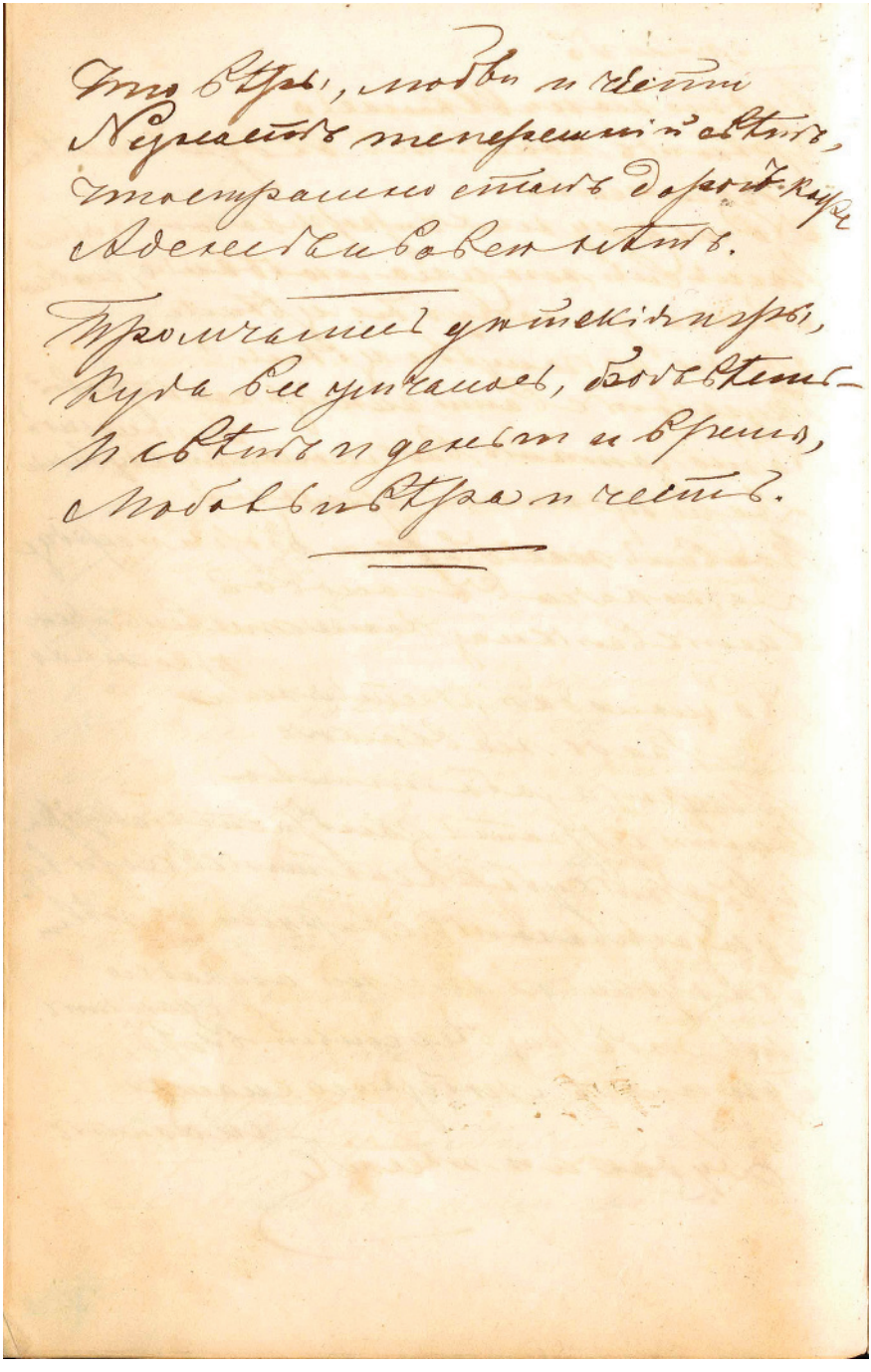
Мы тамъ пѣтухъ мы кричали,
Дѣвалъ, кто мимо идетъ, —
Кукуреку — онъ думалъ увѣренъ
Что это пѣтухъ такъ поетъ.
Наношенъ дворъ разубрали
Мы ящики всякимъ добромъ
Въ нихъ жили мы вмѣстѣ съ любою
И пышный устроили домъ.

Сосѣдская старая кошка
Дѣвала одной изъ гостей,
Мы клонялись и присѣдали
Всегда съ комплиментами ей
Старались какъ можно любезнѣй
Ее оздоровь и спросить
Съ тѣхъ поръ приходилось нашъ тоже
Не разъ старыхъ кошкамъ тверять.
Какъ старые люди мы сами
Вели разговоръ иногда,
Вздыхая о томъ
Твердя съ сожалѣньемъ, что все лучше
Все бывало за наши года.

Эпилогъ.

III

Будто нонивѣ колосья
Зрѣютъ колеблясь въ дуда человѣка
Помыслы
Но между нихъ прорываются ярко
Помыслы нагорно-любовные, словно
Аные да голубые цвѣты.
Аные да голубые цвѣты!
Другаютъ вами жинецы какъ травой
Нагло затаютъ вадъ молотятъ безполезной дубины.
Даже будомный прахорій
Воовалъ насѣдитъ и взоры и сердце
Да покачавъ головой
Даетъ вамъ наз воніе тревогъ прекрасныхъ.
Но молодая крестьянка
Вадъ навѣнокъ
Ищетъ заботливо
Вами убрать заобрѣть скудра
Въ хрустъ убор пѣшитъ въ хороводъ
Гдѣ зазываютъ свирѣли да пѣсни
Гдѣ дудки да пѣсни отрадно
Ихъ подъ развѣсистый вязъ, молитъ.
Гдѣ голосъ любезного спаще
Дудокъ и пѣсенъ молитъ.



37.

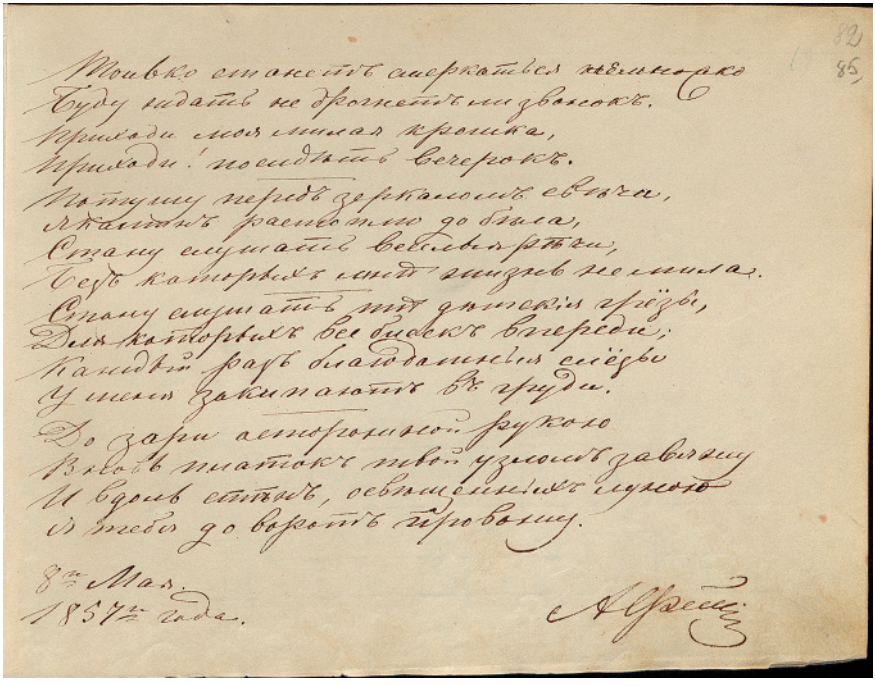
Еще мой скаяночь. I.

Какая ночь! Не вашъ какая нѣга
Благодарно родной, полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства
Какъ твой идетъ и свѣжъ и ясенъ Май
Какая ночь! Всѣ здѣсь до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь
И въ воздухѣ замѣнено соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Дерзь, жаль. Ихъ мнѣ пошу про-
зрачной
За стѣнчиво монастыми взоръ
Въ Адрокатъ. Такъ дѣвы новодрачной
Прадостенъ и чуждый уборъ.

Нѣтъ! никогда нѣжной и безтѣлесной
Твой зовъ ночь! Не любимъ томить
Опять къ тебѣ изъ бѣневольной
Невольной и послѣдней тѣсней можетъ
быть.

Р В 2



Только станетъ смеркаться немножко
Буду ждать не дрогнетъ ли звонокъ.
Приходи моя милая крошка,
Приходи! посидѣть вечерокъ.

Потушу передъ зеркаломъ свѣча,
Я калинъ растоплю до бѣла,
Стану слушать веселыя рѣчи,
Безъ которыхъ мнѣ жизнь не мила.

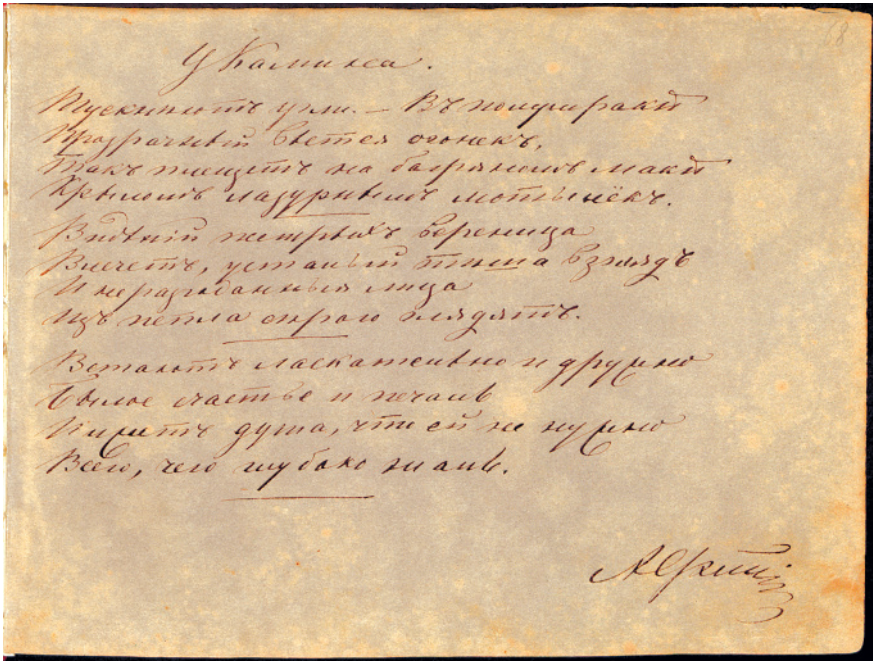
Стану слушать тѣ дѣтскія грёзы,
Для которыхъ все блескъ впереди;
Каждый разъ благодатныя слёзы
У меня закипаютъ въ груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И вдоль стѣнъ, освѣщенныхъ луною
Я тебя до воротъ провожу.

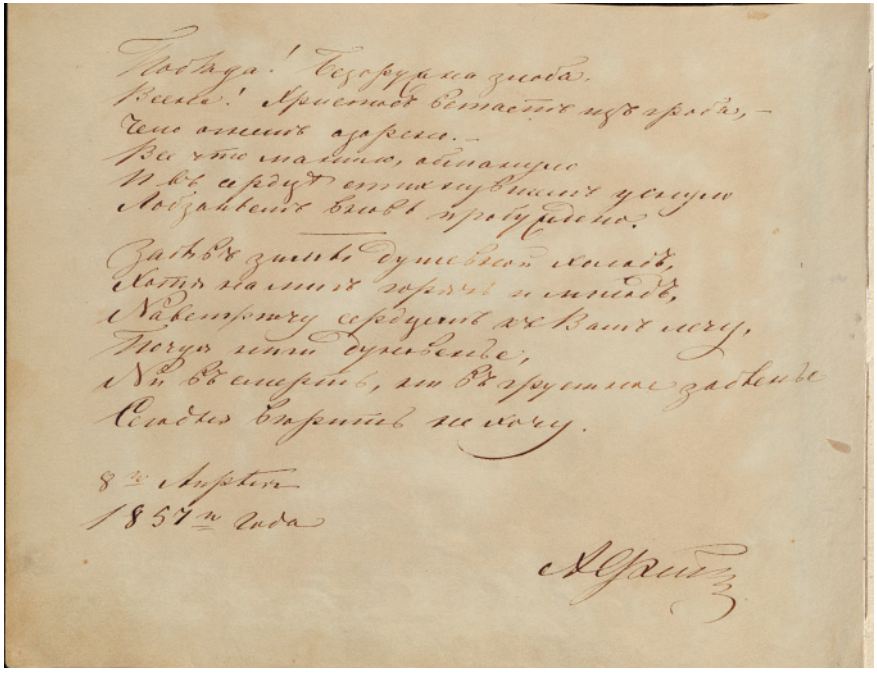
8го Мая.
1857го года.

А. Фетъ

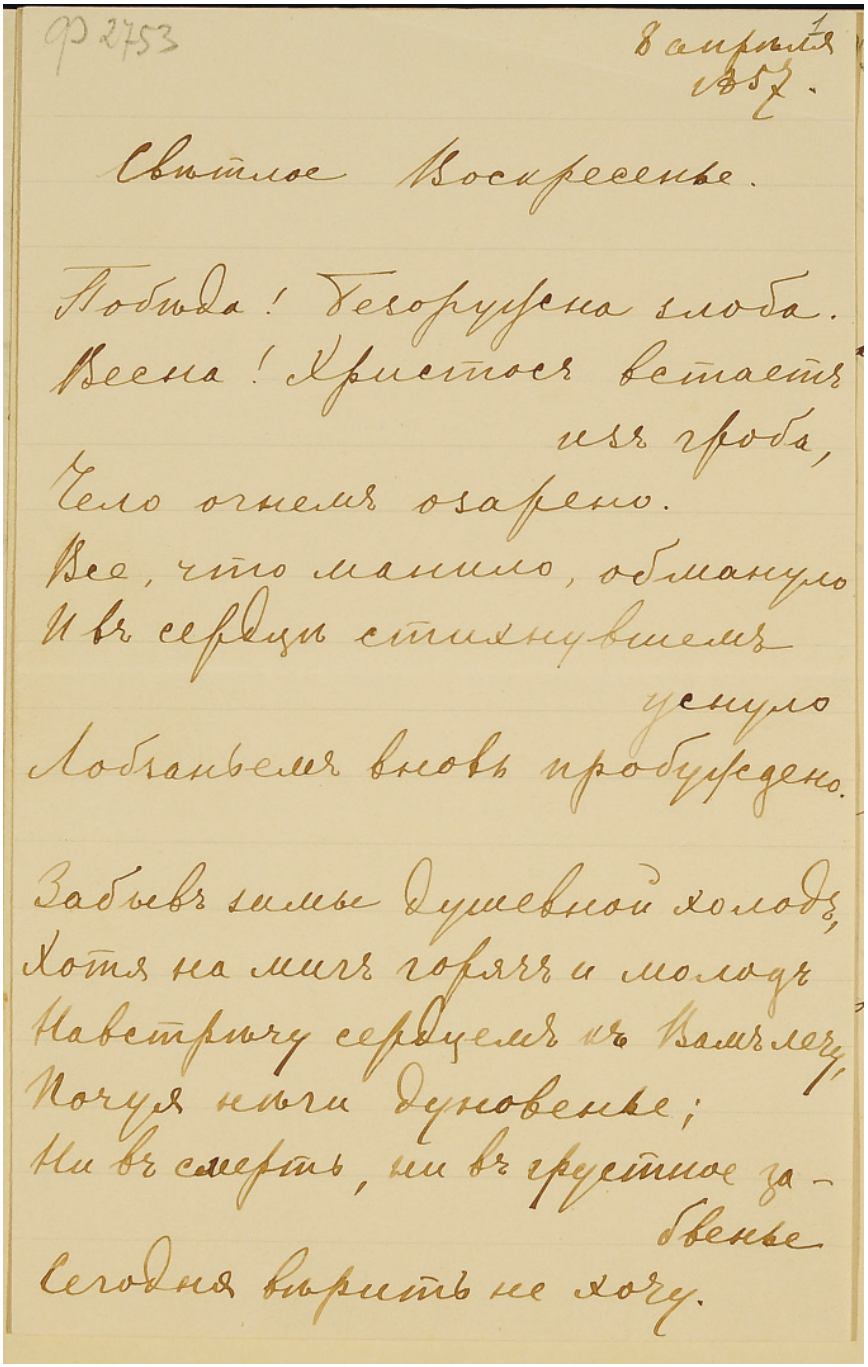
Стихотворение Фета «Только станет смеркаться немножко...».
8 мая 1857 г.
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной)



Стихотворение Фета «У камина»
(«Тускнеют угли. — В полумраке...»).
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной)



Стихотворение Фета «Победа! Безоружна злоба...».
8 апреля 1857 г.
Из альбома М. П. Боткиной (Шеншиной)


ф 2753

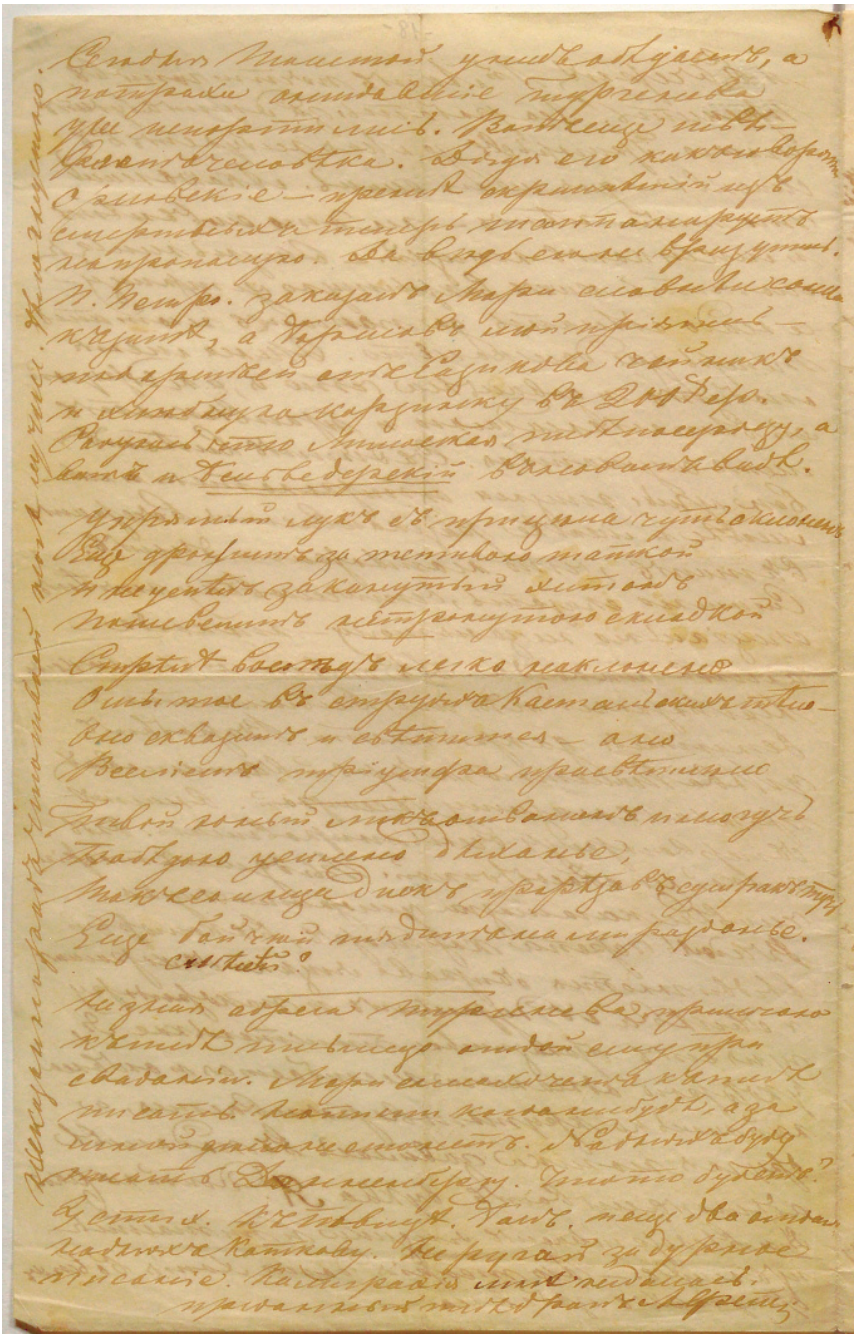
8 апреля
1893.

Святое Воскресенье.

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встаетъ
изъ гроба,
Тепло огнемъ озарено.
Все, что манило, обмануло
И въ сердцѣ стихнувшемъ
уснуло
Любовью вновь пробуждено.

Забывъ зимы душевной холодъ,
Хотя на мигъ горячъ и молодъ
Навстрѣчу сердцемъ къ Вамъ лечу,
Почуя нѣги дуновенье;
Ни въ смерть, ни въ грустное за-
бвенье
Сегодня вѣрить не хочу.

Стихотворение Фета «Победа! Безоружна злоба...».
Список рукой Е. В. Федоровой. 1893 г.



Стихотворение Фета «Аполлон Бельведерский»
(«Упрямый лук с прицела чуть склонен...»). 2-я поздняя редакция.
Из письма к В. П. Боткину от 21 октября 1857 г.

Но вот громада докатилась
Тяжеловесна как стекло

Плеснула в каменную стену
Вот звонко грянет на плиту
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

*<Ноябрь 1856 г. —
январь (до 20-х) 1857 г.>*

<Окончат. вариант ст. 1—2:>

Морская даль во мгле туманной
[В ней] парус тонет как в дыму
Там

Варианты:

Ст. 1: *а*. **Край моря скрыт** в дали туманной
б. **Морская даль во мгле** туманной

Вариант 1а (*Край моря скрыт в дали*) вписан над незачеркнутым *Синеет понт в дали* другими (более светлыми) чернилами; под ним теми же чернилами окончат. вариант (*Морская даль во мгле*).

Ст. 2: *а*. **В ней** <*начато*:> то<нет>
б. **В ней** парус **тонет как** в дыму

Варианты ст. 1—2 записаны в нижней части листа; окончат. вариант ст. 2 (*Там*) записан под *[В ней]*.

Пометы: 1) карандашом — в правом верхнем углу: «25» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); «Р<усский> В<естник> 4» (зачеркнуто двумя чертами горизонтальными чертами; предполагаемое место первой публикации), «II»; под текстом: «×» («крестик»), по-видимому означающий, что стихотворение еще не было в печати (ср. такие же пометы к № 65, 69); 2) чернилами — под текстом: «отдан<о> в *Библиот<еку для чтения>* по 25».

Датируется: условно ноябрем 1856 г. — январем (до 20-х) 1857 г. **(**временем пребывания Фета за границей, откуда он выехал в Россию 27 января (8 февраля) 1857 г.**)**, по положению в *Т 1* и содержанию.

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 9. С. 96 (ц. р.: 2 сентября 1857 г.), под номером «I», вместе со стихотворением «Как хорош чуть мерцающим утром...», подпись (общая): «А. Фет»; ст. 1—2 в окончат. редакции; с пунктуационными изменениями.

Ст. 1—2: Морская даль во мгле туманной...
Там парус тонет, как в дыму,

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 146: в разделе «Море», под номером «VI», ст. 1—2 в окончат. редакции; с пунктуационными изменениями.
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

67

Л. 66 об.

<Из Гейне
«Когда на дороге случайно…»>

<Ст. 21—24:>

Сестрица примолвила громко
С собачкой случилась беда
Как стала большою взбесилась
Утоплена в Рейне тогда

<Май — не позднее 20 сентября 1857 г.>

Варианты:
Ст. 21: Сестрица пр**о**молвила громко
пр[о]молвила исправлено на окончат. вариант (*<пр>и<молвила>*) в тексте. Возможно, описка.

Полный автограф в *Т 1* отсутствует.
Перевод шестой строфы стихотворения Г. Гейне «Als ich auf der Reise zufällig...» («Книга песен», «Опять на родине»).

Датируется: условно маем — не позднее 20 сентября 1857 г., по положению в *Т 1*, в соседстве с другими переводами из Гейне, записанными на л. 70 и 72 (№ 71, 72, 73, 76), время работы над которыми поддается более точной датировке, и предполагаемому сроку завершения работы над циклом переводов из Гейне, предназначавшимся изначально для «Современника» (см. примеч. к № 71). Не исключено, что перевод данного стихотворения был выполнен Фетом ранее, а в *Т 1* занесен только новый вариант ст. 21—24. Судя по цвету чернил, строфа была внесена в *Т 1* одновременно или в скором времени после записи на следующем обороте (Л. 67 об.), где зафиксирован вариант ст. 3 стихотворения «Сонет» (см. примеч. к № 42а).
С другой стороны, запись нового варианта шестой строфы может относиться ко времени подготовки цикла для первой публикации в журнале «Русское слово», в этом случае ее следует датировать не позднее апреля 1859 г.

Впервые: *РСл*. 1859. № 5. Отд. 3. С. 38—39 (ц. р.: 8 мая 1859 г.), в подборке «Из Гейне», под номером «XIII», подпись (общая): «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1863. Ч. 2. С. 372—373: в разделе «XIII. Гейне», под номером «XIII», с пунктуационными изменениями как в первой публикации.
ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Гейне».

68

Л. 67

В Альбом
В первый день Пасхи

Победа! Безоружна злоба
Весна! Христос встает из гроба
Чело огнем озарено,
Все что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло
Лобзаньем вновь оживлено.

Забыв зимы душевной холод,
Хотя на миг горяч и молод
Навстречу сердцем к Вам лечу.
Почуя неги дуновенье
Ни в смерть ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

<8 апреля 1857 г.>

Варианты:
Ст. 10: Почуя негу дуновенье
нег[у] исправлено на *<нег>и* в тексте. Очевидно, описка.

Пометы: справа от заглавия: фиолетовыми чернилами «×» («крестик»), очевидно означающий, что стихотворение при жизни Фета не было напечатано; заглавие (*В первый день Пасхи*) подчеркнуто чернилами.

Автографы:
1) *ИРЛИ*. № 24535$_1$ (Альбом М. П. Боткиной). Л. 64 об., беловой чернилами, без заглавия, с датой внесения в альбом: «8-го апреля 1857-го года», подпись: «А. Фет» (см. илл. на вклейке); с изменением в тексте в ст. 6; с пунктуационными изменениями.
Ст. 6: Лобзаньем вновь **пробуждено**.
2) *РГБ*. Ф. 315. Карт. 1. № 26. Л. 1: список рукой Е. В. Федоровой, по-видимому из альбома М. П. Боткиной, с датой в правом верхнем углу: «8 апре-

ля 1857», под заглавием «Светлое Воскресенье» (см. илл. на вклейке); ст. 6 как в альбоме Боткиной; с пунктуационными изменениями.

Датируется: условно 8 апреля 1857 г., по помете в автографе ИРЛИ. Стихотворение было написано по случаю пасхального Светлого воскресения (7 апреля 1857 г.), которое Фет провел в кругу Боткиных в Москве (подробнее см. во вступит. статье И. А. Кузьминой: Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) // *ФетСб(3)*. С. 343—344). В альбом Боткиной стихотворение было записано 8 апреля, однако написано могло быть и накануне — 7 апреля. Отдельный вопрос — когда стихотворение было перебелено в *Т 1*; по всей видимости, это произошло либо 8 апреля 1857 г., после того как поэт записал его текст в альбом, либо в один из последующих дней.

При жизни Фета не публиковалось.
В *ПССт1892* не включено.

Впервые: *ЛСт1894*. Ч. 2. С. 239, в разделе «Послания, посвящения и стихотворения на случай», под номером «VI», под заглавием «В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое Воскресенье» и подстрочным примечанием («Впоследствии супруге автора»), с датой: «8 апр. 1857»; ст. 6 как в альбоме Боткиной; с пунктуационными изменениями. По всей видимости, напечатано по списку, посланному М. П. Шеншиной при письме к Н. Н. Страхову, который известил об этом К. Р. 7 сентября 1893 г.: «На днях Марья Петровна прислала мне целую тетрадь отысканных ею стихотворений, 61 пьеса <...>» (К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина; изд. подгот. Е. В. Виноградова и др. СПб., 1999. С. 411). Внесено К. Р. в *Список III* при подготовке *ЛСт1894* (см.: *ФетСб(2)*. С. 805).

42а

Л. 67 об.

Сонет

<Ст. 3:>

На славный подвиг силы не имею

<Март — не позднее 20 сентября 1857 г.>

Датируется: предположительно мартом — не позднее 20 сентября 1857 г., по положение в *Т 1*. Запись одного стиха из стихотворения «Сонет» («Угрюм и празден часто я брожу...»), внесенного ранее целиком на л. 44 (см. примеч. к № 42: *ФетСб(3)*. С. 732—733), возможно, связана с получением книжки «Библиотеки для чтения» (1857. № 2), в котором оно было напечатано впервые, с перестановкой слов в ст. 2—3 (по всей видимости, по недосмотру редак-

ции). На соседнем листе (Л. 68) записано стихотворение «Морской берег» («Как хорош чуть мерцающим утром...»), также отданное в «Библиотеку для чтения» и напечатанное в сентябрьской книжке журнала за 1857 г. (см. примеч. к № 69). Судя по цвету чернил, ст. 3 к «Сонету» был внесен в *Т 1* одновременно или несколько ранее записи на предыдущем обороте (Л. 66 об.), где зафиксирован окончат. вариант шестой строфы перевода из Гейне «Когда на дороге случайно...» (см. примеч. к № 67).

69

Л. 68

Морской берег

Как хорош чуть мерцающим утром
Амфитрита твой влажный венок!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток.

Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив
Свод небесный в воде опрокинут
Испещряет румянцем залив

Остров вырос над тенью зеленой
Ни движенья, ни звука в тиши
И погнувшись над влагой соленой
В крупных каплях стоят камыши.

<Апрель (после 8) — середина мая 1857 г.>

Варианты:

Ст. 2: Амфитрита твой влажный венок**,**

Пунктуационный вариант (восклицательный знак) проставлен другими (более темными) чернилами в тексте, очевидно при подготовке к первой публикации.

Пометы: 1) чернилами — слева от заглавия (более темными чернилами): «N<е было напечатано в *Сб1856*>»; под текстом (более светлыми чернилами): «отдано в Библи<отеку для чтения> по 25»; 2) карандашом — справа от заглавия: «Р<усский> В<естник> 5» (зачеркнуто двумя горизонтальными чертами; предполагаемое место первой публикации); «24» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*), «II»; под текстом — карандашом

«×» («крестик»), по-видимому означающий, что стихотворение еще не было в печати (ср. такие же пометы к № 65, 66).

Датируется: предположительно апрелем (после 8) — серединой мая 1857 г., по положению в *Т 1* и сопоставлению с датировками стихотворений, записанных на близлежащих листах (см. примеч. к № 68 и 77). Возможно, написано под впечатлением от заграничного путешествия 1856—1857 г. В *СиП 1986* высказано предположение, что стихотворение, «вероятно, навеяно впечатлениями Средиземного моря (янв. 1857 г.)» (С. 663).

Впервые: *БдЧ*. 1857. № 9. С. 96 (ц. р.: 2 сентября 1857 г.), без заглавия, под номером «II», вместе со стихотворением «Морская даль во мгле туманной...», подпись (общая): «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1863. Ч. 1. С. 145: в разделе «Море», под номером «V», без заглавия, с пунктуационными изменениями (в том числе ст. 11 как в *Т 1*).
ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Море».

70

Л. 69

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня
Только забудусь: опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку
Вновь позабудусь и вновь листья в глазах да цветы
И у суровой коры наклоненного, старого клёна
Милая дева-дитя, в белом, ты чинно сидишь.
Да! Ты ребенок еще, но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед
Злàтоволосый как ты на твоих он играет коленях
В вожжи твой пояс цветной силясь шалун обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.
«Полно шалун! Ты сронил диадиму с румяной головки
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
Л. 69 об. О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек,
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи,
Душу мою ты ты** в свой мир светлый опять унесла.

<Апрель (после 8) — середина мая 1857 г.>

Варианты:

Ст. 15—16: Цвет изумительный: точно **агата** и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос **темно́**-золотой.

В ст. 15 окончат. вариант (*опала*) вписан над *[агата]*; в ст. 16 окончат. вариант (*слегка-<золотой>*) вписан сначала над *[темно-]*, затем слева от него. Вся правка внесена другими (красновато-коричневыми) чернилами.

Пометы: I) на л. 69 — 1) чернилами — в верхней части листа: «35» (номер в списке стихотворений в *ТетрРГБ*, не вошедших в *Сб1856*); 2) карандашом — в правом верхнем углу: «Р<усский> В<естник> 6» (место первой публикации и порядковый номер), «I»; II) на л. 69 об. — чернилами (более светлыми) под текстом: «1 в <Русский> Вест<ник>» (место первой публикации).

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 69). По убедительному предположению, высказанному И. А. Кузьминой, обращено к М. П. Боткиной (см.: О «боткинском» периоде в творчестве Фета // *ФетСб(3)*. С. 171—172). Здесь же предположительно датировано маем 1857 г.

Впервые: *РВ*. 1857. № 10. Кн. 1. С. 552 (ц. р.: 15 октября 1857 г.), подпись: «А. Фет»; с изменением в тексте в ст. 9, 13, с исправлением описки в ст. 20; с пунктуационными изменениями.

Ст. 7: Да, **т**ы ребенок еще, но сколько любви благодатной
Ст. 9: **Золотовл**асый как ты, на твоих он играет коленях,
Ст. 13: Полно шалун! **т**ы сронил диад**е**му с румяной головки.

Включено:

Сб1863. Ч. 1. С. 18: в разделе «Элегии», под номером «XIV», ст. 9 как в *Т 1*; с восстановлением написания «клёна» и «диадиму» в ст. 5 и 13 как в *Т 1*, с исправлением описки в ст. 20; с пунктуационными изменениями.

Ст. 9: Златоволосый как ты на твоих он играет коленях:

ПССт1892. Ч. 1: в разделе «Элегии и думы».

71

Л. 70

<Из Гейне>

Они любили друг друга
Но каждый упорно молчал
Смотрели врагами, но каждый
В томленьи любви изнывал

Они расстались и только
Встречались в виденьи ночном

Давно они умерли оба
И сами не знали о том.

<Апрель (после 8) — середина мая 1857 г.>

Варианты:

Ст. 3: **Враждебно встречаяся** каждый

Окончат. вариант (*Смотрели враждебно, но*) вписан над незачеркнутым *Враждебно встречаяся*.

Ст. 7—8: Давно **уже** умерли оба
Едва догадавшись о том.

В ст. 7 окончат. вариант (*они*) вписан над *уже*; в ст. 8 окончат. вариант (*И сами не знали*) вписан под *Едва догадавшись* другими (более светлыми) чернилами. Предположительно теми же чернилами в нижней части листа записано стихотворение «Лилеею, розой, голубкой, денницей...» (см. № 73).

Перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide, doch keiner...» («Книга песен», «Опять на родине»).

Датируется: предположительно, по аналогии с двумя предыдущими стихотворениями (см. примеч. к № 69). Правка (по крайней мере частично, судя по цвету чернил и сопоставлению с теми чернилами, которыми ниже записан перевод «Лилеею, розой, голубкой, денницей...» на том же листе) могла быть внесена позднее — скорее всего, в октябре того же года, перед отправкой цикла переводов из Гейне для помещения в журнале «Современник», где Фет первоначально намеревался его напечатать. Как известно, подборку из 29 переводов поэт передал Н. А. Некрасову через Л. Н. Толстого, который покинул Москву 21 октября 1857 г. Не получая долгое время никаких известий о судьбе цикла из Гейне, Фет жаловался В. П. Боткину 10 ноября: «Толстой засел в Питере, и до сих пор не едет в Москву, а он мне нужен для моих литературных соображений. Я послал с ним гейневские переводы, а за них следует 190 р., а это для меня не шутка. Когда я их помещу, то могу выслать и оригинальные штуки, а то Гейне отодвинут в сторону» (см.: *Фет/Боткин*. С. 228, а также с. 230, примеч. 12 к письму 18). После состоявшейся в тот же день встречи с вернувшимся из Петербурга Толстым, который не привез от Некрасова никакого ответа, 13 ноября Фет обратился к А. В. Дружинину: «Спросите Некрасова, оставляет ли он переводы мои из Гейне, а если они не по его вкусу, то возьмите их для „Библиотеки“. / Из всех заново пересмотренных и исправленных 29 пьес, из которых не бывших в печати 13, и за них только я назначил по 15 р., а желательно видеть весь цикл, напечатанным в том виде, в каком они в рукописи» (Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). М., 1948. С. 337). Однако и в «Библиотеке для чтения» переводы из Гейне не появились, они вышли лишь в 1859 г., в майской книжке «Русского слова», в составе 28 стихотворений (об истории переводов из Гейне см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 634—638).

Таким образом, помимо публиковавшихся ранее и доработанных для нового издания переводов, в обновленную подборку из Гейне вошли 13 стихотворений, ранее не бывших в печати. Приведем их в порядке следования в «Русском слове», с указанием в скобках римского номера, под которым они были напечатаны в журнале и впоследствии в *Сб1863* (курсивом отмечены стихотворения, автографы которых сохранились в *Т 1*):

1. «*Лилеею, розой, голубкой, денницей...*» (II) («Лирическое интермеццо»)
2. «Как из пены вод рожденная...» (V) («Лирическое интермеццо»)
3. «Я не ропщу, пусть сердце и в огне...» (VI) («Лирическое интермеццо»)
4. «Да, ты несчастна — и мой гнев угас...» (VII) («Лирическое интермеццо»)
5. «Слышу ли песенки звуки...» (IX) («Лирическое интермеццо»)
6. «Мой друг, мы с тобою сидели...» (X) («Лирическое интермеццо»)
7. «*Когда на дороге случайно...*» (XIII) («Опять на родине»)
8. «*С порога рыбачьей избушки...*» (XIV) («Опять на родине»)
9. «Нисходят во гроб поколенья...» (XVI) («Опять на родине»)
10. «*Они любили друг друга...*» (XVII) («Опять на родине»)
11. «*Когда я про горе свое говорил...*» (XVIII) («Опять на родине»)
12. «Во сне я милую видел...» (XX) («Опять на родине»)
13. «*Эпилог*» (XXVIII) («Северное море»)

Полные автографы пяти из них содержатся в *Т 1* — «Они любили друг друга...», «Когда я про горе свое вам роптал...» (№ 72), «Лилеею, розой, голубкой, денницей...» (№ 73), «Эпилог» (№ 76), «С порога рыбачьей избушки...» (№ 96). Кроме того, в *Т 1* записана шестая строфа стихотворения «Когда на дороге случайно...» (№ 67), также ранее не печатавшегося. Отдельно отметим, что новые стихотворения взяты поровну из двух частей «Книги песен» — «Лирическое интермеццо» (первые шесть) и «Опять на родине» (вторые шесть), при этом в *Т 1* находим четыре перевода из «Опять на родине» и лишь один из «Лирического интермеццо», который, однако, был записан позднее. В *Т 1* содержатся еще три перевода из «Опять на родине», которые в состав цикла не вошли (см. ниже).

Тем не менее вопрос о точном времени перевода всех шести указанных стихотворений остается открытым — не исключено, что они были выполнены поэтом ранее, а весной и осенью 1857 г. лишь доработаны и записаны в *Т 1*. Отчасти это могло бы объяснить отсутствие в *Т 1* автографов оставшейся части «новых» переводов, т. е. восьми из тринадцати стихотворений, так как «Когда на дороге случайно...» представлено в ней лишь одной строфой, которая может являться поздней редакцией (№ 75). Косвенно в пользу более ранней датировки (по крайней мере части переводов) свидетельствует и тот факт, что в *Сб1856*, например, впервые был напечатан перевод «Желтеет древесная зелень...» — логично предположить, что к моменту формирования сборника в портфеле Фета переводов из Гейне было больше, однако против их включения мог выступить И. С. Тургенев.

Немалую сложность представляет также датировка еще четырех содержащихся в *Т 1* переводов из Гейне, не вошедших в подборку для «Современника»

(и впоследствии «Русского слова»): «Дитя, мы были дети...» (в ранней редакции) (№ 75, цикл «Опять на родине»), «И если ты будешь моею женой...» (№ 93, цикл «Опять на родине»), «На бледном ты лице моем...» (№ 104, цикл «Опять на родине») и «Томный звон в груди моей...» (№ 121).

Впервые: *РСл.* 1859. № 5. Отд. 3. С. 40—41 (ц. р.: 8 мая 1859 г.), в подборке «Из Гейне», под номером «XVII», подпись (общая): «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:
Сб1863. Ч. 2. С. 376: в разделе «XIII. Гейне», под номером «XVII», с изменениями в пунктуации как в первой публикации.
ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Гейне».

72

Л. 70

<Из Гейне>

<Ранняя редакция:>

Ко<г>да я про горе свое вам роптал
Иные зевали и каждый молчал
Когда же стихами его я убрал
От вас я наслушался громких похвал.

<Апрель (после 8) —
середина мая 1857 г.>

Варианты:
Ст. 4: **То много великих услышал** похвал.
Вариант (*От вас я наслушался громких*) вписан под незачеркнутым *То много великих услышал*.

Пометы: карандашом над текстом справа: «III».

Перевод стихотворения Гейне «Und als ich euch meine Schmerzen geklagt...» («Книга песен», «Опять на родине»).

Датируется: предположительно, по аналогии с предыдущим стихотворением (см. примеч. к № 71). Судя по цвету чернил, записано, по-видимому, одновременно или вскоре после перевода из Гейне «Они любили друг друга...». Косвенно это подтверждает и тот факт, что в цикле «Опять на родине» стихотворения также следуют друг за другом (№ 33 и 34 соответственно). В «Рус-

ское слово» вошло в поздней редакции, по всей видимости, относящейся к 1859 г. (см. ниже). Отсутствие правки в *Т 1* для первой публикации может косвенно свидетельствовать о том, что большая часть переводов из Гейне была внесена в нее в 1857 г.

Впервые: *РСл.* 1859. № 5. Отд. 3. С. 41 (ц. р.: 8 мая 1859 г.), поздняя редакция, в подборке «Из Гейне», под номером «XVIII», подпись (общая): «А. Фет».

Ст. 1—4: Когда я про горе свое говорил,
То каждый зевал, да молчанье хранил;
Когда же в стихи я его нарядил,
То много великих похвал заслужил.

Включено:

Сб1863. Ч. 2. С. 376: в разделе «XIII. Гейне», под номером «XVIII», поздняя редакция, как в первой публикации.

ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Гейне».

73

Л. 70

<Из Гейне>

Лилеею, розой, голубкой, денницей
Когда-то и я восторгался сторицей
Теперь я забыл их пленяся одною
Младою, родною, живою душою
Она всей любви и желаний царица
Мне роза, лилея, голубка, денница.

<Апрель (после 8) —
не позднее 20 сентября 1857 г.>

Пометы: карандашом над текстом слева: «III».

Перевод стихотворения Гейне «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne...» («Книга песен», «Лирическое интермеццо»).

Датируется: предположительно апрелем (после 8) — не позднее 20 сентября 1857 г., по положению в *Т 1*, на одном листе с двумя другими переводами из Гейне (см. примеч. к № 71, 72), и предполагаемому сроку завершения работы над циклом переводов из Гейне, предназначавшимся изначально для «Современника». Поскольку цвет чернил (более светлый) отличается от тех, которыми записаны оба расположенных выше стихотворения, и вместе с тем

близок к тем чернилам, которыми внесена правка в первом из них (№ 71), можно предположить, что наиболее вероятным временем внесения в *Т 1* текста «Лилеею, розой, голубкой, денницей...» следует считать октябрь (до 20) 1857 г.

Впервые: *РСл.* 1859. № 5. Отд. 3. С. 35 (ц. р.: 8 мая 1859 г.), в подборке «Из Гейне», под номером «II», подпись (общая): «А. Фет»; с пунктуационными изменениями.

Включено:

Сб1863. Ч. 2. С. 367: в разделе «XIII. Гейне», под номером «II», с пунктуационными изменениями как в первой публикации.

ПССт1892. Ч. 2 (Переводы и две поэмы): в разделе «Из Гейне».

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЕТОВЕДЕНИЯ

«СНОВА В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИЕЗЖАЙТЕ СНОВА...» (Письма Б. Я. Бухштаба и Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу)

Публикация А. П. Руднева

Слова, использованные в качестве заглавия публикации, взяты мной из дарственной надписи Бориса Яковлевича Бухштаба (1904—1985) на детской книжке «Рассказы Н. С. Лескова» (Л.: Детская литература, 1985), подаренной им моему отцу в 1966 году. Именно тогда, тринадцатилетним подростком, я впервые услышал это имя. Мой отец Петр Александрович Руднев (1925—1996), впоследствии известный филолог-стиховед, тогда еще только набиравший силу, незадолго перед этим познакомился с Б. Я. Бухштабом и его женой Галиной Григорьевной Шаповаловой (1918—1996), и это положило начало их тесной, никогда и ничем не омрачавшейся дружбе, которая продолжалась до самой смерти обоих. Их переписка, относящаяся к 1968 году, была опубликована в сборнике «Из истории филологии», посвященном 85-летию известного исследователя русской литературы профессора Г. В. Краснова.[1]

А я впервые увидел Бориса Яковлевича и Галину Григорьевну, фольклориста и этнографа, ученицу М. К. Азадовского, летом 1967 года в подмосковном писательском Доме творчества «Малеевка», куда в гости к Бухштабу взял меня с собой отец. Помню, что там я неожиданно захворал и меня уложили на кровать в номере, который занимали Бухштабы. Оба они — и Борис Яковлевич, и Галина Григорьевна — были трогательно внимательны ко мне и заботливы. Кроме них в это время в Малеевке отдыхали К. Г. Паустовский и его ближайший дав-

[1] Из истории филологии: Сб. статей и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна, 2006. С. 254—282. Публ. М. К. Свиченской.

© А. П. Руднев, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-541-558

Б. Я. Бухштаб. Ленинград, 1970-е гг.

ний друг Р. И. Фраерман, а также известный литературовед И. Г. Ямпольский с женой. Всех этих людей я очень хорошо запомнил — это была, наверное, самая первая в моей жизни встреча с известными литературными деятелями.

В феврале 1968 года работавший тогда в Коломенском пединституте П. А. Руднев организовал очень представительную конференцию по стиховедению, на которую съехался буквально весь ученый Ленинград — там были Л. Я. Гинзбург, С. А. Рейсер, Е. Г. Эткинд, В. Е. Холшевников, Б. Ф. Егоров, а также Б. Я. Бухштаб. Борис Яковлевич был тогда еще нестарым человеком — довольно высокого роста, стройный, в сильных очках, скрывавших очень близорукие глаза — у него смолоду было крайне плохое зрение. Присутствовали на этой конференции и москвичи, и ученые из других городов — М. Л. Гаспаров, В. Д. Сквозников, Е. В. Метельская-Волкова, А. А. Илюшин, В. С. Баевский, З. Г. Минц, В. А. Сапогов, А. Л. Жовтис, М. М. Гиршман и многие другие. Пожалуй, в то время это был единственный в своем роде научный форум, когда в одном месте, в небольшом городке Коломна, в довольно, что называется, заштатном пединституте, собрался почти весь цвет тогдашней филологической науки.

Я был на тот момент еще школьником, но ходил на заседания, слушал какие-то доклады, а с Б. Я. Бухштабом мы виделись и общались у моего отца, в небольшой комнатке, которую он, помнится, снимал, живя там со своей второй женой, в старом, типично провинциальном деревянном доме. Очевидно, там происходили чрезвычайно интересные и увлекательные филологические и всякие другие разговоры, так как люди собирались очень образованные и остроумные.

У меня же, тогда еще совсем желторотого юнца, филологические интересы были, как говорится, в крови, и все смотрели на меня, в том числе и Б. Я. Бухштаб, как на будущего филолога, что всячески, помню, подогревалось моим отцом, который даже хвалился мною. Однако в жизни все складывалось очень непросто.

Б. Я. Бухштаб был милейшим человеком, очень умным и доброжелательным и, несмотря на то, что я был тогда еще полным неофитом, разговаривал со мной совершенно на равных. Надо заметить, что он был человеком вполне земным, «жизненным», как сказал о нем однажды мой знакомый, московский исследователь творчества Ф. И. Тютчева, А. А. Николаев, и вполне практичным.

Года два спустя после этого Борис Яковлевич и Галина Григорьевна приезжали вместе в Коломну, в гости к отцу, и мы часто виделись, гуляли по городу (в этой компании был и мой младший брат Вадим, теперешний известный ученый, а тогда подросток-школьник), мы показывали им исторические достопримечательности, наиболее красивые

и живописные места. А в доме, за вечерним чаем шли, как всегда, всевозможные, очень увлекательные разговоры, и я хорошо запомнил, как Борис Яковлевич прочитал наизусть довольно большую поэму А. К. Толстого «Сон Попова» — на меня это произвело такое впечатление, что я тут же прочел ее и очень быстро выучил наизусть и хорошо помню до сих пор.

А как-то раз погожим летним днем, сидя в уютном саду на скамейке, я читал Борису Яковлевичу вслух корректуру его работы о Тютчеве — главу его книги, которая в скором времени должна была выйти в ленинградском отделении издательства «Художественная литература» под названием «Русские поэты», где помимо статьи о Тютчеве были помещены очерки о Фете, Козьме Пруткове и Добролюбове-поэте. Эту книгу, будучи в начале января 1971 года впервые в гостях у Бухштаба в Ленинграде, я получил от него в подарок с надписью: «Дорогому Сане Рудневу с пожеланиями здоровья, хорошего устройства и всякой радости». Это была первая книга, подаренная мне Бухштабом в качестве новогоднего презента. За ней последовала изданная в 1974 году небольшая книжка «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества» с аналогичной надписью: «Дорогому Сане Рудневу с лучшими пожеланиями. Автор. 5 февраля 1974 года». И затем мне был подарен библиографический указатель «Борис Яковлевич Бухштаб. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной и литературной деятельности» (Л., 1984), на котором надписано: «Сане Рудневу на добрую память с пожеланиями удач, успехов и радостей. Борис Бухштаб». Датирована эта запись январем 1985 года, когда Борис Яковлевич вступал в последний год своей жизни.

После неожиданной смерти Б. Я. Бухштаба в сентябре 1985 года я продолжал общаться с Галиной Григорьевной и получал от нее книги Бориса Яковлевича, выходившие в свет уже после его ухода из жизни. Это, во-первых, третье издание «Стихотворений и поэм» А. А. Фета в Большой серии «Библиотеки поэта» с надписью: «Дорогому Сане Рудневу на светлую память о Борисе Яковлевиче и с искренним пожеланием успеха во всех творческих начинаниях! 22 февраля 1987 года», а затем книга «Н. А. Некрасов. Проблемы творчества» (Л., 1989), содержавшая некрасоведческие работы Бухштаба разного времени. Надпись была аналогичная предыдущей: «Дорогому Сане Рудневу на светлую память об авторе этой книги — Борисе Яковлевиче — его заветная книга. А от меня пожелание успехов во всех начинаниях! Г. Шаповалова. 8 августа 1989 года».

Как уже говорилось, начиная с 1971 года, приезжая в Ленинград погостить к родственникам, я каждый раз бывал у Бухштабов. Помню, что раньше они жили в мрачноватой, темной квартире на Петроград-

ской стороне, на Пушкарской улице, рядом с площадью Льва Толстого, кажется, с соседями, доводившимися Борису Яковлевичу родственниками. Впоследствии они переехали в отдельную трехкомнатную квартиру на пятом этаже, в доме без лифта, располагавшемся на углу проспекта Энгельса и Светлановской площади, возле Удельного парка. И когда я заходил, особенно, конечно, летом, мы часто с Борисом Яковлевичем ходили гулять в парк, сиживали на скамейке и говорили о всяческом. Но больше, пожалуй, запомнились зимние встречи, поздними вечерами, когда все усаживались за круглый стол в небольшой, заставленной книжными стеллажами комнате, на котором, прямо как на скатерти-самобранке, появлялась всегда необыкновенно вкусная еда, водка, на чем-то настоянная, и т. д. Дом Бухштабов был исключительно гостеприимным и хлебосольным, там всегда отменно вкусно угощали — в духе, я бы сказал, старинного хлебосольства, и особенно запомнились роскошные застолья на Рождество и на Пасху, которые неизменно отмечались очень пышно и с большим количеством гостей.

В доме Б. Я. Бухштаба я видел в разное время И. Г. Ямпольского, Г. М. Фридлендера, Л. Я. Гинзбург, Б. Ф. Егорова, известного некрасоведа из Петрозаводска профессора М. М. Гина, К. В. Пигарева, приезжавшего из Москвы, которого я знал по музею-усадьбе «Мураново». Несколько позднее я не раз встречался у Бухштаба с известным литературоведом и библиографом М. Д. Эльзоном, некоторое время работавшим секретарем у Бухштаба, в последние годы катастрофически терявшего зрение и в конце концов утратившего возможность читать, но не оставлявшего тем не менее работу до последнего своего дня — буквально.

У нас сложились почти родственные отношения — Борис Яковлевич очень любил моего отца, П. А. Руднева, практически как сына, и эта эстафета, если можно так выразиться, перешла и ко мне, и к моему брату, который, правда, знал его меньше.

Борис Яковлевич, равно как и Галина Григорьевна очень близко к сердцу принимали всевозможные коллизии моей жизни, искренне радовались моим скромным успехам и огорчались неудачам. И всегда очень прямо и нелицеприятно, в частности Борис Яковлевич, говорили со мной об этом. А сложностей и неудач у меня хватало — они всегда всё обо мне знали, можно сказать, что огромный кусок моей жизни прошел на их глазах. Очень огорчался Борис Яковлевич и по поводу моих непростых отношений с отцом, призывая меня быть снисходительнее к нему, терпимее, не придавать трагического значения постоянным размолвкам и недоразумениям, которые, должен заметить, не всегда происходили по моей вине и по моей инициативе, но, увы, это почти не получалось. Так оно было, собственно говоря, всегда, а под

конец особенно обострилось. Со слов М. Д. Эльзона я знаю, что Борис Яковлевич с горечью как-то раз сказал: «Боже мой, какая разобщенная семья и как они все друг друга ненавидят — прямо карамазовщина какая-то и головлевщина вместе взятые». И это было не столь далеко от истины.

Вообще его суждения на разные темы, прежде всего на литературные, всегда поражали своей исчерпывающей точностью и трезвостью, так же, как и его характеристики, иногда очень нелицеприятные, разных людей — nomina sunt odiosa.[2] Он был абсолютно трезвомыслящим человеком. Так, помню, о Салтыкове-Щедрине он говорил, что тот интересен в первую очередь своими отдельными убийственно-хлесткими и остроумными пассажами и фрагментами, нежели всеми своими произведениями целиком, разумеется, за некоторыми исключениями — такими, например, как «Господа Головлевы» или «История одного города». О Лескове говорил, что ему абсолютно не удавались произведения крупного романного жанра — поэтому он терпел такие неудачи со своими, имевшими одиозную известность по политическим в первую очередь мотивам, романами «Некуда», «На ножах», «Обойденные», но неудачи эти происходили, по мнению Бухштаба, не по политическим причинам, а в силу их страшной растянутости и художественной несостоятельности.

Неоднократно приходилось мне слышать от Бухштаба какие-то мимоходом сделанные характеристики людей, с которыми он был так или иначе связан на протяжении жизни — К. И. Чуковского, которого он хорошо знал с молодых лет, А. Н. Толстого и его жены Н. В. Крандиевской-Толстой, П. Е. Щеголева, И. Л. Андроникова, И. С. Зильберштейна, С. Н. Дурылина, В. Б. Шкловского — последнего он уличал в научной недобросовестности — С. С. Гейченко и многих других. Слышал я от него любопытные истории, связанные с внуком Ф. И. Тютчева Николаем Ивановичем Тютчевым, с сыном Н. С. Лескова Андреем Николаевичем Лесковым, дожившим до 1953 года. А я ему как-то рассказал о своей поездке в обществе моих московских знакомых в усадьбу А. А. Фета Клейменово под Орлом — он с большим интересом это слушал и вставлял какие-то замечания и факты, которых я не знал.

Как уже упоминалось, Б. Я. Бухштаб скончался 15 сентября 1985 года, а через 11 лет, 24 ноября 1996 года, не стало Галины Григорьевны Шаповаловой, у которой я бывал после смерти Бориса Яковлевича так же, как и при его жизни. И этот дом навсегда отошел в небытие. И последнее время, попадая в Ленинград и проезжая мимо Светлановской площади на электричке в Комарово, я всегда смотрю на этот

[2] не называя имен (*лат.*).

дом, хорошо видный из окна вагона, и у меня сжимается сердце. Но память об этих людях у меня осталась навсегда, поэтому я считаю своим долгом опубликовать письма Бориса Яковлевича и Галины Григорьевны ко мне, вернее те из них, которые так или иначе могут представлять какой-то общий интерес. Полагаю, что имею на это моральное право.

Впрочем, не могу здесь не вспомнить и еще один сюжет.

2 декабря 2011 года на страницах еженедельника «Литературная Россия» была опубликована статья главного редактора газеты В. В. Огрызко под заглавием «Страх искореняет стыд» с портретом Б. Я. Бухштаба в молодости, в которой содержалась резко негативная оценка Бухштаба — ученого и человека и, главным образом, его общественного поведения. В статье было написано, что Бухштаб, переживший в 1928 и 1933 годах два кратковременных, к счастью, ареста, после этого будто бы «надломился» и был в течение всей своей последующей жизни «трусом и лизоблюдом», потеряв, по мнению автора статьи, при этом всякий стыд и совесть. А основные работы Бухштаба, определяющие его лицо литературоведа, даже не были названы — скорей всего, по той причине, что автор их просто не знал. На меня это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, и я написал В. В. Огрызко очень резкое открытое письмо, где даже не особенно стеснялся в выражениях. Но он, к его чести, надо заметить, незамедлительно его опубликовал под заголовком «Письмо рассерженного читателя / автора» — автором я был назван потому, что много печатался в «Литературной России». Я счел своим долгом встать на защиту памяти и репутации давно умершего крупного ученого, несомненно порядочного человека и моего близкого знакомого.

После смерти Бориса Яковлевича мы с Галиной Григорьевной переписывались уже редко — только обменивались новогодними поздравлениями. О ее смерти я узнал случайно, от молодого, начинающего литературоведа, теперь уже покойного Дениса Устинова, который занимался историей ленинградского литературоведения и готовил публикацию о Г. А. Гуковском, доводившемся двоюродным братом Б. Я. Бухштабу. Я хотел познакомить его с Галиной Григорьевной на предмет предоставления ею каких-то материалов или рассказов, но, увы, не успел.

Письма, написанные преимущественно рукой Г. Г. Шаповаловой (писала в основном она, так как он очень плохо видел), публикуются по автографам, хранящимся в моем домашнем архиве. За отсутствием конвертов, часть писем датируется условно, по содержанию.

1

Конец октября 1968 г. Ленинград

Дорогой Алик!

Я очень была рада получить от тебя письмо и еще такое хорошее. Давно я тебе не писала, и это меня как-то «грызло», но летом я просто не знала, как и куда тебе писать,[1] а весной... мне было не до писем. Ничего хорошего... я писать была просто не в состоянии. Дело в том, что, проработав 29 лет в Пушкинском Доме, я вынуждена была уйти оттуда, ушла и теперь работаю в Институте этнографии АН СССР. Счастлива бесконечно! В Пушкинском Доме от всяких гадов[2] местного значения я так устала и намучилась, что просто хоть караул кричи. Теперь всё встало на свои места. Занимаюсь я тем же — фольклором — обрядами, и семейно-бытовыми (свадьба, крестины, похороны) и календарно-обрядовыми (щедривки, колядки, масленица, весенние обряды и т. д.). Окружают меня хорошие, умные люди — никто не стремится сделать мне какую-либо пакость или просто в чем можно ущемить (тьфу-тьфу!). Это очень хорошо!

А летом мы с Борисом Яковлевичем отдыхали в Железноводске. Пили смирновскую воду и знакомились с окрестностями. Прежде всего побывали во всех лермонтовских местах и поняли, что Лермонтов и знал, и чувствовал, и любил Кавказ по-настоящему. И понять Лермонтова по-настоящему можно, только перечитывая его произведения, находясь там, на Кавказе...

Вот бы тебе туда съездить когда-нибудь!

Были мы и в горах: в Черекском ущелье, Баксанском и даже поднимались на гору Чегет по канатной дороге на высоту 3750 м. А рядом, как на ладони, возвышался двугорбый Эльбрус. А вокруг был снег. — Очень здорово!

Но вот фотографии не вышли — подвели казанские обратимые пленки — досада ужасная! А такие были кадры!

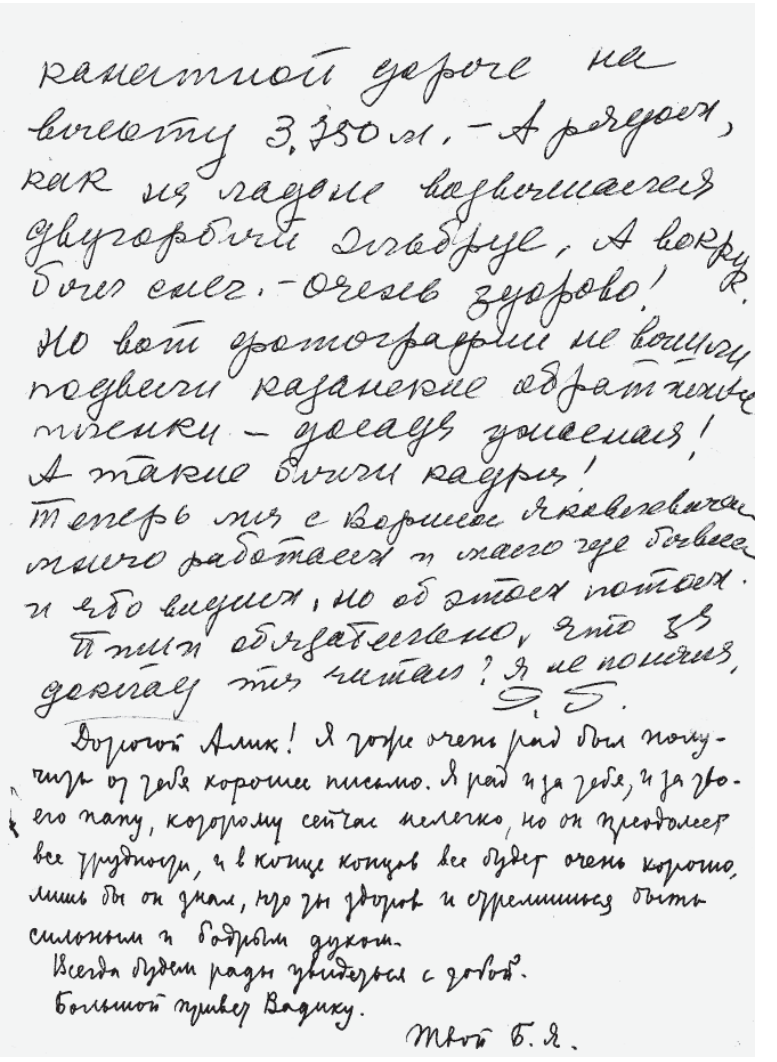
Теперь мы с Борисом Яковлевичем много работаем и мало где бываем и что видим, но об этом потом.

Пиши обязательно! Что ты за доклад читал?[3] Я не поняла.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

Рукой Б. Я. Бухштаба:

Дорогой Алик! Я тоже очень рад был получить от тебя хорошее письмо. Я рад и за тебя, и за твоего папу, которому сейчас нелегко,[4] но он преодолеет все трудности, и в конце концов все будет хорошо, лишь



Письмо Г. Г. Шаповаловой и Б. Я. Бухштаба к А. П. Рудневу
от конца октября 1968 г. Последняя страница

бы он знал, что ты здоров и стремишься быть сильным и бодрым духом.

Всегда будем рады увидеться с тобой.

Большой привет Вадику.[5]

Твой Б<орис> Я<ковлевич>.

[1] Летом 1968 г. я болел нервным расстройством и находился два месяца в Москве в больнице.

[2] Слово вписано над зачеркнутым, не поддающимся прочтению.

[3] Речь идет о моем школьном докладе об А. Н. Толстом, который я прочитал во время открытия выставки, посвященной жизни и творчеству Толстого, в литературном кружке Дома пионеров.

[4] Незадолго перед этим, по приглашению профессора Ю. М. Лотмана, мой отец переехал из Коломны в Тарту и испытывал тяжелейшие бытовые трудности, связанные с отсутствием жилья.

[5] Мой младший брат.

2

Конец июля — август 1971 г.

Дорогой Алик!

И я и Борис Яковлевич с радостью прочли письмо папы, в котором он пишет, как ты хорошо сдал экзамены.[1] — От всей души поздравляем тебя. Молодец! Ты великолепно доказал всем недоброжелателям, что ты можешь достигать намеченных целей, а стало быть, и найдешь и свое призвание, и свое место в жизни.

А я сейчас пишу тебе под звуки доящегося молока, пахнет коровушкой. Я жду, когда подоят Эльку, и понесу Б<орису> Я<ковлевичу> парное молоко.

Живем мы на берегу дивного по красоте озера Охват. Это в Калининской обл<асти> Андреапольском р<айо>не. В этом р<айо>не я была в экспедиции с группой из 7 человек. Охват был нашим последним пунктом, и сюда я привезла и Б<ориса> Я<ковлевича>. Ему же это место так понравилось, что мы решили здесь провести и отпуск.

Помимо озера нас пленила тишина. Утром я прямо в купальнике бегу в озеро. — Кругом никого. Один сказочный лес, как в стране Берендея.[2] Так что отдых действительно полный. Питаемся молоком, ягодами, грибами.

На днях, возможно, съездим на озеро Селигер, посмотреть. Он тут в полутора часах езды. Но заранее могу сказать — Охват лучше.

А как у тебя с работой?

Ну, желаю тебе (и Б<орис> Я<ковлевич> тоже) всяческих успехов.

Галина Григорьевна.

Сердечный привет Вадику и всем твоим.

[1] В то время я поступил на филологический факультет Коломенского пединститута, сдав все вступительные экзамены на «отлично».

[2] Из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» (1873).

3

Октябрь — ноябрь 1973 г. Ленинград

Дорогой Алик!

Я очень рада, что у тебя все идет так хорошо! И занятия и что ты любишь путешествовать — все это увлекательно и интересно. Мы с Борисом Яковлевичем не только раньше, но и теперь стараемся ездить как можно больше, больше видеть старины, красивых мест. Это лето мы все, то есть июль и август — провели в деревне Костромской обл<асти>. Это чудесные места — Нейский р<айо>н. Когда-то здесь было дно моря, — поэтому почва песчаная, леса гл<авным> обр<азом> сосновые, а в речках Нее, Номже, Унже и Ингире встречаются куски песчаника с отпечатками доисторических моллюсков, куски лавы, «чертовы пальцы».

Б<орис> Я<ковлевич> весной перенес тяжелую операцию, т. е. деревенский отдых был ему в самый раз.

Не знаю, удастся ли написать в декабре, поэтому заранее поздравляю тебя с наступающим 1974 годом и от души желаю, чтобы он принес тебе светлое счастье, успех, много радостей.

А то, что ты пережил сердечную травму[1] — это не страшно. От этих переживаний настоящий человек становится только богаче духовно, мудрее, терпимее, добрее, а следовательно, как это ни парадоксально — счастливее.

Всего-всего тебе доброго и исполнения желаний — от меня и Бориса Яковлевича.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] Речь идет о моей первой неразделенной любви.

4

7 ноября 1976 г. Ленинград
На почтовой открытке с видом Кавказа

Дорогой Саня!

Мы с Б<орисом> Я<ковлевичем> очень рады, что ты так доволен работой, мне казалось, что именно в Коломне ты найдешь свое настоя-

щее призвание. Экскурсии по городу — это же история и при этом живая. А хорошие экскурсоводы очень ценятся. Даже квартиру искать не нужно,[1] то есть все у тебя будет отлично, если сам захочешь.

А мы чудесно провели лето сперва в Кисловодске, потом в Теберде и Домбае. Много путешествовали и наслаждались горным воздухом, пейзажами, фруктами.

Всего тебе самого доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна> и Б<орис> Я<ковлевич>.

[1] Имеются в виду мои безуспешные попытки устройства в Гослитмузей в Москве, а затем в Ясной Поляне, где необходима была квартира. В Коломне об этом речи не шло, так как я жил у себя дома.

5

21 декабря 1976 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

С наступающим Новым годом!

Пусть же он принесет тебе много радостей, счастье, самоутверждение в твоей интересной, по-настоящему интересной работе и чтобы тебя на ней тоже заметили. Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.
Б<орис> Я<ковлевич> присоединяется.

6

Апрель 1980 г. Ленинград

Дорогой Саня!

И Борис Яковлевич, и я — мы рады, что у тебя все прошло благополучно с операцией и что ты себя в общем хорошо чувствуешь. Не знаю, правда, хорошо ли путешествовать после операции. Ведь в дороге с человеком все может быть — и удариться, и упасть, и чемоданом толкнуть. М<ожет> б<ыть>, разумнее подождать 2—3 месяца? — Ну, да это дело твое. А мы живем потихоньку. Много работаем, устаем, но рады, что труды не пропадают даром. После бурного юбилея Б<ориса> Я<ковлевича> в декабре,[1] сейчас идут рабочие будни. Почти нигде не бываем. Сходили только на «Гараж»[2] — очень понравилось — и на «Снегурочку» в Малый[3] — тоже отлично. Иногда «балуемся» — «те-

ликом», — вот и все наши развлечения. Благодаря собакам, Б<орис> Я<ковлевич> каждый день полтора-два часа гуляет. А ты когда-либо выходишь просто так — подышать? — Это очень важно для нас — людей умственного труда. Но тебя, очевидно, «прогуливают» экскурсии, которые, надеюсь, ты не бросил. Ты должен очень хорошо водить экскурсии. Да это и интересно. Знаю по себе. Всего тебе доброго и, прежде всего, здоровья.

Б<орис> Я<ковлевич> — кланяется.

Разумеется, будешь в Л<енингра>де, звони и заходи.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] 18 декабря 1979 г. Б. Я. Бухштабу исполнилось 75 лет — этот юбилей, по-видимому, отмечался достаточно широко.

[2] Известный кинофильм Эльдара Рязанова.

[3] Очевидно, речь идет об опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» в Малом оперном театре.

7

15 декабря 1980 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня,

с Новым годом!

Пусть наступающий 1981 год принесет тебе много радостей, счастье, исполнение творческих замыслов и новых желаний!

Г<алина> Г<ригорьевна>.

Б<орис> Я<ковлевич> тоже желает тебе всего самого лучшего. Как твои дела?[1]

[1] По-видимому, Г. Г. Шаповалова имеет в виду мои аспирантские дела — в это время я сдавал экзамены кандидатского минимума на факультете журналистики МГУ.

8

11 февраля 1981 г. Ленинград

11-2-81. Ленинград.

Дорогой Саня!

Галина Григорьевна и я поздравляем тебя с выходом твоей первой (так ведь?) печатной работы[1] и благодарим за ее присылку. Материал

ее интересный, но отобран неточно: неясно, почему к окказиональной камерной фразеологии ты относишь названия произведений Толстого, его философские формулировки, символы его произведений («потухшая свеча»), выражения вообще не индивидуальные («недоброе чувство» и пр.). Надо, видно, дать точное лингвистическое определение камерной фразеологии и сделать лингвистические выводы, которых в работе нет.

Будем рассматривать эту статью как предварительную заявку и ждать дальнейшей, более серьезной разработки темы.

Обнимаем тебя.

Г<алина> Г<ригорьевна>.
Твой Б. Бухштаб.

[1] Речь действительно идет о моей первой научной публикации, вышедшей в республиканском сборнике «Проблемы русской фразеологии» (Тула, 1979. С. 75—82) под заглавием «О понятии „камерная фразеология“ (на материале фразеологии семьи Л. Н. Толстого)». При встрече Борис Яковлевич отговаривал меня от занятий лингвистикой, и не зря. Я тогда же занялся литературоведением, что мне гораздо больше подходило.

9

4 января 1983 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

Поздравляем тебя с Новым годом!

Пусть наступающий год будет для тебя очень счастливым, полный свершений твоих творческих замыслов и неожиданных радостей.

Г<алина> Г<ригорьевна> и Б<орис> Я<ковлевич>.

P. S. А отцу не грех было бы и написать, да узнать, как он там. А что Лида[1] просила осенью не приезжать, так ей было не до гостей, так как положение и состояние отца было очень тяжелое, он перенес 2 операции, а она выполняла за него всю нагрузку и дежурила в больнице.

[1] *Новинская* Лидия Петровна (р. 1937), вторая жена моего отца. Речь идет о Петрозаводском (Карельском) пединституте, где они оба работали.

10

15 января 1984 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Рукой Б. Я. Бухштаба:

Дорогой Саня!

Спасибо за поздравление. И мы с Г<алиной> Г<ригорьевной> тебя поздравляем и желаем тебе здоровья и всяких достижений и успехов. Спасибо за аннотацию в Р. Ж.,[1] по-моему, удачную.

Твой Б. Бухштаб.

Дорогой Саня,

Желаю тебе счастья и успеха во всех начинаниях.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] В № 5 реферативного журнала за 1983 г. (Общественные науки в СССР. Сер.: Литературоведение. С. 94—96) был опубликован мой реферат о книге Б. Я. Бухштаба «Литературоведческие расследования» (М., 1982), в которой были собраны его статьи о разных «сюжетах» русской литературы и литературно-критической полемики XIX в.

11

28 марта 1986 г. Пицунда
На почтовой открытке с видом Нового Афона

Дорогой Саня,

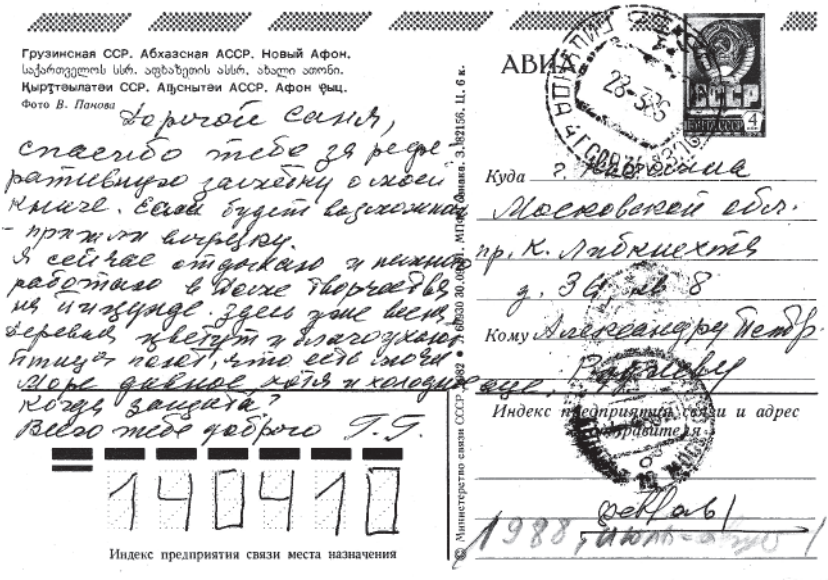
Спасибо тебе за реферативную заметку о моей книге.[1] Если будет возможность — пришли вырезку.

Я сейчас отдыхаю и немного работаю в Доме творчества на Пицунде. Здесь уже весна, деревья цветут и благоухают, птицы поют, что есть мочи. Море дивное, хотя и холодное еще. Когда защита?

Всего тебе доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] Очевидно, речь идет о книге: Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост.: Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л., 1985, которая сохранилась в моей библиотеке, однако уточнить, где опубликована была моя заметка, в настоящее время затруднительно.



Почтовая открытка Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу от 28 марта 1986 г. Лицевая и оборотная стороны

13

10 декабря 1986 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня!

Тебя и маму поздравляю с Новым годом!

Пусть для вас этот год будет счастливым и благополучным. Пусть печатаются твои статьи и благополучно проходит предзащита и защита. Письмо твое получила — спасибо. Жаль, что у тебя нет близких друзей, так было бы как-то теплее и веселее. Ну, да будут, начиная с 1987 года.

Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

14

26 декабря 1987 г. Ленинград
На поздравительной новогодней открытке

Дорогой Саня,

с Новым годом!

Пусть наступающий год будет счастливым! Пусть принесет тебе действительно настоящее счастье, большое, светлое, чтобы всё с работой устроилось в лучшем виде, а диссертация идет своим ходом — когда-нибудь дойдет.[1] Торопиться не следует. Привет и поздравление маме. Всего доброго.

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] У меня в это время была отложена защита диссертации.

15

10 октября 1988 г. Ленинград
На почтовой открытке с видом стрелки Васильевского острова

Дорогой Саня!

Ты просто молодец. Я получила твой автореферат, спасибо. Тьфу-тьфу-тьфу! Хочется думать, что все пройдет нормально![1] Автореферат

интересный и говорит о большой, проделанной тобой работе. Ни пуха — ни пера!

Г<алина> Г<ригорьевна>.

[1] Защита моей кандидатской диссертации на тему «Леонид Андреев — публицист и литературно-художественный критик: проблематика, стиль» состоялась 11 ноября 1988 г. на факультете журналистики МГУ и прошла успешно. 15 ноября 1988 г. от Галины Григорьевны пришла телеграмма: «Поздравляю тебя, маму, очень-очень рада. Галина Григорьевна».

ФЕТОВСКИЕ ДНИ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Л. В. Герашко, В. А. Лукина

«ИЗ ВРЕМЕНИ — В ВЕЧНОСТЬ». ПОЭТ И ЕГО ТАЙНА
Экскурсия по выставке к юбилею А. А. Фета в Пушкинском Доме

На афише юбилейной выставки к 200-летию Афанасия Фета, проходившей в ИРЛИ РАН с 16 ноября 2020 по 16 марта 2021 года, мы видим этюд Я. П. Полонского: притягивает взгляд маленькая, удаленная от зрителя фигурка старого поэта, который спускается с крыльца в сад. Земной жизни Фету осталось только два года, впереди — вечность. Сад символизирует воплощение и завершение его трудов и вечное цветение его поэзии.

Выставка называется фетовской строкой «Из времени — в вечность» и имеет подзаголовок: «Поэт и его тайна». Присутствие этой тайны ощущали его современники и потомки, собратья-поэты и читатели. Лев Толстой поражался: «И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов»; у Н. Н. Страхова читаем: «...он в своем роде поэт единственный, несравненный, дающий нам самый чистый и настоящий поэтический восторг, истинные бриллианты поэзии <...> Кто восхищается стихами Фета, тот действительно знает толк в поэзии»; П. И. Чайковский называл его поэтом «безусловно гениальным» и отмечал: «...Фет, в лучшие свои минуты, выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена <...>. Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант <...>».

Фет был человеком несгибаемой воли, железной рукой ковавший свою судьбу — успешным хозяйственником, общественным деятелем, яростным публицистом, оригинальным мыслителем, последовательно и целеустремленно проводившим в жизнь свои убеждения. Но для нас он прежде всего — великий русский лирик, чьи стихи сопровождают всех с ранних лет, поэтому главным образом мы старались предста-

© Л. В. Герашко, В. А. Лукина, 2021
DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-559-569

вить поэтическое наследие Фета на фоне важнейших вех его жизненного пути.

В качестве «девиза» выставки мы взяли фетовскую строфу, отражающую «символ веры» поэта — суть его лирического дерзновения — ощущение непосредственной связи между мирами — видимым и невидимым, присутствия в нашей трехмерной жизни четвертого измерения:

Пускай клянут, волнуяся и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, не тонущей ногой.

Очень важен для поэтического мировосприятия Фета образ неба, поэтому все пространство выставки окружено небесами — утренняя заря, яркий день, «вечерние огни» и звездная ночь — с Млечным путем, символизирующим дорогу к вечности. Круговороту времени суток соответствуют смена времен года и периоды жизни поэта — рождение, юность, молодость, зрелое мужество, старость и смерть.

Относящиеся к вышесказанному изображения расположены на шести пристенных модулях, которые окружают витрины, и являются смыслообразующими доминатами. На каждом из модулей помещено стихотворение Фета или его высказывание, в котором сфокусирована основная мысль, заложенная в содержание соответствующей витрины. В двух случаях они содержат также и основную информацию (это относится к модулям, посвященным многогранной деятельности Фета переводчика, критика и публициста). Такой прием позволил задавать отдельные темы и одновременно — акцентировать внимание зрителя на тех моментах, которые авторам концепции представлялись важными для интерпретации этих тем.

В витринах же (четырех малых по периметру зала и двух больших в центре), а также в кубах сосредоточены сокровища рукописного, музейного и книжного собраний Пушкинского Дома.

Выставку открывает бюст Николая I, обозначающий целую эпоху русской жизни и фетовский культ этого царя, который в его представлении олицетворял Порядок (с большой буквы), воинскую дисциплину, служение отечеству и одновременно являлся просвещенным покровителем наук и искусств — то есть воплощал тот кодекс нравственных понятий, которого Фет устойчиво придерживался на протяжении всей жизни.

Первый модуль условно назван по начальной строке стихотворения: «Я русской...», которое представлено на фоне утреннего неба поздней осени или ранней зимы — времени рождения Фета 23 ноября

(5 декабря); в верхней части модуля помещен герб рода Шеншиных, отсылающий к непростой истории происхождения поэта, его самоощущению как русского потомственного дворянина, с раннего детства усвоившего, что он Шеншин, впитавшего рассказы о своих предках-воеводах, о прадедушке Петре Афанасьевиче, ездившем на лошадях, кованных серебром. Судьба распорядилась так, что Фету пришлось не только вернуть утраченное родовое имя и дворянство, но и остаться единственным достойным наследником этой ветви Шеншиных.

К первому модулю примыкает витрина, в которой выложены материалы, освещающие ранние годы жизни Фета, начало поэтического пути и его службу сначала в армейском Кирасирском Военного Ордена полку, а затем в гвардейском Уланском. Время военной службы Н. Н. Страхов метко охарактеризовал «второю яркою эпохою в жизни Афанасия Афанасьевича»: «Много трудов и волнений, много радостей, строгая дисциплина службы, множество разнообразных лиц, успехи в любви, в дружбе, в литературе — всем была богата эта жизнь. И можно прямо сказать, что на Афанасии Афанасьевиче до конца были ясно видны два отпечатка: старого помещичьего быта, с его тонкою общительностью и изяществом жизни, и военной службы николаевских времен, с ее строгим пониманием власти и обязанности».

В витрине находятся: издание «Лирического Пантеона» — первого поэтического сборника Фета 1840 года, альбом Александры Львовны Бржеской, красавицы жены херсонского помещика Алексея Федоровича Бржеского, с которыми поэт завязал дружеские отношения в 1845 году, вскоре после того, как поступил в расквартированный в Новороссийском крае кирасирский полк. За восемь лет службы в Херсонской губернии он часто бывал в имении Бржеских — Березовке и на всю жизнь сохранил об этом светлые воспоминания. Свидетельство тому — записанные в альбом стихи Фета 1840-х годов. В витрине представлена копия одного из них — знаменитого «Я пришел к тебе с приветом...», под которым проставлены дата — 10 мая 1847 года и место — Березовка.

Рядом с альбомом — одно из самых пронзительных обращенных к Бржеской стихотворений «Далекий друг, пойми мои рыданья...», завершающегося строками:

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,

Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.

Не случайно Толстой назвал это стихотворение «прекрасным» и прибавил: «Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдут только отломанный кусочек: *в нем слишком много слез*, то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться». Представленный в витрине текст — ранняя редакция из рабочей тетради — словно создан для текстолога: на первый взгляд, беловой автограф, но уже в начальной строке притаились три варианта стиха (в том числе и самый первый: «Далекий друг, прими мои стенанья»).

Неказистый на вид клочок почтовой бумаги содержит еще одно обращенное к Бржеской четверостишие — это один из немногих уцелевших фрагментов писем Фета к старинной приятельнице (в конце жизни она, как известно, сожгла письма поэта). На нем мы видим две подписи — «А. Шеншин» и «А. Ф.», первая была подписью под несохранившимся текстом письма, вторая — криптоним известного имени — Афанасий Фет. Поэт не раз обыгрывал это свое «двойное бытие», например в стихотворении «Наш шеф — владыка полусвета...» на празднование 25-летия шефства Александра II над л.-гв. Уланским полком в 1874 году («Везде душа улана Фета / И отставного Шеншина») или в другом месте: «Я между плачущих Шеншин, / А Фет я только средь поющих».

Здесь же находятся материалы, непосредственно относящиеся к воинской службе — страница автобиографии поэта, составленной в 1877 году; портреты командиров Орденского полка Александра Богдановича Энгельгардта и Карла Федоровича Бюлера; крошечная записная книжка Фета, открытая на странице с позднейшими адресами Энгельгардта и Бюлера, с которыми он поддерживал связь и по окончании службы; черновик автобиографической повести «Семейство Гольц» (1870) из «новороссийской былой жизни», действие которой разворачивается в небольшом городе К., то есть Крылове (Новогеоргиевске), где располагался полковой штаб. К еще одному яркому эпизоду кавалерийской службы отсылает и литография с акварели к рассказу «Не те», иллюстрирующая основной его эпизод, в котором Фет, сопровождаемый «линейными» четырех эскадронов своего полка, подъезжает к императору Николаю I, принимавшему смотр. Тут же в витрине письмо к другу детства и однополчанину Ивану Петровичу Борисову от 3 марта 1849 года, написанное месяц спустя после назначения Фета полковым адъютантом, с упоминанием об окружающих его «гоголевских виях». В нем же Фет, скорее всего впервые, говорит о начале своего чувства к Марии Лазич.

В простенке между первым и вторым модулями помещены портрет Фета-улана, предположительно работы К. К. Гампельна, и акварели, изображающие офицеров и нижних чинов армейского и гвардейского полков, в которых служил поэт, а также шефа л.-гв. Уланского полка цесаревича Александра Николаевича.

На стенде с условным названием «Москва», на фоне весеннего неба над Замоскворечьем — начало стихотворения «Был чудный майский день в Москве...», а рядом в витрине находятся материалы об учебе Фета на словесном отделении Московского университета, где, как известно, он был далеко не из числа усердных студентов и, «вместо того чтобы ревностно ходить на лекции», «почти ежедневно писал новые стихи». Это время принято считать одним из самых счастливых в жизни поэта.

Из немногих профессоров, о которых Фет вспоминал с сердечной признательностью, уважением и любовью, особо выделяется Степан Петрович Шевырев, читавший курс истории российской словесности. Именно он фактически взял на себя роль наставника начинающего поэта, активно содействуя публикации его стихотворений; благодаря ему завязалось плодотворное сотрудничество молодого студента в журнале «Москвитянин», на страницах которого впервые увидели свет фетовские циклы «Офелии», «Снега», «Гадания», «Мелодии». Он же поддержал и новый вид поэтической деятельности Фета — страстное увлечение переводами Горация, начавшееся на втором курсе с «выпуклых и изящных объяснений» молодого профессора Дмитрия Львовича Крюкова. С Горацием Фет не расстанется всю свою творческую жизнь, под знаком Горация фактически начнется личное общение с И. С. Тургеневым в Спасском в 1853 году, напоминанием о котором служит томик «Од» 1856 года, отредактированных и изданных при непосредственном участии писателя. Переводы Горация включались практически во все поэтические сборники, начиная с «Лирического Пантеона» и заканчивая «Вечерними огнями». За издание русского Горация в 1883 году поэту была присуждена Академией наук полная Пушкинская премия.

Юношеский голос Фета мы слышим в письмах к Иринарху Введенскому, письма к нему — едва ли не единственные документы из этой ранней поры. Письмо, которое представлено в витрине, напоминает о роли этой неоднозначной личности в жизни поэта. Здесь повествуется и о страстном увлечении Шиллером.

Памятью о дружбе с Аполлоном Григорьевым является комплекс документов — в том числе фотографии дома Григорьевых на Малой Полянке, пребывание в котором Фет в «Ранних годах...» называет «истинной колыбелью» своего «умственного „я“». Здесь собирались

Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, князь Черкасский и мн. др. Небольшой домик с мезонином располагался за несколько сажен до церкви Спаса Преображения в Наливках, лицом во двор, где росла та самая «Печальная береза...» из фетовского стихотворения. Мы видим и «антресоли», где бок о бок шесть лет прожили «Афоня и Аполлоша». В витрине представлены посвященная Фету повесть последнего «Человек будущего», а также материалы, связанные с появлением в 1850 году второго поэтического сборника, составленного старанияими А. Григорьева и им же чуть не погубленного. В простенке за вторым модулем помещены виды московских домов, связанных с жизнью поэта.

Приезды гвардии поручика Фета в Петербург по делам службы из Новгорода и его общение с кругом некрасовского «Современника» отражены как в настенной развеске, так и в витринных материалах.

Знакомству и последующей дружбе с Толстым и Тургеневым, истории сборника 1856 года, женитьбе Фета в 1857 году на Марье Петровне Боткиной, взаимоотношениям с семейством Боткиных посвящена первая большая витрина. Особое место в ней отведено теме любви и семейного счастья. Главной реликвией является альбом Марьи Петровны, в который 8 апреля 1857 года, получив согласие на свое предложение руки и сердца, Фет вписал обращенное к ней стихотворение «Победа! Безоружна злоба...». Завершают его ликующие строки:

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.

Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

В этот альбом Марья Петровна впоследствии вложила засушенные цветы из своего свадебного букета, и этот дошедший до нас хрупкий сувенир тоже представлен на выставке. Витринными текстами, комментирующими экспонаты, видом писем, летящих к невесте, изображенных на модуле, мы стремились разрушить стереотип, в соответствии с которым женитьба Фета упорно продолжает считаться браком по расчету.

Уникальным экспонатом, помещенным в первую большую витрину, является рабочая тетрадь Фета 1850-х годов в темно-коричневом переплете (ранняя из двух сохранившихся тетрадей со стихами). Помимо лирических шедевров этой поры, в нее внесено большинство

стихотворений «боткинского периода», написанных, по словам самого поэта, «под влиянием» Марьи Петровны — упоминавшееся уже стихотворение «В альбом. В первый день Пасхи», «Еще майская ночь», «Цветы», «Расстались мы, ты странствуешь далече...», «Был чудный майский день в Москве...», «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», «Я был опять в саду твоем...» и др.

Оставляя полное описание представленных на выставке экспонатов на будущее, невозможно не упомянуть о знаменитом рисунке-шарже Тургенева, отразившем предмет постоянных споров между Тургеневым и Фетом — о роли «разума» в искусстве. Эта витрина заканчивается сборником «Стихотворений» 1863 года, а соседняя большая переносит нас сразу же в период «Вечерних огней». Мостиком, связывающим их, выступают два следующих модуля, на которых представлена деятельность Фета-переводчика, подарившего русской культуре римских классиков, Шопенгауэра и гётевского «Фауста», а также Фета — хозяйственника, мирового судьи, самобытного публициста и общественного деятеля. Бюст Александра II знаменует собой смену государственной политики и начало масштабных реформ, в эпицентре которых оказалась деятельность Фета-фермера и Фета — мирового судьи Мценского уезда.

Между модулями на этой стене помещены фотоснимки Сергея Дмитриевича Боткина, сделанные им в фетовском имении Воробьевка: виды дома, его интерьеров, парка, окрестностей. Хранящийся в Пушкинском Доме знаменитый фотоальбом «Воробьевка» дает возможность представить обширные теплицы, лошадей фетовского конного завода, тщательно ухоженный парк и общий вид усадьбы. Эти снимки демонстрируют размах и основательность хозяйственной деятельности поэта, которые поясняются его словами, приведенными на модуле: «Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом, пружины которого для нас скрыты, настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом». (Надо сказать, что вид вспаханного поля на модуле, посвященном Фету-хозяину, стихотворение «Первая борозда» в витрине и скульптура пашущего Толстого были объединены не без умысла.)

На модуле можно вчитаться в первые страницы публикаций Фета, самые названия которых дают представление о том, какие вопросы его волновали: цикл очерков «Из деревни», посвященных опыту применения вольнонаемного труда в России, о воспитании и образовании — «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (1867); «Наши корни» (1882), «На распутьи» (1884) — посвященные вопросам выбора послереформенных путей развития сельского хозяйства

и промышленности, ряд статей по самым разнообразным вопросам судопроизводства, коннозаводства и мн. др.

Феномену появления «Вечерних огней» — юношески свежих и философски мудрых стихов, посвящен замыкающий эту стену модуль и, отчасти, материалы следующей большой витрины, где находится вторая рабочая тетрадь Фета с его позднейшими стихами. Сюда же мы поместили прозаический шедевр Фета — автобиографический рассказ «Кактус» с «портретом» цветущего «героя» этого рассказа, запечатленного Я. П. Полонским спустя два года после описанных событий.

Гордостью нашего рукописного собрания является переписка поэта-учителя Фета с поэтом-учеником — великим князем Константином Константиновичем. В двух владельческих красных сафьяновых переплетах, заказанных самим К. Р., находятся 119 посланий Фета и 97 К. Р.

Здесь, как и в других витринах, в силу невозможности раскрыть альбомы и рукописные тетради сразу в нескольких местах, помещены копии находящихся в них стихотворений.

К переводческой деятельности Фета, одновременной с созданием «Вечерних огней», отсылает объемистый том переводов «Метаморфоз» Овидия из библиотеки А. Н. Апухтина, в который вклеен список стихотворного посвящения графу А. В. Олсуфьеву «Вот наша книжка в толстом томе...». Сотрудничество с прославленным боевым генералом, знатоком латыни и древнеримской литературы было не единичным. К нему обращено и другое стихотворение Фета: «Второй бригады из-за фронта / Перед тобою мой Пегас...». В качестве иллюстрации к нему мы поместили рисунок дизайнера нашей экспозиции молодой художницы Дарьи Матвеевой («Пегас в шенкелях»).

Кульминацией выставки является торцовая стена зала с выполненным с натуры женой поэта Я. П. Полонского Жозефиной Антоновной бюстом Фета, помещенным на фоне звездного неба. Млечный путь за его спиной и образ летящей кометы, с которой в мировой поэзии часто сравнивается жизнь поэта, передают космизм двучастного стихотворения из первого выпуска «Вечерних огней» — «Измучен жизнью, коварством надежды...», помещенного по сторонам бюста:

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
И пламя твое узнаю, солнце мира...

В двух витринах у этой стены мы поместили материалы, рассказывающие, главным образом, об отношениях Фета с молодым Владими-

ром Соловьевым, а также о восприятии его личности и поэзии прямым наследником — Александром Блоком.

В первой из них развернут сюжет, посвященный пребыванию и творческому времяпрепровождению в Воробьевке Полонского, Страхова и Соловьева. В витрину помещены статья Соловьева о поэзии Фета и копия одного из посвященных молодому поэту стихотворений, а также издание фетовского перевода Катулла, открывающееся стихотворным посвящением Соловьеву:

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевке, —
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!

Это посвящение отсылает к совместной работе над переводом Катулла в мае 1885 года, сопровождавшейся горячими спорами. Уголок воробьевского парка изображает этюд Полонского из собрания Литературного музея Пушкинского Дома.

В последней витрине находится беловой автограф стихотворения Фета «Шопену» и изложенная А. Блоком история этого автографа, который перешел от Владимира Соловьева к матери поэта, а затем к нему самому. Здесь же дневник Блока с набросками статьи о русской поэзии, где Фету отводится наиболее значительное место в ряду поэтов — предтеч символизма. Дневник открыт на стихотворении 1898 года «Памяти А. А. Фета» («Шепчутся тихие волны...»).

Образом эстафеты, переданной уходящим поэтом новому поколению, служит рукописное посвящение на третьем выпуске «Вечерних огней»:

Тухнущий факел с вечерним мерцанием
Будущим полному, сердцу родному
С благоговением и упованием
Передаю я певцу молодому.

Вот беглый обзор материалов, представленных на выставке, и описание основных принципов ее дизайнерского решения. Повторимся: главной задачей нашей было представить поэзию Фета на фоне основных событий его жизни. Может возникнуть закономерный вопрос: но в чем же заключается тайна поэта, о которой мы дерзнули упомянуть в подзаголовке юбилейной экспозиции?

Может быть, ответить поможет Александр Блок. В статье «Искусство и революция» поэт говорил о том, что цивилизация (понятие негативное в словаре Блока и противолежащее понятию «культура») всегда стремится приспособить художника, истолковать его творчество, огонь, которым он горел, понятными для обывателя категориями. Мешает ей это сделать, по слову Блока, «яд творческих противоречий» — то неудобное, эпатирующее, что не вмещается в понятие «комильфо». Сознаемся, что и мы, выбирая из фетовского синонимического ряда определение для императора Николая I, решились взять только самое нейтральное, как если бы государь олицетворял для него не «строй», не «гармонию», а лишь Порядок с большой буквы.

Фету всегда приписывали раздвоенность: разделяли на поэта и помещика, стыдливо умалчивая о его мировоззрении, не вмещавшемся в рамки господствующей идеологии. После Октябрьской революции вообще дозволили остаться только Фету-поэту.

Теперь, когда появилась возможность судить в совокупности обо всем, что он сделал и написал в своей жизни, сопоставить его высказывания с его поступками, не исключено, что будет сделан вывод об античном ощущении противопоставленного хаосу космоса, близкого поэту, и что все его литературные и публицистические занятия, хозяйственные труды, политические идеалы были выражением стремления к упорядоченности, понимаемой как Гармония (потому и государь олицетворял собой «стройность») и как Служение. Кастальский ключ его поэзии и мировоззрение берут начало из единого источника: это чувство своей русскости, любовь к Отечеству, желание быть полезным ему во всем, будь то военная служба, деятельность в качестве мирового судьи или поэтический труд. Иными словами, мы хотели заявить о цельности личности поэта и однонаправленности его жизненной позиции доступными дизайнерскими средствами. Личность и творчество Фета все еще нуждаются в ломке многих стереотипов, в пересмотре укоренившихся мифов, и это задача, предлежащая современному литературоведению.

В заключение хотим поблагодарить всех, кто участвовал и помогал в создании юбилейной выставки: наших консультантов — заведующую Группой по изданию сочинений А. А. Фета Наталью Петровну Генералову и руководителя Литературного музея Пушкинского Дома

Юлию Вячеславовну Веретнову; главного хранителя музея, хранителя фонда живописи и скульптуры — Елену Владимировну Кочневу; хранителей фондов музея — Екатерину Юрьевну Герасимову, Валентину Сергеевну Логинову, Марию Олеговну Александрову; ведущего библиотекаря Библиотеки ИРЛИ — Елену Петровну Максимову; главного хранителя Рукописного отдела — Ирину Владимировну Кощиенко, заведующую учетом Рукописного отдела — Людмилу Дмитриевну Зародову, флориста — Татьяну Васильевну Стерненко, а также нашу помощницу — Анастасию Александровну Генералову.

Слова особой благодарности обращаем к дизайнеру Дарье Андреевне Матвеевой, на которую легло много сложных задач по художественному оформлению выставки.[1]

[1] На вклейке представлены изображения общих видов выставки, модулей, витрин, а также отдельных экспонатов (фотографии Артема Брука).

«Я БЫЛ ОПЯТЬ В САДУ ТВОЕМ»
Музыкально-поэтический цикл А. Н. Захарова для баритона, чтеца, скрипки и фортепиано

Публикация Л. В. Герашко

В 2020 году Россия отмечает 200-летие Афанасия Фета. Увеличивается период, отделяющий нас от времени, когда он жил и писал, но его поэзия продолжает трогать и волновать сердца, о чем явно свидетельствуют новые творческие импульсы, которые она порождает. Так, в рамках празднования юбилея поэта в Пушкинском Доме впервые прозвучало произведение современного петербургского композитора А. Н. Захарова «Я был опять в саду твоем».

Несколько слов об авторе. Алексей Николаевич Захаров (р. 1957) закончил Ленинградскую государственную консерваторию по классу композиции (1982). Приверженность к традициям классической русской музыки, редкий дар мелодиста позволили его учителю Владлену Павловичу Чистякову рекомендовать молодого музыканта Георгию Васильевичу Свиридову, который увидел в юноше своего единомышленника, ободрил и не переставал поддерживать на избранном пути. Творческое общение и переписка с великим композитором продолжались до самой его смерти.

Во время учебы и после нее А. Н. Захаров был участником консерваторского ансамбля, который, на взлете молодежного фольклорного движения, охватившего в 1970—1980-е годы страну, объездил с научными экспедициями почти весь Русский Север, записывая, изучая и исполняя произведения народного музыкально-поэтического творчества. На протяжении 15 лет Алексей Николаевич руководил фольклорным ансамблем Ленинградского государственного университета, а затем более 20 лет служил регентом в церковном хоре. Обогатившись и напитавшись духом народной и духовной музыки, его талант

DOI: 10.31860/978-5-94668-320-3-570-607

окреп и приобрел собственный — оригинальный и неповторимый стиль. Характерной особенностью творчества композитора является его любовь к русской поэзии, приверженность к распетому слову, раскрытому и обогащенному музыкой, что ставит его в один ряд с такими мастерами вокального творчества, как Г. В. Свиридов и В. А. Гаврилин.

Из-под пера А. Захарова вышли циклы романсов на стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, К. Бальмонта, оратория «Сергий Радонежский», опера «Наталья Долгорукая» и многие другие произведения больших и малых форм. Трижды он становился лауреатом международного композиторского конкурса «Роман Сладкопевец».[1] По рекомендации Свиридова написал музыку к нескольким фильмам, в том числе по сценарию Ю. Нагибина «Сильнее всех иных велений» — о князе Ю. Н. Голицыне, создателе знаменитого хора из крепостных крестьян.

Творческий союз с большим мастером слова актрисой Людмилой Иванищенко положил начало новому для композитора виду сочинений — сложных музыкально-поэтических композиций, в которых вокальные номера органично сочетаются с инструментальными пьесами и чтением прозаических и стихотворных текстов.

Одной из таких композиций стал цикл на стихи А. Фета для сопрано, альта, чтеца, скрипки, виолончели и фортепиано, написанный в 2010 году для концерта в рамках празднования 190-летия поэта в стенах Пушкинского Дома.[2]

Вот что вспоминает автор о своей работе: «В период написания цикла „Сияющая ночь“ мое отношение к поэзии Фета, вероятнее всего, совпадало с мнением и отношением большинства читающих и любящих ее: для меня поэтический мир Фета был преимущественно в философско-созерцательном плане. Наиболее любимым был большой поэтический сборник „Вечерние огни“, и все четыре вокальные части в цикле были написаны на слова из этого сборника. Тогда в поэзии Фета самой главной, пожалуй, была его особая музыкальность. Особая, ибо музыкальность вообще — это отличительная черта вся-

[1] В 2012 г. — за песнопение «Пасха» и хоровой триптих «Псалмы Давидовы»; в 2014 г. — за ораторию «Похвала Сергию»; в 2016 г. — за оперу «Наталья Долгорукая».

[2] Концерт состоялся в Пушкинском Доме 23 ноября 2010 г. В нем приняли участие н. а. России О. Кондина (сопрано), лауреаты международных конкурсов Е. Подымалкина (меццо-сопрано), П. Захаров (баритон), В. Мотин (скрипка), А. Самокиш (виолончель), Н. Леонтьева (фортепиано), а также Л. Иванищенко (чтение). Ноты первого романса («Шепот сердца») цикла А. Захарова «Сияющая ночь» на слова А. Фета опубликованы: *ФетСб(2)*. С. 820—826.

кой хорошей поэзии». У Фета, считает композитор, «музыкальность является доминирующей художественной идеей: он как бы сознательно создает музыку из слов.[3] Отсюда чрезвычайно изобретательная и разнообразная игра с ритмом стиха, разнообразие игры с композицией поэтической строфы и всего стихотворения. Ухо музыканта реагирует на это конкретно и сильно. Конечно, в то время для меня А. Фет был поэтом, пишущим более всего о ночи и звездах».[4]

Новым этапом в восприятии фетовской поэзии стало для А. Захарова знакомство с публикацией писем поэта к невесте и вступительной статьей к ней, где описывалась история знакомства, сватовства, обручения и ожидания свадьбы.[5] Композитор пишет: «...поэт открылся с совсем другой стороны. Легко и мгновенно были отброшены все клише и штампы, сопровождавшие его всю жизнь. Передо мной предстала личность тончайшая, нежнейшая, чувствительная, любящая, искренняя. В период жениховства он написал множество стихов, посвященных своей невесте, разнообразных по ритму и композиции, как великолепно умеет это делать Фет».[6]

Впечатление от прочитанного стало толчком к созданию нового фетовского цикла, названного по первой строке одного из стихотворений, обращенных к невесте — «Я был опять в саду твоем», для баритона, чтеца, скрипки и фортепиано, содержание которого уже является не философско-созерцательным, а лирико-психологическим. Голос певца перемежается с поющей соло скрипкой («О, если б без слова / Сказаться душой было можно!»),[7] а стихи Фета в исполнении чтеца собственной музыкой дополняют и раскрывают пропетое слово.

В юбилейном Фетовском сборнике мы публикуем для любителей вокальной музыки пять романсов для баритона и фортепиано — «Уноси мое сердце», «Я был опять в саду твоем», «Расстались мы», «Если ты любишь, как я, бесконечно», «В первый день Пасхи» — из цикла

---

[3] Ср. с высказыванием П. И. Чайковского: «...Фет, в лучшие свои минуты, выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в *нашу область*. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена, но никогда Пушкина, Гёте, или Байрона, или Мюссе. Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченным пределами *слова*. Это не просто поэт, а скорее *поэт-музыкант*, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом» (П. И. Чайковский и К. Р. / Публ. Л. К. Хитрово // К. Р. Избранная переписка. СПб., 1999. С. 52).

[4] Из письма А. Н. Захарова к автору публикации.

[5] Письма Фета к М. П. Боткиной (май — август 1857 года) / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; вступит. ст. И. А. Кузьминой // *ФетСб(3)*. С. 340—456.

[6] Из вышеприведенного письма.

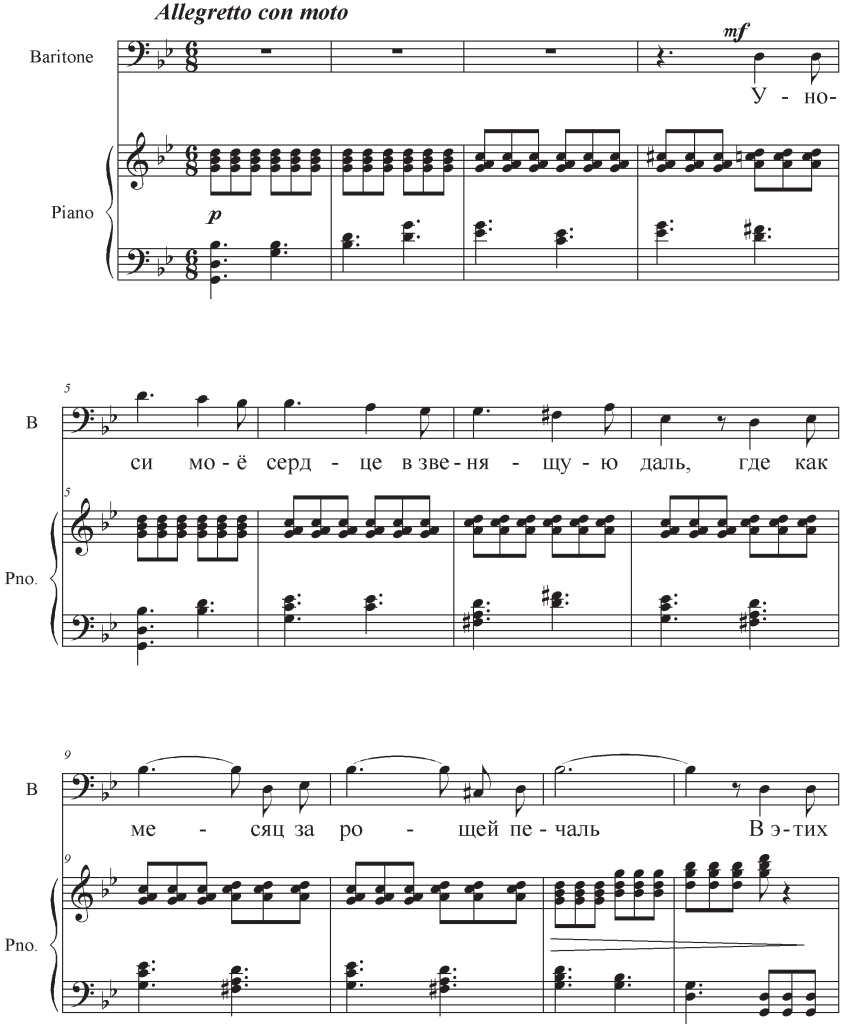
[7] Строка из стихотворения А. Фета «Как мошки зарею...».

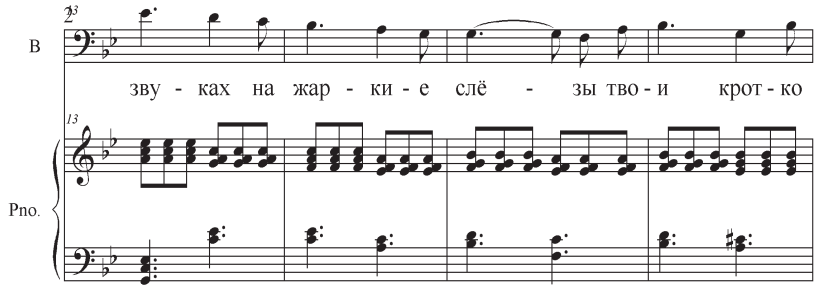
«Я был опять в саду твоем», посвященного 200-летию поэта, с надеждой на то, что это не последнее обращение большого друга Пушкинского Дома[8] композитора Алексея Захарова к творчеству великого русского лирика.

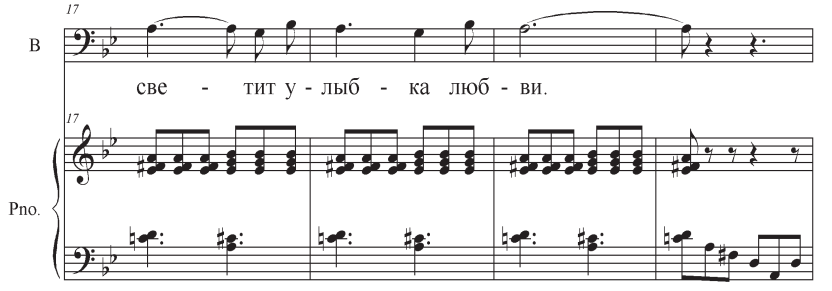
[8] В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится архивный фонд А. Н. Захарова (№ 905), содержащий музыкальные рукописи — по большей части произведения на слова русских композиторов, биографические документы и переписку композитора, в том числе письма к нему Г. В. Свиридова. В фондах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина нашли свое место ноты его циклов на стихи этих поэтов.

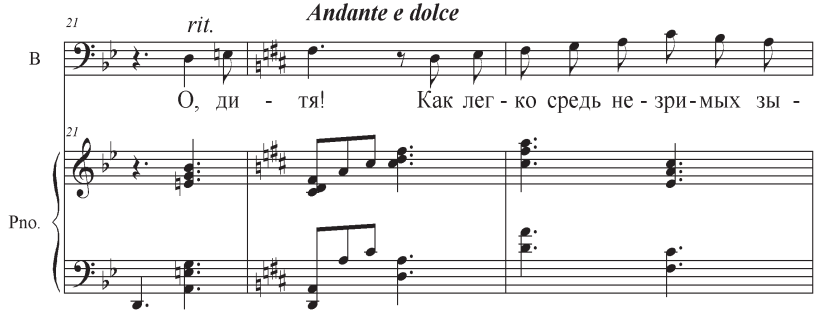
Уноси моё сердце...

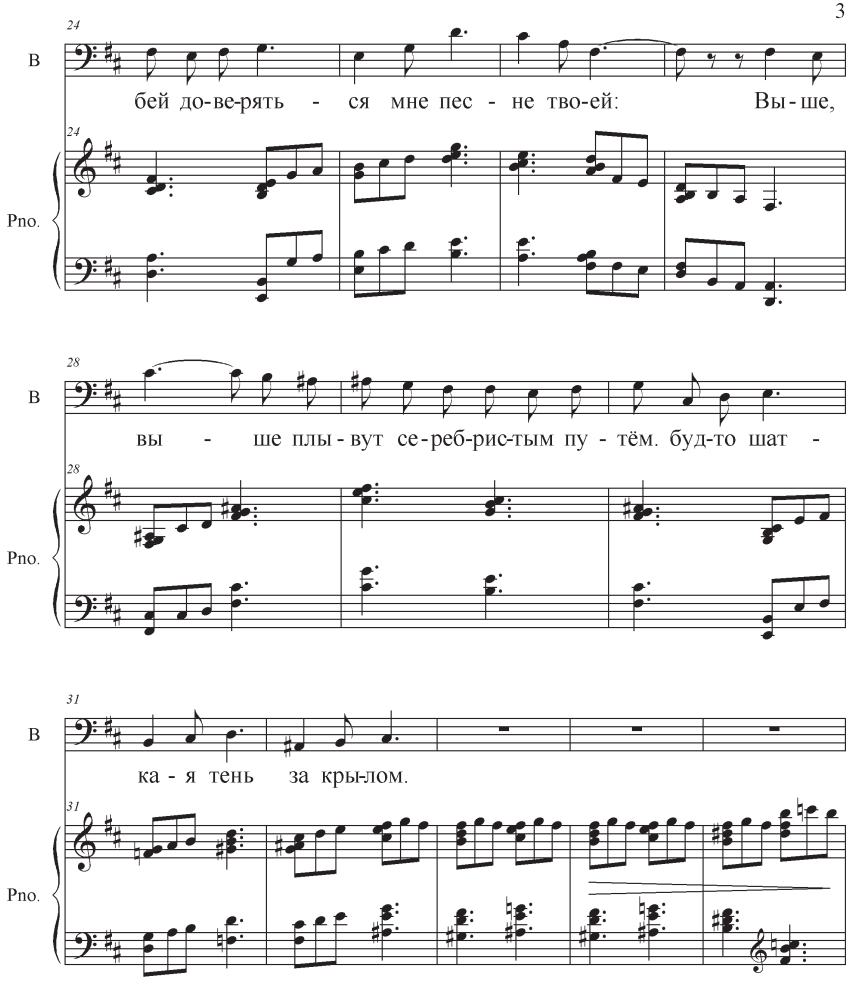
муз. А.Н.Захарова
слова А.А.Фета

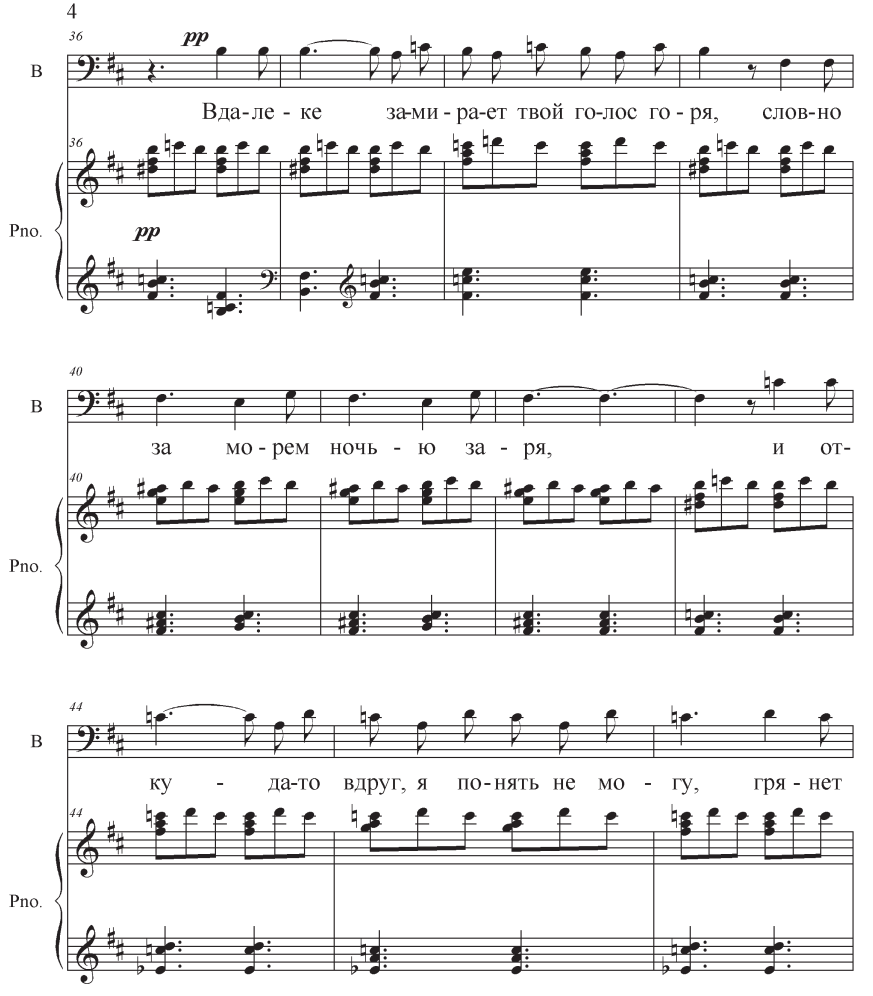


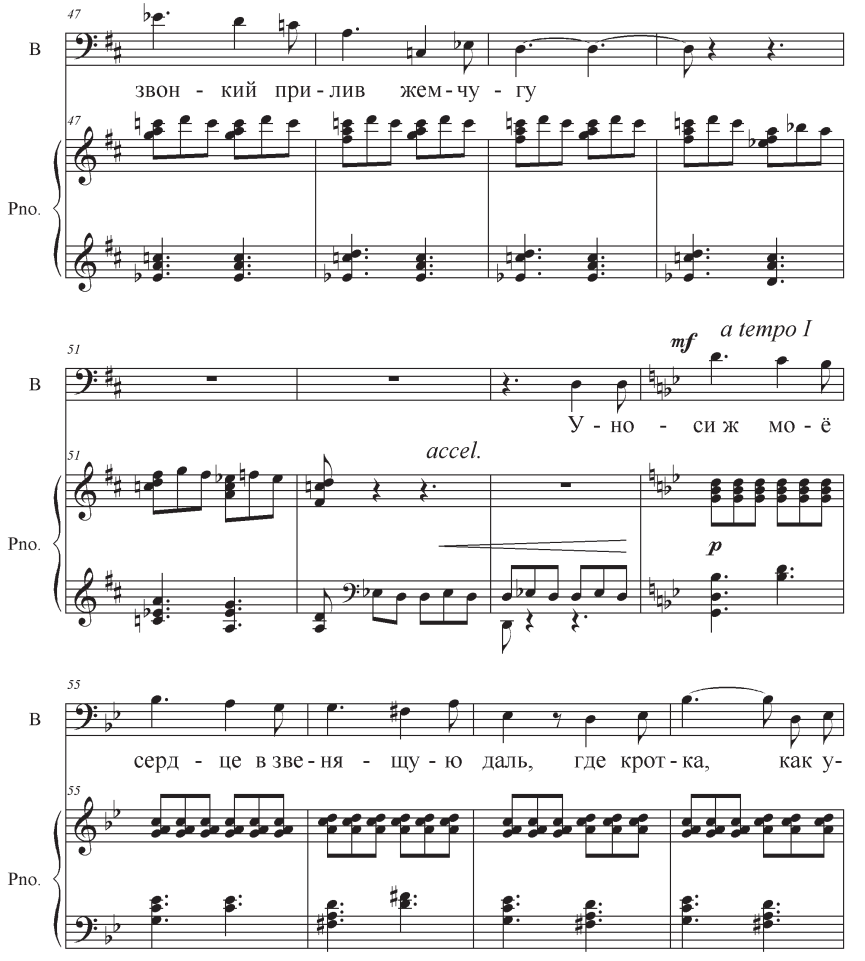

23
B
зву - ках на жар - ки - е слё - зы тво - и крот - ко
13
Pno.

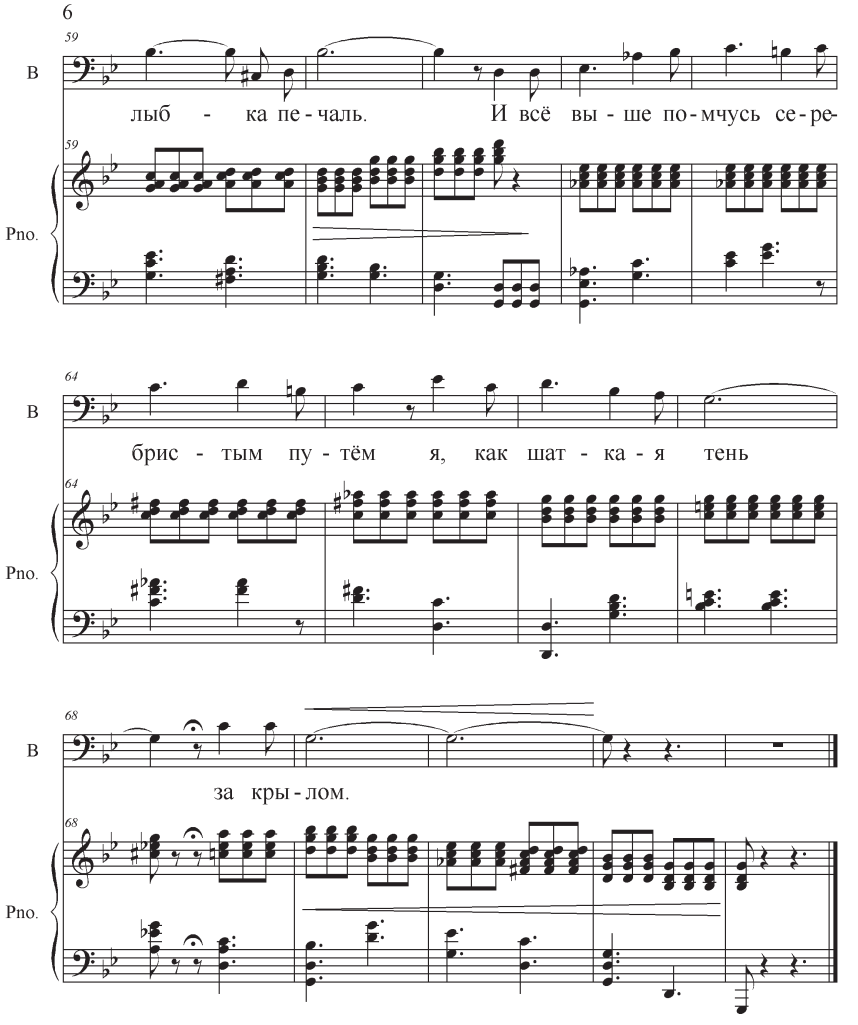

17
B
све - тит у - лыб - ка люб - ви.
17
Pno.


21
rit.
Andante e dolce
B
О, ди - тя! Как лег - ко средь не - зри - мых зы -
21
Pno.


24
В
бей до-ве-рять - ся мне пес - не тво-ей: Вы - ше,
Pno.
28
В
вы - ше плы - вут се-реб-рис-тым пу - тём. буд-то шат -
Pno.
31
В
ка - я тень за кры-лом.
Pno.

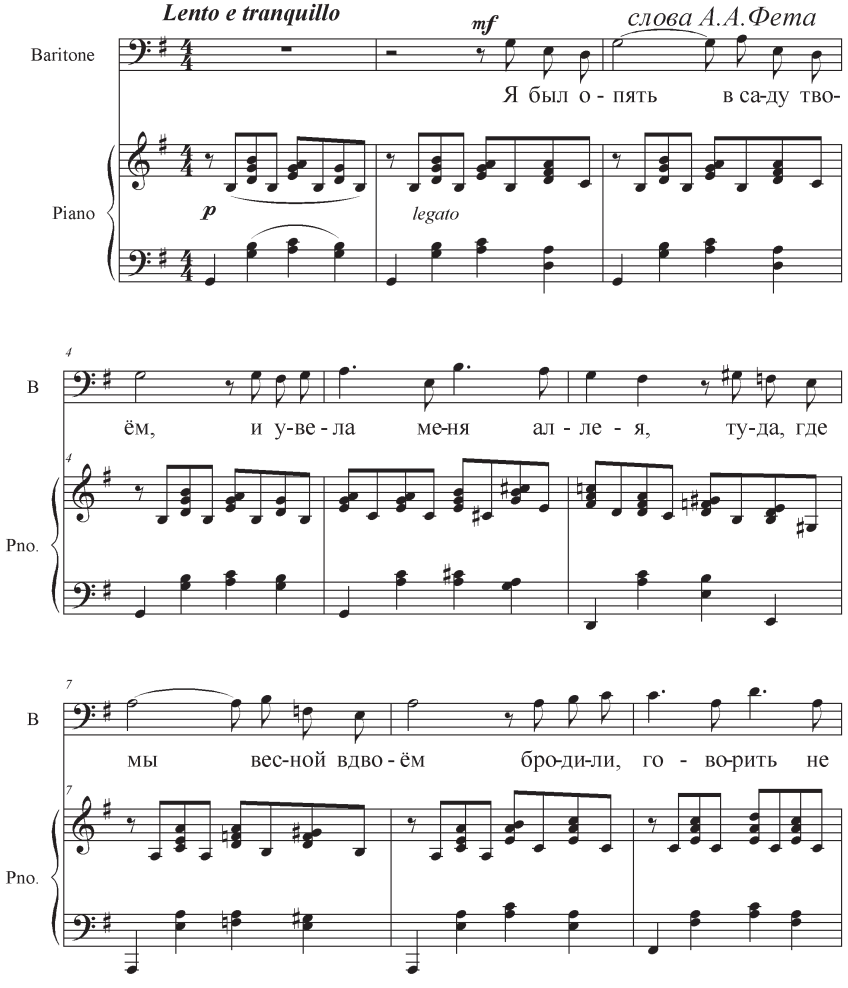

4
36
pp
B
Вда-ле - ке за-ми - ра-ет твой го-лос го - ря, слов-но
Pno.
pp
40
B
за мо - рем ночь - ю за - ря, и от-
Pno.
44
B
ку - да-то вдруг, я по-нять не мо - гу, гря - нет
Pno.

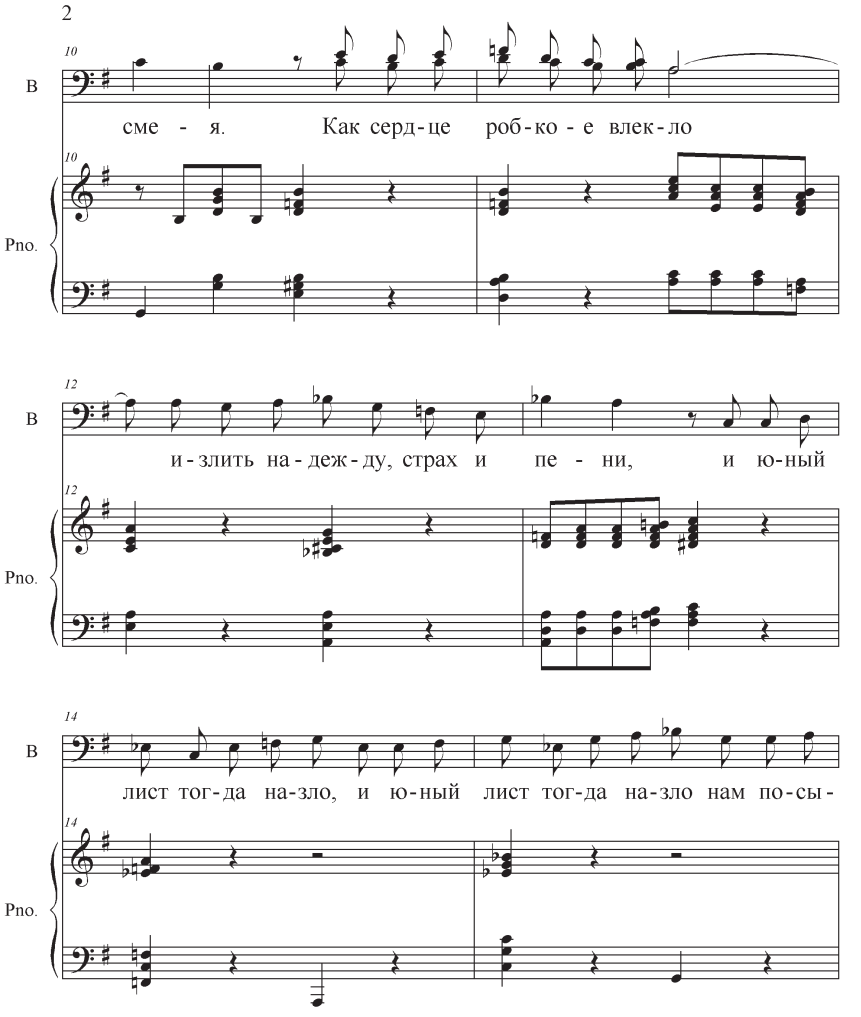

47
B
звон - кий при - лив жем - чу - гу
47
Pno.
51
mf
a tempo I
B
У - но - си ж мо - ё
51
accel.
Pno.
p
55
B
серд - це в зве - ня - щу - ю даль, где крот - ка, как у -
55
Pno.

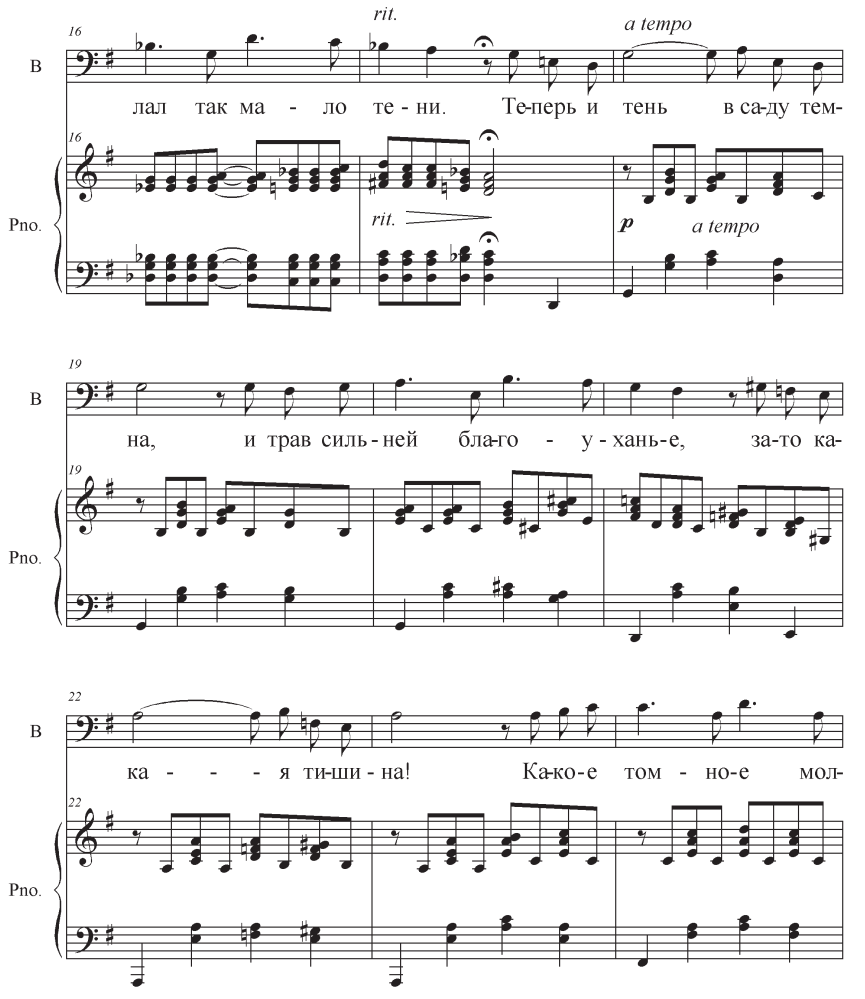

6
59
В
лыб - ка пе - чаль. И всё вы - ше по - мчусь се - ре-
Рпо.
64
В
брис - тым пу - тём я, как шат - ка - я тень
Рпо.
68
В
за кры - лом.
Рпо.

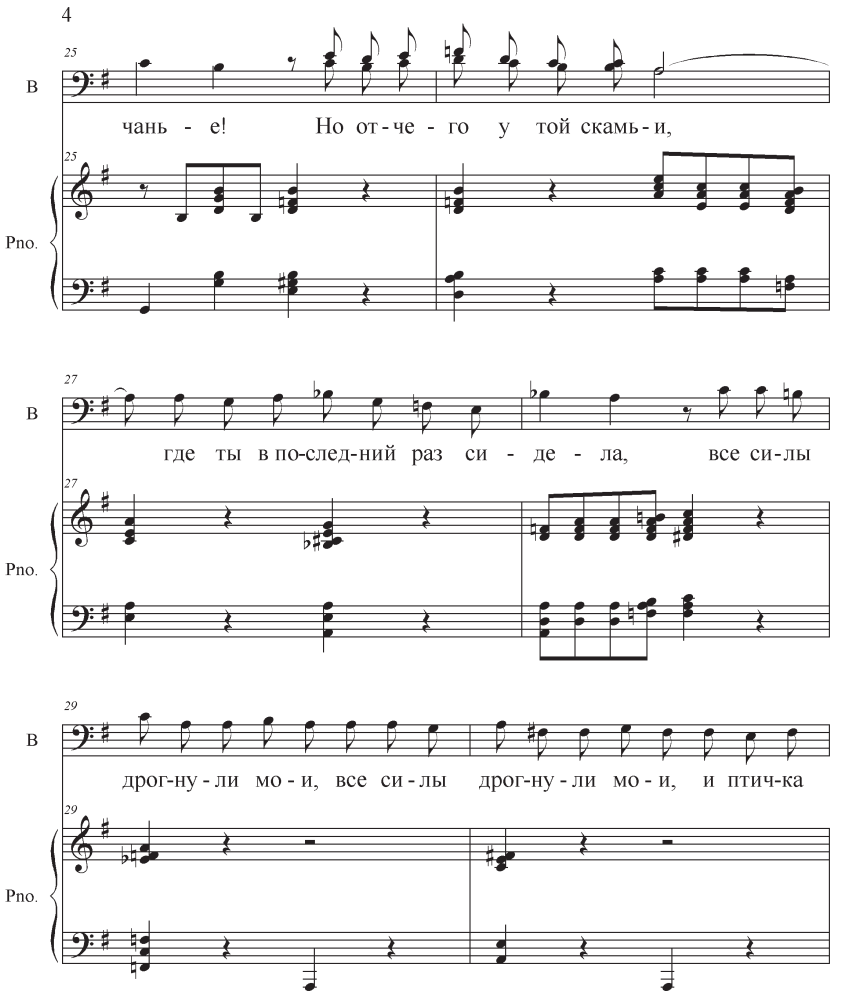
Я был опять в саду твоём...

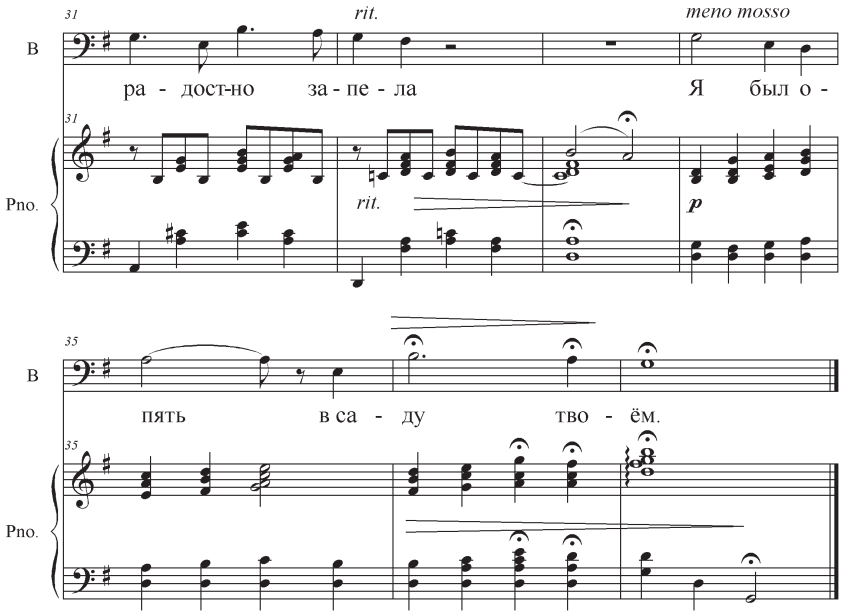
муз. А.Н.Захарова
слова А.А.Фета




2
10
В
сме - я. Как серд-це роб-ко - е влек-ло
10
Рпо.
12
В
и-злить на-деж-ду, страх и пе - ни, и ю-ный
12
Рпо.
14
В
лист тог-да на-зло, и ю-ный лист тог-да на-зло нам по-сы-
14
Рпо.

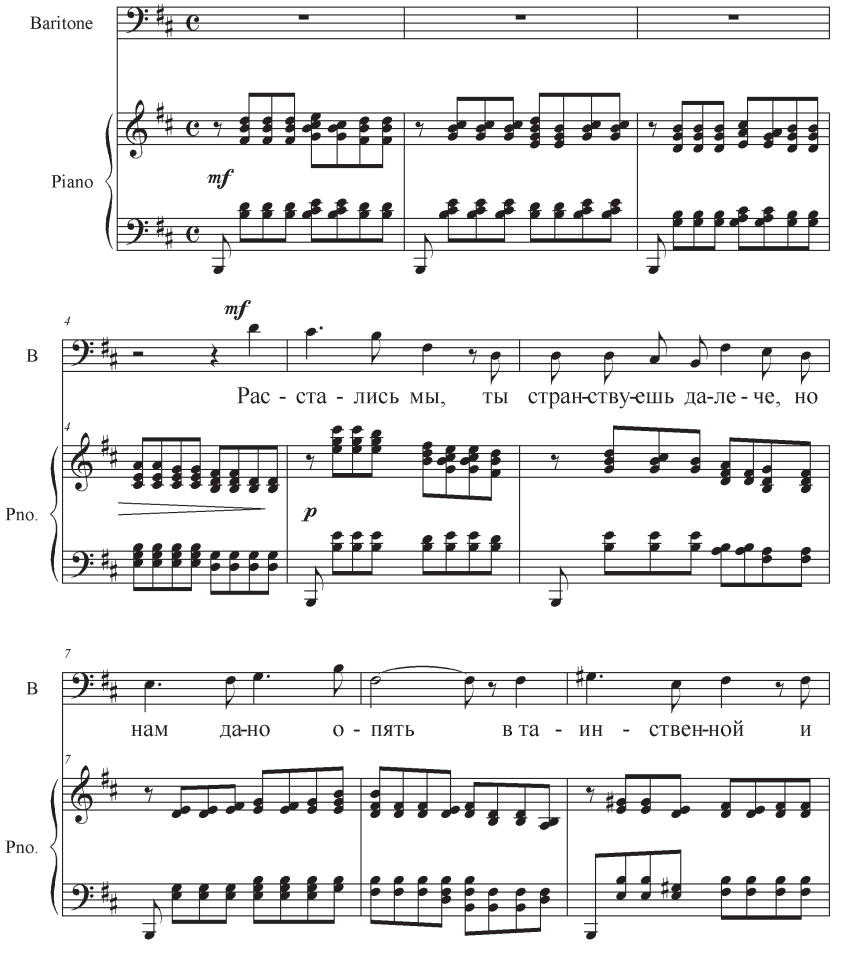

16
rit.
a tempo
В
лал так ма - ло те - ни. Те-перь и тень в са-ду тем-
Pno.
rit.
p
a tempo
19
В
на, и трав силь-ней бла-го - у-хань-е, за-то ка-
Pno.
22
В
ка - - - я ти-ши-на! Ка-ко-е том - но-е мол-
Pno.

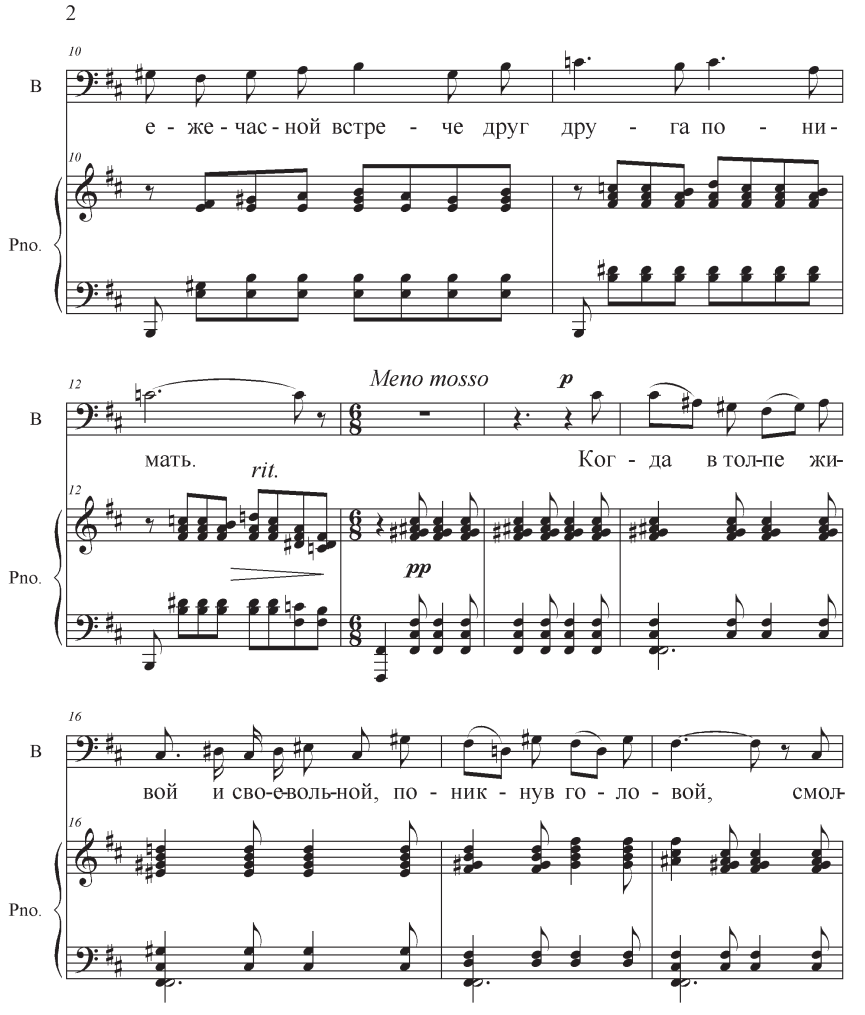

4
25
В
чань - е! Но от - че - го у той скамь - и,
25
Pno.
27
В
где ты в по-след-ний раз си - де - ла, все си-лы
27
Pno.
29
В
дрог-ну - ли мо - и, все си - лы дрог-ну - ли мо - и, и птич-ка
29
Pno.

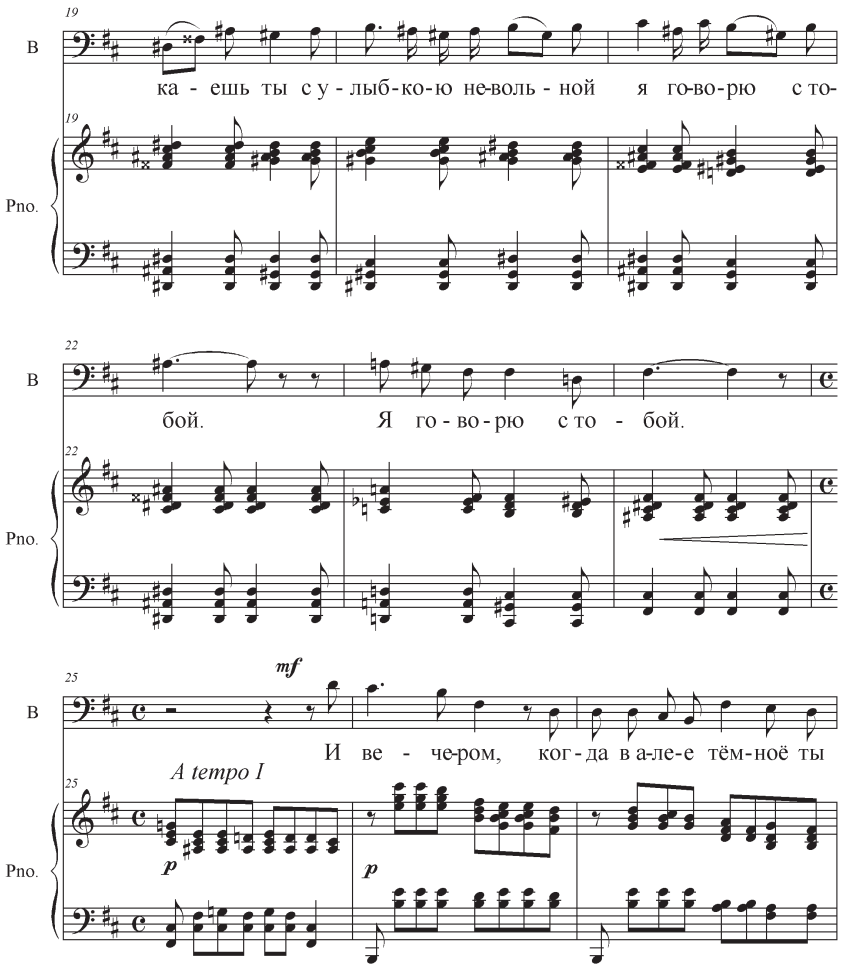

31
rit.
meno mosso
B
ра - дост-но за - пе - ла Я был о -
31
Pno.
rit.
p
35
B
пять в са - ду тво - ём.
35
Pno.

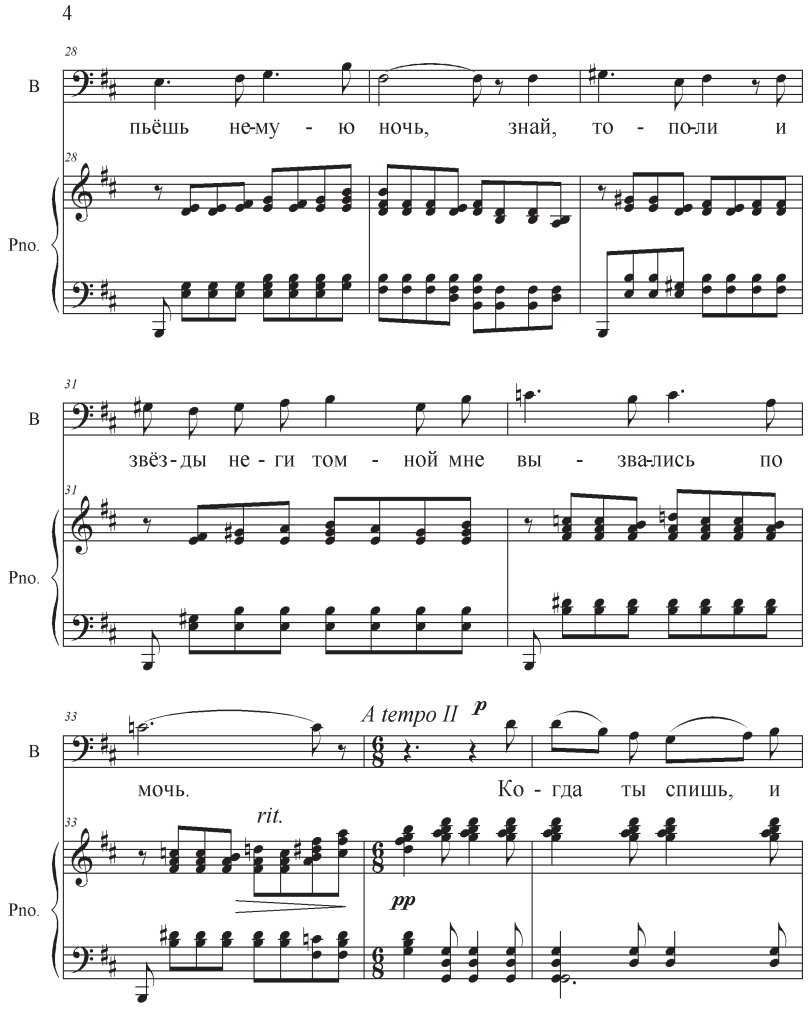
Расстались мы...

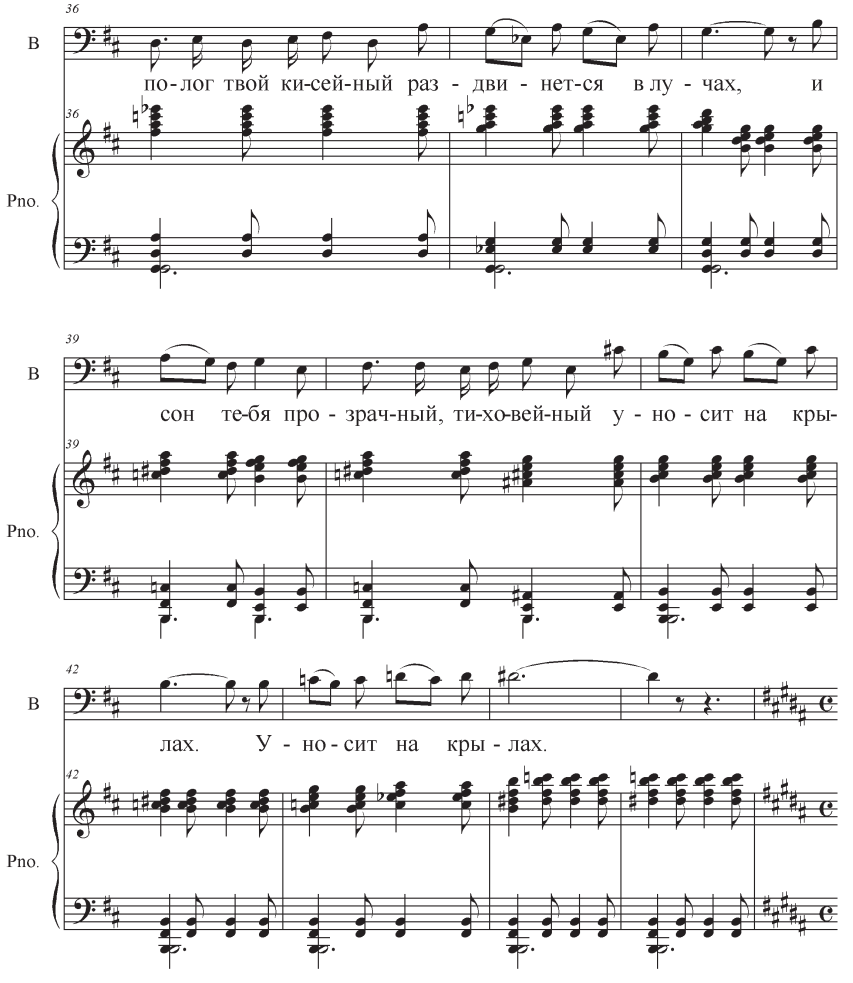
муз. А.Н.Захарова
слова А.А.Фета

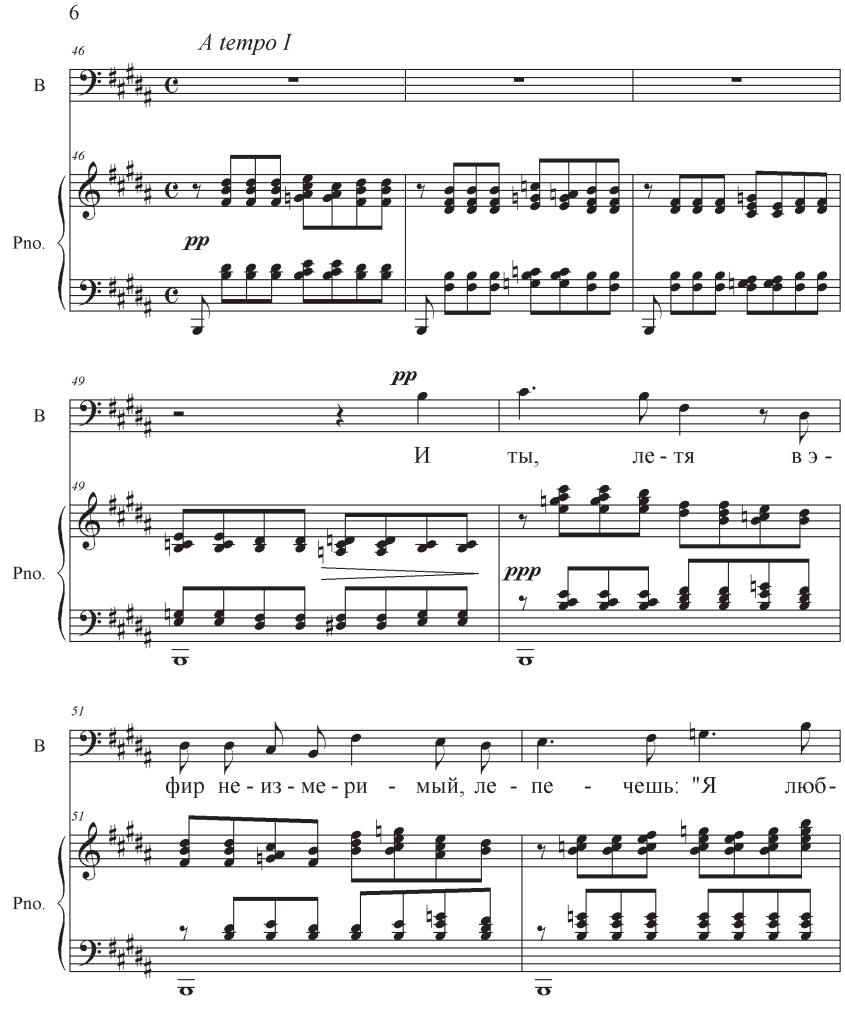


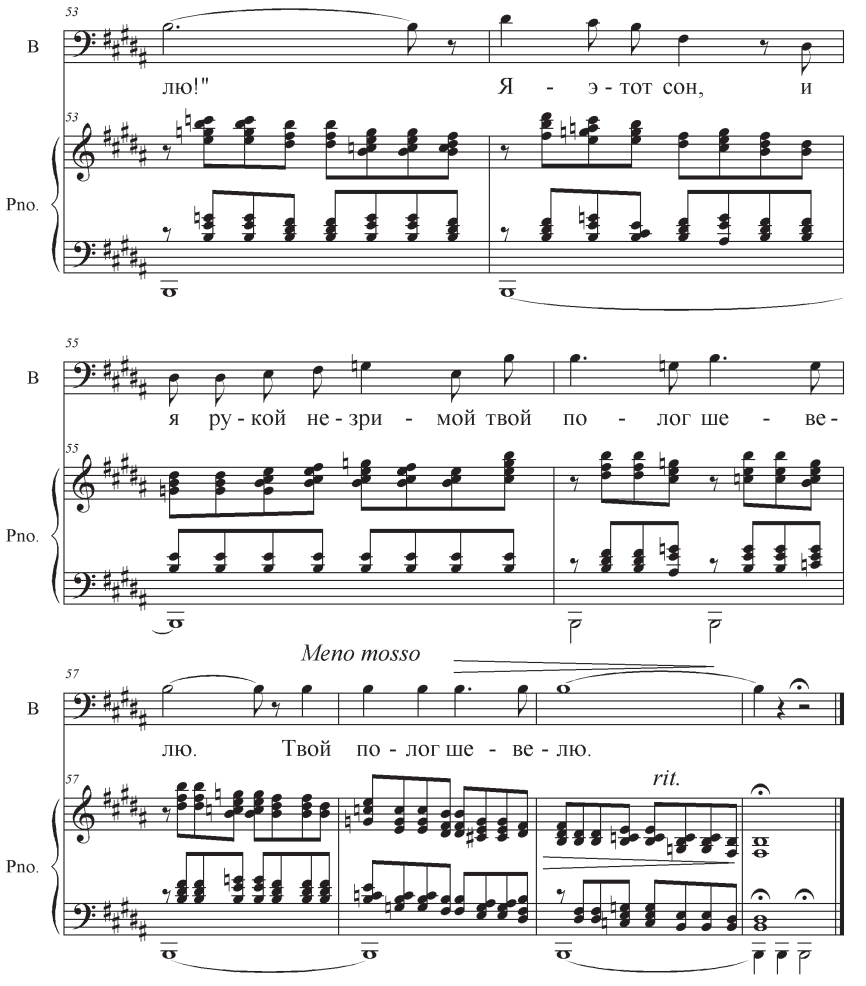

2
10
В
е - же - час - ной встре - че друг дру - га по - ни -
10
Pno.
12
Meno mosso
p
В
мать.
rit.
Ког - да в тол-пе жи -
12
Pno.
pp
16
В
вой и сво-е-воль-ной, по - ник - нув го - ло - вой, смол-
16
Pno.


19
В
ка - ешь ты с у - лыб-ко-ю не-воль - ной я го-во-рю с то-
19
Рпо.
22
В
бой. Я го - во - рю с то - бой.
22
Рпо.
25
mf
В
И ве - че-ром, ког - да в а-ле-е тём-ноё ты
A tempo I
25
Рпо.
p
p


4
28
В
пьёшь не-му - ю ночь, знай, то - по-ли и
28
Pno.
31
В
звёз-ды не - ги том - ной мне вы - зва-лись по
31
Pno.
33
A tempo II
p
В
мочь. Ко - гда ты спишь, и
33
rit.
pp
Pno.

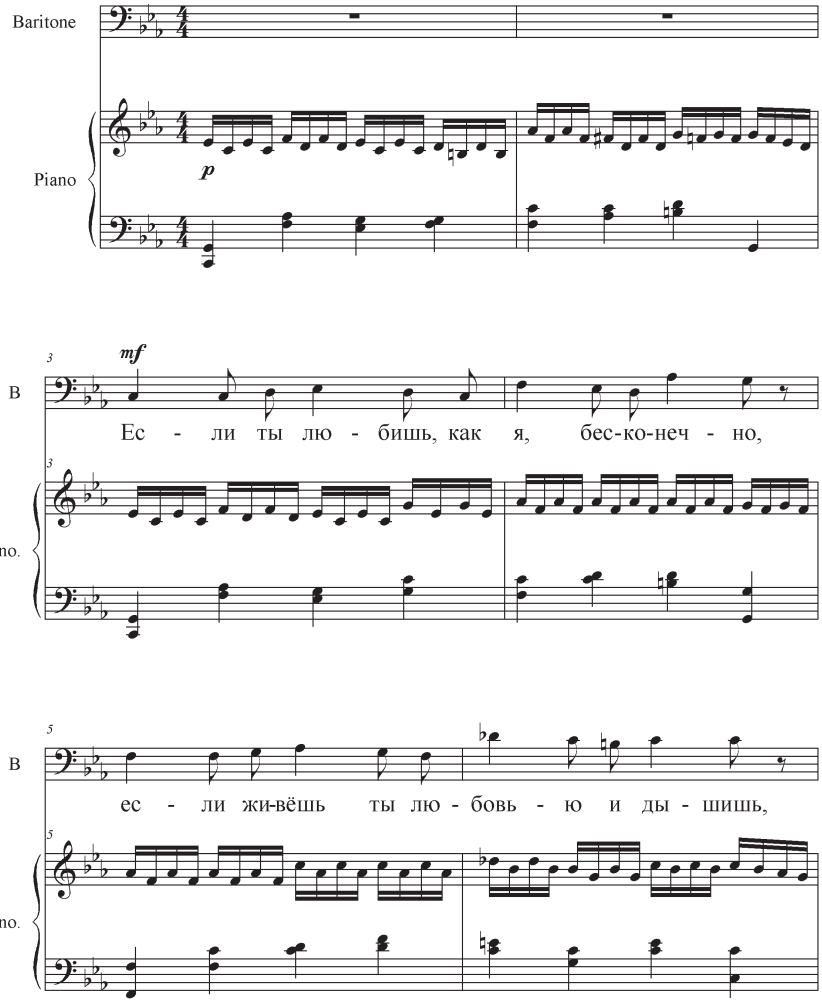

36
В
по-лог твой ки-сей-ный раз - дви - нет-ся в лу - чах, и
Рпо.
39
В
сон те-бя про - зрач-ный, ти-хо-вей-ный у - но - сит на кры-
Рпо.
42
В
лах. У - но - сит на кры - лах.
Рпо.

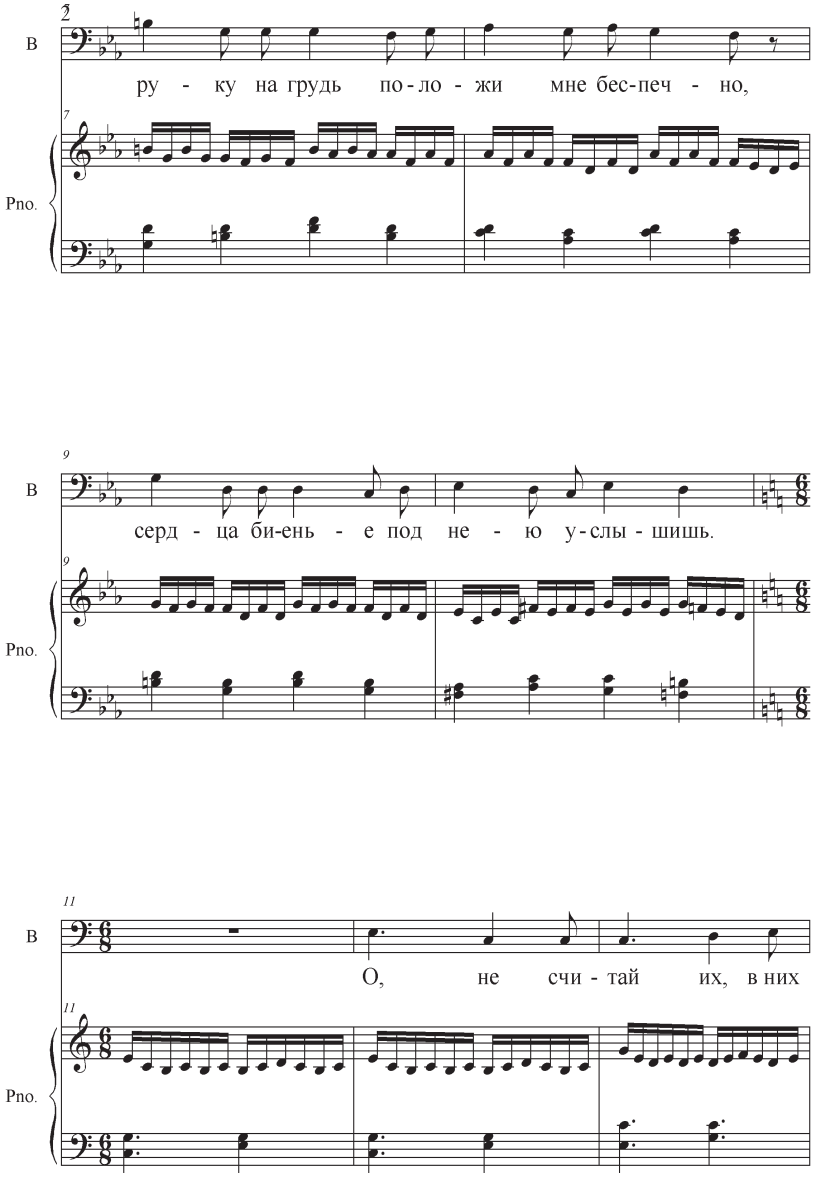

6
A tempo I
46
В
Pno.
pp
49
И ты, ле - тя в э -
ppp
51
фир не - из - ме - ри - мый, ле - пе - чешь: "Я люб -

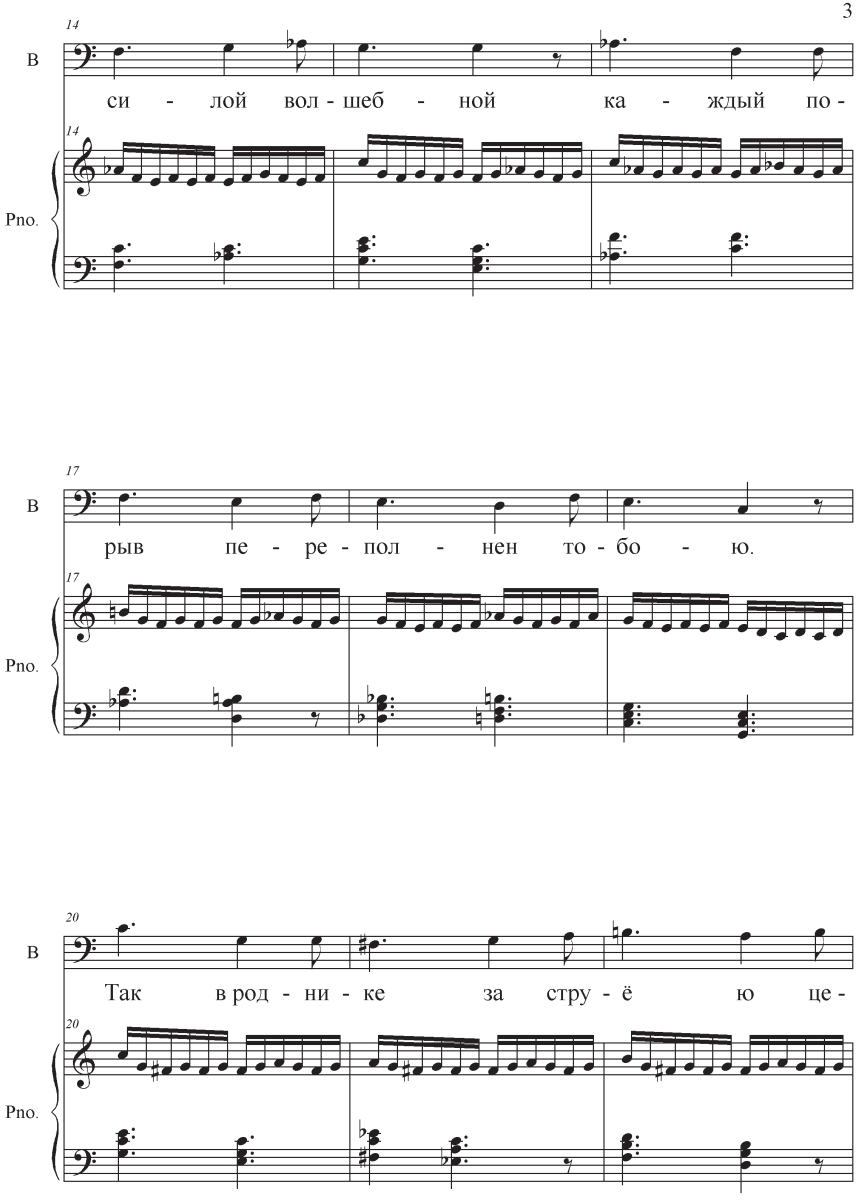

53
В
лю!"
Я - э - тот сон, и
53
Pno.
55
В
я ру - кой не - зри - мой твой по - лог ше - ве -
55
Pno.
Meno mosso
57
В
лю. Твой по - лог ше - ве - лю.
rit.
57
Pno.

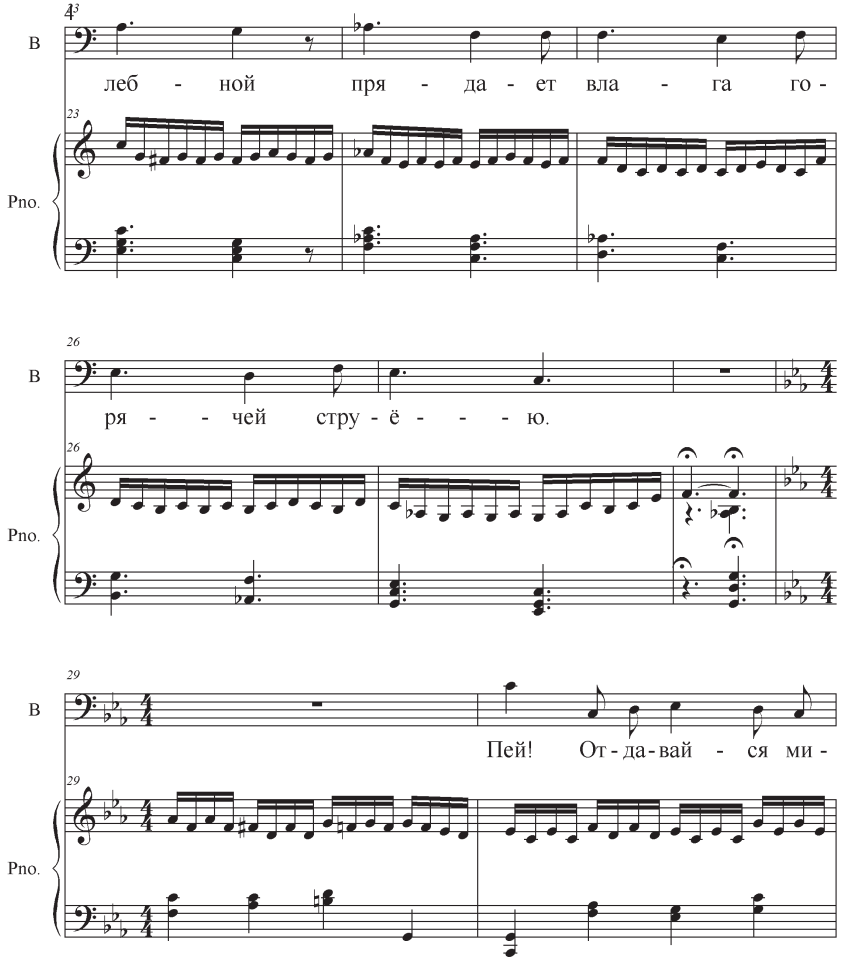
Если ты любишь, как я, бесконечно...

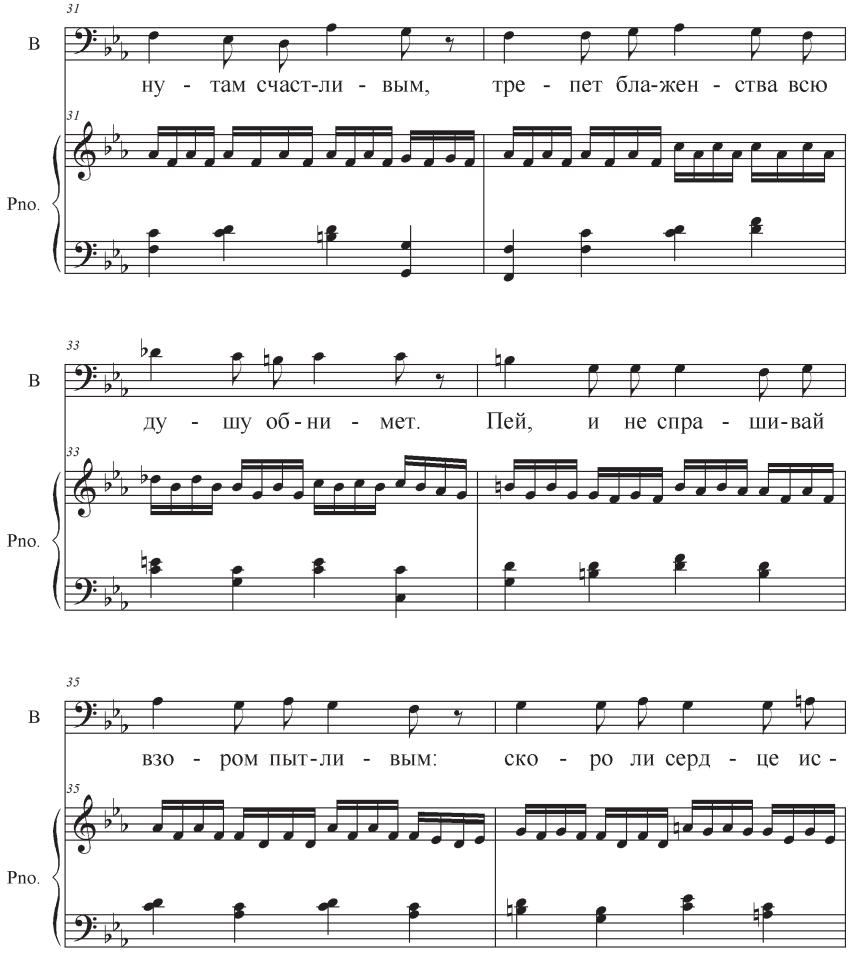
муз. А.Н.Захарова
слова А.А.Фета

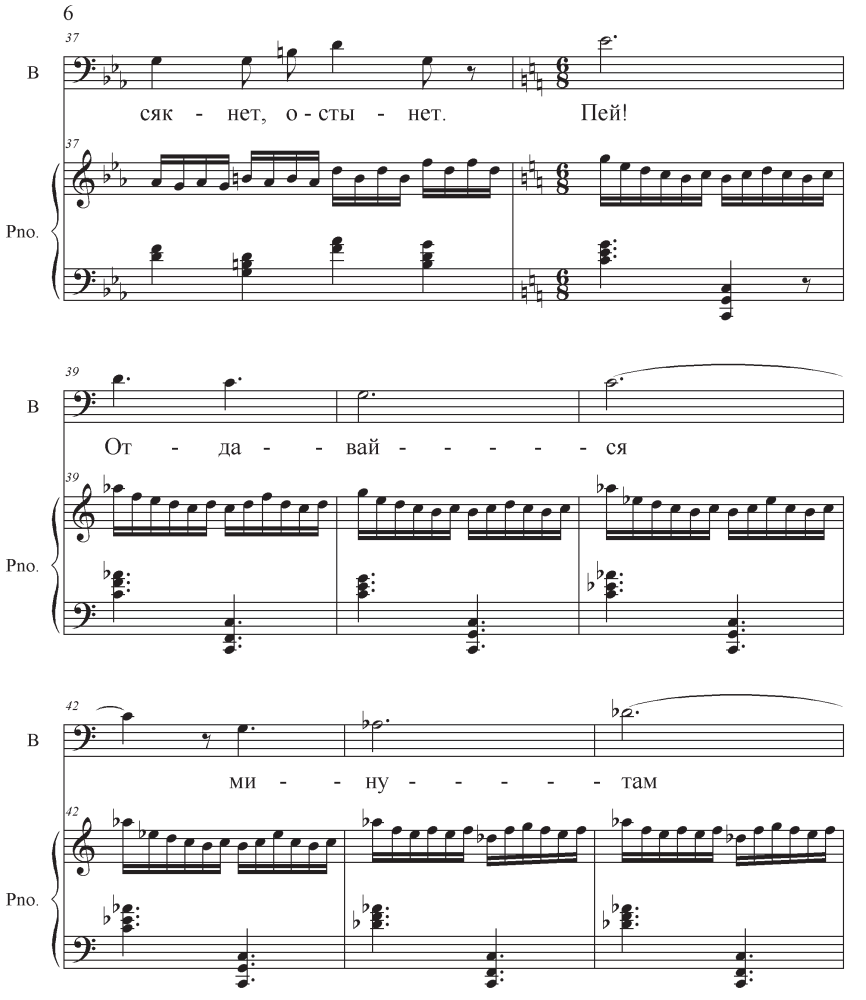


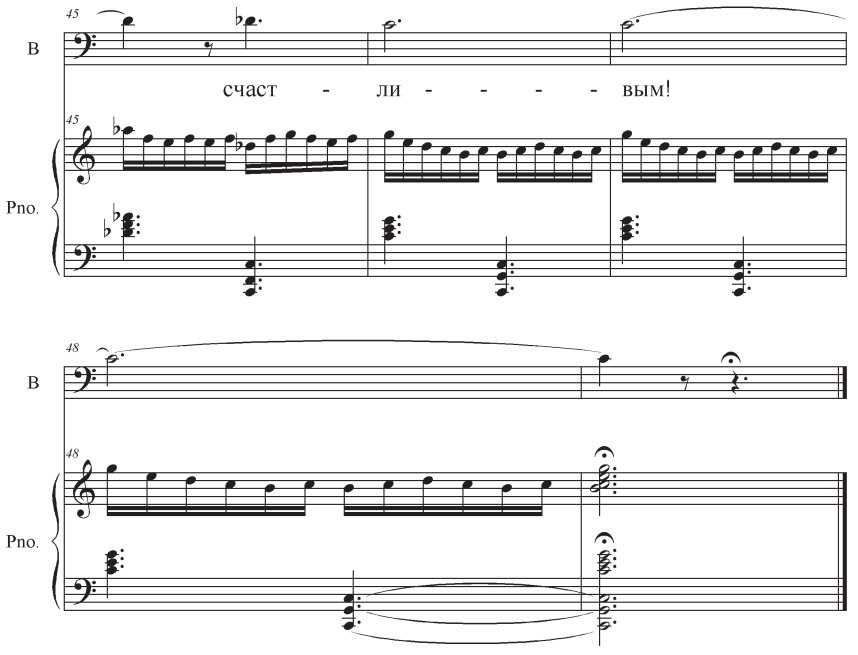

2
В
ру - ку на грудь по-ло - жи мне бес-печ - но,
7
Pno.
9
В
серд - ца би-ень - е под не - ю у-слы - шишь.
9
Pno.
11
В
О, не счи - тай их, в них
11
Pno.


14
В
си - лой вол - шеб - ной ка - ждый по -
14
Pno.
17
В
рыв пе - ре - пол - нен то - бо - ю.
17
Pno.
20
В
Так в род - ни - ке за стру - ё ю це -
20
Pno.


43
В
леб - ной пря - да - ет вла - га го -
23
Pno.
26
В
ря - - чей стру - ё - - - ю.
26
Pno.
29
В
Пей! От - да - вай - ся ми -
29
Pno.

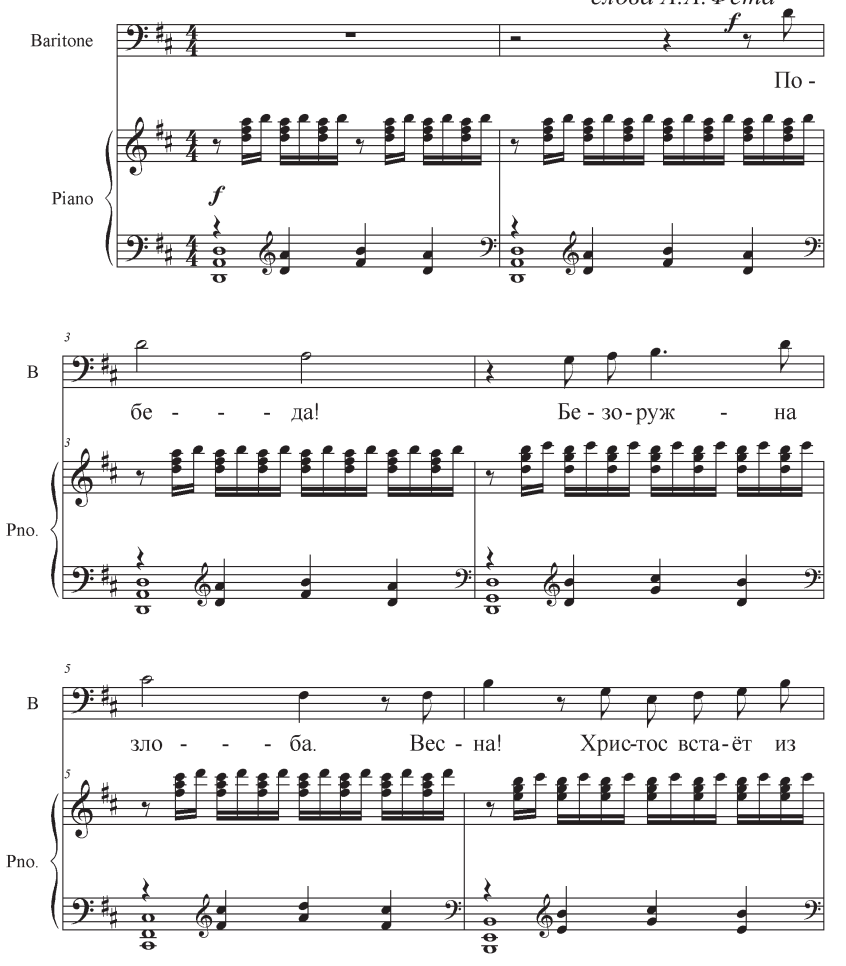

31
B
ну - там счаст-ли - вым, тре - пет бла-жен - ства всю
31
Pno.
33
B
ду - шу об-ни - мет. Пей, и не спра - ши-вай
33
Pno.
35
B
взо - ром пыт-ли - вым: ско - ро ли серд - це ис -
35
Pno.

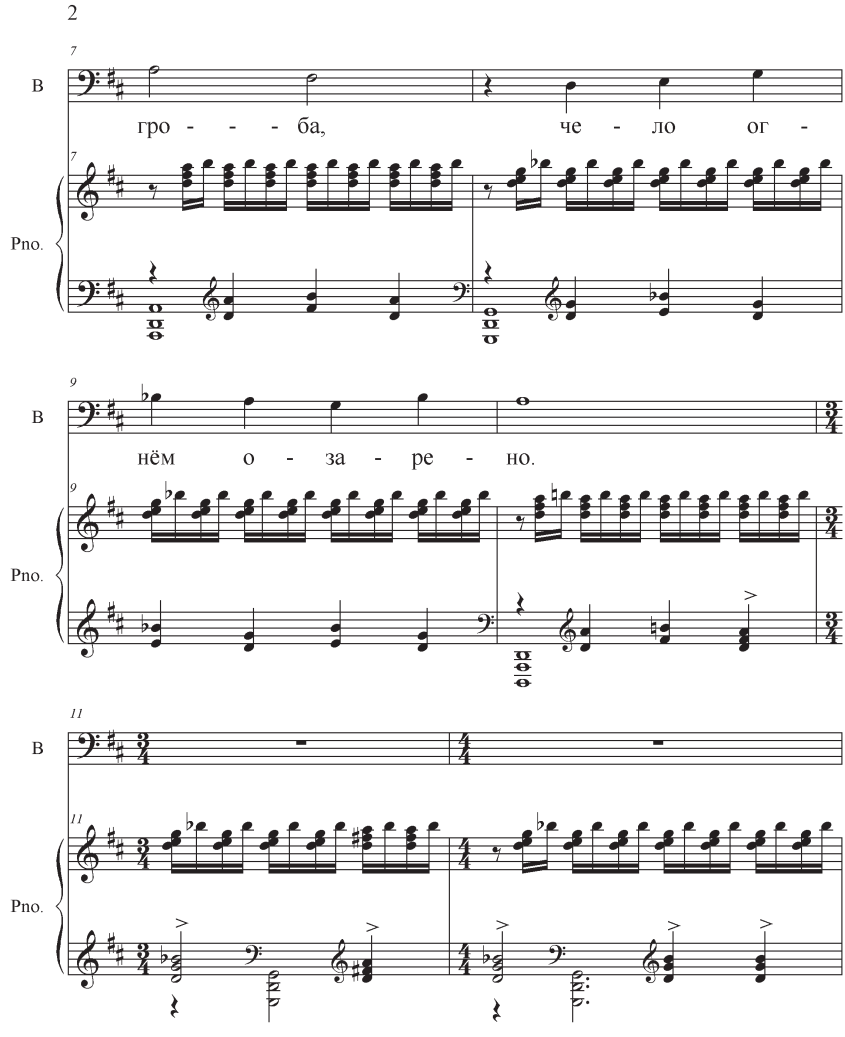

6
37
В
сяк - нет, о - сты - нет.
Пей!
37
Рпо.
39
В
От - да - - вай - - - - - ся
39
Рпо.
42
В
ми - - ну - - - - - там
42
Рпо.

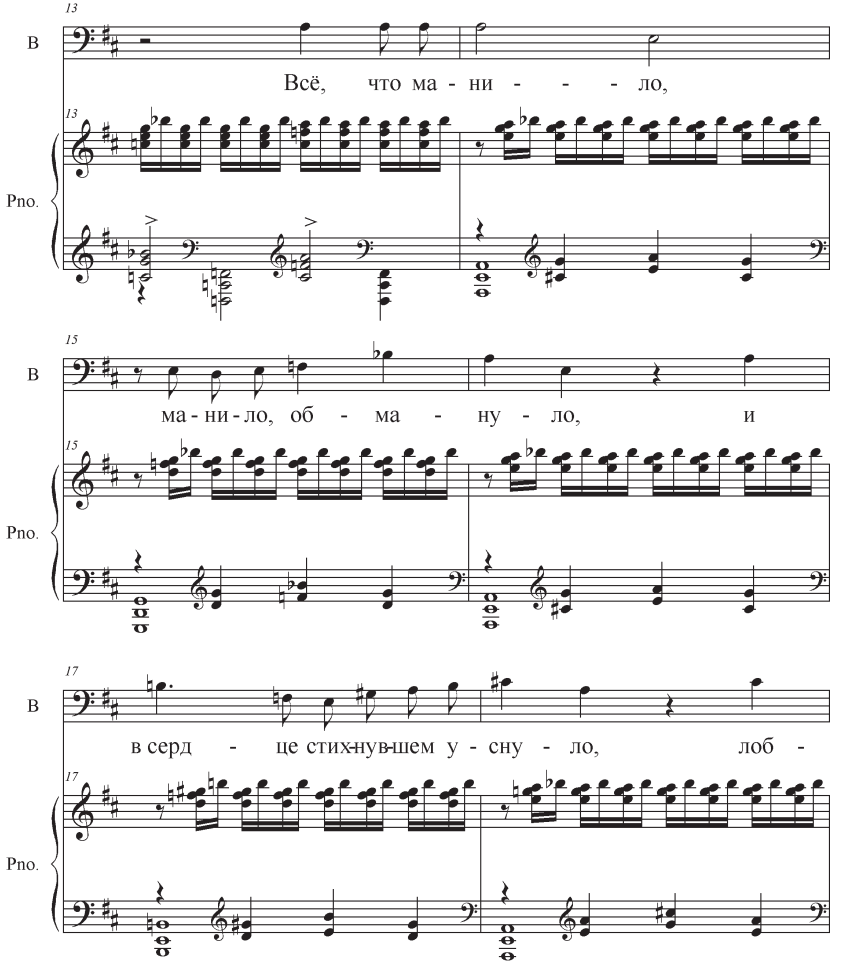

45
B
счаст - ли - - - - вым!
45
Pno.
48
B
48
Pno.

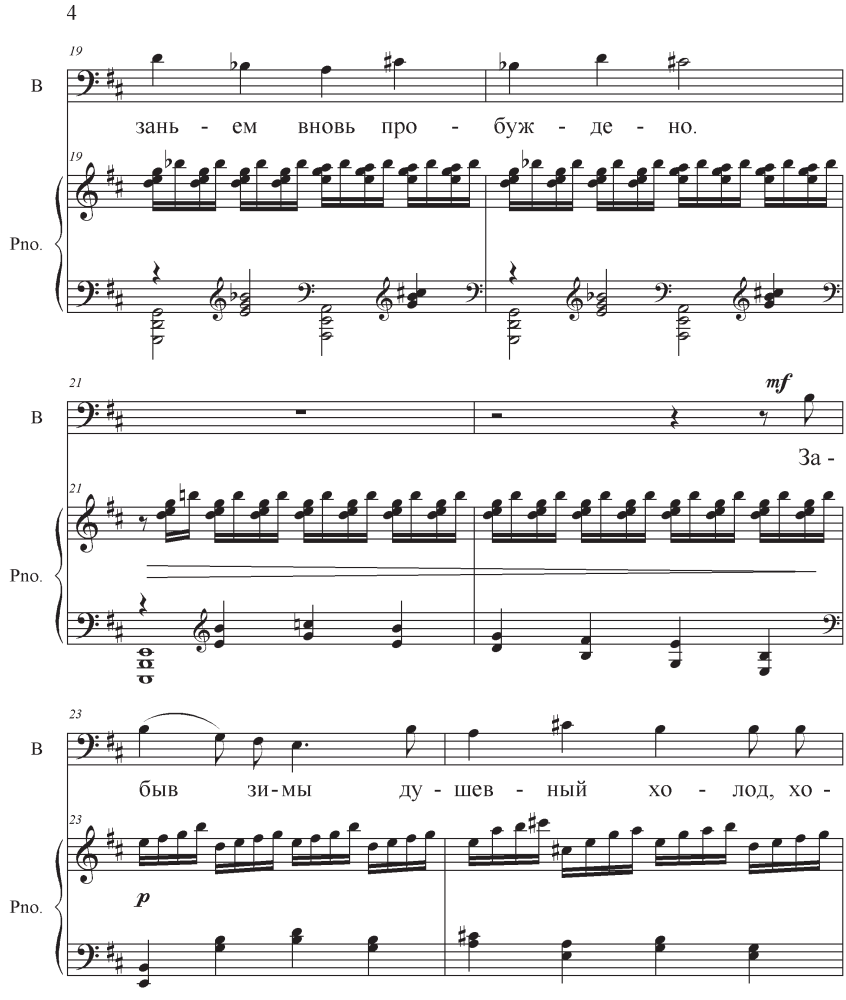
В первый день Пасхи

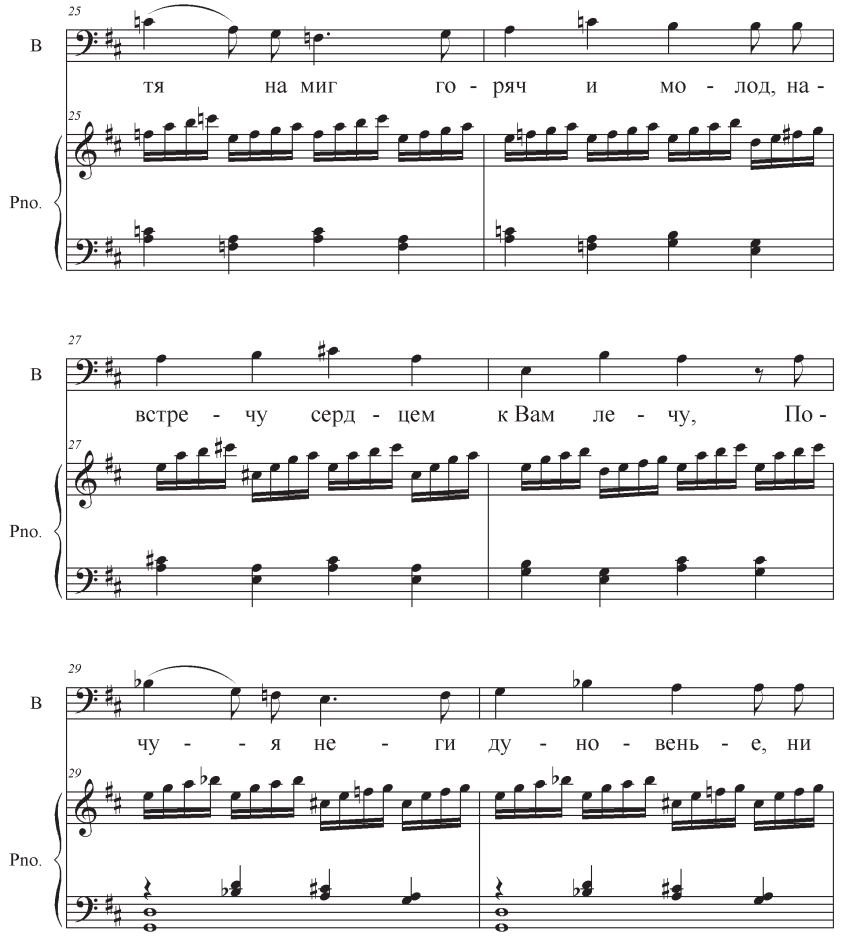
муз А.Н.Захарова
слова А.А.Фета

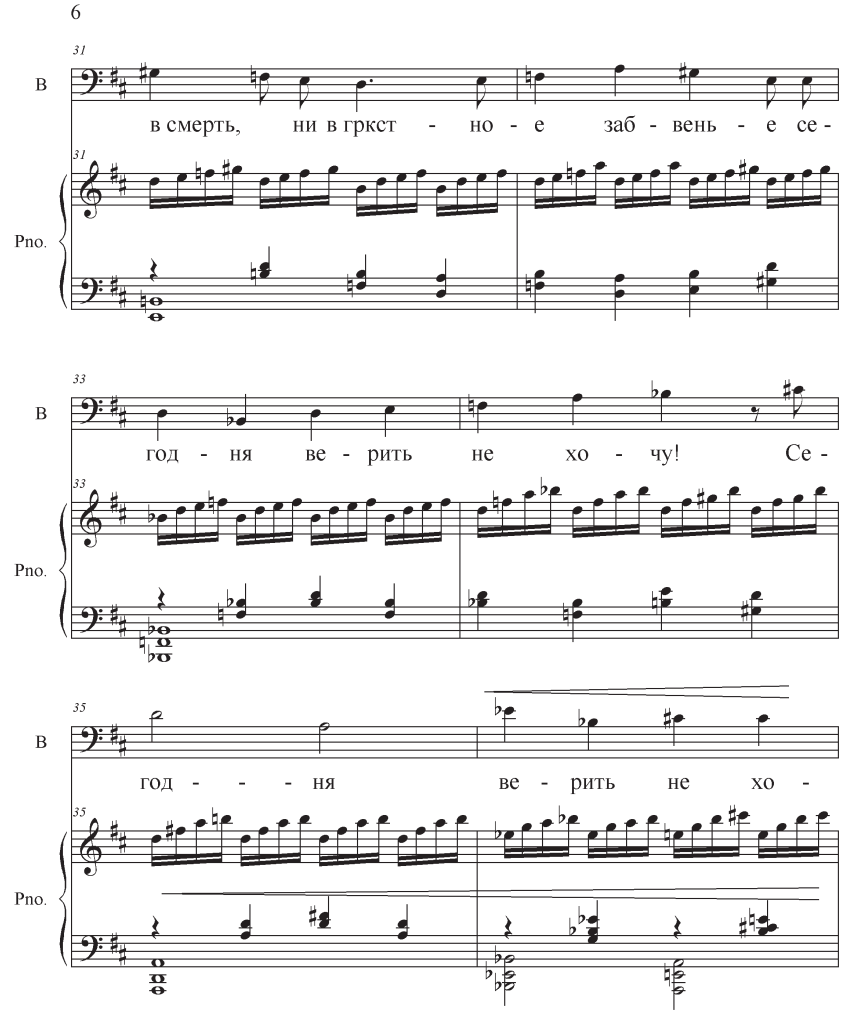


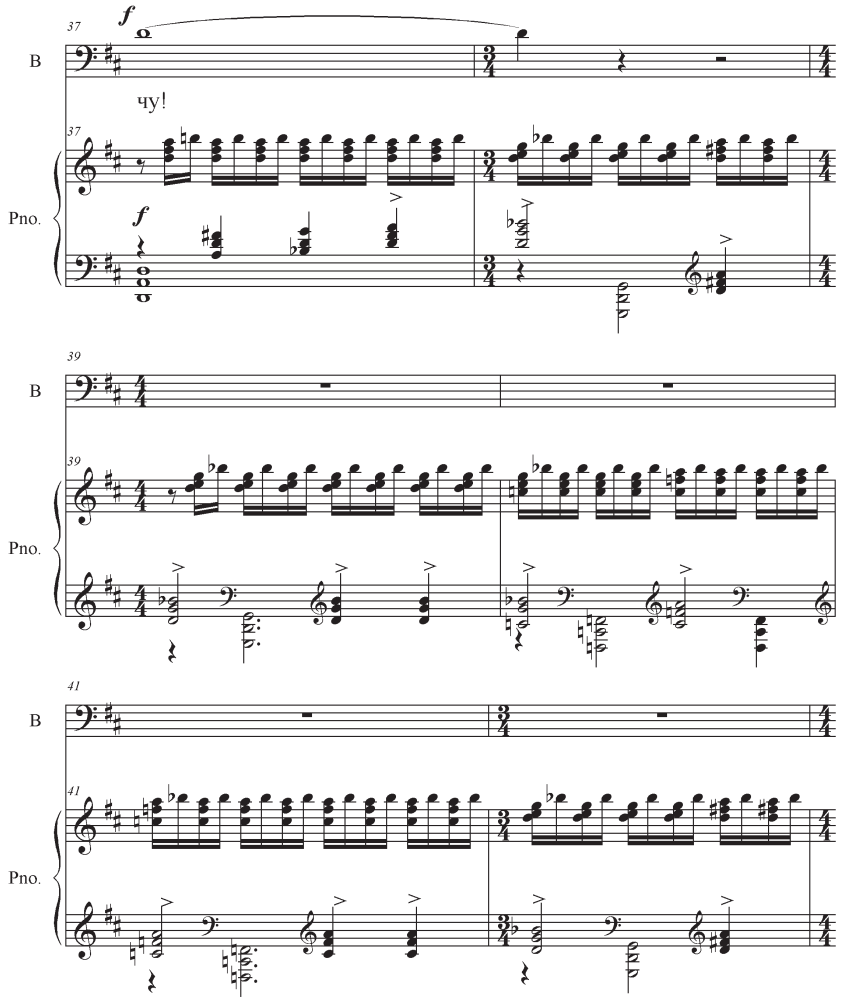

2
7
В
гро - - - ба, че - ло ог -
7
Pno.
9
В
нём о - за - ре - но.
9
Pno.
11
В
11
Pno.

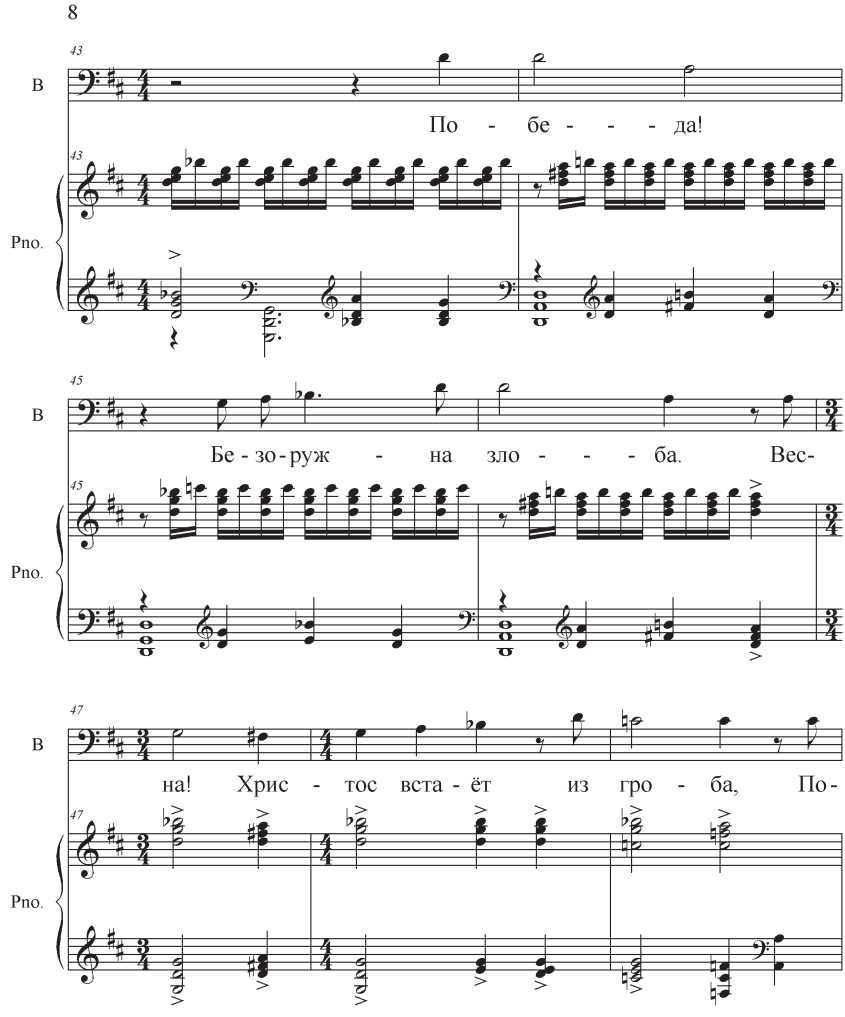

13
В
Всё, что ма - ни - - - ло,
13
Pno.
15
В
ма - ни - ло, об - ма - ну - ло, и
15
Pno.
17
В
в серд - це стих - нув - шем у - сну - ло, лоб -
17
Pno.

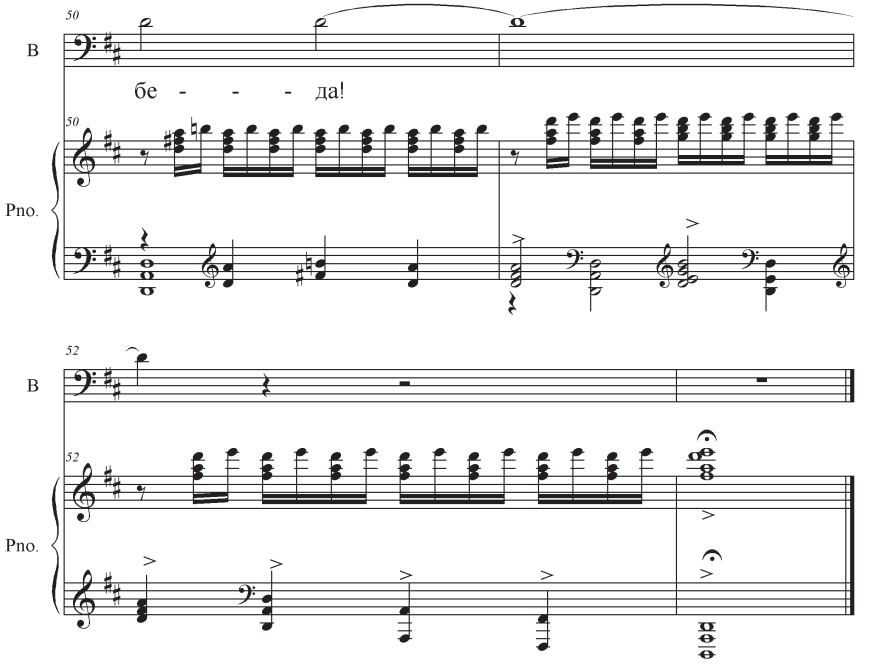

4
19
B
зань - ем вновь про - буж - де - но.
Pno.
21
mf
За -
23
быв зи-мы ду - шев - ный хо - лод, хо -
p


25
В
тя на миг го - ряч и мо - лод, на -
25
Pno.
27
В
встре - чу серд - цем к Вам ле - чу, По -
27
Pno.
29
В
чу - - я не - ги ду - но - вень - е, ни
29
Pno.


6
31
В
в смерть, ни в гркст - но - е заб - вень - е се -
31
Рпо.
33
В
год - ня ве - рить не хо - чу! Се -
33
Рпо.
35
В
год - - - ня ве - рить не хо -
35
Рпо.


37
f
B
чу!
37
Pno.
f
39
B
39
Pno.
41
B
41
Pno.


8
43
B
По - бе - - - да!
43
Pno.
45
B
Бе - зо - руж - на зло - - - ба. Вес-
45
Pno.
47
B
на! Хрис - тос вста - ёт из гро - ба, По-
47
Pno.


50
В
бе - - - да!
50
Рпо.
52
В
52
Рпо.

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА АНАТОЛЬЕВИЧА КОШЕЛЕВА (1950—2020)

16 июля 2020 года, не дожив двух месяцев до своего 70-летия, в Великом Новгороде от сердечного приступа скончался известный ученый, доктор филологических наук, профессор В. А. Кошелев. Глубокой скорбью отозвалось это известие в сердцах многих и многих людей, как знавших его лично, так и всех, кто интересуется историей отечественной литературы. Автор более полутора десятков книг, сотен статей и публикаций, В. А. Кошелев выделялся на фоне своих сверстников невероятно широким диапазоном и глубиной постижения предмета. Последняя его книга — «Грибоедов в „предлагаемых обстоятельствах“» (СПб., 2020) — вышла в свет уже посмертно. Незадолго до кончины Вячеслав Анатольевич прислал тезисы своего доклада на юбилейной конференции: «Воспоминания о Фете-камергере», но уже не смог озвучить его. Откликнулся ученый и на предложение принять участие в подготовке специального номера журнала «Русская словесность», в котором помещена статья о романсных стихотворениях Фета.

В сферу чрезвычайно широких научных интересов В. А. Кошелева, крупнейшего знатока русской литературы XIX века, Фет вошел далеко не случайно. Ученый обладал безошибочным чутьем в обнаружении «белых пятен» в истории литературы. И хотя творчество Фета нельзя было назвать неизученным, к началу 1990-х годов стало очевидным, что оно по-прежнему далеко не вписано в историко-литературный процесс. В то время единственным местом, где регулярно собирались на Фетовские чтения исследователи со всей страны, был Курский государственный университет. С 1985 года на базе этих чтений начали выходить Фетовские сборники. В первом из них «А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения» (Курск, 1985. Отв. редактор Н. Н. Скатов) и была напечатана статья В. А. Кошелева, тогда работавшего в Череповецком педагогическом институте, под названием «„Тютчевское“

и „фетовское“ направления русской поэзии в славянофильской трактовке». С тех пор почти ни один из выходящих курских сборников не обходился без статей В. А. Кошелева, а к концу 1990-х годов стало очевидным, что он de facto стал лидером новой исследовательской волны почитателей Фета.

Вот почему никто не удивился, когда именно Вячеслав Анатольевич в достаточно узком кругу озвучил давно витавшую в воздухе идею Полного собрания сочинений Фета. В небольшом, битком набитом

народом номере курской гостиницы, где остановился Вячеслав Анатольевич, он, так умевший спокойно и убедительно доносить до слушателей свои мысли, и объявил о начале работы над изданием полного Фета. Наступила гробовая тишина. Мы все чувствовали, что произошло что-то очень важное и ответственное, что окажет влияние на всю нашу последующую жизнь. А потом заговорили все разом, так что невозможно было различить голоса. Этот шум прервался спокойным голосом Кошелева. Он предложил от слов переходить к делу и хотя бы приблизительно посчитать, во сколько же томов выльется планируемое издание. Начались подсчеты: хотя бы два тома на оригинальные стихи, том на переводы, не считая отдельных книг, том прозы, том критических статей, том публицистики и т. д. и т. д. От возможной перспективы у нас захватывало дух, а порой, признаемся, закрадывался страх, что ноша окажется не по силам. Наконец, возник и тривиальный вопрос: а на какие деньги будем издавать? И снова спокойный и уверенный голос Кошелева развеял сомнения, ведь дело было в конце 90-х, когда и мечтать не приходилось о государственном обеспечении подобного предприятия. Зависли не только издательства и книжная торговля, зависли уже выходившие собрания сочинений, и в научной среде царил дух скорее угнетенности, чем творческого вдохновения. Вячеслав Анатольевич убедительно сказал, что берет на себя решение этого вопроса, и мы ему поверили. И были правы, потому что знали, что Кошелев слов на ветер никогда не бросает. Размечтавшись о прекрасном будущем нашего предприятия, начали «делить» тома, подыскивать исполнителей и т. д. и т. д. Но никому и в голову не могло прийти, что дело пойдет гораздо быстрее, чем мы загадывали.

Буквально через пару дней уже в Орле, куда переместилась из Курска часть конференции, я к своему ужасу услышала с трибуны, что с будущего года начнет выходить в свет 20-томное собрание сочинений и писем Фета, и первый том будет сдан через полгода, а составителями его будут В. А. Кошелев и Н. П. Генералова. Что касается материального обеспечения издания, то оно ложится на Курский государственный университет, ректор которого В. В. Гвоздев взял на себя эту ответственность. Естественно, имелись в виду только издательские расходы, ни о каких гонорарах и речи не могло быть. И вот в 2002 году первый том Сочинений и писем Фета вышел в свет. Из осторожности директор издательства «Академический проект» не решился даже проставить на титуле и на корешке «Том 1» (в то время никто не мог гарантировать, что за первым томом последует второй) и указать, в скольких томах будет издание. Не сомневался, пожалуй, один Кошелев. И последовательно требовал от авторов-составителей очередных томов. Иногда торопил, иногда сердился за задержки, иногда спорил по

поводу принципов издания, которое стало выходить под грифом Пушкинского Дома (вторым грифом до пятого тома был Курский государственный университет), но никогда не переходил черту, за которой мог наступить кризис. Удивительный внутренний такт, врожденная интеллигентность и в то же время прямота и откровенность никогда не давали разногласиям взять верх. Как никто, Вячеслав Анатольевич умел слушать и прислушиваться к аргументам оппонента. Это был человек высокой чести в старинном понимании слова и благородства. Он не боялся брать на себя ответственность за то, что считал нужным сделать. И очень хотел увидеть собрание сочинений Фета при жизни, увы, судьба решила иначе. Но его труды на фетовском поприще, его вклад в издание полного собрания сочинений Фета останутся навсегда.

Избранная библиография работ В. А. Кошелева по теме «Жизнь и творчество А. А. Фета»

Монографии

1. Афанасий Фет: преодоление мифов. Курск, 2006. 336 с.

Собрание сочинений и писем (гл. редактор)

2. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. СПб.: Акад. проект, 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1839—1863 / Тексты и коммент. подгот.: Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В.Петрова; ред. В. А. Кошелев. 550 с.
3. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. СПб.: Фолио-Пресс, 2004. Т. 2: Переводы 1839—1863 / Тексты и коммент. подгот.: А. В. Ачкасов, Н. П. Генералова и др. 702 с.
4. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. Т. 3: Повести и рассказы. Критические статьи / Тексты и коммент. подгот.: Н. П. Генералова, А. Ю. Сорочан, М. В. Строганов и др.; ред. В. А. Кошелев. 518 с.
5. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. СПб.: Фолио-Пресс — Атон, 2007. Т. 4: Очерки: Из-за границы. Из деревни / Тексты и коммент. подгот.: И. С. Абрамовская, Н. П. Генералова, В. А. Кошелев; ред. В. А. Кошелев. 556 с.
6. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864—1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1: Вечерние огни. Вып. 1—3 / Тек-

сты и коммент. подгот.: Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, В. А. Лукина, Г. В. Петрова; ред. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев. 696 с.

7. *Фет А. А.* Сочинения и письма: В 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864—1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 2: Вечерние огни. Вып. 4. Стихотворения и поэмы 1864—1892 гг., не вошедшие в сборники / Тексты и коммент. подгот.: Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, В. А. Лукина, Г. В. Петрова; ред. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев. 720 с.

Составительская, редакторская и комментаторская работа

8. *Фет А. А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство (очерки) / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент В. А. Кошелева. М., 2001. 472 с. (сер.: Россия в мемуарах).
9. А. А. Фет и русская литература: XV Фетовские чтения (Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 180-летию со дня рождения А. А. Фета. Курск—Орел, 1—5 июля 2000 г.) / Под ред. В. А. Кошелева, Г. Д. Аслановой. Курск; Орел, 2000. 366 с.
10. А. А. Фет и русская литература: XVI Фетовские чтения (Материалы Всерос. науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 28 июня — 1 июля 2001 г.) / Ред. В. А. Кошелев, М. В. Строганов, Н. З. Коковина. Курск, 2002. 207 с.
11. А. А. Фет и русская литература: XVII Фетовские чтения (Материалы Всерос. науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 27—29 июня 2002 г.) / Под ред. В. А. Кошелева и др. Курск, 2003. 263 с.

Статьи и публикации

12. Фет и Батюшков (к проблеме литературных влияний) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1991. С. 27—29. То же: Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 131—146.
13. Лирика Фета и русская «Усадебная поэзия»: К постановке проблемы // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 10—23.
14. «...Сказаться душой...»: К 175-летию со дня рождения А. А. Фета // Литература в школе. 1995. № 3. С. 8—17.
15. Афанасий Фет и «Пушкинский праздник» 1880 года // *РЛ*. 1996. № 3. С. 161—167.

16. «Вечерние огни» Фета и «Евгений Онегин» Пушкина: книга стихов и роман в стихах (к постановке проблемы) <совм. с М. В. Лебедевой> // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 5—12.
17. «Злоупотребление словом «идея»: «Грибоедовская» статья Афанасия Фета // Грибоедов и Пушкин: Хмелитский сборник. Смоленск, 2000. Вып. 2. С. 154—167.
18. «Ругательная песенка» Афанасия Фета: о границах понятия «потаенная литература» // Потаенная литература. Иваново, 2000. Вып. 2. С. 40—47.
19. «Фет» как литературный псевдоним // А. А. Фет и русская литература: XV Фетовские чтения (Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 180-летию со дня рождения А. А. Фета. Курск—Орел, 1—5 июля 2000 г.). Курск; Орел, 2000. С. 31—37.
20. «Хандра»: О Фете // Традиции в контексте русской культуры. Череповец, 2000. Вып. 7. С. 65—75. То же: Литература <Приложение к газ. «Первое сентября»>. 2002. № 27/28. С. 4—6.
21. О балладе Фета «Легенда» // Литература <Приложение к газ. «Первое сентября»>. 2001. № 24 (399). С. 9—11.
22. «Лирическое хозяйство» Афанасия Фета и обстоятельства ссоры Тургенева и Толстого // *РЛ*. 2001. № 1. С. 206—222.
23. О «тургеневской» правке поэтических текстов Афанасия Фета // Новое лит. обозрение. М., 2001. № 48. С. 157—191.
24. Афанасий Фет как забытый писатель // Забытые и второстепенные писатели XVII—XIX веков как явление европейской культурной жизни: Материалы межд. науч. конф., посвященные 80-летию Е. А. Маймина, 15—18 мая 2001 г. Псков, 2002. Т. 2. С. 87—94. То же: Фет и русская литература (XVI Фетовские чтения). Курск, 2002. С. 3—11.
25. «Я болен, Офелия...» (К истории лирического цикла) // А. А. Фет и русская литература: XVII Фетовские чтения (Материалы Всерос. науч. конф. Курск, 27—29 июня 2002 г.). Курск, 2003. С. 35—60.
26. О «ключе» к стихотворениям Фета // Афанасий Фет и русская литература: XVIII Фетовские чтения (Материалы международной научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 29 сент. — 1 октября 2003 г.) Курск, 2004. С. 24—36.
27. Первый поэтический манифест Фета // Афанасий Фет и русская литература: XIX Фетовские чтения (Курск, 7—9 окт. 2004 г.). Курск, 2005. С. 10—25.
28. «Что не выскажешь словами...»: О «Мелодиях» Фета // Афанасий Фет и русская литература: XXI Фетовские чтения (Материа-

лы международной научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 28—30 июня 2006 г.). Курск, 2007. С. 3—17.
29. О композиции сборника «Стихотворения А. Фета» 1850 года // А. А. Фет: Материалы и исследования. М.; СПб., 2010. Вып. 1. С. 30—42.
30. О месте Фета в истории русской культуры и о его новом собрании сочинений // Литературоведческий журнал. 2012. № 30. С. 18—47.
31. Фет как «балладник» // А. А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2018. Вып. 3. С. 37—58.
32. «Песня зреет», или «Над весенней страницею Фета» // Русская словесность. 2020. № 2. С. 32—41.
33. Воспоминания о Фете-камергере // Материалы Международной научной конференции «Стихи имеют свои права...». СПб., 2020. С. 64—69.

Н. П. Генералова, В. А. Лукина.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ ФЕТА*

Аполлон Бельведерский («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...») — 488, 524–528
«Ах, дитя, к тебе привязан...» — 20

Бал («Когда трепещут эти звуки...») — 495
«Березы севера мне милы...» (Ивы и березы) — 160, 481, 483
«Бесцельно, бесполезно и напрасно...», *ранняя ред.*; *поздняя ред.*: «Томительно-призывно и напрасно...» — 326–328, 332, 333
<Ивану Петровичу Борисову> («Прибеги под нашу крышу...») — 351
«Дмитрий Петрович Боткин. Некролог», *статья* — 360, 475
А<нне> П<етровне> Б<откиной> при получении апельсинов («Вот спасибо, мой дружок...») — 238
Лиле Боткиной («Лови, лови ты...») — 229
<Дмитрию Петровичу Боткину> («Я с девятнадцатого — дома...») — 222–224, 226
Мите Боткину («Митя крошка...») — 227, 228
Павлу Петровичу Боткину. 31-го марта 1879 г<ода> («Христос Воскресе! клик весенний...») — 233, 234
Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года («Сегодня пир отрадный мы венчаем...») — 220, 225, 226
А. Л. Б<ржес>кой («Далекий друг, пойми мои рыданья...») — 561, 562
<Александре Львовне Бржеской> («Хоть строчкой бедная подруга...») — 249, 255, 257, 562
«Был чудный майский день в Москве...» — 494, 563, 565

В альбом. В первый день Пасхи («Победа! Безоружна злоба...») — 215, 216, 488, 527, 531, 532, 564, 565, 572, 599–607
В день серебряной свадьбы Е<катерине> П<етровне> Щ<укиной> («Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный!..») — 234, 235
«В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» — 184
«В душе измученной годами...» — 45
«В дымке невидимке...» — 44, 374, 421, 422
«В зверинец мой раскрыты двери...» — 96, 265, 267

* В указатель не включены названия разделов и циклов стихотворений. — *Ред.*

«В леса безлюдной стороны...» — 488, 522–524
«В твоей Пустыньке подгородней...» (Гр. А. К. Т<олстом>у в деревне Пустыньке) — 374
«В уединении забудусь ли порою...» (Неотразимый образ) — 483, 487, 517, 518
«В часы забав, во дни пиров...» (На бракосочетание Е. и К. Д<ункер>ъ) — 230
«Вблизи семи холмов, где так невыразимо...» (Даки) — 483, 484, 486, 487, 504–510
«Вдоль по берегу полями...» (Легенда) — 613
Венера Милосская («И целомудренно и смело...») — 481, 484, 486, 490, 491, 528
Весенний дождь («Еще светло, — перед окном...», *ранняя ред.*: «Перед окном еще светло...») — 494, 495
«Весь вешний день среди стремленья...» — 44, 45
Вечер у взморья («Засверкал огонь зарницы...») — 116, 481, 482
«Вечерние огни», *сборники ст-ний* — 7, 76, 214, 217, 226, 229, 230, 360, 361, 394, 395, 432, 441, 442, 465, 471, 563, 565, 566, 612
«Вечный хмель мне не отрада...» — 45
«Виноват ли я, что долго месяц...» — 14, 15
«Вне моды», *рассказ* — 162, 184
«Вот наша книжка в толстом томе...» (Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву) — 566
«Вот спасибо, мой дружок...» (А<нне> П<етровне> Б<откиной> при получении апельсинов) — 238
«Все вокруг и пестро так и шумно...» — 486, 493–496
«Все, все мое, что есть и прежде было...» — 45
«Второй бригады из-за фронта...» (Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву) — 566

«**Г**де первоначальный источник нашего нигилизма?», *статья* — 457, 458
«Где средь иного поколенья...» (Графине С. А. Толстой (Алексей)) — 374
Графу Арсению Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову <(на 3-м выпуске «Вечерних огней»)> («Тухнущий факел с вечерним мерцанием...») — 567
«Голос коннозаводчика», *статья* — 464, 476
Горное ущелье («За лесом лес и за лесами горы...») — 481–483, 493
Горячий ключ («Помнишь тот горячий ключ...») — 327, 328
<«Г-н Модестов, рассматривая в „Новостях“...»>, *заметка* — 474
«Гром не грянет, мужик не перекрестится», *статья* — 460, 461, 476

«**Д**авно в любви отрады мало...» — 45
Даки («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...») — 483, 484, 486, 487, 504–510
«Далекий друг, пойми мои рыданья...» (А. Л. Б<ржес>кой) — 561, 562
«Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», *статья* — 565
«Два слова о запасных магазинах», *статья* — 466, 477
Две липки, *поэма* — 45
«День искупительного чуда...» (1 марта 1881 года) — 9 («отклик»)

«Деревенские заметки. Письмо к редактору <„Московских ведомостей“>», *статья* — 459, 473
Другу («Когда в груди твоей страданье...») — 216
Е. Д. Д<ункер>ъ («Если захочешь ты душу мою разгадать...») — 152, 230
Елизавете Дмитриевне Дункер. В день ее Ангела 22 октября 1891 («Их вместе видя и к тому же...») — 231, 232
Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву («Вот наша книжка в толстом томе...») — 566
«Дядюшка и двоюродный братец», *повесть* — 73, 78, 87, 88

«**Е**е не знает свет — она еще ребенок...» — 15
«Если захочешь ты душу мою разгадать...» (Е. Д. Д<ункер>ъ) — 152, 230
«Если ты любишь, как я, бесконечно...»; *ранняя ред.*: «Если ты любишь как я ненашутку...» — 572, 592–598
Еще майская ночь («Какая ночь! На всем какая нега!..») — 494, 565
«Еще светло, — перед окном...» (Весенний дождь) — 494, 495

«**Ж**ди ясного на завтра дня...» — 116
«Желаю Оле...» (1881 года 11 июля) — 236, 439
«Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство» — см. «Заметки о вольнонаемном труде»

«**З**а вздохом утренним мороза...» (Сентябрьская роза) — 172
«За лесом лес и за лесами горы...» (Горное ущелье) — 481–483, 493
«Заметки о вольнонаемном труде», *очерки* — 452
«Засверкал огонь зарницы...» (Вечер у взморья) — 116, 481
«Знаю я, что ты, малютка...» — 20
Золотой век («Я посещал тот край обетованный...») — 480, 482, 483, 493

«**И** опять в полусвете ночном...» (На качелях) — 45
«И целомудренно и смело...» (Венера Милосская) — 481, 484, 486, 490, 491, 528
Ивы и березы («Березы севера мне милы...») — 160, 481, 483
«Из деревни», *очерки* — 241, 245, 324, 452, 565
«Из-за границы», *очерки* — 491
«Измучен жизнью, коварством надежды...» — 566
О. И. Иост при получении вышитых туфель («Опять меня балуешь ты...») — 237, 439
«Их вместе видя и к тому же...» (Елизавете Дмитриевне Дункер. В день ее Ангела 22 октября 1891) — 231, 232

«**К** вопросу о нашем образовании», *статья* — 476
«Как беден наш язык! — Хочу и не могу...» — 90
«Как выйти из беды», *статья, не сохр.* — 466–469, 472
«Как мошки зарею...» — 151, 572
«Как первый золотистый луч...» (Туманное утро) — 481, 484, 486, 502, 503, 514

«Как трудно повторять живую красоту...» — 90
«Как хорош чуть мерцающим утром...» (Морской берег) — 488, 529, 533, 534
«Какая ночь! На всем какая нега!..» (Еще майская ночь) — 494, 565
«Кактус», *рассказ* — 236, 439, 566
«Каленик», *рассказ* — 98
«Клубятся тучи, млея в блеске алом...» (Степь вечером) — 184
«Когда в груди твоей страданье...» (Другу) — 216
«Когда, измучен жаждой счастья...» (Смерти) — 488, 494, 515, 520–522
«Когда мечтательно я предан тишине...» — 10, 14
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» — 5, 11, 14
«Когда смущенный умолкаю...» — 45
«Когда трепещут эти звуки...» (Бал) — 495
«Когда у райских врат изгнанник...» — 488, 518, 519
Колыбельная песня («Сердце — незабудка!..»), *ранняя ред.* — 19, 22, 24
Колыбельная песня сердцу («Сердце — ты малютка!..»), *поздняя ред.* — 19–25
<Великому Князю Константину Константиновичу (на 3-м выпуске «Вечерних огней»)> («Трепетный факел с вечерним мерцанием...») — 166
<Ф. Е. Коршу> («Член Академии больной...») — 562
Кукушка («Пышные гнутся макушки...») — 44

Легенда («Вдоль по берегу полями...») — 613
«Лесом мы шли по тропинке единственной...» — 494, 495
«Летим! туманною чертою...» (На корабле) — 483, 484
«Лирический Пантеон», *сборник ст-ний* — 93, 165, 166, 213, 561, 563
«Лови, лови ты...» (Лиле Боткиной) — 229
«Ложный принцип земского страхования (Письмо к издателю <„Московских ведомостей“>)», *статья* — 471, 472, 475
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» — 15

«**М**итя крошка...» (Мите Боткину) — 227, 228
«Мои воспоминания» («Из моих воспоминаний»), *мемуары* — 76, 89, 92, 103, 105, 106, 109–116, 153, 173, 204, 206, 275, 291, 293, 307, 308, 322, 330, 333, 348–350, 352, 353, 360, 374, 398, 424, 442, 460
«Морская даль во мгле туманной...» — см. «Синеет понт в дали туманной...»
Морской берег («Как хорош чуть мерцающим утром...») — 488, 529, 533, 534
Морской залив («Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом...») — 116

На бракосочетание Е. и К. Д<ункер>ъ («В часы забав, во дни пиров...») — 230
На качелях («И опять в полусвете ночном...») — 45
На корабле («Летим! туманною чертою...») — 483, 484
«На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя», *статья* — 565
На смерть М. Б—а («Тебя любили мы за резвость молодую...») — 226, 227
«На стоге сена ночью южной...» — 494
На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года («Пятьдесят лебедей пронесли...») — 152

<На юбилей шефства Александра II над лейб-гвардии Уланским полком> («Наш шеф — владыка полусвета...») — 562
«Наш шеф — владыка полусвета...» (<На юбилей шефства Александра II над лейб-гвардии Уланским полком>) — 562
«Наши корни», *статья* — 460, 565
«Не ворчи, мой кот мурлыка...» — 260, 262
«Не напевай тоскливой муки...» — 483, 484, 487, 503, 512–514
«Не отнеси к холодному бесстрастью...» — 45
«Не те», *рассказ* — 98, 185, 562
«Не тем, Господь, могуч, непостижим...» — 91
«Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова („Новости". № 25)», *статья* — 474
Неотразимый образ («В уединении забудусь ли порою...») — 483, 487, 517, 518
«Нет ничего труднее, чем возвратить общественное мнение с ложного пути на настоящий», *статья* — 474
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...» — 45
«Ночь весенней негой дышит...» — 115, 116
«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...» — 45
«Ночью как-то вольнее дышать мне...», *ранняя ред.* — 263, 264

«**О**, долго буду я в молчаньи ночи тайной...» — 6, 10, 14,
«О нет, не стану звать утраченную радость...» — 479–484, 486, 496, 497, 500, 501
«О помощи крестьянам неурожайных местностей», *статья* — 456, 462, 465, 476
Оброчник («Хоругвь священную подъяв своей десной...») — 75, 76
Объяснение второй части «Фауста» Гёте — 117, 119, 120, 126, 127, 139, 423, 424, 427–429, 432
«Одним толчком согнать ладью живую...» — 124
Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву («Второй бригады из-за фронта...») — 566
Душевно уважаемому и строгому сотруднику графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву («Вот наша книжка в толстом томе...») — 566
«Опавший лист дрожит от нашего движенья...» — 45
Опять («Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...») — 16
«Опять меня балуешь ты...» (О. И. Иост при получении вышитых туфель) — 237, 439
«Орел могучих светлых песен!..» (Шиллеру) — 479–482, 486, 498, 500
«Ответ „Новому времени"», *статья* — 456, 465, 476
«Ответ на заметку „Вестника Европы"», *статья* — 475
Ответ Тургеневу («Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...») — 480

Памяти Василия Петровича Боткина 16-го октября 1869 года («Прости! Разверстая могила...») — 214
Памяти С. С. Б—ой («Ужель на вопль и зов молебный...») — 226, 228
Певице («Уноси мое сердце в звенящую даль...») — 483, 487, 493–495, 514, 515, 572, 574–579

Первая борозда («Со степи зелено-серой...») — 565
1 марта 1881 года («День искупительного чуда...») — 9 («отклик»)
«Первый заяц», *рассказ* — 82, 83, 324
<Перечень стихотворений для публикации в «Русском вестнике»> — 486, 493, 494
«Печальная береза...» — 564
«Письмо к издателю <„Московских ведомостей“>» (*МВед*. 1891. № 268), *статья* — 464, 476
«Письмо к издателю <„Московских ведомостей“>» (*МВед*. 1891. № 316), *статья* — 476
«Письмо к издателям <„Современной летописи“>» (*СЛ*. 1869. № 9), *статья* — 268
<Письмо Фета с благодарностью всем, кто почтил его вниманием в день юбилея> («Несказанно осчастливленный самыми дорогими и задушевными...») (*МВед*. 1889. № 30), *открытое письмо* — 474
«По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», *статья* — 459, 474
«По поводу письма земского начальника Землянского уезда», *статья* — 466, 477
«По поводу статьи „Семейные участки“», *статья* — 475
«Победа! Безоружна злоба...» (В альбом. В первый день Пасхи) — 215, 216, 488, 527, 531, 532, 564, 565, 572, 599–607
«Под небом Франции, среди столицы света...» — 481–483, 486, 487, 492
«Поделись живыми снами...» — 613
«Пойми хоть раз тоскливое признанье...» (Anruf an die Geliebte Бетховена) — 487, 494, 516, 517
<«Полковник Бергер»>, *незаверш. рассказ* — 98
«Помедли... люди спят; медлительной царицей...» — 14
«Помнишь тот горячий ключ...» (Горячий ключ) — 327
После бури («Пронеслась гроза седая...») — 326, 327, 332, 333
Последнее слово (Пророку, Гнев Бога, Гнев Зевеса) («Я громом их в отчаяньи застигну...», *ранняя ред*.: «Восстань пророк, и препояшься снова!..») — 160, 481, 483
«Поэт, пророк, орловский знатный барин...» (<И. С. Тургеневу>, <Эпиграмма на И. С. Тургенева>) — 486, 491, 492
«Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...» (Ответ Тургеневу) — 480
Предисловие <к «Моим воспоминаниям»> — 89, 92, 103,
Предисловие <к переводу 2-й части «Фауста» Гёте> — 97, 117, 119, 120, 127–130, 132, 133, 137–141, 361, 381, 424, 427, 428, 432, 444
Предисловие <к переводу «Элегий» Проперция> — 27, 34, 37, 48
Предисловие <к третьему выпуску «Вечерних огней»> — 7–9
«Прежние звуки, с былым обаяньем...» — 25
При получении ананаса Анне Петровне Боткиной невесте («Хотя любовь препобедила...») — 237
«Прибеги под нашу крышу...» (<Ивану Петровичу Борисову>) — 351
Прибой («Утесы, зной и сон в пустыне...») — 483, 486, 503, 504

«Пронеслась гроза седая...» (После бури) — 326, 327, 332, 333
«Прости — и все забудь в безоблачный ты час...» — 44
«Прости! Разверстая могила...» (Памяти Василия Петровича Боткина 16-го октября 1869 года) — 214
«Пусть не забудутся и пусть...» (Владимиру Сергеевичу Соловьеву) — 567
«Пышные гнутся макушки...» (Кукушка) — 44
«Пятьдесят лебедей пронесли...» (На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года) — 152

«**Р**абочие книжки (Письмо к издателю <„Московских ведомостей“>)», *статья* — 475
«Ранние годы моей жизни», *мемуары* — 52, 57, 60, 61, 63–69, 72–75, 77–89, 91, 93–102, 153, 173, 185–187, 191, 193, 196, 211–213, 313, 346, 349, 352, 563
«Рассеянной, неверною рукою...» (Ольге Михайловне Соловьевой) — 375
«Расстались мы, ты странствуешь далече...» — 565, 572, 585–591
Рыбка («Тепло на солнышке. Весна...») — 275

«**С** полей несется голос стада...» (Цветы) — 494, 565
«Сегодня пир отрадный мы венчаем...» (Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года) — 220, 225, 226
«Сельскохозяйственные очерки», *брошюра* (совместно с Д. А. Столыпиным) — 475
«Семейство Гольц», *повесть* — 98, 275, 311, 313, 562
Сентябрьская роза («За вздохом утренним мороза...») — 44, 172
«Сердце — незабудка!..» (Колыбельная песня), *ранняя ред.* — 19, 22, 24
«Сердце — ты малютка!..» (Колыбельная песня сердцу), *поздняя ред.* — 19–25
«Синеет понт в дали туманной...» — 488, 528–530
«Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...» (Опять) — 16
Смерти («Когда, измучен жаждой счастья...») — 488, 494, 515, 520–522
«Смоленский Скапен», *статья* — 268
«Снился берег мне скалистый...» (Сон) — 275, 482, 483, 503, 514
«Со степи зелено-серой...» (Первая борозда) — 565
«Солнце низко. Легкой мглою...» (Телемак у Калипсы) — 480, 484, 503, 514
Соловей и роза («Небес и земли повелитель...») — 44
Ольге Михайловне Соловьевой («Рассеянной, неверною рукою...») — 375
Владимиру Сергеевичу Соловьеву («Пусть не забудутся и пусть...») — 567
Сон («Снился берег мне скалистый...») — 275, 482, 483, 503, 514
Сонет («Угрюм и празден часто я брожу...») — 488, 530, 532, 533
«Спасибо Вам, мы вспоминаем...» (Ольге Ивановне Щукиной) — 236, 439
«Старая песня», *статья* — 474
Степь вечером («Клубятся тучи, млея в блеске алом...») — 184
«Стихотворения А. Фета» (1850), *сборник ст-ний* — 5, 12–15, 19, 101, 161, 564, 614
«Стихотворения А. А. Фета» (1856), *сборник ст-ний* — 5, 10, 15, 19, 115, 214, 479, 484, 490, 493, 495, 500, 502, 504, 509, 511, 513, 515, 516, 522, 523, 529, 533, 535, 537, 564

«Стихотворения А. А. Фета» (1863, «солдатенковское издание»), *сборник ст-ний в 2 ч.* — 6, 15, 19, 20, 115, 395, 479, 483, 486, 487, 491, 493, 495, 496, 498–500, 503–506, 508–510, 512, 514, 515, 517, 522, 524, 530, 531, 534, 535, 537–540, 565
«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» — 14, 44

«**Т**ебе в молчании я простираю руку...» — 15
«Тебя любили мы за резвость молодую...» (На смерть М. Б—а) — 226, 227
Телемак у Калипсы («Солнце низко. Легкой мглою...») — 480, 484, 503, 514
«Тепло на солнышке. Весна...» (Рыбка) — 275
Графине С. А. Толстой (Алексей) («Где средь иного поколенья...») — 374
Гр. А. К. Т<олстом>у в деревне Пустыньке («В твоей Пустыньке подгородней...») — 374
«Только станет смеркаться немножко...» — 479, 480, 482, 483, 486, 498–501
«Томительно-призывно и напрасно...», *ранняя ред.*: «Бесцельно, бесполезно и напрасно...» — 326, 327, 332, 333, 560
«Трепетный факел с вечерним мерцанием...» (<Великому Князю Константину Константиновичу (на 3-м выпуске «Вечерних огней»>) — 166
«Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом...» (Морской залив) — 116
Туманное утро («Как первый золотистый луч...») — 481, 484, 486, 502, 503, 514
<И. С. Тургеневу> (<Эпиграмма на И. С. Тургенева>) («Поэт, пророк, орловский знатный барин...») — 486, 491, 492
«Тускнеют угли. В полумраке...» (У камина) — 483, 484, 487, 502, 510, 511
«Тухнущий факел с вечерним мерцанием...» (Графу Арсению Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову <(на 3-м выпуске «Вечерних огней»)>) — 567
«Ты все стихи переплела...» (Марье Петровне Шеншиной) — 217
«Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный!..» (В день серебряной свадьбы Е<катерине> П<етровне> Щ<укиной>) — 234, 235
«Ты мелькнула, ты предстала...» (Шопену) — 567
1881 года 11 июля («Желаю Оле...») — 236, 237

У камина («Тускнеют угли. В полумраке...») — 483, 484, 487, 502, 510, 511
«Угрюм и празден часто я брожу...» (Сонет) — 488, 530, 532, 533
«Ужель на вопль и зов молебный...» (Памяти С. С. Б—ой) — 226, 228
«Уноси мое сердце в звенящую даль...» (Певице) — 483, 487, 493–495, 514, 515, 572, 574–579
«Упрямый лук, с прицела чуть склонен...» (Аполлон Бельведерский) — 488, 524–528
«Утесы, зной и сон в пустыне...» (Прибой) — 483, 486, 503, 504

«**Х**оругвь священную подъяв своей десной...» (Оброчник) — 75, 76
«Хоть строчкой бедная подруга...» (<Александре Львовне Бржеской>) — 249, 255, 257, 562
«Хотя любовь препобедила...» (При получении ананаса Анне Петровне Боткиной невесте) — 237
«Христос Воскресе! клик весенний...» (Павлу Петровичу Боткину. 31-го марта 1879 г<ода>) — 233, 234

<«**Ц**арь Максимилиан»> («О боже! боже! все народы мне...»), *драм. отрывок* — 277
Цветы («С полей несется голос стада...») — 494, 565
«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» — 488, 494, 534, 535

«**Ч**лен Академии больной...» (<Ф. Е. Коршу>) — 562

Марье Петровне **Ш**еншиной («Ты все стихи переплела...») — 217
«Шепот, робкое дыханье...» — 351, 352, 571
Шиллеру («Орел могучих светлых песен!..») — 479–482, 486, 498, 500
Шопену («Ты мелькнула, ты предстала...») — 567
«Шумела полночная вьюга...» — 45

Ольге Ивановне **Щ**укиной («Спасибо Вам, мы вспоминаем...») — 236, 439

<**Э**пиграмма на И. С. Тургенева> — см. <И. С. Тургеневу> («Поэт, пророк, орловский знатный барин...»)
«Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег...» — 13, 15

«**Я** болен, Офелия, милый мой друг!..» — 613
«Я был опять в саду твоем...» — 565, 570, 572, 580–584
«Я говорю, что я люблю с тобою встречи...» — 232
«Я громом их в отчаяньи застигну...» (Последнее слово, Пророку, Гнев Бога, Гнев Зевеса; *ранняя ред.*: «Восстань пророк, и препояшься снова!..») — 160, 481, 483
«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» — 15
«Я люблю его жарко: он тигром в бою...» — 45
«Я посещал тот край обетованный...» (Золотой век) — 480, 482, 483, 493
«Я пришел к тебе с приветом...» — 561, 614
«Я русской, я люблю молчанье дали мразной...» — 560
«Я с девятнадцатого — дома...» (<Дмитрию Петровичу Боткину>) — 222–224, 226
«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» — 524, 565

Anruf an die Geliebte Бетховена («Пойми хоть раз тоскливое признанье...») — 487, 494, 516, 517

ПЕРЕВОДЫ

Из Вергилия

«Энеида Вергилия. Перевод А. Фета, со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора Казанского университета» (1888) — 26

Из Гейне

«Будто на ниве колосья...» (Эпилог) — 537

«Во сне я милую видел...» — 537
«Да, ты несчастна — и мой гнев угас...» — 537
«Дитя, мы детьми еще были...»; *ранняя ред.*: «Дитя, мы были дети...» — 538
«Желтеет древесная зелень...» — 537
«И если ты будешь моею женой...» — 538
«Как из пены вод рожденная...» — 537
«Когда на дороге случайно...» — 488, 530, 531, 533, 537
«Когда я про горе свое вам роптал...» («Когда я про горе свое говорил...») — 489, 537–539
«Лилеею, розой, голубкой, денницей...» — 489, 537
«Мой друг, мы с тобою сидели...» — 537
«На бледном ты лице моем...» — 538
«Нисходят во гроб поколенья...» — 537
«Они любили друг друга...» — 489, 535–537
«С порога рыбачьей избушки...» — 537
«Слышу ли песенки звуки...» — 537
«Томный звон в груди моей...» — 538
Эпилог («Будто на ниве колосья...») — 537
«Я не ропщу, пусть сердце и в огне...» — 537

Из Гёте

«Вот с избушкой я прощаюсь...» (Прекрасная ночь) — 45
Прекрасная ночь («Вот с избушкой я прощаюсь...») — 45
«Фауст. Трагедия Гёте. Часть первая. Перевод А. Фета» (1882) — 117, 122–127, 129, 144, 361, 391, 394, 395, 423, 428, 430, 432, 443
«Фауст. Трагедия Гёте. Часть вторая. Перевод А. Фета» (1883) — 2, 92, 97, 117, 119, 120, 122–130, 136, 137, 142–145, 381, 395, 421, 423–425, 427–430, 432, 443, 444

Из Горация

«К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета» (1883), *сборник* — 391, 395, 419, 441, 442, 446, 563
«Если бы вдруг живописец связал с головой человечьей...» (О поэтическом искусстве. К Пизонам (De arte poetica)) — 441, 442
О поэтическом искусстве. К Пизонам (De arte poetica) («Если бы вдруг живописец связал с головой человечьей...») — 441, 442
«Оды» (1856), *сборник* — 563

Из Катулла

«Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета» (1886), *сборник* — 27, 395, 567

Из Марциала

«Марка Валерия Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета» (1891), *сборник в 2 ч.* — 184

Мальчику Диадумену («Чем от нежной кусающей яблоко девушки дышит...»), *эпиграмма* — 79
«Чем от нежной кусающей яблоко девушки дышит...» (Мальчику Диадумену), *эпиграмма* — 79

Из Овидия

«Публия Овидия Назона XV книг Превращений. В переводе и с объяснениями А. Фета» (1887), *сборник* («Метаморфозы») — 361, 381, 566
Филемон и Бавкида — 381

Из Проперция

«Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета» (1888), *сборник* — 26–28, 30, 33, 34, 37, 38, 42, 43, 47, 48
Вертумн (4.II) — 32
Галл говорит (1.XXI) — 27
Жалоба в уединении (1.XVIII) — 27
Жалобы двери (1.XVI) — 29, 40, 50
К Бассу (1.IV) — 27, 49
К Вакху (3.XVII) — 31, 36, 37, 41, 42, 50
К влюбленному (2.IV) — 29, 33
К Галлу (1.X) — 29, 45, 46
К Галлу (1.XIII) — 29, 34
К Галлу (1.XX) — 29, 46
К Галлу, желавшему пригласить Цинтию (1.V) — 27, 49
К Демофоонту (2.XXII) — 29, 43, 46
К другу (1.XII) — 27, 29, 31, 50
К другу (2.VIII) — 29, 33, 34, 43, 49
К Зевесу о больной подруге (2.XXVIII) — 29, 30, 48
К Лигдаму (3.VI) — 50, 51
К Линцею поэту (2.XXXIV) — 29, 30, 37, 43, 46
К Меценату (2.I) — 29
К Меценату (3.IX) — 31, 35, 37, 41
К музе (2.X) — 29, 41, 46
К подруге (3.XX) — 50, 51
К подруге о сопернике (2.IX) — 29, 30, 48
К Понтику (1.VII) — 27, 43
К Понтику (1.IX) — 27, 29, 39, 45
К Постуму о Галле (3.XII) — 31, 35, 36, 41–43
К раздраженной подруге (3.V) — 31, 44–46
К самому себе (2.III) — 29, 30, 41, 43, 44
К Спарте о Лаконских играх (3.XIV) — 31
К Туллу (1.I) — 27, 36
К Туллу (1.VI) — 27, 29, 40, 44, 47
К Туллу (1.XIV) — 29, 46
К Туллу (3.XXII) — 31

К Цинтии (1.II) — 27, 29, 39, 45, 48
К Цинтии (1.III) — 27, 29, 51
К Цинтии (1.VIII) — 27, 29, 41, 43, 48
К Цинтии (1.XI) — 27, 29, 35, 46
К Цинтии (1.XV) — 27, 29, 43, 47
К Цинтии (1.XIX) — 27, 46
К Цинтии (2.V) — 29, 30, 44, 46
К Цинтии (2.VI) — 29, 46
К Цинтии (2.VII) — 29, 30
К Цинтии (2.XI) — 29, 30
К Цинтии (2.XIII) — 29, 30, 43, 48
К Цинтии (2.XVI) — 29, 36, 40, 41
К Цинтии (2.XVIII) — 29, 37
К Цинтии (2.XIX) — 29, 48, 51
К Цинтии (2.XX) — 29, 49
К Цинтии (2.XXV) — 29, 34, 35, 44
К Цинтии (2.XXIX) — 29, 43, 48
К той же (2.XXX) — 29, 40, 48
К той же (2.XXXI) — 30
К той же (2.XXXII) — 29, 37
К Цинтии (2.XXXIII) — 29
К Цинтии (3.VIII) — 44
К Цинтии (3.XXI) — 31, 32, 36, 43, 49
К Цинтии (3.XXV) — 31, 49
К Цинтии о Панте (2.XXI) — 29, 30, 50
К Цинтии о приснившемся кораблекрушении (2.XXVI) — 29, 30, 38, 42, 44, 47, 48, 50
К Цинтии по случаю морской бури (1.XVII) — 27, 29, 39
«Каллимахова тень и косского призрак Филета...» (3.I) — 30, 38
Картина Амура (2.XII) — 44, 46
Корнелия к Павлу (4.XI) — 32, 41, 44, 47
Могущество женщин (3.XI) — 31, 37, 41, 47
На день рождения подруги (3.X) — 49
На смерть Пэта из-за корысти (3.VII) — 31, 43, 44, 46
О Геркулесе и смерти Кака (4.IX) — 32
О гордыне Цинтии (3.XXIV) — 31, 49
О городе Риме (4.I) — 32, 35, 37–39, 44
О корыстолюбии дев (3.XIII) — 31, 36, 44, 47
О неизвестности смертного часа (2.XXVII) — 30
О необузданности женщин (3.XIX) — 31
О повелении возлюбленной (3.XVI) — 39, 49
О служении любви (2.XXIII) — 29, 30, 40
О Цинтии (4.VII) — 32, 39, 50, 51
О Цинтии (4.VIII) — 32, 43, 50
О Цинтии и Лицинне (3.XV) — 31
О Цинтии сопернику (2.XXIV) — 29, 30, 34, 48

Об акциумской морской битве (4.VI) — 32, 47
«Одни стихи избегают смерти...» (3.II) — 30, 37
Отверженный (2.XVII) — 29, 30, 48
Письмо Аретузы к Ликоте (4.III) — 32, 39, 44
Плач о смерти Марцелла (3. XVIII) — 31
Потерянные таблички (3.XXIII) — 31
Похвалы Цинтии (2.II) — 29, 30, 36
Поэт рассказывает о своем блаженстве (2.XV) — 29–31
Радость обладания подругой (2.XIV) — 29, 30, 48
Сводне (4.V) — 32, 38
Сон Проперция (3.III) — 30, 37, 49
Тарпея (4.IV) — 32, 37
Триумф Цезаря (3.IV) — 31
Туллу о своей родине (1.XXII) — 27
Юпитер Феретрий (4.X) — 32, 37, 47

Из Тибулла

«Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета», *сборник* — 27, 378, 395

Из Шиллера

Боги Греции («Как еще вы правили вселенной...») — 45
«Как еще вы правили вселенной...» (Боги Греции) — 45

Из Шопенгауэра

«Мир как воля и представление» — 395

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ ФЕТА, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПЕРВОЙ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ (Л. 47—70)*

Аполлон Бельведерской («Упрямый лук, с прицела чуть склонен...») — **65** (л. 65, 64 об.)

В Альбом. В первый день Пасхи («Победа! Безоружна злоба...») — **68** (л. 67)
«В леса безлюдной стороны...» — **64** (л. 64)
«В уединении забудусь ли порою...» (Неотразимый образ) — **61** (л. 61)
«Вблизи семи холмов, где так невыразимо...» (Даки) — **56** (л. 55–56, 54 об., 56 об., 53 об.)
Венера Милосская («И целомудренно и смело...») — **46** (л. 47)
«Все вокруг и пестро так и шумно...» — **50** (л. 49)

Даки («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...») — **56** (55–56, 54 об., 56 об., 53 об.)

«И целомудренно и смело...» (Венера Милосская) — **46** (л. 47)
<*Из Гейне*> «Когда на дороге случайно...» — **67** (л. 66 об.)
<*Из Гейне*> «Когда я про горе свое вам роптал...» (в окончат. редакции «Когда я про горе свое говорил...») — **72** (л. 70)
<*Из Гейне*> «Лилеею, розой, голубкой, денницей...» — **73** (л. 70)
<*Из Гейне*> «Они любили друг друга...» — **71** (л. 70)

«Как первый золотистый луч...» (Туманное утро) — **54** (л. 53); см. также «Капля скатившаясь...» **33** (л. 35)
«Как хорош чуть мерцающим утром...» (Морской берег) — **69** (л. 68)
«Когда измучен жаждой счастья...» (Смерти) — **63** (л. 63, 62 об.)
«Когда на дороге случайно...» (*Из Гейне*) — **67** (л. 66 об.)
«Когда у райских врат изгнанник...» — **62** (л. 62)
«Когда я про горе свое вам роптал...» (*Из Гейне*) (в окончат. редакции «Когда я про горе свое говорил...») — **72** (л. 70)

«Лилеею, розой, голубкой, денницей...» (*Из Гейне*) — **73** (л. 70)

---

* В указатель ко второй части публикации В. А. Лукиной «Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859)» в настоящем томе включены только стихотворения и переводы, автографы которых содержатся в *Т 1*. Полужирным указывается порядковый номер, под которым стихотворение воспроизводится в описании; в скобках — номера листов, на которых находятся записи, имеющие к нему отношение.

Милосская Киприда — см. Венера Милосская («И целомудренно и смело...»)
«Морская даль во мгле туманной...» (*ранняя ред.* «Синеет понт в дали туманной...») — **66** (л. 66)
Морской берег («Как хорош чуть мерцающим утром...») — **69** (л. 68)

«Не напевай тоскливой муки...» — **58** (л. 58)
Неотразимый образ («В уединении забудусь ли порою...») — **61** (л. 61)

«О нет не стану звать утраченную радость...» — **51** (л. 50, 50 об., 49 об.)
«Они любили друг друга...» (*Из Гейне*) — **71** (л. 70)
«Орел могучих светлых песен!..» (Шиллеру) — **53** (л. 52)

Певице («Уноси мое сердце в звенящую даль...») — **59** (л. 59)
«Победа! Безоружна злоба...» (В Альбом. В первый день Пасхи) — **68** (л. 67)
«Под небом Франции среди столицы света...» — **48** (л. 48)
«Пойми хоть раз тоскливое признанье...» (Anruf an die Geliebte Бетховена) — **60** (л. 60)
«Поэт пророк орловский знатный барин...» (<Эпиграмма на И. С. Тургенева>) — **47** (л. 47 об.)
Прибой («Утесы. Зной и сон в пустыне...») — **55** (л. 54)

«Синеет понт в дали туманной...» — см. «Морская даль во мгле туманной...»
Смерти («Когда измучен жаждой счастья...») — **63** (л. 63, 62 об.)
Сонет («Угрюм и празден часто я брожу...») — **42**, **42а** (л. 44, 67 об.)

«Только станет смеркаться немножко...» — **52** (л. 51)
Туманное утро («Как первый золотистый луч...») — **54** (л. 53); см. также «Капля скатившаясь...» **33** (л. 35)
«Тускнеют угли. В полумраке...» (У камина) — **57** (л. 57)

У камина («Тускнеют угли. В полумраке...») — **57** (л. 57)
«Угрюм и празден часто я брожу...» (Сонет) — **42**, **42а** (л. 44, 67 об.)
«Уноси мое сердце в звенящую даль...» (Певице) — **59** (л. 59)
«Упрямый лук, с прицела чуть склонен...» (Аполлон Бельведерской) — **65** (л. 65, 64 об.)
«Утесы. Зной и сон в пустыне...» (Прибой) — **55** (л. 54)

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» — **70** (л. 69, 69 об.)

Шиллеру («Орел могучих светлых песен!..») — **53** (л. 52)

<**Э**пиграмма на И. С. Тургенева> («Поэт пророк орловский знатный барин...») — **47** (л. 47 об.)

Anruf an die Geliebte Бетховена («Пойми хоть раз тоскливое признанье...») — **60** (л. 60)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамовская И. С. — 110, 611
Абросимова В. Н. — 393, 403, 452, 453, 459–462, 464, 465, 467–470
Август (Октавиан Август), рим. имп. — 26, 27, 31, 38, 41, 353
Агапов А. — 326
Адам (Adam) А. — 318
Адорно (Adorno) Т. Л. В. — 129, 130
Азадовский М. К. — 541
Аксаков И. С. — 386, 389, 390, 453
Аксаков С. Т. — 390 («старику Аксакову»)
Аксаковы, семья — 94, 319 («аксаковщина»)
Аксененко Е. М. — 165, 167, 169
Александр II Николаевич, росс. имп. с 1855 г. («цесаревич», «царь», «император», «государь») — 270, 324, 336, 339, 392, 400, 404, 449, 462, 492 («царя»), 562, 563, 565
Александр III Александрович, росс. имп. с 1881 г. — 76, 167, 369, 449, 454, 457, 460, 467, 473
Александр Николаевич, вел. кн. — см. Александр II
Александра Федоровна (урожд. Фредерика-Луиза-Шарлотта Прусская), имп., супруга Николая I — 190, 193, 196 («Их Величеств»), 197, 200, 205
Александрова М. О. — 569
Алексеев М. П. — 254
Алексеевы, купеческая династия — 354, 384
Алимова Н. С. — 26
Аллен Л. — 131
Андреев, оружейник — 347
Андреева И. П. — 153, 159, 177, 180
Андроников И. Л. — 546
Анненков П. В. — 176, 254, 298, 299, 333
Аннушка, горничная — 78, 79
Антокольский М. М. — 356, 369
Антоний (в миру Вадковский А. В.), митр. — 188
Антоний Марк, рим. консул — 27
Анчугова Т. В. — 182
Аппельрот Г. Я. — 72
Апухтин А. Н. — 566
Арский Н. В. — 118, 119
Аствацатуров А. А. — 129

Асланова Г. Д. — 152, 161, 166, 216, 218–220, 232, 239, 378, 394, 427, 461, 473–477, 572, 612
Ауэр А. П. — 90
Афанасий, повар Шеншиных — 69
Афанасьев И. П. — 298
Афимья, кормилица сестры Фета Анны — 186 («нянька Афимья»)
Ачкасов А. В. — 611
Ашихмина Е. Н. — 52, 55–57, 67, 191, 241, 286

Б. Елена Григорьевна — 165, 186
Баевский В. С. — 543
Баженов М. Н. — 336
Байрон (Byron) Дж. Н. Г. — 93, 139, 140, 141, 572
Бальмонт К. Д. — 571
Баратынская (урожд. Амабелек) А. Д., княж. — 253–257
Барсуков Н. П. — 166
Бартенев П. И. — 261, 262, 266, 319 («бартеневского»), 455
Батюто А. И. — 353
Батюшков К. Н. — 5, 13, 22, 612
Бахрушин А. А. — 354
Бедекер (Baedeker) К. — 360
Безобразова Е. П. — 151
Безродный А. В. — 255
Бекетов А. Н. — 118, 121, 137
Бекетова (урожд. Карелина) Е. Г. — 121
Бекетова М. А. — 121
Бекетовы, родственники А. А. Блока по матери — 117
Беленкова А. И. — 170
Беленковы, род — 54
Беликов, писарь — 349
Белинский В. Г. — 10, 18, 19, 120, 213
Белозерова Н. — 207
Белый А. (наст. имя и фам. Бугаев Б. Н.) — 132, 135, 146, 149, 150
Бельгард (Cassier de Bellegarde) А. А., генерал-майор — 207, 208
Бельгард А. А., сын А. А. и Н. К. Бельгардов — 208
Бельгард В. А., сын А. А. и Н. К. Бельгардов — 207, 208
Бельгард К. А., сын А. А. и Н. К. Бельгардов — 207, 208
Бельгард (в замуж. Ореус) М. А., дочь А. А. и Н. К. Бельгардов — 206–212
Бельгард (в замуж. баронесса Засс) Н. А., дочь А. А. и Н. К. Бельгардов — 208, 209
Бельгард (урожд. Свенсон) Н. К. — 205, 206, 208–210
Беляк (Беляков, Белый) И., повар — 285, 286
Бенуа А. Н. — 383
Бенедиктов В. Г. — 160
Бер (Beer) В. В. — 116
Берг Ф. В. Р. фон — 104

Берги, лифл. род — 104
Бергнер К. А., фотограф — 221
Бердяев Н. А. — 131
Беренс (Baehrens) Э. — 33
Беркен (Berquin) А. — 18
Бернадот (Bernadotte) Ж.-Б.-Ж. — 273
Бертенсон В. Б. — 160
Бетховен (Beethoven) Л. ван — 487, 494, 516, 517, 559, 572
Бибиков, поручик, муж С. И. Ореус — 209
Бисмарк (Bismarck) О. фон — 302, 316
Благоволина Ю. П. — 213, 218, 479, 516, 527
Блок А. А. — 2, 117–145, 162 («известного поэта»), 180, 374, 567, 568
Блок (урожд. Бекетова; во втор. бр. Кублицкая-Пиоттух) А. А. — 118, 121 («матери»), 374 («матери»), 567 («мать»)
Блок Г. П. — 94, 150, 158–160, 162, 163, 165–172
Блок (урожд. Стааль) О. К., жена Г. П. Блока — 168, 170
Блюмбаум А. Б. — 132
Боборыкин П. Д. — 357
Бове О. И. — 403
Богаевский П. М. — 437, 438
Богатыревы, бр., владельцы постоялого двора — 263, 264
Богданов В. В. — 390
Боголюбов А. П. — 362, 367
Богомолов Н. А. — 153, 157
Бойесен (Boyesen) Хьялмор (Бойезен Гиальмар) — 118, 119
Бологов А. К., письмоводитель — 349–352
Бологов И. А. — 352
Бологов К. П. — 352
Бонч-Бруевич В. Д. — 178
Боратынский (Баратынский) Е. А. — 13
Борзенковы, род — 54
Борисов И. П. — 2–4, 82, 96, 204, 210–212, 258–271, 273–302, 304–321, 323–340, 342–353, 374, 562
Борисов П. И. (Петя, «Попка») — 126, 204, 210, 211, 258, 260, 263–265, 270, 273, 276, 277, 279–281, 284–288, 291, 293, 294, 296–301, 304, 305, 307, 308, 310, 312, 314, 315, 317, 318, 320, 325, 326, 329–336, 339, 342, 344, 349, 398, 411, 413
Борисов П. Я. — 77, 78
Борисова А. П. — см. Казначеева А. П.
Борисова В. А. — 344, 346
Борисова (урожд. Шеншина) Н. А., сестра Фета — 186, 189–193, 195, 197, 201, 203–206, 209–212, 278, 286–290, 307, 332, 333, 513, 522
Борисовы, дети П. Я. и М. П. Борисовых — 348
Борисовы, семья И. П. и Н. А. Борисовых — 212
Боткин Вас. П. — 6, 94, 161, 213–215, 218–221, 233, 238, 260, 278, 308, 310, 321, 374, 442, 479, 480, 491, 495, 514, 526–528, 536

Боткин Вл. П. — 219, 221
Боткин Д. Д. («Митя») — 223 («детки»), 226, 227
Боткин Д. П. — 152, 218–223, 226–228, 232, 260, 265, 268, 270, 276, 277, 281, 287, 288, 301, 302, 332, 352, 358–361, 364, 368, 378, 382, 388, 396, 398, 400, 404, 419, 426–428, 432, 446, 475, 526
Боткин М. П. — 239, 240, 358, 360, 377
Боткин Н. П. — 219
Боткин П. Д. — 223 («детки»), 370, 382
Боткин П. К. — 220, 371, 428
Боткин Пав. П. — 221, 233, 234, 320, 324, 331, 339
Боткин Петр Д. — 445, 446
Боткин Петр П. — 221, 237, 278, 330, 332, 346
Боткин С. Д. — 223 («детки»), 239, 240, 360, 370, 382, 565
Боткин С. П. — 221, 335, 337, 358, 360, 383
Боткин С. С. — 360, 370, 383
Боткина (урожд. Крылова) А. А. — 221
Боткина (в замуж. Пикулина) А. П., дочь П. П. и Н. К. Боткиных — 237, 281, 301, 302, 398
Боткина А. П., жена С. С. Боткина — см. Третьякова А. П.
Боткина Е. Д. — см. Дункер Е. Д.
Боткина Е. П. — см. Щукина Е. П.
Боткина М. П. — см. Шеншина М. П.
Боткина (урожд. Шапошникова) Н. К. — 221
Боткина (в замуж. Остроухова) Н. П., дочь П. П. и Н. К. Боткиных — 161
Боткина (урожд. Мазурина) С. С. — 220, 223, 226–228, 232, 260, 358, 364, 378, 382, 398–400, 404, 427, 428
Боткины, купеческая династия — 213, 330, 354, 358, 384
Боткины, дети П. П. и Н. К. Боткиных — 358
Боткины, семья Д. П. Боткина — 226–228, 232, 266, 270, 281, 358, 360, 396, 398, 400, 410, 411, 427
Боткины, семья М. П. Боткиной — 220, 221, 232–234, 238, 292, 321, 322, 382, 532
Боханов А. Н. — 354, 369
Брандес (Brandes) Г. М. К. — 119
Бржеская (урожд. Добровольская) А. Л. — 166, 171, 236, 249, 250, 255, 257, 439, 561
Бржеский А. Ф. — 249, 255, 561
Бржеские, семья А. Ф. и А. Л. Бржеских —100, 167, 561
Бродский И. А. — 17, 19
Брокгауз Ф. А. — 389, 437
Брук А. — 569
Брюллов К. П. — 367, 372–375
Брюсов В. Я. — 146, 148, 151, 173, 176
Буйнин Ф. Я. — 54
Букшпан Я. М. — 131
Булгаков И. А. (о. Иоанн) — 242

Булгаков М. А. — 83, 242
Булгарин Ф. В. — 491
Бунины (Буйнины), род — 54
Буренин В. П. — 76, 176, 274, 465, 476
Бурышкин П. А. — 354, 369, 371
Бухштаб Б. Я. — 95, 96, 166, 167, 171, 172, 220, 250, 256, 277, 491, 492, 541–555
Бухштабы, Бухштаб Б. Я. и Шаповалова Г. Г. — 541, 543, 545, 547
Буяльский И. В. — 200, 201
Бычков И. А. — 162
Бюлер К. Ф., бар. — 98, 99, 349, 562

Вавилов П. А. — 70–72
Вайдман П. Е. — 159
Вайскопф М. — 93, 97
Вар (Публий Квинтилий Вар) — 351, 353
Варнава (в миру Н. Н. Беляев), еписк. — 178
Васильев Ф. А. — 356, 369
Вахитова Т. М. — 2
Введенский И. И. — 563
Везенберг Я. И. В., фотограф — 341
Величковский А. П. — 467
Венсан Е. И. — 298, 299, 301
Вергилий (Виргилий) Марон Публий («Энеида») — 26, 162
Веретнова Ю. В. — 569
Вернадский В. И. — 136, 137
Вернер (Werner) А. Г. — 138
Вернер Ф. Ф. — 311, 313
Виардо (Viardot), семья Л. и П. Виардо — 316
Виардо (Viardot; в замуж. Шамро) К. — 297
Виардо (Viardot; урожд. Гарсиа) П. — 316, 317, 343, 347
Визар В. Я. — 302, 304
Викторович В. А. — 541
Вильбасов В. Н. — 329
Вильгельм I (Wilhelm I; Гогенцоллерн) Ф.-Л. — 304, 306
Виноградова Е. В. — 532
Витковский Е. В. — 251
Витте, супруги — 469
Витте (урожд. Нурок; в перв. бр. Лисаневич) М. И. — 469
Витте С. Ю. — 457, 469
Владимир Святославич (Владимир I, Владимир Святой, Владимир Великий, Владимир Красно Солнышко), кн. киевский — 408
Владиславлев И. В. — 156
Вовина С. Я. — 118
Водовозова (урожд. Цевловская) Е. Н. — 187
Войт Н. К. — 263, 264, 284
Волков, владелец моск. часовой мастерской — 269

Волоцкой Н. В. — 332, 333
Вольф М. О. — 428
Воскресенский П., телеграфист — 380
Востоков И. — 428

Гавлин М. Л. — 365
Гаврилин В. А. — 571
Гаврилов Б. Г. — 437
Гаврилов Герасим — 59
Гаврилов Захар — 59
Гагман Н. Ф. — 322
Гаевская, владелица моск. часовой мастерской — 269
Гайдай Л. И. — 83
Гайли Э. И. — 313
Галкина Н. Г. — 365
Галл, приятель Проперция — 27, 29, 31, 34, 35, 45
Гампельн К. К. — 185, 563
Гаспаров М. Л. — 10, 15, 353, 543
Гатцук А. А. — 117, 442–444
Гау Э. П. — 208
Гвоздев В. В. — 610
Гегель (Hegel) Г. В. Ф. — 93, 119 («в гегелевском»), 120 («гегелевской»), 312
Гейбель (Geibel) Э. А. — 254
Гейне (Heine) Г. — 14, 94, 96, 254, 255, 312, 488, 489, 535
Гейченко С. С. — 546
Гельперин Ю. М. — 167
Генералова А. А. — 569
Генералова Н. П. — 2, 65, 97, 119, 120, 159, 213, 251, 268, 269, 327, 340, 394, 427, 428, 453, 468, 491, 492, 568, 610–612, 614
Генрих I Птицелов, король Германии — 84
Герасимова Е. Ю. — 569
Герашко Л. В. — 559, 570, 572
Гербель Н. В. — 117, 135, 143, 145, 254, 255, 423, 424
Герцен А. И. — 94, 213
Гершензон М. О. — 160
Герье В. И. — 385, 396, 402, 404, 405
Гёте (Goethe) И.-В. («Фауст») — 2, 92, 93, 97, 117–145, 149, 312, 391, 395, 421, 423–425, 427–430, 432, 443, 444, 565, 572
Гиляров-Платонов Н. П. — 271, 450, 455
Гиляровский В. А. — 469
Гин М. М. — 545
Гинзбург Л. Я. — 543, 545
Гиршман В. О. — 354
Гиршман М. М. — 543
Глаголева Т. М. — 160
Глебов Пав., орловск. уездн. предв. дворянства — 192

Глинка-Маврин Б. Г., зять С. Ф. Маврина — 191
Глинки Ф. Н. и А. П. (урожд. Голенищева-Кутузова) — 94
Гобатова А. — 56, 57
Говоруха-Отрок (псевд. Ю. Николаев) Ю. Н. — 457, 459, 460
Гоголин М. Ю. — 148
Гоголь Н. В. («гоголевский», «Мертвые души») — 153, 178, 182, 351, 352, 374
Голенищев-Кутузов П. И. — 17
Голенищев-Кутузов А. А., кн. — 455
Голиненко О. А. — 480
Голицын Ю. Н., кн. — 571
Голицына А. А., капитанша, кн. — 59
Голицыны, род — 59
Головин В. В. — 17, 19
Головина (урожд. Шеншина) О. Н. — 55
Гольтяков Н. И. — 344, 346
Гольтяков Н. Н. — 346
Гольтяков П. Н. — 346
Голяшкин, моск. домовл. — 325, 331, 333, 337, 344
Гомер — 43, 330
Гончаров И. А. — 356
Гораций (Квинт Гораций Флакк) — 30, 391, 395, 419, 441, 442, 446, 563
Горбунов К. А. — 215
Городецкий С. М. — 153
Горчаков А. М. — 324
Горчаковы, род — 54
Гостия, возлюбленная Проперция — 26
Гофман А. Л. — 197
Грановский Т. Н. — 94, 213
Греч Н. И. — 491
Грибоедов А. С. («Горе от ума») — 147, 272, 356, 608, 613
Григорович Д. В. — 3, 358, 370, 380, 381
Григорьев А. А. — 13, 91, 93, 94, 97, 149, 213, 312, 563, 564
Григорьев А. И. — 93
Григорьев О. — 161
Григорьева М. Н. — 365
Григорьевы, семья А. А. Григорьева — 91, 93, 563
Грингмут В. А. — 457
Гриневы, род — 54
Гродецкая А. Г. — 26, 89
Гроссман Л. П. — 179
Грякалова Н. Ю. — 117, 126–128, 135
Губин Л. В. — 146
Гудович, гр., моск. домовл. — 325, 326
Гуковский Г. А. — 547
Гульч Ф. — 85, 86, 88
Гуменная Г. Л. — 152

Гуревич, семья Я. Г. Гуревича — 160
Гусев В. Е. — 316
Гюго (Hugo) В. — 140, 141

Давидов А. Ю. — 404
Давыдов И. И. — 94
Даль В. И. — 66, 67, 69, 74, 75, 78, 80, 81, 86, 313, 356
Даммюллер Э. — 306
Данилевский Н. Я. — 271
Дашков Д. Д. — 337, 340
Девриен А. Ф. — 117, 145
Деконор А. А. — 98
Делянов И. Д., гр. — 457, 466
Деппиш М. Б, инспектор орловск. врач. управы — 192
Дергачева Л. Д. — 400, 404
Державин Г. Р. — 148
Дерябина Е. П. — 103
Диккенс (Dickens) Ч. — 252
Дмитриев А. П. — 450
Дмитрий Петрович — см. Боткин Д. П.
Добиньи (Daubigny) Ш.-Ф. — 369
Добролюбов А. М. — 544
Добролюбов Н. А. — 72
Доре (Doret) П.-Г. — 318
Досекин Н. В. — 166
Достоевский А. М. — 69
Достоевский Ф. М. — 72, 271, 338, 340, 355, 356, 373
Драгоманов М. П. — 329
Дрейлинг (урожд. Шеншина) А. В., жена К. И. Дрейлинга — 263
Дрейлинг К. И. фон — 263, 279, 280
Дружинин А. В. — 6, 479, 480, 482, 484, 498, 512, 523, 524, 534, 536
Дрябчук (Дрибчук), управляющий Фета — 314, 315, 318
Дубинин А., прот. — 419
Дункер (урожд. Боткина; во втор. бр. Щукина) Е. Д. фон — 152, 223 («детки»), 228–232, 364, 370, 378, 382, 394, 427
Дункер К. Г. фон — 228, 232, 370, 378, 382, 427
Дурылин С. Н. — 147, 148, 158, 546
Дьяков Д. А. — 269, 302, 332–335, 344, 345
Дьякова М. Д. — 266, 269, 332 («дочери»)
Дюнцер (Düntzer) И. Г. И. —140, 141, 431, 432

Егоров Б. Ф. — 214, 219, 220, 358, 360, 383, 543, 545
Екатерина II Алексеевна (Великая), росс. имп. с 1762 г. («екатерининский») — 189
Елизавета Николаевна, няня Фета — 69

Елизавета Федоровна (Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская), вел. кн. — 248
Ельцинский В. И. — 335, 337
Ермилова Е. В. — 98
Ерохин А. В. — 118, 124, 132, 134
Есенин С. А. — 180, 571, 573
Ефимов Н. Т. — 246
Ефремова Т. Ф. — 66, 67

Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) — 305
Жемчужников Алексей М. — 9
Жемчужников В. М. — 375–377
Жемчужников Л. М. — 375, 376
Жемчужниковы, бр. Ал-р М., Алексей М., В. М. — 373, 376, 377
Жовтис А. Л. —543
Жуков В. Г. — 85–88
Жуковский В. А. — 13, 15, 18

Забелин И. Е. — 356
Зародова Л. Д. — 569
Захаров А. Н. — 4, 570–574, 580, 585, 592, 599
Захаров П. А. — 571
Захарьин Г. А. — 318, 322, 325
Здобнов Д. С., фотограф — 147
Зенкевич М. А. — 168
Зилоти В. П. — 365
Зильберштейн И. С. — 546
Зыбина Марья, подполковница — 59
Зыбины, род — 59
Зыбины, семья Д. А. и А. Н. Зыбиных — 80, 82

Иван, кучер И. П. Борисова — 264, 350
Иван, рассыльный у Фета — 351
Иван IV Васильевич (Грозный) — 83
Иванищенко Л. Н. — 571
Иванов-Разумник Р. В. (наст. фам. Иванов Р. В.) — 121, 134, 135, 141, 142, 145
Иванова Е. В. — 135, 174, 249
Ивановский А. Н., прот. — 176
Ивачев П. А. — 362
Ивашкина С. Е. — 394, 395, 443
Иезуитова Р. В. — 170
Измайлов А. А. — 158
Изумрудов Ю. А. — 167, 179, 180
Иконников В. С. — 326, 329
Иловайский Д. И. — 455
Илья Афанасьевич, камердинер А. Н. Шеншина — 186

Ильяшенко В. С. — см. Федина В. С.
Илюшин А. А. — 543
Иноземцев Ф. И. — 210
Иост А. И. — 236, 388, 391, 396–398, 403, 404, 407–410, 421, 423–426, 428, 436, 438–441, 446–448
Иост О. И. — см. Щукина О. И.
Иост Т. И. — 421–424
Иосты, семья А. И. Иоста — 398, 441, 446
Ипатова С. А. — 26, 126, 146, 274, 354, 384, 449
Исаев Г. А. — 395
Исаков С. Г. — 106, 109
Ишутин Н. А. — 274

К. Р. — см. Константин Константинович
Кавелин К. Д. — 94, 564
Каврайская В. Г., колл. асесс. — 60
Казначеев Ф. Ф. — 294, 335, 350
Казначеева (урожд. Борисова) А. П. — 294, 298, 299, 335, 348
Калачов Н. В. — 64, 258–260, 266
Кале Э. Э., владелец завода в Орле — 245
Калк (Kalk) К. Ф. — 110–113
Кампе (Campe) И. Г. — 17
Кандинский В. В. — 385
Кант (Kant) И. — 149
Каракозов Д. В. — 274
Каратеев В. П. — 176
Каратыгин П. А. — 356
Карауловы — 411
Карелина А. Н. — 121
Карл Великий (Charlemagne) — 84
Карпов А. М. — 438
Карцова, старшая сестра О. К. Карцовой — 308
Карцова О. К. — 308
Кательникова А. И. — 246
Касьян, ямщик — 349
Катков М. Н. — 171, 261, 266–268, 301, 302, 304, 315, 316, 320, 324, 326, 336, 337, 355, 392, 393, 404–406, 430, 449–458, 460–466, 468, 469, 473, 494, 495
Каткова (урожд. княж. Шаликова) С. П. — 172, 301, 302, 455
Катулл (Гай Валерий Катулл) — 27, 30, 395, 567
Кауфман Ф. Ф. — 298, 299
Кашпирев В. В. — 271, 274, 324
Кашпирева (урожд. княж. Урусова) С. С. — 324
Квинель (Куинел; Kuinoel) К. Т. — 30, 33
Керимова М. М. — 358, 384, 385, 389–392, 395, 396
Киндлер М. Г. — 419
Кипренский О. А. — 182
Киселев Н. П. — 157

Кишинский Н. А. — 292, 343
Клеопатра — 15
Клодт М. К. — 356
Ковалевский М. М. — 387, 389, 390, 404
Козаков, секретарь орловск. двор. собр. — 192
Козлянинов С. — 267
Козмин (Казмин) Е. А. — 192
Коковина Н. З. — 90, 152, 612
Колобова Н. А. — 118
Кондина О. Д. — 571
Кондратьев А. А. — 157, 158, 160, 170, 175, 176
Константин Константинович, вел. кн. (псевд. К. Р.) — 9 («великим князьям»), 172, 216, 460, 466–468, 473, 532, 566, 572
Корнелий Непот — 342
Корнелиус Ф. И. — 200
Корнелия, жена консула Павла — 32, 44
Коро (Corot) Ж.-Б.-К. — 369
Корши, семья Е. Ф. Корша — 94
Космолинская Г. А. — 159
Кочнева Е. В. — 569
Кошелев А. И. — 72, 323
Кошелев В. А. — 3, 5, 90, 608–612
Кошурников В. — 437
Кощиенко И. В. — 569
Кравчинский С. М. — 180
Краевский А. А. — 3
Крамской И. Н. — 356–358, 365–367, 369, 371, 376–378
Крандиевская-Толстая Н. В. — 546
Краснов Г. В. — 541
Крейд В. — 146
Крестовский В. В. — 104, 111, 113, 271
Кривцова П. П. — см. Шеншина П. П.
Кросс Яан — 109
Кротков Прокофий, приказчик А. Н. Шеншина —352
Кругликова О. С. — 451, 455, 469
Крылов И. А. — 292
Крылов Н. И. — 94
Крюков Д. Л. — 94, 563
Крюммер (Krümmer) Г. — 83, 84, 87, 91, 95, 98, 103, 176, 193
Ксенофонт — 330, 334
Кублицкая-Пиоттух А. А. — см. Блок А. А.
Кудрявцев М. Д. — 309, 310
Кузминский А. М. — 322
Кузнецов Д. — 182
Кузьмина И. А. — 2, 3, 186, 189, 216, 218, 236, 258, 260, 373, 388, 397, 430, 439, 479, 496, 516, 532, 535, 572

Кузьмина Л. И. — 532
Куинджи А. И. — 369
Кундт Э. — 431, 432
Кутлер Н. Ф. — 305

Лаврентьева Л. С. — 555
Лавров А. В. — 146
Лавров П. Л. — 356
Ладыженский П. А. — 276, 278
Лазич М. К., дочь К. Ф. и Е. И. Лазичей —100, 518, 562
Лалаян В. А., фотограф — 174
Ламберт (урожд. Канкрина) Е. Е., гр. — 347
Ламберт И. К., гр. — 347
Ланской А. А., оружейник — 344, 346
Лебедева М. В. — 612, 613
Лебедева С. Е. — см. Ивашкина С. Е.
Левицкий С. Л., фотограф — 368, 450, 451, 454
Лейбель Е. В. — 129
Лейбов Р. Г. — 76,
Ленский (наст. фам. Воробьев) Д. Т. — 94
Леонид (в миру Л. В. Краснопевков), еписк. — 314–316
Леонтьев К. Н. — 271, 393, 403, 452, 462, 463
Леонтьев П. М. — 261, 265–267, 276, 301, 302, 309, 315, 320, 324, 327, 336, 337
Леонтьева (урожд. Шипова) М. П. — 197, 201, 202, 207, 208
Леонтьева Н. В. — 571
Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген (Hohenzollern-Sigmaringen), кн. — 302
Лермонтов М. Ю. — 14, 18, 19, 93, 148, 180, 213, 548, 571, 573
Лесков А. Н. — 546
Лесков Н. С. — 274, 541, 546
Леш Р. В. — 332–334
Либан, мл. брат А. О. Либана — 333
Либан А. О. — 332, 333
Лизандер Д. К. фон — 286
Лизандер К. Е. фон — 286
Логвинова А. П. — см. Шеншина А. П.
Логинова В. С. — 569
Локс К. Г. — 149
Лонгинов М. Н. — 261, 262
Лонгфелло (Longfellow) Г. У. — 249, 254–257
Лоренц В. И. (Михаил Вильгельмович) — 285, 286, 288, 290
Лорли (Lohrli) Э. — 252
Лосева (урожд. Чижова) Е. И. — 354
Лотман Ю. М. — 550
Лощинская Н. В. — 121
Лукач (Lukacs) Георг (Дьердь) — 130
Лукина В. А. — 2, 4, 159, 218, 226, 478, 559, 612, 614

Лукирская К. П. — 118
Лукьянов С. М. — 445
Лутовиновы, род — 54, 59
Лутохин И. П. — 246
Льдов К. (наст. имя Витольд-Конст. Ник. Розенблюм) — 249, 250, 253–257
Любимов Н. А. — 449
Ляцкий Е. А. — 156

Маврин С. Ф. — 87 («одного приятеля дяди»), 191
Мазурин С. А. — 358
Мазурина Е. В. — см. Третьякова Е. В.
Мазурина Е. С. — см. Третьякова Е. С.
Мазурина С. С. — см. Боткина С. С.
Мазурины, купеческая династия — 354, 358
Майер К. А. — 111
Майков А. Н. — 3, 9, 152, 161, 355, 356
Майков Л. Н. — 26, 33
Маймин Е. А. — 613
Мак-Магон (Mac-Mahon) М.-Э.-П.-М. — 306
Максимова Е. П. — 569
Малютина С. М. — см. Боткина С. М.
Мамонтов А. И. — 117
Мамонтов Н. Ф. — 375
Мамонтов С. И. — 354, 375
Мансуров А. М. — 61
Мансуров Д. М., капитан — 61
Мансуров М. Н. — 61
Мансуров Н. П. — 419, 420
Мансурова, моск. домовлад. — 373
Мансурова А. М. — 61
Мансурова В. М. — 61
Мансуровы, род — 54
Мануйлов В. А. — 172
Мария Федоровна («вдовствующая императрица»), супруга Павла I — 188, 189, 196 («Их Величеств»), 197, 200
Марков В. Л. — 425, 426
Марков Е. Л. — 426
Маркович О. В. — 260
Марковы, семья В. Л. Маркова — 425
Мартынова А. Н. — 21, 22
Марцелл — 31
Марциал (Марк Валерий Марциал) — 79, 184
Марьюшка, горничная М. П. Фет — 262
Марья Петровна — см. Шеншина М. П.
Масс Ю. — 219
Матвеев, ротмистр — 113

Матвеев А. П. — 211
Матвеев В., поручик — 55
Матвеева (урожд. Шеншина), жена В. Матвеева — 55
Матвеева Д. А. — 566, 569
Матвеева О. В. — 55
Матвей, слуга Фета — 262, 351, 352
Матвея жена — 351
Матич О. — 131
Матэ В. В. — 357
Мацнев А. В. — 296, 297
Медлер (Mädler) И. Г. фон — 115, 116
Мей Л. А. — 5, 9
Мейсонье (Meissonier) Ж.-Л.-Э. — 364
Мендельсон Н. М. — 233
Ментон (Мэнтон; Manton) Дж. — 344, 346
Менцель (Menzel) А. Ф. Э. — 75
Меншиков В. А., генерал-адъют. — 60
Мерзляков А. Ф. — 5
Метельская-Волкова Е. В. — 543
Метнер Э. К. — 150, 157, 158
Меценат Гай Цильний — 29, 31, 35
Мещерин Л. П. — 245
Милле (Millet) Ж.-Ф. — 367
Миллер В. Ф. — 385, 387, 390, 392, 395, 396
Миллер О. В. — 118
Милорадович П. В. — 192
Милютины, купеческая династия — 384
Минаев Д. Д. — 13, 274, 353
Минц З. Г. — 543
Михаил Александрович, вел. кн. — 248
Михайла, повар у Фетов — 262, 264
Михайлова С. Ю. — 90
Михайловский В. М. — 385, 390
Михайловский Н. К. — 152
Модестов В. И. — 474
Модзалевский Б. Л. — 163–165, 171
Молчанов Н. И. («Молчанов-fils») — 223
Мольер (Molière; наст. имя Ж.-Б Поклен) — 314
Морозов А. В. — 354
Морозовы, купеческая династия — 354
Морокин А. — 477
Мортимер Й. — 83–85
Мостовская Н. Н. — 303
Мотин В. — 571
Мочалов П. С. — 94
Мстислав Мстиславович Удалой (Удатный), кн. — 309

Мудрогель Н. А. — 355
Мур (Moore) Т. — 250, 251, 254, 255
Муромцев С. А. — 400, 404
Мусоргский М. П. — 356
Муханова М. Е. — 374
Мышьякова Н. М. — 90
Мюллер (Миллер; Müller) Лукиан (Адамович) — 33
Мюссе (Musset) А. де — 572
Мясново А. А. — 411

Набгольц Г. (Б.) И., фотограф — 386
Нагибин Ю. М. — 571
Нагуевский Д. И. — 26, 160, 162
Найденовы, купеческая династия — 354
Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte), франц. имп. — 68, 262, 273
Наполеон III (Louis-Napoléon Bonaparte), перв. президент Второй франц. республики, имп. Второй империи — 302, 303, 306, 309, 310, 314, 315
Наумова О. Б. — 358, 384, 385, 395
Небольсин Н. И. — 98
Нейпир (Napier) Ч. — 104, 115
Некрасов Н. А. («некрасовский») — 7, 8, 13, 82, 98, 148, 153, 179, 180, 182, 356, 481, 484, 485, 502, 503, 512–514, 523, 536, 544, 564
Некрасов С. М. — 170
Некрылова А. Ф. — 385
Ненарокомова И. С. — 369
Нешумова Т. Ф. — 169
Никитенко А. В. — 324, 347
Никитина Е. Ф. — 156
Николаев А. А. — 543
Николаев О. Р. — 17
Николай I Павлович, росс. имп. с 1825 г. — 87, 89, 149, 184, 185, 197, 207, 560, 562, 568
Николай II Александрович, росс. имп. с 1896 г. («цесаревич») — 260, 277, 299, 310, 327, 337, 378, 466
Никольский Б. В. — 91, 93, 100, 159, 160, 164, 174, 176–178, 216, 220, 249, 250, 256, 528
Никольский Ю. А. — 160–162, 164, 176
Николюкин А. Н. — 464
Новиков Л. А. — 455, 468
Новинская Л. П. — 543, 554
Новожилов А. — 207
Новосильский, неуст. лицо — 265
Новосильцов И. П. — 287, 288, 290–292, 294, 295, 298, 301, 307, 314, 316, 329
Новосильцов Н. П. — 190, 191, 197, 203,
Новосильцов П. П. — 186, 294, 295, 306
Новосильцова (урожд. Тимашева-Беринг) М. А., вторая жена П. П. Новосильцова — 294, 295, 304, 306

Новосильцова С. П., дочь П. П. и М. А. Новосильцовых — 295, 304, 306
Новосильцевы (Новосильцовы), род — 54
Новосильцовы (Новосильцевы), семья П. П. и Н. П. Новосильцовых — 94
Новосильцовы, семья П. П. и М. А. Новосильцовых — 294, 295
Номис М. — см. Номыс М. Т.
Номыс (укр. Номис; наст. фам. Симонов) М. Т. — 260
Носов, владелец моск. часовой мастерской — 269

Оболенский Л. Д., кн. — 322, 323
Овер А. И. — 210, 319, 323
Овидий (Публий Овидий Назон) — 361, 381, 566
Огрызко В. В. — 547
Одоевский А. И., кн. — 18
Озеки-Депре И. — 142
Оксман Ю. Г. — 449
Олсуфьев А. В., гр. — 432, 453, 461, 473, 566
Ольга N — см. Энгельгардт С. В.
Ольденбургские — 347
Ольденбургский Петр Георгиевич, принц — 203, 347
Орбек Ник. — 315, 318
Ореус И. И. — 209
Ореус И. М. («старик сенатор»)— 207, 209
Ореус М. А. — см. Бельгард М. А.
Ореус Н. И. — 209
Ореус (в замуж. Бибикова) С. И. — 209
Орлицкий Ю. Б. — 90
Орлов А. У. — 256
Орлов В. Д. — 438
Орлов И. И. — 291, 292, 294, 295,
Осберг — 414, 415
Осмоловский, управляющий — 330, 335
Осокина Е. — 161
Островские, семья А. Н. Островского — 322
Островский А. Н. — 322, 356, 463, 551
Остроумова-Лебедева А. П. — 168
Остроухов И. С. — 161, 165, 383
Остроухова Н. П. — см. Боткина Н. П.
Осьмакова Н. И. — 255
Офросимов Л. — 477
Офросимов М. А. — 315, 316

Павел, рим. консул — 32, 44
Павлищева А. Ф., генерал-лейтенантша — 60
Павлищева О. С. — 60
Павловы Н. Ф. и К. К. (урожд. Яниш) — 94
Павлушка (Павел Тимофеевич), буфетчик, охотник — 82, 83

Палей — см. Пэли Ф. А.
Панов М., отец М. М. Панова — 406
Панов М. М. — 406
Панчулидзев С. А. — 336
Пастернак Е. В. — 149
Паткуль (урожд. фон Рамм) Мария фон, сестра Я. И. фон Рамма — 106
Патти (Patti) Аделина — 339–341
Паустовский К. Г. — 541
Педагог, псевд. — 340
Пейшес (Пейше) И. И., моск. домовл., фотограф — 258, 265
Перевалова Е. В. — 327
Перейра Альфонс (Адольф) — 102
Перелыгин А. Н. — 242, 246, 247
Перелыгин П. Н. — 242, 246
Перелыгины, бр. А. Н. и П. Н. — 242, 247
Перов В. Г. — 355, 356
Перовский А. А. (псевд. Антоний Погорельский) — 373
Петковичи, семья М. И. и Е. Ф. Петкович —100
Петр I (Великий) Алексеевич, рус. царь с 1682 г., росс. имп. с 1721 г. («петровский») — 53, 106, 107 («царь»), 109, 383
Петрова Г. В. — 611, 612
Петровский, столоначальник орловск. двор. собр. — 192
Петровский С. А. — 2, 393, 403, 449, 452, 455–462, 464–473
Пигарев К. В. — 545
Пиксанов Н. К. — 156
Пикулина А. П. — см. Боткина А. П.
Пилат Понтий — 414
Пильд Л. — 76
Пипин Короткий (Pépin le Bref), король франков — 84
Пирогов, моск. каретник — 266, 269, 270
Пирогов Н. И. — 200, 201, 356
Писарев Д. И. — 9 («писаревские»), 10
Писемский А. Ф. — 271, 356, 362
Пич (Pietsch) К. А. Л. — 302
Платон — 124, 125 («платоновскую»)
Победоносцев К. П. — 449, 450, 457, 475
Погодин М. П. — 91, 94, 166, 356
Погожев П. И. — 325, 327, 335
Подымалкина Е. — 571
Полежаев А. И. — 18
Поленов В. Д. — 374
Поливанов К. М. — 149
Половцов А. А. — 395
Полонская (урожд. Рюльман) Ж. А. — 161, 173, 566
Полонская-Василенко Н. Д. — 296, 297

Полонский Я. П. — 9, 28, 76, 94, 161, 162, 171, 227, 271, 274, 293, 296, 356, 370, 380, 381, 383, 462, 465, 466, 559, 563, 564, 566, 567
Пономарева Е. А. — 217
Понтик, рим. поэт — 27
Попов Н. И. — 180
Постников — 370, 382
Постников И. П. — 232
Постников П. И. — 232
Постников С. П. — 221
Постникова Н. А. — 232
Постниковы, семья П. И. Постникова — 221
Приймак Н. Л. — 369
Проктер (Procter; псевд. Мисс Беруик) А. А. — 251–255
Проктер (Procter; псевд. Барри Корнуолл) Б. У. — 252
Проперций (Секст Проперций) — 26–51
Протасов В. С. — 80
Протасов Я. Я., генерал-поручик — 59
Протасовы, род — 59
Прохоровы, купеческая династия — 354, 384
Проценко П. Г. — 178
Пушкин А. С. («Евгений Онегин», «пушкинский») — 5, 6, 9, 13, 60, 78, 99, 146–153, 156, 178, 179, 182, 213, 243, 527, 571–573, 612, 623
Пыпин А. Н. — 153, 176
Пэли (Paley) Ф. А. — 33
Пэт, друг Проперция — 31, 46
Пяст (наст. фам. Пестовский) В. А. — 159

Рабинович М. Б. — 303
Рагозин А. С. — 59
Рагозин (Рогозин) П. В. — 264–266, 310
Рагозины — см. Рогозины
Рамзай (Рамзи) Г. — 112
Рамм (Ramm) фон, дочери Р. фон Рамма — 109
Рамм (Ramm) фон, жена Э. О. К. фон Рамма — 106
Рамм (Ramm) Р. фон — 106, 107, 109
Рамм (Ramm) Э. О. К. фон — 106, 108, 110
Рамм (Ramm) Я. И. фон — 106
Раммы (Ramm), семья Э. О. К. фон Рамма — 105
Раммы (Ramm) фон, эстл. род — 104, 105
Ратынский Н. А. — 286
Рафаэль (Raffaello) Санти — 204 («дорафаэлевскими»)
Рахманинов С. В. — 76
Рачинский Г. А. — 177, 395
Рачинский С. А. — 395
Резниченко А. И. — 148
Рейсер С. А. — 543

Репин И. Е. — 177, 231, 240, 356, 358, 361–364, 369, 376, 377, 383, 398
Римский-Корсаков Н. А. — 553
Робер А. Н. — 332, 333
Рогозины, род — 54, 59
Родионов И. Р. — 351–353
Роднянская И. Б. — 374
Розанов, неуст. лицо — 296, 297
Розанов В. В. — 457, 463, 464
Розанов И. Н. — 218
Розанова С. А. — 330
Розен А. Е. — 18
Розен К. А. — 18
Розенталь А. — 170
Рольстон (Ralston) У. Р. Ш. — 291, 293
Романов Михаил Федорович, основатель династии — 248, 438
Рубинштейн А. Г. — 358
Рубинштейн Н. Г. — 356
Руденский Дм., свящ. — 264, 265
Руднев А. П. — 541, 543–558
Руднев В. П. — 543, 549, 550
Руднев П. А. — 541, 543, 548, 550, 554
Руднева Н. П. — 558
Руссо (Rousseau) Т. — 368
Рыков А. И. — 242
Рюль (Ruehl) И. Ф. фон — 197, 200
Рябушинский М. П. — 354
Рябушинский С. П. — 354
Рязанов Э. А. — 553

Садовская (урожд. Голова) А. И., мать Б. А. Садовского — 172 («мама»)
Садовская (урожд. Воскобойникова) Н. И., втор. жена Б. А. Садовского — 178
Садовский А. Я., отец Б. А. Садовского — 172 («отец»)
Садовский П. М. — 94
Садовской (наст. фам. Садовский) Б. А. — 146–185, 240, 363, 364, 374
Сакулин П. Н. — 175
Салаевы, бр. — 353
Салтыков-Щедрин М. Е. — 6, 356, 546
Самарин Ю. Ф. — 262, 390
Самокиш А. — 571
Санд (Sand) Жорж (наст. имя и фам. Аврора Дюпен; в замуж. Дюдеван) — 94
Саньков (Санков) Г. С. — 64
Саньков (Санков) М. Ф. — 64
Саньков (Санков) Сем. — 64
Саньков (Санков) Фед. — 64
Саньковы, род — 64
Сапогов В. А. — 543

Сафонов Леонтий — 64
Сахаров И. П. — 19, 21
Свербеев, неуст. лицо — 276, 277
Светоний (Гай Светоний Транквилл) — 353
Свиридов Г. В. — 570, 571, 573
Свиченская М. К. — 541
Седойкина К. А. — 246–248
Семенкович А. В., сын В. П. и А. Н. Семенковичей — 63
Семенкович (урожд. Шеншина) А. Н., тетка Фета — 63, 64, 81, 98
Семенкович В. П., штабс-капитан, муж А. Н. Семенкович — 63
Семенкович Н. В., сын В. П. и А. Н. Семенковичей — 63
Семенковичи, семья В. П. и А. Н. Семенкович — 64
Семенов Н. П. — 3, 468
Семенов-Тян-Шанский А. П. — 169
Семенова Н. — 360
Семион, работник — 275
Сергий (в миру Лебедев С. П.) — 182
Сергий Радонежский — 242, 413
Серов В. А. — 383
Симанков В. И. — 249, 251, 260, 269, 340
Симон А. А. — 319, 323
Скарятин В. Д. — 267
Скарятин В. Я. — 334, 336
Скатов Н. Н. — 608
Сквозников В. Д. — 543
Скобелев М. Д. — 453
Скотт (Scott) В., сэр — 19, 114
Сливицкая А. В. — 95
Случевский К. К. — 9
Сниткин А. П. (псевд. Амос Шишкин) — 11–13
Соболев А. Л. — 146
Солдатенков К. Т. — 358
Солдатенковы, купеческая династия — 354
Соллогуб С. С. — 304, 306
Соловьев Вл. С. — 3, 125, 126, 134 («соловьевский»), 149, 161, 176, 227, 340, 361, 373, 391, 394–396, 428, 430–432, 439, 445, 446, 566, 567
Соловьев И. Г. — 263
Соловьев М. С. — 374
Соловьев С. М. — 94, 121, 419, 432, 564
Соловьева (урожд. Коваленская) О. М. — 367, 373–375
Солодовниковы, купеческая династия — 354
Сорочан А. Ю. — 152, 611
Старцева Н. М. — 72
Стасов В. В. — 75, 358, 359, 361, 365, 367, 383
Стасюлевич М. М. — 117
Стахович М. А. — 364

Степун Ф. А. — 131, 147
Стерненко Т. В. — 569
Стефанович В. Н. — 255
Столыпин Д. А. — 475
Страхов Н. Н. — 90, 91, 96, 216, 271, 366, 430–432, 532, 559, 561, 567
Строганов М. В. — 152, 611, 612
Струве П. Б. — 150
Суворин А. С. — 370, 465
Сумароков А. П. — 13
Сухих И. Н. — 180
Сухотин А. М. — 276, 277
Сухотин М. С. — 279, 281, 348, 349
Сухотин С. М. — 277, 281, 288, 290, 314 («генерал»), 316
Сухотин С. С. — 281

Тамарченко Н. Д. — 93
Таннберг Т.-А. — 104
Тарасов Н. В. — 111, 112
Твардовская В. А. — 393, 449, 450
Терпевец, владелец моск. часовой мастерской — 269
Тибо-Бриниоль И. Ф. — 246
Тибулл (Альбий Тибулл) — 27, 378, 379, 395
Тимаев М. М. — 204–206
Тименчик Р. Д. — 159, 160, 162, 167
Тимирязев А. А. — 265, 267, 268, 273, 275
Тимофеев А. В. — 18
Тимофей, слуга А. Н. Шеншина — 60
Тиньков А. Н. — 309, 310
Тиняков А. И. — 176
Тит Яковлевич, староста у И. П. Борисова — 265, 277, 307, 308, 312 («староста»)
Тихомиров Л. А. — 457
Тоддес Е. — 167
Толстая (в замуж. Нагорнова) В. В., дочь В. П. и М. Н. Толстых — 325 («дочерей»), 327
Толстая (в замуж. кн. Оболенская) Е. В., дочь В. П. и М. Н. Толстых — 318, 319, 322, 323, 325 («дочерей»), 327
Толстая (в замуж. кн. Оболенская) М. Л., дочь Л. Н. и С. А. Толстых — 343
Толстая М. Н., гр. — 266, 269, 318 («сестру»), 319, 322, 325, 343
Толстая (урожд. Бахметева; в перв. бр. Миллер) С. А., гр. — 119, 372–375, 381, 430
Толстая (урожд. Берс) С. А., гр. — 240, 324, 327, 343, 366 («жене»)
Толстая Т. Л. — 311, 364
Толстой А. К., гр. — 9, 161, 273, 275, 356, 367, 372–377, 430, 544
Толстой А. Н. — 178, 546, 550
Толстой Л. Н., гр. («Война и мир») — 4, 82, 92, 149, 166, 171, 182, 213, 246, 261–263, 266, 269–271, 273, 275, 278, 282, 284, 285, 301, 302, 304, 305, 307, 309–

312, 318, 319, 322, 324, 326, 327, 329–336, 338, 343, 351, 352, 356, 361, 364–367, 370–372, 391, 460, 554, 559, 562, 564, 565
Толстой Н. Н., гр. — 4, 332, 333
Толстой С. Л. — 324, 327
Толстой С. Н., гр. — 278
Толстой, владелец моск. часовой мастерской — 269
Толстые, семья — 344, 352
Толстых Г. А. — 157
Тон К. А. — 441
Торлецкий А. Л. — 274, 441
Торсукова Е. А. — 54
Торсуковы, род — 54
Трегулова З. И. — 355
Третьяков Алексей — 395
Третьяков Н. С. — 382
Третьяков П. М. — 2, 354–363, 365–367, 369–383
Третьяков С. М. — 355, 367–369, 377–382
Третьяков С. Н. — 382
Третьякова (урожд. Дункер) А. Г. — 382
Третьякова А. Н. —382
Третьякова (в замуж. Боткина) А. П. — 355, 358, 361, 365, 366, 370, 382, 383
Третьякова (урожд. Мамонтова) В. Н. — 361, 370, 373, 375, 377, 382, 383
Третьякова (урожд. Матвеева) Е. А. — 378, 379
Третьякова (урожд. Мазурина) Е. С. — 358, 382
Третьяковы, купеческая династия — 354, 384
Третьяковы, семья П. М. Третьякова — 367
Тринг (Thring) Э. — 278
Трошю (Trochu) Л.-Ж. — 310
Трубникова Т. П. — см. Шеншина Т. П.
Тулл, приятель Проперция — 27, 29, 45
Тумаркин Д. Д. — 385
Тургенев И. С. («Отцы и дети») — 4, 5, 11, 55, 57, 82, 110, 119, 159, 161, 162, 171, 219, 246, 261, 262, 266, 269, 274, 278, 279, 282, 283, 291–293, 296–301, 305–307, 312, 315–317, 331, 333, 335, 336, 343, 344, 346–348, 351–353, 356, 361, 362, 367, 373, 374, 377, 403, 404, 453, 460, 462, 463, 480, 486, 491–493, 503, 513, 526–528, 537, 563–565, 613
Тургенев Н. Н. — 352 («у дяди»)
Тургенев Н. С. — 62, 348
Тургенева (урожд. Лутовинова) В. П. — 54
Тютчев Н. И., брат Ф. И. Тютчева — 326, 327
Тютчев Н. И., внук Ф. И. Тютчева — 546
Тютчев Ф. И. — 9, 162, 271, 326, 327, 543, 544
Тютчева А. Ф. — 324

Угличанинова (урожд. Воронова) М. С. — 201, 203, 205, 207
Угрюмов А. А. — 307, 308, 350

Угрюмов А. И. — 345, 346
Улькан, владелец моск. часовой мастерской — 266, 269
Унгерн-Штернберг (урожд. фон Рамм), сестра Я. И. фон Рамма — 106
Унгерн-Штернберг П. П., бар. — 176
Урусов С. С., кн. — 262, 278, 302, 304, 315, 316, 322, 324, 329–332, 337–340
Урусова (урожд. Нестерова) Т. А., кн. — 329, 330
Усов Д. С. — 168, 169
Усов С. А. — 404
Устинов Д. — 547
Ушаков Д. Н. — 66, 67
Ушинский К. Д. — 188

Фаустов А. А. — 92, 97, 98
Федина (наст. фам. Ильяшенко) В. С. — 164, 175, 176, 464
Федоров И., слуга, затем управляющий имением И. П. Борисова — 259, 260, 276, 335, 349, 350
Федорова (в замуж. Кудрявцева) Е. В. — 378, 531
Федот, ямщик — 273, 275
Феоктистов Е. М. — 449, 454–457, 466
Ферзен П. К. — 334, 336
Фет М. П. — см. Шеншина М. П.
Фетисенко О. Л. — 462
Фёт (Foeth; в замуж. Матвеева) Каролина (Лина) — 211
Фидлер Ф. Ф. — 176
Филарет (в миру Дроздов В. М.), митр. — 182
Филиппов И. М. — 338, 340
Фирсова Т. Г. — 277
Фишер С. Н. — 385
Флоренский П. А. — 178
Фортуни-и-Марсаль (Fortuny y Marsal) М. — 364
Фраерман Р. И. — 543
Франк С. Л. — 131
Фридлендер Г. М. — 545
Фризман Л. Г. — 13
Фрумкина А. С. — 232

Ханенко И. И. — 250
Харламов А. А. — 356
Харузин А. Н. — 385, 410, 411, 413, 416, 417, 430
Харузин М. Н. — 2, 126, 140, 384–437, 439–448
Харузин Н. И. — 384, 385 («отца»), 403 («отцом»)
Харузин Н. Н. — 385, 387, 390, 411, 413, 437
Харузина А. И. — 358, 397 («тетеньке»), 398–400, 403, 404
Харузина В. Н. («сестрице», «сестра») — 358, 384–388, 390, 391, 394–396, 404, 406, 411, 420, 422, 424, 429, 431, 432, 440, 441, 446
Харузина (в замуж. Арандоренко) Е. Н. — 385

Харузина (урожд. Милюкова) М. М. («матери», «матушке», «мамаше», «мама») — 370, 397–401, 403, 417, 420–422, 424, 429, 431, 432, 440, 441, 446
Харузина О. Н. — 385
Харузины, бр. А. Н., М. Н. и Н. Н. Харузины — 395
Харузины, семья М. Н. Харузина — 385, 386, 392, 395, 396, 433
Хитров М. И. — 396, 418, 419, 445
Хитрово Л. К. — 572
Хитрово М. А. — 373
Хитрово С. П. — 373, 374, 430
Хлебный торговец, псевд. неуст. автора — 428
Хлудов, домовлад. — 258, 265
Хлудовы, купеческая династия — 354
Ходасевич В. Ф. — 148, 176
Холодковский Н. А. — 117, 120, 133, 134, 136–138, 142, 144, 145, 424
Холшевников В. Е. — 543
Хрущов М. М. — 242, 266, 269
Худяков В. Г. — 355

Цезарь Гай Юлий — 84
Цертелев Д. Н., кн. — 373
Цион И. Ф. — 455
Цуриков А. А. — 247
Цуриков Ник. — 57
Цыганов Н. П. — 269
Цявловский М. А. — 178, 179, 181

Чаадаев П. Я. — 147
Чайковский П. И. — 373, 559, 572
Челеева Е. — 205
Черемисинова Л. И. — 76, 89, 91, 268, 286–288, 290
Черенин А. Ф. — 273, 274
Черенин М. М. — 274
Черепнин Н. П. — 187, 188, 200, 201
Черинов М. П. — 322
Черкасский В. А., кн. — 94, 266, 269, 564
Чернецов Г. Г. — 87
Чернов Н. М. — 57
Черногубов Н. Н. — 161, 162, 164, 173, 240, 397
Черногубова (урожд. Перфильева) Н. С., мать Н. Н. Черногубова —173 («с матерью»)
Чернышевский Н. Г. — 356, 482
Черняев М. Г. — 455
Четунов, владелец моск. часовой мастерской — 269
Чехов А. П. — 180
Чивилев А. И. — 193
Чистяков В. П. — 570

Чичерин А. В. — 90, 97
Чудакова М. О. — 167
Чуковская Е. Ц. — 364
Чуковский К. И. — 148, 177, 180, 363, 364, 546
Чурак Г. С. — 356, 361, 363–365
Чурилов Т. Ф. — 64
Чурилов Фома — 64

Шаповалова Г. Г. — 543–558
Шарапов П. Н. — 72
Шатилов И. Н. — 328
Шаховской С. В. — 390
Швейцер (Schweizer) Б. Я. — 344, 346
Шевалдышев А. Н., владелец гостиницы — 329
Шевелев А. А. — 462
Шевляков М. В. — 176
Шевырев С. П. — 94, 162, 213, 563
Шейн П. В. — 400
Шекспир (Shakespeare) У. — 315, 317
Шемяка Дм. Юрьевич, вел. кн. — 309
Шенбрунер И. И. — 344, 346
Шеншин Авр. Алекс., майор — 58
Шеншин Алексей Аф. — 55
Шеншин Алексей Сем., генерал-майор — 58
Шеншин Ал-р Ив., капитан — 56, 58
Шеншин Ал-р Матв., бригадир — 55, 62
Шеншин Ал-р Матв., поручик — 58
Шеншин Ал-р Никит., поручик, муж Л. А. Шеншиной — 62, 63, 261, 263, 298, 299, 324, 332–334 («отец»), 342 («Папа́»)
Шеншин Андр. Арт. — 53
Шеншин Аф. Неоф. («отец», «отчим») — 55, 56, 59, 60, 63, 66–68, 73, 77, 82, 83, 186–188, 190–193, 195–197, 201–205, 212, 240 («отцовской»)
Шеншин Аф. Сем., стольник — 53–55
Шеншин Богдан — 53
Шеншин Вас. Аф., брат Фета — 60, 193, 195, 209
Шеншин Вас. Аф., двоюр. дед Фета — 56, 57
Шеншин Вас. Мих. — 53
Шеншин Вас. Неоф. — 56
Шеншин Вас. Петр., колл. асесс. — 55
Шеншин Вас. Петр., сержант, двоюр. дед Фета — 54, 57, 60, 63
Шеншин Вл. Ал-дрович, сын и А. Н. и Л. А. Шеншиных — 62, 63, 261, 263, 298, 299, 332–336, 342
Шеншин Вл. Ал-дрович, сын А. Матв. Шеншина, помещик села Волково — 55, 62, 63
Шеншин Вл. Ник., сын Н. Ив. Шеншина — 55, 61
Шеншин Григ. Леонт. — 53

Шеншин Данила Гридарев — 53
Шеншин Дм. Ник. — 55
Шеншин Дм. Сем., штаб-ротмистр, сын С. Н. Шеншина — 61
Шеншин Ив. Алекс. — 55
Шеншин Ив. Неоф., дядя Фета — 59, 60, 63, 78–81, 97, 98
Шеншин Ив. Троф., секунд-майор — 55, 58, 59
Шеншин Ипполит Петр. — 63
Шеншин Капитон Петр., сын П. Ильича и Л. Н. Шеншиных — 63, 98 («ее сын»)
Шеншин Леонт. Сем., стольник — 53, 54
Шеншин Матв. Алекс., майор — 55, 58
Шеншин Мих. Степ., прапорщик — 58
Шеншин Неоф. Петр., поручик, дед Фета — 55–57, 60 («дедовском»), 63, 64, 74
Шеншин Ник. Абр., поручик — 58
Шеншин Ник. Ив., обер-прокурор — 55, 57, 61, 62
Шеншин Ник. Никит., помещик села Волково, внук Н. И. Шеншина — 55, 62, 63
Шеншин Ник. Ник., сын Н. И. Шеншина — 61
Шеншин Петр Аф., воевода — 55, 561
Шеншин Петр Аф., отец В. П. и Неоф. Петр. Шеншиных, поручик, прадед Фета — 55, 57, 64
Шеншин Петр Аф., сын Аф. Н. и Е. П. Шеншиных («Петруша») — 193, 268, 282, 283, 288, 290, 294, 307, 308, 313, 349, 351, 352, 398, 428
Шеншин Петр Неоф., дядя Фета — 56, 60, 63, 68, 69, 79, 82, 83, 98, 173, 191, 212
Шеншин Сем. Ник., сын Н. И. Шеншина, поручик — 54, 61
Шеншин Сем. Степ., стольник — 55
Шеншин Серг. Вл., двоюр. брат Ал. Н. Шеншина — 261, 263
Шеншин Сила Мих. — 53
Шеншин Степ., колл. асесс. — 58
Шеншин Троф. Сем., стольник — 53, 54
Шеншин Фед. Матв., сержант — 58
Шеншин Филимон Леонт.— 53
Шеншина Авд. Вас., жена П. Аф. Шеншина, поручица, прабабка Фета — 55–57
Шеншина Ал-дра Вас. — 59
Шеншина Ал-дра Вл., сестра Серг. Вл. Шеншина — см. Дрейлинг А. В.
Шеншина Анастас. Сем., дочь С. Н. Шеншина — 61
Шеншина Анна Аф., сестра Фета, умершая в младенчестве —186, 187
Шеншина Анна Аф. (1830–1844), сестра Фета —186, 187, 189–193, 195–197, 200–203, 205, 212
Шеншина Анна Дм., вдова С. Н. Шеншина, поручица — 61
Шеншина (в замуж. Семенкович) Анна Неоф. — см. Семенкович А. Н.
Шеншина (в замуж. Логвинова) Анна Петр. — 55
Шеншина Анна Степ., капитанша — 58

Шеншина Афимья Ив., майорша — 59
Шеншина Вар. Ив. («тетенька») — 81, 82
Шеншина Вар. Фед., поручица — 63
Шеншина Е. П. (урожд. Беккер Шарлотта; в перв. бр. Фёт), мать Фета — 60, 61, 65, 67–69, 73, 77, 79, 82, 212, 286
Шеншина Елиз. Сем., дочь С. Н. Шеншина — 61
Шеншина Люб. Аф. («Любинька»), поручица, сестра Фета — 62, 187, 190, 193, 210, 263, 290, 291, 298, 299, 334 («матери»), 335, 337, 342 («Мама́»)
Шеншина Люб. Неоф., тетка Фета — 63, 81, 98
Шеншина Мария Ник., дочь Н. И. Шеншина — 61
Шеншина (урожд. Боткина) М. П. («невеста», «жена», «вдова», «Тетя») — 3, 152, 161, 177, 214–220, 233, 236, 237, 239, 240, 258, 260–264, 266, 270, 276, 277, 281–284, 286, 290–292, 294, 296–298, 300, 302, 304, 305, 307–310, 312–316, 318, 321, 322, 324, 325, 327, 329–332, 335, 337, 339, 342–344, 346–348, 351, 352, 358, 360, 361, 364, 370, 375, 378–383, 391, 396–400, 403, 405, 407, 409–411, 413, 414, 416, 419–422, 426–429, 431, 433, 436, 437, 439, 440, 442, 444–448, 472, 474, 475, 494–496, 499, 512, 516, 526, 531, 532, 535, 564, 565, 572
Шеншина Над. Алекс., вдова Матв. Алекс. Шеншина — 58
Шеншина Над. Аф. — см. Борисова Н. А.
Шеншина Нат. Никит., сестра Ал. Н. Шеншина — 320, 324, 334, 336
Шеншина (в замуж. Галахова) О. В. — 204, 330, 398
Шеншина (в замуж. Кривцова) Пелагея Петр. — 55
Шеншина (урожд. баронесса Штакельберг) Полина Ром., жена Серг. Вл. Шеншина — 263
Шеншина (урожд. Щербачева) Праск. Макс., майорша — 59
Шеншина (в замуж. Трубникова) Т. П. — 55
Шеншины, род — 52, 53, 58, 59, 64, 204, 561
Шеншины, семья Ал. Н. и Л. А. Шеншиных — 299
Шеншины, семья Аф. Н. и Е. П. Шеншиных — 67, 212, 287 («родители»)
Шепелев А. Д. — 55
Шеппинг, бар. — 166
Шереметев А. В. — 296, 297
Шереметева (урожд. Чубарова) О. Г. — 178
Шерер М. Н., фотограф — 386
Шиллер (Schiller) Ф. — 45, 93, 110, 121, 149, 479–482, 486, 498, 500, 563
Шиловский В. С. — 246
Шильдер Н. Г. — 355
Шинская Варвара — 80
Ширинянц А. А. — 452
Шишков А. С. — 17
Шишков М. А. — 54
Шкловский В. Б. — 546
Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. Д. Э. — 142
Шмаров И. С. — 320, 324
Шмаровы, бр. — 324

Шокарев Ю. В. — 346
Шопенгауэр (Schopenhauer) А. — 92, 120, 128, 276, 278, 311 («шопенгаурства»), 312, 326, 395, 565
Шор Т. К. — 106, 109
Шпенглер (Spengler) О. А. Г. — 131
Штаерман Э. М. — 353
Штейнер (Steiner) Р. — 149
Шуберт (Schubert; Теодор Фридрих) Фед. Фед. фон, картограф — 56
Шумахер Д. Д. — 302, 304
Шумахер (урожд. Мюльгаузен) Ю. Б. — 302, 304
Шумихин С. В. — 146, 149, 150, 156, 157, 160, 162–165, 167–169, 171–181, 240, 364
Шумова Б. М. — 480

Щеголев П. Е. — 546
Щепкин М. С. — 94
Щербаков В. И. — 2, 458, 461, 473–477
Щербаков Р. Л. — 149
Щербатов А. А., кн. — 266, 270
Щербачев П. М., статс. сов. — 59
Щербина Н. Ф. — 9, 160
Щукин Д. И. — 371
Щукин И. В. — 234 («с избранным женихом»), 236, 372
Щукин И. И. — 371
Щукин П. И. — 233, 371
Щукин С. И. — 371
Щукина (урожд. Боткина) Е. П. — 234–236, 371
Щукина (в замуж. Мясново) Н. И. — 411
Щукина (в замуж. Иост) О. И. — 236, 237, 398, 439–441, 446
Щукины, купеческая династия — 221, 354, 372, 384
Щукины И. В. и Е. П. — 234–236

Эвениус, владелица пансиона — 204
Эйхенбаум Б. М. — 172
Эккерман (Eckermann) И. П. — 139, 140
Эльзон М. Д. — 172, 180, 250, 251, 545, 546
Энгельгардт А. Б. — 562
Энгельгардт (урожд. Новосильцова; псевд. Ольга N) С. В. — 92, 120, 126, 162, 269, 278, 308, 340, 393, 394, 424, 430, 453
Энгельгардты, лифл. род — 104
Эткинд Е. Г. — 543
Эттинген (Oettingen), жена Г. Эттингена — 176
Эттинген (Oettingen) Г. фон, проф. — 176
Эфрон (Ефрон) И. А. — 389, 437

Юденкова Т. В. — 355, 356, 365, 367–369
Юргенсон Э. П. — 176

Юрьев С. А. — 262, 319, 323, 324, 332, 337–340
Юшко А. Г. — 450, 454–457, 466, 469

Языков Д. Д. — 464
Яковлев Дементий — 64
Якушева Г. В. — 118
Ямпольская, жена И. Г. Ямпольского — 543
Ямпольский И. Г. — 543, 545
Ярополк Святославович, кн. — 310
Ярослав Владимирович (Мудрый), вел. кн. — 72

Düntzer H. — 431

Klenin E. — 97
Kuinoel Chr. Th. — 30

Procter A. A. — см. Проктер А. А.

Tarand K. — 111

Žekulin N. G. — 254

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

На фронтисписе — А. А. Фет. Фотография Р. Ф. Бродовского. Москва, около 1891 г. ГЛМ.

С. 12 — «Стихотворения А. Фета» (М., 1850). Обложка.

С. 28 — «Элегии Секста Проперция. Перевод А. А. Фета» (СПб., 1888). Обложка с дарственной надписью Я. П. Полонскому: «Старому другу / Якову Петровичу / Полонскому / на память / еще более старый переводчик». Библиотека ИРЛИ.

С. 70—71 — Российская азбука и четырехбуквенные склады. Страницы из книги П. А. Вавилова «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезные познания для детей и других некоторого возраста и звания людей» (М., 1818).

С. 95 — Фет в форме корнета Кирасирского Военного Ордена полка. С акварели полковницы А. В. Сливицкой. Александрия, Elisabeth<stadt>, 1846 г. Оригинал утрачен. Впервые воспроизведено: Русское обозрение. 1893. № 4. С. 532. Литературный музей ИРЛИ.

С. 99 — Барон К. Ф. Бюлер, командир Кирасирского Военного Ордена полка в 1848—1853 гг. Воспроизводится по: *Григорович А. И.* История 13-го Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1912. Т. 2. С. 143.

С. 101 — Штаб-офицер Кирасирского Военного Ордена полка. 1845 г. Акварель. Воспроизводится по: *Григорович А. И.* История 13-го Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. СПб., 1912. Т. 2.

С. 107 — Мыза Лец (Leetse): 1) Задний фасад. Фотографическая открытка. 1910 г. Эстонский национальный архив (EAA); 2) Современная фотография. 2000 г.

С. 108 — 1) Эдуард Отто Карл фон Рамм, владелец мызы Падизе. Фотография; 2) Мыза Падизе. Фотография. Около 1890 г. Эстонский национальный архив (EAA).

С. 109 — Рейнгольд фон Рамм. Портрет работы неизвестного художника. Эстонский национальный архив (EAA).

С. 112 — Английские корабли. Рисунки К. Ф. Калка. Эстонский национальный архив (EAA).

С. 113 — Английский фрегат «Euryalus». 1853 г.

С. 114 — Дерптская газета «Das Inland». Обложка и заметка об инциденте с английскими кораблями в Балтийском Порте в № 27 от 5 июля 1854 г.

С. 116 — 1) Иоганн Генрих фон Медлер. 1860-е гг.; 2) Карта Луны В. Бера и И. фон Медлера (1834—1836).

С. 122 — Стихотворение А. А. Блока «Настал желанный час. Природа...» с эпиграфом из фетовского перевода «Фауста» Гёте. Автограф из Рабочей тетради Блока № 1. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 125 — Стихотворение А. А. Блока «Неведомое» («Сомкни уста. Твой голос полн...»), с посвящением Фету. Автограф из Рабочей тетради Блока № 1. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 133 — Предисловие Фета ко второй части перевода «Фауста» Гёте. Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XL). Библиотека ИРЛИ.

С. 137 — Картина «На верхнем Пенее (как прежде)». Страницы с пометами А. А. Блока из второго акта второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета (М., 1889. 2-е изд. С. 172—173). Библиотека ИРЛИ.

С. 139 — «Объяснения» Фета ко второй части «Фауста» Гёте. Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XLI). Библиотека ИРЛИ.

С. 141 — Предисловие Фета ко второй части перевода «Фауста» Гёте. Страница с пометами А. А. Блока (М., 1889. 2-е изд. С. XLIX). Библиотека ИРЛИ.

С. 143 — Страница с пометами А. А. Блока из третьего акта второй части «Фауста» Гёте в переводе Фета (М., 1889. 2-е изд. С. 310). Библиотека ИРЛИ.

С. 147 — Б. А. Садовской. Фотография Д. С. Здобнова. Петербург, 1913 г. Литературный музей ИРЛИ.

С. 151 — Сборник Б. А. Садовского «Позднее утро» (М., 1909). Титульный лист с дарственной надписью Е. П. Безобразовой: «Елизавете Павловне / Безобразовой / на память от автора. / Борис Садовской. / 17 ноября 1910 г. / Москва». В нижней части Садовским выписаны стихи из стихотворения Фета «Только что спрячется солнце...»: «Смейся над песнью больною, / Прочь отгоняй ее, прочь! / Фет». Библиотека ИРЛИ.

С. 154 — Сборник стихотворений Б. А. Садовского «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913). Обложка.

С. 155 — Анонс книг Б. А. Садовского, помещенный на обороте титульного листа его сборника «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913).

С. 164 — Сборник Б. А. Садовского «Ледоход» (Пг., 1916). Обложка и фрагмент шмуцтитула с дарственной надписью Б. Л. Модзалевскому: «Уважаемому / Борису Львовичу / Модзалевскому / от автора». Библиотека ИРЛИ.

С. 168 — Сборник Б. А. Садовского «Морозные узоры» (Пб., 1922). Обложка и заставка работы А. П. Остроумовой-Лебедевой.

С. 169 — Книга Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л., 1924). Обложка и шмуцтитул с дарственной надписью А. П. Семенову-Тян-Шанскому: «Глубокоуважаемому / Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому, / ценителю и сопернику / Фета / от автора. / 1/XII 1924». Библиотека Российской академии наук.

С. 174 — Б. В. Никольский. Фотография ателье В. Лалаяна и К°. Петербург, 1912—1913 г. Воспроизводится по: Библиотека и судьба: А. Б. Никольская. Сборник материалов к 120-летию со дня рождения / Сост. В. П. Леонов. СПб., 2019. С. 66.

С. 183 — Могила Б. А. Садовского на Новодевичьем кладбище в Москве. Современная фотография.

С. 188 — Собор Смольного монастыря. Петербург, около 1840-х гг. Раскрашенная гравюра на стали. Воспроизводится по: Санкт-Петербург и окрестности <Альбом гравюр на стали> = St. Pétersbourg et les environs. СПб.; Карлсруэ: Chez Velten, <1840-е гг.>

С. 189 — Здание Императорского Воспитательного общества благородных девиц. Гравюра. Около 1864 г. Воспроизводится по: Исторический очерк столетней жизни императорского Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища / Сост. В. Н. Лядов. СПб., 1864, между с. 80 и 81.

С. 194 — Смольный институт: 1) Прием родителей; 2) Урок танцев. Менуэт. Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг». Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг. Воспроизводится по: Императорское Воспитательное общество благородных девиц в Смольном в Петербурге. Альбом фототипий. СПб., <1905>. Л. 5, 10.

С. 196 — Квитанция об оплате обучения за 1840/1841 г. в Смольном институте Анны и Надежды Шеншиных, выданная А. Н. Шеншину 10 июля 1840 г. ЦГИА СПб.

С. 198—199 — Смольный институт: 1) Урок истории в I классе городского (первого) отделения; 2) Урок французского языка в III классе невского (второго) отделения; 3) Дортуар; 4) Столовая. Фотографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг». Петербург, 1880-е — начало 1900-х гг. Воспроизводится по: Императорское Воспитательное общество благородных девиц в Смольном в Петербурге. Альбом фототипий. СПб., <1905>. Л. 15, 17, 25, 23.

С. 202 — Письмо А. Н. Шеншина к М. П. Леонтьевой от 28 февраля 1844 г. Первая страница. ЦГИА СПб.

С. 204 — Запись о выпуске Н. А. Шеншиной из Смольного института в «Списке девиц, выпущенных в 1848 году из Общества благородных девиц». 4 марта 1848 г. ЦГИА СПб.

С. 206 — М. М. Тимаев, инспектор классов в Смольном институте в 1839—1858 гг. Воспроизводится по: *Черепнин Н. П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1764—1914. Пг., 1915. Т. 2. С. 42.

С. 208 — М. П. Леонтьева. С акварели Э. П. Гау. 1840-е гг. Воспроизводится по: Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, начальница Воспитательного общества благородных девиц: Биографический очерк / Сост. З. Е. Мордвинова. СПб., 1902, фронтиспис.

С. 215 — В. П. Боткин. Портрет работы К. А. Горбунова (акварель, карандаш, белила). 1840-е гг. Литературный музей ИРЛИ.

С. 217 — Дарственная надпись Фета М. П. Шеншиной «Ты все стихи переплела...» на листе, вплетенном перед первым титульным листом конволюта, содержащего три первых выпуска «Вечерних огней». Москва, 28 января 1888 г. Государственный музей А. С. Пушкина.

С. 221 — Семья Боткиных. Фотография К. Бергнера. Москва, конец 1850-х гг. В первом ряду (сидят слева направо): Петр, его жена Н. К. Боткина (урожд. Шапошникова), Сергей, Анна, Михаил. Во втором ряду (слева направо): Владимир, Павел, Дмитрий, С. П. Постников. Литературный музей ИРЛИ.

С. 222 — М. П. Боткина. Портрет работы неизвестного художника (карандаш, акварель). 1848 г. Из альбома М. П. Боткиной. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 224 — Стихотворение Фета «Я с девятнадцатого — дома...». Черновой автограф. Первая страница. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.

С. 225 — Стихотворение Фета «Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года» («Сегодня пир отрадный мы венчаем...»). Первая публикация на отдельном листке. Библиотека ИРЛИ.

С. 229 — Сборник Фета «Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений» (М., 1885). Обложка с дарственной надписью Е. Д. Боткиной (в замуж. Дункер) «Лиле Боткиной» («Лови, лови ты...»). Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.

С. 231 — Е. Д. Дункер (урожд. Боткина). Портрет работы И. Е. Репина (масло). 1882 г. Екатеринбургский музей изобразительных искусств.

С. 235 — Е. П. Боткина (в замуж. Щукина). Портрет работы неизвестного художника (карандаш, уголь, пастель). 1840 г. (?). Из альбома М. П. Боткиной. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 239 — А. А. Фет. Портрет работы М. П. Боткина (масло). Степановка, 1872 г. Оригинал утрачен. Воспроизводится по: Альбом «Воробьевка». Фотография С. Д. Боткина. 1900 г. (?). Литературный музей ИРЛИ.

С. 243 — Почтово-телеграфная контора на ул. Садовой в Орле, во дворе которой находилась почтовая гостиница, где останавливался Фет. Фотография начала XX в.

С. 247 — Дом Перелыгиных на ул. Московской в Орле. Современные фотографии И. Л. Ашихмина.

С. 253 — Первая публикация перевода стихотворения А. Проктер «The Echoes», выполненного А. Д. Баратынской (Вестник Европы. 1877. № 5. С. 115).

С. 256 — А. Д. Баратынская. Портрет работы А. У. Орлова (масло). После 1856 г. Литературный музей ИРЛИ.

С. 257 — Стихотворение Фета «<Александре Львовне Бржеской>» («Хоть строчкой, бедная подруга...»). Фрагмент, предположительно вырезанный из письма Фета к А. Л. Бржеской. Конец июня 1881 г. Рукописный отдел ИРЛИ.

С. 259 — Н. В. Калачов. Воспроизводится по: *Дыбов Г. Г., мл.* Ecce homo! Саратов, 1911, фронтиспис.
С. 272 — Стихотворение «Дикарка» («Зал сияет точно днем...»), опубликованное в журнале «Заря» за подписью «А. Фет» (1869. № 2. С. 6).
С. 280 — Письмо П. И. Борисова к отцу от 21 мая 1869 г. Первая страница. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
С. 283 — Письмо Фета к И. П. Борисову от 25 января 1870 г. Четвертая страница. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
С. 289 — Письмо И. П. Борисова к Фету от 17 марта 1870 г. Первая страница. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
С. 303 — Карикатура на тему франко-прусской войны: «Немец (городовому). — Как ты смеешь вмешиваться в мою драку с французом? Разве ты не знаешь, что Россия нейтральное государство?» (Будильник. 1870. 25 сентября. № 37. С. 283).
С. 306 — Франко-прусская война. Встреча короля Вильгельма с императором Наполеоном в замке Бельвю близ Седана 21 августа (2 сентября) 1870 г. Гравюра Э. Даммюллера (Всемирная иллюстрация. 1870. 3 октября. № 92. С. 681).
С. 317 — Шале. Рисунок П. И. Борисова. 1868 г. Из альбома В. А. Шеншина. РГАЛИ.
С. 319 — Дочь графини М. Н. Толстой Е. В. Толстая. Фотография конца 1860-х гг. Воспроизводится по: Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990, на вклейке.
С. 321 — Телеграмма Фета об улучшении в состоянии М. П. Фет на имя Петра П. Боткина от 22 ноября 1870 г. Отдел письменных источников ГИМ.
С. 323 — С. А. Юрьев. Воспроизводится по: В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891, фронтиспис.
С. 328 — Стихотворение Фета «Бесцельно, бесполезно и напрасно...». Ранняя редакция — «Томительно-призывно и напрасно...» (Заря. 1871. № 3. С. 32).
С. 338 — Князь С. С. Урусов. Фотография конца 1880-х гг. Воспроизводится по: *Толстой И.* Мои воспоминания. М., 1914. С. 50.
С. 341 — Аделина Патти. Фотография ателье «Везенберг и К°». Петербург, 1880 г.
С. 345 — Д. А. Дьяков. Фотография 1870-х гг. Воспроизводится по: *Толстой И.* Мои воспоминания. М., 1914. С. 48.
С. 357 — П. М. Третьяков. Офорт В. В. Матэ с портрета работы И. Н. Крамского. 1900-е гг. Литературный музей ИРЛИ.
С. 359 — Д. П. Боткин. Фотография. 1880-е гг. Литературный музей ИРЛИ.
С. 363 — А. А. Фет. Портрет работы И. Е. Репина (масло). 1882 г. ГТГ.
С. 368 — С. М. Третьяков. Фотография ателье Левицкого. Петербург, 1870-е гг. Литературный музей ИРЛИ.
С. 376 — А. К. Толстой. Гравюра на стали по фотографии 1860-х гг. Литературный музей ИРЛИ.

С. 379 — «Элегии Тибулла в переводе и с объяснениями А. Фета» (М., 1886). Обложка с дарственной надписью Е. А. Третьяковой: «Елене Андреевне / Третьяковой / на память / переводчик».
С. 381 — Телеграмма к 25-летию свадьбы А. А. и М. П. Шеншиных от Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского, П. М. и С. М. Третьяковых. 29 июня 1882 г. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
С. 386 — М. Н. Харузин. Фотогравюра ателье Шерер, Набгольц и К°. Москва, 1880-е гг. Воспроизводится по: Михаил Николаевич Харузин. Ревель, 1888, фронтиспис.
С. 387 — Н. Н. Харузин. Фотография П. Павлова. Москва, после 1891 г. Литературный музей ИРЛИ.
С. 389 — Лопарь в национальном костюме. Фотография. 1887 г.
С. 402 — Письмо М. Н. Харузина к Фету от 24 апреля 1881 г. Первая страница. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
С. 415 — Письмо Фета к М. Н. Харузину от 16 сентября 1881 г. Первая страница. Отдел письменных источников ГИМ.
С. 425 — Письмо А. И. Иоста к М. Н. Харузину от 3 апреля 1882 г. Первая страница. Отдел письменных источников ГИМ.
С. 450 — К. П. Победоносцев. Фотография ателье Левицкого. 1880-е гг. Литературный музей ИРЛИ.
С. 451 — М. Н. Катков. Фотография ателье Левицкого. Литературный музей ИРЛИ.
С. 454 — Е. М. Феоктистов. Фотография ателье Левицкого. 1880-е гг. Литературный музей ИРЛИ.
С. 456 — С. А. Петровский. Фотография, не позднее 1891 г. Воспроизводится по: Альбом портретов русских писателей (Бесплатное приложение к журналу «Звезда»). СПб., 1891. Вып. 1. Л. 40.
С. 463 — Письмо Фета к К. Н. Леонтьеву от 22 июля 1891 г. Первая страница. РГАЛИ.
С. 542 — Б. Я. Бухштаб. Любительская фотография. Ленинград, 1970-е гг. Отдел рукописей РНБ.[1]
С. 549 — Письмо Г. Г. Шаповаловой и Б. Я. Бухштаба к А. П. Рудневу от конца октября 1968 г. Последняя страница. Из личного архива А. П. Руднева.
С. 556 — Почтовая открытка Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу от 28 марта 1986 г. Лицевая и оборотная стороны. Из личного архива А. П. Руднева.
С. 609 — В. А. Кошелев. Фотография А. Ю. Балакина.

[1] Благодарим старшего научного сотрудника Отдела рукописей РНБ Марию Константиновну Свиченскую за возможность воспроизвести фотографию из архива Б. Я. Бухштаба.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГЛМ — Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (ранее Государственный литературный музей, Москва).
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ГРМ — Государственный Русский музей (Санкт-Петербург).
ИВ — журнал «Исторический вестник».
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
Летопись (1985) — Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 129—182.
Летопись (1994) — Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 273—333.
ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2018. Т. 1—111 (Изд. продолжается).
ЛСт1894 — Фет А. Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894.
МВ — Фет А. Мои воспоминания. 1848—1889: В 2 ч. М., 1890.
МВед — газета «Московские ведомости».
НВр — газета «Новое время».
ОГ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871. Т. 29: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / Обработано Н. Штиглицем.
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
Орл губ вед — газета «Орловские губернские ведомости».
Письма Борисова (1—3) — Публ. И. А. Кузьминой: 1) Письма И. П. Борисова и Н. А. Шеншиной (Борисовой) к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. 1: 1850—1861 // *ФетСб(1)*. С. 116—211; 2) Письма И. П. Борисова и Н. А. Борисовой к А. А. Фету и М. П. Фет. Ч. 2: 1862—1865 // *ФетСб(2)*. С. 223—333; 3) Письма И. П. Борисова и П. И. Борисова к Фету и М. П. Фет. Ч. 3: 1866—1868 // *ФетСб(3)*. С. 457—550.
Письма к Борисову — Письма к И. П. Борисову. 1846—1871 / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; вступит. ст. и коммент. Г. Д. Аслановой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 64—155.

Письма к Энгельгардт — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988.

ПСС1892 — Полное собрание стихотворений Фета, подготовленное им в 1892 г. и не вышедшее в свет (сохранились списки рукой В. С. Соловьева и Е. В. Федоровой. См.: К истории создания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(2)*. С. 735—811).

ПССт1901 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. / Под ред. Б. В. Никольского. СПб., 1901.

ПССт1912 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Со вступит. статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского. СПб., 1912 (Приложение к журналу «Нива»).

ПССт1937 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., ред. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937 (Б-ка поэта).

ПССт1959 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959 (Б-ка поэта).

РВ — журнал «Русский вестник».

РГ — *Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РЛ — журнал «Русская литература».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РСл — журнал «Русское слово».

Сб1850 — Стихотворения А. Фета. М.: В типографии Н. Степанова, 1850.

Сб1856 — Стихотворения А. А. Фета. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1863.

Сб1863 — Стихотворения А. А. Фета: В 2 ч. Изд. К. Солдатенкова. М.: В типографии Грачева и комп., 1863.

СиП 1986 — *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986 (Б-ка поэта).

Совр — журнал «Современник».

СПбВед — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Т 1 — Автографы в рукописной тетради (1854—1859). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14166).

Т 2 — Автографы в рукописной тетради (1859—1885). Рукописный отдел ИРЛИ (№ 14167).

Толстой — *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928—1958.

Толстой. Летопись (1828—1890) — *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958.

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой: Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.

Тургенев. Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18 т. М., 1982—2018 (Изд. продолжается).

Тургенев. Соч — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т. М., 1978—1986.

Фет. Соч — — *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. / Сост., вступит. ст., коммент. А. Е. Тархова. М., 1982.

Фет. СПП — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина, А. Е. Тархова. М., 1988.

Фет. ССиП — *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2002—2015. Т. 1—5 (Изд. продолжается).

Фет/Боткин — Переписка с В. П. Боткиным. 1857—1869 / Вступит. ст., публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156—542.

Фет/К. Р. — Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.). 1886—1892 / Вступит. ст. М. И. Трепалиной; публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной и М. И. Трепалиной // Там же. Кн. 2. С. 551—978.

Фет/Полонский — Переписка с Я. П. Полонским. 1846—1892 / Вступит. ст. Т. Г. Динесман; публ. и коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Там же. Кн. 1. С. 555—986.

Фет/Соловьев — Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 359—427.

Фет/Страхов — Переписка с Н. Н. Страховым (1877—1892) / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. П. Генераловой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 233—547.

ФетСб(1—3) — А. А. Фет: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2010. Вып. 1; СПб., 2013, 2018. Вып. 2—3.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

СТАТЬИ

В. А. Кошелев. «Я плачу сладостно...»: Об элегиях Фета 5
В. В. Головин, О. Р. Николаев. Коллизии любовного переживания в «колыбельном ландшафте» 17
Н. С. Алимова. Любовные элегии Проперция в переводе Фета 26
Е. Н. Ашихмина. «Что ни аршин, то Шеншин» (Шеншины вокруг Фета) 52
Н. П. Генералова. Заметки комментатора (Забытые слова в воспоминаниях Фета «Ранние годы моей жизни») 65
А. Г. Гродецкая. Мемуарные аккорды (Из наблюдений над текстом «Ранних годов моей жизни») 89
Е. П. Дерябина. Балтийская кампания Крымской войны в гвардейских воспоминаниях Фета 103
Н. Ю. Грякалова. Фетовский перевод «Фауста» с предисловием и комментариями ко второй части в круге чтения А. А. Блока 117
С. А. Ипатова. Б. А. Садовской о Фете, или Как не состоялась книга «А. А. Фет. Жизнь и творения» (1913) 146

СООБЩЕНИЯ

И. А. Кузьмина. О пребывании в Смольном институте сестер Фета Анны и Надежды Шеншиных 186
Н. П. Генералова. Фет в кругу Боткиных 213
Е. Н. Ашихмина. Фет и веретено 241

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ФЕТА В 20 ТОМАХ

В. И. Симанков. «Едва ли написано Фетом...»: Несколько соображений к вопросу о подлинности трех стихотворений Фета в публикациях К. Льдова 249

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка Фета

Письма И. П. Борисова и П. И. Борисова к Фету и М. П. Фет.
Часть IV: 1869—1871 (*Публикация И. А. Кузьминой*) 258
Приложение. Неизвестное письмо Фета к И. П. Борисову (1870) 350
Переписка Фета и П. М. Третьякова (1869–1892)
(*Публикация С. А. Ипатовой*) 354
Приложение. Телеграммы и приглашение, адресованные
А. А. и М. П. Шеншиным (1882—1890) 380
Переписка Фета и М. Н. Харузина (1881—1883)
(*Публикация С. А. Ипатовой*) 384
Приложение. Письмо М. Н. Харузина к М. П. Шеншиной (1882) 447
Фет в «Московских ведомостях» после Каткова:
Письма С. А. Петровского к Фету (1887–1892)
(*Публикация С. А. Ипатовой*) 449
Приложение. Статьи Фета в «Московских ведомостях» после
М. Н. Каткова (1887—1891) 473

Рабочие тетради Фета

Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859). Часть II
(*Публикация В. А. Лукиной*)
К вопросу о расшифровке помет поэта в первой рабочей тетради
(Фет и «Современник») 478
Полистное содержание 486
Научное описание 490

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЕТОВЕДЕНИЯ

«Снова в Ленинграде, приезжайте снова...» (Письма Б. Я. Бухштаба
и Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу) (*Публикация А. П. Руднева*) 541

ФЕТОВСКИЕ ДНИ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Л. В. Герашко, В. А. Лукина. «Из времени — в вечность». Поэт
и его тайна: Экскурсия по выставке к юбилею А. А. Фета
в Пушкинском Доме 559
Л. В. Герашко. «Я был опять в саду твоем»: Музыкально-поэтический
цикл А. Н. Захарова для баритона, чтеца, скрипки и фортепиано..... 570

PRO MEMORIA

Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Памяти Вячеслава Анатольевича
Кошелева (1950—2020)..... 608

Указатель произведений и переводов Фета 615
Указатель стихотворений и переводов Фета, содержащихся в первой рабочей тетради 628
Указатель имен 630
Список иллюстраций 659
Условные сокращения 665

Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
25 ноября 2020 г., протокол № 9

Научное издание

А. А. ФЕТ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 4

Ответственные редакторы
Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Корректор *К. С. Курбатова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Лали Модебадзе*

Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Петербург. Печ. л. 42,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 31150

ООО «Издательство „Росток“»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: http://www.rostokbooks.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред
их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 14 лет»